This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

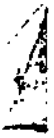
PSlav 176.25

Harvard College Library

FROM THE

PRICE GREENLEAF FUND

Residuary legacy of $711,563 from E. Price Greenleaf, of Boston, nearly one half of the income from which is applied to the expenses of the College Library.



ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LXXII. — ТОМЪ CDXVII. — 1/14 ЯНВАРЯ 1907.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ ТРЕТІЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1907

1716.05.5
~~Slav 30.2~~
PSlav 176.25

3688

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ

И ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА I.

ЯНВАРЬ, 1907.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1907.

Стр.

I.—КОНСТАНТИНЪ ЛАДОВИЧЪ ГРОТЪ.—**А. О. Кони.** 5

II.—МЕЖДУ СВѢТОМЪ И ТЬМОЙ. Романъ изъ дѣтскихъ застѣнковъ.—Часть первая.—**Вилеръ. Свѣтловъ** 14

III.—ЭСТЕТИКА В.Л. СОЛОВЬЕВА.—**Э. Радловъ.** 84

IV.—ДВѢ СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Въ туманѣ.—II. Вѣтромъ вѣетъ.—**О. Чюминой.** 118

V.—ЗЛОЙ ГОЛУБЬ.—Разсказъ.—**С. Каранкевичъ-Юшкевичъ** 120

VI.—ДОВОЛЬНО!..—Стих. **А. М. Жемчужникова** 160

VII.—МАЙСКІЕ РОЗЫ. ОЧЕРКЪ. Личныя положенія и идеалы.—I-VI.—**Алекс. Ветлугинъ** 171

VIII.—ВРАГЪ НАРОДА.—Романъ.—Генрикъ Ибсенъ. Les Ennemis.—I-V.—Съ драм. **О. Ч.** 194

IX.—„ДНЕВНИКЪ" ГРАФА П. А. ВАЛУЕВА.—1850-ый годъ.—Январь—апрѣль. 233

X.—ОТЪ ЛЕТЪ ПАРЛАМЕНТА.—Романъ.—Catherine Cecil Thurston. John Chalkhill. I-VII. Съ англ. **Л. В.** 261

XI.—ХРОНИКА. Наказаніе новой Думы.—Отвѣтъ.—**Л. З. Слонимскаго.** 324

XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Положеніе дѣлъ на рубежѣ новаго года.—Историческія параллели.—Вопросъ о чрезвычайной охранѣ.—„Легализація" партій и ея результаты.—Допущено ли отклоненіе „отъ закона" хотя бы самыхъ крайнихъ лѣвыхъ партій?—Новая инструкція о выборахъ.—Поводъ совѣтскаго „разъясненія".—Выборы и духовенство. 340

XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. „Очерки и разсказы" М. П. Чехова.—II. „Повѣсти и разсказы" В. Авсѣенскаго.—**А. К.**—III. Агафоновъ, В. К., Наука и жизнь.—IV. Богдановскій, И., Добродѣтель.—V. Ловкій, Мих., Политическіе процессы.—**Евг. Л.**—VI. П. И. Щукинъ, Изъ воспоминаній о переворотѣ фабричнаго инспектора дѣтскаго труда.—VII. А. Окоморовъ, Аграрный вопросъ и Государственная Дума.—**В. В.** Новыя книги и брошюры. 361

XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Международное положеніе въ Европѣ за истекшій годъ.—Марокканская конференція и ея результаты.—Колоніальные вопросы въ германскомъ парламентѣ.—Роспускъ имперскаго сейма и внутренняя политика.—Политическія дѣла во Франціи, въ Англіи и Австро-Венгріи.—Русско-японскіе переговоры. 399

XV.—ПОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Hugo von Hofmannsthal. Kleine Dramen.—II. Jules Lemaître. Les grands convertis.—**Л. В.** 415

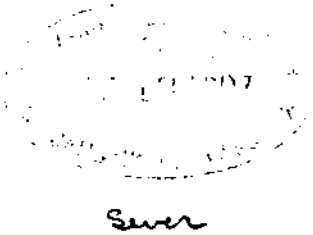
XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Къ мѣсячнымъ выборамъ.—„Октябристы" и „кадеты".—Чрезвычайная охрана.—Отношеніе „деревни" къ оказываемымъ ей благодѣяніямъ.—Еврейскій вопросъ и „патріотизмъ" реакціонной печати.—Петербургскіе юридическіе общества. 429

XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ „Попечительства Трудящейся молодежи".—II. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.—III. Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. университета св. Владиміра. 445

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Поэтическія Пушкина, изд. Академіи Наукъ, подъ редакціей В. Саитова, т. I.—Пушкинъ и его современники, вып. IV.—Церковь и государство въ Россіи, С. Мольтуповъ.—Князь Серебряный, ист. гр. А. К. Толстого, 40-ое изданіе. 455

XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I–VIII.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1907 г.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)



КОНСТАНТИНЪ КАРЛОВИЧЪ

ГРОТЪ

Посвящается его памяти *).

Людское правосудіе выражается въ воздаяніи каждому должнаго по дѣламъ его,—Божеское—въ требованіи у каждаго отчета въ томъ, что̀ ему было дано Создателемъ. Эта мысль Руссо, высказанная имъ въ „Савойскомъ викаріи“, глубоко вѣрна. Дѣйствительно, цѣнить кого-либо какъ дѣятеля справедливо лишь по тому, что̀ онъ сдѣлалъ. Но судить внутренняго человѣка съ его духовными задатками и побужденіями слѣдуетъ уже не по тому, что̀ онъ сдѣлалъ, а потому, что̀ онъ *могъ и долженъ* былъ сдѣлать. Однако справедливость послѣдняго суда не свойственна одностороннему и узкому кругозору людскому. Отъ взора людей часто бываетъ скрыто то, въ какой мѣрѣ дѣятель былъ „рабомъ лѣнивымъ и лукавымъ“, насколько и какой „талантъ“ зарывалъ онъ въ землю и въ чемъ состояла та невозможность, у предѣловъ которой смолкаетъ чувство долга.

Сегодня мы присутствовали при актѣ человѣческаго правосудія по отношенію къ почтенному, выдающемуся общественному дѣятелю. Это правосудіе, при жизни человѣка, рѣдко признаетъ его заслуги и почти никогда за нихъ не вознаграждаетъ. Но по смерти—иногда чрезъ много лѣтъ—оно видитъ, что то, что̀ ему [illegible]ъ обыденнымъ дѣломъ злободневной жизни, было подви-

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи попечительства о слѣпыхъ [illegible]домства императрицы Маріи Александровны, въ день открытія памятника [illegible]оту.

гомъ или труднымъ посѣвомъ добра. Тогда оно признаетъ былыя заслуги и какъ умѣетъ—часто безплодно и запоздало—за нихъ вознаграждаетъ. Если кругъ дѣятельности покойнаго былъ небольшой и спеціальный, тѣсный,—группа оставшихся друзей и послѣдователей проникается любовью къ своему усопшему вождю и учителю и — „на забытую могилу бросаетъ поздніе цвѣты". Но если область дѣятельности была обширная и отзвуки ея все растутъ и расширяются, то благодарныя воспоминанія находятъ себѣ осуществленіе въ металлѣ и камнѣ, и возникаетъ памятникъ.

Такое именно правосудіе воздано сегодня общественной дѣятельности Константина Карловича Грота. Русскіе люди должны быть ему благодарны, ибо онъ былъ борцомъ съ общественной и личной слѣпотой и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи многое.

Общественная слѣпота—это то состояніе, при которомъ общество мирится съ условіями существованія, устраняющими свѣтъ, освѣщающій и вызывающій къ жизни лучшее, что̀ есть въ человѣкѣ, какъ въ свободномъ и духовно-нравственномъ существѣ. Это *лучшее* выражается въ нравственномъ достоинствѣ человѣка и въ способности его къ духовному совершенствованію. Оно можетъ быть подавлено искусственною *тьмою* безправія и невѣжества, когда общественное устройство не даетъ свободно развиваться лучшимъ сторонамъ духовной природы народа, заглушая въ немъ и правосознаніе, и сознаніе собственнаго достоинства. При этомъ, просвѣщеніе народа не льетъ своихъ лучей широкою волной, а лишь скупо пробивается кое-гдѣ чрезъ случайныя щели, но за то своекорыстіе строитъ свое благополучіе на человѣческой слабости и проявленіяхъ животной природы.

Въ такой общественной слѣпотѣ была Россія въ тѣ годы, когда молодой Гротъ — внукъ протестантскаго пастора, переселившагося въ Россію,—вступилъ въ дѣятельную жизнь. На первыхъ же шагахъ ему пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что̀ И. С. Аксаковъ остроумно называлъ *фасадностью* общественнаго устройства своей родины, скрывавшею за видимою стройностью архитектурныхъ линій „мерзость запустѣнія".

Еще въ 1844 году, при ревизіи приказовъ общественнаго призрѣнія и богоугодныхъ заведеній, встрѣчаясь съ реальными Гоголевскими типами и превосходящими самую смѣлую фантазію злоупотребленіями, Гротъ вынесъ убѣжденіе, что мѣстные органы управленія дѣлаютъ *не то, что слѣдуетъ*, а оффиціальная благотворительность ровно *ничего не дѣлаетъ*. Имѣя счастіе быть сотрудникомъ незабвеннаго Н. А. Милютина, онъ получилъ воз-

можность заглянуть въ закулисную сторону дѣятельности мѣщанскихъ и ремесленныхъ управъ и участвовалъ въ реформѣ ихъ устройства. Но судьба влекла его на болѣе обширную арену лично-отвѣтственной борьбы, какъ бы говоря ему словами поэта: „иныя ждутъ тебя страданья, — другихъ восторговъ глубина". Она поставила его лицомъ къ лицу — въ качествѣ самарскаго губернатора, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ,—съ наиболѣе рѣзкими проявленіями общественной слѣпоты.

Тогдашняя Россія въ своей внутренней жизни стояла на трехъ главныхъ устояхъ: на крѣпостномъ правѣ, откупѣ и рекрутствѣ. Среди нихъ ютился судъ, полный „неправды черной", по выраженію Хомякова, и, какъ рѣдкіе островки въ морѣ тьмы, свѣтились университеты. Съ первыми двумя изъ этихъ устоевъ вступилъ въ борьбу Гротъ, не смущаясь ни враждой, ни клеветою, и вѣрный высказанному имъ однажды правилу: „была бы вѣрность возвышенной цѣли, а остальное сдѣлаютъ время и стойкость".

Крѣпостное право, оставившее такой глубокій и трудно искоренимый слѣдъ на всемъ нравственномъ складѣ русскаго общества,—слѣдъ не изглаженный и до сихъ поръ,—встрѣтило молодого самарскаго губернатора во всеоружіи своего владычества „душою". Это владычество, со своимъ правомъ ссылки, тѣлеснаго наказанія и другихъ безконтрольныхъ каръ, тлетворно разрушало душу „души", разрывая ея естественныя связи и оскорбляя чувство привязанности къ избранницѣ сердца, къ родителямъ, къ родному мѣсту. Оно было тою организованною несправедливостью, къ которой такъ примѣнимы слова Тьера: „l'injustice n'est pas stérile: elle a aussi des enfants et ils sont dignes de leur mère". Противъ отдѣльныхъ и рѣзкихъ проявленій этой несправедливости сталъ бороться Гротъ, со всей доступной ему властью, путемъ разслѣдованій жестокаго обращенія и возбужденіемъ вопросовъ о наложеніи опекъ. А когда, въ 1858 году, издалека раздался — вначалѣ слабый и многимъ ненавистный — благовѣстъ освобожденія крестьянъ, Гротъ отозвался на него съ прямодушнымъ восторгомъ. Его рѣчь въ собраніи дворянъ, наэлектризовавшая многихъ,—его дѣятельность по учрежденію губернскаго комитета,—приглашеніе имъ въ члены отъ правительства Юрія Самарина и энергичная поддержка послѣдняго въ трудныя минуты борьбы — составляютъ несомнѣнныя заслуги Грота. Вокругъ него—одинокаго въ своей личной жизни—шипѣла клевета и жадно читались злобные на него памфлеты. Ему дважды грозилъ вызовъ на поединокъ со стороны видныхъ душевладѣль-

цевъ. Его другъ и соратникъ—Юрій Самаринъ—чистѣйшій и благороднѣйшій слуга родины, долженъ былъ ходить съ револьверомъ, изъ опасенія дикой съ собой расправы. Но Гротъ не уступалъ ни пяди изъ занятого имъ положенія, и лишь въ особенно тяжелыя минуты, старый царскосельскій лицеистъ шелъ къ своему вице-губернатору Аксакову и говорилъ ему: „а не почитать ли намъ Пушкина"?

Вызванный въ Петербургъ „честнымъ кузнецомъ-гражданиномъ", Гротъ много потрудился въ коммиссіи по устройству крестьянскихъ учрежденій, создавшей мировыхъ посредниковъ и намѣтившей, по мысли Милютина, начало земскаго самоуправленія. Вотъ почему онъ по праву и со справедливой гордостью носилъ золотую медаль „за освобожденіе крестьянъ" и многіе годы былъ участникомъ и распорядителемъ обѣдовъ въ память 19-го февраля, за которыми сходились растроганные старики, приложившіе руку къ святому дѣлу осуществленія лучшихъ идеаловъ ихъ молодости.

Откупъ и крѣпостное право были *par nobile fratrum*. Въ правилахъ объ откупной продажѣ вина было предусмотрѣно и опредѣлено многое, но забыто одно: хищность и алчность человѣческаго стремленія къ наживѣ. Благодаря этому явилась громадность доходовъ откупщиковъ, доходившая до 45 милліоновъ рублей съ однѣхъ великороссійскихъ губерній въ три послѣдніе года существованія откупа и вообще до 73% на всю сумму, поступавшую въ казну. Чрезмѣрная доходность откупа достигалась во многихъ случаяхъ развращеніемъ чиновниковъ путемъ опредѣленной дани всѣмъ отъ мала до велика,—обирательствомъ народа путемъ разбавленія вина водою и приправленія его дурманомъ, и, наконецъ, всякими насиліями подъ флагомъ борьбы съ корчемствомъ. Ко всему этому мѣстныя власти, при помощи дружескаго союза между услужливымъ закономъ и податливымъ судомъ, относились съ благосклоннымъ попустительствомъ и ласковымъ опасеніемъ, что откупщикъ можетъ „не устоять". На этой почвѣ выросталъ и пускалъ корни мѣстный провинціальный питейный меценатъ и покровитель искусствъ, низкопоклонный предъ властями въ Петербургѣ, надменный въ губернскомъ городѣ съ низшими, вкрадчивый съ равными, финансовый другъ отечества, безнаказанный фальсификаторъ народной отравы и легализированный насильникъ въ защиту своихъ правъ на это.

Съ этой многоголовой гидрой покровителей откупа и съ обладателемъ новаго ящика Пандоры, въ лицѣ откупщика, вступилъ въ борьбу Гротъ. Обновленіе личнаго состава чиновниковъ, за-

прещеніе откупной дани въ какой бы то ни было формѣ, настойчивое требованіе выставки цѣнъ, утвержденныхъ Сенатомъ, дали почувствовать откупу непреклонность и энергію новаго врага. Полетѣли жалобы, и предъ Гротомъ не разъ вставалъ призракъ отвѣтственности за превышеніе власти. Такъ, желая хоть отчасти возмѣстить своимъ чиновникамъ отсутствіе откупной дани прибавкой къ скудному жалованью, *миролюбивый* Гротъ сталъ дѣйствовать *порохомъ*, т.-е. самовольно увеличилъ продажную цѣну казеннаго пороха. Въ Петербургѣ на него хмурились, отмѣняли его распоряженія, но онъ не унывалъ, и, наконецъ, вмѣстѣ съ Заблоцкимъ-Десятовскимъ—человѣкомъ, который, по выраженію Кавелина, „открывалъ дверь въ будущую Россію“,—положилъ основаніе уничтоженію откупа и новой акцизной системѣ. На обычное у насъ опасеніе министра финансовъ Княжевича, что не найдется людей для добросовѣстнаго выполненія акцизнаго надзора, Гротъ утверждалъ, что люди есть,—надо только умѣть ихъ найти. Назначенный директоромъ департамента разныхъ податей и сборовъ, онъ осуществилъ эту увѣренность, и на кличъ его собрались честные и умѣлые дѣятели, образовавшіе безупречное вѣдомство, съ которымъ Гротъ остался навсегда въ тѣсной дружбѣ и нравственномъ единеніи. Стойко пережилъ онъ и послѣднюю борьбу предъ обнародованіемъ отмѣны откуповъ. Тогда въ него, послѣ неудачныхъ попытокъ подкупа, клевета стала бросать уже не камнями, а „цѣлой мостовой“, заподозривая политическую благонадежность его помощниковъ и взывая къ генералъ-адъютантской ревизіи. Въ это же время, въ предсмертныхъ судорогахъ, откупъ, въ заманчивыхъ проектахъ постройки на свой счетъ желѣзныхъ дорогъ, предлагалъ „придать торговлѣ винокъ увлекательное направленіе въ разсужденіи цивилизаціи“...

Принявъ затѣмъ участіе въ выработкѣ земскаго и городового положенія въ ихъ первоначальной и широкой постановкѣ, Гротъ внесъ голосъ своего житейскаго и служебнаго опыта во всѣ серьезные вопросы, бывшіе предметомъ разсмотрѣнія Государственнаго Совѣта, котораго онъ сдѣлался членомъ.

Когда наступаетъ старость и то, что Пушкинъ назвалъ „охлажденьемъ лѣтъ“, очень многіе люди замыкаются въ узколичную жизнь, полную мелочного тщеславія и эгоистическихъ вожделѣній. Чѣмъ ближе конецъ земного, тѣмъ больше земное, преходящее и находящееся подъ ногами, приковываетъ къ себѣ ихъ взоръ. Но не таковъ былъ Константинъ Карловичъ: онъ умѣлъ подымать голову въ сферы, невѣдомыя ногамъ, и рабо-

тать съ энергіей, которая знаетъ, чего она хочетъ, въ противоположность упрямству, которое знаетъ, чего не хотятъ другіе. Дѣятельная любовь къ родинѣ и ближнимъ постоянно открывала ему новыя области приложенія своихъ силъ и упорнаго труда. Такъ встрѣтилъ онъ на своемъ пути *новый видъ слѣпоты*.

Бентамъ назвалъ преступника плохимъ счетчикомъ. Еще правильнѣе было бы назвать его слѣпцомъ по своей или чужой винѣ. Не въ одномъ воздаяніи смыслъ наказанія. На немъ давно уже написано слово „исправленіе", и тамъ, гдѣ исправленіе организовано разумно и съ пониманіемъ индивидуальныхъ свойствъ человѣческой природы, тамъ оно способно вызвать прозрѣніе. Наши старыя мѣста заключенія были совершенно чужды этой задачѣ, и великодушныя усилія отдѣльныхъ человѣколюбцевъ—въ родѣ „святого доктора" Гааза—только подчеркивали и оттѣняли черствость и бездушіе общаго устройства. Тюрьма въ грубыхъ и неопытныхъ рукахъ, подъ бездушнымъ бюрократическимъ надзоромъ, была во многихъ отношеніяхъ безчеловѣчна, лишь усугубляя нравственную слѣпоту заключенныхъ. Необходима была реформа не только въ учрежденіяхъ, но и въ людяхъ, и этому дѣлу отдался Гротъ въ своихъ работахъ по тюремному преобразованію, въ своихъ участіяхъ въ тюремныхъ конгрессахъ и въ своемъ завѣдываніи главнымъ тюремнымъ управленіемъ, во главѣ котораго онъ стоялъ, пока ложное положеніе министра безъ самостоятельнаго бюджета не показало ему безпочвенности его усилій.

И какъ главноуправляющій IV-мъ отдѣленіемъ государевой канцеляріи, онъ удѣлилъ немало мѣста заботамъ о несчастныхъ, столь близко подходящимъ къ слѣпцамъ—заботамъ о пораженныхъ *звуковою слѣпотою*, т.-е. о глухонѣмыхъ. Онъ стремился ввести обученіе этихъ пасынковъ природы по звуковому методу, расширилъ существующее для нихъ учрежденіе и помогъ приволжскимъ колонистамъ основать у себя училище и пріютъ для глухонѣмыхъ.

Нужно ли говорить о дѣлѣ послѣднихъ лѣтъ его жизни, связывающемъ его имя навсегда съ попечительствомъ о слѣпыхъ, т.-е. о его борьбѣ со *слѣпотой* въ прямомъ смыслѣ слова. Подробный отчетъ за первое двадцати-пятилѣтіе существованія этого учрежденія указываетъ, въ яркихъ цифрахъ и данныхъ, все, что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Гротъ. Достаточно сказать, что уже десять лѣтъ назадъ въ Россійской имперіи было 190.000 слѣпыхъ, что составляетъ около двухъ человѣкъ на тысячу, тогда какъ въ западной Европѣ ихъ вдвое меньше; что по отчетамъ медицинскаго департамента за 1891 годъ

изъ 85.000 человѣкъ, обращавшихся за медицинской помощью по глазнымъ болѣзнямъ амбулаторно, 40.000 находились въ рабочемъ возрастѣ; что 17% изъ неспособныхъ къ военной службѣ, изъ общаго числа всѣхъ къ ней призываемыхъ, приходилось больныхъ глазами—и что на 1.200.000 больныхъ, перебывавшихъ за годъ въ больницахъ гражданскаго вѣдомства, 50.000 были страдающіе глазными болѣзнями. Для помощи этимъ страдальцамъ существовало два-три маленькихъ учрежденія чисто-казеннаго характера...

Ставъ во главѣ попечительства о слѣпыхъ,—исторія возникновенія котораго очень поучительна,— Гротъ былъ старъ и пораженъ душевнымъ горемъ. Уже въ преклонные годы его жизнь украсила собою любимая и заботливая супруга. Онъ могъ, подобно своему великому лицейскому товарищу, сказать, что „на его закатъ печальный любовь блеснула улыбкою прощальной". Этотъ отблескъ счастья продолжался недолго, но когда послѣднее померкло, Гротъ не отдался всецѣло личной скорби, не опустилъ рукъ „въ нѣмомъ бездѣйствіи печали". Онъ не забылъ, что къ *тому берегу*, уже по времени недалекому, еще приходится плыть по морю человѣческихъ страданій и немощей. Онъ понялъ, что несчастнымъ слѣпцамъ нужна не простая единичная помощь, а *попеченіе*. Для того же, чтобы послѣднее было успѣшнымъ, нужно *объединеніе* помощи и помогающихъ. Для этого слѣпыхъ надо обучать, создавая училища широкою рукою и готовя для нихъ кадры преподавателей и запасы цѣлесообразныхъ учебныхъ пособій; нужно устраивать мастерскія для взрослыхъ и организовать сбытъ ихъ издѣлій; нужно призрѣвать немощныхъ и старыхъ и посылать летучіе окулистическіе отряды всюду, гдѣ въ нихъ есть нужда. Этому посвятилъ онъ всѣ свои силы, и къ концу его дѣятельности по попечительству, на мѣстѣ небольшого и бѣднаго убѣжища, выросло учрежденіе, имѣющее 3 милліона капитала, на 900.000 рублей недвижимой собственности, 21 училище, ремесленныя убѣжища для трудящихся, мастерскія для взрослыхъ слѣпыхъ на 60 человѣкъ, основанныя на личныя средства Грота, 2 убѣжища для престарѣлыхъ слѣпцовъ и 3 глазныхъ лечебницы. Такъ, среди моря человѣческаго несчастія, осуществлялось трудами Грота и его сотрудниковъ, требованіе умирающаго Гёте: „Licht! mehr Licht!"—и маленькій островокъ сердечнаго участія къ слѣпымъ воинамъ разросся въ прочный и богатый материкъ человѣколюбиваго попеченія о слѣпыхъ вообще. И все это сдѣлалось безъ самохвальныхъ рекламъ, безъ обычныхъ сует-

ныхъ базаровъ и сомнительныхъ лотерей. Эти проявленія акробатической филантропіи были замѣнены по указаніямъ О. К. Адеркаса и по мысли С. А. Эллисъ заботливымъ изысканіемъ средствъ для добраго дѣла среди лежавшихъ мертво капиталовъ и привлеченіемъ народной лепты, даваемой въ молитвенномъ настроеніи въ недѣлю о слѣпомъ.

— ——

Таковы заслуги Грота, какъ общественнаго дѣятеля, дающія ему право на то, чтобы, по свободному почину, былъ увѣковѣченъ въ бронзѣ его серьезный и вдумчивый ликъ.

Случается, однако, что и людское правосудіе оказывается *слѣпымъ*. Между нимъ и отдаленнымъ потомствомъ стоитъ время, про которое итальянцы говорятъ, что оно—„порядочный человѣкъ". Порядочность предполагаетъ правдивость; эта правдивость заставляетъ иногда всплывать воспоминанія о такихъ чертахъ и поступкахъ, которые вынуждаютъ потомство въ недоумѣніи останавливаться передъ инымъ памятникомъ и мысленно низводить изображеннаго съ пьедестала. Въ этомъ уже слышится голосъ того правосудія, которое, по народной поговоркѣ, „правду видитъ, да не скоро скажетъ". Тутъ наступаетъ—вмѣсто суда надъ итогомъ общественной дѣятельности человѣка—судъ надъ всей его личностью, съ вопросомъ, все ли сдѣлалъ онъ, что онъ не только могъ, но и долженъ былъ сдѣлать.

Этотъ судъ память о Гротѣ выдерживаетъ спокойно. Вѣковая китайская мудрость устами Конфуція вѣщаетъ, что уваженіе къ человѣку должно измѣряться тою степенью любви къ людямъ, на которую онъ способенъ. Всѣ, кто зналъ Грота, кто имѣлъ счастливый случай встрѣтить его на своемъ жизненномъ пути, знаютъ, какъ велика въ немъ была *дѣятельная любовь* къ людямъ, не показная и шумная, а та, при которой, по прекрасному выраженію Анатоля Франса, „le cœur fleurit en dedans". Для близорукихъ людей его сдержанность, размѣренная рѣчь и спокойная манера себя держать были основаніемъ для поспѣшныхъ заключеній о его черствости и холодности. Но истинному и глубокому чувству не слѣдуетъ размѣниваться на мелкую монету. Оно должно теплиться, какъ *неугасимая* лампада, предъ образомъ правды и добра, а не кратковременно блистать на базарѣ житейской суеты, какъ шкалики въ праздничный день. Девизъ истинной сердечной доброты, сосредоточенной на дѣлѣ, а не на словахъ:—„Non multa, sed multum". Это чувствовали слѣпыя дѣти и духовнымъ взоромъ прозрѣвали то, чего не усматри-

валъ поверхностный взоръ случайныхъ наблюдателей. Когда къ нимъ пріѣзжалъ глава попечительства, они съ радостью окружали „дѣдушку Грота“ и *видѣли* незрячими очами, *что* живетъ въ его отверстомъ для нихъ сердцѣ. Поэтому открытый сегодня памятникъ проченъ. Онъ будетъ служить нѣмымъ и непререкаемымъ свидѣтелемъ, что покуда существуютъ въ человѣчествѣ скорбь и несчастіе, Богъ избираетъ и посылаетъ благородныхъ и стойкихъ борцовъ съ ними.

Въ день своей смерти Гротъ сказалъ, въ минуту краткаго просвѣтлѣнія сознанія: „*сегодня торжественный день*“. Онъ былъ правъ. Для людей его закала смерть не есть уничтоженіе—это лишь день наступленія отчета, передъ Пославшимъ въ міръ, въ томъ, что̀ сдѣлано для міра. Чѣмъ чище и богаче этотъ отчетъ, тѣмъ торжественнѣе и этотъ день.

Сходя въ могилу, Гротъ завѣщалъ созданнымъ имъ учрежденіямъ продолженіе своего дѣла. Вглядываясь въ дѣятельность попечительства послѣ его смерти, мы видимъ, что оно продолжаетъ служить его завѣтамъ. Сегодня и у попечительства торжественный день. Пускай же вокругъ этого памятника все шире и глубже развивается дѣятельность послѣдняго и пусть съ благодарнымъ чувствомъ приходятъ къ нему спасенные отъ слѣпоты или отъ связанныхъ съ нею нищеты и безпомощности. Пусть живетъ среди нихъ свѣтлое воспоминаніе о томъ, кто, покидая свою многотрудную и многополезную жизнь, могъ сказать словами евангельскаго слѣпца: „Я видѣлъ Христа, и Онъ говорилъ со мною“.

А. Ѳ. Кони.

МЕЖДУ СВѢТОМЪ И ТЬМОЙ

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Небольшой, густо заросшій и запущенный паркъ, прилегавшій къ старому усадебному дому, сильно намокъ отъ дождя за ночь; вѣтви деревьевъ безсильно опустились подъ тяжестью влаги; на дорожкахъ, поросшихъ сорной травой, образовались лужи.

На перекресткѣ двухъ аллей стояла статуя какой-то миѳологической богини. Она была когда-то бѣлая, изъ мрамора, а теперь сдѣлалась неопредѣленнаго сѣро-зеленаго цвѣта, покрытая мѣстами ржавчиной и плѣсенью, кое-гдѣ, въ трещинахъ, поросшая мхомъ. Желтые листья всѣхъ оттѣнковъ осенняго золота—отъ блѣдно-лимоннаго до мѣдно-краснаго—падали на плечи богини и прилипали къ нимъ...

Истоминъ шелъ по главной аллеѣ парка, въ лѣтнемъ пальто.

Онъ вздрагивалъ отъ холода и плотно засовывалъ руки въ карманы, нахлобучивъ мятую фѣтровую шляпу на самые глаза.

Онъ шелъ, уныло глядя передъ собою, не замѣчая, когда попадалъ калошами въ стоячія лужицы, изъ которыхъ брызги летѣли во всѣ стороны.

Онъ не замѣчалъ ни этихъ набухшихъ отъ осенней влаги деревьевъ, ни порывовъ вѣтра, ни яснаго, холоднаго неба, потому что у него самого на душѣ была осенняя хмурь.

И только почему-то видъ когда-то бѣлой мраморной статуи, покрытой по плечамъ желтыми листьями, произвелъ на него впе-

чатлѣніе, и онъ остановился передъ ней въ оторопѣломъ недоумѣніи.

Истоминъ долго и сосредоточенно смотрѣлъ на нее.

Бѣдная богиня! Бѣдный божественный мраморъ! Когда-то неизвѣстный художникъ далекой страны старался воплотить въ тебѣ эллинскій духъ пластической красоты.

Гдѣ теперь творецъ и что сталось съ его твореніемъ? Думалъ ли онъ, что его богинѣ придется разрушаться медленной смертью въ глуши запущеннаго парка, въ чужой странѣ, гдѣ небо хмуро такъ же, какъ и люди, живущіе подъ нимъ?

И вдругъ какая-то неизъяснимая тоска, тяжелое уныніе охватило душу Истомина.

Ему захотѣлось плакать.

Такъ, вотъ, поплакать безъ причины, какъ плачутъ иногда маленькія дѣти: поплакать о себѣ, о томъ, что прошло лѣто, что прошла жизнь, что впереди—вотъ такая же глухая осень съ ея тяжелыми слезами, съ грустнымъ листопадомъ, когда свѣтлыя мечты, пожелтѣвшія и потускнѣвшія отъ прикосновенія времени, падаютъ одна за другой, какъ эти листья, падаютъ съ высоты на низины, чтобы образовать благодатный перегной для будущей зеленой жизни.

А вдали, на пройденномъ пути этой жизни, словно рѣдкіе этапные столбы, стоятъ вотъ такія статуи, которыя когда-то казались божествами, вотъ какъ эта жалкая статуя съ отбитымъ носомъ и пальцами, съ задѣланной въ желѣзный обручъ ногой.

Должно быть, мѣстный кузнецъ, по приказанію помѣщицы, скрѣпилъ желѣзнымъ кольцомъ треснувшую у икры ногу богини...

II.

— Здравствуйте, Сергѣй Ивановичъ! — крикнулъ Истомину господинъ, выходившій изъ противоположной аллеи.

Сергѣй Ивановичъ вздрогнулъ отъ неожиданности. У него была эта привычка испуганнаго жизнью человѣка. Кто бы его ни окликнулъ, съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился, онъ всегда внутренно вздрагивалъ и ощущалъ какое-то неудобное, странное чувство.

Онъ боялся людей.

— Здравствуйте, Петръ Петровичъ! — отвѣтилъ онъ и протянулъ руку.

Петръ Петровичъ крѣпко потрясъ протянутую ему руку.

— Вотъ, говорятъ, петербургскіе встаютъ поздно, долго спятъ. А выходитъ—клевета! Что? вышли подышать сыростью? Любуетесь на это античное произведеніе искусства? Мечтаете? Вы ужъ, кажется, на отлетѣ? Скоро покидаете маменьку?

Истоминъ не зналъ, на какой изъ вопросовъ ему отвѣтить. Онъ терялся отъ этой неметодичной манеры Петра Петровича закидывать собесѣдника сразу нѣсколькими вопросами.

— Да...— протянулъ онъ нехотя и нерѣшительно, отвѣчая на послѣдній вопросъ,—собираюсь.—Потомъ помолчалъ немного и прибавилъ:—Пора!

— Осень у насъ нехорошая; я думаю, не лучше петербургской,—продолжалъ словоохотливый Петръ Петровичъ.—А что, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь я никогда не былъ въ Петербургѣ—я кончилъ медицинскій факультетъ въ Харьковѣ,—вскользь прибавилъ онъ.—Слѣдовало бы поѣхать, а? Просто такъ, посмотрѣть на это чудище? И дѣла теперь тамъ необыкновенныя творятся, время интересное, а? Вы когда ѣдете?

— Въ концѣ недѣли, думаю...—нерѣшительнымъ тономъ отвѣтилъ Истоминъ.

— Въ концѣ недѣли?.. Можно съ вами пройтись? Елена Васильевна еще не встала, безъ нея не дадутъ намъ чаю. Порядки, сами знаете—правленіе въ ея домѣ монархическое, неограниченное...

— Пройдемся.

— Сергѣй Ивановичъ! Вы въ настроеніи мечтательномъ. Ежели поинтервьюировать—не обидитесь? Чему приписать эту мечтательность? Влюбленности или—„taedium vitae“? Простите провинціальное любопытство. Оно отчасти и профессіональное, ибо вы—паціентъ, а я—врачъ.

— Ахъ, что вамъ сказать, Петръ Петровичъ?!—отвѣтилъ Истоминъ, шагая рядомъ съ врачомъ по лужамъ парковыхъ аллей.—Я здѣсь прожилъ мѣсяцъ,—этого довольно, чтобы впасть въ удрученное состояніе духа. Всѣ кругомъ устали, и я усталъ. Отчего люди такъ устаютъ въ Россіи?

Петръ Петровичъ ловко перепрыгнулъ черезъ большую лужу, крѣпко сталъ на свои короткія ноги, засунулъ лацкана своего толстаго осенняго, сильно порыжѣвшаго пальто одинъ за другой, нахлобучилъ плюшевую шапку на самыя брови, крякнулъ и сказалъ:

— Я думаю такъ, дорогой мой, что отъ неупотребленія.

— Какъ отъ неупотребленія?

— Да такъ. Отъ неупотребленія своихъ физическихъ и нрав-

ственныхъ силъ. Ежели человѣкъ долго лежитъ на кушеткѣ, ну, скажемъ, шесть мѣсяцевъ, то онъ отучается ходить. Ежели человѣкъ заточенъ въ одиночное заключеніе и лишенъ возможности говорить, — онъ теряетъ способность управлять рѣчью и голосомъ. Оттого... Вотъ чудная аллея — ровно туннель. Пройдемся?

— Пройдемся.

— Я не усталъ,—продолжалъ онъ, оглядывая сбоку Истоминна.—Я не усталъ. А я старше васъ. На немного, положимъ, но старше. Вамъ сколько?

— Сорокъ-шестой.

— Вотъ видите. А мнѣ, ежели по вашему примѣру употреблять порядковую форму — девятый. Сорокъ-девятый-съ. Да! А я не усталъ. Вотъ вы устали. Уже стали немного горбиться. Немного, а все же! И волосы сѣдые; глаза еще молодые, но уже огонекъ усталости, да-съ. А я крѣпышъ — вотъ какъ этотъ бѣлый грибъ.

Онъ потрогалъ свѣтло-каштановую шляпку гриба, пріютившагося въ травѣ, у самой почти дороги, подъ толстымъ стволомъ дерева.

— Ишь вѣдь какъ крѣпко сидитъ!.. — проговорилъ онъ. — Ну, и пущай-себѣ сидитъ. Мы его трогать не будемъ... А почему? Почему я не усталъ? Да потому что я работалъ. Устаютъ отъ излишка работы, отъ пресловутаго переутомленія, и устаютъ отъ недостатка работы, отъ ничего-недѣланія. А? Вы не согласны?

Истоминъ ничего не отвѣтилъ.

— Я, на дняхъ, уѣзжаю,—сказалъ онъ первое, что подвернулось ему на языкъ и что, очевидно, наиболѣе занимало его.— Я радъ тому, что уѣзжаю.

Врачъ усмѣхнулся.

— Устали,—проговорилъ онъ.—Устали въ нашихъ богоспасаемыхъ палестинахъ. Да-съ! Режимъ вашей матушки, Богъ ей судья!.. Отъ режима и устали и отъ нея самой.

Истоминъ грустно улыбнулся.

— Я не видѣлся съ нею одиннадцать лѣтъ.

— Слыхалъ, ходили слухи. Разные слухи. Который вѣренъ — не знаю, — съ скрытымъ любопытствомъ сказалъ онъ. — Аллея кончилась. Здѣсь когда-то были оранжереи — барскія затѣи. Теперь, видите, парники съ битыми стеклами, а внутри — бурьянъ. „Attalea princeps!“ — усмѣхнулся онъ.—Красивое растеніе, стремящееся въ высь, къ воздуху и свѣту, и ради этого стремленія разбившее верхушкой преграду. Однако, повернемъ назадъ, ибо

здѣсь тупикъ. Еще недавно огромнымъ глухимъ тупикомъ была вся русская жизнь. Но нѣтъ тупика, въ которомъ нельзя было бы сдѣлать брешь, а?... Такъ вы съ ней разошлись? А теперь—что же? Миръ?

Истоминъ грустно покачалъ головой.

— Не похоже. Она—мать, я—сынъ, плоть отъ плоти ея и кость отъ кости ея. Но мы такъ же похожи другъ на друга, какъ... какъ... вотъ какъ этотъ парникъ съ битыми стеклами на эту кирпичную стѣну...

— Сходство есть,—возразилъ врачъ.—И парникъ битый, и стѣна съ вывалившимися кирпичами. Я не провожу параллелей, а только констатирую фактъ,—поправился онъ.

Они зашагали въ обратную сторону.

— О, вы можете провести параллель,—сказалъ Истоминъ.—Въ моей жизни много стеколъ, чрезъ которыя проходилъ свѣтъ, разбито. И не я ихъ разбилъ. Вы, кажется, говорили объ „attalea princeps"? Ну, такъ я не гордое растеніе, разбившее стекло, чтобы добраться до источника свѣта. Мнѣ было тепло и хорошо подъ стекломъ. А теперь мнѣ холодно. У матушки тоже повыпало нѣсколько кирпичей въ жизни. Сильно она постарѣла на мой взглядъ.

— Еще бы — семьдесятъ-два года! — живо перебилъ его врачъ.—Законы природы одни. Но она—крѣпкая старуха. Даже до изумительности. И тѣломъ, и духомъ. Не хочетъ сдаваться. Натура прежняго склада. Въ тѣ времена хорошо кроили людей и крѣпко шили ихъ. Теперь производство хуже. А? Вы не согласны?

— Вполнѣ.

— А теперь!.. Впрочемъ, здѣсь и болѣзни-то отстали отъ прогресса. Гдѣ здѣсь апендицитъ, менингитъ? Двадцать лѣтъ здѣсь практикую, никогда не встрѣчался съ такими штуками. Ну, и удовлетворяю по мѣрѣ силъ и разумѣнія... Такъ съ мамашенькой-то помирились, а?

Они снова подходили къ статуѣ. Врачъ взглянулъ на часы и сказалъ:

— Еще рано. У васъ вѣдь въ домѣ все по часамъ. Чай—въ девять. Ни минуты—раньше, ни секунды—позже. Еще имѣемъ минутъ двадцать.

— Сядемъ,—утомленнымъ голосомъ сказалъ Истоминъ.—Я уже усталъ.

Врачъ поглядѣлъ на него съ усмѣшкой.

— Вотъ оно, поколѣніе когда-то сильныхъ людей! Уже устали.

А я—выродокъ изъ этого поколѣнія. Я крѣпокъ. Ну, сядемъ. Скамейка есть,—но достаточно прогнившая и еще болѣе достаточно сырая. А впрочемъ... сядемъ. Садитесь-ка на мою пòлу. А то простудитесь.

Онъ раскинулъ свое толстое рыжее пальто и подложилъ пòлу на скамейку.

— Нѣтъ, зачѣмъ же,—началъ-было Истоминъ, но тотъ перебилъ его:

— Садитесь, садитесь, что̀ за церемоніи! Говорю вамъ, что меня ничто не беретъ. Да и не такъ ужъ холодно.

Они сѣли и замолчали.

III.

Истоминъ смотрѣлъ въ глубь только-что пройденной темной аллеи. Небо свѣтлѣло и было чисто отъ облаковъ, покрывавшихъ его за ночь. Но въ немъ не было уже прежней лѣтней голубизны и оно казалось свѣтло-сѣрымъ, холоднымъ и далекимъ.

Онъ взглянулъ на статую. Видъ ея былъ жалокъ. Листья еще болѣе густымъ слоемъ покрывали ея плечи, и казалось, что щеки ея, исполосованныя зелеными потоками, носили на себѣ слѣды слезъ. Больно ли было этой развѣнчанной богинѣ отъ ея жалкаго одинокаго прозябанія, или желѣзное кольцо деревенскаго кузнеца больно давило ея израненную ногу?

Истомину стало грустно. Такъ грустно, что опять захотѣлось плакать. Какой-то комъ подступилъ къ горлу и сталъ въ немъ.

Истоминъ очень любилъ Петра Петровича. Изъ всѣхъ посѣтителей дома матери онъ только въ его присутствіи чувствовалъ себя свободно и хорошо. Это былъ единственный живой человѣкъ, съ простыми взглядами на жизнь, съ добрымъ, хоть и не сентиментальнымъ сердцемъ. Это была, конечно, не тонкая, не сложная, даже довольно грубоватая и примитивная натура; въ немъ много было и провинціальнаго любопытства, и, пожалуй, захолустной неделикатности, но въ немъ была подкупающая простота.

И кромѣ того Истоминъ чувствовалъ, что пришелся по душѣ этому человѣку.

А онъ такъ жаждалъ съ кѣмъ-нибудь сблизиться за эти два мѣсяца пребыванія въ домѣ матери. И сблизиться было не съ кѣмъ. Мать, вѣдь, была ему совсѣмъ чужою, да они и никогда не могли понять другъ друга. А тѣ, что бывали въ домѣ матери и считались ея друзьями... всѣ были ему не по душѣ.

И ему захотѣлось теперь высказаться.

Всю жизнь онъ привыкъ дѣлиться мыслями съ той живой, горячей душой, которой теперь нѣтъ... И вотъ уже почти два года, какъ онъ принужденъ все таить въ себѣ, все рѣшать въ одиночку, обо всемъ молчать. Это тяжело. Иногда такъ хотѣлось бы поговорить, крикомъ крикнуть то, что скопилось въ душѣ, что рвалось наружу, а поговорить было не съ кѣмъ.

Правда, у него, вѣдь, есть сынъ, Миша... Юноша девятнадцати лѣтъ. Мальчикъ, на котораго онъ и его покойная Катюша положили всю жизнь, всѣ чувства, всѣ свои нравственныя силы.

Но при одной мысли о Мишѣ что-то вдругъ захлопнулось въ его душѣ и по ней пробѣжалъ холодокъ. Это уже давно-давно стало повторяться въ немъ. Сначала ему было жутко отъ этого новаго и страннаго чувства къ сыну.

И сейчасъ ему пришло на умъ создать себѣ иллюзію дружбы и взять въ объектъ этой дружбы вотъ этого самаго Петра Петровича съ его грубоватой и простой душой и несложнымъ сердцемъ.

И не долго думая онъ далъ себѣ волю и заговорилъ.

— Петръ Петровичъ! Мнѣ очень бы хотѣлось съ вами поговорить по душѣ. Вы единственный человѣкъ въ домѣ, къ которому у меня лежитъ сердце. Простите за эту навязчивую откровенность.

Петръ Петровичъ схватилъ его руку и крѣпко потрясъ ее.

— Вотъ и спасибо. Я ждалъ этого. Чего тамъ—простите?! Напротивъ, большое спасибо. Давно вижу, а можетъ и чувствую, что у васъ на душѣ горечь, въ родѣ того, что какъ бы душа хиной пропитана.

— Вотъ, вотъ...

Истоминъ опять помолчалъ, не зная, съ чего начать,—такъ обо многомъ ему хотѣлось поговорить.

И, не долго думая, онъ началъ съ того, что первое подвернулось подъ сознаніе.

— Я съ матерью не видѣлся одиннадцать лѣтъ,—повторилъ онъ то, что уже говорилъ.—Одиннадцать лѣтъ. Она меня, кажется, никогда не любила...

— Она—васъ?

— Да не могу сказать, чтобы и я ее любилъ. Всегда были отношенія прохладныя. И чѣмъ дальше шла жизнь, тѣмъ холодъ становился рѣзче.

— А почему?

— Я не знаю... А впрочемъ, я говорилъ вамъ: ужъ очень

огромная разница въ натурахъ. У меня душа мягкая, восковая, у нея — камень и желѣзная воля. Я въ покойнаго отца. Онъ умеръ рано, мнѣ было всего пять лѣтъ. Я его не помню. Но слыхалъ много о немъ. Это былъ добрый баринъ добраго стараго времени... Многое говорили. Говорили, что мать очень плохо жила съ моимъ отцомъ, что онъ былъ у нея въ полномъ подчиненіи и какъ-то зачахъ. Онъ мнѣ оставилъ свое состояніе, вотъ я и живу. Небольшое, но мнѣ достаточно.

Онъ замолчалъ и задумчиво глядѣлъ на медленно падавшіе желтые листья. Петръ Петровичъ не прерывалъ его.

— Я не знаю, о чемъ говорить,—началъ Истоминъ.—Такъ много на душѣ!.. Потомъ мать вышла за Тихменева богатаго помѣщика.

— Знаю...—перебилъ его Петръ Петровичъ.—Кто не зналъ Тихменева! И всю исторію знаю. Онъ скверно жилъ съ Еленой Васильевной и, въ концѣ концовъ, разошелся съ нею, уѣхалъ заграницу, а средства завѣщалъ на благотворительныя учрежденія.

— Меня онъ любилъ. У него не было дѣтей. Онъ любилъ меня больше, чѣмъ мать... Затѣмъ она увезла меня въ Петербургъ, къ теткѣ, своей сестрѣ. Тетка и окончила мое воспитаніе. Я кончилъ университетъ, поступилъ на службу, остался въ Петербургѣ и служу до сихъ поръ.

— Почему же вы такъ давно не видались съ матерью? Я кое-что слышалъ, конечно...

— Ну вотъ... Я женился. Она не хотѣла, чтобы я женился, на комъ я хочу, а непременно на той, кого она выбрала мнѣ въ невѣсты.

Петръ Петровичъ ухмыльнулся.

— На Серебряковой?

— Ну, да.

— Особа зловредная...

Истоминъ махнулъ рукой.

— Вы видѣли ее вчера въ нашемъ домѣ. Я ее встрѣчалъ за эти два мѣсяца не разъ. Она довольна своимъ положеніемъ—жена предсѣдателя земской управы. Злая, своенравная, недалекая... Зачѣмъ матери понадобилось, чтобы она была моей женой—не знаю. Вѣроятно, такъ, безъ всякой опредѣленной цѣли. Вѣдь у нея характеръ деспотическій. Такой же, какъ у нынѣшней Серебряковой; только я не знаю, какъ бы онѣ ужились, обладая такими характерами и сдѣлавшись родственницами.

— Да, это вопросъ интересный,—сказалъ Петръ Петровичъ и ожидалъ дальнѣйшихъ изліяній.

Но Истоминъ молчалъ.

Онъ удовлетворилъ первому порыву, первой потребности говорить, слышать звукъ своего голоса; онъ такъ много, такъ давно молчалъ!

Но вслѣдъ за этимъ желаніе говорить ослабѣло. Сказалъ онъ не то, о чемъ хотѣлъ говорить, и не такъ, какъ хотѣлъ, но все равно; теперь ужъ у него не было особеннаго желанія продолжать разговоръ.

И даже онъ раскаивался въ томъ, что началъ эти изліянія.

Такъ бывало всегда съ Истоминымъ. Въ его душѣ образовалось какое-то чувство цѣломудрія, заключавшееся въ томъ, чтобы не обнажать передъ людьми своихъ душевныхъ ранъ и болячекъ.

Но осенній день съ его холоднымъ вѣтромъ, съ его завѣсой медленно падавшихъ на землю листьевъ, съ его унылымъ голубовато-сѣрымъ небомъ дѣйствовалъ на него возбуждающимъ образомъ.

А Петръ Петровичъ молчалъ и чертилъ что-то своей суковатой палкой по мокрой землѣ. Онъ втыкалъ конецъ палки въ землю и потомъ вытаскивалъ ее; земля хлюпала, и вокругъ образовавшейся дыры дѣлался свѣтло-желтый кругъ. Повидимому, его очень забавляло это занятіе.

И именно это обстоятельство, равнодушный и безучастный видъ Петра Петровича, заставило Истомина снова заговорить.

— Все это дѣло прошлое,—началъ онъ.

Петръ Петровичъ поднялъ голову, оторвавшись отъ своего сосредоточеннаго занятія, и выразилъ удовлетвореніе звукомъ—„ага!“

Издавъ этотъ звукъ, онъ съ прежнимъ сосредоточеннымъ видомъ принялся ковырять землю.

— Ну же, ну же, я слушаю,—поощрялъ онъ пріятеля.

— Да, дѣло прошлое и давно минувшее. Богъ съ нимъ. Я не съ тѣмъ разсказалъ вамъ о своемъ дѣтствѣ, Петръ Петровичъ, чтобы обвинить въ чемъ-нибудь мать...

Петръ Петровичъ воткнулъ глубже палку въ землю, такъ что съ трудомъ выхватилъ ее, и подумалъ:

„Ну, гдѣ тебѣ кого-нибудь обвинить... божья коровка“...

— Я не обвиняю ее,—продолжалъ Истоминъ. — Она человѣкъ стараго времени и старыхъ порядковъ. Ее трудно передѣлать, да и къ чему—ей восьмой десятокъ пошелъ. Освобожденіе крестьянъ выбило ее изъ колеи жизни. Она никогда не могла въ душѣ освоиться съ новыми взглядами и никогда не могла понять, что на людей можно смотрѣть какъ на свободныя существа.

— А, вѣдь, это опять прошлое!—перебилъ его Петръ Петровичъ, желая навести на новую тему.

— Ну, да, прошлое, милый Петръ Петровичъ. Но прошлое властно врывается въ настоящее и составляетъ звено цѣпи. Вѣдь не бываетъ такъ, чтобы сразу настало новое время,—оно всегда завалено обломками прошлаго. Старые элементы играютъ въ немъ огромную роль, а новые люди — вотъ это дѣти сходящихъ съ арены поколѣній.

Онъ остановился, задумался и сказалъ:

— Не умѣю я говорить кратко и дѣльно. Отчего это? Оттого что мнѣ много молчать приходилось, и я отвыкъ говорить связно. Такъ много накопилось. Не пора ли домой? — вдругъ съ сильнымъ безпокойствомъ спросилъ онъ.

Петръ Петровичъ выдернулъ свою палку и засмѣялся.

— Трепетъ-то передъ маменькой все еще существуетъ.

Истоминъ печально улыбнулся.

— Представьте себѣ—да. До сихъ поръ! Не могу я отдѣлаться отъ этого чувства.

Петръ Петровичъ взглянулъ на часы.

— Еще время есть. Самоваръ стоитъ на столѣ часъ. Теперь четверть десятаго; у насъ еще три четверти часа. Но это все равно. Я беру на себя всю отвѣтственность. Скажу, что затащилъ васъ къ себѣ, и не отпускалъ.

— Вамъ попадетъ! — чисто по-дѣтски сказалъ Истоминъ, и этотъ дѣтскій тонъ,—простой и искренній — такъ шелъ къ его сѣдѣющимъ волосамъ и усталому взору, что Петръ Петровичъ съ умиленіемъ посмотрѣлъ на него и въ тотъ же тонъ отвѣтилъ:

— Я не боюсь. Попадетъ, такъ попадетъ,—не впервые.

IV.

И вдругъ Истоминъ заторопился. Ему показалось, что если онъ теперь не скажетъ всего, что омрачало его душу, то онъ больше никому и никогда не скажетъ объ этомъ, и уѣдетъ съ этой тяжестью на душѣ.

— Ну, ладно! Такъ не будемъ говорить о прошломъ, т.-е. о далекомъ прошломъ. Я только скажу о себѣ: я женился безъ воли матери и былъ счастливъ семнадцать лѣтъ. То-есть, понимаете ли, вполнѣ счастливъ, какъ можетъ быть только счастливъ человѣкъ.

Что-то дрогнуло въ его голосѣ и заклокотало въ его душѣ. Онъ никогда не могъ думать равнодушно объ этой подлой несправедливости судьбы, которая такъ жестоко, такъ безсмысленно лишила его счастья.

— Моя женитьба окончательно поссорила меня съ матерью. Она не могла мнѣ простить ослушанія ея воли. Она никогда не знала моей жены и никогда не хотѣла видѣть своего внука, моего сына, которому теперь девятнадцать лѣтъ.

— Да, это женщина твердыхъ принциповъ,—съ насмѣшкой сказалъ Петръ Петровичъ. — Для нея, вѣдь, всѣ люди крѣпостные, и сынъ—крѣпостной сынъ.

— Вы ее знаете. Я любилъ свою Катюшу; право, не преувеличивая скажу,—больше жизни. Это было существо нѣжное, доброе, съ пылкимъ, горячимъ сердцемъ. Она много страдала отъ моего разлада съ матерью. Два года тому назадъ она умерла послѣ года тяжкихъ мученій.

Глухое, еле удержанное рыданіе остановило Истомина, и онъ не могъ продолжать.

Нѣкоторое время длилось тяжелое молчаніе. Не прерывалъ его и Петръ Петровичъ.

Потомъ, собравшись съ силами, Истоминъ началъ:

— Я до сихъ поръ не могу помириться съ мыслью, что ея ужъ нѣтъ. Я любилъ ее; это была моя единственная привязанность въ жизни. Серьезная, глубокая. Мать не хотѣла признать ее, я сталъ для нея чужимъ,—впрочемъ, я и всегда былъ для матери чужимъ. Она не хотѣла признать и внука. Она ни разу не видѣла его.

Онъ говорилъ короткими, отрывистыми фразами, точно у него не хватало дыханія на длинную рѣчь. Петръ Петровичъ слушалъ его молча. То, что онъ говорилъ, не было для него новостью; объ этомъ было извѣстно, даже со многими преувеличиваніями, какъ это всегда бываетъ въ провинціи. Но ему интересно было слышать эту исторію изъ устъ самого Истомина.

— Потомъ Катюша умерла, — продолжалъ Сергѣй Ивановичъ.—Я думалъ, что умру и я. Мнѣ страстно хотѣлось этого. Но у меня на рукахъ остался сынъ. Мы вложили въ этого мальчика всю душу, всю любовь, всю заботливость. Онъ одинъ былъ у насъ.

Печать тяжелой грусти легла на измученное лицо Истомина, когда онъ заговорилъ о сынѣ. Что-то тяжелымъ вихремъ промчалось у него по душѣ, и онъ чутко прислушивался къ этому новому ощущенію, которое уже повторялось въ послѣднее время не разъ, но каждый разъ казалось ему новымъ.

— Теперь Мишѣ девятнадцать лѣтъ. Это уже не мальчикъ, это—молодой человѣкъ.

Онъ замолчалъ, растеряннымъ взглядомъ оглянулся вокругъ и опустилъ голову.

Петръ Петровичъ внимательно взглянулъ на него.

„Онъ не все сказалъ,—подумалъ онъ:—у него на душѣ еще есть камень".

Истоминъ поднялъ голову и, поколебавшись съ мгновеніе, рѣшился наконецъ:

— Хуже всего то,—глухимъ, чуть слышнымъ голосомъ сказалъ онъ,—это то,—что я полюбилъ...

„Ага! — успокоительно проговорилъ про себя Петръ Петровичъ.—Вотъ это самое и есть".

Но онъ ничего не сказалъ Истомину, хотя тотъ, очевидно, ждалъ отъ него восклицанія или удивленія.

Не дождавшись ничего, Истоминъ продолжалъ:

— Я никогда не думалъ, что буду способенъ на это. Любовь къ Катюшѣ исключала всякую возможность подобнаго случая. Но это пришло. Пришло внезапно, неожиданно, нелѣпо, какъ все въ жизни. И теперь я страдаю. Во мнѣ какая-то двойственность. Я продолжаю любить Катюшу, всѣми силами, всѣми помыслами души. Но новая любовь не является какъ-то оскорбленіемъ ея памяти. Эти двѣ любви уживаются вмѣстѣ въ моей душѣ. Это дико, но это такъ, милый Петръ Петровичъ. Что же вы ничего не говорите?

Петръ Петровичъ крякнулъ.

Онъ хотѣлъ бы сказать что-нибудь и самъ чувствовалъ, что молчать неудобно. Но онъ не находилъ ничего подходящаго.

— Что же? — проговорилъ онъ, наконецъ. — Это естественно.

На лицѣ Сергѣя Ивановича появилось радостное выраженіе.

— Это естественно?—спросилъ онъ.—Вы это серьезно?

— Само собой. Это естественно. Человѣкъ живетъ. Сердце человѣка бьется; душа жаждетъ общенія и любви. Нельзя жить призраками. Съ вами случилось великое несчастье; душа ваша была изранена. Самыя глубокія раны, въ концѣ концовъ, залечиваются. Остаются швы, которые болятъ иногда, можетъ быть долго будутъ болѣть. Но человѣкъ въ общемъ здоровъ. Вы молоды еще...

Сергѣй Ивановичъ усмѣхнулся и махнулъ рукой.

— Ну...—протянулъ онъ.

— А конечно же!—съ убѣжденіемъ сказалъ Петръ Петровичъ.—Сорокъ-пять лѣтъ! Не старикъ же вы. А?

Истоминъ ничего не отвѣтилъ.

Ему было пріятно, что его считаютъ еще молодымъ, и какъ-то конфузно передъ самимъ собой.

— Ну, что жъ!—началъ Петръ Петровичъ.—Коли любите—женитесь. А? Что съ вами?

На лицѣ Истомина отражалась глубокая грусть. Онъ еще ниже свѣсилъ голову и отрицательно закачалъ головой.

— Это невозможно. Она замужемъ. Она много, много моложе меня.

Петръ Петровичъ протяжно свистнулъ.

— Э-ва! Вотъ такъ исторія!

— И потомъ—Миша.

— Ну, это вздоръ-съ! Миша самъ, гляди, года черезъ два женится. У нихъ это теперь въ модѣ. Жениться въ двадцать лѣтъ на-черно, для пробы, зря, а потомъ развестись и вновь жениться уже на-бѣло. А? Вы не согласны?

Истоминъ промолчалъ.

— Ну, что же,—началъ Петръ Петровичъ:—она замужемъ, но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, любитъ ли она васъ?

— О, да! — съ необыкновенной живостью отвѣтилъ Истоминъ.

— Чудесно! Тогда есть коррективъ. Есть такое благодѣтельное учрежденіе—разводъ.

Истоминъ отрицательно покачалъ головой.

— Это невозможно, она не захочетъ этого. Чтобы понять, почему—надо ее знать...

— Такъ вы разскажите. Я, вѣдь, деревенскій житель, многихъ тонкостей не понимаю. И женщинъ, особливо новыхъ — не знаю... Эге! Вотъ бѣжитъ Агаша. Чрезвычайный посолъ маменьки. Очевидно—„требуютъ“. Требуютъ и гнѣваются.

Агаша добѣжала до нихъ, шлепая по лужамъ и разбрасывая вокругъ брызги. Она запыхалась; грудь ея высоко вздымалась.

— Ну, что же? — спросилъ ее Петръ Петровичъ. — Требуютъ?

— Извѣстно, требуютъ. Маменька гнѣваются, — обратилась она къ Сергѣю Ивановичу.

— Ага! Что я говорилъ? На что же собственно гнѣваются?

— Извѣстно, на то, что опоздавши къ чаю. Самоваръ надо убирать.

— Такъ-съ. Срокъ прошелъ. Все по часамъ. Милая!—обратился онъ, какъ будто, къ Агашѣ. — Время есть несомнѣнная сущность, нѣчто реальное, существующее въ природѣ. И даже существованіе самовара подчинено этой сущности. Но, милая, время измѣряется часами, а часы, какъ механизмъ, изобрѣтеніе матеріальное и притомъ изобрѣтеніе генія человѣческаго. А посему: не человѣкъ существуетъ для часовъ, а часы для человѣка. Есть минуты въ человѣческой жизни, и даже, о, милая дѣвушка, бываютъ такія мгновенія, когда можно самоваръ и весь чайный ритуалъ отправить ко всѣмъ чертямъ и его приснымъ.

Агаша только хлопала глазами, слушая эту рѣчь; она нѣсколько разъ срывалась съ мѣста, чтобы бѣжать къ усадьбѣ, но взоръ Петра Петровича приковывалъ ее. Въ концѣ концовъ, она разсердилась, какъ-то незѣпо взмахнула руками и сказала:

— Ужъ вы завсегда наговорите такого... А между прочимъ барыня ждутъ.

— А между прочимъ мы идемъ. Мчись, вѣстница-рабыня!

Агаша быстро перевернулась на каблукахъ и помчалась по лужамъ, зашлепывая свой подолъ брызгами.

Сергѣй Ивановичъ давно уже заторопился. Онъ съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія шутовскихъ выходокъ пріятеля и имѣлъ видъ провинившагося школьника, который торопится къ отвѣту.

Петръ Петровичъ лѣнивой походкой поплелся за Истоминымъ, который шелъ торопливо, ничего не говоря.

V.

Въ столовой сидѣла у самовара Тихменева, а рядомъ съ ней пожилой господинъ, бритый какъ актеръ, съ синими щеками и подбородкомъ. Черты лица его были мелки и невыразительны, а маленькія губы онъ держалъ сердечкомъ. На маленькомъ и кругленькомъ носу съ большимъ трудомъ держалось массивное pince-nez, которое онъ ежеминутно старался плотнѣе усадить на еле замѣтную переносицу. Онъ весь былъ какой-то вылощенный, чистенькій, опрятненькій, точно только-что вышелъ изъ ванны и отъ парикмахера.

Противъ него сидѣла дама, которой было около сорока лѣтъ. Даже сидя, она казалась выше своего vis-a-vis. Она была въ простомъ ситцевомъ капотѣ, небрежно причесана и на лицѣ ея

виднѣлись слѣды плохо стертой пудры. Она была вся какая-то безцвѣтная, плоская и производила непріятное впечатлѣніе.

Это были гости Тихменевой, гостившіе въ ея домѣ. Онъ былъ предсѣдатель земской управы, она—его жена.

Войдя въ столовую, Сергѣй Ивановичъ робкимъ взоромъ скользнулъ по фигурѣ матери.

Старуха имѣла удивительно бодрый видъ для своихъ почтенныхъ лѣтъ. Она была очень высокаго роста, очень сухощава. Щеки ея были слегка подрумянены, что производило особенно непріятное впечатлѣніе, потому что лицо ея было во всякомъ случаѣ старо и морщинисто. На головѣ ея сидѣла кокетливо прилаженная наколка изъ черныхъ кружевъ съ лиловыми лентами.

Сергѣй Ивановичъ торопливой походкой провинившагося школьника подошелъ къ ней подъ взорами гостей и почтительно поцѣловалъ ей руку.

— Здравствуйте, мамаша,—сказалъ онъ,—какъ спали? Она выдернула у него руку и сухо отвѣтила:

— Здравствуй.

Онъ поздоровался съ предсѣдателемъ управы и его женой и сѣлъ рядомъ съ нею. Около него усѣлся Петръ Петровичъ, который съ весьма независимымъ видомъ издали поклонился старухѣ и ея гостямъ.

— Мы немножко опоздали,—суетливо говорилъ Сергѣй Ивановичъ, чувствуя какую то неловкость положенія: — утро такое чудное... А вы не гуляете по утрамъ, Никаноръ Игнатьевичъ?— спросилъ онъ у предсѣдателя.

— Избѣгаю. То-есть, я бы ничего, да вотъ Елизавета Ѳедоровна — онъ указалъ на жену — боится за меня, хе-хе... — Онъ засмѣялся и умолкъ.

— Что за прогулки осенью въ сырость?—кислымъ голосомъ сказала Елизавета Ѳедоровна.—Онъ, — она кивнула головой на мужа, — все еще изображаетъ изъ себя юношу. А онъ просто мышиный жеребчикъ, удрученный ревматизмами.

„Мышиный жеребчикъ“ всплеснулъ руками въ комическомъ ужасѣ.

— Пощади, Лиза!—проговорилъ онъ.—Во-первыхъ, что это за выраженіе—мышиный жеребчикъ: оно неприлично и логически нелѣпо. Во вторыхъ, откуда ты взяла у меня ревматизмы? Петръ Петровичъ, — крикнулъ онъ, усаживая плотнѣе pince-nez, доктору, — достойнѣйшій нашъ эскулапъ! Опровергните показаніе моей многоуважаемой половины и доложите ей...

— Я за чайнымъ столомъ діагнозовъ не ставлю, — сухо отвѣтилъ Петръ Петровичъ.—И, притомъ, ваша супруга никакимъ моимъ діагнозамъ не повѣритъ. Она... а впрочемъ, позвольте мнѣ заняться чаемъ, а?

И Тихменева, и Елизавета Ѳедоровна метнули на него сердитый взглядъ, но онъ, нисколько не смущаясь, налилъ изъ стакана чай на блюдечко, вытянулъ губы въ трубочку и съ шумомъ сталъ тянуть въ себя горячую струю чаю.

Никаноръ Игнатьевичъ вдругъ притихъ. Въ его выходкѣ былъ задоръ школьника, который былъ увѣренъ, что его поддержатъ другіе школьники, и онъ осмѣлѣлъ въ ихъ присутствіи. Но такъ какъ на лицо не оказалось поддержки, а оказался, напротивъ, строгій и ядовитый взглядъ супруги, то онъ сразу притихъ и, чувствуя неловкость передъ Сергѣемъ Ивановичемъ, принудилъ себя заговорить съ нимъ.

— Сергѣй Ивановичъ, мы, провинціалы, воображаемъ себѣ, что вы, петербуржцы, поздно встаете. А вотъ вы перещеголяли насъ. Вонъ вы уже съ утра въ паркѣ. И, знаете, собственно, вѣдь, я шутилъ, а во всякомъ случаѣ, есть или нѣтъ ревматизма, а вѣдь сыро, признайтесь, что сыро? Въ темной аллеѣ особенно?

— Можетъ быть,—нехотя отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ. — Но утро чудное, холодное, небо чистое. Я люблю осень. Она мнѣ по душѣ. И въ паркѣ чудно! Падаютъ листья, точно выкованные изъ золота. Мы, петербуржцы, какъ вы говорите, любимъ природу, потому что ея у насъ нѣтъ...

Онъ вдругъ замолчалъ, встрѣтивъ на себѣ упорный и холодный взглядъ матери.

— Кто любитъ природу, тотъ и живетъ на ея лонѣ, — сказала она.—А кто живетъ въ городѣ, тотъ любитъ городъ.

— Вотъ ужъ напрасно, мамаша! — поспѣшилъ онъ оправдаться.—Вы знаете, почему я живу въ городѣ. У меня тамъ служба.

— Это предлогъ, другъ мой. Еслибы ты хотѣлъ, то могъ бы жить здѣсь со мной. Служба тебѣ не нужна. У меня есть, кажется, достаточно средствъ, чтобы не заставлять служить тебя. Но ты не любишь деревни и недостаточно любишь мать, чтобы рѣшиться жить съ нею и помогать ей въ ея трудахъ.

— Какой я помощникъ!—защищался онъ. — Я никогда въ деревнѣ не жилъ и ничего въ этомъ не понимаю. Я могу только путать и мѣшать. И потомъ вы, мамаша, считаетесь такой первоклассной хозяйкой, что вамъ никакого помощника не нужно.

— Первая въ уѣздѣ, а можетъ и въ губерніи,—вставилъ льстивымъ голосомъ Никаноръ Игнатьевичъ.—Это вѣрно, и надо отдать справедливость глубокоуважаемой Еленѣ Васильевнѣ.

— Да я не спорю,—съ гордостью отвѣтила Тихменева. — Въ былыя времена, когда помѣщики не были разорены правительствомъ, было легко хозяйничать, а потомъ стало трудно; теперь же все труднѣе и труднѣе.

Петръ Петровичъ дохлебалъ чай, вытеръ салфеткой мокрые усы и подтолкнулъ Сергѣя Ивановича, съ которымъ сидѣлъ рядомъ.

— Ага! — шепнулъ онъ:—взобралась на своего конька, теперь пойдетъ...

Онъ встрѣтилъ на себѣ грозный взглядъ старухи.

— Вы что?—надменно спросила она его.

— Я ничего. Еще чаю попрошу, коли можно.

Она протянула черезъ столъ руку и приняла отъ него съ брезгливымъ выраженіемъ стаканъ. На блюдечкѣ плавали въ остаткахъ чая намокшія и набухшія крошки отъ домашней булки, которую Петръ Петровичъ уничтожалъ въ невообразимомъ количествѣ и имѣлъ обыкновеніе мокать ее въ чай.

Тихменева сама занималась ритуаломъ разливанья чая. Она это совершала сосредоточенно, какъ какое священнодѣйствіе, и руки ея не дрожали. Ритуалъ чаепитія давно вошелъ въ ея привычки. Сахару она клала возможно меньше, воды лила возможно больше, а лимонъ рѣзала изумительно тоненькими ломтиками. Но Петръ Петровичъ, нисколько не смущаясь, добавлялъ себѣ сахару изъ сахарницы, игнорируя щипчики, и захватывалъ на вилочку вмѣсто одного четыре куска лимона. За это она ненавидѣла его еще больше, чѣмъ за его независимый характеръ и рѣзкую рѣчь.

— Помѣщики ослабѣли, мужики ослабѣли и распустились. Мы—послѣдніе могикане. Россія изъ помѣщичьей, дворянской превратилась въ чумазую, кулаческую. Народъ нищенствуетъ и разоренъ. Помѣщики нищенствуютъ и разорены. Кромѣ того, хамы-мужики зазнались. Этого что-ли хотѣло правительство? Какое же это правительство? Земство!—вдругъ крикнула она и уставилась на Никанора Игнатьевича.—Вотъ вы предсѣдатель земской управы,—сказала она ему,—но, простите меня, я въ ваше земство не вѣрю. Что вы дѣлаете? Строите мосты, больницы, школы? Но мужики не вѣрятъ въ ваши мосты и объѣзжаютъ ихъ, не вѣрятъ въ ваши больницы и боятся ихъ, предпочитая лечиться попрежнему у знахарей...

— Вы отчасти правы... — попробовалъ-было ей поддакнуть Никаноръ Игнатьевичъ.

— Не отчасти,—перебила она его,—а вполнѣ. А въ школахъ чему учатъ? Чему бы ни учили, мужики попрежнему безграмотны (и слава Богу!) и попрежнему пьяницы.

— Ахъ, глубокоуважаемая Елена Васильевна!

— Да не „ахъ", а это вѣрно. И не могло быть иначе. Помѣщиковъ отстранили отъ мужиковъ и отдали ихъ въ кабалу кулакамъ. Народъ развратился, помѣщики обнищали. На весь уѣздъ два-три помѣщика богатыхъ сохранилось. А остальными завладѣли хамы. А теперь что дѣлается? Мужики запахиваютъ помѣщичью землю, рубятъ казенный лѣсъ, жгутъ помѣщичьи усадьбы. А становой, исправникъ, урядникъ, земскій начальникъ на все это смотрятъ сложа руки,—словно это такъ и надо. И всѣ бунтуютъ. Мужики бунтуютъ, земства бунтуютъ, и помѣщики бунтуютъ. И это правительство? Да гдѣ оно, я васъ спрашиваю?

Она съ озлобленіемъ повернула кранъ самовара, чтобы налить себѣ чашку, потомъ продолжала:

— Реформъ захотѣли! Всѣ сидѣли, ничего не хотѣли, и вдругъ—на! Захотѣли. Правительство сдѣлало уступку, потомъ другую, а потомъ и пошло. Видишь ты, реформы нужны! Отмѣна тѣлесныхъ наказаній,—это для нашего-то мужика!! Земскій соборъ, въ которомъ, видишь ли, будутъ засѣдать мужики! Да, вѣдь, они ни бе, ни ме. Что они будутъ дѣлать въ этомъ самомъ соборѣ?

Она обвела всѣхъ торжественнымъ взоромъ, какъ будто привела неопровержимыя доказательства безсмысленности всей этой затѣи.

VI.

Она ждала возраженій или поддержки, но всѣ молчали. Петръ Петровичъ хлебалъ усиленно чай и ехидно ухмылялся. Всѣ эти рѣчи давно были ему извѣстны и не только изъ устъ Тихменевой, но онъ зналъ, что такъ думаетъ и Никаноръ Игнатьевичъ, и его супруга Елизавета Ѳедоровна, и даже самъ предводитель дворянства Лысогоровъ, Иванъ Ивановичъ, когда онъ находится въ тѣсномъ кружкѣ интимныхъ людей. Когда же онъ въ дворянскомъ собраніи и, вообще, на глазахъ у публики, то выражаетъ либеральные взгляды,—впрочемъ, въ такой осторожной формѣ, что ихъ тотчасъ же можно превратить въ реакціонные,

вставивъ какое-нибудь одно словечко. И Петру Петровичу надоѣли эти „пустопорожніе“ дебаты.

Молчалъ и Сергѣй Ивановичъ. По своей исковерканной жизнью натурѣ, онъ вообще рѣдко возражалъ матери, избѣгая конфликтовъ, волновавшихъ общество въ послѣднее время. Онъ не ощущалъ въ своей душѣ огня, порыва, интереса ко всѣмъ этимъ общественнымъ и государственнымъ дѣламъ. Ему было все равно. Какое ему дѣло до всѣхъ этихъ аграрныхъ безпорядковъ, споровъ, земскихъ соборовъ, войны и прочее? Онъ никогда этими вопросами не занимался. Конечно, онъ былъ противъ бюрократическаго режима, противъ произвола, беззаконія, усмотрѣнія; конечно, онъ былъ за представительство, за свободу вѣры, печати и собраній и за парламентаризмъ. Но все это онъ воспринималъ теоретически, холодно, пассивно, безъ участія души. И въ рѣдкія минуты анализа и раздумья ему становилось стыдно этого равнодушія, до боли стыдно. Но подѣлать съ собой онъ ничего не могъ.

Никаноръ Игнатьевичъ видимо скучалъ. Взоромъ охотника, слѣдящаго за дичью, онъ слѣдилъ за движеніями Агаши, сновавшей взадъ и впередъ по комнатѣ и шмыгавшей изъ комнаты въ комнату. Она была тонкая, стройная и въ движеніяхъ ея было много мягкости и гибкости. За толстыми стеклами тяжелаго pince-nez Никанора Игнатьевича вспыхивали плотоядные и сладострастные огоньки.

И когда Агаша окончательно покинула комнату послѣ сурового окрика Тихменевой: „Что ты тутъ вертишься? Терпѣть не могу! Нечего подслушивать, убирайся въ кухню...“—то ему захотѣлось выйти изъ-за стола и послѣдовать за ней,—но сдѣлать это было невозможно.

Одна Елизавета Ѳедоровна, повидимому, съ жадностью внимала рѣчамъ Тихменевой. Ея плоское, болѣзненно-желтое лицо, обрамленное волосами неопредѣленно-бураго цвѣта, смазанными какой-то блестящей и пахучей водой или помадой, ея запекшіяся губы, полуоткрывавшія несвѣжіе зубы, ея рыхлое тѣло, не знавшее корсета, ея некрасивыя широкія руки съ некультурными ногтями, на короткихъ пальцахъ,—все это застыло въ какомъ-то сочувственномъ порывѣ къ рѣчамъ старухи. Но и она молчала, потому что считала себя неизмѣримо ниже по уму, чѣмъ эта властная, дѣловитая и умная женщина, отъ которой она, къ тому же, была и въ матеріальной зависимости, вѣчно нуждаясь въ ея помощи, въ ея деньгахъ, въ ея услугахъ, въ ея совѣтахъ.

Сергѣй Ивановичъ, сидѣвшій около нея, изрѣдка косо взглядывалъ на нее, и эта его близость къ ней вселяла въ него какое-то брезгливое, противное чувство.

„И это—моя бывшая невѣста!“—проносилось у него въ сознаніи: это именно та, когда-то некрасивая, безсодержательная барышня Золотарева—единственная дочь богатѣйшихъ помѣщиковъ уѣзда, которая предназначалась маменькой, ради ея приданаго и ради ея рабской, приниженной забитости и покорности, ему въ жены. Лизочка Золотарева сдѣлалась съ тѣхъ поръ Елизаветой Ѳедоровной Залѣсовой, но не стала отъ этого лучше; она сильно постарѣла и расплылась; стала еще площе, еще безцвѣтнѣе, еще безличнѣе по отношенію къ постороннимъ, но зато отыгрывалась на своемъ супругѣ, властвуя надъ нимъ безраздѣльно и обнаруживая деспотизмъ, свойственный всѣмъ рабскимъ натурамъ по отношенію къ подчиненнымъ имъ лицамъ.

„Какъ давно это было!—мелькало въ головѣ Сергѣя Ивановича, когда онъ взглядывалъ на Елизавету Ѳедоровну, подчиняясь странному желанію доставить себѣ непріятное ощущеніе, смѣнявшееся пріятнымъ отъ сознанія, что онъ вышелъ, единственный разъ въ жизни, побѣдителемъ въ борьбѣ съ матерью.—Какъ давно это было! Съ тѣхъ поръ прошло много, много лѣтъ“.

— Сегодня эта дура Агашка,—говорила между тѣмъ старуха,—спрашиваетъ меня утромъ: „Правда ли, молъ, что будто, доказываютъ, царь издастъ скоро указъ, что всѣ люди будутъ одинаковы, что̀ господа, что̀ хрестьяне?“—А, каково?

Никаноръ Игнатьевичъ хихикнулъ, какъ бы придя въ восторгъ отъ ума Агашки, но, вслѣдствіе остраго взгляда старухи, онъ торопливо укрѣпилъ на своемъ носу pince-nez и уставился въ чашку съ недопитымъ чаемъ.

— А вы что̀?—съ любопытствомъ и подобострастіемъ спросила Елизавета Ѳедоровна, заранѣе предвкушая силу отвѣта Тихменевой.

— А я ей говорю: „Дура! Мы и теперь всѣ одинаковы—у насъ по одной головѣ, по двѣ руки и ноги, мы спимъ, ѣдимъ, ходимъ одинаково“. Она похлопала глазами, ничего не поняла и говоритъ: „Не знаю, а только такъ доказываютъ“. Ну, вотъ вамъ законъ!—сказала Тихменева, обводя всѣхъ вызывающимъ на отвѣтъ взглядомъ.

Елизавета Ѳедоровна хихикнула восторженно и всплеснула руками въ знакъ удивленія необыкновенной находчивости Тихменевой. Никаноръ Игнатьевичъ старался выдавить на своемъ кругломъ лицѣ сочувственную улыбку, но такую, по которой нельзя

было бы понять, къ кому относится сочувствіе: къ старухѣ или къ Агашкѣ. Сергѣй Ивановичъ врядъ-ли даже слышалъ этотъ назидательный разсказъ. Одинъ Петръ Петровичъ улыбнулся кроткой улыбкой.

Тихменева не удовлетворилась этой молчаливостью гостей и продолжала развивать свои взгляды.

— Нѣтъ, я васъ спрашиваю: что будетъ дѣлать мужикъ въ парламентѣ? *Itur* мужикъ? Какъ онъ будетъ рѣшать государственныя дѣла, когда онъ своихъ мѣстныхъ дѣлъ не умѣетъ рѣшить? Свободу онъ понимаетъ такъ, что онъ свободно можетъ жечь усадьбы, запахивать чужую землю, грабить, рубить казенный лѣсъ и напиваться. И вы думаете, что онъ будетъ вамъ сидѣть въ Петербургѣ и рѣшать государственныя дѣла? Мнѣ интересно,—прервала она себя, обращаясь къ Петру Петровичу,—почему вы такъ странно улыбаетесь?

Она строго посмотрѣла на врача.

— А почему я не могу улыбаться, когда мнѣ смѣшно?

— Что же смѣшного вы находите въ нашихъ словахъ?

— Да все.

— А именно.

— Тамъ [illegible]

— Петербургъ [illegible]

— [illegible] Однако [illegible] Я сама сознаю, что у мужиковъ такая же голова, какъ у насъ, и такіе же двѣ руки и ноги. Только наша голова [illegible]—вотъ въ какъ дѣятельности выразится все наше [illegible]

— А [illegible] Онъ не [illegible]

[illegible]

— [illegible]—да что мужикъ—[illegible] А [illegible] [illegible] [illegible]

Онъ замолчалъ и ждалъ возраженія.

Но всѣ попрежнему молчали.

Тихменева съ недовольнымъ видомъ пожевала губами и еще не приготовилась къ отвѣту.

Воспользовавшись ея молчаніемъ, Петръ Петровичъ продолжалъ:

— Народъ пьянъ, народъ необразованъ, народъ дикъ. Чудесно! Положимъ, чудеснаго мало, но все равно. Такъ сдѣлайте его трезвымъ, образованнымъ, культурнымъ. Деревня дѣлаетъ приговоръ о закрытіи кабака, а ей отказываютъ—въ высшихъ государственныхъ цѣляхъ, очевидно; находятся добрые люди, которые хотятъ устроить на свой счетъ школу,—имъ отказываютъ, конечно тоже въ высшихъ государственныхъ цѣляхъ. Учительница показываетъ волшебный фонарь, чтобы доказать дикарямъ, что земля не на трехъ китахъ стоитъ, а вертится вокругъ оси, а урядникъ и батюшка доносятъ на нее, что она смущаетъ народъ, и батюшка ничего иного не можетъ выдумать въ культурныхъ цѣляхъ, какъ разсказать о чудесахъ Серафима. И пока народъ будутъ опекать земскіе начальники, урядники, батюшки и... и помѣщики вашего поля, многоуважаемая, до тѣхъ поръ все будетъ по старому и мужикъ будетъ дикъ. Вотъ и нужно, чтобы онъ поступилъ когда-нибудь въ государственную школу, а таковая школа — земскій соборъ или вообще представительный образъ правленія. Ухъ! Дозвольте чайку.

Онъ протянулъ стаканъ. Тихменева съ ненавистью выхватила у него стаканъ изъ рукъ и со злобой глядѣла на него въ упоръ. Она все еще не находила достаточно уничтожающаго отвѣта.

Но Петръ Петровичъ уже взвинтился и продолжалъ:

— Такъ то-съ! А мы всѣ ослабѣли.

— Кто—мы?—наконецъ спросила она.

— Да вотъ мы, я и другіе-прочіе, бывшіе Донъ-Кихоты.

— Какъ бывшіе Донъ-Кихоты?—съ удивленіемъ спросила она.

— Ну да. Вѣдь вы всѣ—мельницы; вѣтряныя мельницы; мы давно это увидѣли и убѣдились. Но, вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы перестали принимать мельницы за злыхъ великановъ, мы перестали и бороться съ вами. И потому жизнь стала невыносимой. Мы не сообразили того, что вы очень ужъ размахались крыльями, и что это маханье можетъ много принести вреда.

— Я не желаю больше слушать вашихъ нелѣпыхъ сравненій,—сказала Тихменева, передавая ему чай.—Нелѣпыхъ и дерзкихъ. Вы сами не знаете, что говорите.

— Вы же заставили меня говорить,—сказалъ онъ, вытягивая губы въ трубочку и съ шумомъ втягивая горячій чай.—Я, вѣдь, не прочь и помолчать. Только тогда ужъ не говорите такихъ вѣтреныхъ фразъ. Прежде я думалъ покорить міръ, а теперь вижу, что вѣтряныя мельницы сильнѣе меня. Хорошо, хорошо, я умолкаю. А булочка вкусная,—неожиданно закончилъ онъ, отрѣзывая себѣ ломоть.—Я, вѣдь, ничего не боюсь—даже васъ, многоуважаемая, потому что свободенъ духомъ.

— Я не огородное пугало, а вы не воробей, чтобы меня бояться,—сказала она.

— Охотно прощаю.

— Никаноръ Игнатьевичъ...—начала она, съ изумленіемъ взглянувъ на пустое мѣсто за столомъ. Потомъ обвела взоромъ комнату, но Никанора Игнатьевича не было, ни за столомъ, ни въ комнатѣ.

Воспользовавшись затянувшимся разговоромъ, онъ тихо сказалъ супругѣ, что пойдетъ на террасу покурить сигару.

— Куда онъ дѣлся?—спросила Тихменева.

Но Елизавета Ѳедоровна не успѣла отвѣтить.

Изъ корридора вдругъ раздался голосъ Агаши.

— Ахъ, что это вы, баринъ, пристаете!—взвизгнула она.

Послышалась возня въ корридорѣ, и испуганный голосъ Никанора Игнатьевича шепталъ:

— Замолчи, дура! Ради Господа, замолчи!

Тихменева поджала губы; Сергѣй Ивановичъ опустилъ глаза. Петръ Петровичъ съ шумомъ тянулъ чай, точно старался заглушить эту возню.

Елизавета Ѳедоровна вскочила изъ-за стола, какъ раненая львица, и ринулась въ корридоръ.

Агаша промчалась стрѣлой черезъ столовую, красная, потная и взъерошенная. Въ корридорѣ начался взволнованный злобный шопотъ. Всѣ были сконфужены.

Тихменева встала, за ней встали остальные. Но Петръ Петровичъ не хотѣлъ выпустить изъ рукъ недопитаго стакана и, захвативъ его съ собой, вышелъ со всѣми въ гостиную.

Тихменева на ходу позвонила. Явилась Агаша, растерянная, смущенная.

Старуха подошла къ ней и шипящимъ голосомъ проговорила:

— Убирай самоваръ. Можешь собирать вещи и убираться. Передай все Ѳенѣ. И чтобы нога твоя въ моемъ домѣ не была!

— Помилуйте, барыня!—взмолилась Агаша.—Развѣ я причина...

— Молчать!—грознымъ шопотомъ проговорила Тихменева.—Стану я разбирать ваши гадости! Ты у меня больше не служишь.

— И вотъ, опять несправедливо и жестоко,—сказалъ Петръ Петровичъ, но на этотъ разъ старуха съ чрезвычайной рѣзкостью ему отвѣтила:

— Я вашего мнѣнія не спрашиваю, и прошу васъ не соваться не въ свои дѣла.

Петръ Петровичъ пожалъ плечами и поставилъ стаканъ на столъ.

— Я беру васъ къ себѣ, Агаша,—громко, отчетливо проговорилъ онъ.—У меня, какъ разъ, отходитъ дѣвушка. Вы можете быть спокойны: у меня не бываетъ такихъ господъ, какъ господинъ Залѣсовъ.

Когда они вошли въ гостиную, Тихменева ему сказала:

— Вы думали, что вы уязвили меня? Можете хоть жениться на ней.

— Бла-адарствуйте за дозволеніе. Это все возможно. Надѣюсь, что не откажетесь быть посажёной матерью.

Спустя нѣсколько минутъ, вошла въ гостиную Елизавета Ѳедоровна. Ея плоское лицо оживилось чуть розоватымъ румянцемъ и тонкія безкровныя губы ея слегка вздрагивали, какъ и широкіе короткіе пальцы съ плоскими ногтями. Прядки волосъ отдѣлились и смѣшно болтались на ея лбу. За ней, съ видомъ побитаго и поджавшаго хвостъ пса—шелъ Никаноръ Игнатьевичъ, такой же розовенькій и чистенькій, но очевидно смущенный. Онъ поправлялъ и усаживалъ на носу pince-nez и виновато сѣменилъ ногами.

— Простите, дорогая Елена Васильевна, — сказала Залѣсова,—но эта хамка ужасная нахалка. Вы, конечно, не можете допустить и въ мысляхъ, что Никаноръ Игнатьевичъ, что мой мужъ... позволилъ бы себѣ что-нибудь.

— Конечно нѣтъ,—подтвердилъ Никаноръ Игнатьевичъ, не поднимая глазъ.—Я только хотѣлъ...

— Молчите!—окрикнула его Елизавета Ѳедоровна.

— Я уже выгнала ее,—успокоительнымъ тономъ замѣтила Тихменева, чтобы прекратить непріятный разговоръ.

Но Петръ Петровичъ не унимался.

— А я взялъ,—такъ же успокоительно, въ тонъ Тихменевой, сказалъ онъ Залѣсовой, пріятно улыбаясь.

— Ну и цѣлуйтесь съ ней!—рѣзко оборвала она врача и съ ненавистью оглядѣла его.

— Ну...—протянулъ онъ: — зачѣмъ же? На это есть спеціалисты.

Онъ весело засмѣялся, какъ будто сказалъ самую пріятную вещь, и обратился къ Сергѣю Ивановичу.

— А не пройдемся ли? Вона, солнышко-то какое! Обсушитъ дорожки! Осеннее солнце хоть и не грѣетъ, но свѣтитъ. А свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ. Вы не прочь?

— Отчего же? Съ большимъ удовольствіемъ.

— Чудесно. Ай-да!

Тихменева пожевала губами и хотѣла что-то возразить. Но не успѣла. Она крикнула только въ догонку сыну:

— Мнѣ нужно съ тобой поговорить, Сергѣй.

Онъ уже хотѣлъ было остаться, но Петръ Петровичъ загородилъ дверь и почти вытолкалъ его. Обернувшись къ старухѣ, онъ съ той же ласково-любезной улыбкой сказалъ:

— Мы будемъ къ завтраку.

И вышелъ.

— Какой нахалъ!—начала Елизавета Ѳедоровна, какъ только они вышли.—Простите, дорогая Елена Васильевна, я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, и никогда не позволила бы себѣ... въ особенности вамъ, которая такъ много для насъ дѣлала... но я удивляюсь, какъ вы можете выносить въ домѣ такого непріятнаго человѣка.

— Что дѣлать, милая Елизавета Ѳедоровна! — суховатымъ голосомъ отвѣтила Тихменева, которая терпѣть не могла, когда кто-нибудь вмѣшивался въ ея дѣла.—Я его сама терпѣть не могу, какъ человѣка. Пренепріятный человѣкъ, но его лекарства мнѣ помогаютъ. Я его даже оставила ночевать со вчерашняго дня: у меня астма, и меня такъ душило весь день...

Никаноръ Игнатьевичъ разсматривалъ съ сосредоточеннымъ и преувеличеннымъ вниманіемъ альбомъ съ старыми фотографіями. Онъ снялъ для этого pince-nez, и его свѣтло-сѣрые глазки, небольшіе и круглые, получили безъ стеколъ странное выраженіе.

— Очень хорошій врачъ и весьма дерзкій человѣкъ, — началъ онъ.

— Молчите!—вдругъ крикнула на него жена.

— Но, дѣточка моя...

— Молчите!—прошипѣла она, и стиснула ему руку.

Онъ покорно замолчалъ, закрылъ альбомъ и усердно засосалъ сигару.

Тихменева стала причитать. Иногда это на нее находило. Послѣ злобныхъ порывовъ ея властной и деспотической души,

на нее вдругъ находило настроеніе подавленности, и тогда она сама казалась себѣ несчастной, обездоленной и обиженной.

— Трудно понять, что происходитъ,—начала она грустнымъ голосомъ:—когда-то меня считали очень умной женщиной...

— Помилуйте!—вскрикнулъ съ большимъ чувствомъ Никаноръ Игнатьевичъ.—Не когда-то, а и по сіе вре...

— Замолчите!—приказала ему супруга.

Тогда онъ покорно снялъ pince-nez и въ третій разъ сталъ разсматривать альбомъ.

Тихменева взглянула на него грустными глазами и продолжала:

— Но теперь,—или я поглупѣла, или наступило глупое время...

Никаноръ Игнатьевичъ раскрылъ было свой круглый ротъ, но такъ и остался съ раскрытымъ ртомъ, встрѣтивъ на себѣ упорный взглядъ жены.

— Потому что я ничего не понимаю. Хамы осмѣлѣли точно. Мужики свезли мое сѣно, какъ свое собственное, и вотъ недѣля, несмотря на всѣ мои жалобы исправнику и даже губернатору, ничего не могу подѣлать. Черезъ повара я узнала, что ежели я не прекращу жалобъ, то меня просто сожгутъ. Вотъ до чего дошло...—Она передохнула, набрала воздуху и продолжала:—Непонятное время! Вотъ еще сынъ. Нѣтъ прежнихъ отношеній! Дѣти не признаютъ родителей. Почему, я васъ спрашиваю?

Она помолчала и, не получивъ отвѣта, продолжала:

— Онъ женился противъ моей воли, и, натурально, я этого брака не признала. Вамъ это хорошо извѣстно, Елизавета Ѳедоровна.

Елизавета Ѳедоровна скромно опустила свои судачьи глазки и пожеманилась. Потомъ она сказала:

— Да, я теперь увѣрена, что этотъ бракъ былъ бы для меня счастливѣе нынѣшняго.

Она косо оглядѣла Никанора Игнатьевича.

Никаноръ Игнатьевичъ быстро укрѣпилъ на носу pince-nez и взглянулъ на нее.

— Лиза!—началъ было онъ укоризненнымъ тономъ.

— Замолчите!—отрѣзала она.

Онъ замолчалъ.

— Ну, это дѣло прошлое,—успокоительнымъ голосомъ замѣтила Тихменева. — Онъ весь въ отца. Покойникъ былъ такъ же безволенъ и такъ же упрямъ, глупо упрямъ, какъ всѣ люди безъ

воли. Онъ и умеръ изъ-за упрямства,—не желая лечиться. Потомъ я вышла за Тихменева — это округлило мое имѣніе—онъ вѣдь былъ сосѣдомъ моимъ. И онъ умеръ, теперь я одна. Казалось бы, долгъ сына жить съ престарѣлой матерью. Но, вотъ, подите! Въ наше время это не признается.

— Но вѣдь у него есть сынъ,—неосторожно вставилъ Никаноръ Игнатьевичъ.

Старуха нахмурилась.

— У него есть сынъ,—отчеканивая каждое слово, проговорила она.—Онъ не спрашивалъ меня, хочу ли я имѣть внука; я—не желаю знать этого внука. Внукъ уже большой оболтусъ—ему двадцать лѣтъ. Я его не знаю и знать не желаю. И во всякомъ случаѣ онъ не требуетъ больше попеченія родителя: ему полезнѣе вести самостоятельную жизнь.

Она сложила худыя руки на животѣ и помолчала.

— Я становлюсь стара, слаба, немощна. Но Сергѣй знать этого не хочетъ, и я умру одна, никто не закроетъ мнѣ глазъ. Тяжелое время. Хамы распустились, господа поглупѣли, дѣти пошли противъ родителей, газеты пишутъ Богъ знаетъ что, и имъ, ничего, позволяютъ. Я теперь ничего не жду, кромѣ смерти. И буду рада ей, какъ избавительницѣ.

Она придвинула къ себѣ банку съ лекарствомъ, стоявшимъ на столикѣ рядомъ съ нею, и отхлебнула глотокъ прямо изъ горлышка.

— Но смерть не приходитъ, — продолжала она въ минорномъ тонѣ. — Ѳеня! — закричала она показавшейся въ дверяхъ дѣвушкѣ:—я тебѣ приказывала ставить пилюли на ночной столикъ.

— Извините, барыня, запамятовала.

— Запамятовала!—передразнила старуха.—Что ты уморить меня хочешь? Я утромъ и не приняла ихъ.

— Извините, барыня, запамятовала.

— Ну, затвердила одно! Убирайся!—прикрикнула она, и дѣвушка исчезла.—А все потому, — продолжала она,—что господа опустились до хамовъ. — Она взглянула на Никанора Игнатьевича, и тотъ весь съёжился подъ ея взглядомъ.

— A bon entendeur—salut!—аморадно вставила Елизавета Ѳедоровна, и Никаноръ Игнатьевичъ еще болѣе сжался.

— Но, Лизочка...—началъ было онъ.

— Съ вами не говорятъ,—перебила она его.—Мы съ вами поговоримъ дома,—съ угрозой прибавила она.

— У меня была недавно чтица,—начала послѣ нѣкотораго

молчанія старуха. Я ее выписала изъ Петербурга по рекомендаціи. Я очень люблю читать французскіе романы, но зрѣніе у меня ослабѣло. Вотъ, читаетъ она мнѣ Анатоля Франса. И вмѣсто „les prairies, où paissaient les vaches", вдругъ читаетъ: „les prairies, où pissaient les vaches". Тутъ было нѣсколько человѣкъ. Натурально—хохотъ. Я ее прогнала, само собой. А она при всѣхъ меня отдѣлала: „неуваженіе къ личности, эксплоатація труда, издѣвательство надъ интеллигентнымъ пролетаріемъ"—que sais-je!

Никаноръ Игнатьевичъ звонко, мелкимъ горошкомъ разсмѣялся. Елизавета Ѳедоровна остановила его суровымъ взглядомъ и спрашивала себя, какъ отнестись къ этому разсказу, который не имѣлъ никакой связи съ предыдущимъ, — съ негодованіемъ или съ сочувственной улыбкой. Не найдя точки зрѣнія, она состроила улыбку, которую можно было принять и за сочувствіе, и за негодованіе, и за сарказмъ.

— Люди обнаглѣли, — продолжала Тихменева,—все пошло вразбродъ. Ежели бы незабвенный всталъ нынѣче изъ гроба и посмотрѣлъ, что дѣлается, онъ бы скорбнымъ голосомъ спросилъ: „Что вы сдѣлали съ моей Россіей?"... Завернулся-бъ въ шинель и легъ бы обратно въ могилу.

Она захлопала вѣками, опустила голову и потянулась къ лекарству.

Всѣ знали, что „незабвеннымъ" она называла императора Николая Павловича. Въ залѣ ея дома былъ портретъ этого государя въ шинели во весь ростъ. Въ грустныя минуты жизни, она приходила въ этотъ залъ, садилась подъ портретомъ, чтобы найти успокоеніе взволнованной и возмущенной душѣ, сидѣла съ полчаса и уходила умиротворенною.

Елизавета Ѳедоровна сочувственно покивала головой, и въ pendant къ хозяйкѣ приняла скорбное выраженіе.

— А все-таки я осталась безъ сѣна!—неожиданно заключила разговоръ Тихменева.—Но ежели губернаторъ не вернетъ мнѣ сѣна, я подамъ на него министру. Вѣдь еще нѣтъ парламента и существуютъ же у насъ министры, я васъ спрашиваю? Съ какой стати я буду позволять мужикамъ меня грабить? Я же ихъ не граблю!

Она прислонилась къ стѣнкѣ софы и неожиданно задремала.

Елизавета Ѳедоровна дернула за рукавъ Никанора Игнатьевича, и они на цыпочкахъ вышли изъ гостиной. Никаноръ Игнатьевичъ забылъ второпяхъ надѣть pince-nez и зацѣпилъ ногой за стулъ, который и протащилъ нѣкоторое время за собой по

комнатѣ. Елизавета Ѳедоровна пришла въ безмолвное негодованіе, но Тихменева не проснулась.

VII.

Врачъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ направились по единственной улицѣ деревни. Блѣдное осеннее солнце давно уже вышло изъ-за тучъ, и тучи эти, еще съ вечера обложившія небо, теперь словно таяли подъ его холодными лучами и подымались все выше и выше, образуя молочновато-сѣрый туманъ. Вскорѣ и онъ разсѣялся, и наступилъ хорошій свѣтлый день осени.

У одной изъ избъ сидѣла на бревнѣ, положенномъ у тына, Агаша и горько плакала. По ея красивому зицу и раскраснѣвшимся отъ слезъ и волненія щекамъ текли слезы, которыя она вытирала то ладонью, то передникомъ изъ синяго грубаго холста. Это была очень красивая дѣвушка съ русыми волосами, темными бровями и глазами васильковаго цвѣта.

При видѣ подходившихъ къ ней мужчинъ, она хотѣла встать и скрыться въ избѣ, но Петръ Петровичъ быстро подошелъ къ ней и придержалъ ее за руку.

— А!—сказалъ онъ:—изгнанница изъ рая! Слезы точишь? А почему ты ихъ точишь? Что разносоловъ господскихъ лишилась, или что не будешь больше помои выносить послѣ господъ? А?

Онъ, по обыкновенію, задавалъ сразу нѣсколько вопросовъ.

Она взглянула на него испуганнымъ взглядомъ, точно взмахнула темными рѣсницами.

— Вовсе даже нѣтъ!—отвѣтила она, вытирая остатки слезъ передникомъ.

— Ну, такъ что же?

— Совсѣмъ даже напротивъ...

— Вотъ и пойми ее!—обратился Петръ Петровичъ къ своему пріятелю.—Что это значитъ: „совсѣмъ напротивъ“? Въ той избѣ что-ли? — сострилъ онъ и указалъ на полуразвалившуюся избу на другой сторонѣ дороги.

Сергѣй Ивановичъ стоялъ съ безучастнымъ видомъ и чертилъ палочкой по размокшей землѣ. Его удручали думы; ему хотѣлось поговорить съ Петромъ Петровичемъ, и эта задержка раздражала его.

Агаша вдругъ ухмыльнулась сквозь слезы.

— Обидно!—вдругъ сказала она.—Дюже обидно. Служила,

служила, все сполнила какъ слѣдоваетъ — и отказали. Нѣшто моя вина, что Никаноръ Игнатьевичъ липнетъ ко мнѣ?

— Сладка больно! Медъ-дѣвка! — пошутилъ Петръ Петровичъ.—Чего же онъ липнетъ? Обольщаетъ? Обольстительный мужчина, нечего сказать!

— Извѣстно, улещаетъ! И всякія глупости. Подарки предлагалъ.

— А ты что же?

— Извѣстно, ничего. Мнѣ что? Я дѣвушка честная, сирота. Грѣхъ господамъ обижать... обижать...

Она опять расплакалась.

— Ну, ну, не реви. И безъ того сыро. А ты взгляни на солнышко и порадуйся. Сказалъ, возьму къ себѣ. Ты грамотная?

— Извѣстно.

— Да что ты такая за знаменитость, что о тебѣ должно быть извѣстно? Скажи, пожалуйста! Ну, будешь у меня какъ бы для пріемовъ, на манеръ какъ бы у столичнаго врача. На чаи будешь получать. Паціенты мои богатые. Наши купцы, прасолы, всякое начальство — урядникъ, старшина, вообще власти. Иногда самъ исправникъ и земскій заѣзжаютъ. Тоже честь не малая. Они болѣютъ, я лечу, у нихъ здоровье прибавляется, а у меня — деньги. Таковъ кругооборотъ въ природѣ.

Онъ шутилъ; она слушала его, разинув ротъ, переставъ плакать.

— А вы безъ глупостевъ?—вдругъ спросила она и потупилась съ нерѣшительнымъ видомъ.

— Ну-у!—заревѣлъ на нее Петръ Петровичъ, — что выдумала! Я, вѣдь, не господской крови, недалеко отъ тебя ушелъ. Сынъ дьякона, а дѣдушка-то мужикомъ былъ. А ты—дочь приказчика Тихменевскаго имѣнья, а мать твоя—кухарка.

— Я сирота,—сказала она.

— Знаю, слышалъ. Недалеко ушли мы другъ отъ друга.— Два сапога пара, одного поля ягода.

— Извѣстно,—подтвердила она своимъ любимымъ словомъ.

Петръ Петровичъ взялъ подъ-руку Сергѣя Ивановича и пошелъ съ нимъ.

— Жалко дѣвку,—сказалъ онъ, послѣ долгаго молчанія.— Она что камень при дорогѣ. Кто хочетъ, ногой пхнетъ. Сирота. Родители умерли; пока живы были, въ школу посылали. Прошла холера и выкосила ихъ. Вотъ сидитъ теперь дѣвка у чужой избы и слезы точитъ. Жалко. Вамъ не жалко? А?

Сергѣй Ивановичъ не слыхалъ его.

Онъ думалъ свою думу.

— Скажите, пожалуйста, — вмѣсто отвѣта заговорилъ онъ: —чѣмъ страдаетъ мать?

— Почтеннѣйшая Елена Васильевна? Видите что: я нахожу у нея эмфизему; а врачъ городской, котораго она сюда выписывала, въ провѣрку мнѣ, утверждаетъ, что камни у нея въ почкахъ.

Нельзя было понять, шутитъ онъ или говоритъ серьезно.

— Не удивляйтесь,—продолжалъ онъ.—У насъ, врачей, это всегда такъ: смотришь въ больного, какъ въ темный колодезь. Одинъ на днѣ его видитъ фею Раутенделейнъ — слово-то какое заморское! — А другой — водяного дѣдушку. И сообразно сему прописываетъ латынь, въ которой самъ ни уха, ни рыла... Вы несогласны? А?

Не дождавшись отвѣта, онъ продолжалъ:

— Однако, повѣрила она мнѣ, почему и состою въ лейбъ-медикахъ ея. Лестно. Я прописываю всякія штуки, а она ихъ глотаетъ и думаетъ, что это ей помогаетъ. Чего лучше? И ей хорошо, и мнѣ не дурно. И не будь я столь грубъ и дикъ, я былъ бы первымъ врачомъ въ губерніи. Но это ужъ моя натура. Мужикъ сказывается. Атавизмъ. А невѣста-то ваша бывшая?— вдругъ хихикнулъ онъ.—Счастливый вы человѣкъ! Избѣгли... А то быть бы вамъ теперь на веревочкѣ, какъ сему почтенному женолюбу—Николаю Игнатьевичу. По неволѣ къ Агашкѣ станешь приставать. Я его не обвиняю. Я никого не обвиняю. Вы не въ духѣ?

— Нѣтъ, ничего. Я хотѣлъ бы поговорить съ вами, но вы такъ странно разговариваете.

— А вы попробуйте,—можетъ быть, я умѣю и иначе говорить. А? Попробуйте! Мы пойдемъ съ вами смотрѣть аграрные безпорядки, хотите? Это далеко, а пока поговоримъ.

Сергѣй Ивановичъ долго не рѣшался. Онъ боролся съ самимъ собою. Но что-то мучило, безпокоило его, что-то такое, о чемъ ему необходимо было высказаться,—даже, можетъ быть, не для того, чтобы получить отвѣтъ на волновавшія его думы, а чтобы просто произнести ихъ вслухъ, какъ назойливый мотивъ, вертящійся въ мозгу, и который необходимо надо пропѣть, чтобъ отъ него отвязаться.

— За гранью земной жизни есть что-нибудь? — вдругъ съ необыкновенной рѣшимостью спросилъ онъ.—Все ли кончается здѣсь, на землѣ?

— Э-ва!—протяжно выговорилъ Петръ Петровичъ и свистнулъ.—Куда загнули! Экъ васъ куда перекинуло отъ реальной

дѣйствительности плачущей Агашки и аграрныхъ безпорядковъ!

Но онъ вдругъ самъ себя осадилъ, внимательно и серьезно взглянулъ на блѣдное, какъ бы угасшее, лицо собесѣдника и сталъ самъ серьезенъ.

— Милый Сергѣй Ивановичъ,—началъ онъ, помахивая передъ собой толстой, суковатой палкой:—вы сохранили дѣтскіе вопросы въ вашей пожившей душѣ. Я, положимъ, духовнаго происхожденія, но это ничего еще не доказываетъ. Вопросами духа занимался я мало, потому что это—праздный вопросъ. Да вы не удивляйтесь: это—важные, глубокіе вопросы, согласенъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, праздные. Почему? Да потому что неразрѣшимы. Ежели, милый другъ, мы въ тѣлесной организаціи человѣка видимъ лишь бездну глубокаго колодца и эмфизему смѣшиваемъ съ почечными камнями, то что мы можемъ сказать о духѣ? А почему сіе важно? Почему васъ это интересуетъ?

— Я уже говорилъ вамъ... Я очень страдалъ послѣ смерти Катюши, ужасно страдалъ, мучительно, безнадежно. Мнѣ казалось, что міръ для меня опустѣлъ, вокругъ пусто и внутри меня пустота.

Онъ говорилъ взволнованно и страстно. И по мѣрѣ того, какъ говорилъ, волновался все болѣше и больше.

— Мнѣ было очень тяжело... даже сынъ, Миша, мой мальчикъ, не приносилъ мнѣ утѣшенія. Смерть матери мало подѣйствовала на него, и за это я чуть не сталъ его ненавидѣть. Вѣдь ему было шестнадцать лѣтъ. Я спрятался отъ людей, я никого не хотѣлъ видѣть, но одиночество, холодное, угрюмое, безнадежное, мнѣ стало тяжко. Я выползъ, наконецъ, изъ своей норы, и тутъ съ первыхъ же шаговъ стала предо мною моя Сима. И вотъ я полюбилъ ее.

— А она?

— Кажется, и она меня. Почему, какъ—не знаю. У нея мужъ, моложе меня—я вамъ говорилъ. Сима—это золотое сердце. Свѣтлая, радостная душа. Но жизнь искалѣчила ее. Вотъ какъ калѣчатъ дѣти дорогую игрушку—вы понимаете?

— Да, да, вы мнѣ все это говорили... Но въ чемъ же дѣло?.. Я все-таки же не понимаю. Что васъ такъ мучаетъ?

— Меня мучаетъ много вопросовъ. Жива ли душа Катюши? Не подлый ли это обманъ—эта вѣра въ иную жизнь? Если жива,—проститъ ли она мнѣ эту измѣну; если же она превратилась въ ничто, если ея нѣтъ ни на небѣ, ни на землѣ, то, конечно, моя новая любовь не можетъ оскорбить ее. И затѣмъ—Сима. За-

чѣмъ я люблю ее, смущаю ее, мѣшаю ей жить, вношу разладъ въ ея душевную жизнь? Вѣдь это же преступленіе... И вотъ, обо всемъ этомъ я тысячу разъ на день спрашиваю себя и не нахожу, не нахожу отвѣта. Не знаю, почему вы внушили мнѣ какое-то глубокое довѣріе. Я, вѣдь, ни съ кѣмъ не говорю такъ, какъ съ вами. Я за два мѣсяца пребыванія здѣсь сблизился, сошелся съ вами. Вы одинъ—живой человѣкъ среди маменькиныхъ знакомыхъ и друзей. А можетъ быть, потому, что я долго, упорно молчалъ, и явилась, наконецъ, физическая потребность говорить. Или духовная. Какъ и кто можетъ отдѣлить физическое отъ духовнаго?

Онъ замолчалъ и замедлилъ шаги. Петръ Петровичъ слушалъ внимательно, иногда только отрываясь отъ его рѣчи и вглядываясь вдаль. Тамъ, за полупрозрачнымъ туманомъ осенняго дня, что-то гремѣло и двигалось, и оттуда доносились порой глухіе-глухіе взрывы неяснаго гула толпы.

— Другъ мой,—сказалъ Петръ Петровичъ и взмахнулъ палкой по воздуху,— благодарю за довѣріе. Но что я могу отвѣтить, развѣ я философъ? Я—земскій врачъ, что не одно и то же. И даже „вовсе напротивъ", какъ выражается Агашка. Ежели душа Катюши жива, то она не можетъ осудить васъ. Она—человѣкъ небесный, духовный, а вы—земной. Ей чужды слезы и смѣхъ земли, и ея радости, а можетъ быть и печали—не наши радости и печали. Разъединеніе—непостигнутая еще тайна, но тайна. Все земное не должно интересовать больше вашу Катюшу.

Онъ пріостановился, потеръ лобъ свободной рукой, какъ бы собираясь съ мыслями, и продолжалъ:

— Да, не должно больше интересовать ее. Вы ее любили физически и духовно. Физическая любовь кончилась, духовная—осталась. Вѣдь осталась?—спросилъ онъ.

Сергѣй Ивановичъ, молча, кивнулъ головой.

— Ну, вотъ, вы теперь любите память о ней. И это должно быть для нея дорого, ежели ея душа жива и сохранила память о земномъ. А Симу вашу любить вы можете. Человѣкъ долженъ любить, это его природа, его потребность, его долгъ. Любите просто, не мучительно, не тяжко, а свободно и весело. Она искалѣчена?—говорите вы. Постарайтесь сдѣлаться хирургомъ. Но, главное, любите. Любите все: вотъ этотъ осенній туманъ и эту мокрую дорогу, темную Агашку и жизнь большого города, и вотъ этотъ изумрудъ, что у васъ въ кольцѣ, и вашу Симу. Все любите, всему радуйтесь. Мой покойный отецъ, дьячокъ, говорилъ: „радостно жить на землѣ". А почему онъ это говорилъ—я не

знаю. Часто жрать было нѣчего; онъ зналъ только убогую, голодную деревню, свою избу и церковь. Видѣлъ нищету и голодъ, а всегда восклицалъ: „радости что, радости-то сколько!“ А? Что вы на это скажете?

Петръ Петровичъ снова остановился отъ длинной рѣчи. Онъ потыкалъ въ землю палкой, потомъ взялъ ее подъ мышку и, вынувъ изъ потертаго кожанаго портсигара толстую папиросу, закурилъ ее и глубоко затянулся дымомъ.

Сергѣй Ивановичъ ничего не сказалъ.

Врачъ снова зашагалъ и заговорилъ:

— А я вамъ скажу: радость не внѣ насъ, а внутри. Внутри каждаго человѣка есть горчичное зерно радости, безъ него нельзя было бы жить. Ну, и чудесно. Такъ вотъ ты и сумѣй возрастить въ себѣ это горчичное зерно, дабы оно могло превратиться въ тѣнистое дерево, подъ вѣтвями котораго птицы печали находятъ отдохновеніе. И кто не умѣетъ быть такимъ садовникомъ разумнымъ, тотъ недостоинъ жизни и тому всякое явленіе жизни, всякое движеніе души—печаль.

Онъ вдругъ засмѣялся.

— Ну, вотъ,—сказалъ онъ,—вы заставили-таки меня философствовать. А это со мной рѣдко бываетъ. Дьячья натура вдругъ сказалась,—и проговорилъ я вамъ проповѣдь... Только насчетъ горчичнаго зерна какъ будто что-то навралъ или напуталъ. Но это ничего. А гулъ слышите? Вотъ это и есть аграрные безпорядки. А? вы не находите?

Сергѣй Ивановичъ шелъ шагъ въ шагъ съ врачомъ.

Ему хотѣлось что-нибудь сказать, какъ-нибудь поддержать разговоръ, отвѣтить, чтобы не дать ему возможности угаснуть. Но ничего не складывалось въ его головѣ, ничто не подвертывалось подъ его языкъ. Да, въ душѣ его теперь жила радость.

И какъ бы отвѣчая на его мысли, докторъ продолжалъ развивать тему, очевидно понравившуюся ему.

— Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ жизни для моей философіи,—сказалъ онъ,—ежели всякое словоизверженіе можно назвать философіей. Вы сидѣли сегодня за чаемъ съ достойнымъ вываренным судакомъ, Елизаветой Ѳедоровной. Это—радость.

— Почему?—съ удивленіемъ спросилъ Сергѣй Ивановичъ.

— Да потому, что вы въ это время думали, а можетъ быть и не думали, но въ душѣ вашей неизмѣнно звучало: „Господи, благодарю Тебя, что Ты избавилъ меня отъ счастья быть мужемъ этой женщины, и что нашелся другой дуракъ на проченное мнѣ мѣсто“. Вы смотрѣли на суровую маменьку, и въ душѣ вашей

звучало: „Боже, благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ моя родительница". И вы смотрѣли на Агашку, плачущую на бревнѣ чужой избы, и думали: „Боже, благодарю Тебя, что я не житель этой деревни, гдѣ гладъ и моръ, и аграрные безпорядки". И я радуюсь и благодарю Бога. Радуюсь, смотря на всѣхъ этихъ чудищъ здѣшней жизни, чудищъ облыхъ, стозѣвныхъ и лающихъ, потому что злюсь, а злость даетъ великое удовлетвореніе душѣ человѣка, какъ и любовь, какъ и гнѣвъ, какъ и многое другое. Овому—любовь, а овому—злость. Это — слагаемыя жизни. И выньте изъ этихъ слагаемыхъ одно—сумма покажется вамъ мелкой и не удовлетворитъ васъ.

VIII.

Они уже дошли до мѣста сборища.

Стояла среди поля, невдалекѣ отъ деревни, большая толпа крестьянъ. Кое-гдѣ—нѣсколько плуговъ, запряженныхъ лядащими лошаденками.

— Да какъ вы смѣете?!—кричалъ на толпу исправникъ, окруженный другими чиновными лицами уѣздной и вызванной, по случаю безпорядковъ, губернской администраціи. Вдали стоялъ взводъ донского казачьяго полка.—Да кто вамъ далъ право? Я васъ собралъ сюда по приказанію г. начальника губерніи. Его превосходительство очень огорченъ всѣмъ происшедшимъ и обращается къ вашей совѣсти.

Это онъ проговорилъ оффиціальнымъ тономъ, ровнымъ, холоднымъ и спокойнымъ. Но вдругъ полное лицо его, съ короткой шеей налилось кровью, коротко подстриженные усы оттопырились, и онъ дико закричалъ:

— Съ ума вы спятили, что-ли? Гдѣ вы живете? Въ дикой странѣ или въ благоустроенномъ государствѣ? Я васъ всѣхъ велю разогнать плетьми, если вы не разойдетесь по доброй волѣ. Кто далъ вамъ право жечь казенные лѣса, грабить чужой хлѣбъ, запахивать чужую землю? Я васъ такъ ожгу, что своихъ не узнаете!

Толпа до сихъ поръ безмолвствовала. Люди, очевидно, въ полномъ недоумѣніи переминались съ ноги на ногу. Какой-то человѣкъ въ пиджакѣ, въ высокихъ сапогахъ и русской рубахѣ шнырялъ среди толпы и разговаривалъ съ отдѣльными лицами.

— Не сдавайся, ребята... Нынче не тѣ права. Держись твердо.

Толпа, при послѣднихъ словахъ исправника, вздрогнула, шевельнулась. Человѣкъ въ пиджакѣ переходилъ отъ одной группы къ другой и показывалъ какую-то бумагу.

— Не тѣ нонѣ права, баринъ! — вдругъ произнесъ кто-то въ толпѣ, и глухой, ободрительный гулъ пронесся по ней, покрывая эти слова.

— Кто сказалъ? Кто сказалъ?..—закричалъ исправникъ.—Кто это сказалъ?

Никто изъ толпы не отвѣтилъ, но крестьяне какъ-то сомкнулись, сплотились и двинулись всей громадой впередъ. Исправникъ испуганно выпятилъ глаза и подался назадъ, чуть не передавивъ своей громадной и тяжелой фигурой стоящихъ за нимъ людей.

— По-моему, Иванъ Ивановичъ, — сказалъ ему чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, командированный сюда, — нужно просить сотника, чтобы двинуть казаковъ.

— Такъ потрудитесь ему передать...

Но чиновникъ быстро ступевался. Сотня стояла довольно далеко, и нужно было перейти порядочное пространство, чтобы дойти до нея, и притомъ на виду у толпы.

Чиновникъ что-то шепнулъ земскому, земскій, въ свою очередь, помоталъ отрицательно головой и передалъ приказаніе урядпику. Урядникъ потоптался на мѣстѣ, но не тронулся съ мѣста.

Видя общее замѣшательство и смущеніе чиновныхъ лицъ, толпа осмѣлѣла; она двинулась впередъ съ криками и угрозами.

И когда урядникъ рѣшился перейти пространство, отдѣлявшее его отъ казаковъ, изъ толпы крестьянъ вдругъ полетѣлъ въ него камень.

Урядника ударило въ спину; онъ упалъ, потомъ поднялся. Лицо его было искажено отъ боли и ярости.

Кучка администраціи быстро отступала къ опушкѣ лѣса; толпа надвигалась. Первый камень былъ сигналомъ; вслѣдъ за нимъ полетѣли другіе, потомъ—комья слежавшейся сырой земли, палки.

— Буде! Нонѣ не то, что прежде! Землю подѣлить обѣщали!..—слышались восклицанія.

Кто-то изъ кучки администраціи махалъ бѣлымъ платкомъ по направленію къ сотнику.

Сотникъ вынулъ шашку и скомандовалъ что-то сотнѣ.

Насталъ тяжелый, зловѣщій моментъ молчанія. Все замерло. Какъ будто общая нерѣшительность овладѣла всѣми. Но вслѣдъ затѣмъ изъ толпы полетѣли камни въ сотню, которая уже двинулась на толпу. Одинъ камень попалъ въ руку

сотника и выбилъ у него шашку изъ рукъ. Другой камень зашибъ ногу у лошади казачьяго ефрейтора, и она, хромая, выбыла изъ строя.

Сотникъ освирѣпѣлъ, издалъ проклятіе, но тотчасъ сдержался и принялъ холодно-равнодушный видъ.

Сотня подошла къ толпѣ.

— Разойдитесь!—крикнулъ онъ хриплымъ голосомъ.

Толпа не двинулась.

— Я вамъ приказываю разойтись!—громче повторилъ онъ и взмахнулъ шашкой, которую ему передалъ поднявшій казакъ, подъѣхавъ къ нему съ правой стороны изъ-за фронта. Сотникъ не могъ взять шашку въ правую, зашибленную руку и схватилъ ее лѣвой рукой, въ которой держалъ поводъ своей маленькой казачьей лошади.

Въ толпѣ кто-то зашевелился. Кто-то изъ заднихъ рядовъ высоко поднялъ добытую гдѣ-то косу, на лезвіи которой былъ привязанъ красный бабій головной платокъ съ мелкими, еле замѣтными, желтыми горошинами.

Съ этимъ краснымъ знаменемъ, толпа двинулась впередъ дружнымъ натискомъ.

— Эй, худо будетъ! — крикнулъ сотникъ еще болѣе охрипшимъ голосомъ, приказывая разойтись.

Въ отвѣтъ на эти слова полетѣли камни.

Тогда, по командѣ сотника, казаки двинулись на толпу. Засвистали въ воздухѣ нагайки, и тамъ и самъ послышались тяжелые ихъ шлепки въ воздухѣ, потомъ по тѣламъ. Въ толпѣ было нѣсколько женщинъ. Послышался вопль, взвизги, стоны. Красный флагъ вдругъ исчезъ, словно утонулъ среди этихъ сѣрыхъ волнъ взбаламученнаго народнаго моря. Все яростнѣе и яростнѣе сыпались удары нагаекъ, направо и налѣво. Казаки врѣзались въ толпу, нагибались съ сѣделъ, почти свертывались съ нихъ, чтобы вѣрнѣе нанести ударъ; камни свистѣли въ воздухѣ. Въ рукахъ человѣка въ пиджакѣ вновь показалась коса, и ея лезвіе блеснуло на солнцѣ и вдругъ опустилось, ранивъ крупъ завертѣвшейся лошади. Два-три казака выхватили шашки. Для острастки, сотникъ выхватилъ изъ кобуры револьверъ и выстрѣлилъ въ воздухъ.

При этомъ грозномъ звукѣ все смѣшалось въ кучу. Казаки гикали, лошади ржали, бабы визжали, и наконецъ толпа дрогнула и побѣжала вразсыпную по перепаханному полю. Люди спотыкались о комья, о плуги, падали, получая тяжелые удары нагаекъ, куда попало, по спинамъ, рукамъ и лицамъ.

— Ой, смерть моя пришла!—кричала баба, удирая съ мѣста происшествія во всю мочь.

— Убійцы!—оралъ человѣкъ въ пиджакѣ.—Какъ не стыдно вамъ бить братьевъ? Вѣдь это же народъ, вашъ народъ, такой же народъ, какъ вы?!

Онъ поднялъ угрожающимъ жестомъ рýки и грозилъ кулаками въ воздухѣ.

На него посыпались удары плетей. Тогда онъ изнемогъ, опустился на колѣни и безъ чувствъ свалился на землю.

Сотникъ обернулся, но ничего не увидѣлъ позади. Административныя лица тоже разсѣялись за естественнымъ прикрытіемъ лѣса, благополучно достигнувъ его.

Толпа въ безпорядкѣ бѣжала по полю по направленію къ деревнѣ.

Онъ скомандовалъ сотнѣ остановиться. Сотенный фельдшеръ подъѣхалъ съ санитарной повозкой и при помощи нѣсколькихъ спѣшенныхъ казаковъ сталъ подбирать оставшихся на этомъ странномъ полѣ сраженія гражданской войны. Ихъ было немного. Въ видѣ вещественныхъ доказательствъ взяли и косу, лежавшую тутъ же, и бабій красный платокъ съ желтыми горошинами—символъ аграрной революціи. Платокъ лежалъ затоптанный, грязный, прорванный.

IX.

Къ уходившимъ съ поля Петру Петровичу и Сергѣю Ивановичу подъѣхалъ сотникъ. Онъ не зналъ ихъ, будучи вызванъ со своей частью изъ губернскаго города.

— Стой!—крикнулъ онъ.—Вы кто такіе?

Петръ Петровичъ отвѣтилъ:

— Я—уѣздный врачъ, а это—сынъ здѣшней помѣщицы, Истоминъ, Сергѣй Ивановичъ.

— Что же вы тутъ дѣлаете?—спросилъ сотникъ.

— А что-жъ?—Ничего. Смотрѣли на гражданскую войну. Любопытно. Война была на Востокѣ, теперь война дома. Любопытно.

— А вотъ за любопытство вы, кажется, наказаны?—спросилъ сотникъ.

— Слегка, ваше благородіе,—отвѣтилъ Петръ Петровичъ, держась правой рукой за лѣвую и потирая ее.—Да и вы не безъ этого. Только не за любопытство, а за военные подвиги. Ручку-то ранили?

— Да, камнемъ зашибли. Это пустяки.

— А дайте-ка взглянуть!

Сотникъ показалъ руку.

— Гм... здорово зашибли.

На рукѣ, между кистью и локтемъ, былъ громадный кровоподтекъ, и вся рука вспухла.

— Придется полечиться, — сказалъ Петръ Петровичъ, — но ничего такого серьезнаго. До свадьбы заживетъ, — пошутилъ онъ. — У меня простой ушибъ. Но это тоже ничего. Не всякій день увидишь такое рѣдкое зрѣлище.

— И зачѣмъ вы совались? — примирительнымъ тономъ сказалъ сотникъ. — Я по долгу службы. А вы изъ пустого любопытства.

— Развѣ долгъ службы избивать свой народъ? — проговорилъ Петръ Петровичъ. — Это печально, что есть такой долгъ. А? вы не согласны?

— А вы — изъ красныхъ? — насмѣшливо проговорилъ сотникъ.

— Я изъ малиновыхъ, — отвѣтилъ Петръ Петровичъ. — Имѣю честь кланяться. Обратитесь къ полковому врачу. — Арнику или свинцовую примочку приложите. А можетъ, и другое что. Я отсталъ отъ медицины.

— Благодарю за совѣтъ. Вы-то счастливо отдѣлались отъ монахъ казаковъ. Могло и вамъ попасть.

Онъ повернулъ лошадь и поскакалъ къ своему взводу.

— Бѣдный казачокъ, — сказалъ самъ себѣ Петръ Петровичъ. — Не вѣдаетъ, что творитъ. И всѣ не вѣдаютъ, что творятъ. Казаки, которые бьютъ своихъ братьевъ, и правительство, которое заставляетъ ихъ дѣлать это, и народъ, который жметъ и грабитъ помѣщиковъ, во тьмѣ сознанія своихъ правъ, и мы съ вами, которые пошли смотрѣть на эту отвратительную экзекуцію. Ну, я уже очищенъ, потому что получилъ возмездіе. — Онъ указалъ на свою руку. — А вы? Вы все молчите.

Сергѣй Ивановичъ пожалъ плечами, ничего не отвѣтивъ.

Ему было до душевной боли отвратительно смотрѣть на это побоище и сердце его уныло сжималось, но истиннаго, горячаго возмущенія онъ все-таки не чувствовалъ. И это его смутно огорчало. Онъ возмущался умомъ, но не сердцемъ. Въ сердцѣ его жилъ одинъ образъ, одно видѣніе, заслонявшее собою все, властвовавшее безпредѣльно надъ всѣмъ. Какъ назойливо застрявшій въ его душѣ радостный напѣвъ, онъ звучалъ безпрерывно среди полной тишины и среди трагической музыки и свиста казачьихъ нагаекъ. Это была настоящая любовь, та любовь, которую фран-

цузскій мыслитель опредѣлилъ простыми, но вѣрными словами: „aimer—c'est indéfinitivement penser à celui qu'on aime". И эта дума о любимой женщинѣ стала давно составной частью его духовнаго организма.

— Къ обѣду будутъ у матери гости—Никаноръ Игнатьевичъ съ женой и Павелъ Васильевичъ съ женой—вашъ уѣздный предводитель дворянства.

Петръ Петровичъ съ удивленіемъ взглянулъ на него и сказалъ:

— И еще мы съ вами, а можетъ быть и исправникъ. Но—что-жъ изъ этого?

— Я и сегодня не успѣю переговорить съ матерью. Она хотѣла со мной говорить, и я хочу съ ней говорить. Мнѣ нужно уѣхать отсюда.

— Зовутъ?—съ особеннымъ значеніемъ произнесъ врачъ.

— Да... Она зоветъ. Я здѣсь два мѣсяца. Я измучился при этомъ материнскомъ режимѣ. Мнѣ претитъ эта регламентація, эта сухость, этотъ деспотизмъ. Я хочу свободы.

Петръ Петровичъ усмѣхнулся.

— Новое вѣяніе! Кто не хочетъ теперь свободы? Со дня на день ждемъ манифеста, а его все нѣтъ.

— Онъ будетъ.

— Вы полагаете? — серьезно переспросилъ Петръ Петровичъ.—Если онъ будетъ, это будетъ чудо.

— Почему?

— Потому что нигдѣ не видано, чтобы бюрократія сама на себя накладывала руки, да еще въ расцвѣтѣ своей дѣятельности. Свободу не даютъ, а берутъ, и вы увидите, что это будетъ полусвобода, мякина вмѣсто хлѣба, суррогатъ, который никого не удовлетворитъ. А? вы не согласны? вотъ и вы... вы все ждете освобожденія отъ маменьки, вмѣсто того, чтобы увязать въ одинъ прекрасный день чемоданы и сказать: „шеръ маманъ, я уѣзжаю".— Онъ исковерканно выговорилъ эти два слова по-французски и засмѣялся.

— Я такъ и сдѣлаю.

— Сомнѣваюсь. Вы страдаете тѣмъ, чѣмъ большинство русскихъ людей: импотенціей воли. Вотъ мой діагнозъ! А? вы не согласны?

X.

Они шли къ деревнѣ молча.

Ранняя осень, внезапно наступившая, повидимому, готова

была такъ же внезапно исчезнуть. Былъ августъ въ началѣ, и странно было видѣть эту падающую листву, точно подточенную какимъ-то тяжкимъ недугомъ. Но это, очевидно, былъ послѣдній дождливый день. Солнце все ярче и ярче разгоралось на небѣ, и самое небо становилось синѣе. Въ воздухѣ разливалась прежняя теплота, дорожки быстро просыхали.

Высоко по голубому эѳиру неба летѣли черным угломъ журавли и держали путь въ иныя страны, гдѣ солнце ярче блещетъ и гдѣ зелень долго еще сохраняетъ свою темно-зеленую одежду.

Сергѣй Ивановичъ поглядѣлъ вверхъ и позавидовалъ этимъ птицамъ.

„Они свободны!—подумалъ онъ.—Для нихъ не нужны ни чемоданы, ни поѣзда".

Онъ подивился этимъ страннымъ мыслямъ, вдругъ овладѣвшимъ имъ, и еле замѣтно усмѣхнулся.

Наконецъ, они дошли до дому, но Сергѣй Ивановичъ не пошелъ къ матери, а ушелъ въ паркъ, въ самую глухую аллею, и сѣлъ тамъ на полуразвалившейся скамейкѣ, съ книгой въ рукахъ, которую онъ захватилъ изъ своей комнаты.

Петръ Петровичъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ и, скручивая пожелтѣвшими отъ табаку пальцами толстыя папиросы, обильно муслилъ ихъ и курилъ одну за другою.

Ему хотѣлось говорить, но Сергѣй Ивановичъ былъ углубленъ въ чтеніе.

— Интересно, должно быть?—не удержался Петръ Петровичъ, прицѣлившись въ лужу и бросая въ нее окурокъ.

— Что?.. Очень!—отрываясь отъ чтенія, сказалъ онъ. И тотчасъ, какъ бы въ свое оправданіе, прибавилъ:—Нѣсколько друзей, собравшихся у развалинъ древняго Рима, говорили о дѣлахъ минувшихъ и о будущей жизни. Они когда-нибудь снова здѣсь соберутся, много вѣковъ спустя; но такъ какъ они не будутъ знать, что это они, то они и не будутъ тѣми, которые здѣсь теперь. И это грустно, очень грустно, такъ что плакать хочется...

Голосъ его дрогнулъ. Онъ замолчалъ, понявъ головою.

— Ахъ, еслибы знать, что есть за предѣлами нашей жизни другая жизнь! Какое бы это было утѣшеніе. Какъ разумна и полна значенія стала бы жизнь, которая кажется теперь такой ненужной и пустой!—вырвалось у него.

И снова онъ замолчалъ, и лицо его приняло грустное, убитое выраженіе.

— Бромъ вамъ надо пить, вотъ что!—суровымъ тономъ сказалъ врачъ:—бромъ и бромъ. И даже десять граммъ на сто-восемь-

десять аквы-дистилляты. Три раза въ день по столовой ложкѣ. Вотъ вамъ рецептъ. Что такое?—загорячился онъ:—что такое, въ самомъ дѣлѣ?! Ожидается конституція, заключеніе мира, а пока на вашихъ глазахъ происходятъ аграрные безпорядки. Казаки калѣчатъ людей, на Востокѣ льется человѣческая кровь. Ляоянъ, Портъ-Артуръ, Мукденъ, Цусимская катастрофа—тамъ вдали; забастовки, кровопролитіе 9-го января, бунты, убійства, репрессаліи—здѣсь внутри. А вы затянули одну пѣсню: „Катюша да Сима. Да вѣчная жизнь, да любовь и прочее сему подобное". Это возмутительно! Ни общественная, ни государственная жизнь васъ не интересуетъ. А? вы не согласны?

Онъ почти съ досадой посмотрѣлъ на Сергѣя Ивановича и ждалъ отвѣта.

Повидимому, давно уже зрѣло это осужденіе въ его головѣ, и онъ теперь его высказалъ.

Сергѣй Ивановичъ закрылъ книгу и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ взглянулъ на своего собесѣдника.

Петръ Петровичъ не далъ ему времени отвѣтить.

— Вотъ, вы читаете французскія книги и приходите отъ нихъ въ умиленіе. Васъ трогаетъ судьба этихъ французовъ съ ихъ трансцендентальной философіей, и вы готовы пролить слезу о томъ, что когда они умрутъ и снова возродятся, то не будутъ знать, что это они самые, а потому и не будутъ тѣми самыми. А вотъ участь сироты Агашки, выгнанной изъ дому на свѣтъ Божій безъ куска хлѣба, вытолкнутой на развратъ, потому что она одиночка, красива и бѣдна, а вотъ участь искалѣченныхъ казаками людей, а вотъ эта самая конституція, которая должна дать права человѣка людямъ безправнымъ, а вотъ алая кровь защитниковъ родины, осиротѣвшія семьи, лишившіяся отцовъ, жены, превратившіяся во вдовъ, деревни, изъ которыхъ увели кормильцевъ на бойню, голодъ, нищета, невѣжество, непроглядная тьма—все это вамъ чуждо, далеко, не трогаетъ васъ. Почему? А? Почему все это не трогаетъ васъ и почему вы копошитесь въ вашихъ мелкихъ личныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ? Я не спорю,—замѣтивъ движеніе Сергѣя Ивановича, прервалъ онъ его, торопясь досказать свою мысль,—ваша любовь можетъ быть не мелкой, огромной; вы имѣете право любить. Но, другъ мой! Есть же въ жизни человѣческой еще что-нибудь святое, кромѣ женщины? И есть историческіе моменты, когда личная жизнь отходитъ, должна отойти на второй планъ...

Онъ сильно затянулся толстой папиросой и выпустилъ клубъ дыма, который на мгновенье заволокъ его лицо.

Глаза Сергѣя Ивановича, обыкновенно спокойные, какъ бы подернутые дымкой грусти, глубоко засѣвшей въ его душѣ, теперь оживились и даже заблестѣли. Онъ внимательно выслушалъ рѣчь Петра Петровича и нѣсколько разъ пытался возражать.

Теперь онъ воспользовался паузой и съ необычной для него быстротой заговорилъ:

— Петръ Петровичъ! Я не совсѣмъ согласенъ съ послѣднимъ: общая жизнь складывается изъ личной, а общественная жизнь есть сумма жизней отдѣльныхъ личностей.

Петръ Петровичъ поморщился и покрутилъ головой.

— Это банально, другъ мой,—сказалъ онъ.

— Ахъ, да что же не банально?—горячо возразилъ Сергѣй Ивановичъ.—Все банально и все ново, какъ къ чему подойти. Я хочу только сказать, что жизнь личности не должна стушевываться на второй планъ. Но оставимъ это. Я—банальный человѣкъ, пусть такъ, я не спорю,—быстро прибавилъ онъ на очевидное желаніе врача возразить.—Нѣтъ, нѣтъ, не будемъ говорить комплиментовъ. Я баналенъ. Ну, что-жъ, я это знаю. Я даже храбро сознаюсь вамъ, что я холоденъ и равнодушенъ къ этой дикой сумятицѣ, которую хотятъ называть русской революціей. Я даже отчасти презираю ее; такъ, не очень, а слегка! Эта революція—покушеніе съ негодными средствами.

Петръ Петровичъ преувеличенно выпучилъ глаза.

— Ну, да. Революція должна быть организованной, сплоченной, яркой, безумной, безпощадной. А всѣ эти мелкіе бунты и бунтики, забастовки и безпорядки—это такъ, бурленіе воды на холодномъ очагѣ, воды, которая никакъ не можетъ закипѣть и забить ключомъ.

— Но погодите...

— И годить нечего. Она все только будетъ булькать, а не кипѣть. Это не великая французская революція цѣлаго народа. Великая, жестокая и безумная. И вотъ она меня—сознаюсь,—улыбнувшись, сказалъ онъ,—къ вашему ужасу, почти не трогаетъ. Я рѣдко говорю о политическихъ дѣлахъ,—не умѣю, не люблю говорить. Оттого и не люблю, что не умѣю. Но я думаю, что для революціи, для завоеванія не фиктивной, а настоящей свободы, нужна настоящая сила, взаимодѣйствіе всѣхъ силъ страны, а не то, что когда „народъ безмолвствуетъ“, или когда грабитъ и жжетъ, не сознавая цѣли. Слишкомъ велика пропасть между интеллигенціей и народомъ. Это чужіе другъ другу люди...

— Но позвольте...

— Нѣтъ, ужъ позвольте теперь мнѣ. Вы много говорили, и я много васъ слушалъ.

— Ну, ладно, говорите, послушаемъ....—согласился Петръ Петровичъ.

— Слушайте. Когда народъ ведетъ нищенскую жизнь, умираетъ отъ эпидемій, голодаетъ отъ неурожаевъ; когда интеллигенція есть синонимъ бюрократіи, когда городскіе люди не имѣютъ связи съ землей, когда общій разбродъ и неразбериха, когда подаются въ равномъ количествѣ адресы о коренныхъ реформахъ и адресы о сохраненія стараго строя,—то гдѣ же сила протеста? Народъ истощенъ болѣзнями, голодомъ, невѣжествомъ. Интеллигенція развращена окладами, чинами, наградами. Купечество и свободныя профессіи—tiers états что-ли, котораго у насъ, собственно, нѣтъ—валятъ черезъ пень колоду и находятся въ вѣчномъ антагонизмѣ,—гдѣ же тутъ взаимодѣйствіе силъ?

Истоминъ сдѣлалъ передышку и неожиданно закончилъ:

— А впрочемъ, все это можетъ быть и вздоръ.

— Какъ вздоръ? Почему вздоръ?—съ недоумѣніемъ спросилъ Петръ Петровичъ.

Но уже прежнее одушевленіе сразу покинуло Сергѣя Ивановича. Глаза его вновь погасли и на лицѣ явилось скучающее, усталое выраженіе.

— Все вздоръ, что я говорилъ. Вѣроятно, я ошибаюсь. Вѣрнѣе всего я самъ, я, Сергѣй Ивановичъ, я лично не гожусь для этого великаго дѣла возрожденія родины. Да и мы всѣ мало годимся. Но буду говорить, если вы не устали слушать, только о себѣ. Не устали? Ну, и чудесно. Я рѣдко говорю, но вы же меня подзадорили, и потому постараюсь разомъ—vider la question.

— Мы, восьмидесятники, разучились ходить и даже желать ходить. Слишкомъ ужъ долго провалялись мы на кушеткѣ. Въ чемъ, я васъ спрашиваю, заключается истинный патріотизмъ?

Петръ Петровичъ снова закуривалъ и не имѣлъ времени отвѣтить на вопросъ.

Сергѣй Ивановичъ воспользовался этимъ и, не давая ему времени, быстро заговорилъ:

— Въ познаніи своей родины. Изъ этого познанія вытекаетъ любовь къ тому сложному отвлеченному коллективному понятію, которое называется родиной. Нельзя, вѣдь, любить того, о чемъ знаешь по наслышкѣ. Нельзя любить и женщину, о которой вы только слыхали, но которую вы не знаете. Но намъ строжайше запрещали познавать родину. Злой дядя оберегалъ свою воспитанницу отъ поползновеній учителя музыки. Насъ не допускали

близко къ этой опекаемой воспитанницѣ, и въ концѣ концовъ добились того, что мы перестали интересоваться ею. Ну, вотъ, мы и не любимъ ее. Можетъ быть, и любимъ, но той странной любовью, о которой говорилъ Лермонтовъ. Въ ней больше печали, чѣмъ радости, въ ней больше недоумѣнія, чѣмъ знанія. Словомъ, мы стали равнодушны и отошли въ сторону. Дѣлайте, молъ, что хотите съ этой родиной, а моя изба съ краю, какъ вы сами говорите, господа опекуны. Мы стали ѣздить за границу и познавать иные берега, иныя волны. Мы знаемъ лучше Парижъ, чѣмъ Москву, а какую-нибудь Чухлому и вовсе не знаемъ. Еще два слова: патріотизмъ, какъ и всякое чувство, требуетъ упражненія. Какъ все, онъ отъ неупотребленія глохнетъ. Зато личныя дѣла и дѣлишки въ эту, недоброй памяти, эпоху восьмидесятыхъ годовъ развились необычайно. И еще одно только слово: служеніе родинѣ при тѣхъ условіяхъ требовало героизма. Но героизмъ въ насъ вытравлялся систематически. Да и что можетъ сдѣлать одинъ герой на сотни тысячъ безпочвенниковъ и равнодушныхъ? Это вспышка молній безъ грома. Далекая зарница.

Онъ опять глубоко вздохнулъ, сдѣлалъ передышку, положилъ руку на толстое, круглое колѣно доктора и сказалъ:

— Я кончилъ. Вотъ вамъ моя гражданская исповѣдь. Я, кажется, сказалъ все, что хотѣлъ, но сказалъ какъ умѣлъ. Мы люди восьмидесятыхъ годовъ, люди въ этомъ смыслѣ конченные. Отъ насъ нечего ждать обновленія и работы. Наши силы, наша воля атрофированы бездѣйствіемъ. Поймите это и не вините насъ сурово. Жестокій режимъ, при которомъ мы жили, совершилъ тяжкое преступленіе,—его и вините.

Сергѣй Ивановичъ замолчалъ, поникъ головой и сталъ вычерчивать палкой въ мягкой глинистой почвѣ какіе-то іероглифы.

— Что же вы молчите? — спросилъ онъ Петра Петровича, который съ озлобленіемъ бросилъ окурокъ въ лужу.—Говорите, возражайте...

— Что же говорить? Вы правы. Но откуда же, отъ кого ждать обновленія, ежели всѣ—импотенты? А?

Сергѣй Ивановичъ развелъ руками.

— Этого я не знаю.

Время подошло къ пяти часамъ, и, взглянувъ на часы, Сергѣй Ивановичъ заторопился. У Елены Васильевны обѣдали рано, по-деревенски, около пяти часовъ.

Оба нѣхотя встали со скамьи. Сергѣй Ивановичъ—съ усталымъ и слегка встревоженнымъ видомъ, безпокоясь, какъ бы не опоздать, Петръ Петровичъ—съ чуть скрываемой насмѣшкой глядя на него.

XI.

Иванъ Ивановичъ былъ съ женой, маленькой, худенькой блондинкой; она была немолода и имѣла видъ цыпленка, промокшаго подъ дождемъ, нервно вздрагивала, когда начинали говорить слишкомъ громко, и любовно взглядывала на своего мужа, а когда тотъ говорилъ, то съ торжествомъ смотрѣла на своихъ сосѣдокъ—Тихменеву и Залѣсову, какъ бы желая обратить ихъ вниманіе на замѣчательныя мысли своего супруга.

Петръ Петровичъ повернулъ плетеный соломенный стулъ и, сѣвъ на него верхомъ, скрутилъ толстѣйшую папиросу. Тихменева на него покосилась, поджала губы, пожевала ими, но ничего не сказала. Она терпѣть не могла этихъ „независимыхъ" манеръ врача, но покорялась имъ, какъ неизбѣжному злу.

— Ну что, почтеннѣйшій предводитель,—началъ Петръ Петровичъ, обращаясь къ Ивану Ивановичу.—Слыхалъ, будто объявили Государственную Думу?

— Неужели вы не читали? Вчера въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ" напечатанъ былъ манифестъ и положеніе.

— Я „Губернскихъ Вѣдомостей" не чтецъ, а пуще образцовыхъ, каковы наши.

Иванъ Ивановичъ почтительно улыбнулся, хотѣлъ даже разсмѣяться этой бутадѣ, но у него смѣхъ не вышелъ.

— Однако,—сказалъ онъ,—это такая великая реформа, что слѣдовало бы поинтересоваться.

Петръ Петровичъ крякнулъ.

— Въ общихъ чертахъ она мнѣ извѣстна: въ депутаты, которыхъ запрещено называть депутатами, такъ какъ Дума не парламентъ, попадутъ кабатчики, домовладѣльцы, помѣщики и кулаки-мужики,—словомъ, люди съ большимъ цензомъ. Эти „народные" представители, которыхъ запрещено называть представителями, а только выборными, могутъ излагать свои мнѣнія, слушаться которыхъ необязательно, потому что это не парламентъ, а совѣщательное учрежденіе. Впрочемъ, они могутъ дѣлать робкіе запросы министрамъ, которые могутъ не отвѣчать этому собранію нотаблей, а посылать для отвѣтовъ мелкихъ чиновниковъ. И то много чести. Кромѣ того, извѣстно мнѣ—правда, по слухамъ,—что нотабли будутъ получать десять рублей суточныхъ и билетъ перваго класса отъ и до своихъ „Монрепо"; кромѣ того, имъ будутъ отведены казенныя помѣщенія въ запасныхъ

дворцахъ — нѣчто вродѣ почетныхъ тюремъ. И еще, что Дума будетъ помѣщена въ Таврическомъ дворцѣ, который, пишутъ, нѣтъ возможности отапливать. Это хорошо. Долго не будутъ засиживаться, получатъ гриппы и насморки, Дума будетъ блистать абсентеизмомъ и дѣла будутъ дѣлаться безъ нея.

Онъ захлебнулся дымомъ и звонко, раскатисто раскашлялся.

— Удивительно!! — съ комическимъ паѳосомъ проговорилъ Иванъ Ивановичъ. — Впрочемъ, ничего удивительнаго нѣтъ. Такова черта истиннаго русскаго человѣка. Издѣваться надъ всѣмъ новымъ своимъ, даже не давъ войти этому новому въ силу. Вы уже не вѣрите, еще не помолившись. Это первые шаги. Ребенокъ тоже не начинаетъ бѣгать сразу. Его учатъ.

Худенькая дама посмотрѣла на всѣхъ съ побѣдоноснымъ видомъ и вызывающимъ взглядомъ окинула дерзкаго Петра Петровича.

— Почтеннѣйшая Евгенія Петровна,—сказалъ ей врачъ,— вы меня хотите уничтожить и обратить особливое вниманіе на слова достопочтеннѣйшаго нашего предводителя. Ихъ внѣшній блескъ я признаю.. Желаю ему здоровья и званія выборнаго отъ населенія въ Думу.

— О, онъ не будетъ выбранъ!—воскликнула она и остановилась, какъ бы ожидая возраженія.

Сергѣй Ивановичъ изъ вѣжливости спросилъ:

— Почему??

Она ждала этого вопроса и отвѣтила съ увлеченіемъ:

— Онъ слишкомъ либералъ, его считаютъ въ уѣздѣ крайнимъ, и число членовъ Думы очень ограничено,—нѣтъ, онъ не попадетъ, не попадетъ. У насъ не умѣютъ отличать людей.

— А орденочекъ св. равноапостольнаго Владиміра получили, ваше превосходительство?—вдругъ неожиданно спросилъ Петръ Петровичъ.

— Это—почему? Почему вы спрашиваете? — насупившись, отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Такъ, изъ любопытства, изъ чистаго любопытства, ваше превосходительство.

Иванъ Ивановичъ сдѣлался еще суше и наставительнымъ тономъ отвѣтилъ:

— И чинъ статскаго совѣтника, и орденъ Владиміра я получилъ. Я двѣнадцать лѣтъ работаю для общественной пользы, не покладая рукъ. И полагаю, что заслужилъ то, что заслужилъ.

— Да я не спорю. А я вотъ двадцать-два года работаю для общественной пользы и ни чертà не заслужилъ, и окромя

того полагаю, что ежели Дума будетъ состоять изъ превосходительствъ съ Владимірами, то отъ сего польза произойдетъ малая.

Онъ говорилъ теперь рѣзко, не сдерживаясь. Это иногда находило на него, какъ находило желаніе вставлять въ свою рѣчь простонародныя выраженія.

— Какая польза человѣку, ежели онъ Владиміра обрящетъ, душу же свою отщетитъ?—продолжалъ онъ.

Иванъ Ивановичъ презрительно пожалъ плечами.

Петръ Петровичъ продолжалъ:

— Вотъ-съ, почтеннѣйшая супруга ваша находитъ васъ опаснымъ, въ смыслѣ либеральности, а я нахожу, что ежели Дума будетъ состоять изъ разныхъ превосходительствъ, коммерціи и мануфактуръ-совѣтниковъ, домовладѣльцевъ и кулаковъ подъ видомъ представителей крестьянскаго населенія, то все останется попрежнему-съ и ничего въ этой Думѣ „опаснаго“ не будетъ. Ее будутъ спрашивать: какъ поступить, а она будетъ отвѣчать: какъ прикажете. И благо вамъ будетъ и долголѣтни будете на землѣ. Аминь.

— Во что же вы вѣрите?—спросилъ Никаноръ Игнатьевичъ, обращаясь къ врачу.

— Во все-съ, уважаемый Никаноръ Игнатьевичъ, во все-съ.

— Однако?

— Во все: вотъ въ то, что я здѣсь сижу. И въ то, что осень смѣнилась нежданно-негаданно бабьимъ лѣтомъ. И въ то, что сейчасъ казаки калѣчили людей, о чемъ вы всѣ, конечно, освѣдомлены, но такъ мало этимъ интересуетесь, что ничего объ этомъ не говорите.

— Мы къ этимъ безпорядкамъ за эти полтора года достаточно привыкли,—отвѣтилъ Никаноръ Игнатьевичъ.

— Къ этому нельзя навыкнуть. Никогда вы не привыкнете къ тому, ежели вамъ будутъ ежедневно ломать по ребру или пущать кровь. А? Вы не согласны? Вѣрю еще и тому, что у насъ есть либералы-предводители въ превосходительныхъ чинахъ, крѣпостники-помѣщики и помѣщицы; вѣрю въ существованіе губернаторовъ, исправниковъ, земскаго урядника и стражника. Вѣрю въ существованіе индифферентовъ и ревнивыхъ женъ. Вѣрю, что содержатели домовъ терпимости по своему имущественному цензу могутъ попасть въ Думу. Ну, и во все прочее, что даетъ жизнь. Но не вѣрю я тому, что долго содержимая въ рабствѣ и во тьмѣ невѣжества Россія вдругъ обновилась и стала свободной и просвѣщенной. Не вѣрю я, что это можетъ произойти при помощи этой своеобразной Думы. Не вѣрю я, чтобы вдругъ

разступилась тьма и наступило райское сіяніе. Можетъ быть, послѣ многихъ лѣтъ тьмы, наступятъ сумерки. Предразсвѣтныя сумерки. Но до утренней зари далеко...

Онъ бросилъ папиросу черезъ террасу въ садъ, перевернулъ стулъ и сѣлъ обычнымъ образомъ.

Ему никто не отвѣтилъ.

XII.

Всѣ отправились въ столовую. Оеня и другая дѣвушка подавали обѣдъ. Оеня,—неловкая и неповоротливая,—облила пиджакъ Никанора Игнатьевича, который очень на это разсердился и вспомнилъ не безъ горечи ловкую, живую Агашу.

Евгенія Петровна, чтобы замять инцидентъ, стала разсказывать о мобилизаціи въ уѣздѣ.

— Мой мужъ теперь работаетъ съ восьми утра до девяти вечера, — говорила она тоненькимъ голоскомъ. — Онъ предсѣдательствуетъ по мобилизаціи. Не понимаю, зачѣмъ мобилизація, когда миръ почти заключенъ? Нужно пересмотрѣть десять тысячъ человѣкъ, а взять шесть. Очень боюсь, что все это пройдетъ неспокойно. Призываемымъ кто-то внушилъ, что правительство нарочно распустило слухъ о мирѣ, чтобы они не бунтовали. А я думаю, что наконецъ мы поумнѣли и мобилизуемся на всякій случай, чтобы добрые сосѣди это видѣли.

Она задыхалась отъ такой длинной рѣчи, ея впалая грудь тяжело вздымалась. Она любовно взглядывала на мужа и искала у него одобренія.

Но онъ сказалъ:

— Напротивъ, я думаю, что мобилизацію остановятъ.

— И представьте,—передохнувъ, продолжала она,—множество изъ призываемыхъ обращаются ко мнѣ. Просятъ освобожденія. Много несчастныхъ женъ и матерей. Одна даже взятку притащила—двухъ хохлатыхъ куръ.

— А вы не взяли?—невиннымъ тономъ спросилъ врачъ.

— Петръ Петровичъ!—строго остановила его Тихменева.

— Нѣтъ, отчего же, я вѣдь только спрашиваю.

Лицо Евгеніи Петровны пошло пятнами.

— Я не удивляюсь вашему вопросу,—отвѣтила она тонкимъ дрожащимъ голосомъ.—Вы такой всегда дерзкій. Я не взяла. Я успокаивала ее, какъ умѣла и могла, но никакъ не умѣла доказать бабѣ и объяснить ей, что она меня обидѣла. Наконецъ, разозлилась и затопала на нее ногами.

— Воображаю, какъ это было страшно! — вполголоса сказалъ Петръ Петровичъ, толкнувъ локтемъ Сергѣя Ивановича. Тотъ невольно улыбнулся.

— Что вы сказали?—грозно спросила Тихменева.

— Ничего-съ. Сквозь себя!—отвѣтилъ онъ насмѣшливо.

Евгенія Петровна продолжала:

— Бѣдный, несчастный, неразумный, темный народъ! Кто только ихъ не надуваетъ, кто не грабитъ! Сколько надо будетъ времени, чтобы мозгъ ихъ началъ работать!

Въ ея слабенькомъ голосѣ послышались слезы. Она вздрогнула и примолкла, какъ обиженный цыпленокъ.

Это тронуло даже Петра Петровича. Онъ перегнулся черезъ столъ, опрокинулъ стаканъ и протянулъ ей руку.

— Позвольте ручку поцѣловать,—сказалъ онъ.

— За что? — съ удивленіемъ взглянувъ на него, спросила она.

— Вотъ за эти самыя слова-съ. Хорошія слова и вѣрныя. Красивыя слова.

Онъ сѣлъ на мѣсто, поставилъ стаканъ и закрылъ салфеткой образовавшееся отъ вина пятно на скатерти.

Елизавета Ѳедоровна скривила на своемъ лицѣ улыбку, которую можно было одновременно счесть и за насмѣшливую, и за одобрительную. Тихменева еще не высказала по поводу этихъ словъ своего безапелляціоннаго мнѣнія, и потому надо было имѣть про запасъ двѣ улыбки. Иванъ Ивановичъ поглядѣлъ сочувственно на свою жену: „вотъ она, молъ, у меня какая!“ и тутъ же подумалъ: „нѣтъ, лучше ужъ цыпленокъ, чѣмъ разварной судакъ“.

Но Тихменева готовилась къ отвѣту.

Дрожащими отъ старости руками она налила себѣ въ рюмку домашней наливки, которая считалась spécialité de la maison. Потомъ она обвела всѣхъ строгимъ взоромъ, потому что любила, чтобы молчали, когда она говоритъ, и изрекла:

— Вотъ именно: темный народъ, неразумный. А по-моему, просто глупый. Вотъ имъ дали теперь парламентъ и ожидаютъ отъ нихъ какой-то мудрости. А они, въ благодарность, распахиваютъ чужую землю и бунтуютъ. И когда ихъ освободили отъ насъ, помѣщиковъ, то они тоже вмѣсто благодарности бунтовали. И чѣмъ больше дайте имъ свободы, тѣмъ больше они будутъ бунтовать.

Никто не возражалъ, и Тихменева, сдѣлавъ передышку, продолжала:

— А почему?

XIII.

Тихменева была очень недовольна дерзостями Петра Петровича. Дулся на него и Иванъ Ивановичъ, и Никаноръ Игнатьевичъ, и Елизавета Ѳедоровна,—послѣдняя за то, что онъ осмѣлился говорить такъ съ „почтеннѣйшею Еленой Васильевной". Только худенькая Евгенія Петровна перестала на него дуться и изрѣдка взмахивала на него бѣлесоватыми рѣсницами своихъ безцвѣтныхъ глазокъ, въ которыхъ стояло выраженіе благодарности за поцѣлуй ея ручки. Она вѣдь не воображала, что сказала нѣчто трогательное или умное; это вышло случайно. Но разъ Петръ Петровичъ—самъ Петръ Петровичъ — нашелъ, что это хорошо,—значитъ, это и было хорошо. Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ хмуро. Ему надоѣли эти разговоры, эти распри, толки о Думѣ. Онъ уже давно слышалъ всѣ эти толки и неисчислимое количество разъ повторяемую формулу: „всеобщая, равная, прямая и тайная". Эту фразу затрепали, захватали, и то, что таило въ себѣ большую истину, стало теперь почти комической выходкой. И потомъ такъ долго говорятъ! Полгода говорятъ все о томъ же! Нельзя такъ много говорить—надо дѣлать. Съ одной стороны сражаются языкомъ, а съ другой казаками. Оружія — неравныя. Нужно одно: нужно замолчать, или взять то, что нужно, не словами, а силою.—Сергѣй Ивановичъ самъ себѣ подивился. Онъ ли такъ разсуждаетъ? Да, это онъ, такъ далекій отъ политики, крѣпко заблиндировавшій себя отъ охватившаго всѣхъ движенія своимъ старымъ горемъ, перемѣшаннымъ съ новой радостью. Да, это онъ! Странныя времена! Новыя вѣянія врываются въ щели запертой двери. Онъ вдругъ ощутилъ запахъ нѣжныхъ духовъ—fleur qui meurt, которыми душилась Сима. Онъ точно почувствовалъ ихъ разлитыми вокругъ себя. „Это психологическое обоняніе",—подумалъ онъ съ усмѣшкой.

Разговоръ опять возобновился, хоть и не съ прежней силой, по поводу газетъ, которыя станціонный сторожъ принесъ съ вокзала желѣзной дороги, отстоявшаго отъ усадьбы верстахъ въ пяти. Но Сергѣй Ивановичъ уже не слушалъ этихъ вспышекъ догоравшаго разговора. Какъ все ему надоѣло! И мать, и ея гости, и деревня, особенно деревня, и даже самъ Петръ Петровичъ. Сергѣй Ивановичъ вспоминалъ запахъ духовъ и съ поэтической грустью думалъ о себѣ: „Я—тоже умирающій цвѣтокъ. Дни счастья ушли съ Катюшей, которая лежитъ тамъ далеко..."

Жизнь одинокая, жизнь унылая оцѣпила его. Пусть всѣ говорятъ объ общемъ благѣ и общемъ счастіи, которое — выше и шире личнаго. Пусть такъ. Но что же ему-то дѣлать, если онъ потерялъ вкусъ къ жизни и къ работѣ? Встряхнуться? Для чего? Конецъ одинъ и смыслъ жизни одинъ—это смерть. Изъ-за чего же трудиться, работать? И тутъ же опровергалъ себя: „Если я пріѣхалъ въ гостинницу, въ чужой городъ, съ намѣреніемъ прожить въ немъ недѣлю, то значитъ ли это, что я не долженъ распаковывать своего чемодана, вынуть вещи и привести себя въ порядокъ? Вѣдь все равно, молъ, черезъ нѣсколько дней уѣду—такъ стоитъ ли? Да отъ чего же нѣтъ? Лучше же прожить эти нѣсколько дней съ удобствомъ и комфортомъ, чѣмъ кое-какъ". И онъ вспомнилъ о Мишѣ. Тотъ, въ дѣтскіе годы, искренно удивлялся, зачѣмъ его заставляютъ мыть руки, когда онѣ опять сдѣлаются грязными. Не похожъ ли онъ на Мишу? Онъ умретъ, это несомнѣнно, но развѣ слѣдуетъ изъ этого, что не надо мыть руки, то-есть устраивать свое счастье и счастье другихъ на землѣ, только потому, что уйдешь съ нея въ невѣдомое царство небытія? Кто-то сказалъ, что вѣчный жидъ потому такъ безостановочно шелъ, что у него не было двугривеннаго, для остановки въ харчевнѣ. Не похожъ ли онъ на этого жида? Въ душѣ его тоже нѣтъ на двугривенный силы воли, чтобъ остановиться у счастья, и, кажется, вся его жизненная энергія унесена Катюшей въ могилу.

Глаза его затуманились, и онъ подавилъ въ себѣ глубокій вздохъ.

XIV.

Смеркалось. Кофе перешли пить на террасу.

Настроеніе у всѣхъ было невеселое. Елена Васильевна видимо дулась на сына, за то, что онъ собирался уѣзжать изъ деревни въ Петербургъ, и за то, что сталъ—подъ вліяніемъ Камчатскаго—не столь уже почтительнымъ, какъ прежде, и за то, что ей не удается съ нимъ поговорить въ теченіе цѣлаго дня, и за то, что этотъ разговоръ, если онъ даже состоится, не приведетъ ни къ чему. Она это чувствовала, знала и понимала.

Она хотѣла привязать его къ дому, къ деревнѣ, къ себѣ. Не потому, что она любила его; настоящаго материнскаго чувства у нея не было, да и не могло быть, такъ какъ, кромѣ материнской, инстинктивной, врожденной любви, должна быть привязанность къ сыну, привычка къ общенію; органическая любовь матери

должна превратиться въ силу. Органическое чувство было у нея всегда слабо, а за время долгой разлуки и натянутыхъ отношеній оно какъ-то выв'ѣтрилось.

Она пила чай, устремивъ свой взоръ въ темнѣвшія дали запущеннаго парка. Тамъ среди стволовъ таился мракъ и все было нѣмо и глухо вокругъ нея. Она перевела взоръ на сына, но у него былъ скучающій и равнодушный видъ; и всѣ молчали. И Залѣсовъ, и Лысогоровъ, и даже „эта трещотка" Камчатскій. Говорили вполголоса только Елизавета Ѳедоровна и Евгенія Петровна. И было тягостно и жутко вокругъ.

Прибѣжала на террасу горничная и принесла свѣтъ въ большихъ стеклянныхъ колпакахъ; стало свѣтлѣе и какъ будто веселѣе вокругъ, но зато паркъ и всѣ окрестности вдругъ исчезли точно во мракѣ небытія, и дали стали еще чернѣе, еще чреватѣе скрытыми въ нихъ злыми бѣдами.

Гдѣ-то вдали, а потомъ совсѣмъ близко раздался звонъ бубенчиковъ.

Опять прибѣжала горничная и что-то пошептала Сергѣю Ивановичу на ухо.

Онъ весь встрепенулся, вздрогнулъ, суетливо всталъ, потомъ сѣлъ.

Гости начали вполголоса разговоръ между собою.

Воспользовавшись этимъ, Сергѣй Ивановичъ спросилъ у дѣвушки:

— Гдѣ же онъ?

— Во флигелькѣ.

— Хорошо, пойду.

Елена Васильевна подозрительно взглянула на сына.

— Что такое?—недовольнымъ тономъ спросила она.

— Такъ, maman, ничего. Ко мнѣ пріѣхалъ неожиданно изъ Петербурга...

— Кто?

— Одинъ молодой человѣкъ,—уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Кто же?

— Такъ... знакомый.

Елена Васильевна поджала губы Она терпѣть не могла, когда кто-нибудь являлся въ ея домъ безъ предварительнаго разрѣшенія или приглашенія. Къ тому же сынъ ея до того смутился, что ей это появленіе гостя показалось подозрительнымъ.

Она больше ничего не сказала.

Сергѣй Ивановичъ ушелъ съ террасы, перешелъ комнаты,

погруженныя въ тьму, перешелъ дворъ и направился къ флигелю, въ которомъ жилъ.

Тамъ въ одномъ окнѣ былъ свѣтъ.

Сердце у Сергѣя Ивановича забилось. Онъ вообще нервничалъ въ послѣднее время, отъ страстнаго желанія поскорѣе покинуть этотъ домъ, и отъ того, что никакъ не могъ рѣшиться на это. Часы какой-то отупѣлой апатіи смѣнялись часами нервнаго возбужденія.

И отъ Симы давно не было писемъ.

Дрожащей рукой онъ открылъ дверь и вошелъ въ сѣни, гдѣ стоялъ раскрытый небольшой чемоданъ. Дверь въ комнату была тоже полуоткрыта.

За столомъ, подъ зеленымъ колпакомъ лампы, сидѣлъ въ задумчивой позѣ молодой человѣкъ и спокойно прислушивался къ шуму въ сѣняхъ.

Онъ былъ въ разстегнутой студенческой тужуркѣ, изъ-подъ которой виднѣлась мягкая синяя шолковая рубаха.

Сергѣй Ивановичъ стремительно вошелъ въ комнату.

— Миша!—сдавленнымъ голосомъ, порывисто сказалъ онъ и хотѣлъ броситься ему на шею, обнять, поцѣловать его.

Но Миша холодно всталъ и только протянулъ ему руку, всѣмъ корпусомъ отстранившись назадъ.

— Здравствуй, папа!—сказалъ онъ.—Удивленъ?

Миша задержалъ руку отца въ своей рукѣ, чтобы не дать ему ее высвободить и обнять его.

Потомъ онъ пододвинулъ стулъ отцу и сѣлъ самъ.

— Удивленъ... и обрадованъ,—какимъ-то виноватымъ голосомъ сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Да-а? — протянулъ Миша, и трудно было понять, звучитъ ли въ этомъ словѣ скрытая насмѣшка, или полное равнодушіе.

— Ну, да, само собой,—торопливо заговорилъ Сергѣй Ивановичъ, и почувствовалъ, какъ волненіе и сконфуженность все больше и больше овладѣваютъ имъ.—Ну, да, очень. Сколько времени не видались!.. Какъ же такъ вдругъ? И не написалъ?..

— А что-жъ? Развѣ нужно было?—тѣмъ же тономъ отвѣтилъ Миша.—Или ты все еще боишься бабушки?

Сергѣй Ивановичъ помолчалъ. Онъ обдумывалъ въ это время, что онъ скажетъ этой бабушкѣ, которая никогда не признавала существованія внука, упорно дѣлала видъ, что не знаетъ даже о его бытіи, и никогда не проститъ ни ему, ни сыну этого непрошеннаго вторженія.

— Да бабушка...—неопредѣленнымъ тономъ произнесъ Сергѣй Ивановичъ.—Она, вѣдь, и до сихъ поръ...

— Не признаетъ меня? Знаю. Ну, скажи, что я—чиновникъ изъ твоего банка, что-ли; пріѣхалъ съ бумагами.

Теперь уже явная насмѣшка звучала въ его тонѣ.

— Оставимъ это,—уныло сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Оставимъ,—согласился Миша.

Сергѣй Ивановичъ чувствовалъ себя ужасно.

Не такой встрѣчи ожидалъ онъ съ сыномъ. Это тотъ Миша, котораго они такъ безумно любили и баловали съ покойной Катюшей. Это тотъ мальчикъ, всегда ласковый, всегда нѣжный, когда-то ходившій въ длинныхъ локонахъ... Теперь это юноша съ саркастической улыбкой на устахъ, съ ироніей во взорѣ, сухой, холодный съ виду человѣкъ. У нихъ уже давно установились такія отношенія. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Миша убѣдился въ любви отца къ Симѣ.

Онъ сразу сдѣлался сдержаннымъ и молчаливымъ и какъ будто на семь замковъ замкнулъ передъ отцомъ свою душу.

Сначала Сергѣй Ивановичъ никакъ не могъ понять это и не могъ примириться съ этимъ. Но взаимное отчужденіе росло и вырыло между ними пропасть.

Иногда Сергѣю Ивановичу безумно, порывисто хотѣлось заговорить съ сыномъ, выяснить ему, какъ онъ любилъ нѣжно и горячо его покойную мать; какъ онъ тяжко страдалъ, когда она на вѣки ушла отъ нихъ въ другой міръ, о которомъ никто не знаетъ, но который принято считать лучшимъ; какъ онъ остался одинокъ, безпомощенъ среди океана жизни, который начиналъ уже кипѣть, волноваться и бурлять, какъ ему жадно, властно захотѣлось новой любви, новой заботы. Какъ онъ полюбилъ Симу, эту красавицу-женщину съ добрымъ сердцемъ, искалѣченную жизнью; онъ хотѣлъ сказать, что эта новая любовь оставила нетронутымъ его чувство къ покойной Катюшѣ, то чувство любви, благодарности, утраченнаго счастья, которое всегда будетъ жить въ его душѣ, какія бы перемѣны ни случились въ его внѣшней и внутренней жизни. Съ этимъ чувствомъ онъ умретъ. Миша не можетъ, не долженъ отстраняться отъ него, потому что онъ любитъ его по прежнему; Миша самъ замкнулся отъ него на семь замковъ и не пускаетъ его больше въ свою внутреннюю, интимную жизнь. Вѣдь не измѣнилъ же онъ къ сыну прежнихъ чувствъ. За что же онъ относится къ нему такъ жестоко, лишая его своей любви и довѣрія?

Онъ все это хотѣлъ не разъ сказать сыну. Но каждый разъ,

когда онъ хотѣлъ заговорить съ нимъ, холодный взоръ Миши и его кривая, насмѣшливая улыбочка сковывали ему уста и захолаживали его сердце.

И теперь, послѣ продолжительной разлуки, онъ думалъ, что ему удастся, наконецъ, заговорить съ сыномъ о томъ, что такъ давно и страшно волнуетъ его, что такъ глубоко тайно оскорбляетъ его.

И вотъ передъ нимъ опять воздвигалась стѣна изъ ироническаго взора и саркастической улыбки юноши, стѣна, пробить брешь въ которой онъ не имѣетъ силъ. И каждый разъ къ чувству внутренней обиды примѣшивалось чувство какой-то виноватости передъ сыномъ.

Онъ тяжело вздохнулъ, присѣлъ къ окну и закрылъ ладонью глаза отъ свѣта свѣчи, который былъ ему невыносимъ.

Миша тоже молчалъ.

XV.

За окномъ уже распоряжалась властной хозяйкой ночь. Она стирала свѣтлыя краски неба и накладывала тѣни на природу. Чернѣлъ и густѣлъ паркъ; тяжелымъ темнымъ силуэтомъ вырисовывался усадебный домъ съ освѣщенными изнутри окнами, и походилъ этотъ домъ на таинственное чудовище съ недреманнымъ окомъ, притаившееся въ своей злобѣ, готовое ринуться на прохожаго. Все густѣло и мрачнѣло вокругъ, какъ густѣло и мрачнѣло на душѣ Сергѣя Ивановича. Ему хотѣлось любить и молиться. Но Миша не позволялъ ему любить себя, матери онъ не любилъ самъ, а Сима была далеко. Молиться? Кому? О чемъ? Въ его душѣ еще не замерли чисто дѣтскіе порывы вѣры, той наивной, сентиментальной и смѣшной вѣры, когда хочется приникнуть горячимъ лбомъ къ холодной ризѣ образа и молиться вздохомъ, слезами, словами, словами хотя бы готовой молитвы. Но о чемъ? Онъ не зналъ, о чемъ. Какая-то тяжесть навалилась на его жизнь послѣ смерти Катюши, тяжесть невыносимая, которую не могла побѣдить даже новая любовь. Молиться, чтобы вернулась чудомъ Катюша? Вотъ о чемъ онъ могъ бы молиться, но... такой вѣры въ Бога у него не было. Чтобы Сима полюбила его до самозабвенія и согласилась на безраздѣльную любовь къ нему, пожертвовавъ всѣми остальными благами жизни? Но такой вѣры въ нее у него не было. Чтобы Миша вернулъ ему свое сердце? Но онъ зналъ, что это безповоротно.

И ему сдѣлалось тяжко и жутко, и слезы выступили на его глазахъ, воззрившихся въ эту таинственную тьму ночи, разливавшейся какъ чернило за окнами.

Нѣтъ, не стоитъ молиться, да и нельзя молиться. Жизнь не справляется ни съ мольбами, ни съ желаніями, а осуществляетъ свои законы, невѣдомые ему. А можетъ быть—и беззаконія.

Протрещала трещотка ночного сторожа. Гдѣ-то раздался глухой выстрѣлъ, а можетъ быть—короткій звукъ запираемыхъ воротъ. Въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ забурлилъ, заходилъ океанъ народной жизни Россіи, всюду и вездѣ стали чудиться и мерещиться выстрѣлы. Онъ, по крайней мѣрѣ, привыкъ уже къ нимъ, и если не привыкъ, то, во всякомъ случаѣ, болѣе не удивлялся имъ. Онъ живо помнилъ еще девятое января въ Петербургѣ, съ его залпами, стонами, ужасами, когда въ потокахъ крови зарождалась алая заря свободы.

Вотъ и еще тяжелый камень на его душѣ: это—какое-то тупое, безсильное равнодушіе къ тому важному движенію, къ тому порыву, который потрясъ родину. Разумъ подсказываетъ ему, что онъ долженъ же откликнуться на эти событія, такъ или иначе отозваться на нихъ; но сердце молчало, и онъ не ощущалъ въ себѣ ни порыва, ни вдохновенія революціи. Должно быть, правъ Петръ Петровичъ, который утверждаетъ, что у людей восьмидесятыхъ годовъ путемъ бездѣйствія атрофировано всякое гражданское чувство. И когда начались забастовки, когда забастовывали тѣ или иные работники, чиновники, служащіе, внося безпорядокъ и дезорганизацію въ жизнь, ему дѣлалось противно—и только. Его обуржуазившаяся душа жаждала порядка, регламента привычной жизни, и отсутствіе тѣхъ или иныхъ, даже самыхъ мелочныхъ благъ жизни его раздражало. И только! Его, порой, раздражала и Сима, которая начинала увлекаться революціей, высказывала красныя мысли и обнаруживала красные взгляды. „Это—повѣтріе какое-то!—думалъ онъ: — инкубаціонный періодъ революціи". И онъ тоже поддакивалъ ей, какъ поддакивалъ во всемъ, и тоже говорилъ красныя рѣчи, но какъ-то вяло, безъ убѣжденія, хотя разумомъ былъ убѣжденъ въ ихъ справедливости. Но красныя рѣчи Симы уживались въ ней съ самыми бѣлыми, буржуазными взглядами. Она ни отъ чего не отказалась въ своей жизни. Попрежнему любила роскошь, выѣзжала въ экипажѣ, душилась своими любимыми духами „fleur qui meurt", посѣщала театры, принимала у себя и любила иногда пообѣдать въ хорошемъ ресторанѣ съ музыкой. И однако, революціонныя рѣчи ея были искренни и горячи, и имъ вѣрилось,

несмотря ни на что. И молодежь ютилась около нея, увивалась за ней, и слушали ее съ одинаковымъ увлеченіемъ либеральные студенты и консервативные правовѣды и юнкера. Одни соглашались съ ней, другіе спорили, но всѣ любили ее. И Сергѣй Ивановичъ убѣждался, что молодость и красота женщины сильнѣе всякихъ политическихъ убѣжденій.

Теперь, сидя у окна въ эту темную ночь и заслонившись рукой отъ свѣта свѣчи и, можетъ быть, отъ ироническаго взора Миши, онъ вдругъ ощутилъ этотъ давно знакомый ему запахъ „умирающаго цвѣтка", ощутилъ такъ живо, какъ будто вотъ здѣсь, сейчасъ, за окномъ, прошла Сима. И опять Сима! О чемъ бы онъ ни думалъ, онъ постоянно возвращался къ Симѣ. Сима наполнила его жизнь, всѣ поры его жизни. Она стала необходима ему, какъ воздухъ, какъ дыханіе.

И онъ чувствовалъ на себѣ взглядъ Миши. Недобрый, насмѣшливый взглядъ: Вотъ Миша сидитъ у стола за свѣчкой, упорно смотритъ ему въ затылокъ и догадывается, что онъ думаетъ о Симѣ. И чтобы доказать, что Миша неправъ, онъ сталъ думать о немъ.

Вотъ Миша, его сынъ, этотъ сфинксъ его жизни. Онъ живетъ какой-то особой жизнью, чужой и непонятной ему. Къ университету Миша относился всегда холодно, безъ увлеченія, какъ къ чему-то неизбѣжному, черезъ что необходимо пройти, чтобы потомъ заняться настоящимъ дѣломъ. Какимъ? Это—вопросъ. Миша никогда не говорилъ объ этомъ. Съ тѣхъ поръ какъ жизнь высшихъ учебныхъ заведеній была нарушена, съ тѣхъ поръ какъ въ Россіи прекратилось высшее образованіе, Миша пересталъ посѣщать университетъ и товарищей. Сергѣй Ивановичъ даже не зналъ, какую позицію занимаетъ его сынъ въ этомъ движеніи. Сынъ никогда не удостоивалъ отца разговоромъ объ этомъ. А отецъ никогда не рѣшался прямо заговорить съ нимъ, чувствуя, что, будучи самъ индифферентнымъ, онъ не имѣетъ права на то, да и желанія къ тому у него не было; онъ боялся стать въ фальшивое положеніе.

„Зачѣмъ онъ пріѣхалъ?"—задавалъ себѣ мучительный вопросъ Сергѣй Ивановичъ. И какія догадки ни дѣлалъ,—ни до чего додуматься не могъ.

Миша шевельнулся.

— Ты долго такъ будешь сидѣть у окна?—спросилъ онъ у отца.

Сергѣй Ивановичъ встрепенулся, всталъ и отошелъ отъ окна.

— Нѣтъ, милый... не все ли равно, гдѣ сидѣть? А ты хочешь поговорить со мной?

Миша усмѣхнулся.

— А зачѣмъ бы я иначе пріѣхалъ?—спросилъ онъ въ свою очередь.

— Я тебя слушаю. Скажи, что дѣлается въ Петербургѣ? Что слышно?

— Ну-у! — протянулъ Миша: — это ты изъ газетъ можешь узнать. То же, что и вездѣ. То же, что и у васъ, я думаю. Но не въ томъ дѣло. Да и ты хотѣлъ спросить не то. Ты хотѣлъ спросить, не видѣлъ ли я кого-нибудь интереснаго для тебя...

Сергѣй Ивановичъ вздрогнулъ, быстрымъ взглядомъ оглядѣлъ сына и опустилъ голову, ничего не сказавъ.

Миша улыбнулся.

— А скажи, пожалуйста, что ты тутъ дѣлаешь такъ долго?— спросилъ онъ отца.

Сергѣй Ивановичъ оживился.

— Да видишь ли... Я уже давно собираюсь уѣхать... да все какъ-то...

Онъ замялся.

— Бабушка не пускаетъ? — ироническимъ тономъ подсказалъ Миша.

— Да... то-есть нѣтъ, не то что не пускаетъ... — Онъ замялся, не найдя удобной и правдоподобной формы для объясненія своего продолжительнаго пребыванія въ деревнѣ. Но потомъ рѣшилъ говорить на чистоту. Онъ всегда въ концѣ-концовъ употреблялъ этотъ методъ съ сыномъ, думая откровеннымъ признаніемъ въ своихъ слабостяхъ привлечь его на свою сторону, потому что искренность всегда привлекаетъ молодежь.

— Если „не то что не пускаетъ", тогда — что же?—съ усмѣшечкой помогъ ему Миша.

— Да вотъ, видишь ли... она... то-есть, твоя бабушка думала передать мнѣ все управленіе своими имѣньями и дѣлами. Теперь пошли новыя, тяжелыя для такихъ старыхъ людей, времена, когда старые люди перестали понимать совершающіяся вокругъ нихъ событія. Вотъ она и хотѣла, чтобы я окончательно переселился сюда и сдѣлался бы хозяиномъ.

— А ты вѣдь понимаешь?—спросилъ Миша.

— Что? Хозяйство?

— Нѣтъ, „событія"?

— Отчего ты со мною говоришь въ такомъ странномъ тонѣ, Миша?—не удержался Сергѣй Ивановичъ.—Право, можно подумать, что это говоритъ не сынъ съ отцомъ, а два врага.

— Ну, папа, опять ты сѣлъ на старое. Это скучно.

И не считая нужнымъ отвѣтить на тотъ вопросъ, онъ властно перемѣнилъ тему.

Онъ взялъ такую позицію, какъ будто онъ былъ старшимъ и говорилъ если не съ неразумнымъ ребенкомъ, то, во всякомъ случаѣ, съ человѣкомъ гораздо моложе его и гораздо его неразумнѣе.

— Не въ томъ дѣло,—сказалъ онъ безапелляціоннымъ тономъ, не допускавшимъ перехода къ прежней темѣ,—а въ томъ, согласился ты или нѣтъ? Впрочемъ,—отвѣтилъ онъ самъ себѣ, не давъ отцу выговорить слова,—конечно ни да, ни нѣтъ. Ты все еще думаешь и гадаешь. Съ одной стороны—такъ, съ другой стороны—этакъ, и если принять во вниманіе обстоятельства за и противъ, то нельзя не признаться, хотя слѣдуетъ сознаться... А въ результатѣ—возъ и нынѣ тамъ. „Тамъ“—это здѣсь, а „возъ“—это ты. Впрочемъ, ты не сердись, папа. Это моя манера быть веселымъ.

— Ахъ, Миша, еслибы ты зналъ,—все не поднимая головы, сказалъ Сергѣй Ивановичъ,—какъ этотъ тонъ твой со мною меня огорчаетъ!

Въ голосѣ его послышались сокрушеніе и печаль.

Но Миша замахалъ руками.

— Ну, ну, папа... я ужъ сказалъ: бросимъ объ этомъ. Тонъ, какъ тонъ. Говорю, какъ умѣю. Не въ томъ дѣло. Это скучно. Ну, ты остался тѣмъ, что есть, а вотъ я измѣнился...

— Да, я это давно замѣчаю.

— Ну да, ну да! Но я совсѣмъ говорю не о томъ, о чемъ ты. Я хочу сказать, что я, видя на тебѣ, къ чему приводятъ нерѣшительность и колебанія, сдѣлался изъ колеблющагося рѣшительнымъ. И пришелъ къ нѣкоему твердому убѣжденію.

Сергѣй Ивановичъ со страхомъ прислушался къ рѣчи сына и вопросительно взглянулъ на него.

— То-есть?—спросилъ онъ.

— Я рѣшилъ бросить университетъ. Вотъ я уже два года въ университетѣ. Но, очевидно, высшее образованіе въ нашемъ отечествѣ надолго нарушено. И я—сынъ своего отца—все колебался и выжидалъ. Теперь выжидать больше нечего. Надо просто бросить университетъ. Твердо и рѣшительно. И разъ навсегда. Переходное состояніе Россіи можетъ длиться нѣсколько лѣтъ. Что же? Все быть вѣчнымъ студентомъ? Это ужъ даже глупо. Студентъ безъ науки, университетъ безъ лекцій, профессора безъ слушателей. Къ чему эта комедія? Нужно разъ навсегда рѣшить, что люди нашего возраста останутся безъ высшаго образованія. Рѣшить и уйти изъ университета.

— Чтобы дѣлать что?

— Не знаю. Или выйти на улицу и на баррикады, чтобы защищать свободу, или уѣхать заграницу, чтобы тамъ окончить образованіе, а затѣмъ, когда все устроится, вернуться сюда, чтобы легализировать свой дипломъ. Выйти на улицу или уѣхать заграницу—это дѣло вкуса, взгляда на вещи, политическихъ убѣжденій. Но какъ на пропаганду, такъ и на отъѣздъ нужны деньги, чтобы можно было свободно и съ пользой осуществить идеи.

— Ты что же выбираешь?

Миша загадочно улыбнулся.

— Еслибы ты лучше зналъ своего сына,—наставительнымъ тономъ отвѣтилъ онъ,—и обращалъ бы больше на него вниманія въ свое время...

Онъ сдѣлалъ паузу. Сергѣй Ивановичъ подозрѣвалъ намекъ на его увлеченіе и покраснѣлъ.

Выдержавъ паузу, Миша докончилъ:

— ...То ты не задалъ бы мнѣ такого вопроса.

Сергѣй Ивановичъ еще больше сконфузился.

Дѣйствительно, онъ совершенно не могъ отвѣтить себѣ на поставленный имъ же вопросъ. Что такое его сынъ: революціонеръ или эмигрантъ? Взойдетъ ли онъ на баррикады, какъ онъ выражается, или убѣжитъ заграницу?

„Сфинксъ! сфинксъ!—подумалъ опять Сергѣй Ивановичъ.—Теперь онъ играетъ со мной въ прятки и предоставляетъ мнѣ самому рѣшать эту задачу съ двумя неизвѣстными. И онъ, конечно, правъ, что презираетъ меня. Но я-то, я? Чѣмъ я виноватъ, что я вдругъ почувствовалъ жажду любви? Онъ ушелъ отъ меня и скрылся отъ меня за густой занавѣсью, которую ни разу не приподнялъ надъ своей душой и ни разу не впустилъ меня за нее. Твердый характеръ у нынѣшней молодежи. Но... твердость ли это, или... безсердечіе?“

— Ты что выбираешь?—спросилъ онъ снова Мишу.

Тотъ развелъ руками.

— Я тебѣ этого не скажу, — твердо отвѣтилъ тотъ. — Знаешь, — прибавилъ онъ шутливо,—это какъ въ иллюстрированныхъ журналахъ: „имена отгадавшихъ будутъ напечатаны въ почтовомъ ящикѣ“. Но суть вотъ въ чемъ,—опять переходя на дѣловой тонъ, продолжалъ Миша.—Хочешь ли ты мнѣ дать нѣкоторую сумму денегъ? По обыкновенію родителей всѣхъ временъ и народовъ, ты долженъ спросить: для чего? Но я и на это тебѣ не отвѣчу. Вооружись терпѣніемъ, я буду говорить

долго. У меня всегда такъ — вродѣ прорвавшейся плотины. Молчу, молчу, а потомъ заговорю.

Лицо Миши сдѣлалось серьезнымъ, дѣловитымъ. Онъ какъ-то особенно выворачивалъ губы, отчеканивая слова, какъ будто дѣлалъ докладъ или читалъ рѣчь.

И отъ этого сухого, докторальнаго тона, и отъ этого сухого, ровнаго голоса, и отъ блѣдно-зеленоватаго цвѣта лица Миши, на которое падалъ свѣтъ абажура, и отъ разлитой за окномъ чернильной темноты, въ которой чувствовалась бездна, Сергѣю Ивановичу сдѣлалось жутко на душѣ.

XVI.

Миша говорилъ.

— Видишь ли, вскорѣ послѣ смерти мамы,—голосъ его не дрогнулъ, оставаясь попрежнему холоднымъ,—я почувствовалъ самостоятельность...

Онъ сдѣлалъ многозначительную паузу, смыслъ которой понялъ Сергѣй Ивановичъ.

— Въ особенности въ послѣдніе два года,—прибавилъ Миша и еще сдѣлалъ паузу.

Сергѣй Ивановичъ съ мольбой поднялъ на него глаза, но Миша умышленно „не замѣтилъ“ его взора.

— Да...—протянулъ онъ.—Ну, вотъ. А потомъ, т.-е. теперь, наступили событія, которыя все смѣшали и спутали. Родители растерялись, дѣти—тоже. Либералы, которые мнили себя передовыми людьми въ нашемъ полицейскомъ государствѣ, вдругъ оказались отсталыми и дѣтски-наивными. Юноши, считавшіеся благонравными, вдругъ оказались революціонерами. И пошелъ отецъ на сына и сынъ на отца... И была пря великая.

Онъ усмѣхнулся, откашлялся и примолкъ.

— Не знаю, для чего я наговорилъ всю эту чепуху?—задалъ онъ самъ себѣ вопросъ.—Да! Вотъ для чего! Такъ какъ теперь нѣтъ „отцовъ и дѣтей“, а есть только „граждане“,—онъ опять усмѣхнулся,—то вотъ я и прошу тебя, гражданинъ-отецъ, дай денегъ гражданину-сыну. Я хочу жить самостоятельно. Какъ? Не скажу.

— Почему?

— Да потому, что самъ не знаю,—спокойно и, повидимому, искренно отвѣтилъ онъ.—Самъ не знаю. Бушуетъ океанъ. Высоко вздымаются грозныя волны. А по нимъ несется утлая ладья.

Кто выпустилъ эту ладью въ открытый океанъ? Все равно! Зачѣмъ ее выпустили въ такую непогоду? Объ этомъ спрашивать поздно. Суть въ томъ, что она уже носится. Можетъ быть, лучше было бы не выпускать ее изъ тихой пристани. Но ее выпустили, или она сама сорвалась—все равно. Теперь вопросъ—кто можетъ сказать?—исчезнетъ ли она въ пучинѣ моря, разобьется ли она о подводную скалу, или ее вынесетъ на берегъ плодороднаго острова съ зелеными долинами? А деньги все-таки нужны, пока носитъ ладью по океану. Т.-е., конечно, тутъ коррективъ, потому что океанъ и ладья въ данномъ случаѣ—аллегоріи.

Онъ замолчалъ, побарабанилъ пальцами по столу, отодвинулъ лампу, въ мутной волнѣ зеленаго огня которой кружились ночные мотыльки, взглянулъ назадъ въ окно и сказалъ:

— Ночь-то какая! Арабская. Это и называется у васъ воробьиной ночью?

Онъ, очевидно, не ждалъ отвѣта, потому что безъ паузы заговорилъ.

— Я вѣдь тебѣ стою что-нибудь? Ну, такъ вотъ, ты сообрази тамъ какъ-нибудь и выдай мнѣ нѣкоторую сумму, чтобы тебѣ не думать „ежемѣсячно“ о сынѣ, которому надо выдавать деньги. Правда, вѣдь это будетъ лучше?

— Ты останешься жить въ Петербургѣ?

Миша нахмурился.

— Ты все любопытствуешь. По всей вѣроятности, да.

— Но ты говоришь о возможности докончить образованіе заграницей?

— Можетъ быть, я и уѣду заграницу. Во всякомъ случаѣ мы разстанемся надолго.

— Миша!—вдругъ, не выдержавъ, оборвавшимся голосомъ сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

Но Миша какъ бы ожидалъ этого.

Онъ замахалъ своими длинными руками.

— Не надо, не надо, отецъ!—заговорилъ онъ торопливо.—Ни драмъ, ни трагедій. Господи, почему нельзя рѣшать вопросы просто, какъ математическія задачи? Зачѣмъ пафосъ и лирика? А,—опять спѣша перебить отца, заговорилъ онъ,—да я же знаю, что ты хочешь сказать. Почему я измѣнился, почему имѣю мало общаго съ тобою, и прочее, и прочее. Все это, ей Богу, мало интересно и... прошло. Въ другое время это, вѣроятно, сыграло бы большую роль въ нашей жизни. Теперь намъ на помощь пришла революція. Трагедіи семейной жизни поблекли, стали мелкими въ сравненіи съ трагедіями общества и политической

жизни. И тѣмъ лучше. Согласенъ ты исполнить то, что я прошу?

— Я тебѣ ни въ чемъ никогда не отказывалъ. И въ этомъ, можетъ быть, заключается моя главная ошибка...

Миша съ удивленіемъ взглянулъ на отца. Все, что онъ говорилъ до сихъ поръ, было вяло, мягко, „пузырчато“, по опредѣленію юноши. Вотъ первая твердая фраза, хотя и она не обошлась безъ „можетъ быть“.

Онъ рѣшительно принялъ вызовъ и сказалъ:

— Ошибка въ чемъ? Ошибка, повлекшая за собою—что? Перемѣну нашихъ отношеній? Ты все-таки стоишь за то, чтобы намъ перетряхивать это старье? Если да—изволь. Я долженъ дать тебѣ это удовлетвореніе, тѣмъ болѣе, что мы разстаемся съ тобою надолго. Очень надолго. Ну, что-жъ, давай говорить. Къ сожалѣнію, придется говорить банальщину, чудовищную банальщину! Я—врагъ лишнихъ словъ и люблю людей, которые понимаютъ безъ словъ. Но есть такіе, которымъ непремѣнно нужно утвержденіе. Ты—изъ ихъ числа. Давай говорить.

Онъ сдѣлалъ паузу, выжидая словъ отца.

Но Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ измученный, подавленный, разбитый. Ему вдругъ сдѣлалось противно говорить.

Этотъ юноша, этотъ сынъ вдругъ показался ему страшно чужимъ, страшно далекимъ. И онъ зналъ, что слова ихъ будутъ только сотрясать воздухъ и никого изъ нихъ ни въ чемъ не убѣдятъ. Сынъ будетъ логически доказывать правильность своихъ отношеній къ отцу; отецъ будетъ чувствовать, какъ чувствовалъ все время, оскорбленность. Плохо дѣйствуетъ логика тамъ, гдѣ забыто чувство.

Миша началъ.

— Я буду кратокъ,—если ты мнѣ въ этомъ не помѣшаешь,—началъ онъ.—Видишь ли, папа, я—твой сынъ. Ты меня любишь и, какъ говоришь, душу свою положилъ, чтобы воспитать меня. Чудесно. Не вижу въ этомъ ни заслуги, ни подвига, а твои заботы обо мнѣ считаю естественнымъ родительскимъ долгомъ. Видишь, какъ все это банально и старо. Теперь перейдемъ отъ исторіи къ современности. Я тоже—замѣть, не будучи обязаннымъ,—любилъ тебя.

— А теперь?

Миша взглянулъ на отца свѣтлымъ, спокойнымъ и твердымъ взглядомъ.

— А теперь нѣтъ,—до ужаса просто отвѣтилъ онъ.

Сергѣй Ивановичъ опустилъ голову.

— Но почему? Почему?—взмолился онъ.

— Будь спокойнѣе.

Миша придвинулся къ нему со стуломъ.

— Слушай же.—Онъ заговорилъ ровнымъ, ничуть не взволнованнымъ голосомъ, точно читалъ лекцію по запискамъ.—Больше тебя я любилъ покойную маму. Ея уходъ изъ жизни былъ самымъ большимъ для меня несчастьемъ. Несчастьемъ, которое случается *разъ* въ жизни и кладетъ отпечатокъ на *всю* жизнь. Это тоже старо, понятно и банально... Нѣтъ, прошу тебя, не перебивай меня. Ты любилъ ее тоже. Я уже былъ достаточно возрастенъ, чтобы понимать, какъ сильно, какъ глубоко, какъ беззавѣтно ты любилъ ее.

Глаза Сергѣя Ивановича затуманились слезами.

Миша, не обращая вниманія на отца и даже не смотря на него, продолжалъ:

— Я думалъ, что это чувство, что это благодарное, умиленное чувство къ матери останется у тебя на всю жизнь. И вдругъ ты утѣшился. Ты—утѣшился! Я не знаю, сумѣю ли объяснить тебѣ психологически то, что во мнѣ произошло. Я—плохой психологъ. Но что-то порвалось въ моей душѣ, порвалось со звономъ лопнувшей пружины. Я глазамъ своимъ не вѣрилъ. Но факты, которые ты сначала плохо скрывалъ, а потомъ и вовсе не скрывалъ, были на лицо. Ты полюбилъ. Ты думаешь, я упрекаю тебя? Ничуть. Я въ этихъ вопросахъ не умѣю разбираться. Можетъ быть, это было такъ нужно, такъ необходимо, естественно, я не знаю. Но я твердо зналъ одно. Вмѣсто мамы я остался у тебя одинъ. Я инстинктивно жаждалъ, что ты теперь полюбишь меня вдвое, безраздѣльно, посвятишь мнѣ всю свою жизнь. Ты знаешь, какъ я любилъ тебя? Я ревновалъ тебя даже къ мамѣ. И вотъ, когда я увидѣлъ, что мама забыта...

— Неправда!—рѣзко крикнулъ Сергѣй Ивановичъ.

— Мама за-бы-та!—настойчиво повторилъ Миша.—И когда я увидѣлъ, что она забыта,—еще разъ повторилъ онъ, точно ему доставляло удовольствіе бить отца этимъ словомъ,—и что любовь твоя подѣлилась между мною и... и... и Серафимой Николаевной,—мнѣ сдѣлалось смѣшно, что я такъ наивно-дѣтски любилъ человѣка... человѣка, такъ скоро измѣнившаго чувству, которое мнѣ казалось священнымъ, чуть не божественнымъ. Старая, банальная исторія паденія кумировъ! Кумиръ палъ. Я не вѣрю словамъ поэтовъ, что „кумиръ поверженный—все богъ и храмъ оставленный—все храмъ". Это красиво, но это—фразы... Я вѣрилъ этому поверженному кумиру, какъ богу, а онъ меня

обманулъ, потому что вотъ онъ лежитъ передо мною во прахѣ и ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго булыжника.

Миша помолчалъ, побарабанилъ пальцами по столу.

— Съ тѣхъ поръ холодъ заморозилъ мнѣ душу. Папа! Я вѣдь пережилъ страшную душевную драму...—голосъ его чуть-чуть дрогнулъ, но быстро опять окрѣпъ.—Да, страшную драму, и что смѣшнѣе всего,—ты ее даже не замѣтилъ! Ты занятъ былъ другимъ. На твоей дорогѣ зацвѣли новые цвѣты, зажглися новые огни! Гдѣ тебѣ было видѣть мученія юноши, корчившагося отъ тяжкой боли душевныхъ мукъ, среди которыхъ рождалось у него новое жизнепониманіе!..

— Миша!—вскрикнулъ Сергѣй Ивановичъ.

— Нѣтъ, дай мнѣ кончить на этотъ разъ.

Но Сергѣй Ивановичъ твердо перебилъ его:

— Миша, я хочу говорить. Милый мой мальчикъ! Мнѣ больно слушать то, что ты говоришь! Зачѣмъ ты страдалъ? Зачѣмъ мучился, терзался? Я не переставалъ любить тебя ни на минуту. Ни тебя, ни мою покойную Катюшу. Ты глубоко неправъ, Миша. Ну, да, я полюбилъ Сим... Серафиму Николаевну. Но развѣ эта любовь исключаетъ любовь къ сыну, любовь къ памяти той, которая была самое дорогое въ жизни? Неужели тебѣ легче было бы видѣть меня плачущимъ, страдающимъ, одинокимъ, страшно одинокимъ всю жизнь? И если ты думаешь, что любовь къ... Симѣ... вычеркнула изъ моего сердца любовь къ твоей мамѣ, то ты клевещешь на меня. Тогда отчего бы я плакалъ по ночамъ, когда остаюсь одинъ и вспоминаю о томъ счастьи, которое уже не вернется? Отчего во мнѣ живетъ до сихъ поръ безконечно благодарное, теплое, нѣжное чувство къ твоей мамѣ? Отчего твоя холодность, твое равнодушіе ко мнѣ мучаютъ меня до болѣзненности? Вѣдь если бы ты былъ мнѣ безразличенъ, развѣ бы я терзался такъ?

— Зачѣмъ любить, зачѣмъ страдать, „жизнь на радость намъ дана“, какъ въ „Русланѣ“,—перебилъ его Миша,—„прекрасна ты, но не одна“. Эхъ, папа, зачѣмъ лицемѣрить?.. Есть чувство громадное и нераздѣльное. Ты или любишь маму—память о ней—или не любишь Серафиму Николаевну. Что-нибудь одно! И я не понимаю: когда ты плачешь по ночамъ, какъ ты говоришь, по мамѣ, то думаешь ли ты о Симѣ? И если да, то какъ эти думы не мѣшаютъ тому или другому твоему чувству... Но бросимъ это. Вернемся къ дѣлу. Даешь ты мнѣ деньги? Ну, такъ, чтобы мнѣ хватило на годъ, на два самостоятельной жизни? Я хочу пожить одинъ; мнѣ это необходимо. Да и тебѣ выгоднѣе.

Во-первыхъ, не будетъ передъ тобой торчать юноша, въ глазахъ котораго ты каждый разъ читаешь осужденіе; во-вторыхъ, „можетъ быть", поживъ самостоятельно, я приду къ какимъ-нибудь выводамъ и сумѣю не осуждать тебя...

— Я не требую, не прошу твоего прощенья,—гордо сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—Я бы хотѣлъ твоей любви.

— И это возможно. Но для этого намъ надо разстаться.

— Хорошо. Если ты на этомъ настаиваешь.

Кто-то стукнулъ въ дверь. Въ сѣняхъ флигеля слышались шаги.

Сергѣй Ивановичъ вздрогнулъ, всталъ и открылъ дверь.

Это была Елена Васильевна.

Старуха вообще плохо спала по ночамъ, а съ началомъ революціи и аграрныхъ безпорядковъ она сдѣлала себѣ привычку, въ эти темныя ночи, обходить усадьбу въ сопровожденіи дѣвушки, чтобы убѣдиться, что нигдѣ нѣтъ поджога и злоупотребленія.

— Вижу огонь въ окнѣ,—сказала она сыну.—Зачѣмъ такъ поздно огонь? У насъ кто разъѣхался, кто спитъ. А ты полунощничаешь. Въ такое время! Какой-нибудь негодяй пальнетъ на огонь, подыметъ тревогу, напугаетъ до смерти.

— Да почему же вы не спите, мама?

— Ахъ, глупости какія! Потому, что безпокоюсь. Я могу заснуть только подъ утро. Ложись, ложись. Завтра успѣете наговориться.

Она зорко оглядѣла своимъ острымъ старческимъ взглядомъ юношу. Миша привсталъ и тоже смотрѣлъ съ любопытствомъ на бабушку. По его блѣдному, нездоровому лицу блуждала неопредѣленная саркастическая усмѣшка.

— Кто это?—спросила Елена Васильевна у сына.

— Пріѣзжій. Вы его не знаете,—быстро отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ.

Старуха вышла въ переднюю.

— Не революціонеръ? Будь остороженъ. Нынче много темнаго люда развелось. Онъ ночуетъ?

— Да.

— Ахъ, Боже мой!

— Да вы не безпокойтесь, мамаша.

— Да онъ чужой или кто? Знаешь ты его?

— Конечно, знаю.

Она ушла.

Миша смѣялся, когда въ комнату вошелъ его отецъ.

— Родственная встрѣча!—проговорилъ онъ съ насмѣшкой. Бабушка, не признающая внука, и отецъ, боящійся открыто признать сына!

— Миша! Какъ тебѣ не стыдно терзать меня!

Миша махнулъ рукой, и въ этомъ жестѣ было много презрѣнія.

— Вы воспитаны какъ рабы, и умрете рабами, — сказалъ онъ. — А тоже хотите играть въ революцію. Бросьте вы это дѣло, оно вамъ не къ лицу. Революцію, видно, могутъ дѣлать только возмутившіеся, падшіе. Возмутившійся ангелъ поднялъ знамя возстанія противъ Бога... Ну, спокойной ночи. Гаси лампу, а то еще, дѣйствительно, кто-нибудь пальнетъ въ окно. Я лягу здѣсь на диванѣ. И мнѣ ничего не нужно.

Онъ быстро прикрутилъ лампу, досталъ изъ ремней плэдъ и подушку, снялъ сапоги и улегся на диванѣ. Скоро онъ заснулъ, какъ убитый.

В. Свѣтловъ.

ЭСТЕТИКА
ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА

Владиміръ Соловьевъ не далъ полнаго систематическаго изложенія эстетики, но въ его сочиненіяхъ имѣется достаточный матеріалъ для того, чтобы составить себѣ понятіе о его общихъ взглядахъ на красоту и искусство. Для этой цѣли можно воспользоваться тремя группами произведеній философа. Во-первыхъ, его теоретическими сочиненіями, посвященными всецѣло или отчасти вопросамъ эстетики; во-вторыхъ, его статьями литературно-критическаго характера и, въ-третьихъ, его стихотвореніями, въ которыхъ философъ воплотилъ свои отвлеченные принципы и придалъ имъ конкретную поэтическую форму. Къ первой группѣ относятся: „Философскія начала цѣльнаго знанія“, „Красота въ природѣ“, „Общій смыслъ искусства“, „О лирической поэзіи“, „Первый шагъ къ положительной эстетикѣ“, „Предисловіе къ „Упырю“ А. Толстого“, „Предисловіе къ стихотвореніямъ (3-е изд.) и „Что̀ значитъ слово живописность“. Ко второй группѣ относятся: „Буддійское настроеніе въ поэзіи“, „Поэзія Полонскаго“, „Тютчевъ“, „Поэзія А. К. Толстого“, „Разсказы Сергѣя Норманскаго“, „Рѣчь о Мицкевичѣ“, „Лермонтовъ“, три рѣчи о Достоевскомъ и двѣ статьи о Пушкинѣ: „Судьба Пушкина“ и „Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина“. Особенное значеніе имѣетъ статья о поэзіи Пушкина. Третья статья, посвященная Пушкину и носящая заглавіе: „Особое чествованіе Пушкина“, не даетъ читателю никакихъ новыхъ штриховъ, раскрывающихъ эстетическія воззрѣнія философа; не дѣлаютъ этого и статьи: „О русскихъ символистахъ“, „Иллюзія поэтическаго творчества“, „Импрессіонизмъ мысли“; будучи любопытными образцами лите-

ратурной критики, онѣ не содержатъ въ себѣ положительныхъ указаній изъ области эстетическаго творчества.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что Вл. Соловьеву не удалось собрать и систематизировать свои эстетическія воззрѣнія и такимъ образомъ создать полную теорію эстетики, какъ это онъ сдѣлалъ по отношенію къ этикѣ,—ибо его воззрѣнія чрезвычайно оригинальны и поэтическія дарованія не подлежатъ сомнѣнію. Нашъ философъ не только разсуждалъ объ искусствѣ и красотѣ какъ аналитикъ, старающійся открыть законы жизни чуждаго ему организма, но онъ самъ былъ творцомъ въ области красоты и живо и непосредственно чувствовалъ красоту.

Стихотворенія Соловьева, напримѣръ, написанныя въ Финляндіи и Шотландіи, доказываютъ, что онъ весьма чутко относился къ красотѣ природы, однако нравственная, духовная красота была ближе его сердцу: впечатлѣнія природы имѣютъ для Соловьева, какъ для настоящаго лирика, значеніе, главнымъ образомъ, какъ источникъ извѣстнаго настроенія, отзвукъ, способствующій къ установленію гармоніи внѣшняго впечатлѣнія и внутренняго настроенія. Соловьевъ былъ въ то же время и тонкимъ цѣнителемъ искусства, но не всѣ области художественнаго творчества были ему одинаково близки и доступны. Крайняя близорукость Вл. С. Соловьева служила въ извѣстной степени помѣхой въ наслажденіи тѣми произведеніями искусства, которыя требуютъ воспріятія своего зрительнаго образа. Музыка и поэзія, непосредственно передающія состоянія внутренняго міра,—вотъ источники эстетическаго наслажденія Вл. С. Соловьева, и если онъ говорилъ иногда, что предпочитаетъ живопись музыкѣ, ибо на картину можно не смотрѣть, а музыку не слушать нельзя; если онъ не ходилъ въ концерты и оперу, жаловался на страданія, доставляемыя обычными проявленіями музыкальности (игра на роялѣ и т. д.), то все это доказываетъ, что онъ и къ наслажденію, вызываемому звуковой гармоніей, ставилъ столь же высокія требованія, какъ и къ наслажденію, вызываемому поэзіей. Поэзія и музыка, по представленіямъ Соловьева, были родными сестрами, и музыкальность—это одно изъ условій хорошаго стиха.

Но если Вл. Соловьевъ и не далъ теоріи эстетики въ цѣломъ, то въ общихъ чертахъ направленіе его эстетики отчетливо обрисовано въ тѣхъ трехъ группахъ произведеній, о которыхъ мы упомянули. Въ первомъ изъ названныхъ нами сочиненій устанавливается связь понятій красоты и художественнаго творчества съ основными понятіями метафизики; отдѣльныя изслѣдованія посвящены основному понятію красоты и значенію искус-

ства и анализу именно той области художественнаго творчества, въ которой нашъ философъ съ успѣхомъ испыталъ свои силы.

Литературно-критическія статьи Соловьева имѣютъ большое значеніе для нашей цѣли. Задача литературнаго критика, по крайней мѣрѣ критика-философа, понимающаго, что красота есть ощутительное воплощеніе истины, состоитъ, по мнѣнію Соловьева, въ томъ, чтобы разобрать и показать, что̀ именно изъ полноты мірового смысла, какіе его элементы, какія стороны или проявленія истины особенно захватили душу поэта и по преимуществу выражены имъ въ художественныхъ образахъ и звукахъ. Критикъ долженъ вскрыть корни творчества даннаго поэта не со стороны его психическихъ мотивовъ, а со стороны объективныхъ основъ этого творчества или его идейнаго содержанія. Задача критика вовсе не въ воспроизведеніи индивидуальности, ибо это невозможно, и вовсе не въ изложеніи собственныхъ взглядовъ,—нужно даже считать дурнымъ критическимъ пріемомъ произвольныя требованія и случайные критеріи, предъявляемые тому или иному писателю, какъ поступалъ, напримѣръ, Писаревъ, упрекавшій Пушкина въ томъ, что онъ не былъ соціальнымъ реформаторомъ.

Мы нисколько не касаемся объективнаго значенія критическихъ статей Соловьева. Самъ философъ думалъ, что онъ въ своихъ статьяхъ возвелъ русскую литературную критику на новую, болѣе высокую ступень, благодаря тому, что поставилъ литературной критикѣ новыя принципіальныя требованія. Правильна ли была его увѣренность, или онъ ошибался, объ этомъ пусть судятъ литературные критики, для насъ же критическіе этюды Соловьева имѣютъ двоякое значеніе. Во-первыхъ, анализъ произведеній извѣстнаго поэта Соловьевъ сопровождалъ замѣчаніями изъ области положительной эстетики; такъ, напримѣръ, въ предисловіи къ „Упырю“ и въ анализѣ повѣстей г. Норманскаго Соловьевъ раскрываетъ свое пониманіе роли фантастическаго элемента въ поэзіи, а при анализѣ поэзіи Пушкина даетъ теорію поэтическаго вдохновенія. Во-вторыхъ, критическіе очерки Соловьева построены на опредѣленномъ рѣшеніи одного важнаго вопроса, а именно вопроса объ отношеніи нравственности къ поэтическому творчеству, и это рѣшеніе удивительно рисуетъ личность самого философа. „Нравственную геніальность“, которую онъ усматриваетъ въ Сократѣ, онъ выдвигаетъ какъ критерій, которому должна быть подчинена вся жизнь человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ. Рѣчь въ память Мицкевича и „Судьба Пушкина“ — какъ бы съ точки зрѣнія объективной ни судила объ

этихъ произведеніяхъ литературная критика—въ этомъ отношеніи являются наиболѣе характерными произведеніями философа.

Стихотворенія Соловьева, имѣющія, по нашему мнѣнію, большую поэтическую цѣнность, могутъ представлять и для нашей цѣли нѣкоторый интересъ. Они раскрываютъ личность философа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его пониманіе красоты. Въ его стихотвореніяхъ мы можемъ искать и находимъ выраженіе тѣхъ же тенденцій и мыслей, которыя обнаруживаются и въ философскихъ изслѣдованіяхъ. Основная мысль всей философіи Соловьева о реальной связи земного существованія съ потустороннимъ міромъ весьма отчетливо выражена и въ поэтической формѣ. Философъ думаетъ, что единственное достоинство его стиховъ состоитъ въ томъ, что они не служатъ „простонародной Афродитѣ“, но отсюда отнюдь не слѣдуетъ заключать, что, прославляя любовь, какъ центръ жизни, онъ имѣлъ въ виду Матерь Божію или гностическую Софію, какъ полагали нѣкоторые слишкомъ проницательные критики. Стихотворенія Соловьева имѣютъ весьма различное содержаніе: одни служатъ политикѣ и заключаютъ въ себѣ предсказанія, какъ, напримѣръ, знаменитое „Панмонголизмъ“; другія заключаютъ въ себѣ привѣтствія собратьямъ по поэзіи, напримѣръ Фету и Полонскому; но значительнѣйшая часть стихотвореній имѣетъ автобіографическій характеръ и рисуетъ дѣйствительно пережитыя поэтомъ состоянія, а также тѣ мечты, которыя вызваны воспоминаніемъ о пережитомъ; и именно въ этихъ-то стихотвореніяхъ ясно выражена основа метафизическаго ученія философа и связь этого ученія съ эстетикою. Въ стихотвореніяхъ Соловьева съ полной ясностью обнаруживаются двѣ основныхъ струны его души: его боговдохновенность, нашедшая себѣ выраженіе въ его мистическомъ міровоззрѣніи, и его веселый юморъ, позволявшій ему находить забаву въ сочиненіяхъ Ковьмы Пруткова и даже въ басняхъ Буренина.

Задача же наша состоитъ въ томъ, чтобы съ возможной точностью и полнотою собрать въ одно цѣлое взгляды Соловьева, не прибавляя къ нимъ ничего, что̀ ясно не высказано самимъ философомъ, и пользуясь, по возможности, словами самого философа [1]). Мы вкратцѣ разсмотримъ слѣдующіе вопросы: какъ от-

[1]) Въ рѣчи г. Рачинскаго „Взглядъ В. С. Соловьева на красоту“ („Вопросы философіи“, № 56, 1901 г.) сказано: „Разгадать недоговоренныя мысли глубокаго и оригинальнаго духа—задача всегда опасная; а мнѣ она, во всякомъ случаѣ, не по силамъ“. Само собой разумѣется, что задача нашей статьи заключается не въ томъ, чтобы разгадать недоговоренныя мысли, а только въ томъ, чтобы дать очеркъ взглядовъ Соловьева на эстетику, по указаніямъ самого философа, находящимся въ его

носится красота къ истинѣ и добру; въ чемъ заключается сущность красоты и безобразія; теорію поэтическаго вдохновенія; смыслъ искусства; смыслъ поэзіи и въ особенности лирической поэзіи; отдѣльныя замѣчанія объ эстетическихъ понятіяхъ, и, въ заключеніе, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній объ эстетикѣ Соловьева.

I.

Отношеніе красоты къ истинѣ и добру.

Владиміръ Соловьевъ постоянно повторяетъ мысль о тѣсной связи красоты съ добромъ и истиною. Добро, отдѣленное отъ истины и красоты, есть только неопредѣленное чувство, безсильный порывъ; отвлеченная истина есть пустое слово, а красота безъ добра и истины есть кумиръ. Добро, истина и красота не только тѣсно связаны между собою, они тожественны [1]). Это суть только три неразлучные вида одной безусловной идеи; красота есть только опредѣленная фаза тріединой идеи; въ красотѣ нужно различать общую идеальную сущность, въ силу которой она тожественна съ добромъ и истиною, и спеціально-эстетическую форму, которая отличаетъ красоту отъ добра и истины. Идеальная сущность у нихъ одна и та же—достойное бытіе или положительное всеединство, просторъ частнаго бытія въ единствѣ всеобщаго. Этого мы желаемъ какъ высшаго блага, это мыслимъ какъ истину и это ощущаемъ какъ красоту. Чтобы ощущать идею, необходимо ея воплощеніе въ реальномъ мірѣ; законченностью этого воплощенія и опредѣляется красота, какъ таковая, въ своемъ специфическомъ признакѣ. Красота есть воплощеніе въ чувственныхъ формахъ того самаго идеальнаго содержанія, которое до такого воплощенія называется добромъ и истиною. Между этими тремя сторонами единой идеи противорѣчія быть не можетъ и границу между ними провести весьма трудно. Задача искусства заключается въ томъ, чтобы въ ощутительныхъ образахъ воплощать тотъ самый высшій смыслъ жизни, которому философъ даетъ опредѣленіе въ разумныхъ понятіяхъ, который проповѣдуется моралистомъ и осуществляется историческимъ дѣятелемъ, какъ идея добра. Художественному чувству не-

сочиненіяхъ, т.-е. задача наша состоитъ въ томъ, чтобы собрать и, насколько возможно, сгруппировать подлинные взгляды философа.

[1]) „Благо и красота суть то же самое, что и истина, но только въ модусѣ воли и чувства, а не въ модусѣ представленія". I, 350.

посредственно открывается въ формѣ ощутительной красоты. тоже совершенное содержаніе бытія, которое философіей добывается какъ истина мышленія, а въ нравственной дѣятельности даетъ о себѣ знать, какъ безусловное требованіе совѣсти и долга. Это только различныя стороны или сферы проявленія одного и того же, между ними нельзя провести раздѣленія, и еще менѣе могутъ они противорѣчать другъ другу. Если вселенная имѣетъ смыслъ, то двухъ противорѣчащихъ другъ другу истинъ—поэтической и научной—такъ же не можетъ быть, какъ и двухъ исключающихъ другъ друга высшихъ благъ или цѣлей существованія. Но можно утверждать, что художественная истина въ извѣстномъ смыслѣ превосходитъ истину разума, какъ художественное созерцаніе превосходитъ философскую интуицію. Такъ, поэтическое воззрѣніе на природу характеризуется вѣрою въ ея жизнь, и это воззрѣніе заключаетъ въ себѣ несомнѣнное превосходство передъ мертвящею рефлексіей, для которой природа есть лишь мертвая машина. Искусство служитъ дѣлу истины и добра на землѣ, но только по-своему, только своею красотою и ничѣмъ инымъ. Красота уже сама по себѣ находится въ должномъ соотношеніи съ истиной и добромъ, какъ ихъ проявленіе. Все прекрасное тѣмъ самымъ содержательно и полезно въ лучшемъ смыслѣ слова. Красота просвѣтляетъ все существующее, но вѣдь этотъ ея свѣтъ есть вѣчная истина. Просвѣтляя все, чистая красота оставляетъ за всѣмъ его собственное существенное качество, и если искусство служитъ чистой красотѣ, то оно должно брать все существующее въ его истинѣ. Художнику достаточно быть вѣрнымъ красотѣ, а она уже сама сдѣлаетъ его произведеніе сообразнымъ истинѣ по своему внутреннему родству съ нею. Истинный смыслъ красоты заключается въ томъ, что она необходима для исполненія добра въ матеріальномъ мірѣ, ибо только ею просвѣтляется и укрощается недобрая тьма этого міра. Дѣйствительно, если нравственный порядокъ для своей прочности долженъ опираться на матеріальную природу, какъ на среду и средство своего существованія, то для своей полноты и совершенства онъ долженъ включать въ себя матеріальную основу бытія, какъ самостоятельную часть этическаго дѣйствія, которое здѣсь превращается въ эстетическое, ибо вещественное бытіе можетъ быть введено въ нравственный порядокъ только черезъ свое просвѣтлѣніе, одухотвореніе, т.-е. только въ формѣ красоты.

Мысль о томъ, что красота есть одинъ изъ видовъ тріединой идеи, что въ красотѣ выражается по-своему содержаніе и смыслъ вселенной, что красота всегда согласуется съ истиной, наконецъ,

что она есть необходимое условіе для торжества добра въ матеріальномъ мірѣ,—Вл. Соловьевъ выразилъ въ отвлеченной философской формѣ, въ юношескомъ своемъ произведеніи: „Философскія начала цѣльнаго знанія“. Въ этомъ произведеніи философъ даетъ общее схематическое изложеніе своей системы, въ особенности той ея части, которую онъ называетъ цѣльнымъ знаніемъ или логикою. Здѣсь же указаны и метафизическія основы его эстетическихъ взглядовъ въ схематической формѣ [1]). Два главныхъ вопроса эстетики нашли себѣ разрѣшеніе въ „Началахъ цѣльнаго знанія“, а именно: вопросъ объ отношеніи красоты къ дѣйствительности и вопросъ о значеніи художественнаго творчества человѣка, т.-е. двѣ эстетическія проблемы, которымъ Соловьевъ впослѣдствіи посвятилъ отдѣльныя изслѣдованія („Красота въ природѣ“ и „Смыслъ искусства“).

„Основы цѣльнаго знанія“ ставятъ вопросъ о смыслѣ и цѣли человѣческаго существованія; рѣшеніе заключается въ требованіи общечеловѣческой организаціи въ формѣ цѣльнаго творчества или свободной теургіи, цѣльнаго знанія или свободной теософіи и цѣльнаго общества или свободной теократіи.

Итакъ, вопросъ о цѣли жизни, имѣющій первоначально личный характеръ, естественно переходитъ въ общій вопросъ всего человѣчества и рѣшается въ зависимости отъ признанія реальности абсолюта или истинно сущаго. Истинно сущее имѣетъ собственную абсолютную дѣйствительность, совершенно независимую отъ реальности внѣшняго вещественнаго міра, также какъ и отъ нашего мышленія, а напротивъ, сообщающаго этому міру реальность, нашему же мышленію—идеальное содержаніе. Истинно сущее опредѣляетъ собою все относительное, а такова, на ряду съ прочими явленіями, и природа человѣка, зависящая отъ безусловнаго. Абсолютное требуется не только нашимъ разумомъ, какъ логически необходимое предположеніе всякой частной истины,—оно требуется волей, какъ необходимое предположеніе всякой нравственной дѣятельности, какъ абсолютная цѣль или благо; наконецъ, оно требуется также и чувствомъ, какъ необходимое предположеніе всякаго полнаго наслажденія, какъ абсолютная и вѣчная красота, которая одна можетъ покрыть собою видимую дисгармонію чувственныхъ явленій.

Абсолютное необходимо для насъ, но отсюда не слѣдуетъ

---

[1]) Мы здѣсь не намѣрены приводить всѣхъ схемъ Соловьева; кто желаетъ подробнѣе ознакомиться съ вопросомъ, тому придется имѣть въ виду стр. 238—243, 255, 261, 291—294, 317, 340—349 I-го тома Собранія сочиненій.

ещe его объективная дѣйствительность. Эту дѣйствительность мы не можемъ утверждать сами изъ себя, а можемъ только воспринимать какъ дѣйствіе другого на насъ. У всѣхъ людей есть непосредственное ощущеніе абсолютной дѣйствительности, и въ этомъ ощущеніи дѣйствіе абсолютнаго непосредственно воспринимается. Абсолютное есть ничто и все,—ничто, поскольку оно не есть что-нибудь, и все, поскольку оно не можетъ быть лишено чего-нибудь. Чтобы быть тѣмъ, что оно есть, оно должно быть противоположностью себя самого или единствомъ себя и своей противоположности. Абсолютное или сущее имѣетъ все въ непосредственномъ актѣ, и потому противоположное ему его „другое“ можетъ быть только чистою потенціею въ немъ. Имѣя все въ себѣ, сущее не можетъ хотѣть произвести что-нибудь существенно иное,—оно можетъ хотѣть только свое собственное содержаніе имѣть какъ „другое“. Въ этомъ состоитъ всякое творчество: художникъ хочетъ творить не что-нибудь себѣ чуждое, совершенно иное отъ себя, чего бы въ немъ не было,—напротивъ, онъ хочетъ лишь ту идею, которая находится въ немъ самомъ, опредѣляетъ его внутреннее существо или составляетъ его собственное внутреннее содержаніе—эту свою идею онъ хочетъ осуществить внѣ себя, сдѣлать ее „другимъ“ для себя, выдѣлить и обособить ее. И какъ художникъ, объективируя свое содержаніе и дѣлая его внѣшнимъ, не теряетъ его какъ внутреннее, такъ и абсолютно сущее въ своемъ проявленіи не перестаетъ пребывать само въ себѣ.

Различныя опредѣленія, открываемыя діалектикою въ абсолютномъ, существуютъ не отдѣльно одно за другимъ, а заразъ въ одномъ вѣчномъ, живомъ образѣ, доступномъ умственному созерцанію. Первыя логическія категоріи, открываемыя діалектикой, суть: сущее, сущность и бытіе, причемъ послѣднее есть собственно откровеніе двухъ первыхъ въ Логосѣ. Бытіе есть отношеніе между сущимъ и сущностью или первою матеріей. Эта матерія не есть сущее какъ таковое, она есть его другое, она принадлежитъ ему какъ сила. Начало другого есть воля. Итакъ, первое отношеніе сущаго къ сущности или опредѣленіе бытія есть воля. Но чтобы сущій могъ хотѣть этого другого, оно должно быть извѣстнымъ образомъ дано ему, должно представляться ему; такимъ образомъ, Логосъ опредѣляетъ бытіе сущаго не только какъ волю, но и какъ представленіе. Воздѣйствіе на сущаго уже опредѣленной его представленіемъ и волею сущности даетъ новое опредѣленіе его бытію какъ чувство. Итакъ, мы имѣемъ три категоріи, опредѣляющія отношеніе сущаго къ его другому или

сущности: сущее хочетъ свою сущность, представляетъ и чувствуетъ ее. Отсюда бытіе опредѣляется какъ воля, чувство и представленіе. Сущность или первая матерія есть только потенція, осуществляемая внутреннимъ дѣйствіемъ самого сущаго, его волею; это осуществленіе даетъ потенціи нѣкоторую относительную дѣйствительность. Сущность или первая матерія опредѣляется Логосомъ какъ его объектъ; въ этомъ смыслѣ сущность или первая матерія есть идея.

Идея есть то, чего хочетъ сущій, это—его содержаніе. Какъ содержаніе воли сущаго идея есть благо, какъ содержаніе его представленія она есть истина, какъ содержаніе его чувства она есть красота. Сущее въ своемъ единствѣ заключаетъ въ себѣ потенціально волю, представленіе и чувство, но чтобы эти способы бытія были осуществлены, необходимо, чтобы сущее утверждало ихъ особенности, т.-е. признало въ нихъ трехъ самостоятельныхъ и цѣльныхъ субъектовъ. Первый субъектъ сущаго, въ коемъ волѣ подчинены остальные два элемента, есть духъ; второй элементъ, въ которомъ преобладаетъ представленіе, есть умъ; третій, въ которомъ преобладаетъ чувство, есть душа. Итакъ, душа есть сущее какъ субъектъ чувствъ и носительница красоты, а вслѣдствіе этого подлежитъ также волѣ блага и представленію истины.

Содержаніе трехъ субъектовъ есть идея, но въ то же время въ трехъ субъектахъ проявляется само сущее, и идея можетъ давать положительное содержаніе одному изъ субъектовъ не сама по себѣ, а лишь поскольку она опредѣляется другими субъектами или въ отношеніи къ нимъ. Идея есть объективное единство трехъ субъектовъ; отсюда слѣдуетъ, что первоначальная красота, идея какъ красота или идея красоты, есть единство чувства между духомъ, умомъ и душой, или свободное подчиненіе двухъ первыхъ послѣдней относительно чувства. Красота есть чувственная или эстетическая гармонія трехъ субъектовъ. Душа чувствуетъ всецѣлую сущность или идею и тѣмъ опредѣляетъ ее какъ эстетическое или красоту [1]). Сущее, какъ свободное отъ всякой исключительности, должно сообщить идеѣ всю свою дѣйствительность. Идея является не только какъ желанная, но и какъ представляемая и какъ ощущаемая или реальная. Идея постепенно реализуется; идея души, т.-е. красота, обладаетъ наибольшей ак-

[1]) Отношеніе категорій Соловьевъ представляетъ въ слѣдующей таблицѣ:

1. Абсолютъ	— Духъ	Воля	Благо
2. Логосъ	— Умъ	Представленіе	Истина
3. Идея	— Душа	Чувство	Красота.

туальностью, наибольшею полнотою формальнаго бытія и есть поэтому послѣднее относительное осуществленіе идеи какъ таковой. Въ этомъ смыслѣ благо есть утверждаемая цѣль, истина есть необходимо опредѣляющее посредство, красота есть дѣйствительное исполненіе или осуществленіе; другими словами, сущее, утверждая идею какъ благо, даетъ ей посредствомъ истины осуществленіе въ красотѣ.

Мы привели главнѣйшія мысли, опредѣляющія отношеніе красоты къ благу и истинѣ; мы видѣли, что красота для Соловьева есть нѣчто объективное, идея, играющая роль въ міровомъ процессѣ, въ которомъ „другое", или враждебное абсолютному началу, существующее въ абсолютѣ, начало розни и эгоизма должно возсоединиться съ истиннымъ всеединымъ бытіемъ.

Къ землѣ не даромъ небо преклонилось
И распахнулся Вѣчности чертогъ.

Въ незримой глубинѣ сознанья мірового
Источникъ истины живетъ не заглушенъ,
И надъ руинами позора вѣкового
Глаголъ ея звучитъ какъ похоронный звонъ.

Родился въ мірѣ свѣтъ, и свѣтъ отвергнутъ тьмою,
Но свѣтитъ онъ во тьмѣ, гдѣ грань добра и зла;
Не властью внѣшнею, а правдою самою
Князь вѣка осужденъ и всѣ его дѣла.

Спасеніе міра—въ соединеніи съ Богомъ (съ Любовью), и въ этомъ актѣ красотѣ приписана главнѣйшая роль. Сдѣлать міръ вѣчнымъ и безсмертнымъ, исторгнуть изъ него случайность и смерть, можетъ только красота; ибо только она можетъ одухотворить матеріальный міръ, безъ чего не можетъ осуществиться и нравственный порядокъ. Этимъ объясняется и особый, какъ мы увидимъ, взглядъ Соловьева на искусство какъ теургію. Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ мы не встрѣчаемся съ перечисленіемъ и выведеніемъ категорій, установленныхъ въ „Началѣ цѣльнаго знанія", но общія мысли, несомнѣнно, остались неизмѣненными.

II.

Красота и безобразіе.

Эстетика природы есть основа философіи искусства и, анализируя красоту, въ природѣ надо искать ранѣе всего данныя

для опредѣленія понятія красоты. Даже поверхностному взгляду ясно, въ чемъ не слѣдуетъ искать сущности красоты: красота не есть польза и не есть переставшая дѣйствовать полезность; если и доказана (Дарвиномъ) генетическая связь полезнаго и прекраснаго, то этимъ вовсе не рѣшена эстетическая задача; ибо генезисъ понятія не разъясняетъ его смысла. Красота заявляетъ себя какъ чистая безполезность и въ то же время какъ нѣчто абсолютно цѣнное; она есть нѣчто формально особенное, специфическое, отъ формальной основы явленій прямо не зависящее и на нее не сводимое. Однако, сказать, что красота есть предметъ безкорыстнаго совершанія или цѣль сама въ себѣ, значитъ только сказать, что она не есть средство для посторонних цѣлей. Кромѣ того, точно также ясно, что ученіе Шопенгауэра, объясняющее сущность красоты тѣмъ, что содержаніе красоты составляютъ идеи, какъ объективное или предметное выраженіе міровой воли, не заключаетъ въ себѣ истиннаго объясненія природы красоты (хотя, можетъ быть, и заключаетъ въ себѣ намекъ на истину), потому что все существующее есть объективація воли, но не все одинаково красиво. Намекъ на истину заключается въ томъ, что красота признается идеей, но подъ идеей не слѣдуетъ разумѣть всякое содержаніе, а лишь идеальное, ибо идеей вообще мы называемъ то, что достойно бытія. Но опредѣленіе красоты какъ идеи не полно, ибо идея ранѣе всего есть состояніе мыслящаго субъекта, и при такомъ пониманіи ея красота являлась бы не дѣйствительнымъ осуществленіемъ идеи, а лишь видимостью (Schein) или призракомъ ея, и субъективный психологическій фактъ—явленіе красоты въ нашемъ духѣ—заслонялъ бы дѣйствительную красоту, какъ объективную форму вещей въ природѣ. Итакъ, сущность красоты не слѣдуетъ искать въ субъективныхъ, относительныхъ категоріяхъ пользы и видимости, а слѣдуетъ, признавъ объективный характеръ красоты, назвать ее идеей и притомъ *воплощенной идеей*.

Красота есть идея дѣйствительно осуществляемая, воплощаемая въ мірѣ прежде человѣческаго духа, и ея воплощеніе не менѣе реально и гораздо болѣе значительно, чѣмъ матеріальныя стихіи, въ которыхъ она воплощается. Матеріальная стихія, въ которой воплощается идея, первоначально есть хаосъ; поэтому можно сказать, что хаосъ есть необходимый фонъ всякой красоты. Хаосъ — отрицательная безпредѣльность, зіяющая бездна всякаго безумія и безобразія, демоническіе порывы, возстающіе противъ всего положительнаго и должнаго,—вотъ глубокая сущность міровой души и основа всего мірозданія. Космическій про-

цессъ, вводя хаосъ въ предѣлы всеобщаго строя, подчиняетъ его разумнымъ законамъ, воплощая въ немъ постепенно идеальное содержаніе бытія, давая всякой жизни смыслъ и красоту. Жизнь и красота въ природѣ — это борьба и торжество свѣта надъ тьмою, но этимъ необходимо предполагается, что тьма есть дѣйствительная сила, и для красоты вовсе не нужно, чтобы эта тьма была уничтожена; достаточно, чтобы свѣтлое начало воплотилось въ ней, ограничивая, но не упраздняя ея свободу и противоборство. Вещество есть косность, и непроницаемость бытія — прямая противоположность идеѣ, какъ положительной всепроницаемости и всеединству. Порядокъ воплощенія идеи или явленія красоты въ мірѣ соотвѣтствуетъ общему космологическому процессу. Главныя конкретныя ступени процесса проникновенія косной матеріи идеей, или процессъ всемірнаго совершенствованія, носятъ названія царствъ: царство минеральное, растительное, животное, человѣческое (природное и духовное) и царство Божіе. Эти пять царствъ представляютъ рядъ повышеній бытія. Камень существуетъ; растеніе существуетъ и живетъ; животное сверхъ того сознаетъ свою жизнь въ ея фактическихъ состояніяхъ; человѣкъ уразумѣваетъ ея смыслъ по идеямъ; сыны Божіи осуществляютъ дѣйствительно этотъ смыслъ или совершенный нравственный порядокъ во всемъ до конца. Свѣтъ есть первичная реальность идеи въ ея противоположности вѣсомому веществу, и въ этомъ смыслѣ онъ есть первое начало красоты въ природѣ. Самъ по себѣ неорганическій міръ безразличенъ въ эстетическомъ отношеніи, и красота принадлежитъ лишь такимъ предметамъ и явленіямъ, въ которыхъ вещество прямо становится носителемъ свѣта, или такимъ, въ которыхъ неодушевленная природа какъ бы одушевляется и въ своемъ движеніи являетъ черты жизни (небо и небесныя свѣтила, море и т. д.). Въ строеніи живыхъ организмовъ мы имѣемъ новую, сравнительно высшую степень проявленія того же зиждительнаго начала, которое уже дѣйствовало и въ мірѣ неорганическомъ; сначала оно отражалось отъ вещества снаружи какъ свѣтъ, но извнутри оно зажигаетъ жизнь въ веществѣ и образуетъ въ видѣ растительныхъ и животныхъ организмовъ устойчивыя формы жизни, которыя, восходя постепенно все къ большему и большему совершенству, могутъ послужить матеріаломъ и средою для настоящаго воплощенія всецѣлой и недѣлимой идеи. Органическій міръ въ цѣломъ представляетъ явные слѣды внутренняго противоборства, неоконченные наброски неудачныхъ созданій, но зиждительное начало мірового процесса дорожитъ не только цѣлью процесса, но

и каждою изъ безчисленныхъ его ступеней. Отвоевывая шагъ за шагомъ у хаотическихъ стихій матеріалъ для своихъ органическихъ созданій, космическій умъ бережетъ каждую свою добычу и покидаетъ только то, въ чемъ его побѣда была мнимою; при этомъ природа не равнодушна къ красотѣ, она допускаетъ безобразныя формы въ качествѣ переходныхъ стадій, но для увѣковѣчиванія своихъ произведеній старается сообщить имъ возможную въ каждомъ родѣ красоту. Въ растительномъ царствѣ свѣтъ и матерія вступаютъ въ неразрывную связь, оно становится одной недѣлимою жизнью, и жизнь, поднимая кверху земную стихію, заставляетъ ее тянуться къ небу и солнцу. Растеніе есть первое живое воплощеніе небесныхъ началъ на землѣ, жизнь здѣсь выражается въ произведеніи прекрасныхъ органическихъ формъ, и внутренняя жизнь еще слабо обособлена. Видимыя формы въ растеніи значительнѣе внутреннихъ состояній. Для растеній зрительная красота есть достигнутая цѣль; различіе между высшими и низшими растеніями опредѣляется соотвѣтственно степени ихъ видимаго совершенства или красоты, т.-е. эстетическій критерій совпадаетъ здѣсь, вообще говоря, съ естественно-научнымъ; въ то время какъ эстетическій и зоологическій критеріи не совпадаютъ, и въ животномъ царствѣ красота есть недостигнутая цѣль, внѣшнія формы здѣсь служатъ не ради видимаго совершенства, а для развитія наиболѣе интенсивныхъ проявленій жизненности. Красота живыхъ существъ выше, но рѣже красоты неодушевленной природы; красота растеній представляетъ мало сопротивленія идеальному началу; хаотическое начало пробуждается впервые въ душѣ и жизни животныхъ. И въ животномъ царствѣ, прежде чѣмъ внутренне преодолѣть активное сопротивленіе животныхъ организмовъ, космическій зодчій пользуется зоологическимъ матеріаломъ для произведенія новыхъ видовъ прежней красоты, не имѣющихъ специфически животнаго характера, а частью принадлежащихъ къ неорганической, частью же напоминающихъ растительныя формы. Только высшія животныя, помимо красивыхъ наружныхъ покрововъ, представляютъ и во всемъ своемъ тѣлесномъ видѣ прекрасное воплощеніе тѣлесной жизни,—стройной силы, гармоническаго соотношенія частей и свободной подвижности цѣлаго.

Твореніе вселенной есть процессъ, имѣющій двѣ тѣсно связанныя между собой цѣли: воплощеніе идеи, т.-е. свѣта и жизни въ различныхъ формахъ красоты, и созданіе человѣка, т.-е. той формы, которая вмѣстѣ съ наибольшей красотой представляетъ и высшее внутреннее потенцированіе свѣта и жизни, т.-е. само-

сознаніе. Человѣкъ участвуетъ въ дѣйствіи космическихъ началъ, онъ знаетъ цѣль творенія вселенной и можетъ содѣйствовать осмысленно и свободно ея осуществленію: въ человѣкѣ красота природная переходитъ въ красоту искусства.

Человѣкъ принадлежитъ двумъ царствамъ: природному и духовному. Въ человѣкѣ природная красота достигаетъ высшей ступени, но она не способна выразить внутренняго, духовнаго содержанія идеи; условіемъ для этого являются самосознаніе и свобода, доставляющія доступъ къ нравственному міру, сущность котораго есть любовь. Есть любовь и въ природѣ; но стихійная любовь, которою дышитъ все въ природѣ, есть только стремленіе, только тяготѣніе къ вѣчному царству любви и красоты. Дѣйствительно и окончательно пріобщиться къ этому царству можетъ только человѣческая личность, такъ какъ совершенное соединеніе можетъ быть только при сознательности и свободѣ. Для того-то злому началу Вседержитель и волю далъ, чтобы черезъ борьбу съ нимъ человѣкъ могъ свободно достигнуть совершенства. Божество вѣчно обладаетъ полнотою совершенства, природа въ своихъ формахъ отражаетъ это совершенство и въ своей жизни тяготѣетъ къ нему, человѣкъ свободнымъ дѣломъ достигаетъ его для себя. Этотъ процессъ совершенствованія и составляетъ смыслъ человѣческой жизни. Совершенная красота недоступна природѣ, она есть задача искусства; но полное осуществленіе ея наставетъ только съ концомъ историческаго процесса.

Все, чѣмъ красна Афродита мірская,
Радость домовъ, и лѣсовъ, и морей,
Все совмѣститъ красота неземная
Чище, сильнѣй, и живѣй, и полнѣй.

Изложивъ кратко главныя мысли Соловьева о красотѣ, мы можемъ ихъ резюмировать слѣдующимъ образомъ. Для Соловьева красота есть воплощенная идея; но идея, или то, что̀ достойно быть ею, есть не что̀ иное какъ жизнь. Онъ въ одномъ мѣстѣ прямо говоритъ: „идея, т.-е. свѣтъ и жизнь“; но свѣтъ есть не что̀ иное какъ низшая потенція жизни; такимъ образомъ, въ концѣ концовъ красота совпадаетъ съ жизнью (опредѣленіе Гюйо), и явленіе тѣмъ красивѣе, чѣмъ полнѣе въ немъ выражается жизнь; но такъ какъ сама жизнь имѣетъ различныя степени интенсивности и совершенства, то наиболѣе красивымъ оказывается то явленіе, въ которомъ наиболѣе богатая внутреннимъ содержаніемъ жизнь, иначе говоря — нравственная, духовная жизнь человѣка, заключаетъ наиболѣе полное выраженіе красоты.

Отъ красоты перейдемъ къ ея противоположности, къ безо-

бразію. Возможность безобразія заключается въ томъ, что идея можетъ осуществляться на различныхъ ступеняхъ совершенства, въ томъ, что она при осуществленіи встрѣчаетъ препятствіе со стороны хаотическаго начала. Такъ какъ въ красотѣ приходится различать общую и идеальную сущность отъ спеціально эстетической формы, то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ критерій того и другого могутъ не совпадать, т.-е., съ эстетической точки зрѣнія, крайне несовершенное воплощеніе своей хотя и сравнительно высокой идеи должно быть поставлено ниже совершеннаго воплощенія хотя бы и мало содержательной идеи. Если критерій содержанія и формы, т.-е. идеальной сущности и эстетической формы, могутъ не совпадать, то они могутъ и вполнѣ разойтись, и тогда должны получиться два противоположныхъ вида красоты—ложной и истинной,—и чѣмъ совершеннѣе и ближе откровеніе настоящей красоты, одѣвающей Божество и его славою ведущей насъ къ избавленію отъ страданія и смерти, тѣмъ тоньше черта, отдѣляющая ее отъ лживаго ея подобія, отъ той обманчивой и безсильной красоты, которая только увѣковѣчиваетъ царство страданій и смерти.

Понятіе безобразія опредѣляется, очевидно, понятіемъ красоты. Если красота есть воплощеніе идеи, то безобразіе по необходимости должно состоять въ противодѣйствіи этому воплощенію, и источникъ его заключается въ хаосѣ или матеріи, противоборствующей просвѣтлѣнію его идеей. Это—опредѣленіе безобразнаго по существу; но подобно красотѣ и безобразіе имѣетъ еще и формальное условіе. Красота формально состоитъ въ свободѣ составныхъ частей при совершенномъ единствѣ цѣлаго; ибо идеальное и достойное бытіе есть то, въ которомъ частные элементы не исключаютъ другъ друга, а напротивъ, взаимно полагаютъ себя одинъ въ другомъ, солидарны между собой,—въ которомъ они не исключаютъ цѣлаго, а утверждаютъ свое частное бытіе на единой всеобщей основѣ,—въ которомъ, наконецъ, всеединая основа или абсолютное начало не поглощаетъ частныхъ элементовъ, а, раскрывая себя въ нихъ, даетъ имъ полный просторъ въ себѣ. Безобразіе, наоборотъ, подобно всякому злу, можетъ быть сведено къ нарушенію взаимной солидарности и равновѣсія частей и цѣлаго. Тѣ же черты, которыя опредѣляютъ зло въ сферѣ нравственной и ложь въ сферѣ умственной, опредѣляютъ и безобразіе въ сферѣ эстетической: все то безобразно, въ чемъ одна часть безмѣрно разростается и преобладаетъ надъ другими, въ чемъ нѣтъ единства и цѣльности и, наконецъ, въ чемъ нѣтъ свободнаго разнообразія.

Красота объективна, слѣдовательно объективно, въ извѣстномъ смыслѣ, и безобразіе. Если красота есть идея или то, что достойно быть ею, то безобразіе есть нѣчто отрицательное, то, что должно быть покорено, что должно подчиниться идеѣ. Но степени просвѣтлѣнія матеріальнаго начала идеей безконечно разнообразны, слѣдовательно и безобразіе должно проявляться въ разнообразныхъ формахъ и ступеняхъ. Красота отсутствуетъ вездѣ, гдѣ матеріальныя стихіи міра являются болѣе или менѣе обнаженными, будь то въ мірѣ неорганическомъ, какъ грубое безформенное вещество, будь то въ мірѣ органическомъ, какъ неистовый жизненный инстинктъ. Неорганическій міръ безразличенъ въ эстетическомъ отношеніи, онъ не красивъ, но и не безобразенъ; лишь тамъ, гдѣ свѣтъ и жизнь уже овладѣли матеріей, гдѣ всемірный смыслъ уже сталъ раскрывать свою внутреннюю полноту, тамъ несдержанное проявленіе хаотическаго начала, снова убивающаго и подавляющаго идеальную форму, должно производить рѣзкое впечатлѣніе безобразія. Безобразіе ясно проявляется въ животномъ царствѣ, когда оно представляетъ голое воплощеніе половой или питательной функціи. Но крайней степени безобразіе достигаетъ лишь въ области высшей и совершеннѣйшей природной формы: никакое животное не можетъ быть такъ отвратительно, какъ безобразный человѣкъ. Безобразныя формы въ царствѣ животномъ принадлежатъ къ видамъ исчезнувшимъ или имѣютъ паразитическій характеръ и лишены самостоятельнаго значенія. Природа допускаетъ безобразныя формы лишь въ качествѣ переходныхъ. Пассивная жизнь растеній представляетъ мало сопротивленія идеальному началу, которое и воплощается здѣсь въ красотѣ чистыхъ и ясныхъ, но мало содержательныхъ формъ. Преобладаніе слѣпой и безмѣрной животности надъ идеей организма, т.-е. внутренняго и наружнаго равновѣсія жизненныхъ элементовъ, преобладаніе матеріи надъ формой, наглядно выраженное въ фигурѣ червя, есть лишь главная основная причина безобразія въ животномъ царствѣ; вторая причина—возвращеніе къ безформенности. Сама по себѣ безформенность безразлична въ эстетическомъ отношеніи, но она становится безобразіемъ на такихъ ступеняхъ животнаго царства, которыя предполагаютъ болѣе или менѣе сложную и устойчивую организацію. Наконецъ, третья причина безобразія состоитъ въ карикатурномъ предвареніи высшей формы, которой не соотвѣтствуютъ остающіяся черты низшей организаціи.

Космическій художникъ знаетъ, что основа животнаго тѣла безобразна, и старается всячески прикрыть и прикрасить ее. Его

цѣль—не въ томъ, чтобы уничтожить или устранить безобразіе, а въ томъ, чтобы оно сначала само облеклось красотою, а потомъ и превратилось въ красоту.

Положительное безобразіе начинается лишь тамъ, гдѣ начинается жизнь; но высшей степени оно достигаетъ въ человѣкѣ, одаренномъ самосознаніемъ и свободой; точно также какъ и красота достигаетъ наивысшей степени въ человѣческомъ тѣлѣ и въ духовномъ мірѣ, гдѣ она сливается съ нравственной красотой. Наивысшая степень безобразія совпадаетъ со зломъ, съ нравственною испорченностью.

III.

Теорія вдохновенія [1]).

Истинный источникъ поэзіи, какъ и всякаго искусства, не во внѣшнихъ явленіяхъ и также не въ субъективномъ умѣ художника, а въ самобытномъ мірѣ вѣчныхъ идей или первообразовъ. Предметъ искусства есть существенная красота міровыхъ явленій, для воспріятія и воплощенія которыхъ нуженъ особый подъемъ души надъ обыкновенными ея состояніями. Способность къ такому подъему имѣетъ свои физіологическія условія и свою духовную причину; она называется геніемъ, а актуальное проявленіе ея—вдохновеніемъ. Вдохновенный художникъ, воплощая свои созерцанія въ чувственныхъ формахъ, есть связующее звено или посредникъ между міромъ вѣчныхъ идей первообразовъ и міромъ вещественныхъ явленій. Художественное творчество, въ которомъ управдняется противорѣчіе между идеальнымъ и чувственнымъ, между духомъ и вещью, есть земное подобіе творчества божественнаго, въ которомъ снимаются всякія противоположности, и божество проявляется какъ начало совершеннаго единства—„единство самого себя и своего другого“. Поэтому Полонскій правъ, считая поэзію участіемъ человѣка „въ игрѣ, затѣянной богами“. Но такая роль посредника между міромъ бытія и міромъ явленій требуетъ и особаго дарованія: способности переступать въ чувствѣ и созерцаніи черезъ границы обычнаго порядка явленій и схватывать запредѣльную сторону жизни и

[1]) Вдохновеніе Соловьевъ описываетъ на основаніи свидѣтельства Пушкина, въ которомъ „сущность поэзіи выразилась наиболѣе чисто“. Соловьевъ думаетъ, что простое описаніе самимъ поэтомъ его творческаго процесса вполнѣ подходитъ и къ внутреннему опыту всѣхъ другихъ поэтовъ.

жизненныхъ отношеній. Эта способность разрывать сѣть внѣшней причинности и проникать въ другую, болѣе глубокую связь существующаго есть способность пророческая, родственная шотландскому двойному зрѣнію. Эта пророческая способность въ области художества есть вдохновеніе. Итакъ, міръ вѣчныхъ идей есть объективный источникъ всякаго художества, а вдохновеніе—субъективное условіе, при наличности котораго идеи воплощаются въ человѣческомъ творчествѣ. Слѣдующими чертами характеризуется состояніе вдохновенія. Во-первыхъ, вдохновеніе глубоко, тѣсно и разносторонне связано съ матеріальною, физіологическою подкладкою человѣческой жизни; поэтому для появленія его необходимы нѣкоторыя внѣшнія условія среды, какъ-то: полное уединеніе, соотвѣтственное время года (осень, менѣе всего дѣйствующая на чувственную природу человѣка) и т. д. Во-вторыхъ, вдохновеніе не есть какое-либо постоянное качество человѣческаго генія, а преходящее состояніе, во время котораго художникъ повинуется высшему призванію и велѣнію. Когда художника охватываетъ это состояніе, онъ видитъ предметы съ иной точки зрѣнія. Если съ высокой горы смотрѣть на село, то его видно какъ на ладони и всѣ его дома видны сразу; когда же, сойдя внизъ, проходишь мимо ближайшихъ домовъ и останавливаешься, чтобы разсмотрѣть ихъ, то тѣхъ, что дальше, не будетъ видно вовсе, а ближайшіе будутъ видны иначе, чѣмъ съ горы; и между этими двумя взглядами на село нѣтъ противорѣчія, какъ его нѣтъ между частями и ихъ цѣлымъ; такъ художникъ во время вдохновенія схватываетъ во внутреннемъ единствѣ однимъ взоромъ всѣ предметы, точно также какъ онъ разрываетъ внѣшнюю цѣпь причинности, связывающую событія для того, чтобы связать ихъ болѣе глубокимъ внутреннимъ смысломъ; такимъ образомъ въ минуты вдохновенія ниспадаютъ индивидуальныя границы, principia individuationis,—пространственныя и временныя,—и художникъ чувствуетъ свою непосредственную связь со вселенной и созерцаетъ ее въ интеллектуальномъ воспріятіи. Это созерцаніе имѣетъ много общаго съ философской интуиціей, но чѣмъ центральнѣе, чѣмъ глубже, универсальнѣе идея, тѣмъ менѣе возможно ея непосредственное созерцаніе для человѣка въ его теперешнемъ эксцентричномъ и периферическомъ состояніи; поэтому философская интуиція значительно уступаетъ въ яркости и интенсивности интуиціи художественной, превосходя ее универсальностью. Но индивидуальное въ интуиціи не теряетъ своихъ чертъ: чтобы уловить и навѣки закрѣпить единичное явленіе, необходимо сосре-

доточить на немъ всѣ силы души и тѣмъ самымъ почувствовать сосредоточенныя въ немъ силы бытія, нужно признать его безусловную цѣнность, увидать въ немъ не что-нибудь, а фокусъ всего, единственный образчикъ абсолютнаго. Въ этомъ собственно и состоитъ созвучіе поэтической души съ истиной предметною; ибо по истинѣ не только каждое нераздѣльно пребываетъ во всемъ, но и все нераздѣльно присутствуетъ въ каждомъ. Отвлеченный пантеизмъ растворяетъ все единичное въ абсолютномъ, превращая это послѣднее въ пустую безразличность; истинное поэтическое созерцаніе, напротивъ, видитъ абсолютное въ индивидуальномъ явленіи, не только сохраняя, но и безконечно усиливая его индивидуальность.

Но у художника нѣтъ средствъ, чтобы по произволу вызвать состояніе вдохновенія. Онъ не воленъ въ своемъ творчествѣ. Вдохновеніе не подчиняется волѣ и не требуетъ напряженія ума. Предъ вдохновеніемъ умъ молчитъ. Умъ и воля, какъ начала самодѣятельности въ человѣкѣ, не принимаютъ участія въ вдохновеніи. Какъ о поэзіи, такъ и о всякомъ художественномъ творчествѣ можно сказать, что оно не есть дѣятельность ума, а состояніе души, охваченной волненіемъ. Поэзія Пушкина, напримѣръ, не была дѣломъ ума, а зависѣла отъ воспріимчивости его души къ воздѣйствіямъ изъ надсознательной области. Животные голоса въ человѣкѣ должны затихнуть, умолкнуть, чувственная пестрота и яркость должны поблѣднѣть, чтобы поэтъ могъ слышать божественные глаголы и созерцать видѣнія первоначальныхъ лучшихъ дней. Итакъ, если вдохновеніе не есть дѣло ума или воли, то, значитъ, оно есть пассивное состояніе, и свобода творчества имѣетъ своимъ первоначальнымъ условіемъ пассивность, чистую потенціальность ума и воли. Душа въ минуты вдохновенія повинуется лишь тому, что въ нее входитъ или приходитъ къ ней изъ той надсознательной области, которую сама душа признаетъ иною, высшею и вмѣстѣ съ тѣмъ своею, родною. Въ мірѣ поэзіи и духовнаго творчества вообще душа опредѣляется къ дѣйствію тѣмъ, что въ ней лучше ея, что дано свыше, а не придумано. Но если вдохновеніе есть состояніе пассивное, то отъ поэта и художника не требуется никакого дѣйствія и никакого опредѣленнаго и предвзятаго утвержденія о чемъ бы то ни было. Онъ долженъ быть нищъ духомъ. Пустота души истиннаго поэта-художника жаждетъ наполненія, духовнаго удовлетворенія. Геній только усиливаетъ, возводитъ на высшую ступень прежнія чувства и дѣлаетъ поэта духовно болѣе зоркимъ и болѣе чуткимъ; онъ замѣчаетъ то, что ускользаетъ

отъ болѣе грубаго чувства. Душа поэта пассивна въ области поэзіи, молчатъ передъ грядущимъ вдохновеніемъ и только можетъ тосковать по немъ, жаждать его и готовиться къ его пріему. Но когда оно пришло и принято душою и овладѣло ею, то сама душа становится верховною властью въ своемъ мірѣ. По своему началу вдохновеніе безусловно свободно, оно приходитъ само собой, — но не съ пустыми руками: оно несетъ съ собой плоды любимыхъ думъ и налагаетъ на поэта благородный подвигъ усовершенствованія.

Итакъ, вдохновеніе есть мимолетное, пассивное состояніе души, въ которомъ ни умъ, ни воля человѣка не играютъ роли, которое приходитъ изъ надсознательной области и всецѣло завладѣваетъ душою, чтобы вести ее по своему пути. Но вдохновеніе, будучи даромъ свыше, не есть нѣчто вполнѣ случайное, оно приходитъ не ко всѣмъ людямъ, къ нему можно готовиться,— слѣдовательно, есть какая-то связь, хотя и не сознательная, вдохновенія съ умомъ и волею генія. Какъ красота есть въ то же время и добро и истина—красота есть только ощутительная сторона добра и истины,—такъ и воспріятіе красоты въ субъектѣ въ моменты вдохновенія предполагаетъ соотвѣтственное пониманіе бытія и соотвѣтствующее нравственное просвѣтлѣніе. На высшей степени вдохновенія художникъ становится пророкомъ. Красота просвѣтляетъ все существующее, но этотъ ея свѣтъ есть вѣчная истина, и художнику достаточно быть вѣрнымъ красотѣ, а она уже сама сдѣлаетъ его произведеніе сообразнымъ истинѣ по своему внутреннему сродству съ нимъ. Кто прозрѣлъ, чтобы видѣть красоту міросданія, тотъ тѣмъ мучительнѣе ощущаетъ безобразіе человѣческой дѣйствительности и не можетъ относиться къ ней безразлично, ибо безразличіе между добромъ и зломъ не можетъ принять формы красоты. Міръ нравственный, міръ свободнаго добра и зла по своему самому существенному качеству сразу предстоитъ художнику не какъ предметъ созерцательнаго вниманія только, но и какъ предметъ жизненнаго рѣшенія, ибо онъ по существу міръ не различія только, но и противоборства. Художникъ отступитъ отъ истины, если не признаетъ существованія зла теперь и не признаетъ въ немъ отрицаемаго, того, что должно исчезнуть. Борьба со зломъ требуетъ полнаго перерожденія черезъ подавленіе злого начала, а это предполагаетъ настоящее страданіе. Итакъ, высшая ступень идеально-художественнаго, т.-е. пророческаго служенія требуетъ не только художественнаго вдохновенія и прозрѣнія смысла міросданія, но и мучительнаго нравственнаго перерожденія; необхо-

димо спалить зло огнемъ любви, необходимъ нравственный подвигъ. Для достиженія вершины художественнаго вдохновенія, на которомъ художество отожествляется съ пророческимъ даромъ, необходимы три жизненныхъ разрыва. Нужно разорвать съ основною и самою крѣпкою связью, которая тянетъ насъ къ личному счастью въ его главномъ средоточіи — половой любви; нужно разорвать съ любовью къ своему народу, дабы патріотизмъ могъ подняться надъ своими утробными корнями въ свѣтъ нравственнаго сознанія и путемъ самоотреченія повелъ бы свой народъ къ высшей и всеобъемлющей цѣли. Ибо смыслъ личной жизни не можетъ существовать самъ по себѣ, какъ случайность, а долженъ быть связанъ съ самою всеобщею правдой, чтобы освободиться въ ней отъ всякой случайности. Эта правда воплощается въ отчизнѣ, но не отчизна есть источникъ и мѣрило правды, а сама правда есть норма и для отчизны. Но нужно разорвать и съ религіознымъ авторитетомъ, ибо вѣра должна быть не подушкою успокоенія, а внутреннею силою неустаннаго движенія. Возвышаясь такимъ путемъ, подымаясь на новыя ступени нравственной высоты, геній долженъ нести съ собой не гордое и пустое отрицаніе, а любовь къ тому, надъ чѣмъ возвысился.

IV.

Искусство.

Совершенная красота недоступна природѣ, она есть задача искусства; но слѣдуетъ отличать истинное искусство отъ ложнаго. Существующее искусство есть лишь слабый суррогатъ истиннаго искусства. Чтобы придать искусству значеніе и смыслъ, необходимо связать художественное творчество съ высшими цѣлями человѣческой жизни. Современное художественное творчество не хочетъ служить чистой красотѣ, какъ ей служили художники классическаго міра и эпохи возрожденія: оно ищетъ содержанія; но, чуждые прежнему религіозному содержанію, современные художники обращаются къ дѣйствительности и ставятъ себя къ ней въ рабское отношеніе вдвойнѣ: они, во-первыхъ, стараются рабски подражать дѣйствительности, а во-вторыхъ, столь же рабски служатъ злобѣ дня [1]), стараясь удовлетворить общественному настроенію

[1]) Эти мысли Соловьевъ высказалъ въ 1881 году, и онѣ не вполнѣ примѣнимы къ современному искусству, но столь же отрицательно относился Соловьевъ и къ новому символизму и декадентству.

данной минуты; они проповѣдуютъ ходячую мораль, думая черезъ то сдѣлать искусство полезнымъ. Въ погонѣ за мнимо-реальными подробностями теряется настоящая реальность цѣлаго, а стремленіе соединить съ искусствомъ внѣшнюю поучительность и полезность къ ущербу его внутренней красоты превращаетъ искусство въ самую безполезную и ненужную вещь въ мірѣ. Искусство для искусства такъ же чуждо намъ, какъ и мистическое творчество. Подражаніе поверхностной дѣйствительности и узкій утилитаризмъ—вотъ что составляетъ особенность современнаго искусства; искусство превратилось въ ремесло. Исключительно религіозное и исключительно формальное творчество оба односторонни, и потому должны были потерять свое значеніе; но современное направленіе искусства лишено глубины религіознаго и идеальнаго изящества формальнаго творчества.

Разсмотрѣніе недостатковъ современнаго искусства поможетъ найти истинное понятіе его. Ясно, что смыслъ искусства не можетъ состоять въ подражаніи дѣйствительности, ибо хотя красота въ природѣ и объективна, но идея (жизни) не находитъ въ природѣ полнаго воплощенія. Красота въ природѣ есть только покрывало, набросанное на злую жизнь, а не преображеніе этой жизни. Красота въ природѣ имѣетъ три существенныхъ недостатка. Во-первыхъ, идеальное содержаніе въ ней недостаточно прозрачно и не открываетъ здѣсь всей своей таинственной глубины. Идея воплощается здѣсь самымъ общимъ образомъ, съ внѣшней своей стороны. Во-вторыхъ, поверхностной матеріализаціи идеальнаго начала въ природной красотѣ соотвѣтствуетъ столь же поверхностное одухотвореніе матеріи, отсюда возможность кажущагося противорѣчія формы съ содержаніемъ; природная красота вообще неспособна выразить идею жизни въ ея внутреннемъ, *нравственномъ* качествѣ. Въ-третьихъ, красота природы сохраняется неизмѣнною и вѣковѣчною лишь вообще, въ своихъ общихъ образцахъ—родахъ и видахъ, каждое же отдѣльное прекрасное явленіе разрушается. Еслибы смыслъ искусства состоялъ въ подражаніи природѣ, то ему пришлось бы сдѣлать тотъ упрекъ, который высказывалъ еще Платонъ: искусство повторяетъ несуществующее; оно изображаетъ то, что недостойно бытія. Но столь же неправильно пониманіе задачи искусства какъ служенія чистой красотѣ (или искусства для искусства). Такой эстетическій сепаратизмъ, разрывающій связь искусства съ остальными сферами жизни, подрываетъ въ корнѣ смыслъ человѣческаго творчества: искусство не для искусства, а для осуществленія той полноты жизни, которая необходимо вклю-

чаетъ въ себѣ и особый элементъ искусства—красоту, но включаетъ не какъ что-нибудь отдѣльное и самодовлѣющее, а въ существенной и внутренней связи со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ жизни. Слѣдуетъ отвергнуть фантастическое отчужденіе красоты и искусства отъ общаго движенія міровой жизни и признать, что художественная дѣятельность не имѣетъ въ себѣ самой какого-либо особаго высшаго предмета, а лишь по-своему, своими средствами служитъ общей жизненной цѣли человѣчества. Примѣромъ такого пониманія искусства можетъ служить А. Толстой, который показалъ, что можно служить чистому искусству, не отдѣляя его отъ нравственнаго смысла жизни, что это искусство должно быть чисто отъ всего низменнаго и ложнаго, но никакъ не отъ идейнаго содержанія и жизненнаго значенія. — Столь же ложно и то направленіе эстетики, которое видитъ въ искусствѣ служеніе пользѣ, потому что основной признакъ красоты—безполезность; но нельзя, конечно, отрицать пользы искусства, если подъ словомъ польза разумѣть не грубую матеріальную пользу: такъ, совершенно справедливо будетъ утверждать, что поэзія Пушкина полезна, ибо совершенная красота ея формы усиливаетъ дѣйствіе того духа, который въ ней воплощается, а духъ этотъ—живой, благой и возвышенный.

Итакъ, анализъ ложнаго современнаго искусства помогаетъ понять истинное значеніе искусства, и внимательный взглядъ найдетъ и въ современномъ искусствѣ черты будущаго истиннаго творчества, а именно стремленіе къ полному воплощенію идеи въ мельчайшихъ матеріальныхъ подробностяхъ, до полнаго почти сліянія съ текущей дѣйствительностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе воздѣйствовать на реальную жизнь, исправляя и улучшая ее согласно идеальнымъ требованіямъ. Религіозное искусство древности было реальной силой, и искусство будущаго вернется къ религіи обогащеннымъ и станетъ силою просвѣтляющей и перерождающей весь человѣческій міръ; но для этого помимо любви и состраданія къ земному нужно еще нѣчто большее: чтобы повернуть и пересоздать землю, нужно привлечь и приложить къ ней неземныя силы.

Истинная задача и смыслъ искусства заключаются въ томъ, чтобы связать творчество съ высшими цѣлями человѣческой жизни, чтобы заставить служить человѣческое творчество той же цѣли, которой служитъ природа, но которой она, какъ мы видѣли, не достигаетъ. Искусство не представляетъ противоположности природѣ, а продолженіе дѣла природы, предпринятаго ради разрѣшенія эстетической задачи. Такимъ образомъ, высшая задача ис-

кусства совпадаетъ съ концомъ мірового процесса. Но окончательный смыслъ вселенной есть торжество вѣчной жизни, содержаніе этой жизни есть внутреннее единство всего или любовь, ея форма—красота, ея условіе—свобода. Искусство должно служить торжеству вѣчной жизни; человѣкъ съ его разумнымъ сознаніемъ долженъ быть не только цѣлью природнаго процесса, но и средствомъ для обратнаго, болѣе глубокаго и полнаго воздѣйствія на природу со стороны идеальнаго начала. Въ человѣкѣ темное начало выражаетъ свою глубочайшую сущность какъ нравственное зло, но въ человѣкѣ тѣмъ самымъ и дана возможность окончательнаго надъ зломъ торжества и совершеннаго воплощенія этого торжества въ красотѣ нетлѣнной и вѣчной. Мы видѣли, что воплощенію идеи и полной реализаціи красоты въ природѣ препятствуютъ три причины. Задача, неисполнимая средствами физическими, должна быть выполнена средствами человѣческаго творчества. Изъ разсмотрѣнія трехъ указанныхъ причинъ недостаточности природной красоты явствуютъ и три задачи искусства, а именно: 1) прямая объективація тѣхъ глубочайшихъ внутреннихъ опредѣленій и качествъ живой идеи, которыя не могутъ быть выражены природой, 2) одухотвореніе природной красоты и черезъ то 3) увѣковѣченіе ея индивидуальныхъ явленій, т.-е. превращеніе физической жизни въ духовную. Высшая задача искусства есть совершенное воплощеніе духовной полноты въ нашей дѣйствительности, осуществленіе въ ней абсолютной красоты или созданіе вселенскаго духовнаго организма. Исполненіе этой задачи совпадаетъ съ концомъ мірового процесса; пока мы имѣемъ лишь предвареніе совершенной красоты. Совершенное искусство въ своей окончательной задачѣ должно воплотить абсолютный идеалъ не въ одномъ воображеніи, а на самомъ дѣлѣ, — должно одухотворить, пресуществить нашу дѣйствительную жизнь.

Изъ разсмотрѣнныхъ истинныхъ задачъ искусства слѣдуетъ и опредѣленіе художественнаго произведенія. Всякое ощутительное изображеніе какого бы то ни было предмета и явленія съ точки зрѣнія его окончательнаго состоянія, или въ свѣтѣ будущаго міра, есть художественное произведеніе.—Искусство будущаго, такимъ образомъ, имѣетъ совершенно иныя задачи, чѣмъ искусство прошлаго и настоящаго, оно проявится въ совершенно иной сферѣ дѣйствія; ибо существующія формы доведены уже до окончательнаго совершенства и дальнѣйшаго прогресса ожидать нельзя. Скульптура, героическій эпосъ и чистая трагедія завершены еще греками.

Если задачи будущаго искусства совершенно иныя (торжество вѣчной жизни, воскрешеніе мертвыхъ), то и существующія формы искусства можно, съ точки зрѣнія предваренія указанныхъ задачъ, раздѣлить совершенно иначе, чѣмъ это дѣлается теперь. Можно различить три группы искусства: 1) прямыя или магическія, въ которыхъ глубочайшія внутреннія состоянія, связывающія насъ съ подлинною сущностью вещей и съ нездѣшнимъ міромъ, прорываясь сквозь условности и матеріальныя ограниченія, находятъ себѣ прямое и полное выраженіе (музыка и отчасти чистая лирика); 2) *косвенныя, черезъ усиленіе данной* красоты, когда внутренній, существенный и вѣчный смыслъ жизни, скрытый въ частныхъ и случайныхъ явленіяхъ природнаго и человѣческаго міра, открывается и уясняется художникомъ черезъ воспроизведеніе этихъ явленій въ сосредоточенномъ, очищенномъ, идеализированномъ видѣ (архитектура, скульптура, пейзажная живопись и отчасти лирическая поэзія); 3) отрицательный родъ эстетическаго предваренія есть *косвенный черезъ отраженіе* идеала отъ несоотвѣтствующей ему среды, типически усиленной художникомъ для большей яркости отраженія (трагедія и комедія).

Искусство будущаго вернется обогащеннымъ къ своему источнику — религіи; художникъ станетъ пророкомъ, видящимъ красоту міра и тѣмъ мучительнѣе ощущающимъ безобразіе человѣческой дѣйствительности. Онъ будетъ бороться съ нею словомъ правды. Высшая ступень пророческаго, т.-е. идеально-поэтическаго служенія, объявляется словомъ правды, но совершается огнемъ любви. Спалить зло избранникъ можетъ однимъ средствомъ—словомъ, разожженнымъ сердечнымъ огнемъ любви.

Въ искусствѣ мы должны различать техническое художество отъ изящнаго. Техническое художество есть творчество матеріальное, которому идея красоты служитъ лишь какъ украшеніе при утилитарныхъ цѣляхъ. Зодчество является высшимъ представителемъ техники. Здѣсь производительность творческаго чувства направляется человѣкомъ непосредственно на низшую внѣшнюю природу и существенную важность имѣетъ матеріалъ. Въ художественномъ творчествѣ опредѣляющее значеніе имѣетъ эстетическая форма—форма красоты, выражающаяся въ чисто идеальныхъ образахъ. Изящное художество является въ формѣ ваянія, живописи, музыки и поэзіи, въ которыхъ легко замѣтить восхожденіе отъ матеріи къ духовности. Красота художественныхъ образовъ не есть еще полная, всецѣлая красота: эти образы, идеально необходимые по формѣ, имѣютъ лишь случайное, неопредѣленное

содержаніе. Въ истинной же красотѣ содержаніе должно быть столь же опредѣленнымъ, необходимымъ и вѣчнымъ, какъ и форма. Истинная красота можетъ быть лишь въ идеальномъ мірѣ самомъ по себѣ, и творческое отношеніе человѣческаго чувства къ этому міру есть мистика. Такимъ образомъ, мы имѣемъ три сферы художественнаго творчества, постепенно углубляющіяся: сферу техники, сферу изящнаго искусства и, наконецъ, сферу мистики. Всѣ три сферы вмѣстѣ образуютъ одну организацію, цѣль которой опредѣляется высшей сферою и состоитъ въ общеніи съ высшимъ міромъ путемъ внутренней творческой дѣятельности. Цѣль эта осуществляется въ свободной теургіи или цѣльномъ творчествѣ.

V.

Поэзія вообще и лирика въ частности.

Разъяснивъ задачу и смыслъ искусства вообще, Соловьевъ не даетъ подробныхъ указаній относительно отдѣльныхъ искусствъ, подобно тому, какъ у него нѣтъ и анализа различныхъ видовъ красоты. Мы находимъ у него анализъ лишь одного поэтическаго творчества и разъясненіе сущности одной лишь поэзіи, при этомъ главнымъ образомъ лирической поэзіи, т.-е. той, которая была ближе всего его сердцу и въ которой онъ самъ испробовалъ свои силы не только какъ философъ, разсуждающій о красотѣ, но какъ поэтъ, самъ созидающій красоту. Поэзія представлялась Соловьеву высшимъ родомъ художества, поэтому она по-своему заключаетъ въ себѣ элементы всѣхъ другихъ искусствъ. Истинный поэтъ влагаетъ въ свое слово нераздѣльно съ его внутреннимъ смысломъ и музыкальные звуки, и краски, и пластичныя формы. Элементъ пластичности и живописи вовсе не враждебенъ поэзіи, а напротивъ, необходимъ для нея; что ей дѣйствительно враждебно, такъ это элементъ прозаичности, отвлеченной рефлексіи; точно такъ же и музыкальность есть необходимое условіе поэзіи. Поэзія сама по себѣ есть цвѣтеніе и сіяніе духовныхъ силъ—добрыхъ и злыхъ. Дѣло поэзіи состоитъ въ томъ, чтобы воплощать въ ощутительныхъ образахъ тотъ высшій смыслъ жизни, которому философъ даетъ опредѣленіе въ разумныхъ понятіяхъ, который проповѣдуется моралистомъ и осуществляется историческимъ дѣятелемъ, какъ идея добра. Истинный источникъ поэзіи заключается въ самобытномъ мірѣ вѣчныхъ идей или первообразовъ. Очевидно, что приведенныя опредѣленія не выражаютъ сущности

одной поэзіи только, а въ одинаковой мѣрѣ относятся къ искусству вообще; въ частности къ поэзіи относится лишь то, что она, какъ высшій родъ искусства, вмѣщаетъ въ себѣ свойства остальныхъ и притомъ воплощаетъ идеальное содержаніе въ матеріалѣ особенно гибкомъ, въ которомъ духовная сторона господствуетъ надъ матеріальной,—въ словѣ; поэтому поэзія и представляется той средой, въ которой смыслъ вселенной можетъ найти наиболѣе полное выраженіе. Настоящая поэзія ни въ чемъ кромѣ красоты не нуждается: въ красотѣ—ея смыслъ и ея польза. Искать въ поэзіи непремѣнно какого-то особаго, посторонняго ей содержанія—значитъ не признавать ея собственнаго. Поэзія служитъ истинѣ и добру на землѣ, но по-своему, только своей красотой и ничѣмъ инымъ; она требуетъ отъ своего жреца лишь неограниченной воспріимчивости душевнаго чувства, послушнаго высшему вдохновенію, и вѣры въ поэзію, т.-е. вѣры въ то, что поэзія не есть праздный вымыселъ, а своеобразное міровоззрѣніе, признающее единство и одушевленность всей природы. Дѣло поэзіи—не въ томъ, чтобы предаваться произвольнымъ фантазіямъ, а въ томъ, чтобы провидѣть абсолютную правду всего существующаго. Поэты, не вѣрящіе въ поэзію, у которыхъ умъ противорѣчитъ вдохновенію, которые думаютъ, что истина есть только одна механика,—такіе поэты или должны быть неискренни, или же, отдаваясь поэтическому чувству, должны воздерживаться отъ всякой мысли. Житейская заурядность не имѣетъ ничего общаго съ поэзіей, но вопросъ именно въ томъ, исчерпывается ли жизнь этою заурядностью? Примѣромъ поэта, вѣрящаго въ свое дѣло, въ одушевленность природы, служитъ Ѳ. И. Тютчевъ. Живое отношеніе къ природѣ есть существенный признакъ поэзіи вообще, отличающій ее отъ двоякой прозы: житейско-практической и научно-отвлеченной. Если поэтическая истинность только созданіе мечты (какъ это было для Лермонтова), то вся жизнь есть лишь „пустая и глупая шутка“, съ которой всего лучше покончить съ самаго начала. Поэтъ долженъ вѣрить въ превосходство поэтической истины сравнительно съ мертвящей рефлексіей.

Сущность поэзіи всего яснѣе выражается въ лирикѣ, потому что въ лирикѣ всего глубже и непосредственнѣе выражается внутреннее содержаніе души человѣческой. Въ лирикѣ меньше всего внѣшняго и условнаго, событій и дѣйствій; лирика есть подлинное откровеніе души человѣческой, того именно, что̀ нуждается въ откровеніи, т.-е. красоты души человѣческой; въ лирикѣ, послѣ музыки, душа открывается прямѣе и полнѣе всего. Неправильно лирику называютъ поэзіей субъективности (Гегель);

во-первыхъ, потому, что субъективныя состоянія, какъ таковыя, вообще не допускаютъ поэтическаго выраженія; во-вторыхъ, потому, что не всѣ состоянія души могутъ быть предметомъ лирики; съ другой стороны, чистому лирику нерѣдко удавалось прекрасно воспроизводить чужую душу, т.-е. состоянія и настроенія, ничего общаго съ личною душевною жизнью поэта не имѣющія. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ красота и жизнь природы настолько прямо отражаются въ поэтической душѣ, какъ въ зеркалѣ, что вовсе не остается мѣста для субъективности: видишь образъ, овладѣвшій поэтомъ, а самого поэта совсѣмъ не видно. Въ поэтическомъ откровеніи нуждается внутренняя красота души человѣческой, состоящая въ ея созвучіи съ объективнымъ смысломъ вселенной, въ ея способности индивидуально воспринимать и воплощать этотъ всеобщій существенный смыслъ міра и жизни. Въ отличіе отъ другихъ родовъ поэзіи, лирическое настроеніе, во-первыхъ, останавливается на болѣе простыхъ, единичныхъ и болѣе глубокихъ моментахъ созвучія художественной души съ истиннымъ смысломъ міровыхъ и жизненныхъ явленій. Въ настоящей лирикѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ искусствахъ, кромѣ музыки [1]), душа художника сливается съ даннымъ предметомъ или явленіемъ въ одно нераздѣльное состояніе. Во-вторыхъ, въ лирическомъ произведеніи содержаніе и словесное его выраженіе совершенно слиты, въ немъ вовсе нѣтъ содержанія отдѣльнаго отъ формы, поэтому содержаніе его не можетъ быть передано прозою. Въ-третьихъ, лирическая поэзія относится къ основной, постоянной сторонѣ явленій, чуждаясь всего, что связано съ процессомъ, съ исторіей. Патріотическіе и гражданскіе мотивы, часто служащіе предметомъ лирики прикладной, не должны быть смѣшиваемы съ мотивами чистой лирики.

Лирикъ, какъ поэтъ, вѣритъ и внушаетъ читателю вѣру въ самостоятельное значеніе красоты; что людямъ представляется лишь праздною мечтою, то поэтъ сознаетъ какъ откровеніе высшихъ силъ, чувствуетъ какъ ростъ тѣхъ духовныхъ крыльевъ, которыя уносятъ его изъ призрачнаго и пустого существованія въ область истиннаго бытія.

Содержаніе лирики имѣетъ два опредѣленныхъ объекта: жизнь природы и чувство любви; но есть еще область лирическаго чув-

[1]) Очень жаль, что у Соловьева нѣтъ разъясненія отношеній музыки къ лирикѣ: съ одной стороны, музыка оказывается болѣе непосредственной выразительницей внутренняго настроенія, а слѣдовательно и болѣе глубокимъ откровеніемъ души человѣческой, чѣмъ поэзія; съ другой, однако, нашъ философъ считаетъ поэзію высшимъ родомъ искусства, заключающимъ въ себѣ элементы музыкальности.

ства, самая глубокая и въ то же время элементарная, гдѣ никакого опредѣленнаго содержанія нѣтъ, гдѣ источникъ вдохновенія не нашелъ себѣ русла, гдѣ виденъ только взмахъ крыльевъ, слышенъ только вздохъ въ неизреченности бытія. Въ этой области лирика сливается съ музыкою: здѣсь въ особенности открывается завѣтная глубина душевной жизни, „гдѣ слово нѣмѣетъ, гдѣ царствуютъ звуки, гдѣ слышишь не пѣсню, а душу пѣвца". Поэзія, выражающая это неопредѣленное содержаніе въ простѣйшемъ и чистѣйшемъ видѣ, представляетъ коренное лирическое настроеніе, истинный фонъ всякой лирики. Здѣсь поэтъ открываетъ намъ самые корни лирическаго творчества. Но на этомъ неопредѣленномъ лирическомъ фонѣ выростаетъ ясное содержаніе лирики, въ которомъ открывается смыслъ вселенной въ душѣ поэта: это вѣчная красота природы и безконечная сила любви, притомъ въ ея наиболѣе интенсивной формѣ, т.-е. половая любовь. Конечно, поэтическимъ мотивомъ можетъ служить только истинная человѣческая любовь, свободная отъ случайностей, индивидуальная и вѣчная, которую не можетъ упразднить смерть, такъ какъ смерть есть лишь внѣшняя случайность, не касающаяся существа, существенныхъ связей и отношеній. Несокрушимая сила индивидуальной любви, не имѣющая ничего общаго съ родовымъ влеченіемъ, свидѣтельствуетъ о безсмертіи духа и вѣчности истинной жизни.

Смерть и Время царятъ на землѣ—
Ты владыками ихъ не зови;
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ,
Неподвижно лишь солнце любви.

Красота природы и сила любви въ поэтическомъ вдохновеніи имѣютъ одинъ и тотъ же голосъ: истинный смыслъ вселенной—присутствіе всего въ одномъ — находитъ себѣ для внутренняго чувства выраженіе въ половой любви, а для внѣшняго содержанія является какъ красота природы. Въ любви человѣкъ ощущаетъ ту силу Божію, которая внѣ его проявляется въ природной красотѣ, упраздняющей матеріальный хаосъ, тожественный съ эгоизмомъ, уничтожаемымъ силою любви.

Если лирическая поэзія въ иныхъ случаяхъ сливается съ музыкой, то отсюда слѣдуетъ, что поэтичными могутъ быть не только мысли, но и слова,—и наоборотъ. Соловьевъ указываетъ какъ на примѣръ прозаическаго слова на слово: „вскорѣ".

VI.

О фантастичномъ.

Мы представили общія очертанія эстетики Соловьева; философъ придерживается самыхъ общихъ опредѣленій и весьма рѣдко спускается къ конкретнымъ явленіямъ; поэтому мы напрасно стали бы искать у него анализа видовыхъ понятій красоты, но для нѣкоторыхъ понятій онъ дѣлаетъ исключеніе: такъ, напримѣръ, мы находимъ у него тонкій анализъ понятія фантастичнаго въ поэзіи.

Интересъ и значеніе фантастичнаго элемента въ поэзіи Соловьевъ объясняетъ увѣренностью, что все происходящее въ мірѣ, кромѣ своихъ наличныхъ и очевидныхъ причинъ, подчинено какой-то другой причинности, болѣе глубокой и многообъемлющей, но зато менѣе ясной. Подъ наружною повседневною связью житейскихъ событій открывается иная роковая жизненная связь, постоянная и строго послѣдовательная при всей неожиданности и кажущейся ирраціональности своихъ проявленій. Фантастическое никогда не является, такъ сказать, въ обнаженномъ видѣ; его явленія не должны вызывать принудительной вѣры въ мистическій смыслъ жизненныхъ происшествій, а скорѣе должны указывать и намекать на него. Всегда должна оставаться внѣшняя формальная возможность простого объясненія изъ обыкновенной связи явленій. Всѣ отдѣльныя подробности должны имѣть повседневный характеръ, и лишь связь цѣлаго должна указывать на иную причинность. Отдѣльныхъ явленій фантастическаго не бываетъ,—бываютъ только реальныя явленія; но иногда выступаетъ яснѣе обыкновеннаго иная болѣе существенная и важная связь и смыслъ явленій.

Изъ сказаннаго вытекаютъ два правила для художественнаго воспроизведенія сверхъестественной стихіи: 1) мистическія явленія не должны прямо сваливаться съ неба или выскакивать изъ преисподней, а должны подготовляться внутренними и внѣшними условіями, входя въ общую связь происшествій; 2) самый способъ явленія таинственныхъ дѣятелей долженъ отличаться особенной чертой неопредѣленности и неуловимости, такъ чтобы сужденіе читателей не подвергалось грубому насилію, а сохраняло за собой свободу того или иного объясненія, и дѣятельность сверхъестественнаго не навязывалась бы, а только давала себя

чувствовать. Это тонкое разъясненіе таинственнаго вполнѣ оправдывается произведеніями „царей творчества“, Гёте („Фаустъ“) и Шекспира, а также Гофмана, котораго Соловьевъ такъ цѣнилъ (онъ перевелъ его разсказъ „Золотой горшокъ“). Точно также и Пушкинъ охотно раскрывалъ двери поэзіи для стихіи фантастической, въ которой онъ чуялъ реальную основу; но онъ никогда не допускалъ въ поэзіи фальши и искусственнаго искаженія живой правды чертами внутренне неправдоподобными. Но какъ примѣнить это объясненіе къ сказкамъ, въ которыхъ таинственное и фантастическое играетъ такую роль? Соловьевъ очень любилъ сказки „Тысяча Одной Ночи“ и мало цѣнилъ моралезирующія сказки Андерсена. Но именно въ самыхъ яркихъ сказкахъ фантазіи, какъ кажется, не связана никакими условіями, и явленія именно сваливаются прямо съ неба или изъ преисподней, а связь событій, если таковая имѣется, обнаруживается въ обнаженномъ видѣ. Но у Соловьева мы не находимъ примѣненія его взглядовъ на фантастическое къ сказкамъ, поэтому намъ въ данномъ случаѣ и незачѣмъ задаваться вопросомъ, который имъ, повидимому, не поднимался. Мы не станемъ отыскивать у Соловьева анализа другихъ частныхъ понятій, ибо такіе поиски не дали бы богатыхъ результатовъ; мы могли бы найти нѣсколько замѣчаній о трагедіи и комедіи (въ концѣ статьи о лирической поэзіи), но къ большимъ результатамъ поиски врядъ-ли привели бы.

Мы изложили теперь въ достаточной полнотѣ взгляды Вл. Соловьева, касающіеся лишь самыхъ общихъ вопросовъ эстетики; философъ рѣдко спускается на землю съ цѣлью расчленить какое-либо конкрѣтное явленіе. Его взгляды оказываются тѣсно связанными съ религіозными и метафизическими воззрѣніями. Его эстетика—законный ребенокъ его метафизики; отсюда слѣдуетъ, что критика должна направлять свои удары на метафизическія предпосылки. Кто принимаетъ мистицизмъ Соловьева, тотъ долженъ признать въ его эстетикѣ лишь простой выводъ, сдѣланный совершенно правильно по законамъ логики изъ данныхъ предпосылокъ.

Не критикуя эстетику Соловьева, сдѣлаемъ лишь одно замѣчаніе историческаго характера. Вся метафизика Соловьева коренится въ вѣрѣ, что природа и человѣчество путемъ историческаго процесса возсоединятся съ абсолютомъ или Богомъ (Любовью) и станутъ причастны безсмертію его. Въ поэтической формѣ Соловьевъ выразилъ это ученіе въ прекрасномъ стихотвореніи:

Милый другъ, иль ты не видишь,
Что все видимое нами
Только отблескъ, только тѣни
Отъ незримаго очами.

Милый другъ, иль ты не слышишь,
Что житейскій шумъ трескучій —
Только отклинъ искаженный
Торжествующихъ созвучій.

Милый другъ, иль ты не чуешь,
Что одно на цѣломъ свѣтѣ —
Только то, что̀ сердце къ сердцу
Говоритъ въ нѣмомъ привѣтѣ.

Это ученіе весьма родственно платонизму, особенно въ толкованіи его нео-платониками и христіанскою мистикою. На этой почвѣ выросла эстетика Соловьева. Вмѣстѣ съ Платономъ онъ смотритъ на красоту какъ на идею и отвергаетъ взглядъ на искусство какъ на подражаніе дѣйствительности. Но гораздо бо́льшую духовную близость найдемъ мы въ ученіи Соловьева съ теоріями, изложенными Плотиномъ въ его 1-ой эннеадѣ (книга 6-ая) и 5-ой эннеадѣ (книга 8-ая). Здѣсь мы найдемъ почти всѣ положенія эстетики Соловьева въ ясно выраженной формѣ или же въ формѣ положеній, развитіе которыхъ по необходимости приводитъ къ положеніямъ Соловьева.

У Плотина мы находимъ опредѣленіе красоты какъ идеи, а безобразія какъ тьмы, хаоса или матеріи. „Безобразно то, что̀ не подчинено созидающему разуму, ибо матерія противоборствуетъ идеѣ“... „Безобразіе тожественно со зломъ“. Красота осуществляется постепенно въ мірѣ явленій и представляетъ собою лѣстницу, въ которой огонь или свѣтъ занимаетъ низшую ступень, а нравственная красота души—высшую. Нравственная жизнь есть очищеніе (катарсисъ), приближеніе къ источнику красоты, къ божеству. Красота тожественна съ добромъ. Такъ какъ красота есть идея, осуществляемая въ мірѣ явленій, то она, конечно, объективна, или, какъ Плотинъ выражаетъ эту мысль: „Глазъ никогда не узрѣлъ бы солнце, еслибы онъ самъ не былъ солнечнымъ; точно также и душа не созерцала бы красоты, еслибы она сама не была прекрасна“. Отъ красоты, осуществляемой въ мірѣ явленій, Плотинъ, точно также какъ и Соловьевъ, различаетъ красоту интеллигибльную (первая νοητός), совершенную и вѣчную, и въ трактатѣ, посвященномъ совершенной красотѣ, мы встрѣчаемся съ самою, повидимому, оригинальною мыслью Соловьева, а именно съ его взглядомъ на

искусство какъ на продолженіе дѣла природы. Этотъ взглядъ выраженъ, хотя и не вполнѣ отчетливо, въ слѣдующихъ положеніяхъ. Во-первыхъ, искусство не противополагается Плотиномъ природѣ, ибо по его словамъ: „Въ произведеніяхъ искусства и природы дѣйствуетъ одна и та же мудрость (σοφία), которая является источникомъ всякаго творчества... Истинная мудрость есть бытіе и истинное бытіе есть мудрость, и благодаря ей бытіе получаетъ значеніе и достоинство (ἀξία), а благодаря тому, что значеніе получено отъ идеи, оно и становится истиннымъ бытіемъ". Во-вторыхъ, „въ искусствѣ пребываетъ болѣе высокая красота, чѣмъ та, которая свойственна природѣ; ибо предметъ становится прекраснымъ благодаря формѣ (идеѣ), которую придаетъ ему художникъ".

Соловьевъ отличаетъ въ красотѣ формальный и идеальный моменты. Плотинъ, какъ извѣстно, отрицаетъ формальное опредѣленіе красоты; онъ очень хорошо доказываетъ, что не симметрія частей создаетъ красоту цѣлаго, ибо въ такомъ случаѣ простое, не имѣющее частей, не могло бы быть красивымъ; но отсюда не слѣдуетъ, что Плотинъ не цѣнилъ эстетическаго значенія симметріи и гармоніи, но то и другое онъ считаетъ не первичнымъ, а производнымъ элементомъ красоты. „Идея,—говоритъ онъ,—привходя, соединяетъ въ одно цѣлое то, что стремится стать единымъ изъ соединенія частей; идея вноситъ единство благодаря цѣли и порядку и создаетъ единство путемъ внутренней гармоніи, ибо идея сама по себѣ едина, и то, что воспринимаетъ идею, стремится къ единству, поскольку это возможно при первоначальной множественности. Въ этомъ единствѣ пребываетъ красота и сообщается какъ частямъ, такъ и цѣлому".

Вдохновеніе художника вызывается, по Соловьеву, воздѣйствіемъ надсознательной области; но къ воспріятію вдохновенія ведетъ путь очищенія души, нравственнаго подвига; художественное творчество становится пророческимъ служеніемъ, а вдохновеніе—интеллектуальнымъ созерцаніемъ, видящимъ смыслъ жизни и вселенной внѣ оковъ пространства и времени. Плотинъ точно также требуетъ очищенія, катарсиса, какъ условія созерцанія красоты. „Только когда душа очистилась отъ страстей, которыя попадаютъ въ душу, благодаря ея связи съ тѣломъ, когда она освободится отъ плотскихъ стремленій и станетъ сама собою, только тогда она отринетъ все безобразіе иной природы... Величіе души заключается въ презрѣніи ко всему земному... Когда душа очищена, тогда она становится идеей и чистымъ разумомъ,

безтѣлесной и духовной, всецѣло проникнутою божественнымъ началомъ, источникомъ красоты и всего, что родственно ей".

Мы не будемъ продолжать параллели, ибо и приведеннаго достаточно, чтобы видѣть близость двухъ міровоззрѣній; эта близость нисколько не умаляетъ оригинальности Соловьева; родственныя настроенія должны вылиться въ сходные образы и формы. Къ тому же можно, при болѣе внимательномъ изслѣдованіи, найти и различіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ.

Соловьевъ свои нео-платоническіе взгляды облекалъ въ діалектическую форму. Это должно было сблизить его съ Гегелемъ, и такъ какъ вліяніе Гегеля на философію было еще живо, то Соловьеву пришлось отграничить свое ученіе отъ ученія Гегеля. Эстетику Гегеля Соловьевъ сводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ: „Красота есть непосредственное присутствіе или видимость идеи въ единичномъ конкретномъ явленіи; это—абсолютное въ сферѣ чувственнаго созерцанія. Въ природѣ красота есть лишь безсознательное отраженіе или сіяніе идеи; въ искусствѣ, прежде чѣмъ получить непосредственную видимость на объектѣ, она проходитъ черезъ сознательное воображеніе субъекта (художника) и потому представляетъ высшую степень просвѣтлѣнія природнаго матеріала". Соловьевъ нѣсколько разъ останавливается на эстетикѣ Гегеля, чтобы показать ея различіе отъ своей. Главное отличіе состоитъ въ томъ, что красота у Гегеля все же есть нѣчто субъективное, нѣкоторый призракъ или видимость идеи; вслѣдствіе этого по гегельянской эстетикѣ красота есть воплощеніе универсальной и вѣчной идеи въ частныхъ и преходящихъ явленіяхъ, при чемъ они такъ и остаются преходящими, исчезаютъ какъ отдѣльныя волны въ потокѣ матеріальнаго процесса, лишь на минуту отражая сіяніе вѣчной идеи; но это возможно лишь при безразличномъ отношеніи между духовнымъ началомъ и матеріальнымъ явленіемъ. Подлинная же и совершенная красота, выражая полную солидарность и взаимное проникновеніе этихъ двухъ элементовъ, должна дѣлать матеріальный міръ дѣйствительно причастнымъ безсмертію другого. На томъ же основаніи Соловьевъ возстаетъ противъ гегельянской схемы, видящей въ лирикѣ поэзію субъективности.

Э. Радловъ.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Въ туманѣ.

Густой туманъ, какъ саванъ желтоватый,
На улицахъ лежитъ: ни ночь, ни день!
Свѣтъ фонарей—дрожащій, красноватый—
Могильную напоминаетъ сѣнь.

Въ туманѣ влажномъ сдавленно и глухо
Звучатъ шаги и голоса людей,
И позади тревожно ловитъ ухо
Горячее дыханье лошадей.

Подъ инеемъ—рядъ призраковъ туманныхъ—
Стоятъ деревья бѣлыя въ саду;
Межъ призраковъ такихъ же безъимянныхъ
Въ толпѣ людей я какъ во снѣ иду.

И хочется, какъ тяжкій сонъ кошмарный,
Тумана влажный саванъ отряхнуть,
Чтобъ сумерки смѣнилъ день лучезарный
И ясно вновь могли-бъ мы видѣть путь!

II.

Бурной ночью.

Въ осеннія ночи, зловѣщія ночи,
Подъ жалобы вѣтра и звуки пальбы,
Подолгу порой не смыкаются очи,
И пламенно рвутся изъ сердца мольбы.

За всѣхъ, немогшихъ подъ крестной ношей,
За узниковъ блѣдныхъ въ высокихъ стѣнахъ,
За всѣхъ, чьи пути засыпаетъ порошей,
За всѣхъ, погибающихъ въ бурныхъ волнахъ.

Темны и бурливы холодныя волны,
Весло выпадаетъ изъ рукъ у гребцовъ,
А скалы, какъ стражи нѣмые—безмолвны,
Свидѣтели муки предсмертной борцовъ.

И вслѣдъ за тяжелыми темными снами,
За ночью осеннею вслѣдъ—
Безрадостно солнце взойдетъ надъ волнами,
Оставивъ пурпуровый слѣдъ.

О. Чюмина.

ЗИНОВІЙ ГОЛУБЪ

РАЗСКАЗЪ.

I.

— По распоряженію администраціи... Зиновій Голубъ...

Передъ докторомъ, принимавшимъ партію душевно-больныхъ, переведенныхъ изъ больницы, стоялъ высокій мужчина со смуглымъ лицомъ, каждая черта котораго поражала необычайной красотою: возвышенный, крутой лобъ, волнистые, чуть тронутые сѣдиною волосы и большіе черные глаза, смотрѣвшіе на доктора съ выраженіемъ какъ бы несокрушимой твердости и силы.

Такія рѣдкія, долго незабываемыя лица природа даетъ иногда своимъ любимцамъ—великимъ художникамъ и поэтамъ. Но почти такъ же часто отмѣчаетъ и лица безнадежныхъ психопатовъ.

— Паранойя!—сказалъ про себя докторъ, мелькомъ взглянувъ на заголовокъ „скорбнаго листа", и привычною рукою придвинулъ къ себѣ другой.

И вслѣдъ за этимъ жестомъ сѣрая фигура Голуба слилась съ толпою такихъ же сѣрыхъ, молчаливыхъ фигуръ, и ей на смѣну передъ докторскимъ столомъ выступилъ грузный эпилептикъ-идіотъ.

— Евтихій Фарбованый... по девяносто-пятой статьѣ,—доложилъ сдававшій партію фельдшеръ.

Пріемный листъ кончился. Съ тихимъ говоромъ новые жильцы огромнаго унылаго дома двинулись по гулкимъ, еще пустымъ корридорамъ, и шарканье ихъ туфель замерло далеко, за тяжелою дверью, которая съ рѣзкимъ стукомъ сама собою захлопнулась за ними.

За этою дверью корридоръ продолжался въ видѣ полукруглыхъ арокъ, поддерживавшихъ низкіе, приземистые своды. По одну сторону арокъ была столовая спокойнаго отдѣленія: длинные дубовые столы и скамьи; по другую — спальныя: вытянутыя въ два ряда, голова къ головѣ больничныя койки со скругленными спинками. Въ той и другой комнатѣ — пустыя, голыя стѣны, большой электрическій фонарь, вдѣланный въ потолокъ, и маленькая икона Спасителя, врѣзанная подъ потолкомъ въ глубокую стѣнную нишу.

Устроители новой больницы сдѣлали все, чтобы обратить больныхъ людей въ однообразную, безличную, легко управляемую толпу; но люди эти, уже вычеркнутые изъ списка живущихъ, еще не умерли... И къ вечеру перваго же дня что-то неуслѣдимое, но пестрое и своеобычное отмѣтило каждый уголъ, каждую койку въ палатѣ. Вонъ—хлѣбнымъ мякишемъ приклеена къ стѣнѣ карточка, а на ней—скорбное лицо женщины съ пятью маленькими дѣвочками. Вонъ—на круглой спинкѣ кровати виситъ рядъ образковъ въ золоченыхъ и серебряныхъ ризахъ... Тамъ—пукъ зачитанныхъ газетъ выглянулъ изъ-подъ подушки, а рядомъ—замызганый узелокъ, изъ котораго валятся кусочки обкусаннаго сахара и корочки хлѣба: это — то завѣтное „свое“, за что цѣпляется еще сознаніе всѣхъ этихъ гаснущихъ душъ. Только койка Голуба не была ничѣмъ отмѣчена, и самъ больной стоялъ вытянувшись у ея изголовья, когда докторъ спокойнаго отдѣленія пришелъ на обходъ.

— Дозвольте доложить, ваше благородіе!—по военному остановилъ онъ доктора.

— Что вамъ?

— Осмѣлюсь спросить,—нельзя ли мнѣ здѣсь въ больницѣ имѣть стороннюю работу?

— А вы мастеровой?

— Мастеромъ назваться не могу, а работаю кое-что: книги переплеталъ, сапоги шью, садомъ могу заниматься.

— У насъ сторонникъ заработковъ нѣтъ. Но свои мастерскія будутъ... Вамъ куда бы хотѣлось?

— Въ садъ бы лучше...

„Навѣрное удрать собирается“, — подумалъ докторъ, пристальнѣе вглядѣвшись въ лицо больного.—Хорошо, я поговорю съ директоромъ.

— А жалованье работающимъ больнымъ полагается?

— Не знаю... Наша больница только-что устраивается. Да вамъ и зачѣмъ непремѣнно частный заработокъ? Здѣсь вы обезпечены всѣмъ необходимымъ.

— Такъ точно, господинъ докторъ; но при мнѣ находится семейство: жена и двое дѣтей.

Въ головѣ доктора мелькнула догадка, что настойчивость больного зависитъ отъ его болѣзненнаго бреда; но Голубъ, словно угадавъ его мысль, прибавилъ:

— Не извольте сомнѣваться, господинъ докторъ. Это вѣрно: и въ городѣ жена при мнѣ находилась, и сюда вчерашній день на одномъ съ нами поѣздѣ пріѣхала. Тутъ, въ Слободкѣ сниметъ квартирку, работать будетъ... Только-что безъ моего пособія ей трудно.

„Надо сегодня же вечеромъ посмотрѣть хорошенько его скорбный листъ“ — рѣшилъ докторъ, заинтересованный новымъ паціентомъ.

Но сдѣлать этого не удалось, потому что устроилась рыбная ловля, въ которой вся больница приняла участіе.

Больница только-что открывалась. Жизнь среди чистаго поля всѣхъ давила своимъ унылымъ однообразіемъ. Больныхъ было мало. Непосредственнаго врачебнаго дѣла у докторовъ почти не было, и они цѣлые дни проводили за непривычной и утомительной работой: одинъ мѣрилъ полы для разсчета съ малярами, другой принималъ гранитныя плитки для панелей; третій указывалъ, гдѣ надо прибить гвозди для вѣшалокъ. Семьи, съѣхавшіяся со всѣхъ концовъ Россіи, сходились недовѣрчиво и туго. И директоръ, считавшій своею обязанностью сплотить общество, радъ былъ каждому предлогу, чтобы собрать обитателей лечебницы.

Теперь онъ распорядился взять на рыбную ловлю и нѣсколькихъ больныхъ изъ спокойнаго отдѣленія. Для нихъ эта веселая затѣя была своего рода экзаменомъ: врачи, надзиратели, служителя зорко слѣдили за каждымъ ихъ движеніемъ; а сами испытуемые ничего не подозрѣвали и отдавались призрачной свободѣ, какою никогда не пользовались въ тѣсной больницѣ большого города.

— Иванъ Ѳедоровичъ! Константинъ Михайловичъ!—звалъ батюшка, о. Аѳоній, уже стоя на крыльцѣ служебнаго корпуса:— сѣть надо бы нести міромъ; мнѣ съ Карпеемъ не донесть,— запутаемъ по дорогѣ.

И Иванъ Ѳедоровичъ, маленькій докторъ съ округленнымъ брюшкомъ и лысѣющею головою, и докторъ Подгайный первыми вышли изъ своихъ квартиръ на этотъ зовъ. Иванъ Ѳедоровичъ одѣтъ въ вышитую парусиновую сорочку и мѣстные „постолы“; Подгайный—въ высокихъ сапогахъ и бѣлой осетинской шапкѣ. Самъ батюшка, захвативши въ колѣни длинныя полы подрясника,

возится около сѣти, пока Иванъ Ѳедоровичъ съ Карпесмъ снимаютъ ее съ кольевъ. Жиденькіе русые волосы о. Аѳонима растрепались, шляпа съѣхала на затылокъ, а на лбу выступили крупныя капли пота: во всѣхъ движеніяхъ виденъ истинный охотникъ и знатокъ начатаго дѣла.

— Грузйла, грузйла, гляди, Карпей, не перепутай! Да не разомъ беритесь,—заходи впередъ по-двое, такъ... держи выше...— И сѣть, какъ драконъ въ китайской процессіи, далеко растянулась по скату къ рѣкѣ, нѣжившейся въ солнечномъ блескѣ. Жаръ свалилъ; пучки блеклой травы, истомленной полуденнымъ зноемъ, оживали и опять зеленѣли; сильнѣе запахло чебрецомъ, и издалека, со шляха пахнуло сладкимъ ароматомъ цвѣтущей липы.

У рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ ея широкое русло вливается маленькая, затянувшаяся осокой рѣчушка, хлопочутъ десятки людей; издали и не разберешь, — гдѣ больной, гдѣ врачъ или служитель, — всѣхъ поровняло общее, веселое дѣло. Рѣчка Веселка, бурливая и своевольная въ весеннюю полую воду, къ сѣнокосу совсѣмъ мелѣетъ. Только въ глубокомъ омуткѣ, между мельницей и сплошнымъ камышникомъ, въ ней застаивается съ весны и жирная кишитъ рыба. Мѣсто это уже охвачено неводомъ, и батюшка, не стерпѣвши охотницкимъ сердцемъ, сбросилъ подрясникъ и вмѣстѣ съ другими бредетъ по колѣни въ воду.

— Барынямъ сказать надо, — шепчетъ онъ своему сосѣду, Подгайному:—нехорошо будетъ, какъ сюда нагрянутъ.

— А вотъ я самъ живо сбѣгаю.

Но не успѣлъ докторъ дойти до половины горы, какъ внизу послышались крики:

— Готово! Готово! Тяни, тащи! Хрящачами бей, дужче бей!...

И Константинъ Михайловичъ, забывши барынь, бросился къ добычѣ. Что-то огромное, серебристое, живое билось и сновало въ вытащенномъ неводѣ. А у рыболововъ глаза горятъ и лица застыли отъ счастливаго напряженія... Щуки, лещи, окуни—уже не общимъ клубомъ, а каждая за свой страхъ и рискъ, бьются въ сѣти и тычутся широко открытыми мордами въ ея частыя петли...

Сверху, съ обрыва слышенъ испуганный визгъ.

— Застигли-таки!—ворчитъ сконфуженный батюшка.—И чего визжатъ! Будто не знаютъ, что рыбу ловятъ не въ вицмундирахъ со всѣми регаліями.

Онъ напялилъ подрясникъ на вымокшую отъ брызгъ рубаху и вмѣстѣ съ Константиномъ Михайловичемъ пошелъ на гору,

къ мертвецкой часовнѣ, у которой на длинномъ, врытомъ въ землю столѣ расположились больничныя дамы. Три самовара на разныхъ концахъ стола кипятъ, выпуская три облачка пара; докторши, каждая изъ своей корзинки, вынимаютъ съѣстное и ревниво заглядываютъ въ корзины сосѣдокъ. Поодаль сидѣлки раскладываютъ костеръ для общаго котла съ ухою... А гитара, взявшаяся невѣдомо откуда, уже тренькаетъ что-то забористое, и двѣ больныя въ синихъ уродливыхъ капотахъ и полотняныхъ чулкахъ, свѣшивающихся на широкія туфли, приплясываютъ, стараясь вытанцовать pas d'Espagne... Лодки плыли по рѣкѣ сверху, изъ города. И, поровнявшись съ больницей, гребцы на нихъ сушили весла, а женщины закидывали за спины пестрые зонтики и долго-долго смотрѣли на невѣдомый и таинственный „сумасшедшій домъ", о которомъ въ городѣ носились пугающіе слухи...

На самомъ краю обрыва примостилась семья больного Голуба: бѣлокурая, маленькая баба въ синемъ ситцѣ и двое дѣтей, — мальчикъ, бѣленькій и свѣтловолосый, какъ мать, и дѣвочка лѣтъ одиннадцати, съ такимъ же смуглымъ лицомъ и смѣлыми глазами, какъ у отца. На свѣжемъ капустномъ листѣ лежали двѣ груши и калачъ,—больничная порція Голуба, которую онъ приберегъ дѣтямъ. Самъ больной о чемъ-то горячо толковалъ съ о. Аѳиномъ.

— Значитъ, такъ и сдѣлаемъ, — говорилъ батюшка. — Два десятка досокъ да гвоздей фунтовъ десять я завтра же утромъ доставлю... А рубанки и весь инструментъ надо у доктора-завѣдующаго попросить.

— О чемъ у васъ тутъ рѣчь?—спросилъ Подгайный, услышавши, что говорятъ о немъ.

— Да вотъ Голубъ обѣщаетъ лодку собственными средствами соорудить.

— Точно такъ, господинъ докторъ,—подтвердилъ больной:— я родомъ береговой, съ Днѣстра: у насъ тамъ каждый хозяинъ самъ себѣ лодку ладитъ. Очень даже просто, — только доски отобрать надо, чтобъ суковатая не попалась.

— Доски я самъ завтра привезу.

— Да зачѣмъ вамъ, батюшка, доски покупать? Намъ для больницы все равно нужно лодки заказывать. Вотъ вы возьмите матеріалу, сколько вамъ надо, и сдѣлайте первый опытъ. Удастся онъ—мы въ своей мастерской и еще нѣсколько казенныхъ лодокъ сдѣлаемъ для общаго употребленія. А испортите матеріалъ— въ казну по оптовой раскладкѣ заплатите.

— Этакъ отлично бы.

— Ну, и пойдемъ къ директору, потолкуемъ.

И докторъ вмѣстѣ съ батюшкой отошли къ столу, а семья Голуба осталась одна на краю обрыва.

— Помнишь, Одарко, будто у насъ на Днѣстру,—тихо сказалъ мужъ.

— Схоже,—соглашалась Дарья, и оба задумались о зеленой балкѣ, гдѣ выростали и гдѣ полюбили другъ друга.

— Я, тато, будто помню,—шепнула дѣвочка, не отрывая глазъ отъ рѣки, гдѣ уже ложились сизыя вечернія тѣни.

— Гдѣ-жъ тебѣ помнить! Всего трехъ годковъ была... Може, мать потомъ разсказывала.

— Може... А только помню. Отакъ прòти насъ—Смотричъ, а отамъ—вѣтрякъ, а тамъ—дѣдова хата.

Мальчикъ уже спалъ, положивши бѣлокурую головку на ладонь теплой материнской руки.

— Совсѣмъ сморился,—сказала Одарка, любовно прикрывая головку сына концомъ своего головного платка.—Пойду я, Зинько... Завтра факторка Сурка на работу приходить велѣла.

— Трудно тебѣ будетъ... Потерпи, Одарко, пока Господь къ какому-нибудь концу доведетъ.

На другомъ берегу рѣки уже померкли дневныя краски; синія тѣни лежали въ лощинахъ и паръ заклубился въ стоячихъ омутахъ надъ осокою. Гдѣ-то въ лугахъ отозвался дергачъ. Полоса яркаго электрическаго свѣта отъ вспыхнувшаго дугового фонаря прорѣзала синеву сумерекъ и бѣлымъ пятномъ ударилась въ стѣну часовни. Бугоръ пустѣлъ. И расходившіеся по больничнымъ угламъ люди шопотомъ передавали другъ другу впечатлѣнія прожитаго на новомъ мѣстѣ, на новомъ народѣ дня.

II.

Первый звукъ, который услышалъ докторъ Подгайный на другой день, былъ звукъ двухъ дружно работавшихъ рубанковъ. Квартира доктора, какъ завѣдующаго будущими мастерскими, выходила окнами въ рабочій дворъ. Нѣсколько больныхъ, пилившихъ дрова, завтракали хлѣбомъ и огурцами, усѣвшись на бревнахъ. Надзиратель пилъ чай изъ желѣзной кружки, обжигаясь и расплескивая съ непривычки. А въ сараѣ, обѣ сквозныя двери котораго были открыты настежь, о. Аѳонимъ и больной, Голубъ, стругали сосновую доску, которая казалась розовой въ блескѣ

невысоко поднявшагося солнца. Оба работника о чемъ-то живо разговаривали, и хотя словъ не было слышно, но по ихъ жестамъ можно было догадаться, что идетъ горячій споръ: Голубъ оставлялъ рубанокъ и, глядя въ упоръ на собесѣдника, повторялъ, повидимому, одну и ту же фразу. Батюшка удивленно вскидывалъ на него глаза, сдвигалъ свою шляпу на затылокъ, и вдругъ, подойдя къ больному, начиналъ его въ чемъ-то убѣждать, водя указательнымъ пальцемъ правой руки по своей лѣвой ладони для очевидности сказаннаго.

Докторъ взялъ шляпу и пошелъ въ сарай.

— О чемъ это у васъ такой горячій споръ?

— Да вы себѣ только подумайте! —крикнулъ батюшка, будто призывая его въ свидѣтели:—вѣдь онъ, оказывается, штундистъ!..

— Точно такъ... Тамъ у меня въ „листу“ все въ подробности описано,—нехотя отвѣтилъ больной и, видимо желая перемѣнить разговоръ, прибавилъ:—Еще намъ, господинъ докторъ, долбешку небольшую требуется, такъ вершка три-на-три, а длиною не больше, какъ аршина полтора: для цѣпи на носу причалу выточимъ.

— А если кольцо ввинтить?—вмѣшался батюшка.

— Нѣтъ, съ кольцомъ хуже: носъ трещину дастъ. А долбешку мы въ самое днище впустимъ.

И оставивши батюшку и Голуба толковать о преимуществахъ долбешки передъ кольцомъ, докторъ ушелъ въ отдѣленіе и потребовалъ „скорбный листъ“ больного.

„...Зиновій Голубъ... тридцать-восемь лѣтъ... по распоряженію администраціи за попытку оказать сопротивленіе властямъ и распространеніе ереси, именуемой штундой. Отбывалъ воинскую повинность и уволенъ въ запасъ въ званіи старшаго унтеръ-офицера. По рекомендаціи своего командира тотчасъ получилъ мѣсто тюремнаго надсмотрщика въ —скомъ острогѣ. Къ этому времени относятся первые признаки заболѣванія. Въ тюрьму были помѣщены трое штундистовъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ, и отданы подъ особый надзоръ Голуба, какъ самаго надежнаго надсмотрщика. Черезъ нѣсколько недѣль арестанты были отправлены съ партіей, и въ тотъ же день Голубъ потребовалъ разсчетъ, говоря, что Господь не допускаетъ его служить неправому дѣлу. Былъ очень возбужденъ, приводилъ тексты изъ Св. Писанія, безсмысленно ихъ спутывая... Послѣ того занялся извозомъ и никакихъ ненормальностей въ немъ не замѣчалось. Но въ одну зиму у него два раза украли по парѣ коней, и эта потеря такъ на него подѣйствовала, что болѣзнь проявилась съ

новою силой. Онъ собралъ послѣднія, имѣвшіяся въ семьѣ, деньги, и купилъ пару „слѣпыхъ“ лошадей, заплативши за нихъ какъ за исправныхъ. По праздникамъ сталъ ходить въ кабаки и трактиры и тамъ проповѣдалъ воздержаніе. Наконецъ, четыре года тому назадъ, пытался произвести уличные безпорядки съ цѣлью освободить арестантовъ при ихъ проходѣ изъ зданія суда въ тюрьму. На всѣ вопросы отвѣчаетъ слѣдователю, что ему такъ повелѣваетъ „духъ“. По заключенію психіатра, подъ наблюденіемъ котораго онъ былъ во время испытанія, Голубъ страдаетъ ясно выраженной формой религіознаго помѣшательства. Вслѣдствіе чего ему, какъ невмѣняемому, ссылка замѣнена заключеніемъ въ домѣ умалишенныхъ“.

Теперь доктору сталъ ясенъ бредъ его новаго паціента: считаетъ себя избранникомъ, которому „духъ“ повелѣваетъ спасти міръ. Такіе больные не безопасны: надо будетъ усилить за нимъ надзоръ, пока выяснится, какой характеръ носятъ его религіозныя галлюцинаціи.

И въ тотъ же вечеръ доктору представился случай заговорить съ Голубомъ о вѣрѣ: больной сидѣлъ на своей койкѣ и былъ такъ погруженъ въ чтеніе Библіи, лежавшей у него на колѣняхъ, что даже не замѣтилъ прихода доктора. Когда его окликнули, Голубъ бережно сложилъ книгу и спряталъ ее подъ подушку.

— Священное Писаніе изучаете?

— Такъ точно, господинъ докторъ. Имѣю такую привычку утромъ и вечеромъ прочитать св. слово.

— Указаній на предстоящій день ищете?

— Такъ точно.

— Я плохо знакомъ съ вашимъ ученіемъ... Кажется, штундисты... Вы, вѣдь, не обижаетесь за это названіе?...

— Какая же тутъ обида!.. Всѣ нашу вѣру такъ зовутъ...

— Такъ, я говорю, вы, штундисты, не признаёте ничего кромѣ Евангелія: ни иконъ, ни крестовъ, ни храмовъ?

— Не признаемъ.

— Такъ что вамъ непріятно, что у вашего сосѣда вся кровать образками увѣшана?

— Непріятности мнѣ никакой отъ этого нѣту. Просто— предметъ... У одного, вонъ, портретъ виситъ, у другого картинка изъ газеты вырѣзана... Такъ и этотъ: кланяется, цѣлуетъ... все-таки человѣку утѣшеніе, пока Господь откроетъ ему вѣру истинную.

— И вы считаете себя призваннымъ просвѣтить его этою вѣрой?

— Одинъ Господь знаетъ, кто просвѣтится, кто—нѣтъ.

— А вы по Его указанію проповѣдуете?

— Я еще не проповѣдывалъ. Если кто спроситъ,—говорю, что знаю.

— Вотъ вы сказали: „еще не проповѣдывалъ“... Значитъ, думаете, что настанетъ время вамъ выйти на проповѣдь?

— Это мнѣ, господинъ докторъ, такъ же мало извѣстно, какъ и вамъ. Развѣ вы можете сказать, какъ проживете свою жизнь? Вотъ вы теперь больныхъ лечите и всю свою жизнь готовились къ этому одному дѣлу... А Господь укажетъ,—возьмете чашку въ руки и поведете роту въ аттаку. У насъ въ полку былъ случай: всѣхъ офицеровъ выбили, кругомъ азіатъ обступаетъ, а впереди, слышимъ, наши сигналъ подаютъ. Что жъ дѣлать! Скомандовалъ докторъ: „Рота, стройся!“—да и повелъ... Обижался потомъ: ему по всей правдѣ Георгія слѣдовало, а не дали, потому—знаки военнаго ордена,—а онъ изъ штатскихъ,—имъ Анна съ мечами полагается... Такъ и я... развѣ я могу поручиться, что со мною не случится чего такого, чего раньше не было?

— Какъ не было! Вѣдь вы же ходили по трактирамъ и кабакамъ и проповѣдывали.

— Ага, прочитали!—усмѣхнулся Голубъ, и въ глазахъ его мелькнула насмѣшливая искорка.—Нѣтъ, господинъ докторъ, я не проповѣдывалъ, а такъ что... нельзя было,—сказалъ онъ тише и неувѣреннѣе.—Край городу я жилъ. А кругомъ—заводы. Ну, народъ фабричный, голь, у всѣхъ семейства... А какъ въ субботу получка,—всѣ по шинкамъ пошли. Бабы голосятъ, малыхъ дѣтей съ досады бьютъ... Ну, я, правда, не стерпѣлъ,—пошелъ, говорилъ кое-что.

— По Евангелію: „покайтеся, приблизилось царствіе Божіе“?

— Нѣтъ, другимъ текстомъ: „Царствіе Божіе внутрь насъ есть“... А больше уговаривалъ, чтобъ на дѣтей оглянулись, потому рѣдко какой человѣкъ до того дошелъ, что для своего голоднаго дитяти сколько-нибудь не постарается.

— Ну, и что же, послушались васъ? пить перестали?..

— Сами вы, господинъ докторъ, болѣзнь эту довольно хорошо знаете: сейчасъ человѣкъ всѣмъ святымъ заклянется,—а увидалъ рюмку,—опять послѣднее въ шинокъ тянетъ. Только польза все-таки была: хоть какую одну-другую получку отецъ домой принесетъ, сколько изъ той получки ломтей!—а у каждаго ломтя по голодному рту... Въ этомъ у меня тоже свой разсчетъ былъ.

— А слѣпыхъ лошадей вы тоже по разсчету покупали?

По лицу Голуба мелькнула лукавая, почти дѣтски-веселая усмѣшка.

— Вполнѣ мой разсчетъ тутъ вышелъ вѣрный. Вы сами, господинъ докторъ, изъ какого мѣста родомъ? Такъ похоже, что россійскій?

— Не совсѣмъ... Я изъ Харькова.

— Ну, все равно. Вы здѣшнихъ нашихъ порядковъ не знаете. Я и господину профессору на судѣ докладывалъ, — ну, только они во вниманіе не приняли. А у насъ сторона особенная: первое—то, что народъ очень отощалъ. Землю въ камузы [1]) порѣзали, а все еще дѣлятъ, и сынамъ дѣлятъ, и дочкамъ дѣлятъ. Потомъ то возьмите—жидъ. Онъ ѣсть хочетъ, да при немъ семейство. А способу у него окончательно никакого нѣту. Еврейскій этотъ народъ только однимъ проворствомъ и живъ. Сегодня, скажемъ, въ Одессѣ картошка на копѣйку подскочила, а къ утру онъ уже двадцать-пять верстъ пѣшкомъ отмахалъ,— чтобъ въ Дальнихъ хуторахъ вагонъ по вчерашней цѣнѣ насыпать... А тутъ не копѣйка,—а пара хорошихъ лошадей. Ну, въ послѣднее время нѣтъ никакой возможности хорошихъ лошадей держать. Батюшка у насъ одинъ былъ... До того любитель, что спалъ на топчанѣ поперекъ двери въ конюшнѣ, а ключи—у попадьи въ спальнѣ подъ подушкою. Такъ стѣнку разобрали за ночь, да коней и вывели... Потому у насъ деревяннаго сруба нѣту, а такъ, ломака [2]) въ глину замазана,— стукнулъ обухомъ,—она и выскочила. Батюшка потомъ разсказывалъ: „Сплю я, говоритъ, и все мнѣ снится, что архіерея встрѣчаемъ; а большой дзвонъ надъ головою такъ и бухаетъ: боу! боу!—А это „они“ стѣнку высаживали. Ну, а мнѣ, при моей работѣ, что зрячій конь, что слѣпой—все было одно: я каменный уголь съ вокзала на заводъ возилъ. А украсть слѣпого коня неспособно. Первое—то, что конь духомъ больше хозяина знаетъ, чѣмъ глазомъ,—слѣпой больше брыкается отъ чужого человѣка. А второе—какая же слѣпому коню цѣна!

— А вотъ же вы хорошую цѣну дали.

— Такъ развѣ я, господинъ докторъ, по коню цѣну давалъ? Я давалъ цѣну по хозяину. Вижу, человѣкъ послѣднее добро на базаръ вывелъ. А тутъ рабочее время заходитъ. Пропасть ему безъ лошади. И онъ уже божится, заклинается, вертится,

[1]) Въ клочья.

[2]) Палка.

какъ на турецкой мукѣ,—думаетъ, попадется какой дурень, за его божбою, бѣльма у лошади не увидитъ. Мнѣ то обидно, что человѣкъ за десять рублей душу свою пакоститъ... А другого коня у дѣда нашелъ. Сидитъ старый, сивый весь, и на людей не смотритъ: дожидается вечера, когда на базарѣ одни барышники останутся да на кожу его коня купятъ. Вотъ я и спрашиваю: — Что вы, дѣду, за коня хочете? — „Сами бачите, — слѣпый. Что дасте..." За что-жъ я дѣда обижать буду,—за то развѣ, что онъ правду сказалъ? Я и ему ту-жъ цѣну далъ... А у меня эти кони сами себя, можетъ, разъ десять выкупили. Мы уже съ женою такъ думали: кабы куда недалеко сослали меня на поселеніе,—такъ коней этихъ съ собою брать. Ну, не пришлось...

— Вы такъ, Голубъ, объ этомъ говорите, будто жалѣете, что не пришлось.

— А конечно, что жалѣю.

— Ужъ будто у насъ здѣсь хуже, чѣмъ въ Сибири?

— Сибирь, господинъ докторъ, подъ тѣмъ же небомъ Божьимъ, что и наша сторона. И поселенцы тамъ живутъ на волѣ,—только что въ другое мѣсто имъ ѣхать нельзя. Да и то въ Сибири манифесты бываютъ... А ужъ тутъ — одинъ манифестъ: вонъ по той дорожкѣ.

И онъ кивнулъ въ окно, гдѣ въ блескѣ мѣсяца бѣлѣла мертвецкая.

— А вамъ хотѣлось бы выйти на волю, хотя бы цѣною новаго суда, острога и ссылки?..

— Теперь я ужъ объ этомъ думать пересталъ. Сторона тутъ своя, знакомая. Жена когда къ роднымъ ѣздитъ...

— И васъ не тяготитъ жизнь въ больницѣ среди сумасшедшихъ?

— Зачѣмъ тяготить! Мнѣ люди все одно, — что больные, что здоровые... А можетъ, этимъ слово Божіе еще больше нужно.

— И вы хотѣли бы, чтобы всѣ эти несчастные сдѣлались штундистами?

— Написано: „изъ устъ младенцевъ и безумныхъ создамъ Себѣ хвалу".

III.

— Костя! А если онъ здоровъ?...

Этотъ вопросъ задала жена доктора Подгайнаго, торопливо поднявъ голову и стукнувъ ложечкой о край чашки. Въ доктор-

ской столовой, огромной, пустоватой комнатѣ, было тихо. Старшихъ мальчиковъ увели спать. Высокая колясочка съ маленькимъ стояла у стола, и теплый вѣтеръ шевелялъ на ней бѣлый кисейный положокъ.

Константинъ Михайловичъ только-что разсказалъ женѣ свой разговоръ съ интереснымъ больнымъ, и на ея лицѣ лежало выраженіе участія, почти испуга за его судьбу.

— Ну, не такъ ужъ это просто... Для меня пока выяснилось только одно: что между поступками больного и его мышленіемъ существуетъ полное соотвѣтствіе. И то, что для насъ представляется болѣзненною странностью, съ его, исключительной точки зрѣнія—логически необходимо и разумно.

— Во всякомъ случаѣ, мы...

— Константинъ Михайловичъ! Марина Васильевна! что вы тамъ засѣли?!

Со двора кто-то стучалъ зонтиками и палками въ обшитый желѣзомъ подоконникъ.

— Тише, тише, господа!—маленькій спитъ.

— Бросьте вы вашего маленькаго, прихватите большого да идемте гулять. Посмотрите, какая прелесть: луна свѣтитъ во всѣ лопатки, лягушки поютъ о любви...

— „И ночь, и луна, и любовь"!—запѣлъ чей-то теноръ и оборвался.

— А если пошаримъ хорошенько, такъ у моей Марьи Николавны въ печи пирогъ найдемъ, а у меня за голенищемъ — свѣжія карты,— говорилъ за окномъ голосъ Ивана Ѳедоровича.

— Ты пойдешь?— шопотомъ спросила Марина Васильевна, отходя отъ окна, и въ глазахъ ея выражалась горячая и робкая просьба, чтобы онъ остался...

— Пойду, конечно,— отвѣтилъ мужъ, не глядя ей въ лицо и торопливо разсовывая по карманамъ папиросы, платокъ, спички.

Хозяйка опять свѣсилась въ окно, здороваясь съ новыми подошедшими гостями.

— Ну, такъ и быть, забирайте съ собою мое большое добро, а я останусь при своемъ маленькомъ.

— Да что ему сдѣлается? Вѣдь, въ этомъ же домѣ будете,— если раскричится не въ мѣру,—дѣвчонка за вами прибѣжитъ.

— Нѣтъ ужъ...

На подъѣздѣ стукнула тяжелая дверь.

— Ты не жди меня,—послышался уже со двора голосъ Константина Михайловича:—можетъ быть, я засижусь,—такъ ключъ отъ дверей я съ собою взялъ.

Смѣхъ и говоръ за окномъ стихли.

Послышалась первая фраза пѣсни:

— „Ой у лузи да и при берези“... Но къ хору голоса не пристали. Опять теноръ запѣлъ: „О, ночь волшебная!“

Но и „волшебная ночь“ не вышла.

Стало тихо. Вечеръ былъ еще ранній; въ больницѣ подъ всѣмъ огромнымъ зданіемъ шли корридоры-туннели, которыми пользовалась вся больничная прислуга, чтобы рѣже попадаться на глаза начальству. Поэтому, какъ только стихала дневная работа, все кругомъ нѣмѣло въ напряженномъ и жуткомъ молчаніи. Чуялись чьи-то близкіе шаги, чья-то заглушенная рѣчь, сотни жизней, которыя притаились отъ недобраго глаза. И когда въ эту напряженную тишину, какъ было почти всегда, врѣзывались мучительные вопли, несшіеся изъ буйныхъ отдѣленій,— на душѣ становилось тоскливо и жутко. Но въ этотъ вечеръ всюду было тихо, и ночь молчаливо горѣла надъ міромъ.

Вдругъ что-то большое, черное влетѣло въ окно, ударилось объ стѣну и съ тоскливымъ, жалобнымъ гуломъ заметалось высоко, у самаго потолка. Молодая женщина вздрогнула и бросилась къ ребенку.

„Адамова голова“,—сообразила она черезъ минуту и, не въ силахъ будучи подавить жуткаго чувства, протянула руку къ звонку.

— Ото-жъ лишенько!—крикнула маленькая няня Марійка и кинулась обратно въ кухню.

— Куда ты бѣжишь! Это ничего,—бабочка такая, метеликъ по вашему. Принеси щетку половую и полотенце,—мы ее поймаемъ.

Вслѣдъ за Марійкой изъ кухни пришли кухарка и Дарья Голубова. А огромное красивое насѣкомое уже билось на полу подъ тяжелымъ полотенцемъ, которое стирало съ его крыльевъ нѣжную серебристую пыльцу и зловѣщій знакъ на междукрыліи дѣлался ярче и замѣтнѣе.

— Дитинку увезти надо,—сказала Дарья.—Не дай Богъ на него сядетъ: не къ добру это.

— У насъ къ добру будетъ,—говорила Марина Васильевна, укладывая бабочку въ хрустальную вазу для варенья и накрывая блюдечкомъ.—Мы ее барину покажемъ. Онъ, вѣрно, не видѣлъ: въ нашей сторонѣ онѣ не водятся.

— Зато-жъ у насъ на Днѣстру ихъ довольно есть. Какъ татенькѣ моему покойному умерти, такъ въ ту осень два раза залетали. Только мы не ловили, боялись... Такъ оно полетаетъ, полетаетъ, да окномъ и выткнется. Къ смерти было...

— Все это, Дарья, бабьи выдумки. Одинъ Богъ знаетъ, когда человѣку умереть.

— Отакъ и „мой“ сердится, какъ я скажу. А чи я знаю? Люди говорятъ, а я за ними...

— Да, да... Какъ люди, такъ и мы за ними... Пойдемъ, Дарья, бѣлье считать.

И обѣ женщины ушли въ спальню, гдѣ въ мягкомъ сумракѣ передъ-иконной лампадки бѣлѣли двѣ дѣтскія кровати и стопки чистаго бѣлья на большой кровати между ними.

— Что-жъ, какъ вы устроились на новомъ мѣстѣ? — спросила хозяйка, когда разсчетъ былъ конченъ.

— Ничего, барыня, живемъ потрòху. У докторши Агаповой бѣлье мою, да механичка брать обѣщалась. Настя на буряки бѣгаетъ, — все какихъ два злотыхъ зарòбитъ. Живемъ, слава Богу...

— А я думаю, тяжело вамъ было въ первое время, какъ мужъ заболѣлъ?

— Извините, барыня,—а только болѣзни никакой у него нѣтъ и не было. Просто господамъ,—дай, Боже, имъ здоровья,—захотѣлося „моего“ на судѣ оправить,—они меня и научили: скажи, что у него карахтеръ перемѣнился. А карахтеру у него никакого и нѣту, и не было. Слава Богу, пятнадцатый годъ живемъ,—всегда былъ ласковый, да тихій, да спокойный,—никакого карахтеру я отъ него не вижу и не видала... Одно,—что какъ сталъ свою вѣру ломать, такъ я сперва много плакала: черезъ то больше, что передъ людьми стыдно,—у людей и кутья, и крашанка,—а у насъ однихъ все будень. Вотъ онъ принесъ мнѣ съ полфунта сандалу, да и смѣется: „на, говоритъ,—цѣлый годъ красныя яйца ѣшь, а на святой недѣлѣ я не позволю: намъ съ тобою — ребячья забава, а людямъ, на насъ глядя,—соблазнъ. Праздникъ—радостью духовною почитать надо...“ Ну, я теперь будто разбирать стала, а то пойду, бывало, въ церковь, стану въ куточку, да и заплачу.

— А мужъ пускалъ въ церковь?

— А для чего-жъ ему не пустить? Онъ и теперь мнѣ не забороняетъ. А сама я уже идти не хочу: иконы кругомъ, люди на нихъ молятся. Такъ стоять, столбомъ,—людей стыдно, а помолиться на икону,—грѣха боюсь. Ну, и ходить перестала...

— И никогда у васъ съ мужемъ разговора о вѣрѣ не было?..

— Да мы только объ одной вѣрѣ и говоримъ, какъ гдѣ сойдемся! Сначалу, какъ сталъ онъ новую вѣру принимать, говорилъ мнѣ: „Намъ, Одарко, подумать надо; у меня вѣра правая,

я за нее ни жены, ни дитя, ни своей головы не пожалѣю. А ты сама гляди, какъ тебѣ лучше. Хочешь — со мною живи и молись, какъ тебѣ Богъ укажетъ, и живи по закону, какъ я тебѣ укажу. А когда на эти мои слова не пристанешь,— живи съ Настей у моего батька; у него куска хлѣба для васъ хватитъ". А я себѣ подумала: онъ до меня ласковый, и не привыкла я изъ свекрухиныхъ рукъ смотрѣть... человѣкъ я, къ тому, еще молодой. Осталась... А тутъ скоро Васькой зашла, а тутъ — судъ. На судѣ я ужъ и сама увидала, что у него вѣра Божья... Такъ при немъ, вродѣ какъ сестра, живу: придетъ онъ когда ко мнѣ со служителемъ,—чаю попьетъ, Евангиль почитаетъ, погорюетъ объ своей жизни.

— Тяжело вамъ, Даша!

— Что-жъ дѣлать, барыня! Богъ такъ далъ, — Его святая воля...

„Его святая воля" — Марина Васильевна повторила эти слова, оставшись одна среди бѣленькихъ кроватокъ. Гдѣ взять эту покорность? У кого ей научиться?

Ночь уже легла надъ полями, и душный воздухъ, полный вечернихъ ароматовъ, принесъ первую свѣжую струю. Молодая женщина сѣла на широкій подоконникъ и заслушалась ночной тишины, которая была рѣдкой и желанной въ этомъ большомъ, печальномъ домѣ.

...„Когда это началось?—подумала она.—Можетъ быть, оно было и прежде, было всегда?"

Они встрѣтились въ ту печальную пору, о которой писалъ поэтъ:

Облетѣли цвѣты,
Догорѣли огни...

И всюду была безнадежность и тоска. Иногда откуда-то со стороны въ эту сѣрую жизнь насильно врывались чужіе люди, и отъ этого окружающая тьма становилась еще темнѣе: то за стѣною, въ сосѣдней квартирѣ ночью кого-то арестовали, то приходили съ обыскомъ, извиняясь, что принуждены потревожить „по сосѣдству".

Послѣ перваго такого посѣщенія, дѣвушка стала на ночь переодѣваться въ ситцевые спальные халаты и раскладывать свои бумаги на столѣ, чтобы „имъ" удобнѣе было въ нихъ разобраться.

И въ ту зиму, на одной студенческой вечеринкѣ, она встрѣтила Подгайнаго. Онъ чудесно пѣлъ родныя, украинскія пѣсни и на его смуглыхъ щекахъ еще лежалъ румянецъ, зажженный солнцемъ и вѣтромъ широкой степи. А ей такъ хотѣлось счастья...

Одна за другою пришли двѣ бѣлокурыя головки. Тамъ, въ Петербургѣ, онѣ заполнили материнскую жизнь цѣликомъ. Жилось трудно; денегъ не хватало; приходилось, какъ милости, выпрашивать работы.

И когда, послѣ пяти лѣтъ, прожитыхъ въ двухъ тѣсныхъ комнаткахъ на шестомъ этажѣ, молодая семья очутилась въ огромной казенной квартирѣ, мужъ и жена чувствовали и вели себя какъ малыя дѣти: наливали воду въ ванну, зажигали сразу всѣ пятнадцать электрическихъ лампочекъ, догоняли другъ друга въ большой столовой.

Потомъ, послѣ долгихъ совѣщаній и разсчетовъ, въ долгъ меблировали квартиру, познакомились съ сослуживцами,—стали жить.

Среди служащихъ уже намѣчались двѣ партіи, которыя если не враждебно, то слишкомъ внимательно и сторожко смотрѣли другъ на друга... Родился третій ребенокъ...

Константинъ собирается заняться матеріаломъ для диссертаціи; а пока — каждый день уходитъ изъ дому. Всѣ люди такъ живутъ,—всѣ играютъ въ винтъ, ужинаютъ,—за ужиномъ пьютъ водку и пиво, болтаютъ скоромное съ чужими женами и флиртуютъ съ барышнями. Это еще ничего не значитъ... Соленая слезинка скатилась по щекѣ и остановилась въ уголкѣ рта молодой женщины... Засвѣжѣло.

На краю неба свѣтлымъ заревомъ поднялся мѣсяцъ, затѣненный чернымъ силуэтомъ мельницы на другомъ берегу Веселки. И казалось, что мельница охвачена голубымъ огнемъ, который разгорѣлся за нею ровнымъ и тихимъ пламенемъ. Марина Васильевна закрыла окно, перекрестила дѣтей и начала раздѣваться.

Вдругъ до нея долетѣлъ стукъ отворившагося подъѣзда, и когда она заглянула въ столовую, стройная фигура Константина Михайловича мелькнула за противоположной дверью. Но онъ не обернулся на тихій окликъ жены.

IV.

Разъ въ мѣсяцъ въ совѣтѣ больницы происходили „научные доклады", которые очень скоро обратились въ состязаніе докторскихъ самолюбій. Двѣ партіи, едва намѣчавшіяся лѣтомъ, черезъ полгода опредѣлились и стали другъ къ другу въ боевое положеніе. Первую партію, господствующую, составили дирек-

торъ и врачи, пережившіе уже половину жизни и, по ихъ словамъ, „хватившіе ковшъ лиха", на службѣ въ разныхъ частныхъ, земскихъ и городскихъ больницахъ. Казенное мѣсто, съ готовой квартирой и пенсіей въ будущемъ, казалось, на вѣка закрѣпостили ихъ двадцатому числу и предержащему начальству въ лицѣ директора.

Вторую группу составили мятущіеся духомъ.

Всѣ они были еще молоды,—иные прямо съ академической скамьи, иные тоже успѣли „хватить ковшъ лиха"; но не въ служебной лямкѣ, а въ пробиваніи дороги къ свѣту изъ темной народной толпы, въ борьбѣ за счастье, котораго никто изъ нихъ не видѣлъ, но вѣра въ которое еще не умерла въ ихъ душѣ.

Подгайный, готовя свой докладъ, зналъ, что на него обрушится вся директорская партія, и волновался не меньше, какъ въ былые годы передъ экзаменами. Въ залу совѣта онъ забрался первымъ, чтобы передъ засѣданіемъ переговорить съ врачами о своемъ докладѣ. Навстрѣчу ему изъ сосѣдней „библіотеки" вышелъ молодой докторъ съ бритымъ лицомъ, круглою головою и необычайно живыми глазами:

— А Золя-то, Золя!—заговорилъ онъ, не здороваясь и хлопая рукою по принесенной газетѣ.—Читали вы его знаменитое „J'accuse!"? Это—слово! Вѣдь, это—историческое слово! Когда будутъ воздвигнуты памятники достоинству человѣка, наши правнуки начертаютъ на нихъ только одно это слово: „J'accuse!"

— А, это вы опять насчетъ Дрейфуса,—сказалъ, входя, кругленькій Иванъ Ѳедоровичъ.—И охота, вамъ, Романъ Николаевичъ, легкія надрывать? Эко диво, что одного жиденка гдѣ-то на Чортовъ островъ посадили! У насъ, небось, завѣдомо невинныхъ, да еще и крещеныхъ, каждый день не по одному десятку на разные чортовы острова разсылаютъ,—а мы-жъ не кричимъ на весь свѣтъ: „J'accuse"!

— Вотъ это и ужасно, что не кричимъ... Ужасно, что не знаемъ! Ужасно, что не смѣемъ!..

— А не смѣемъ за тысячи своихъ заступиться, такъ чего-жъ намъ за чужого распинаться. А посадили,—такъ и посадили — чортъ его бери!

— Нѣтъ! Да вы послушайте только!—заговорили на перебой два врача, входя вмѣстѣ. Одинъ изъ нихъ,—высокій, красивый господинъ, съ выраженіемъ полнаго благополучія на лицѣ, другой—маленькій господинъ еврейскаго типа.

— Что такое?

— Да опять нашъ нѣмецъ штучку отмочилъ, черти бы его взяли! — и докторъ захохоталъ раскатистымъ и сочнымъ смѣхомъ...

— Да разскажите толкомъ!

— Не могу: въ печенку колетъ... Его, вотъ, заставьте!—кивнулъ онъ на маленькаго улыбающагося доктора.

— Да все та же канитель: написалъ директоръ смотрителю въ книгѣ „директорскихъ распоряженій" строжайшій запросъ:— почему съ фермы не доставляется положенное количество яицъ? А нашъ Готфридъ Ѳедоровичъ отвѣчаетъ оффиціальнымъ рапортомъ, что вслѣдствіе наступленія зимняго времени на фермѣ нѣтъ „беременныхъ" куръ.

— Послушайте, вы выдумали!

— Ничего не выдумали! Подите, посмотрите: дѣлопроизводитель въ канцеляріи строчитъ „выговоръ по службѣ" бѣдному нѣмцу.

— Тс! Идетъ...

Вошелъ директоръ,—длинный, сухой человѣкъ съ неумными, упрямыми глазами, въ сопровожденіи двухъ пожилыхъ врачей.

— Надѣюсь, господа, вы всѣ въ сборѣ?

И пока онъ здоровался, вошли еще двое. Одинъ изъ нихъ, совсѣмъ юный, былъ одѣтъ въ нарядный, прекрасно сшитый сюртукъ, рѣзко оттѣнявшій странное убранство другого врача, одѣтаго въ неуклюжій пиджакъ изъ бѣлаго домотканнаго украинскаго сукна.

Кромѣ костюма, и фигура доктора останавливала на себѣ вниманіе: онъ былъ точно составленъ изъ двухъ разныхъ половинъ. Изящная голова красиво и свободно сидѣла на очень широкихъ и стройныхъ плечахъ, и правильныя черты его блѣднаго лица освѣщались открытыми, ясными голубыми глазами, ласковыми и нѣжными, какъ у женщины. А кривыя ноги были толсты и коротки, и огромныя руки съ короткими, словно обрубленными пальцами были мозолисты и красны.

— О комъ сегодня докладъ?—спросилъ директоръ.

— О Голубѣ.

— А, знаю! Параноикъ...

И началось длинное чтеніе анамнеза, исторіи болѣзни, собственныхъ наблюденій.

„И на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ,—закончилъ докладчикъ,—я считаю Зиновія Голуба вполнѣ нормальнымъ, и потому отвѣтственнымъ за содѣянныя имъ преступленія".

— И охота вамъ, Константинъ Михайловичъ, бѣднаго человѣка въ Сибирь упекать?—милостиво сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ.—Виновенъ, не виновенъ,—пусть тутъ живетъ,—казна отъ этого не обѣднѣетъ.

— Онъ самъ иного мнѣнія: „въ Сибири, говоритъ, манифесты бываютъ".

— Господа! Я прошу обслѣдовать вопросъ исключительно только съ медицинской точки зрѣнія,—вмѣшался директоръ.

И какъ всегда, мнѣнія психіатровъ раздѣлились. Часа черезъ два оживленныхъ дебатовъ, Романъ Николаевичъ держалъ за пуговицу высокаго доктора съ благодушнымъ лицомъ и говорилъ, задыхаясь отъ волненія:

— Да поймите же! Безъ этой вѣры въ „Духа" немыслима никакая религія, никакое творчество въ области религіознаго самосознанія. Станьте на точку зрѣнія первыхъ христіанъ... Только въ нашъ маловѣрный вѣкъ такіе люди остаются непонятыми... „О, еслибы ты былъ холоденъ или горячъ! Но ты не горячъ и не холоденъ, ты только тёпелъ!"

А въ другое ухо тому же доктору гудѣлъ однообразный басокъ Ивана Ѳедоровича:

— Ну, скажите на милость: какая же тутъ разумность поступковъ, чтобы за послѣднія деньги слѣпыхъ лошадей покупать?

Но нежданный переходъ директора на сторону докладчика рѣшилъ дѣло, и доктору Подгайному было поручено составить докладную записку о пересмотрѣ дѣла сектанта Голуба.

— А теперь, господа,—закончилъ директоръ,—мы должны обсудить вопросъ, имѣющій значеніе только для служащихъ больницы. Хозяйственнымъ способомъ мы можемъ обработать не больше половины принадлежащей больницѣ земли. Я предлагаю другую половину раздѣлить на небольшіе огороды и раздать ихъ въ пользованіе служащимъ.

Предложеніе всѣми было принято. Только докторъ Томашевичъ спросилъ, обдергивая короткіе обшлага своего домотканаго пиджака:

— А если больницѣ впослѣдствіи понадобятся эти участки, кто намъ возвратитъ затраченный на нихъ трудъ и капиталъ?

— Огороды берутся служащими добровольно, и каждый пользуется имъ за свой страхъ и рискъ, — сухо отвѣтилъ директоръ.

А докторъ Подгайный, оживленный и счастливый отъ одержанной побѣды, прямо изъ засѣданія пошелъ въ отдѣленіе.

— Знаете ли, Голубъ, о чемъ сегодня говорили въ совѣтѣ?— спросилъ онъ, подходя къ Зиновію.

— Знаю, господинъ докторъ; мнѣ надзиратель говорилъ, что обо мнѣ рѣчь будетъ.

— И знаете, къ какому рѣшенію мы пришли?

— Не могу знать.

— А къ тому, что васъ признали человѣкомъ здоровымъ, и если желаете, можете просить о пересмотрѣ своего дѣла.

Лицо Голуба все дрогнуло нежданною радостью.

— До конца моей жизни благодаренъ я, — сказалъ онъ тихо, почти шопотомъ и не поднимая глазъ, въ которыхъ стояли слезы.

— Помните только, что пройдетъ много времени, прежде чѣмъ ваше дѣло рѣшится. А до тѣхъ поръ вы должны жить, какъ больной, съ больными: ваша судьба попрежнему въ нашихъ рукахъ.

— Нѣтъ, господинъ докторъ, она, какъ и вы сами, въ рукахъ Божіихъ.

— И вы думаете, что еслибы я не принялъ въ васъ участія, вы все-таки вышли бы на волю? — спросилъ Подгайный, нѣсколько обиженный отвѣтомъ Голуба.

— Я думаю, что Господь, приведшій насъ обоихъ въ эту больницу, далъ мнѣ разумъ, чтобы поступать по вашимъ указаніямъ; а вамъ далъ совѣсть, чтобы судить меня по моимъ поступкамъ.

И къ веснѣ была получена бумага, которою предписывалось освободить сектанта Голуба отъ заключенія въ отдѣленіяхъ для умалишенныхъ, оставивъ его, однако, при больницѣ на годъ для двоякаго наблюденія: врачебнаго и духовнаго, каковое поручить настоятелю больничной церкви, о. Аѳонію Левандовскому.

Въ подвалѣ больницы, въ томъ туннелѣ, что выходилъ окнами на Веселку, Голубъ, назначенный старшимъ дворникомъ, получилъ комнату въ два окна, противъ которыхъ тянулась узенькая полоска отведеннаго ему огорода. Печи въ комнатѣ не было.

Зданіе отапливалось калориферами и, за отсутствіемъ дымоходовъ, желѣзную печурку-трехножку пришлось вывести трубою прямо въ окно. Другое окно служило дверью, потому что выходъ изъ подвальнаго корридора былъ очень далекъ, въ противоположномъ концѣ туннеля, и вся семья Голуба предпочитала пользоваться кратчайшимъ путемъ. Но, несмотря на все убожество и неуютность казеннаго подвала,—радость и счастье по-

селились въ немъ вмѣстѣ съ соединившейся послѣ долгой разлуки семьей. По деревенскому обычаю Одарка смазала кирпичный полъ желтою глиной съ ярко-красною отводкой по стѣнѣ; стѣны разрисовала въ узоръ синькой и охрой, пользуясь вмѣсто кисти пучкомъ пшеничныхъ колосьевъ, отъ чего получилась замысловатая, пестрая вязь. На окошки повѣсила розовыя ситцевыя занавѣски, а въ переднемъ углу—бѣлую кисейную „фираночку", подъ которой, вмѣсто иконъ, на полочкѣ стояла „Св. Книга". И во всѣхъ лѣстницахъ и корридорахъ больницы можно было встрѣтить улыбающееся лицо Дарьи Голубихи, разносившей заказчикамъ тяжелыя корзины съ бѣльемъ.

V.

Казенными огородами пожелали воспользоваться всѣ, и каждый сдѣлалъ изъ даннаго ему клочка земли такое употребленіе, которое казалось ему лучшимъ: кое-кто отдалъ огородъ швейцару Георгію, который пасъ на нихъ своихъ коровъ, молоко отъ которыхъ покупали служащіе въ больницѣ; кто-то устроилъ здѣсь крокетную площадку; еще кто-то развѣсилъ веревки для сушки бѣлья. На остальныхъ полоскахъ закипѣла работа. Раньше всѣхъ выходилъ къ огороду Голубъ. Солнце едва загорится золотой искрой надъ мельничной крышей,—а онъ уже обѣжалъ всѣ дворики больницы и бьетъ сапой тяжелую глинистую землю, чуть скропленную сверху ночною росою. Докторъ Томашевичъ, завѣдующій огородными работами больныхъ, приводитъ ихъ къ казеннымъ грядамъ и съ сапою и граблями на плечѣ поднимается по кручѣ къ своему огороду. Одѣтъ онъ, какъ зимою, въ бѣлый пиджакъ, но ужъ не изъ сукна, а изъ скатертной домотканки, какую ткутъ бабы въ курской губерніи; а на головѣ домодѣльная шапочка, которую евреи зовутъ „мыцкой". Докторъ бросаетъ объ землю свою мыцку, сбрасываетъ пиджакъ и, расправивши могучія плечи, долго смотритъ на восходящее, еще не яркое солнце, на излучину Веселки, на большую, спокойную рѣку. И на лицѣ его лежитъ улыбка глубокаго душевнаго удовлетворенія. Потомъ онъ берется за сапу, и не успѣетъ догнать перваго ряда до межи, какъ по ту ея сторону уже бѣлѣетъ кисейный платочекъ Марины Васильевны. И всѣ трое работаютъ молча, словно не замѣчая другъ друга. А солнце выше. Уже директорскія индюшки, по обыкновенію выпущенныя зазѣвавшейся прислугой, съ жалобнымъ курлыканьемъ разбрелись по

кустамъ цвѣтущаго боярышника, и за ними ползетъ на животахъ десятокъ туннельныхъ ребятъ, чтобы украсть растерянныя яйца. Одна за другою выходятъ на огороды кухарки и поденщицы и долго, опершись на сапы, перекликаются о своихъ домашнихъ и больничныхъ дѣлахъ. Няня-Марійка несетъ маленькаго, розоваго и тепленькаго со сна, — и онъ, улыбаясь широкимъ, беззубымъ ртомъ, тянется ручонками къ матери и солнцу. Жалобно и гулко свиститъ призывный свистокъ къ завтраку. — На межѣ Марину Васильевну догоняетъ докторъ Томашевичъ и, пожимая ея руку, говоритъ вмѣсто привѣтствія: — „А спаржевый горошекъ у васъ раньше взошелъ“. Три смежныхъ огорода зацвѣли и разрослись зеленымъ островкомъ на голомъ глинистомъ скатѣ, гдѣ кругомъ изъ бурой почвы глядѣли по сторонамъ чахлые кустики картофеля.

Въ больничномъ міркѣ, оторванномъ отъ широкаго вольнаго свѣта, прибывали и убывали больные: увозились на кладбище некрашеные, безымянные гробы, а имъ на смѣну привозили людей, одѣтыхъ въ сѣрые халаты, въ сопровожденіи „скорбныхъ“ бумагъ. Кто-то ссорился.. Кто-то интриговалъ... Кого-то въ канцеляріи увольняли и назначали. А на высокомъ островѣ надъ Веселкой ясно горѣли зори, и когда послѣдняя розовая полоска блѣднѣла за лѣсомъ на томъ берегу большой рѣки, въ ея свѣтѣ тянулись тонкія нити прозрачнаго, бѣлаго пара: это далеко по степи бѣжалъ локомотивъ, и его свистъ, едва слышный отсюда, звучалъ тревожно, какъ призывъ. Марина Васильевна знала, куда онъ зоветъ: прочь отсюда, въ большой городъ, гдѣ живется трудно, голодно, тяжело, — но гдѣ маленькая человѣческая мысль вливается въ широкое море общечеловѣческой мысли.

А три бѣлокурыя головки свѣтлѣютъ внизу, среди высокой цвѣтущей травы, и ясный, какъ птичій щебетъ, доносится оттуда дѣтскій смѣхъ.

— Марійка! — кричала Марина Васильевна, стоя на обрывѣ: — Развѣ тебѣ не видно, что маленькій къ рѣчкѣ пошелъ?

Но и Марійки нигдѣ нѣтъ. Старшіе догоняютъ маленькаго, берутъ его за руки и всѣ трое, будто изъ темной рамы, смотрятъ на мать изъ-подъ вѣтокъ темнаго, давно отцвѣтшаго шиповника.

— Дозвольте, сударыня, дозвольте! — Мимо пробѣжалъ Голубъ съ растрепанными по вѣтру волосами, странно перескакивая по грядамъ и размахивая снятой съ головы шапкой. Въ воздухѣ что-то прошумѣло... И прежде, чѣмъ она поняла, что случилось, — тяжелый рой повисъ живыми гроздьями на томъ самомъ кустѣ, у котораго стояли ея дѣти.

Голубъ вынулъ изъ кармана платокъ, бережно завязалъ въ его уголъ пчелиную матку и положилъ на дно картуза, а живой клубъ, жужжащій, грозный и растерянный, свивался у него въ рукахъ и отсталыя пчелы путались въ его длинныхъ волосахъ и летѣли надъ головою съ жалобнымъ и тонкимъ жужжаньемъ.

Къ обрыву сошлись люди и завистливо говорили:

— Ишь, штунда проклятая! Ему все на пользу: рой сгребъ!

А няню Марина Васильевна нашла подъ тѣмъ же кустомъ. Марійка сидѣла, спрятавши голову въ колѣни, и ея острыя, дѣтскія плечи вздрагивали отъ неслышныхъ рыданій.

— Ты чего плачешь? И не стыдно тебѣ всякихъ пустяковъ бояться? Развѣ никогда роя не видѣла?

— Барынько-голубонько! Я не объ тому; я не объ рою... Боюся я, что меня батько да старшій братъ убьютъ.

— Да за что же тебя убить? Что случилось, разскажи толкомъ!

— Теперь уже нема чего разсказувать, якъ занапастилъ меня Карпей-почтарь...

— Марійка, опомнись! Вѣдь, ты—ребенокъ!

— А я знаю? Шобъ ему, собаци, наглою смертью пропасти! Нехай весь его родъ на комки переведется!..

— Перестань проклинать!.. Теперь подумать надо, какъ бѣдѣ помочь. Я барину скажу...

— А шо-жъ вы скажете, коли насъ у ёго чотыри да ще до того, кажуть, самъ винъ жонатый?..

— Какъ четыре? Я ничего не понимаю...

— Да такъ же: и Софійка-прачка, и двѣ Наталки, — и наша, и механичкина.

И помочь Марійкѣ, дѣйствительно, было нельзя. Карпей былъ женатъ. И позванный въ контору для объясненій, онъ таращилъ свои бѣлесые глаза то на директора, то на смотрителя и въ несокрушимомъ сознаніи своей правоты повторялъ:

— Ваше превосходительство!... Господинъ смотритель! Ей-Богу—право! Такъ что не извольте безпокоиться, потому у меня съ ими всѣ эти дѣла по взаимной обоюдности...

— Молчи, скотина! Марійкѣ и шестнадцати лѣтъ нѣту.

— Виноватъ! Это точно, что съ ею маленькая ошибка вышла. А только по нуждѣ даже архіерейское благословеніе шестнадцать лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ разрѣшаетъ...

Директоръ ругался, смотритель грозилъ кулаками, но все-таки Карпея не разсчитали: зашла рабочая пора, найти поч-

таря было трудно, и къ тому же Карпей былъ трезвъ и честенъ, т.-е. могъ пить сколько угодно, не хмелѣя окончательно, и не крадъ полученныхъ съ почты денегъ.

И старшіе мальчики доктора Подгайнаго попрежнему пѣли каждое утро на мотивъ „Невозвратнаго времени“:

По квартирамъ Карпей ходитъ
И всѣ письма собираетъ.
Онъ всѣ письма собираетъ
И на почту отправляетъ.

И каждый вечеръ въ корридорѣ докторской квартиры слышался виноватый голосъ Карпея: „Почтарь пришелъ“.

Одну только предупредительную мѣру придумалъ Готфридъ Ѳедоровичъ: велѣлъ Карпею немедленно выписать къ себѣ бабу.

И баба явилась изъ самой глуби орловской губерніи, одѣтая въ лапти, ситцевую рубаху съ ластовицами, — безнадежно глупая и забитая. Поселили новую семью въ туннелѣ рядомъ съ комнатою Голуба, и каждый разъ, когда Карпей принимался бить свою бабу, Голубъ подходилъ къ двери, стучалъ могучимъ кулакомъ такъ, что она трещала, и говорилъ громко и спокойно:

— Перестань женщину тиранить. Господину смотрителю доложу. Будешь въ мертвецкой ночевать.

Карпей стихалъ, а вырвавшаяся баба убѣгала выплакать свое горе сосѣдкѣ—Голубихѣ. Зато въ воскресенье (единственный день, когда онъ не ѣздилъ въ городъ) Карпей срывалъ свое сердце на ненавистномъ сосѣдѣ.

Охваченный недовольствомъ пьянаго похмелья, немытый, всклокоченный, въ распоясанной ситцевой рубахѣ и нестряпиныхъ, принесенныхъ изъ деревни, портахъ—онъ наваливался грудью на широкій подоконникъ и выкрикивалъ въ открытое окошко: — „Штунда сибирная! Еретикъ! Грѣха не боишься, — такъ людей постыдиться надо: народъ въ святую церкву идетъ, а онъ, поганецъ, чорту молится: землю пакоститъ... Ишь, видаетъ сапой! Хуже татарина, лобъ некрещеный... Тьфу!“

VI.

Въ Спасовъ день, когда Марина Васильевна, причащавшая дѣтей, вернулась изъ церкви, ей доложили, что въ кухнѣ дожидается Голубъ. Повали гостя въ столовую, и онъ явился, одѣтый въ новый пиджакъ и съ большимъ блюдомъ, покрытымъ тонкимъ вышитымъ полотенцемъ.

— Съ праздникомъ имѣю честь поздравить! Медку отъ нашихъ пчеловъ покушать не угодно ли?

Онъ снялъ полотенце и поставилъ на столъ рамку съ бѣлымъ ароматнымъ сотомъ.

— Ахъ, какая роскошь! Спасибо!

— Годъ для пчелы хорошъ былъ. И теперь несутъ-таки: съ гречки берутъ.

Хозяйка усадила своего гостя за маленькій столъ въ углу, налила чаю ему и себѣ, и между ними началась хозяйственная бесѣда, какихъ немало было этимъ лѣтомъ на огородныхъ межахъ.

— А я сверхъ всего сегодня по особому дѣлу,—заговорилъ Голубъ, отказавшись отъ третьяго стакана. Онъ потупился и съ виноватой улыбкой сказалъ:—Ребеночка ждемъ.

— Знаю,—мнѣ Дарья говорила.

— Но надо такъ объяснить доктору, что крестить я его не согласенъ.

— Какъ не согласенъ? Развѣ ваша вѣра крещеніе отвергаетъ?

— Не извольте безпокоиться... Окрещу я его образомъ апостольскимъ: во имя Отца, и Сына, и св. Духа... И имя нарекy, какое Богъ мнѣ укажетъ.

— А вы батюшкѣ объ этомъ говорили? Вѣдь это—его дѣло.

— Вотъ въ томъ-то и есть, что не говорилъ. Жалко мнѣ ихъ огорчать, а знаю, что они скорбѣть черезъ меня станутъ, потому душа у нихъ самая добрая.

— Не пойму я васъ что-то, Голубъ! Сами говорите, что нашъ батюшка человѣкъ добрый, а ребенка окрестить ему не дадите. Вѣдь, по вашей вѣрѣ каждый можетъ окрестить младенца, и вашъ поступокъ былъ бы мнѣ понятенъ, еслибы о. Аѳонимъ былъ іерей недостойный.

— Дозвольте, сударыня!.. Еслибы всѣ священники были на этого батюшку похожи, такъ, можетъ быть, Господь въ своемъ долготерпѣніи не воздвигалъ бы еще новую вѣру. А теперь отъ такого пастыря—одинъ только вредъ.

— Какъ вредъ?

— Такъ что люди одного такого священника увидятъ и долго его помнятъ, и ради той памяти беззаконныхъ іереевъ терпятъ... А каждое промедленіе теперь—грѣхъ. Ибо исполнилась мѣра долготерпѣнія Его и сѣкира Его при корнѣ дерева.

— Нѣтъ, Голубъ, въ этомъ вы заблуждаетесь. Посѣкается только усохшая смоковница, которая не множитъ плода. А наша

церковь потеряетъ внутри сотни отпавшихъ, а за это время пріобрѣтетъ сотни тысячъ вѣрующихъ и среди своихъ, еще не просвѣщенныхъ народовъ, и далеко по другимъ государствамъ, ищущимъ Христа.

— Сударыня! Вы читали въ книгѣ: „мнози говорятъ мнѣ: Господи! Господи! сердце же ихъ далече отъ Мене отстоитъ. По дѣламъ ихъ познаете я". А каковы дѣла вашихъ крещеныхъ и вѣрующихъ? Оглянитесь кругомъ: супружества оскверняются, дѣвицы растлѣваются... пьянство, обжорство, сквернословіе, маловѣріе... Такъ будемъ говорить: сколько народу тутъ, въ больницѣ? А Писаніе, можетъ, вы одинъ знаете.

— Нѣтъ, Голубъ, изъ образованныхъ людей всѣ знаютъ.

— Гдѣ-жъ имъ знать, когда даже разговору какого духовнаго я никогда между ними не слышалъ?

— Да, вѣдь, то, что вамъ, уже взрослому, далось неожиданно, какъ чудо, какъ откровеніе,—мы, люди учившіеся, прочитали въ Евангеліи, еще будучи малолѣтками на школьной скамейкѣ.

— Такъ, стало быть, къ совершеннымъ лѣтамъ забыть вѣру успѣли?

— Не всѣ забываютъ... Но тѣмъ, кто много учился, много знаетъ, Богъ открываетъ Себя въ другихъ словахъ и въ другомъ дѣлѣ. И за этого, своего Бога, люди эти, какъ и вы, не боятся идти на поруганіе, и въ тюрьмы, и на смерть. А оттого, что вы здѣсь видите людей дурныхъ, вы думаете, что и вѣра ихъ плохая. Но сюда сошлись люди, оторванные отъ своего угла, отъ хорошей семейной жизни. И правая вѣра въ темной душѣ скупо свѣтитъ. А еслибы вы читали о началѣ православной вѣры на Руси, вы узнали бы, что ради нея отецъ и его сынъ-ребенокъ умерли добровольно; что ради нея царевна, молодая, прекрасная, пошла въ дикую лѣсную сторону замужъ за пьянаго и развратнаго князя, и что князь этотъ, узнавши правую вѣру, сдѣлался такимъ жалостливымъ и кроткимъ, что боялся наказывать даже разбойниковъ, потому что одинъ судья людямъ—Богъ.

— Это вы даже очень хорошо сказали! Это вѣрно.

— Ну, а теперь представьте себѣ, что вышелъ какой-нибудь самый строгій приказъ, чтобы всѣхъ, кто хочетъ и не хочетъ, въ вашу вѣру обратить. Не стало кругомъ православныхъ,— одни штундисты. Подумайте только хорошенько прежде, чѣмъ мнѣ отвѣтить... Развѣ, назвавшись штундистомъ, Карпей перестанетъ бить свою бабу? или обѣ Наталки перестанутъ бѣгать въ служительскую казарму?... И у этихъ-то людей вы отнимете

крестъ, церковь, великіе праздники... Можетъ быть, отнимая ихъ, вы отнимете послѣднее, чистое, что живетъ въ ихъ душѣ: у кого память о матери, благословившей его передъ смертью иконой; у другого—мысль о церкви родного села, гдѣ молятся разлученные съ нимъ близкіе; у третьяго — красный пасхальный звонъ, подъ который ясно становится на душѣ и хочется плакать... Что же вы дадите въ замѣнъ? Духовную радость? А не проще ли соединить ее съ этими маленькими душевными радостями и слить въ одну крѣпкую и правую вѣру?

При этихъ словахъ Голубъ пытливо и долго посмотрѣлъ на хозяйку и вдругъ быстро подошелъ къ ней и заговорилъ шопотомъ, оглядываясь на двери:

— Такъ, значитъ, правду-таки мнѣ люди говорили, что у господъ своя новая вѣра проявилась: господинъ графъ Толстой имъ открываетъ?.. Я и самъ вижу, что вы да докторъ Томашевичъ живете другимъ господамъ несходственно.

Марина Васильевна отшатнулась отъ пристально смотрѣвшихъ на нее глазъ.

— Господь съ вами, Голубъ! Опомнитесь! Никакой новой вѣры ни у меня, ни у доктора Томашевича нѣтъ. Мы просто любимъ землю, любимъ ее обработывать и знаемъ ту св. книгу, которую на бѣду себѣ и людямъ вы прочитали безъ хорошаго руководителя.

Голубъ на цыпочкахъ вернулся на свое мѣсто и сидѣлъ тамъ неподвижный и задумчивый, пока пришелъ докторъ.

Предстоящее рожденіе „нехриста“ занято на нѣсколько дней всю больницу. Директоръ сгоряча распорядился, было, взять Голуба въ отдѣленіе въ качествѣ больного. Но справка, сдѣланная по его приказанію дѣлопроизводителемъ, доказала, что штундисты крещенія отъ православныхъ священниковъ не пріемлютъ, и это имъ въ преступленіе не вмѣняется. О. Аѳонимъ задумалъ заманить Настю съ ребенкомъ въ церковь и тайнымъ образомъ окрестить его, занеся затѣмъ въ метрическія записи. Но тотъ же дѣлопроизводитель отыскалъ параграфъ, который гласитъ, что такой поступокъ есть самоуправство. Больницѣ оставалось только примириться съ совершившимся фактомъ. Появился здоровый, толстый мальчуганъ, а когда его отецъ развернулъ Библію, — она раскрылась на стихѣ: „Іоаннъ имя ему“. И прибавился одинъ лишній Ванька къ толпѣ рыженькихъ и черненькихъ Ванюшекъ, копошившихся въ темныхъ туннеляхъ. Зато Карпей-почтарь нашелъ въ этомъ событіи новую тему для воскресныхъ бесѣдъ.

— Душегубъ!—выкрикивалъ онъ на весь корридоръ у Голубовой двери.—Нечистому родного дитёнка подарилъ. Младенца не пожалѣлъ!

И эти крики были такъ назойливы, что Голубъ не стерпѣлъ и разъ отвѣтилъ:

— А тѣ младенчики, что обѣ Наталіи подъ ручкой зарыли, кѣмъ они загублены? Ты думаешь, лучше недоносками святую землю осквернить?

Эта подвальная смута доходила до ушей о. Аѳонима и смущала его совѣсть. Онъ сознавалъ, что не все сдѣлалъ для обращенія заблудшей души, и въ то же время всѣмъ сердцемъ чуялъ, что душа эта—свѣтлая, прекрасная, и что еслибы на его мѣстѣ былъ иной пастырь,—съ пламенной вѣрой и пламенной рѣчью,—онъ могъ бы спасти погибающаго. И при встрѣчѣ съ Голубомъ батюшка торопливо кивалъ головою въ отвѣтъ на его низкій поклонъ и, не глядя на него, какъ виноватый, проходилъ мимо. Впрочемъ, благодаря своему счастливому характеру, о. Аѳонимъ скоро забывалъ о неудобномъ прихожанинѣ. Впечатлительный, нервный, жалостливый—онъ не смогъ служить въ глухомъ селѣ, потому что мужицкія гривны жгли ему руку, а смерть каждаго крестьянина-кормильца печалила его глубоко и надолго. Даже здоровье начало разстраиваться. Тутъ представился случай перемѣнить приходъ на больницу, гдѣ всѣ порядки были молодому священнику по душѣ: и опредѣленное содержаніе вмѣсто поборовъ, и приличная квартира, и постоянное общеніе съ образованными людьми, которыхъ до тѣхъ поръ онъ любилъ издали, почтительно и робко.

Зато матушка, выросшая въ самой глуби глухихъ хуторовъ, томилась по извстари заведенной скопидомной жизни. Привыкнувъ къ деревенскимъ запасамъ, она считала жизнь „изъ копѣечки“ безумной расточительностью и скорбно вспоминала обширныя „коморы“, въ которыхъ хозяйничали ея мать и бабка... Мотки пряжи и крашеной шерсти по стѣнамъ, связки грибовъ, сушоныхъ яблокъ и грушъ... мѣшки съ пухомъ и дранымъ перомъ... А на широкихъ полкахъ—лошадиные хомуты и мужицкіе чапаны, принесенные въ закладъ прихожанами, которымъ отецъ и дѣдъ давали въ долгъ деньги. И оба были благодѣтелями своего прихода: деньги давали безъ процентовъ и уплату долга раскладывали по частямъ, требуя отъ своихъ должниковъ только помощи въ работѣ. И работалъ приходъ,—лучше, чѣмъ теперь работаютъ за деньги! „Помочи“ какія бывали! Тридцать копъ выходили въ одну рѣсу и полсотни бабъ гребли сѣно. А старухи

сбѣгались со всего села помочь „матушечкамъ“ лѣпить вареники съ черешнями. По всему широкому подворью пахло колбасою и пампушками съ чеснокомъ; старухъ поили „варѣной“ и запеканкой, а косарямъ выкатывали боченокъ водки, въ который непьющіе батюшки сливали всѣ полштофы, принесенные со свадебъ и крестинъ.

VII.

Только три раза въ годъ, въ Рождество, Святую и именины о. Аѳонима, матушка оживлялась былою лихорадочною дѣятельностью. Батюшка справлялъ именины третьяго сентября, а сама Елизавета Максимовна—пятаго; но длился именинный пиръ три дня безъ перерыва, и ради этихъ трехъ дней вся мебель въ батюшкиной квартирѣ приспособлена была такъ, чтобы ее легко было превратить въ кровати: въ передней стояли сундуки длиною въ ростъ невысокаго человѣка; въ столовой—клеенчатые диваны съ выдвижными ящиками, и даже стулья въ гостиной шли въ дѣло: на нихъ клали необычайной ширины гладильныя доски, обитыя мягкимъ войлокомъ.

Наканунѣ именинъ изъ прежняго батюшкина прихода пріѣзжала сестра матушки съ мужемъ,—священникомъ, заступившимъ мѣсто о. Аѳонима. За ними съ крикомъ и топотомъ врывалось трое сорванцовъ,—крестниковъ и баловней бездѣтной Елизаветы Максимовны. А входныя двери за ними долго не затворялись. Тодоска и кучеръ Рухмашка безъ конца носили кадушечки съ масломъ, банки съ вареньемъ, гусей, поросятъ, медъ... Запахъ яблокъ и грушъ наполнялъ всю квартиру и вырывался въ другія двери, на парадный подъѣздъ. Послѣ долгаго семейнаго чаепитія, семья затихала по спальнямъ, а матушка за полночь разливала по формамъ заливныя „курячьи“, „гусячьи“ и „рыбячьи“, какъ называла смотавшаяся отъ усталости Тодоска. А на разсвѣтѣ въ батюшкиной кухнѣ уже опять толкли ваниль и терли желтки съ сахаромъ. Послѣ обѣдни и молебна, батюшка, протягивая крестъ для цѣлованья, всѣхъ служащихъ больницы пригласилъ „къ пирожку“.

Въ просторной батюшкиной квартирѣ стало шумно и тѣсно. Въ спальнѣ, поперекъ пышныхъ бѣлыхъ кроватей спятъ малыя дѣти, привезенныя изъ сосѣднихъ селъ съѣхавшимися матушками. На черномъ крыльцѣ вокругъ Рухмашки и Тодоски—многолюдное сборище: тутъ и пріѣзжіе кучера, и всѣ тѣ, кому удалось урваться отъ дѣла, пришли искать земляковъ. Три самовара—

эрозь трубы—дымятъ керосиннымъ чадомъ, потому что, для скорости, усердные Тодоскины помощники обливаютъ угли керосиномъ. Тодоска, вся красная и мокрая, крутитъ мороженое къ ужину и только поводитъ жирной шеей, словно конь отъ слѣпня, когда Рухмашка щиплетъ розовый, твердый, какъ свекла, кадыкъ, набѣжавшій отъ натуги подъ ея растрепавшейся рыжей косой. „Винтятъ“ по всей квартирѣ: и въ гостиной, и въ кабинетѣ, и въ передней, гдѣ поставили столы для двухъ дьяконовъ и пятерыхъ надзирателей. А во всю стѣну подъ окнами гостиной вытянулся столъ, за которымъ съ самаго обѣда „стучатъ“ дамы. Азартъ растетъ...

Изъ кабинета пришелъ о. Гавріилъ,—старикъ-благочинный, всѣми одинаково любимый. Онъ крестилъ дѣтей у всѣхъ священниковъ своего благочинія и для краткости попадей звалъ „кумушками“. И какъ только о. Гавріилъ куда-нибудь пріѣзжалъ,—всѣ дѣти, бывшія на поповомъ дворѣ, кидались въ его просторный тарантасъ и начинали тянуть воздухъ носомъ, какъ лисенята.

— Нюхайте, нюхайте! А я вотъ конфекты и пряники въ рясѣ унесъ!

Иряса стаскивалась съ плечъ и обшаривалась.

Но на душѣ о. Гавріила лежало большое горе: его единственный сынъ, оставленный рано умершей женой, — былъ далеко, за Ураломъ. И стараго священника грызла не только тоска по сыну, но и сознаніе что съ его смертью „угаснетъ іерейскій родъ, болѣе столѣтія предстоявшій престолу Всевышняго“. Сколько въ этихъ смиренныхъ пастыряхъ было явлено душевныхъ сокровищъ! — А сколько скопилось земного добра! Старый садъ, полный тѣни и аромата, въ которомъ зрѣютъ самые рѣдкіе сорта и цвѣтутъ самыя пышныя розы... кому онъ достанется? А первая яблоня и первая груша въ этомъ саду посажены дѣдомъ и бабкою о. Гавріила въ самый день ихъ вѣнчанья.

— Куманекъ!—Къ намъ, къ намъ!—закричали матушки.—Ну, что вамъ стоитъ!—Сядьте съ нами, постучите,—авось-либо десяточку на алтарь отечества простучите! — Да, вѣдь, вы все равно—„выходящій“!

— Не подобаетъ! Игра эта — самая бѣсовская — для успокоенія нѣжныхъ дамскихъ нервовъ придумана... А мнѣ грѣхъ: я іерей,—съ комической важностью говорилъ о. Гавріилъ, пристраиваясь къ столу и протягивая руку за картами.

— Ужъ будто іереи и не согрѣшаютъ?

— Иногда и съ ними случается... Разъ благочестивая старушка померла. И вышелъ у нея формуляръ не совсѣмъ чистый: передъ смертью исповѣдаться не успѣла... Ну, св. апостолъ Пётръ, видя грѣховъ отсутствіе, посадилъ ее у райскихъ вратъ: „посиди, говоритъ, раба,—потолки золотой песочекъ,—райскія дорожки посыпать. А придетъ благочестивый іерей,—ты отъ него разрѣшеніе грѣховъ получишь и слѣдомъ за нимъ въ рай внидешь".

Разсказчикъ сдѣлалъ паузу.

— Ну, и что же?

— И по сейчасъ, бѣдняга, песочекъ толчетъ.

— Ну, ужъ будто грѣшнѣе насъ никого и нѣтъ?—послышался изъ кабинета чей-то смѣющійся голосъ.

— А это, отецъ, по степенямъ церковной іерархіи: дьяконъ грѣшнѣе дьячка, попъ—грѣшнѣй дьякона... до степеней неудобонарицаемыхъ.

— И откуда только у васъ, о. Гавріилъ, такія точныя свѣдѣнія?!

— Мнѣ старые люди разсказывали, какъ самъ я молоденькій былъ. Жили, говорятъ, когда-то попъ съ попадьей. И жили они неладно. Какъ баба мужу поперекъ, такъ онъ ее и давай стращать:—„на томъ свѣтѣ въ пеклѣ будешь, а я тебѣ съ лона Авраамля и капелиночки не кину". Стращалъ, стращалъ — да самъ первый и померъ, и отошелъ въ свое мѣсто. Померла и попадья, и ей мѣстечко указали,—не то чтобъ совсѣмъ прохладное, но и не слишкомъ жаркое. Глядь! А въ самомъ пеклѣ по шею въ смолѣ ея попъ горитъ.—„Ото-жъ и вы тутъ, панъ-оче!"—говоритъ она сердобольно.—„Ой, хоть мовчите же, пань-матко,—бо я еще у нашего благочиннаго на шеѣ стою!"

Кругомъ хохотали. А о. Гавріилъ проигралъ барышнямъ положенную десятку и опять ушелъ къ винтерамъ.

Вечеръ шелъ къ концу. Въ столовой опять гремѣли тарелки. Тодоска, окончательно сбитая съ толку, расколотила уже третью посудину,—когда у крыльца послышался стукъ подъѣхавшаго экипажа. „Розентовскіе, Розентовскіе!"—зашептали среди гостей, и всѣхъ батюшекъ точно колыхнуло на встрѣчу молодому, высокому священнику со странно-блѣднымъ, точно выточеннымъ изъ слоновой кости лицомъ. И съ этого неподвижнаго лица глядѣли огромные черные, широко открытые глаза пристальнымъ, немигающимъ, призрачнымъ взглядомъ: молодой священникъ былъ слѣпой. Подъ-руку съ нимъ,—не то лаская его своимъ прикосновеніемъ, не то указывая ему дорогу въ вѣчныхъ потемкахъ,—

шла прелестная тоненькая и высокая женщина съ тяжелой косой, которую она словно съ усиліемъ держала на головѣ, склоняя низко на грудь свое юное лицо въ гладкой дѣвичьей прическѣ. И широкія складки сѣраго платья не могли скрыть, что молодая женщина скоро будетъ матерью.

— Кто это?—заинтересованно шептали гости. Это былъ миссіонеръ-проповѣдникъ. Онъ потерялъ зрѣніе на послѣднемъ курсѣ духовной академіи, и это такъ его потрясло, что онъ далъ обѣтъ всю свою жизнь посвятить на просвѣщеніе заблудшихъ. Проповѣди его пользовались широкою извѣстностью, и нѣтъ сомнѣнія, что современемъ ему открылась бы широкая дорога въ церковной іерархіи, еслибъ онъ постригся. Но судьба поставила на его дорогѣ экзальтированную дѣвочку-мечтательницу. Она услышала молодого проповѣдника, будучи еще въ институтѣ, и увѣровала, что самъ Богъ повелѣваетъ ей стать глазами для незрячаго учителя, передъ которымъ ярко горитъ солнце духовной правды.

Послѣ ужина общество раздѣлилось. Молодежь съ пріѣзжими барышнями во главѣ затѣяла танцы; а въ столовой стонъ стоялъ отъ хохота: тамъ докторъ Подгайный спорилъ съ хорошенькой женой Ивана Ѳедоровича на старую, какъ міръ, и вѣчно новую тему о тѣхъ обидахъ, которыя мужчины и женщины взаимно наносятъ другъ другу. Больница знала, что между противниками ведется флиртъ, и это подогрѣвало интересъ къ разгоравшемуся спору.

— Въ сущности,—говорилъ Константинъ Михайловичъ,—вы, женщины, тоже очень не прочь посквернословить на нашъ счетъ. Вся разница только въ томъ, что мы сквернословимъ о горничныхъ, легковѣсныхъ дѣвицахъ и чужихъ женахъ, а вы—о собственныхъ мужьяхъ.

— О! Такое противорѣчіе легко объяснить,—отвѣтила Марья Николаевна:—у насъ выборъ не такъ богатъ. Въ то время, какъ вы, обзаведясь собственными женами, оставляете въ своемъ пользованіи и сосѣдскихъ, и горничныхъ, и всѣ другія разновидности,—у насъ, бѣдныхъ женщинъ,—нѣтъ ни лакеевъ, ни спеціально-легковѣсныхъ мужчинъ... Мы говоримъ только о томъ, что знаемъ, и, скрѣпя сердце, ограничиваемъ свою любознательность.

— Сгода! Сгода! какъ говорятъ поляки,—вмѣшался Романъ Николаевичъ. Вотъ, я беру Св. Писаніе, и пусть текстъ, какой откроется, рѣшитъ вашъ споръ. Итакъ, слушайте!

Онъ развернулъ книгу, лежавшую на угольникѣ, и прочи-

талъ: „Авраамъ—роди Исаака, Исаакъ—роди Іакова, Іаковъ роди Іуду и братію его"... Господа мужчины! Разумѣйте и покоряйтеся! Что бы вы стали дѣлать, еслибы васъ и теперь заставили родить и Іуду и братію его, какъ бывало въ старое время,—о чемъ свидѣтельствуетъ священное писаніе...

Неожиданность вывода на мгновеніе ошеломила спорящихъ, но черезъ минуту новый взрывъ хохота заглушилъ упавшій споръ.

— Ура! Браво! Марья Николаевна! ваша взяла!

Только двѣ пары не принимали участія въ общемъ весельи: въ опустѣвшей передней у открытаго окна сидѣла Марина Васильевна и слушала горячую рѣчь Томашевича. — Это — самая крайняя степень паденія женщины!.. И прикрываться именемъ дѣтей — значитъ дѣлать ихъ, ни въ чемъ неповинныхъ, отвѣтственными за собственную трусость. Такъ взяточники дѣлали: брали „ребятишкамъ на молочишко", чтобы этимъ краденымъ молочишкомъ выпоить такихъ же воровъ, какъ они сами...—И въ рѣчи его слышалось горячее убѣжденіе и затаенная страсть къ молчавшей, замершей въ тоскѣ, женщинѣ.

А въ углу батюшкина кабинета о. Аѳонимъ передавалъ свои пастырскія тревоги молодому проповѣднику.

— Постарайтесь только, — закончилъ Розентовскій тихую бесѣду, — чтобы слушателей было возможно больше: на эти чистыя, но суемудрствующія души иногда смѣхъ толпы вліяетъ больше, чѣмъ разумныя увѣщанія.

VIII.

Далеко въ полѣ, противъ освѣщенныхъ оконъ батюшкиной квартиры, сидѣли два мужика. Они пришли въ больницу издалека: изъ дремучихъ лѣсовъ, въ которые уходили съ Руси всѣ гонимыя вѣры, гдѣ таились онѣ въ непроходимыхъ чащахъ и болотныхъ топяхъ,—и сжигали себя въ сосновыхъ срубахъ, когда имъ не ставало мѣста на землѣ. Туда, въ эти лѣса и трясины, истомленныя скорбью по вѣрѣ истинной, дошла вѣсть о томъ, какъ одинъ человѣкъ, движимый ревностью по Богѣ, закопалъ все, что есть у человѣка дорогое: мать, жену, сына. И вѣсть эта, словно солнечнымъ лучомъ, освѣтила лѣсную чащу: „Не до конца прогнѣвили мы Господа... По скудости вѣры нашей, отпялась у насъ и послѣдняя. Но есть еще свято-отеческое благочестіе—есть, гдѣ-то далеко, въ узахъ и темницахъ, праведники,

возлюбившіе Господа". И на темныхъ лѣсныхъ сходкахъ положили, что двое изъ стариковъ пойдутъ въ эту далекую сторону, чтобы выкупить у приставниковъ и судей дереновеннаго въ вѣрѣ учителя. Если же выкупить его не удастся, то послушаютъ ученіе его и принесутъ святыя и сильныя слова въ родные лѣса всѣмъ скорбящимъ и оскудѣвающимъ. Во всю длинную дорогу до большого города они постились и молились, готовясь къ подвигу, поруганіямъ и узамъ. Но ничего этого переносить имъ не пришлось. Какъ только вышли они изъ дремучаго лѣса и сѣли на невиданную до тѣхъ поръ чугунку, — мимо окна побѣжали свѣтлыя поляны, зеленые перелѣски, луговины вдоль широкихъ рѣкъ,—пока чугунка не привезла ихъ до большого, шумнаго города и, выбросивши на его окраинѣ, сама убѣжала въ степь. Мужики прошли городъ поперекъ, и на другомъ его краю, среди чистаго поля, увидѣли больницу-тюрьму, гдѣ былъ тотъ, кого они искали. Тутъ, въ придорожной канавѣ, они сняли лапти, выкатали изъ онучъ и оборокъ закатанныя въ нихъ ассигнаціи и прикинули въ умахъ, кому сколько придется дать за выкупъ. Но въ больницѣ никого подкупать не пришлось. День былъ пріемный, и свиданія разрѣшались всѣмъ. Было рано. Въ больничныхъ сѣняхъ, кромѣ нихъ, ожидала дежурнаго доктора старая еврейка съ бритою головою и съ глазами круглыми и мертвыми, какъ у замученнаго совенка. Швейцаръ допытывался, что ей надо, а она,—прожившая шестьдесятъ лѣтъ въ русской деревнѣ,—не понимала русской рѣчи и только жалобно причитала.

Пришелъ докторъ Томашевичъ, заговорилъ со старухой по-еврейски и велѣлъ швейцару увести ее куда-то дальше по коридору.

— Вы, старики, къ кому?

Они переглянулись и, молча, оба разомъ, рухнули доктору въ ноги.

— Ваше пріасходительство! Заставьте вѣкъ Бога молить,— на часокъ на единый допустить прикажите...

— Скажите толкомъ, кого вамъ надо?

— Отъ людей слышали... Хварбованый Евтихѣй, сталъ-быть, тутъ содержувается...

— Вы ему родственники, что-ли?

Долго старики глядѣли въ глаза другъ другу, и, наконецъ, старшій, сухой, высокій, съ бѣлою бородою и лысымъ, острымъ черепомъ, угрюмо и рѣшительно сказалъ:

— Нѣ! Мы—по своему дѣлу: насчетъ вѣры, значитъ.

— Вотъ оно что! Вы—старообрядцы... Извольте,—идите.

Только ничего онъ вамъ не скажетъ. Булку, коли принесли, съѣстъ; а въ вѣрѣ самъ онъ меньше вашего разумѣетъ.

— Батюшка! господинъ докторъ, какъ же ёнъ не разумѣетъ, коли и мать-родительницу, и свою бабу, да еще съ робенкомъ...— горячо заговорилъ рыжій, вихрастый мужикъ.

— Полно тебѣ врать! — одернулъ его за полу старшій. — Ихъ пріасходительство, сталъ-быть, лучше тебя знаютъ.

— Ага! старикъ, испугался, что къ Фарбованому не пущу. Пущу!—всласть налюбуешься. А какъ онъ мать закапывалъ, сейчасъ тебѣ разскажу. У васъ въ деревнѣ дурачокъ есть?

— У насъ—нѣ! Господь миловалъ... а у Стреневѣ, у приходѣ былъ. Перво за дѣвками да бабами гонялся, а потомъ, того, церкву спалилъ.

— Ну, вотъ... Если такому дурачку дать лопату въ руки да сказать: „зарой жену — приника дамъ"... Закопаетъ онъ, аль нѣтъ?

— Знамо, закопаетъ, для-ча не закопать! Дураку все единственно.

— Ну, и вашему Фарбованому все единственно.

Мужики молчали, какъ бы понимая, что доктору, по обязанности службы, надо врать.

Но то, что они увидѣли въ отдѣленіи, было страшнѣе всѣхъ ужасовъ, какіе нарисовали, въ дорогѣ, ихъ дикія лѣсныя мысли: передъ ними сидѣлъ непомѣрно толстый, грузный человѣкъ съ оплывшимъ жирнымъ лицомъ, на которомъ, не переставая, двигались отвислыя, вывороченныя, блѣдныя губы. Онъ жевалъ хлѣбъ, сахаръ, булку; жевалъ бумажку, въ которую она была завернута; жевалъ конецъ своего больничнаго халата, полы котораго висѣли мокрыми, изжеванными лохмотьями. Они говорили о вѣрѣ, а на огромномъ жирномъ лицѣ не теплилось ни тѣни мысли, и оно зажигалось звѣриною жадностью только когда въ руку его совали новый кусокъ съѣдобнаго.

— И чего вы съ нимъ возитесь!—сказалъ, наконецъ, надзиратель.—Безсловесному скоту подобенъ: сами видите—жвачку жуетъ.

И они вышли... Идти было больше некуда, и нельзя имъ было вернуться въ дикую лѣсную чащу, которая послала ихъ за правдой. И какъ бродячая собака, выгнанная изъ-подъ послѣдняго тына, все еще жмется къ этому тыну, такъ они до самаго вечера бродили около больницы. Швейцаръ сбросилъ ихъ полосатыя котомки съ парадная подъѣзда; они смиренно подобрали ихъ и сѣли на батюшкиномъ крыльцѣ. А когда отсюда ихъ про-

гналъ смотритель,—они примостились въ углу рабочаго двора, подъ недостроеннымъ сараемъ. Но Готфридъ Ѳедоровичъ и тамъ ихъ запримѣтилъ.

— Прочь! Прочь!—кричалъ онъ имъ изъ окна батюшкиной квартиры.

Онъ остерегалъ, что ихъ можетъ убить бревно, упавшее съ разобранной крыши, но они ничего не поняли и злобно заворчали, уходя въ поле.

Темная, тихая, безлунная ночь окутала землю туманами и росою. На небѣ, глубокомъ и черномъ, какого они не видали у себя дома, загорѣлись миріады звѣздъ и глядѣли въ безконечную, черную, пустую даль. Эта даль пугала ихъ, привыкшихъ къ тѣсному, загороженному соснами, небу родного лѣса. И вмѣстѣ со страхомъ безконечная тоска и отчаяніе вливались въ ихъ усталыя души.

— Миръ вамъ!

Мужики дрогнули и оглянулись: по другую сторону канавы передъ ними стоялъ высокій человѣкъ съ лопатою на плечѣ.

— Что, старички, скучаете?—сказалъ онъ и сѣлъ на бугорокъ, спустивши ноги въ канаву. И они увидѣли, что это—человѣкъ, идущій домой съ работы.

— Не тутошніе мы, дальніе,—угрюмо отозвался старшій.

— Слыхалъ! Къ Фарбованому приходили?

— А ты вѣшто его знаешь?

— Еще бъ мнѣ не знать! Два года въ одномъ отдѣленіи выжили.

— Доктора спортили?—живо спросилъ рыжій мужикъ, подползая на колѣнахъ къ самому краю канавы и оглядываясь назадъ, въ черную пустоту.

— Никто не портилъ. Такъ ему Богъ далъ: родомъ припадочный онъ. Докторъ по-ученому называетъ „епилепцыя“, а по нашему—болѣзнь черная зовется: накатитъ на человѣка и сейчасъ его объ землю вдаритъ. Черный весь, и изъ рота—пѣна... съ сукровицей бываетъ. Накрыть чѣмъ чернымъ... полежитъ и снову отдышется... Только разъ отъ разу разумъ слабнетъ.

— Може, какъ онъ „дѣло“ издѣлалъ, въ ёмъ еще какое понятіе было?

— Гдѣ жъ понятіе было, когда такого грѣха не побоялся: мать родная, сынъ... младенецъ...

— А ежели по вѣрѣ? для души спасенія? Чтобы отъ „печати“ ослобонить?

— Печать антихристова на душу кладется. А тѣло наше—

та жъ одёжа: дунулъ духъ Господень—и нѣтъ его, „и къ тому не найдетъ мѣста своего". Не тѣломъ поклонитеся Господу.

— Чѣмъ же, милый?!

— Духомъ и истиною...

И началась тихая бесѣда о вѣрѣ—о той утраченной, желанной, единой, которую передали издревле святѣйшіе патріархи, которая таилась въ лѣсныхъ трущобахъ, которая оскудѣла,—чтобы возстать въ силѣ и славѣ.

Разсвѣло. Солнце глянуло изъ-за края земли. Отъ батюшкина крыльца тронулся покойный тарантасъ, запряженный парой вороныхъ коней: о. Гавріилъ торопился домой къ служенью.

Долго крестился старый священникъ на восходящее солнце, и его сухія, скорбныя губы шептали: „Іисусе! Солнце правды! да возсіяетъ свѣтъ Твой намъ, сидящимъ во тьмѣ и сѣни смертной!"

И чудилась ему далекая снѣжная равнина и одинокая юрта, окутанная мракомъ безразсвѣтной трехмѣсячной ночи... и по щекамъ его катились старческія, безнадежныя слезы.

А въ противоположную сторону отъ больницы двигались два человѣка съ котомками на плечахъ, и впереди нихъ бѣжали длинныя, прямыя тѣни, точно указывая имъ дорогу.

Поровнявшись съ подъѣздомъ больницы, они увидѣли высокаго человѣка, который разметалъ песокъ на дорожкахъ. Онъ не оглянулся и они его не окликнули.

А когда отошли далеко, и человѣкъ съ метлою потонулъ въ облакѣ золотистой пыли, они стали на колѣни, перекрестились на восходъ солнца и упали обнаженными головами въ придорожный песокъ.

IX.

Въ тотъ день, какъ была назначена миссіонерская бесѣда, о. Аѳонимъ послѣ обѣдни сказалъ проповѣдь о волкахъ, приходящихъ къ стаду Христову въ овчихъ шкурахъ. А затѣмъ послали швейцара Георгія за Голубомъ. Но онъ, всегда вѣжливый и исполнительный, на этотъ разъ далъ посланному такой отвѣтъ:

„Мнѣ отъ миссіонера ничего не надо. А какъ ему отъ меня что́ надо,—можетъ въ мою хату прійти; мнѣ изъ нея убѣжать некуда".

О. Аѳонимъ смутился, но Розентовскій рѣшилъ не отступать передъ упорствующимъ, и оба они пошли въ темный и сырой

туннель. Съ ними шли врачи, надзиратели, дамы,—и эта толпа, идущая въ берлогу штундиста, какъ на звѣриную травлю, двигалась въ полумракѣ подвала среди еще болѣе густой, безмолвной толпы невѣдомо откуда набѣжавшаго народа. По распоряженію директора, въ комнату Голуба не пускали никого изъ простонародья, но зато передъ открытыми дверями яблоку упасть было некуда, а со двора въ подернутыя легкою изморозью окна заглядывали любопытныя головы. Онѣ застили свѣтъ, и отъ ихъ дыханія запотѣвшія стекла покрылись талыми струйками.

Дарьи не было видно: она спряталась съ „Ванькой-нехристемъ" у кровати за пологъ, и только бѣлоголовый Васька возился въ углу у печурки, запрягая коробку изъ-подъ сардинокъ въ деревянную скамеечку, изображавшую коня. Самъ Голубъ стоялъ въ концѣ стола, опершись рукою на Библію, и изъ-подъ его локтя острыми и злыми глазами смотрѣла на вошедшихъ Настя.

Розентовскій помѣстился по другую сторону стола; по правую его руку сѣлъ о. Аѳонимъ, по лѣвую — жена, съ большой славянской Библіей въ рукахъ, изъ которой пестрой бахромой свѣшивались разноцвѣтныя закладки.

— Миръ вамъ!—сказалъ Розентовскій.

— Миръ вашъ да къ вамъ возвратится! — отвѣтилъ штундистъ, — и собесѣдованіе началось. Миссіонеръ говорилъ ровнымъ, увѣреннымъ, спокойнымъ голосомъ, время отъ времени ссылаясь на тексты, и тогда жена его разгибала книгу, и о. Аѳонимъ читалъ указанные стихи.

Голубъ слушалъ и не возражалъ ни слова. Вдругъ все лицо его дрогнуло, загорѣлось краской и съ устъ его потокомъ полились слова. Это была малопонятная, полуславянская, полумалорусская рѣчь, въ которой безъ порядка и связи мелькали тексты.

Книги онъ не раскрывалъ, и, быть можетъ, многое было имъ перепутано и искажено изъ св. словъ.

— Прекратить бы! — просительно шепнулъ о. Аѳонимъ, но Розентовскій только молча отмахнулся рукою. Говорили о постѣ. Воспользовавшись короткимъ перерывомъ въ рѣчи Голуба, о. Аѳонимъ началъ читать текстъ:

„Пища не приближаетъ насъ къ Богу".

— Не съ той строки! — гнѣвно и громко шепнулъ миссіонеръ.

Но въ это время одно изъ оконныхъ стеколъ не выдержало напора, и осколки стекла, разбитаго вдребезги, посыпались въ комнату вмѣстѣ съ ворвавшимися клубами морознаго бѣлаго пара...

X.

Вечеромъ этого дня въ кабинетѣ о. Аѳоима сидѣли хозяинъ и миссіонеръ. О. Аѳоимъ чувствовалъ себя виноватымъ, убитымъ, на вѣки опозореннымъ.

Онъ отписывалъ о своей малой паствѣ, что „все благополучно", когда на глазахъ у него выросло цѣлое еретическое гнѣздо.

По распоряженію директора, весь день прошелъ въ строжайшихъ дознаніяхъ, которыя, однако, ничего не выяснили. Въ исповѣдныхъ книгахъ значилось, что все наличное населеніе больницы было у исповѣди и св. причащенія. Обходъ квартиръ по всѣмъ туннелямъ удостовѣрилъ, что въ святомъ углу повсюду стояли иконы и по случаю праздника передъ ними теплились лампадки. Никто не могъ указать на какія-либо сходбища у Голуба, и единственный человѣкъ, свидѣтельствовавшій противъ него, — Карпей-почтарь, разсказалъ, что Голубъ училъ не почитать праздники, говоря ему, Карпею, многократно:

„Съ бабою въ праздникъ баловаться грѣхъ, а землю копать не грѣхъ".

Подозрительными показались и еще два случая, приведенные тѣмъ же свидѣтелемъ: двумъ служителямъ штундистъ деньги давалъ,—одному на свадьбу десять рублей, другому на сапоги — четыре съ полтиной.

— Не иначе, какъ въ вѣру свою поганую сманивалъ,—дѣлалъ догадку Карпей, а о. Аѳоимъ вздыхалъ и записывалъ. Вотъ и всѣ улики: очевидно, на лицо имѣется сплоченная, опытная и солидная община...

— Отецъ Аѳоимъ! — отозвался миссіонеръ послѣ долгаго молчанія.

— Что̀ угодно, Сергѣй Ѳедоровичъ?—заискивающе спросилъ батюшка.

— А старшія его дѣти крещены?

— Само собою!

— Вотъ на что надо обратить вниманіе! Они, вѣдь, погибаютъ въ рукахъ еретиковъ-родителей.

— Такъ неужто-жъ можно?..—испуганно сказалъ батюшка.— Но вопросъ остался недоконченнымъ.

— Временная разлука—ничто въ сравненіи съ вѣчнымъ мученіемъ,—отвѣтилъ миссіонеръ, и тусклое лицо его окончательно окостенѣло.

Съ этого дня Голубъ пересталъ работать. Онъ началъ открыто учить „новой“ вѣрѣ, и его препроводили въ острогъ. Дѣло его не было еще прекращено, и, какъ находящееся въ производствѣ, оно было назначено къ слушанію въ первую же сессію окружнаго суда. Доктора больницы приняли живое участіе въ своемъ бывшемъ паціентѣ; мѣстные юристы предложили ему свою защиту безвозмездно; но онъ рѣшительно отказался; и на судѣ, когда ему было предоставлено послѣднее слово, сказалъ только:

— У каждаго изъ васъ мать была. На Божію милость не разлучайте моихъ дѣтей отъ матери, а надо мною да будетъ Его святая воля!

Судъ приговорилъ выслать Голуба на Кавказъ, въ мѣста поселенія его единовѣрцевъ, а объ отнятіи дѣтей даже и рѣчи не было.

XI.

Марина Васильевна не знала ничего изъ волновавшихъ больницу событій; поздняя осень застала ее у кроватокъ двухъ старшихъ мальчиковъ, заболѣвшихъ скарлатиной. По распоряженію директора, была устроена строжайшая изоляція. Квартиру раздѣлили на двѣ не сообщающіяся половины. Утромъ изъ города пріѣзжалъ дѣтскій врачъ, говорилъ нѣсколько минутъ утѣшительныя, но ничего не обѣщающія слова и исчезалъ до слѣдующаго дня. И дни проходили безнадежные и хлопотливые, смѣнявшіеся безсонными ночами, полными смертельнаго страха и отчаянія. Иногда днемъ слышался звонокъ: это въ сѣни приносили съ той половины дома обѣдъ и чай. А ночью, когда всѣ въ больницѣ спали, и больныя дѣти затихали въ предутреннемъ снѣ, она выносила ведро съ карболкой далеко въ поле, чтобы вылить его въ канаву... Изъ буйныхъ отдѣленій неслись крики, заглушенные зимними рамами, и казались таинственными и страшными. А въ серебристой морозной дали между землею и мѣсяцемъ стлался бѣлый, непроглядный туманъ... Иногда, когда дѣти спали, она приникала ухомъ къ наглухо заклеенной двери и напряженно прислушивалась. Тамъ слышался смѣхъ,—и она ревниво думала, что тамъ смѣется женщина. Иногда плакалъ маленькій, и ей казалось, что онъ тамъ одинъ, покинутый всѣми. И сама она начинала плакать безсильными слезами одинокаго, брошеннаго существа.

Потомъ все, что было около больныхъ дѣтей, сложили въ полѣ въ высокій костеръ и сожгли. Поодаль стояли туннельныя

ребятишки и съ жадною завистью смотрѣли, какъ горятъ книжки съ картинками, и куклы въ красныхъ платьяхъ, и лошадки съ мочальными хвостами... Квартиру дезинфицировали, столовую вымазали бѣлой известкой, — семью соединили, а пропасть, разъединившая двѣ человѣческія души, стала еще глубже и непереходимѣе.

Послѣ Рождества у Марины Васильевны родилась дѣвочка, и жизнь этого ребенка встала стѣной между родителями. Константинъ Михайловичъ не могъ понять болѣзненной фанатической жажды материнства... Разъ Марина Васильевна видѣла водевиль, передѣланный съ французскаго: за сценой совершается великая тайна рожденія, а на сценѣ отецъ человѣка, грядущаго въ міръ, ухаживаетъ за разбитной повитушкой. Впечатлѣніе было отвратительное: словно кто-то оклеветалъ и изгадилъ человѣческую природу. Но французъ не клеветалъ: теперь она сама лежала обезсиленная перенесенными муками, а за стѣною отецъ ея дитяти хохоталъ съ молоденькой акушеркой, надзирательницей больныхъ.

— Да, вѣдь, она была прехорошенькая!—слышится его снисходительный голосъ...

О комъ это онъ?

— И коса какая чудесная,—до пояса,—говоритъ надзирательница.

Это—о ней: тамъ на столѣ—ея карточка, она снята съ мамой, съ Лизой... теперь обѣихъ нѣтъ, — обѣ умерли. Но какъ онъ смѣетъ!—И она не выдержала... Позвала его, о чемъ-то говорила, въ чемъ-то упрекала... Мужъ тоже вышелъ изъ себя... Была одна изъ гадкихъ сценъ, которыя переживаются въ семьяхъ „при закрытыхъ дверяхъ".

Потомъ настала болѣзнь. И одинъ и тотъ же мучительный бредъ преслѣдовалъ ея горячечное воображеніе: ей видѣлись сѣрые люди-кули. Горы сѣрыхъ мѣшковъ съ хлѣбомъ видѣла она когда-то вдоль линій желѣзныхъ дорогъ. Безумные люди въ такихъ же сѣрыхъ халатахъ проходили мимо нея по больничнымъ корридорамъ.

Теперь въ ея бреду эти люди-кули слились въ одно и двигались несмѣтной, нѣмой, безвольной толпой мимо нея все въ одну сторону, и молча сваливались въ огромную черную яму... Смотрѣть на это было страшно, и отъ ужаса она кричала... Теперь болѣзнь прошла. Молодую женщину охватывало невыразимо сладкое чувство физическаго благополучія... Шторы спущены. Вся комната полна бѣлаго, мягкаго, ровнаго свѣта. Плечи

ушли въ теплыя подушки, и каждый нервъ въ этихъ округлившихся плечахъ и въ упругой, налитой молокомъ, груди чувствуетъ необъятную радость жизни. А у груди, завернутая въ бѣлый тюфячокъ, спитъ дѣвочка... Дѣвочка! — одинокое, беззащитное существо! Жизнь научитъ тебя только одному: любить отца, братьевъ, каждую былинку... Потомъ станутъ просить твоей любви, ждать, требовать... А когда ты полюбишь, тебя бросятъ, какъ ненужную, использованную вещь.—„Я съ тобой, я всегда съ тобою!“ — прошептала молодая мать и припала губами къ влажному лобику ребенка... И если тамъ, на огородныхъ межахъ, или среди поля подъ зимними туманами, ей чудилась порою воля, достоинство женщины, человѣческія права,—то теперь надъ этой безпомощной головкой все ушло, уступивъ мѣсто безконечной жалости къ дочери, къ себѣ самой, къ женской долѣ.

Ножами я не рѣзана,
Иголками не колота,
Веревками не вязана...
Какого жъ счастья вамъ?

Вдругъ до нея долетѣлъ плачущій женскій голосъ.

— Кто тамъ у васъ?—спросила Марина Васильевна, когда на ея звонокъ вошла няня-Марійка.

— Голубиха Одарка третій разъ приходитъ. До васъ просится. А пускать панъ не казалъ.

— Позови сейчасъ сюда: я здорова.

Еслибы Марина Васильевна не знала, кто войдетъ на ея зовъ, она не сразу признала бы въ истомленной, блѣдной женщинѣ круглолицую Одарку. Щеки у нея отвисли желтыми, дряблыми мѣшками и дрожали, какъ у лягавой собаки на стойкѣ.

— Барынька-голубонька! — закричала она съ порога:—хоть вы на насъ, бѣдныхъ, оглянитесь!.. Какая же это цѣна — два рубля перезимованный улей! Муха одного сахару на пять рублей съѣла...

— Дарья! милая... Успокойтесь... Я ничего не понимаю,— просила Марина Васильевна, поднося руку къ головѣ, гдѣ опять почуялась въ затылкѣ тупая, мучительная, не покидавшая ее во все время болѣзни боль.

Дарья разсказала, что ей приходится спѣшно распродавать имущество, чтобы приготовиться къ отъѣзду съ первою партіей ссыльныхъ, въ которой пойдетъ Зиновій. А главное имущество—пасѣку въ пять ульевъ—за безцѣнокъ хочетъ купить больничная экономка. — Сами вы, барынька-голубонька, знаете: она, экономка—директорская“. Проти ней не то купить,—приступиться

никто не посмѣетъ. Огляньтесь хоть вы на насъ,—скажите, что „мой“ самъ вамъ продалъ.

Съ тревогой ожидала Марина Васильевна прихода мужа, чтобы упросить его купить Дарьину пасѣку.

Но съ перваго же слова она уже по лицу Константина Михайловича видѣла, что онъ не согласится.

— Я понимаю, какъ врачъ, что ты больна, а у нервнобольныхъ бываютъ разные капризы. Но будь настолько благоразумна, чтобы не портить окончательно моихъ служебныхъ отношеній. Тебя и такъ здѣсь считаютъ какой-то юродивой... И я тебѣ не мѣшаю! Бѣгай съ Томашевичемъ по огороду, пей чай съ дворниками... только и мнѣ не мѣшай жить нормальною жизнью, какъ всѣ люди живутъ. А чтобы помочь Голубу — на тебѣ деньги... Я даю послѣднія“.

Онъ положилъ на столикъ у кровати маленькую золотую монетку, и Марина Васильевна схватила и спрятала ее подъ подушку, точно боясь, что у нея отнимутъ.

А въ тотъ день, когда она въ первый разъ послѣ болѣзни вышла изъ дому, — на пчельникѣ у экономки собралась вся больница праздновать „маёвку“. Ульи стояли подъ молодыми, только-что посаженными яблонками; для защиты отъ вѣтра и солнца кругомъ пасѣки устроили изгородь изъ столбовъ и соломенныхъ матъ. Гости, сидѣвшіе на разостланныхъ по землѣ коврахъ, пили и смѣялись,—а батюшка, захвативъ подрясникъ въ колѣни, перебѣгалъ отъ улья къ улью, чтобы заглянуть, хорошо ли прилажены летки.

Огородъ доктора Подгайнаго, только-что поднятый подъ новый посѣвъ, желтѣлъ комьями жирнаго суглинка. Въ дальнемъ углу надъ обрывомъ чуть зеленѣли молодыя, посаженныя съ осени деревца: бѣлыя акаціи съ круглыми, прозрачными, точно стеклянныя бусы, листочками,—клейкій, пахучій тополь, — яблонки, на вѣткахъ которыхъ краснѣлъ розовый цвѣтъ. Но цвѣсти имъ нельзя: деревцо погибнетъ, если дастъ плодъ. И она обрывала красныя, круглыя почки, а въ ея глазахъ стояли слезы. Оба сосѣдніе огорода лежали пустырями: по огороду Голуба бродили коровы, а вокругъ зеленаго амшаника толпились подвальныя дѣти и скатывались съ него съ громкимъ хохотомъ, сверкая на солнцѣ голыми, блѣдными, не успѣвшими загорѣть руками и ногами.

Томашевича въ больницѣ не было...

Онъ вернулся на нѣсколько дней, чтобы получить отставку и проститься съ сослуживцами. Проводы его были веселые. Первый разъ въ квартиру одинокаго доктора-чудака пришли люди,

прожившіе съ нимъ два года и не знавшіе ни его самого, ни его домашней жизни. И странное впечатлѣніе производили на нихъ почти пустыя комнаты докторской квартиры, занятыя незнакомыми предметами: здѣсь были саженныя лыжи, невиданныя на этой безснѣжной окраинѣ; лодка-каякъ, съ придѣланными къ ней вязовыми колесцами; медицинскія принадлежности, необходимыя при уходѣ за слабыми больными... и все это сработано собственными руками жившаго особнякомъ доктора. Онъ даралъ гостямъ, что кому нравилось, и, сразу захмелѣвши съ непривычки къ вину, болталъ безъ умолку.

— Вотъ и конецъ! Вотъ и баста! Закрываю медицинскую лавочку. Продавать врачеванье,—это та-жъ симонія: продажа благодати; покупающій въ нее не вѣритъ, а продающій стыдится. Кончилось мое дипломное рабство!

— Развѣ и отъ частной практики откажетесь?

— Отъ практики откажусь, а лечить буду, только такъ, своимъ средствомъ: зелья поищу въ лѣсу да въ болотѣ.

— Ну, а taxa laborum?

— Отрицаю! Пойду въ болото зелье искать и буду его варить въ своей берлогѣ.

— А берлогу гдѣ себѣ уготовали?

— Еще невѣдомо: какъ приблудные цари въ древности,— пущу впереди себя корову, собаку или какого ни есть скота,— а гдѣ онъ на отдыхъ ляжетъ,—тамъ и мнѣ отдыхъ!.. Я его заслужилъ!.. Я пятнадцать лѣтъ не покладая рукъ работалъ. Я проживалъ по двѣсти рублей въ годъ... Знаете ли вы, господа, какая это жизнь! Я самъ шилъ себѣ пиджакъ,—а тысячу рублей въ годъ откладывалъ, чтобы купить имѣніе... т.-е. не имѣніе, а свободу... Вы слышите, какъ звучитъ это слово „свобода“?.. Нѣтъ! Вы не можете: вы не слышали, какъ ржавый засовъ скрипитъ...

— Какой засовъ?

— Тамъ, далеко! Я, вѣдь, родился въ пересыльной тюрьмѣ: мать шла за отцомъ въ Нерчинскъ... Это былъ 63-й годъ. Въ Нерчинскѣ она пироги пекла и колбасу съ кашей тоже... жарила.—Ну, каждое утро мы съ ней къ тюрьмѣ шли. И засовъ скрипѣлъ... У матери разбирали ея товаръ, а на мою голову ложились заскорузлыя ласковыя руки, и маленькаго Іоську передавали съ плеча на плечо, пока онъ не доходилъ до высокаго блѣднаго человѣка... Да! У моего отца было прекрасное лицо! Такія лица природа творитъ, когда нужна жертва за грѣхъ міра... Ну, а я нѣтъ... Я ни ногами, ни носомъ не вышелъ. А

вотъ сибирскимъ плантаторомъ буду. Куплю плантацію и буду... А можетъ судьба мнѣ и каторжаночку пошлетъ.

— Ну, не высока же ваша мечта!..

— Недосягаема, — какъ и всякая мечта. А я вотъ что надумалъ:—эпически женюсь! Возьму, пущу стрѣлу,—и куда она попадетъ...

— А если въ болото?

— И всенепремѣнно въ болото... При всякой женитьбѣ такъ полагается...

Всѣ разошлись. Въ темныхъ сѣняхъ хозяинъ прощался съ женою доктора Подгайнаго.

— А грабельки эти я нарочно для васъ приберегъ: видите — изъ цѣльной полосы и зубья винтомъ загнуты... Хорошо рядовой посѣвъ дѣлать, — петрушку, морковь... Лукъ рыхлить... молодой пока... пока перо не подымется...

Онъ чувствовалъ, что говорить больше не о чемъ, и, взявъ ея холодныя, дрожащія руки, закрылъ ими глаза, и сквозь тонкіе ея пальцы текли слезы печальнаго, одинокаго, захмелѣвшаго человѣка.

XII.

Дарья Голубова со дня на день ждала отправки. У нея отняли комнату, но, боясь истратить лишній грошъ, она ютилась по темнымъ угламъ туннеля, около калориферовъ, стараясь не попадаться на глаза больничному начальству. Только Настя, похудѣвшая, всклокоченная, съ лицомъ, почернѣвшимъ отъ угольной пыли, два раза въ день приходила за обѣдомъ и ужиномъ на кухню доктора Подгайнаго и на всѣ вопросы объ отцѣ угрюмо твердила: „У мучителей въ темницѣ“.

Разъ утромъ, въ концѣ мая, Марійка, пришедшая взять дѣвочку, сказала:—Одарка прощаться приходила. Ото голосила! Такъ ее полицейскій подъ руки и ведетъ...

— Куда ведетъ?..

— Въ острогъ. Сегодня выгоняютъ...

— Выгоняютъ! Какъ скотину...—Марина Васильевна соскочила съ кровати и заметалась по комнатѣ, сваливая безъ толку въ узелъ все, что попалось подъ руку: свою кофточку, дѣтскіе сапожки, булку со стола. Она чувствовала, что ей надо быть тамъ, на другомъ концѣ города, около тѣхъ, кого выгоняютъ... До острога было нѣсколько верстъ. А извозчика можно встрѣтить только въ городѣ. Она почти бѣжала по пѣшеходной тропинкѣ

у канавы, когда за нею послышалась одноколка, въ которой ѣхалъ Карпей-почтарь. Ѣздить въ его телѣжкѣ кому бы то ни было запрещалось; но теперь было не до директорскихъ запрещеній. Молодая женщина перебѣжала на дорогу и заговорила:

— Карпей! пожалуйста... я заплачу... мнѣ только до извозчика.

— Мнѣ что-жъ! — угрюмо сказалъ Карпей, косясь на барынинъ узелъ и давая ей мѣсто на сидѣньи.

Лошадь побѣжала шибко. За телѣжкой лѣниво курилась прибитая росою пыль.

Марина Васильевна смотрѣла на сердитое, отвернувшееся отъ нея лицо своего возницы и чувствовала, что она глубоко, до боли ненавидитъ этого бѣлёсаго человѣка-звѣря.

„Тьма... власть тьмы“... — мелькало у нея въ головѣ, и тутъ же съ безпощадною силою выросла ясная мысль: „А бѣшеныхъ собакъ изъ-за угла бьютъ“. И Карпей словно почувствовалъ тяжелый, ненавидящій взглядъ барыни:

— Извозчикъ Левонъ выѣзжаетъ,—сказалъ онъ, тыча кнутовищемъ въ ближайшій переулокъ.

Ворота острога были широко открыты. Далеко впереди слышался перезвонъ кандаловъ и сливался въ странную, звенящую, надрывающую душу мелодію, въ которую острыми иглами вонзались дикіе крики голосившихъ бабъ. За острогомъ на площади собирался базаръ и на узенькомъ мостикѣ между площадью и проѣзжей дорогой перепутались возы арестантской партіи и базарнаго люда. Возы, лошади, дуги и налыгачи мелькали въ общей путаницѣ, надъ которою носились пѣвучая малорусская рѣчь и тяжелая россійская брань. И среди этой толпы на высокомъ возу Марина Васильевна увидѣла строгое и гнѣвное лицо Голубовой Насти,—и бросилась туда. Она что-то обѣщала, о чемъ-то просила, обнимала дѣтей. И вдругъ, снявъ съ себя крестъ на цѣпочкѣ, торопливо надѣла его на шею „Ванькѣ-нѣхристю“:—„Носи! хорошій будь... на отца будь похожъ!“—шептала она, крестя ребенка.

Передъ ней выросъ офицеръ въ конвойной формѣ.

— Извините, сударыня! Безъ особаго разрѣшенія свиданія съ партіей не разрѣшаются, — сказалъ онъ вѣжливо и рѣшительно. И возы двинулись по дорогѣ за замиравшимъ вдали кандальнымъ звономъ...

XIII.

Жизнь въ больницѣ пошла обычнымъ чередомъ. О штундистѣ забыли. Только Карпей, лишенный своего воскреснаго развлеченія, все чаще напивался до пьянаго бѣшенства, ища въ водкѣ сна и забвенія. Доведя себя до безумнаго раздраженія, онъ таскалъ за косы свою бабу, вымещая на ней нанесенныя когда-то ему обиды, и выкрикивалъ: „Кайся, еретичка, кайся, штунда-проклятая! Знаю, что ты перешла въ ихнюю змѣиную вѣру".

Но баба не каялась, а только выла, а потомъ хрипѣла... И разъ послѣ побоевъ она въ углу родила маленькаго, жалобно пищавшаго мальчика.

Батюшка окрестилъ его Ѳеодоромъ, а Карпею сказалъ, что не допуститъ его до причастія, если онъ не перестанетъ увѣчить жену... Съ этого дня баба перестала по праздникамъ выть; но зато до батюшки дошли богохульныя и нелѣпыя Карпеевы рѣчи... И неизвѣстно, чѣмъ бы онѣ кончились, еслибы не одинъ случай, послужившій причиною удаленія Карпея изъ больницы. Разъ на разсвѣтѣ онъ столкнулся съ директоромъ въ корридорѣ служебнаго корпуса.

— Ты откуда это?!—грозно крикнулъ на него директоръ.

— Оттуда, откуда и ты,—нагло отвѣтилъ почтарь.

— Какъ ты смѣешь?!—но вмѣсто крика у директора вырвался хрипъ:—Я тебя...

— Ни ты меня, ни я тебя... Не отъ *твоей* иду, — отъ своей.

На эту сцену изъ своей квартиры выглянулъ смотритель, и Карпей, смѣтивъ, что при свидѣтеляхъ съ директоромъ браниться опасно, мигомъ прикинулся пьянымъ: заплелъ нога за ногу и пошелъ тыкаться носомъ въ стѣны. Но хитрость не помогла. И въ тотъ же день швейцаръ Георгій былъ возвышенъ въ званіе почтаря, а Карпей разсчитанъ, при чемъ изъ его жалованья казна удержала за всю разбитую имъ при перевозкѣ изъ города посуду, за всѣ потерянныя лошадью подковы, — за каждый порванный ремень въ сбруѣ. Всю ночь онъ пилъ. Но желаннаго хмеля не было... Небо за рѣкою потемнѣло и на немъ сверкала одинокая, большая звѣзда: разсвѣтетъ скоро. Карпей вылѣзъ изъ окна, перебѣжалъ длинною черною тѣнью черезъ дорогу и исчезъ въ высокой кукурузѣ на огородахъ. Онъ бѣжалъ согнувшись, и свѣтлое пятно его рубахи то мелькало въ

темной картофельной ботвѣ, то опять пропадало подъ высокимъ кукурузникомъ. Черезъ нѣсколько минутъ пронзительный и жалобный сигнальный свистокъ разбудилъ всю больницу: среди огородовъ ровнымъ прямымъ столбомъ взвилось яркое пламя, развѣвая по вѣтру длинное знамя чернаго дыма, въ которомъ неслись мріады вспыхивающихъ и гаснущихъ искръ. Въ отдѣленіяхъ больные заметались отъ обуявшаго ихъ ужаса; врачи, растерянные, полуодѣтые, бросились въ больничные корридоры, останавливая безпорядочно бѣгущихъ служанокъ и служителей. Большой бѣды пожаръ, впрочемъ, не сдѣлалъ. Убытокъ отнесли на счетъ казны, такъ какъ оказалось, что пасѣка была собственно казенная, пріобрѣтенная для опытовъ пчеловодства. Виноватаго въ поджогѣ не разыскивали: мѣсто было бойкое, а солома матеріалъ горючій, — кто-нибудь нечаянно спичку кинулъ. И Карпей съ плачущей бабой и жалобно пищавшимъ ребенкомъ канулъ въ необъятное человѣческое море, унося съ собою свои мятежныя рѣчи.

Широкій пустырь надъ Веселкой покрылся молодымъ садомъ. Могучая южная земля выростила бѣлую акацію и стройный тополь, которые до оконъ прикрыли унылыя, голыя стѣны больницы. Весною и лѣтомъ они посылали въ эти окна свой ароматъ, а въ длинную осеннюю непогоду льнули къ мокрымъ стѣнамъ, точно прося у нихъ защиты отъ буйнаго, налетѣвшаго со степи вѣтра. На огородѣ доктора Подгайнаго разрослась бесѣдка изъ акацій и сирени, въ которой цѣлый день слышатся стукъ швейной машинки и дѣтскій щебетъ... Старшій мальчикъ, уже въ гимназической курточкѣ, сидя надъ обрывомъ, читаетъ сказочку Андерсена о бѣдномъ маленькомъ бѣсенкѣ-домовомъ, который съ одинаковою нѣжностью любитъ и чудную книгу пѣсенъ, и размазню со сливочнымъ масломъ... Далеко, за рѣкою послышался свистъ локомотива. Но теперь онъ не звалъ Марину Васильевну никуда: онъ ей напомнилъ только, что дѣтямъ пора молоко пить. И когда они убѣжали шумною стайкой, она сложила работу и встала. Вечернія тѣни легли за рѣкой: по лугу бѣлымъ пятномъ бродилъ запоздалый аистъ и шевелилъ носомъ стоящую болотину; у лѣса, на томъ берегу большой рѣки, прошли двѣ темныя тѣни: она узнала мужа и надзирательницу — и отвела глаза въ другую сторону. Вдругъ вѣтки сирени раздвинулись, и изъ нихъ выступила бѣлая женская фигура, — неслышно, — словно уже давно стоитъ здѣсь и ждетъ только, пока ее увидятъ.

— Что̀ вамъ?—тревожно спросила Марина Васильевна.

— Вѣсточка къ вамъ... отъ нашихъ, съ Кавказу, — тихо сказала женщина и положила на столъ большой сѣрый четыреугольный конвертъ.

Марина Васильевна силилась вспомнить, гдѣ она видѣла эту женщину, и вдругъ передъ нею выплылъ изъ прошлаго унылый, далекій звонъ кандаловъ.

— Вы со мною Голуба провожали?—спросила она.

— Такъ именно. Тутышніе мы: мужъ на вокзалѣ слесаремъ служитъ.

И она шагнула назадъ и исчезла въ темной рамѣ кустовъ.

На краю большого листа почтовой бумаги, въ видѣ штемпеля, было изображеніе эчміадзинскаго храма, а вокругъ него надпись: „Богъ не въ рукотворномъ храмѣ живетъ“. А дальше слѣдовалъ текстъ письма: „Зиновій, рабъ Бога и Господа нашего Іисуса Христа, привѣтствуетъ васъ съ мужемъ и дѣточками вашими, по Христу и по Духу какъ родную сестру, любовію Господа нашего Іисуса Христа. И еще извѣщаю я васъ, что живемъ мы, слава Богу, хорошо. Привелъ меня Господь къ братьямъ моимъ, больше за 500 человѣкъ тутъ было, и не имѣя себѣ учителя, избрали меня толковать Слово по силѣ моей. Да пребудетъ съ вами любовь Господня во вѣки! Братіе! съ великою радостью принимайте скорби и печали и познайте истину: истина сдѣлаетъ васъ свободными“...

Между тѣмъ, стало совсѣмъ темно... Буквы письма сливались... На небѣ одна за другою засверкали звѣзды, и отъ нихъ на землю какъ будто повѣяло всепрощеніемъ и миромъ...

С. Караскевичъ-Ющенко.

ДОВОЛЬНО!..

Недавно, словно громъ, съ общественныхъ вершинъ
За благо общее пронесся возгласъ бурный...
Но возмущенный рабъ—еще не гражданинъ;
Широкій замыселъ онъ свелъ къ заботѣ шкурной!
Возникла худшаго насилія пора:
И власть гнететъ грубѣй, чѣмъ въ прожитые годы;
И все лютѣе рать насильниковъ добра
И грозныхъ деспотовъ свободы.

Вы, люди крайніе враждующихъ сторонъ,
Невѣроятныхъ дѣлъ безумныя причины!
Вѣдь беззаконіе нельзя возвесть въ законъ,
Вѣдь судъ низвесть нельзя до бойни для скотины.
Довольно! говоримъ обѣимъ сторонамъ.
Насилій, грабежей, убійствъ не перечислить!
Ужъ всѣ убѣждены давно, что легче вамъ
Громить и убивать, чѣмъ мыслить.

Вы, люди „русскіе"! Упреки вамъ не въ томъ,
Что вы простерты ницъ предъ царственнымъ подножьемъ;
Но что смѣшали вы въ ученіи своемъ
Съ религіей кулакъ и кесарево съ Божьимъ.
Коль вы отъ русскаго устройства головы—
Враги свободъ, и правъ, и умственнаго роста—
Изъ русскихъ истинныхъ людей, о, еслибъ вы
Людьми сподобились быть просто!

Странѣ, гдѣ нѣтъ ни правъ, ни власти, ни суда,
И предъ восточною деспотіей неловко.

Притихли стачки всѣ рабочаго труда;
Лишь длится разума и чести забастовка.
Довольно! Ужасъ, кровь, безнравственности грязь...
Вотъ то, что обрѣла отчизна въ праздномъ бунтѣ.
Познайте же себя и, честно возмутясь,
На то, чѣмъ вы гордились,—плюньте!

Такъ, свято чтя завѣтъ сороковыхъ годовъ,
Людей мы, старики, старинной мѣрой мѣримъ.
Охрану мы блюдемъ гражданственныхъ основъ
И въ достиженье благъ лишь чрезъ свободу вѣримъ.
Мы независимы и никому не льстимъ.
Мы тщимся такъ служить родному намъ народу,
Чтобы добыть ему насиліемъ ничьимъ
Не оскверненную свободу.

Воспрянемъ, гражданe, мышленьемъ и душой!
Настроимся честнѣй, добрѣе, выше, шире!
Пусть нами созданный отчизны новый строй
Предстанетъ навсегда благимъ явленьемъ въ мірѣ.
О, гражданe! насъ ждетъ потомства приговоръ.
Онъ—не пристрастная враждующихъ расправа.
Воздастся праведно намъ всѣмъ: кому—позоръ;
Кому—признательность и слава.

Алексѣй Жемчужниковъ.

7-го декабря, 1906.
Тамбовъ.

МАНЧЖУРСКІЕ ОЧЕРКИ

Личныя наблюденія и замѣтки.

I.

...На невысокомъ холмѣ, надъ спускомъ къ ручью, тамъ, гдѣ дорога съ глубоко выбитыми колеями дѣлаетъ крутой поворотъ, стояла небольшая китайская кумирня.

Сѣрые кирпичи разнообразныхъ оттѣнковъ были сложены въ четырехгранный столбъ; конекъ сѣрой черепичной крыши изогнулся и поднялъ концы вверхъ; на углахъ извивались и гримасничали драконы.

Въ южной стѣнѣ полукруглая арка открывала внутренность святилища. Тамъ было пусто и заброшенно. Обломки кирпичей посерединѣ смутно говорили о пьедесталѣ невѣдомаго божества.

Кѣмъ воздвигнута эта кумирня, когда, зачѣмъ? Чей набожный внимательный трудъ укладывалъ камни на камни; чье возбужденное, напуганное больное воображеніе изгибало драконовъ въ страшныя причудливыя кольца; чья тихая молитва, чья робкая надежда чуть замѣтно изогнули конекъ крыши и чуть замѣтно приподняли концы его къ небу?

Чья грубая рука потомъ осквернила святилище, святотатственно унесла бога изъ уготованнаго ему жилища, разметала камни его подножія, оставивъ обломки, пыль и прахъ, и то, что ужаснѣе пустоты—запустѣніе?

Легко, беззвучно, быстрой дѣловой походкой, словно синія тѣни, проходитъ мимо веренница китайцевъ, и ни одного взгляда въ сторону кумирни, ни одного движенія, вызваннаго ею.

Имъ ее не нужно; она не вошла въ ихъ жизнь близкимъ, дорогимъ, необходимымъ звеномъ.

Кто же поставилъ эту кумирню здѣсь на холмѣ, надъ спускомъ къ ручью, здѣсь, гдѣ дорога съ глубоко выбитыми колеями дѣлаетъ крутой поворотъ; и когда онъ поставилъ?

Можетъ быть, въ тѣ далекіе дни, когда еще дышала дѣтской вѣрой эта дряхлая, застывшая, немѣняющаяся страна? Когда? Сколько вѣковъ тому назадъ?

Можетъ быть, ее построилъ и недавно тотъ одинокій мечтатель, тотъ поэтъ религіознаго созерцанія, безъ котораго не могъ бы жить ни одинъ, даже самый положительный народъ; построилъ онъ и вложилъ въ камни и любовный искупительный трудъ, и воображеніе, трепещущее передъ величіемъ божества, и робкую молитву, робкую—потому что одинокую.

Полукруглая арка, открывающая „мерзость запустѣнія“ святого мѣста, смотритъ теперь тупо и уныло, точно слѣпой глазъ, на прихотливые изгибы ручья, на легкій деревянный мостъ, на рядъ тощихъ деревьевъ, на безконечность волнистыхъ полей противоположнаго берега.

Ночь на новый годъ была тихая, теплая, звѣздная.

Вдоль темныхъ улицъ, убѣгая вдаль, тускло мигали шеренги фонарей. Было безмолвно и пустынно. Изрѣдка только показывался гдѣ-нибудь большой бѣлый фонарь, двигался, исчезалъ,—то запоздалый китаецъ возвращался домой.

Встрѣчаютъ Новый Годъ также въ семьѣ, у домашняго очага. Къ этому дню въ домахъ все прибрано, почищено; расклеенныя повсюду полосы красной и желтой бумаги съ причудливыми іероглифами придаютъ жилищу праздничный, нарядный видъ. Кто побогаче, украсилъ и дворъ передъ фанзой.

Черезъ огромныя высокія ворота я вхожу на одинъ изъ такихъ дворовъ передъ домомъ богатаго купца. Хорошо знакомый дворъ неузнаваемъ. Выросли какія-то бесѣдки, галереи, сквозныя загородки. Матеріалъ самый простой—колья, циновки, пестрая бумага, жгуты изъ полотнищъ пестрой матеріи, стебли гаоляна. Но сколько тщательной, кропотливой работы; какъ много желанія сдѣлать все красивѣе, нарядней, изящней.

Впереди двора изъ циновокъ и гаоляна сооружено что-то вродѣ маленькой кумирни. Здѣсь, на высокомъ столѣ, передъ изображеніями обожествленныхъ предковъ разставлены всевозможныя яства — огромная вареная свиная голова, курицы, чашки съ лапшой, съ кашей, съ различными кушаньями китайской

кухни; посреди, въ чугунномъ сосудѣ, воткнутыя въ песокъ, медленно тлѣютъ и дымятъ голубымъ дымомъ тонкія курильныя палочки.

А вездѣ вокругъ свѣтятъ и пестрятъ десятки фонарей — большихъ, маленькихъ, круглыхъ, четырехгранныхъ, всевозможныхъ формъ, цвѣтовъ, величинъ. И вездѣ вокругъ — на фонаряхъ, на циновкахъ, на стѣнахъ—вездѣ, вездѣ — ярко выступаютъ красивые фантастическіе гіероглифы. И они соединяются въ извѣстныя, установленныя обычаемъ, освященныя вѣками сочетанія, въ пожеланія счастья и долголѣтія, въ предсказанія цвѣтущаго здоровья и неизмѣнныхъ успѣховъ.

И какъ-то весело становится на душѣ отъ всего этого свѣта, этой пестроты и яркости, отъ этихъ изгибовъ густыхъ черныхъ и золотыхъ линій, сулящихъ такъ много хорошаго.

На большой улицѣ тихо, темно и безлюдно. И я захожу еще въ одинъ большой дворъ направо, гдѣ помѣщается полицейское управленіе. Здѣсь почти то же. Почти тѣ же постройки, возведенныя на нѣсколько дней тщательной, заботливой рукой. Только фонарей здѣсь, кажется, еще больше и формы ихъ еще разнообразнѣе, фантастичнѣе, да между воротами и кумиренкой выросла въ одинъ день цѣлая аллея молодыхъ сосенъ, привезенныхъ сюда издалека.

Нѣсколько солдатъ въ красныхъ курмахъ, съ большими темно-синими косынками, по-бабьи завязанными вокругъ головы, бѣгутъ докладывать о моемъ приходѣ.

Быстрой походкой выходитъ изъ большой фанзы полиціймейстеръ—высокій, видный, красивый, еще совсѣмъ молодой человѣкъ. Онъ привѣтливо улыбается, вспоминая, что мы „шибко знакомы“, т.-е. встрѣчались два-три раза, два-три раза освѣдомлялись о здоровьи. И радушнымъ жестомъ онъ приглашаетъ меня въ фанзу.

Но я помню, что уже двѣнадцатый часъ; я знаю, что Новый Годъ долженъ быть встрѣченъ въ тѣсномъ домашнемъ кругу; и я спѣшу уйти, сказавъ, что зашелъ только на минутку, привлеченный нарядньмъ видомъ двора.

Полиціймейстеръ нѣсколько разъ благодаритъ меня и за то, что я зашелъ, и за то, что я похвалилъ убранство. Онъ провожаетъ меня до воротъ и проситъ придти къ нему завтра. И высокія тяжелыя ворота закрываются за мною.

На улицѣ пустынно и темно; вереницы желтыхъ, тускло мерцающихъ точекъ убѣгаютъ вдаль, теряются вдали. Большіе фонари не кользятъ больше вдоль темныхъ стѣнъ. Ворота и двери заперты.

На улицѣ тихо. Но изъ-за высокихъ каменныхъ стѣнъ поднимается какой-то неясный шорохъ, шопотъ жизни; чувствуется, что тамъ, въ разукрашенныхъ дворахъ, въ праздничныхъ фанзахъ происходитъ что-то важное и значительное.

Тамъ китайцы встрѣчаютъ свой Новый Годъ.

Церемонія встрѣчи, древняя, тысячелѣтняя церемонія, проста и величественна.

Ровно въ полночь вся семья, слуги, работники, приказчики—всѣ объединенные однимъ общимъ главой, однимъ общимъ домашнимъ очагомъ—выходятъ на дворъ фанзы. Одежда праздничная, лица сосредоточенныя, движенья медленны и важны.

Глава семьи выступаетъ впередъ, поднимаетъ глаза къ небу; произноситъ отъ вѣка установленную молитву самому главному богу—богу Неба. И всѣ окружающіе смотрятъ вверхъ и про себя повторяютъ молитву.

Потомъ глава семьи опускается на колѣни и трижды кланяется въ землю другому могучему богу—богу Земли. И опять произноситъ короткую молитву, которая повторяется уже въ эту ночь многія тысячи лѣтъ.

А всѣ окружающіе дѣлаютъ земные поклоны и про себя повторяютъ молитву.

Послѣ молитвъ богамъ Неба и Земли, молятся обожествленнымъ душамъ предковъ. И совершаютъ жертвоприношенія; и возжигаютъ куренія.

Глава семьи, выступающій въ роли жреца, посредникомъ между богами и людьми, кажется въ эту торжественную минуту необычнымъ, преображеннымъ, озареннымъ лучами божественности. И въ то же время близкимъ,—своимъ. Снова завязана древняя, многотысячелѣтняя связь между небомъ и землей.

И тотъ, кто связалъ ее—этотъ, еще часъ тому назадъ самый обыкновенный старикъ—движется теперь медленными, важными, немного неестественными, немного деревянными движеніями. И его одежда праздничная, новая, еще не привыкшая къ обычнымъ изгибамъ, напыщенно топорщится, какъ у боговъ на старинныхъ, споконъ-вѣка неотмѣняемыхъ, изображеніяхъ.

Потомъ входятъ въ фанзу, садятся за столъ. Трапеза совершается въ тишинѣ и торжественности,—на столъ подаются жертвенныя кушанья, запахъ которыхъ вкушали боги. И связь неба и земли, уже завязанная въ духѣ, завязывается во плоти. Медленно, значительно, въ тишинѣ и торжественности проходитъ трапеза новогодней вечери.

На длинныхъ ночныхъ улицахъ темно, безлюдно и тихо.

Только фонари тускло мигаютъ, убѣгая во тьму, только изъ-за стѣнъ поднимается неясный шорохъ, шопотъ, трепетъ жизни.

Но вотъ гдѣ-то скрипнули ворота, гдѣ-то раздались быстрые шаги; во мракѣ засвѣтились и задвигались большіе фонари, бѣлые и красные; по ночнымъ улицамъ заскользили тѣни...

Новый Годъ былъ встрѣченъ у домашняго очага. Могучіе и великіе боги Неба и Земли, обожествленныя души предковъ получили и шопотъ молитвъ, и дымъ куреній. Но есть еще много, много боговъ, о которыхъ нужно вспомнить въ первыя минуты Новаго Года: добрыхъ—расположить къ себѣ, злыхъ—отогнать прочь. Дальнія кумирни были посѣщены днемъ наканунѣ. Ближнія посѣщаются новогоднею ночью. По ночнымъ улицамъ скользятъ безшумныя тѣни; изъ мрака выплываютъ, растутъ, колеблются большіе фонари—бѣлые и красные.

Кумирни открыты и освѣщены. Передъ огромными страшными изваяніями боговъ, въ чугунныхъ чашахъ медленно тлѣютъ курильныя палочки. Китайцы входятъ и ставятъ новыя палочки въ замѣнъ догорѣвшихъ; и кланяются быстрыми-быстрыми поклонами.

А у дверей, на улицѣ стоитъ, въ ожиданіи своихъ хозяевъ, цѣлая толпа огромныхъ фонарей—красныхъ и бѣлыхъ; тонкая шолковая матерія освѣщена изнутри; рѣзко выдѣляются очертанія наклеенныхъ на фонари іероглифовъ. Словно лучезарныя яйца какой-то гигантской сказочной птицы, лежатъ на землѣ у дверей кумирни пестрые фонари.

Скрипятъ большія, тяжелыя ворота. Нѣсколько фонарей выплываютъ изъ мрака и движутся, и качаются; по землѣ скользятъ свѣтлыя пятна; сзади колышутся человѣческія тѣни. Безшумно, быстрымъ шагомъ идутъ на ближайшій перекрестокъ улицъ. Фонари поставлены на землю. Человѣческія тѣни наклонились; положили на камень нѣсколько листовъ смятой бумаги, облили ее ханшиномъ — рисовымъ спиртомъ. Кто-то всталъ на колѣни, раздулъ тлѣвшій фитиль, поднесъ комъ бумаги.

Вспыхнуло веселое голубоватое пламя; на освѣтившейся стѣнѣ сосѣдняго дома закачались огромныя безформенныя тѣни. Обрывки человѣческихъ фигуръ вырвались изъ мрака — блѣдное строгое лицо, полы синяго шолковаго кафтана, нѣжныя, нерабочія руки съ длинными ногтями.

И въ блѣдномъ дрожащемъ свѣтѣ человѣческія фигуры завигались однимъ движеніемъ—наклонялись и выпрямлялись въ быстрыхъ-быстрыхъ поклонахъ. На стѣнѣ безформенныя тѣни катались, падали, уходили во мракъ.

Маленькій костеръ догорѣлъ; тлѣющіе лоскутки бумаги катились по землѣ. И опять закачались фонари, побѣжали по землѣ свѣтлыя пятна, опять заколыхались человѣческія фигуры. И на другомъ перекресткѣ, въ другую сторону отъ дома запылалъ маленькій костеръ.

Оба перекрестка улицъ, вправо и влѣво, были освящены и очищены огнемъ. Ничего дурного, ничего нечистаго не могло пройти черезъ эти перекрестки и проникнуть въ жилища.

Но злые духи хитры и ловки. Они могутъ пройти и безъ дорогъ; въ первый день Новаго Года они могутъ забраться въ фанзу, на дворъ, и тамъ свить себѣ прочное гнѣздо на весь годъ.

Шумъ вызываетъ страхъ. Надо шумомъ устрашить злого духа; пусть испуганный онъ бѣжитъ далеко отъ фанзы и за весь годъ не пытается проникнуть въ нее.

И вотъ начинается пальба хлопушками. Уже задолго до праздника вездѣ на всѣхъ улицахъ продаются огромныя гроздя, сплетенныя изъ небольшихъ бумажныхъ патроновъ, начиненныхъ порохомъ. Въ бѣдныхъ домахъ патроны жгутъ по одному; въ богатыхъ вѣшаютъ на жерди цѣлую гроздь, и выстрѣлъ слѣдуетъ за выстрѣломъ, пока выпалятъ всѣ хлопушки.

Страшная пальба начинается по всему городу. Со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ дворовъ летятъ короткіе, рѣзкіе звуки; барабанятъ, какъ градъ по стеклу, сбиваются, сливаются въ какой-то дикій хаосъ, въ сплошной ревъ, гдѣ уже нельзя отличить отдѣльныхъ звуковъ; и потомъ замираютъ, удаляясь, разбѣгаясь куда-то, и вспыхиваютъ вдругъ съ неожиданной силой, вотъ-тутъ совсѣмъ близко, надъ самымъ ухомъ. Надъ городомъ, въ темномъ ночномъ небѣ прямолинейно и быстро носятся черные звонкіе шары; они сталкиваются, отскакиваютъ другъ отъ друга, и снова летятъ, и снова сшибаются. И ихъ такъ много, и они летятъ такъ быстро, что, кажется, они покрыли все небо, заволокли всѣ звѣзды.

Надъ ночнымъ городомъ стоитъ оглушительная трескотня хлопушекъ.

А на разсвѣтѣ, взамѣнъ этой музыки, начинается другая—битье въ гонги, въ барабаны, въ тарелки, въ глиняные горшки, во что попало, только бы сдѣлать побольше шума, только бы подальше отогнать хитрыхъ злыхъ духовъ.

Такъ встрѣчали Новый Годъ въ китайскомъ городѣ, гдѣ мнѣ пришлось проживать.

II.

У китайцевъ много есть боговъ и на небѣ, и на землѣ — великихъ, могучихъ боговъ.

Но самымъ близкимъ китайцу, самымъ интимнымъ, самымъ нужнымъ навсегда останется Лау-дью-и—богъ домашняго очага.

Онъ живетъ въ серединѣ каждой фанзы, въ небольшой проходной комнатѣ, откуда ведутъ три двери—одна на дворъ, двѣ другія—направо и налѣво—въ мужскую и женскую комнаты. Здѣсь же, на большой печкѣ въ углу готовятъ обѣдъ.

Когда-то, давно-давно—этого не помнятъ самые старые изъ старыхъ людей, но это хорошо помнитъ Лау-дью-и, потому что онъ живетъ съ людьми съ тѣхъ поръ, какъ живутъ люди,—когда-то очень давно вся жизнь семьи была здѣсь, около домашняго очага. Но потомъ люди стали другіе: и фанзы стали больше, и люди наставили перегородки справа и слѣва, и кое-что изъ жизни людей стало проходить уже тамъ, за перегородками, въ этихъ отдѣленныхъ комнатахъ.

Но старый богъ остался на старомъ мѣстѣ. Все-таки онъ въ самомъ центрѣ домашней жизни. У большой печки въ углу цѣлый день заняты члены семьи,—здѣсь варится обѣдъ, кипятится чай. Тутъ же обѣдаютъ; тутъ же подолгу сидятъ у огня. Сюда открываются всѣ три двери фанзы; и ни одинъ входъ, ни одинъ выходъ не укроются отъ бога. А если кое-что и дѣлается и говорится направо и налѣво, въ отгороженныхъ комнатахъ—все это такъ близко, перегородки изъ стеблей гаоляна такъ тонки, что богъ и на своемъ старомъ мѣстѣ слышитъ все, знаетъ все, внимательно слѣдитъ за жизнью всего дома.

Въ стѣнѣ сдѣлана небольшая ниша; въ эту нишу поставлена доска; къ доскѣ приклеено изображеніе бога,—приклеено осторожно, полосками красной бумаги, такъ, чтобы можно было снять изображеніе, не разорвавъ его. И старый сѣдой старецъ, съ огромнымъ лысымъ черепомъ, съ длинными свисшими усами и рѣдкой длинной бородой—сидитъ Лау-дью-и на своемъ давнишнемъ мѣстѣ и пристально вглядывается въ жизнь семьи.

Разъ въ годъ, въ новогодній канунъ, плохой грошевый лубокъ съ изображеніемъ бога замѣняется новымъ лубкомъ.

И это для китайца цѣлое событіе.

Теперь новый богъ вошелъ въ домъ, поселился въ нишѣ надъ печкой и съ новенькаго, чистаго лубка внимательно вгляды-

вается въ домашнюю жизнь. Какъ и въ присутствіи новаго человѣка, всѣ въ семьѣ немного стѣсняются. Громкій крикъ, грубое слово смягчаются; сдерживается рѣзкое движеніе; подавляется дурное намѣреніе. Люди дѣлаются, хотятъ сдѣлаться, стараются казаться лучше, добрѣе, сердечнѣе.

Но понемногу жизнь беретъ свое. Съ новымъ гостемъ опять свыклись, сжились; онъ вошелъ въ тѣсный домашній кругъ, въ интимную жизнь семьи.

Да и самъ богъ измѣнился. Кухонный дымъ и чадъ, уличная пыль, страшные рои лѣтнихъ мухъ не прошли для него безслѣдно. И на грязномъ, поблекломъ, закоптѣломъ, усѣянномъ черными пятнами листѣ бумаги семья узнала близкаго, стараго, вѣчнаго Лау-дью-и—бога домашняго очага.

Стѣсненія кончились; жизнь пошла своимъ порядкомъ, обыденная ежедневная жизнь въ тѣсномъ домашнемъ кругу.

И поблекшій, потемнѣвшій богъ неподвижнымъ внимательнымъ взглядомъ слѣдитъ за жизнью семьи. Онъ все видитъ, все слышитъ, все знаетъ.

Иногда, если не все благополучно, старикъ—глава семьи—или старуха—хозяйка дома,—подойдутъ къ домашнему богу и поднимутъ къ нему просящій влажный взглядъ, прошепчутъ слова молитвы сухими дрожащими губами...

Проходитъ годъ, медленный, однотонный китайскій годъ. И за семь дней до его конца всѣ вспоминаютъ о Лау-дью-и, на нѣкоторое время онъ становится опять средоточіемъ жизни всѣхъ домашнихъ.

За семь дней до новаго года, и Лау-дью-и покидаетъ свое обычное мѣсто у домашняго очага и идетъ на небо, чтобы тамъ доложить богу Неба, самому главному богу, обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ за цѣлый годъ.

Самъ богъ Неба не входитъ въ жизнь людей; и участь семьи, судьба каждаго изъ ея членовъ, зависитъ исключительно отъ этого доклада, дѣлаемаго Лау-дью-и въ послѣдніе семь дней убывающаго года.

Лау-дью-и уходитъ. Вся семья собралась въ средней, проходной комнатѣ фанзы, у домашняго очага, передъ неглубокой нишей въ стѣнѣ, откуда недвижнымъ внимательнымъ взглядомъ весь годъ смотрѣлъ домашній богъ.

Старшій въ семьѣ шепчетъ молитву. И всѣ члены семьи—и мужчины, и женщины, и дѣти—дѣлаютъ быстро-быстро одинъ за другимъ нѣсколько поклоновъ въ поясъ.

Хозяйка дома уже изготовила на плитѣ вкусное сладкое

тѣсто—самое вкусное, какое она только умѣетъ изготовить. И она угощаетъ имъ бога. Она мажетъ тѣстомъ его губы и говоритъ: „Вотъ я даю тебѣ сладкое для того, чтобъ губы твои были сладки, и пусть тѣ слова, которыя ты скажешь о насъ, пройдя черезъ твои сладкія губы, станутъ также сладки".

И всѣ члены семьи—и мужчины, и женщины, и дѣти—дѣлаютъ быстро-быстро одинъ за другимъ нѣсколько поклоновъ въ поясъ.

И старшій въ семьѣ—обыкновенно древній-древній старикъ, съ трясущимися руками, съ глубокими морщинами на смугломъ лицѣ—продолжаетъ напутствовать домашняго бога. Онъ говоритъ невнятнымъ шопотомъ беззубаго рта:

„Вотъ ты жилъ съ нами цѣлый годъ; и ты видѣлъ каждый нашъ шагъ. Всѣ люди дѣлаютъ не только хорошее, но и дурное. И каждый изъ насъ дѣлаетъ не только хорошее, но и дурное. Но зачѣмъ ты будешь разсказывать богу Неба, всесильному страшному богу, о томъ дурномъ, что ты видѣлъ у насъ? Пускай только хорошія слова доходятъ до Великаго Бога; пускай онъ знаетъ только о нашихъ хорошихъ поступкахъ, чтобы радовалось сердце его, и чтобы огонь гнѣва его не ударилъ въ жилище наше"...

И всѣ члены семьи—и мужчины, и женщины, и дѣти—снова дѣлаютъ быстро-быстро одинъ за другимъ нѣсколько поклоновъ въ поясъ.

А богъ Лау-дью-и, который вошелъ въ домъ такимъ чистымъ, свѣтлымъ, радостнымъ, и который уходитъ теперь поблекшій, грязный, закоптѣлый, уноситъ съ собой какъ бы отраженіе всѣхъ мелкихъ семейныхъ дрязгъ,—смотритъ на провожающихъ недвижнымъ, пристальнымъ взглядомъ. И никто не знаетъ—что-то скажетъ онъ на небѣ Великому, Грозному и Могучему Богу.

Изображеніе Лау-дью-и осторожно снимаютъ съ доски, потомъ скручиваютъ его въ тонкую длинную трубочку. Одинъ конецъ зажигаютъ объ угли печки—о священный огонь домашняго очага; другимъ концомъ трубку ставятъ въ чугунный сосудъ, наполненный землей.

Плотно скрученная трубка то медленно тлѣетъ, то на мгновенье вспыхиваетъ огнемъ. Тоненькая голубая струйка медленно, слегка изгибаясь, тянется вверху.

Луи-дью-и, богъ домашняго очага, идетъ давать отчетъ Великому Богу Неба.

И всѣ члены семьи—и мужчины, и женщины, и дѣти—опять дѣлаютъ быстро-быстро одинъ за другимъ нѣсколько поклоновъ въ поясъ, провожая уходящаго бога.

Голубой дымокъ разсѣялся, разнесся. Въ чугунномъ сосудѣ на землѣ—небольшая кучка сѣраго пепла. Ниша надъ печью пуста.

У всѣхъ домашнихъ стало какъ-то грустно на душѣ, словно умеръ кто-то близкій; грустно и жутко. Тихо, безмолвно всѣ расходятся; каждый идетъ къ своему дѣлу.

Цѣлую недѣлю китайскій домъ живетъ теперь безъ бога. Но наканунѣ Новаго Года Лау-дью-и возвращается. Онъ возвращается чистымъ, свѣтлымъ, веселымъ, въ нарядной красѣ яркихъ, смѣющихся красокъ. Все минувшее оставлено, забыто—и грязь, и копоть, и слѣды мухъ на лицѣ бога, и злые взгляды, и рѣзкія слова, и дурные поступки членовъ семьи.

Въ нишѣ, у домашняго очага—обновленный богъ. Въ домѣ—обновленная жизнь.

И вѣчный, старый, какъ дома людей, Лау-дью-и—домашній богъ, пристально глядящій съ новой бумажки, кажется первые дни кѣмъ-то новымъ, почти чужимъ.

Но мало-по-малу съ новымъ богомъ свыкаются, сживаются; онъ входитъ въ тѣсный домашній кругъ привычнымъ, необходимымъ звеномъ.

Такъ живетъ въ каждой фанзѣ и уходитъ на небо, и возвращается къ людямъ самый близкій, самый интимный богъ—богъ домашняго очага—древній Лау-дью-и.

III.

Маленькія, старыя, позабытыя, полуразвалившіяся кумиренки—на перекресткахъ дорогъ, на вершинахъ холмовъ, на обрывахъ надъ извилистыми рѣчками—маленькія сѣрыя кумирни подъ крутыми черепичными крышами дождались своего дня.

Цѣлый годъ стояли онѣ—чужія, ненужныя внѣ обычнаго круговорота окружающей жизни. Но годъ подошелъ къ концу—длинный годъ—длинная вереница унылыхъ, однотонныхъ трудовыхъ дней. И въ полночь перваго новолунія Новый Годъ долженъ былъ заняться надъ страной Дракона.

И вотъ, на жизненномъ рубежѣ, желая обезпечить себѣ грядущее счастье, люди вспомнили о позабытыхъ богахъ.

И маленькія, сѣрыя, полуразвалившіяся кумирни—широкіе кирпичные столбы съ небольшой нишей—чужія, отжившія святилища дождались своего дня.

Руки, еще такъ недавно равнодушныя, отчистили внутрен-

ность ниши отъ пыли, грязи, обломковъ. Доска съ изображеніемъ бога вымыта. А тамъ, гдѣ бога не было, откуда онъ исчезъ, украденный святотатственной рукой, тамъ къ задней стѣнкѣ ниши прикрѣпили бумажку съ грубо напечатаннымъ пестрымъ, расплывчатымъ изображеніемъ страшнаго старика съ злымъ лицомъ, въ напыщенной позѣ, въ раздутыхъ одеждахъ.

Потомъ по обѣ стороны ниши наклеили широкія бумажныя полосы—желтыя или ярко-красныя—съ начертанными на нихъ черными, золотыми или серебряными сложными, запутанными іероглифами. А вверху, къ вершинѣ арки привѣсили кружевную салфеточку, высѣченную изъ красной бумаги—тонкую, прозрачную, воздушную, трепещущую отъ легкаго вѣтра.

Въ день наканунѣ Новаго Года, въ первый день праздника Весны, маленькія кумирни—всегда такія чужія, такія далекія—стали средоточіемъ жизни.

У входа въ нишу, подъ аркой, въ глиняныхъ или чугунныхъ чашахъ задымились жертвенные угли. Подходятъ китайцы спокойные, серьезные, важные въ своихъ длинныхъ, широкихъ, стеганыхъ на ватѣ одеждахъ. И каждый изъ нихъ приноситъ связку длинныхъ курильныхъ палочекъ. Одинъ конецъ связки зажигается объ уголь; другой врывается въ пепелъ тутъ же около жертвенной чаши, подъ аркой ниши, такъ что связка стоитъ какъ свѣчка. И тоненькое красное колечко огня медленно ползетъ внизъ по тягно-сѣрымъ палочкамъ; а сверху все растутъ и растутъ тонкіе, слегка изогнутые, столбики блѣдно-сѣраго пепла; растутъ, пока не обрушатся, не свалятся внизъ на пепелъ предыдущихъ куреній. И струйки дыма,—тонкія, тонкія,—бѣлыя, слегка голубоватыя, тянутся, изгибаясь и заплетаясь, расплываются, таютъ въ воздухѣ. И изъ-за бѣлесоватой поволоки куреній злыми глазами смотритъ страшный богъ.

Китаецъ дѣлаетъ поклонъ въ поясъ, соединяетъ оба кулака на груди; потомъ, выпрямляясь, выбрасываетъ ихъ вверхъ. И онъ падаетъ на колѣни и нѣсколько разъ—быстро, быстро—кланяется въ землю.

Затѣмъ, онъ встаетъ и уходитъ — спокойный, медленный, важный въ своихъ раздутыхъ ватныхъ одеждахъ; идетъ къ другой кумирнѣ своего околотка, чтобы тамъ съ той же внимательной добросовѣстностью, съ тѣми же освященными вѣками ритуальными жестами принести жертву куренія другому богу.

Въ яркомъ свѣтѣ прозрачнаго солнечнаго зимняго дня весело улыбаются нарядныя разукрашенныя кумирни—на перекресткахъ дорогъ, на вершинахъ холмовъ, на обрывахъ, надъ извилистыми

рѣчками — маленькія старыя кумирни, красныя и золотыя отъ наклеенной на нихъ бумаги.

Съ ранняго утра надъ городомъ стоитъ несмолкаемый шумъ и громъ.

Рѣзкіе, кричащіе звуки, вырываясь отовсюду, изъ каждой фанзы — вблизи, вдали — сливаются въ какую-то чудовищную музыку, въ сплошной, длящійся, однотонный гомонъ. И цѣлый день неподвижной тучей виситъ этотъ гомонъ надъ праздничнымъ городомъ.

На улицахъ, обыкновенно кишащихъ народомъ, сегодня безлюдно и пусто. Убраны всѣ мелкія лавочки подъ импровизированными изъ бамбука и дабы навѣсами. Выходящія на улицу стѣны лавокъ и мастерскихъ наглухо забраны досками. И только длинныя, широкія полосы бумаги — красной съ черными письменами, золотой съ красными письменами, расклеенныя повсюду — на стѣнахъ, на столбахъ, на карнизахъ, на воротахъ, надъ дверями — придаютъ улицѣ какой-то необыкновенно яркій, веселый видъ. Вся эта новая бумага, вся эта свѣжая позолота совершенно затѣняютъ старые камни и ветхія черепицы. И улица, безлюдная, чисто выметенная, убѣгающая вдаль въ яркомъ освѣщеніи солнечнаго прозрачнаго зимняго дня, кажется какой-то необычной, ненастоящей, „нарочной“, — какъ сказали бы дѣти, — кажется нарядным картонажемъ, только-что вырѣзаннымъ и склееннымъ изъ новенькой бумаги, кажется веселой пестрой, только-что написанной декораціей сказочнаго царства.

А надъ улицей неподвижно виситъ сплошной, длящійся, однотонный гомонъ, слившійся изъ тысячи звуковъ. И въ прозрачномъ солнечномъ воздухѣ надъ новенькимъ картиннымъ городомъ гомонъ этотъ кажется уже не страшнымъ, не чудовищнымъ, а тоже ненастоящимъ, „нарочнымъ“, нелѣпымъ и веселымъ, дѣтски-простодушно веселымъ.

Направо, противъ кумирни, въ лавкѣ, гдѣ я часто покупаю фарфоръ, вся передняя стѣна тоже забрана плотно пригнанными одна къ другой черными лакированными досками. И на каждой доскѣ — это уже роскошь — длинная красная полоса съ черными фантастическими „дырами“. Сквозь узкую щель между досокъ выглядываетъ чей-то блестящій глазъ.

Я подхожу къ лавкѣ.

Внутри щелкаетъ засовъ; доска двигается, вынимается; затѣмъ вынимается сосѣдняя; вынимается еще одна. И какъ только я вошелъ въ лавку, доски опять старательно задвигаются.

Мое первое впечатлѣніе—какъ будто меня ударили по головѣ. Что-то огромное, страшное, безобразное дико металось по комнатѣ, ударялось о низкій потолокъ, билось о деревянныя стѣны. Это были звуки—нѣсколько голосовъ того страннаго хора, который съ утра гремѣлъ надъ городомъ.

Въ лавкѣ было полутемно. Кое-гдѣ, между досокъ, сквозь узкія щели пробивались тонкіе и яркіе солнечные лучи. Вглядѣвшись, я увидѣлъ самого хозяина и всѣхъ приказчиковъ магазина; все это были старые знакомые, „шибко знакомые“ мнѣ люди. И они—серьезные, степенные торговые люди—„купезы“—были всѣ заняты страннымъ дѣломъ. У каждаго была въ рукахъ палка, и каждый старательно, добросовѣстно, усердно колотилъ во что-нибудь. Тутъ былъ и огромный барабанъ, китайскій—еще больше турецкаго, и что-то вродѣ мѣдныхъ тарелокъ, и какіе-то сосуды съ отверстіями въ стѣнкахъ, бронзовые и чугунные, большіе и маленькіе, старинные, вродѣ тѣхъ, что стоятъ въ кумирняхъ; были и обыденные мѣдные тазы, глиняные горшки; наконецъ, нѣкоторые приказчики били палками о деревянный прилавокъ, о деревянные столбы.

У всѣхъ были серьезныя, дѣловыя лица, и только обращаясь во мнѣ съ безмолвнымъ привѣтствіемъ, они любезно улыбались. И снова принимались за свое дѣло.

Это было ихъ праздничное дѣло, какъ торговать—было дѣломъ ихъ будней. Теперь, когда пришелъ Новый Годъ, когда злые духи неисчислимыми роями летаютъ вокругъ земли, стараясь ворваться въ жизнь людей, свить себѣ на цѣлый годъ прочное гнѣздо въ ихъ городахъ, въ ихъ домахъ, въ ихъ сердцахъ, дѣло каждаго китайца—спугнуть врага страшнымъ шумомъ, отогнать его подальше.

И добросовѣстно, старательно, какъ всегда, дѣлаютъ китайцы свое праздничное дѣло. Частые, сильные удары сыплются по огромнымъ барабанамъ, по чугуннымъ сосудамъ, глинянымъ горшкамъ, по деревяннымъ прилавкамъ. И неимовѣрное, дикое чудовище страшныхъ звуковъ мечется по комнатѣ, ударяется о низкій потолокъ, бьется о деревянныя стѣны.

Китайцы работаютъ.

И внезапно, также какъ тамъ, на улицѣ, впечатлѣніе страшнаго смѣняется впечатлѣніемъ чего-то дѣтскаго и смѣшного. Все это—этотъ оглушительный шумъ, эти серьезныя дѣловыя фигуры съ колотушками въ рукахъ—все это кажется такимъ ненастоящимъ, нелѣпымъ и въ то же время веселымъ.

Въ лавкѣ—густой сумракъ. Кое-гдѣ между досокъ раздвиж-

ной стѣны, сквозь узкія щели пробиваются тонкіе и яркіе солнечные лучи. Золотыми пятнами падаютъ они на глазурь фарфоровой вазы, на темную бронзу стариннаго сосуда, на желтое спокойное лицо приказчика, на блестящій шолкъ праздничной одежды. Случайно выхваченныя лучомъ изъ окружающаго сумрака, незначительныя подробности выдвигаются впередъ, силятся приковать къ себѣ вниманіе. И въ этомъ освѣщеніи, гдѣ главное затѣнено, гдѣ незначительная деталь властно врывается въ глаза, самые обыкновенные предметы мѣняютъ свой знакомый видъ, становятся странными, точно ненастоящими, смѣшными.

Озабоченные китайцы въ праздничныхъ одеждахъ разъ на весь годъ отгоняютъ такимъ образомъ отъ себя злыхъ духовъ...

IV.

Весна. Стѣнами стали старые тополи. Листья недавно распустились; еще клейкіе, нѣжные, блѣдно-зеленые, они окутали деревья какъ бы легкой прозрачной тканью, и сквозь нее видны убѣгающія вдаль зеленѣющія поля и спокойное голубое небо.

Трава, еще негустая, кажется мягкой и шелковистой. Блѣдныя фіалки, разбросанныя здѣсь и тамъ, кое-гдѣ сбѣгаются вмѣстѣ; и большія лиловыя пятна расплываются по травѣ, и въ тепломъ воздухѣ стоитъ свѣжее, и нѣжное, и робкое дыханіе весеннихъ цвѣтовъ.

Въ большомъ четыреугольникѣ, между стѣнами старыхъ тополей, насыпаны невысокіе холмики, шелковятся травой, залиловѣли фіалками. А на вершинѣ каждаго холмика лежитъ полоса бумаги—мохнатой желтой китайской бумаги, а сверхъ бумаги—небольшой камень.

Въ воздухѣ тепло по весеннему, и по весеннему солнечно; и тихо-тихо—той особенной весенней тишиной, когда слышно дыханіе ожившей земли, и ростъ травъ, и цвѣтеніе первыхъ цвѣтовъ.

Невысокій холмикъ, лоскутокъ бумаги, камешекъ... И больше ничего. И въ этомъ немногомъ—гораздо больше, чѣмъ во всѣхъ безчисленныхъ роскошныхъ кумирняхъ, въ торжественныхъ нарядныхъ процессіяхъ, въ молитвахъ жрецовъ и книгахъ мудрецовъ. Въ этомъ немногомъ—вся интимная сущность религіи Китая.

Пускай въ таинственныхъ храмахъ запретнаго города императоръ приноситъ жертвы великому и неизвѣстному богу Неба; пусть ученые повторяютъ наизусть сѣдые тексты Конфуція и

толкуютъ о пяти родахъ отношеній и путяхъ добродѣтели; пусть находящіеся въ постоянномъ общеніи съ духами жрецы-таоисты гадаютъ о благопріятныхъ дняхъ и счастливыхъ мѣстахъ; пусть ученіе буддійскихъ монаховъ—неясное, непонятное—связываетъ въ одну цѣпь все живое—боговъ, людей и животныхъ,—но все это останется навсегда далекимъ, чужимъ для народа, ненужнымъ, не вошедшимъ въ жизнь, не сросшимся съ жизнью.

Но зато невысокій холмикъ, лоскутокъ бумаги, камешекъ надъ могилою предка—это самое близкое, самое дорогое, самое священное для каждаго китайца. Здѣсь лежитъ основной, мощный, несдвигаемый пластъ его вѣрованій. Культъ предковъ вросъ въ жизнь, сдѣлался неразрывной его частью.

Конфуцій, приводя въ систему, выражая въ яркой и простой формѣ то, что за много вѣковъ до него смутно жило въ народномъ сознаніи, училъ, что основа гражданской жизни есть личная добродѣтель, а основа добродѣтели — почитаніе родителей. Изъ этого ученія выросъ культъ предковъ. Повиновеніе живому отцу неизбѣжно переходило въ почитаніе отца умершаго, и отца отца и такъ далѣе до самыхъ отдаленныхъ поколѣній. Завязывалась неразрывная связь между живыми и мертвыми. Этическій законъ переходилъ въ религіозную заповѣдь.

И эта религія, такая близкая, такая несложная, выростая въ средѣ самого народа изъ хорошо понятнаго ему чувства повиновенія старшему, наложила неизгладимый слѣдъ на всю китайскую жизнь.

Все, что было важно и дорого въ земной жизни, было перенесено и по ту сторону гроба. Идеаломъ земного счастья была большая патріархальная семья, дѣти дѣтей, окружающія дѣда почтеніемъ и лаской. То же почтеніе и нѣжная любовь стали необходимы и послѣ смерти; но не только отъ дѣтей и внуковъ, знавшихъ усопшаго, а ото всѣхъ потомковъ, которые когда-нибудь будутъ жить на землѣ до скончанія вѣка. Стала ясной необходимость имѣть мужское потомство, чтобы не прервалась цѣпь, чтобы не остаться самому, чтобы не оставить предковъ безъ почитанія, безъ поклоненія. Женское потомство не считается: дѣвочки уходятъ въ чужую семью, сливаются съ ней, приносятъ жертвы предкамъ своего мужа.

Имѣть сына, сохранить его отъ покушеній злыхъ духовъ, женить его, видѣть его сыновей—вотъ первая забота каждаго китайца. И вся жизнь сложилась въ зависимость отъ этой заботы.

Безплодіе жены служитъ одной изъ причинъ для развода. Рожденіе дѣвочекъ встрѣчается холодно; рожденіе мальчика—

источникъ шумной радости. Если это первый сынъ, то со дня его рожденія начинаются страхи за его жизнь. Злые духи хитры и вѣчно стремятся испортить счастье людей. И родители стараются обмануть духовъ. Мальчику даютъ женское имя, иногда одѣваютъ его дѣвочкой. Или фиктивно дѣлаютъ его пріемышемъ въ другой семьѣ, гдѣ много мальчиковъ, чтобы духи не могли разобрать, къ какой семьѣ онъ принадлежитъ.

Между прочимъ, существуетъ обычай брать у друзей по мѣдной монетѣ и, нанизавъ ихъ на шнурокъ, одѣвать на шею сыну. Такое ожерелье символизируетъ цѣпь, привязывающую ребенка къ жизни; а друзья, давшіе монеты, являются какъ бы поручителями за ребенка. Или ребенку одѣваютъ на шею амулеты, ладанки, пріобрѣтенные у жрецовъ-таоистовъ иногда за очень дорогую цѣну.

На случай, если всѣ эти предосторожности не помогутъ, если единственный сынъ умретъ до женитьбы, изворотливый и склонный къ формальности умъ китайцевъ нашелъ еще одинъ исходъ—бракъ мертвыхъ. Разыскиваютъ умершую дѣвочку, которая, по годамъ могла бы быть невѣстой умершему мальчику. Затѣмъ родители жениха дѣлаютъ предложеніе въ обычной формѣ. Продѣлывается сложный обрядъ, состоящій изъ переплетенія свадьбы и похоронъ. Гробъ невѣсты приносятъ и погребаютъ рядомъ съ гробомъ жениха. Потомъ отецъ жениха беретъ пріемнаго внука, который и считается сыномъ повѣнчанныхъ мертвецовъ. Родители невѣсты часто соглашаются на подобный бракъ изъ-за денегъ, а еще чаще — чтобы доставить дочери нарядныя похороны на счетъ семьи жениха.

И, въ воздаяніе за всѣ эти старанія и заботы, китаецъ умираетъ, окруженный сыновьями и внуками; и памяти его обезпечено почитаніе на длинный рядъ лѣтъ. Когда онъ умретъ, надъ его могилой будутъ совершаться жертвоприношенія; а деревянная табличка съ вырѣзаннымъ на ней его именемъ будетъ поставлена на домашнемъ алтарѣ въ длинномъ ряду старинныхъ потускнѣвшихъ табличекъ его предковъ.

И ни одно важное событіе въ домѣ не будетъ совершаться безъ его вѣдома. Къ нему приведутъ на поклоненіе его правнука, достигшаго совершеннолѣтія; приведутъ дѣвушку, вступающую въ его семью въ качествѣ невѣсты одного изъ его потомковъ. Съ поклонами и ритуальными жестами его будутъ извѣщать о рожденіи мальчика, о смерти кого-либо изъ родныхъ, о какомъ-нибудь важномъ семейномъ дѣлѣ. И передъ его таблицей на роскошномъ треножникѣ древней бронзы или въ грубой глиняной плошкѣ будутъ дымиться жертвенныя куренія.

Ранней весной, когда оживаетъ природа, справляется праздникъ мертвыхъ.

Кладбище, окруженное стѣнами старыхъ тополей, обыкновенно такое пустынное, наполняется народомъ. Строго и сосредоточенно, съ обычнымъ дѣловымъ видомъ идутъ китайцы. Китаянки въ красныхъ шароварахъ неуклюже ковыляютъ на маленькихъ ножкахъ, похожихъ на копыта. А позади тянутся вереницы дѣтей. Они еще не сняли зимней одежды; и толстыя ватныя шаровары, плотно стянутыя на щиколкѣ, и толстыя ватныя куртки, неуклюже раздуваясь, придаютъ дѣтямъ видъ чего-то шарообразнаго и смѣшного. На глиняныхъ тарелкахъ, въ фарфоровыхъ чашкахъ мужчины несутъ всякую снѣдь.

Группами, по семьямъ, располагаются китайцы у могилъ близкихъ имъ мертвецовъ. На могильныхъ холмикахъ разставляются принесенныя кушанья. Пирамидой лежатъ на тарелкѣ маленькіе круглые бѣлые хлѣбцы съ красными крапинками наверху; тускло золотится какая-то жареная рыба; и свиная голова, огромная, отваренная цѣликомъ, скалитъ зубы и тупо смотритъ впередъ узкими мертвыми глазами...

Скоро все кладбище заполняется народомъ; сюда пришли всѣ, кто могъ придти. Дома остались слабые, больные; остались самые старые, которые почти не могутъ двигаться, которые ждутъ дня, когда и ихъ самихъ принесутъ сюда въ огромныхъ деревянныхъ гробахъ, положатъ здѣсь, въ своей семьѣ, подъ свѣженасыпаннымъ холмикомъ. Но въ толпѣ нѣтъ жрецовъ; здѣсь они не нужны. Для общенія съ Небомъ, со страшными и могучими духами, человѣкъ обращается къ посредникамъ. Но зачѣмъ были бы посредники здѣсь, въ своей семьѣ, между отцомъ и сыномъ, въ тѣсномъ домашнемъ кругу?

И религіозный обрядъ совершается по домашнему — коротко и просто. Старшій въ семьѣ произноситъ нѣсколько молитвенныхъ словъ; потомъ онъ зажигаетъ на вершинѣ холмика пакетъ мягкой желтоватой бумаги, облитой спиртомъ. И пока почернѣвшіе листки съ огненно-красной каймой отвертываются одинъ за другимъ, пока въ весеннемъ свѣтломъ воздухѣ поднимается тонкая голубая струйка дыма, каждый изъ пришедшихъ, молча, смотритъ на священный огонь. Совершается ли тутъ молитвенное общеніе между живыми и мертвыми? скрѣпляются ли связи, дѣлающія семью единой, неразрывной во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, въ длинной цѣпи чередующихся поколѣній? Или это только вынужденное молчаніе — не тягостное, потому что привычное; только формальное выполненіе тысячелѣтней церемоніи?

И когда разсѣется послѣдній дымъ, когда легкій вѣтеръ унесетъ, кружа, черные обуглившіеся листки, на вершину холмика кладутъ принесенную съ собой бумажную полосу, на которой написаны хорошія пожеланія мертвецамъ. И сверхъ полосы, чтобы ее не унесло вѣтромъ, приваливаютъ небольшой камень.

Мертвые получили свое; живые вспоминаютъ о живыхъ. Вокругъ жертвенныхъ кушаній, къ которымъ невидимо прикоснулись усопшіе, собирается вся семья. Быстро исчезаютъ маленькіе хлѣбцы—бѣлые съ красными крапинками; уничтожается зелень, рыба, сильно разваренное, мочалистое мясо, какіе-то соуса въ маленькихъ чашечкахъ; долго возятся съ огромной свиной головой; и когда она уже расчленена на безобразныя лохмотья, узкіе мертвые глаза все еще смотрятъ впередъ стекляннымъ взглядомъ...

Потомъ всѣ расходятся. Во всѣ стороны тянутся длинныя вереницы синихъ людей. Неуклюже ковыляютъ женщины. Маленькія дѣти, шарообразныя и смѣшныя въ зимнихъ ватныхъ одеждахъ, словно катятся за матерями.

На кладбищѣ, между стѣнами высокихъ старыхъ тополей, разливается прежняя тишина.

И теперь цѣлый годъ никто не будетъ тревожить спокойствіе мертвецовъ. Только вѣтеръ будетъ шумѣть въ деревьяхъ; только на вершинахъ могильныхъ холмовъ полосы бумаги—желтой и мохнатой—будутъ дрожать и трепыхаться, безсильныя вырваться изъ-подъ придавившаго ихъ камня.

А среди кладбищенскаго безмолвія будутъ распускаться и отцвѣтать въ густой сочной травѣ фіалки, и анемоны, и маки—символы вѣчнаго возрожденія.

V.

Сумрачно, пыльно, запущенно. Желтоватая бумага широкихъ оконъ потемнѣла, загрязнилась, затянулась паутинами; и въ затхломъ недвижномъ воздухѣ стоитъ холодный свѣтъ, тусклый, пепельно-сѣрый.

Холодно и сыро. Пахнетъ нежилымъ, заброшеннымъ, рѣдко посѣщаемымъ помѣщеніемъ.

У порога васъ встрѣчаетъ китаецъ старый и безобразный. Рябое, морщинистое лицо; выцвѣтшіе глаза; беззубый, ввалившійся ротъ; жалкіе, рѣдкіе, отвисшіе книзу усы и борода. И неуклюже топорщатся на немъ синія грязныя одежды; и жалко виситъ изъ-

подъ сѣрой войлочной ермолки жидкая коротенькая косичка сѣдыхъ волосъ.

Вдоль задней стѣны фанзы—одного изъ далекихъ глухихъ отдѣленій богатой кумирни—тянется широкая полка. На полкѣ разставлены стойма узкія деревянныя дощечки, много, много деревянныхъ дощечекъ. Нижній край вдвинутъ въ небольшую колодку, чтобы придать дощечкѣ устойчивость. На наружной сторонѣ—едва замѣтныя, стертыя временемъ—чуть виднѣются надписи, причудливыя письмена, расположенныя одно надъ другимъ, сплетенныя въ вертикальную строку. Дощечки—красныя, коричневыя, желтыя—почернѣли, покоробились, потрескались. Густая пыль легла на блеклыя надписи. Сѣрыя нити паутины, толстыя и тяжелыя отъ пыли, протянулись отъ одной дощечки къ другой.

А посреди стѣны, надъ сонмомъ дощечекъ, сидитъ, тоже поблекшій, выцвѣтшій и потрескавшійся богъ Преисподней, богъ душъ, ушедшихъ изъ жизни, суровый и страшный Іенгъ-Вангъ. Изъ-за слоя пыли, изъ-за сѣти трещинъ видно блѣдное лицо старика съ огромнымъ высокимъ лбомъ; и большіе выпученные глаза глядятъ грозно и непреклонно.

Передъ богомъ въ глиняномъ жертвенномъ сосудѣ—сѣрый, давно остывшій пепелъ давно невозобновленнаго жертвоприношенія.

Здѣсь, въ далекомъ заброшенномъ отдѣленіи кумирни, собраны погребальныя таблицы людей, умершихъ безъ потомства. У нихъ нѣтъ семьи, которая чтила бы ихъ память въ непрерывномъ рядѣ поколѣній до скончанія вѣковъ. Ранней весной, въ день праздника мертвыхъ, никто не посѣщаетъ ихъ забытыя могилы. Нѣтъ дома, гдѣ бы ихъ таблицы нашли себѣ почетное мѣсто на алтарѣ, въ тѣсномъ семейномъ кругу, объединяющемъ и мертвыхъ, и живыхъ. И некому возжечь передъ ними жертвенныхъ курильныхъ свѣчей.

Ихъ, безродныхъ, несчастныхъ, пріютилъ храмъ. Тѣсной толпой собрались они на широкой пыльной полкѣ передъ древнимъ изображеніемъ Іенгъ-Ванга, страшнаго бога преисподней. Чужая, наемная рука должна заботиться о нихъ, стирать съ нихъ пыль, зажигать передъ ними куренія. Но чужая рука лѣнива и небрежна; наемника больше всего заботитъ своя выгода. И таблицы стоятъ грязныя, пыльныя; и въ глиняномъ жертвенномъ сосудѣ грустно сѣрѣетъ давно остывшій пепелъ давно невозобновленнаго жертвоприношенія.

Народное повѣрье, упорно связывающее вездѣ и всегда счастье съ добромъ, сдѣлало изъ несчастныхъ душъ—злыя души.

Души эти, безродныя, бездомныя, отдѣленныя отъ семьи, гдѣ полновластно господствуетъ Конфуцій, перешли въ вѣдѣніе жрецовъ-таоистовъ, умѣющихъ умилостивить злыхъ духовъ, ублажать ихъ, при случаѣ—обмануть.

И такъ же всенародно, какъ конфуціанскій „праздникъ мертвыхъ", справляется таоистскій „праздникъ духовъ". Тутъ уже жрецы, какъ посредники между духами и людьми, играютъ большую роль; и церемонія, совершаемая въ кумирняхъ, довольно сложна и продолжительна. Музыка играетъ погребальные мотивы; устраиваются шествія; приносится жертвенная пища.

Потомъ, на цѣлый годъ, китайцы считаютъ себя обезпеченными отъ дурного вліянія безродныхъ, бездомныхъ, несчастныхъ, злыхъ духовъ.

VI.

Гвалтъ, смягчавшійся разстояніемъ, стѣнами, шумомъ улицы, теперь, предъ нами, встаетъ во весь ростъ и оглушаетъ, бьетъ по уху. Въ глазахъ пестритъ отъ безпорядочнаго качанія взадъ и впередъ рядовъ маленькихъ человѣческихъ тѣлъ.

Это—китайская школа.

По обѣ стороны фанзы, на длинныхъ скамьяхъ передъ низкими столиками сидятъ дѣти. Ноги калачикомъ поджаты подъ себя. Маленькое тѣльце быстро и упорно наклоняется впередъ, откидывается назадъ въ тактъ повторяемыхъ звуковъ. И, надрываясь отъ напряженія, дикимъ голосомъ, нараспѣвъ дѣти выкрикиваютъ какіе-то звуки—каждый свое, каждый по-своему.

И страшный гамъ—велѣпый и однотонный—какой-то дикій хаосъ оглушительныхъ звуковъ бьется подъ невысокимъ потолкомъ школьной фанзы.

Въ углу на скамьѣ не то сидитъ, не то лежитъ учитель. Полураскрытые тусклые глаза смотрятъ въ толстую старую книгу. Огромные очки съ круглыми стеклами въ широкой черепаховой оправѣ придаютъ тощему сухому лицу скучный и тупой видъ. Одежда—бѣдная и поношенная. Тутъ же на скамьѣ лежитъ длинная бамбуковая палка.

Учитель—одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ людей въ Китаѣ, въ странѣ, гдѣ образованіе цѣнится выше всего. Самые великіе люди—Конфуцій и Менцій—были не болѣе, какъ учителя. Учитель—одинъ изъ предметовъ особаго почитанія рядомъ съ Небомъ, Землей, Императоромъ и Родителями.

Учитель знаетъ тайны земли и неба, читаетъ мысли людей,

жившихъ тысячелѣтія тому назадъ, писавшихъ свои творенія сложными „дзырами", понятными только тѣмъ, кто основательно изучилъ классиковъ.

Но, рядомъ съ почетнымъ общественнымъ положеніемъ, матеріальное положеніе учителя очень плохо. Есть учителя, трудящіеся только изъ-за пропитанія; есть учителя, не имѣющіе приличнаго платья, чтобы выйти на улицу.

И перемѣнить эту часто нищенскую профессію на другую почти нѣтъ возможности. Учитель знаетъ очень многое, но то, что онъ знаетъ, совершенно не нужно для жизни; а то, что нужно для жизни, ему совершенно чуждо. Ни въ какой работѣ онъ не способенъ. И разъ ставъ на учительскую дорогу, онъ не сойдетъ съ нея; будетъ забнуть, голодать, плохо одѣваться; будетъ постоянно искать школы побольше, съ жалованьемъ получше; а когда—тощій и сухой—въ потертой синей холщевой одеждѣ, онъ будетъ проходить по улицѣ, скромно потупивъ глаза, какъ подобаетъ мудрецу, онъ будетъ чувствовать на себѣ почтительные взгляды вѣжливо сторонящихся прохожихъ.

Упорно и однообразно, словно рычаги огромной машины, качаются ученики въ тактъ неистово выкрикиваемыхъ звуковъ. Двадцать, тридцать мальчиковъ; младшимъ—лѣтъ семь, старшимъ лѣтъ пятнадцать. Блѣдныя, тусклыя лица забитыхъ, придавленныхъ дѣтей; взгляды тупые и равнодушные. Маленькія жидкія косички высоко, у самой головы, перевязаны красной тесемкой—знакъ учёбы. На столикахъ передъ дѣтьми—раскрытыя книжки, пестрящія „дзырами".

Школьная жизнь—не легкая для учителя—не легка и для учениковъ.

Ученье начинается чуть свѣтъ и оканчивается только тогда, когда надвигающіяся сумерки не позволяютъ разбирать буквы. На обѣдъ и на ужинъ полагаются самые короткіе промежутки. Праздниковъ почти нѣтъ. Каникулы—двѣ недѣли зимой и двѣ недѣли лѣтомъ. Наказанія очень строгія; учитель неумолимо расправляется своей бамбуковой палкой, которую почти не выпускаетъ изъ рукъ. Ученье сухое, скучное, чисто механическое, развивающее исключительно память.

Главной задачей становится запоминаніе „дзыровъ" и долбежка ихъ въ извѣстной послѣдовательности. Учитель указываетъ въ книгѣ, какой звукъ соотвѣтствуетъ извѣстному сплетенію линій; и ученики зубрятъ звуки въ той послѣдовательности, въ какой „дзыры" стоятъ въ книгѣ. Пониманіе не обязательно; но обязательно выкрикиваніе. Это — методъ преподаванія. Если уче-

никъ не будетъ кричать, — какъ узнаетъ учитель, учится ли ученикъ?

А такъ какъ учиться и кричать—одно и то же, ученики кричатъ неистово, до хрипоты, наполняя фанзу безумнымъ хаосомъ звуковъ; и, въ тактъ этой дикой музыкѣ, они качаются взадъ и впередъ, словно десятки маятниковъ на стѣнѣ часового магазина.

Первая учебная книга называется „Трехзначный классикъ". Она написана строчками, по три „дзыра" въ каждой; всего въ ней около тысячи „дзыровъ". Книга эта составлена около тысячи лѣтъ тому назадъ. И съ тѣхъ поръ неисчислимыя тьмы-темъ людей—всѣ грамотные китайцы—зазубривали, плохо понимая ихъ, различные афоризмы, обращая главное вниманіе не на ихъ смыслъ, а на послѣдовательность звуковъ и на соотношеніе между звуками и „дзырами".

Потомъ, преуспѣвая въ наукѣ, ученикъ идетъ къ слѣдующимъ книгамъ классиковъ; мѣняется содержаніе, но такъ какъ суть не въ немъ—дѣло идетъ по-старому; появляются новые неизвѣстные „дзыры"; знакомые приходятъ въ новой послѣдовательности; и ученикъ неистово, до хрипоты, выкрикиваетъ звукъ за звукомъ и качается взадъ и впередъ, сидя на скамьѣ передъ невысокимъ столикомъ.

Потомъ онъ отвѣчаетъ урокъ. Одно изъ условій хорошаго отвѣта—кричать во все горло. Другое—отвѣчать безъ запинки, безъ передышки.

И вотъ ровнымъ, монотоннымъ голосомъ, краснѣя отъ напряженія, силясь перекричать товарищей, которые продолжаютъ учиться, ученикъ голоситъ свой урокъ. Знаковъ препинанія не существуетъ. Не существуетъ и логической остановки въ концѣ предложенія. Ученикъ выкрикиваетъ звуки въ томъ порядкѣ, въ какомъ въ книгѣ стоятъ „дзыры". Иногда какое-нибудь слово выпадетъ изъ общаго ряда. И тогда ученикъ ищетъ его не по смыслу фразы, а по памяти слуха; онъ возвращается назадъ за два, за три, за десять словъ, чтобы оттуда съ разбѣга преодолѣть препятствіе.

А учитель—тощій и сухой, въ бѣдной, поношенной одеждѣ—слушаетъ съ равнодушнымъ видомъ. Полураскрытые тусклые глаза уныло глядятъ черезъ большія круглыя стекла очковъ въ широкой черепаховой оправѣ. И длинные тонкіе пальцы красивой нерабочей руки сжимаютъ конецъ бамбуковой палки, лоснящейся отъ частаго употребленія.

Благополучно перескочивъ черезъ опасное мѣсто, ученикъ продолжаетъ выкрикивать свой урокъ быстро, быстро, едва пе-

реводя духъ. А по обѣ стороны на длинныхъ скамьяхъ качаются, какъ автоматы, и неистово галдятъ его товарищи.

Бѣдные ребятишки! Лучшіе, радостные дни жизни безжалостно отняты у нихъ, испорчены, исковерканы, засушены. Попавъ въ школьную фанзу, дѣти перестаютъ быть дѣтьми; они становятся учениками.

У нихъ нѣтъ свободнаго времени, у нихъ почти нѣтъ семьи; у нихъ отняты игры, шалости, разумная работа надъ живымъ, понятнымъ дѣломъ, пріятный, укрѣпляющій отдыхъ. Вмѣсто разнообразной, многоцвѣтной жизни, ученикъ окруженъ четырьмя стѣнами школьной фанзы; и жадная до живого знанія мысль его осуждена уходить въ мертвыя очертанія многовѣковыхъ дзыровъ...

Источникъ вѣчной мудрости—школа — осудила жизнь, какъ что-то низшее и недостойное. На все жизненное, повседневное школьникъ пріучается смотрѣть съ холоднымъ презрѣніемъ. Въ рѣдкій праздничный день онъ не пойдетъ играть въ шумную игру, не будетъ продѣлывать обычныя дѣтскія шалости, какъ простой необразованный мальчикъ—его сосѣдъ и недавній товарищъ. Онъ не будетъ исполнять мелкихъ домашнихъ работъ, не принесетъ воды изъ колодца, не переставитъ скамью съ одного мѣста на другое,—онъ знаетъ, что все это непристойно для того, кто изучаетъ классиковъ. Блѣдный, худощавый, изнуренный, съ красной тесьмой, перевязанной вокругъ косы,—сидитъ онъ гдѣ-нибудь у дверей фанзы, одинъ въ своей семьѣ, одинъ среди другихъ дѣтей—чужой, чуждающійся.

И что-то тянетъ его изъ этого непонятнаго, чуждаго ему міра, обратно въ школьную фанзу, туда, гдѣ со страницы старой, истрепанной книжки будутъ смотрѣть на него все новые и новые „дзыры“, сложные и причудливые—символы мудрости и вѣчности; учитель, живущій исключительно среди классиковъ въ полномъ равнодушіи къ окружающему, будетъ строго смотрѣть черезъ большія, круглыя стекла очковъ въ широкой черепаховой оправѣ; на скамьяхъ передъ низкими столиками будутъ качаться настойчиво и однообразно, словно рычаги огромной машины, блѣдные худощавые мальчики съ красными тесемками, обмотанными вокругъ косъ; и дикій хаосъ неистовыхъ звуковъ, выкрикиваемыхъ нараспѣвъ, во всю силу молодыхъ звонкихъ голосовъ, будетъ метаться по фанзѣ, стучаться въ окна, биться въ стѣны и въ потолокъ...

Александръ Ротштейнъ.

КРЕСТЬЯНЕ

РОМАНЪ.

— *Georges Beaume*, Les Jacques. Paris, 1906.

I. — Заговоръ.

Зимнимъ вечеромъ, человѣкъ двадцать земледѣльцевъ собрались съ цѣлью подготовить стачку въ Незиньянѣ—значительномъ мѣстечкѣ Нижняго Лангедока.

Страхъ нищеты, вызванный черезчуръ обильнымъ урожаемъ и продажею вина въ убытокъ, закрадывался въ души бѣдняковъ, число которыхъ возрастало каждою осенью. Это были мелкіе собственники, перезакладывавшіе каждою весною свои владѣнія; страшились и богачи, больше не рѣшавшіеся пріѣзжать въ собственныхъ экипажахъ въ свои усадьбы.

Большая дорога раздѣляла на двѣ части мѣстечко, имѣвшее до трехъ тысячъ жителей. Направо былъ кварталъ богачей, гдѣ имѣлась обширная площадь, церковь, ратуша и ряды старинныхъ, сумрачныхъ домовъ, налѣво—кварталъ бѣдняковъ съ узкими, кривыми переулками и закоулками, съ низкими, темными домами, въ которые, какъ въ погреба, приходилось спускаться по шаткимъ ступенямъ. По громадной равнинѣ, очаровательной въ апрѣлѣ, когда виноградники покрываются молодой листвою, въ садахъ распускаются бѣлые и алые цвѣты и въ воздухѣ трепещутъ серебристые листы тополей, протекала бурливая рѣка съ широкими песчаными берегами и глубокими омутами въ тѣни ивъ и ясеней.

Сегодня, въ звѣздную ночь, рѣка ревѣла, какъ хищный звѣрь среди холодной равнины, разбиваясь о плотину старой мельницы

противъ замка Майреналь, еще величественнаго въ своемъ разрушеніи. Рокотъ волнъ достигалъ до маленькихъ оконъ въ домѣ Красной-Головы, и когда крестьяне, задумавшись, умолкали, онъ явственно слышался въ комнатѣ.

Эта комната, съ каменнымъ поломъ и очагомъ, свидѣтельствовала своею обстановкою о нѣкоторомъ довольствѣ. Тамъ стоялъ трехстворчатый, набитый бѣльемъ шкафъ; мебель была съ мѣдными инкрустаціями. Любившій широкую, веселую жизнь, Красная-Голова спустилъ земли и мельницы. У него оставался лишь этотъ домъ—такой же старинный, какъ и церковь, а на склонѣ холма—два виноградника по сосѣдству съ его прежнимъ имѣніемъ Турбъ, перешедшимъ во владѣніе первѣйшаго мѣстнаго богача—Антуана Корнюбера.

Красная-Голова не скрывалъ своего крестьянскаго происхожденія: даже въ дни своего процвѣтанія онъ говорилъ простонароднымъ языкомъ и носилъ крестьянскую одежду. Отъ него исходилъ запахъ земли, пріятный, опьяняющій, какъ вино.

Когда въ его родной Лангедокъ вцѣпилась острыми когтями нужда, отрывавшая отъ земель кусокъ за кускомъ ради насыщенія разжирѣвшихъ богачей и скупщиковъ, Красная-Голова затрепеталъ отъ гнѣва и скорби. Но затѣмъ воображенію его представало въ будущемъ новое, просвѣщенное религіей справедливости, облагороженное испытаніями человѣчество, которое создастъ иную, по истинѣ человѣческую жизнь. Онъ стыдился униженій, выпавшихъ на долю его обнищавшихъ собратій. Ради нихъ, ради всѣхъ, способствовавшихъ процвѣтанію родного края, онъ задумалъ потрясти сердца богачей, поднять возмущеніе противъ современныхъ рабовладѣльцевъ, кующихъ цѣпи изъ золота.

Всѣ знали его подъ именемъ Красной-Головы, которымъ онъ былъ обязанъ ярвому цвѣту своихъ жесткихъ волосъ, густымъ бровямъ и длинному, худощавому лицу, носившему отпечатокъ мысли и воли. Всѣ товарищи его также имѣли прозвища, переходившія отъ отца къ сыну; тутъ были: Овца-человѣкъ, съ черною бородою, прадѣдъ котораго былъ пастухомъ; Желѣзнякъ-каменьщикъ, съ такою крѣпкою головою, что кузнецъ не разбилъ бы ее молотомъ; Разумникъ-молодецъ—себѣ-на-умѣ, походившій съ виду на простофилю; Стряпчій—изъ бывшихъ буржуа, болтунъ съ выдающейся челюстью; Альбиносъ—красноглазый и бѣловолосый; Матросъ—съ черными бакенами; Странникъ-пухлякъ, бритый, въ широкополой дѣдовской шляпѣ.

Всѣ они были лѣтъ сорока—въ расцвѣтѣ силъ и мужественности, за исключеніемъ Красной-Головы, которому было около

пятидесяти, и молодого, только-что отслужившаго свой срокъ, парня, по прозванію Расшибало, страстно преданнаго дѣлу крестьянства. Онъ былъ выше средняго роста, съ крупною черноволосой головой, гордо сидѣвшей на широкихъ плечахъ; говорилъ онъ отрывисто, такъ какъ его тревожила любовная забота. Позади облокотившихся на столъ мужчинъ, поодаль отъ висячей лампы, помѣщались слушавшія ихъ разговоръ женщины, благоговѣйно сосредоточившіяся, какъ въ церкви. Рядомъ съ матерью сидѣла на высокомъ стулѣ единственная дочь Красной-Головы — Жермена. Ея смуглое, загорѣлое лицо и полный бюстъ возвышались надъ толпою; ни одинъ изъ молодыхъ парней въ Незнайкѣ не осмѣливался ухаживать за нею—до такой степени презрительно относилась она къ бѣднякамъ, одѣтымъ въ грубый плисъ и запыленнымъ до самыхъ ушей. Расшибало былъ единственнымъ, осмѣлившимся признаться ей въ любви. Въ то время, какъ мужчины, подъ ревъ непогоды, упивались мечтою о возстаніи, Жермена старалась подавить волненіе, и тѣмъ не менѣе, полныя губы ея вздрагивали болѣзненно, когда отецъ ея упоминалъ съ презрѣніемъ имя богача изъ богачей—Антуана Корнюбера, владѣвшаго теперь имѣніемъ Турбъ, гдѣ она родилась. Въ сорокъ лѣтъ онъ былъ неженатъ и не имѣлъ любовницъ; Жермена знала, что онъ честенъ, трудолюбивъ, влюбленъ въ эту землю, о которой она иногда мечтала, какъ о своей. Она чувствовала, что съ тѣхъ поръ, какъ ея красота была въ полномъ расцвѣтѣ, онъ слѣдилъ за нею влюбленнымъ взглядомъ, и влеченіе, которое онъ ощущалъ къ ней, пробудило влеченіе съ ея стороны. Быть можетъ, оба они смутно сознавали, что среди готовящагося переворота любовь роковымъ образомъ должна была соединить ихъ—на благо ихъ рода.

Тѣмъ временемъ Красная-Голова, стуча кулакомъ по столу, кричалъ:

— Приходитъ рабочая пора... Мы—хозяева, мы одни умѣемъ воздѣлывать землю. Мы должны предписывать законы богачамъ. Лишь по нашей милости люди пьютъ вино, веселящее ихъ сердце и согрѣвающее желудокъ... Надо объединиться, дѣйствовать дружно...

— Такъ, — поддержалъ Страпчій, — намъ нуженъ вождь, иначе мы будемъ стадомъ, а стадо ведутъ на бойню.

— Еще я боюсь,—продолжалъ Красная-Голова,—что запалу у насъ не хватитъ. Какъ бороться съ тѣми, у кого денегъ куры не клюютъ?

Товарищи его, у которыхъ мозги медленно работали, запе-

велились, но молчали. Они встрепенулись, когда Расшибало, поднявъ стаканъ, воскликнулъ:

— Что до меня,—я не боюсь голода... Пусть богачи поклонятся намъ!

Красная-Голова напомнилъ, что прошлый разъ ихъ стачка не удалась изъ-за бѣдняковъ—жителей горъ, которые еще глупы. Въ нѣсколько недѣль они собрали жатву, стоившую мѣстнымъ жителямъ цѣлаго года работы. Они только портятъ лозы. Куда имъ!.. Ха! ха!

Онъ самодовольно посмѣивался, лицо его раскраснѣлось, морщины лучились вокругъ глазъ; товарищи тоже смѣялись, гордясь своимъ умѣньемъ; они подталкивали другъ друга плечомъ, хлопали по ляжкамъ. Красная-Голова движеніемъ руки заставилъ ихъ замолчать и заключилъ:

— Мы составимъ списокъ нашихъ требованій—я или кто-нибудь изъ васъ...

— Ты, ты!

— Но, знайте, когда у насъ не будетъ хлѣба, придется солому ѣсть.

Страннику, толстяку, любившему хорошо питаться, это не понравилось, но Желѣзнякъ заявилъ, что зубы у нихъ волчьи, а Красная-Голова прибавилъ, что если народъ боится страданій, можно отступить еще разъ.

— Мы отступимъ только тогда, когда насъ понесутъ на носилкахъ. Все разнесемъ!—зарычалъ Расшибало, жившій со старухою-матерью въ лачугѣ, на краю деревни. Красная-Голова одобрительно взглянулъ на молодого человѣка.

Всѣ принялись за составленіе списка, опьяненные мечтами. Имъ отрадно было мыслить одинаково; слово проникало въ глубину ихъ взволнованныхъ душъ, подобно желѣзу плуга, взрывающему почву ихъ виноградниковъ. По временамъ, они переводили духъ, и женщины сочувственно вздыхали. Наконецъ, Красная-Голова торжественно прочелъ бумагу. Бѣдняки требовали отъ хозяевъ: доставленія работъ всѣмъ безработнымъ, восьмичасового рабочаго дня, двухъ литровъ вина мужчинамъ, литра—женщинамъ, трехъ франковъ въ день работнику, двухъ франковъ—работницѣ, удаленія управляющаго имѣніемъ Турбъ—г. Азема.

Окончивъ чтеніе, Красная-Голова, молча, оглядѣлъ толпу; женщины лукаво подмигивали; мужчины, веселые, беззаботные, какъ въ воскресенье, поздравляли другъ друга.

— Вотъ это ловко!.. Никакихъ полумѣръ!

Жена Красной-Головы наполнила стаканы; женщины встали

со своихъ мѣстъ и подошли къ мужьямъ и сыновьямъ, чтобы обнять ихъ или похлопать по плечу; одна Жермена осталась на мѣстѣ; втайнѣ ее страшило это возстаніе безразсудныхъ крестьянъ; она ощущала желаніе предохранить отъ смерти или несчастія главу богачей, котораго въ прежнее время своего благосостоянія она открыто избрала бы себѣ въ мужья. Въ особенности она опасалась Расшибалы, ревности влюбленнаго, дѣлавшей его проницательнымъ. Жермена увидала, что онъ уже пробирается къ ней, но въ это время въ комнату хлынула изъ двухъ дверей цѣлая толпа крестьянъ и крестьянокъ, пришедшихъ поздравить Красную-Голову.

Среди наступившей толкотни дѣти запѣли „Марсельезу"; по угламъ взвизгивали дѣвушки, которыхъ щекотали, подъ шумокъ, ихъ возлюбленные. Лампа словно потускнѣла; распространился рѣзкій запахъ пота, голоса повышались, весь домъ дрожалъ, и отъ этого отдаленнаго гула должны были вздрагивать во снѣ обитатели богатыхъ домовъ. Красная-Голова всталъ на стулъ, головы всѣхъ обратились къ нему.

— Друзья!—крикнулъ онъ:—вамъ извѣстна программа требованій? Итакъ, до воскресенья. Разойдемся!

Поднялись громкіе крики въ честь иниціаторовъ стачки; толпа двинулась къ выходу, толкаясь и шумя. Расшибало масленными глазами смотрѣлъ на Жермену; она позволяла ухаживать за собою на словахъ, но отстраняла каждую попытку дать волю рукамъ, вызывавшую въ ней страхъ и отвращеніе.

— Ты ничего не сказала... Презираешь насъ, видно?

— Нѣтъ, я просто думаю, что ради вашей болтовни богачи не разстанутся со своими деньгами.

— Они должны дать намъ деньги и хлѣбъ. Я не хочу околѣвать съ голоду возлѣ ихъ кубышекъ.

— А еслибы ты былъ богатъ, ты отдалъ бы свою кубышку другимъ? Вотъ какъ? Ха, ха! Ври больше...

— Что же дѣлать по-твоему? Просить милости у буржуа, желающихъ быть нашими притѣснителями? Меня злитъ, что ты—дитя народа—противъ насъ.

— Вздоръ! Я раздѣляю ваши страданія. Но я боюсь стачки, боюсь не за богачей, которые станутъ защищаться, а за народъ... Возстаніе вызоветъ крутыя мѣры...

Жермена хитрила, и онъ былъ обманутъ искренностью ея тона. Онъ радостно смѣялся, разминалъ руки, щеголялъ передъ нею своими мускулами; она тоже смѣялась во весь ротъ, такъ что упругая грудь ея вздрагивала подъ узкимъ корсажемъ. Осмѣ-

лѣвъ, онъ попытался пощекотать ее своими мозолистыми пальцами; она ловко уклонилась, твердо стоя на ногахъ и держа руки въ карманахъ передника. Безчувственная она, что-ли?.. Онъ вдругъ обхватилъ ее руками съ такою силою, что Жермена покачнулась, но въ ту же минуту она, выдернувъ у него правую руку, закатила ему полновѣсную пощечину. Онъ отступилъ, смущенный, смѣясь, чтобы скрыть свою досаду, и сама Жермена, отвадивъ его, расхохоталась. Всѣ обернулись въ ихъ сторону; посыпались шуточки, красныя словца; мужчины, вспоминая свои ухаживанія, потѣшались надъ Расшибалой. Красная-Голова сдѣлалъ выговоръ дочери и ласково простился съ молодымъ чезовѣкомъ, который вышелъ послѣднимъ. По его уходѣ, онъ подозвалъ Жермену. Что значитъ ея поведеніе? Она не хочетъ слышать о Расшибалѣ? Пусть такъ, хотя ему онъ по сердцу. Обидно то, что она смѣется надъ ними всѣми, надъ стачкою... Что она о себѣ думаетъ?

— Ничего, отецъ.

— Мы были богаты, но теперь у насъ ничего нѣтъ, кромѣ нашихъ рукъ. И если только ты не раздѣляешь вѣрованій народа, если ты измѣнишь своему крестьянскому роду, если ты обманешь меня, Жермена... — Его страшныя руки съ угрозой поднялись къ ея горлу; казалось, онъ готовъ былъ задушить ее.

— Если ты обманешь меня, я накажу тебя безъ милосердія, чтобы подать примѣръ... Честь — прежде всего.

Онъ выпустилъ ее, стыдясь своего порыва, и, не поднимая глазъ, вышелъ изъ комнаты.

Жермена, ничего не сказавъ, подошла къ матери, прибиравшей бутылки, но втайнѣ трепетавшей отъ страха, и принялась помогать ей. Красная-Голова прошелъ въ погребъ; онъ ругалъ свою черезчуръ довѣрчивую дочь, лукавыхъ буржуа, богатство которыхъ соблазняло ее. Тѣмъ не менѣе, когда онъ вернулся въ комнату, раздраженіе его улеглось, и онъ принялся робко вертѣться вокругъ двухъ женщинъ, молча прибиравшихъ посуду. Когда Жермена проходила мимо него, онъ поймалъ ея руку и спросилъ, глядя ей прямо въ глаза:

— Такъ это правда? Ты — съ нами?

— Да. Не тревожься, отецъ, тебѣ не придется краснѣть за меня.

— Я радъ, очень радъ.

Онъ пожалъ ей руку съ жаромъ, въ которомъ чувствовались радость и святая надежда. Затѣмъ онъ устало опустился

на стулъ у очага и, глядя на пламенѣющій пепелъ, принялся думать о стачкѣ. Своею глубокою душою крестьянина, онъ, казалось, слышалъ голосъ готовящагося къ бою народа, голосъ, подобный гулу ищущаго себѣ исхода подземнаго потока.

II.—Въ Турбѣ.

Антуанъ Корнюберъ былъ красивый человѣкъ лѣтъ сорока, очень смуглый, съ полными красными щеками, съ глазами, въ которыхъ свѣтилось лукавство, а порою — доброта. Сегодня яснымъ утромъ онъ прогуливался въ обществѣ маркиза де-Майреналя по широкой, ведущей въ Турбъ, дорогѣ.

Равнина въ своемъ поблекшемъ осеннемъ одѣяніи сверкала на солнцѣ; повсюду виднѣлись золотистыя и темныя поля, пестрѣли деревни; среди группы домовъ кое-гдѣ поднималась, подобно посоху пастуха, темная колокольня. Эта плодоносная долина, орошаемая разливомъ рѣки, согрѣтая солнечными лучами и близкая къ морю, привлекала много сѣверныхъ и южныхъ племенъ, различныхъ по наружности и характеру; основавшись здѣсь, они съ теченіемъ времени слились въ особую расу, любившую свѣтъ и радость.

Представители аристократіи и буржуазіи—оба съ гордостью, но сегодня не безъ примѣси грусти — любовались своимъ роднымъ краемъ. Въ деревнѣ зрѣла до сихъ поръ еще неизвѣстная среди земледѣльцевъ стачка. Корнюберъ всѣми фибрами своего существа сросся съ родною землей; несмотря на всю его энергію, стачка тревожила его—не изъ-за него лично, а ради этого уголка земли, составлявшаго его могущество и гордость. Какъ истинный крестьянинъ, онъ страстно исповѣдывалъ культъ земли, его счастіемъ было — работать на этой, принадлежавшей его предкамъ землѣ, наслаждаться ею, какъ небомъ, равно доступнымъ для бѣдныхъ и богатыхъ, разливающимъ на всѣхъ свой благословляющій свѣтъ. Онъ предвидѣлъ, что если ничто не остановитъ въ ея гнѣвѣ толпу бѣдняковъ, величайшія бѣды и разрушеніе постигнутъ долину и холмы, дома и житницы, весь родной Лангедокъ, и его собственное, накоплявшееся годами благосостояніе будетъ вырвано съ корнемъ, какъ стоящее на пути дерево.

И все же онъ не могъ осуждать тѣхъ, которые возстали на богачей. Онъ зналъ, насколько лживы, трусливы, скупы, ограничены эти богачи. Онъ не забывалъ, что самъ вышелъ изъ народа, рабочими руками котораго онъ пользовался.

Онъ обращался съ бѣднѣйшими изъ своихъ братьевъ-рабочихъ съ чисто братской фамильярностью. Но теперь, вслѣдствіе паденія цѣнъ, банкротства, задолженности, крестьяне объявили походъ противъ мѣстныхъ крупныхъ владѣній и прежде всего— противъ Турба, самаго обширнаго и прекраснаго. Корнюберъ льстилъ себя мыслью, что силою своего богатства и въ особенности своей воли онъ сломитъ нашествіе варваровъ.

Маркизъ де-Майреналь, наоборотъ, думалъ, что возмущеніе крестьянъ уляжется подъ вліяніемъ весенняго расцвѣта. Ему было семьдесятъ лѣтъ, и онъ столько разъ видѣлъ на своемъ вѣку, какъ плохія времена смѣнялись хорошими, что уже не сомнѣвался въ живучести своего края и народа. Посмѣиваясь надъ мрачными предчувствіями Корнюбера, онъ выпрямлялъ свой высокій, худощавый станъ и весело поигрывалъ тросточкою съ золотымъ набалдашникомъ. Онъ принадлежалъ къ древнѣйшей изъ лангедокскихъ аристократическихъ фамилій и жилъ съ дочерью въ старинномъ, полуразрушенномъ замкѣ, среди запущенныхъ виноградниковъ. Къ себѣ онъ никого не приглашалъ, а, прогуливаясь по окрестностямъ, строилъ планы относительно будущности своей дочери; это утѣшало его въ утратѣ его прежняго престижа въ обществѣ, всецѣло преданномъ культу золота. Добрый въ силу религіозныхъ убѣжденій и по природѣ, маркизъ всюду вносилъ съ собою рѣдкій даръ снисходительности и непоколебимаго оптимизма.

— Чего вы опасаетесь? — успокоительно проговорилъ онъ, обращаясь къ Корнюберу.

— Лично для себя—ничего. Но если я сдамся на ихъ угрозы, и остальная буржуазія сдастся.

— Вы богаты, они вамъ завидуютъ, это такъ естественно.

— Развѣ я воровствомъ нажилъ свое богатство?

— Не въ этомъ дѣло. Вы не станете отрицать, что они угнетены нищетою?

— Не могу же я, ради ихъ удовольствія, давать имъ безъ надобности работу на моихъ виноградникахъ?

— Почему бы нѣтъ? Для буржуазіи могутъ настать временныя затрудненія, они же обречены на вѣчную нужду. Они волнуются для того, чтобы измѣнить порядокъ вещей.

— Не сдѣлались ли вы революціонеромъ?

Маркизъ оправилъ свой галстукъ и отвѣтилъ лукаво:

— Хе! хе! Революціонеръ? Что же? Франція переживаетъ еще одинъ переворотъ. Что до меня лично,—я ничего не теряю. Наша революція 89-го года всего или почти всего меня лишила

Маркизъ смолкъ; у него хватило бы мужества выразить презрѣніе, внушаемое ему алчнымъ эгоизмомъ буржуазіи, но ему не хотѣлось повторять тѣхъ обвиненій, которыми злоупотреблялъ народъ. Онъ не желалъ также оскорблять Корнюбера, самаго честнаго изъ нихъ и менѣе другихъ о себѣ воображавшаго. Онъ посѣщалъ его съ тайною надеждою выдать за него свою дочь. Но Корнюберъ понималъ, что въ глубинѣ души маркизъ не можетъ признать владычества буржуазіи законнымъ и воздерживается отъ обвиненій исключительно изъ чувства презрѣнія. Онъ прикусилъ губу; ему хотѣлось бы сказать маркизу что-нибудь обидное, но тотъ былъ неуязвимъ въ своей бѣдности и чести.

Они продолжали разговоръ о стачкѣ. Корнюберъ жаловался, что крестьяне выбрали самый неудобный моментъ для предъявленія своихъ требованій. Хорошо маркизу совѣтовать, чтобы владѣльцы постарались урезонить ихъ. Развѣ можно столковаться съ ураганомъ? Виною всему Красная-Голова, бывшій буржуа, который учитъ этотъ безмозглый людъ порядку и организаціи, внушаетъ имъ руководящую ими ненависть. Онъ честенъ, уменъ и тѣмъ болѣе опасенъ.

Оба они съ тревогою смотрѣли въ сторону деревни, такой счастливой когда-то, но теперь уже таившей въ себѣ искру мятежа. Сегодня къ владѣльцу Турба должна была явиться депутація, но тяжелый бронзовый колоколъ на колокольнѣ уже отсчиталъ десять медленныхъ ударовъ, а на вершинѣ холма, скрывающаго долину, еще никто не появлялся. Неужели въ послѣднюю минуту крестьяне струсили, отступили? Съ ихъ вожакомъ, Красною-Головою, человѣкомъ здороваго ума, почвенникомъ, но не чуждавшимся культуры, онъ могъ бы столковаться. Что̀ раздѣляло ихъ? Презрѣнный денежный вопросъ. Въ сущности исполненіе одного изъ его желаній зависѣло лишь отъ его собственной воли; мать его, какъ всегда, дала бы свое согласіе. Жерменѣ нравится онъ самъ и его имѣніе; она, не скрываясь, посылала ему взгляды и улыбки, несомнѣнно любовнаго характера. Любилъ ли онъ ее? Онъ находилъ ее страстною, живою, пылкою, полною очарованія, присущаго ихъ расѣ. Она пробуждала въ немъ чувственное влеченіе, связанное съ робостью, уваженіемъ и своего рода стыдливостью. Ему нравилось, что она — единственная изъ незиньянскихъ дѣвушекъ, уже обзаведшихся суженымъ, сохранила до сихъ поръ свободу сердца, дѣвическую невинность. Ему пріятно было ласкать ее взоромъ, слушать ея свѣтлый, какъ воды ручья, голосъ; онъ видѣлъ въ

ней воплощеніе родного Лангедока, въ которомъ онъ былъ королемъ. Тогда онъ думалъ съ наивнымъ суевѣріемъ, что онъ сумѣетъ силою своей любви оградить Турбъ отъ народнаго нападенія, но взамѣнъ не потребуетъ ли она, чтобы онъ, вождь богачей, отдался ей тѣломъ и душой? На мѣстныхъ собраніяхъ, на празднествахъ, Антуанъ Корнюберъ въ кругу знати стыдился по временамъ своего незнатнаго происхожденія; онъ могъ стать равнымъ имъ, лишь женившись на дочери какого-нибудь аристократа; всѣхъ симпатичнѣе былъ ему маркизъ де-Майреналь, но, къ несчастью, онъ не могъ полюбить его дочь—взбалмошную и надменную. Тридцатилѣтняя графиня Сюзанна, худая, высокая, не обладала никакими чарами для того, чтобы плѣнять сердца и возбуждать въ нихъ влеченіе къ себѣ. Она презирала народъ—рабочій классъ и мелкихъ буржуа, простыхъ людей, копающихся въ навозѣ и выражающихъ свою мысль грубымъ, порою непристойнымъ языкомъ.

Въ то время, какъ мужчины разговаривали между собой, графиня показалась на дорогѣ. Она была въ черной амазонкѣ и ѣхала на длинномъ, костлявомъ конѣ, напоминавшемъ Россинанта. Мужчины остановились, интересуясь узнать: почему она такъ спѣшитъ? Подъѣхавъ къ нимъ, она спрыгнула на землю и протянула руку Корнюберу, который самымъ почтительнымъ образомъ раскланялся передъ нею.

— Господа,—проговорила графиня,—на деревнѣ дѣла идутъ все хуже и хуже. Вы, кажется, этого не подозрѣваете?

— Мы знаемъ, графиня, — отвѣтилъ Корнюберъ: — скоро стачка разразится, и я первый пострадаю отъ нея, но я не боюсь. Мои рабочіе еще не забастовали.

— Итакъ, вы намѣрены отказать народу въ его требованіяхъ?—спросила она, гордо поднимая свое угловатое, рыжеватое лицо съ маленькимъ ртомъ.

— Безусловно.

— Вы правы. Нельзя допустить, чтобы онъ въ своей грубости уничтожилъ все, чѣмъ мы живемъ.

— Въ тебѣ нѣтъ милосердія, дитя мое! — вздохнулъ маркизъ.—Крестьяне—не скотъ.

— Крестьяне утратили, папа, чувство уваженія и покорности, даже самую вѣру. Они въ бѣдности своей блуждаютъ, какъ слѣпцы, ожидая справедливости, которой не можетъ быть на землѣ.

Она ударила хлыстомъ по своей амазонкѣ; маркизъ пожалъ плечами, но въ это время они замѣтили поспѣшно спускавша-

гося съ холма полевого сторожа Палью, франтоватаго, съ сѣдыми усами и загорѣлымъ лицомъ, гордившагося своимъ званіемъ, дававшимъ ему право носить на перевязи ружье. Онъ отдалъ честь по-военному.

— Мое почтеніе, господа! Вотъ бумага отъ г. мэра.

— Хорошо,—отвѣтилъ Корнюберъ, спокойно пробѣжавъ приглашеніе мэра, который очень любезно упрашивалъ его пожаловать по важному дѣлу въ мэрію. Корнюберъ сдвинулъ брови.

— Въ чемъ дѣло?

— Вы знаете, г. Корнюберъ. Съ вами хотятъ поговорить насчетъ стачки.

— Стачка? Я не знаю ея.

— Тѣмъ хуже. Я исполняю приказаніе г. мэра.

— Я не повинуюсь ничьимъ приказаніямъ.

Корнюберъ, отвернувшись, подошелъ къ маркизу и его дочери, между тѣмъ какъ сторожъ отправился въ обратный путь, оскорбленный въ своемъ самолюбіи должностного лица; онъ не безъ зависти поглядывалъ на этого буржуа, богатство котораго ставило его надъ всѣми и привлекало къ нему сочувствіе даже бывшихъ владѣльцевъ и господъ этого края. Онъ дошелъ уже до вершины холма, когда на встрѣчу ему попался управляющій Корнюбера, г. Азэма́, ѣхавшій въ своемъ тильбюри.

Азэма́ — управляющій, довѣренное лицо богача Корнюбера, былъ значительною особою. Толстякъ, съ лоснящимися щеками, съ живыми черными глазами, онъ изумлялъ своею подвижностью, своею выносливостью; онъ былъ всегда въ разъѣздахъ, всегда за работою.

По происхожденію сынъ рабочаго, онъ блестяще окончилъ курсъ коллегіи, десятью годами ранѣе Корнюбера, но затѣмъ поддался очарованію, которое земля имѣетъ для крестьянина. Онъ воздѣлывалъ ее, удобрялъ, умѣло повышая ея производительность; въ теченіе двадцати лѣтъ онъ работалъ въ Турбѣ, ставшемъ для него роднымъ. Онъ заражалъ рабочихъ своимъ жаромъ, „пробиралъ“ недобросовѣстныхъ, не хитря съ ними, и самому хозяину, не стѣсняясь, высказывалъ свое мнѣніе. Его не любили, но побаивались.

Тильбюри приближался, лошадь была въ мылѣ; подъѣхавъ къ Корнюберу, управляющій, отдуваясь, соскочилъ на землю.

— Ну, что́ дѣлается на деревнѣ, Азэма́?

— Это серьезнѣе, чѣмъ я предполагалъ, г. Корнюберъ. Вы получили приглашеніе мэра? Я бы не поѣхалъ туда на вашемъ мѣстѣ.

— Я и не пойду. Пусть явится сюда.

— Главари собрали народъ, всѣ ждутъ на дорогѣ. Жены горланятъ громче мужей. Требуютъ полнаго подчиненія хозяевъ. Въ особенности они возбуждены противъ васъ. Они предъявятъ вамъ свои требованія, и если вы не исполните ихъ, снимутъ вашихъ рабочихъ. Нельзя дѣлать имъ ни малѣйшей уступки.

— Я ничего не уступлю. Не сомнѣвайтесь во мнѣ.

Корнюберъ похлопалъ его по плечу. Азема взглянулъ на него, тронутый дружбою, которою удостоивалъ его хозяинъ.

Маркизъ съ дочерью, отошедшіе изъ деликатности, приблизились не безъ колебанія къ разговаривавшимъ.

— Итакъ, вы примете стачечниковъ, г. Корнюберъ?— спросила графиня.

— Придется.

— Въ такомъ случаѣ мы покидаемъ васъ. Они способны явиться въ замокъ. Мы — дворяне, и поэтому насъ ненавидятъ.

Она горячо пожала ему руку, желая выказать ему свое уваженіе; затѣмъ отецъ подсадилъ ее на лошадь, и они молча удалились по освѣщенной солнцемъ аллеѣ. Азема вышелъ изъ экипажа и, легко неся свою тушу, пошелъ рядомъ съ хозяиномъ, не сводившимъ глазъ съ деревни. Въ километрѣ отъ нихъ лежала среди розъ и платановъ усадьба, сіяющая ослѣпительною бѣлизною; деревня осталась позади влѣво,—оттуда доносился гулъ, подобный гудѣнію машинъ на фабрикѣ. Съ долинъ и холмовъ, брошенныхъ сегодня рабочими, поднимался запахъ виноградныхъ лозъ и дрока. Несмотря на свое мужество и рѣшимость, оба они смутно боялись выказать себя трусами передъ состоящею изъ знакомыхъ лицъ толпою. У подножія террасы показался слуга, взявшій лошадь Азема. Домъ съ опущенными ставнями, залитый солнечнымъ свѣтомъ, мирно дремалъ.

Азема пошелъ за рабочими, которыхъ было двадцать человѣкъ; за исключеніемъ троихъ горцевъ, они были изъ Незиньяна и давно уже работали въ Турбѣ.

Корнюберъ спросилъ у нихъ, не имѣютъ ли они какихъ-либо претензій, и предупредилъ, что стачечники попытаются ихъ снять. Но тотъ, кто броситъ его,—пусть пеняетъ на себя. Рабочіе загудѣли и, подталкивая другъ друга, заявили, что они останутся ему вѣрны.

— Хорошо,—заключилъ хозяинъ:—ступайте на работу.

Въ то время, какъ они удалялись подъ надзоромъ размахивавшаго руками Азема, воздухъ огласился звономъ колокола. За первымъ ударомъ послѣдовалъ другой, третій; они учащались и

звучали все громче и отчетливѣе надъ долиною и холмами. Это былъ погребальный звонъ, звонъ набата, возвѣщавшій о пожарахъ.

Вскорѣ изъ деревни показалась толпа народа—до пятисотъ человѣкъ, считая женщинъ, такихъ же смѣлыхъ, какъ мужчины, направлявшихся къ Турбу въ полномъ порядкѣ. Предводительствовалъ ими Красная-Голова, замѣтный по красному цвѣту лица и буржуазному платью.

Позади всѣхъ въ облакѣ пыли шествовалъ мэръ—Жозефъ Рабіоль, сколотившій цѣною всякихъ лишеній деньгу; въ юности онъ былъ бонапартистомъ, но затѣмъ, слѣдуя по теченію, превратился въ радикальнѣйшаго изъ мѣстныхъ буржуа.

Вдругъ онъ затрепеталъ; его требовали въ передніе ряды. Удерживаемые невольнымъ чувствомъ уваженія, стачечники не рѣшились вступить въ предѣлы Турба. Корнюберъ, неподвижно стоявшій со сложенными на груди руками на террасѣ дома, импонировалъ имъ своимъ мужествомъ.

Мэръ, гладкое, бритое лицо котораго, обрамленное короткими сѣдыми бакенбардами, подергивалось отъ страха, подбѣжалъ къ Красной-Головѣ, спрашивая: чего они хотятъ отъ него?

— Ступай, передай самъ наши требованія Корнюберу.

— Я?.. Но вѣдь я не... стачечникъ.

— Ты—представитель власти. Спроси у твоихъ избирателей.

— Да, да... Да здравствуетъ г. мэръ!

Его вытолкнули впередъ, и съ бумагою въ рукѣ, не безъ гордости, такъ какъ онъ чувствовалъ на себѣ взоры народа, г. мэръ рѣшительно спустился съ холма. Корнюберъ пошелъ навстрѣчу тому, кто представлялъ въ его глазахъ законъ, столь же священный, какъ собственность. Они сошлись на томъ мѣстѣ аллеи, гдѣ графиня Сюзанна остановила, часъ тому назадъ, своего коня. Мэръ привѣтствовалъ хозяина не слишкомъ низкопоклонно, такъ какъ за нимъ слѣдили издали его избиратели, но они не могли его слышать, и потому онъ заговорилъ льстиво.

— Здравствуйте, г. Корнюберъ. Простите, что я... Я долженъ выполнить... трудную обязанность...

— Я знаю, не будемъ терять времени,—отвѣтилъ Корнюберъ просто и съ достоинствомъ. Я не желаю выслушивать требованія рабочихъ.

— Но тѣмъ не менѣе стачка... Отъ васъ будетъ зависѣть согласіе другихъ хозяевъ.

— Чужія дѣла меня не касаются. Я никогда не уступлю силѣ.

— Люди страдаютъ... Посмотрите на нихъ.

Онъ широкимъ жестомъ указалъ на толпившихся и гудѣвшихъ, какъ колосья въ бурю, крестьянъ. Разумникъ бормоталъ проклятіе по адресу узурпаторовъ собственности, противъ холостяка Корнюбера, сопровождая свои слова непристойными шуточками, повторяемыми въ еще болѣе грубой формѣ женщинами. Желѣзникъ свирѣпо колотилъ себя въ твердый, какъ камень, лобъ. Расшибало, запыленный, потный, краснолицый, слѣдилъ, какъ хищникъ, за Корнюберомъ, которому деньги давали силу и красоту. Красная-Голова, вытянувъ шею, не безъ недовѣрія наблюдалъ за Рабіолемъ.

Увы! Мэръ уже утратилъ свое мужество, подавленный великолѣпіемъ Турба.

— Народъ голодаетъ, г. Корнюберъ. Онъ не золъ.

— Его сбиваютъ съ толку. Вы должны направить его на путь истинный.

— Я ничего не могу сдѣлать. Всѣ блага жизни—зависятъ отъ васъ. Придите къ нему на помощь.

Корнюберъ, улыбаясь его лести, посмотрѣлъ въ сторону крестьянъ съ вниманіемъ, которое было принято за колебаніе. Онъ искалъ глазами Жермену и, не найдя ее въ толпѣ, ощутилъ большое удовольствіе. Онъ, снова улыбнулся, но тутъ же проговорилъ:

— Довольно. Я не желаю ничего болѣе слышать.

— Вы возбудите ихъ противъ себя.

— Я сумѣю защититься.

Рабіоль вернулся къ крестьянамъ, повѣсивъ носъ. Надменность владѣльца Турба оскорбляла его въ его званіи должностного лица и въ достоинствѣ буржуа. Люди кинулись къ нему навстрѣчу, забросали его вопросами. Нѣкоторые изъ нихъ, взбѣшенные, стали бросать каменья и плевать вслѣдъ богачу, который медленно, съ гордымъ равнодушіемъ возвращался въ свой домъ.

— Пойдемте!—сказалъ Красная-Голова.—Ничего хорошаго намъ не дождаться ни отъ доброй воли, ни отъ разума здѣшняго повелителя. Обдумаемъ сообща, какими средствами возможно одержать надъ нимъ побѣду.

III. — Оливковая вѣтвь.

Насупротивъ Турба за большою дорогою у Красной-Головы было поле, засѣянное медуницею. Въ этомъ полѣ послѣ обѣда

Жермена, твердо стоя на широко разставленныхъ ногахъ, копала землю. Въ лучахъ сіянія заката ея смуглая кожа принимала розовый оттѣнокъ, волосы казались почти черными, а подвижныя ноздри раздувались. Порою она останавливалась для отдыха, засучивала рукава и отирала лицо. Облокотившись на заступъ и подпирая гладкою рукою свой полный подбородокъ, она задумалась, какъ вдругъ замѣтила Корнюбера, прогуливавшагося по другой сторонѣ изгороди, которая доходила ему до плечъ. Она смущенно отвернулась. До сихъ поръ при встрѣчахъ она всегда пугалась его. Не былъ ли онъ первымъ изъ крестьянъ, имѣвшимъ власть надъ людьми и землею? Сегодня она ощущала къ нему ревнивую нѣжность и жалость, такъ какъ всѣ люди ненавидѣли его. Среди безмолвія мужество ея слабѣло, ее пожирало желаніе взглянуть на него, откликнуться на его призывъ, если онъ позоветъ ее. И онъ въ свою очередь, казалось, позабылъ о своей обычной осторожности; она поняла, что онъ издали увидѣлъ ее, и потому пришелъ сюда. Вдругъ онъ дружески окликнулъ ее.

Она поднялась и съ улыбкою взглянула на него; онъ позвалъ ее знакомъ. Она оглядѣлась, бросила заступъ и побѣжала по тропинкѣ къ изгороди изъ шелковичныхъ кустовъ, изъ-за которой Корнюберъ радостно протягивалъ къ ней руки.

— Жермена! Идите же ко мнѣ.

— Къ вамъ? Нѣтъ, нѣтъ...

— Ну да! Здѣсь есть отверстіе.

Повязавъ фуляръ вокругъ шеи, она снова оглядѣлась. Сердце ея забилось сильнѣе; она чувствовала себя желанной и счастливой. Но ихъ могутъ увидать?

— Мы пройдемъ въ рощу.

Она ловко пролѣзла въ отверстіе, и, очутившись вмѣстѣ, они радостно и удивленно разсмѣялись. Онъ обнялъ ее.

— Вы такъ хороши, и я ни разу не могъ вамъ этого сказать. Почему?

— Вы сами знаете—почему. Я простая крестьянка.

— Я тоже крестьянинъ.

— Но вы слишкомъ богаты. Вы не можете меня любить.

— Давно люблю. Никто мнѣ этого не запретитъ.

— Я просто нравлюсь вамъ. Но вы честный человѣкъ, и я къ вамъ пришла.

— Я васъ люблю, особенно послѣ нынѣшней бури; я такъ одинокъ, такъ ненавидимъ...

— Почему вы позвали меня, если ни вы, ни я не можемъ надѣяться ни на что хорошее?

— Если у меня достало мужества позвать васъ среди удручающей меня тишины, то это лишь потому, что̀ воля моя оказалась слабѣе моего сердца. Можно ли совладать съ нимъ?

— Нѣтъ, — по крайней мѣрѣ, не всегда, — отвѣтила она, опуская голову.

— Я зналъ, что̀ вы мнѣ отвѣтите. Когда по воскресеньямъ, на сельскихъ праздникахъ, я обращался къ вамъ съ шуткою или допрашивалъ глазами, въ вашихъ глазахъ и на губахъ я читалъ нѣжный отвѣтъ. Вы, быть можетъ, жалѣли меня, вѣрили мнѣ среди этой сумятицы?

— Что̀ это значитъ для васъ? Вы такъ богаты!

Онъ обнялъ ее за талію, и они прошли, нагибаясь, вдоль густой изгороди, до оливковой, расположенной на холмѣ рощи. Тамъ они принялись ходить по тѣнистымъ тропинкамъ, робко прижимаясь другъ къ другу, обмѣниваясь тихими словами. Еслибы онъ могъ ее любить!

— Вы все можете. Я слишкомъ бѣдна, чтобы располагать собою.

— Не будьте такой злою. Никто не можетъ мнѣ запретить надѣяться, хотя вашъ отецъ ненавидитъ меня за то, что я купилъ у него Турбъ. Все равно, его купилъ бы кто-нибудь другой, чужеземецъ, быть можетъ.

— Мы сами ни въ чемъ не нуждаемся, но отецъ требуетъ справедливости для всѣхъ людей. Онъ стоитъ за неимущихъ и возбуждаетъ себя противъ богачей, всѣмъ распоряжающихся. А такъ какъ вы могущественнѣе другихъ, онъ первымъ намѣтилъ васъ.

— Онъ не правъ. Если я паду, на мое мѣсто явится другой. Я никому не дѣлаю зла; сердце мое обливается кровью при видѣ страданій ближняго. Оно проситъ только любви, Жермена...

Онъ склонялся къ ея лицу, свѣжему и благоуханному, опьянявшему его. Взволнованные свиданіемъ наединѣ, оба въ расцвѣтѣ здоровья и молодости, они обмѣнялись неловкимъ, восхитительнымъ поцѣлуемъ, страдая за свой родной край, полные къ нему благоговѣйной нѣжности.

Въ нихъ и вокругъ нихъ царило безмолвіе золотистой осени; дуновеніе вѣтерка было такое же слабое, какъ шелестъ крыльевъ пролетающей птицы.

— Сядемъ здѣсь,—прошепталъ онъ,—иначе насъ могутъ замѣтить.

Онъ первый опустился на траву. Жермена колебалась, отворачиваясь отъ его умоляющаго взгляда. Онъ смотрѣлъ на нее

съ цѣломудреннымъ обожаніемъ, повторяя слова, смыслъ которыхъ она не понимала, но которыя обжигали ее огнемъ. Наконецъ, уступая порыву своей смѣлой души, она не безъ граціи опустилась рядомъ съ нимъ; онъ схватилъ ея руки; теперь она не могла уже ни лгать, ни притворяться, чувствуя себя любимой,—она заплакала.

— Вы плачете, Жермена? Развѣ я заставляю васъ страдать?

— Нѣтъ, если я слушаю васъ, то потому, что сама этого хочу. Мои мысли давно стремились къ вамъ, вы это знаете. Но если отецъ узнаетъ, онъ жестоко расправится съ нами; онъ никогда не повѣритъ, чтобы вы дѣйствительно пожелали современемъ взять меня въ жены.

Корнюберъ ощутилъ глухую боль. Онъ рѣзко отстранился, и Жермена въ свою очередь ревниво схватила его за руку. Онъ заговорилъ почти съ гнѣвомъ. Неужели она съ первой же минуты говоритъ о свадьбѣ? Не желаетъ ли она привлечь его на сторону возмутившихся? Быть можетъ, они подослали ее, чтобы завлечь его въ засаду?

— Меня? Да вы съ ума сошли! Кто позвалъ меня? Мнѣ скорѣе слѣдовало бы опасаться.

— Чего?

— Быть вашею жертвою... Уже давно говорятъ о вашей женитьбѣ. Но если вы женитесь на этой старой дѣвѣ, некрасивой, такой же бѣдной, какъ я,—это будетъ отвратительно. Я довѣрилась вамъ, какъ крестьянину, повѣрила въ вашу честь и доброту, потому что я люблю васъ...

Она говорила страстно, глухимъ голосомъ, выражая требованіе, чтобы онъ принадлежалъ ей одной; теперь она уже не смущалась; она открыто и честно отдавала ему свою любовь, не думая о его богатствѣ. Онъ нѣжно поцѣловалъ ея щеки. Онъ полюбилъ ее именно за ея чисто народную красоту и мощь, за то, что на ней какъ бы лежитъ отблескъ этого чуднаго уголка земли, гдѣ она родилась и который равно дорогъ имъ обоимъ. Съ себувду она колебалась, но потомъ, взявъ его за обѣ руки, заговорила серьезно, съ пылкою мольбою. Она вручаетъ ему свою жизнь, но будетъ очень дурно съ его стороны, если онъ современемъ не введетъ ее въ свой домъ, къ матери, въ качествѣ жены...

Корнюберъ крѣпче прижималъ къ себѣ дѣвушку, цѣлуя ее въ лобъ. Признаніе Жермены, ея сердечная доброта, ея свѣжая красота—опьяняли его, очищали отъ искушеній. Въ этой рощѣ, куда долеталъ влажный морской вѣтерокъ, подъ небомъ, полнымъ

жги, блескъ котораго умѣрялся сѣткою оливковыхъ вѣтвей, онъ чувствовалъ себя простымъ крестьяниномъ, полюбившимъ равную ему по происхожденію крестьянку. И онъ прошепталъ ей на ухо, словно боясь, что роща подслушаетъ его, — свою клятву любви.

— Не вѣрьте никакимъ клеветамъ, Жермена. Я люблю васъ одну. Живи мы въ другое время—я сумѣлъ бы убѣдить мою мать дать согласіе на нашъ бракъ. Главное препятствіе — вашъ отецъ.

— За него я ручаюсь.

Сильная своею рѣшимостью, она прижалась къ нему и подставила свои губы. Онъ коснулся ихъ поцѣлуемъ, полнымъ такого упоенія, что долженъ былъ на мигъ закрыть глаза.

Съ минуту они оставались такимъ образомъ, не чувствуя поднявшагося вечерняго вѣтерка. Жермена встала первая; вдали, среди виноградниковъ и луговъ лежала усадьба; безбрежная равнина казалась колыхающимся моремъ. Жермена и Корнюберъ шли обнявшись, неровными шагами, останавливаясь по временамъ.

Она подняла на него съ признательною улыбкою свои черные глаза; любовь исходила отъ нихъ, какъ теплота отъ пламени, и сознаніе ихъ близости дало имъ мужество проститься.

— Я ухожу,—сказала Жермена,—когда мы увидимся? Вы не можете придти на деревню. Я сама васъ найду.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Не смѣйтесь.

— До свиданія.

Жермена побѣжала вдоль изгороди и, обернувшись еще разъ, улыбнулась Корнюберу, любовавшемуся ея ловкими, увѣренными движеніями. Вернувшись на свое поле, она снова взялась за заступъ—спокойная по наружности, но ласки человѣка, подчинившаго ее своему обаянію, жгли ей лицо и руки.

Проходившіе мимо крестьяне вздумали посмѣяться надъ Жерменою, дочкою буржуа, которой приходится теперь копать землю; она гордо отвѣтила имъ, презирая мужчинъ за ихъ грубость, женщинъ—за безобразіе. Когда они прошли, она снова, крадучись, приблизилась къ Турбу, господинъ котораго овладѣлъ всецѣло ея сердцемъ. Корнюберъ въ свою очередь жадно слѣдилъ за нею. Увидѣвъ ее по другую сторону рва, онъ выпрямился и весело разсмѣялся, протягивая къ ней руки. Но въ это время на дорогѣ снова показались крестьяне,—она вздрогнула и быстро нырнула въ сторону. Корнюберъ въ свою очередь также скрылся

за кустами, стыдясь того, что и ему приходится скрываться. Неужели эти дикари видѣли его въ обществѣ Жермены?

Красная-Голова, бродившій съ толпою безработныхъ по улицамъ Незиньяна, усталый вернулся домой, гдѣ онъ нашелъ Жермену, свѣжую, улыбающуюся, уже переодѣвшуюся послѣ работы, что она всегда дѣлала. Въ красноватой шерстяной юбкѣ, въ корсажѣ цвѣта мальвы, въ бѣлой косынкѣ на полной шеѣ, она накрывала столъ грубою, но хорошо пахнувшею чистымъ бѣльемъ скатертью. Мать ея—очень опрятная въ своемъ полу-траурномъ платьѣ—приготовляла ужинъ: супъ съ яйцами и рагу изъ баранины.

При входѣ отца, подходившаго къ ней тяжелыми шагами, Жермена, чуя недоброе, подняла голову.

— Хорошо ли ты работала? — спросилъ онъ, и когда она отвѣтила утвердительно, воскликнулъ:

— Это неправда! Тебя видѣли въ Турбѣ. Ты ходила къ Антуану Корнюберу.

— Я?!

Она такъ рѣзко поставила на столъ стаканъ, что едва не разбила дно, но, понявъ, что отецъ лишь подозрѣваетъ ее, принялась энергично отрицать, сильная своею любовью. На нее клевещутъ тѣ, кого она знать не хочетъ: люди еще помнятъ, что они прежде были богаты, и хотятъ помучить отца.

— Молчи! Ты — женщина, и у тебя есть свои тайны, но если ты пожертвуешь этому Корнюберу нашею честью и своею молодостью,—ты больше не дочь мнѣ. А съ нимъ я сквитаюсь.

Жермену охватила дрожь. При каждомъ упоминаніи о стачкѣ, она подъ какимъ-нибудь предлогомъ выходила изъ комнаты, унося блюдо, подавая бутылку.

Красная-Голова ѣлъ безъ аппетита; онъ спѣшилъ на собраніе въ бочарную Разигада, куда уже потянулись крестьяне въ сопровожденіи женъ и дочерей. Публика размѣстилась на скамьяхъ, на бочкахъ и подставкахъ. Для мэра и главарей стачки были приготовлены стулья.

Кое-гдѣ слышался смѣхъ, люди подталкивали другъ друга локтемъ съ грубоватою, свойственною ихъ расѣ веселостью.

— Жермена не пришла?—шепнулъ Расшибало.

— Нѣтъ.

— Надо было привести ее.

Красная-Голова, не отвѣчая ему, обратился къ народу.

— Граждане, мы не станемъ произносить рѣчей. Мы собрались сюда потому, что мы голодаемъ и хотимъ работы. Пусть высказется г. мэръ.

Рабіоль, явившійся въ старомъ платьѣ для того, чтобы имѣть видъ человѣка, переносящаго лишенія, сталъ въ замѣшательствѣ теребить свои бакенбарды. Мысли его разлетались, какъ уносимые вѣтромъ листья. Въ глубинѣ души онъ ощущалъ возмущеніе противъ стачки и не видѣлъ никакого средства, которое могло бы сломить упорство богачей, ладившихъ съ мѣстною администраціей. Онъ завелъ рѣчь о терпѣніи, о братствѣ людей, о будущемъ золотомъ вѣкѣ равенства, но его безъ церемоніи прервали криками:—Довольно!

Тогда заговорилъ Красная-Голова. Мэръ не понялъ ихъ; они желаютъ знать: можетъ ли онъ поддержать матеріально ихъ стачку? На это Рабіоль отвѣтилъ, положивъ одну руку на сердце, а другую на желудокъ, что бюджетъ ихъ всецѣло зависитъ отъ г. префекта.

— Повсюду городскіе совѣты устраиваютъ выдачу ассигновокъ стачечникамъ,—вмѣшался Желѣзнякъ.

— Я люблю народъ...

— Не въ этомъ дѣло,—прервалъ страпчій:—что надо дѣлать?

— Прежде всего доказать властямъ, что у васъ есть выдержка и терпѣніе.

— Терпѣніе? — послышалось со всѣхъ сторонъ.—Но голодъ не ждетъ... А наши дѣти?

Мужчины гнѣвно размахивали руками, женщины стучали ногами, и Красная-Гогова кусалъ себѣ ногти, видя, что народъ ускользаетъ изъ-подъ вліянія вожаковъ, повинуясь инстинктамъ раздора и разрушенія. Онъ поднялся и заговорилъ, призывая ихъ къ спокойствію. Они нуждаются въ помощи мэра и совѣта. Твердость оратора произвела впечатлѣніе, но вдругъ Расшибало зарезѣлъ:

— Терпѣніе?.. До какихъ это поръ? У мэра есть что кусать... Красная-Голова прикидывается другомъ бѣдняковъ, а почему Жермена чуждается насъ? Говорятъ, что она провела сегодня нѣсколько часовъ въ Турбѣ съ господиномъ Корнюберомъ. Что они тамъ дѣлали вдвоемъ?

— Ты съ ума спятилъ! Что ты говоришь?—загремѣлъ Красная-Голова.

Но Расшибало, чувствуя на своей сторонѣ сочувствіе молодежи, продолжалъ:

— Тѣмъ хуже... Я на все плюю. Я никого не боюсь. А въ

виду проповѣдей Красной-Головы, безучастія его жены и дочки, можемъ ли мы быть увѣрены, что онъ не поладитъ съ Корнюберомъ для того, чтобы вернуть себѣ прежнее свое достояніе?

Но Расшибало слишкомъ далеко зашелъ,—въ толпѣ пробѣжалъ ропотъ отвращенія; онъ хотѣлъ-было продолжать, но Красная-Голова стукнулъ кулакомъ по столу:

— Еслибы я не зналъ тебя, несчастный, я подумалъ бы, что тебя подкупили враги для того, чтобы посѣять раздоръ въ нашей средѣ. Обвинять меня?! Это было бы гнусно, не будь оно такъ глупо... Всѣ знаютъ, что я могу сидѣть спокойно дома, и хлопочу не о себѣ. А тебѣ я даже разрѣшалъ ухаживать за Жерменою, но она еще помнитъ нашу прежнюю жизнь. Она исправится, вотъ и все.

Всѣ привѣтствовали дружескими криками Красную-Голову, который горячился и въ то же время великодушно жалѣлъ своего противника. Расшибало хмуро усѣлся въ углу, понуривъ голову, какъ быкъ подъ ярмомъ. Совѣщаніе продолжалось. Рѣшили, что мэръ обратится къ префекту съ представленіемъ о поддержкѣ стачечниковъ и займется сборомъ денегъ. Нужны деньги для того, чтобы начать кампанію. Когда настанетъ часъ борьбы—Красная-Голова созоветъ ихъ. Рѣшено, что-ли, товарищи?

— Да, да! Красная-Голова правъ... Нужны деньги.

Народъ, не спѣша, сталъ расходиться. Была темная ночь, но часть толпы еще оставалась на площади передъ домами богачей; въ ней накипало негодованіе, ожидавшее лишь повода для того, чтобы прорваться. Эти дома никогда не сіяли огнями, но теперь окна ихъ были закрыты ставнями, царила тишина, полная презрѣнія или страха. Самымъ большимъ былъ домъ Корнюбера, съ затѣйливыми украшеніями и балконами. Хозяинъ его еще не переѣхалъ, и домъ оставался безъ призора, но толпа почему-то не рѣшалась подойти къ нему. Она направилась къ другимъ домамъ; женщины заглядывали сквозь щели ставень на кухни, откуда пахло жаренымъ.—Негодяи! Попрятались по норамъ. За разбойниковъ они считаютъ насъ, что-ли? Надо ихъ попугать.

И Желѣзнякъ ударилъ мѣднымъ двернымъ молоткомъ; гулъ отъ удара раздался по всему дому. Дѣвушки стали колотить въ двери ногами, мужчины — кулаками и палками, дѣти принялись бросать камешками въ ставни. Тщетно Красная-Голова съ мэромъ пытался остановить буйство народа, вредившее его собственнымъ интересамъ. Ихъ не слушали или приглашали „посмѣяться вмѣстѣ".

Съ площади, по предложенію Желѣзняка, толпа двинулась къ клубу, находившемуся насупротивъ почты и огражденному толстою стѣною. И тамъ ни въ окнахъ, ни въ саду не видно было свѣта. Мужчины съ проклятіями принялись колотить въ дверь, мальчишки визжали и плясали. Этотъ гвалтъ разбудилъ бѣдняковъ; старики и дѣти выскакивали полуодѣтые на улицу. Жермена, трепеща отъ страха, также шмыгнула въ толпу; зоркіе глаза Расшибалы подмѣтили ее. Задыхаясь, онъ грубо схватилъ ее за руку. Она вскрикнула.

— Почему ты такъ поздно вышла?

— Пусти меня, мнѣ больно.

— Тѣмъ хуже. Почему ты противишься?

— Я не люблю тебя.

— Неправда. Ты презираешь во мнѣ бѣдняка.

— Я никого не люблю. И если ты думаешь, что своею грубостью ты внушишь мнѣ любовь...

Онъ сталъ умолять ее. Ей такъ хорошо будетъ съ нимъ. Ея отецъ этого желаетъ.

— Любовь ничего не говоритъ мнѣ.

— Берегись! Не можетъ быть, чтобы въ твои годы тебя не влекло къ мужчинѣ. Если ты возьмешь какого-нибудь бѣдняка изъ народа,—я лопну отъ ревности, но оставлю тебя въ покоѣ. Если же ты, самая красивая изъ нашихъ дѣвушекъ, отдашься какому-нибудь буржуа,—я этого не стерплю.

— Я никого не люблю. Пусти меня.

— Знай, что я слѣжу за тобою.

Вырвавшись отъ него, Жермена стала отыскивать отца. Въ эту минуту калитка открылась и вышелъ маркизъ де Майреналь, единственный человѣкъ, рѣшившійся показаться возмутившейся толпѣ. При видѣ маркиза, старшіе изъ главарей попрятались съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Старикъ сталъ убѣждать толпу, дружелюбно окружившую его, разойтись съ миромъ, повинуясь чувству благоразумія, обратиться съ молитвою къ Богу. Пусть они послѣдуютъ за нимъ въ церковь. Ему отвѣтили ироническими усмѣшками, богохульствами, отъ которыхъ кровь застыла у него въ жилахъ, и онъ убѣжалъ, затыкая уши для того, чтобы не слышать ихъ.

IV.—Милостыня.

Угроза стачки повліяла на буржуа. Уже цѣлый мѣсяцъ они брали максимальное число рабочихъ,—не сдавался лишь Корню-

беръ, отожествлявшій свои интересы съ интересами земли, и вся ненависть крестьянъ обратилась противъ него, являвшагося для нихъ символомъ хозяйской власти. Крестьяне питались почти исключительно овощами и страдали отъ холода.

На зиму онъ переѣхалъ въ свой домъ, и тамъ, видя по близости крестьянскую нужду, онъ ощутилъ къ народу искреннее сожалѣніе; мать его въ свою очередь склоняла его на нѣкоторыя уступки. Въ виду этого онъ выразилъ согласіе принять въ воскресенье делегатовъ отъ стачечниковъ. Народъ взволновался,— всѣ думали о владѣльцѣ Турба, о предстоящемъ свиданіи его съ крестьянами, и всѣ какъ-то избѣгали объ этомъ говорить. День выдался свѣтлый, солнечный, небо было голубое. Въ три часа, по окончаніи вечерень, делегаты, тщательно одѣтые, явились къ Корнюберу. Со шляпами въ рукахъ, они гуськомъ прослѣдовали изъ передней въ богато убранный картинами, выходившій окнами на площадь, рабочій кабинетъ. Они сѣли съ непріятнымъ чувствомъ, стараясь о томъ, чтобы роскошь обстановки не повліяла на нихъ въ смыслѣ уступчивости.

Корнюберъ, одѣтый по воскресному въ черный жакетъ и панталоны, принялъ ихъ съ большою простотою и, очень вѣжливо расклавявшись, сѣлъ за большой письменный столъ.

— Я готовъ выслушать васъ, господа. Что вы имѣете сказать мнѣ, имѣющее отношеніе къ благу нашего края? Простите, одно слово... Я желалъ бы руководствоваться вашими совѣтами, но среди васъ я вижу каменьщика. Достаточно ли онъ компетентенъ въ этомъ дѣлѣ?

— Народъ выбралъ меня въ число делегатовъ,—пробурчалъ Желѣзнякъ, почувствовавшій насмѣшку.

— Я не протестую. Вы облечены ихъ довѣріемъ, слѣдовательно—и моимъ.

— Тѣмъ лучше,—и Желѣзнякъ стукнулъ кулакомъ по своей шляпѣ, лежавшей у него на колѣняхъ.

Красная-Голова съ буржуазною благовоспитанностью принялся излагать положеніе дѣлъ: нищета народа, необходимость внести улучшеніе въ систему найма рабочихъ. Онъ заключилъ такимъ образомъ:

— Всѣ хозяева уступили. Они занимаютъ столько народа, сколько могутъ. У васъ работаютъ двадцать человѣкъ. По нашимъ разсчетамъ, вы могли бы держать сорокъ человѣкъ, а затѣмъ—дойти постепенно и до шестидесяти.

— Простите, каждый у себя въ домѣ хозяинъ.

— Нельзя морить людей съ голоду!—проворчалъ Желѣзнякъ.

— Я не могу допустить этого тона!—остановилъ его Корнюберъ.

Странчій предложилъ, чтобы рабочіе чередовались. Корнюберъ отвѣтилъ, что относительно этого можно столковаться.

— Всякій разсуждаетъ по-своему,—сказалъ Красная-Голова:—почему вы не замѣните вашихъ горцевъ здѣшними людьми?

— Развѣ горцы—не равные намъ, не наши братья?

— Здѣшнимъ людямъ ѣсть нечего, а вы даете работу пришельцамъ,—вступился Странникъ.

— Вы сами — мелкій собственникъ и управляетесь одинъ. Почему же изъ чувства человѣколюбія вы не возьмете помощника?

— Только благодаря моему труду и разсчетливости, я сумѣлъ сохранить клочокъ земли, дѣлающій меня независимымъ отъ богачей.—Сколько всѣхъ безработныхъ?—обратился Корнюберъ къ Красной-Головѣ.

— Около двухсотъ.

— И вы хотите, чтобы я кормилъ ихъ всѣхъ?

— Вы и другіе, которые послѣдуютъ вашему примѣру. Нужно, чтобы земля, которая равно принадлежитъ всѣмъ,—кормила людей.

— Ого! Я вижу, что мое право собственности не идетъ въ разсчетъ. Мы должны добиваться улучшеній во имя добра...

— Во имя справедливости!

Красная-Голова, выпрямивъ станъ, говорилъ повелительно, и товарищи его гордо приподняли головы. Корнюберъ, скрестивъ руки на груди, слушалъ съ вызывающимъ видомъ, но въ то же время запахъ земли и навоза, исходившій отъ этихъ людей, сумѣвшихъ таки проникнуть къ нему, наполнилъ его смутнымъ опасеніемъ; онъ вспомнилъ о Жерменѣ, и по выраженію мягкости и раздумья, озарившему его лицо, крестьяне подумали, что дѣло ихъ выиграно.

— Господа,—сказалъ онъ,—не думайте, что я нечувствителенъ къ страданіямъ народа. Въ настоящую минуту я не могу увеличить число рабочихъ, но завтра же я передамъ г-ну мэру тысячу франковъ для нуждающихся.

Делегаты переглянулись. Красная-Голова нахмурилъ брови, Расшибало пожалъ плечами.

— Милостыня?.. Никто ея не приметъ.

— Это дѣло милосердія.

— Ея никто не приметъ!—проворчалъ Расшибало, вздыхавшій при видѣ окружающей роскоши.

Корнюберъ смѣрилъ его взглядомъ, презирая эту животную силу. Расшибало взбѣсился.

— Никто не приметъ! Работа или стачка!

Корнюберъ съ отвращеніемъ поднялся, опираясь о столъ.

— Переговорите, если считаете это возможнымъ, съ моимъ управляющимъ.

Крестьяне попытались остановить его, требуя и прося, но въ эту минуту на порогѣ появился Азэмà, подвижной, какъ всегда, не взирая на свою тучность. Всѣ заняли прежнія мѣстà; Азэмà остановился у письменнаго стола, прикрывая своего господина, дававшаго себѣ слово не вмѣшиваться въ разговоръ.

Въ присутствіи управляющаго всѣ почувствовали себя лучше. Онъ насмѣшливо поглядывалъ на нихъ, какъ на лошадей съ норовомъ.

— Вы требуете невозможнаго,— началъ онъ.— Я все слышалъ. Послушай, Красная-Голова...

— Ничего не хочу слышать. Во-первыхъ, не ты хозяинъ въ Турбѣ. Ты кормишься отъ земли. Значитъ, нужно, чтобы кормились и другіе.

— Да съ чего? Вино не продается, земля требуетъ больше расхода, чѣмъ приноситъ дохода. Нынче съ насъ довольно и двадцати рабочихъ. Ты самъ, Красная-Голова, даромъ что-ли, отдалъ свою землю г-ну Корнюберу? Нѣтъ, ты ее продалъ. А ты, Желѣзнякъ, даромъ отдаешь свою известку и штукатурку? А ты, Стрипчій, не для того ли затѣялъ эту стачку, чтобы занять мое мѣсто? И ты, Странникъ, почему ты не отдаешь бѣднякамъ свою жатву?

Азэмà кричалъ какъ въ полѣ—своимъ грубымъ деревенскимъ голосомъ. Управляющій, зная, что Расшибало влюбленъ въ дѣвушку, которая нравится его хозяину, приберегъ его къ концу.

— А ты знаешь, небось, голодъ? Ты ввязался въ стачку, чтобы пустить пыль въ глаза дочкѣ какого-нибудь буржуа...

— Затки себѣ глотку!—зарычалъ Расшибало:— тутъ дѣло не въ зазнобѣ,—не то мы бы утерли носъ тебѣ и твоимъ царькамъ... Ты долженъ дать намъ работу!

Онъ бушевалъ и горячился, распространяя вокругъ себя запахъ навоза. Красная-Голова не безъ достоинства остановилъ его. Пусть онъ не подражаетъ въ горячности Азэмà, желавшему произвести диверсію. Корнюберъ поднялся и всталъ между Красною-Головою и Азэмà, восклицавшимъ:

— Красная-Голова, я сумасшедшій, что говорю съ тобою. Подумай,—народъ, который въ своей ненависти ты увлекаешь

за собою — онъ обратится современемъ противъ тебя. И дочь твоя — ты также ее губишь, между тѣмъ какъ могъ бы составить ея счастіе, еслибы ты могъ здраво разсуждать.

— Что ты хочешь сказать?

Азэмà, по своему обыкновенію, высказалъ, не стѣсняясь, что думалъ, и всѣ тревожно смолкли; онъ, быть можетъ, проронилъ бы въ гнѣвѣ еще какое-нибудь неосторожное слово, но тутъ вмѣшался хозяинъ:

— Довольно! Будемъ говорить только о землѣ!

Красная-Голова снова сѣлъ, волненіе богача смутило его. По его мнѣнію, Корнюберъ могъ имѣть относительно Жермены лишь безчестныя намѣренія. Какой стыдъ! Если Жермену соблазнитъ Корнюберъ, достанетъ ли у него силы покарать свою дочь, пережить свой позоръ?

Что ему народная нищета—этому пресыщенному буржуа, который, въ отвѣтъ на всѣ просьбы и угрозы, лишь нетерпѣливо постукивалъ ногою и отворачивалъ голову?! Никакихъ уступокъ! Его право, его власть! Какой эгоистъ!

— Ну, что же? Пойдемте!—воскликнулъ Красная-Голова.—Отъ хозяина Турба, очевидно, нечего ждать, и мы понапрасну подвергаемъ себя униженіямъ въ его домѣ.

Товарищи сразу поднялись, сжимая кулаки, съ ненавистью глядя на предметы роскоши.

Корнюберъ кинулся къ двери, чтобы остановить ихъ; онъ подмѣтилъ слезы на глазахъ у Красной-Головы и ощутилъ уваженіе къ этому скромному и честному человѣку, всецѣло преданному дѣлу товарищей.

— Подождите,—сказалъ онъ,—не считайте меня за людоѣда. Я возьму еще десять рабочихъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Красная-Голова:—хотя десять человѣкъ—это немного.

— Больше не могу. Потомъ увидимъ.

— Пусть такъ. Главное—то, что вы уступили.

Гордясь побѣдою, крестьяне надѣли шляпы и, стуча ногами по паркету, пошли къ дверямъ. Корнюберъ смотрѣлъ на нихъ, стыдясь своей уступчивости. Скоты! Онъ слишкомъ много далъ имъ. Азэмà, желая его успокоить, проговорилъ:

— Десять человѣкъ не много, г. Корнюберъ.

— Нѣтъ, много, много! Я откажу имъ.

— Вы проиграете... Если вѣрить слухамъ, m-lle Жермена не будетъ вами довольна.

— Надо опровергнуть эти слухи.

— Вы правы. Не жениться же вамъ на дочери Красной-Головы!

— Я не женюсь. Оставьте меня въ покоѣ.

Аззма исчезъ.

Вечеромъ въ клубѣ было очень многолюдно. Дворане и буржуа окружили Корнюбера, благодаря за уступку, сдѣланную имъ Красной-Головѣ. Народъ—дитя, надо успокоить его. Иначе онъ могъ въ одну ночь уничтожить ихъ виноградники, разнести ихъ домá.

Но тутъ Корнюберъ, выпрямившись во весь свой огромный ростъ, раскричался:

— Я уступилъ только изъ жалости къ вамъ; вы—трусы, и я—тоже... Уступка за уступкою, и въ концѣ концовъ—мы утратимъ чувство собственнаго достоинства!

Они отхлынули отъ него; но когда онъ, утомленный, опустился въ кресло, они снова его окружили; маркизъ осмѣлился потянуть его за рукавъ и тихонько пожурить:

— Вы хотите ожесточить народъ, обрекая его голоду?

— Оставьте меня. Не съ васъ ли брать примѣръ?

— У меня немного,—согласился маркизъ:—вотъ почему я понимаю страданія тѣхъ, у кого ничего нѣтъ.

— Я не допущу, какъ допускаете вы, лѣности, неумѣстныхъ и разорительныхъ требованій...

— Не волнуйтесь,—возражали хоромъ буржуа.—Народъ любитъ время отъ времени устраивать манифестаціи. Это—легкая вспышка.

— Это—настоящее крестьянское возстаніе, новая жакерія, которая поднимается все выше и скоро охватитъ весь Лангедокъ. Разорятъ васъ, но не меня. Вырвать у меня мою землю? Пусть лучше сдерутъ съ меня шкуру... Я былъ неправъ, я выказалъ трусость въ то время, какъ надо было защищаться. Одна революція обогатила насъ, другая—разоритъ.

Онъ кричалъ и бранился, подчиняя себѣ слабыхъ, обѣщавшихъ поддержать его въ борьбѣ со стачкою.

Маркизъ взялъ свою трость и незамѣтно вышелъ. Онъ страдалъ, слыша эти призывы къ борьбѣ съ голодающими людьми, призывы, рождаемые исключительно жадностью. Буржуа — не менѣе грубые, чѣмъ сами рабочіе, не получившіе никакого образованія,—цѣпко держались за свою добычу. Своею скупостью и эгоизмомъ плохо воспитанные буржуа внушали маркизу отвращеніе. Они тоже возмутились, хорошо если не надолго,—иначе народъ пойдетъ по пути насилій и убійствъ. Ему самому съ до-

черью терять нечего, но народъ потеряетъ въ этой недостойной борьбѣ свою честь, свою добрую славу—людей незапятнанныхъ, товарищески добрыхъ и веселыхъ.

Онъ высказалъ свои мысли дочери, ожидавшей его въ большой, по старинному убранной комнатѣ, производившей впечатлѣніе своими размѣрами. Въ каминѣ весело пылали оливковыя вѣтви. Канделабръ въ шесть свѣчей освѣщалъ лицо и фигуру графини. Поставивъ ноги на рѣшетку камина, она перелистывала геральдическую книгу, которую отложила въ сторону для того, чтобы поздороваться съ отцомъ.

Ее заинтересовали его сообщенія. Итакъ, Корнюберъ возмутился? Онъ одинъ выступилъ на борьбу противъ невѣрующаго, безбожнаго народа? Безъ него принципъ власти былъ бы окончательно утраченъ.

— Я уважаю его; онъ не дворянинъ, но достоинъ званія дворянина.

— Ого! Ты далеко заходишь.

— Ничуть. Я уважаю его, и найду возможность выразить это ему.

Она разгорячилась; глаза ея вспыхнули затаенно-лихорадочнымъ блескомъ, и, откинувъ бѣлокурую голову на спинку кресла, она замечталась о богатствахъ Турба.

Маркизъ не смѣлъ пошевельнуться. Мечты дочери пугали его, такъ какъ сегодня въ своемъ раздраженіи Корнюберъ нѣсколько разъ задѣлъ его въ разговорѣ. Какъ ни высоко стоялъ Корнюберъ, онъ все же оставался въ глубинѣ души грубымъ крестьяниномъ, недовѣрчивымъ и завистливымъ по отношенію къ прежнимъ господамъ. Ходили слухи о томъ, что дочь Красной-Головы была его возлюбленной, или, по крайней мѣрѣ,—его лучшимъ другомъ. Среди этого столкновенія различныхъ интересовъ и притязаній, не рискуетъ ли маркизъ де-Майреналь честью дочери и всего своего рода?

Но Сюзанна, повидимому, упорно настаивала на своемъ желаніи. Изъ гордости она еще не заговаривала объ этомъ открыто, а онъ изъ слабости не рѣшался высказывать ей своихъ опасеній. Быть можетъ, она права, желая помолодить ихъ старинный гербъ обновить ихъ благосостояніе.

И маркизъ улыбался, поглаживая сѣдую бороду, а выраженіе оброты придавало оттѣнокъ поэзіи его удлиненному, порозовѣвшему лицу стараго оптимиста.

V.—Приступъ.

Не прошло еще мѣсяца, какъ собственники, преувеличивая изъ тщеславія свое мужество, не постѣснялись бросить вызовъ народу, доведенному, по ихъ мнѣнію, до полной безпомощности. Они разсчитали виноградарей; одинъ изъ владѣльцевъ даже уменьшилъ плату оставшимся рабочимъ, безъ которыхъ нельзя было обойтись. Бѣдняки питались почти исключительно овощами, грибами, улитками; они ходили собирать ихъ по окрестностямъ, занося и туда духъ возмущенія.

Многіе, не сознаваясь въ томъ, жили милостыней, выдаваемой изъ благотворительнаго бюро, кассу котораго мэру съ трудомъ удавалось наполнять, и даже — частною благотворительностью: набожныя дамы втайнѣ раздавали по вечерамъ деньги и припасы. Отцы семействъ знали это и закрывали глаза, но упрекали себя въ измѣнѣ дѣлу, къ которой принуждала ихъ нищета. И тѣмъ сильнѣе ненавидѣли они общественный строй, заставляющій идти на позорныя уступки.

Послѣ Рождества нищета водворилась во всѣхъ домахъ. Богачи прятались по своимъ хорошо защищеннымъ замкамъ. Ночью крестьяне собирались въ кабакѣ или у Красной-Головы и въ сотый разъ обсуждали способы борьбы; они умѣли ненавидѣть, но не знали, какъ проявить эту ненависть.

Наконецъ, Красную-Голову осѣнило вдохновеніе. Имъ не даютъ работы,—они сами станутъ на работу, вотъ и всѣ. Когда нѣкоторые изъ крестьянъ выразили опасеніе, Красная-Голова заявилъ, что онъ самъ поведетъ ихъ. Ему вторично стали рукоплескать.

На разсвѣтѣ январьскаго дня, при рѣзкомъ вѣтрѣ, проносившемся по равнинѣ, храбрѣйшіе изъ крестьянъ, захвативъ рабочія орудія, спустились по склону горы къ Турбу: прежде всего нужно было сломить Корнюбера, главу реакціи.

Яркое солнце золотило равнину, когда они достигли дороги. Рабіоль, мэръ, сокрушался, видя невозможность сдержать своихъ избирателей. Но сторожъ Палью, ближе стоявшій къ крестьянству, чѣмъ мэръ, всею душою входя въ интересы народа, послѣдовалъ за нимъ, исполненный достоинства въ своей синей блузѣ и съ ружьемъ на перевязи черезъ плечо.

Одни изъ турбскихъ рабочихъ перекапывали поле медуницы, остальные работали въ двухъ лучшихъ виноградникахъ. При видѣ

крестьянъ, смѣло ступившихъ на чужую землю, они обезпокоились. Въ качествѣ честно исполняющихъ свое дѣло слугъ, они должны были препятствовать насилію. Тѣмъ не менѣе, въ ихъ темныхъ умахъ зашевелилось опасеніе явиться недостойными трусами, и лишь сознаніе своего обезпеченнаго положенія въ дни общей безработицы дало имъ мужество и соображеніе, необходимыя для отпора.

— Это что̀ еще такое? Мы одни здѣсь работаемъ. Вы— зачѣмъ?

Крестьяне шли безъ страха, увѣренными шагомъ. При ясномъ солнцѣ, поскрипывали колеса плуговъ, которые вели позади Разумникъ и Овца. Рабочіе Корнюбера бросились на дорогу и стали плотною стѣной.

Красная-Голова отстранилъ плечомъ самаго младшаго. Всѣ въ одинъ голосъ загалдѣли:

— Если вы хотите драться, мы не уступимъ. Но мы никого не задираемъ.

— Мы хотимъ добра для всѣхъ и требуемъ работы! — заворчалъ Желѣзнякъ.

Старый рабочій, желавшій выказать благоразуміе, посовѣтовалъ товарищамъ идти за приказаніями въ усадьбу къ управляющему.

— Убирайтесь къ чорту! — захохоталъ Красная-Голова.— Мало же вы походите на товарищей!

— А ты мало похожъ на бѣдняка, сдается мнѣ. Повеличаться хочешь!

— Скотина!

— Спасибо. Ну, ребята, покладай инструментъ. Идемъ въ усадьбу.

— Стойте! — вмѣшался Расшибало. — Если они не хотятъ больше работать, разойдемся и мы по домамъ. Пусть пропадаетъ-прòпадомъ эта земля, покуда богачъ не покорится.

— Не бывать этому!—закричали турбскіе рабочіе, заинтересованные въ результатахъ своего труда. Они съ неохотою отрывались отъ своихъ участковъ, когда замѣтили Корнюбера, шедшаго со стороны деревни, и Азэма̀, спѣшившаго сюда изъ усадьбы. Азэма̀ подоспѣлъ послѣднимъ.

— Это что̀ такое? Что̀ здѣсь происходитъ? Развѣ нѣтъ уже ни закона, ни властей?

Корнюберъ говорилъ громовымъ голосомъ человѣка, возмущеннаго вторженіемъ, позорившимъ его землю. Крестьяне, упорные и безмолвные, съ презрѣніемъ окинувъ его взглядомъ, при-

нялись за работу въ полѣ и въ виноградникахъ. У нихъ достало мужества не отвѣчать на оскорбленія.

Корнюберъ все еще бушевалъ, стоя посреди дороги, когда къ нему подбѣжалъ впопыхахъ его управляющій.

— Не волнуйтесь, г. Корнюберъ, они васъ не послушаютъ; они радуются, что могутъ причинять вамъ непріятность.

— Поглядите, они распоряжаются какъ у себя дома! Не думаете ли вы, негодяи, что революція уже совершилась?

Красная-Голова, копавшій землю вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ и Расшибалою, отвѣтилъ хладнокровно, что этого еще нѣтъ, но такъ какъ имъ не даютъ работы, они сами стали на работу.

— Вы безчестный человѣкъ!

— Не бойтесь, мы будемъ честно работать.

— И вы полагаете, что я заплачу вамъ?

— Само собою.

Корнюберъ обратился къ полевому сторожу Палью, повидимому чувствовавшему себя хозяиномъ на чужой землѣ.

— Сторожъ!—крикнулъ онъ:—ваша обязанность—прогнать этихъ злоумышленниковъ.

— Покуда они не дѣлаютъ ничего дурного, это не касается меня.

— Понимаю. Вы—изъ той же воровской породы. Всѣ утратили сознаніе своихъ правъ и обязанностей.

Высокій, сильный Корнюберъ смѣрилъ съ ногъ до головы взглядомъ маленькаго сторожа, выдержавшаго на мгновеніе его взоръ. Сторожъ ощутилъ трепетъ зависти: могущество Корнюбера, его интеллигентность и богатство, дававшія ему преимущество передъ людьми одного съ нимъ происхожденія—импонировали сторожу. Охраняя свое достоинство должностного лица, онъ не дерзнулъ отвѣтить угрозою.

Корнюберъ, по совѣту Азэма, приказалъ своимъ рабочимъ идти домой. Поднимать шумъ—ниже его достоинства.—Что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ противъ стольких скотовъ?

При этомъ оскорбленіи, Овца и Разумникъ, распахивавшіе борозду, зарычали отъ гнѣва, а Красная-Голова съ товарищами угрожающе поднялъ голову.

— Мы—скоты по вашему?—возразилъ Желѣзнякъ.—Будь у васъ капля человѣколюбія, вы не рѣшились бы такъ честить людей, трудами которыхъ вы разжились.

— Почему вы отказываетесь брать отъ меня пособіе черезъ благотворительное бюро?

— Мы не милостыни хотимъ, а работы. Земля—наша.

Корнюберъ хотѣлъ отвѣтить, но вѣрный Азэмà потянулъ его за рукавъ. Корнюберъ рѣшилъ защищаться путемъ разума и закона.

— Я пойду на деревню—извѣстить мэра о положеніи дѣлъ,—обратился онъ къ Азэмà,—вы останетесь здѣсь для наблюденія.

— И прекрасно, г. Корнюберъ. Желаю вамъ успѣха.

— Да, если только нашъ бутафорскій мэръ не прячется гдѣ-нибудь въ погребѣ. Сторожъ, гдѣ вашъ мэръ?

— Въ мэріи, вѣроятно,—отвѣтилъ Палью, не поворачивая головы.

— Гм! Что касается васъ,—если мнѣ случится быть у дѣлъ, я пошлю васъ поучиться порядку въ другомъ мѣстѣ.—Пожавъ могучими плечами, Корнюберъ зашагалъ по дорогѣ, между тѣмъ какъ сторожъ въ своемъ оскорбительномъ безучастіи даже не пошевельнулся.

Азэмà присѣлъ на камень, для того, чтобы наблюдать за Красною-Головою съ его „шайкою". Солнышко пригрѣвало его; онъ видѣлъ, какъ рабочіе съ орудіями на плечѣ медленно шли къ усадьбѣ, смущенные и опечаленные.

Корнюберъ уже подходилъ къ деревнѣ, и когда онъ исчезъ, на дорогѣ стало словно просторнѣе. Онъ не нашелъ мэра ни въ мэріи, ни на дому. Рабіоль прятался на берегу рѣки, на мыскѣ, примыкавшемъ къ кварталу бѣдняковъ. Появленіе Корнюбера, озабоченнаго, съ глазами, готовыми выскочить, произвело на деревнѣ сильное впечатлѣніе, къ которому примѣшивалась смутная тревога и тайное удовлетвореніе.

Проходя мимо дома Красной-Головы, онъ рѣзкимъ голосомъ поздоровался съ его задумчивою женой и Жерменой,—еще не причесанной со сна и прятавшеюся у стѣнки.

— Сегодня вечеромъ обо мнѣ услышатъ!

Онъ прошелъ къ вокзалу и, захвативъ мѣстный поѣздъ, былъ черезъ часъ въ городѣ.

Помощникъ префекта принялъ его лишь послѣ 12-ти часовъ и сперва разсѣянно выслушалъ его жалобу. Но когда Корнюберъ установилъ фактъ покушенія крестьянъ на собственность, онъ ощутилъ нѣкоторый ужасъ. Скорѣе въ виду охраны своей личности, чѣмъ интересовъ южанъ, этотъ бѣлесоватый, флегматичный уроженецъ сѣвера призналъ необходимымъ вернуть безработныхъ въ ихъ лачуги. Мелкій властолюбецъ, совершенно не понимавшій пылкую натуру жителей Лангедока—этой арены религіозныхъ и междоусобныхъ войнъ, онъ льстилъ себя мыслью, что сумѣетъ сразу, однимъ громовымъ ударомъ навести ужасъ на крестьянъ.

Въ своей потребности надѣяться, Корнюберъ удалился, удовлетворенный его обѣщаніями. Онъ поздно пріѣхалъ въ Незиньянъ и вышелъ на плохо освѣщенную платформу дебаркадера. Глубокая ночь окутывала все: холмы, рѣку, небо. Вѣтеръ со свистомъ проносился по пыльной дорогѣ; отъ его порывовъ дрожали и скрипѣли изгороди и пустые сарайчики, шелестѣли вѣтви.

Корнюберъ спѣшилъ; онъ уже вышелъ на большую дорогу, когда отъ ближайшаго откоса отдѣлилась тѣнь и безъ колебанія приблизилась къ нему. Онъ приготовился къ защитѣ, но тѣнь, откинувъ капюшонъ плаща, тихо проговорила:

— Вы не узнаёте меня, Корнюберъ?

— Теперь узнаю! Зачѣмъ вы здѣсь?

— Я хотѣла васъ видѣть. Я страдаю за васъ.

— Оставьте меня въ покоѣ!

Онъ упорно отстранялъ ее; она уцѣпилась за него.

— Развѣ вы уже больше не любите меня?

— Что вы дѣлаете здѣсь одна?

— Я ждала васъ.

— Мнѣ никого не нужно. Или это вашъ разбойникъ-отецъ подослалъ васъ?

— Опять? Значитъ, вы не вѣрите мнѣ? Но вѣдь вы любили меня прежде. Если у крестьянъ нѣтъ ума, неужели у васъ нѣтъ сердца?

— Оставьте меня. Никого я больше не люблю. Скоро нельзя будетъ жить на этой землѣ. Она была такъ прекрасна, что приходится расплачиваться за долголѣтнее обладаніе ею. Теперь здѣсь адъ.

— Довольны ли вы вашею поѣздкой?

— Да. Префектъ—если только онъ сдержитъ слово—завтра же пришлетъ сюда жандармовъ.

— Жандармовъ?!

— Да. Вы боитесь за вашего отца?

— Отчасти. Но въ сущности чего мнѣ за него бояться? Онъ заботится о другихъ, не обо мнѣ.

— Что онъ дѣлалъ въ Турбѣ цѣлый день со своею шайкой?

— Товарищи отца такъ усердно работали, словно вы сами наняли ихъ.

— Что за канальи! Не думаютъ ли они, что я покорюсь? Никогда.

— Они были очень благоразумны и окончили работу въ назначенный часъ.

— Упрямцы! Не думаютъ ли они, что я буду принужденъ имъ заплатить?

— Они такъ говорятъ.

— Это доставило бы имъ поводъ возгордиться и значило бы, что я признаю ихъ возстаніе законнымъ.—Онъ вздрогнулъ отъ близости молодой дѣвушки, покорно соразмѣрявшей свою походку съ его шагами. Она снова подчинила его своему роковому очарованію. Жермена слегка прикрывала его своимъ плащомъ и наклоняла голову для того, чтобы лучше разслышать его властный голосъ, причемъ ея голова касалась его щеки. Онъ обнялъ рукою ея станъ, желая забыть близъ нея свои матеріальныя и самолюбивыя заботы. Сознавая необходимость быть осторожными, онъ повелъ ее стороною, крѣпко прижимая ее къ себѣ. Вѣтеръ дулъ по временамъ имъ прямо въ лицо, и они одновременно опускали головы. Усадьба лежала направо у подножія лѣсистой долины Вальроза, но теперь ее едва можно было различить.

Переведя духъ, они продолжали подниматься въ гору болѣе медленнымъ шагомъ; отъ деревни къ нимъ доносился запахъ навоза и прѣлой земли.

— Какое несчастіе—жить среди вѣчной лжи!—прошепталъ Корнюберъ.

— Да, но не думайте, что я покорилась отцу. Я молчу передъ его угрозами, но только изъ осторожности. Я не выйду за того, кого мнѣ навязываютъ, хотя бы онъ выгналъ меня изъ дому...

— Онъ долженъ подозрѣвать, что вы меня любите?

— Онъ даже увѣренъ въ этомъ, но старается это скрыть отъ самого себя и отъ всѣхъ для того, чтобы на деревнѣ не знали о нашихъ домашнихъ неладахъ.

Она съ утомленіемъ вздохнула, готовая заплакать; онъ долженъ былъ поддержать ее, и такъ какъ она слегка оперлась о его плечо, онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и въ глаза. Это вызвало въ цѣломудренномъ, но полномъ силъ существѣ ихъ обоихъ такое волненіе, что они остановились, какъ бы охваченные головокруженіемъ.

Корнюберъ предложилъ разойтись: ихъ могутъ застать. Жермена сказала, что отецъ все равно не повѣритъ придуманному ю предлогу, но онъ такъ усталъ послѣ нынѣшняго дня, что е станетъ настаивать.

— Но если современемъ вы будете моею, Жермена, не окажется ли его теперешняя роль двусмысленной?

— Нѣтъ. Онъ обезумѣлъ отъ жажды независимости и полонъ возмущенія; ему думается, что Расшибало сумѣетъ привлечь меня съ помощью ласкъ или угрозъ на сторону мятежниковъ.

— Расшибало! Вотъ кого я болѣе всего боюсь... Не подпускайте къ себѣ это животное.

Корнюберъ отвернулся. Ему стыдно было сознаваться въ ревности къ бѣдняку. Жермена вздрогнула отъ горделиваго чувства.

— Я буду вашею и ничьей другой.

— Но еслибы, вслѣдствіе несогласія моей матери или оскорбленія со стороны вашего отца, я не могъ жениться на васъ?

— Я помирюсь съ этимъ, если и вы не женитесь на другой.

Онъ круто остановился и властно заглянулъ ей въ глаза, желая убѣдиться въ ея искренности. Она задрожала отъ страха, но, упоенная любовью, готовая на всѣ муки ради нея, она повторила:

— Я помирюсь и съ этимъ.

Она снова взяла его подъ-руку, внезапно осмѣлѣвшая. Деревня лежала тамъ внизу, подобно стаду животныхъ на отдыхѣ.

— Простимся, Жермена. Если завтра будутъ безпорядки, не выходите.

— Я любопытна... Что бы ни случилось, вѣрьте мнѣ. Я никогда вамъ не измѣню.

Она ревниво обняла его, прижимаясь къ нему, чтобы увидѣть его глаза, любовно улыбавшіеся ей. Мимо нихъ прошмыгнула какая-то тѣнь. Они вздрогнули отъ неожиданности и отступили къ стѣнѣ, наткнувшись на кучу сваленныхъ камней.

— Уходите, Жермена.

— Я буду молиться за васъ, за отца, за всю деревню. Не знаютъ они, что дѣлаютъ.

— Тѣмъ хуже. Пусть поймутъ.

Они въ послѣдній разъ обмѣнялись робкимъ поцѣлуемъ. Онъ осторожно разжалъ руки, чтобы выпустить ее изъ своихъ объятій, и остановился у стѣны, провожая ее глазами. Закутанная въ плащъ, Жермена безшумно удалялась въ сумракѣ и пыли дороги.

Корнюберъ впотьмахъ вернулся домой и, натыкаясь на стѣны, онъ не безъ тайнаго ужаса подумалъ, что кто-нибудь изъ его враговъ безнаказанно могъ бы убить его во мракѣ. Въ безмолвіи этой темной ночи онъ чувствовалъ, что бѣдняки, послѣдніе рабы его расы, думаютъ о немъ въ своихъ снахъ. Въ эту тревожную ночь, растроганный воспоминаніями о преданности и чистотѣ Жермены, онъ содрогался отъ наслажденія и боли; въ

эту безконечную ночь завывавшій волкомъ вѣтеръ стучался въ каждую дверь, словно для того, чтобы помѣшать озлобленнымъ людямъ спать и забыть во снѣ чувства недовѣрія и вражды, ими овладѣвшія.

Утромъ Корнюберъ проснулся до зари. Онъ тотчасъ же замѣтилъ необычное движеніе среди стлавшагося по равнинѣ утренняго тумана. Трубы уже дымились, слышался стукъ заступовъ. Онъ увидѣлъ крестьянъ, проходившихъ мимо его дома съ озабоченнымъ видомъ или насмѣшливо посвистывавшихъ, когда они замѣчали, что онъ смотритъ на нихъ изъ окна. Быть можетъ, они передавали изъ дома въ домъ какой-нибудь боевой лозунгъ и, гордясь своимъ вчерашнимъ успѣхомъ, намѣревались охватить кольцомъ владѣнія богачей?

Наскоро позавтракавъ, Корнюберъ отправился къ Рабіолю, мэру, жившему у въѣзда въ деревню, въ бывшемъ зданіи монастыря, стоявшемъ въ большомъ, окруженномъ высокою оградою саду, спускавшемся къ рѣкѣ. Онъ прятался тамъ отъ опасностей, грозившихъ „его“ народу, и лелѣялъ тамъ свои честолюбивыя мечты. И сегодня онъ уже собирался сбѣжать черезъ калитку куда-нибудь подальше въ виноградники, когда явился Корнюберъ.

— Ну-съ, г. мэръ, бунтовщики снова угрожаютъ нашимъ владѣніямъ. Довольно бы и одного раза.

— Пожалуйста, успокойтесь! При помощи кротости и терпѣнія...

— Я уже не вѣрю въ ихъ дѣйствительность. Я былъ вчера въ Безьé.

— Знаю, все знаю... Помощникъ префекта телеграфировалъ мнѣ. Жандармы! Это ужасно. Неужели мы переживаемъ настоящую революцію?

— Конечно. Нынѣшній день грозитъ всѣмъ опасностью. Если вы желаете избѣжать отвѣтственности за преступленія, которыя могутъ быть совершены, предупредите телеграммою прокурора округа, и пусть намъ пришлютъ сюда жандармовъ.

— Великій Боже!

Мэръ трепеталъ, не зная, какъ ему быть. Онъ предчувствовалъ, что Корнюберъ правъ. Красная-Голова съ утра поднялъ на ноги всю деревню. Желѣзнякъ и Расшибало ходили по домамъ, убѣждая нерѣшительныхъ. Мэру было извѣстно, что возставшіе рѣшили ворваться въ усадьбы, выгнать оттуда пришельцевъ и забрать хлѣбъ. Поэтому онъ рѣшилъ скрыться въ сосѣднемъ городѣ: пускай себѣ священникъ, сторожъ и богачи распу-

тываютъ дѣло, какъ знаютъ: дѣла другихъ всегда какъ-то устраиваются.

Но Корнюберъ настаивалъ. Если мэръ боится—пусть подаетъ въ отставку.

— Увы! Что будетъ съ вами! Въ какія руки перейдетъ власть? Слушайте, клянусь вамъ, какъ только откроется телеграфъ, я пошлю депешу жандармскому бригадиру. Только молчите объ этомъ. Можете быть спокойны.

— Хорошо. Я на васъ разсчитываю. Исполните мужественно вашъ долгъ. Вѣдь это еще болѣе въ вашихъ, чѣмъ въ моихъ интересахъ.

Корнюберъ поспѣшно вернулся въ Турбъ. Азема встрѣтилъ его на дорогѣ.

— Ну что, г. Корнюберъ?

— Успокойтесь. Жандармы скоро будутъ. Пусть наши слуги останутся на фермѣ, чтобы избѣжать столкновеній съ мятежниками.

Они тревожно вглядывались въ даль, задернутую туманомъ. Сѣровато-голубоватая дымка тумана стлалась вездѣ, затушевывая рѣзкія очертанія холмовъ, смягчая звуки пробужденія, переходившіе въ задумчивый шопотъ.

Но, вотъ, послышались первые раскаты грозы: отдаленный стукъ колесъ, гулъ голосовъ, несшихся съ большой дороги и съ дороги въ Вальровъ надъ долиною Майреваль.

— Вотъ, кажется, и они!—проворчалъ Корнюберъ.

— Пусть ихъ! — отвѣтилъ Азема: — какъ только они дойдутъ до васъ, я побѣгу на деревню, и если мэръ не сдержалъ слова, я самъ буду телеграфировать прокурору.

— Вотъ они! вотъ они!

Солнечные лучи—вмѣстѣ съ ласковымъ вѣтеркомъ—наполовину разсѣяли туманъ, ставшій болѣе прозрачнымъ, чѣмъ вода рѣки; крестьяне словно путались въ немъ: были видны лишь головы ихъ да плечи.

Они шли изъ деревни большой толпою. По всѣмъ дорогамъ и тропинкамъ сіявшая въ солнечныхъ лучахъ деревня высылала своихъ бѣдняковъ по направленію къ владѣніямъ богачей. Они шли мужественно, въ полномъ порядкѣ и даже спокойствіи. Отрядъ Красной-Головы свернулъ съ дороги и направился къ Турбу.

— Ступайте, Азема! — крикнулъ Корнюберъ. — Я долженъ идти въ усадьбу.

— Иду, г. Корнюберъ. Положитесь на меня.

Запыхавшійся отъ толщины управляющій поспѣшилъ черезъ оливковую рощу въ Незиньянъ, а Корнюберъ вернулся на ферму, гдѣ посреди своихъ слугъ онъ могъ быть въ безопасности отъ неожиданнаго удара, всегда возможнаго въ такихъ случаяхъ.

Крестьяне, подъ предводительствомъ Красной-Головы, принялись за вчерашнюю работу. Бѣднѣйшіе изъ нихъ, оставшіеся въ долинѣ Вальрозъ, походили издали, въ своихъ заплатанныхъ одеждахъ, на какихъ-то невѣдомыхъ животныхъ или на пестрые камни. Они несли на плечахъ топоры и серпы, намѣреваясь срубить себѣ на топливо старыя деревья и срѣзать вѣтви у молодыхъ.

Азэма нашелъ деревню опустѣвшею. Дѣти не бѣгали по улицамъ. На улицѣ Миссіи дома богачей были забаррикадированы, что придавало имъ угрюмый и испуганный видъ. Видъ управляющаго заинтересовалъ женщинъ; почти всѣ онѣ, выбѣжавъ изъ домовъ, — въ застегнутыхъ наглухо корсажахъ, еще непричесанныя, — принялись обсуждать его появленіе. Нѣкоторыя раздраженно совѣтовали вооружиться заступами и присоединиться къ мужьямъ; другія предлагали остаться на деревнѣ и выдержать натискъ жандармовъ. Онѣ окружили домъ мэра, въ который вошелъ Азэма, чувствуя, что этотъ человѣкъ пришелъ за помощью. Жужжа какъ на базарѣ, онѣ поджидали его, но — напрасно. Мэръ, обладавшій большею хитростью нежели храбростью, выпустилъ Азэма черезъ калитку, ведущую въ виноградники.

Вѣтеръ подулъ сильнѣе, туманъ исчезъ; черпѣющая равнина, розоватые, обнаженные холмы, лѣса въ долинѣ — засверкали росою подъ высокимъ синимъ небосводомъ.

На деревнѣ водворилось спокойствіе; старухи отметали соръ отъ крыльца, женщины хлопотали по хозяйству, а Жермена, причесанная, въ свѣжемъ платьѣ, сіяющая смуглою красотою въ своемъ черномъ корсажѣ, плотно обхватывавшемъ ея пышный бюстъ, направлялась къ колодцу за водою, когда со стороны выходившихъ на дорогу домовъ послышался смутный гулъ. Старухи испускали крики ужаса, дѣти кричали отъ радости. Какъ облако пыли — грозная вѣсть мгновенно разнеслась по узкимъ улицамъ: — Жандармы!

Съ франц. О. Ч.

„ДНЕВНИКЪ“

ГРАФА П. А. ВАЛУЕВА

Въ концѣ января наступившаго нынѣ 1907 года исполнится семнадцать лѣтъ со дня смерти графа Петра Александровича Валуева: онъ скончался 27-го января 1890 года (род. въ 1814 г.). Послѣ себя покойный оставилъ, между прочимъ, „Дневникъ“, который, какъ то извѣстно, онъ велъ, начиная съ 1847 года и до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни. Годъ спустя послѣ его смерти, появилось въ печати начало этого „Дневника“ — въ „Русской Старинѣ“ (1891 г., кн. 4—11); оно обнимало собою періодъ времени отъ 1847-го до 1860-го года. Въ слѣдующемъ затѣмъ 1892-мъ году, сынъ покойнаго, графъ Н. П. Валуевъ, предложилъ намъ пріобрѣсти у него отдѣльную часть „Дневника“, содержащую въ себѣ весь 1880-й годъ,—послѣдній почти въ двадцатилѣтней государственной дѣятельности его отца (1861—1881 гг.),— предоставивъ намъ право избрать для его напечатанія время, какое мы найдемъ для того удобнымъ. Между тѣмъ, со времени описываемыхъ въ этой части „Дневника“ событій нынѣ прошло уже цѣлое 25-лѣтіе, и потому дальнѣйшее откладываніе напечатанія его могло бы только совершенно ослабить тотъ особый интересъ, который эта часть „Дневника“ можетъ несомнѣнно представлять и въ настоящее время.

Сверхъ „Дневника“, графъ Н. П. Валуевъ вручилъ намъ и другую рукопись его покойнаго отца, озаглавленную: „Отрывочныя замѣтки“, въ числѣ 430-ти. Особенно замѣчательны и характерны изъ нихъ двѣ послѣднія, написанныя, по словамъ сына покойнаго, за нѣсколько дней до смерти его отца. Приведемъ ихъ въ подлинникѣ, такъ какъ онѣ могутъ служить отличнымъ предисловіемъ къ „Дневнику“ и многое разъяснить въ немъ.

„429. — На нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ постоянно встрѣчаюсь съ выраженіемъ „Staatsmann“, „Statesman“. На французскомъ рѣже—съ выраженіемъ „homme d'état, потому что во Франціи теперь (1890 г.) некого такъ называть. Но надъ соотвѣтствующимъ тому

понятіемъ вообще призадумываюсь. Человѣческое призваніе *человѣка* и призваніе такъ-называемыхъ *государственныхъ людей* часто расходятся въ самыхъ существенныхъ отношеніяхъ. Но должны ли эти призванія расходиться? Можетъ ли взглядъ на такъ-называемаго государственнаго человѣка отрѣшаться отъ взгляда на него же, какъ просто на человѣка и притомъ христіанина? И онъ, въ предсмертные часы земной жизни, можетъ ли, при обратномъ взглядѣ на пройденный имъ путь, отдѣлить дѣла своего государственнаго званія отъ долга и дѣлъ человѣка? Какъ мѣняется, въ собственныхъ его глазахъ, значеніе тѣхъ и другихъ! Какъ иначе взвѣшивается то, что̀ называлось и признавалось государственною потребностью! Какъ могутъ тогда въ памяти его всплыть слезы и даже кровь, во имя этой потребности пролитыя! Сколько жертвъ, въ томъ числѣ не личныхъ, принесено понятію о славѣ!! Что значитъ слава?!

„430. — Мнѣ, видно, не дано было трогать, двигать, убѣждать, вести! Отчасти я самъ тому былъ причиною. Мнѣ недоставало упорной умѣлости. Но въ доброй волѣ не было недостатка. Часто стучался я въ двери и оффиціальныя, и неоффиціальныя. О томъ свидѣтельствуютъ мои записки и всѣ мои печатные труды. Но двери не отворялись, а только растворялись порою не вполнѣ и ненадолго. Я часто спрашивалъ себя: почему другіе не извлекли изъ меня болѣе пользы? Я такъ много извлекъ ея изъ другихъ“.

Эта „замѣтка“ была послѣднею въ жизни графа П. А. Валуева, и ею, какъ мы уже замѣтили выше, многое объяснится въ его „Дневникѣ“, особенно за 1880-й годъ, за которымъ послѣдовалъ роковой 1881-ый годъ [1]).—М. Ст.

[1]) Всѣ подстрочныя примѣчанія къ тексту „Дневника“ сдѣланы Редакціею.

1880-ый годъ.

Январь.

2 января. — Пробѣлъ и перемѣна. Я теперь предсѣдатель комитета министровъ и комиссіи прошеній, вмѣсто скончавшагося гр. Павла Игнатьева [1]). Министерство государственныхъ имуществъ сдано кн. Ливену. Да поможетъ мнѣ Богъ!

Сегодня въ первый разъ предсѣдательствовалъ въ званіи предсѣдателя. Случалось и прежде, но за отсутствіемъ или болѣзнью старшихъ. Не безъ сожалѣнія разстался съ прежнимъ кругомъ дѣятельности и съ сожалѣніемъ разстался съ прежними сослуживцами. Думаю, что добрую память обо мнѣ сохранятъ.

Мнѣ новая задача трудна. Она состоитъ въ томъ, чтобы объединяющее слово обратить въ объединяющій фактъ. Удастся ли? Не мнѣ, лично, нужна удача.

3 января. — Утромъ — нескончаемые, но неизбѣжные визиты. Былъ, между прочимъ, въ англійскомъ посольствѣ. Вчера обѣдалъ у пр. Ольденбургскаго съ французскимъ посломъ и m-me Chanzy.

Сегодня обѣдалъ у государя, съ гр. Милютинымъ, кн. Урусовымъ, генералами Крыжановскимъ, Колпаковскимъ и Горловымъ. Послѣднихъ двухъ видѣлъ, кажется, въ первый разъ. Колпа-

---

[1]) П. А. Валуевъ состоялъ министромъ государственныхъ имуществъ въ теченіе восьми лѣтъ, начиная съ февраля 1872 года, когда онъ снова вступилъ на государственную службу послѣ четырехлѣтняго перерыва, а именно: въ 1868 году, онъ былъ уволенъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, которую занималъ также восемь лѣтъ, начиная съ первой половины памятнаго 1861 года.—Въ новомъ же и послѣднемъ своемъ званіи—предсѣдателемъ комитета министровъ П. А. Валуевъ оставался менѣе двухъ лѣтъ: въ октябрѣ 1881 года онъ былъ уволенъ и на этотъ разъ болѣе не возвращался къ государственной дѣятельности.—Дневникъ 1880-го года былъ авторомъ, повидимому, перечитываемъ впослѣдствіи, такъ какъ мѣстами встрѣчаются примѣчанія, вставленныя имъ, очевидно, позже.

ковскій — явно способная личность извѣстной руки; Горловъ — произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка разсудительнаго и наблюдательнаго, безъ свѣтскаго лоска. Онъ лучше всего заобѣденнаго синклита оцѣниваетъ англійскія и американскія дѣла. Въ немъ нѣтъ ни нашего глупаго американофильскаго пошиба, ни столь же глупаго пошиба англофобіи.

Благодарилъ государя за то, что онъ позволилъ мнѣ отклонить несвоевременно и неразсудительно предположенное, по почину м-ра финансовъ, пожалованіе земли. Мнѣ вовсе не подъ стать давать поводъ къ нареканіямъ и толкамъ въ ту минуту, когда я сажусь въ предсѣдательскія кресла к—та м—ровъ и когда нравственный авторитетъ мнѣ тѣмъ болѣе нуженъ, что ни на какой другой я не могу съ увѣренностью разсчитывать. Починъ Грейга [1]) объясняется тѣмъ, что у него осталось, такъ сказать, на совѣсти, послѣ нашихъ объясненій, слишкомъ годъ тому назадъ, насчетъ пожалованныхъ ему самому лѣсныхъ дачъ въ царствѣ Польскомъ. Эти дачи цѣнностью далеко за ½ милліона (какъ говорятъ, до 900 тыс. руб.), а дачи, пожалованныя тайн. совѣтн. Шамшину, имъ проданы за 350 тыс. руб. То и другое пожалованія испрошены бывшимъ м-ромъ финансовъ Рейтерномъ, — почему, и для чего, въ точности не знаю. Мнѣ бы теперь дали какія-нибудь земли въ уфимской губерніи, послѣ всѣхъ бывшихъ о такихъ пожалованіяхъ толковъ! Цѣнность дара была бы тысячъ 70, а криковъ поднялось бы на милліонъ, и я сталъ бы на одну доску съ Грейгомъ, Шамшинымъ и кн. Ливеномъ, которому я самъ испросилъ пожалованіе и который выбралъ себѣ участки довольно цѣнные, — чего я, конечно, не могъ бы ни сдѣлать, ни позволить сдѣлать. Pas si naïf! Я наотрѣзъ отказался.

6 января. — Сегодня не было обычнаго выхода. Съ разныхъ сторонъ, въ послѣднее время, получались свѣдѣнія, будто бы на этотъ день готовилось новое покушеніе противъ жизни государя. Вспомнилъ, что на плавѣ Зимняго дворца, найденномъ у одного изъ здѣсь арестованныхъ лицъ, былъ, между прочимъ, особый знакъ на мѣстѣ, обозначающемъ Іорданскій подъѣздъ. Ничего положительнаго, впрочемъ, не открыто.

Замѣчательно неумѣло и вяло, вообще, дѣйствуетъ наша двойная, или даже тройная, полиція. Здѣшній генералъ-губернаторъ, въ особенности, загадочно бездѣятеленъ.

---

[1]) Министра финансовъ.

Между тѣмъ западный горизонтъ не безоблаченъ. Отношенія къ Германіи нездоровы. Причина всему, т.-е. главная, одна и та же: — + — [1]).

Мнѣ теперь легче относительно работы; но я чувствую себя до крайности усталымъ, и притомъ моя обычная „sensitiveness“ служитъ источникомъ разныхъ внутреннихъ болей, парализирующихъ часть моихъ силъ.

Генералъ Дрентельнъ сообщилъ мнѣ весьма замѣчательную работу, исполненную для III-го отдѣленія не названнымъ мнѣ лицомъ: „Очеркъ соціально-демократическаго движенія“, обнимающій этотъ предметъ не только у насъ, но и въ другихъ европейскихъ государствахъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ. Возвратилъ ее сегодня при запискѣ, въ которой высказалъ свое мнѣніе.

Отвѣчалъ, на дняхъ, на цѣлый рядъ весьма любезныхъ писемъ, полученныхъ мною по случаю моего новаго назначенія,— между прочимъ, отъ ген. Штрауха, бар. Менгдена, гг. Венделя и Штилера. Сегодня мои бывшіе курьеры меня порадовали. Явились всѣ и поднесли хлѣбъ-соль, — солонку, на блюдѣ, съ моимъ вензелемъ. Ежедневно буду этимъ подаркомъ пользоваться.

7 января. — Утромъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Введеніе великаго князя Алексѣя Александровича. Мнѣ, какъ предсѣдателю комитета министровъ, отведено особое мѣсто, въ ряду предсѣдателей департаментовъ. До сихъ поръ, комитетскій предсѣдатель сидѣлъ между членами совѣта, по старшинству. Нашля страннымъ, что мнѣ пришлось бы сидѣть между генералами Гильденштуббе и Непокойчицкимъ, и послѣдовало, по докладу предсѣдателя Совѣта, установляющее новое правило повелѣніе.

Обѣдалъ у государя, съ княземъ Ливеномъ (son premier lundi), Абазою, Делянновымъ, Титовымъ и Кумани (кажется, онъ теперь посланникомъ въ Болгаріи). Государь приказалъ быть у него въ среду, если не поѣдетъ на охоту. Зачѣмъ? Не моя ли записка 1863 года [2]) получаетъ ходъ?

[1]) Т.-е.: минусъ, плюсъ, минусъ.

[2]) Если мы не ошибаемся, эта замѣчательная „Записка 1863 года“ никогда не появлялась въ печати; содержаніе же ея выясняется само собою изъ дальнѣйшаго текста „Дневника“: авторъ „Записки“ полагалъ, что 19-е февраля 1861 года было только первымъ шагомъ по новому пути, и что послѣ того невозможно поддерживать status quo ante. Ей была противопоставлена другая „Записка“—великаго князя генералъ-адмирала, 1866 года. Борьба партизановъ той и другой „Записки“, которыя служили программою будущей внутренней политики,—проходитъ чрезъ весь 1880-й годъ и составляетъ главный интересъ „Дневника“.

Товарищемъ князя Ливена назначается Куломзинъ. Довольно хорошій выборъ, если педантизмъ и мелочность не помѣшаютъ.

9 января. — Вчера комитетъ министровъ. Сильный морозъ. Послѣ комитета не выѣзжалъ. Конная гвардія ушла въ Гатчину, а кирасиры ея величества пришли сюда, для смотра. При такой стужѣ переходъ въ 40 верстъ—не радость.

Сегодня былъ у государя. Дѣло дѣйствительно идетъ о моей запискѣ 1863 г. съ ея приложеніями. При этомъ случаѣ государь прочиталъ мнѣ *исчезнувшую* съ 1866 г. записку великаго князя генералъ-адмирала по приблизительно тому же предмету. Его предположенія уже, и явно, что узкость ихъ, въ глазахъ государя, составляетъ достоинство. Разрѣшено переговорить съ княземъ Урусовымъ. Государь притомъ отозвался, что соберетъ насъ послѣ для совѣщанія, конечно при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, шефѣ жандармовъ и проч. Присутствовавшій Цесаревичъ явно недоброжелателенъ всякому органическому измѣненію status quo и всякій „конституціонализмъ“ считаетъ гибельнымъ. Явно, также, что онъ весьма невѣрно освѣдомленъ о настроеніи въ имперіи, считая конституціонныя стремленія исключительно *столичными бреднями*, и притомъ не имѣлъ яснаго понятія о моихъ предположеніяхъ и не зналъ, что я еще въ прошломъ году высказалъ, во всеподданнѣйшей запискѣ, que le mot „constitution“ ne devait même pas être prononcé. Государь передалъ Цесаревичу, отчасти по моему предложенію, отчасти proprio motu,—les pièces du procès. Въ виду настроенія я не входилъ ни въ какія подробности. Все-таки дѣло пошевельнулось. Увидимъ, что будетъ далѣе.

11 января. — Утромъ предсѣдательствовалъ въ первый разъ въ коммиссіи прошеній. Коллегія—sui generis.

Обѣдалъ во дворцѣ. Обѣдъ прощальный въ честь бывшаго австрійскаго посла барона Лангенау. Вчера послалъ къ государю часть моей переписки съ княземъ Урусовымъ 1866 г., предварительно спросивъ на то согласіе князя и съ нимъ объяснившись. Онъ колеблется, несмотря на то, что самъ мнѣ сказалъ за обѣдомъ у государя, 10-го декабря, въ тотъ самый день, когда я напомнилъ его величеству о моей запискѣ 1863 г., „qu'il ruminait sans cesse mes idées d'alors“.

15 января. — Нездоровъ и второй день не выѣзжаю. Вчера за мной присылалъ великій князь генералъ-адмиралъ, и когда я написалъ ему, что не могу быть, то онъ просилъ прислать

его записку 1866 г. Слѣдовательно, государь съ нимъ говорилъ. Сегодня ко мнѣ заѣзжалъ Маковъ и сказалъ, что великій князь съ нимъ вчера заговорилъ о той же запискѣ. Государь имѣетъ въ виду нѣчто къ 19-му февраля и намекнулъ объ этомъ и Дрентельну, который довольно наивно предложилъ даровать какія-то облегченія полицейскимъ поднадзорнымъ. Государь отозвался, что—„пожалуй, но это особо, а дѣло въ другомъ“,—и онъ насъ соберетъ для совѣщанія. Сегодня государь прислалъ меня звать къ обѣду. Вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду что-нибудь и мнѣ сказать по тому же предмету; но я долженъ былъ извиниться.

Кое-что непремѣнно сбудется, если рѣчь—о 19-мъ февраля, и я не безъ основанія на то разсчитывалъ 10-го декабря. Но что̀ именно? Знаю, что со всѣхъ сторонъ будутъ стараться урѣзывать.

Кн. Урусовъ мнѣ писалъ—„qu'il est effrayé de mon courage“, etc. Отвѣчалъ: — que si courage il y avait, c'était dans mes écrits de 1863 et 17 années de silence, mais que pour le moment j'étais simplement „at bag“ [1]).

18 января. — Сегодня засѣданіе комиссіи прошеній. Вчера былъ у великаго князя Константина Николаевича. Разговоръ о моей запискѣ 1863-го и его 1866-го годовъ. Онъ выпытывалъ, съ чего теперь началось движеніе. Убѣдившись, что отчасти толчокъ данъ былъ мною, онъ, очевидно, желалъ заключить союзъ на дальнѣйшее дѣйствіе. Я уклонился, говоря, что прежде всего нужно выждать указаній государя и предстоящаго у него совѣщанія. Я только заявилъ, что для меня существенно важны слѣдующія три условія: чтобы дѣло было не мелкое; чтобы *совѣщательное* участіе въ законодательствѣ было предоставлено лицамъ, выбраннымъ для того изъ губерній; и чтобы не было племенныхъ исключеній или ограниченій. Я выразился такъ:—не гостиподворскія начала, а начала Всероссійской Имперіи.

Сегодня въ ночь захвачена и, можно сказать, съ боя взята, въ Саперномъ переулкѣ, тайная типографія. Арестованы 2 мужчинъ и 2 женщины. Третій сообщникъ—мужчина—застрѣлился. Подробностей еще не знаю.

На дняхъ (16-го числа) выслана отсюда въ деревню графиня Гендрикова. Говорятъ, по случаю—propos non seulement inconvenants, mais scandaleux en présence d'étrangers ou chez des étrangers. Слѣдовало ожидать. Жалѣть не слѣдуетъ.

---

[1]) „Въ мѣшкѣ“—въ затруднительномъ положеніи.

Обѣдалъ у его величества, съ генералами Гурко, Дрентельномъ, Зуровымъ, гр. Павломъ Шуваловымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Государь сказалъ мнѣ, что князь Урусовъ совѣтуетъ ничего не дѣлать [1]). Многаго нельзя; малое, по его мнѣнію, не удовлетворитъ. Я отвѣчалъ, что дѣло такъ важно, что все-таки желательно, чтобы оно было въ присутствіи его величества обсужено. Государь съ этимъ согласился. Я сказалъ ему, что меня къ себѣ требовалъ великій князь генералъ-адмиралъ, и испросилъ дозволеніе ему сообщить мою записку,—что также разрѣшено. Возвратясь изъ дворца, послалъ бумаги къ великому князю. Кризисъ, по этому радикальному вопросу, наступаетъ!

19 января.—Государь, возвращая мнѣ нѣкоторыя бумаги, приписалъ, что проситъ къ себѣ въ понедѣльникъ, т.-е. послѣзавтра. Кризисъ у порога!

20 января.—У обѣдни. Выѣзжалъ. Оттепель и почти нѣтъ болѣе саннаго пути. По дѣлу въ Саперномъ переулкѣ высказалъ вчера нѣсколько мыслей и совѣтовъ въ запискѣ Зурову. Отъ него получилъ отвѣтъ, что совѣты приняты къ руководству, и—благодарность. Князь Долгоруковъ изъ Москвы обратился ко мнѣ по тамошнему университетскому дѣлу, а генералъ Альбединскій, изъ Вильны, по дѣлу о предположенныхъ имъ льготахъ. Воображаютъ, что я могу болѣе, чѣмъ могу. Главное затрудненіе въ томъ, что и министръ внутреннихъ дѣлъ, и другіе—не имѣютъ собственно никакого влеченія къ дѣлу, по свойствамъ дѣла, а только занимаются дѣлами потому, что ими заниматься должны. Имъ лично не больны больныя мѣста по вопросамъ о сектаторахъ, о римско-католической церкви, о Прибалтійскомъ краѣ, о частной поземельной собственности, объ учебныхъ заведеніяхъ, даже о печати. Казуснымъ нельзя не заняться, но на все органическое—пасъ!

Великій князь генералъ-адмиралъ уже вчера возвратилъ мнѣ мою записку и благодарилъ за сообщеніе.

22 января.—Вчера—совѣщаніе у государя. Для лучшаго охраненія тайны всѣ введены первыми корридорными дверьми въ библіотеку. На лицо были: два великихъ князя, князь Урусовъ,

[1]) Относится къ предложеніямъ „Записки“ гр. Валуева о необходимости дальнѣйшихъ реформъ въ смыслѣ реформы 19 февраля 1861 года.

Дрентельнъ, Маковъ и я. Государь предложилъ общій вопросъ къ обсужденію. Великій князь генералъ-адмиралъ прочиталъ свою записку, дополняя изустно разными оговорками, и потомъ высказался вообще въ пользу дѣла; но то и другое—въ обычномъ полунасмѣшливомъ тонѣ. Была рѣчь и о безсословности, и о реформахъ, и о чисто русскихъ, а не заграничныхъ началахъ, и объ англійской конституціи, и о земствѣ, и, конечно, о будто бы въ прежнее время раздражавшемъ дворянство крестьянскомъ освобожденіи, и проч., и проч. Князь Урусовъ, Дрентельнъ и Маковъ въ краткихъ выраженіяхъ обнаружили несочувствіе. Подробнаго обсужденія не было, потому что государь съ самаго начала сказалъ, что онъ только ставитъ вопросъ и предоставляетъ его обсудить предварительно между нами. Я высказался, въ свою очередь, преимущественно съ точки зрѣнія необходимости, въ виду нынѣшняго положенія дѣлъ, положить предѣлъ пассивности добронамѣреннаго большинства, а самому правительству дать возможность высказываться и вести рѣчь противъ ежедневно и вездѣ проповѣдуемыхъ революціонныхъ началъ. Цесаревичъ сказалъ, что ничего дѣлать не слѣдуетъ, потому что призванные представители сословій будутъ неудобные крикуны, адвокаты и т. п. Оппозиція Цесаревича имѣла видимое вліяніе на князя Урусова и Макова. На этомъ совѣщаніе прекратилось. Положено вновь быть у государя въ будущій вторникъ, 29-го, въ 11 часовъ, а между тѣмъ намъ собраться у великаго князя генералъ-адмирала завтра, 23-го. Возвратясь домой, я тотчасъ написалъ Макову и князю Урусову, что считаю дѣло проиграннымъ, во-первыхъ, потому что между нами нѣтъ необходимаго единодушія, во-вторыхъ, потому что оно попало въ руки генералъ-адмирала. Мнѣ выгоднѣе, для будущаго, отступить, чѣмъ быть отбитому.

Общее впечатлѣніе тягостное, даже для меня, хотя я давно знаю моихъ собесѣдниковъ. Они оказались еще гораздо ниже обычнаго уровня, кромѣ Дрентельна, который въ такихъ дѣлахъ новъ, и отъ котораго я ничего кромѣ инстинктивной робости ожидать не могъ. Въ князѣ Урусовѣ особенно безстѣнчиво обнаружился сервилизмъ, а въ Маковѣ—необтесанная ограниченность взгляда. Дивлюсь тому, какъ никто не замѣчаетъ опасности слишкомъ яснаго признанія въ правительственномъ эгоизмѣ. Быть можетъ, все это къ лучшему. При такихъ элементахъ и направленіи дѣла великимъ княземъ генералъ-адмираломъ, успѣхъ вообще становится невозможнымъ. Судьбы сбываются. Быть мо-

жетъ, для перехода къ другому порядку мыслей и дѣлъ нужно, чтобы подъ нами почва еще болѣе заколебалась.

— + — semper idem! Почти можно сказать: „crescit eundo".

Сегодня — комитетъ министровъ. Одинъ изъ членовъ говорилъ и разсуждалъ, съ большимъ aplomb, какъ столоначальникъ; другой излагалъ, оге rotundo, соображенія, къ дѣлу не относившіяся. Обыденныя явленія.

23 января. — Утромъ въ Мраморномъ дворцѣ я заявилъ великому князю, что, въ виду отсутствія необходимаго въ такихъ дѣлахъ единомыслія, я считаю мои предположенія неосуществимыми въ настоящее время, и потому отъ дальнѣйшаго настоянія или даже обсужденія отказываюсь. При этомъ случаѣ, я, однакоже, напомнилъ ему, — à propos его руссицизмовъ, — о вѣчахъ, о соборахъ, о боярской думѣ, и сказалъ, что нельзя изъ цѣлаго брать одну десятичную дробь, считая русскія начала только со временъ Екатерины или кодификаціи графа Сперанскаго, и что въ дѣлахъ государственныхъ есть общія европейскія и общечеловѣческія начала. Это относилось къ тому, что онъ русскую Америку открывалъ въ нѣкоторыхъ, никогда не примѣнявшихся, статьяхъ свода законовъ о выборѣ депутатовъ на случай и проч. Маковъ, Дрентельнъ и князь Урусовъ, каждый на свой ладъ, также выразили отрицательное, по главному вопросу, мнѣніе. Тогда — Monseigneur s'est rabattu, — опять со всевозможными ему свойственными манерками и неудачными оборотами рѣчи, — на простое распространеніе вышеупомянутыхъ статей свода законовъ на земство и главные города. Я замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ нельзя пріурочивать дѣла къ 19-му февраля, а слѣдуетъ дать ему общій рутинный ходъ въ законодательномъ порядкѣ. Великій князь заявилъ, что онъ именно того и желалъ?! Положено возвратиться ко всему этому послѣ-завтра, въ присутствіи Цесаревича, который сегодня быть не могъ.

Государыня императрица сегодня возвратилась въ С.-Петербургъ. Путешествіе изъ Канъ совершено въ четверо сутокъ. Говорятъ, она въ положеніи почти безнадежномъ, но путь вынесла весьма благополучно. Все это трудно уразумѣть. Во дворцахъ и больные, и медики не подходятъ подъ общія понятія о болѣзняхъ и медицинѣ.

25 января. — Вчера былъ во дворцѣ — освѣдомляться. Видѣлъ министра двора. По его мнѣнію, положеніе безнадежное, но могущее протянуться годы!? Наканунѣ вечеромъ, послѣ пріѣзда,

ея величество играла въ карты,—что теперь дѣлается, чтобы она не утомлялась разговоромъ. На другой день она завтракала, кажется, съ государемъ, и камердинеръ сервировалъ. Donc elle n'est pas alitée.

Образчикъ моихъ дней. Сегодня утромъ дописалъ начатую вчера статью для „Отголосковъ". Провѣрилъ списокъ съ нея и отправилъ къ Ретгеру при запискѣ, въ которой далъ указанія насчетъ статей о пріѣздѣ императрицы и объ англійской тронной рѣчи. Написалъ записку къ Горну о статьѣ въ „Голосѣ", прямо противорѣчащей тому, что мнѣ было намедни сказано самимъ Горномъ, и указаніямъ властей печати. Написалъ Грейгу о томъ же и о безтактныхъ поступкахъ его агента въ Берлинѣ. Написалъ въ Берлинъ Венделю. Написалъ замѣтку для министра внутреннихъ дѣлъ и передалъ ему эту замѣтку, когда онъ, по условію, заѣхалъ ко мнѣ изъ дворца послѣ всеподданнѣйшаго доклада. Видѣлъ лифляндскаго губернскаго предводителя, по уговору, послѣ его аудіенціи у князя Урусова. Сдѣлалъ нѣкоторыя нужныя распоряженія по комитету министровъ и коммиссіи прошеній. Былъ въ Мраморномъ дворцѣ съ 1-го до 3-го часа на условленномъ совѣщаніи. Оттуда заѣхалъ въ комитетъ министровъ и принялъ краткій докладъ по нѣкоторымъ дѣламъ. Вернувшись, прочиталъ присланную мнѣ Горномъ для просмотра корректуру статьи по училищному вопросу, приготовленной для „Journal de St.-Pétersbourg". Сдѣлалъ замѣтки и, возвращая статью, второй разъ написалъ Горну. Просмотрѣлъ присланныя мнѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ бумаги по земскимъ дѣламъ 1867 г. и отправилъ одну изъ нихъ къ Каханову. Принялъ пензенскаго губернатора Татищева. Наконецъ, прочиталъ газеты и принялъ еще, отдѣльно, трехъ другихъ лицъ. Все это до обѣда.—Порядочно!—Конечно, не всѣ дни такъ пестры и полны. Но въ сущности,—все та же гонка, и гонка по необходимости. Еслибы я не дѣлалъ того, что дѣлаю, оно никѣмъ не было бы сдѣлано. Я какъ будто одинъ озабочиваюсь заграничнымъ отраженіемъ нашей прессы, вліяніемъ безтактностей или неприличій нашихъ агентовъ, одинъ руковожу „Отголосками", стараюсь направлять Горна, наблюдаю за вопросами, интересующими окраины, и проч., и проч.,—въ добавокъ ко всему тому, что обязанъ, кромѣ того, дѣлать какъ предсѣдатель комитета министровъ и коммиссіи прошеній.

Засѣданіе у великаго князя генералъ-адмирала привело, но не безъ труда, къ простому отрицательному заключенію. Онъ усиленно пытался провести свою мысль и чуть-чуть не загорѣлся на то согласіемъ Цесаревича,—на этотъ разъ присутство-

вавшаго, — при молчаніи другихъ членовъ совѣщанія. Но я уперся и не далъ совершиться его „tour de prestidigitation“. Онъ мнѣ вообще невыносимъ. Князь Урусовъ, Маковъ и Дрентельнъ были въ обычныхъ роляхъ. Подробностей не отмѣчаю. Забыть главнаго нельзя. Satis!

27 января.—Вчера цѣлый день не выходилъ изъ дома. Сегодня утромъ—у обѣдни. Заѣзжалъ къ Макову. Потомъ дома. Читалъ. Раздумывалъ. Настроеніе—не для дѣла.

Несмотря на „satis“, возвращаюсь къ бывшему совѣщанію. Не могу, pro pudore, отмѣтить одного dictum Цесаревича. Онъ самъ, вѣроятно, не желалъ кого бы то ни было обидѣть; но слова, имъ произнесенныя, тѣмъ не менѣе, были обидны. А генералъ-адмиралъ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ объяснялъ нынѣшнее исключительное положеніе дѣлъ въ генералъ-губернаторствахъ, отозвался такъ: „Конечно, при такой *дичи* все невозможно“. Но эта „дичь“ — мѣры, принятыя по высочайшему повелѣнію!..

Все невозможно не потому, что въ наше время приняты тѣ или другія исключительныя мѣры, а потому что во главѣ правительства могутъ происходить такія совѣщанія при такихъ участникахъ!

Меня гнететъ сознаніе, что безъ неожиданнаго, и притомъ неизбѣжно критическаго событія, безъ потрясенія болѣе сильнаго, безъ нужды болѣе крайней, чѣмъ нынѣшнія потрясенія и нужды,— исхода нѣтъ!

Переживаю день за днемъ. Дѣлаю мое дѣло. Даже пишу для „Отголосковъ“. Но чувствую, что все это я дѣлаю болѣе для себя, нежели для дѣла. Борюсь съ невозможнымъ. Завтра, быть можетъ,— если не завтра, то послѣ-завтра, или еще въ какой-нибудь болѣе дальній день,—вдругъ скажется слово судьбы, болѣе сильное и рѣшительное, чѣмъ всѣ современныя заключенія разныхъ совѣщаній, и чѣмъ всѣ повелѣнія самодержца по имени, но уже не самодержца на дѣлѣ. Продолжаю дивиться той вѣрѣ въ будущность, которая вокругъ меня проявляется, наперекоръ всѣмъ ходячимъ при ней фразамъ насчетъ непрочности нынѣшняго положенія дѣлъ. Всѣ мелкія честолюбія и самолюбія ведутъ свои счеты и строятъ разсчеты, какъ будто оно во всѣхъ частностяхъ надолго непоколебимо. Меня не покидаетъ томительное ощущеніе, что я наканунѣ чего-то, чего даже приблизительно опредѣлить не могу.

Примѣчаніе № 22.—Роковое слово сказалось съ небольшимъ черезъ годъ. Но оно, судя по признакамъ, не послѣднее. [С.-Петербургъ, 29-го декабря 1881 г.].

30 января. — Вчера похоронена вновь — надолго ли, не угадываю — мысль 1863 г. На совѣщаніи у государя, на этотъ разъ при участіи министра двора, ей прочитаны краткія отходныя, съ тѣми же оттѣнками, которые обнаруживались при предшедшихъ совѣщаніяхъ. Затѣмъ — комитеты министровъ и польскій. Въ первомъ изъ нихъ — тульское дѣло, гдѣ постоянно всплывало II-ое отдѣленіе, вмѣсто тульскаго и прочихъ дворянствъ; но подъ конецъ II-ое отдѣленіе правильно потоплено. Весьма ясно, опредѣлительно и толково говорилъ Сольскій. Затѣмъ, я къ нему прямо изъ засѣданія, въ видѣ комплиментарной демонстраціи.

Третьяго дня обѣдалъ у государя. Были: герцогиня Эдинбургская, неизбѣжная графиня Мойра, г-жа Баратынская, графъ Хрептовичъ и кн. Ливенъ.

Вечеромъ видѣлъ Грейга, который разсказывалъ, что военный министръ хотѣлъ вооружать наши крѣпости и учредить нѣчто вродѣ наблюдательнаго и развѣдочнаго кордона вдоль прусской границы,—въ ожиданіи внезапнаго германскаго нападенія. При этомъ уже весьма неосторожно всполошились разные второстепенные германофобы вродѣ директора таможеннаго департамента Качалова, полковника ген.-шт. Боголюбова и т. п. Et cela s'appelle un gouvernement!

Третьяго дня былъ,—mirabile dictu,—посаженымъ отцомъ вдовы княгини Львовой, при ея бракосочетаніи съ бывшимъ моимъ чиновникомъ особыхъ порученій гр. Кассіани. Я не родственникъ, вообще не близкій; но по семейнымъ распрямъ не оказалось другого подходящаго для роли какъ „a vow giver“ [1]).

Сегодня утромъ — длинное объясненіе, у меня, съ варшавскимъ попечителемъ Апухтинымъ. Развивалъ ему мои взгляды на его дѣло. Кажется, не безъ результата. Увидимъ.

Въ понедѣльникъ, 28-го числа, захвачена еще одна тайная типографія, въ 14-й линіи Васильевскаго-Острова, и въ ней взяты печатавшіеся нумера „Чернаго передѣла“ и объявленіе по поводу захвата типографіи въ Саперномъ переулкѣ.

Вчера утромъ написалъ въ Берлинъ, Сабурову, о томъ déplorable courant qui nous pousse à des complications avec l'Allemagne. Сегодня получилъ письмо отъ Блейхредера, который ожидаетъ, къ 19-му числу, учрежденія у насъ „eines erweiterten Reichsraths mit Representativ-System“. Откуда до него дошли эти вѣсти, впрочемъ весьма здѣсь распространенныя? Мое имя постоянно къ нимъ пріурочивается.

---

[1]) „Дающаго обѣтъ“.

Февраль.

2 февраля. — Постоянные толки о предстоящемъ юбилеѣ. Мнѣ все кажется, что вмѣсто празднествъ онъ пахнетъ панихидой. Императрица гаснетъ, и вообще дѣла не имѣютъ юбилейнаго оттѣнка.

Вчера — засѣданіе коммиссіи прошеній. Видѣлъ Гирса. Получилъ отъ Сабурова извѣстіе, что онъ ѣдетъ сюда. Сегодня видѣлъ Набокова, только-что пріѣхавшаго изъ-за границы и вступающаго въ управленіе министерствомъ юстиціи. Сюда съѣзжаются теперь генералъ-губернаторы. Гр. Лорисъ-Меликовъ и Тотлебенъ прибыли. Другіе ожидаются къ 19-му числу.

Маковъ заходилъ утромъ и передавалъ нѣкоторыя частности о своемъ вчерашнемъ докладѣ. Между прочимъ, государь ему передалъ какую-то записку гр. Шувалова, по мнѣнію его величества — безтолковую, по вопросу о печати. Государь сказалъ, что ее можно мнѣ сообщить, и Маковъ хотѣлъ ее прислать. По его мнѣнію, она дѣйствительно пустословна. Шуваловъ s'agite, mais déchoit intellectuellement. Le niveau ne fut jamais très élevé, mais à Berlin il y a eu atteinte à une espèce de zénith.

3 февраля. — Читалъ записку гр. Шувалова. Начало не такъ безтолково. Мысль та, что нигилисты и проч. не могли бы дѣйствовать, какъ они дѣйствуютъ, еслибы они не находили нѣкоторой опоры въ обществѣ. Но далѣе, заключеніе записки, выражающее мысль, что можно уговорить прессу, по случаю двадцатипятилѣтія 19-го февраля, уничтожить нигилистовъ, — наивно до сходства съ плохою и неумѣстною шуткою. Читалъ также записку гр. Лорисъ-Меликова, хорошо написанную, несмотря на обычную риторику вѣрноподданства объ „обожаемомъ“ монархѣ, и высказывающуюся за прочное созданіе генералъ-губернаторствъ. Министръ внутр. дѣлъ мнѣ писалъ, что онъ „радъ“ этой запискѣ. Увидимъ радость!

Кахановъ прислалъ неожиданныя предположенія министра финансовъ о манифестѣ насчетъ какихъ-то мелкихъ денежныхъ льготъ по случаю двадцатипятилѣтія. Повелѣно обсудить дѣло въ комитетѣ министровъ. Послѣ всѣхъ ожиданій, такой манифестъ имѣлъ бы почти значеніе насмѣшки. Нечего сказать, высокъ уровень нашихъ министровъ! Вижу въ этомъ фатидическій признакъ. А я самъ? Въ борьбѣ съ невозможнымъ, но все-таки на общей сценѣ! Сойти съ нея нѣтъ возможности, да даже нѣтъ и поводовъ. Напротивъ, — + — имѣетъ весьма широкое поле примѣненія.

Видѣлъ пріѣхавшаго изъ Берлина Сабурова. Смотритъ вѣрно на дѣло.

Былъ въ Аничковомъ дворцѣ на свадьбѣ фрейлины Цесаревны, графини Апраксиной, вышедшей за адъютанта Цесаревича, князя Оболенскаго. Почти весь городъ. Тѣсно, душно.

Уровень, о которомъ выше упомянуто, меня постоянно тревожитъ. Не даромъ такой упадокъ. Il y a toujours du paysan, ou du valet, ou du scribe, dans les combinaisons que je vois former autour de moi. Между тѣмъ, сегодня, въ „Голосѣ", по случаю тенденціозной статьи въ „Русской Старинѣ" — рѣчь о „великихъ образахъ (sic!) Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева, Ю. Ѳ. Самарина,... людей, не ходившихъ въ совѣтъ нечестивыхъ"! Маковъ еще вчера почти хвалилъ „Русскую Старину". О, poena pede claudo! Въ одномъ направленіи она налицо. Минуетъ ли въ другомъ?

4 февраля.—Государь прислалъ за мною утромъ. Онъ самъ находитъ, что проектированный министромъ финансовъ манифестъ о мелочныхъ милостяхъ на 19-ое число неудобенъ. Кромѣ того, онъ поручилъ мнѣ, по случаю съѣзда сюда генералъ-губернаторовъ, устроить подъ моимъ предсѣдательствомъ совѣщаніе изъ нихъ и подлежащихъ министровъ, для обезпеченія большаго единства въ распоряженіяхъ генералъ-губернаторскихъ властей въ разныхъ мѣстностяхъ.

Былъ послѣ того на двухъ панихидахъ, по вдовѣ адмирала Головнина, матери бывшаго министра народн. просвѣщенія, и по умершему вчера генералъ-адъютанту бар. Ливену. Продолжаютъ быстро рѣдѣть ряды всѣхъ представителей прежняго времени.

5 февраля.—Комитеты—министровъ и кавказскій. Въ первомъ вопросу о манифестѣ данъ должный оборотъ. Предсѣдательство теперь не синекура.

Вечеромъ.—Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, подъ главнымъ карауломъ. Нижняя часть зданія, по словамъ только-что заѣхавшаго ко мнѣ министра внутр. дѣлъ, разрушена. Убитыхъ солдатъ 5, раненыхъ 17; не досчитываются еще 20-ти или 23-хъ. Конечно, въ первую минуту ничего обстоятельнаго узнать нельзя.

Вчера прибылъ князь болгарскій. Сегодня было у государя совѣщаніе по болгарскимъ дѣламъ. А наши дѣла!

6 февраля. — Взрывъ произведенъ, повидимому, динамитомъ, вложеннымъ въ печку или въ подвалѣ около печки, потому что душники открылись въ трехъ этажахъ. Въ подвалѣ находились столярные рабочіе, изъ которыхъ одинъ исчезъ. Незадолго передъ взрывомъ ихъ спрашивали, зачѣмъ они тамъ были безъ огня. Такихъ почти безконтрольно пребывающихъ во дворцѣ рабочихъ будто до трехсотъ. Убито 10 солдатъ, въ томъ числѣ два фельдфебеля; ранено 44. Стекла выбиты почти во всѣхъ комнатахъ съ окнами на дворъ по этой сторонѣ. Корридоры Салтыковскаго подъѣзда наполнились смрадомъ и каменною пылью.

Былъ у государя сегодня утромъ въ 10 час. Спокоенъ наружно, но видимо возмущенъ и взволнованъ внутренно. Въ 1 ч. дня молебенъ въ Большой церкви. Импровизированный выходъ. Весь городъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ утратилъ, подъ впечатлѣніемъ минуты, умственное равновѣсіе. Мечтаетъ о невозможномъ соединеніи м-ва внутреннихъ дѣлъ съ III-мъ отдѣленіемъ, конечно себя увольняя. Жалуется на III-ье отдѣленіе, не безъ основанія, но безъ большаго основанія сегодня, чѣмъ вчера или третьяго дня. Событіе во дворцѣ ложится прежде всего на отвѣтственность дворцовыхъ властей. Безуспѣшность борьбы съ революціонной крамолой лежитъ солидарно на отвѣтственности министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія и на III-мъ отдѣленіи съ его жандармами. Отвѣтственность за размѣры крамолы и ея глубокіе корни принадлежитъ всему правительству, быть можетъ, кромѣ меня одного. Этотъ дневникъ свидѣтельствуетъ о томъ, чьи взгляды и воля преобладали, и какъ постоянно я боролся съ преобладавшими вліяніями!

Видѣлъ генераловъ Дрентельна и Гурко. Оба какъ будто зрители того, что происходитъ. А одинъ — шефъ жандармовъ, другой—полномочный генералъ-губернаторъ и командующій войсками.

Пологоловые, вродѣ А..., горько глумятся надъ полиціями, какъ будто глумленіе есть дѣйствіе въ критическія минуты, и

какъ будто не эти же пологоловые либералы не такъ-то давно сами пѣли дифирамбы великимъ реформамъ, болгарской войнѣ, учебнымъ заведеніямъ, и давали деньги на нашу революціонную магистратуру, но отказывали въ нихъ полиціи и старались ее всячески унизить и обезславить.

Перстъ Провидѣнія утѣшительно виденъ среди злодѣйскихъ покушеній на государя. Даже вчера, онъ не только избѣгъ опасности, но даже потрясающаго впечатлѣнія, которое было бы произведено на него взрывомъ, еслибы послѣдній послѣдовалъ, какъ было разсчитано, во время обѣда. По случаю пріѣзда принца Гессенскаго, обѣдъ былъ на $^3/_4$ часа позже, и взрывъ послѣдовалъ, когда государь былъ еще на пути въ столовую, гдѣ выбиты окна и потухли лампы.

Сегодня, глядя на трехъ ближнихъ, думалось: гдѣ же сила и умѣнье, которыя могли бы принести пользу? А слѣдовало бы, потому что—cui bono, si non pro domo sua et servis suis?

8 февраля.—Вчера день за работой. Обѣдалъ у Дурновыхъ. Сегодня утромъ продолжительное, но почти безрезультатное совѣщаніе у государя, при Цесаревичѣ: министры военный, двора, внутреннихъ дѣлъ, шефъ жандармовъ и я. Маковъ довольно опрометчиво затронулъ, при своемъ докладѣ, вопросъ объ упраздненіи здѣшняго генералъ-губернатора, т.-е. въ существѣ его мысли—генерала Гурко, съ которымъ онъ не справляется. Государь послалъ за нами. Оказалось, что онъ менѣе подался на предположеніе, чѣмъ Маковъ воображалъ. Цесаревичъ предлагалъ невозможную верховную слѣдственную коммиссію съ диктаторскими, на всю Россію распространенными компетенціями, что было бы равносильно не только упраздненію de facto III-го отдѣленія и шефа жандармовъ, но и вообще всѣхъ другихъ властей, нынѣ вѣдающихъ политическія дѣла, и притомъ de jure установилось бы прямое главенство самого государя надъ слѣдственнымъ диктаторствомъ коммиссіи и ея предсѣдателя. Вѣроятно, подразумѣвался Треповъ, и едва ли не онъ родоначальникъ мысли. Государь ее отклонилъ. Я настаивалъ на томъ, на чемъ полтора или два года настаиваю, т.-е. на усиленіи полиціи и на болѣе скоромъ и рѣшительномъ веденіи и производствѣ дѣлъ, не только здѣсь, но и въ другихъ мѣстностяхъ. Разумѣю усиленіе полиціи въ размѣрахъ, которые позволили бы подавить всякія сходки и группировки заговорщиковъ. Я сказалъ, что всякій денежный разсчетъ для меня не существуетъ, потому что не могу оцѣнить

на деньги жизнь хотя бы одного изъ бѣдныхъ погибшихъ „финляндцевъ“ [1]).

Кстати о финляндцахъ. По крайней мѣрѣ, ихъ похороны были достойны. Вчера писалъ генералъ Гурко, что надѣялся, что тамъ будутъ офицеры и унтеръ-офицеры отъ всѣхъ частей. Кажется, что онъ моею мыслью воспользовался. Офицеры всѣхъ полковъ были. Генералы и офицеры выносили гробы и т. д.

Маковъ чрезвычайно разстроенъ. Балласта мало. Легковѣрной увѣренности, повидимому, было немало.

Обѣдалъ сегодня у великой княгини Екатерины Михаиловны, съ женою, графомъ Петромъ Шуваловымъ и оберъ-гофмаршаломъ Гротомъ.

На завтра, по приказанію государя, назначено продолженіе сегодняшняго совѣщанія безъ него и Цесаревича, подъ моимъ предсѣдательствомъ. На завтра же меня требуетъ генералъ-адмиралъ для совѣщанія о какомъ-то адресѣ государственнаго совѣта государю на 19-е число.

Нѣсколько разъ, въ этихъ замѣткахъ, я говорилъ: exoriare ultor! Увы! adsunt ultores! Сегодня я вспоминалъ объ этомъ. Тягостное, жалкое и унизительное впечатлѣніе производятъ на меня слова, которыя приходится слышать, выраженіе лицъ, которое приходится видѣть. O, poena pede claudo!

9 февраля.—Утромъ опять приказаніе быть во дворцѣ. Перемѣнно во взглядахъ государя (какъ догадывается графъ Адлербергъ, вслѣдствіе письма, вчера полученнаго отъ Цесаревича); учреждается здѣсь верховная комиссія, и во главѣ ея графъ Лорисъ-Меликовъ. На лицо были, сверхъ вчерашнихъ, но безъ военнаго министра, графъ Лорисъ-Меликовъ, генералъ Гурко, Набоковъ и Черевинъ. Воля государя объявлена внезапно для всѣхъ. Генералъ-губернаторъ упраздняется, и генералъ Гурко s'est exécuté съ большимъ достоинствомъ. Неожиданность впечатлѣнія выразилась на всѣхъ лицахъ. De facto стушевывается III-е отдѣленіе, но и генералъ Дрентельнъ s'est exécuté de bonne grâce. При графѣ Лорисъ-Меликовѣ дѣло можетъ пойти. Во всякомъ случаѣ на публику будетъ произведенъ эффектъ. Мнѣ, конечно, выпадаетъ роль предсѣдательства при совѣщаніяхъ и редакторскихъ по инструкціонной части работахъ. Послѣ событія у государя, совѣщаніе въ комнатахъ комитета министровъ о отдѣльнымъ вопросамъ, вчера намѣченнымъ и сегодняшнею

[1]) Въ день взрыва старшій караулъ былъ отъ л.-гв. финляндскаго полка.

перемѣною дирекціи не упраздненныхъ. О результатѣ вечеромъ написалъ государю. Вечéромъ же былъ у меня гр. Лорисъ-Меликовъ.

Само собою разумѣется, что я у великаго князя проектора адресовъ не былъ. Весь городъ толкуетъ о томъ, что онъ 5-го числа уѣхалъ ночевать въ Кронштадтъ.

Признаки формулы — + — доходятъ порою до сценическихъ формъ. Впечатлѣніе и тягостное, и поучительное. Порою не знаешь, какой членъ формулы имѣетъ большее значеніе, но какъ при этомъ чувствуется всякій вѣсокъ!

Примѣчаніе № 23.—Характеристично, въ отношеніи къ понятіямъ и понятливости публики, къ способностямъ и умѣлости правительственныхъ властей, и наконецъ въ отношеніи къ тогдашнимъ взглядамъ и пріемамъ самого покойнаго государя, что принятая чрезвычайная мѣра съ перваго шага была искажена и превратно истолкована. Не только форма учрежденія такъ-названной „Верховной Распорядительной Комиссіи", не только ея основныя очертанія, не только данное ей наименованіе, но даже и коренная мысль ея учрежденія принадлежали *мнѣ*. Мысль покойнаго государя, если ему не подсказанная, то отчасти въ немъ возбужденная нынѣшнимъ Государемъ, заключалась собственно въ учрежденіи высшей и общей слѣдственной и исполнительной комиссіи по дѣламъ государственной охраны. Доказательствомъ служитъ то, что при первоначальныхъ объясненіяхъ и Маковъ, и я, предполагали, что имѣлся въ виду, для начальства въ комиссіи, генералъ-адъютантъ Треповъ. Когда покойный государь, въ совѣщаніи 9-го февраля, назначилъ графа Лорисъ-Меликова, я тотчасъ сознялъ возможность дѣйствительнаго сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ высшаго вѣдѣнія всѣхъ вышеупомянутыхъ дѣлъ охраны государевой и государственной безопасности, и въ тотъ же день, при дополнительномъ совѣщаніи въ комитетѣ министровъ, намѣтилъ главныя черты предположеннаго учрежденія, а затѣмъ написалъ покойному государю о результатѣ нашего совѣщанія. Я получилъ 10-го числа утвердительный отзывъ, и уже 11-го утромъ представилъ государю собственноручно мною написанные основные пункты учрежденія комиссіи. Они ни въ чемъ существенномъ не были измѣнены, и, слѣдовательно, я могъ считаться ближайшимъ интерпретаторомъ всего содержанія состоявшагося затѣмъ высочайшаго указа. Никакого диктаторства, ни полу-диктаторства, я не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду. Кругъ вѣдѣнія комиссіи былъ категорически опредѣленъ, и графу Л.-Меликову предоставлялось не предѣ-

дательство, а прямое начальство надъ комиссіею. Текстъ указа о томъ свидѣтельствуетъ; но дѣло тотчасъ приняло направленіе съ этимъ текстомъ не согласное. Свойственная у насъ многимъ, и весьма многимъ, умственная лѣнь постоянно предрасполагаетъ къ выбору простыхъ, и потому вообще грубыхъ средствъ для достиженія правительственныхъ цѣлей. Ничего нѣтъ проще, какъ положиться на одну силу, вмѣсто нѣсколькихъ, и ожидать отъ одного лица — подъ условіемъ предоставленія ему неопредѣленныхъ и всегда болѣе или менѣе призрачныхъ полномочій — разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя совокупными силами правительственнаго организма не были разрѣшены. Отъ побѣдителя Карса можно было ожидать энергичнаго направленія дѣйствій всѣхъ административныхъ властей по части борьбы съ такъ-называемою крамолой; но, конечно, нельзя было въ немъ чаять знатока всѣхъ отраслей государственнаго управленія и энциклопедическаго преобразователя современнаго строя Россіи. Тѣмъ не менѣе, дѣло было со дня на день поставлено именно на эту почву. Послѣдствія извѣстны. Самъ графъ Л.-Меликовъ, въ чаду выпавшаго ему случая, подъ вліяніемъ непривычной ему салонной лести, и по наущенію своихъ главныхъ Эгерій, г.г. Абазы и Каханова, вообразилъ, что энциклопедическая задача ему по плечу, и что для ея разрѣшенія нужно было только пріобрѣсти личную популярность, хотя бы и самыми неразборчивыми средствами. Новый начальникъ государственной охраны началъ съ заискиванія лести петербургскихъ газетъ, съ дискредитированія того самаго правительства, къ составу котораго онъ принадлежалъ, и съ заботы о поднадзорныхъ участникахъ той крамолы, которую онъ былъ призванъ побороть. Какимъ образомъ онъ продолжалъ, видно изъ моего дальнѣйшаго дневника, а уровень его плеча съ достаточною опредѣлительностью обозначенъ ниже, въ замѣткѣ 3-го октября 1880 года. Его Эгеріи имѣли свои виды, а окружавшій его людъ думалъ о себѣ, или преслѣдовалъ цѣли, совершенно не соотвѣтствовавшія взглядамъ и волѣ покойнаго государя. Весьма естественно, впрочемъ, что государь сначала не замѣтилъ совершившагося передвиженія вглубь верховной комиссіи. Впослѣдствіи же графъ Л.-Меликовъ безпастѣнчиво пользовался другими вліяніями для поддержанія своего авторитета; онъ эксплуатировалъ нравственное и умственное утомленіе того, кто себя ему неосмотрительно ввѣрилъ. [С.-Петербургъ, 30 декабря 1881 г.].

10 февраля.—Получилъ утвержденную государемъ мою записку. Видѣлся съ Каханoвымъ по предмету завтрашняго дѣла. Былъ у обѣдни. Выѣзжалъ для нѣкоторыхъ отдаточныхъ визитовъ.

11 февраля.—Утромъ написалъ и отправилъ къ государю записку съ краткимъ изложеніемъ основаній устройства верховной коммиссіи. Государь прислалъ тотчасъ за мной. Въ присутствіи Цесаревича прочиталъ снова мою записку. Она одобрена вполнѣ, и я замѣтилъ, что и Цесаревичъ былъ ею удовлетворенъ. Заѣзжалъ къ министру финансовъ, чтобы и его, съ разрѣшенія государя, пригласить къ совѣщанію. Былъ въ государственномъ совѣтѣ. Потомъ, въ комнатахъ комитета министровъ—совѣщаніе при участіи министровъ двора, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, шефа жандармовъ и графа Л.-Меликова. Кахановъ и я содѣйствовали сцѣпленію разрозненныхъ элементовъ и скорѣйшему ходу дѣла. Всѣ мои начала приняты, съ нѣкоторыми дополненіями и редакціонными измѣненіями. Въ четыре часа дѣло было кончено. Завтра въ комитетѣ министровъ послѣдуетъ окончательное одобреніе проекта высочайшаго указа сенату, и по моему предложенію онъ будетъ поднесенъ къ подписи и контрасигнованъ генералъ-адъютантомъ Дрентельномъ.

12 февраля.—Комитетъ министровъ. Потомъ окончательное совѣщаніе по вчерашнему дѣлу. Проектъ указа одобренъ съ незначительными редакціонными измѣненіями и будетъ сегодня посланъ къ подписи.

Обѣдалъ у государя. Онъ благодарилъ за окончаніе дѣла. Указъ уже подписанъ. Обѣдали, сверхъ великихъ князей и герцогини Эдинбургской, принцъ Гессенскій съ двумя сыновьями, генералы Краснокутскій и Чертковъ, графъ Л.-Меликовъ и я. Графъ Л.-Меликовъ въ большомъ ходу. Дай Богъ ему успѣха. Жаль только до того дойти, до чего мы дошли. При каждомъ новомъ назначеніи какъ будто ожидается перемѣна. На этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, да сбудется ожиданіе!

Вечеромъ были у меня Сабуровъ, баронъ Фредериксъ, командиръ конной гвардіи (по случаю сообщеннаго мною ему свѣдѣнія объ отзывѣ графа Л.-Меликова насчетъ переѣхавшей изъ казармъ въ другую квартиру жены шт.-ротм. барона Мейендорфа), и редакторъ будущей оффиціозной газеты Цитовичъ. Къ сожалѣнію, мнѣ кажется, что я въ послѣднемъ дѣлѣ принимаю болѣе участія, чѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ.

13 февраля.—Государь на охотѣ въ Лисинѣ. Цѣлый день дома. Утромъ, вслѣдствіе сдѣланнаго вчера въ комитетѣ министровъ генераломъ Дрентельномъ напраснаго предложенія объ отмѣнѣ соляного налога, „для впечатлѣнія на народъ въ виду взрыва 5-го числа (!)", написалъ шефу жандармовъ письмо, въ которомъ объяснилъ мое вчерашнее молчаніе личнымъ къ нему уваженіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлительно высказался насчетъ системы *правительственнаго подкупа правительствуемыхъ* и старался доказать ея лживость. Я упомянулъ о нашемъ упорномъ нежеланіи дѣлить русскій народъ на двѣ части: бѣлый и черный, и на тщетность усилій ему сулить копѣйки, когда газеты и агитаторы ему сулятъ гораздо болѣе, потому что сулятъ чужіе рубли. Я указалъ на несообразность исканія опоры въ тѣхъ самыхъ массахъ, на которыя разсчитываютъ и анархисты, и опоры противъ тѣхъ самыхъ слоевъ населенія, противъ которыхъ направляютъ свои ковни эти же анархисты. Я упомянулъ о привычныхъ въ правительственныхъ сферахъ выраженіяхъ: „они", „ихъ домогательства" и проч., когда рѣчь идетъ о сословіяхъ не-черныхъ, и о пригодности грубой силы,—единственной силы массъ,—только въ случаѣ войны, или мятежа,—а не противъ внутренней крамолы и убійцъ, дѣйствующихъ во мракѣ. Я указалъ на противорѣчіе между превознесеніемъ чернаго народа и конвоемъ изъ дисциплинированныхъ казаковъ, и на другое противорѣчіе—между этимъ конвоемъ изъ казаковъ-раскольниковъ и гнётомъ, налагаемымъ на сектаторовъ вообще; указалъ и на возможность пользы отъ облегченія этого гнёта. Однимъ словомъ,—я высказался. Генералъ Дрентельнъ пріѣзжалъ благодарить. Авось не пройдетъ безслѣдно мое стараніе.

Примѣчаніе № 24.—Эта попытка принадлежала къ числу тѣхъ, которыя я называлъ моими „горошинами", и которыя безрезультатно разбивались объ окружавшія меня стѣны разныхъ препятствій. Далѣе окажется, что цѣною той же самой многомилліонной для государства жертвы г. Абаза купилъ себѣ портфель министра финансовъ, при маклерствѣ графа Л.-Меликова. [С.-Петербургъ, 30 декабря 1881 г.].

15 февраля.—Вчера указъ еще не появился въ печати. У меня были генералъ Швейницъ—для освѣдомленій, генералъ Игнатьевскій—безъ цѣли, и графъ Коцебу—по случаю пріѣзда. Свадьба, по его словамъ, поется прежняя пѣсня, даже безъ варіацій. Обѣдалъ у Бутурлиныхъ.

Сегодня, утромъ, были графъ Л.-Меликовъ и генералъ Гурко,

послѣдній уже въ желчномъ настроеніи, первый еще въ нѣсколько чадномъ. Видно, что онъ совѣщался съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Странно,—какъ трудно подниматься до уровня, который былъ бы повыше разныхъ среднихъ уровней!

Днемъ былъ у великаго князя генералъ-адмирала. Конференція избранниковъ для обсужденія текста адреса государственнаго совѣта государю на 19-е число. Избранниками оказались принцъ Ольденбургскій,—„Петръ Егоровичъ", какъ „als stehender Witz", говоритъ августѣйшій предсѣдатель,—генералъ Тимашевъ, графъ Паленъ, князь Урусовъ, Побѣдоносцевъ, Абаза, Головнинъ, Сольскій и я. Редакторомъ-докладчикомъ—Перетцъ. Нѣкоторыя неудобныя и даже неприличныя мѣста исключены или измѣнены въ первоначальномъ, разосланномъ намъ текстѣ. Теперь адресъ, или, точнѣе, журналъ государственнаго совѣта, болѣе или менѣе пригоденъ. Но сколько фальши въ дѣлѣ по существу! Какой фальшивый звукъ во всѣхъ восхваленіяхъ, когда результатомъ двадцатипятилѣтія—диктатура графа Л.-Меликова! Какое странное противорѣчіе между текстомъ и окружающимъ карету государя конвоемъ казаковъ! Эта карета выѣзжала изъ воротъ Мраморнаго дворца въ ту самую минуту, какъ я въѣзжалъ. Какая внутренняя ложь въ дифирамбическомъ соучастіи членовъ совѣщанія! Какое подтвержденіе формулы — + — въ самомъ фактѣ этого совѣщанія! Мнѣ, внутренно, было стыдно. Неужели другіе не ощущали стыда? Перетцъ читаетъ „ore rotundo", съ паѳосомъ въ голосѣ и закатывая по временамъ глаза.—Barbiere di Seviglia; don Basilio! Вся Россія рисуется ликующею на 19-е февраля. Какая обстановка ликованія!

Сегодня, комплиментируя графа Л.-Меликова („le pauvre Loris!"—какъ говоритъ Е. Н. Нелидова), „Голосъ" напечаталъ, что графъ знаетъ, что „сила въ любви", и что онъ прежде былъ мелкимъ офицеромъ и служилъ въ глухой арміи (sic!). Гродненскій гусаръ—мелкій офицеръ! Кавказскіе герои—глухая армія! И эти дворники-грамотѣи—русская печать и русское общественное мнѣніе!

16 февраля.—Утромъ, у министра внутреннихъ дѣлъ, предварительное совѣщаніе съ нимъ, графомъ Л.-Меликовымъ и шефомъ жандармовъ. Тяжело. Точки отправленія, цѣли, самоотношеніе къ дѣлу и цѣлямъ—все различно. Трудно регулировать колёса въ часовомъ механизмѣ, когда пружина не дѣйствуетъ или дѣйствуетъ съ промежутками. Графъ Л.-Меликовъ видитъ въ себѣ преобразователя; Маковъ видитъ въ генералъ-губернаторахъ

князя Долгорукова; генералъ Дрентельнъ видитъ III-ье отдѣленіе, но многаго другого не видитъ. Въ особенности непріятно было мнѣ ощущеніе, что въ новомъ полудиктаторѣ не проявлялось никакой силы. Что же будетъ далѣе?

Обѣдалъ у итальянскаго посла. Тревожное состояніе умовъ проникаетъ, повидимому, и въ дипломатическую среду...

17 февраля.—Утромъ—у обѣдни. Потомъ—на актѣ „Техническаго Общества" по случаю десятилѣтія ремесленныхъ школъ. При этомъ проф. Андреевъ, имѣвшій большія заслуги по этой части, чуть-чуть не упалъ въ обморокъ въ ту самую минуту, когда отъ его сотоварищей ему, coram publico, подносился testimonial. Дѣло полезное. Весь актъ весьма приличенъ, хотя и не безъ нѣкотораго battement de flancs:

Заѣзжалъ къ княгинѣ Кочубей. Она уже хлопочетъ о назначеніи ея зятя Дурнова членомъ коммиссіи графа Л.-Меликова. Видѣлъ Горна, который недоумѣваетъ насчетъ смысла коммиссіи. Получилъ записку отъ министра внутреннихъ дѣлъ съ его desiderata насчетъ генералъ-губернаторствъ. И онъ, повидимому, не чувствуетъ, что указъ 12-го февраля прежде всего долженъ имѣть другія послѣдствія. Вчера, отвѣчая графу Хрептовичу на письмо по этому предмету, я выразился такъ: „il faut qu'on voie le bras de la tête".

Вездѣ готовятся къ торжествованію 19-го числа. Il y a une prodigieuse quantité d'ingénuité au fond de tout cela. И жаль, и грустно, и жутко.

Великій князь Николай Николаевичъ вернулся. Съ нимъ пріѣхалъ и герцогъ Эдинбургскій. Число англійскихъ свидѣтелей вашего положенія увеличилось. Какое впечатлѣніе произведетъ на нихъ—comes liberator in spe? Не могу забыть вчерашняго совѣщанія. Сколько неподготовленности или узкости взгляда нужно, чтобы перорировать о десятимѣсячномъ харьковскомъ опытѣ! Сколько чего другого, чтобы продолжать такъ много говорить о затруднительности *своего* положенія, въ минуту, когда общее положеніе такъ трудно, и болѣе чѣмъ трудно! А Маковъ! А Дрентельнъ!

18 февраля.—Утромъ были у меня герцогъ Эдинбургскій и великій князь Михаилъ Николаевичъ. Ѣздилъ записаться у герцога и у великаго князя Николая Николаевича. Былъ въ Николаевскомъ институтѣ. Потомъ въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ. Въ первомъ, между прочимъ,—интродукція

графа Л.-Меликова и чтеніе всеподданнѣйшаго адреса. Во второмъ—родъ сцены по случаю комбинированной аттаки Абазы и графа Баранова, in forma innocentis, противъ Посьета. Къ аттакѣ присоединился, не замѣчая бѣлой нитки (Анненковъ—Нелидова), министръ финансовъ. Предлогомъ къ этому былъ частный вопросъ о пособіи донецкой желѣзной дорогѣ. Не безъ труда удалось vider l'incident.

Въ комитетѣ присутствовалъ графъ Л.-Меликовъ. Онъ, очевидно, не входитъ въ свою роль, а видитъ передъ собою другую—устроителя по всѣмъ частямъ государственнаго управленія. Куда идемъ мы и куда придемъ при такой путаницѣ понятій въ тѣхъ, кто призваны распутывать уже извѣстныя, опредѣленныя путаницы и охранять безопасность даннаго status quo?

19 февраля. — Мнѣ пожалованъ графскій титулъ. Mixed feelings. Лестно пожалованіе. Еще лестнѣе—въ этотъ день и при выраженіяхъ, употребленныхъ въ рескриптѣ. Пріятно въ особенности, что нынѣшнее пожалованіе распространяется на моихъ сыновей. Въ телеграммѣ въ Ольты, къ старшему сыну, пользуясь желаніемъ передать ему похвальный о немъ отзывъ великаго князя Михаила Николаевича, я въ первый разъ подписался новымъ титуломъ, и ему, просто адресованіемъ, далъ знать и о его титулѣ. При всемъ томъ, повторяю: mixed feelings.

Утромъ, въ составѣ государственнаго совѣта, у его величества великій князь генералъ-адмиралъ читалъ адресъ-журналъ. Государь выслушалъ спокойно и, благодаря, сказалъ между прочимъ: „Все это правда". Потомъ выразилъ онъ упованіе на Бога и увѣренность, что государственнымъ совѣтомъ оказано будетъ прежнее содѣйствіе, а Богъ поможетъ выйти изъ настоящаго труднаго положенія. Засимъ — большой выходъ. На немъ всѣ были, кто быть могъ. Выходнымъ карауломъ конной гвардіи командовалъ Никсъ, т.-е. корнетъ графъ Николай Валуевъ. Мой сынъ слышалъ, какъ, проходя мимо караула, государь сказалъ Цесаревнѣ: „Il est comte depuis ce matin", на что Цесаревна любезно улыбнулась. Съ Божіею помощью я добылъ. При пріемѣ государственнаго совѣта былъ также „добытый" оттѣнокъ. Государь подошелъ и подалъ руку только тремъ: великому князю предсѣдателю, канцлеру и мнѣ, добавивъ: „предсѣдателя комитета министровъ" (т.-е. благодарю).

Многіе меня привѣтствовали и поздравляли весьма тепло и, повидимому, искренно. Нѣкоторые явно недоброхотны. Неизбѣжно!

Разныя милости. Грейгу и Абазѣ пожалованы владимірскія ленты, Сольскому, Фришу, Макову, Перетцу (?!)—александровскія, князю Ливену—звѣзда владимірская. Много новыхъ флигель-адъютантовъ.

Въ 2½ ч.—пріемъ воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Бѣлой залѣ, на половинѣ ихъ величествъ. Кантата сочиненія принца Ольденбургскаго и разныя приношенія. Все очень прилично и удачно.

Теперь (9 час. вечера)—иллюминація, театры; все въ порядкѣ и, благодаря Бога, благополучно.

20 февраля.—Сегодня—эпилогомъ ко вчерашнему дню—покушеніе на графа Л.-Меликова. Выстрѣлъ изъ пистолета въ упоръ, когда онъ, возвратясь домой отъ меня и Макова, стоялъ на панели у своего подъѣзда. Быстро прошедшій мимо него убійца уперъ револьверъ въ его шинель и выстрѣлилъ. Пуля пробила шинель и разорвала сюртукъ около поясницы, но не задѣла графа Л.-Меликова. Онъ рукою ударилъ по головѣ злодѣя, который пошатнулся и побѣжалъ, но его схватили. Говорятъ, минскій жидъ, изъ минской гимназіи; но это еще не достовѣрно. Онъ дерзко отвѣчалъ на первыхъ разспросахъ. Графъ Л.-Меликовъ поѣхалъ тотчасъ во дворецъ, чтобы самому доложить государю о происшествіи. Дѣло случилось около 2 час. дня. Въ 3 часа весь городъ зналъ объ этомъ, и затѣмъ перебывалъ у графа, въ томъ числѣ великія княгини и князья. При такомъ исходѣ, считаю случай благополучіемъ. Графъ Л.-Меликовъ будетъ вынужденъ faire voir le bras de la tête.

Утромъ былъ у государя—благодарить. Пріемъ весьма милостивый. У меня были, до происшествія, графъ Орловъ-Давыдовъ и графъ Л.-Меликовъ. Послѣдній двумя разсказами убѣдилъ меня въ томъ, что я уже въ немъ подмѣтилъ или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвалъ.

21 февраля.—Совѣщаніе у министра внутреннихъ дѣлъ по вопросамъ о письмѣ петербургскаго губернскаго предводителя дворянства и о временныхъ генералъ-губернаторахъ. Кахановъ, по моему желанію, присутствовалъ. Онъ отмѣнно полезенъ и обладаетъ большимъ flair и тактомъ. Сегодня всѣ были корректны. Совѣщаніе прерывалось объясненіями графа Л.-Меликова съ градоначальникомъ, съ генераломъ Канаржевскимъ и пріѣзжавшимъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Вчерашній злодѣй уже былъ судимъ, приговоренъ и завтра будетъ казненъ. Вече-

ромъ пріѣзжалъ генералъ Альбединскій. Его отношенія къ военному министру весьма трудны. Онъ, для графа Милютина, слишкомъ занимается военнымъ дѣломъ.

Вчера въ Зимнемъ дворцѣ заходилъ въ офицерскую комнату главнаго караула, чтобы видѣть чудеснымъ образомъ сохранившуюся икону, бывшую во взорванной солдатской караульнѣ. Она выкопана изъ-подъ груды камня. Стекло разбито въ пыль; лампадка смята; но икона не тронута; ни одной царапины на окладѣ. „There are more things,—какъ говоритъ Гамлетъ,—than are dreamt of in our philosophy".

22 февраля.—Сегодня, въ 11 час. утра, на Семеновскомъ плацу, казненъ преступникъ, стрѣлявшій въ графа Л.-Меликова. Народа было много, и собственно народъ явно сочувствовалъ казни. Это полезно, какъ впечатлѣніе для единомышленниковъ. Говорятъ, что нѣкоторые изъ нихъ, своими рѣчами въ толпѣ, возбудили ея негодованіе и были ею выданы полиціи или арестованы полиціей.

Цѣлый день дома. Получилъ черезъ Макова порученіе государя разобрать втроемъ, съ нимъ и графомъ Толстымъ, насколько основательны жалобы здѣшняго губернскаго предводителя дворянства на министерство народнаго просвѣщенія.

23 февраля.—Утромъ писалъ въ Берлинъ и принималъ посѣтителей. Потомъ—засѣданіе въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта для похоронъ трудовъ комиссіи о рабочихъ. Дѣло шло съ 1869 года. Представленный комиссіей 1875 г. проектъ лежалъ въ государственномъ совѣтѣ съ 1876 года. Лѣтомъ, или осенью, государь повелѣлъ разсмотрѣть его въ нынѣшнюю сессію. Но, конечно, не до разсмотрѣнія теперь.

Нужно было придумать похоронный пріемъ. Онъ придуманъ. Вмѣсто проекта въ итогѣ, предоставляется министрамъ двинуть его вразбродъ, какъ то уже прежде было предложено.

Передъ обѣдомъ былъ у меня губернскій предводитель, графъ Бобринскій. Объясненіе по представленному дворянствомъ письму и по griefs противъ министерства народнаго просвѣщенія.

24 февраля.—Утромъ—у обѣдни. Цѣлый рядъ неизбѣжныхъ визитовъ. Потомъ—дома. Слышу, что между графомъ Л.-Меликовымъ и III-мъ отдѣленіемъ что-то неладно, или, по крайней мѣрѣ, что онъ находитъ жандармскую часть въ невозможномъ положеніи. Давно такъ. Кажется, онъ принимается за дѣло основательно.

Франція не выдаетъ Гартмана. Слѣдовало этого ожидать; но послѣдствія вредны въ смыслѣ обезпеченія другимъ Гартманамъ droit d'asile на французской территоріи. Нѣтъ, однакоже, худа безъ добра. Миражъ сближенія съ Франціей противъ Германіи, à la Милютинъ-Обручевъ и друг., потускнѣетъ.

25 февраля. — Утромъ — государственный совѣтъ. Былъ въ Александро-Невской лаврѣ. Затѣмъ — дома.

Говорятъ, что князя Орлова отзываютъ. Это — вѣроятно. Гирсъ сказалъ мнѣ сегодня: „Quel triomphe pour Bismarck!“

Вечеромъ всѣ великіе князья были въ театрѣ, гдѣ шла новая опера Рубинштейна: „Купецъ Калашниковъ“. Возбужденіе симпатій къ казнимому весьма мало кстати послѣ казни 22-го числа.

26 февраля. — Утромъ — въ Аничковомъ дворцѣ. Обычныя явленія и обычное неприличіе завтрака безъ хозяевъ.

Какъ pendant къ вчерашней оперѣ, сегодня, въ Исаакіевскомъ соборѣ, священникъ говорилъ проповѣдь, въ которой упоминалъ, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ гвардіи, о военныхъ, бравшихъ взятки, и т. п.

Слышалъ отъ Макова, что гр. Л.-Меликовъ долженъ былъ сегодня докладывать государю о своихъ затрудненіяхъ съ III-мъ отдѣленіемъ. Вечеромъ получилъ записку отъ Дрентельна съ извѣщеніемъ, что государь соизволилъ на его увольненіе. E fatto. Il n'y va pas de main morte, Michel l'Arménien, et il a raison. Лишь бы дошелъ и довелъ до цѣли.

27 февраля. — Утромъ государь прислалъ за мной. Онъ объявилъ мнѣ объ увольненіи Дрентельна и о подчиненіи III-го отдѣленія гр. Л.-Меликову, и прибавилъ: „J'ai voulu que vous l'appreniez de ma bouche“. Ген. Дрентельнъ назначается, конечно, членомъ государственнаго совѣта.

Потомъ — засѣданіе съ генералъ-губернаторами. Графъ Коцебу, князь Долгоруковъ, графъ Тотлебенъ, князь Дондуковъ и генералъ Чертковъ, et pour vis-à-vis: графъ Л.-Меликовъ, Набоковъ, Грейгъ, Маковъ и я. Удалось все кончить (кромѣ деталей по судебной части, съ намѣреніемъ отсроченныхъ), и кончить ладно, въ $1^3/_4$ часа времени. Графъ Л.-Меликовъ держалъ себя совершенно корректно и, кажется, принимается за дѣло съ тонкимъ толкомъ. Не догадываюсь, кто, кромѣ Каханова, lui souffle certains noms et peut-être certaines choses.

Мартъ.

1 марта. — Вчера утромъ отправилъ къ государю изложеніе результатовъ совѣщанія съ генералъ-губернаторами. Государь прислалъ за мною. Въ его кабинетѣ былъ графъ Л.-Меликовъ. Государь, очевидно, останавливался надъ непринятіемъ, въ совѣщаніи, мысли графа Тотлебена о слѣдственныхъ коммиссіяхъ; но послѣ нѣсколькихъ краткихъ объясненій съ нашей стороны онъ одобрилъ рядъ представленныхъ заключеній и передалъ мнѣ мою записку для исполненія. Судя по отзывамъ графа Л.-Меликова, дни графа Толстого сочтены по министерству народнаго просвѣщенія. Но и въ этомъ еще не увѣренъ.

Днемъ—объясненія съ графомъ Толстымъ и Маковымъ, у меня, по поводу письма предводителей. Предводители министру народнаго просвѣщенія не жаловались, къ нему не обращались; слѣдовательно, вообще неправы. Но въ то же время подтверждается взглядъ на формалистическіе, сухіе и мало пріятные, мало ободрительные пріемы графа Толстого.

Вечеромъ, т.-е. ночью—на балѣ у графа Орлова-Давыдова. Конечно, на нѣсколько минутъ. Beau bal. Блескъ, много людей и много улыбокъ. Какъ будто весело наше время, или, по крайней мѣрѣ, беззаботно.

Сегодня обѣдалъ у Макова съ графомъ Л.-Меликовымъ. Они оба говорятъ о какихъ-то недобрыхъ признакахъ и ожидаютъ на дняхъ новыхъ покушеній. Весь механизмъ III-го отдѣленія, по ихъ словамъ, совершенно негоденъ.

Примѣчаніе № 25. — Призывомъ меня къ устному докладу подтверждается то, что мною выше сего было сказано объ основной мысли покойнаго государя при учрежденіи верховной коммиссіи. Эта мысль заключалась именно въ улучшеніи и ускореніи слѣдственнаго производства по политическимъ дѣламъ. Государь такъ мало признавалъ, въ своихъ понятіяхъ, мнимое диктаторство графа Л.-Меликова, что онъ хотѣлъ предоставить широкую самостоятельность дѣйствіямъ генералъ-губернаторовъ по означен-

нымъ дѣламъ. Мы находили такую самостоятельность неудобною въ виду тѣсной связи между дѣйствіями разныхъ агитаторовъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Впослѣдствіи графъ Л.-Меликовъ довольно ловко прививалъ государю идею о своихъ диктаторскихъ полномочіяхъ, пользуясь тѣмъ, что въ иностранныхъ газетахъ его назвали „вице-императоромъ“; а когда созрѣла мысль о перенаряженіи себя въ министры внутреннихъ дѣлъ, то онъ съ такою же ловкостью мотивировалъ перенаряженіе желаніемъ ускользнуть отъ напрасно ему жаловавшагося вице-императорскаго титула. [С.-Петербургъ, 30 декабря 1881 г.].

2 марта. — Утромъ—у обѣдни. Разводъ отмѣненъ, повидимому, изъ предосторожности.

Пріѣзжалъ Танѣевъ, по приказанію государя, показать проектъ указа сенату о подчиненіи III-го отдѣленія графу Л.-Меликову.

Цѣлый день дома. Написалъ записку о нашемъ объясненіи съ графомъ Толстымъ. Завтра утромъ государь ее получитъ.

Никогда еще центральная власть не была такъ раздроблена, какъ теперь, хотя масса, т.-е. толпа, этого ясно подмѣчать не можетъ. Proprio motu и sic volo ограничены кругомъ иностранныхъ и военныхъ дѣлъ. Внутренняя текущая администрація—въ рукахъ министровъ, по частямъ. Вѣдѣніе государственной внутренней безопасности—въ рукахъ графа Л.-Меликова и отчасти министра внутреннихъ дѣлъ. Но „верховный коммиссаръ“ едва перехватываетъ нити; Маковъ ихъ собрать не могъ, а теперь собирать не можетъ. Есть нѣчто недоконченное, бевсвязное, въ пріемахъ того и другого. Увидимъ.

3 марта. — Утромъ выѣзжалъ. Вечеромъ у меня былъ министръ финансовъ, который говорилъ о разныхъ ахалтекинскихъ и прочихъ планахъ по военно-политической части. Delirant reges, plectuntur Achivi.

5 марта. — Вчера государь опять присылалъ за мной, для возвращенія мнѣ записки объ объясненіяхъ съ графомъ Толстымъ. Прямого результата нѣтъ. Государь, очевидно, колеблется. Былъ въ комитетѣ министровъ, гдѣ, благодаря члену, говорящему „ore rotundo“ и министру финансовъ, всегда расплывающемуся въ своихъ объясненіяхъ, цѣлый часъ убитъ по ничтожному вопросу о лубенской гимназіи.

Слышалъ во дворцѣ, отъ графа Л.-Меликова, и въ комитетѣ, отъ Макова, что обо мнѣ въ ходу разные безсмысленные, но

недоброхотные толки: будто я — furieux que ce soit Loris et pas moi qui sois à la tête de la commission, что я будто иронически спросилъ графа Михаила Тарiеловича, когда къ нему явиться, а онъ отвѣчалъ: „когда я за вами пришлю", и т. п. Все, конечно, aus der Luft gegriffen. Видно, что я, однакоже, возбуждаю зависть.

Написалъ и сегодня отправилъ два письма: къ Сабурову, въ Берлинъ, и къ князю Лобанову, въ Лондонъ. Проявленiя моего обычнаго, большею частью безплоднаго, но тѣмъ не менѣе правильнаго самопризванiя. Имъ слѣдуетъ знать то, что̀ мною имъ написано, а кромѣ меня едва ли кто удосужился бы, или даже подумалъ бы написать. На дняхъ, сообщая Сольскому, по его желанiю, мои записки *1863* и *1879 г.* (о преобразованiи государственнаго совѣта), написалъ и къ нему длинное посланiе, съ изложенiемъ нѣкоторыхъ тѣмъ изъ моего répertoire. Нѣкоторая польза отъ того должна быть, хотя бы въ видѣ вящшаго доказательства моихъ правъ на авторитетъ и обличенiя нѣкоторыхъ элементовъ васъ такъ давно окружающей и опутывающей лжи.

6 марта. — Вчера были у меня генералъ Швейницъ и генералъ Шанзи; первый — чтобы добыть изданiе III-го̀ отдѣленiя о нашихъ соцiалистахъ, второй — чтобы объяснить поступки своего правительства съ Гартманомъ. Кажется, что распоряженiя нашихъ властей, въ особенности министерства юстицiи, были весьма неудачны. Мимоходомъ, для характеристики министерства юстицiи, не мѣшаетъ замѣтить, что избранный для поѣздки въ Парижъ прокуроръ, Муравьевъ, — тотъ самый, который въ Москвѣ находилъ „утѣшительнымъ" появленiе на скамьѣ подсудимыхъ бѣднаго генерала Гартунга и графа Ланского. Мудрый графъ Паленъ его тогда перевелъ изъ Москвы, но чуть ли не съ повышенiемъ. Этотъ же графъ Паленъ, графъ Толстой и К^{0} меня теперь бранятъ, гдѣ только могутъ. То я вреденъ, то я бездѣятеленъ и не пользуюсь моимъ положенiемъ и способами вліянiя.

Цѣлый день дома. Никакого свѣдѣнiя объ agissements du semidictateur et du ministre de l'intérieur. Странно!

7 марта. — Утромъ выѣзжалъ. Былъ въ опекунскомъ совѣтѣ. Видѣлъ у себя министра внутреннихъ дѣлъ и министра финансовъ. Неопредѣленность дѣйствiй графа Л.-Меликова продолжается. Что-то путается въ III-мъ отдѣленiи. Туда ѣздитъ графъ Шуваловъ, а графъ Л.-Меликовъ, не довѣряя Шмиту, не знаетъ,

кѣмъ его замѣнить. Маковъ говоритъ, что онъ нѣсколько конкурируетъ съ прессой. Грейгъ опасается затрудненій съ Германіей. Между тѣмъ, мы занимаемся будущей ахалтекинской экспедиціей. Начальникомъ назначается генералъ-адъютантъ Скобелевъ. Около него увивается Анненковъ, въ надеждѣ съ нимъ ѣхать. Que de projets! Je ne calcule pas si loin.

8 марта.—Утромъ выѣзжалъ. Былъ у Грейга и Макова. У перваго встрѣтилъ графа Л.-Меликова. Заѣзжалъ въ институтъ. Былъ у князя Ливена и у Перфильевыхъ. Неопредѣленность положенія продолжается. Замѣчаю, что у министра внутреннихъ дѣлъ начинаетъ накипать, а графъ Л.-Меликовъ занятъ критикою III-го отдѣленія и не лишенъ досуга очень о томъ распространяться, причемъ отрицательная сторона преобладаетъ.

9 марта. — Утромъ—у обѣдни. Выѣзжалъ. Обѣдалъ у княгини Кочубей. У меня былъ Набоковъ. По дѣлу Гартмана мы горячимся.

10 марта.—Утромъ былъ у германскаго посла, по случаю дня рожденія императора Вильгельма. Вечеромъ—парадный обѣдъ въ Зимнемъ дворцѣ, по тому же случаю. Изъ министровъ—только военный и Гирсъ (за канцлера). Между генералъ-адъютантами графъ Шуваловъ блисталъ своимъ отсутствіемъ. Характеристичный признакъ господствующаго въ отношеніи къ нему настроенія. Государь отлично произнесъ краткій speech при заздравномъ тостѣ.

Утромъ ко мнѣ заѣзжалъ графъ Л.-Меликовъ и разсказалъ, après divers préambules, слѣдующее. Письмо, „конфиденціально“ написанное мною 21-го февраля варшавскому попечителю Апухтину, въ послѣдствіе приватнаго съ нимъ разговора, было имъ въ копіи препровождено къ графу Толстому, который представилъ эту копію графу Л.-Меликову, en sa qualité de grand justicier du moment, для доклада государю. (Содержаніе письма соотвѣтствовало моему общему взгляду на дѣла). Графъ Л.-Меликовъ сегодня доложилъ казусъ, и получилъ разрѣшеніе сообщить графу Толстому, что „никакого отвѣта не послѣдовало“. Le procédé est joli. Je savais que le ministre était une c... Je ne le savais pas encore du curateur.

Гр. Лорисъ-Меликовъ сообщилъ журналъ перваго засѣданія его коммиссіи. Оригинально составленъ. Журнальное записываніе приказаній, или сообщаемыхъ докладчиками или подчиненными

мнѣній—новшество, характеризующее современную путаницу понятій.

11 марта.—Комитетъ министровъ. Обѣдалъ у государя, съ Маковымъ, генералами Черевинымъ, Скобелевымъ и Столыпинымъ. Государь говорилъ много послѣ обѣда объ эпизодѣ съ гр. Толстымъ. Я сказалъ—que le procédé était peu joli. Государь, раздѣляя мое мнѣніе, прибавилъ, что гр. Толстой знаетъ, что всѣ противъ него, и это его раздражаетъ. Когда будетъ выведено другое заключеніе,—не знаю.

14 марта.—Третьяго дня видѣлъ гр. Лорисъ-Меликова у меня, сегодня—у него. Онъ второй разъ собиралъ свою коммиссію. Видѣлъ у него „unheimliche Subjecte", ген. Черняева и бывшаго флигель-адъютанта Баранова. Il tâtonne, пока, и находится нѣсколько подъ вліяніемъ новизны своего положенія, ежедневныхъ докладовъ государю и т. д. Рано произносить опредѣлительное сужденіе о томъ, что̀ есть, еще менѣе—о томъ, что̀ будетъ или можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, критическое положеніе явно характеризуется его ролью, въ качествѣ „du dernier atout".

Сужденія Каханова о министрѣ внутреннихъ дѣлъ не весьма для него лестны. Къ сожалѣнію, въ нихъ много вѣрнаго.

Видѣлъ вчера ген. Швейница. Въ немъ одномъ болѣе разсудительныхъ способностей и образованія, чѣмъ въ цѣлой половинѣ членовъ комитета министровъ, взятыхъ вмѣстѣ. Изумительно, до чего мы дошли или долгались. Все вышло изъ колеи. Ein Stück Roheit, ein Stück Beschränktheit, ein Stück guten Willens und ein Stück Lüge,—bewusster oder unbewusster,—das ist unsere Lage.

Сегодня засѣданіе коммиссіи прошеній. Работалъ. Читаю записки, т.-е. архивъ кн. Меттерниха. Онѣ даютъ другое понятіе, чѣмъ то, которое до сихъ поръ было ходячимъ. Сослужитъ ли мой дневникъ, въ свое время, эту службу?

15 марта.—Обѣдалъ у принца Ольденбургскаго. Утромъ не выходилъ. Посѣтители,—наслѣдіе прежняго,—съ разными просьбами продолжаютъ мѣшать усидчивой работѣ. Впрочемъ, я къ ней и не расположенъ.

Сегодня появился первый № „Берега", новой газеты съ субсидіей отъ правительства. Замѣчательно небрежно и равнодушно къ этому дѣлу отнесся министръ внутреннихъ дѣлъ. Въ первой

же передовой статьѣ имѣется слово: „дрянь“, какъ будто вродѣ вывѣски.

16 марта.—Утромъ у обѣдни. Затѣмъ дома. Были: Маковъ,—вѣроятно, чтобы засвидѣтельствовать о своемъ подвигѣ, вчера, въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, гдѣ онъ не вторилъ Абазѣ по дѣлу о судебныхъ учрежденіяхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ; потомъ—Кахановъ; вечеромъ—несчастный редакторъ „Берега“, упавшій духомъ въ виду равнодушія министерства внутреннихъ дѣлъ къ своему творенію.

Правительство, по дѣламъ внутренняго управленія, теперь какъ будто „in commission“ по англійскому парламентскому выраженію.

Еслибы не вѣра въ Божественный Промыселъ, то все должно бы казаться безнадежнымъ. Но кризисъ вѣроятенъ. Какъ очнутся, тогда, всѣ сочинители современныхъ дивирамбовъ!—Domine, miserere nobis!

17 марта.—Утромъ—посѣтители. Потомъ—государственный совѣтъ. Затѣмъ дома. Читалъ. Раздумье. Чего желать, въ виду того, что происходитъ? Приходитъ на умъ изреченіе блаж. Августина: ad Te fecisti me, Domine, et inquietum cor meum, donec requiescat in Te!

18 марта.—Утромъ—кавказскій комитетъ и комитетъ министровъ. Замѣчательно, какъ тотъ, кто говоритъ, часто не подмѣчаетъ, какъ долго другіе его слышатъ, если не слушаютъ.

Старанія гр. Лорисъ-Меликова сбыть гр. Толстого безуспѣшны,—до времени. Государю, видно, подана мысль, что гр. Толстой необходимъ для проведенія чрезъ государственный совѣтъ новаго университетскаго устава. Податель мысли, вѣроятно, Катковъ. По проведеніи,—вѣроятно, владимірская лента и увольненіе. Императрица угасаетъ. Медики считаютъ уже днями, а не недѣлями.

19 марта.—Былъ на художественныхъ выставкахъ. Мало замѣчательнаго. Статуя Христа, Антокольскаго, не имѣетъ ни одного изъ соотвѣтствующихъ идеѣ Спасителя свойствъ. Хороша, напротивъ того, статуя гр. Панина, и въ своемъ родѣ имѣетъ достоинства глава Іоанна Предтечи на блюдѣ, обозначающемъ ея поднесеніе Иродіадѣ. Напрасно приложенъ мечъ-ножъ, который здѣсь только въ видѣ поясненія, и поднесенъ Иродіадѣ быть не могъ.

Заѣзжалъ къ министру финансовъ. Затѣмъ цѣлый день дома.

20 марта.—Выходилъ утромъ. Вечеромъ—на раутѣ у французскаго посла. Кажется, что дѣла съ Франціей какъ-то улаживаются. Ген. Шанзи не уѣзжаетъ, и кн. Орловъ, какъ мнѣ сказалъ Гирсъ, къ Пасхѣ вернется въ Парижъ. Les nuits portent conseil! Вѣроятно, состоялись какія-нибудь сдѣлки насчетъ нашихъ эмигрантовъ въ Парижѣ, въ видѣ компенсаціи за Гартмана. Впрочемъ, это только догадки съ моей стороны. Я даже не освѣдомляюсь. Ни къ чему. Что могу узнать сегодня, можетъ перемѣнено быть завтра.

21 марта.—Коммиссія прошеній. Видѣлъ Каханова, кн. Ливена и Макова. —+— все болѣе и болѣе акцептуется.

Обѣдалъ у государя. Кромѣ герцогини Эдинбургской и вел. князей, были гр. Лорисъ-Меликовъ, Абаза и Маковъ.

22 марта.—Выѣзжалъ утромъ. Затѣмъ былъ у Швейница, который, подобно мнѣ, слѣдитъ съ любопытствомъ за избирательнымъ кризисомъ въ Англіи. Съ нимъ говорить можно. Съ нашими нуженъ халдейскій языкъ.

Не работается. Томитъ раздумье. Давитъ ощущеніе непрерывнаго ожиданія чего-то, что должно сбыться, но не сбывается.

Дочиталъ вторую часть архива кн. Меттерниха. Чуется, что онъ сердцемъ былъ холоденъ и сухъ; но умъ держался на высокомъ уровнѣ. Его записка 1813 г., представленная императору Францу въ Брандейсѣ,—образецъ по существу и по формѣ. Она дѣлаетъ честь обоимъ, и составителю, и тому, для кого она была составлена.

У меня давно подъ глазами обширная лабораторія. Всѣ лаборанты какъ будто исключительно заняты опытами разложенія.

23 марта.—Утромъ у обѣдни. Выѣзжалъ. Попытаюсь приняться за окончаніе прежней работы.

„Willenloser", или, точнѣе, „wellenloser", замѣтилъ сегодня Горчъ, насчетъ извѣстнаго предмета разговора. Въ этомъ есть правда.

Сегодня въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" напечатаны документы по дѣлу Гартмана; но посланная въ Парижъ депеша не публикована. Хотѣли публиковать, но кн. Орловъ упросилъ этого пока не дѣлать. Характеристично то, что кн. Горчаковъ не взялся доложить государю о возраженіяхъ кн. Орлова и предложилъ ему самому отправиться къ его величеству съ докладомъ, а когда посолъ отказался, говоря, что здѣсь онъ былъ бы

ве въ своей роли, то составили письменный докладъ, который былъ представленъ Гирсомъ.

24 марта.—Утромъ государственный совѣтъ, потомъ комитетъ министровъ. „The home secretary is quite below the mark“. Впрочемъ, не онъ одинъ. Вечеромъ у всенощной. Потомъ былъ Грейгъ. Онъ передавалъ нѣкоторыя частности о происходившемъ сегодня совѣщаніи относительно какихъ-то крейсерскихъ предположеній—genre bilieux fantaisiste. Увы, exoriare ultor!

Когда я вдумываюсь въ мои личныя судьбы среди всего вокругъ меня происходящаго и происходившаго, я только могу съ глубокимъ чувствомъ благоговѣющей благодарности преклонять голову и колѣни. Но далѣе?..

На Тя, Господи, уповахомъ. Не постыдимся...!

25 марта.—Утромъ у обѣдни. Затѣмъ дома. Некуда, незачѣмъ!

Странно, что не замѣчаютъ, какъ невыгодно и неосторожно наталкивать людей на сознательное, спокойно-оправданное убѣжденіе въ безполезности и, слѣдовательно, ненадобности самопожертвованія.

Сегодня—конногвардейскій праздникъ. Обычный парадъ и обычный обѣдъ. Флигель-адъютанта не сдѣлано (потому что 19-го февраля этимъ званіемъ пожалованъ командиръ лейбъ-эскадрона Крыжановскій), но произведены портупей-юнкеры.

29 марта.—Вчера—коммиссія прошеній. Былъ у великаго князя Михаила Николаевича по вопросу о кавказскомъ комитетѣ. Обѣдалъ у государя, съ гр. Адлербергомъ, Маковымъ и Сольскимъ.

Сегодня отправилъ къ Сабурову отвѣтъ на его письмо о моей финансовой брошюрѣ.

Продолжаю быть зрячимъ зрителемъ. Любопытны „tâtonnements“ гр. Лорисъ-Меликова. Онъ чуетъ необходимость органической перемѣны, но не безъ наивности открываетъ Америку популярности и тѣмъ впадаетъ въ ошибку ожиданія крупныхъ послѣдствій отъ мелкихъ мѣръ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, со своей стороны, не безъ наивности считаетъ себя дѣйствительнымъ министромъ, и даже соблаговолилъ написать для „Берега“ передовую статью въ топѣ публицистовъ „Голоса“ и „Новаго Времени“. Гр. Толстой распространяетъ слухъ—qu'il est plus fort que jamais, но продолжаетъ играть, по преимуществу, роль

министра-невидимки. Военный министръ какъ будто аффектируетъ свое обособленіе и не бываетъ въ комитетѣ министровъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ „in abeyance", между разными хозяевами, и т. д. Среди всего этого видны эрратическія движенія Каханова, Побѣдоносцева, даже Баранова-Весты. Одинъ Кахановъ полезенъ. Что же далѣе, и къ чему приведетъ все это?

31 марта. Вчера, кромѣ выхода къ обѣднѣ, цѣлое утро дома. Обѣдалъ у графа Орлова-Давыдова.

Сегодня былъ въ государственномъ совѣтѣ. Десятиминутное засѣданіе. Князь Горчаковъ, повидимому, близится къ концу. Бюллетени о его здоровьи на это указываютъ. Еще разъ Провидѣніе какъ будто сметаетъ, въ одиннадесятый часъ, тѣхъ, которые черезчуръ вредны. Оно смело Николая Милютина, смело князя Черкасскаго. Смететъ ли того, который не менѣе князя Горчакова вреденъ?

Вышедшая въ Берлинѣ книга: „Berlin und Petersburg" — не достойный князя Бисмарка памфлетъ. Писалъ объ этомъ въ Берлинъ и Дрезденъ, а полученный мною экземпляръ книги сообщилъ генералу Швейницу.

Маковъ говоритъ, что продолжаютъ излавливать пропагандистовъ. Захватили теперь такъ-называемаго „инженера Сашку"; онъ гдѣ-то попался въ курской губерніи.

Апрѣль.

1 апрѣля.—Комитетъ министровъ, а потомъ польскій комитетъ. Заѣзжалъ къ княгинѣ Маріи Аркадьевнѣ Вяземской.

Передача статей въ газеты изъ дѣлъ комитета министровъ идетъ изъ государственнаго контроля, какъ я и думалъ. Но просили объ этомъ не заявлять. Маковъ (къ сожалѣнію грубѣющій, а не утончающійся умственно) наивно повѣрилъ тому, будто бы послѣднія статьи въ „Голосъ“ присланы по городской почтѣ.

2 апрѣля.—Обѣдалъ у германскаго посла, въ честь великой княгини Анастасіи Михаиловны и ея супруга. Она замѣчательно развилась и мила. Онъ благовоспитанъ.

4 апрѣля.—Утромъ въ коммиссіи прошеній и въ Николаевскомъ институтѣ. Былъ у меня князь Орловъ. Передавалъ разныя подробности по Гартмановскому дѣлу.

Изъ разговора съ Каханомъ вижу, что по разнымъ дѣламъ графъ Л.-Меликовъ оказываетъ хотя и фрагментарную, но полезную дѣятельность.

Князь Горчаковъ поправляется, и уже говорятъ о его отъѣздѣ въ Баденъ.

5 апрѣля.—Утромъ былъ графъ Л.-Меликовъ. Все тѣ же грезы о задобриваніи безпокойныхъ элементовъ какими-то призывами сюда для какихъ-то совѣщаній. Видѣлъ также отблескъ невскихъ представленій въ умѣ Абазы. Впрочемъ, до сихъ поръ ладно на дѣлѣ; неладно только въ мечтаніяхъ.

Обѣдалъ у французскаго посла. M-me Chanzy est une brave dame; mais le ton et les manières font penser à autre chose qu'une ambassade.

О министерствѣ внутреннихъ дѣлъ можно сказать, что его слово и пріемы мало соотвѣтствуютъ понятію о министерствѣ. Сегодня напечатано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, подъ

обычною глупою рубрикою: „Правительственное сообщеніе", самымъ канцелярскимъ и неловкимъ образомъ редактированное извѣщеніе о распоряженіи верховной коммиссіи относительно полицейскихъ поднадзорныхъ.

6 апрѣля.—Утромъ у обѣдни. Выходилъ въ первый разъ пѣшкомъ.

Вчерашнее „правительственное сообщеніе" отозвалось въ газетахъ. Онѣ, конечно, хвалятъ, и „Новое Время", кадя верховной коммиссіи, говоритъ, что ей надлежало прежде всего разобраться съ оставленнымъ ей „наслѣдіемъ". Но кто оставилъ его? По статьѣ о поднадзорныхъ,—III-е отдѣленіе и министерство внутреннихъ дѣлъ. Кто напечаталъ сообщеніе? То же министерство внутреннихъ дѣлъ. На чей счетъ теперь восхваляется верховная коммиссія? На счетъ правительства, существовавшаго и дѣйствовавшаго до ея учрежденія. У насъ какъ-то всегда выходитъ, что правительственная власть сама по себѣ бьетъ и читаетъ „mea culpa" рядомъ съ „εὕρηκα". Если графъ Л.-Меликовъ распорядился напечатаніемъ текста сообщенія, не предоставивъ редактировки министерству внутреннихъ дѣлъ, то это не дѣлаетъ чести ему и Каханову. Если министерство внутреннихъ дѣлъ имѣло просторъ и имъ не воспользовалось, то вина преимущественно лежитъ на немъ. Неужели и подъ фирмою графа Л.-Меликова ничего не состоится, кромѣ такихъ experimenta задобриванія и выманиванія Суворинскихъ и Бильбасовскихъ апробацій?

Былъ у меня генералъ Жилинскій. Онъ прямо высказалъ, что еслибы не поддался на ирригаціонныя темы князя Ливена, то пострадало бы дѣло осушенія болотъ. Князю Ливену непремѣнно нужна своя личная глава въ хроникѣ министерства государственныхъ имуществъ. Могу смѣло и правдиво сказать о себѣ, что мнѣ такіе разсчеты всегда были совершенно чужды. Я ничего,—ни въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, ни въ министерствѣ государственныхъ имуществъ,—не предпринялъ ради того, чтобы дѣло было отмѣчено моимъ ярлыкомъ. Меня занимали предметы—отъ метеорологическихъ картъ до „blue book" 1873 г. и до осушенія и облѣсенія, а не то, что мнѣ одно или другое дѣло будетъ приписано. Впрочемъ, себѣ въ заслугу я этого не ставлю. Мнѣ это не стоило ни усилія, ни самозабвенія, по принципу. Академія, въ которой я оффиціально наставлялся себялюбію, породила во мнѣ если не это чувство, то такое глубокое пренебреженіе къ обстановкѣ, что въ концѣ концовъ ре-

зультатъ почти одинаковъ, и цѣни только то, что̀ имѣетъ дѣйствительную для меня цѣну, я не могъ и не могу дорожить общественною молвою на хвалебныя ноты.

Академическія условія—въ прежней силѣ. Архимедовой точки опоры нѣтъ. Вижу, гдѣ другіе обрѣтаютъ Архимеда: графъ Толстой—въ Катковѣ, Маковъ—въ генералѣ Рылѣевѣ, и т. д. Все это не по моей части. Я свелъ счеты съ самимъ собою. Путь указанъ. Я долженъ идти, пока идти можно, защищать то, что̀ всегда защищалъ, и приносить пользу тамъ и тѣмъ, гдѣ и кому она приносима быть можетъ.

7 апрѣля.—Утромъ во дворцѣ. Осмотръ топографическихъ работъ. Обѣдалъ тамъ же. Въ оба раза ничего достопримѣчательнаго.

Генералъ Швейницъ приходилъ сообщить телеграфическую депешу князя Бисмарка, въ которой онъ отпѣкивается отъ брошюры „Berlin und Petersburg“. Видно, замѣтилъ, что его affidés пересолили.

Былъ также Горчъ. И онъ недоумѣваетъ по поводу правительственнаго сообщенія о поднадзорныхъ. Наши привычки самообличенія и самобичеванія дѣйствительно неудобопонятны.

8 апрѣля.—Комитетъ министровъ. Дѣло министерства внутреннихъ дѣлъ объ открытіи раскольничьей молельни при московской рогожской богадѣльнѣ. Обычные пріемы графа Толстого. Кромѣ него и Посьета (!), всѣ члены комитета были въ пользу предложенія Макова.

Гирсъ говорилъ мнѣ, что князь Горчаковъ опять хлопочетъ о томъ, чтобы ѣхать въ Ливадію.

9 апрѣля.—Выходилъ утромъ. Обѣдалъ у Грейга.

Неприличіе „Берега“ изумительно. Министръ внутреннихъ дѣлъ не гораздъ. Вообще, все его министерство, за исключеніемъ его самого, директора департамента духовныхъ дѣлъ и правителя канцеляріи, теперь мало на что̀ пригодно.

11 апрѣля.—Вчера выходилъ утромъ. Былъ у министра внутреннихъ дѣлъ. Его выборы губернаторовъ имѣютъ странный характеръ. Пахнутъ столоначальникомъ.

Сегодня былъ въ коммиссіи прошеній. Статсъ-секретарь князь Долгоруковъ потомъ пріѣзжалъ, чтобы показать представленный имъ государю отчетъ. Mundus vult decipi! Обѣдалъ въ англій-

скомъ посольствѣ. Кромѣ княгини Салтыковой,—одни чины посольства.

12 апрѣля.—Выѣзжалъ утромъ. Видѣлъ у себя графа Л.-Меликова. Странное сочетаніе правильныхъ и неправильныхъ взглядовъ, пріемовъ и распоряженій. Между прочимъ, онъ разсказывалъ, что Катковъ, вслѣдствіе притѣсненій князя В. А. Долгорукова (!?), хочетъ, или угрожаетъ, сойти съ поприща и съ своего пьедестала. Онъ писалъ о томъ графу Толстому, министръ народнаго просвѣщенія докладывалъ государю и т. д. Quel imbroglio! Между тѣмъ, Катковъ опять начинаетъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", набрасывать на поляковъ отвѣтственность за нашихъ нигилистовъ. Этотъ зазнавшійся писака мѣтитъ опять въ меня. Все это графъ Толстой, Апухтинъ и К°. Не знаютъ, какъ со мною справиться.

Мнѣ часто становится внутренно стыдно, когда я слышу избитыя фразы о моемъ значеніи, моемъ вліяніи, и т. д. Ихъ иногда нанизываютъ довольно искренно, особливо когда о чемъ-нибудь просятъ. Я же знаю, насколько значу и вліяю! Бѣльмо на извѣстныхъ глазахъ,—и только!

13 апрѣля.—Утромъ у обѣдни. Выходилъ. Былъ, между прочимъ, у графа Адлерберга и у князя Ливена. По словамъ министра двора, кончина императрицы близится.

Опять взялся за приведеніе въ порядокъ моихъ бумагъ. Какъ-то все на умѣ непрочность всей обстановки, не говоря уже о томъ, что въ мои лѣта и жизнь не прочна. Жизнь! Какъ ея содержаніе мѣняется съ годами! Какъ мало мѣста занимаетъ въ ней теперь мое *я*! Когда меня не станетъ, я оставшіеся вздумаютъ прочесть эти строки, подумаютъ ли они о томъ, какъ много о нихъ думалъ я!

14 апрѣля.—У обѣдни. Затѣмъ дома. Былъ Маковъ, подъ впечатлѣніемъ вчера разсказаннаго ему графомъ Л.-Меликовымъ. Сей полудиктаторъ вчера имѣлъ нѣчто вродѣ сцены съ государемъ. По поводу дѣла о рогожскомъ молитвенномъ домѣ, государь сказалъ, что въ городѣ ходятъ толки о томъ, что это дѣло денежное, и что крупная сумма (600 тыс. руб.) поступила въ министерство внутреннихъ дѣлъ и *ко мнѣ черезъ моего сына*. Когда графъ Л.-Меликовъ спросилъ государя, сомнѣвается ли онъ на нашъ счетъ, то его величество, конечно, отвѣчалъ, что нѣтъ, но что нельзя не обращать на такіе толки вниманія, и

потомъ сталъ повторять все то (о значеніи рогожской молельни и псевдо-іерархіи московской), что графъ Толстой говорилъ въ комитетѣ. Графъ Л.-Меликовъ, весьма естественно, былъ озабоченъ и даже будто бы плакалъ у Макова. Эти слезы — урокъ. Онъ не знаетъ почвы. Маковъ сталъ говорить объ уходѣ, о невозможности оставаться коллегомъ графа Толстого и т. д. Съ моей стороны, я до того ко всему приготовленъ, что обиженнымъ быть не могу за себя, а только, развѣ, за Никса. Подобные извѣты и принятіе ихъ стыдны для сочинителей и передавателей, а не для тѣхъ, на кого они направлены. Горячиться было бы въ высшей степени неблагоразумно. Неразсудительно было бы также упираться, когда позиція на полѣ борьбы явно невыгодна. Самъ Маковъ, своею системою „по частямъ“, вмѣсто движенія всего вопроса о сектаторахъ разомъ, далъ отчасти поводъ къ такому обороту дѣла. Свое мнѣніе высказалъ. Посмотримъ, что сдѣлаютъ графъ Л.-Меликовъ и Маковъ. Во всякомъ случаѣ знаю, что сдѣлаю я, если они моего мнѣнія не раздѣлятъ. Пока графъ Л.-Меликовъ не знаетъ, что Маковъ мнѣ сообщилъ о случившемся.

16 апрѣля.—Вчера утромъ государь прислалъ за мной. Онъ сказалъ, что въ виду настроенія нашихъ іерарховъ и т. п. причинъ, онъ желаетъ, чтобы дѣло о рогожской молельнѣ было пріостановлено, примѣрно, до Ѳоминой недѣли, когда онъ насъ соберетъ, и т. д. Я отвѣчалъ, что при противодѣйствіи, вмѣсто содѣйствія, оберъ-прокурора св. синода—лучше пріостановить впредь до приказанія, и вмѣсто того поручить министру внутреннихъ дѣлъ двинуть общій вопросъ къ началу осенней сессіи государственнаго совѣта. (Я былъ убѣжденъ, что теперь успѣхъ невозможенъ, и притомъ я никогда не былъ за частичную систему Макова). Тогда государь, одобряя мою мысль, вдругъ заговорилъ о слухахъ, возбужденныхъ дѣломъ, и, умалчивая о Маковѣ, сказалъ, что разсказывали, будто моему сыну дано 600 тыс. рублей.—C'est une infamie,—отвѣчалъ я,—de mêler à cela un jeune homme qui n'a pas d'autre tort que celui, que le seul luxe que se permette son père, c'est de lui en donner quelque peu. Pour ma part, j'en prends mon parti et m'en remets à Vous; mais pour mon fils, c'est une calomnie qui me révolte.—„*J'en ai été indigné*“,—сказалъ государь, а потомъ, когда я упоминулъ о сочинительномъ отзывѣ графа Толстого Каханову, въ комитетѣ министровъ, прибавилъ: „Mais ce que je puis vous dire, c'est que ce n'est pas lui qui m'a fait part de ces bruits“. Дальнѣйшее

объясненіе было невозможно, потому что государь снѣшилъ къ обѣднѣ.

Днемъ—два комитета: министровъ и кавказскій. Во второмъ—трудныхъ два дѣла, о долгахъ грузинскаго дворянства и о маіоратѣ князя Мингрельскаго. Въ первомъ—я заявилъ о пріостановленіи рогожскаго дѣла. Между тѣмъ, графъ Толстой, въ частномъ разговорѣ съ Сольскимъ, сказалъ, что это дѣло нечистое. Абаза по этому поводу заявилъ, что если государь сохранитъ графа Толстого министромъ, то коллеги послѣдняго должны будутъ уклониться отъ подачи ему руки. Я при этомъ не былъ, но вечеромъ получилъ отъ Макова увѣдомленіе, что онъ теперь считаетъ свои руки развязанными и пишетъ графу Толстому, что онъ *запрещаетъ* ему клеветать и *требуетъ* извиненія при первомъ же засѣданіи комитета министровъ.

Сегодня я былъ у Макова и видѣлъ отвѣтъ графа Толстого, въ каковомъ значится, что онъ удивленъ письмомъ и его *неприличнымъ* тономъ, что онъ никого не обвинялъ въ особенности, но не можетъ терпѣть клеветы, касающейся, между прочимъ, и его вѣдомства, и распространяемой старообрядцами! Между тѣмъ, графъ Л.-Меликовъ и Абаза, которымъ Маковъ послалъ копіи съ своего письма, были у него. Первый вчера ѣздилъ къ Цесаревичу и условился завтра произвести у государя общее нападеніе на графа Толстого. Инцидентъ письма Макова усложняетъ дѣло. Во всякомъ случаѣ, завтра доведено будетъ о семъ до свѣдѣнія его величества,—если уже сегодня, извѣстнымъ дамскимъ путемъ, этого не было сдѣлано. Результатомъ, въ концѣ концовъ, должно быть исчезновеніе графа Толстого. Но какъ, и скоро ли?

Среди этого жалкаго и постыднаго imbroglio я считаюсь съ самимъ собою и снова чувствую, что при томъ пренебреженіи, которое я ощущаю въ средѣ, мнѣ остается только ожидать, на первое время пассивно, развитія кризиса. Невыгодно для Никса, чтобы я далъ поводъ заговорить о немъ. Правило don Basilio вѣрно. Мой сынъ въ подобныхъ дѣлахъ безусловно чистъ, но отъ клеветы всегда что-нибудь да пристанетъ. Маковъ, внесшій представленіе въ комитетъ министровъ, прямо затронутъ. Обо мнѣ толки только за спиною, и государь счелъ нужнымъ меня удостовѣрить, что они не идутъ отъ графа Толстого. Въ землѣ кафровъ я бы не могъ обижаться раздѣтостью посѣтителей, и только бы самъ не раздѣвался. Здѣсь кафровъ много, и они не стоятъ того, чтобы я съ невыгодою для себя и для своихъ билъ въ честь ихъ стекла. Я пока еще не принужденъ выступать на

сцену. Увидимъ, что будетъ далѣе. Что же касается — + —, то оно давно видно.

17 апрѣля.—По случаю страстной недѣли, дворцовыхъ торжественностей нѣтъ.

У меня были новый начальникъ управленія печати Абаза, совѣтникъ нашего лондонскаго посольства Бартоломей, московскій генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ и прусская депутація, прибывшая для поздравленія государя императора. Генералъ-адъютантъ Тресковъ, при этомъ случаѣ, передалъ мнѣ благосклонный поклонъ отъ императора Вильгельма. Отдавъ визитъ депутаціи, я заѣхалъ къ Макову и слышалъ отъ него, что непріятная исторія принимаетъ хорошій оборотъ. Графъ Л.-Меликовъ былъ у него и передалъ, что онъ доложилъ государю переписку съ графомъ Толстымъ и сказалъ, что если послѣдній останется на мѣстѣ, то не могутъ остаться ни Маковъ, ни самъ графъ Л.-Меликовъ, а другіе члены комитета министровъ перестанутъ знаться съ графомъ Толстымъ. Государь, по словамъ графа Л.-Меликова убѣдился въ необходимости увольненія графа Толстого и поручилъ графу Л.-Меликову заѣхать къ Макову, чтобы „его успокоить". Если такъ, то и графу Толстому, и Каткову, и Апухтину предстоитъ давно подобавшій имъ урокъ.

18 апрѣля.—Утромъ государь прислалъ за мной. Засталъ во дворцѣ Макова, еще не имѣвшаго доклада. Государь освѣдомился объ эпизодѣ въ комитетѣ министровъ. Я сказалъ, что мнѣ извѣстно, и въ отношеніи къ положенію графа Толстого вообще вполнѣ высказался. Когда рѣчь зашла о кандидатахъ на его два мѣста, я оговорился насчетъ затруднительности ихъ пріисканія вообще, потомъ назвалъ Сабурова и Побѣдоносцева для двухъ частей. Я сказалъ насчетъ Сабурова, что его знаю мало, mais qu'il n'était pas engagé et que son savoir-faire à Dorpat parle en sa faveur; а насчетъ Побѣдоносцева, que malgrè qu'il ait quelques traits du pére Robin, je ne sache pas qu'un autre pût être plus agréable au clergé et prendre plus à cœur ses intérêts. (Разговоръ происходилъ преимущественно по-французски). Графъ Толстой, также призванный, уже ожидалъ въ пріемной, будучи воздухомъ для Макова, какъ и Маковъ для него. Государь приказалъ сказать графу Толстому, чтобы онъ былъ позже, и позвать Макова. Объясненіе съ симъ послѣднимъ по поводу эпизода происходило при Цесаревичѣ, и было для Макова удовлетворительно. Въ 1 ч. дня былъ графъ Л.-Ме-

ликовъ, и государь, все, повидимому колеблясь, еще спросилъ его, считаетъ ли онъ рѣшительно невозможнымъ оставленіе графа Толстого министромъ. Графъ Л.-Меликовъ высказался въ прежнемъ смыслѣ, и тогда, повидимому, окончательная рѣшимость установилась. Графъ Толстой былъ въ исходѣ 2-го часа, и вечеромъ тайный совѣтникъ Георгіевскій уже сказалъ князю Ливену, что графъ Толстой пересталъ быть министромъ, и что на его мѣсто по вѣдомству народнаго просвѣщенія будетъ назначенъ Сабуровъ.

19 апрѣля.—Удостоился св. причащенія.

У заутрени во дворцѣ. Христосованія не было. Понятно; но съ нимъ отпадаетъ отчасти и поводъ къ выходу. На этотъ разъ было какъ-то еще жарче и душнѣе, нежели обыкновенно. Родъ тяжелой мглы въ залахъ. Быть можетъ, я предубѣжденъ или предрасположенъ къ такимъ впечатлѣніямъ; но и въ разныхъ частностяхъ такихъ сборищъ я вижу symptoms of decay. Связующій цементъ ослабъ.

Новостей какъ-то не было, кромѣ констатированія ухода графа Толстого и назначенія графа Л.-Меликова шефомъ сумженскаго казачьяго полка. Министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ дерптскій попечитель Сабуровъ, оберъ-прокуроромъ св. синода—Побѣдоносцевъ.

Къ празднику еще народилось нѣсколько придворныхъ чиновъ обоего пола. Какое же тутъ понятіе о дворѣ!

Примѣчаніе № 26.—Я не могу не остановиться здѣсь на томъ возмутительномъ эпизодѣ, который былъ окончательнымъ поводомъ къ увольненію гр. Толстого. Гр. Л.-Меликовъ давно добивался этого результата въ видахъ популярности; но его старанія пребывали тщетными до того случая, когда государю было разсказано,—кѣмъ, осталось неизвѣстнымъ,—что рогожскіе раскольники заплатили подкупъ Макову и *мнѣ*, причемъ якобы для моей доли обратились къ моему сыну, конногвардейцу. Государь не могъ, конечно, повѣрить этой клеветѣ; но, тѣмъ не менѣе, толки придворнаго духовенства его поколебали, и потому-то я самъ предложилъ ему отсрочить дѣло sine die. Только когда стало гласнымъ содержаніе письма Макова; чаша бережливости въ отношеніи къ гр. Толстому переполнилась, и затѣмъ была опорожнена.

Не могу также по этому поводу не замѣтить, что низость нашихъ общественныхъ и оффиціальныхъ нравовъ меня не въ первый и не въ послѣдній разъ ставила въ затруднительное и даже

прямо оскорбительное положеніе, *только потому, что я не обладалъ имущественнымъ достаткомъ*. У насъ всякая клевета возможна, и даже съ какою-то странною и злорадною охотою разглашается, хотя бы ей и не вѣрили. Та низость нравовъ, о которой здѣсь говорю, ознаменовала себя въ другихъ формахъ, но не въ меньшей степени, осенью 1881 года, по уфимскому дѣлу. Упомяну объ этомъ въ примѣчаніяхъ къ моему дневнику въ свое время. [С.-Петербургъ, 30 декабря 1881 г.].

20 апрѣля. — Свѣтлый праздникъ. Настроеніе должно бы быть праздничнымъ. Но оно не праздничное.

Выходилъ. Видѣлъ Маркова. На улицахъ обычное движеніе. Другъ къ другу ѣздятъ; записываются; между прочимъ и у меня; даже многіе. Mundus vult decipi!

У заутрени произошла мировая между гр. Толстымъ и Марковымъ, при содѣйствіи Сольскаго. Гр. Толстой поступилъ умно. Я не былъ при этомъ, но говорятъ, что онъ сдѣлалъ первый шагъ весьма прилично.

21 апрѣля. — Сегодня слышу, однако, что гр. Толстой не такъ прилично объясняетъ, въ кругу знакомыхъ, причины своего ухода. Гр. Паленъ, по словамъ кн. Ливена, ему вторитъ.

Выѣзжалъ утромъ. Былъ, между прочимъ, у кн. Ливена и у княгини Кочубей. Гр. Л.-Меликовъ былъ у меня. Все еще не извѣдалъ онъ здѣшнюю почву.

22 апрѣля. — Выходилъ утромъ. Былъ у министра юстиціи. Видѣлъ у себя гр. Хрептовича, ген.-ад. Тимашева и кн. Ливена. Событіе по министерству народнаго просвѣщенія и по св. синоду вызываетъ пестрые толки. Кахъ плохи у насъ верхніе слои!

Бывшія здѣсь военныя депутаціи, прусская и австрійская, не вынесутъ особенно пріятныхъ впечатлѣній. Государь былъ, по обыкновенію, любезенъ; но далѣе — любезности не оказывалось. У насъ вообще цѣльности нѣтъ. Развѣ въ смыслѣ: — да чтобъ ихъ!, или — вотъ еще!, или — знай нашихъ! и т. п.

23 апрѣля. — Утромъ — въ Николаевскомъ дворцѣ. Именины великой княгини Александры Петровны. Были немногіе. Задержанъ былъ къ завтраку, во время котораго великій князь мнѣ сказалъ, что меня многіе „терпѣть не могутъ“, но онъ любитъ. Я отвѣчалъ, что знаю одно, желаю другого; а это первое объясняю тѣмъ, что я себѣ позволяю жить своею головою.

Видѣлъ тамъ Побѣдоносцева, который, очевидно, въ восхищеніи по случаю своего назначенія.

Выходилъ. Слышалъ, что вчера графъ Лорисъ-Меликовъ былъ вечеромъ у Нелидовой, въ духѣ и очень разговорчивъ. Такъ и быть должно. Все идетъ своимъ чередомъ. Но куда и къ чему? Слѣдуетъ ждать. Утомительно только постоянное ощущеніе временнаго, переходнаго. Les hommes ont cependant une tendance prononcée à ne pas se rendre compte du provisoire et à prendre au sérieux l'apparence d'une réalité. Que d'apparences, de nos jours, qui ne sont pas des réalités!

24 апрѣля. — Выѣзжалъ. Неизбѣжные визиты. Къ счастью никого не засталъ. Слышалъ отъ барона Корфа, что графъ Толстой уже давно отзывался обо мнѣ, въ англійскомъ клубѣ, въ такихъ выраженіяхъ, которыя слушателямъ казались болѣе чѣмъ странными. И въ сущности, за что, почему? Только вродѣ отместки за то, что я живу, какъ вчера сказалъ великому князю, своею головой.

Вечеромъ заѣзжалъ князь Ливенъ. Semper idem! Все занятъ не своимъ дѣломъ, а тѣмъ, что дѣлается около него по другимъ вѣдомствамъ, и городскими баснями.

25 апрѣля. — Выходилъ утромъ. Обѣдалъ у государя, между прочимъ съ Побѣдоносцевымъ. Государь любезно замѣтилъ, что онъ меня давно не видѣлъ. Побѣдоносцевъ былъ вчера у меня. Впечатлѣніе перваго съ нимъ объясненія не дурное. Только сегодня напечатаны въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ указы о назначеніи его и Сабурова. Послѣдній при этомъ случаѣ пожалованъ въ статсъ-секретари.

26 апрѣля. — Какъ перевести по-русски: infériorités? Напримѣръ: infériorités jalouses, envieuses, ou révoltées? Я встрѣчаюсь, къ сожалѣнію, со всѣми этими видами.

Былъ на конской выставкѣ. Вытерпѣлъ двухчасовую выводку. Видѣлъ разные aplombs, между прочимъ и дамскіе. Видѣлъ также, съ внутреннимъ сожалѣніемъ, милый, элегантный и, кажется, добрый экземпляръ петербургской дамской пустоты.

Барановъ, „герой“ Весты, снова надѣлъ военный мундиръ, но артиллерійскій, и съ чѣмъ-то или почему-то командированъ за-границу гр. Лор.-Меликовымъ. Одна изъ нѣсколькихъ современныхъ характеристическихъ аномалій.

Что-то неладно по министерству внутреннихъ дѣлъ. Испол-

нія по журналу комитета министровъ относительно генералъ-губернаторовъ до сихъ поръ не состоялось, и Каханов начинаетъ въ этомъ видѣть „неохоту". Мнѣ кажется, что я болѣе и болѣе вижу „малоумѣніе". Баронъ Кёне сегодня говорилъ мнѣ о какихъ-то указаніяхъ по заграничной печати. Risum teneatis!—онъ не подозрѣвалъ, что дѣло этихъ указаній въ моемъ находится вѣдѣніи.

27 апрѣля. — Утромъ у обѣдни. Государь прислалъ приказаніе быть въ $1^1/_2$ час. дня. Были: военный министръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Лор.-Меликовъ и я. Вопросъ о замѣщеніи графа Коцебу. Передъ входомъ въ кабинетъ, мы всѣ четверо единогласно признавали графа Тотлебена въ Варшавѣ неудобнымъ, а при Панютинѣ—невозможнымъ. Государь открылъ совѣщаніе заявленіемъ, что онъ прочитъ графа Тотлебена, и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, есть ли какое-либо съ моей стороны сомнѣніе или замѣчаніе? Я сказалъ, что насчетъ графа Тотлебена я ничего не могу сказать и не имѣю повода говорить, но что Панютинъ неподходящъ. На дальнѣйшій, уже съ явнымъ неудовольствіемъ сдѣланный вопросъ: почему? — я сказалъ, что онъ врутъ, не возбуждаетъ довѣрія, и вообще не былъ надежнымъ, — присовокупивъ, что, впрочемъ, я сошлюсь и на оцѣнку другихъ. Изъ другихъ, однако, одинъ только Маковъ, на котораго государь тогда взглянулъ, попытался меня довольно робко поддержать. Тогда его величество вспылилъ, и я услышалъ насчетъ царства Польскаго и поляковъ все то, что уже такъ часто слышалъ: начиная съ вѣнскаго конгресса, продолжая императоромъ Николаемъ и кончая событіями шестидесятыхъ годовъ. Не до дальнѣйшей аргументаціи было. Я только сказалъ, что когда мнѣ разрѣшается говорить, я говорю, что думаю. Рѣшено вытребовать сюда графа Тотлебена по телеграфу и тогда предложить ему выборъ между Варшавой и Вильной. Видно, что государь se sent engagé et est un peu vexé de l'être. Мнѣ показалось также, что онъ не совсѣмъ себя чувствовалъ правымъ, и что это ему досаждало.

Послѣ выхода изъ кабинета, графъ Лор.-Меликовъ мнѣ сказалъ, что сегодня я получилъ „трёпку", которую онъ получилъ вчера. Я отвѣчалъ, что не жалѣю, свое дѣло сдѣлалъ, а за дальнѣйшее не отвѣтчикъ.

Оставивъ своихъ коллеговъ въ пріемной, я сошелъ внизъ къ miss Carry. На этотъ разъ я могъ завершить психологическій анализъ, и теперь знаю, что желалъ знать, т.-е. какая сумма средствъ въ ней заключается.

Особаго вѣса графъ Лор.-Меликовъ не пріобрѣлъ. Сегодняшнее совѣщаніе вообще можетъ быть обозначено формулой: до входа—*4*, войдя—*1*½.

28 апрѣля. — Утромъ—въ государственномъ совѣтѣ. Графъ Толстой присутствовалъ уже въ видѣ члена совѣта и держалъ себя съ достоинствомъ, совершенно прилично. Потомъ былъ у великаго князя Михаила Николаевича по дѣламъ Кавказа.

Нельзя усерднѣе стараться объ уронѣ нашей псевдо-аристократіи, нежели стараются наши псевдо-аристократы!

29 апрѣля. — Комитетъ министровъ. Послѣ краткаго и пустого засѣданія долгіе толки по вопросу о раскольникахъ. Полнѣйшая разноголосица насчетъ способа движенія дѣла и обычное преобладаніе разныхъ сомнѣній и отрицаній передъ всякимъ положительнымъ направленіемъ. Сожалѣю, что опять далъ себя вовлечь въ безрезультатныя пренія. Рано. При этомъ грубость непонимавій и тупая самоувѣренность кое-какихъ коллеговъ выказались и высказались съ надлежащею опредѣлительностью. Аплобъ удивительный. Впрочемъ, я не изумляюсь, а только вижу.

30 апрѣля. — Утромъ выѣзжалъ. Видѣлъ графа Орлова-Давыдова, для свидѣтельствованія его завѣщанія, графа Палена и Головнина. Вечеромъ былъ Грейгъ.

ЧЛЕНЪ ПАРЛАМЕНТА

РОМАНЪ.

— *Catherine Cecil Thurston.* John Chilcote, M. P.—London, 1906.

I.

Вечеромъ 23-го января, нѣкоторыя улицы Лондона покрылись такимъ непроницаемымъ туманомъ, какого не бывало уже много лѣтъ. Это само по себѣ незначительное явленіе природы оказало, однако, очень большое вліяніе на судьбу члена палаты общинъ, представителя Истъ-Варка — такое же, какъ и пограничное возстаніе противъ Персіи, поднявшееся въ Хоросанской области. Первыя извѣстія объ этомъ возстаніи пришли тоже къ вечеру 23-го января, и къ нимъ отнеслись сначала съ недовѣріемъ и даже со смѣхомъ.

Въ восемь часовъ вечера эта новость стала распространяться въ палатѣ общинъ, часовъ въ девять объ этомъ уже говорили депутаты въ кулуарахъ; рѣчь шла, однако, не только о политикѣ Россіи, которая, при наружныхъ симпатіяхъ къ шаху, на самомъ дѣлѣ тайно разжигала мятежъ; главнымъ образомъ говорили о томъ, что „Saint Georges Gazette“ — вечерняя газета торіевъ — отнеслась къ этому событію серьезно и выступила съ рѣзкимъ осужденіемъ правительства.

Лэкли — собственникъ и издатель „Saint Georges Gazette“ — не нѣсколько разъ переходилъ отъ традиціонной сдержанности на къ рѣзкости новѣйшей журналистики. А въ этотъ вечеръ онъ пошелъ еще дальше по этому пути и заявилъ въ статьѣ съ сенсаціоннымъ заглавіемъ, что въ этомъ будто бы совершенно невинномъ пограничномъ инцидентѣ дѣло идетъ вовсе не

объ одномъ антагонизмѣ расъ. Это, по его словамъ, первыя робкія попытки осуществить давно составленный и подготовленный русскими планъ, который постепенно созрѣлъ вслѣдствіе „вялой политики“ современнаго британскаго правительства.

Впечатлѣніе статьи было очень сильное и очень различное на разныхъ людей. Члены оппозиціи усматривали важность статьи въ чрезмѣрномъ, явно напускномъ спокойствіи на министерскихъ скамьяхъ; правительство же съ своей стороны не могло отдѣлаться отъ неопредѣленнаго чувства, что вспыхнувшій интересъ оппозиціи къ пограничному инциденту предвѣщаетъ недоброе. Всѣ эти различныя ощущенія создавали наэлектризованную атмосферу, не проявляясь, однако, ни въ какихъ осязательныхъ фактахъ. Палата продолжала заниматься текущими дѣлами до половины двѣнадцатаго вечера—и тогда только внесено было предложеніе перенести продолженіе занятій на слѣдующій день.

Первымъ вскочилъ со своего мѣста Джонъ Чилькотъ, депутатъ отъ Истъ-Варка. Онъ быстро выбѣжалъ изъ парламента въ какомъ-то почти безсознательномъ состояніи. Увидавъ вдругъ полицейскаго, который стоялъ подъ сводомъ большого двора съ неподвижно-спокойнымъ лицомъ, Чилькотъ инстинктивно хотѣлъ свернуть съ своего пути, какъ бы боясь, что нарушится ходъ его мыслей, если онъ услышитъ чужой голосъ; но онъ сдержалъ свой нервный порывъ и заговорилъ первый.

— Какой туманъ!—сказалъ онъ съ напускнымъ спокойствіемъ.

— Да, туманно; къ западу все больше заволакивается,—отвѣтилъ полисмэнъ.

— Да?—неопредѣленно отвѣтилъ Чилькотъ. Бодрый голосъ полисмэна раздражалъ его,—и онъ уже во второй разъ замѣчалъ въ себѣ такую болѣзненную раздражительность. Не глядя больше на полицейскаго, онъ прошелъ черезъ дворъ и вышелъ въ ворота. Въ клубящемся туманѣ сверкнули ему навстрѣчу огни двухъ фонарей, какъ глаза большой кошки, и обычное: „Кэбъ, сэръ?“—смутно прозвучало въ его ушахъ. Онъ остановился, уже направился было къ дверцѣ кэба, какъ вдругъ у него промелькнула другая мысль.

— Нѣтъ,—быстро сказалъ онъ,—нѣтъ,—я лучше пойду пѣшкомъ.

Кучеръ что-то пробормоталъ, щелкнулъ бичомъ, и коляска покатилась дальше подъ звонъ копытъ.

Чилькотъ тѣмъ временемъ перешелъ съ безпѣльной поспѣшностью черезъ улицу по направленію къ Уайтголю. Тамъ туманъ былъ еще болѣе густымъ, такъ что едва можно было различить

ближайшій уличный фонарь. Но Чилькотъ продолжалъ быстро идти дальше. Зоркій наблюдатель обратилъ бы вниманіе на его странную походку: хотя онъ шелъ, казалось бы, очень увѣренно, но весь вздрагивалъ при малѣйшемъ шумѣ, при малѣйшемъ прикосновеніи,—какъ человѣкъ съ болѣзненно-напряженной нервной системой.

Онъ продолжалъ идти и дальше съ той же поспѣшностью, не замѣчая, что съ каждымъ шагомъ мракъ вокругъ него сгущается, становится болѣе влажнымъ и осязательнымъ, что пѣшеходы съ каждой секундой все чаще наталкиваются другъ на друга и слова проходящихъ людей звучатъ все непонятнѣе, все болѣе неясно. Вдругъ онъ понялъ, что тѣмъ временемъ произошло, и сразу остановился.

Онъ совершенно неожиданно попалъ въ густой туманъ—въ такую непроницаемую завѣсу, что человѣческія фигуры, которыя вотъ только-что еще виднѣлись хоть смутными тѣнями, теперь разсѣялись въ ничто, какъ бы стертыя рукой волшебника; темнота точно всосала въ себя свѣтъ уличныхъ фонарей. Въ первую минуту на Чилькота напалъ паническій ужасъ отъ сознанія полнаго одиночества. Затѣмъ его охватилъ нервный страхъ передъ собственной разсѣянностью, которая завела его такъ далеко. Онъ прошелъ немного впередъ, потомъ остановился въ нерѣшительности. Но у него явилось мучительное сознаніе, что бездѣйствіе хуже всего, и онъ поэтому опять пошелъ впередъ, широко раскрывъ глаза и вытянувъ руку впередъ, чтобы ощупывать путь. Туманъ густо замкнулся передъ нимъ и позади него, и отрѣзалъ всякую возможность къ отступленію. Онъ только слышалъ въ темнотѣ вокругъ себя смутный гулъ голосовъ—веселыхъ, неувѣренныхъ, боязливыхъ, сердитыхъ. Временами его касалась чья-нибудь рука. Странная это была минута, таившая въ себѣ самыя разнообразныя возможности; въ странномъ хаосѣ звуковъ непрерывно сливались шумъ грохочущихъ колесъ, ругань и смѣхъ.

Чилькотъ держался лѣвой стороны и пытался идти дальше. Движенія его были порывисты, пугливы—на него напалъ непонятный страхъ среди этого одиночества, наполненнаго несчетными звуками. Сначала онъ тщетно нащупывалъ руками что-нибудь твердое; наконецъ, пальцы его прикоснулись къ чему-то холодному—къ спущеннымъ желѣзнымъ ставнямъ магазинной витрины. Это его успокоило. Онъ, какъ слѣпой ухватился за эту опору, стараясь какъ можно скорѣе подвигаться впередъ. Такъ онъ прошелъ шаговъ двѣнадцать, и тогда случилось неминуемое: онъ наткнулся на человѣка, шедшаго навстрѣчу ему.

Стукнулись они самымъ непредвидѣннымъ образомъ; при этомъ оба выругались и затѣмъ разсмѣялись. Въ этомъ не было, конечно, ничего необычайнаго, но Чилькотъ былъ въ такомъ настроеніи, что самое будничное становилось для него непостижимымъ. Восклицаніе и затѣмъ смѣхъ незнакомца подѣйствовали на него удручающимъ образомъ: — ему казалось, что изъ темноты эхо повторяетъ его же собственныя слова. Конечно, изъ десяти человѣкъ въ Лондонѣ девять — если взять людей одинаковаго воспитанія и одинаковаго общественнаго класса — выразили бы свою досаду или свое удивленіе въ той же самой формѣ, вѣроятно даже тѣмъ же тономъ голоса. Чилькотъ понималъ и это среди своего нервнаго возбужденія.

— Дьявольскій туманъ! — сказалъ онъ громко. — Я пробую попасть на Гровноръ-Сквэръ, но, кажется, мои шансы на успѣхъ невелики.

Незнакомецъ опять засмѣялся, и смѣхъ его снова смутилъ Чилькота. Онъ пугливо спрашивалъ себя, не жертва ли онъ обмана чувствъ; но незнакомецъ началъ говорить прежде, чѣмъ онъ смогъ распутаться въ своихъ ощущеніяхъ.

— Да, ваши шансы не особенно велики, — сказалъ онъ. — Даже еслибы собраться къ чорту, то въ такую ночь не легко найти къ нему дорогу.

Чилькотъ что-то пробормоталъ и придвинулся ближе къ магазинной витринѣ.

— Да, да, — сказалъ онъ. — Въ такую погоду, въ такой темнотѣ, начинаешь понимать, что слѣпымъ, при распредѣленіи вѣчнаго блаженства, должно достаться больше, чѣмъ намъ. Вѣдь это повтореніе тумана, бывшаго шесть лѣтъ тому назадъ. Выходили вы тогда на улицу?

У Чилькота была привычка непосредственно перескакивать съ одной фразы на другую, — привычка эта сказывалась въ послѣднее время особенно часто.

— Нѣтъ. — Незнакомецъ тѣмъ временемъ тоже пододвинулся къ магазину. — Шесть лѣтъ тому назадъ я не былъ въ Англіи.

— И не жалѣйте, что не были. — Чилькотъ поднялъ воротникъ. — Ужасный былъ тогда туманъ, — такой же черный, какъ вотъ сейчасъ, но еще болѣе расползшійся во всѣ стороны. Я отлично помню, какъ это было. Въ тотъ вечеръ какъ разъ Лексингтонъ произнесъ свою большую рѣчь о сахарѣ. Многіе еще въ три часа ночи бродили по Ламбетъ-Бриджу, — а изъ парламента мы ушли въ полночь.

Чилькотъ рѣдко предавался воспоминаніямъ; но эта бесѣда съ

невидимымъ спутникомъ казалась ему какъ бы разговоромъ съ самимъ собой. Когда раздался отвѣтъ на его слова, Чилькотъ даже не могъ удержаться, чтобы не вскрикнуть отъ изумленія.

— Рѣчь о сахарѣ,—сказалъ незнакомецъ.—Странно, что я какъ разъ вчера ее перечитывалъ. Удивительно много краснорѣчія по поводу такого сухого предмета. Какую огромную карьеру могъ бы тогда сдѣлать Лексингтонъ!

Чилькотъ передвинулся, устанъ стоять на одномъ мѣстѣ.

— Вы, очевидно, интересуетесь возней въ Вестминстерѣ?—спросилъ онъ съ легкимъ оттѣнкомъ сарказма.

— Я?—уклончиво отвѣтилъ незнакомецъ.—Я читаю, какъ и остальные пять милліоновъ населенія, газету—вотъ и все. Я далекъ отъ политики.—Въ голосѣ его звучала сухость; прежнее его воодушевленіе какъ-то сразу исчезло.

— Далеки отъ политики!—повторилъ Чилькотъ.—Завидно...

— Можетъ быть,—для тѣхъ, которые стоятъ въ самомъ центрѣ ея. Но вернемтесь къ Лексингтону. Какъ высоко этотъ человѣкъ поднялся—и какое ошеломительное паденіе! Удивительное дѣло—во всѣхъ насъ есть точно какія-то дрожжи, которыя поднимаютъ каждаго на разную высоту.—Онъ на минуту замолчалъ и задумался. Потомъ снова раздался изъ темноты его голосъ: —Какая же была собственно причина его паденія?—вдругъ спросилъ онъ.—Алкоголь или какое-нибудь другое искусственное средство возбужденія? Мнѣ ужъ давно хотѣлось узнать правду.

Чилькотъ опять перемѣнилъ позицію.

— Стоитъ ли узнавать правду?—спросилъ онъ небрежнымъ тономъ.

— Въ томъ случаѣ, когда человѣкъ занимаетъ общественный постъ, несомнѣнно стоитъ. Его частная жизнь сливается вѣдь съ интересами массъ. Если онъ позволяетъ заглядывать въ причины своего успѣха, то зачѣмъ скрывать причину пораженія. Что-жъ его погубило,—алкоголь?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Чилькотъ, нѣсколько погодя.

— Другія наркотическія средства?

Чилькотъ опять не сразу отвѣтилъ, и въ то время какъ онъ стоялъ въ раздумьи, его коснулось платье женщины, которая громко и нагло разсмѣялась, завидѣвъ его. Звукъ ея голоса неприятно поразилъ его.

— Такъ онъ, дѣйствительно, отравлялся наркотическими средствами?—спросилъ незнакомецъ легкимъ тономъ.—Я всегда такъ и думалъ.

— Да, онъ принималъ морфій. — Отвѣтъ вырвался у Чиль-

кота почти безсознательно, подъ вліяніемъ смѣха проходившей женщины, а также подъ гипнозомъ спокойныхъ разспросовъ незнакомца. Но едва онъ выговорилъ эти слова, какъ быстро оглянулся, точно испугавшись, что на время забылъ о соблюденіи необходимой бдительности.

Незнакомецъ задумался, помолчалъ, но потомъ опять заговорилъ очень оживленнымъ тономъ.

— Я это подозрѣвалъ,—сказалъ онъ,—но все-таки—даю вамъ слово — не былъ увѣренъ. Достигнуть въ жизни такъ много, и все потерять изъ-за потворства такому низменному пороку!—Въ голосѣ незнакомца слышались возмущеніе и презрѣніе.

— Вы строго судите,—сказалъ Чилькотъ съ напускнымъ смѣхомъ. Но незнакомецъ снова выразилъ свое возмущеніе.

— Я говорю только правду,—сказалъ онъ.—Никто не имѣетъ права выбрасывать зря то, за что другой заплатилъ бы спасеніемъ своей души. Это ослабляетъ довѣріе къ силѣ личности.

— А вы вѣрите въ эту силу?—Въ голосѣ Чилькота опять прозвучалъ сарказмъ, но уже болѣе слабо, чѣмъ прежде.

— Конечно, сила личности—результатъ работы надъ собой, минувшихъ или длящихся усилій. Людей, которые не требовательны къ себѣ, я не уважаю.

Спокойное презрѣніе этихъ словъ раздражало Чилькота.

— А вы полагаете, что Лексингтонъ не боролся прежде, чѣмъ сдаться?—горячо спросилъ онъ.—Имѣете ли вы представленіе о мучительной борьбѣ такого человѣка, когда то, что было прежде рабомъ, становится надъ нимъ господиномъ?—Онъ остановился, чтобы передохнуть; ему казалось, что незнакомецъ что-то бормочетъ недовѣрчивымъ тономъ.—Вы думаете, что морфій доставляетъ удовольствіе?—продолжалъ Чилькотъ.—Вѣрнѣе будетъ, если вы его назовете тираномъ, который мучитъ духъ, когда ему служишь, и мучитъ тѣло, когда отъ него отстаешь.

Подъ гнетомъ темноты и вслѣдствіе продолжающагося молчанія его спутника, онъ просто не могъ продолжать дальше. Въ эту минуту онъ не былъ Чилькотъ, депутатъ отъ Истъ-Варка, разсѣянность и молчаливость котораго вошли въ поговорку,—теперь онъ былъ человѣкомъ, которому хотѣлось высказать все, что у него на душѣ, и онъ продолжалъ:

— Вы говорите какъ всѣ, ничего не зная и вѣря только себѣ. Прежде чѣмъ осуждать Лексингтона, вы бы попробовали быть на его мѣстѣ.

— Какъ вы?—со смѣхомъ спросилъ незнакомецъ.

Хотя смѣхъ прозвучалъ совершенно невинно, онъ все-таки встревожилъ Чилькота. Его опять обуялъ страхъ, и онъ вздрогнулъ.

— Я...—онъ хотѣлъ тоже засмѣяться, но это ему не удалось: —я повторяю только то, о чемъ читалъ... Но, кажется, туманъ рѣдѣетъ. Нѣтъ ли у васъ огня? Можно хоть покурить, если ужъ ничего не видать вокругъ.

Онъ говорилъ быстро и несвязно. Мысль, что онъ выдалъ себя, безпокоила его въ высшей степени; ему хотѣлось предотвратить всѣ послѣдствія. Говоря съ незнакомцемъ, онъ сталъ шарить въ карманѣ, отыскивая портъ-сигаръ. Онъ искалъ съ нервной поспѣшностью и вытянулъ голову далеко впередъ. Не поднимая глазъ, онъ почувствовалъ, какъ туманное облако, въ которомъ онъ очутился, поднялось, снова опустилось и опять все окутало, а потомъ уже стало разсѣиваться. Найдя свой портъ-сигаръ, онъ взялъ папироску въ ротъ и поднялъ лицо въ тотъ моментъ, когда незнакомецъ зажегъ спичку. Съ минуту они поглядѣли другъ другу прямо въ лицо,—при исчезающемъ туманѣ уже можно было разглядѣть черты лицъ. Спичка въ рукѣ незнакомца догорѣла до конца и обожгла ему пальцы. Почувствовавъ боль, онъ со смѣхомъ бросилъ спичку.

— Однако!—Онъ не закончилъ, не находя словъ, чтобы выразить свое изумленіе. По странной игрѣ природы,—она казалась чѣмъ-то сверхъестественнымъ, хотя была вполнѣ въ порядкѣ вещей,—два лица, которыя, наконецъ, выдѣлялись изъ мрака, были похожи одно на другое—до полнаго тождества каждой черты. Каждому изъ двухъ людей казалось, что онъ увидѣлъ не лицо другого человѣка, а свое собственное въ безупречно вѣрномъ зеркалѣ. Незнакомецъ оправился первый и, увидавъ, что Чилькотъ не можетъ выговорить ни слова отъ неожиданности, пришелъ ему на помощь.

— Очень странное происшествіе, конечно,—сказалъ онъ.— Но зачѣмъ удивляться выше мѣры? Не можетъ же природа быть вѣчно оригинальной. Иногда и у нея изсякаетъ изобрѣтательность. И почему не использовать дважды удачную модель?—Онъ отошелъ на шагъ назадъ и посмотрѣлъ на Чилькота сбоку.— Ахъ, простите,—сказалъ онъ,—вы все еще ждете огня.

Чилькотъ продолжалъ еще держать папироску во рту. Бумага уже засохла, и онъ слегка помочилъ ее языкомъ, наклонясь къ своему собесѣднику.

— Не обращайте на меня вниманія,—сказалъ онъ.—Я сегодня слегка возбужденъ... нервы не въ порядкѣ. Правду сказать,—

моя фантазія подшутила надо мной въ густомъ туманѣ. Я вообразилъ, что говорю самъ съ собой.

— И потомъ *повторили*, что это дѣйствительно такъ?—Незнакомецъ усмѣхнулся.

— Да, приблизительно.

Оба помолчали съ минуту. Чилькотъ курилъ; и потомъ только, вспомнивъ про правила вѣжливости, онъ повернулся къ своему спутнику.

— Не желаете ли и вы покурить?—спросилъ онъ.

Незнакомецъ взялъ папиросу изъ протянутаго ему портъ-сигара. Въ это время Чилькоту еще больше бросилось въ глаза ихъ необыкновенное сходство. Онъ невольно протянулъ руку и коснулся руки своего собесѣдника.

— Это у меня все нервы,—сказалъ онъ какъ бы въ оправданіе себѣ.—Мнѣ нужно убѣдиться, что вы дѣйствительно стоите передо мной во плоти. Нервы иногда могутъ сыграть съ человѣкомъ плохую шутку.—Онъ принужденно засмѣялся.

Собесѣдникъ его поднялъ глаза. Лицо его въ эту минуту выражало удивленіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторое презрѣніе,—но онъ поспѣшилъ принять выраженіе вѣжливаго участія.

— Я къ сожалѣнію ничего не понимаю въ нервности,—сказалъ онъ.

Чилькотъ смутился. Потомъ его мысли направились въ другую сторону.

— Сколько вамъ лѣтъ?—спросилъ онъ вдругъ. Любопытство, направленное на несущественныя подробности, было одной изъ его характерныхъ чертъ. Незнакомецъ не сразу отвѣтилъ. Наконецъ онъ медленно спросилъ:

— Вы хотите знать мой возрастъ? Мнѣ минетъ тридцать-шесть лѣтъ... завтра.

Чилькотъ быстро поднялъ голову.

— Почему вы это говорите такимъ страннымъ тономъ?—спросилъ онъ.—Я только на шесть мѣсяцевъ старше васъ, но хотѣлъ бы, чтобы разница между нами была въ шесть лѣтъ. Шесть лѣтъ ближе къ забвенію всего...

Снова въ глазахъ незнакомца мелькнуло презрѣніе.—Забвенію?—повторилъ онъ.—А ваши цѣли и стремленія? Чѣмъ занято ваше честолюбіе?

— Оно не существуетъ.

— Не существуетъ? Вѣдь вы представляете вашу родину въ парламентѣ? Къ этому выводу, по крайней мѣрѣ, я пришелъ во время нашей бесѣды въ туманѣ.

Чилькотъ саркастически засмѣялся.

Когда въ теченіе шести лѣтъ приходится возвышать голосъ въ интересахъ своей родины, то въ концѣ концовъ наступаетъ хрипота,—это совершенно естественно.

Тотъ улыбнулся.—Ага!—сказалъ онъ:—недовольство. Модная болѣзнь! Впрочемъ, мнѣ пора дальше. Спокойной ночи. Дадимъ другъ другу руки, чтобы убѣдиться, что мы оба дѣйствительно существа изъ плоти и крови.

Чилькотъ молча слушалъ незнакомца. Самоувѣренность и сильно выраженная индивидуальность незнакомца произвели на него сильное впечатлѣніе. Но когда онъ замолчалъ, Чилькотъ быстро подошелъ къ нему, возбужденный нервнымъ любопытствомъ.

— Неужели мы только увидѣли и окликнули другъ друга, какъ корабли въ ночи, и потомъ уплывемъ каждый въ свою сторону?—порывисто спросилъ онъ.—Если природа дѣйствовала настолько необдуманно, что свела оригиналъ и копію, то она должна отвѣчать и за послѣдствія.

Незнакомецъ отрывисто засмѣялся.

— Будьте осторожны,—сказалъ онъ.—Наши пути широко расходятся. Вамъ отъ меня будетъ мало прока, а мнѣ...—Онъ остановился и опять отрывисто засмѣялся.—Нѣтъ,—прибавилъ онъ,—я бы на вашемъ мѣстѣ удовольствовался этой единственной встрѣчей—и проѣхалъ бы мимо. Знакомство съ человѣкомъ, не имѣющимъ успѣха въ жизни, не представляетъ никакого интереса. Попрощаемся лучше навсегда и разойдемся.

Онъ подержалъ руку Чилькота въ своей, потомъ сошелъ съ тротуара и направился черезъ улицу къ Стрэнду.

Это все совершилось въ одну секунду. Но въ то время какъ онъ уходилъ, у Чилькота было странное чувство: ему казалось, что онъ что-то потерялъ. Съ минуту онъ стоялъ въ нерѣшительности. Онъ снова ясно ощутилъ непріятную близость чужихъ лицъ и невѣдомыхъ голосовъ. Вдругъ имъ овладѣло другое рѣшеніе: онъ быстро повернулся и бросился вслѣдъ за высокимъ, стройнымъ человѣкомъ, такъ комично похожимъ на него.

Онъ настигъ незнакомца на полпути черезъ Трафальгаръ-Сквэръ. Онъ стоялъ на одномъ изъ маленькихъ каменныхъ острововъ, о которые разбивается потокъ уличнаго движенія, и ждалъ возможности перейти черезъ улицу. При яркомъ свѣтѣ фонаря Чилькотъ впервые замѣтилъ, что платье незнакомца, при поразительной аккуратности, было, однако, очень поношенное. При томъ открытіи онъ почувствовалъ нѣчто болѣе сильное, чѣмъ

только изумленіе. Представленіе о бѣдности какъ будто не вязалось съ самоувѣренностью, сдержанностью и сильной индивидуальностью незнакомца. Съ нѣсколько смущенной торопливостью, Чилькотъ сдѣлалъ шагъ впередъ и коснулся его руки.

— Послушайте,—сказалъ онъ, когда незнакомецъ обернулся къ нему.—Я пошелъ нагнать васъ, чтобы предложить обмѣнъ карточками. Вѣдь никакого вреда отъ этого не произойдетъ ни для одного изъ насъ, а я—я хотѣлъ бы нѣсколько ближе познакомиться съ моимъ вторымъ „я“.—Онъ нервно засмѣялся, вынимая свою визитную карточку.

Незнакомецъ молча поглядѣлъ на него. Во взорѣ его опять промелькнуло едва замѣтное недовѣріе, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ отразился и нѣкоторый интересъ; а глаза его переходили отъ пальцевъ Чилькота, нервно вынимавшихъ карточку, къ его блѣдному лицу съ энергичнымъ подбородкомъ, прямымъ ртомъ и нависшими надъ сѣрыми глазами прямыми бровями. Когда, наконецъ, ему протянута была карточка, онъ ее безмолвно взялъ и сунулъ въ карманъ.

Чилькотъ посмотрѣлъ на него съ какой-то жадностью:

— А ваша карточка?—сказалъ онъ.

Незнакомецъ нѣсколько времени не отвѣчалъ, потомъ разсмѣялся.

— Могу вамъ дать, если хотите.—Онъ поискалъ въ жилетномъ карманѣ и далъ карточку.—Вамъ мое имя ничего не скажетъ,—прибавилъ онъ.—Имя неудачника никого не можетъ интересовать.—Онъ опять полу-иронически разсмѣялся, потомъ спустился съ островка и исчезъ въ толпѣ.

Нѣсколько времени еще Чилькотъ смотрѣлъ на мѣсто, съ котораго исчезъ незнакомецъ. Потомъ онъ поднялъ карточку къ фонарю и прочелъ имя:

„М-ръ Джонъ Лодеръ, 13, Клифордсъ-Иннъ“.

II.

На утро послѣ этой туманной ночи Чилькотъ проснулся около девяти часовъ, какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда его слуга Ольсопъ прошелъ на кончикахъ пальцевъ черезъ комнату и поставилъ подносъ съ утреннимъ чаемъ на столикѣ у постели.

Нѣсколько минутъ Чилькотъ продолжалъ еще лежать съ закрытыми глазами. Сознаніе необходимости открыть ихъ съ утра,—твердо зная, что̀ именно онъ увидитъ, когда откроетъ ихъ,—да-

мало ему вѣки нестерпимой тяжестью. Тяжелыя спущенныя портьеры, плотно закрытыя ставни, большая комната съ пышной обстановкой и строгимъ сочетаніемъ красокъ, все странное настроеніе туманной лондонской зимы и, главнымъ образомъ, молчаливая, почтительная и почтенная фигура Ольсопа—все это внушало ему полный ужасъ. Онъ пролежалъ еще съ минуту, не подавая виду, что проснулся; онъ видѣлъ, какъ осторожно ступалъ Ольсопъ. Потомъ пришло неизбѣжное:

— Девять часовъ, сэръ!

Онъ открылъ глаза, что-то пробормоталъ и опять опустилъ вѣки.

Слуга подошелъ къ окну, медленно раздвинулъ драпри и раскрылъ наполовину ставни.

— Надѣюсь, сэръ, что вы сегодня лучше спали,—мягко сказалъ онъ.

Чилькотъ натянулъ одѣяло на голову, чтобы защититься отъ дневного свѣта, хотя и очень блѣднаго въ туманное зимнее утро.

— Да, лучше, — отвѣтилъ онъ. — Въ первый разъ меня не душили кошмары.—Онъ вздрогнулъ, вспомнивъ о прежнихъ ночахъ. — Да не говорите вы лучше объ этомъ, не напоминайте мнѣ! Терпѣть не могу, когда говорятъ все объ одномъ и томъ же!

Онъ сказалъ это очень непривѣтливо. У него часто проявлялась дѣтская раздражительность въ разговорѣ о самыхъ безразличныхъ мелочахъ.

Ольсопъ безмолвно выслушалъ его раздраженный отвѣтъ. Онъ прошелъ черезъ всю комнату и сложилъ въ порядкѣ платье своего господина. Это опять послужило для Чилькота предлогомъ, чтобы разсердиться.

— Да это чортъ знаетъ что̀ такое! — воскликнулъ онъ. — Надоѣло мнѣ это вѣчное повтореніе одного и того же. Я уже ясно представляю себѣ, какъ вы въ день моихъ похоронъ аккуратно приготовите мой саванъ. Бросьте все это и приходите черезъ полчаса!

Ольсопъ пристально поглядѣлъ на лицо Чилькота, почти исчезавшее въ большой кровати. Потомъ онъ отложилъ сюртукъ, который держалъ въ рукахъ, и направился къ двери. Уже взявшись за ручку, онъ еще разъ обернулся.

— Прикажете подать завтракъ сюда, сэръ, или сойдете внизъ?

Чилькотъ натянулъ одѣяло плотнѣе на плечи.

— Гдѣ угодно... нигдѣ!—крикнулъ онъ.—Мнѣ все равно!

Ольсопъ тихо удалился.

Когда Чилькотъ остался наединѣ, онъ сѣлъ въ постели и поставилъ подносъ съ чаемъ на колѣни. Ему, очевидно, было трудно до боли сдѣлать это движеніе. Онъ вынулъ платочекъ изъ-подъ подушки и вытеръ потъ съ лица; потомъ онъ поднялъ руку и, держа ее противъ свѣта, сталъ разглядывать. Рука имѣла вялый видъ и слегка дрожала. Онъ нервнымъ движеніемъ поставилъ подносъ на столъ и соскочилъ съ кровати. Быстро пройдя черезъ комнату, онъ остановился у шкапа въ стѣнѣ и открылъ дверцу. Оглянувшись вокругъ себя, онъ протянулъ руку въ глубину одной изъ полокъ. То, что онъ искалъ, было, очевидно, не трудно найти; онъ сейчасъ же отдернулъ руку, пошелъ отъ шкапа къ столику подлѣ камина и поставилъ на него пузырекъ съ маленькими бѣлыми лепешками. На столѣ стоялъ графинъ съ виски, сифонъ и кувшинъ съ водой. Онъ налилъ въ стаканъ воды, прибавилъ немного виски, откупорилъ пузырекъ, боязливо оглянулся на дверь и потомъ съ нервной торопливостью опустилъ нужное число лепешекъ въ стаканъ.

Пока лекарство растворялось, онъ оперся одной рукой объ столъ и сталъ глядѣть на полъ, очевидно стараясь преодолѣть свое нетерпѣніе. Едва лепешки растворились, какъ онъ уже схватилъ стаканъ и опустошилъ его однимъ глотокъ. Послѣ того онъ снова спряталъ пузырекъ въ шкапъ и съ легкой дрожью снова скользнулъ въ постель.

Когда Ольсопъ вернулся, Чилькотъ сидѣлъ, опершись на подушки; чашка съ чаемъ стояла пустая на столикѣ, и онъ держалъ во рту папироску. Раздражительность его исчезла. Онъ уже не такъ нервно двигался, глаза его блестѣли и блѣдное лицо имѣло болѣе здоровый видъ.

— Да, да, Ольсопъ,—сказалъ онъ,—бываютъ разныя минуты въ человѣческой жизни... Не все дѣлается, какъ хочешь.

Ольсопъ не сталъ поддерживать этотъ разговоръ и только сказалъ:

— Я приказалъ подать завтракъ въ маленькой столовой, сэръ.

Чилькотъ завтракалъ въ десять часовъ. Аппетитъ его былъ всегда очень слабый, а по утрамъ онъ совсѣмъ ничего не могъ ѣсть. Онъ положилъ немного рыбы себѣ на тарелку, но не дотронулся до нея. Потомъ онъ выпилъ двѣ чашки чая, отодвинулъ стулъ, закурилъ свѣжую папироску и взялъ утреннюю газету. Онъ дважды развернулъ ее, дважды перевернулъ листы. Нерѣшимость сосредоточиться на опредѣленной мысли парали-

зовала его. Дѣйствіе лепешекъ морфія сказывалось въ большей твердости руки и взгляда, въ укрѣпившейся власти надъ обостренной чувствительностью; но результаты были очень незначительны и непродолжительны. То время — шесть лѣтъ тому назадъ, — когда лепешки ободряли его умъ, усиливали ясность пониманія, укрѣпляли равновѣсіе мыслей и дѣйствій, — это время отошло въ прошлое. Съ нимъ случилось то же, что было, по его словамъ, съ Лексингтономъ: и въ его жизни рабъ превратился въ господина.

Когда онъ опять сдѣлалъ усиліе, чтобы, наконецъ, возбудить въ себѣ интересъ къ газетѣ, открылась дверь и вошелъ его секретарь.

— Съ добрымъ утромъ, — сказалъ онъ. — Простите, что я явился такъ рано.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-трехъ, съ непривужденными манерами и очень живыми глазами. Его почтительность и предупредительность — онъ относился къ Чилькоту, какъ къ человѣку, уже достигнувшему того, къ чему онъ только стремился, — забавляла обыкновенно Чилькота, но иногда и тяготила его.

— Здравствуйте, Блессингтонъ, — сказалъ онъ. — Что опять произошло?

Онъ, по привычкѣ, вздохнулъ и закрылъ лицо рукой, ограждаясь отъ солнечнаго луча, который нежданно проникъ черезъ туманный воздухъ.

Молодой человѣкъ усмѣхнулся.

— Дѣло идетъ о контрактахъ по рубкѣ лѣса, — сказалъ онъ. — Вы обѣщали мнѣ заняться этимъ дѣломъ. Вѣдь вы уже цѣлую недѣлю медлите, а Крэкъ и Бернаджъ слезно молятъ дать отвѣтъ. — Онъ подошелъ къ столу и положилъ бумаги, которыя принесъ, на столикъ подлѣ Чилькота. — Я очень жалѣю, что долженъ васъ побезпокоить, — прибавилъ онъ. — Надѣюсь только, что нервы у васъ сегодня въ порядкѣ.

Чилькотъ перебиралъ бумаги. Когда Блессингтонъ заговорилъ о нервахъ, онъ поглядѣлъ на него съ подозрѣніемъ, но невинное лицо секретаря успокоило его.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — мнѣ лучше. Я вчера вечеромъ успокоилъ нервы бромомъ. Я вѣдь зналъ, что туманъ свалитъ ихъ съ ногъ, если я не приму мѣръ предосторожности.

— Я очень радъ, что вамъ лучше, хотя все-таки лучше бы не брать брома. Къ нему можно привыкнуть, и это опасно. Что касается того дѣла въ Варкѣ, то хорошо бы заняться имъ теперь, если вы ничего противъ этого не имѣете.

Чилькотъ провелъ рукой по бумагамъ.

— Выходили вы вчера на улицу, Блессингтонъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я ужиналъ съ знакомыми въ „Савой-отелѣ", и мы пропустили часъ тумана. Къ тому же, кажется, онъ былъ очень густой въ отдѣльныхъ мѣстахъ.

— Да, кажется.

Блессингтонъ поправилъ свой изящный галстукъ. Онъ былъ очень учтивъ, но у него было сильно развито чувство долга.

— Простите, м-ръ Чилькотъ, — сказалъ онъ. — Нельзя ли поговорить о контрактѣ. Мнѣ непріятно надоѣдать, но...

— Ахъ, да, контрактъ. — Чилькотъ взглянулъ на него, думая о другомъ. — Кстати, не видали ли вы вчера мою жену? Что она дѣлала вчера вечеромъ?

— Я пилъ чай днемъ у м-ссъ Чилькотъ. Она говорила мнѣ, что будетъ къ обѣду у лэди Сабинетъ, и что до того должна сдѣлать еще нѣсколько визитовъ. — Онъ покосился на бумаги и на неподвижную руку Чилькота.

Чилькотъ засмѣялся.

— Ева, однако, очень любитъ свѣтскую жизнь, — сказалъ онъ. — Я бы не могъ обѣдать у Сабинетовъ, еслибы даже это дало мнѣ постъ премьера. У нихъ ужасный метръ-д'отель, какое-то фамильное наслѣдіе. Онъ невѣроятно толстъ и громко сопитъ. Когда я въ послѣдній разъ у нихъ завтракалъ, меня преслѣдовало потомъ во снѣ воспоминаніе о немъ.

Блессингтонъ весело усмѣхнулся.

— Миссъ Чилькотъ не боится дурныхъ сновъ, — возразилъ онъ. — Но если вы мнѣ позволите замѣтить вамъ...

Чилькотъ забарабанилъ пальцами объ столъ.

— Да, Ева не боится дурныхъ сновъ, — сказалъ онъ. — Въ этомъ пунктѣ мы съ ней не сходимся.

Блессингтонъ старался скрыть свое нетерпѣніе. Онъ нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно и глядѣлъ на свои сапоги съ остроконечными носками.

— Простите, м-ръ Чилькотъ, я все-таки позволю себѣ напомнить вамъ...

Чилькотъ поднялъ голову недовольнымъ движеніемъ.

— Чортъ возьми, Блессингтонъ! — воскликнулъ онъ. — Неужели меня никогда не оставятъ въ покоѣ? Неужели я не могу сѣсть за столъ безъ того, чтобы мнѣ не подсовывали какую-нибудь работу? Вѣчно работать!.. За послѣднія шесть лѣтъ я ни о чемъ другомъ не слышу, какъ о работѣ. Увѣряю васъ, бываютъ

минуты...—Онъ вдругъ вскочилъ и подошелъ къ окну.—Бываютъ минуты, когда я готовъ былъ бы послать все къ чорту!

Блессингтонъ испугался его горячности и осторожно подошелъ къ нему.

— Но вѣдь не вашу политическую карьеру?

Чилькотъ колебался съ минуту, борясь противъ желанія, которое уже мѣсяцами наполняло его. Ему хотѣлось высказаться, но вопросительное, недовѣрчивое выраженіе на лицѣ Блессингтона леденило его, и онъ опять погрузился въ молчаніе.

— Ну, конечно... я не про это,—пробормоталъ онъ.—Молодые люди слишкомъ торопятся дѣлать заключенія, Блессингтонъ...

— Простите. О томъ, чтобы вы отказались отъ вашего политическаго положенія, я и не думалъ. Помилуйте, всѣ бы эти Рикшо, Вэли, Крешемы, весь промышленный Варкъ васъ бы со свѣту сжилъ, еслибы оказалось нѣчто подобное,—въ особенности теперь, въ виду слуховъ о Персіи. Кстати, какъ по вашему, есть что-нибудь фактическое въ этой хоросанской исторіи? „Saint Georges Gazette“ писала вчера въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ.

Чилькотъ подошелъ снова къ столу. Лицо его было еще совсѣмъ блѣдное отъ пережитаго волненія, и пальцы взволнованно забарабанили по развернутой газетѣ.

— Я не видѣлъ „Saint Georges“,— поспѣшно отвѣтилъ онъ.—Лэкли сейчасъ становится на дыбы, когда рѣчь заходитъ о Россіи. Но придется ли намъ выступить—это вопросъ другой. А что это, почему вы заговорили о Крэкѣ и Бернаджѣ? Вы что-то сказали о договорѣ, кажется?

— Объ этомъ вамъ не стоитъ безпокоиться.—Блессингтонъ замѣтилъ дрожаніе въ углахъ рта и нервную рѣзкость въ голосѣ.— Крэка и Бернаджа я могу урезонить. Если они получатъ отвѣтъ въ четвергъ, то этого совершенно достаточно.—Онъ началъ снова собирать бумаги.

Чилькотъ удержалъ его.

— Подождите минутку,— сказалъ онъ.— Подождите, я сейчасъ просмотрю. Мнѣ всегда становится лучше, когда я дѣлаю какое-нибудь дѣло. Пойдемте въ кабинетъ.

Онъ прошелъ черезъ комнату торопливыми шагами. У дверей онъ остановился.

— Пройдите впередъ, Блессингтонъ,— сказалъ онъ.— А я послѣдую за вами черезъ десять минутъ. Я хочу сначала просмотрѣть газету.

Блессингтонъ поглядѣлъ на него съ недовѣріемъ.

— Вѣдь вы не забудете, не правда ли?

— Нѣтъ, конечно не забуду.

Блессингтонъ, видимо, все еще сомнѣвался, но все-таки вышелъ изъ комнаты и тихо закрылъ за собой дверь. Какъ только Чилькотъ остался одинъ, онъ медленно вернулся къ столу, сѣлъ и пододвинулъ столъ. Глаза его устремились на бѣлую скатерть— утренняя газета лежала нетронутая. Проходило время. Вошелъ слуга и убралъ завтракъ со стола. Чилькотъ слегка двинулся, но затѣмъ продолжалъ сидѣть въ томъ же положеніи. Когда слуга кончилъ свою работу, онъ поправилъ огонь въ каминѣ и вышелъ изъ комнаты. Чилькотъ продолжалъ неподвижно сидѣть.

Понемногу ему становилось не по себѣ; онъ поднялся и перешелъ къ камину. Часы, стоявшіе на каминѣ, какъ бы глядѣли ему прямо въ лицо. Онъ посмотрѣлъ на циферблатъ, вздрогнулъ и вынулъ карманные часы. Стрѣлки на тѣхъ и другихъ часахъ показывали двѣнадцать. Онъ нервно наклонился надъ столомъ и позвонилъ. Появился слуга.

— М-ръ Блессингтонъ въ кабинетѣ? — спросилъ Чилькотъ.

— Пять минутъ тому назадъ онъ еще тамъ былъ.

Чилькотъ облегченно вздохнулъ.

— Хорошо. Такъ пойдите скажите ему, что я ушелъ, что мнѣ нужно было выйти—по важному дѣлу. Поняли?

— Понимаю. Слушаюсь, сэръ.

Не дожидаясь отвѣта слуги, Чилькотъ прошелъ мимо него и вышелъ изъ комнаты.

III.

Выйдя изъ дому, Чилькотъ продолжалъ идти быстро и безъ цѣли. На воздухѣ ему снова ясно вспомнилось приключеніе минувшей ночи. Съ момента пробужденія воспоминаніе это его мучило, и при ясномъ дневномъ свѣтѣ оно представилось его взору съ полной осязательностью. Все случившееся казалось ему мало вѣроятнымъ, но это ничего не мѣняло; фактъ оставался на лицо. Чилькотъ былъ въ томъ же пальто, какъ и наканунѣ, — онъ невольно опустилъ руку въ карманъ и вынулъ карточку вчерашняго незнакомца.

„М-ръ Джонъ Лодеръ". Онъ, идя дальше, повторялъ это имя въ тактъ своимъ шагамъ. Кто этотъ Джонъ Лодеръ? Что онъ такое? Этотъ вопросъ мучилъ его, и онъ безсознательно ускорялъ шаги. Фактъ, что два похожихъ до смѣшного другъ на друга человѣка живутъ въ томъ же городѣ, не зная о суще-

ствованіи другъ друга, казался неразрѣшимой загадкой. Его это положительно мучило. Въ непонятномъ сходствѣ ему чудилась даже какая-то опасность. Онъ началъ жалѣть о настойчивости, съ которой навязалъ свою карточку незнакомцу. Онъ жалѣлъ также, что неосторожно распространялся о Лексингтонѣ. При воспоминаніи о томъ, что онъ говорилъ и что могъ бы еще сказать, его бросало въ жаръ и въ холодъ. Наконецъ, онъ остановился впервые послѣ того, какъ вышелъ и оглянулся вокругъ себя.

Выйдя изъ дому на Гровноръ-Сквэрѣ, онъ шелъ по направленію къ западу и быстро дошелъ до Марбль-Арчъ. Не обращая вниманія на окружающее, онъ пошелъ по Эджверъ-Роду и попалъ въ лабиринтъ мелкихъ улицъ за Паддингтономъ. И тогда только онъ съ изумленіемъ замѣтилъ, какъ далеко зашелъ. Сырые обрывки тумана висѣли еще съ минувшей ночи, какъ линяя завѣса, на выступахъ домовъ. Ничто не нарушало однообразной окраски, нигдѣ не видно было никакой зелени, все было спокойно, уродливо, запущено. Но на Чилькота убогость улицъ производила успокаивающее впечатлѣніе. Среди этихъ жалкихъ домовъ, среди пѣшеходовъ, занятыхъ каждый своимъ дѣломъ, онъ чувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Если человѣкъ остановится на фешенэбельныхъ улицахъ, занятый своими мыслями, на него тотчасъ же обратится множество наглыхъ, пытливыхъ взоровъ. А тутъ можно было стоять хоть цѣлыхъ полчаса, и никто не обращалъ вниманія. Обрадованный этимъ, Чилькотъ пробродилъ еще цѣлый часъ, переходя съ улицы на улицу то медленными, то ускоренными шагами,—смотря по ходу мыслей. Наконецъ, онъ прервалъ это блужданіе и зашелъ въ маленькій ресторанъ.

Помѣщеніе было низкое и грязное, въ воздухѣ было душно и чадно—пахло плохо приготовленной пищей. Чилькотъ вошелъ туда безъ малѣйшаго отвращенія и безъ скрытой осмотрительности, съ которой входилъ обыкновенно къ себѣ домой. Страннымъ образомъ онъ чувствовалъ себя свободнѣе въ этой чуждой мелкой обстановкѣ, чѣмъ въ собственномъ кругу, гдѣ на немъ тяготѣло столько обязанностей. Онъ выбралъ мѣсто въ углу и заказалъ кофе; спрятавшись въ полу-тьмѣ, весь окутанный облаками дыма, онъ сидѣлъ и казался самому себѣ блуждающей безличной частичкой бытія, освобожденной отъ оковъ и безцѣльно несущейся въ блаженной безсознательности. Ему было отрадно это созданіе его фантазіи,—но оно не долго длилось. Въ послѣднее время онъ страдалъ отъ мучительной нерѣшительности

во всѣхъ поступкахъ и цѣляхъ, отъ невозможности сдѣлать какое-либо напряженіе, и чувствовалъ отвращеніе отъ малѣйшаго усилія. Онъ даже не могъ закурить второй папиросы,—прежнее безпокойство снова имъ овладѣло, и онъ сталъ нервно двигаться на стулѣ. Черезъ пять минутъ, онъ поднялся, заплатилъ по маленькому счету и вышелъ.

На улицѣ онъ остановился и вынулъ часы,—у него было еще три часа передъ условленнымъ дѣловымъ свиданіемъ. Онъ подумалъ о томъ, какъ употребить эти три часа. За послѣднія пять минутъ онъ опять сталъ бояться одиночества; пустынныя улицы стали пугать его своей безотрадной пустотой, которой онъ до того совершенно не замѣчалъ.

Въ то время какъ онъ еще нерѣшительно обдумывалъ, что предпринять, медленно проѣхалъ мимо него по улицѣ пустой кэбъ. Видъ изящно одѣтаго господина привлекъ вниманіе кучера на Чилькота. Онъ подъѣхалъ ближе и сталъ замедлять ходъ. Появленіе кэба невольно вызвало у него въ воображеніи представленіе объ элегантной жизни. Мысли его съ быстротой молніи направились по другому направленію, и онъ поднялъ руку. Кэбъ остановился; онъ сѣлъ въ каретку.

— Куда прикажете?—спросилъ кучеръ.

— Все равно,—отвѣтилъ Чилькотъ,—куда-нибудь къ Пэль-Мэлю. — Когда лошадь двинулась, онъ крикнулъ черезъ окошечко: — Подождите, я передумалъ. Поѣзжайте на Кадоганъ-Гарденсъ, 33.

Они быстро доѣхали до Кадоганъ-Гарденсъ, и Чилькотъ едва успѣлъ опомниться, какъ кэбъ уже остановился. Онъ соскочилъ, заплатилъ за проѣздъ и быстро прошелъ въ домъ.

— Лэди Аструпъ дома? — спросилъ онъ, когда открылась дверь.

Лакей почтительно отступилъ и сказалъ:

— Миледи только-что кончила лѣчъ.

Чилькотъ ничего не отвѣтилъ и вошелъ въ переднюю. Остановившись посреди комнаты, онъ сказалъ:

— Не безпокойте миледи. Я подожду ее въ бѣлой комнатѣ.

Не обращая болѣе вниманія на лакея, онъ поднялся по лѣстницѣ.

Въ комнатѣ, гдѣ онъ ждалъ, горѣли дрова въ каминѣ. Огонь вносилъ уютность въ атмосферу январьскаго дня и бросалъ мягкіе красочные отсвѣты на тяжелыя бѣлыя драпировки, позолоченую мебель и венеціанскія вазы, полныя бѣлыхъ розъ. Онъ подошелъ

къ самому камину и подержалъ руки надъ огнемъ. Потомъ онъ опять забезпокоился, сталъ чувствовать обычное тревожное состояніе, обернулся и подошелъ къ дивану, стоявшему неподалеку отъ огня. На диванѣ—между прозрачнымъ хрустальнымъ шаромъ и раскрытымъ романомъ—лежала въ глубокомъ снѣ персидская кошка. Чилькотъ поднялъ кверху тонко граненый шаръ и подержалъ его противъ огня. Потомъ онъ тихо засмѣялся, бросилъ шаръ на прежнее мѣсто и схватилъ кошку за хвостъ. Кошка проснулась, потянулась и стала мурлыкать. Въ эту минуту открылась дверь комнаты. Чилькотъ обернулся.

— Я вѣдь сказалъ, чтобы тебя не безпокоили, — сказалъ онъ.—Ты навѣрное на меня въ претензіи?

Онъ сказалъ это съ легкимъ оттѣнкомъ раздраженности, которая часто примѣшивалась къ его словамъ. Лэди Аструпъ взяла его за руку ласковымъ движеніемъ и улыбнулась.

— Ничуть я не въ претензіи, что ты!—медленно отвѣтила она пѣвучимъ тономъ и потомъ снова улыбнулась. Зоркій наблюдатель подмѣтилъ бы нѣкоторую искусственность въ этой улыбкѣ. Но развѣ у такого человѣка, какъ Чилькотъ, остается время и способность къ наблюденіямъ, когда дѣло идетъ о женщинахъ! Внѣшность улыбки была привѣтливая, и этого было довольно.

— Что ты все это время дѣлалъ?—спросила она погодя.—Я уже думала, что ты меня совсѣмъ забылъ.—Она подошла къ дивану, взяла кошку на руки и поцѣловала ее:—Ну, не очаровательное ли созданіе?—сказала она.

Лэди Аструпъ очень граціозно повернулась къ Чилькоту съ кошкой на рукахъ. Ей было двадцать-семь лѣтъ, и она все еще имѣла видъ молодой дѣвушки. Линіи лица были очень чистыя, блѣдно-золотистый отливъ волосъ придавалъ воздушность лицу, и ея стройная фигура была необыкновенно молода и гибка. На ней было блѣдно-желтоватое платье, которое очень гармонировало съ ея нѣжнымъ цвѣтомъ лица.

— Ну, а теперь садись и отдохни—или, если хочешь, ходи по комнатѣ. Мнѣ все равно.—Она сѣла на диванъ и взяла въ руки стеклянный шаръ.

— Это что за новая игрушка? Къ чему она?—Чилькотъ поглядѣлъ на нее, стоя у камина, къ которому онъ прислонился: Ему самому не было ясно, чѣмъ собственно привлекала его Лиліанъ Аструпъ. Ея поверхностность успокаивала его, ея непослѣдовательный эгоизмъ помогалъ ему забывать о себѣ. Она никогда не справлялась о томъ, что съ нимъ дѣлается. Она ни-

когда не ждала ничего невозможнаго. Она предоставляла ему приходить, уходить, дѣлать что ему угодно, и никогда не спрашивала о причинахъ и цѣляхъ. Она была обаятельна, граціозна, игрива какъ кошка;—то, что она можетъ злиться, царапаться, тоже какъ кошка, не стѣсняло Чилькота. Иногда онъ выражалъ неопредѣленную зависть къ покойному лорду Аструпу. Но едва ли, еслибы даже обстоятельства это дозволяли, рѣшился бы онъ стать его преемникомъ. Лиліанъ была очаровательной подругой, но годилась ли она въ жены—былъ другой вопросъ.

— Что это за игрушка?—спросилъ онъ опять.

Она медленно подняла на него глаза.

— Какой ты противный, Джонни! Вѣдь это моя новѣйшая страсть.

Ея обаяніе заключалось, между прочимъ, и въ томъ, что она не могла жить безъ какой-нибудь игрушки или „страсти". Каждый новый капризъ вытѣснялъ старый, но къ каждому она относилась сначала съ очаровательнымъ неискреннимъ увлеченіемъ, съ той же преувеличенной восторженностью. Все это было, конечно, напускное,—но она такъ очаровательно позировала, что никто не могъ на нее сердиться за это.

— Не смѣйся, — протестовала она, опустивъ кошку на землю.—Я брала уроки—по пяти фунтовъ стерлинговъ за часъ—и у очаровательнаго человѣка — профессіональнаго учителя. Я была очень усердной ученицей. Конечно, ничего кромѣ неопредѣленныхъ туманныхъ явленій я пока еще не видѣла, но самое главное—именно видѣть неопредѣленное. Остальное придетъ само собой. Я попрошу Бланшъ, чтобы она позволила мнѣ придти въ костюмѣ гадалки на ея большой праздникъ въ мартѣ,—и тогда буду предсказывать судьбу даже всѣмъ вамъ, скучнымъ политикамъ.

Чилькотъ засмѣялся.

— А какъ же это дѣлается?—спросилъ онъ.

— Ахъ, это очаровательно! Садятся за столъ и ставятъ вотъ этотъ стеклянный шаръ передъ собой,—объясняла она, смѣясь.—Потомъ берутъ руки объекта, кладутъ ихъ на столъ и, мягко гладя ихъ, глядятъ на шаръ. Такъ устанавливается „симпатическій токъ".—Она взглянула на него съ неподражаемо невиннымъ видомъ.—Показать тебѣ?

Чилькотъ пододвинулъ столикъ къ дивану и положилъ на него руки ладонями внизъ.

— Такъ, что-ли?—спросилъ онъ.

Но вдругъ онъ почувствовалъ какую-то глупую нервность и снялъ руки со стола.

— Мы въ другой разъ это попробуемъ, — быстро сказалъ онъ. — Ты мнѣ покажешь какъ-нибудь. Сегодня я не расположенъ...

Если даже Лиліанъ и почувствовала нѣкоторое разочарованіе, она этого по крайней мѣрѣ не высказала.

— Бѣдненькій! — мягко сказала она. — Сядь подлѣ меня, — незачѣмъ печалиться. — Она указала ему на мѣсто подлѣ себя, и когда онъ тяжело опустился на диванъ, взяла его руку и нѣжно погладила ее. Ея прикосновеніе подѣйствовало на него успокаивающимъ образомъ, и онъ не отнималъ руки. Потомъ она вдругъ отняла руку и воскликнула съ легкимъ упрекомъ въ тонѣ:

— Ты прямо возмутительный человѣкъ — у тебя уже нѣтъ „маникюра“. Гдѣ же результаты моего воспитанія?

Чилькотъ засмѣялся.

— Все забыто, — сказалъ онъ легкимъ тономъ. Но потомъ выраженіе лица и тонъ его голоса измѣнились. — Для человѣка въ моемъ возрастѣ, — сказалъ онъ, — роскошь не имѣетъ цѣны. Приходится считаться только съ общественными обязательствами. Я лично завидую нищему на улицѣ, — ему не нужно бриться, не нужно мыться.

Лиліанъ высоко подняла брови. Такія чувства превышали ея пониманіе.

— Уходъ за ногтями вѣдь дѣло другое, — сказала она съ упрекомъ. — Въ особенности, когда у человѣка такія красивыя руки. Твои руки и твои глаза прежде всего покорили меня, ты вѣдь самъ знаешь. — Она мягко вздохнула, предаваясь нѣжному воспоминанію. — Мнѣ казалось такимъ характернымъ, что ты не носишь колецъ, — вѣдь соблазнъ былъ такой близкій. Она взглянула на свои собственные пальцы, сверкавшіе драгоцѣнными камнями.

Мимолетное пріятное дѣйствіе отъ ея прикосновенія прошло. Чилькотъ отдернулъ руку и взялъ книгу, которая лежала между ними.

— „Подъ фальшивымъ флагомъ“, — прочелъ онъ. — Конечно, романъ?

— Конечно, — отвѣтила она, улыбаясь. — Очень увлекательная исторія: два человѣка, которые мѣняются своими личностями.

Чилькотъ поднялся и перешелъ опять къ камину.

— Мѣняются личностями? — спросилъ онъ съ интересомъ.

— Да. Одинъ — художникъ, другой — милліонеръ. Одному хотѣлось бы испытать ощущеніе славы, а другому — ощущеніе огромнаго богатства. И они на мѣсяцъ обмѣнялись ролями. — Она засмѣялась.

Чилькотъ тоже засмѣялся.

— Какъ же они это устроили?—спросилъ онъ.

— Да я же говорю, что замыселъ нелѣпъ. Представь себѣ, что два человѣка такъ похожи другъ на друга, что ни друзья, ни прислуга не замѣчаютъ подмѣна. Вѣдь это невозможно.

Чилькотъ устремилъ глаза въ огонь.

— Да,—сказалъ онъ медленно.—Да... это кажется невозможнымъ.

— Конечно, невозможно. Бываютъ сходства, но ужъ не такія нелѣпыя.

Пока она говорила, Чилькотъ сидѣлъ, опустивъ голову; но при послѣднихъ словахъ онъ поднялъ глаза.

— Знаешь, однако,—сказалъ онъ,—я бы все-таки не сталъ такъ увѣренно утверждать это. Еще недавно я видѣлъ двухъ людей, до того похожихъ другъ на друга, что я... Ты, кажется, не вѣришь?—спросилъ онъ, видя, что Лиліанъ улыбается.—Ты думаешь, что это была игра моей фантазіи?

— Да нѣтъ же, милый, вовсе я этого не думаю. Садись и разскажи мнѣ всю эту исторію.—Она снова улыбнулась и указала на диванъ привѣтливымъ жестомъ.

Духовное равновѣсіе Чилькота пошатнулось... Въ первый разъ онъ почувствовалъ, что Лиліанъ принадлежитъ къ той недовѣрчивой, наблюдательной толпѣ, которой онъ всегда остерегался. Подъ гнетомъ этого впечатлѣнія, онъ быстро направился къ двери.

— Мнѣ нужно въ парламентъ, — сказалъ онъ. — Я опять зайду—когда буду въ лучшемъ настроеніи. Я знаю, что я сегодня несносенъ. Ты вѣдь знаешь—мои нервы.—Онъ подошелъ къ дивану и взялъ ее за руку, потомъ прикоснулся на минуту къ ея щекѣ рукой.—До свиданья,—сказалъ онъ.—Всего хорошаго тебѣ—и твоей кошкѣ.—Эти слова онъ прибавилъ шутливо, уже на порогѣ.

Къ вечеру нервное раздраженіе Чилькота дошло до высшей точки. Цѣлый день онъ съ величайшимъ усиліемъ сдерживался, чтобы не разразиться нервнымъ припадкомъ; но когда онъ очутился въ зимнихъ сумеркахъ въ палатѣ общинъ, на скамьѣ оппозиціи, то почувствовалъ, что сила сопротивленія въ немъ угасаетъ, что онъ уже не можетъ бороться съ собой. Опасенія его оправдались въ тотъ же вечеръ, когда пришелъ моментъ выступить съ интерпелляціей противъ правительства, въ связи съ устройствомъ новыхъ доковъ и съ бюджетомъ морского министерства.

Тогда онъ въ первый разъ убѣдился, что муки, испытанныя имъ за послѣдніе мѣсяцы, привели къ наружнымъ, также какъ и скрытымъ явленіямъ разрушенія, что ему грозитъ невозможность продолжать свои профессіональныя занятія, что сила воли въ немъ разбита и характеръ испорченъ.

Это потрясающее для него открытіе явилось совершенно неожиданнымъ. Въ сумерки онъ еще былъ сравнительно спокоенъ, и нервность его выражалась только въ томъ, что онъ часто поправлялъ воротникъ или мѣнялъ положеніе. Но когда залу освѣтили, и онъ откинулся на своемъ сидѣньи съ закрытыми глазами, то имъ овладѣло мучительное сознаніе, что онъ сквозь закрытыя вѣки видитъ лица на противоположной сторонѣ палаты, что онъ ясно отличаетъ рядъ заспанныхъ, сочувственныхъ наблюдательныхъ глазъ. Такого ощущенія онъ никогда прежде не испытывалъ, но теперь оно всецѣло овладѣло имъ. Ему казалось, что эти взоры прямо проникаютъ вглубь его глазъ; отъ страха у него выступилъ холодный потъ на лбу. Въ эту минуту какъ разъ лидеръ его партіи, Фрэдъ, обернулся къ нему, перегнулся черезъ спинку его сидѣнья и коснулся его колѣнъ. Чилькотъ вздрогнулъ и открылъ глаза.

— Кажется... я... задремалъ?—смущенно сказалъ онъ.

Фрэдъ улыбнулся сухой любезной улыбкой.

— Это печальное признаніе для члена оппозиціи,—сказалъ онъ.—Я хотѣлъ съ вами видѣться уже утромъ, Чилькотъ. По моему, за этимъ персидскимъ инцидентомъ все-таки что-то кроется. Вамъ, крупнымъ коммерсантамъ, нужно не зѣвать.

Чилькотъ пожалъ плечами.

— Это дѣло спорное,—сказалъ онъ.—Я не вѣрю, что это серьезно. Лэкли поднесъ спичку къ пороховой бочкѣ, но получился только небольшой трескъ и много дыма.

Фрэдъ не улыбался.

— А каково настроеніе въ Варкѣ?—спросилъ онъ.

— Въ Варкѣ?—не знаю, право. За послѣднюю недѣлю я не знаю, что тамъ дѣлается. У меня столько личныхъ дѣлъ и заботъ...

Онъ чувствовалъ себя неловко отъ пытливыхъ вопросовъ своего властнаго единомышленника. Фрэдъ открылъ было ротъ, какъ бы собираясь отвѣчать, потомъ снова стиснулъ губы съ сдержаннымъ достоинствомъ и отвернулся. Чилькотъ откинулся назадъ на сидѣнья и незамѣтно провелъ рукой по лбу. Всѣ его мысли сосредоточены были на одномъ предметѣ,—и этимъ предметомъ былъ онъ самъ. Взглядъ его направился черезъ весь

густо заполненный освѣщенный залъ до стеклянныхъ дверей; онъ посмотрѣлъ на своихъ коллегъ, которые сидѣли одни съ равнодушными, другіе съ внимательными лицами. Потомъ пальцы его незамѣтно скользнули въ жилетный карманъ. Обыкновенно онъ бралъ лепешки съ морфіемъ съ собой, но сегодня онъ ихъ забылъ дома. Онъ это зналъ, и все-таки продолжалъ искать, чувствуя физическое недомоганіе во всемъ тѣлѣ отъ потребности привычнаго лекарства. Онъ былъ совершенно равнодушенъ ко всему, что происходило вокругъ него, и безсознательно приподнялся на половину со своего мѣста. Господинъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, поднялъ глаза.

— Не уходите, Чилькотъ,—сказалъ онъ. — Рефордъ скоро закончитъ свою болтовню.

Чилькотъ сѣлъ на свое мѣсто съ чувствомъ облегченія. Очевидно, на лицѣ его незамѣтны были слѣды его сильнаго внутренняго разстройства. Рефордъ сѣлъ на мѣсто. Послѣдовала обычная пауза и затѣмъ движеніе. Потомъ поднялся Визъ, депутатъ отъ Сальчестера.

При первыхъ словахъ оратора, Чилькотъ сталъ опять искать рукой въ жилетномъ карманѣ, и опять глаза его устремились къ входной двери. Но передъ нимъ стоялъ, высоко выпрямившись, Фрэдъ, и онъ не двигался поэтому съ мѣста.

Онъ съ величайшимъ усиліемъ вынулъ свои замѣтки и сталъ нервно разглаживать ихъ. Но какъ онъ ни вглядывался въ листы, исписанные яснымъ почеркомъ Блессингтона, онъ не могъ сообразить, что тамъ написано. Онъ взглянулъ въ лицо предсѣдателя, затѣмъ на лица сидѣвшихъ на министерской скамьѣ, потомъ снова откинулся назадъ. Его сосѣдъ замѣтилъ это движеніе.

— Собираетесь съ силами для рѣчи?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—торопливо отвѣтилъ Чилькотъ, — я просто чувствую себя очень скверно. Уже давно мнѣ не было такъ плохо.

Сосѣдъ внимательно посмотрѣлъ на него.—Здоровье не въ порядкѣ?—спросилъ онъ. Признанія со стороны Чилькота были большой неожиданностью.

— Нѣтъ, но эта постоянная каторжная работа—проклятая долбежка... Въ то время какъ онъ говорилъ, у него вдругъ упали силы. Онъ забылъ своего сосѣда, свое парламентское положеніе—все, кромѣ мучительной потребности, переполнявшей его тѣло и душу. Онъ едва сознавалъ, что дѣлаетъ, когда поднялся, наклонился и прошепталъ что-то на ухо Фрэду. Фрэдъ обернулся къ

нему съ пытливымъ испуганнымъ видомъ, и нѣсколько разъ утвердительно кивнулъ головой. Чрезъ минуту Чилькотъ удалялся съ своего мѣста неспокойными, нервными шагами. По дорогѣ съ нимъ заговаривали два-три человѣка, но онъ почти невѣжливо отстранялъ ихъ, направился къ выходу и подозвалъ кэбъ. Поѣздка на Гровноръ-Сквэръ была ужасна. Онъ все время пересаживался съ одного угла коляски въ другой. Острыя внутреннія муки усиливались съ каждой минутой промедленія, отъ каждаго движенія. Наконецъ, онъ вышелъ изъ кэба, подъѣхавъ къ дому, сошелъ, чувствуя страшную слабость во всѣхъ членахъ, быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ и прошелъ въ свои комнаты. Онъ осторожно открылъ дверь въ спальню и зорко оглядѣлся. Свѣтъ былъ зажженъ, но комната была пуста. Съ нервнымъ возбужденіемъ, которое онъ съ трудомъ могъ превозмочь, онъ вошелъ и заперъ за собой дверь. Потомъ онъ кинулся къ стѣнному шкапу, открылъ его и взялъ съ полки пузырекъ съ лепешками. Руки его дрожали, когда онъ ставилъ пузырекъ на столъ. Мука цѣлаго дня, ужасъ послѣднихъ часовъ и конечная катастрофа—все это теперь рвалось наружу. Онъ распустилъ бо́льшую дозу морфія, чѣмъ когда-либо, быстро осушилъ стаканъ, прошелъ наискось черезъ комнату и бросился въ платьѣ на постель.

IV.

Для тѣхъ, кто живетъ въ Вэстъ-Эндѣ, Флитъ-Стритъ—пустое имя, также какъ Клифордсъ-Иннъ. И все же Клифордсъ-Иннъ примыкаетъ къ зданію суда, скрываясь въ его глубокой тѣни, какъ могила у стѣны сельскаго кладбища: такая же зеленая трава, такіе же сѣрые камни и такъ же неслышно замираютъ шаги прохожихъ.

Противъ обведеннаго рѣшеткой зеленаго садика внутри двора стоялъ домъ, въ которомъ жилъ Джонъ Лодеръ. На первый взглядъ, зданіе производило пустынное впечатлѣніе дома, занятаго только конторами, и гдѣ жизнь существуетъ только въ дневные часы. Но когда спускалась ночь, зажигались огоньки, то въ одномъ этажѣ, то гдѣ-нибудь въ другомъ,—какъ маяки трудовыхъ существованій, подающихъ другъ другу сигналы. Комнаты, въ которыхъ жилъ Джонъ Лодеръ, были въ верхнемъ этажѣ. Изъ оконъ можно было съ философскимъ спокойствіемъ глядѣть внизъ, на верхушки деревьевъ, забывая про разбитую мостовую и разваливающуюся рѣшетку сквэра. На двери висѣла дощечка

съ его именемъ, но она выцвѣла отъ времени, и буквы стали тѣнями самихъ себя. Весь домъ съ его пустыми стѣнами и темными лѣстницами производилъ печальное, безотрадное впечатлѣніе.

Но при входѣ во внутрь непріятное впечатлѣніе значительно смягчалось. Помѣщеніе направо въ концѣ узкаго корридора было не слишкомъ маленькое, но очень низкое. Цвѣтъ стѣны, какъ и дощечки на двери, былъ грязный, полъ былъ голый, безъ ковра. Посреди комнаты стоялъ прекрасный старый столъ изъ временъ Кромвеля; на простыхъ полкахъ и на каминѣ стояло нѣсколько очень цѣнныхъ книгъ—большей частью политическаго и историческаго содержанія. На окнахъ не было занавѣсей; на столѣ стояла обыкновенная рабочая лампа подъ зеленымъ абажуромъ. Видно было, что тутъ живетъ человѣкъ, у котораго мало привязанности къ вещамъ и еще меньше радостей въ жизни, человѣкъ, который существуетъ потому, что онъ живъ, и который работаетъ потому, что онъ долженъ работать.

На третій вечеръ послѣ туманной ночи, Джонъ Лодеръ сидѣлъ у письменнаго стола при свѣтѣ лампы подъ зеленымъ абажуромъ. На среднемъ столѣ стояли остатки скромнаго ужина; въ каминѣ горѣлъ небольшой огонь.

Послѣ того, какъ Лодеръ писалъ часа два, онъ отодвинулъ стулъ и выпрямилъ окоченѣлые пальцы. Потомъ онъ зѣвнулъ, поднялся и медленно прошелся по комнатѣ. Подойдя къ камину, онъ взялъ трубку, положенную тамъ, и немного табаку изъ ящика, стоявшаго за книгами. Лицо его было усталое и разстроенное, какъ часто у людей, которые долго работали надъ чѣмъ-нибудь, совершенно чуждымъ имъ по духу. Онъ растеръ табакъ въ рукахъ, медленно набилъ трубку и закурилъ. Въ эту минуту вниманіе его было возбуждено шагами, гулко раздававшимися по лѣстницѣ безъ ковра. Онъ поднялъ голову и сталъ прислушиваться.

Шаги остановились. Онъ слышалъ, какъ кто-то зажегъ спичку. Посѣтитель, очевидно, не былъ знакомъ съ домомъ. Потомъ его шаги снова зашаркали и остановились передъ дверью Лодера. На лицѣ Лодера выразилось величайшее изумленіе, и онъ отложилъ трубку. Когда незнакомецъ постучалъ, онъ спокойно прошелъ черезъ комнату и отворилъ ему дверь. Въ корридорѣ было темно, и посѣтитель невольно отступилъ, увидавъ яркій свѣтъ въ комнатѣ.

— Мистеръ Лодеръ?—спросилъ онъ. Потомъ онъ вдругъ смущенно улыбнулся, точно извиняясь.—Простите,—сказалъ онъ.—Свѣтъ меня слегка ослѣпилъ. Я не сразу увидѣлъ, что это вы.

Лодеръ, вопреки своей обычной несообразительности, сразу узналъ голосъ своего страннаго знакомаго, встрѣченнаго въ туманную ночь.

— Ахъ, такъ это вы!—сказалъ онъ.—Пожалуйте.—Голосъ его звучалъ холодно. Его, видимо, удивило, что снова воскресло полузабытое событіе. И удивленіе его было, повидимому, не изъ пріятныхъ. Онъ медленно подошелъ къ камину, и гость его послѣдовалъ за нимъ.

Пришедшій имѣлъ нервный, возбужденный видъ.—Простите, что я являюсь въ неподходящій часъ,—сказалъ онъ. — Но мое время не принадлежитъ исключительно мнѣ самому.

Лодеръ сдѣлалъ успокаивающее движеніе рукой. — Да кто господинъ своего времени?—спросилъ онъ. Это замѣчаніе придавало бодрости Чилькоту, и онъ тоже приблизился къ огню. До этой минуты онъ избѣгалъ глядѣть Лодеру въ лицо. Но теперь онъ поднялъ глаза, и опять—какъ онъ ни былъ подготовленъ—отшатнулся при видѣ необычайнаго сходства. Тутъ, въ бѣдно обставленной и плохо освѣщенной комнатѣ, сходство казалось еще болѣе удивительнымъ, чѣмъ въ таинственномъ покровѣ туманной ночи.

— Я прошу прощенія,—сказалъ онъ.—Мое ощущеніе чисто физическое,—я невольно выражаю свое изумленіе.

Лодеръ усмѣхнулся. Легкое неуваженіе, которое Чилькотъ вызвалъ у него при первой встрѣчѣ, теперь еще усилилось, и къ нему присоединилось другое ощущеніе, несовсѣмъ для него ясное. Этотъ человѣкъ производилъ впечатлѣніе такой слабости, такого непостоянства,—а между тѣмъ онъ былъ странной карикатурой его собственнаго „я".

— Сходство, дѣйствительно, поражающее,—сказалъ онъ.—Но все же нечего терять изъ-за него душевное равновѣсіе. Подойдите ближе къ огню. Что васъ привело сюда? Любопытство?

У камина стояло деревянное кресло. Онъ жестомъ указалъ на него, и потомъ снова взялъ въ руку дымящуюся трубку. Чилькотъ исподтишка смотрѣлъ на него и сѣлъ на указанное мѣсто.

— Сходство необычайное,—сказалъ онъ, точно не будучи въ состояніи разстаться съ этой мыслью.

Лодеръ оглянулся.

— Да, это очень бросается въ глаза,—сказалъ онъ, и прибавилъ другимъ тономъ:—Не хотите ли курить?

Чилькотъ сталъ вынимать папироску, но Лодеръ предупредилъ его и, взявъ ящикъ съ камина, протянулъ ему.

— Это единственная роскошь, которую я себѣ позволяю,— насмѣшливо сказалъ онъ.—Мои средства позволяютъ мнѣ только одну какую-нибудь прихоть, и я, кажется, сдѣлалъ мудрый выборъ. Это вѣдь единственный порокъ, который не обходится слишкомъ дорого.—Онъ пытливо взглянулъ на лицо, такъ комично похожее на его собственное, зажегъ свернутую бумажку и передалъ ее своему посѣтителю. Чилькотъ погладилъ свою папироску и нагнулся впередъ. При свѣтѣ горящей бумаги черты его имѣли напряженный и выжидающій видъ. Но Лодеръ замѣтилъ, что губы его не вздрогнули, какъ въ первый разъ, когда онъ ему предложилъ огонь для папироски.

— Что вы хотите выпить? Или, лучше сказать, не хотите ли стаканъ виски? — спросилъ онъ. — Ничего другого у меня нѣтъ. Роскошь гостепріимства мнѣ, къ несчастію, недоступна.

— Я рѣдко пью,—отвѣтилъ Чилькотъ, покачавъ головой.— Но вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь изъ-за меня.

— Я выпиваю разъ въ сутки что-нибудь,—обыкновенно въ два часа ночи, когда заканчиваю работу. Одинокій человѣкъ долженъ слѣдить за собой.

— Вы работаете до двухъ часовъ?

— До двухъ,—иногда и до трехъ.

Чилькотъ взглянулъ въ сторону письменнаго стола.

— Пишете?—спросилъ онъ.

Лодеръ утвердительно кивнулъ головой.

— Книги? — спросилъ Чилькотъ, и голосъ его слегка дрогнулъ отъ ожиданія.

Лодеръ горько засмѣялся.

— Нѣтъ, не книги,—сказалъ онъ.

Чилькотъ откинулся въ креслѣ и провелъ рукой по лбу. Онъ едва могъ скрыть радость, вызванную словами Лодера.

— Въ чемъ же заключается ваша работа?

Лодеръ отвернулся.

— Не спрашивайте,—коротко сказалъ онъ.—Когда у человѣка есть одна только способность, и эту способность не въ чемъ проявить, то все остальное ни къ чему не ведетъ. Я обрабатываю чужое поле: тяжелый трудъ и малое вознагражденіе.

Онъ стоялъ спиной къ огню и смотрѣлъ своему посѣтителю прямо въ лицо; въ его манерѣ держаться была странная смѣсь гордости, упрямства и безнадежности.

Чилькотъ опять нагнулся нѣсколько впередъ.

— Почему вы говорите о себѣ въ такихъ выраженіяхъ? Вѣдь

вы человѣкъ образованный и воспитанный? — Онъ предлагалъ эти вопросы, напряженно ожидая отвѣта.

— Что значитъ образованность и воспитаніе?—спросилъ Лодеръ со смѣхомъ.—Этимъ въ Лондонѣ мостовыя мостить можно. Что значитъ хорошее воспитаніе? Придворное платье, которое требуется при представленіи королю,—парикъ и мантія для адвоката. Но развѣ парикъ и мантія всегда означаютъ знаніе дѣла? Развѣ придворное платье обозначаетъ и королевскую милость? Нѣтъ, воспитаніе и образованіе не играютъ никакой роли. Все дѣло—въ благопріятныхъ условіяхъ. Вы бы должны были это знать.

Чилькотъ неспокойно задвигался въ креслѣ.

— Сколько горечи въ вашихъ словахъ!—сказалъ онъ.

Лодеръ поднялъ глаза.

— Гораздо больше горечи въ моихъ мысляхъ,—и это хуже. Я одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ, которые ждали денегъ, и потому не выбрали никакой профессіи, не избрали себѣ даже какого-нибудь занятія...; у нихъ поэтому нѣтъ ничего, за что можно было бы ухватиться при кораблекрушеніи,—ихъ теченіе неминуемо выгоняетъ въ открытое море. Я вѣдь васъ ночью предупреждалъ, что не слѣдуетъ направлять корабль въ мою сторону; я—разбитый корабль, который носится по волнамъ.

У Чилькота вспыхнули глаза.

— Вамъ, кажется, плохо пришлось отъ людей?—спросилъ онъ.—Проигрались вы въ сношеніяхъ съ другими?

— Другіе играли. Я только пострадалъ отъ результатовъ чужой игры.

— И очень?

— Вмѣсто восьмидесяти тысячъ фунтовъ, у меня осталось около восьмисотъ.

— И какъ же вы съ этимъ примирились?—невольно спросилъ Чилькотъ.

— Мнѣ было тогда двадцать-пять лѣтъ, я былъ полонъ надеждъ и очень самонадѣянъ. Но въ жизни нѣтъ мѣста ни для того, ни для другого.

— А ваша семья?

— Моего послѣдняго родственника я потерялъ одновременно съ моимъ состояніемъ.

— А ваши друзья?

Лодеръ отложилъ трубку.

— Я вѣдь уже говорилъ — мнѣ было тогда двадцать-пять лѣтъ. Вѣдь это все объясняетъ. Я никогда не думалъ о томъ,

что будетъ,—не вѣрилъ, что перемѣна денежныхъ обстоятельствъ можетъ измѣнить мою жизнь. Словомъ, мнѣ было двадцать-пять лѣтъ. — Онъ улыбнулся. — Когда выяснилось мое положеніе, я продалъ все, оставивъ себѣ только столъ и нѣсколько книгъ. Я надѣлъ простое платье и отпустилъ бороду. Потомъ я положилъ весь мой капиталъ въ карманъ и повернулъ спину Англіи, ни съ кѣмъ не прощаясь.

— На сколько времени?

— Лѣтъ на шесть. Въ это время я объѣздилъ половину Европы и добрую часть Азіи.

— А потомъ?

— А потомъ я опять сбрилъ бороду, вернулся въ Лондонъ и взялъ имущество, которое скопилъ себѣ.

Любопытство Чилькота не то обижало, не то сердило его. Но Чилькотъ сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ на него въ упоръ. Рѣзкая опредѣленность личности Лодера и незначительность достигнутыхъ имъ результатовъ приводили его въ изумленіе. Лодеръ это замѣтилъ.

— Вы, очевидно, спрашиваете себя, зачѣмъ я собственно явился на свѣтъ?—быстро спросилъ онъ.—Иногда я самъ спрашиваю себя объ этомъ.

При этихъ словахъ что-то измѣнилось въ лицѣ Чилькота. Онъ приподнялся наполовину, потомъ снова опустился въ кресло.

— У васъ нѣтъ друзей?—спросилъ онъ.—Ваша жизнь не имѣетъ для васъ никакой цѣнности?

Лодеръ поднялъ голову.

— Я зналъ, что произведу на васъ такое впечатлѣніе.

— Такъ вы совершенно свободный человѣкъ?

— Человѣкъ, который работаетъ для насущнаго хлѣба, не свободенъ. Еслибы дѣло обстояло иначе, я бы, можетъ быть, шелъ вашими путями—участвовалъ бы въ законодательной и правительственной жизни. Было время, когда мои надежды направлены были въ эту сторону. Но мои надежды, также какъ и многое чисто матеріальное, относятся уже къ прошлому.

Онъ остановился и посмотрѣлъ на своего гостя.

Перемѣна въ Чилькотѣ обозначилась тѣмъ временемъ еще болѣе рѣзко. Онъ опять сталъ мять папироску въ рукахъ, брови опустились книзу и губы дрожали отъ внутренняго волненія. Съ минуту онъ сидѣлъ тихо, избѣгая взгляда Лодера; потомъ онъ вдругъ собрался съ духомъ и посмотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— А что, еслибы оказалось, что у васъ есть будущее, несмотря на то, что есть и прошедшее?

V.

Съ минуту царило глубокое молчаніе. Потомъ, среди ночной тишины, съ трехъ башенъ пробило одиннадцать часовъ, и бой ихъ вызвалъ отзвуки другихъ башенныхъ часовъ, громкихъ или слабыхъ, ясныхъ или оглушительно-громкихъ. Чилькотъ вздрогнулъ. Точно охваченный неотразимымъ порывомъ, онъ снова заговорилъ:

— Вы, вѣроятно, считаете меня сумасшедшимъ?—началъ онъ.

Лодеръ вынулъ трубку изо рта.

— Я не дѣлаю такихъ быстрыхъ заключеній,—сказалъ онъ спокойно.

Нѣсколько времени Чилькотъ смотрѣлъ на него молча, точно стараясь угадать его мысли, а потомъ снова заговорилъ:

— Послушайте, что я вамъ скажу. Я пришелъ сегодня сдѣлать вамъ одно предложеніе. Когда вы узнаете, въ чемъ дѣло, вы прежде всего будете смѣяться,—я тоже сначала смѣялся. Потомъ вы—какъ и я—поймете возможность того, о чемъ я говорю, и тогда...—онъ остановился и оглянулся въ компатѣ—и тогда вы согласитесь, какъ и я...

Онъ такъ торопливо говорилъ, что слова его звучали едва понятно. Лодеръ невольно взглянулъ на него съ удивленіемъ, но онъ движеніемъ руки побудилъ его къ молчанію. Упрямая рѣшимость отпечатлѣлась на его лицѣ, какъ иногда у слабыхъ людей.

— Прежде чѣмъ продолжать говорить, я замѣчу прежде всего, что я не сошелъ съ ума и не пьянъ.—Онъ въ первый разъ взглянулъ прямо въ лицо Лодеру несповойнымъ взглядомъ.—Я совершенно трезвъ... и совершенно въ своемъ умѣ.

Лодеръ попытался опять что то сказать, но Чилькотъ снова остановилъ его.

— Дайте мнѣ договорить. Вы мнѣ разсказали кое-что изъ своей жизни. Я теперь разскажу вамъ про себя. Вы—первое человѣческое существо, которому я могу довѣриться. Вы говорите, что вамъ другіе испортили жизнь, а я—и это еще болѣе непоправимо—имѣлъ наибольшіе шансы въ жизни—и все загубилъ.

Послѣдовала напряженная пауза. Лодеръ вопросительно поднялъ голову.

— Морфій?—спокойно спросилъ онъ.

Чилькотъ повернулся къ нему съ выраженіемъ ужаса.

— Откуда вы знаете?

Лодеръ усмѣхнулся.

— Я догадываюсь, — сказалъ онъ. — Да это не трудно; вы сами мнѣ все или почти все сказали тогда, во время тумана, когда мы говорили о Лексингтонѣ. Въ тотъ вечеръ вы были нервно настроены, и я... быть можетъ, одинокая жизнь обостряетъ въ людяхъ наблюдательность. — Онъ улыбнулся.

Чилькотъ опустился снова на стулъ и провелъ рукой по лбу. Лодеръ наблюдалъ за нимъ нѣсколько времени, потомъ сказалъ сухимъ тономъ:

— Почему вы не бросаете этой привычки? Вы еще молодой человѣкъ. Бросьте, пока не поздно.

На лицѣ его не выражалось никакого участія, и вопросъ его прозвучалъ рѣзко.

Чилькотъ взглянулъ на него. Отъ его упрека онъ еще больше поблѣднѣлъ и казался очень больнымъ и усталымъ отъ возбужденія.

— Говорите хоть до скончанія вѣка,—это все равно напрасно,—раздраженно сказалъ онъ. — Изъ этого фазиса я вышелъ уже, по крайней мѣрѣ, лѣтъ шесть.

— Зачѣмъ вы пришли сюда?—сердито сказалъ Лодеръ.— Я не умѣю проливать слезъ участія.

— Мнѣ слезъ участія и не нужно. — Чилькотъ поднялся. Онъ былъ еще возбужденъ, но смогъ сдержаться.—Мнѣ нужно нѣчто гораздо болѣе важное, чѣмъ участіе, и я готовъ за это заплатить.

Лодеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— У меня нѣтъ ничего, что для васъ имѣло бы цѣну хотя пяти фунтовъ,—холодно отвѣтилъ онъ.—Вы или заблуждаетесь, или... вы отнимаете у меня время.

Чилькотъ нервно засмѣялся.

— Подождите минутку. Пожалуйста, подождите. Я только объ этомъ васъ прошу. Я хотѣлъ бы описать вамъ мое положеніе,—это легко сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ. Мой отецъ родомъ изъ Вестморлэнда. Дѣдъ мой былъ однимъ изъ первыхъ людей высшаго класса, понявшихъ, что будущность принадлежитъ торговлѣ. Онъ поэтому отрубилъ свою маленькую вѣточку отъ большого семейнаго древа и двинулся на югъ въ Варкъ, чтобы тамъ вступить въ кораблестроительную фирму. Тридцать лѣтъ спустя, онъ умеръ главой одной изъ самыхъ крупныхъ англійскихъ фирмъ, женившись на дочери своего прежняго прин-

пила. Отцу моему было двадцать-четыре года, и онъ еще учился въ Оксфордѣ, когда ему досталось наслѣдство. Онъ первымъ дѣломъ отказался отъ энергичнаго жизненнаго направленія моего дѣда и вернулся на прежній путь. Онъ возвратился на сѣверъ и возобновилъ старыя семейныя связи. Онъ женился на своей кузинѣ. Когда такимъ образомъ возстановился прежній престижъ Чилькотовъ, и онъ могъ поддерживать его деньгами, пріобрѣтенными торговлей, онъ сталъ служить честолюбивой мечтѣ своей жизни. Она заключалась въ томъ, чтобы стать депутатомъ консервативной партіи отъ Истъ-Варка. Добиться этого было очень трудно, но онъ все-таки вышелъ побѣдителемъ, благодаря и своему личному вліянію, и своимъ связямъ. Онъ былъ аристократъ, но въ то же время и опытный дѣловой человѣкъ. Это была комбинація, имѣвшая большой успѣхъ у низшихъ классовъ. Въ парламентѣ онъ никогда не игралъ видной роли, но былъ опорой для своей партіи въ Варкѣ. Тамъ и до сихъ поръ его имя пользуется большимъ почетомъ.

— Вы говорите о Робертѣ Чилькотѣ,—сказалъ Лодеръ.— Я о немъ слышалъ. Онъ былъ прекрасный, честный человѣкъ, очень твердый въ своихъ дѣйствіяхъ, нѣсколько ограниченный, но цѣнный членъ своей партіи, благодаря своей выдержанности и стойкости. Вы имѣете полное основаніе гордиться своимъ отцомъ.

Чилькотъ громко разсмѣялся.

— Какъ легко мы судимъ,—сказалъ онъ,—когда рѣчь идетъ не о насъ самихъ! — Отецъ мой, можетъ быть, былъ дѣйствительно великолѣпный человѣкъ, но онъ все-таки напрасно оставилъ мнѣ въ наслѣдство свое общественное положеніе.

Взглядъ Лодера выразилъ удивленіе.

— Неужели вы не понимаете, что я хочу сказать? Когда отецъ умеръ, меня выбрали депутатомъ отъ Истъ-Варка. Вы скажете, что я могъ отказаться, если не чувствовалъ склонности занять это мѣсто,—но я васъ увѣряю, что никакъ не могъ этого сдѣлать. Всѣ мѣстные интересы—политическіе и коммерческіе—зависѣли отъ того, чтобы кандидатомъ былъ непремѣнно Чилькотъ. Я поступилъ такъ, какъ на моемъ мѣстѣ поступили бы восемь человѣкъ изъ десяти,—я поддался давленію.

— Это было хорошее начало для того, чтобы сдѣлать карьеру.

— Въ тюрьмахъ всегда широкія ворота.—Чилькотъ иронически засмѣялся.—Это было шесть лѣтъ тому назадъ. Уже за три года до того я пріучился къ морфію. Но до смерти

моего отца я еще сохранялъ полную власть надъ собой, — или воображалъ, что это такъ. Чувствуя на себѣ новую отвѣтственность, я въ теченіе первыхъ волнующихъ стычекъ политической борьбы почти совсѣмъ отказался отъ морфія. Первые мѣсяцы послѣ моего вступленія въ парламентъ я очень усердно работалъ. Я даже, кажется, произнесъ рѣчь, за которую на меня стали возлагать большія надежды, какъ на будущаго вліятельнаго политика. — Онъ опять презрительно засмѣялся. — Я даже женился.

— Да неужели?

— Да, представьте себѣ. Я женился на дѣвушкѣ девятнадцати лѣтъ, воспитанницѣ одного крупнаго государственнаго человѣка. Это была блестящая партія — въ политическомъ и общественномъ отношеніяхъ. Но бракъ не оказался особенно удачнымъ; я не былъ созданъ для любви. Затѣмъ, мнѣ была противна свѣтская жизнь, а кромѣ того мнѣ надоѣла работа. Одно только дѣлало мнѣ жизнь сносной — морфій. Черезъ полгода это для меня вполнѣ выяснилось.

— А ваша жена?

— Моя жена ничего объ этомъ не знала — и теперь понятія не имѣетъ. Но политическая жизнь — каторга политической жизни — окончательно меня губитъ. — Онъ остановился, а потомъ снова быстро заговорилъ прерывистымъ тономъ: — Вы не представляете себѣ, какая адская мука всегда сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ, видѣть изо дня въ день одни и тѣ же лица и при этомъ постоянно думать о томъ, чтобы не выдать себя.

— Вы вѣдь можете когда угодно отказаться отъ своего мѣста въ парламентѣ.

— Отказаться? Вы считаете это возможнымъ? — Чилькотъ громко расхохотался. — Вы, очевидно, не имѣете представленія о партійномъ гнетѣ въ такомъ мѣстѣ, какъ Варкъ. Уже разъ двадцать я собирался бросить все къ чорту. Въ прошломъ году даже я разъ написалъ конфиденціально Валю, одному изъ главныхъ тамошнихъ дѣятелей, и намекнулъ ему о томъ, что у меня пошатнулось здоровье. Черезъ два часа послѣ полученія моего письма, онъ уже былъ у меня въ кабинетѣ. Будь я въ это время въ Гренландіи, онъ съ той же поспѣшностью и рѣшительностью отправился бы за мной туда. — Нѣтъ, — выйти изъ парламента немыслимо въ моемъ положеніи.

Лодеръ опустилъ глаза.

— Понимаю, — сказалъ онъ медленно. — Понимаю.

— Тогда вы поймете и другое — невозможную трудность

обособленность моего положенія. Два-три года тому назадъ, я еще могъ это выносить. Но теперь мнѣ становится тяжелѣе съ каждымъ мѣсяцемъ. И наконецъ долженъ наступить день, когда... когда...—онъ сталъ медлить—когда мнѣ будетъ невозможно оставаться на моемъ посту.

Лодеръ молчалъ.

— Физически невозможно, — взволнованно повторялъ Чилькотъ.—До сихъ поръ я могъ до извѣстной степени разсчитывать на себя, полагаться на свои силы. Но вчерашній день былъ для меня ударомъ,—вчера я понялъ, что... что...—онъ опять запнулся въ нерѣшительности — что уже перешелъ черту, за которой нельзя полагаться на себя.

Наступило неловкое молчаніе. Лодеръ, чтобы скрыть свое смущеніе, вернулся къ камину и началъ поправлять огонь, который сталъ потухать.

Чилькотъ былъ сильно возбужденъ; онъ пошелъ за Лодеромъ и сталъ подлѣ него.

— Ну и что же?—спросилъ онъ, опустивъ глаза.

Лодеръ опять медленно выпрямился.

— Что же?—повторилъ онъ, наблюдая за своимъ гостемъ.— Я могу только сказать, что ваша исторія очень своеобразна, и что я польщенъ вашимъ довѣріемъ.

Въ его голосѣ послышалась намѣренная холодность.

— Вамъ нечего сказать мнѣ?

Чилькотъ не замѣтилъ этого оттѣнка въ голосѣ. Онъ выступилъ на шагъ впередъ и коснулся рукава Лодера.

— Я уже не могу полагаться на самого себя,— повторилъ онъ.—И я хочу имѣть кого-нибудь другого, на кого я могъ бы положиться. Я хочу сохранить свое положеніе въ глазахъ свѣта и все же оставаться свободнымъ...

Лодеръ невольно отступилъ на нѣсколько шаговъ. На его лицѣ презрѣніе еще боролось съ изумленіемъ.

Чилькотъ поглядѣлъ на него.

— По удивительной случайности,—сказалъ онъ,—вы можете сдѣлать для меня то, чего ни одинъ другой человѣкъ на свѣтѣ не могъ бы сдѣлать. Эту мысль внушила мнѣ одна книга: въ ней разсказывается о двухъ людяхъ, обмѣнявшихся своими личностями. Вначалѣ я ничего нужнаго мнѣ въ этомъ замыслѣ не нашелъ. Но сегодня утромъ, когда я послѣ вчерашняго фіаско лежалъ еще совсѣмъ больной въ постели, эта мысль овладѣла мной какъ откровеніе. Это можетъ быть, дѣйствительно, спасе-

ніемъ для меня—и вы можете извлечь изъ этого пользу. Я вовсе не хочу васъ обидѣть,—ради Бога, не думайте этого!

Лодеръ ничего не отвѣтилъ, освободился отъ прикосновенія Чилькота и подошелъ снова къ письменному столу. Въ немъ боролись гнѣвъ, гордость и—противъ воли—невольный интересъ къ словамъ Чилькота. Онъ сѣлъ, оперся руками о столъ и охватилъ голову руками. То, что говорилъ Чилькотъ, было явное безуміе,—но, послѣ пяти лѣтъ благоразумія, безуміе его привлекало. Наперекоръ разсудку, эта мысль завлекала его. Черезъ минуту гордость и гнѣвъ отступили, благоразуміе снова взяло верхъ и возстановило равновѣсіе.

— Вы предлагаете мнѣ,—медленно сказалъ онъ,—чтобы я—въ виду нашего сходства—продалъ себя, предоставивъ вамъ дѣлать что угодно,—и чтобы я сдѣлался вашимъ замѣстителемъ,—куклой въ вашихъ рукахъ.

Чилькотъ покраснѣлъ.

— Вы слишкомъ ясно выражаетесь,—это непріятно.

— Но вѣдь я вѣрно понялъ смыслъ вашихъ словъ?

— Въ общихъ чертахъ вѣрно.

Лодеръ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Въ такомъ случаѣ я совѣтую вамъ пойти домой,—сказалъ онъ.—Вы съ ума сошли.

Чилькотъ взглянулъ ему прямо въ глаза, и когда ихъ взгляды встрѣтились, Лодеръ долженъ былъ сознаться, что хотя у собесѣдника его былъ взволнованный видъ, все же въ чертахъ его не было и слѣда безумія.

— Я хочу вамъ сдѣлать одно предложеніе,—нервно сказалъ Чилькотъ.—Согласны вы его выслушать?

Лодеръ смолкъ на минуту и задумался. Чилькотъ воспользовался паузой и снова заговорилъ.

— Въ общемъ то, о чемъ я васъ прошу, очень просто. Я прошу васъ взять на себя на недѣлю или на двѣ мою ежедневную работу—когда я почувствую, что мнѣ необходимъ отдыхъ, что у меня изсякли силы для борьбы противъ себя. Моя работа очень легка для человѣка съ вашими способностями и вашимъ умомъ,—а плата будетъ такая, какую вы сами назначите.

Въ пылу разговора онъ подошелъ къ самому столу и сталъ подлѣ Лодера.

— Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, отвѣтъ. Я вѣдь сказалъ вамъ—я не пьянъ и вполнѣ въ своемъ умѣ.

Лодеръ сердито собиралъ въ кучу разбросанныя по столу бумаги.

— Только сумасшедшій можетъ сдѣлать такое предложеніе,— отвѣтилъ онъ рѣзко и сухо.

— Почему?

Лодеръ хотѣлъ быстро отвѣтить ему, но страннымъ образомъ не находилъ словъ.

— Я хочу только сказать, что все это — совершенно невыполнимо.

Чилькотъ ближе подошелъ къ нему.

— Почему?— повторилъ онъ.

— Да это просто немыслимо. Этого нельзя будетъ провести въ теченіе двѣнадцати часовъ.

Чилькотъ схватилъ его за руку. — Почему? — допрашивалъ онъ:—почему? Назовите мнѣ хоть одинъ неопровержимый доводъ.

Лодеръ отстранилъ его прикосновеніе и засмѣялся, но съ нѣкоторымъ волненіемъ. Вся сцена смутила его обычное благоразуміе. Все-таки, его конечный отвѣтъ прозвучалъ твердо и рѣшительно.

— Если дѣло идетъ о доводахъ,— сказалъ онъ,—то я могъ бы назвать ихъ цѣлую сотню, будь у меня время. Представьте себѣ, что я принялъ ваше предложеніе. Я начинаю замѣщать васъ въ вашемъ домѣ, — скажемъ,—въ обѣденный часъ. Вашъ слуга подаетъ мнѣ вашъ фракъ—вотъ уже первая возможность подозрѣнія. Этотъ человѣкъ знаетъ васъ уже, быть можетъ, много лѣтъ, — знаетъ всякую подробность вашей внѣшности, каждый оттѣнокъ вашего голоса,— гораздо точнѣе, чѣмъ вы сами. Нѣтъ ничего болѣе зоркаго, чѣмъ глазъ слуги.

— Объ этомъ я уже думалъ. Я могу перемѣнить слугу и секретаря. Если дѣло будетъ рѣшено, то я приму самыя рѣшительныя мѣры.

Лодеръ взглянулъ на него съ изумленіемъ. Въ этомъ безуміи было больше методичности, чѣмъ онъ воображалъ себѣ. Тогда у него явилась другая мысль, и онъ снова засмѣялся.

— Но одно вы забыли,—сказалъ онъ.—Вы не можете вѣдь удалить вашу жену?

— Моя жена не въ счетъ.

Лодеръ опять засмѣялся.—Простите, но я съ этимъ не могу согласиться. Осложненія вышли бы по меньшей мѣрѣ... по меньшей мѣрѣ...—Онъ остановился.

Сдерживаемая раздражительность Чилькота вдругъ вырвалась наружу. — Послушайте! — воскликнулъ онъ: — все это вовсе не шутка. Не придавайте комичнаго вида моему предложенію. Для меня это глубоко важно.

Лодеръ ничего не отвѣтилъ.

— Обдумайте все это еще разъ какъ можно точнѣе, прежде чѣмъ рѣшительно отказать мнѣ. — Въ голосѣ Чилькота звучала настойчивость.

Одну минуту Лодеръ сидѣлъ неподвижно, потомъ онъ вскочилъ и отодвинулъ стулъ.

— Довольно. Вы не знаете, что говорите. То, что вы женаты, дѣлаетъ всю эту комбинацію невозможной. Развѣ вы не видите?

Чилькотъ опять схватилъ его за руку.—Вы невѣрно поняли меня,—сказалъ онъ.—Положеніе дѣлъ иное, чѣмъ вы представляете себѣ. Я повторяю вамъ, что мы, моя жена и я,—чужіе другъ для друга. Она идетъ по своей дорогѣ, я — по своей. У каждаго изъ насъ свои друзья, свои знакомые, свои отдѣльныя комнаты. Бракъ, какъ таковой, не существуетъ между нами. Мы иногда встрѣчаемся за обѣденнымъ столомъ, и бываемъ вмѣстѣ въ обществѣ, для соблюденія внѣшнихъ приличій. Кромѣ этого у насъ ничего нѣтъ. Если вы замѣстите меня въ жизни, то никто не будетъ предъявлять на васъ меньше правъ, чѣмъ Ева,— это я вамъ обѣщаю.—Онъ улыбнулся съ неувѣреннымъ видомъ.

Лицо Лодера оставалось неподвижнымъ. — Даже если это и такъ,—отвѣтилъ онъ, — то все-таки ваше предложеніе неосуществимо.

— Почему?

— А парламентъ? Тамъ вѣдь это невозможно было бы провести. Тамъ люди сталкиваются такъ же близко, какъ въ клубѣ.

— Возможно, возможно,—возразилъ Чилькотъ съ коротким нервнымъ смѣхомъ. — Но во всякомъ клубѣ есть среди членовъ какой-нибудь чудакъ. Я радъ, что вы коснулись этого пункта. Я уже издавна напалъ на мысль разыгрывать человѣка со странностями, — для прикрытія многаго другого. Чѣмъ полезнѣе это для меня, тѣмъ чаще я этимъ пользуюсь. Увѣряю васъ, что если вы завтра сядете въ парламентѣ на мое мѣсто и въ теченіе цѣлаго дня ни разу не кивнете головой никому, и не скажете ни слова,—то, въ виду нашего внѣшняго сходства, никто не найдетъ въ этомъ ничего подозрительнаго. Точно также вы могли бы, замѣщая меня, внести предложеніе, голосовать, или даже держать рѣчь, если вамъ вздумается...

При этомъ словѣ Лодеръ невольно обернулся къ нему. На одинъ едва замѣтный моментъ исчезла холодность его тона и выраженіе его лица измѣнилось. Чилькотъ замѣтилъ эту перемѣну и оживился.

— Почему же нѣтъ?—сказалъ онъ.—У васъ вѣдь были мечты, направленныя въ эту сторону. Почему же вамъ не осуществить ихъ?

— И потомъ съ вершины упасть... въ лужу?—Лодеръ со смѣхомъ покачалъ отрицательно головой.

— Лучше жить одинъ день, чѣмъ прозябать цѣлую жизнь.

Голосъ Чилькота дрожалъ отъ надежды. Онъ еще разъ коснулся руки Лодера. На этотъ разъ Лодеръ не отстранилъ его; онъ даже не замѣтилъ прикосновенія.

— Послушайте!—Пальцы Чилькота крѣпче ухватились за него.—Вы говорили прежде о благопріятныхъ условіяхъ, создающихъ въ жизни все. Вотъ вамъ открывается теперь случай очутиться въ положеніи, когда можно проявить свое личное вліяніе. Вы можете осуществить все, о чемъ прежде мечтали.

Лодеръ поднялъ голову.—Это нелѣпо!—воскликнулъ онъ.—Нелѣпо. Такая комедія немыслима.

— Въ этомъ—нашъ главный шансъ на успѣхъ. Подозрѣніе является у людей только тогда, когда они знаютъ прецеденты. Я васъ прошу только обдумать это,—только обдумать. Вѣдь если есть опасность, то главнымъ образомъ для меня. По вашимъ же словамъ, вамъ нечего терять.

Лодеръ засмѣялся.

— Обѣщайте мнѣ обдумать это, и тогда я уйду.

— Нѣтъ, не обѣщаю.

— Телеграфируйте мнѣ ваше рѣшеніе завтра утромъ. Я сегодня не принимаю отвѣта.

— Почему?—спросилъ Лодеръ.

— Потому, что я знаю людей, и знаю, что̀ значитъ искушеніе. Мы всѣ бываемъ сильны, пока не коснутся чувствительнаго мѣста; тогда мы отступаемъ. У одного это морфій, у другого—честолюбіе. Въ обоихъ случаяхъ вопросъ только во времени. Онъ иронически засмѣялся и протянулъ ему руку.—Мой адресъ вѣдь есть у васъ. До свиданья.

Лодеръ коротко пожалъ ему руку.—Прощайте!—сказалъ онъ, подчеркивая это слово. Потомъ онъ прошелъ черезъ комнату и открылъ дверь.—Прощайте!—повторилъ онъ, когда Чилькотъ прошелъ мимо него.

Но Чилькотъ остановился на порогѣ.—До свиданья!—поправился онъ.

Лодеръ держалъ руку на ручкѣ двери, пока не затихли шаги посѣтителя. Потомъ онъ спокойно заперъ дверь и оглянулся въ комнатѣ. Нѣсколько времени онъ стоялъ неподвижно и какъ бы оцѣнивалъ предметы, окружавшіе его. Потомъ онъ медленно

подошелъ къ полкѣ, взялъ книгу подъ заглавіемъ: „Руководство для парламентскихъ дѣятелей", сѣлъ къ письменному столу и поправилъ свѣтъ лампы.

VI.

Все слѣдующее утро Чильвотъ провелъ въ лихорадочномъ возбужденіи, то возгараясь надеждой, то дрожа отъ страха. Онъ брался то за то, то за другое, чтобы провести время, и сейчасъ же все бросалъ. Онъ два раза доѣзжалъ до Клифордсъ-Инна, но каждый разъ у него не хватало духу войти; онъ возвращался на Гровноръ-Скверъ и тамъ съ грустью узнавалъ, что отвѣта отъ Лодера еще нѣтъ.

Онъ былъ въ мучительномъ состояніи духа, но въ общемъ все-таки состояніе его было лучшимъ, чѣмъ раздраженіе послѣднихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Днемъ онъ отправился въ парламентъ и занялъ свое мѣсто. Хотя это было его первое появленіе послѣ провала, но никто не обратилъ на него вниманія. Онъ умѣлъ, когда хотѣлъ, энергично отстранять всякія приставанія; но въ послѣднее время вообще всѣ старались его избѣгать.

Въ одной изъ совѣщательныхъ комнатъ онъ засталъ Фрэда, среди группы членовъ ихъ партіи. Онъ попробовалъ, какъ обыкновенно, незамѣтно проскользнуть мимо нихъ. Но старый лидеръ отошелъ отъ своихъ собесѣдниковъ и заговорилъ съ нимъ. Онъ былъ всегда вѣжливъ и предусмотрителенъ въ разговорахъ съ Чильвотомъ, въ виду того, что онъ былъ мужемъ его воспитанницы и крестницы.

— Ну, что, лучше вамъ?—спросилъ онъ Чильвота, протягивая ему руку.

При звукѣ его глубокаго, мягкаго голоса, составлявшаго одну изъ характерныхъ чертъ стараго политика, въ душѣ Чильвота воскресли сотни воспоминаній, сотни часовъ тягостныхъ, когда онъ ихъ переживалъ, и еще болѣе мучительныхъ въ воспоминаніи. Теперь ему свѣтилась новая надежда, новая возможность свободы въ будущемъ,—и это подняло его духъ. Почувствовавъ вдругъ потребность подѣлиться своими чувствами, онъ обратился къ Фрэду.

— Я, кажется, нашелъ средство противъ моихъ нервовъ,— сказалъ онъ.—Я..., кажется, стану новымъ человѣкомъ. — Внутренно ему стало смѣшно отъ этихъ словъ.

Фрэдъ тепло пожалъ ему руку.

— Ну, и отлично, — отвѣтилъ онъ. — Отлично. Я сегодня утромъ былъ у васъ, и Ева сказала мнѣ, что ваше недавнее нездоровье не было серьезнымъ. Она была очень занята и могла удѣлить мнѣ только четверть часа. Она неутомимо работаетъ для укрѣпленія вашего положенія въ обществѣ. Вы должны быть ей благодарны, милый мой. Женщина, которая пользуется общей любовью,—очень большое подспорье въ политической карьерѣ.

Спокойные, проницательные глаза Фрэда смутили Чилькота. Онъ отвялъ руку.

— Ева... совершенство,—растерянно сказалъ онъ.

— Вотъ это я одобряю,—съ улыбкой отвѣтилъ Фрэдъ.—Къ сожалѣнію, въ современныхъ бракахъ рѣдко можно встрѣтить взаимное признаніе заслугъ у мужей и женъ. — Онъ дружески кивнулъ Чилькоту и, оставивъ его, вернулся къ своимъ друзьямъ.

Чилькотъ могъ уйти изъ парламента только въ обѣденный часъ. Онъ быстро направился домой. Въ передней никого изъ прислуги не было. Онъ выбранился про себя и позвонилъ. Послѣ минутнаго возбужденія въ присутствіи Фрэда, онъ опять упалъ духомъ и потерялъ всякое равновѣсіе. Ожидая, что кто-нибудь явится на его звонокъ, онъ увидѣлъ на верху лѣстницы своего камердинера, Ольсопа.

— Идите скорѣе сюда!—крикнулъ онъ.—Онъ обрадовался, что можетъ на комъ-нибудь выместить свое раздраженіе. — Пришла телеграмма?

— Нѣтъ, сэръ. Я справлялся пять минутъ тому назадъ.

— Спросите еще разъ.

— Слушаюсь.—Ольсопъ исчезъ.

Черезъ нѣсколько минутъ раздался рѣзкій и громкій звонокъ у входныхъ дверей. Чилькотъ вздрогнулъ. Всякій неожиданный шумъ, всякій рѣзкій свѣтъ непріятно дѣйствовали на него. Онъ подошелъ къ двери, но быстро отступилъ. Тотчасъ послѣ этого явился Ольсопъ. Чилькотъ накинулся на него:

— Что это значитъ?—крикнулъ онъ.—Въ домѣ цѣлый полкъ прислуги—и нѣтъ никого, кто бы открылъ дверь!

У Ольсопа былъ растерянный видъ.

— Крапгэнъ сейчасъ придетъ. Онъ ушелъ только спросить Джефриса...

— Да чортъ съ нимъ, съ вашимъ Крапгэномъ! —прервалъ Чилькотъ. — Не говорите такъ много. Пойдите, откройте сами дверь!

Ольсопъ колебался. Чувство достоинства боролось въ немъ съ долгомъ послушанія. Тѣмъ временемъ позвонили еще разъ.

— Вы поняли, что я сказалъ?

— Да, сэръ.—Ольсопъ пошелъ къ двери.

Пока онъ открывалъ дверь, Чилькотъ перекладывалъ свой платокъ изъ руки въ руку, страшно возбужденный надеждой и страхомъ. Когда телеграфистъ громко назвалъ его имя, платокъ невольно выпалъ у него изъ рукъ. Ольсопъ взялъ телеграмму и передалъ ее своему господину.

— Телеграфистъ спрашиваетъ, будетъ ли отвѣтъ на телеграмму?—сказалъ онъ; потомъ поднялъ съ полу платокъ Чилькота и отошелъ въ сторону съ величественнымъ видомъ.

Чилькотъ былъ до того возбужденъ, что едва могъ открыть телеграмму. Онъ, дрожа, распечаталъ ее и развернулъ бумагу. Телеграмма была очень коротвая:

„Жду сегодня вечеромъ 11 часовъ. Лодеръ".

Онъ прочелъ эти слова два, три раза и потомъ только поднялъ глаза.

— Отвѣта не будетъ,—сказалъ онъ машинально. Его собственный голосъ прозвучалъ какимъ-то чужимъ для него.

Ровно въ 11 часовъ Чилькотъ поднялся на лѣстницу къ Лодеру. На этотъ разъ онъ шелъ быстро и увѣренно, и взволнованно постучалъ въ дверь. Дверь тотчасъ же открылась—и передъ нимъ стоялъ Лодеръ. Въ первую минуту они оба не могли вымолвить ни слова, оглядывая другъ друга какъ бы новыми глазами и при новыхъ условіяхъ. Каждый занялъ въ мысляхъ другого измѣнившееся мѣсто. Мимолетное удивленіе, почти безличное любопытство, составлявшее прежде основу ихъ отношеній, теперь отошли — навсегда; каждый видѣлъ въ другомъ самого себя—и, быть можетъ, еще нѣчто большее. И на этотъ разъ, какъ и прежде, Лодеръ первый пришелъ въ себя.

— Я ждалъ васъ,—сказалъ онъ.—Войдите, пожалуйста.

Эти слова были тѣ же, какъ и сказанныя наканунѣ вечеромъ, но голосъ его звучалъ иначе. И лицо его, въ то время какъ онъ вошелъ въ комнату, имѣло другое выраженіе; въ немъ свѣтились надежда и ожиданіе, чего прежде не было. Чилькотъ сейчасъ же замѣтилъ перемѣну, какъ только переступилъ порогъ, и на секунду въ немъ зашевелилась зависть, но это ощущеніе быстро прошло.

— Я долженъ васъ поблагодарить, — сказалъ онъ, протягивая руку. — Онъ былъ хорошо воспитанъ, и не показалъ, что

увидѣлъ выраженіе уступчивости на лицѣ собесѣдника. Лодеръ постарался придать сразу непринужденный тонъ разговору.

— Мы должны быть откровенны другъ съ другомъ,—сказалъ онъ,—такъ какъ должны обмануть всѣхъ остальныхъ. Вамъ не за что меня благодарить, вы это отлично знаете. Все это—повтореніе старой исторіи съ Адамомъ,—вы меня ввели въ искушеніе, и я палъ.—Онъ засмѣялся; но въ его смѣхѣ было нѣчто торжествующее,—побѣдное чувство человѣка, котораго долго тиранила его собственная сила, и который вдругъ становится свободнымъ, благодаря слабости другого человѣка.—Вѣдь вы себѣ вполнѣ выяснили предложеніе, сдѣланное мнѣ?—спросилъ онъ съ измѣнившимся выраженіемъ лица.—Еще не поздно отступиться—даже теперь.

Чилькотъ открылъ ротъ, но ничего не сказалъ и засмѣялся, подражая смѣху Лодера. Но смѣхъ его былъ искусственный.

— Милый Лодеръ,—сказалъ онъ наконецъ;—слово „отступленіе" мнѣ неизвѣстно.

— Въ такомъ случаѣ дѣло рѣшено.

Лодеръ медленно прошелъ черезъ комнату, подошелъ къ камину, прислонился къ нему и посмотрѣлъ на своего посѣтителя. Сходство между ними теперь, когда они стояли другъ противъ друга, было феноменальное, даже для глазъ самаго остраго наблюдателя. И все же ихъ различало нѣчто неуловимое. Чилькотъ не былъ вполнѣ Лодеромъ, а Лодеръ былъ гораздо болѣе, чѣмъ Чилькотъ. Различіе между ними было не физическое; оно заключалось въ невидимомъ постоянномъ освѣщеніи изнутри—тѣмъ, что одни называютъ индивидуальностью, другіе—душой.

Объ этомъ быстро подумалъ на минуту Чилькотъ, глядя на Лодера своимъ острымъ наблюдательнымъ взоромъ. Но отъ ужаса онъ отстранилъ эту мысль.

— Я пришелъ говорить о подробностяхъ,—сказалъ онъ, быстро, подходя къ Лодеру.—Вы согласны? Вы...—онъ нерѣшительно остановился.

— Я совершенно въ вашихъ рукахъ.

Лодеръ говорилъ нерѣшительно; онъ подошелъ къ столу, указалъ на стулъ и придвинулъ другой стулъ для себя. Оба они сѣли. Чилькотъ положилъ сложенныя руки передъ собой на столъ и нагнулся впередъ.

— Мы должны обдумать нѣкоторые пункты,—началъ онъ и нервно взглянулъ на Лодера.

— Хорошо,—согласился Лодеръ.—Эти пункты я обдумывалъ въ теченіе всей вчерашней ночи. Прежде всего я долженъ

изучить вашъ почеркъ. Я гарантирую успѣхъ, но на это мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ.

— Мѣсяцъ?

— Можетъ быть три недѣли.

Чилькотъ безпокойно задвигался на стулѣ.

— Три недѣли,—повторилъ онъ.—Не можете ли вы...

— Нѣтъ, не могу.—Лодеръ сказалъ это очень рѣшительно.—Можетъ быть, мнѣ вообще не придется обращаться къ перу и бумагѣ,—но мнѣ можетъ придти въ голову подписать когда-нибудь чекъ. — Онъ засмѣялся.—А вы не подумали, что я могу подписывать чеки и, можетъ быть, буду это дѣлать?

— Нѣтъ. Я сознаюсь, что объ этомъ не подумалъ.

— Вы ставите на карту свое состояніе, чтобы сохранить положеніе, которое было куплено этими деньгами, не такъ ли?— Лодеръ снова засмѣялся. — Откуда вы знаете, что я не мошенникъ? Откуда вы знаете, что я не уѣду въ одинъ прекрасный день, оставивъ васъ безъ всякихъ средствъ? Кто можетъ помѣшать Чилькоту перевести на наличныя сорокъ или пятьдесятъ тысячъ фунтовъ и затѣмъ уѣхать...

— Этого вы не сдѣлаете.—Чилькотъ говорилъ это рѣзко и рѣшительно. — Я вѣдь вамъ вчера вечеромъ сказалъ, въ чемъ заключается ваша слабость, — не въ деньгахъ. На деньгахъ вы не потерпите крушенія.

— Такъ вы думаете, что я все-таки потерплю крушеніе? Но дѣло не въ томъ. Возвращаюсь къ нашему разговору: вы согласны подвергнуться опасности и дать мнѣ научиться вашему почерку?

Чилькотъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Хорошо. А кромѣ того я долженъ знать имена и лица вашихъ знакомыхъ—мужчинъ—насколько это возможно. О женщинахъ заботиться нечего. Пока на вашемъ мѣстѣ буду я, вы будете для нихъ недоступны. Дѣло въ мужчинахъ—вѣдь въ нихъ главная опасность.

— У меня нѣтъ друзей,—я не вѣрю въ дружбу.

— А знакомые?

Чилькотъ рѣзко посмотрѣлъ на него.

— Не бойтесь, — сказалъ онъ. — У меня репутація очень разсѣяннаго человѣка, и это васъ всегда вывезетъ. Въ парламентѣ говорятъ обо мнѣ, что мой взоръ проникаетъ черезъ самыхъ толстыхъ людей, какъ будто они были изъ воздуха, хотя бы я въ тотъ же день съ ними вмѣстѣ завтракалъ.

Лодеръ улыбнулся.

— Положительно,—воскликнулъ онъ,—судьба предначертала эту исторію до нашего рожденія. Но я долженъ знать вашихъ коллегъ хотя бы только для того, чтобы имѣть о нихъ представленіе. Возьмите меня съ собой въ парламентъ!

— Это невозможно.

— Очень возможно. Я надвину шляпу на глаза и подниму воротникъ,—меня никто не замѣтитъ. Мы можемъ пойти, когда стемнѣетъ. Обѣщаю вамъ, что все хорошо пойдетъ.

— Но представьте себѣ, что сходство замѣтятъ. Это очень опасно.

— Опасность—соль жизни. Я долженъ видѣть васъ на вашемъ посту и знать людей, съ которыми вы вмѣстѣ работаете.— Онъ поднялся, прошелъ черезъ комнату и взялъ свою трубку.— Ужъ если я что-нибудь дѣлаю, то дѣлаю какъ слѣдуетъ.

Когда онъ набилъ свою трубку, онъ снова сѣлъ на мѣсто и оперся на столъ, безсознательно подражая жесту Чилькота.

— Есть у васъ спичка? — спросилъ онъ, протягивая ему руку.

Чилькотъ вынулъ спичечницу изъ кармана и зажегъ спичку. Когда ихъ руки соприкоснулись, Чилькотъ вскрикнулъ отъ удивленія:

— Чортъ возьми!—сказалъ онъ.—Этого я не замѣтилъ.— Глаза его устремились съ выраженіемъ досады на руку Лодера. Лодеръ увидѣлъ направленіе его взгляда и сказалъ съ улыбкой:

— Да, этого мы не замѣтили. Я совсѣмъ забылъ. Отвратительный шрамъ, не правда ли?

Онъ поднялъ руку къ свѣту. На второмъ суставѣ третьяго пальца на лѣвой рукѣ виднѣлся глубокій шрамъ—остатокъ раны, которая прежде, вѣроятно, доходила до кости.

Чилькотъ наклонился, разсматривая шрамъ.

— Откуда это у васъ?

Лодеръ пожалъ плечами.

— Ахъ, это старая исторія!

— Но послѣдствія на лицо теперь. Очень неудобная штука.

Предпріимчивость Чилькота сильно упала отъ этой первой трудности.

Лодеръ продолжалъ смотрѣть на свою руку, не слушая своего двойника.

— Единственное средство,—сказалъ онъ,—это—чтобы каждый изъ насъ носилъ два кольца на третьемъ пальцѣ лѣвой руки. Два кольца прикрываютъ шрамъ вполнѣ.

Чилькотъ имѣлъ раздраженный и растерянный видъ.

— Я терпѣть не могу колецъ!—воскликнулъ онъ. — Я никогда не носилъ колецъ и не стану носить.

Лодеръ съ улыбкой покачалъ головой.

— Странный вы человѣкъ! — сказалъ онъ. — Не боитесь, чтобы я подписывалъ чеки за васъ, а ужасаетесь отъ мысли, что вамъ придется надѣть кольцо.

Чилькотъ безпокойно задвигался на стулѣ.

— Всѣ знаютъ, что я терпѣть не могу украшеній.

— Всѣ знаютъ, что у васъ много капризовъ. Словомъ, безъ колецъ нельзя обойтись.

— Вы, кажется, правы. Я согласенъ.—Это была его первая уступка, которую Лодеръ принялъ очень спокойно.

— Ну, а теперь—вопросъ о вознагражденіи,—съ замѣшательствомъ сказалъ Чилькотъ.

— О платѣ мнѣ?

— Зачѣмъ вы это такъ называете!

— Но вѣдь вы объ этомъ говорите? Такъ будемъ откровенны. Но, впрочемъ, объ этомъ мы можемъ поговорить въ другой разъ,—прибавилъ онъ, видя, что Чилькотъ нервно шаритъ у себя въ жилетномъ карманѣ.

Чилькотъ взглянулъ на него съ облегченіемъ.

— Да, мнѣ дѣйствительно не по себѣ,—сказалъ онъ,—и я бы попросилъ у васъ виски и соды.

Лодеръ принесъ воду, стаканъ, и пошелъ за виски. Чилькотъ тѣмъ временемъ вынулъ нѣсколько лепешекъ и незамѣтно опустилъ ихъ въ стаканъ съ водой. Онъ приготовилъ себѣ питье, не вливъ въ него ни капли изъ принесеннаго Лодеромъ графина виски. Лодеръ приготовилъ для себя стаканъ виски съ минеральной водой, и чокнулся со своимъ гостемъ.

— Выпьемъ за успѣхъ Джона Чилькота! — сказалъ онъ.

Чилькотъ на минуту замедлилъ, потомъ поднялъ стаканъ.

— За здоровье Джона Чилькота!—сказалъ онъ.

VII.

Прошло около трехъ недѣль послѣ первой встрѣчи Чилькота и Лодера. Лодеръ опять сидѣлъ у своего письменнаго стола.

Онъ подперъ голову рукой, а другая рука придерживала бумагу, на которой онъ писалъ строчку за строчкой. Когда страница была исписана до конца, онъ поднялся, подошелъ къ столу и сравнилъ свое писаніе съ открытымъ письмомъ, лежавшимъ

на столѣ. Сравненіе его, видимо, удовлетворило. Онъ выпрямился и посмотрѣлъ на листъ довольнымъ взглядомъ.

Онъ былъ такъ погруженъ въ свои мысли, что не замѣтилъ, когда на лѣстницѣ раздались шаги; онъ поднялъ глаза, когда открылась дверь, и тогда только бѣгло оглянулся.

— Вы?—спросилъ онъ.

Чилькотъ закрылъ дверь и быстрыми шагами прошелъ черезъ комнату. У него былъ больной и разбитый видъ. Подойдя къ Лодеру, онъ нервно протянулъ руку и коснулся его руки. Лодеръ поднялъ глаза.

— Случилось что-нибудь?—спросилъ онъ.

Чилькотъ пытался улыбнуться.

— Да, случилось нѣчто,—сказалъ онъ.—Началось!

Лодеръ освободилъ свою руку.

— Что началось: конецъ свѣта?

— Мой конецъ!—Онъ задыхался, произнося эти слова.

Лодеръ все еще смотрѣлъ на него, ничего не понимая, или, можетъ быть, не желая понять.

Чилькотъ кашлянулъ и схватилъ его за рукавъ.

— Развѣ вы не видите?—спросилъ онъ.—Развѣ не замѣтно?

— Нѣтъ.

Чилькотъ провелъ платкомъ по лбу.

— Пришелъ конецъ, — сказалъ онъ. — Вы меня не понимаете? Вы мнѣ нужны.—Онъ отошелъ въ сторону и опять подошелъ къ нему съ выраженіемъ надежды.—Вы удивлены,—сказалъ онъ. — Но это не моя вина. Честное слово—не моя. На меня вдругъ находитъ...

Онъ остановился и опустился, обезсилѣвъ, въ кресло. Лодеръ стоялъ съ минуту выпрямившись и совершенно неподвижно; потомъ онъ почти съ отвращеніемъ посмотрѣлъ на жалкую фигуру Чилькота.

— Вы желаете, чтобы я занялъ ваше мѣсто сегодня же вечеромъ, безъ всякаго подготовленія?—Голосъ его звучалъ рѣшительно и твердо.

— Да, я этого желаю.

— Для того, чтобы вы могли проводить ночь въ опьяненіи морфіемъ... эту ночь и много другихъ?

Чилькотъ взглянулъ на него; лицо у него было разстроенное.

— Вы не имѣете никакого права читать мнѣ нотаціи. Вы согласились на сдѣлку.

Лодеръ вскипѣлъ.

— Позвольте...—началъ онъ, но лицо его и голосъ сейчасъ

же измѣнились.—Вы совершенно правы,—сказалъ онъ холодно.—У васъ не будетъ больше основанія жаловаться.

Чилькотъ безпокойно задвигался на стулѣ.

— Я ничуть не хотѣлъ васъ обидѣть,—сказалъ онъ.—Это только слѣдствіе...

— Вашихъ разстроенныхъ нервовъ? Я знаю. Перейдемте къ дѣлу. Что жъ я долженъ дѣлать?

Чилькотъ взволнованно выпрямился.

— Да, перейдемте къ дѣлу. Вамъ, конечно, непріятно, что я такъ неожиданно обращаюсь къ вамъ. Но вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, который не можетъ положиться на самого себя.—Я провелъ ужасный день, истинно ужасный. — Лицо его еще сильнѣе поблѣднѣло. При свѣтѣ зеленаго абажура оно казалось сѣрымъ. Лодеръ невольно отвелъ глаза.

Чилькотъ глядѣлъ на него въ то время, какъ онъ перешелъ къ письменному столу и сталъ машинально собирать бумаги.

— Ужасный день!—повторялъ онъ.—Такой, что я не рѣшаюсь ждать еще одну ночь. Читали вы де-Квинси?—спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ.

— Читалъ.

— Прочтите его еще разъ, и вы поймете. Я переживаю всѣ ужасы, которые онъ описываетъ, всѣ до одного.—Онъ дико и уродливо засмѣялся.

Лодеръ повернулся къ нему.

— Да что же, чортъ возьми!..—Онъ остановился. Что-то въ разстроенныхъ чертахъ Чилькота заставило его замолчать. Странное сознаніе какой-то предопредѣленности удержало его отъ дальнѣйшихъ возраженій.

— Что же я долженъ дѣлать?—спросилъ онъ сдержанно.

При этихъ словахъ Чилькотъ успокоился и улыбнулся.

— Вы правы, напоминая мнѣ объ этомъ,—сказалъ онъ.—Намъ нечего терять времени. Теперь ужъ около часа. Онъ вынулъ часы, подошелъ къ окну и заглянулъ на тѣнистый скверъ внизу.

— Какъ вы тутъ тихо и покойно живете!—сказалъ онъ.

Потомъ у него вдругъ мелькнула новая мысль, и онъ поспѣшилъ обратно на средину комнаты.

— Лодеръ,—торопливо сказалъ онъ,—Лодеръ, у меня новая мысль. Въ то время, какъ вы будете мною, почему бы мнѣ не быть Джономъ Лодеромъ, вмѣсто безличнаго существа, какъ мы раньше предполагали. Это будетъ великолѣпно. Я прямо удивленъ, что эта мысль не пришла намъ раньше въ голову.

Лодеръ все еще стоялъ у своего письменнаго стола.

— Я уже объ этомъ думалъ, — отвѣтилъ онъ, не поднимая глазъ.

— Почему же вы мнѣ не предложили этого?

Наступила минута молчанія. Чилькотъ покраснѣлъ.

— Вы, очевидно, очень дорожите своей репутаціей? — сказалъ онъ.

— Меня никто не знаетъ, и мнѣ нечѣмъ дорожить.

Чилькотъ засмѣялся непріятнымъ смѣхомъ.

— Значитъ, вы не такъ далеко зашли въ моей философіи, какъ я думалъ. Вы, очевидно, дорожите своимъ собственнымъ мнѣніемъ о себѣ.

Лодеръ опять нѣсколько помолчалъ.

— Вы иногда очень проницательны, — сказалъ онъ. — Я, кажется, дѣйствительно обладалъ какой-то ложной гордостью, которая заставляла меня дорожить чистотой моего имени. Но такія чувства вышли изъ моды, и нужно плыть по теченію. — Онъ засмѣялся короткимъ смѣхомъ, потомъ прошелъ черезъ комнату и сталъ подлѣ своего гостя. — Какъ бы то ни было, — сказалъ онъ, — гордость мнѣ не къ лицу — ни настоящая, ни ложная. Возьмите мой образъ, используйте его какъ хотите. Когда сожжены всѣ укрѣпленія, тогда одна единственная баррикада не можетъ спасти городъ. — При этихъ словахъ онъ положилъ руку на плечо Чилькота. — А теперь — пойдемъ. Я жду вашихъ приказаній. Я сдаюсь.

Черезъ часъ оба они вышли изъ спальни Лодера, гдѣ были сдѣланы послѣднія окончательныя приготовленія. Лодеръ появился въ безупречномъ фракѣ; волосы его были тщательно причесаны и платье отлично сидѣло на немъ. На взглядъ даже самаго зоркаго наблюдателя это былъ тотъ же человѣкъ, который незадолго передъ тѣмъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ кабинетъ. Вмѣстѣ съ платьемъ Чилькота Лодеръ перенялъ его манеру ходить и держать голову. Онъ быстро вошелъ и подошелъ къ письменному столу.

— У меня нѣтъ никакихъ бумагъ, касающихся лично меня, — сказалъ онъ, — и мнѣ нечего запирать. Все можетъ остаться попрежнему. По утрамъ приходитъ женщина, по имени Робинсъ, убирать комнату и зажигать огонь въ каминѣ. О всемъ остальномъ вы должны заботиться сами. Никто не нарушитъ вашъ покой. Тишина и спокойствіе — спокойствіе, подобное смерти — единственное, на что вы можете разсчитывать вполнѣ.

Чилькотъ все еще стоялъ нерѣшительно у порога и пробовалъ улыбаться. Изъ нихъ двоихъ онъ, повидимому, былъ наиболѣе смущенный. Въ дешевомъ, потертомъ платьѣ Лодера онъ почувствовалъ себя внѣ всякаго соотношенія съ обществомъ, со всѣмъ, что до сихъ поръ прикрывало его слабость и давало ему возможность жить въ пріятныхъ условіяхъ. Онъ теперь мучительно сознавалъ себя, свое „я", но не былъ въ состояніи выразить словами свои чувства или мысли. Онъ поглядѣлъ на каминъ, на столъ и, наконецъ, на стулъ, на который онъ, при входѣ, небрежно положилъ свое пальто. При видѣ пальто глаза его сверкнули.

— Боже! — воскликнулъ онъ: — я вѣдь чуть совсѣмъ не забылъ...

— Что? — спросилъ Лодеръ, оглядываясь.

— Кольца. — Онъ взялъ пальто и засунулъ руку въ одинъ изъ кармановъ. — Дубликаты я получилъ только сегодня днемъ, въ послѣднюю минуту. — Онъ говорилъ быстро и поспѣшно шарилъ въ карманѣ. Лодеръ приблизился къ нему и съ любопытствомъ наклонился, когда онъ вынулъ футляръ.

— Такъ вотъ, какъ я уже вамъ говорилъ, — одно кольцо — воспроизведеніе стариннаго кольца съ печатью, а другое гладкое золотое, вродѣ вѣнчальнаго кольца.

Чилькотъ засмѣялся, разложивъ четыре кольца на ладони.

— Ничего другого я не нашелъ достаточно широкаго и при этомъ не слишкомъ бросающагося въ глаза. Я ненавижу всякія украшенія.

Лодеръ коснулся колецъ.

— У васъ очень мало вкуса, — сказалъ онъ. — Ну, теперь посмотримъ, соотвѣтствуютъ ли онѣ своей цѣли. Онъ взялъ кольца и подошелъ къ лампѣ.

Чилькотъ глядѣлъ на него.

— Рана, однако, была глубокая, — сказалъ онъ; его любопытство снова загорѣлось при видѣ расправленныхъ пальцевъ Лодера. — Какимъ образомъ васъ ранило?

— Это знакъ, оставленный мнѣ на память, — сказалъ Лодеръ, улыбаясь.

— На память о храбрости?

— Нѣтъ, совершенно наоборотъ. — Онъ взглянулъ на свою руку, а потомъ на Чилькота. — Нѣтъ, — повторилъ онъ съ необычайной для него потребностью дѣлиться своими чувствами. — Это знакъ, напоминающій мнѣ, что я не составляю исключенія, что и меня можно дурачить, какъ и другихъ мужчинъ.

— Ага, дѣло въ женщинѣ!

— Да,—отвѣтилъ Лодеръ, взглянувъ еще разъ на рубецъ.— Я теперь рѣдко вспоминаю эту исторію. Она отошла въ прошлое. Но сегодня мнѣ хочется исповѣдаться. Вамъ слѣдуетъ знать, что я прошелъ черезъ огонь. Это своего рода гарантія.

Чильготъ сдѣлалъ отстраняющій жестъ, но Лодеръ не далъ ему ничего сказать.

— Я знаю, что вы мнѣ достаточно довѣряете, — сказалъ онъ.—Но вы поручаете мнѣ такой опасный постъ, и я хотѣлъ бы вамъ доказать, что съ вопросомъ о женщинахъ я покончилъ окончательно.

— Что вы, Лодеръ, прошу васъ...

Но Лодеръ продолжалъ, не останавливаясь:

— Исторія произошла восемь лѣтъ тому назадъ въ Санта-Саларе. Это—маленькое мѣстечко между Луной и Писторіей,—горсточка домовъ между холмами. Обломокъ настоящей старой Италіи, который разрушается среди цвѣтовъ и солнечнаго свѣта. Ничто тамъ не напоминаетъ о нашемъ времени, кромѣ поѣзда, изрѣдка извивающагося вдоль линіи холмовъ. Во время длиннаго путешествія изъ Швейцаріи на югъ, я попалъ въ это маленькое мѣстечко и остановился на нѣсколько времени въ маленькой гостинницѣ. На второй день послѣ моего пріѣзда случилось нѣчто необычайное. На томъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ желѣзная дорога, у холмовъ, поѣздъ сошелъ съ рельсовъ. Вся деревня заволновалась, всѣ побѣжали оказывать помощь, и я въ томъ числѣ. Большого несчастія не приключилось, путешественники отдѣлались перепугомъ, нѣсколько человѣкъ были слегка ранены. Но никто не поплатился жизнью.

Онъ остановился и пытливо посмотрѣлъ на своего гостя. Видя, что онъ интересуется разсказомъ, онъ сталъ продолжать:

— Среди путешественниковъ находилась одна англійская дама. Она растерялась менѣе всѣхъ и была почти единственной, которая отдѣлалась безъ малѣйшихъ поврежденій. Я натянулся на нее въ тотъ моментъ, когда она сидѣла у разбитой двери вагона, и съ полнымъ спокойствіемъ поправляла шляпу. Замѣтивъ меня, она взглянула мнѣ въ лицо съ ласковой улыбкой. „Вотъ вы кстати пришли,—сказала она.—Моя глупая горничная распиблась гдѣ-то тамъ въ вагонѣ второго класса, и у меня нѣтъ никого, кто помогъ бы мнѣ отыскать мою собачку". Уже эти первыя слова могли бы надоумить меня, съ кѣмъ я имѣю дѣло. Но я почему-то не вникъ въ нихъ. Я только видѣлъ ея улыбку слышалъ ея голосъ, а до того, добра ли она, или безсердечна,

мнѣ тогда не было дѣла. Я принялся искать и нашелъ камеристку и собаку. Первая все-таки выказала нѣкоторую признательность, вторая же — никакой. Я съ невѣроятными усиліями вытащилъ ее изъ-подъ обломковъ багажнаго вагона—и вотъ знаки ея признательности. — Онъ протянулъ руку и показалъ шрамъ.

Чилькотъ посмотрѣлъ на него.

— Въ этомъ и заключается вся исторія раны?

— Да. Я хотѣлъ было скрыть рану, когда принесъ собачку ея собственницѣ. Но я весь обливался кровью, и скрыть было невозможно. Это измѣнило наши отношенія. Оказалось, что въ помощи нуждаюсь теперь именно я, и моя новая знакомая рѣшила ухаживать за мной. Она забыла про собачку, занявшись моимъ пальцемъ. Камеристка, которая дѣйствительно ничуть не пострадала, поѣхала впередъ по приказу своей госпожи, чтобы занять комнаты въ маленькой гостинницѣ; мы слѣдовали за ней. Это путешествіе въ гостинницу ночью произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Была неописуемая прелесть въ мягкой ночи,— но главнымъ образомъ мнѣ было пріятно то, что послѣ моихъ пятилѣтнихъ скитаній, женщина, и къ тому же еще соотечественница и дама моего круга, оказываетъ мнѣ столько вниманія.—Онъ иронически засмѣялся.—Я не буду утомлять васъ подробностями всей этой исторіи. Вы знаете ходъ такихъ любовныхъ исторій. Представьте себѣ, что цвѣтовъ было нѣсколько больше, чѣмъ обыкновенно, и солнце свѣтило нѣсколько ярче. Представьте себѣ, кромѣ того, человѣка, жившаго долго полнымъ отшельникомъ, и женщину, хорошо знающую свѣтъ и свѣтскую жизнь,—и тогда вамъ будетъ ясно все мое приключеніе въ Италіи. Она сказала, что останется три дня въ Сантасаларе, чтобы лечить мой палецъ. Но пробыла она три недѣли и надѣялась за это время совершенно погубить меня.

Остановившись въ гостинницѣ, она не записала своего имени. При первомъ разговорѣ я по всему заключилъ, что она молодая дѣвушка. Только черезъ три недѣли она объявила мнѣ съ небесной улыбкой, что не можетъ дѣйствовать и жить по своей волѣ, какъ я воображалъ, а зависитъ отъ своего супруга, котораго оставила во Флоренціи больного маларіей.

Ея сообщеніе привело меня въ крайнее замѣшательство, и я вовсе не старался скрыть своего настроенія. Мы разстались. Въ ея глазахъ я былъ дуракъ съ мѣщанскими принципами морали; въ моихъ... ну, да это не важно. Въ тотъ же вечеръ она оставила Сантасаларе съ безконечнымъ количествомъ сундуковъ

в картонокъ. На слѣдующее утро и я завязалъ мой узелокъ и поѣхалъ дальше на югъ.

— И съ тѣхъ поръ вы избѣгаете женщинъ?

— Это я и хотѣлъ вамъ доказать. Обжегшіяся дѣти боятся огня. — Онъ снова засмѣялся и рѣшительнымъ жестомъ надѣлъ оба кольца на палецъ. — Ну, теперь можно начать.—Это, очевидно, ключъ отъ вашего дома? — Онъ вынулъ ключъ изъ кармана надѣтаго имъ платья Чилькота.— Придя на Гровноръ-Скверъ, я сейчасъ же найду вашъ домъ. Я войду. Поднимусь на лѣстницу—направо дверь въ ваши,—я хотѣлъ сказать—мои комнаты. Кажется, я теперь знаю все наизусть. Сегодня я чувствую истинное вдохновеніе и увѣренъ, что ничего не напорчу.—Онъ передалъ Чилькоту два другихъ кольца и взялъ въ руки пальто.—Я останусь въ вашемъ домѣ, пока не получу телеграмму; тогда я вернусь, и мы снова помѣняемся ролями.—Онъ надѣлъ пальто и подошелъ къ столу. Теперь, когда наступилъ рѣшительный моментъ, онъ чувствовалъ нѣкоторое волненіе. Онъ не зналъ, какъ положить конецъ бесѣдѣ, и протянулъ молча руку.

Чилькотъ взялъ его руку и поблѣднѣлъ.

— Ничего, сойдетъ хорошо,—нервно сказалъ онъ.—А что касается вознагражденія, то мы уже условились: сто фунтовъ въ недѣлю; всѣ другіе расходы—на мой счетъ.

— Да, вы о платѣ,—съ улыбкой сказалъ Лодеръ.—Да, это все ясно какъ день. А теперь—спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Голосъ Чилькота прозвучалъ странно, какъ бы издалека; Лодеръ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого. Онъ пожалъ руку, которую держалъ въ рукѣ, хотя ея холодная влажность была ему непріятна.

— Спокойной ночи,—повторилъ онъ.

— Спокойной ночи.

Съ минуту они стояли молча и только глядѣли другъ на друга. Потомъ Лодеръ спокойно отнялъ руку, прошелъ черезъ комнату и переступилъ порогъ. Чилькотъ остался одинъ. Онъ прислушался, пока не затихли шаги на лѣстницѣ. Тогда онъ быстрымъ движеніемъ взялъ лампу подъ зеленымъ абажуромъ и отправился въ спальню.

Съ англ. З. В.

НАКАНУНѢ НОВОЙ ДУМЫ

ОЧЕРКЪ.

I.

Крайняя трудность и вмѣстѣ съ тѣмъ опасность нашего современнаго политическаго положенія зависятъ прежде всего отъ кажущейся невозможности взаимнаго пониманія и соглашенія между правящимъ классомъ и прогрессивными элементами русскаго общества.

Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій умственный и нравственный уровень высшаго персонала нашей бюрократіи систематически и послѣдовательно понижался въ небывалой еще степени. Очень часто на первыя должности въ государствѣ выдвигались люди, болѣе извѣстные своею ограниченностью, отсутствіемъ всякихъ общихъ идей и знаній, и щеголявшіе лишь услужливою преданностью и угодливостью. Какъ бы установилось твердое правило, что личная порядочность, вѣрность извѣстнымъ нравственнымъ принципамъ и добросовѣстное отношеніе къ государственнымъ дѣламъ—несовмѣстимы съ успѣхами по службѣ и закрываютъ путь къ быстрой и блестящей карьерѣ; всякій честный, правдивый и знающій человѣкъ устранялся со сцены добровольно или принудительно, и никто не могъ возвыситься иначе, какъ отказавшись предварительно отъ какихъ бы то ни было убѣжденій и взглядовъ, несогласныхъ съ понятіями и требованіями придворной клики. Въ качествѣ государственныхъ дѣятелей не разъ выступали невѣжественные случайные фавориты или тупые канцелярскіе честолюбцы, привыкшіе смотрѣть на Россію какъ на неисчерпаемый источникъ казенныхъ доходовъ, а на русскій народъ—какъ на пассивный предметъ всевозможныхъ мѣропріятій и экзекуцій. Руководителемъ всей внутренней политики являлся иногда то свѣтскій бонвиванъ, заслужившій чье-то расположеніе своимъ кулинарнымъ искусствомъ, то спеціалистъ по департаменту полиціи, для котораго государство есть не что иное, какъ

всенародный полицейскій участокъ. Путемъ искусственнаго подбора, отбрасывая въ сторону все лучшее, способное и независимое, привлекая и поощряя только одни завѣдомо негодные, бездушно-хищные и лживые элементы, господствующая правительственная партія измельчала до того, что во главѣ ея смѣло становились „вахмистры и городовые—по образованію, погромщики—по убѣжденіямъ". За долгіе годы своего безраздѣльнаго владычества эта охранительная или реакціонная партія не выдвинула ни одного серьезнаго дѣятеля, котораго можно бы хоть приблизительно считать государственнымъ человѣкомъ,—ни одного такого, который, хотя бы въ отдаленной мѣрѣ, напоминалъ бы крупныхъ министровъ прежнихъ эпохъ, въ родѣ графа Уварова, гр. Киселева, Канкрина, гр. Дм. Милютина. Одно ничтожество смѣнялось другимъ, еще болѣе притязательнымъ и бездушнымъ; единственный сановникъ, вышедшій не изъ среды бюрократіи и обладавшій несомнѣнными дарованіями, энергіею и предпріимчивостью, оставался до конца чужимъ для высшихъ придворныхъ сферъ и никогда не пользовался ихъ довѣріемъ, даже занимая высокіе правительственные посты, — потому что все-таки способенъ былъ иногда понимать стремленія русскаго общества и откликаться на нихъ въ исключительныхъ случаяхъ. Исчезла элементарная честность въ пользованіи государственною властью и въ обращеніи съ государственными средствами; патріотическое чувство въ истинномъ смыслѣ этого слова совершенно утратилось, и единственными мотивами дѣятельности правительственныхъ лицъ стали побужденія карьеризма и своекорыстія. Этотъ характеръ правящаго класса проявился съ поразительною ясностью послѣ ужасной японской войны, когда руководители нашей внѣшней и внутренней политики, прямые виновники пораженій русской арміи и гибели русскаго флота, не только остались на своихъ мѣстахъ, какъ ни въ чемъ не бывало, но даже объявили своихъ негодующихъ противниковъ крамольниками и предприняли безпощадную самоувѣренную борьбу противъ независимой части общественнаго мнѣнія для удержанія власти въ своихъ рукахъ. Невысокій нравственный уровень правящаго класса сказывается и въ неразборчивости средствъ, употребляемыхъ для подавленія оппозиціи, и въ прямолинейной жестокости репрессивныхъ мѣръ, и въ явной рѣшимости не отступать предъ полнымъ разстройствомъ и разореніемъ государства ради обезпеченія дальнѣйшаго господства анти-народной партіи.

Регулярнаго правительства, въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова, у насъ, собственно говоря, не существуетъ: руководящая роль принадлежитъ тѣмъ закулиснымъ силамъ, которыя принято обозначать неопредѣленнымъ терминомъ „сферы", а министерство служитъ лишь исполнительнымъ органомъ различныхъ вліяній, преобладающихъ въ

данный моментъ при дворѣ. „Сферы“ всегда настроены болѣе или менѣе реакціонно, враждебно или—въ лучшемъ случаѣ—недовѣрчиво по отношенію къ обществу и народу; онѣ оказываютъ явное или скрытое покровительство всѣмъ выступающимъ на защиту самовластія по какимъ бы то ни было мотивамъ и въ какой бы то ни было формѣ,—чѣмъ и объясняется исключительное положеніе извѣстнаго рода „патріотическихъ“ организацій, промышляющихъ идеями охраны. Армія остается въ безусловномъ распоряженіи этихъ же реакціонныхъ сферъ. Представители арміи управляютъ значительнѣйшею частью Россіи, начиная съ обѣихъ столицъ, подъ именемъ генералъ-губернаторовъ и градоначальниковъ, и министерство не имѣетъ надъ ними реальной власти.

Таковы были главные элементы и наиболѣе характерныя особенности нашего правящаго класса. Тяжелыя военныя неудачи на Дальнемъ Востокѣ заставили государственную власть сдѣлать крупныя уступки общественному мнѣнію и привели къ конституціонному акту 17-го октября 1905 года, но ни въ чемъ не измѣнили традиціонныхъ понятій, стремленій и привычекъ самодержавнаго бюрократическаго режима. На сцену явился новый могущественный факторъ въ видѣ Государственной Думы, призванной положить начало дѣйствительному обновленію устарѣлаго государственнаго строя; однако, правительственныя сферы не отдавали себѣ яснаго отчета въ значеніи и роли вновь созданнаго народнаго представительства и противопоставили ему ограниченное реакціонное министерство, способное лишь безплодно раздражать и усиливать оппозицію. Но и съ своей стороны, и Государственная Дума не приняла во вниманіе тѣхъ реальныхъ условій, при которыхъ ей приходилось дѣйствовать, и совершила цѣлый рядъ капитальныхъ ошибокъ, подготовившихъ почву для печальной развязки. Объ этихъ ошибкахъ можно и слѣдуетъ говорить теперь вполнѣ свободно, чтобы избѣжать повторенія ихъ въ ближайшемъ будущемъ.

II.

Господствовавшія въ Думѣ политическія партіи исходили изъ того предположенія, что у насъ введена уже или должна быть немедленно введена настоящая конституція по западно-европейскому образцу, и что дѣло идетъ только о способахъ ея скорѣйшаго осуществленія; поэтому съ самаго начала былъ усвоенъ невѣрный и слишкомъ высокій тонъ по отношенію къ противникамъ, располагавшимъ всѣми матеріальными силами и средствами государства. Вмѣсто того, чтобы основывать свой авторитетъ и свои полномочія на великихъ истори-

ческихъ грѣхахъ правителей, разорившихъ страну, Государственная Дума сразу вступила на путь простого подражанія готовымъ парламентскимъ образцамъ и занялась аккуратнымъ примѣненіемъ конституціонныхъ формулъ, совершенно не соотвѣтствующимъ нашимъ фактическимъ условіямъ и обстоятельствамъ. На краткую привѣтственную тронную рѣчь она отвѣтила не выразительною и ясною оцѣнкою труднаго положенія, созданнаго политикою правительства, и не требованіемъ суда надъ виновниками военнаго разгрома Россіи, а обширною доктринерскою программою съ исчерпывающимъ перечисленіемъ всѣхъ будущихъ радикальныхъ законопроектовъ и преобразованій, придуманныхъ какъ будто нарочно для того, чтобы заранѣе напугать умы правящаго класса и солидарной съ нимъ части общества. Имѣя предъ собою ничѣмъ не выдающихся министровъ стараго бюрократическаго типа, Дума серьезно завела съ ними шаблонную конституціонную игру, выразила имъ формально свое недовѣріе послѣ правительственной декларація 13 мая,—хотя о чьемъ-либо довѣріи къ кабинету не могло быть рѣчи и раньше,—и настойчиво требовала отставки министерства, какъ будто перемѣна министровъ означала перемѣну самой системы управленія. Дума принимала министерство Горемыкина за конституціонный кабинетъ, обязанный подчиняться парламенту, а на дѣлѣ министры были только послушными выразителями придворныхъ вліяній, для которыхъ конституція была и остается синонимомъ революціи. Отказавъ министрамъ въ своемъ довѣріи, на которое они, впрочемъ, съ самаго начала вовсе не имѣли права разсчитывать, Дума продолжала, однако, обращаться къ нимъ съ запросами и выслушивать ихъ объясненія, чѣмъ внесла какую-то двойственность въ свои отношенія къ правительству. По странному недоразумѣнію, она отрицала право министерства говорить отъ имени правительства—и не потому, что сомнѣвалась въ его солидарности съ истиннымъ закулиснымъ правительствомъ, а потому, что сама, въ лицѣ своего президіума или большинства, считала себя составною частью правительства, вопреки всѣмъ принципамъ и всей практикѣ парламентаризма. Въ то же время Дума оставила въ пренебреженіи единственную предоставленную ей закономъ возможность непосредственно вліять на настроеніе верховной власти и поддерживать съ нею правильныя и постоянныя отношенія: весьма важное право, которымъ такъ дорожатъ министры,—право личнаго доклада у Государя—не было использовано предсѣдателемъ Государственной Думы даже при первомъ ея политическомъ актѣ—представленіи отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь,—а между тѣмъ насущный вопросъ о перемѣнѣ правительственной системы требовалъ возможно болѣе частаго полнаго примѣненія закона, уполномочивающаго предсѣдателя Думы

„всеподданнѣйше повергать на Высочайшее благовоззрѣніе о занятіяхъ Думы“ (ст. 10 учрежденія Г. Д.).

Въ своей безцѣльной и раздражающей борьбѣ съ министерствомъ Дума упускала изъ виду, что за министрами стоитъ дворъ, а за дворомъ—армія. Не заботясь о какомъ-либо компромиссѣ съ носителями реальной государственной власти, а опираясь на неопредѣленныя чувства и ожиданія народныхъ массъ, Дума возымѣла мысль добиться образованія думскаго министерства или, какъ говорятъ ея противники, „захватить власть“ въ свои руки; но этотъ проектъ доказывалъ лишь, что вожди думскаго большинства предавались опаснѣйшимъ иллюзіямъ, что они не понимали, какою пагубною ловушкою было бы для нихъ положеніе министровъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ непримиримо-враждебными реальными силами стараго правительства. Сдѣлаться министрами, имѣя противъ себя высшія придворныя сферы, весь начальствующій персоналъ арміи, департаментъ полиціи и корпусъ жандармовъ, всѣхъ генералъ-губернаторовъ и градоначальниковъ, всю администрацію и полицію на мѣстахъ,—это было бы не самоотверженіе для пользы государства, какъ полагали „кадеты“, а чистѣйшее безуміе. Очевидно, необходима была еще огромная предварительная реформаторская работа не одного, а нѣсколькихъ дѣловыхъ переходныхъ министерствъ, прежде чѣмъ можно было бы думать о парламентскомъ кабинетѣ изъ членовъ думскаго большинства; а роль переходнаго дѣлового министерства требовала участія нейтральныхъ дѣятелей, внушающихъ одинаковое личное довѣріе и консервативнымъ, и оппозиціоннымъ группамъ. Первымъ и очень крупнымъ шагомъ къ подготовкѣ новаго отвѣтственнаго государственнаго управленія было бы назначеніе министерства изъ такихъ лицъ, какъ гр. Гейденъ, Д. Н. Шиповъ и князь Евгеній Трубецкой,—и дальше этого не должны были бы идти самыя смѣлыя мечты истинныхъ сторонниковъ конституціоннаго развитія Россіи. Идея чисто-оппозиціоннаго „кадетскаго“ министерства была не только величайшею политическою наивностью, но и грубѣйшею, непростительною тактическою ошибкою со стороны партіи, которая больше всего занималась вопросами тактики. Враги оппозиціи получали при этомъ благодарный матеріалъ для обвиненія ея вождей въ честолюбивыхъ разсчетахъ на министерскіе портфели, и сама Государственная Дума, заподозрѣнная въ чистотѣ своихъ побужденій, теряла часть своего авторитета въ глазахъ населенія.

На очереди стояла не борьба за власть, а борьба за реформу существующей власти, за устраненіе всеобщаго и повсемѣстнаго безправія, допускавшаго произвольные аресты, разстрѣлы, высылки и денежныя кары безъ суда. Думское большинство вполнѣ сознавало неизбѣжную настоятельность этой борьбы, и однако оно обнаружило

какъ будто готовность вѣрить, что борьба уже окончилась, что миръ уже можетъ быть заключенъ, что реакціонное правительство добровольно пойдетъ навстрѣчу оппозиціи и согласится не только на полную амнистію и на отмѣну смертной казни за политическія убійства, но и на предоставленіе министерскихъ постовъ дѣятелямъ конституціонно-демократической партіи. Трудно понять, какъ могли умные, образованные и даже ученые люди раздѣлять подобныя противорѣчивыя и явно неосуществимыя фантазіи. Они не считались съ особенной психикой правящихъ сферъ и приписывали имъ свое пониманіе вещей: разъ созвано народное представительство съ законодательною властью, то казалось бы естественнымъ сдѣлать изъ этого акта обычные логическіе выводы, смягчить старые способы управленія, отречься отъ наиболѣе рѣзкихъ формъ административнаго самовластія, стремиться къ примиренію съ обществомъ и даже уступить нѣкоторую долю власти свѣжимъ общественнымъ элементамъ. Но для этого правящій классъ долженъ былъ бы быть совершенно другой...

Дума и правительство говорили какъ будто на разныхъ языкахъ. Министры оправдывали систему беззаконій ссылками на исключительныя полномочія, примѣненіе которыхъ зависѣло отъ нихъ же; они утверждали, что должны поневолѣ ссылать сотни и тысячи людей въ Нарымскій край и Якутскую область, потому что имѣютъ на то законное право; они заявляли, что генералъ-губернаторы не подчинены центральному правительству и могутъ въ своихъ областяхъ безконтрольно распоряжаться судьбами населенія, исполняя одновременно функціи администраторовъ, законодателей и верховныхъ судей; въ другихъ же частяхъ имперіи роль верховнаго судьи относительно дѣятелей оппозиціи или „смуты“ принадлежитъ, будто бы, по праву министру внутреннихъ дѣлъ. Россія представлялась раздѣленною на отдѣльныя сатраніи, изъ которыхъ каждая имѣла свои особые временные законы и порядки: въ одномъ мѣстѣ объявлялось преступнымъ то, что тутъ же рядомъ, въ сосѣдней губерніи, не подвергалось никакимъ преслѣдованіямъ; за одни и тѣ же преступленія назначалась въ одномъ мѣстѣ смертная казнь, а въ другомъ—тюрьма или ссылка; повсюду участь обывателей предоставлена на усмотрѣніе низшихъ и высшихъ агентовъ полиціи. И этотъ невѣроятный режимъ мѣстныхъ сатрапій поддерживается до сихъ поръ и спеціально защищается охранителями прочнаго внутренняго единства имперіи! Между тѣмъ Государственная Дума, передъ которою раскрывались всѣ ужасы этого режима, тратила время и силы на безплодное обсужденіе отдѣльныхъ эпизодовъ правительственной дѣятельности, подготовляла общіе законопроекты о гражданскихъ свободахъ и погружалась въ дебри аграрнаго вопроса, который она надѣялась разрѣшить ранѣе и помимо прове-

денія коренной политической реформы. Первая и основная задача не была поставлена съ надлежащею ясностью и полнотою: необходимое преобразованіе государственнаго строя и управленія почти не было затронуто Думою, которая часто какъ бы забывала свои высокія законодательныя обязанности и превращалась въ привилегированный митингъ. Единственный законъ, самостоятельно проведенный Государственной Думою, — объ отмѣнѣ смертной казни — касался лишь одной изъ частностей реакціоннаго режима и былъ заранѣе обреченъ на безсиліе, такъ какъ, по господствующимъ понятіямъ и взглядамъ носителей государственной власти, для нея далеко еще не прошелъ періодъ жестокой борьбы съ активной оппозиціей.

Думу обвиняли еще въ томъ, что она не высказалась категорически противъ революціонеровъ и не осудила совершаемыхъ ими насилій и политическихъ убійствъ; но никто и безъ того не сомнѣвался въ преступности этихъ насильственныхъ актовъ, которые безпощадно карались и караются по общимъ и исключительнымъ законамъ. Если Дума протестовала противъ организованныхъ массовыхъ преступленій, обращенныхъ противъ населенія различныхъ городовъ, то только потому, что эти преступленія оставались безнаказанными и даже открыто поощрялись нѣкоторыми представителями власти; дѣйствія же, за которыми слѣдовала суровая расправа надъ виновными, не нуждались уже, конечно, въ осужденіи со стороны Государственной Думы. Въ этомъ случаѣ Дума вовсе не заслужила тѣхъ горькихъ упрековъ, которые дѣлались ей строгими моралистами. Дума имѣла основаніе смотрѣть на революціонныя дѣйствія, какъ на печальные продукты существующей правительственной системы, и должна была направить всѣ свои заботы на устраненіе причинъ хроническаго зла, разъѣдающаго государственный организмъ; а причины заключались въ безнадежно-дурномъ, несправедливомъ и разорительномъ для страны управленіи. Революція исчезла бы, какъ дымъ, и всякія преступныя насилія и посягательства прекратились бы сами собою, еслибы власть перешла въ руки людей, достойныхъ общаго довѣрія и способныхъ на дѣлѣ осуществить благотворныя перемѣны, возвѣщенныя манифестомъ 17-го октября. Административный произволъ только усилился и упрочился съ изданіемъ этой „конституціи“; онъ свободно свирѣпствовалъ при существованіи Государственной Думы и продолжаетъ свирѣпствовать понынѣ,—и онъ направленъ главнымъ образомъ противъ мирной прогрессивной части общества, противъ умѣренныхъ политическихъ партій, противъ всѣхъ искреннихъ приверженцевъ законности и права. Правительство борется не столько противъ революціи, сколько противъ конституціи; оно преслѣдуетъ всякую вообще легальную оппозицію, уничтожаетъ свободу общественнаго мнѣнія,

свободу слова, собраній и печати. Революціонная смута служитъ только благовиднымъ предлогомъ для фактическаго подавленія либеральныхъ элементовъ, враждебныхъ дальнѣйшему одностороннему господству бюрократіи.

III.

Опытъ первой Государственной Думы вновь подтвердилъ старую истину, что политическія реформы должны предшествовать соціальнымъ, и что прочное разрѣшеніе такихъ вопросовъ, какъ поземельный, возможно только при соотвѣтственныхъ условіяхъ политической жизни. Безполезно было ставить аграрную проблему впереди конституціонной: ничего нельзя достигнуть и устроить, не имѣя за собою реальной власти, а распредѣленіе власти зависитъ отъ государственнаго строя. Къ чему приведутъ самые справедливые и старательно разработанные аграрные проекты, если ихъ можетъ во всякое время безпрепятственно опрокинуть и упразднить ничтожнѣйшее министерство, располагающее всѣми силами государства? Что помогутъ народу самые лучшіе соціальные законы, пока примѣненіе ихъ будетъ находиться въ рукахъ земскихъ начальниковъ, губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, а истолкованіе предоставлено бывшимъ директорамъ департамента полиціи? Прежде всего нужно преобразовать систему управленія, измѣнить составъ и способы дѣйствія администраціи, обезпечить правильное и постоянное функціонированіе народнаго представительства, а затѣмъ только можно приступить къ новому устройству поземельныхъ и прочихъ соціальныхъ отношеній, опираясь на сочувствіе и поддержку большинства избирателей.

Наши политическія партіи несомнѣнно пребывали въ мірѣ иллюзій, когда думали одержать побѣду надъ организованными матеріальными силами стараго режима при помощи подъема общественнаго настроенія или отдѣльныхъ мѣстныхъ вспышекъ протеста. Настроеніе, по существу перемѣнчивое и колеблющееся, не можетъ считаться опорою въ борьбѣ, когда оно не выражается въ реальныхъ цѣлесообразныхъ дѣйствіяхъ, какъ напр. въ подачѣ голосовъ за ту или другую партію на выборахъ. Слишкомъ много злоупотребляли у насъ фразами объ „умирающемъ режимѣ“ и о торжественномъ побѣдномъ шествіи освободительнаго движенія: негодный старый режимъ не расположенъ умирать, имѣя за собою военное могущество и вѣковыя традиціонныя чувства населенія; онъ можетъ оказаться чрезвычайно живучимъ, прибѣгая лишь къ частичнымъ передѣлкамъ, улучшеніямъ и прикрасамъ. Правда, онъ приноситъ страшный вредъ государству и парализуетъ

жизненныя силы народа; но это не доходитъ до сознанія правящихъ лицъ и потому не можетъ смущать ихъ. Многіе наивно воображали, что событія должны непремѣнно идти у насъ по французскому или иному образцу; между тѣмъ, тутъ нѣтъ матеріала для сравненія: у насъ недостаетъ могущественной и вліятельной революціонной буржуазіи; крестьянскія массы, разбросанныя на огромныхъ разстояніяхъ, неспособны къ сосредоточенному и планомѣрному дѣйствію и легко подавляются военно-полицейскими экзекуціями; власть располагаетъ вооруженной силой, которой не было у французскихъ правителей 1789 года; наши средніе классы -купечество и мѣщанство—безусловно консервативны. Рабочій пролетаріатъ только начинаетъ у насъ получать извѣстную организацію, а по общей численности, составляя лишь ничтожный процентъ всего населенія, онъ далеко еще не можетъ претендовать на ту руководящую роль, которая приписывается ему по аналогіи съ западно-европейскими государствами. Не слѣдуетъ также преувеличивать значенія и силъ нашихъ крайнихъ лѣвыхъ партій: эти партіи выросли и получили необыкновенное распространеніе подъ гнетомъ суровыхъ репрессій, и онѣ войдутъ въ свое нормальное русло, когда перестанутъ встрѣчать на своемъ пути искусственныя плотины и преграды. На другой день послѣ манифеста 17-го октября о гражданскихъ свободахъ вся Россія съ удивленіемъ узнала, что нѣтъ такого города или мѣстечка, гдѣ не было бы соціалъ-демократовъ съ ихъ партійной организаціей: это были неожиданные, но весьма чувствительные плоды многолѣтнихъ жестокихъ преслѣдованій, окружавшихъ пропаганду соціализма ореоломъ геройства и самоотверженія. Пусть прекратится гоненіе,—и наша соціалъ-демократія приметъ свои естественные размѣры и современемъ, быть можетъ, разовьется въ самостоятельную народную партію, свободную отъ слѣпого подражанія чужимъ идеямъ и примѣрамъ. Университетской молодежи полагается быть соціалъ-демократической: въ двадцать лѣтъ обязательно вѣрить въ широкіе идеалы соціализма, но съ годами вѣра слабѣетъ и въ лучшемъ случаѣ превращается въ пассивное усвоеніе извѣстной, ни къ чему не обязывающей книжной теоріи. Соціалъ-демократія, въ современномъ ея видѣ, уже по своему нѣмецкому отвлеченно-философскому типу, не имѣетъ у насъ серьезной почвы и не можетъ разсчитывать на успѣхъ въ широкихъ народныхъ массахъ; она пріобрѣла у насъ узко-сектантскій характеръ, наиболѣе заманчивый для полу-интеллигентныхъ искателей правды. Наши соціалисты-революціонеры опасны только для режима Плеве и Дурново, или, вѣрнѣе, для представителей этого режима; но они вполнѣ безобидны при конституціонномъ правленіи, которое поневолѣ заставитъ

ихъ отбросить безплодное доктринерство и принять участіе въ положительной работѣ на пользу народа.

Въ открытой борьбѣ съ реакціоннымъ правительствомъ наши крайнія лѣвыя партіи были сильны своимъ духомъ, но не своимъ реальнымъ значеніемъ; онѣ могли наносить многочисленные отдѣльные удары, ожесточавшіе противника, но никогда не создавали для себя вѣроятности побѣды. Эпидемія политическихъ убійствъ разросталась по мѣрѣ усиленія репрессій и достигла наибольшаго развитія со времени введенія военно-полевыхъ судовъ; человѣческая жизнь утратила какъ будто всякую цѣну, убійства и казни совершаются ежедневно, а никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ обоюднаго озвѣрѣнія, не видно. Ни одинъ политическій успѣхъ не можетъ быть приписанъ этимъ ударамъ революціоннаго террора: напротивъ, дѣятели реакціи охотно входятъ въ роль самоотверженныхъ героевъ и мучениковъ своего служенія, и на мѣсто одного Сипягина или Плеве встаютъ десятки кандидатовъ, еще болѣе рѣшительныхъ и прямолинейныхъ. Нечего и говорить о нелѣпыхъ нападеніяхъ на простыхъ подневольныхъ исполнителей, на какихъ-нибудь городовыхъ или солдатъ, или о новѣйшихъ разбояхъ и грабежахъ, практикуемыхъ подъ именемъ революціонной экспропріаціи: эти жалкіе или безумные подвиги свидѣтельствуютъ о нравственномъ вырожденіи и политической анархіи—послѣдствіяхъ продолжительнаго и безъисходнаго внутренняго кризиса. Ничего хорошаго не достигается даже самымъ обдуманнымъ и разсчетливымъ терроромъ, замѣняющимъ иногда отсутствующее для администраторовъ правосудіе; съ другой стороны, всякія кары безсильны противъ фанатиковъ и юношей-идеалистовъ, готовыхъ сознательно отдать свою жизнь во имя идеи. Единственный крупный шагъ впередъ, завоеванный освободительнымъ движеніемъ,—манифестъ 17-го октября—былъ вызванъ не актомъ насилія, а грандіозною мирною демонстраціей, грозившею изолировать правительство и дворъ отъ всего остального міра. Но эти конституціонныя завоеванія—какъ ни грустно въ этомъ сознаться—достались намъ все-таки только подъ вліяніемъ японскихъ побѣдъ, послѣ Мукдена и Цусимы. Однако, правящія сферы въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ терпѣли отъ террористовъ огромныя потери въ своемъ личномъ составѣ и въ числѣ своихъ вѣрныхъ слугъ,—и вопросъ о томъ, какъ положить конецъ этой кровавой охотѣ на сановниковъ, министровъ и ихъ агентовъ, представляетъ капитальный интересъ для нынѣшней государственной власти.

Еслибы доводы разсудка дѣйствовали на извѣстный кругъ лицъ, Россія давно имѣла бы регулярное народное представительство съ строго-отвѣтственнымъ и честнымъ управленіемъ; до сихъ поръ оппозиція настойчиво и тщетно доказывала правителямъ и ихъ союзни-

камъ спасительность конституціи для государства и народа, — не пора ли попытаться убѣдить ихъ въ пользѣ этого исхода для нихъ самихъ? Въ сущности правители, столь заботливо ограждающіе минимумъ полноту и обширность своей власти, лишены теперь многихъ цѣнныхъ правъ, доступныхъ обыкновеннымъ смертнымъ,—они не знаютъ чувства личной безопасности, не обладаютъ свободою передвиженія, переѣздовъ и путешествій, не могутъ спокойно посѣщать заграничные курорты, постоянно должны испытывать тревогу изъ-за себя и своихъ семействъ. Не слѣдуетъ ли избавить ихъ отъ этихъ стѣснительныхъ ограниченій и вернуть имъ ту свободу жизни и дѣятельности, какою пользуются ихъ коллеги въ Европѣ? Не завидно ли, напр., положеніе Эдуарда VII, который, будучи могущественнымъ и весьма вліятельнымъ монархомъ, наслаждается всѣми преимуществами личной свободы и можетъ безпрепятственно разъѣзжать по своей странѣ, какъ и по чужимъ краямъ? Развѣ дурно положеніе Вильгельма II, связаннаго прусскою и германскою конституціями? Принципіальныя соглашенія между правящимъ классомъ и оппозиціею едва ли возможны; но многое было бы сдѣлано, еслибы откровенно стать на точку зрѣнія выгодности и практическаго удобства извѣстныхъ комбинацій для высшихъ сферъ.

Незадолго до открытія первой Государственной Думы, въ придворныхъ совѣщаніяхъ, какъ извѣстно теперь, заранѣе обсуждался и былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о роспускѣ Думы, если она выскажется за принудительное отчужденіе земель; главный сторонникъ этого взгляда сдѣлался премьеромъ, и, слѣдовательно, министерство Горемыкина имѣло съ самаго начала свою предустановленную обструкціонную программу по отношенію къ Думѣ, чѣмъ и объясняется самоувѣренный тонъ его декларацій о „недопустимости" аграрной реформы. Полезно ли было для правящихъ сферъ это предварительное рѣшеніе о роспускѣ Думы и выгоденъ ли былъ для власти самый актъ этого роспуска? Объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній: несравненно лучше и спокойнѣе было бы предоставить Думѣ разрабатывать законопроекты, которые никому никакого вреда причинить не могли,—потому что они должны были бы затѣмъ еще обсуждаться въ Государственномъ Совѣтѣ, вновь разсматриваться въ Думѣ и служить предметомъ компромисса между обѣими палатами, или были бы отклонены въ принципѣ и не вошли бы вовсе въ законодательство, за отсутствіемъ необходимой санкціи. Для чего же нуженъ былъ весь этотъ мучительный кризисъ, подстроенный еще до созыва Думы, и какую пользу принесъ онъ правящимъ сферамъ? Между тѣмъ говорятъ, будто предположено и впредь идти по тому же пути непримиримой охранительной политики и что, въ случаѣ избранія рѣзко-

оппозиціонной Думы, будетъ угрожать опасность самому акту 17 октября: вся эта конституція будетъ просто отмѣнена, и бюрократическое самодержавіе возстановится, будто бы, въ старомъ византійско-подъяческомъ стилѣ, согласно идеямъ и стремленіямъ небольшого шумливаго кружка „союзниковъ русскаго народа". Но конституціонные акты не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть взяты обратно, и, конечно, мечтамъ „союза" не суждено осуществиться. Самая возможность подобныхъ слуховъ указываетъ, однако, на то, что въ правящихъ сферахъ не созрѣла еще рѣшимость покончить разъ навсегда съ политическимъ кризисомъ, тянущимся уже десятки лѣтъ и не дающимъ спокойно существовать не только массѣ русскаго общества, но и высокопоставленнымъ сановникамъ и министрамъ. Повидимому, нѣтъ недостатка въ закулисныхъ совѣтникахъ, заинтересованныхъ въ упорномъ продолженіи внутренней смуты; но интересы самой власти настоятельно требуютъ рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ въ духѣ мира и благоразумной уступчивости. Нужно желать, чтобы въ этомъ отношеніи вторая Государственная Дума была счастливѣе первой.

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1907.

Положеніе дѣлъ на рубежѣ новаго года. — Историческія параллели. — Вопросъ о чрезвычайной охранѣ. — „Легализація" партій и ея результаты. — Допустимо ли оставленіе „внѣ закона" хотя бы самыхъ крайнихъ лѣвыхъ партій? — Новая инструкція о выборахъ. — Новое сенатское „разъясненіе". — Выборы и духовенство.

Назначенъ, наконецъ, день выборовъ въ Государственную Думу; открылся предвыборный періодъ—но въ общемъ положеніи дѣлъ не произошло, пока, замѣтной перемѣны. Мѣстности, объявленныя на военномъ положеніи или въ положеніи чрезвычайной охраны, не возвращены, за немногими исключеніями, подъ дѣйствіе обыкновенныхъ законовъ или хотя бы правилъ объ усиленной охранѣ. Не прекращается и не ослабѣваетъ работа военно-полевыхъ судовъ. Публичнымъ собраніямъ противопоставляются всякаго рода преграды. Органы независимой печати висятъ на волоскѣ, оборвать который въ каждую данную минуту можетъ градоначальникъ или губернаторъ. Съ другой стороны, въ разныхъ концахъ государства, не исключая столь бережно охраняемыхъ столицъ, повторяются террористическіе акты, какъ бы въ доказательство того, что угроза смертью вызываетъ, въ концѣ концовъ, пренебреженіе и къ своей, и къ чужой жизни.

Нигдѣ и никогда—за однимъ только исключеніемъ, которое мы сейчасъ укажемъ,—выборы въ законодательное собраніе не наступали при столь тяжелыхъ условіяхъ. Избранію Національнаго Конвента предшествовали первыя неудачи на театрѣ войны, взволновавшія населеніе: но врагъ былъ еще далеко, сентябрьскія же убійства разразились тогда когда въ Парижѣ выборы были уже окончены, а въ департаментахъ, куда не успѣла еще дойти мрачная вѣсть—едва начаты. Выборы въ учредительное собраніе 1848-го года состоялись тогда, когда замолкли

отголоски февральской бури, а признаки новой смуты мало еще кѣмъ чувствовались и сознавались. Выборы въ прусскую палату депутатовъ, послѣдовавшіе за роспускомъ національнаго собранія и октроированіемъ конституціи (декабрь 1848 г.), застали страну смущенною, но не угнетенною; осадное положеніе было провозглашено только въ Берлинѣ и его окрестностяхъ. Французское національное собраніе 1871-го года было избрано подъ впечатлѣніемъ неслыханнаго военнаго разгрома, но безъ давленія со стороны правительства. Во время дополнительныхъ выборовъ, происходившихъ (2-го іюля) послѣ усмиренія коммуны, внѣ дѣйствія общихъ законовъ оставалась лишь небольшая часть государства.

Чтобы найти нѣчто напоминающее переживаемый нами историческій моментъ, нужно обратиться къ Франціи, какою она была послѣ декабрьскаго переворота 1851-го года. Чрезвычайные суды, военное положеніе, казни, массовые аресты и высылки, полновластіе администраціи—все это было налицо въ первые мѣсяцы управленія принца-президента; угнетеніе печати достигало такихъ размѣровъ, до какихъ оно не доходитъ даже у насъ въ настоящее время. Въ Законодательный Корпусъ, избранный при такой обстановкѣ, проникли, за единичными исключеніями, только сторонники правительства или, лучше сказать, покорные его слуги. Депутаты, образовавшіе изъ себя огромное большинство палаты, мало чѣмъ отличались отъ чиновниковъ: они считались избранниками народа, но на самомъ дѣлѣ ихъ назначало правительство, ставя и проводя „оффиціальныя кандидатуры". Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что аналогичныя условія приведутъ къ аналогичнымъ результатамъ, и наша вторая Государственная Дума явится вѣрнымъ снимкомъ съ созывающаго ее министерства? Нѣтъ: за внѣшнимъ сходствомъ скрывается глубокое внутреннее различіе. Захватъ власти, произведенный Людовикомъ-Наполеономъ, засталъ Францію разочарованною и растерявшеюся. Одна за другою пали монархія легитимная, опиравшаяся на преданіе и данность, и монархія буржуазная, ничего не видѣвшая и не хотѣвшая видѣть за предѣлами „легальной страны". Республика, провозглашенная въ февралѣ 1848-го года, была обречена на смерть уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда стихійное возстаніе пролетаріата навело страхъ на массу населенія, а наполеоновская легенда, дорогая народу, нашла искуснаго эксплуататора въ лицѣ племянника великаго дяди. Въ живучесть республиканской формы правленія плохо вѣрили сами составители конституціи—и вовсе не вѣрили ихъ преемники. Монархическое большинство законодательнаго собранія, избраннаго въ 1849-мъ году, ожидало, съ минуты на минуту, открытія наслѣдства; спорнымъ являлся только вопросъ о наслѣдникѣ. Когда этотъ вопросъ былъ

рѣшенъ тѣмъ изъ участниковъ спора, въ рукахъ котораго была вооруженная сила,—на сторонѣ тріумфатора, если не активно, то пассивно, оказалась масса населенія. Крестьяне-собственники, напуганные слухами о предстоящемъ раздѣлѣ земли, шли къ урнамъ толпами, подъ предводительствомъ назначенныхъ мэровъ и преданнаго новому режиму католическаго духовенства; рабочіе, не оправившіеся еще отъ іюньскаго погрома и извѣрившіеся въ буржуазную республику, не составляли сплоченной массы, готовой дать отпоръ правительственнымъ кандидатамъ; такъ называемыя „старыя партіи", враждебныя другъ другу, подавленныя крушеніемъ ихъ надеждъ, не принимали дѣятельнаго участія въ выборахъ; вожди передовыхъ группъ были въ изгнаніи или ссылкѣ. Все это способствовало побѣдѣ самозваннаго властителя, одержанной почти безъ боя.

Совсѣмъ не то мы видимъ теперь у насъ. Доказанною до очевидности является только полнѣйшая несостоятельность стараго порядка, приведшаго къ несчастной войнѣ и къ внутренней анархіи. Изъ комбинацій, идущихъ ему на смѣну, ни одна не можетъ считаться испытанной и окончательно отвергнутой. Крушенія не потерпѣла ни одна новая политическая вѣра. Народное представительство уже потому не могло обмануть возлагавшихся на него ожиданій, что слишкомъ коротка была его дѣятельность, протекавшая, притомъ, при крайне ненормальной обстановкѣ. Въ прошедшемъ прогрессивныхъ партій—если разсматривать каждую изъ нихъ какъ цѣлое, не отвѣтственное за дѣйствія отдѣльныхъ членовъ,—нѣтъ груза, неудержимо тянущаго внизъ или уничтожающаго, на время, возможность движенія. Если крестьянской массѣ и свойственъ консерватизмъ, то онъ парализованъ, въ настоящую минуту, томительнымъ чувствомъ матеріальной нужды и не устраненнаго еще безправія. Вѣковая исторія воспитала въ русскомъ крестьянствѣ такое отношеніе къ землѣ, какого не знаетъ Западъ. Надъ русскими рабочими, какъ классомъ, только-что сознавшимъ свои особые интересы, слабо тяготѣетъ память о безплодныхъ стремленіяхъ и о напрасно потраченныхъ силахъ. Усталость отъ борьбы не переходитъ у насъ въ уныніе. Въ этомъ—первое глубокое различіе между Франціей начала пятидесятыхъ годовъ и Россіей на рубежѣ 1907-го года. Другая разница—въ количествѣ и качествѣ реакціонныхъ силъ. Французская бюрократія, хорошо вымуштрованная, строго дисциплинированная, авторитетная въ глазахъ населенія, гордая своимъ дѣйствительнымъ или воображаемымъ превосходствомъ (вспомнимъ слова Тьера: „cette administration que l'Europe nous envie"), была надежнымъ орудіемъ въ рукахъ принца-президента и его порочныхъ, но умныхъ пособниковъ. Русское чиновничество—въ особенности то, которое непосредственно соприкасается съ народомъ—ли-

шено традицій, не обладаетъ ни выучкой, ни энергіей, мало довѣряетъ самому себѣ и мало кому внушаетъ довѣріе; въ политической борьбѣ, къ которой ничто его не подготовляло, его ослабляютъ даже лучшія его качества—умѣренное развитіе формализма и значительная доза добродушія. То же самое можно сказать и о русскихъ священникахъ: имъ чужда властность католическаго духовенства, чуждо желаніе вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла—и сообразно съ этимъ невелико политическое вліяніе ихъ на прихожанъ. Съиграть выдающуюся роль въ выборной борьбѣ они бы не смогли, еслибы и захотѣли.

Итакъ, на избирательную побѣду въ родѣ той, которую одержали, въ 1852-мъ году, Морни и Персиньи, министерство Столыпина разсчитывать не можетъ. Продолжимъ, однако, начатую нами параллель; допустимъ, что большинство во второй Государственной Думѣ, благодаря принятымъ и принимаемымъ административнымъ и инымъ мѣрамъ, окажется именно такимъ, какое желательно правительству. Французскій Законодательный Корпусъ, наполненный безличными и безцвѣтными креатурами торжествующаго бонапартизма, былъ призванъ къ самой скромной роли, при полномъ затишьѣ государственнаго творчества. Организація новаго политическаго строя была закончена, путемъ декретовъ, еще до открытія первой законодательной сессіи. На разсмотрѣніе палаты вносились только маловажные, сравнительно, законопроекты, прекрасно, въ техническомъ отношеніи, разработанные Государственнымъ Совѣтомъ. Управленіе страною велось опытными и ловкими руками; народное благосостояніе скорѣе росло, чѣмъ уменьшалось; неудовольствія въ массахъ не было; удачно и не безъ блеска веденная война съ Россіей увеличила престижъ, связанный тогда съ самымъ именемъ Наполеона. Все это вмѣстѣ взятое привело къ тому, что вторые выборы въ Законодательный Корпусъ, произведенные въ 1857-мъ году, мало чѣмъ отличались отъ первыхъ и упрочили еще на шесть лѣтъ благополучное и безматежное существованіе декабрьскаго режима. При такихъ ли условіяхъ придется работать нашей второй Государственной Думѣ? Переходъ отъ одного государственнаго строя къ другому только-что начался; вездѣ царитъ хаосъ, вездѣ идетъ мучительно тяжелый процессъ созиданія новыхъ формъ и новыхъ отношеній; на очереди стоятъ преобразованія, глубоко, со всѣхъ сторонъ затрогивающія общественную жизнь. Съ громадной, ежедневно усложняющейся задачей не можетъ справиться бюрократія, несостоятельность которой обнаруживалась столько разъ въ другихъ дѣлахъ, гораздо менѣе трудныхъ. Необходимъ призывъ всѣхъ живыхъ народныхъ силъ, необходима мирная, но ничѣмъ не связанная борьба, которая только одна можетъ привести къ желанному успокоенію. Въ средѣ Думы, искус-

ственно приведенной къ одному знаменателю, такая борьба немыслима. Къ усиліямъ министерства ничего не прибавятъ усилія послушныхъ ему народныхъ представителей. А что, если правительственная поддержка проведетъ въ Думу значительное число сомнительныхъ союзниковъ? Что, если такъ называемые „монархисты", исходя изъ той мысли, что въ области политики неумѣстна благодарность, поднимутъ противъ министерства то самое знамя, которымъ они потрясаютъ теперь по адресу лѣвыхъ партій, какъ умѣренныхъ, такъ и крайнихъ? Не пойдетъ ли тогда на смарку и то немногое, что такою дорогою цѣною пріобрѣтено Россіей, и не очутится ли она опять, при еще худшихъ условіяхъ, въ томъ положеніи, въ которое ее повергла реакція послѣдней четверти XIX-го вѣка? Терпѣливо нести бремя этого положенія народъ, однажды проснувшись и раскрывъ глаза, безъ сомнѣнія не станетъ, и передъ несчастной страной раскроется такое „море бѣдъ", въ сравненіи съ которымъ померкнетъ все испытанное ею до настоящей минуты.

Къ числу „instrumenta regni", съ особою охотой употребляемыми министерствомъ Столыпина, принадлежитъ чрезвычайная охрана. Въ Москвѣ, гдѣ она была объявлена за нѣсколько дней до начала вооруженнаго возстанія, дѣйствіе ея продлено еще на полгода. Въ Петербургѣ и петербургской губерніи она была провозглашена 8-го іюля, очевидно—въ томъ предположеніи, что воспослѣдовавшій въ тотъ же день роспускъ Государственной Думы подастъ поводъ къ волненіямъ и безпорядкамъ. Предположеніе это оказалось ошибочнымъ: помимо военнаго бунта въ Кронштадтѣ, возникшаго не на почвѣ недовольства роспускомъ Думы и очень быстро усмиреннаго, общественная тишина была нарушена лишь нѣсколькими террористическими актами, противъ которыхъ безсильны самыя тщательныя предосторожности и самыя суровыя репрессіи. Тѣмъ не менѣе, чрезвычайная охрана остается въ силѣ, хотя нельзя представить себѣ ничего болѣе несовмѣстнаго съ характеромъ и назначеніемъ предвыборнаго періода. Посмотримъ, какіе доводы приводятся обыкновенно въ оправданіе столь явной аномаліи.

Въ пользу чрезвычайной охраны говоритъ прежде всего, по мнѣнію ея защитниковъ, ея успокоительное дѣйствіе. Но развѣ до нея Петербургъ не переживалъ долгаго періода внѣшняго спокойствія, ничѣмъ не отличающагося отъ нынѣшняго? Развѣ со времени окончанія послѣдней прошлогодней забастовки происходили въ Петербургѣ сколько-нибудь серьезныя нарушенія порядка, вызывавшія вмѣшательство вооруженной силой? Случилось ли въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ 1906-го года что-нибудь напоминающее

хотя бы тѣ уличныя схватки, которыми были омрачены первые дни послѣ обнародованія манифеста 17-го октября? Что касается до петербургской губерніи, то развѣ не ко второй половинѣ года относятся немногіе аграрные безпорядки, нарушившіе правильное теченіе деревенской жизни? Къ тому заключенію, которое всемѣрно стараются обосновать новѣйшіе сторонники властной руки, нельзя, слѣдовательно, придти даже съ помощью обманчивой формулы: post hoc—ergo propter hoc. „Успокоеніе", въ смыслѣ отсутствія явныхъ нарушеній наружнаго порядка, наступило для Петербурга и петербургской губерніи гораздо раньше объявленія въ нихъ чрезвычайной охраны.

Какъ бы то ни было — таковъ дальнѣйшій аргументъ въ пользу statu quo,—при дѣйствіи чрезвычайной охраны живется сравнительно легко, и потому нужно за нее держаться и даже цѣпляться. Разсуждающіе такимъ образомъ не замѣчаютъ, что они стоятъ, въ сущности, за безсрочность чрезвычайной охраны — безсрочность, граничащую съ вѣчностью. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что во время охраны былъ бы рѣзко и сильно нарушенъ порядокъ. Само собою разумѣется, что вслѣдъ за этимъ съ особенною силой раздалось бы требованіе сохранить, продлить охрану. Теперь то же самое требованіе выводится изъ прямо противоположной основы — изъ ненарушимости порядка. Итакъ, охрана необходима во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ ходъ общественной жизни?... Никто, однако, не станетъ отрицать, что усиленная и, тѣмъ болѣе, чрезвычайная охрана—явленіе ненормальное, исключительное: на это указываетъ уже самое ея наименованіе. Не ясно ли, что въ основаніи аргументаціи, приводящей къ явно нелѣпому заключенію, лежитъ либо логическая ошибка, либо нежеланіе считаться съ логикой?

Спокойно ли, далѣе, живется подъ крылышкомъ охраны—спокойно ли живется хотя бы „благополучнымъ россіянамъ", огражденнымъ или считающимъ себя огражденными отъ полицейскаго произвола? Способствуютъ ли ихъ спокойствію газетныя извѣстія объ „экспропріаціяхъ", произведенныхъ въ частной квартирѣ или на улицѣ, иногда въ самомъ центрѣ столицы? Способствуетъ ли ихъ спокойствію сознаніе, что при прогулкѣ они могутъ наткнуться на сцену въ родѣ той, которая разыгралась 14-го октября на набережной Екатерининскаго канала, а у себя дома могутъ пострадать отъ бомбы, взорвавшейся надъ или подъ ихъ квартирой? Противъ тревоги, вытекающей изъ такихъ источниковъ, безсильна самая экстраординарная охрана: положить ей конецъ можетъ только прекращеніе террора сверху и террора снизу, установленіе порядка, при которомъ хорошо жилось бы по возможности всѣмъ и каждому.

Чрезвычайная охрана—это одна изъ новыхъ варіацій на старую тему:

„que les méchants tremblent, que les bons citoyens se rassurent". Какъ и всѣ предшествовавшія, новая варіація не устраняетъ фальши, заключающейся въ самой темѣ. Между понятіями о bons и méchants нѣтъ и не можетъ быть ясной демаркаціонной линіи; каждое изъ нихъ видоизмѣняется до безконечности, въ зависимости отъ того, кто беретъ на себя роль толкователя. Нельзя, поэтому, утверждать, что отъ чрезвычайной охраны страдаютъ только заслуживающіе страданія. Ея удары, уже вслѣдствіе ихъ стремительности, часто падаютъ не на тѣхъ, кому они предназначались, еще чаще — на тѣхъ, въ комъ и съ помощью сильнѣйшаго увеличительнаго стекла нельзя найти признаковъ дѣйствительной „злобности". Ошибки встрѣчаются даже тамъ, гдѣ онѣ слишкомъ легко могутъ оказаться непоправимыми — напр. въ сферѣ дѣйствій военно-полевыхъ судовъ. Ничѣмъ не вызванный обыскъ, ничѣмъ не оправданное лишеніе свободы—явленія совершенно обычныя, повторяющіяся столь часто, что имъ даже перестаютъ удивляться: а между тѣмъ, каждое изъ нихъ сгущаетъ ту атмосферу взаимнаго раздраженія и недовѣрія, которою мы теперь дышимъ — атмосферу, меньше всего подходящую для предвыборнаго періода. Мыслимо ли въ ней всестороннее выясненіе очередныхъ задачъ, мыслима ли нормальная, при равенствѣ условій происходящая борьба мнѣній? Достаточнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить два факта, только-что внесенные въ ежедневно растущій пассивъ чрезвычайной охраны. На помощника присяжнаго повѣреннаго налагается штрафъ въ *тысячу* рублей за то, что въ созывѣ устроеннаго имъ публичнаго собранія приняли участіе члены партіи народной свободы. Арестуются и высылаются изъ Петербурга двѣ курсистки за то, что онѣ старались вербовать новыхъ членовъ въ ту же партію. Чему и кому грозила, въ обоихъ случаяхъ, чрезвычайная опасность, извиняющая примѣненіе чрезвычайныхъ мѣръ? Можно ли усмотрѣть хоть тѣнь соотвѣтствія между виною и репрессіей—да и не странно ли говорить о винѣ, когда имѣется на лицо лишь невинное, безобидное пользованіе безспорнымъ правомъ? Что̀ преступнаго или предосудительнаго представляетъ участіе друзей въ разсылкѣ приглашеній на легальнѣйшее собраніе или разговоръ о предстоящихъ выборахъ не сопровождаемый ни угрозами, ни обманомъ? Какъ отнеслась бы администрація къ аналогичнымъ дѣйствіямъ совершеннымъ въ интересахъ одной изъ „покровительствуемыхъ" партій?

На послѣдній вопросъ у апологетовъ произвола есть, мы это знаемъ, готовый отвѣтъ. „Quod licet Jovi—скажутъ они—non licet bovi": изъ той свободы дѣйствій, которою пользуются „легализованныя", „зарегистрованныя" партіи, нельзя выводить необходимость предоставленія такой же свободы всѣмъ остальнымъ, не получившимъ, отъ

подлежащаго учрежденія, права на жизнь или прямо лишеннымъ этого права. Мы встрѣчаемся здѣсь съ одною изъ чудовищнѣйшихъ аномалій, созданныхъ дѣйствующимъ порядкомъ. Политическія партіи, *какъ таковыя*, не нуждаются въ оффиціальномъ утвержденіи. Существованіе ихъ разумѣется само собою, разъ что въ странѣ возникла политическая жизнь. Группировка людей, одинаково настроенныхъ, идущихъ, однимъ и тѣмъ же путемъ, къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, совершенно неизбѣжна: ее нельзя предотвратить, нельзя уничтожить, пока есть хоть какая-нибудь почва для общей, совмѣстной работы. Вмѣстѣ взятыя, эти группы обнимаютъ собою всю слагающуюся къ данному моменту политическую гамму, отъ самыхъ низкихъ нотъ до самыхъ высокихъ. Какъ изъ пѣсни нельзя выкинуть слова, такъ изъ цѣпи, образуемой партіями, нельзя вырвать ни одного звена. Если есть въ странѣ извѣстное мнѣніе, то не могутъ не быть и его представители, болѣе или менѣе прочно объединенные между собою. О *легализаціи* партіи можетъ идти рѣчь лишь настолько, насколько партія составляетъ *общество*, въ смыслѣ корпораціи, пользующейся правами юридическаго лица. Пускай требуется внесеніе партіи въ реестръ обществъ, поскольку она имѣетъ въ виду, напримѣръ, покупку дома, заключеніе долгового обязательства или контракта на наемъ квартиры; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы можно было обусловливать регистраціей *политическую* дѣятельность партіи — напр. созывъ собраній, разсылку воззваній и программъ, сборъ добровольныхъ членскихъ взносовъ. Вѣдь это значитъ сдѣлать правительство судьею въ собственномъ дѣлѣ, нарушить равновѣсіе между партіями, создать своего рода цензуру— создать ее именно тамъ, гдѣ для нея всего меньше основаній. Оставаясь въ своей настоящей сферѣ, т.-е. стремясь, законными путями, къ распространенію своихъ взглядовъ и осуществленію своихъ идеаловъ, партія дѣйствуетъ не какъ организованное общество, а какъ свободный, измѣнчивый въ своемъ составѣ союзъ, участники котораго, неся отвѣтственность каждый за себя, всецѣло сохраняютъ свою индивидуальность. Смѣшивать понятіе о партіи съ понятіемъ объ обществѣ — значитъ впадать въ юридическую и политическую ересь.

Намъ могутъ возразить, что требованіе легализаціи—необходимое и законное орудіе борьбы противъ такъ называемыхъ разрушительныхъ партій, угрожающихъ самымъ основамъ общества и государства. Соблюдать нейтралитетъ по отношенію къ такимъ партіямъ правительство не можетъ и не должно: не можетъ—въ силу принципа необходимой обороны, не должно—въ силу своей охранительной миссіи. Этотъ взглядъ заимствованъ всецѣло изъ традицій стараго режима; въ рамкахъ новой эпохи для него нѣтъ мѣста. Всѣ *мнѣнія* имѣютъ право на существованіе; государство, переставшее быть полицейскимъ,

можетъ реагировать силою только противъ *дѣйствій* или противъ словъ, равносильныхъ дѣйствіямъ. Ни въ одной цивилизованной странѣ нельзя безнаказанно и безпрепятственно призывать къ совершенію преступленій, къ вооруженному возстанію, къ немедленному ниспроверженію дѣйствующаго порядка — но вездѣ можно проповѣдывать ученія, послѣднимъ словомъ которыхъ является, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, полнѣйшій переворотъ въ государственномъ и общественномъ строѣ. Русское ухо еще не привыкло къ такой проповѣди, но должно привыкнуть къ ней, разъ что безповоротно рѣшенъ разрывъ съ абсолютизмомъ. Пора освободиться отъ страха передъ названіями и кличками; пора понять, что соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ не станетъ меньше отъ отказа признавать ихъ существующими. Примѣръ Германіи доказываетъ съ достаточною ясностью, что уравненіе всѣхъ партій передъ закономъ не обостряетъ, а смягчаетъ пропаганду, идущую слѣва, и уменьшаетъ опасность, которою она грозитъ современному государству.

Еще болѣе поучителенъ урокъ, вытекающій изъ нашего собственнаго прошлаго. Кто не могъ—или не хотѣлъ—приподнять завѣсу надъ такъ называемымъ подпольемъ, тотъ еще недавно не имѣлъ понятія о степени распространенія у насъ, въ ширину и глубину, доктринъ воинствующаго соціализма. Когда завѣса пала—хотя и не совсѣмъ,—передъ глазами общества предстали довольно значительныя соціалистическія группы, рѣзко выдѣляющіяся изъ неоформленной массы. Если онѣ могли образоваться подъ усиленнымъ, непрерывнымъ гнетомъ, среди вынужденнаго молчанія, то можно ли остановить ихъ дальнѣйшее развитіе теперь, когда ихъ голосъ, хотя и сдавленный, проникаетъ въ печать и черезъ нѣсколько недѣль свободно будетъ раздаваться въ Государственной Думѣ? Не ясно ли, что при такомъ положеніи вещей всякое стѣсненіе не уменьшаетъ, а увеличиваетъ шансы успѣха крайнихъ лѣвыхъ партій? Не знаменательно ли, что именно та соціалистическая партія, которая рѣшилась выступать открыто и легально, исключила изъ своей программы наиболѣе рѣзкія требованія, какъ политическія, такъ и экономическія?.. Есть еще одно обстоятельство, говорящее противъ „непризнанія" лѣвыхъ партій, противъ оставленія ихъ „по ту сторону" права и закона. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ средѣ учащейся молодежи если не абсолютное большинство, то большинство активныхъ, живыхъ силъ принадлежитъ, въ настоящую минуту, сторонникамъ разныхъ оттѣнковъ соціализма. Можно сожалѣть объ этомъ, но нельзя съ этимъ не считаться; нельзя игнорировать партіи, къ которымъ тяготѣетъ молодое поколѣніе—и нельзя бороться съ ними исключительно путемъ преслѣдованій и запрещеній. Весьма вѣроятно, что именно эти способы борьбы содѣйствовали быстрому

росту русскаго соціализма. Молодежь охотно становится въ ряды гонимыхъ и неохотно прислушивается къ рѣчамъ, на которыя невозможно или трудно отвѣчать открыто.

Если не достигаютъ цѣли внѣшнія преграды, противопоставляемыя дѣятельности крайнихъ лѣвыхъ партій, то что же сказать о стѣсненіяхъ, которымъ подвергается партія народной свободы? Къ революціоннымъ партіямъ она сопричислена въ силу яснаго и, по всей вѣроятности, намѣреннаго недоразумѣнія. Отъ болѣе лѣвыхъ группъ конституціоналисты-демократы отличаются именно тѣмъ, что они никогда не проповѣдывали обращенія къ грубой силѣ. Революціоннымъ способомъ дѣйствій нельзя признать даже пассивное сопротивленіе, рекомендованное выборгскимъ воззваніемъ. Можно считать это воззваніе большою ошибкой, но нельзя видѣть въ немъ призывъ къ бунту, къ вооруженной уличной борьбѣ. Ошибкой является, въ нашихъ глазахъ, и недостатокъ рѣшительности въ осужденіи террористическихъ актовъ; но отсюда до *сочувствія* къ красному террору еще очень далеко, и обвинять въ немъ партію народной свободы было бы въ высшей степени несправедливо. Значеніе партіи опредѣляется, притомъ, не прошедшимъ, а настоящимъ. За отказъ отъ платежа налоговъ и отъ несенія воинской повинности конституціоналисты-демократы теперь болѣе не стоятъ. Если въ Гельсингфорсѣ и не было прямо взято назадъ сказанное въ Выборгѣ, то о переходѣ отъ словъ къ дѣйствіямъ нѣтъ уже и рѣчи. Нѣтъ, слѣдовательно, основанія объявлять внѣ закона лѣвый центръ политической арміи, какимъ несомнѣнно является партія народной свободы. Съ центральнымъ положеніемъ несовмѣстима политика крайностей. Сильно передвинувшись влѣво, конституціоналисты-демократы перестали бы быть самими собою—а на это никогда не рѣшится партія, сознающая свое значеніе и вѣрящая въ свое призваніе.

Кромѣ крайнихъ лѣвыхъ партій, только одна партія народной свободы имѣетъ приверженцевъ въ средѣ учащейся молодежи; только она одна, слѣдовательно, создаетъ нѣкоторый противовѣсъ увлеченію, которое, разгораясь все больше и больше, грозитъ трудно вознаградимымъ перерывомъ въ развитіи народнаго образованія. Еслибы правящія сферы больше думали о народномъ благѣ, меньше—о своихъ собственныхъ интересахъ, онѣ должны были бы понять всю неразумность мѣръ, направленныхъ противъ сторонниковъ ускореннаго, но прямого движенія. Утѣшеніемъ, впрочемъ, можетъ служить безплодность этихъ мѣръ, бьющихъ, большею частью, мимо цѣли или ведущихъ къ прямо противоположнымъ результатамъ.

Ни на чемъ не основанное и ни съ чѣмъ несообразное требованіе *легализаціи* партій влечетъ за собою, помимо стѣсненія публичныхъ собраній, еще другія, не менѣе серьезныя послѣдствія. Оно послужило поводомъ къ такому дополненію инструкціи о выборахъ, противъ котораго единодушно возстала вся независимая печать. Въ отмѣну прежняго порядка, при которомъ полученіе бланковъ избирательныхъ записокъ изъ мѣстъ ихъ заготовленія не было обставлено никакими затрудненіями,—новыя правила допускаютъ выдачу ихъ въ неопредѣленномъ количествѣ только обществамъ и союзамъ, зарегистрованнымъ на основаніи закона 4-го марта 1906-го года. Чтобы понять, въ какой степени этимъ затрудняется положеніе нелегализованныхъ партій, необходимо имѣть въ виду, что дѣйствительными, въ силу новыхъ правилъ, будутъ считаться только тѣ бланки, которые снабжены печатью городской или земской управы. Получивъ любое количество такихъ бланковъ, партія, принадлежащая къ числу привилегированныхъ, можетъ отпечатать на нихъ имена своихъ кандидатовъ и разослать ихъ любому числу избирателей, между тѣмъ какъ въ распоряженіи партій непривилегированныхъ окажутся, для этой цѣли, только бланки, доставленные имъ избирателями. Правда, каждый избиратель можетъ получить по два экземпляра бланковъ; но еслибы даже всѣ избиратели, входящіе въ составъ партіи, передали или переслали свои бланки ея центральному комитету, число бланковъ, находящихся въ распоряженіи комитета, все-таки оказалось бы ограниченнымъ и разсылка ихъ была бы поставлена въ сравнительно тѣсныя рамки. А между тѣмъ, полученіе готоваго, заполненнаго бланка, при неграмотности или малограмотности многихъ избирателей, при сильно еще распространенномъ у насъ равнодушіи или просто лѣни, имѣетъ неоспоримо важное значеніе. Во многихъ случаяхъ приходится подавать голосъ за довольно значительное число лицъ (въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, избирательныхъ участкахъ Петербурга выборщиковъ насчитывается болѣе десяти), и собственноручное заполненіе бланка, безъ подчистокъ и помарокъ, является, для непривыкшихъ къ перу, трудомъ не малымъ... „Россія“, съ безцеремонностью, свойственною оффиціозной прессѣ, находитъ льготы, предоставленныя легализованнымъ партіямъ, вполнѣ естественными. „Инструкція“, по словамъ храброй газеты, „только вполнѣ послѣдовательно установила одно изъ совершенно неизбѣжныхъ слѣдствій того факта, что есть группы и партіи, признанныя закономъ, и группы и партіи, закономъ непризнанныя“. Что законъ, относящійся къ *обществамъ*, непримѣнимъ къ *партіямъ*—это мы уже видѣли выше; но даже съ точки зрѣнія „Россіи“ невозможно доказать неизбѣжную связь между правомъ на *существованіе* и правомъ на *привилегію*. Изъ того, что дѣятельность легализо-

ванной партіи нельзя *стѣснять*, вовсе еще не слѣдуетъ, что ей нужно *помогать*—а новая инструкція создаетъ для покровительствуемыхъ группъ особенно выгодныя условія борьбы, искусственно ухудшая тѣмъ самымъ положеніе всѣхъ остальныхъ.

Нововведенія въ инструкціи не исчерпываются правилами о бланкахъ. Какъ и первоначальная инструкція, правила 10-го декабря предусматриваютъ возможность составленія избирательныхъ записокъ въ помѣщеніи избирательной коммиссіи, для чего должна быть отведена особая комната; но къ этому теперь присоединяется требованіе, чтобы въ комнатѣ не находилось одновременно болѣе одного лица. Противъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью предупрежденіе посторонннихъ вліяній на избирателя, возражать, при нормальныхъ условіяхъ, нельзя; но есть ли теперь увѣренность въ томъ, что эти мѣры всегда будутъ приниманемы съ одинаковою строгостью, откуда бы вліяніе ни исходило? Болѣе надежной гарантіей служило бы одновременное присутствіе въ „*особой*“ комнатѣ *нѣсколькихъ* избирателей... То же самое слѣдуетъ сказать о новой статьѣ, по которой какъ внутри зданія, гдѣ происходятъ выборы, такъ и снаружи, у входа, не допускается вывѣшиваніе воззваній, раздача записокъ съ именами кандидатовъ, произнесеніе рѣчей и вообще избирательная агитація. Все будетъ зависѣть, въ этомъ отношеніи, отъ образа дѣйствій наблюдателей (т.-е. преимущественно полицейскихъ чиновъ), на безпристрастіе которыхъ полагаться нельзя... Какъ понимать, наконецъ, ст. 16-ую измѣненной инструкціи, въ силу которой избиратели, подавшіе свои записки, немедленно выходятъ изъ помѣщенія, гдѣ происходятъ выборы? Отмѣняетъ ли она ст. 21-ую первоначальной инструкціи, допускающую присутствіе, при чтеніи избирательныхъ записокъ и подсчетѣ голосовъ, не однихъ только членовъ избирательной коммиссіи? Если эта статья не отмѣнена, то какъ согласить съ нею обязательное удаленіе избирателей, подавшихъ записки? Какимъ образомъ, съ соблюденіемъ какихъ формальностей они будутъ вновь допущены въ залу, гдѣ происходятъ выборы? Почему, съ другой стороны, избиратель, подавшій записку, не можетъ присутствовать при дальнѣйшемъ ходѣ и заключительномъ актѣ выборовъ? Вѣдь еслибы желающихъ остаться оказалось слишкомъ много или они стали бы нарушать тишину и порядокъ, то отъ избирательной коммиссіи зависѣло бы принять мѣры къ устраненію возникающихъ отсюда неудобствъ. Между тѣмъ, именно присутствіе лицъ, не входящихъ въ составъ избирательной коммиссіи—т.-е. не оффиціально, а добровольно слѣдящихъ за всѣми фазисами вопросовъ,—служитъ лучшимъ оплотомъ противъ небрежности и злоупотребленій, лучшей гарантіей правиль-

ности выборовъ. Чѣмъ полнѣе гласность, тѣмъ меньше поводовъ къ подозрѣніямъ и нареканіямъ по адресу избирательныхъ коммиссій.

Дополненіе и измѣненіе инструкціи—не единственное средство, пущенное въ ходъ, въ послѣднее время, съ цѣлью повліять на исходъ выборовъ. Существовало намѣреніе добиться, при помощи Сената, такого устройства избирательныхъ съѣздовъ мелкихъ землевладѣльцевъ, которое уменьшило бы вліяніе крестьянъ-собственниковъ. Изъ закона, разрѣшающаго образованіе отдѣльныхъ *по мѣстностямъ уѣзда* предварительныхъ съѣздовъ, предполагалось вывести возможность группировки мелкихъ землевладѣльцевъ не по мѣсту нахожденія ихъ земли, а по другимъ „мѣстнымъ условіямъ"—напримѣръ, по принадлежности ихъ къ тому или другому общественному классу. Обязательно получились бы, такимъ образомъ, представители дворянства, духовенства, мѣщанства—и уменьшился бы, соотвѣтственно, крестьянскій элементъ на съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Въ концѣ концовъ, однако, противорѣчіе между текстомъ закона и хитроумнымъ толкованіемъ его оказалось слишкомъ рѣзкимъ, и вопросъ былъ снятъ съ очереди. Больше посчастливилось другому представленію министерства, также направленному къ своеобразной интерпретаціи избирательнаго закона. Высочайшій указъ 11-го декабря 1905-го года предоставилъ избирательное право, между прочимъ, лицамъ, не менѣе года занимающимъ въ предѣлахъ города на свое имя отдѣльную квартиру. По разъясненію Сената, въ избирательные списки не могутъ быть внесены по квартирному цензу тѣ лица, относительно которыхъ будетъ установлено, что они, нанимая на свое имя квартиру, на самомъ дѣлѣ въ ней не прожили, хотя и съ временными перерывами, послѣдняго года. Итакъ, внесенію въ избирательный списокъ по квартирному цензу должно предшествовать разслѣдованіе, дѣйствительно ли наниматель пользуется или пользовался квартирой? Или такое разслѣдованіе будетъ производиться только тогда, когда это найдетъ нужнымъ полиція? Что слѣдуетъ понимать подъ именемъ *временныхъ перерывовъ*? Достаточно ли, напримѣръ, пробыть въ квартирѣ одинъ день, или нужно побывать въ ней нѣсколько разъ въ теченіе года, прожить недѣлю, мѣсяцъ, полгода?... Въ разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ неизбѣжно будетъ господствовать полнѣйшій произволъ: одному и тому же обстоятельству легко будетъ дать совершенно различное значеніе, въ зависимости отъ того, къ какой категоріи избирателей принадлежитъ данный квартиронаниматель—благонадежной или неблагонадежной. Между тѣмъ, буквальный смыслъ закона не вызываетъ никакихъ сомнѣній: избирательное право пріурочено имъ къ легко опредѣлимому факту *занятія* квартиры, т.-е. къ заключенію договора найма, къ моменту установленія юридическихъ отношеній

между домовладѣльцемъ и квартирантомъ. Опасаться широкаго распространенія, на этой почвѣ, фиктивныхъ сдѣлокъ нельзя уже потому, что никто не можетъ знать заранѣе, когда будутъ происходить выборы въ Государственную Думу и сколько лѣтъ, слѣдовательно, придется платить за незанимаемую, de facto, квартиру. Во всякомъ случаѣ допущеніе въ число избирателей нѣсколькихъ фиктивныхъ квартирантовъ было бы зломъ гораздо мѣньшимъ, чѣмъ созданіе новаго повода къ полицейскимъ придиркамъ и злоупотребленіямъ... На всѣхъ тѣхъ, кому дорогъ, по старой памяти, авторитетъ Сената, послѣднее его предвыборное „разъясненіе“ произвело такое же удручающее впечатлѣніе, какъ и всѣ предъидущія.

Новая инструкція о выборахъ, рядъ сенатскихъ „разъясненій“, отказъ въ легализаціи оппозиціонныхъ партій, вытекающія отсюда ограниченія избирательной агитаціи, еще бо̀льшія стѣсненія личной и общественной свободы, обусловливаемыя военнымъ положеніемъ и чрезвычайной охраной—таковы разнообразныя формы правительственнаго вмѣшательства въ выборы или, лучше сказать, правительственнаго давленія на избирателей. На тотъ же путь вступаетъ, въ послѣднее время, и духовная власть. Циркулярный указъ св. синода отъ 12-го декабря призываетъ православное духовенство „къ дѣятельному участію и пастырскому руководительству своихъ пасомыхъ въ дѣлѣ выбора достойнѣйшихъ народныхъ представителей въ Государственную Думу“. „Всѣ выборныя собранія“—гласитъ указъ—„желательно предварять молебствіями, на коихъ надлежитъ разъяснять избирателямъ, что насколько добра принесетъ народу Дума изъ людей благоразумныхъ и вѣрныхъ, настолько же зла нанесетъ ему такая Дума, въ которую съумѣли бы проникнуть враги святой вѣры и престола... Выборы въ члены Думы должны предваряться молебномъ, совершаемымъ архіереемъ въ каѳедральномъ соборѣ, и рѣчью, которую долженъ сказать выборщикамъ самъ преосвященный, или лучшій проповѣдникъ города, или наиболѣе вѣдомый народомъ и чтимый пастырь изъ сельскаго прихода или монастыря“. Выборщикамъ и членамъ Думы слѣдуетъ „завѣщать крѣпко стоять за родину, за вѣру и за царя и заботиться прежде всего о томъ, что̀ служитъ на пользу всей православной странѣ нашей“. Итакъ, именно въ тѣ моменты, когда избиратели и выборщики предоставляются самимъ себѣ, когда смолкаетъ агитація, идущая извнѣ, духовенство должно выступать въ несвойственной ему роли политическаго совѣтника и руководителя населенія! Что̀ совѣтовать, куда вести—это предписывается ему свыше: отъ него зависитъ только составленіе варіацій на данную тему. Буду-

щимъ членамъ Думы, призванной къ устройству судьбы разновѣрнаго и разноплеменнаго государства, духовенство обязано внушать заботливость о пользахъ *православной страны*, т.-е. попеченіе не о всемъ народѣ, а объ одной лишь его части. Какъ растяжимо понятіе о врагахъ престола и вѣры, какъ легко оффиціальное толкованіе этого понятія можетъ принять тенденціозную окраску—это не требуетъ объясненій. Мы не думаемъ, чтобы предвыборная дѣятельность духовенства могла оправдать ожиданія, возлагаемыя на нее, повидимому, правительствомъ (иниціатива приведеннаго нами указа принадлежитъ оберъ-прокурору св. синода, входящему въ составъ совѣта министровъ): за рѣдкими исключеніями, слишкомъ ограниченно вліяніе священниковъ на прихожанъ, слишкомъ слаба нравственная связь между ними. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако, вмѣшательство духовенства можетъ нарушить равновѣсіе между партіями, искусственно усиливъ ту изъ нихъ, которая пишетъ на своемъ знамени слова: *русскій народъ*, но на самомъ дѣлѣ идетъ въ разрѣзъ съ стремленіями народа.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1907.

I.

— „Очерки и разсказы“ М. П. Чехова. С.-Петербургъ, 1905 г.

Очеркамъ и разсказамъ М. П. Чехова можетъ грозить двоякая опасность. Съ одной стороны—имя автора, невольно наводя на воспоминаніе о его, столь рано угасшемъ, знаменитомъ братѣ, вызываетъ на сравненіе его произведеній съ тѣмъ, чѣмъ въ рядѣ незабываемыхъ по изяществу, тонкости и глубинѣ чувства разсказовъ обогатилъ русскую литературу послѣдній. Съ другой стороны — мысль о подражательности, о перепѣвахъ, о заимствованіяхъ у брата не можетъ не создавать нѣкотораго „предустановленнаго“ мнѣнія не въ пользу слабыхъ копій съ сильныхъ образцовъ.

Ознакомленіе съ сборникомъ М. П. Чехова приводитъ къ заключенію, что опасность эта—мнимая. Его очерки и разсказы имѣютъ свою собственную цѣну, и если по формѣ и напоминаютъ, подобно многимъ новѣйшимъ произведеніямъ, первообразомъ которыхъ были „Contes à Ninon“ Зола и произведенія Мопассана, очерки Антона Павловича Чехова, то по существу являются плодомъ самостоятельной творческой мысли и труда, при чемъ руководящіе мотивы этой мысли—иные, чѣмъ у Антона Чехова. Изображая русскую жизнь въ рядѣ выхваченныхъ изъ нея сценъ, живыхъ и правдивыхъ, авторъ не могъ, конечно, [illegible] наталкиваться постоянно на ея печальныя стороны, на отсутствіе [illegible] равственныхъ устоевъ, на неуваженіе къ чужой личности и труду, [illegible] а душевное и матеріальное неряшество, на смутное понятіе о долгѣ, [illegible] расплывчатую и безразличную, а потому и безплодную доброту— [illegible] все это нашло себѣ отраженіе въ его разсказахъ. Но, въ противоположность Антону Павловичу Чехову, онъ не впадаетъ въ ту безна-

дежность, которая сквозитъ въ произведеніяхъ перваго изъ нихъ и составляетъ основной тонъ создаваемаго ими настроенія. Онъ меньше покоряется слѣпымъ и жестокимъ законамъ существованія и рѣзче отдѣляетъ тяжесть *жизни*, создаваемую людьми,— отъ тягости *существованія*, на которое природа обрекаетъ людей. У него больше вѣры въ личность человѣка,—въ то, что послѣдній можетъ и долженъ бороться съ наслѣдственностью, съ болѣзнями, съ предполагаемою непреложностью „статистическихъ законовъ", съ несчастливо слагающимися обстоятельствами. Тургеневское „мы еще повоюемъ — чортъ возьми!" нерѣдко слышится въ его разсказахъ, въ которыхъ изображаются не неизбѣжность и прирожденность несчастія, скорби и паденія, а лишь условія, при которыхъ „радость жизни" не можетъ выразиться вполнѣ и безпрепятственно.

Изъ 22 разсказовъ, входящихъ въ книжку Чехова, болѣе половины талантливы и интересны по мысли. Недостатокъ нѣкоторыхъ изъ нихъ—немногихъ, впрочемъ,— состоитъ въ излишней краткости и, такъ сказать, скомканности конца, не соотвѣтствующихъ общему характеру разсказа, при чемъ эта краткость не искупается ея силой и внутреннимъ смысломъ. Таковы, напримѣръ, „Гришка" и „Сживется — стерпится". Къ недостаткамъ надо отнести и анекдотичность нѣкоторыхъ разсказовъ, лишающую ихъ серьезнаго значенія и заставляющую пожалѣть объ ихъ растянутости. Таковы „Интрига", „Улика" и „Вѣрочка". Но эти недостатки чужды цѣлой серіи разсказовъ, проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ, а иногда и яркими въ своей правдивости изображеніями. Такъ—превосходно, кратко и сильно изображенъ процессъ первой встрѣчи ребенка-крестьянина съ жестокимъ отношеніемъ человѣка къ убойнымъ животнымъ, и сцены на бойнѣ принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ автора, хотя на него, быть можетъ, не остались безъ вліянія удивительныя строки, посвященныя этому же предмету Л. Н. Толстымъ въ его предисловіи къ книгѣ о вегетаріанствѣ (разсказъ „Гришка"). Такъ, съ тонкимъ пониманіемъ и психологически-продуманно изображено, съ разныхъ сторонъ, состояніе человѣка, пораженнаго семейною потерею, при чемъ важность, тяжесть и таинственная значительность случившагося противопоставлены житейской прозѣ и пошлости, бездушію больничнаго персонала, эгоистическому безсердечію театральнаго антрепренера и корыстному вымогательству духовенства и прочихъ похоронныхъ пособниковъ („Непріятность", „Одинъ" и „Итогъ"). Въ этихъ разсказахъ, а также въ „Гришкѣ", „Стѣнѣ" и „Грѣхѣ", разлито много искренней любви къ дѣтямъ, пониманія дѣтской души и, какъ почти во всѣхъ разсказахъ, возвышеннаго отношенія къ чистымъ радостямъ и святымъ обязанностямъ семьи. Послѣдній изъ указанныхъ разсказовъ содержитъ въ

себѣ сильный, но безъ подчеркиваній, и глубокій, но безъ натяжекъ и односторонности, протестъ по вопросу о кормилицахъ, съ такой страстностью затронутый въ послѣдніе годы французской драматургіей. Чувство правды, которое сквозитъ почти въ каждомъ очеркѣ М. П. Чехова, удерживаетъ его отъ изображенія темными красками лишь одной стороны въ этомъ противоестественномъ договорѣ, — и сила впечатлѣнія отъ этого лишь выигрываетъ. Житейскою правдою и анализомъ тончайшихъ „противорѣчій души“ проникнуты и начало разсказа „Сживется—стерпится“, гдѣ превосходно изображена убыль любви въ обманувшемся въ себѣ сердцѣ, — и весь разсказъ „Ложь“, достойный кисти Антона Чехова. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить превосходнаго разсказа „Реверсъ“, гдѣ въ рамки самыхъ обыденныхъ явленій жизни и въ описаніе брака въ бѣдной офицерской армейской средѣ вставлено хватающее за сердце, трагическое содержаніе. Бѣднякъ офицеръ и учительница музыки, страстно влюбленные другъ въ друга и объявленные женихомъ и невѣстою, не могли дождаться срока, когда накопятъ всю сумму для реверса,—и несчастная дѣвушка, желая скрыть свой позоръ обращенія въ глазахъ окружающаго общества изъ „невѣсты“ въ „любовницу“, рѣшается тайно отъ жениха заложить взятый на прокатъ рояль. Наступаютъ роды, неумѣлая дешевая акушерка вызываетъ родильную горячку—и въ то время, когда родильница на краю гибели, а ребенокъ умеръ (что отъ нея скрыли), на сцену является судебный слѣдователь. Но она остается жива, и когда совершенно потерявшійся мужъ возвращается домой, онъ застаетъ жену сидящею на кровати. Она смотритъ на него своими впалыми, но счастливыми глазами и улыбается ему во все лицо. „Кажется, моимъ страданіямъ пришелъ уже конецъ...“—говоритъ она. Онъ нагибается къ ней и, боясь, чтобы она не спросила о ребенкѣ, цѣлуетъ ее въ лобъ. „Нѣтъ, они только еще начинаются!“—думаетъ онъ и, отойдя къ окну, со сжатымъ сердцемъ смотритъ въ темный палисадникъ.

Отсутствіе шаржировки, напримѣръ, въ остроумномъ очеркѣ судейскаго недоразумѣнія между присяжными засѣдателями въ разсказѣ „По совѣсти“,—здоровый юморъ, сжатость и точность языка—составляютъ неотъемлемыя достоинства книжки М. П. Чехова. Рисуя жизнь въ разныхъ ея общественныхъ проявленіяхъ, онъ касается многихъ и щекотливыхъ сторонъ, гдѣ могъ бы разгуляться какой-нибудь изъ любителей и мастеровъ литературной порнографіи подъ прикрытіемъ якобы моральныхъ цѣлей. Но онъ говоритъ все, что необходимо, и умѣетъ, въ то же время, щадить эстетическое чувство читателя и не возбуждать въ немъ гадливости. Таковы, напримѣръ, разсказы „Отъ скуки“, съ описаніемъ квартиры „Розы Марковны“, содержащей на-

хлѣбницъ, — таково описаніе бракоразводнаго процесса въ очеркѣ „Стѣна"...

Бодрой вѣрой въ чистыя чувства человѣка, способностью видѣть въ немъ не одну игрушку обстоятельствъ, отданную въ жертву животной природѣ, и примирительнымъ духомъ вѣетъ отъ книги Чехова.

II.

— „Повѣсти и разсказы". Бориса Лазаревскаго, Москва, 1906 г.

Изъ четырнадцати разсказовъ г. Лазаревскаго не менѣе десяти слѣдуетъ признать содержательными и художественными по формѣ. Не задаваясь широкими нравоучительными или „обличительными" задачами, не притягивая свое повѣствованіе къ гражданскимъ мотивамъ, г. Лазаревскій тепло и просто, сжато (кромѣ довольно растянутой и оттого менѣе прочихъ удачной повѣсти „Вѣдняки") и вмѣстѣ красиво разсказываетъ про молодость, про зарожденіе и развитіе перваго чувства любви, про житейскую прозу, обрывающую въ этомъ чувствѣ одинъ лепестокъ за другимъ. Выхваченные имъ изъ пестрой ткани жизни отдѣльные куски полны правдивыхъ и яркихъ красокъ. На всемъ сборникѣ г. Лазаревскаго лежитъ печать несомнѣннаго дарованія, искренняго и здороваго чувства, умѣнья „словомъ твердо править" и держать въ рукахъ свою мысль, не давая ей расплываться въ неясныхъ очертаніяхъ или намекахъ—и не давая ей переступать за черту правдоподобности. У него сверхъ того часто встрѣчаются оригинальныя опредѣленія, поэтическія картины и вѣрныя житейскія характеристики, обличающія немалую наблюдательность автора. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ „Любовь Константиновна" г. Лазаревскій тонко характеризуетъ податного инспектора, считающаго роскошью пойти въ театръ не на праздникахъ или купить книгу,—сердящагося на жену, когда она даритъ свои старыя платья прислугѣ, собирающаго четвертушки бумаги,—не жалѣющаго денегъ только на обѣдъ, сводящаго все къ тому, что въ жизни главное — здоровье и деньги, и говорящаго: „всѣ же иныя блага дадутся вамъ свыше", стараясь произнести это какъ славянскій текстъ, и негодующаго, когда ему замѣчаютъ, что такого текста въ священномъ писаніи нѣтъ. Узнавъ объ измѣнѣ жены, онъ проникается такимъ же страхомъ, какъ и въ томъ случаѣ, еслибы у него украли любимый кожаный диванъ, на которомъ онъ привыкъ спать послѣ обѣда.—Авторъ не оптимистъ, и жизнь даже въ лучшихъ случаяхъ, ровная и скучная, какъ ходъ товаро-пассажирскаго поѣзда, ему представляется во многихъ отно-

шеніяхъ тяжелой. Онъ рисуетъ тѣ случаи, когда условія и обстановка жизни уже не могутъ быть измѣнены, но лживый и низменный смыслъ ихъ вдругъ сталъ ясенъ,—„жизни, похожей на сонъ и сонъ ужасный, похожій на летаргію, когда человѣкъ просыпается, но уже послѣ погребенія, очнувшись уже въ могилѣ“, или когда приходитъ въ голову, что бороться съ нею не подъ силу, и потому „не лучше ли самому выпустить себя въ тиражъ заблаговременно“, и когда „судьба точно пугается такого рѣшенія, подобно ломовому извозчику, который, замѣтивъ, что его кляча можетъ упасть и издохнуть, вдругъ перестаетъ ее бить и начинаетъ изо всѣхъ силъ помогать ей самъ“... Герой одного изъ разсказовъ Лазаревскаго заявляетъ, что онъ „всегда былъ убѣжденъ, что на свѣтѣ существуетъ непреодолимый законъ справедливости, и что за каждую минуту счастья или наслажденія рано или поздно придется расплачиваться горемъ;—и это бы еще ничего: ну, справедливость такъ справедливость, но судьба никогда не требуетъ возвращенія взятаго у нея наслажденія въ такой же мѣрѣ, а всегда съ процентами, и съ какими процентами!“ Но поэтическія настроенія пробиваются у него сквозь этотъ пессимизмъ. Таковы его описанія—моря ночью, когда „то подходитъ, то снова возвращается назадъ, по мелкимъ камешкамъ, волна, точно желая и не рѣшаясь о чемъ-то спросить“... или пѣсни кубанскихъ казаковъ-пластуновъ въ разсказѣ „Сирэнъ“.

Къ лучшимъ изъ разсказовъ г. Лазаревскаго должны быть отнесены „Отъѣздъ“ и „Сирэнъ“. Первый изъ нихъ — исторія столкновенія изящной чувственности скучающей богатой помѣщицы, вышедшей замужъ по „голосу разсудка“,—съ чистотою непосредственной натуры грубоватаго студента, живущаго на „кондиціяхъ“,—исторія сжатая, какъ въ фокусѣ, въ одномъ эпизодѣ. Второй—разсказъ о томъ, какъ влюбляется молодой товарищъ прокурора, ѣдущій на Кавказъ, въ сосѣдку по купэ прямого поѣзда — умную армянскую дѣвушку,—весь проникнутъ свѣтомъ и теплотой, подкупая читателя своей жизненной правдивостью, чуждою всякой сочиненности. И вагонъ, и пассажиры, и прекрасныя картины бѣгущей мимо природы, и всѣ мимолетные этапы развивающагося чувства нарисованы съ такимъ искусствомъ и такъ полны тѣмъ, что французскіе критики называютъ „crédibilité“, что кажется, что самъ переживаешь все это и видишь этихъ людей.

Глубокой скорбью—безъ всякой, однако, дѣланной чувствительности вѣетъ отъ разсказа „Счастье“, въ которомъ человѣкъ цѣпляется сердцемъ за призраки счастья, безжалостно разбиваемые судьбою, заставляющею его пережить любимую жену и дочь, изъ-за которыхъ пришлось перестрадать свыше мѣры, и отнимающую у него послѣднее остояніе мыслящаго человѣка—волю... Много истиннаго трагизма въ

разсказѣ „Не выдержалъ", гдѣ матросъ, умирающій отъ скоротечной чахотки — слѣдствія простуды отъ долгаго пребыванія въ студеной водѣ во время побѣга съ вахты въ родное село — весь горитъ надеждою и житейскими заботами, осуществляя „Spes phtysicorum"; ярко и выпукло нарисована картинка закулисныхъ нравовъ въ провинціальномъ театрѣ и очерченъ паразитъ антрепренера, театральный критикъ мѣстной газеты — въ разсказѣ „Гейша"; оригиналенъ образъ дѣвушки (въ „Докторѣ"), инстинктивно постигнувшей психику человѣка, способной видѣть съ двухъ-трехъ встрѣчъ каждаго насквозь — и безжалостной, какъ *вивисекторъ*, — быстро обдающей холодомъ того, въ комъ для нея уже не остается ничего непонятнаго, подобно физіологу, выбрасывающему послѣ своихъ изслѣдованій уже ненужный ему трупъ. Наконецъ, — много тонкаго анализа въ „Элегіи", гдѣ, въ формѣ записной тетради, проводится мысль, что *душевно* женщина можетъ отдать себя только одинъ разъ, и что первый, взявшій ея лучшія и самыя чистыя душевныя движенія, на всю жизнь будетъ ей ближе всѣхъ, какъ бы ни сложилась ея судьба...

Недостатки разсказовъ — или, вѣрнѣе, языка г. Лазаревскаго тонутъ въ художественныхъ достоинствахъ его повѣствованій. Къ нимъ надо отнести нѣкоторый излишекъ звукоподражательныхъ словъ и нѣсколько неудачныхъ выраженій („холодно было и въ ноги", вмѣсто „холодно было и ногамъ"; „мы долго *пресмыкались* по дорожкамъ сада", — „обложился вдребезги изорванными лекціями"...), а также одно, очевидно безсознательное, заимствованіе у Достоевскаго: „въ сущности, я ужасная скотина и больше ничего; выпилъ, поѣлъ и уже чувствую себя веселѣе. Весь, весь рѣшительно зависишь отъ того, сытъ ты или голоденъ, здоровъ или боленъ физически... Машина и больше ничего... Стоитъ ли послѣ этого бояться смерти?", — это такъ близко подходитъ къ размышленіямъ Раскольникова въ кабакѣ, предъ встрѣчей съ Мармеладовымъ...—А. К.

III.

— Агафоновъ, В. К. Наука и жизнь. Спб. 1906.

Книга г. Агафонова появляется во-время. Вопросы взаимодѣйствія науки и жизни, особенно въ томъ освѣщеніи, какое придаетъ имъ г. Агафоновъ, можетъ быть, еще никогда не имѣли такого важнаго и практически-реальнаго значенія для насъ, какъ въ настоящее время. Наукѣ вообще приходилось героически бороться за свое существованіе въ Россіи, направляя свои усилія въ сторону темныхъ народныхъ

массъ и несознательныхъ общественныхъ классовъ; она должна была отстаивать свою независимость въ сферѣ административнаго обскурантизма или облекаться въ тогу академической недоступности и самодѣльности, оборотной стороной которой зачастую являлся общественный индифферентизмъ. Не богатое просвѣщеніемъ общество наше, въ широкомъ смыслѣ, частью увлеченное революціонной борьбой, частью растерявшееся въ общей сумятицѣ, переживаетъ тяжелый жизненный процессъ перехода въ новыя условія, и нельзя не признать, что процессъ этотъ, при всей его неизбѣжности въ періоды освободительной борьбы, характеризуется въ непросвѣщенныхъ массахъ признаками умственнаго и нравственнаго одичанія. Наука изгоняется изъ университетовъ, среднія учебныя заведенія расшатаны до основанія, низшей школы почти не существуетъ. Поверхностному наблюдателю можетъ показаться, что это — характерныя особенности всякой освободительной борьбы, когда наука отступаетъ передъ жизнью и даже становится по отношенію къ ней въ неизбѣжное противорѣчіе. Но вся исторія нашего общественнаго развитія показываетъ, напротивъ, что захватившая насъ смутная полоса является только тяжелой расплатой за тѣ столѣтія безысходнаго невѣжества народныхъ массъ и рабской ихъ приниженности, когда наука была не широкой насущной потребностью, а тропическимъ цвѣткомъ, который нужно было беречь отъ свѣжаго воздуха и дурного глаза.

Широкая демократизація науки—такова одна изъ основъ общественнаго міросозерцанія г. Агафонова, и мы особенно привѣтствуемъ этотъ девизъ, потому что въ немъ глубокое убѣжденіе въ творческой силѣ и важности знанія для жизни покоится на признаніи и уваженіи къ исторической традиціи, къ тому, что уже добыто человѣчествомъ на пережитыхъ имъ стадіяхъ культурнаго и философскаго развитія. Идеалъ науки г. Агафоновъ видитъ въ томъ, чтобы запечатлѣть и связать съ прошлымъ каждое индивидуальное переживаніе. И въ послѣдовательномъ и независимомъ стремленіи къ этому идеалу наука, въ самой основѣ своей, по убѣжденію автора, глубоко демократична. Въ доказательство своей мысли авторъ ссылается на цѣлый рядъ фактовъ, которые у всѣхъ на глазахъ. Прежде всего—народные университеты Англіи: ихъ создавала не одна филантропія, но и сознаніе того, что ростъ науки зависитъ отъ высоты образованія массы. Въ то время, какъ такіе ученые XIX-го вѣка, какъ Фарадей, Тиндаль, Гельмгольцъ, Уоллесъ, отдавали часть своего времени популяризаціи, наши русскіе ученые видѣли особую гордость въ томъ, что они не занимаются популяризаціей. „Эта гордость,—замѣчаетъ авторъ, проистекала изъ грубаго непониманія основного демократическаго характера науки и колоссальнаго значенія питательной среды для вся-

кой научной работы". При такой постановкѣ вопроса совершенно понятны нѣкоторыя увлеченія и крайности, особенно тамъ, гдѣ авторъ свои общія положенія примѣняетъ къ Россіи. „Въ такой невѣжественной и малокультурной странѣ, какъ Россія,—говоритъ г. Агафоновъ,—по нашему мнѣнію, неизмѣримо важнѣе для прогресса самой науки не накопленіе новыхъ научныхъ истинъ, не чисто научная работа, а болѣе правильное распредѣленіе научныхъ благъ, общее повышеніе образованія въ народныхъ массахъ". Вопросъ, „что̀ важнѣе",—совершенно праздный вопросъ въ признаніи, что демократизація науки является опредѣляющимъ принципомъ и ея поступательнаго движенія впередъ, т.-е. накопленія новыхъ научныхъ истинъ, которыя, распредѣляясь въ народныхъ массахъ, становятся научными благами.

Но совершенно правильной, на нашъ взглядъ, является точка зрѣнія г. Агафонова на установленіе связи между интересами развитія научной истины и требованіями общественной совѣсти. „Но и въ основѣ эти двѣ проблемы,—говоритъ г. Агафоновъ,—не только не противорѣчатъ другъ другу, а даже сливаются другъ съ другомъ: и та и другая построены на признаніи разноцѣнности чужой индивидуальности съ моею; только построеніе научной истины всегда направлено къ прошлому, а повышеніе общественной справедливости—къ будущему".

„Интересно отмѣтить, что эта параллельность замѣчается и въ исторіи Россіи за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ: эпоха наибольшаго подъема общественной совѣсти—эпоха 60-хъ и 70-хъ годовъ—является и наиболѣе блестящей эпохой науки въ Россіи. 80-е и 90-е годы—годы правительственной реакціи и общественной апатіи—тусклы и сѣры въ исторіи русской науки...

„Мы всѣ знаемъ, какъ ужасно положеніе народнаго образованія въ Россіи, особенно низшей и средней школы. Желѣзная рука самодержавной бюрократіи душила всякую попытку общества расширить количество и повысить качество этихъ школъ. Борьба идетъ уже около ста лѣтъ, особенно сильная—за послѣднія пятьдесятъ".

Жалкіе результаты нашего просвѣщенія авторъ ставитъ въ прямую (но, конечно, не исключительную) зависимость съ тѣмъ, что не всѣмъ русскимъ ученымъ былъ вполнѣ ясенъ демократическій характеръ науки: въ противномъ случаѣ всѣ они не только во имя общественной совѣсти, но и во имя самой науки отстаивали бы интересы общаго образованія въ Россіи противъ тлетворныхъ вліяній бюрократіи, которая, особенно съ 80-хъ годовъ, развратила и профессорскую среду, распространивъ въ ней индифферентизмъ къ судьбамъ не только средней и низшей, но даже и высшей школы. И нельзя не согласиться съ

авторомъ, что чистая наука отъ этого не только не процвѣла, но весьма недвусмысленно пала.

Останавливаясь, въ другой статьѣ, на роли естествознанія въ общей системѣ образованія, г. Агафоновъ приводитъ прекрасные и сильные доводы за необходимость введенія естествознанія въ среднюю школу, какъ одной изъ ея могущественнѣйшихъ основъ. „Неужели и мы насильно будемъ оттаскивать нашихъ дѣтей отъ богатой сокровищницы мірового опыта и предоставимъ имъ складывать свои представленія изъ ничтожнаго количества только личныхъ ощущеній и опыта нянекъ и сверстниковъ?

„Нѣтъ! пусть съ дѣтства человѣкъ привыкаетъ мыслить и жить все въ болѣе и болѣе широкой міровой атмосферѣ, пусть для него не будутъ потеряны прожитыя людьми тысячелѣтія, и онъ используетъ ихъ какъ можно полнѣе. Только тогда и онъ самъ не будетъ потерянъ почти безслѣдно, какъ пропадаютъ милліарды споръ и сѣмянъ, а внесетъ свою лепту въ общественную жизнь. Естествознаніе должно быть введено въ среднюю школу, конечно, не для гимнастики ума, но и не для развитія чувства природы и эстетическихъ наслажденій; оно должно быть введено, чтобы изъ школы выходили люди, способные самостоятельно мыслить и работать".

Являясь талантливымъ популяризаторомъ естественнонаучныхъ истинъ, г. Агафоновъ приводитъ ихъ въ связь и съ господствующими направленіями въ области философскихъ и соціальныхъ наукъ и съ запросами общественной справедливости; эволюціонизмъ является коренной чертой его міросозерцанія. Міровая эволюція завѣщала человѣку стремленіе, безсознательное и сознательное, къ тому идеалу его соціальной жизни, который требуетъ отъ него наибольшей самостоятельности, наибольшаго проявленія своей индивидуальности и въ то же время наибольшей чувствительности къ внѣшнему міру. „Но соціальная эволюція часто затуманиваетъ и коверкаетъ этотъ идеалъ: она создала рабство и пирамиды, крѣпостное право и Аракчеева, постоянное войско и Наполеона, мѣщанскую буржуазію и ея мораль, американскихъ милліардеровъ и чудовищный развратъ, пролетаріевъ и вырожденіе".

Авторъ менѣе всего стоитъ за новизну своихъ идей, когда въ такъ называемой борьбѣ за существованіе видитъ „благопріятный факторъ эволюціи", но онъ всей силой убѣжденія ратуетъ за реальную приложимость этого принципа въ той соціальной эволюціи, которая, завершивъ зоологическую эволюцію человѣческаго рода, завѣнчавъ человѣческій типъ, должна состоять въ дальнѣйшемъ расширеніи внѣшняго міра на новые роды индивидуальностей, въ дальнѣйшей выработкѣ достовѣрности путемъ демократизаціи науки и, съ

другой стороны, въ созиданіи новыхъ индивидуальностей, въ созиданіи матеріальной культуры и въ творчествѣ. И, въ частности, напримѣръ, автору представляется вѣроятнымъ, что послѣ того, какъ человѣчество справилось съ рабствомъ, съ крѣпостнымъ правомъ, оно справится и съ другой, менѣе грубой несправедливостью—неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатства. „Я не могу себѣ представить людей,—говоритъ авторъ,—въ видѣ стада барановъ, пасущихся мирно на тучномъ лугу, я убѣжденъ, что всегда будетъ борьба и конкурренція, какъ всегда останутся человѣческія индивидуальности, но борьба должна быть честная, при равныхъ условіяхъ, и однимъ и тѣмъ же орудіемъ. А это настаетъ только тогда, когда каждому человѣку будутъ даны одинаковыя возможности учиться, работать и жить".

Вполнѣ послѣдовательнымъ является съ точки зрѣнія авторскаго индивидуализма признаніе цѣнности за личностью, обнаруживающей признаки стремленія къ самоопредѣленію, желающей проявить всѣ свои силы, развить всѣ свои способности. Цѣнны не одни только великіе Вольтеръ и Руссо, но и вся та плеяда энциклопедистовъ, которыхъ отличала прежде всего вѣра въ силу знанія, направленную противъ предразсудковъ и пережитковъ, которые боролись во имя личности, во имя „декларацiи правъ человѣка". И если они отстаивали свои идеалы героически, цѣною жизни и смерти, то тѣмъ выше „цѣнность" ихъ личности,—потому что въ этой цѣнности самое прекрасное—способность къ воодушевленію, къ экстазу и къ борьбѣ.

Въ статьѣ „Индивидуализмъ и соціализмъ" г. Агафоновъ проводитъ ту мысль, что индивидуализмъ, какъ онъ его понимаетъ, и соціализмъ вовсе не исключаютъ другъ друга. Исходя изъ того положенія, что альтруистическія и соціальныя чувства существуютъ въ природѣ человѣческой и что ихъ изъ человѣка не вырвешь, а съ другой стороны—что мораль можетъ быть только личная (автономная личность—единственный законодатель морали),—г. Агафоновъ проводитъ такую параллель между индивидуализмомъ и соціализмомъ:

„Основа индивидуализма, по нашему мнѣнію, не въ отрицаніи альтруистическихъ чувствъ и соціальности, а *въ защитѣ творческаго значенія личности и ея гармоничнаго развитія* (курсивъ автора). Это начало мнѣ приходилось не разъ защищать, и потому я считаю себя индивидуалистомъ.

„Но съ такимъ же правомъ я причисляю себя къ соціалистамъ.

„Что же такое „соціализмъ"?

„Соціализмомъ въ настоящее время мы назвали бы совокупность такихъ ученій, которыя, отрицая современное капиталистическое государство, какъ основанное на насиліи и эксплоатаціи меньшинствомъ большинства, стремится къ уничтоженію частной собственности на

землю и на орудія производства и къ созданію такихъ общественныхъ организацій, при которыхъ стала бы невозможной эксплоатація однихъ людей другими, при которыхъ человѣческая личность смогла бы удовлетворить всѣ свои потребности, смогла бы гармонически развиваться".

Въ такой формулировкѣ требованія соціализма представляются автору не только не противорѣчащими требованіямъ индивидуализма, но даже необходимыми, неизбѣжными для осуществленія послѣднихъ.

Въ связи съ этимъ наибольшая свобода индивидуальнаго творчества жизни является въ глазахъ автора наиболѣе высокимъ идеаломъ человѣчества. „Первымъ шагомъ, приближающимъ насъ къ этому идеалу, будетъ осуществленіе грядущей соціальной революціи, когда падутъ цѣпи экономическаго рабства, и всѣ получатъ равную возможность принять участіе въ строительствѣ жизни и будущаго человѣчества".

Таково въ общихъ чертахъ міросозерцаніе г. Агафонова, раскрываемое имъ въ цѣломъ рядѣ статей—старыхъ (вторая половина 90-хъ годовъ), подчасъ устарѣлыхъ, и новыхъ, развивающихъ вопросы живой современности. Съ этимъ міросозерцаніемъ можно не соглашаться, можно съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія отказывать ему въ философской глубинѣ, но нельзя не признать, что въ немъ на лицо всѣ признаки здоровой политической и общественной мысли, что оно проникнуто яснымъ и цѣльнымъ убѣжденіемъ въ необходимости знанія и прогресса, что оно согрѣто вѣрой въ близкое торжество освободительныхъ началъ. Такое міросозерцаніе, въ эпоху политическаго разброда и борьбы не оформившихся соціальныхъ инстинктовъ, особенно цѣнно, и мы желаемъ книгѣ г. Агафонова самаго широкаго распространенія.

IV.

— Котляревскій, Н. Декабристы: кн. А. И. Одоевскій и А. А. Бестужевъ-Марлинскій. Ихъ жизнь и литературная дѣятельность. Спб. 1907.

„Въ кружкѣ декабристовъ поэзія и поэтическое творчество, — говоритъ г. Котляревскій,—были, какъ извѣстно, въ большомъ почетѣ. Политика не мѣшала, а способствовала культу искусства. Но истинныхъ новаторовъ въ творчествѣ среди этихъ политическихъ дѣятелей не было; были люди лишь съ болѣе или менѣе крупнымъ дарованіемъ".

Эта мѣткая характеристика относится къ Рылѣеву, А. Бестужеву, кн. А. Одоевскому и Кюхельбекеру. Она же можетъ быть принята и какъ господствующая точка зрѣнія, съ которой авторъ смотритъ на предметъ своего изложенія. На первомъ планѣ—тщательно

собранные и красиво и вдумчиво изложенные біографическіе факты, затѣмъ—обстоятельное разсмотрѣніе литературныхъ трудовъ. Политическій элементъ, въ разрѣзъ съ господствующей тенденціей, занимаетъ подчиненное положеніе, не выходя изъ границъ строго продуманной біографической канвы. Внимательное изученіе источниковъ, изящный, слегка романтическій стиль, чуткость къ поэтической красотѣ уже забытыхъ образовъ литературнаго прошлаго, связаннаго съ именами Одоевскаго и Бестужева, — таковы особенности, дѣлающія книгу г. Котляревскаго интересною для спеціалистовъ и привлекательною для широкихъ круговъ читающей публики.

Есть и еще одно свойство: искреннее увлеченіе автора предметомъ своего изложенія, не всегда гармонирующее съ требованіями историческаго безпристрастія. Въ настоящей книгѣ, посвященной Одоевскому и Бестужеву, особенно посчастливилось первому. Лермонтовъ обезсмертилъ „милаго Сашу“ однимъ изъ трогательнѣйшихъ своихъ стихотвореній, гдѣ говорилъ:

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ
Поэзіи и счастья... Но безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Но до конца среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную...

Въ г. Котляревскомъ Одоевскій нашелъ сочувственнаго біографа и тонкаго цѣнителя его лирическихъ изліяній. „Поэтическое вдохновенье, какъ даръ природы... любовь къ міру и людямъ... очарованіе красотой этого міра... пылъ душевнаго огня, презирающій опасность... мимолетная улыбка свободы и счастья... живая могила... разрушительная тоска, и все-таки жизнь, жизнь, полная духовной борьбы... и надъ всѣмъ этимъ вѣнецъ страданія“... Изъ этой поэтической дымки выступаетъ передъ читателемъ скорбный ликъ поэта-страдальца, озаренный лучами почти небесной кротости и чистоты. Однако, если забыть то обстоятельство, что Одоевскій по недоразумѣнію сдѣлался жертвой далеко не „рыцарской“ жестокости Николая Павловича, и трезво отнестись къ нѣкоторымъ фактамъ жизни и творчества Одоевскаго, то едва-ли явится возможность безъ колебаній раздѣлить поэтическое увлеченіе автора.

Въ качествѣ историка, г. Котляревскій не скрываетъ, но и не

подчеркиваетъ этихъ фактовъ. Одоевскій декабристъ? Но его роль въ движеніи была ничтожна, и, посылая его въ Сибирь вмѣстѣ съ прочими участниками декабрьскаго возстанія, Николай Павловичъ оказывалъ ему незаслуженную честь. Политическую роль Одоевскаго и г. Котляревскій признаетъ ничтожной. „Собственно никакой вины за нимъ, кромѣ самого присутствія на площади, и не было. Были даже заслуги" (?)... Одоевскій—личность? При жизни онъ казался привлекательнымъ для очень многихъ пылкостью своего характера, мечтательностью, живостью ума, но рядомъ съ этимъ въ немъ было несомнѣнное легкомысліе, слабость воли, измѣнчивость, — свойства, которыя, къ сожалѣнію, могли, дѣйствительно, превратить вины декабриста въ „заслуги". „Чѣмъ болѣе думаешь объ этихъ злодѣяніяхъ,— пишетъ Одоевскій царю изъ тюрьмы, — тѣмъ болѣе желаешь, чтобы корень зла былъ совершенно исторгнутъ изъ Россіи". И онъ изображаетъ Пестеля, какъ главу тайнаго общества, и взываетъ къ ангельской кротости царя, котораго всѣ любятъ, которымъ всѣ довольны и противодѣйствовать намѣреніямъ котораго — величайшее безумство и зло. Въ своихъ оправданіяхъ Одоевскій опредѣляетъ образъ мыслей, который онъ заимствовалъ изъ сообщества Бестужева и Рылѣева, „какъ нелѣпый, противузаконный и на однихъ безмозглыхъ мечтаніяхъ основанный". Между тѣмъ изъ дальнѣйшаго видно, что, вопреки показанію А. Бестужева, онъ ничѣмъ не проявилъ противузаконности своего образа мыслей въ тайной политической „работѣ", и солидарность его съ декабристами ограничивается одними разсужденіями съ Рылѣевымъ на темы о законахъ, о словесности да „мечтаніями" о будущемъ усовершенствованіи человѣческаго рода. Конечно, нельзя ставить въ вину Одоевскому его стремленіе доказать свою невиновность, особенно если принять во вниманіе инквизиторскій способъ слѣдственнаго процесса. Но показанія Одоевскаго, въ сопоставленіи съ показаніями другихъ декабристовъ и съ данными о его поведеніи до и послѣ 14-го декабря, даютъ весьма любопытную канву для психологическихъ объясненій, которыя, — разъ уже этому посвящается спеціальная работа, — представляются довольно необходимыми для постиженія его нравственнаго облика. Попалъ ли онъ дѣйствительно по недоразумѣнію въ кружокъ? Насколько внутренне-правдивы его показанія слѣдственной коммиссіи? Что внушено въ нихъ ужасомъ ближняго заключенія и предстоявшей кары, и что находилось въ согласіи съ правдой его нравственнаго облика? Г. Котляревскій не останавливается на этихъ вопросахъ, не изслѣдуетъ ихъ, предоставляя читателю самому дѣлать заключенія. Приводя показанія и письма Одоевскаго, г. Котляревскій большею частью уклоняется отъ ихъ исторической и психологической оцѣнки и въ выводахъ своихъ обна-

руживаетъ необыкновенную осторожность. Сдѣлавъ выписку изъ показанія Одоевскаго о его совмѣстныхъ мечтахъ съ Рылѣевымъ, г. Котляревскій замѣчаетъ: „Одоевскій говорилъ чистѣйшую правду: онъ, дѣйствительно, всего больше „заносился мечтой",—чѣмъ, кажется, и заслужилъ неудовольствіе своихъ товарищей". Сообщивъ, далѣе, нѣсколько фактовъ о „работѣ" Одоевскаго, которые были, однако, въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ „чистѣйшей правдой" показанія, г. Котляревскій не рѣшается дать опредѣленной характеристики политическихъ взглядовъ Одоевскаго. „Да и были ли они у него? — спрашиваетъ г. Котляревскій.—Если вѣрить ему, то къ политической мысли онъ былъ совсѣмъ не подготовленъ; онъ могъ быть политически *настроенъ*, и въ такое настроеніе, по всѣмъ вѣроятіямъ, и выливалось все его политиканство. Изъ показаній на судѣ видно, напр., что онъ даже плохо зналъ уставъ общества, потому что думалъ, что существуетъ конституція, написанная Рылѣевымъ и Оболенскимъ. Самъ онъ ни устно, ни письменно по политическимъ вопросамъ не высказывался. Извѣстно только, что онъ, вмѣстѣ съ Бестужевымъ и Рылѣевымъ, останавливалъ Якубовича отъ цареубійства; Рынкевичъ, кромѣ того, показывалъ, что Одоевскій въ разговорахъ былъ умѣренъ и говорилъ, что Россія не въ такомъ положеніи, чтобы имѣть конституцію. Въ своихъ собственныхъ показаніяхъ Одоевскій неоднократно говорилъ, что все это дѣло считалъ шалостью и ребячествомъ".

Картина достаточная для того, чтобы придти къ заключенію, что, раздѣливъ,—и то въ наиболѣе слабой степени,—общую участь съ декабристами, Одоевскій лишь по недоразумѣнію можетъ быть поставленъ рядомъ съ ними, и, можетъ быть, было бы правильнѣе отнести его къ числу жертвъ, захваченныхъ одновременно буйнымъ порывомъ Николаевскаго негодованія и сыска.

Да и въ качествѣ жертвы Одоевскій былъ сравнительно баловнемъ судьбы. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи тысячу рублей ежегодно (вмѣсто шести тысячъ, которыя онъ могъ бы имѣть, еслибы получилъ разрѣшеніе государя), сибирскій инвентарь его заключалъ въ себѣ обширный и разнообразный матеріалъ хозяйственнаго и домашняго уклада; въ 1837 году, послѣ настойчивыхъ просьбъ вліятельныхъ родныхъ, онъ получилъ разрѣшеніе перейти на службу на Кавказъ, и здѣсь онъ въ томъ же году то пускался на демонстративныя выходки при проѣздѣ государя, и кричалъ,—впрочемъ по-латыни, чтобы не понимала полиція, тогда, какъ незадолго передъ тѣмъ, еще въ Сибири, онъ привѣтствовалъ наслѣдника престола патріотическими стихами, въ которыхъ взывалъ,—чтобы „пришелъ наконецъ владыко извелъ для великаго свѣта всѣхъ сидящихъ въ узахъ темноты". Отдитъ сопоставить факты изъ жизни Одоевскаго хотя бы съ тѣми

что сообщаетъ о бытовой сторонѣ жизни истинныхъ декабристовъ Западной Сибири г. Дмитріевъ-Мамоновъ, чтобы видѣть, что сравнительно съ ними Одоевскій пользовался относительнымъ благополучіемъ. Его жаль, какъ всякую молодую жизнь, пострадавшую безвинно и угасшую безвременно, но до страдальческаго вѣнца *декабриста* ему далеко...

Большую и серьезную работу выполнилъ г. Котляревскій по отношенію къ А. Бестужеву. Онъ прослѣдилъ его жизнь въ связи съ развитіемъ міросозерцанія и художественныхъ, отчасти и общественныхъ настроеній. Особенно цѣнной частью работы г. Котляревскаго является всестороннее изученіе его литературной дѣятельности, которое должно лечь въ основу историческаго опредѣленія дѣятельности Бестужева на литературномъ поприщѣ. Но въ своемъ этюдѣ о Бестужевѣ-декабристѣ г. Котляревскій не остановился на болѣе или менѣе рѣшительной характеристикѣ общественно-политическихъ взглядовъ Бестужева, которая могла бы быть сдѣлана на основаніи показаній послѣдняго и сопоставленія ихъ съ аналогичными свидѣтельствами, раскрывающими внутренній ходъ развитія міросозерцанія декабристовъ. Въ общемъ, въ изложеніи г. Котляревскаго выростаетъ чрезвычайно интересная и, дѣйствительно, яркая личность эпохи, производившая глубокое впечатлѣніе на современниковъ, оставившая неизгладимые слѣды своего вліянія въ политикѣ и литературѣ.

Въ дѣятельности А. Бестужева, какъ литератора, г. Котляревскій отмѣчаетъ прежде всего очень живой и порывистый темпераментъ. „Впечатлительность бойкаго ума, тревога души, неустойчивой въ своихъ настроеніяхъ и, наконецъ, быстрый темпъ рѣчи—свободной, яркой и нескупящейся на метафоры—источникъ и всѣхъ достоинствъ Марлинскаго, какъ писателя, и всѣхъ его недостатковъ. Достоинствомъ нужно признать разнообразіе идей, замысловъ, типовъ и психологическихъ проблемъ, какихъ успѣлъ коснуться нашъ писатель; недостаткомъ должно назвать неумѣніе художника найти подходящую достойную форму всему этому богатству. О чемъ бы ни говорилъ Марлинскій, онъ всегда умѣлъ выбрать живую тему, онъ всегда былъ интересенъ какъ наблюдатель, мыслитель и психологъ; писалъ ли онъ критическую статью—онъ былъ оригиналенъ въ своихъ взглядахъ; набрасывалъ ли онъ юмористическую картинку нравовъ—онъ былъ остроуменъ и чуждъ всякой банальности; сочинялъ ли онъ повѣсть—онъ каждому типу умѣлъ придать своеобразную рельефность; даже когда онъ писалъ стихи, онъ и въ этой, самой неблагодарной и блѣдной своей роли, иногда умѣлъ тронуть читателя. И при всѣхъ этихъ достоинствахъ каждое его созданіе скорѣе—обѣщаніе, чѣмъ выполненіе: талантъ блеститъ, онъ имѣетъ свою игру, но этотъ та-

въ сенатѣ, объ этомъ читатели найдутъ обстоятельное изложеніе въ статьяхъ г. Лемке. Здѣсь мы остановимся только на вопросѣ: чего желалъ и къ чему стремился, при помощи нелегальнаго распространенія своихъ мыслей, этотъ богато одаренный человѣкъ, въ чемъ полагалъ свои гражданскія стремленія и идеалы? Мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя на нѣкоторыхъ пунктахъ названной прокламаціи, которая показалась такой страшной правительственному режиму. Она приведена г. Лемке съ цѣлымъ рядомъ пропусковъ, отмѣченныхъ имъ въ качествѣ—„увы! неизбѣжныхъ".

Предварительно маленькая подробность. Нѣсколько наивныхъ, неосторожныхъ фразъ въ этой прокламаціи привлекли къ Михайлову особенное вниманіе бюрократическаго бомонда. Въ тотъ день, въ который Михайлову былъ объявленъ приговоръ, собраніе сената происходило публично. Избранная публика, по билетамъ, наполнила залъ и жадно смотрѣла на автора той прокламаціи, „которая ничего не имѣла,—какъ выразился г. Лемке,—противъ смерти всего высшаго чиновничества"... Теперь, когда эта прокламація стала простымъ историческимъ фактомъ, не трудно убѣдиться, что разсѣянные въ ней убійственные рецепты представляютъ собой простыя реторическія фигуры, употреблявшіяся для того, чтобы усилить впечатлѣніе и убѣдить въ неотложности реформъ, и что въ дѣйствительности прокламація была чужда какихъ бы то ни было кровавыхъ призывовъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что говорилось въ ней: „Если для осуществленія нашихъ стремленій—для раздѣла земли между народомъ—пришлось бы вырѣзать сто тысячъ помѣщиковъ, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не такъ ужасно. Вспомните, сколько народу потеряли мы въ Польскую и Венгерскую войны. И для чего? Изъ капризовъ Николая, и не только безъ всякихъ выгодъ, но на позоръ всей страны. Вспомните, что Крымская война стоила намъ триста тысячъ народа, что она разорила цѣлый край, что ввела насъ въ громадный долгъ,—а развѣ мы испугались ея? А развѣ наше дворянство—лучшая рабочая сила страны? Нѣтъ... Но намъ могутъ замѣтить, что наше образованіе шло изъ дворянства, что лучшіе люди были изъ этого сословія. Во-первыхъ, это не совсѣмъ правда. А Ломоносовъ, Кольцовъ, Бѣлинскій? Во-вторыхъ, лучшее, что выходило изъ дворянства, тотчасъ же отдѣлялось отъ него и становилось на сторону угнетеннаго народа. При разрѣшеніи вопроса объ освобожденіи крестьянъ дворянство, и изъ него такъ называемая старая аристократія, показало еще разъ, чего можетъ ожидать отъ него Россія. Мы увидѣли еще разъ и убѣдились окончательно, что это—партія плантаторовъ, что это помѣха Россіи на пути ея развитія. Нравственныя силы Россіи, если онѣ даже и изъ этого источника, и

принадлежать и не могутъ принадлежать дворянской партіи: онѣ составляютъ свое особое сословіе, свой кругъ, непризнанный правительствомъ, враждебный ему и дворянству, дружественный народу. Что народное, что сильно своей внутренней силой, что составляетъ нравственное украшеніе страны—то не дворянское, не правительственное. Ни одинъ человѣкъ, способный различать только сѣрое отъ чернаго, не примкнетъ къ правительственной партіи, не пойдетъ въ привилегированное сословіе, не воспользуется своимъ дворянскимъ происхожденіемъ и титуломъ для притѣсненія народа, для своихъ узкихъ, корыстныхъ цѣлей. Не ту пору мы переживаемъ. Современный честный русскій не можетъ быть другомъ правительства. Онъ—другъ народа. Все же враждебное народу, все, эксплуатирующее его, есть правительство; а все, поддерживающее правительство и стремящееся не къ общему равенству правъ, а къ привилегіямъ, къ исключительному положенію,—есть дворянство и партія дворянская. Это врагъ народа, врагъ Россіи. Жалѣть его нечего, какъ не жалѣютъ вредныя растенія при расчисткѣ огорода".

Уже изъ этого видно, что разрушительная сила прокламаціи заключалась не въ страшныхъ словахъ, не въ рѣзкихъ и грубыхъ выраженіяхъ, а въ разъѣдающей критикѣ современнаго строя, критикѣ, въ которой сказывалась убійственная глубина анализа, смѣлость убѣжденной мысли и чувство протеста, развитое до крайнихъ предѣловъ. Остановившись на вопросахъ, въ чемъ заключаются способности и права на исключительность положенія, которымъ пользуется высшее сословіе, прокламація проводитъ двѣ параллели, опять-таки разсчитанныя на то, чтобы поразить воображеніе и пробудить острую общественную мысль. „Представьте себѣ, что внезапно, въ одинъ день, умираютъ всѣ наши министры, всѣ сенаторы, всѣ чины государственнаго совѣта. Пусть вмѣстѣ съ ними умираютъ всѣ губернаторы, директоры департаментовъ, митрополиты, архіереи, — одинмъ словомъ, вся нынѣшняя служебная аристократія. Что теряетъ отъ этого Россія? Ничего. Черезъ часъ явятся новые министры, новый сенатъ, новый государственный совѣтъ; явятся новые губернаторы, директоры департаментовъ, архіереи и митрополиты,—и колесо государственнаго управленія пойдетъ до того по-старому, что Россія и не замѣтитъ никакой перемѣны".

Но вотъ картина мѣняется,—все „безполезное населеніе" Россіи живо и здорово, но умираетъ аристократія мысли, умираютъ литераторы, поэты, ученые, художники, фабриканты, люди, выражающіе твореніями своими національный геній. „Что станется тогда съ Россіей? И сколько нужно времени, чтобы возстановить ея потерю? Ни фрейлины, ни сенаторы, ни архіереи, ни митрополиты, ни члены го-

сударственнаго совѣта и флигель-адъютанты не въ состояніи быть литераторами, художниками, фабрикантами. Что̀ станется со страной, постигнутой такимъ страшнымъ бѣдствіемъ, лишенной всей нравственной силы?"

Далѣе прокламація вооружается противъ мысли, которая и донынѣ составляетъ отличительную черту представителей „выгоднаго для нихъ консерватизма", будто народъ нельзя предоставить самому себѣ, что ему нужны няньки. „Жалкіе мыслители, хотя и послѣдовательные, вы не хотите дать народу свободу, потому что и для себя самихъ вы видите возможность только одного положенія—холопства. Но кто же далъ вамъ право переносить свое тупоуміе и безсердечіе на весь народъ? Кто сказалъ вамъ, что всѣ должны быть лакеями, потому что вы — лакеи? что ни у кого не должно быть собственной воли, потому что вы тупоумны? Вы говорите, что народъ не созрѣлъ... Неужели нужна какая-то зрѣлость, чтобы отличить справедливость отъ безумія? чтобы чувствовать потребность дышать свѣжимъ воздухомъ. ѣсть, пить, мыслить и, слѣдовательно, свободно выражать свои желанія и мысли? Или вы думаете, что все это не есть органическая потребность человѣка? Или вы думаете, что нашъ крестьянинъ безчувственъ ко всему этому? Что его нужно пріучать постепенно къ справедливости и правдѣ? Что въ дѣлѣ народнаго грабежа и разоренія нужно сходить *на-нѣтъ* постепенно?"

Чего же хотѣла эта прокламація 60-хъ годовъ?—„Мы хотимъ, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть, понимающая потребности страны и дѣйствующая въ интересахъ народа"... „Мы хотимъ свободы слова"... „Мы хотимъ развитія существующаго уже частью въ нашемъ народѣ начала самоуправленія"... „Мы хотимъ, чтобы всѣ граждане Россіи пользовались одинаковыми правами, чтобы привилегированныхъ сословій не существовало"... „Мы хотимъ равенства всѣхъ передъ закономъ"... „Мы хотимъ открытаго и словеснаго суда"... „Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала не лицу, а странѣ"...

Если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя „страшныя" слова, которыми сопровождаются эти пожеланія, и вдуматься въ ихъ сущность, то въ итогѣ окажется очень опредѣленная, отчетливая программа, своевременное принятіе которой дало бы удовлетвореніе уже тогда назрѣвшимъ элементарнымъ потребностямъ гражданской свободы и избавило бы, можетъ быть, наши дни отъ необходимости въ страстной, затянувшейся борьбѣ доказывать, если можно такъ выразиться, застарѣлую своевременность введенія простѣйшихъ началъ правового строя. А пятьдесятъ лѣтъ назадъ человѣкъ, которому вмѣненъ былъ въ вину подобный образъ мыслей, былъ сосланъ на каторгу въ Сибирь и тамъ покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Много любопытныхъ документовъ и по дѣлу Д. И. Писарева. Объ этомъ дѣлѣ въ печати было чрезвычайно мало свѣдѣній. Оно также изложено строго фактически, съ самыми необходимыми примѣчаніями и поясненіями. Но само по себѣ оно заключаетъ такъ много бытового элемента, что былая жизнь ярко воскресаетъ въ воображеніи читателя и живо переноситъ въ тѣ, такъ называемыя, условія русской дѣйствительности, которыя налагали печать „нелегальной" отверженности на все, что было проникнуто смѣлой общественной мыслью или горечью оскорбленнаго гражданскаго порыва. Останавливаясь на политической сторонѣ процесса, мы находимъ въ немъ чрезвычайно любопытный текстъ прокламаціи „молодая Россія", которая тоже напугала въ свое время и правительство, и общественные классы. Этотъ текстъ излагалъ политическую программу извѣстнаго революціоннаго кружка съ тою же категорической опредѣленностью, которая не оставляла сомнѣнія въ полной непримиримости политическаго идеала съ самыми лучшими намѣреніями существующаго строя. „Мы требуемъ измѣненія,—читаемъ въ этомъ текстѣ,—современнаго деспотическаго правленія въ республиканско-федеративный союзъ областей, при чемъ вся власть должна перейти въ руки національнаго и областныхъ собраній. На сколько областей распадется земля русская, какая губернія войдетъ въ составъ какой области, этого мы не знаемъ: само народонаселеніе должно рѣшить этотъ вопросъ. „Каждая область должна состоять изъ земледѣльческихъ общинъ, всѣ члены которыхъ пользуются одинаковыми правами".

На землю и собственность программа смотрѣла такимъ образомъ, что земля отводилась каждому члену общины не пожизненно, но лишь на нѣсколько лѣтъ, по истеченіи которыхъ долженъ былъ происходить передѣлъ; все же остальное имущество оставалось въ пожизненномъ владѣніи члена общины, по смерти котораго оно дѣлалось достояніемъ общины. Указавъ на распредѣленіе дѣлъ и обязанностей, которыя должны пасть на долю національнаго и областныхъ собраній, программа переходитъ къ вопросу о правильномъ распредѣленіи налоговъ: они должны падать своею тяжестью на людей богатыхъ. Для этого программа требовала, чтобы національное собраніе, назначая общую сумму налога, распредѣляло его только между областями. Областныя собранія распредѣляютъ его между общинами, а послѣднія опредѣляютъ личную подать,—такимъ способомъ осуществляется налогъ прогрессивный.

„Мы требуемъ заведенія общественныхъ фабрикъ, управлять которыми должны лица, выбранныя отъ общества, обязанныя, по истеченіи извѣстнаго срока, давать ему отчетъ; требуемъ заведенія общественныхъ лавокъ, въ которыхъ продавались бы товары по той цѣнѣ, ко-

торой они дѣйствительно стоятъ, а не по той, которую заблагоразсудится назначить торговцу для своего скорѣйшаго обогащенія. Мы требуемъ общественнаго воспитанія дѣтей, требуемъ содержанія ихъ на счетъ общества до конца ученія. Мы требуемъ также содержанія на счетъ общества больныхъ и стариковъ,—однимъ словомъ, всѣхъ, кто не можетъ работать для снисканія себѣ пропитанія. Мы требуемъ полнаго освобожденія женщины, дарованія ей всѣхъ тѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, какими будутъ пользоваться мужчины; требуемъ уничтоженія брака, какъ явленія въ высшей степени безнравственнаго и немыслимаго при полномъ равенствѣ половъ, а слѣдовательно, и уничтоженія семьи, препятствующей развитію человѣка, и безъ котораго немыслимо уничтоженіе наслѣдства".

Требованіе уничтоженія брака и еще двухъ-трехъ пунктовъ вродѣ этого возмутили не только реакціонную часть общества, но и нѣкоторые либеральные круги. Намъ оно кажется чрезвычайно характернымъ для своего времени, какъ показатель того, въ какую даль заходили стремленія нашихъ соціалистовъ-шестидесятниковъ, и какой любопытной иллюстраціей ихъ преобразовательныхъ чаяній долженъ былъ послужить знаменитый романъ Чернышевскаго „Что̀ дѣлать?"

На ряду съ такими общими соціальными проблемами, программа предлагала рѣшеніе окраиннаго вопроса. Она требовала полной независимости Польши и Литвы, „какъ областей, заявившихъ свое нежеланіе оставаться соединенными съ Россіей". Всѣ же области должны имѣть возможность рѣшить по большинству голосовъ, желаютъ ли онѣ войти въ составъ федеративной республики русской. „Безъ сомнѣнія мы знаемъ, что такое положеніе нашей программы, какъ федерація областей, не можетъ быть приведено въ исполненіе тотчасъ же. Мы даже твердо убѣждены, что революціонная партія, которая станетъ во главѣ правительства, если только движеніе будетъ удачно, должна сохранить теперешнюю централизацію, безъ сомнѣнія политическую, а не административную, чтобы при помощи ея ввести другія основанія экономическаго и общественнаго быта въ наивозможно скорѣйшемъ времени. Она должна захватить диктатуру въ свои руки и не останавливаться ни передъ чѣмъ. Выборы въ національное собраніе должны происходить подъ вліяніемъ правительства, которое тотчасъ же и позаботится, чтобы въ составъ его не вошли сторонники современнаго порядка (если только они останутся живы). Къ чему приводитъ невмѣшательство революціоннаго правительства въ выборы — доказываетъ прошлое французское собраніе 48-го года, погубившее республику и приведшее Францію къ необходимости выбора Луи Наполеона въ императоры".

Не менѣе интересна, какъ характерный образчикъ революціоннаго

творчества своей эпохи и прокламація „Предостереженіе", приводимая г. Лемке въ томъ же процессѣ. „Мы, революціонеры, т.-е., люди не производящіе переворота, а только любящіе народъ настолько, чтобы не покинуть его, когда онъ самъ безъ нашего возбужденія ринется въ борьбу, — мы умоляемъ публику, чтобы она помогла намъ въ нашихъ заботахъ смягчить готовящееся въ самомъ народѣ возстаніе. Намъ жаль образованныхъ классовъ; просимъ ихъ уменьшить грозящую имъ опасность. Но для этого нужно, чтобы публика сдѣлалась болѣе хладнокровна и менѣе легкомысленна, чѣмъ какою выказала она себя въ сплетняхъ о пожарахъ. Перестаньте поощрять правительство въ его реакціонныхъ мѣрахъ". Предостереженіе было направлено противъ ложныхъ обвиненій революціонеровъ, будто они поджигали Петербургъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно является коррективомъ къ увлеченіямъ „Молодой Россіи". Вооружаясь противъ выдумокъ и сплетней, предостереженіе говорило: „Мы достовѣрно знаемъ, что такихъ революціонеровъ нѣтъ и не было. Нѣсколько пылкихъ людей писали и напечатали публикацію, рѣзкія выраженія которой послужили предлогомъ для нелѣпыхъ обвиненій. Довольно прочесть эту публикацію со вниманіемъ, чтобы понять чувства ея издателей: эти люди—экзальтированные и уже по тому самому неспособные имѣть никакихъ низкихъ намѣреній. Они сказали нѣсколько опрометчивыхъ словъ, но, конечно, не придавали имъ того смысла, какой хочетъ въ нихъ видѣть правительство и находитъ петербургская публика... Исторія свидѣтельствуетъ, что демократы никогда не дѣйствовали ни поджигательствами, ни другими подобными средствами. Она обличала, что если много разъ винили ихъ въ этомъ, то обвиненіе всегда было клеветою, которую порождало легковѣріе, и которою пользовались деспотическія правительства, всегда склонныя къ реакціоннымъ мѣрамъ"...

Кромѣ показаній Д. И. Писарева и студента Баллода, въ концѣ помѣщено нѣсколько небезынтересныхъ писемъ Благосвѣтлова къ В. П. Попову.

Но настоящимъ открытіемъ въ дѣлѣ изученія общественно-исторической литературы явилось опубликованіе процесса Н. Г. Чернышевскаго. Съ точки зрѣнія отечественной юстиціи 60-хъ годовъ, дѣло Чернышевскаго, по вѣрному замѣчанію г. Лемке, должно поистинѣ считаться вѣнцомъ зданія россійской законности; но оно представляетъ собой и замѣчательный документъ, характеризующій ту россійскую дѣйствительность, въ которой приходилось жить и работать просвѣщеннѣйшимъ людямъ своей эпохи. „На мою долю выпало познакомить, наконецъ, русское общество и съ процессомъ Чернышевскаго,—говоритъ авторъ,—съ тѣмъ ужасающимъ произволомъ и беззаконіемъ, которые скрываются за этимъ словомъ. Это не былъ про-

цессъ слѣдствія и суда. Это процессъ подкупа, насилія и профанированія всякаго понятія законности. Это образецъ дѣлъ, которыя неоднократно потомъ вело самодержавное правительство противъ лицъ, ему неугодныхъ, не стѣснялось никакимъ декорумомъ приличія. Это процессъ, который власть, вообще несклонная знакомить подданныхъ съ какой бы то ни было „политикой", имѣла полное основаніе скрывать, особенно въ свое время". И авторъ приводитъ въ концѣ негодующее письмо Герцена, гдѣ послѣдній поздравлялъ „различныхъ Катковыхъ", восторжествовавшихъ надъ своимъ врагомъ, и спрашивалъ, легко ли имъ на душѣ. „Чернышевскій былъ вами выставленъ къ позорному столбу на четверть часа,—писалъ Герценъ,—а вы, а Россія на сколько лѣтъ останетесь привязанными къ нему?"

Къ дѣлу Чернышевскаго мы надѣемся вернуться особо; о немъ нельзя говорить вкратцѣ. Отмѣтимъ здѣсь крупную заслугу г. Лемке, открывшаго возможность изучать это дѣло въ полномъ видѣ. Позволимъ себѣ лишь небольшое замѣчаніе. Въ свое изложеніе г. Лемке, помимо важныхъ поправокъ и примѣчаній фактическаго свойства, вноситъ нѣкоторый субъективный элементъ. И это вполнѣ естественно: не можетъ авторъ, излагающій обстоятельства дѣла Чернышевскаго, остаться равнодушенъ ко всему, что въ нихъ возмущаетъ или трогаетъ человѣческую душу. Но постановка вопроса о виновности Чернышевскаго представляется намъ не вполнѣ правильной. Приведя слова Чернышевскаго, указывавшія на то, что обвинительный матеріалъ противъ него былъ совершенно негоденъ, г. Лемке говоритъ: „Это, однако, не значитъ, чтобы я становился на точку зрѣнія, болѣе или менѣе общепринятую въ литературѣ: Чернышевскій пострадалъ-де *совершенно* невинно. Я думаю, что положеніе вопроса иное: Чернышевскій пострадалъ *юридически* невинно. Этимъ я хочу сказать, что вовсе не склоненъ думать, что Николай Гавриловичъ дѣйствительно не былъ прикосновенъ къ революціонной работѣ своего времени". Всякая иная, кромѣ юридической, точка зрѣнія едва ли возможна при изученіи процесса Чернышевскаго и только затуманиваетъ истинную роль „отечественной юстиціи 60-хъ годовъ". Причастность Чернышевскаго къ революціонной работѣ своего времени въ гораздо большей степени доказывается полнымъ собраніемъ его сочиненій, чѣмъ отдѣльными о немъ мнѣніями. Не отрицая возможности участія Чернышевскаго въ *практической* революціонной работѣ, мы признаемъ приведенныя г. Лемке свидѣтельства слишкомъ, однако, недостаточными для рѣшенія вопроса въ утвердительномъ смыслѣ и во всякомъ случаѣ требующими болѣе глубокаго изслѣдованія и всесторонняго освѣщенія. Сравнительно съ общимъ смысломъ сочиненій Чернышевскаго, активное участіе его въ освободительномъ движеніи было такою

ничтожной крупицей, что оно далеко не имѣетъ той важности, какую склонны приписывать ему нѣкоторые изслѣдователи. Не слѣдуетъ забывать, что еслибы Чернышевскій хотя на одну минуту сошелъ съ юридической точки зрѣнія, онъ не искалъ бы съ такимъ фанатическимъ упорствомъ „правды". Очевидно, эта „правда" лежала внѣ области спорныхъ и во всякомъ случаѣ гадательныхъ предположеній о томъ, былъ ли Чернышевскій дѣйствительно авторомъ „воззванія къ барскимъ крестьянамъ", или нѣтъ. Это—вопросъ совершенно особый.

Приведемъ въ заключеніе нашей замѣтки стихотвореніе Некрасова, обращенное къ Чернышевскому съ неизвѣстной прежде и впервые напечатанной г. Лемке четвертой строфой:

Не говори: „Забылъ онъ осторожность.
„Онъ будетъ самъ судьбы своей виной"...
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любитъ онъ возвышеннѣй и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ,
Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ.

Такъ мыслитъ онъ, и смерть ему любезна.
Не скажетъ онъ, что жизнь ему нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель безполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамѣстъ не распяли,
Но часъ придетъ—онъ будетъ на крестѣ.
Его послалъ Богъ гнѣва и печали
Рабамъ земли напомнить о Христѣ.

Чернышевскій и любилъ, и мыслилъ возвышеннѣе и шире, чѣмъ это онъ могъ бы раскрыть въ условіяхъ конспиративной работы; однако безъ изученія процесса Чернышевскаго образъ его много бы потерялъ въ своей жизни и полнотѣ. Но чтобы пріобщиться къ его высотѣ и широтѣ мысли и любви, нужно отдаться міру высокихъ и разнообразныхъ идей его богатаго духовнаго наслѣдства.

Статьи г. Лемке, выходящія, какъ извѣстно изъ объявленій, отдѣльнымъ изданіемъ, сопровождены нѣсколькими портретами, иллюстраціями и снимками съ подложныхъ документовъ.—Евг. Л.

VI.

- *И. И. Янжулъ.* Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. Спб. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

У насъ довольно много пишется о фабричной инспекціи и о той р ли, какую играетъ министерство финансовъ и фабричные инспектора

въ дѣлѣ регулированія такъ-наз. рабочаго вопроса; но все это относится къ новѣйшему времени. Воспоминанія И. И. Янжула касаются, напротивъ того, первыхъ лѣтъ дѣятельности института фабричныхъ инспекторовъ; и такъ какъ авторъ былъ первымъ, — притомъ весьма энергичнымъ инспекторомъ, и принималъ „близкое участіе въ первоначальной исторіи нашего фабричнаго законодательства", то его записки могутъ многое выяснить въ вопросѣ о первыхъ шагахъ проведенія въ жизнь нашего фабричнаго законодательства. Такъ, И. И. Янжулъ напоминаетъ о забытомъ у насъ фактѣ учрежденія въ концѣ 70-хъ годовъ въ г. Москвѣ коммиссіи для осмотра фабрикъ и заводовъ и о другой коммиссіи, учрежденной московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Козловымъ. Заслуга этихъ коммиссій (въ трудахъ которыхъ принималъ участіе и авторъ „Воспоминаній") заключается не только въ томъ, что ими были изданы обязательныя постановленія для регулированія нѣкоторыхъ отношеній между фабрикантами и рабочими, постановленія, имѣвшія цѣлью, между прочимъ, „по возможности ограничить произволъ и злоупотребленія хозяевъ". Выработанныя правила для московской губерніи служили, кромѣ того, „важнѣйшимъ матеріаломъ, изъ котораго черпались впослѣдствіи многія положенія, вошедшія въ общіе имперскіе фабричные законы 1885—86 гг.". Намъ кажется только, что авторъ переоцѣнилъ положительное значеніе личности министра финансовъ Бунге (стр. 8) въ исторіи нашего фабричнаго законодательства, подчеркивая гуманизмъ Бунге и оставляя безъ вниманія настроеніе высшихъ сферъ (порожденное революціонной пропагандой въ народѣ) того времени сдѣлать что-либо для низшихъ классовъ общества и тѣмъ отвратить ихъ отъ воспріятія революціонныхъ идей. Настроеніе это выразилось въ такихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, какъ пониженіе выкупныхъ платежей, учрежденіе крестьянскаго банка и другія мѣропріятія, направленныя къ улучшенію положенія крестьянъ. Этимъ настроеніемъ въ значительной степени объясняются и мѣры правительственнаго вмѣшательства въ отношенія между хозяевами и рабочими фабрикъ и заводовъ. Будущій историкъ нашего фабричнаго законодательства, воздавъ должное добрымъ намѣреніямъ Бунге, не можетъ, тѣмъ не менѣе, не упрекнуть его въ томъ, что онъ не былъ достаточно настойчивъ въ практическомъ осуществленіи принципіально рѣшеннаго вопроса и допустилъ не только промедленіе примѣненія закона, но и всякія урѣзки и искаженія мысли законодателя. Исторія этихъ пороковъ нашего фабричнаго надзора и составляетъ предметъ „Воспоминаній" автора.

Первый фабричный законъ, о работѣ малолѣтнихъ, былъ Высочайше утвержденъ 1-го іюня 1882 г., а вслѣдствіе проволочекъ въ изданіи пояснительныхъ къ нему правилъ и инструкціи для инспекторовъ—къ

примѣненію его на практикѣ оказалось возможнымъ приступить лишь къ веснѣ 1885 г.! Но и опубликовавъ, наконецъ, 26 февраля 1885 г. правила для фабрикантовъ, министерство не озаботилось сдѣлать ихъ извѣстными владѣльцамъ промышленныхъ заведеній, несмотря на предупрежденія о томъ инспекторовъ, и послѣднимъ—вмѣсто надзора за осуществленіемъ закона, приходилось тратить мѣсяцы на ознакомленіе фабрикантовъ съ содержаніемъ послѣдняго. Издавъ законъ, министерство, однако, не спѣшило санкціонировать его разрѣшеніемъ преслѣдованія фабрикантовъ, виновныхъ въ его несоблюденіи. Департаментъ мануфактуръ и торговли—жалуется И. И. Янжулъ въ одномъ изъ писемъ того времени—„часто тормазитъ живое дѣло, заботясь не о лучшей постановкѣ закона, а чтобы все было тихо и спокойно, а главное, чтобы „въ Москвѣ (т.-е. крупные промышленники) были довольны!“ (стр. 84). Но и разрѣшеніе защищать авторитетъ закона, путемъ привлеченія фабрикантовъ къ отвѣтственности, было дано больше для формы. Недаромъ промышленники не вѣрили „рѣшимости правительства заставить ихъ исполнять новый законъ и считали все, можно думать, какой-то пробой пера или „шуткой“ (стр. 85). И дѣйствительно, въ районѣ вѣдѣнія И. И. Янжула всего три промышленника (и притомъ крупные) поплатились ничтожными штрафами въ 100 р. „Вотъ и весь видимый практичный результатъ моихъ стараній вплоть до оставленія мною инспекторской службы“, — иронизируетъ авторъ (стр. 93).

Мало удовлетворяли преданнаго своему дѣлу инспектора и другія узаконенія времени Бунге. Закономъ 12-го іюня 1884 г. о школьномъ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ „въ значительной степени искажена основная мысль закона 1882 г., т.-е. обязательность для промышленниковъ предоставлять возможность обученія. Этотъ пунктъ закона можно было понимать въ смыслѣ необходимости для фабрикантовъ позаботиться о школьномъ вопросѣ самимъ (такъ понимали его и фабриканты: см. стр. 37). Узаконеніе 1884 г. возлагаетъ обязанность заботиться объ устройствѣ школьнаго обученія малолѣтнихъ рабочихъ на инспекторовъ“ (стр. 51). Организація фабричной инспекціи въ свою очередь не могла дать удовлетворенія сколько-нибудь серьезнымъ требованіямъ. Личный ея составъ, первоначально намѣчавшійся въ 85 человѣкъ, былъ едва доведенъ до цифры 80, вслѣдствіе чего чуть не большая часть времени инспекторовъ уходила на разъѣзды, и они все-таки были въ состояніи въ теченіе года посѣтить лишь небольшую часть находившихся въ ихъ вѣдѣніи заведеній. Во главѣ инспекціи, — которой предстояло такое важное дѣло, какъ укладка, такъ сказать, фундамента зданія фабричнаго надзора,—поставлено было лицо (Я. Т. Михайловскій), по своей спеціальности (преподаватель,

кажется, исторіи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ) не имѣвшій ни прямого, ни косвеннаго отношенія ни къ промышленности, ни къ рабочимъ, не обладавшій никакой подготовкой къ выполненію такого отвѣтственнаго дѣла. Въ добавленіе ко всему, директоръ департамента, въ вѣдѣніи котораго находился фабричный надзоръ, Н. А. Ермаковъ, оказался прямо-таки тянущимъ руку фабрикантовъ, чѣмъ, конечно, и объясняется описываемая проф. Янжуломъ печальная исторія первыхъ лѣтъ дѣйствія фабричныхъ законовъ. „Не рѣшаясь противодѣйствовать непріятному для него закону явно изъ опасенія скомпрометировать себя въ глазахъ начальства, онъ (Ермаковъ) втихомолку старался всячески извратить средства его выполненія“ (стр. 103). Съ замѣною въ 1887 г. Бунге Вышнеградскимъ, чиновникамъ-противникамъ фабричной инспекціи незачѣмъ было и скрывать свою антипатію, такъ какъ новое „начальство“ вполнѣ имъ въ этомъ симпатизировало. Авторъ приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующую характерную сценку, касающуюся этого предмета. 12 января 1887 г., на актѣ въ московскомъ университетѣ, И. И. Янжулъ встрѣтился съ только-что вернувшимся изъ Петербурга московскимъ городскимъ головою, Алексѣевымъ, и услышалъ отъ него такой разсказъ о его бесѣдѣ съ новымъ министромъ финансовъ, Вышнеградскимъ: „—Вѣдь вы фабрикантъ,—передаетъ Алексѣевъ рѣчь Вышнеградскаго,—ну, что вы думаете о фабричной инспекціи, этой выдумкѣ Бунге?—Когда я (Алексѣевъ) ему отвѣтилъ, что я лично жаловаться на нее не могу и состою въ лучшихъ отношеніяхъ съ инспекціей, Вышнеградскій рѣзко оборвалъ.—Ну, вы тогда исключеніе! Особенно хорошъ вашъ Янжулъ: мутитъ рабочихъ, настраиваетъ противъ хозяевъ, со всѣхъ сторонъ его бранятъ... Нѣтъ, этого я больше не потерплю и постараюсь сократить. Еслибы только инспекція была изобрѣтена въ настоящее царствованіе, то ее легко было бы совсѣмъ отмѣнить; но, къ сожалѣнію, въ прошлое,—а памяти родителя не слѣдуетъ касаться! Но это все равно. Я постараюсь передать инспекцію въ министерство внутреннихъ дѣлъ—пусть изъ инспекторовъ сдѣлаютъ *становыхъ приставовъ!*“ (стр. 176). Излишне разъяснять, что могло ожидать молодое наше фабричное законодательство при такомъ „начальствѣ“. Тѣмъ менѣе можно примириться съ тѣмъ, что въ теченіе пяти лѣтъ нахожденія фабричнаго надзора въ вѣдѣніи Бунге не было сдѣлано ничего для укорененія у насъ этого важнаго учрежденія.

Фабриканты (московскаго района, гдѣ дѣйствовалъ И. И. Янжулъ знали, конечно, объ отношеніи къ закону доброжелательной къ нимъ власти, и потому не скрывали своего отвращенія къ нему и не разъ высказывали увѣренность, что практическаго примѣненія этотъ законъ имѣть не будетъ. Ихъ предсказанія, казалось, и оправдывались. Мы

приводили уже сообщеніе И. И. Янжула о трехъ всего случаяхъ ничтожнаго оштрафованія фабрикантовъ за нарушеніе закона—какъ результатѣ стараній инспектора воплотить законъ въ жизни. Но даже и при такихъ ничтожныхъ репрессіяхъ, фабриканты не стѣснялись заваливать министерство, и лично, и въ составѣ коллегіальныхъ учрежденій, жалобами на неумолимую будто бы строгость инспекціи, угрожающую, по ихъ увѣренію, чуть ли не существованію русской промышленности. Какъ принимались эти жалобы въ департаментѣ даже при Бунге, видно изъ горькаго замѣчанія И. И. Янжула (заслужившаго особенную ненависть фабрикантовъ) въ одномъ письмѣ отъ 1885 г., что „въ другихъ странахъ такая черта служебной дѣятельности (строгость) вызываетъ одобреніе, а у насъ, какъ видно, получается отсюда лишь осужденіе". Авторъ удивляется, какимъ образомъ въ Москвѣ создалась легенда о неумолимой его строгости, какъ инспектора. „Если настойчивость въ требованіи примѣненія закона—пишетъ онъ—и горячее желаніе видѣть его выполненнымъ составляютъ строгость, то жалобы справедливы—я строгъ. Если же—что будетъ правильнѣе—строгость мѣрить отвѣтственностью за нарушеніе закона, то я преступно снисходителенъ, ибо въ теченіе нынѣшняго (1885) года я нашелъ несоблюденіе закона на 200 фабрикахъ, и всего лишь три раза привлекъ хозяевъ къ отвѣтственности передъ судомъ!" (стр. 94). Эта „преступная снисходительность" инспектора обратилась „въ неумолимую строгость" для фабрикантовъ лишь потому, что инспекторъ осмѣливался безпокоить ихъ „степенства" „настойчивыми требованіями примѣненія закона". Безъ надежды на сочувствіе къ себѣ въ министерствѣ фабриканты, конечно, не рѣшились бы предъявлять такія претензіи. А вѣдь это имѣло мѣсто въ министерство Бунге. Очевидно, что, при своихъ гуманитарныхъ тенденціяхъ, министръ не походилъ на своего подчиненнаго въ томъ, что̀ касается „требованій примѣненія закона"; и самъ пр. Янжулъ произноситъ надъ нимъ приговоръ, заявляя, что всѣ его „представленія или предложенія правительству въ смыслѣ тѣхъ или иныхъ усовершенствованій въ постановкѣ вопроса, не слушались въ министерствѣ финансовъ, и на нихъ не обращалось вниманія, особенно при Вышнеградскомъ" (стр. 18). А между тѣмъ положеніе И. И. Янжула въ институтѣ фабричной инспекціи, какъ спеціалиста по рабочему вопросу, было (и считалось таковымъ Бунге) незаурядным. Его, какъ выразился Бунге, правительство „обобрало" при мотивировкѣ закона 1882 г.; отъ него же, какъ отъ спеціалиста, оно ожидало многаго въ смыслѣ введенія въ жизнь и дальнѣйшаго усовершенствованія фабричныхъ законовъ. Почтенный профессоръ считалъ себя обязаннымъ откликнуться на предложеніе взять на себя отвѣтственную роль, такъ

сказать, обоснованія первыхъ шаговъ фабричнаго надзора въ центральномъ районѣ. Онъ забрасывалъ начальство сообщеніями, предложеніями и указаніями на пробѣлы законовъ, выяснившіеся при попыткахъ примѣненія ихъ къ жизни, и получалъ въ отвѣтъ уклоненіе отъ „категорическихъ отвѣтовъ“ (стр. 60), формальныя отписки или намеки на несовсѣмъ умѣстную ретивость въ выполненіи своихъ важныхъ обязанностей. Съ водвореніемъ въ министерствѣ Вышнеградскаго стали ходить даже слухи, что своимъ усердіемъ въ роли фабричнаго инспектора И. И. Янжулъ можетъ, пожалуй, испортить свою профессорскую карьеру. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1887 г. И. И. Янжулъ подалъ въ отставку, проработавъ въ качествѣ инспектора пять лѣтъ и издавъ въ это время два отчета о своей дѣятельности и отчетъ объ изслѣдованіи польской промышленности, признанные весьма цѣннымъ вкладомъ въ литературу о нашей фабричной промышленности. Авторъ оставилъ должность, „убѣдившись въ безсиліи своемъ принести какую-либо пользу“ „любимому“ имъ рабочему вопросу.

VII.

— *А. И. Скворцовъ*, проф. Новоалександрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Аграрный вопросъ и Государственная Дума. Спб. 1906.

Названное произведеніе профессора Скворцова, среди множества книгъ и брошюръ по аграрному вопросу послѣдняго времени, останавливаетъ на себѣ наше вниманіе потому, что мы въ немъ имѣемъ попытку освѣтить данный вопросъ со стороны ученаго, стремящагося послѣдовательно проводить въ своихъ работахъ экономическое ученіе и методъ трактованія экономическихъ явленій К. Маркса, и уже поэтому пользующагося среди читателей довольно большой популярностью. Къ тому же авторъ заинтересовываетъ читателя новой своей книги заявленіемъ, что, по его мнѣнію, появленіе въ наши дни новой работы по аграрному вопросу „можетъ быть оправдано только тѣмъ, что въ ней проводится новый взглядъ или приводятся существенно-важные факты, могущіе повліять на рѣшеніе вопроса“. Правда, авторъ отказывается отъ того, чтобы предложить свое рѣшеніе аграрнаго вопроса; но онъ обѣщаетъ намъ нѣчто, на нашъ взглядъ, болѣе важное: „выясненіе принципіальныхъ положеній, которыя должно имѣть въ виду при его обсужденіи“. Этимъ выясненіемъ онъ не надѣется убѣдить писателей и прожектеровъ аграрныхъ реформъ; но онъ обращается къ „широкому кругу общества“ и надѣется показать ему „ошибочность той точки зрѣнія, съ которой ему представлялся до сихъ поръ данный вопросъ“. Какъ же справляется авторъ съ своей задачей?

Авторъ порицаетъ наши партіи за то, что онѣ полагаютъ „разрѣшить аграрный вопросъ однимъ взмахомъ пера, по одной мѣркѣ для всѣхъ", не взирая на огромное разнообразіе аграрнаго строя различныхъ мѣстностей Россіи. Такъ, „чуть не всѣ разсужденія по аграрному вопросу начинаются съ выставленія положенія, что наши крестьяне страдаютъ отъ малоземелья" (стр. 4). Авторъ же считаетъ, что уже характеръ аграрныхъ движеній въ различныхъ областяхъ Россіи показываетъ, что „такое шаблонное рѣшеніе должно, по меньшей мѣрѣ, подлежать значительнымъ поправкамъ". А именно, въ западныхъ и большей частью въ юго-западныхъ и малороссійскихъ губерніяхъ аграрное движеніе имѣло характеръ борьбы батраковъ съ нанимателями; „требованіе же о передачѣ земли являлось исключеніемъ". А въ нечерноземныхъ губерніяхъ, особенно съ развитою промышленностью, „аграрныя движенія не получили такого развитія, какъ на черноземѣ, и часто совсѣмъ не проявлялись" (стр. 5). Мысль объ уравнительномъ раздѣлѣ всѣхъ барскихъ земель сохранилась—по утвержденію автора—только въ районѣ общиннаго землевладѣнія. А тамъ, гдѣ господствуетъ подворное владѣніе землей, въ средѣ крестьянъ замѣчается значительная дифференціація, отсутствуетъ солидарность интересовъ отдѣльныхъ группъ крестьянъ, и „стремленіе къ передѣлу можетъ быть развѣ что у наиболѣе обдѣленныхъ или совсѣмъ безземельныхъ". „Можно, однако, не рискуя ошибиться, утверждать, что и самое требованіе объ увеличеніи земельныхъ надѣловъ, предъявляемое крестьянами западной полосы, должно считаться въ значительной степени навѣяннымъ" (стр. 8). И „это не были требованія литовскаго и польскаго крестьянства въ цѣломъ, а только наиболѣе обдѣленной его массы". При этомъ крестьяне имѣютъ въ виду получить землю въ полную собственность, а „такой постановкой дѣла характеръ мѣропріятія совершенно измѣняется". Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія было бы въ этомъ случаѣ „ничѣмъ не оправдываемой передачей капитала изъ однѣхъ рукъ въ другія" (стр. 10).

Если приведенныя выдержки изъ книги проф. Скворцова,—предполагая даже, что рисуемое ими настроеніе крестьянъ совершенно отвѣчаетъ дѣйствительности,—допускаютъ какое-либо заключеніе, то лишь заключеніе о томъ, что потребность въ расширеніи землевладѣнія распространяется не на всю массу крестьянъ какого-либо района, что, объявляя принудительное отчужденіе частновладѣльческой земли, нельзя допустить, чтобы эта крайняя мѣра разрѣшенія аграрнаго вопроса обратилась въ простое средство наживы мелкихъ капиталистиковъ на счетъ крупныхъ. Но авторъ дѣлаетъ изъ этого тотъ выводъ, „что увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія не можетъ быть мѣрой, распространяемой на *всю* Россію" (стр. 10); что нѣкоторыя части

послѣдней должны поэтому остаться внѣ сферы примѣненія этого мѣропріятія.

Изъ дальнѣйшаго, однако, оказывается, что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, какъ мѣра, проведенная сколько-нибудь широко, должно миновать и всѣ другіе районы Россіи. Въ пріозерной полосѣ „прибавочное надѣленіе едва-ли понадобится“ (с. 29); въ нечерноземной промышленной полосѣ „нѣкоторое увеличеніе землевладѣнія“ понадобится развѣ только на окраинахъ, „въ незначительномъ, относительно, числѣ случаевъ и всегда при непремѣнномъ условіи развязки съ общиннымъ строемъ“ (стр. 37—38); спасеніе бѣлорусскихъ областей „не въ увеличеніи площади крестьянскаго землевладѣнія, а въ улучшеніи путей сообщеній и сношеній и въ развитіи промышленности“ (стр. 39) и т. д. И даже въ центральной черноземной полосѣ, гдѣ авторъ признаетъ наличность всеобщаго требованія о раздѣлѣ между крестьянами всѣхъ некрестьянскихъ земель (стр. 7), допускается лишь „нѣкоторое увеличеніе крестьянскаго землепользованія“, да и то потому, что положеніе очень ужъ обострилось „и аппетиты крестьянъ раздражены обѣщаніями чуть не всѣхъ думскихъ партій“ (стр. 80).

Въ предисловіи и послѣсловіи къ своей книгѣ авторъ отказывается предложить отъ себя какое-либо рѣшеніе аграрнаго вопроса; но изъ вышеизложеннаго читатель можетъ усмотрѣть, что такое рѣшеніе дано имъ, по крайней мѣрѣ, съ отрицательной стороны: нигдѣ онъ не признаетъ необходимости сколько-нибудь значительнаго расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Распредѣленіе земли между крупной и мелкой собственностью должно остаться, слѣдовательно, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ настоящее время, и который вызываетъ ожесточенныя нападки и нашихъ прогрессивныхъ партій, и огромныхъ массъ населенія. Къ этому почти единообразному для всѣхъ разнообразныхъ областей Россіи заключенію авторъ пришелъ послѣ того, какъ онъ предъявилъ ко всѣмъ нашимъ партіямъ обвиненіе въ намѣреніи разрѣшить аграрный вопросъ „по одной мѣркѣ для всѣхъ“ и высказалъ, что для установленія тѣхъ мѣропріятій „аграрной политики, помощью которыхъ можетъ быть поднято благосостояніе земледѣльческаго населенія даннаго района, необходимо исходить изъ тѣхъ условій, въ которыхъ находится здѣсь земледѣльческій промыселъ“ (стр. 10). Какъ же случилось, что великое разнообразіе условій сельскаго хозяйства на огромной территоріи Россіи отразилось, въ сознаніи изслѣдователя, единообразной формулой, высказанной выше?

Описаніе авторомъ „условій, въ которыхъ находится земледѣльческій промыселъ района“, состоитъ въ указаніи естественныхъ обстоятельствъ, вліяющихъ такъ или иначе на сельское хозяйство, системъ этого по

слѣдняго, распространенія крупнаго и мелкаго землевладѣнія и земледѣлія, и въ оцѣнкѣ того, насколько мѣстныя условія благопріятствуютъ преимущественному развитію крупнаго или мелкаго хозяйства. Въ этомъ, нужно полагать, и заключается обѣщанное авторомъ „выясненіе принципіальныхъ положеній, которыя должно имѣть въ виду при обсужденіи вопроса (аграрнаго)". Если эти положенія принципіальныя, и отъ нихъ зависитъ то или иное рѣшеніе аграрнаго вопроса, то такое рѣшеніе должно бы, казалось, заключаться въ приведеніи отношеній землевладѣнія въ соотвѣтствіе съ отношеніями производства: тамъ, гдѣ естественныя условія требуютъ крупнаго производства, съ точки зрѣнія автора, естественно желать и распространенія крупнаго землевладѣнія; а гдѣ природа мѣстности даетъ перевѣсъ мелкому хозяйству—слѣдуетъ стремиться къ распространенію и мелкаго землевладѣнія. Но у г. Скворцова выходитъ иначе, и чтобы характеризовать методъ его аргументаціи, мы укажемъ, какъ онъ разсуждаетъ въ случаѣ двухъ районовъ съ взаимно противоположными естественными условіями сельско-хозяйственнаго промысла. Условія центральнаго черноземнаго района благопріятствуютъ, по мнѣнію автора, крупному хозяйству. Мелкія хозяйства „въ настоящій историческій моментъ должны уступить здѣсь мѣсто болѣе крупнымъ хозяйствамъ" (стр. 70). Естественно, если для даннаго района г. Скворцовъ отвергаетъ идею о раздробленіи аграрнаго землевладѣнія, несмотря на то, что такого раздробленія требуетъ крестьянское населеніе области, и только потому что „аппетиты крестьянъ раздражены обѣщаніями",—онъ допускаетъ „нѣкоторое увеличеніе крестьянскаго землепользованія" (стр. 80). Въ другомъ районѣ, польскомъ, отношенія прямо противоположны. „Всѣ естественныя и экономическія условія благопріятствуютъ здѣсь процвѣтанію крестьянскаго хозяйства" (стр. 14). Изъ этого, повидимому, естественно придти къ заключенію о передачѣ крестьянамъ хотя бы тѣхъ помѣщичьихъ земель, которыя состоятъ въ ихъ арендномъ пользованіи и на коихъ ими организованы сравнительно удовлетворительныя хозяйства. Но авторъ высказываетъ другое заключеніе. Такъ какъ, при выполненіи вышеуказанной мысли, у крупныхъ владѣльцевъ западной полосы „были бы отобраны всѣ земли, кромѣ лѣсныхъ", тогда какъ „владѣльцы зерновыхъ районовъ поплатились бы только относительно небольшимъ процентомъ своихъ земель", и такъ какъ положеніе крестьянина въ западной полосѣ несравненно болѣе благопріятно, чѣмъ въ восточной", то въ аграрной реформѣ, о которой насъ идетъ рѣчь, надобности не представляется (стр. 23).

Изъ сказаннаго читатель можетъ заключить, что хотя проф. Скворцовъ и отказывается отъ того, чтобы дать какое-либо рѣшеніе аграрнаго вопроса, и обѣщаетъ указать лишь принципіальныя положенія,

долженствующія играть роль при такомъ рѣшеніи, но искомое рѣшеніе этого вопроса у него уже предрѣшено, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для перераспредѣленія землевладѣнія государствомъ принимаемо быть не должно. Что же касается проекта частичныхъ измѣненій каждой области—такового отъ автора, конечно, никто и не потребуетъ. Съ такимъ рѣшеніемъ жгучаго аграрнаго вопроса авторъ представляется намъ какъ бы выходящимъ съ того свѣта. Въ его представленіи аграрный вопросъ чуть ли не возбужденъ нашими партіями, наперерывъ предлагающими крестьянамъ помѣщичьи земли; „и если бы гг. конституціоналисты-демократы не выставляли платформы, въ которой аграрный вопросъ былъ выдвинутъ на первое мѣсто, то намъ не приходилось бы теперь переживать того бѣлаго и краснаго террора, который свирѣпствуетъ чуть не по всему лицу земли русской". Авторъ находитъ „настоящій моментъ совершенно и неблагопріятнымъ для проектированія чего-нибудь существеннаго" въ этой области (стр. 136). „Переживаемый Россіей историческій моментъ именно таковъ, что требуетъ прежде всего добыванія различныхъ свободъ, а не тѣхъ или иныхъ экономическихъ или соціальныхъ реформъ" (стр. 141). Подъ „свободой" авторъ понимаетъ болѣе всего осуществленіе правила: laissez faire, laissez passer, „снятіе тѣхъ путъ, которыя налагаетъ общинный строй и всякія полицейскія вмѣшательства въ жизнь народа" (стр. 141—2). Авторъ не высказывается опредѣленно о своихъ политическихъ пожеланіяхъ; но что эти послѣднія не могутъ быть очень широки—видно изъ того, что онъ былъ бы удовлетворенъ, еслибы первая Государственная Дума на первый разъ распространила „на всю Россію хотя бы земское положеніе 1864 г. въ его первоначальномъ видѣ" (стр. 138). Это касается, впрочемъ, позиціи г. Скворцова среди другихъ политическихъ партій; что же касается его отношенія къ переживаемому моменту вообще, то, какъ видно изъ вышеизложеннаго, авторъ находится еще на той точкѣ зрѣнія, какую наши либеральныя партіи занимали въ началѣ освободительнаго движенія,—на точкѣ зрѣнія стремленія къ политическимъ реформамъ, какъ перваго шага къ дальнѣйшимъ преобразованіямъ страны. Ему, повидимому, неизвѣстно, что расширить свои программы внесеніемъ въ нихъ пунктовъ объ аграрной реформѣ и рабочемъ вопросѣ—за что авторъ такъ обвиняетъ партію к. д. (стр. 142)—заставила сама жизнь. Всеобщія требованія крестьянъ,—безъ поддержки которыхъ на выборахъ эта партія не получила бы преобладанія въ Думѣ, и побудили ее выставить на своемъ знамени непріятное автору требованіе земли и воли.—В. В.

Въ теченіе истекшаго декабря мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовъ, Ив.—Деревенскіе очерки. Спб. 907. Ц. 7 к.

Адлеръ, Эмма.—Знаменитыя женщины французской революціи. 1789—1795. Съ портретомъ. Перев. К. Богдзевича. М. 907. Ц. 1 р.

Аловъ, А. А.—О травматическихъ поврежденіяхъ рабочихъ при работахъ на сельско-хозяйственныхъ машинахъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Ау (С. Патрашкинъ).—Народъ и правительство. Первая Государственная Дума. Сарат. 907. Ц. 30 к.

Базаровъ, В.—Анархическій коммунизмъ и марксизмъ. Спб. 906. Ц. 50 к.

Бентамъ, — Политическіе опыты. Тактика законодательныхъ собраній. Перев. М. К. Спб. 907. Ц. 1 р.

Бердяевъ, Н. — Sub specie aeternitatis. Опыты философскіе, соціальные и литературные (1900—1906 г.). Спб. 907. Ц. 2 р.

Бернштейнъ, Эд.— Анархизмъ. Спб. 906. Ц. 25 к. — Основныя условія хозяйственной жизни. Перев. Спб. 906. Ц. 10 к.

Берлинъ, П. — Политическая борьба въ парламентѣ и внѣ его. Спб. 907. Ц. 10 к.

Богдановъ, А.—Изъ психологіи общества. Изд. 2-е. Спб. 906. Ц. 80 к.

Брикнеръ, А. Г.—Смерть Павла I. Со статьею В. П. Сольскаго. Перев. М. Чапинской. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Брусянинъ, В. В.—Судьба первыхъ депутатовъ. Спб. 906. Стр. 82. Ц. 20 к.

Бяльцъ, Эд.—О воинственномъ духѣ японцевъ и ихъ презрѣніи къ смерти. Съ нѣм. П. Ларенко. Спб. 906. Ц. 50 к.

В., В. — Производство и потребленіе въ капиталистическомъ обществѣ. Спб. 907. Ц. 30 к.

Вайсбейнъ, М. К. — Производство брикетовъ. Съ 104 чертеж., проект. и смѣт. Спб. 907. Ц. 3 р.

Васильевъ, Н. П.—Правда о „кадетахъ“. Изд. 2-е. Спб. 906. Ц. 10 к.

Веббъ, С.—Соціализмъ въ Англіи. Съ нѣм. Г. Куррела. Спб. 907. Ц. 1 р.

Виташевскій, Н. А. — По тайгѣ за золотомъ. По дневнику и письмамъ автора. Съ рис. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Восинъ, Ю.—Разсказы. Спб. 907. Ц. 1 р.

Гартъ.—Революція и наши партіи. М. 906. Ц. 25 к.

Гартманъ, Эд.—Міровоззрѣніе современной физики. Съ нѣм. С. Контовтъ. Астрах. 906. Ц. 1 р.

Геккель, Эрн.—„Міровыя загадки“. Общедоступные этюды по монистической философіи, съ предисловіемъ: „Символъ чистаго разума“. Перев. съ нѣм. и. р. проф. В. Шимкевича. М. 907. Ц. 80 к.

Геллій, Авлъ.—Мысли о русской революціи. Спб. 907. Ц. 30 к.

Гиппіусъ, З. Н.—Новые люди. Разсказы. 2-е изд. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Гудзь, Ц. К.—Законы о выборахъ въ Государственную Думу, съ постатейными разъясненіями. Тверь. 906. Ц. 50 к.

Давидъ, Г. Соціализмъ и кооперативное движеніе. Спб. 906. Ц. 20 к.

Дорофеевъ,—П. П. Краткій учебникъ пчеловодства. Съ 107 рис. Спб. 907. Ц. 45 к.

Еллинекъ, проф. Г. — Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія. Съ нѣм. и. р. Б. Кистяковскаго. Спб. 907. Ц. 30 к.

Ильинъ, А.—Подробный Атласъ Россійской Имперіи, съ планами главнѣй

шихъ городовъ. Карты Подольской и Пензенской губ.; Судебныхъ Округовъ, Увеличеніе населенія Европ. Россіи за 20 лѣтъ; планъ города Риги. Спб.

Кантъ.—Критика чистаго разума. Съ нѣм. Н. Лосскій. Спб. 907. Ц. 2 р.

Кириллъ.—Одиннадцать дней на „Потемкинѣ". Спб. 907. Ц. 1 р.

Козловъ, В. Д.—Очерки и разсказы изъ минувшей войны. Спб. 906. Ц. 1 р.

Кондратьевъ, А. И.—Краткій курсъ военной гигіены, со включеніемъ правилъ подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Конштедтъ, В. — Аграрный вопросъ въ германской соціалдемократіи, съ прилож. ст. Каутскаго объ этой книгѣ. Спб. 907. Ц. 75 к.

Кротковъ, В. В.—Современные вопросы. Спб. 907. Ц. 30 к.

Кутшебъ, д-ръ Станиславъ.—Очеркъ исторіи государственнаго и общественнаго строя Польши. Перев. съ польск. Ядв. Пошховичъ. Спб. 907.

Лексаковъ, Евг.—Стихотворенія. Од. 906. Ц. 40 к.

Лотаръ, Р. — Арлекинъ. Маскарадъ въ 4-хъ д. Перев. Евг. Шарицева. Рига, 906.

Маккай, Дж.—Максъ Штирнеръ, его жизнь и ученіе. Съ нѣм. п. р. Дименской. Спб. 907. Ц. 60 к.

Мельгуновъ, С.—Церковь и государство въ Россіи. Къ вопросу о свободѣ совѣсти. Съ 16 иллюстр. въ текстѣ. М. 907. Ц. 50 к.

Миллеръ, В. Ѳ. — Отголоски смутнаго времени въ былинахъ. Спб. 906.

Мирбо, О. — Дневникъ горничной. Перев. съ франц. Ан. Чеботаревской. Спб. 907. Ц. 1 р.

Митчель, Дж.—Рабочіе союзы въ Америкѣ. Съ нѣм. А. Розенштейнъ, п. р. В. Конелл. М. 907. Ц. 50 к.

Михайловъ, Н. М.—Стихотворенія, съ 1895 по 1904 г. М. 906. Ц. 45 к.

Мошинскій, М.—Первая Государственная Дума. Спб. 907. Ц. 1 р.

Никольскій, Вл.—О гомеопатіи: ея сущность, причины возникновенія, распространеніе и пр. Варш. 906.

Ньмоевскій, Анд.—Заглавіе конфисковано. Съ польск. Спб. 907. Ц. 1 р.

Огановскій, Н.—Какъ смотрятъ разныя политическія партіи на земельный вопросъ. М. 906. Ц. 10 к.

Петрищевъ, А.—Очерки и разсказы. Спб. 906. Ц. 40 к.

Петровъ, М. Н. — Лекціи по Всемірной исторіи. Т. I: Исторія Древняго міра. Изд. 2-е, въ новой обработкѣ и съ дополненіями А. Деревицкаго. Спб. 907. Ц. 2 р. 50 к.

Полилова-Сѣверцова, Г. Т.—Наши дѣды-купцы. Бытовыя картины начала XIX столѣтія. Съ 12 рис. Спб. 907. Ц. 3 р.

Прессъ, Аркадій. — „Пиръ" Платона. О любви. Съ греческаго. Спб. 904. Ц. 50 к.

Прудонъ, П. Ж.—Что такое собственность? Спб. 907. Ц. 75 к.

Пфундлеръ, Л. — Физика обыденной жизни, изложенная общедоступно. 464 рис. Съ нѣм. Г. Котлеръ, п. р. проф. Гезехуса. Спб. 906. Ц. 3 р.

Радемскій, Влад.—Сынъ народа. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Ренанъ, Эрнестъ.—Жизнь Іисуса. Полный перев. съ 25-го изд. А. С. Усовой. Подъ ред. и съ предисл. акад. Александра Веселовскаго. Съ портретомъ. (Библіотека „Свѣточа", подъ ред. С. А. Венгерова). Спб. 906. Стр. XLVII+436. Ц. 1 р. 50 к.

Розенъ, бар. А. Е.—Записки декабриста, съ портретомъ и приложеніями. Спб. 906. Ц. 3 р.

Россовъ, П.—Національное самосознаніе корейцевъ. Спб. 906. Ц. 30 к.

Рубакинъ, Н.—Чистая публика и интеллигенція изъ народа. „Искорки". Очерки и наброски публициста. Спб. 906. Ц. 80 к.

Рязановъ, В. И.—Изъ разысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго. Спб. 906.

Семенюта, П.—Первая Государственная Дума, ея жизнь и смерть. Въ очеркахъ и картинахъ. Спб. 907. Ц. 50 к.

Синклеръ, Уптонъ.—Дебри (The Jungle). Съ англ. К. Ж. М. 907. Ц. 1 р. 25.

Скворцовъ, А.—Аграрный вопросъ и Государственная Дума. Спб. 906. Ц. 1 р.

Старошевильскій, С.—Н. Ив. Пироговъ, великій цѣлитель тѣла и воспитатель души. Варш. 907. 25 стран.

Суперанскій, М.—Начальная народная школа въ Симбирской губерніи. Историко-статист. очеркъ. Симб. 906.

Сухомлиновъ, И.—Почему продовольственное дѣло было изъято изъ вѣдѣнія земства? Черниговъ 907.

Тверитиновъ, Алексѣй.—Объ объявленіи приговора Н. Г. Чернышевскому; о распространеніи его сочиненій на французскомъ языкѣ въ западной Европѣ и о многомъ другомъ. Съ рис. Спб. 906. Ц. 50 к.

Толстой, гр. А. К.—Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Полное собраніе сочиненій, т. IV. Изданіе *сороковое*. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, (гр.) Л. Н.—О значеніи русской революціи. М. 907. Ц. 15 к.

Трусевичъ, Я.—Западная и русская Дипломатика и Сфрагистика древняго Востока. Спб. 907. Ц. 1 р. 20 к.

Френсенъ, Г.—„Рукописъ". Изъ романа „Hilligenlei". Жизнь Іисуса. Перев. А. Гюберта. Съ вступительными статьями А. Горнфельда и И. Гюберта. Спб. 907. Ц. 75 к.

Хейсинъ, М.—Профессіональные рабочіе союзы. Спб. 907. Ц. 30 к.

Чарнолусскій, В.—Итоги общественной мысли въ области образованія. Спб. 906. Ц. 50 к.

Чернышевъ, В.—Законы и правила русскаго произношенія. Знаки—формы—ударенія. Опытъ руководства для учителей, чтецовъ и артистовъ. Варш. 906. Ц. 30 к.

Чернышевскій, Н. Г.—Полное собраніе сочиній въ 10 томахъ съ 4 портретами.—Т. II. „Современникъ" 1856. Стр. 658.—Т. V. „Современникъ" 1859. Отдѣлъ „политики". Стр. 527.—Т. X. Ч. I. Произведенія, написанныя въ Сибири. Стр. 445. Прологъ. Романъ. Стр. 312.—Т. X. Ч. II. Отдѣльныя статьи (1885—1863). Статьи послѣдняго времени (1885—1889). Стр. 329+173+108+321+142. Ц. 10 т. 18 р.

Черри, пр. д.—Развитіе карательной власти въ древнихъ общинахъ. Съ англ. П. Люблинскій. Спб. 907. Ц. 50 к.

Шапиръ, О.—Въ бурные годы. Романъ.—I. Отливъ. II. Въ народъ. III. Впередъ! (1866—1877 гг.). Спб. 907. Ц. 2 р.

Шевыревъ, Ив.—Борьба съ короѣдами. I. Загадка короѣдовъ. Спб. 907. Ц. 50 к.

Эракосъ.—Сборникъ статей по литер. и исторіи въ честь заслуж. проф. университета св. Владиміра. Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 906. Ц. 2 р.

Haumont, Em.—Iwan Tourguénief, la Vie et l'Oeuvre. Par. 906.

Leontieff, W.—Die Lage der Baumwollerarbeiter in St.-Petersburg. Die Geschichte der Industrie und die Fabrikgesetzgebung. München. 906.

— Библіотека перваго Драматическаго Театра: Вып. 1.—О. Дымовъ, Канъ, ц. 20 к.—Вып. 2.—Г. Ибсенъ, Маленькій Эольфъ, ц. 20 к.—Вып. 3.—

А. Шницлеръ, Фарисеи, ц. 20 к.—Вып. 4.—С. Рафаловичъ, Рѣка идетъ, ц. 20 к. Спб. 906.

— Бой-котъ. На темы дней свободы. 1905—06. Спб. 906. Ц. 50 к.

— Дешевая библіотека тов. „Знаніе“: 1) Ванъ-Коль.—Колоніальная политика и соціалъ-демократія. Съ нѣм. І. Гольденбергъ. Ц. 5 к. 2) Антонъ Паннекёкъ, Соціализмъ и Религія. Съ нѣм. Д. Ратнеръ. Спб. 906. Ц. 5 к.

— Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ окт. по окт. 1906. Годъ XI. Кіевъ, 906.

— Законъ 4-го марта 1906 г. о союзахъ и обществахъ съ послѣдующими къ нему разъясненіями Правительствующаго Сената и Министерства вн. дѣлъ. Спб. 906.

— Записки Восточнаго отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества. Изд. п. р. бар. В. Розена. Т. XVII, вып. II-III. Спб. 906.

— Земскіе общеобразовательные курсы для народныхъ учителей. Сборникъ статей. Спб. 906. Ц. 75 к.

— Извѣстія Имп. Русск. Географ. Общества, изд. п. р. А. А. Достоевскаго. Т. XLII, вып. II, III. Спб. 906.

— Изданія Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей: 1) Отчетъ Гл. Управленія неокладныхъ сборовъ, 1904 г. 2) Поступленіе акциза со спирта и вина по 50 губ. Европ. Россіи за 1861—1901 гг. 3) Статистика по казенной продажѣ питей. Спб. 906.

— Изданія двухнедѣльнаго журнала „Тропинка“: 1) Анатоль Франсъ, Пчелка, сказка. Перев. Н. Манассеиной, съ рис. Allegro. Спб. 907. Ц. 25 к. 2) В. Поливановъ, Воронъ—Индѣйцы. Разсказы для дѣтей, съ иллюстр. Спб. 907. Ц. 25 к. 3) М. С. Безобразова, Исторія одного воробья, разск. для дѣтей, съ рис. Allegro. Спб. 907. Ц. 25 к. 4) П. Соловьева (Allegro), Елка, стихи для дѣтей, съ рис. автора. Спб. 907. Ц. 1 р. 5) Н. Манассеина, Разсказы для дѣтей, съ иллюстр. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

— Отчетъ государственнаго Дворянскаго Земельнаго банка и его Особаго отдѣла за 1904 годъ. XIX-ый годъ. Спб. 906.

— Отчетъ государственнаго Дворянскаго земельнаго Банка по ликвидаціи Сарат.-Симб. Земельн. Банка за 1904 годъ. Спб. 906.

— Отчетъ (государственнаго?) крестьянскаго поземельнаго Банка за 1904 годъ. XXII-ый годъ. Спб. 906.

— Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. IV. Спб. 906.

— Сборникъ Товарищества „Знаніе“ за 1906 г. Книга XIII. Спб. 906. Ц. 1 р.

— Сборникъ Спб. округа путей сообщенія. Вып. IX, съ 6 черт. и политипажами. Спб. 906.

— Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей за 1905 годъ. Спб. 906.

— Собраніе стихотвореній декабристовъ. Т. II: Стих. Кюхельбекера, Раевскаго, Бобрищева-Пушкина, Лорера и Муравьева-Апостола съ ихъ портретами и біограф. очеркомъ. М. 907. Ц. 1 р. 50 к.

— Сочиненія Пушкина. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Переписка и т. д. и съ примѣч. В. И. Саитова. Т. I: 1815—1896. Спб. 906.

— Съѣздъ учителей и дѣятелей средней школы въ Петербургѣ. Іюня 1906 года. Спб. 906. Ц. 85 к.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1907 г.

Международное положеніе въ Европѣ за истекшій годъ. — Марокканская конференція и ея результаты. — Колоніальные вопросы въ германскомъ парламентѣ. — Роспускъ имперскаго сейма и внутренняя политика. — Политическія дѣла во Франціи, въ Англіи и Австро-Венгріи. — Русско-японскіе переговоры.

Общее политическое положеніе въ Европѣ за истекшій годъ несомнѣнно испытывало на себѣ послѣдствія нашего русскаго кризиса: съ одной стороны, упадокъ военнаго могущества Россіи значительно ослабилъ ея роль въ международныхъ дѣлахъ и замѣтно отразился на группировкѣ великихъ державъ; съ другой стороны, происходившія у насъ внутреннія событія служили повсюду заграницей предметомъ напряженнаго вниманія и вызывали настроеніе, побуждавшее кабинеты держаться вообще выжидательной политики.

Франко-русскій союзъ формально сохранилъ свою силу, потому что этого требовали матеріальные интересы французовъ, какъ крупнѣйшихъ кредиторовъ Россіи на денежномъ рынкѣ; но союзъ потерялъ для Франціи свое прежнее политическое значеніе и уже нисколько не гарантировалъ ее отъ посягательствъ и придирокъ германской дипломатіи. Германія пріобрѣла свободу дѣйствій относительно своихъ западныхъ сосѣдей и дала имъ сильно почувствовать совершившуюся перемѣну, возбудивъ серьезный конфликтъ изъ-за марокканскаго вопроса; она заставила Францію отказаться отъ существенныхъ выгодъ англо-французскаго соглашенія, которымъ фактически признано было право французскаго протектората надъ Марокко, и впервые за многіе годы въ Европѣ вновь повѣяло духомъ военной тревоги, вопреки миролюбію народовъ. Обѣ великія націи, французская и нѣмецкая, одинаково жаждутъ прочнаго мира и стремятся поддерживать между собою дружественныя дѣловыя связи; однако въ каждый данный моментъ можетъ возникнуть опасность войны, такъ какъ внѣшняя политика Германіи находится въ безконтрольномъ распоряженіи императора Вильгельма II, проникнутаго идеями и традиціями милитаризма. Вильгельмъ II почему-то заинтересовался судьбою Марокко, призналъ марокканскаго султана независимымъ государемъ, провозгласилъ полную равноправность всѣхъ націй въ предѣлахъ его владѣній и, такимъ образомъ, рѣшительно выступилъ про-

тивъ французскихъ плановъ, одобренныхъ уже Англіею и Испаніею. Берлинская дипломатія усердно занялась обсужденіемъ французскихъ „притязаній", которыя незадолго предъ тѣмъ считались вполнѣ безразличными и безобидными для другихъ державъ; нѣмецкія патріотическія газеты заговорили въ рѣзкомъ и вызывающемъ тонѣ, опираясь на общіе принципы международнаго права, и старый вопросъ о франко-германскихъ отношеніяхъ неожиданно выдвинулся на сцену во всемъ его грозномъ значеніи. Англія съ самаго начала была на сторонѣ Франціи, и по нѣкоторымъ признакамъ можно было ожидать заключенія спеціальной конвенціи между обѣими странами на случай войны; это обстоятельство оказывало отчасти сдерживающее вліяніе на германское правительство, которое, разумѣется, не могло желать столкновенія съ британскимъ флотомъ. Благодаря замѣчательному самообладанію французскихъ политическихъ дѣятелей и дипломатовъ, дѣло не дошло до разрыва; Франція пошла на уступки и согласилась предоставить рѣшеніе спорныхъ марокканскихъ дѣлъ особой международной конференціи. Собравшись въ Алжесирасѣ, недалеко отъ Гибралтара, конференція приступила къ занятіямъ 16 января и окончила ихъ только 7 апрѣля (нов. ст.); она работала болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, и потребовались исключительныя дипломатическія усилія, чтобы достигнуть благополучной развязки. Австро-Венгрія безусловно поддерживала всѣ требованія и заявленія Германіи; Россія и Англія категорически заявили о своей солидарности съ Франціею, и подъ этими противоположными вліяніями состоялось мирное соглашеніе, которое положило конецъ опасному конфликту. Германія обезпечила за собою извѣстную долю участія въ дѣлахъ Марокко и способствовала устройству довольно сложнаго международнаго протектората надъ этой страной, съ устраненіемъ предположеннаго французскаго преобладанія и съ подтвержденіемъ верховной власти султана; мѣры полицейской безопасности должны были приниматься иностранными агентами отъ имени того же туземнаго властителя, имѣющаго свои особыя понятія о правѣ и законности, и этотъ порядокъ вещей только увеличиваетъ матеріалъ для междоусобій и столкновеній. Одинъ изъ мѣстныхъ вождей, Райсули, издавна занимался разбойничьими набѣгами на сосѣднія области, собиралъ произвольную дань съ населенія, бралъ жителей въ плѣнъ и нерѣдко захватывалъ также иностранныхъ поселенцевъ и комерсантовъ, чѣмъ давалъ поводъ къ протестамъ и вмѣшательству заинтересованныхъ европейскихъ державъ; султанъ назначилъ Райсули губернаторомъ, чтобы подчинить его своей власти, и съ тѣхъ поръ онъ совершаетъ свои подвиги уже въ качествѣ оффиціальнаго сановника. Въ послѣднее время Райсули часто тревожилъ своею предпріимчивостью округъ Танжера, гдѣ отъ

него чувствительно страдали иностранцы, преимущественно французы и испанцы; султанъ вынужденъ былъ наконецъ послать туда своего военнаго министра съ войскомъ, чтобы „поставить городъ подъ тѣнь безопасности", — о чемъ возвѣстилъ представителямъ державъ. Марокканскій министръ не торопится, однако, принимать серьезныя мѣры противъ губернатора, и самъ повелитель ихъ въ душѣ, вѣроятно, сочувствуетъ послѣднему въ его мѣропріятіяхъ противъ иноземцевъ; однако, принципъ независимости султана соблюдается, согласно постановленіямъ алжесирасской конференціи.

Германія пока еще не имѣетъ основанія гордиться результатами, достигнутыми ею въ Марокко. Напротивъ, своею придирчивою и по существу несправедливою политикою относительно Франціи она изолировала себя въ Европѣ, укрѣпила идею франко-британскаго союза и упрочила установившееся сближеніе между Франціею и Италіею; на эти обстоятельства все чаще и рѣзче указывали въ имперскомъ сеймѣ не только оппозиціонныя партіи, но и преданные правительству націонал-либералы. Жалобы на личный режимъ и на поддерживающаго его канцлера стали постоянно повторяться въ печати; онѣ находили новую пищу въ неудачномъ ходѣ колоніальныхъ дѣлъ въ южной Африкѣ, гдѣ нѣмецкія власти никакъ не могли справиться съ разросшимся возстаніемъ туземцевъ. Относительно африканскихъ племенъ и ихъ предводителей Германія руководствуется уже совсѣмъ другими началами, чѣмъ тѣ высокіе принципы международнаго права, которые она выставила въ защиту марокканскаго султана; вожди готтентотовъ и гереро, пытающіеся отстоять свои права отъ посягательствъ пришлыхъ благодѣтелей, разсматриваются какъ преступники и подвергаются безпощадной суровой расправѣ. Нѣмецкія газеты сообщали въ разное время подробныя свѣдѣнія о жестокостяхъ и злоупотребленіяхъ германскихъ колоніальныхъ чиновниковъ; нападки относились не только къ отдѣльнымъ мѣстнымъ органамъ, но и къ центральному управленію, подчиненному непосредственно имперскому канцлеру. Во главѣ колоніальнаго вѣдомства стояли люди добросовѣстные, но недостаточно энергичные и ничѣмъ особеннымъ не выдающіеся; безцвѣтный чиновникъ Штюбель долженъ былъ уступить мѣсто принцу Гогенлоэ-Лангенбургу, человѣку лично порядочному и корректному, но мало дѣловитому; наконецъ, на этотъ постъ назначенъ былъ одинъ изъ видныхъ представителей коммерческаго міра, бывшій директоръ крупнаго берлинскаго банка, Бернгардъ Дернбургъ, который тотчасъ же, какъ опытный практикъ, приступилъ къ радикальной очистительной работѣ въ предѣлахъ запущеннаго его предмѣстниками колоніальнаго управленія.

Въ засѣданіи имперскаго сейма, 28-го ноября (нов. ст.), начались пренія о колоніальномъ бюджетѣ; въ своей вступительной рѣчи канцлеръ Бюловъ горячо рекомендовалъ палатѣ новаго „директора“ и выразилъ увѣренность въ успѣхѣ его миссіи. Ораторскій дебютъ Дернбурга показывалъ въ немъ очень трезваго и умѣлаго дѣльца, привыкшаго обращать все вниманіе на цифры и факты; онъ перечислилъ цѣлый рядъ фирмъ, занимавшихся поставками въ колоніи по невыгоднымъ для казны контрактамъ, которые теперь прекращены или не будутъ возобновлены, по его распоряженію, и эта участь постигла, между прочимъ, извѣстный торговый домъ Типпельскирха, въ дѣлахъ котораго была заинтересована семья прусскаго министра земледѣлія, генерала Подбѣльскаго. Выясняя экономическое значеніе колоній, Дернбургъ опредѣляетъ сумму затраченныхъ въ нихъ промышленныхъ капиталовъ въ 370 милліоновъ марокъ, изъ которыхъ 250 милліоновъ приносятъ уже обезпеченный доходъ. Будущность колоній рисуется ему въ самыхъ радужныхъ краскахъ, и вся его обстоятельная рѣчь дышала патріотическимъ оптимизмомъ. Противъ этого оптимизма краснорѣчиво возражали ораторы двухъ наиболѣе многочисленныхъ въ парламентѣ партій—католическаго центра и соціалъ-демократіи. Центръ признаетъ пользу и даже необходимость колоніальныхъ владѣній, но возстаетъ противъ примѣняемой въ нихъ военно-административной системы и противъ чрезмѣрно-суроваго обращенія съ туземцами; соціалъ-демократы съ своей стороны отвергаютъ колоніи въ принципѣ и видятъ въ нихъ только источникъ всевозможныхъ опасностей въ настоящемъ и будущемъ. „Всякая колоніальная политика—говорилъ Бебель—написана кровью и пропитана преступленіемъ“. Въ отдаленныхъ колоніяхъ нѣмецкіе чиновники и офицеры развращаются неограниченностью своихъ полномочій и фактическимъ безправіемъ подвластныхъ народностей; они пріучаются жить и дѣйствовать въ атмосферѣ беззаконія. Оппозиціонные депутаты приводятъ примѣры явныхъ насилій и преступленій, совершаемыхъ надъ туземцами безнаказанно подъ прикрытіемъ авторитета германской власти; должностныя лица открыто берутъ себѣ мѣстныхъ дѣвушекъ въ наложницы, произвольно подвергаютъ жителей тѣлеснымъ наказаніямъ, разстрѣливаютъ непокорныхъ и допускаютъ иногда избіеніе плѣнныхъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Эти скандальныя разоблаченія заняли нѣсколько засѣданій и сообщили преніямъ чрезвычайно оживленный и отчасти бурный характеръ. Депутаты называли имена провинившихся чиновниковъ, ссылаясь на частныя письма и на формальныя заявленія и жалобы колоніальныхъ миссіонеровъ; обвиненія большею частью касались незаконныхъ связей съ туземными женщинами и крутыхъ мѣръ противъ возможныхъ или дѣйствительныхъ соперниковъ, привлекав

нихъ на себя вниманіе этихъ черныхъ фаворитокъ. Жестокія кары обрушивались иногда и на малолѣтнихъ, о чемъ съ возмущеніемъ передавали нѣкоторые ораторы въ парламентѣ; какой-нибудь начальникъ станціи приговаривалъ туземца къ двадцати пяти палочнымъ ударамъ, „по чьему-нибудь одностороннему указанію, не выслушавъ обвиняемаго, безъ суда и разбирательства", и это считалось въ порядкѣ вещей. Подобныя безобразія, по мнѣнію оппозиціи, бросаютъ тѣнь на нравственное достоинство нѣмецкой націи. Въ сущности всѣ эти ужасы кажутся довольно жалкими и ничтожными сравнительно съ тѣмъ, что дѣлалось, напримѣръ, нашими карательными отрядами и что практикуется у насъ до сихъ поръ военно-полевыми судами, которые также не щадятъ ни женщинъ, ни несовершеннолѣтнихъ; наши россійскія экзекуціи, при участіи или безъ участія казаковъ и драгуновъ, производятъ, конечно, болѣе внушительное впечатлѣніе, чѣмъ палочные удары гдѣ-нибудь въ Того или Камерунѣ,—и притомъ жертвами являются здѣсь не готтентоты и гереро, а свои же соотечественники, сограждане и единовѣрцы. Для нѣмцевъ, однако, незаконное сожительство съ готтентотками или произвольныя тѣлесныя наказанія въ южной Африкѣ представляются уже достаточно вопіющими фактами, и германская колоніальная администрація грозно привлекалась къ отвѣту за эти грѣхи ея исполнительныхъ органовъ. Крайне рѣзкую обвинительную рѣчь произнесъ въ засѣданіи 3-го декабря представитель центра, крупный дѣятель судебнаго вѣдомства Рёренъ; Дернбургъ отвѣчалъ ему столь же подробно и затѣмъ неожиданно раскрылъ предъ собраніемъ закулисную роль депутата Рёрена и его партіи въ колоніальныхъ дѣлахъ. Произошла парламентская битва, какой давно не бывало въ спокойномъ и уравновѣшенномъ рейхстагѣ; рѣчи перебивались восклицаніями, аплодисментами и протестами; оппозиціонныя и консервативныя группы давали волю своимъ чувствамъ, едва замѣчая энергическіе звонки и жесты предсѣдателя графа Баллестрема. По поводу всѣхъ разоблаченій Дернбургъ говорилъ вполнѣ убѣдительно и ясно: нельзя публично обвинять людей на основаніи непровѣренныхъ свѣдѣній, которыя могутъ оказаться ложными; правительство будетъ твердо искоренять и преслѣдовать дѣйствительныя злоупотребленія и превышенія власти, но оно должно оградить своихъ служащихъ отъ преждевременныхъ и несправедливыхъ приговоровъ общественнаго мнѣнія, противъ которыхъ они остаются беззащитными. Многія фактическія указанія могли быть легко опровергнуты точнымъ изслѣдованіемъ на мѣстѣ; такъ, докторъ Керстингъ убилъ, будто бы, своего повара и велѣлъ тайно увезти его трупъ къ морю; сверхъ того, онъ застрѣлилъ одного туземца, отрѣзалъ ему голову и выставилъ ее въ своей столовой; между тѣмъ въ дѣйствительности было установ-

лено, что поваръ умеръ отъ „черной лихорадки" внутри страны послѣ того какъ докторъ Керстингъ лечилъ его въ теченіе нѣсколькихъ дней; что же касается головы туземца, то ее принесъ доктору туземный же служитель, который застрѣлилъ обвиняемаго въ отравленіи арестанта, пытавшагося бѣжать. Мѣстные слухи и сплетни, основанные часто на суевѣріи и невѣжествѣ туземныхъ дикарей, принимаются миссіонерами за безспорные факты и сообщаются въ Берлинъ депутатамъ и журналистамъ, причемъ имена должностныхъ лицъ заранѣе опорочиваются въ печати и въ парламентѣ; противъ этого рѣшительно протестуетъ Дернбургъ: онъ просилъ предварительно сообщать ему имѣющійся обвинительный матеріалъ для надлежащей провѣрки, но никто не откликнулся на его призывъ, потому что обвинители хлопочутъ вовсе не о разъясненіи истины, а только объ устраненіи неугодныхъ имъ чиновниковъ, хотя бы ни въ чемъ не повинныхъ. Представители центра, съ депутатомъ Рёреномъ во главѣ, давно уже злоупотребляютъ своимъ парламентскимъ вліяніемъ, стараясь подчинить себѣ колоніальную администрацію и направить ея дѣятельность въ нужную имъ сторону; они систематически добивались удаленія должностныхъ лицъ, возбудившихъ противъ себя неудовольствіе мѣстныхъ миссіонеровъ, и настойчиво защищали тѣхъ, которые дѣйствовали въ ихъ пользу. Дернбургъ подтвердилъ свое обвиненіе любопытными документами, оффиціальными протоколами, письмами и телеграммами, въ которыхъ депутатъ Рёренъ требовалъ смѣщенія того или другого чиновника, удовлетворенія разныхъ ходатайствъ духовныхъ миссій, прекращенія судебнаго производства объ административномъ агентѣ, скрывшемъ оффиціальную депешу отъ своего начальства и сообщившемъ ее миссіонерамъ, и т. п. Директоръ Штюбель съ болью въ сердцѣ исполнялъ всѣ желанія Рёрена и его коллегъ, опасаясь нападеній ихъ въ парламентѣ; еще въ февралѣ этого года депутатъ Рёренъ заявилъ чинамъ колоніальнаго вѣдомства, что если извѣстное дѣло не будетъ рѣшено въ желательномъ ему смыслѣ, то партія ничего не дастъ и не утвердитъ для колоній. Такого закулиснаго давленія и гнета онъ, Дернбургъ, не потерпитъ; онъ лучше уйдетъ, если не въ состояніи будетъ дѣйствовать самостоятельно, по внушенію своей совѣсти и чести. Эти неожиданныя разоблаченія сильно взволновали палату; ораторы центра уличены были въ лицемѣріи и фальши: ихъ громкія слова о морали и справедливости получили совсѣмъ иное освѣщеніе. Депутатъ Рёренъ вышелъ изъ себя и разразился чисто личными нападками на Дернбурга, который, будто бы, вноситъ въ парламентъ грубый языкъ и неприличные пріемы биржевого зайца, позволяетъ себѣ публично читать частныя письма и ссылается на протоколы, составленные какимъ-нибудь маленькимъ кан-

целярскимъ ассесоромъ; но по существу Рёренъ не могъ ничего возразить, и его рѣзкія выходки только усиливали впечатлѣніе нанесеннаго ему удара. Дернбургъ заявилъ съ достоинствомъ, что необходимо было „вскрыть злокачественный нарывъ", такъ какъ давленіе партіи центра лишаетъ правительство возможности располагать хорошими служебными силами въ колоніяхъ; онъ исполнилъ только свой долгъ, и никакія оскорбленія не заставятъ его уклониться отъ прямого пути. Пренія продолжались еще на слѣдующій день; отдѣльные ораторы пытались смягчить происшедшій инцидентъ и оправдать партію центра, но личный успѣхъ новаго колоніальнаго директора не подлежалъ уже сомнѣнію. Тѣмъ временемъ правительственная смѣта расходовъ на колоніи въ 1907 году дѣятельно обсуждалась въ бюджетной коммиссіи, вызывая значительныя возраженія оппозиціи; партія центра настаивала на сокращеніи численности колоніальныхъ войскъ, тогда какъ правительство доказывало безусловную необходимость сохраненія предположенной нормы, по крайней мѣрѣ, до апрѣля будущаго года. Соглашеніе не состоялось; центръ не желалъ оставить въ южно-африканскихъ колоніяхъ болѣе 2.500 солдатъ, а правительство требовало не менѣе 8.000 человѣкъ. Въ такомъ видѣ колоніальный бюджетъ поступилъ на разсмотрѣніе имперскаго сейма, въ засѣданіи 13 декабря. Канцлеръ князь Бюловъ вкратцѣ объяснилъ, что тщательно обдуманный проектъ союзныхъ правительствъ ни въ чемъ не можетъ быть измѣненъ, въ виду предстоящей задачи скорѣйшаго подавленія возстанія въ южной Африкѣ; и „еслибы,—сказалъ онъ въ заключеніе,—это высокое собраніе остановилось на противоположномъ рѣшеніи, столь опасномъ въ военномъ, финансовомъ, политическомъ и національномъ отношеніяхъ, то я, въ качествѣ отвѣтственнаго руководителя имперскихъ дѣлъ, былъ бы не въ состояніи подписать подобную капитуляцію". Дернбургъ говорилъ затѣмъ дважды; говорили еще представители различныхъ партій, и въ концѣ опять выступилъ князь Бюловъ. Онъ напомнилъ о тяжелой отвѣтственности, которую примутъ на себя противники правительственнаго проекта; „правительство не отступитъ отъ занятой имъ позиціи, и если вы хотите имѣть кризисъ,—прибавилъ онъ громко,—вы будете имѣть его". Національ-либералы устроили канцлеру шумную овацію за эту угрозу по адресу центра; на скамьяхъ оппозиціи раздаются выстки. Отъ имени бюджетной коммиссіи и также отъ имени собранія заявляетъ депутатъ Шпанъ, что „имперскій сеймъ вполнѣ сознаетъ свою отвѣтственность при ассигнованіи средствъ на потребности иностранной политики". Изъ 346 поданныхъ голосовъ высказываются за правительственный проектъ колоніальнаго бюджета 168 голосовъ, а ротивъ—178 голосовъ; слѣдовательно, проектъ отвергнутъ. Тотчасъ

по объявленіи этого результата президентомъ графомъ Баллестремомъ, поднимается канцлеръ и читаетъ повелѣніе императора о закрытіи засѣданій рейхстага на основаніи 24-ой статьи имперской конституціи, согласно постановленію союзнаго совѣта. При первыхъ словахъ князя Бюлова объ императорскомъ декретѣ значительная часть собранія выразила свое одобреніе восторженными аплодисментами, которые едва удалось прекратить президенту; рукоплесканія повторились по прочтеніи декрета, при обычномъ возгласѣ въ честь императора; соціалъ-демократы, по обыкновенію, раньше вышли изъ залы, чтобы не присутствовать при этомъ заключительномъ возгласѣ благонамѣренныхъ патріотовъ.

Преждевременный роспускъ имперскаго сейма, полномочія котораго истекали только въ декабрѣ 1908 года, вызывалъ на этотъ разъ единодушное сочувствіе либеральныхъ партій, что бываетъ довольно рѣдко въ подобныхъ случаяхъ, при столкновеніи между правительствомъ и парламентомъ. Тутъ не было рѣчи ни о правахъ народнаго представительства, ни о попыткахъ правительственной реакціи; напротивъ, принятая мѣра была направлена противъ главнаго оплота реакціонной политики — противъ могущественной партіи центра, на которую поневолѣ должно было опираться правительство во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ. Безъ поддержки этой партіи правительство не имѣло бы большинства въ рейхстагѣ, такъ какъ другая могущественная партія—соціалъ-демократическая—представляетъ собою непримиримую оппозицію; стоило только центру отвернуться отъ правительства, и послѣднее очутилось бы въ меньшинствѣ, какъ это и произошло въ данномъ случаѣ. Формальный разрывъ между партіею центра и правительствомъ имѣетъ или, вѣрнѣе, могъ бы имѣть значеніе крупнаго событія для внутренней политики въ Германіи и долженъ отчасти оживить популярность канцлера въ либеральныхъ классахъ населенія; способствовавшій этому разрыву колоніальный директоръ Дернбургъ сразу прославился, какъ энергическій дѣятель, свободный отъ бюрократическихъ традицій и внушающій довѣріе своимъ прямодушіемъ. Государственная власть на этотъ разъ не только не обнаружила стремленія остаться безъ парламента на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, а напротивъ, сократила почти на половину законный срокъ перерыва: по конституціи новые выборы должны быть назначены въ предѣлахъ шестидесяти дней со времени роспуска, и новый рейхстагъ долженъ быть созванъ въ теченіе послѣдующихъ затѣмъ тридцати дней; теперь же выборы назначены на 25-е января, а открытіе новой парламентской сессіи ожидается въ половинѣ февраля (новаго стиля). Нѣмецкіе либералы и прогрессисты довольны прави

тельствомъ и хвалитъ Бюлова за рѣшимость открыто порвать съ центромъ; но въ какой мѣрѣ этотъ фактъ можетъ повліять на общій характеръ и направленіе правительственной политики—это другой вопросъ, относительно котораго либеральныя партіи не дѣлаютъ себѣ особенныхъ иллюзій. Умѣренные либералы и „свободомыслящіе“ имѣютъ мало шансовъ на увеличеніе своей численности въ парламентѣ; крѣпко сплоченная и хорошо организованная партія центра едва ли подвергнется чувствительнымъ потерямъ и имѣетъ большіе шансы сохранить свой прежній составъ; землевладѣльческія и промышленныя консервативныя группы также имѣютъ свой обезпеченный кругъ избирателей; одни только соціалъ-демократы могутъ значительно выиграть на выборахъ, въ виду неудержимаго и постояннаго роста сознательныхъ рабочихъ массъ въ Германіи. Прогрессивное усиленіе парламентской соціалъ-демократіи сдѣлалось какъ бы закономъ германскаго политическаго развитія, и оно обнаруживается съ стихійной силой при каждыхъ выборахъ; съ этой стороны ни правительство, ни умѣренные либералы не могутъ разсчитывать на благопріятные для себя результаты. Такимъ образомъ правительство князя Бюлова, консервативное по своей природѣ, опять-таки будетъ имѣть предъ собою парламентъ съ консервативнымъ большинствомъ и во всякомъ случаѣ безъ либеральнаго большинства,—и правительство опять должно будетъ искать соглашенія съ центромъ, чтобы обезпечить себя отъ ударовъ соціалъ-демократіи.

Слабость либеральныхъ политическихъ партій въ Германіи, при видимомъ господствѣ буржуазіи и при несомнѣнномъ преобладаніи либеральныхъ идей и стремленій въ нѣмецкомъ обществѣ, зависитъ прежде всего отъ особеннаго политическаго строя прусской монархіи, которая служитъ основою могущества центральной имперской власти. Въ Пруссіи владычество понынѣ принадлежитъ высшимъ привилегированнымъ классамъ—землевладѣльческому дворянству и придворной аристократіи; тамъ нѣтъ всеобщей подачи голосовъ, и большинство трудящагося населенія вовсе не имѣетъ своихъ представителей въ палатѣ депутатовъ. Правительство опирается тамъ на аграріевъ, сторонниковъ высокихъ пошлинъ—и, слѣдовательно, высокихъ цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты земледѣлія; тамъ горячо и безплодно обсуждаются еще такіе жгучіе для народа вопросы, какъ вопросъ объ искусственной дороговизнѣ мяса вслѣдствіе недопущенія привоза заграничнаго скота по требованію крупныхъ землевладѣльцевъ; тамъ министромъ земледѣлія былъ до послѣдняго времени гусарскій генералъ Подбѣльскій, вѣрнѣйшій другъ и союзникъ аграріевъ, и нынѣшній преемникъ его, фонъ-Арнимъ, по своему соціальному положенію и по всѣмъ своимъ взглядамъ и симпатіямъ, является продол-

жателемъ той же односторонней землевладѣльческой политики, разорительной для народнаго большинства. Пока не будутъ предприняты коренныя политическія реформы въ Пруссіи, до тѣхъ поръ не можетъ измѣниться и характеръ германскаго правительства и германской политики, и въ этомъ отношеніи послѣдовательные успѣхи соціалъ-демократіи служатъ краснорѣчивымъ симптомомъ возростающаго внутренняго недовольства, которое рано или поздно должно привести къ желательному обновленію устарѣлаго государственнаго и сословнаго строя Пруссіи.

Французская республика получила въ истекшемъ году новаго президента, въ лицѣ Армана Фалліера, избраннаго конгрессомъ 18 февраля на мѣсто Лубé. Перемѣна главы государства совершилась вполнѣ спокойно, какъ нормальный, періодически повторяющійся конституціонный актъ, не могущій уже ни волновать населеніе, ни отражаться на обычномъ ходѣ государственныхъ дѣлъ. Министерство Рувье сохраняло свою власть и при новомъ президентѣ; только въ мартѣ оно уступило мѣсто новому кабинету Сарріена, при участіи наиболѣе выдающихся вождей радикальнаго большинства въ парламентѣ—Клемансо, Леона Буржуа и Бріана. Въ маѣ происходили всеобщіе выборы, которые еще болѣе усилили это большинство; министерская декларація Сарріена, прочитанная 12 іюня, возвѣщала крупныя соціально-политическія реформы и высказывала твердую рѣшимость довести до конца установленное закономъ отдѣленіе церкви отъ государства. Въ іюлѣ разыгралась заключительная развязка многолѣтнихъ клерикальныхъ махинацій въ знаменитомъ дѣлѣ Дрейфуса; соединенныя палаты высшаго кассаціоннаго суда признали, наконецъ, фактъ судебной ошибки и объявили осужденнаго свободнымъ отъ всякаго уголовнаго преслѣдованія и наказанія; Дрейфусъ былъ возстановленъ въ своихъ гражданскихъ и служебныхъ правахъ, а безкорыстный обличитель неправильныхъ и преступныхъ дѣйствій, приведшихъ къ осужденію невиннаго, полковникъ Пикаръ, вновь зачисленъ на службу съ повышеніемъ въ генералы, послѣ чего занялъ постъ военнаго министра въ новомъ кабинетѣ Клемансо.

Министерство Клемансо, образовавшееся окончательно 26 октября, смѣло взялось за необыкновенно сложную и трудную задачу коренного фактическаго преобразованія религіозныхъ учрежденій и порядковъ въ странѣ — задачу, отчасти навязанную республикѣ упорной отрицательной политикой римской церкви. Законъ 9 декабря 1905 г. объ отдѣленіи церкви отъ государства предоставлялъ духовенству и вѣрующимъ католикамъ право образовать мѣстныя вѣроисповѣдныя ассоціаціи, которыя вступили бы въ завѣдываніе церковными зданіями

и имуществами и обезпечивали бы свободное отправленіе богослуженія; съ этою же цѣлью предпринятъ былъ повсемѣстно подробный инвентарь церковныхъ и монастырскихъ цѣнностей въ виду ожидаемой передачи ихъ будущимъ приходскимъ союзамъ. Однако, римско-католическое духовенство не допускало этихъ нововведеній и отнеслось враждебно къ самому производству инвентарей, чѣмъ возбудило тягостныя столкновенія съ полиціей и войсками въ разныхъ мѣстахъ Франціи; папская энциклика 11 февраля категорически отвергла новый законъ и осудила республиканское правительство за его „безбожныя“ посягательства, а вторая энциклика, отъ 10 августа, запретила католикамъ учреждать вѣроисповѣдныя ассоціаціи или принимать въ устройствѣ ихъ какое бы то ни было участіе. Такимъ образомъ законный путь къ компромиссу для безобиднаго осуществленія великой реформы былъ закрытъ вмѣшательствомъ римской церкви, несмотря на то, что многіе французскіе епископы склонны были дѣйствовать въ примирительномъ духѣ. Между тѣмъ для образованія вѣроисповѣдныхъ ассоціацій, уполномоченныхъ принять въ свое завѣдываніе церковныя зданія и имущества, установленъ закономъ годичный срокъ, по истеченіи котораго всѣ эти зданія и имущества поступаютъ въ распоряженіе мѣстныхъ общинъ и государства по принадлежности. Срокъ истекалъ въ декабрѣ, и въ виду отсутствія законныхъ заявленій объ ассоціаціяхъ католикамъ угрожало временное закрытіе церквей, которое и для правительства представляло крайне непріятную перспективу. Министерство старалось быть миролюбивымъ и уступчивымъ, насколько это было возможно; оно само указало на послѣдній и единственный выходъ изъ затрудненія—на примѣненіе закона 1881 года о правѣ собраній, при помощи котораго духовенство могло бы по прежнему исполнять свои религіозныя функціи въ церквахъ, сдѣлавъ предварительно требуемую закономъ декларацію; объ этомъ способѣ дѣйствій говорилось и на сентябрьскомъ съѣздѣ французскихъ епископовъ. Но въ послѣдній моментъ пришла изъ Рима инструкція, запрещавшая дѣлать декларації по закону 1881 года, и слѣдовательно этотъ единственный выходъ былъ также закрытъ. Правительству ничего не оставалось, какъ тотчасъ же внести въ палату новый законопроектъ о передачѣ церквей въ завѣдываніе мѣстныхъ общинъ и объ условіяхъ обычнаго исполненія обрядовъ религіознаго культа, съ соблюденіемъ правилъ 9-го декабря 905 года, или предписаній закона 1901 объ ассоціаціяхъ и закона 381 о правѣ собраній; этотъ законопроектъ, принятый палатою депутатовъ въ засѣданіи 21-го декабря большинствомъ 388 противъ 6 голосовъ, перешелъ затѣмъ на разсмотрѣніе сената, который также одобрилъ его. Въ то же время пришлось принять законныя

мѣры для того, чтобы побудить обитателей монастырскихъ и церковныхъ зданій очистить ихъ къ назначенному сроку; высокіе сановники церкви, архіепископы и епископы, должны были покинуть свои помѣщенія при участіи полицейскихъ властей, среди толпы сочувствующихъ обывателей, для которыхъ причины этихъ крутыхъ мѣропріятій оставались неясными.

Въ глазахъ несвѣдущей публики отвѣтственность за эти тягостныя сцены падаетъ всецѣло на правительство. Французскіе епископы могли, на основаніи существующаго законодательства, создать свободную церковь въ свободномъ государствѣ; но вмѣсто того они предпочли слѣпо подчиниться указаніямъ римскаго папы и поставили себя въ ложное положеніе французскихъ гражданъ, не признающихъ для себя обязательной силы отечественныхъ законовъ. Трудно винить за это республику и республиканскихъ министровъ. Для французскихъ католиковъ можно считать несчастьемъ то обстоятельство, что престолъ св. Петра занятъ теперь не глубоко-просвѣщеннымъ и гуманнымъ Львомъ XIII или подобнымъ ему лицомъ, а Піемъ X, проникнутымъ безотчетной вѣрою въ спасительность узкихъ идей и принциповъ Пія IX. Непримиримый римскій папа помогаетъ французамъ устроить такую радикальную ликвидацію церковныхъ дѣлъ, о какой не мечтали самые передовые враги клерикализма во Франціи.

Въ Англіи новые парламентскіе выборы, происходившіе въ январѣ, доставили полное торжество либеральной партіи и министерству Кемпбелля-Баннермана. Отъ закрытія парламентской сессіи, 8 января, до созыва новой палаты общинъ, прошло немногимъ болѣе мѣсяца: въ этотъ короткій промежутокъ страна успѣла краснорѣчиво высказаться противъ консервативныхъ дѣятелей, такъ долго стоявшихъ во главѣ британскаго управленія: главные изъ бывшихъ министровъ, начиная съ самого вождя партіи Бальфура, не были даже избраны въ парламентъ, и только позднѣе очистилась для консервативнаго лидера вакансія въ одномъ изъ лондонскихъ избирательныхъ округовъ, благодаря самоотверженію избраннаго уже кандидата. Новая сессія открылась 19 февраля и обѣщала быть очень плодовитой и оживленной, насколько можно было судить по содержанію тронной рѣчи; и дѣйствительно законодательная работа по внутреннимъ вопросамъ получила сильный и энергическій толчокъ; въ парламентъ внесены многіе важные законопроекты, обсужденіе которыхъ не доведено еще до конца, но крупнѣйшій изъ нихъ—о народномъ образованіи — дошелъ уже до палаты лордовъ и подвергнутъ ею существенной передѣлкѣ, измѣняющей его смыслъ и значеніе. Судьба этого закона вновь за-

двинула на сцену старый вопросъ о реформѣ верхней палаты съ цѣлью приближенія ея къ потребностямъ современной эпохи; однако, никто серьезно не думаетъ о подобныхъ радикальныхъ проектахъ, которые вообще не соотвѣтствуютъ политическимъ нравамъ и обычаямъ англичанъ. Палата лордовъ никогда не отличалась принципіальнымъ упорствомъ и легко соглашалась на необходимыя уступки; поэтому и въ данномъ случаѣ будетъ вѣроятно достигнутъ какой-нибудь компромиссъ.

Въ области внѣшнихъ и колоніальныхъ дѣлъ Англіи заслуживаетъ вниманія окончательное рѣшеніе вопроса объ автономіи Трансвааля: въ началѣ декабря оффиціально обнародованъ текстъ весьма либеральной трансваальской конституціи, съ соотвѣтственными инструкціями для мѣстныхъ органовъ центральной государственной власти. Побѣжденные буры не имѣютъ повода оплакивать свою судьбу, сдѣлавшись подданными британской короны; они обезпечены въ своихъ гражданскихъ и политическихъ правахъ и могутъ свободно устраивать дѣла своей родины, не опасаясь враждебнаго вмѣшательства и назойливой опеки англійской бюрократіи.

* * *

Въ Австро-Венгріи прекратилось тяжелое состояніе внутренняго кризиса, такъ какъ монархическая власть перестала воевать съ общественнымъ мнѣніемъ своихъ народовъ. Въ Австріи подготовляется введеніе всеобщаго избирательнаго права; Венгрія имѣетъ свое самостоятельное популярное министерство, которое не обязано считаться съ внушеніями, исходящими изъ Вѣны. Имперскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Голуховскій, вынужденъ былъ выйти въ отставку именно потому, что ему приписывалось участіе въ придворныхъ интригахъ или „теченіяхъ", направленныхъ противъ національныхъ требованій мадьяръ. Преемникъ его, баронъ Эренталь, извѣстенъ только тѣмъ, что провелъ многіе годы своей дипломатической службы въ Петербургѣ. Министерства дважды мѣнялись въ Австріи за истекшій годъ: барона Гауча замѣнилъ князь Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ, который въ свою очередь уступилъ мѣсто барону Беку. Австрійскій парламентъ занимался обсужденіемъ подробностей избирательной реформы, которая должна обезпечить равноправное развитіе отдѣльныхъ народностей на началахъ конституціонной свободы; остается только открытымъ вопросъ о томъ, какъ побудить аристократическую палату господъ принять систему всеобщаго избирательнаго права для выборовъ въ нижнюю палату.

Въ Венгріи, послѣ распущенія парламента указомъ 19 февраля, министръ-президентъ генералъ Фейервари устранился отъ дѣлъ, и

образовалось новое національное министерство, подъ руководствомъ Александра Векерле, съ участіемъ такихъ общеизвѣстныхъ передовыхъ венгерскихъ дѣятелей, какъ Францъ Кошутъ и графъ Аппоньи. Парламентскіе выборы (28 апрѣля—8 мая) дали этому кабинету огромное большинство, и политическая жизнь страны постепенно входитъ въ нормальную колею. Спорные и щекотливые вопросы еще существуютъ, но ничто не стоитъ на пути ихъ мирнаго разрѣшенія, при полной свободѣ общественнаго мнѣнія и при отсутствіи раздражающихъ постороннихъ вліяній.

Вполнѣ естественное безпокойство вызывается ходомъ переговоровъ между Россіею и Японіею по поводу практическаго примѣненія и толкованія нѣкоторыхъ статей портсмутскаго мирнаго трактата. Въ виду исключительной важности этихъ переговоровъ, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующее оффиціальное сообщеніе, появившееся въ нашихъ газетахъ отъ 17-го декабря:

„Разнорѣчивые, преувеличенные слухи распространялись въ послѣднее время по поводу переговоровъ между Россіей и Японіей о торговомъ трактатѣ и рыболовной конвенціи.

„Такъ между прочимъ сообщалось, что переговоры эти прерваны и ожидается посредничество третьей державы или обращеніе къ третейскому разбирательству. Причиной разногласія являются, по газетнымъ свѣдѣніямъ, требованія Японіи, которая будто бы домогается допущенія ея судовъ, въ отмѣну айгунскаго договора, на Амуръ; открытія японской торговлѣ свободнаго транзита отъ Владивостока до Балтійскаго моря; разрѣшенія японцамъ пріобрѣтать земельную собственность въ Сибири и уравненія правъ японцевъ въ нашихъ водахъ на Дальнемъ Востокѣ съ правами русскихъ подданныхъ.

„Въ дѣйствительности дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ:

„Согласно портсмутскому договору (ст. XII) Россія и Японія обязались принять за основаніе новаго торговаго трактата прежній русско-японскій договоръ 1895 г., который, не будь войны, продолжалъ бы дѣйствовать еще пять лѣтъ, т.-е. до 1911 года. Такъ какъ новое торговое соглашеніе, по желанію японскаго правительства, должно ограничиваться тѣмъ же срокомъ 1911 года, когда прекращаются прочіе торговые договоры Японіи съ иностранными державами, то Россія, согласно упомянутой XII статьѣ портсмутскаго трактата, не предъявляла Японіи съ своей стороны никакихъ новыхъ требованій. Россія настаивала исключительно на простомъ сохраненіи за ней преимуществъ, выговоренныхъ въ нашу пользу по торговому трактату, дѣйствовавшему до войны.

„Напротивъ того Японія не только желаетъ включенія въ новый договоръ всѣхъ тѣхъ, не упомянутыхъ въ трактатѣ 1895 г. правъ, которыя обезпечены иностранцамъ въ Россіи по новѣйшимъ нашимъ торговымъ конвенціямъ (1904—1906 гг.), но предъявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько новыхъ требованій, обусловливая ихъ измѣнившимися въ послѣднее время обстоятельствами на Дальнемъ Востокѣ.

„Такъ какъ новый трактатъ, по соглашенію обоихъ правительствъ въ Портсмутѣ, долженъ основываться, подобно прежнему договору 1895 года, на „принципѣ наибольшаго благопріятствованія", то очевидно не встрѣчалось бы препятствій обезпечить за Японіей, при условіи полнаго взаимства, тѣ общія льготы, которыя Россія предоставляетъ другимъ странамъ. Выработкѣ этихъ именно постановленій договора и посвящены были происходившія въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ засѣданія русско-японской торговой конференціи. Нынѣ обѣ стороны пришли къ соглашенію какъ о возобновленіи прежнихъ, взаимно предоставленныхъ другъ другу въ 1895 году льготъ, такъ и о примѣненіи къ обоюднымъ подданнымъ, въ томъ и другомъ государствѣ, правъ наибольшаго благопріятствованія по торговлѣ и мореплаванію, по владѣнію и пріобрѣтенію недвижимаго имущества, гдѣ это дозволено вообще иностранцамъ, и по занятіямъ ремеслами и промыслами, въ соотвѣтствіи съ мѣстными законами.

„Но предстоитъ еще обсудить *новыя*, заявленныя Японіей требованія, которыя касаются: свободнаго судоходства по Сунгари (а не по Амуру, о чемъ Японія требованій вовсе не заявляла), учрежденія консульствъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ, паспортныхъ облегченій для японцевъ въ Азіатской Россіи, а также установленій на манчжурской границѣ особо льготныхъ условій по таможенной части для торговыхъ сношеній Россіи съ Японіей.

„Этими вопросами, затрагивающими не только экономическіе, но отчасти и политическіе интересы Россіи на Дальнемъ Востокѣ, конференція еще не занималась. По нимъ состоялся лишь предварительный обмѣнъ мнѣній; рѣшеніе ихъ зависитъ отъ правильнаго толкованія мирнаго трактата и протоколовъ портсмутской конференціи.

„Что касается вопроса о рыболовствѣ, то, какъ извѣстно, по статьѣ XI портсмутскаго договора, Россія обязалась войти съ Японіею въ соглашеніе въ видахъ предоставленія японскимъ подданнымъ правъ по рыбной ловлѣ вдоль береговъ русскихъ владѣній въ моряхъ Японскомъ, Охотскомъ и Беринговомъ.

„Русское правительство, въ полной мѣрѣ сознавая всю важность этого вопроса, существенно затрагивающаго экономическое развитіе нашего тихоокеанскаго побережья и будущность русской колонизаціи въ этихъ краяхъ, не сочло возможнымъ принять сдѣланныя Японіею

при началѣ переговоровъ предложенія, каковыми, по его убѣжденію, японскимъ подданнымъ предоставлялись гораздо болѣе широкія права, нежели тѣ, которыя имѣлись въ виду въ портсмутскомъ трактатѣ и протоколахъ портсмутской конференціи. Главныя затрудненія касались того, какъ надо понимать термины „бухты и рѣки" (anses et fleuves), которыя, согласно сказаннымъ протоколамъ, должны быть изъяты изъ дѣйствія рыболовныхъ конвенцій,—уравненія правъ японскихъ рыбопромышленниковъ съ правами русскихъ, наконецъ опредѣленія самыхъ предметовъ промысла (рыбы, безпозвоночныя, водоросли, млекопитающія). Образована спеціальная русско-японская коммиссія съ цѣлью установленія по обоюдному согласію точнаго смысла словъ „anse" и „inlet", употребленныхъ во французскомъ и англійскомъ текстахъ протоколовъ портсмутской конференціи. Соглашенія по вышесказаннымъ вопросамъ еще не достигнуто, но переговоры продолжаются и теченіе ихъ можетъ быть названо вполнѣ нормальнымъ".

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Hugo von Hofmannsthal. Kleine Dramen. Leipzig. Insel Verlag. 1906.

Художественное издательство „Insel" выпустило въ свѣтъ три драматическія сказки Гуго фонъ-Гофмансталя, подъ заглавіемъ „Маленькія драмы". Всѣ три пьесы: „Фалунскій рудникъ", „Король и колдунья" и „Маленькій міровой театръ" — чисто фантастическія. Это философскія сказки, въ которыхъ поэтъ воплощаетъ въ художественныхъ, далекихъ отъ реальной дѣйствительности образахъ соотношенія между природой, жизненной волей и духовной жаждой человѣка.

Гофмансталя причисляютъ къ такъ называемымъ ново-романтикамъ. Романтизмъ его сказывается въ отрицаніи міра, какъ онъ есть, въ постоянномъ бѣгствѣ отъ современной дѣйствительности въ далекое прошлое. Его привлекаютъ рамки прежней жизни, въ особенности Возрожденіе, и именно итальянское—въ частности XV-го и XVI-го вѣковъ; туда онъ переноситъ дѣйствіе большинства своихъ пьесъ въ тѣхъ случаяхъ, когда возсоздаетъ опредѣленныя историческія рамки, а не предпочитаетъ фантастическія линіи и краски. Это тяготѣніе къ итальянскому ренессансу объясняется нѣкоторыми критиками Гофмансталя тѣмъ, что онъ отчасти романскаго происхожденія. Гофмансталь еще молодъ. Онъ родился въ 1874 г. въ Вѣнѣ, и тамъ же постоянно живетъ, самъ воспѣвая иногда вѣнскую „легкость жизни". Гофмансталь много путешествовалъ, подолгу жилъ въ Италіи, во Франціи, великолѣпно знаетъ итальянское искусство и также французскую литературу. Подъ этими вліяніями сложилось его литературное творчество, въ которомъ вся красочность описаній связана со старымъ итальянскимъ искусствомъ.

Стиль Гофмансталя, его выдержанный художественный стихъ тоже подходятъ къ рамкамъ итальянскаго ренессанса, но лирическое и драматическое содержаніе его стиховъ и разсказовъ преображаетъ го романтизмъ въ нѣчто гораздо болѣе близкое намъ, чѣмъ „прерѣніе къ дѣйствительности" нѣмецкихъ и французскихъ романтиковъ, воспѣвавшихъ бурныя страсти или кокетливую меланхолію.

Гофмансталь занятъ проблемой, къ которой онъ пришелъ послѣ многихъ другихъ, для того, чтобы освѣтить ее собственнымъ понима-

ніемъ; это проблема отношеній духовнаго творчества человѣка и творчества жизни: поэтъ и судьба, художникъ и жизнь—вотъ силы, борющіяся въ его пьесахъ. Художникъ кажется ему высшей реальностью сравнительно съ жизнью, которая стремится подчинить его себѣ. Въ „Смерти Тиціана" Гофмансталь провозглашаетъ безсмертіе художника, творящаго красоту, такъ какъ красота въ его пониманіи—оправданіе жизни.

И во всѣхъ другихъ пьесахъ творческое, обособляющее начало въ человѣкѣ изображено въ борьбѣ съ закономъ жизни. Въ пониманіи Гофмансталя жизнь—враждебное начало, которое нужно преодолѣть, перевоплотить въ себѣ—или же оно побѣждаетъ. Онъ чувствуетъ безъисходность раскола между „я", — т.-е. индивидуальностью, и „не-я", т.-е. міромъ, и это отдаляетъ его въ сущности отъ господствующихъ философскихъ теченій въ новѣйшей литературѣ. Онъ не стремится къ примиренію правды души съ правдой жизни, а въ этомъ—лейтмотивъ нашего времени. Онъ дѣйствительно романтикъ, воспѣвающій мятежныя чувства только какъ знакъ раскола. Только мечта поэта кажется ему истиной, потому что въ ней создается и любовь, и счастье, не подчиненное закону жизни, не сопровождаемое расплатой за каждый мигъ удовлетворенія,—муками за любовь, усталостью за достиженіе, страшнымъ чувствомъ внутренняго опустошенія за полноту ощущеній. Драматическій элементъ его пьесъ заключается въ столкновеніяхъ личности съ судьбой, всегда враждебной человѣку. Цѣлый рядъ одноактныхъ пьесъ, какъ „Вчера", „Женщина у окна", „Авантюристъ и пѣвица", прославляетъ жизнь, состоящую изъ ряда ощущеній, изъ дѣйствій, происходящихъ въ душѣ, и во всѣхъ этихъ пьесахъ поражаетъ сила создаваемыхъ художникомъ образовъ. А въ драмахъ, основанныхъ на дѣйствіи, главнымъ элементомъ является мятежъ противъ законовъ жизни. Очень характерна въ этомъ отношеніи одна изъ новѣйшихъ трагедій Гофмансталя, „Электра". Въ его обработкѣ античной темы властнымъ орудіемъ человѣка противъ судьбы становится ненависть, воодушевляющая героиню. Торжество ненависти—полное противорѣчіе античному духу; но эта трагедія, очень сильная по языку, по страстности и пластичности образовъ, характерна для опредѣленія Гофмансталя. Въ ней ясно проявляется его отношеніе къ жизни: въ вѣчной враждѣ съ дѣйствительностью, онъ вѣчно стремится разбить ея законы, любитъ только созданное воображеніемъ; источникъ трагизма онъ видитъ въ томъ, что дѣйствительность налагаетъ тяжкія кары на того, кто презрѣлъ ее. Этотъ конфликтъ выраженъ съ большой силой въ лирической одноактной драмѣ „Глупецъ и смерть".

Три пьесы, соединенныя подъ заглавіемъ „Маленькія драмы",

вполнѣ соотвѣтствуютъ общему характеру произведеній Гофмансталя. Первая драма, „Фалунскій рудникъ", передаетъ въ сказочной формѣ трагедію человѣческой души, которая томится среди многообразной призрачности жизненныхъ цѣлей; законъ души враждуетъ съ закономъ жизни. Эта мысль воплощена въ образѣ матроса, который скитается по морямъ, но чувствуетъ таинственное влеченіе къ землѣ, питаетъ страстную мечту проникнуть вглубь земли. Онъ говоритъ, обращаясь къ землѣ: „Глубокое жилище, зачѣмъ бѣжимъ мы отъ тебя, мы, безумцы, идущіе въ море? Мы повинуемся только волнамъ, только лживому зрѣнію; оно показываетъ намъ то, что должно было быть сокрыто отъ насъ навсегда, пестрый міръ, которымъ мы не можемъ овладѣть. Даже жаба, слѣпая прячущаяся тварь, и та свѣтится сравнительно съ нашей темнотой и кивaетъ мнѣ сверкающей головой: она еще близка къ землѣ"... На этомъ контрастѣ обманной поверхности моря и таинственной, открытой только мудрецу, глубины земли, построена драма. Герой ея, Элисъ Фребемъ, матросъ, возвращается со своимъ судномъ домой, чтобы потомъ опять отплыть въ даль. Его родина—веселый морской портъ, гдѣ его сейчасъ же окружаютъ товарищи и дѣвушки въ приморскомъ кабачкѣ. Среди дѣвушекъ есть красавица Ильзебиль, которую онъ когда-то любилъ. Она и теперь его любитъ. Но Элисъ мраченъ и погруженъ въ свои мысли. Товарищи объясняютъ трактирщицѣ, что онъ всегда такой. „Не трогай его,—говоритъ ей;—тамъ, откуда онъ пришелъ, не свѣтитъ солнце. Тамъ только блѣдный свѣтъ, какъ отъ луны, наполняетъ долины и ущелья. Взоръ его подернутъ какъ у совы. Отецъ его былъ такой же. Онъ былъ кормчій, но имѣлъ два лика. Онъ бродилъ по горнымъ ущельямъ, а тѣло его было у насъ на кораблѣ". Въ этомъ образѣ—идея драмы: и отецъ и сынъ трагичны своей двуликостью, такъ какъ море и земля, основные контрасты человѣческаго бытія, въ нихъ волшебно слиты. Другими словами, конечно, они означаютъ собой трагизмъ, безсознательно живущій во всѣхъ. Но простые люди считали Фребема кудесникомъ, и отъ сына его сторонится за его таинственность. Онъ еще угрюмѣе, чѣмъ былъ прежде: придя домой, онъ узналъ, что мать его умерла. И теперь вдвойнѣ усиливается его влеченіе къ тайнѣ земли, туда, куда уходитъ на покой все живое.

Все, что радовало и печалило, все, что переливалось какъ волны морскія, кажется теперь ничтожнымъ и пустымъ Элису, котораго тянетъ къ себѣ земля. Въ бесѣдѣ съ Ильзебиль, выпивъ вина, онъ вспоминаетъ, какъ любилъ ее, какъ восторгался ея красотой, вспоминаетъ, какъ онъ глубоко ранилъ себѣ руку въ знакъ любви къ ней. Теперь она ему безразлична;—и съ такимъ же холодомъ онъ вспоминаетъ про другую любовь преданной ему маленькой яванки; и

въ память о ней есть у него шрамъ на рукѣ, выжженный слѣдъ зубовъ дѣвушки. Но и это воспоминаніе не будитъ въ немъ теплаго отзвука: онъ помнитъ только ужасъ того дня, только то, что отецъ его сгорѣлъ въ тотъ же вечеръ,—зная заранѣе, что умретъ. Съ тѣхъ поръ Элисъ чувствуетъ призывные голоса земли. Голосъ звалъ его къ матери, и когда онъ пришелъ, ея уже не было въ живыхъ. Жизнь ему стала чужой: „Я могъ бы часами глядѣть на свои руки,—говоритъ онъ,—и думать, кто этотъ чужой человѣкъ, которому онѣ принадлежатъ?“ Его влечетъ въ пучину, „откуда не вернулось ни одно судно“. Онъ „обогнулъ послѣдній мысъ и ѣдетъ безъ руля“. Всѣ радости жизни не обманываютъ уже его: „Когда мнѣ говорятъ: съѣшь, вотъ это вкусно, я отвѣчаю: самое вкусное достается червямъ. Когда мнѣ говорятъ о красотѣ дѣвушки, я отвѣчаю, что камень лучше: камни обогнули высокій мысъ, они сыграли свое до конца, они ничего не чувствуютъ“.

Товарищи тянутъ его съ собой кутить и веселиться, обѣщая ему магометанскій рай на землѣ. Когда же онъ не соглашается идти съ ними, одинъ изъ товарищей, въ сердцахъ, говоритъ ему, что онъ не морякъ и что его страшно было бы взять съ собой въ плаваніе. На это онъ говоритъ, что дѣйствительно онъ ближе къ землѣ, чѣмъ къ морю. Въ этомъ, по мысли автора, все его значеніе. Человѣкъ, который задумался о правдѣ, скрытой въ нѣдрахъ жизни, въ землѣ, уже будетъ чуждымъ навсегда и глади, и бурямъ на поверхности водъ.

Дальнѣйшее дѣйствіе драмы воплощаетъ въ фантастическомъ видѣніи эту жажду проникнуть въ тайну земли. Во время бесѣды появляется незамѣтно старикъ Торбернъ, старый рудокопъ, который слываетъ волшебникомъ. Онъ знаетъ землю, знаетъ много ея тайнъ, и потому мудрѣе моряка. При его появленіи Элисъ сразу, даже не замѣтивъ его присутствія, поддается власти его чаръ; онъ мечтаетъ о томъ, чтобы проникнуть въ нѣдра земли,—ему кажется, что это значитъ вернуться во чрево матери, слиться со всѣмъ живымъ, что коренится въ землѣ. Всѣ чувствуютъ, что онъ говоритъ подъ вліяніемъ чаръ старика рудокопа, но онъ продолжаетъ свои заклинанія, молитъ землю, чтобы она дозволила ему переступить порогъ, проникнуть къ корнямъ всего живущаго. Наконецъ, онъ замѣчаетъ Торберна и, вспыливъ, обвиняетъ его, что онъ внушилъ ему всѣ его слова. Торбернъ тихо отвѣчаетъ ему, что онъ пришелъ оттуда, куда Элисъ стремится, изъ нѣдръ земли, и что мольбы Элиса, хотя онъ произносилъ ихъ безсознательно, выражали самыя тайныя желанія его души. Элисъ пробуетъ возражать, что онъ морякъ, что онъ отплываетъ въ Гренландію, но Торбернъ смѣется. Онъ знаетъ, въ чемъ призваніе Элиса онъ пришелъ звать его вглубь земли:—„Чѣмъ ты меня покоряешь?“—

спрашиваетъ Элисъ, невольно повинуясь старику.—„Твоей собственной волей!—быстро отвѣчаетъ Торбернъ и повелѣваетъ:—ты долженъ пойти со мной въ Фалунъ и стать тамъ рудокопомъ".

Во второй картинѣ драмы изображено видѣніе Элиса; ему кажется, что онъ очутился въ глубинѣ горы и тамъ видится съ горной королевой. Эта сцена—чисто фантастическая. Въ ней прекрасны образы королевы и Элиса въ ихъ взаимныхъ притяженіяхъ и роковомъ противорѣчіи. Королева полюбила земного пришельца — и не боится его, хотя онъ—полная ея противоположность: онъ знаетъ существо, родившее его, зоветъ его „матерью" и живетъ съ нимъ подъ однимъ кровомъ; — ей это не дано. Она не знаетъ ни рожденія, ни смерти; ей кажется ужаснымъ, что можно жить, изойдя изъ плоти, чтобы вернуться вновь, къ другимъ тѣламъ. Ей дано спать „долго и чисто и глубоко". Время для нея не проходитъ: всѣ „вѣковыя святыя „вчера" могутъ собраться вокругъ нея по первому зову и стать „сегодня". Она говоритъ о всемогуществѣ духовъ въ землѣ и зоветъ Элиса. Онъ ее не понимаетъ, и она призываетъ старика Торберна, приведшаго Элиса. Его считаютъ на землѣ волшебникомъ, потому что онъ не признаетъ людскихъ мѣръ, живетъ въ нѣдрахъ земли, и потому сталъ болѣе близокъ къ жизни природы, сталъ больше понимать. Королева объясняетъ Элису, что и онъ—такой же, что и онъ—волшебникъ, потому что захотѣлъ проникнуть къ ней на глубину. „Тебѣ тяжелъ былъ воздухъ земли, твой взоръ проникъ въ ничтожество земного, уста твои отвергли міръ, и предъ лучомъ твоего взгляда разступилась игла". „Эта сила спитъ въ васъ всѣхъ, но вы этого не знаете", объясняетъ горная королева Элису, который не понимаетъ, какая сила привела его въ глубину. „Кто взоромъ и устами тянется къ сіянію лучей, тотъ волшебникъ, хотя и связанъ какъ дитя"... Но Элисъ не можетъ и не долженъ остаться у королевы горъ, такъ какъ въ немъ еще живы образы того, что наверху, на землѣ. Когда мальчикъ Агнадъ подалъ чашу съ питьемъ Элису при его появленіи, Элисъ восхитился юношей и привѣтствовалъ его сначала какъ свою подругу иванку, потомъ какъ утонувшаго давно друга. Но Агнадъ—только призракъ, только зеркало, являющее каждому то, что таится у него на душѣ. Элисъ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ окружавшихъ его на землѣ, но еще кое-что земное осталось жить въ его сердцѣ. Онъ долженъ вернуться на землю, перестрадать, жить въ одиночествѣ и тогда вернуться въ глубины, уже подготовленнымъ къ пребыванію въ нихъ.

Видѣніе разсѣивается. Элисъ опять среди своихъ товарищей, у оконъ кабака. Тамъ никто не удивляется его возвращенію; всѣ знали, что онъ снова вернется. Элисъ ищетъ старика рудокопа, но

его нѣтъ, и тогда онъ объявляетъ, что ѣдетъ въ фалунскій рудникъ; его перевозитъ туда сынъ рыбака, юноша, который до того уже умиралъ—и оживаетъ для того, чтобы переправить Элиса. Элисъ видитъ, что путь его въ горы преисполненъ чудесъ. Онъ вѣритъ въ свою удачу—„законъ міра не на мнѣ".

Есть много легендъ, относящихся къ фалунскому руднику, но драма Гофмансталя не связана непосредственно съ ними; напротивъ того, она составляетъ какъ бы прологъ къ нимъ. Въ драмѣ этой нѣтъ, конечно, никакихъ выводовъ, никакой законченной идеи. Въ ней только художественно, въ сильныхъ образахъ возсоздана сила влеченій къ тайнамъ, сокрытымъ навсегда отъ человѣка. Образы вѣчнаго—горная королева, старикъ рудокопъ,—ярко и трагично противопоставлены мѣняющимся, ускользающимъ явленіямъ—женщинамъ въ кабакѣ, тремъ женщинамъ, которыхъ любилъ и потомъ покинулъ, рыбаку и его женѣ съ ихъ больнымъ сыномъ — и самому Элису, печальному искателю, который въ жизни видитъ только смерть, а жаждетъ истинной жизни—въ глубинѣ горъ.

Вторая драма сборника—„Король и колдунья"—наиболѣе опредѣленная по идеѣ, наиболѣе сильная по художественности воплощенія. Основная мысль ея жизненна—въ противоположность отвлеченной и неразрѣшенной идеѣ „Фалунскаго рудника": человѣкъ долженъ искать въ зрѣлищахъ и переживаніяхъ жизни себя — тогда онъ одолѣетъ судьбу, тогда онъ исполнитъ свой законъ и побѣдитъ враждебность міра. Носитель этой идеи — король. Онъ семь лѣтъ во власти колдуньи, которая плѣнила его, околдовала его чувства и закрыла отъ него окружающую жизнь. Король жаждетъ свободы, борется за нее, и онъ знаетъ, какъ ее достичь. Только семь дней долженъ онъ устоять отъ чаръ колдуньи, не касаться ея, не идти на ея зовъ, и когда зайдетъ солнце на седьмой день, ея не станетъ. Король на охотѣ со своей свитой, но онъ самъ чувствуетъ себя звѣремъ, котораго травятъ. Онъ бѣжитъ отъ соблазна колдуньи и ищетъ спасенія въ природѣ и людяхъ, во всемъ, что можетъ ему вернуть самого себя, вырвать его жизнь изъ губительныхъ объятій слѣпой страсти. Ему кажется, что онъ въ лабиринтѣ, но онъ знаетъ, что можетъ выйти изъ него, выдержавъ семидневный искусъ. Колдунья манитъ его, дразня его своей красотой, еще столь живой для его чувствъ. Онъ ищетъ спасенія, зоветъ своихъ людей, и она со злымъ хохотомъ ускользаетъ въ кусты, смѣясь надъ его слабостью, надъ тѣмъ, что онъ прибѣгаетъ къ защитѣ.—„Бѣдный король!" насмѣшливо говоритъ она ему, убѣгая, и его охватываетъ ревность; онъ рвется къ убѣжавшей обольстительницѣ, чтобы другіе не послѣдовали за нимъ. Но тутъ начинается его освобожденіе. Къ нему является юноша Тарквиній, самый молодой изъ

его слугъ, и утѣшаетъ его своей чистотой и преданностью. Глядя на него, король понимаетъ радость правды, и въ отвѣтъ на горячія слова юноши о его преданности и готовности отдать себя королю, онъ говоритъ, что черезъ другого нельзя спастись, что только въ себѣ—источникъ спасенія: „Ничья кровь не можетъ служить человѣку, кромѣ собственной". И далѣе онъ говоритъ о пути къ самонахожденію; онъ видитъ его только въ правдѣ, въ вѣрности самому себѣ:—„Если ты наружно не тотъ, какой въ душѣ, если ты не заставишь себя быть вѣрнымъ себѣ, то все существо твое наполнится ядомъ, и жизнь вокругъ станетъ тебѣ могилой. Ты не услышишь отзвука правды и отъ другихъ, всѣ вокругъ станутъ тѣнями, и ты при жизни будешь какъ въ могилѣ... Въ комъ нѣтъ правды, тотъ себя теряетъ". И еще онъ открываетъ юношѣ неистребимость всего, что сдѣлано человѣкомъ въ каждый часъ его жизни: „все, что ты совершилъ, ты долженъ носить всегда... и улыбку, и преступленіе"... И еще открылось ему велѣніе истины: не говорить ни однимъ словомъ больше о своей любви любимому существу, чѣмъ то, что дѣйствительно чувствуешь къ нему.

Король понялъ спасительную истину и можетъ преподать ее чистому юношѣ, но самъ онъ еще не можетъ воплотить истину. Горе его—въ томъ, что на устахъ его слова становятся ложью, потому что онъ прикованъ ко всему земному, равнодушенъ къ судьбамъ людей, какъ плескъ фонтана, и потому что собственный голосъ правды доходитъ до него лишь какъ далекій трубный звукъ.

Но пониманіе правды—уже ступень къ самонахожденію, и король послѣ каждой встрѣчи поднимается на этомъ пути. Послѣ разговора съ Таркиніемъ, онъ срываетъ съ себя корону, охваченный ненавистью ко всему, что заключено въ золотомъ обручѣ; „въ немъ—цѣлый міръ величія и отчаянія, міръ полный могилъ, нивъ, горъ и морей... Что мнѣ все это, откуда мнѣ взять силы, чтобы носить міръ? Развѣ я самъ для себя не достаточная тяжесть?"

Проповѣдь все та же: нужно найти себя въ мірѣ и потомъ только идти въ жизнь, чтобы покорить ее для истины. Опять короля соблазняетъ голосъ колдуньи, и, чтобы выдержать искусъ, онъ призываетъ людей. Новая встрѣча опять убѣждаетъ его въ ничтожествѣ человѣческихъ рѣшеній и ведетъ дальше на путь широкаго пониманія справедливости. Солдаты ведутъ человѣка на казнь. Это Лидусъ, мятежникъ, сжегшій много селеній и ложно объявившій себя намѣстникомъ Господнимъ. Король допрашиваетъ его и узнаетъ, что началомъ его злодѣяній была месть за несправедливость: „Судью, который отъ меня попрать справедливость, я захотѣлъ повѣсить,—вотъ съ чего все началось",—говоритъ осужденный. Узнавъ, что съ нимъ говоритъ король, осужденный все-таки стоитъ въ то время, какъ другіе пре-

клонили колѣни: „Этой игрѣ наступилъ конецъ,— отвѣчаетъ онъ на вопросъ короля,— завтра я опущу голову на плаху". Онъ еще разъ отвѣчаетъ королю, что началось все съ несправедливости. „То, что ты сдѣлалъ?"—спрашиваетъ король.—„То, что я претерпѣлъ,—отвѣчаетъ осужденный".—„А то, что послѣдовало потомъ?"—„Судьба".—„А то, что будетъ завтра?"—„Конецъ, справедливый конецъ". Король видитъ въ преступникѣ человѣка, вѣрнаго себѣ до послѣднихъ страшныхъ предѣловъ, и потому считаетъ его выше обычныхъ обвиненій. Онъ его освобождаетъ и назначаетъ начальникомъ морскихъ силъ, воюющихъ съ пиратами.

Опять на короля находятъ прежніе соблазны,—еще онъ не понялъ полной суетности всего, что̀ есть; онъ опять гонится за колдуньей, будто бы ранитъ ее и думаетъ, что она умерла. Но ея мнимая смерть—только предлогъ для новыхъ встрѣчъ, наставляющихъ короля на пути самонахожденія. Встрѣча съ бѣднякомъ, которому онъ даетъ обломокъ короны, чтобы онъ похоронилъ колдунью, увеличиваетъ его презрѣніе къ безднѣ человѣческаго паденія. Еще одна встрѣча съ слѣпымъ старцемъ, который оказывается потомъ ослѣпленнымъ и изгнаннымъ его предшественникомъ на византійскомъ престолѣ, довершаетъ пройденный имъ путь. Онъ понимаетъ призрачность своихъ правъ, основанныхъ на произволѣ и грабежѣ, видитъ, какъ судьба сплетаетъ жизнь людей, дѣлая однихъ рабами, готовыми все продать за горсть золота, а другихъ—властителями... Теперь король уже близокъ къ истинѣ — и къ тому, чтобы разсѣялись чары колдуньи. Близокъ вечеръ послѣдняго дня испытанія. Съ послѣднимъ лучомъ солнца колдунья утратитъ свою силу. Она дѣлаетъ послѣднюю попытку, является къ королю въ образѣ его жены; но когда она открываетъ ему свое истинное лицо, онъ въ ужасѣ отступаетъ и уже твердо отстраняетъ ее, говоря, что все способствовало его спасенію: „Изъ всѣхъ ущелій, улицъ и изъ лѣсовъ, изъ земли, изъ воздуха явились ангелы спасти меня. Куда я ни бросался въ погонѣ за тобой, всюду открывались мнѣ таинственныя двери въ истинную жизнь и возвращали мнѣ самого себя". Заходитъ солнце, колдунья исчезаетъ, и только видна скользнувшая тѣнь уродливой старухи. Король радостно преклоняетъ колѣни, произнося благодарственную молитву за то, что ему дано было найти себя и вступить въ жизнь обновленнымъ, ставящимъ истину выше обмана чувствъ.

Такъ заканчивается эта драматическая сказка, написанная съ большимъ идеалистическимъ подъемомъ. Та же мысль укрѣпляется и в третьей пьесѣ „Маленькій міровой театръ, или счастливые". Въ ней нѣтъ законченнаго дѣйствія; она представляетъ рядъ мѣняющихся образовъ—людей счастливыхъ или тѣмъ, что они смирились передъ

жизнью и вплели свое существованіе въ ткань природы (какъ, напр., садовникъ, который былъ нѣкогда могущественнымъ властителемъ и разочаровался во власти), или тѣмъ, что чувствуютъ себя во всеоружіи силъ, чтобы взять полноту жизни, или же—они дороже всего поэту—тѣмъ, что создаютъ міръ собственнымъ воображеніемъ; это—художники.

Эти три пьесы Гофмансталя нельзя, конечно, отнести къ разряду драмъ въ точномъ смыслѣ слова, хотя средняя пьеса—„Король и колдунья"—такъ полна благороднаго пафоса и такъ прекрасна въ своихъ сѣняющихся картинахъ, что могла бы увлечь и зрителей въ театрѣ. И во всякомъ случаѣ, какъ художественное произведеніе, всѣ три пьесы представляютъ большой интересъ по гармоніи образной формы съ идейнымъ содержаніемъ.

II.

Jules Sageret. Les grands convertis. Стр. 265. Paris, 1906. (Société du Mercure de France).

На ряду съ творческой работой мысли и воображенія, на ряду съ разрушительными теченіями, съ борьбой противъ переживаній и созиданіемъ новыхъ формъ въ литературѣ и въ жизни, во Франціи уживается любовь къ традиціямъ, отстаиваніе консервативныхъ началъ въ общественной и интеллектуальной жизни. И нельзя сказать, что все талантливое, всѣ выдающіяся интеллектуальныя силы сосредоточены „на передовыхъ позиціяхъ". Въ противоположномъ лагерѣ есть также писатели и общественные дѣятели, заслуживающіе серьезнаго вниманія по своимъ идеямъ и своему вліянію.

Въ Парижѣ вышла, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, книга Жюля Сажерэ, подъ названіемъ „Les grands convertis". Она посвящена нѣсколькимъ писателямъ съ громкимъ именемъ, которые пошли противъ современнаго духа свободы и настолько вернулись къ традиціямъ старой Франціи, что сдѣлались вѣрными слугами и защитниками католической церкви. Авторъ книги, Жюль Сажерэ, говоритъ о четырехъ „обращенныхъ", о Гюисмансѣ, Буржé, Брюнетьерѣ и Коппé. Изъ нихъ два, Буржé и Коппé, утратили теперь въ значительной степени литературное значеніе, которое имѣли прежде, когда Буржé былъ эстетомъ и тонкимъ психологомъ, прежде чѣмъ стать рабомъ моды, а Коппé не утопилъ еще свой несомнѣнный поэтическій талантъ въ морѣ сентиментальности и пошлости. Два другихъ „обращенныхъ", Гюисмансъ и Брюнетьеръ, сохранили благородство—одинъ въ своемъ художественномъ, другой—въ болѣе отвлеченномъ, идейномъ творчествѣ и послѣ того, какъ „пошли въ Римъ". Задача интересной книги Сажерэ

заключается въ томъ, чтобы объяснить психологію ихъ обращенія и связать ее съ характерными и существенными элементами французской общественной жизни.

Мы знаемъ, конечно, что интересъ къ религіи вообще и къ католичеству въ частности не составляетъ исключительной особенности консервативнаго лагеря. Въ художественномъ творчествѣ, напротивъ того, религіозное настроеніе характеризуетъ именно наиболѣе новыхъ по своимъ задачамъ поэтовъ и художниковъ. Начиная съ Верлэна, французская лирика отмѣчена религіозными настроеніями и интересами, которыхъ не чуждъ даже такой интеллектуальный писатель, какъ Анатоль Франсъ. Но между отношеніемъ къ религіи, какъ къ выраженію духовныхъ исканій человѣка, и внѣшнимъ ортодоксальнымъ католичествомъ Буржé и другихъ „обращенныхъ", въ сущности очень мало общаго. Сажерэ совершенно не говоритъ о мистикахъ, поэтахъ и художникахъ; его „обращенные"—писатели, вѣрные общественнымъ традиціямъ, а не разбивающіе ихъ во имя своей индивидуальной правды, какъ поэты вродѣ Верлэна и другихъ.

Въ книгѣ Сажерэ особенно интересенъ очеркъ о Брюнетьерѣ. Съ тѣхъ поръ какъ вышла книга Сажерé (осенью минувшаго года), знаменитый критикъ и публицистъ умеръ, и характеристика Сажерэ пріобрѣтаетъ тѣмъ большій интересъ, что даетъ цѣльный образъ и вѣрное опредѣленіе умершаго писателя. Сажерэ отмѣчаетъ въ Брюнетьерѣ самое характерное въ немъ — его крайнюю непослѣдовательность, обыкновеніе защищать въ разное время и по разнымъ случаямъ самые противоположные принципы. Съ полнымъ безпристрастіемъ, не обличая его ни въ чемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не восхваляя его, Сажерэ пытается объяснить эту черту Брюнетьера, угадать въ немъ скрытый принципъ его цѣльности и показать, какъ совершился въ немъ путь отъ полнаго свободомыслія къ тому, что Брюнетьеръ самъ называетъ „путемъ въ Римъ".

Все объясняется, по мнѣнію Сажерэ, тѣмъ, что Брюнетьеръ—боецъ по темпераменту. Онъ не мыслитель, который ищетъ истины, исключающей всѣ другія; онъ—воинствующій практикъ, для котораго всѣ истины одинаковы, если онѣ въ данный моментъ пригодны для руководства въ жизни. Противорѣчіе—вовсе не признакъ заблужденія. Если двѣ истины не согласуются одна съ другой, то это не говоритъ ни противъ одной изъ нихъ. Брюнетьеръ, какъ Боссюэтъ, которому онъ поклоняется, сравниваетъ такія двѣ противорѣчивыя истины съ двумя концами цѣпи, которые соединяются гдѣ-нибудь внѣ нашего поля зрѣнія, и онъ, какъ Боссюэтъ, твердо держитъ оба конца. Сажерэ видитъ въ этомъ отличительное проявленіе активнаго темперамента. „Какъ поступаютъ мыслители? — спрашиваетъ онъ. — Вмѣсто того, чтобы

крѣпко держать, они выпускаютъ изъ рукъ все, чтобы слѣдить за однимъ концомъ цѣпи и провѣрить, дѣйствительно ли онъ соединится съ другимъ. Они предпринимаютъ долгія изслѣдованія, которыя, въ большинствѣ случаевъ, ни къ чему не приводятъ. Брюнетьеръ же не теряетъ на искапіе основныхъ принциповъ драгоцѣнное время, которое можно употребить на защиту ихъ. Онъ становится защитникомъ этихъ принциповъ.

Для Брюнетьера, такимъ образомъ, важна его цѣль, и она объединяетъ всѣ противорѣчія въ его сужденіяхъ. Онъ стремится укрѣпить общественную жизнь на твердыхъ устояхъ, защищая всѣ начала, которыми держится французское общество. Ему приходится въ виду этой цѣли отстаивать самые противоположные принципы демократизма и традиціонности, причемъ онъ впадаетъ большей частью въ противорѣчія. Дѣлая выводъ изъ этого основного опредѣленія Брюнетьера въ книгѣ Сажера, мы видимъ, что если опровергать Брюнетьера, то нужно исходить изъ его цѣлей, а не спорить съ его доводами. Это отношеніе къ нему совершенно вѣрное: Брюнетьеръ—писатель съ большими достоинствами, критикъ, умѣющій очень ярко освѣщать литературу разныхъ эпохъ; всякое художественное произведеніе представляется ему живымъ организмомъ, значительнымъ не своими случайными красотами, а тѣмъ, что въ немъ воплощено. Если же критика Брюнетьера кажется намъ теперь, при всей его эрудиціи и критическомъ талантѣ, сухой и мертвой, то лишь потому, что намъ чужда его основная цѣль, его отстаиваніе общественныхъ устоевъ противъ вторженій индивидуализма. Это повліяло на всѣ его сужденія и привело его къ его послѣдней эволюціи—къ католичеству. Сажеръ намѣчаетъ главныя проявленія его консерватизма, поскольку онъ отразился въ его литературныхъ взглядахъ: Брюнетьеръ отстаиваетъ XVII-ый вѣкъ противъ XVIII-го, потому что XVII-ый былъ вѣкомъ догматизма, а XVIII-ый —вѣкомъ морали, или, вѣрнѣе, совѣсти, т.-е. свободнаго отношенія къ принципамъ во имя индивидуальнаго пониманія морали. Въ этой борьбѣ Брюнетьеръ проявляетъ именно свою коренную непослѣдовательность, осуждая въ писателяхъ XVIII вѣка то, что онъ оправдываетъ въ представителяхъ „великаго XVII вѣка". И въ XVII вѣкѣ онъ прославляетъ только его типичныхъ выразителей, строго критикуя тѣхъ, кто шелъ противъ духа времени. Идеалъ Брюнетьера—Боссюэтъ, догматикъ par excellence; врага Боссюэта, Фенелона, ставившаго мораль выше догматизма, онъ строго осуждаетъ. Сэнъ-Симона, слишкомъ строгаго къ Людовику XIV, Брюнетьеръ исключаетъ изъ литературы XVII вѣка; онъ также пренебрежительно относится къ Декарту, къ Мальбраншу, стараясь изъять изъ XVII вѣка все, что въ немъ подготовляло вольнодумную реакцію слѣдующаго вѣка; а потомъ

онъ доказываетъ, до чего вѣкъ Вольтера пошелъ противъ классической великой поры французской литературы и культуры. Его нападки на XVIII вѣкъ безпощадны; онъ говоритъ, что это—„вѣкъ наименѣе французскій по духу", что „XVIII вѣкъ, въ самую блестящую его пору, характеризуется поразительнымъ обѣднѣніемъ мысли, паденіемъ характеровъ, пониженіемъ стиля... что никогда не писали съ такимъ отсутствіемъ и содержанія, и вкуса, какъ въ XVIII вѣкѣ" и т. д... И этому общему осужденію цѣлаго вѣка соотвѣтствуютъ также рѣзкія нападки на всѣхъ отдѣльныхъ писателей, главнымъ образомъ на Вольтера; Брюнетьеръ осуждаетъ его за его жажду славы, за угодливость и другія проявленія „безнравственности",—выказывая, съ другой стороны, самую большую снисходительность къ „человѣческимъ слабостямъ", когда рѣчь идетъ о Мольерѣ, выразителѣ духа XVII вѣка. Затѣмъ онъ врагъ энциклопедистовъ; онъ ставитъ имъ въ упрекъ главнымъ образомъ ихъ космополитизмъ.

Но, отвергая XVIII-ый вѣкъ и всѣхъ его дѣятелей, Брюнетьеръ—въ этомъ опять одно изъ его противорѣчій—отстаиваетъ великую революцію и ведетъ борьбу противъ Тэна. Казалось бы, что французская революція связана именно съ идеями энциклопедистовъ, которыхъ онъ упрекаетъ въ отсутствіи французскаго національнаго духа, — а между тѣмъ революцію онъ прославляетъ, несмотря на нападки на ея творцовъ и предшественниковъ, несмотря на то, что революція опровергаетъ принципы XVII вѣка. Все это, конечно, противорѣчія, и Сажерэ сводитъ ихъ къ тому, что Брюнетьеръ по своимъ цѣлямъ защитникъ принциповъ, на которыхъ покоится французское общество. Такъ какъ, съ одной стороны, французское общество имѣетъ традиціонныя основы, установленныя съ XVII вѣка, то онъ отстаиваетъ XVII-ый вѣкъ, и такъ какъ, съ другой стороны, современное французское общество коренится въ революціи, то онъ—сторонникъ революціи и врагъ индивидуализма, разрушающаго общество. Вотъ основные принципы Брюнетьера, какъ охранителя общества, и этой охранительной тактикой объясняются всѣ его дальнѣйшія эволюціи.

Но у Брюнетьера есть твердыя, неизмѣнныя черты: это, во-первыхъ, его воинственность, а затѣмъ его приверженность къ одному образу національнаго прошлаго—Боссюэту. Брюнетьеръ видитъ въ немъ воплощеніе духа авторитета и традиціонности, и въ этомъ усматриваетъ оплотъ и спасеніе противъ общественной опасности—индивидуализма: противъ него и направлены всѣ его удары.

Конечнымъ проявленіемъ эволюціонизма Брюнетьера было его обращеніе къ католичеству. Сажерэ показываетъ, что если обсуждать логически это обращеніе, то оно еще болѣе полно противорѣчій, чѣмъ всѣ остальныя дѣйствія Брюнетьера. Онъ по существу свободомысл-

щій, дарвинистъ, сторонникъ идеи эволюціи,—но это не помѣшало ему стать католикомъ, потому что католичество для него общественный принципъ. Онъ искалъ опоры противъ шатаній общества въ смутную пору дрейфусарства. Дрейфусары, съ ихъ требованіями справедливости наперекоръ интересамъ государства, возмущали его какъ индивидуалисты, т.-е. враги общества. Онъ искалъ укрѣпленія основъ традиціонности—и обратился къ религіи. Религія соединилась у него съ политическими цѣлями; онъ видитъ въ ней не дѣло личной совѣсти, а средство спасенія Франціи. Для него вопросъ вѣры—второстепенный: „Во что я вѣрю... объ этомъ спросите въ Римѣ". Для него обращеніе въ католичество — союзъ съ властью, умѣющей поддержать разрушающіяся основы національныхъ традицій. При такомъ отношеніи къ религіи онъ, конечно, могъ соединять католичество съ эволюціонизмомъ и—тоже по примѣру своего учителя во всемъ, Боссюэта,—старался взять на себя примирительную миссію: примирить отцовъ церкви съ позитивизмомъ Конта, мораль католическую—съ моралью позитивистовъ.

Саржерэ показываетъ такимъ образомъ, что Брюнетьеръ, какъ онъ выражается,—„homme bloc", въ которомъ всѣ эволюціи, всѣ кажущіяся противорѣчія самому себѣ объясняются воинственнымъ темпераментомъ и твердостью цѣли, какъ защитника традиціонной Франціи. Это, конечно, придаетъ ему силу и значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ставитъ его совершенно въ сторонѣ отъ поступательнаго движенія въ современной французской жизни. Въ лицѣ его умеръ одинъ изъ самыхъ сильныхъ представителей старой Франціи; и какъ историкъ литературы,—главнымъ образомъ, какъ изобразитель крупныхъ фигуръ XVII вѣка, онъ навсегда сохранитъ большое значеніе. Но его идеи отжили свое время, и никого уже теперь онъ не убѣдитъ въ предпочтительности общественныхъ традицій индивидуальному развитію. И никого также примѣръ Брюнетьера, „католика изъ политическихъ цѣлей", не убѣдитъ, что такого рода союзъ религіи съ жизнью можетъ имѣть какое-либо дѣйствительное значеніе для общественной жизни. Вопросъ о союзѣ Рима съ Франціей не должно смѣшивать съ вопросомъ о религіи, которая можетъ быть только вопросомъ индивидуальной совѣсти. Католицизмъ Брюнетьера—скорѣе фактъ, говорящій о томъ, какъ мертво католичество въ французскомъ обществѣ, если можно откровенно орудовать имъ какъ политическимъ средствомъ, забывая о внутреннемъ значеніи религіи.

Другіе „обращенные", о которыхъ говоритъ Сажерэ, тоже съ религіей ничего общаго не имѣютъ. Буржé сталъ защитникомъ католицизма, связавъ его со всѣми традиціонными интересами консервативной Франціи. Онъ—принципіальный защитникъ аристократіи и сто-

ронникъ классовыхъ различій, и защита католической церкви становится однимъ изъ естественныхъ выводовъ его ученія. Точно такъ Коппе́ обращается въ католичество одновременно съ тѣмъ, какъ становится націоналистомъ, и приведенъ къ нему рядомъ сентиментальныхъ причинъ, слезливой филантропіей и т. д. Только относительно Гюисманса Саржеро, выдѣляя его изъ ряда сторонниковъ и защитниковъ традицій, говоритъ, что скорѣе „онъ обращалъ католичество въ нѣчто другое, слѣдуя за эволюціями своего героя, чѣмъ самъ былъ обращенъ въ католичество".

Такимъ образомъ изъ четырехъ очерковъ въ книгѣ Саржеро явствуетъ, что даже самые выдающіеся нео-католики ничего общаго съ возрожденіемъ религіи во Франціи не имѣютъ. Напротивъ того, ихъ примѣръ показываетъ, что религіозные интересы во Франціи переродились въ нѣчто сугубо-мірское, въ заботы объ интересахъ земной родины, а не въ духовное искательство людей вѣры.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1907.

За мѣсяцъ до выборовъ.—„Октябристы“ и „кадеты“.—Чрезвычайная охрана.—Отношеніе „деревни“ къ оказаннымъ ей благодѣяніямъ.—Еврейскій вопросъ и „патріотизмъ“ реакціонной печати.—Петербургское юридическое общество.

День выборовъ, наконецъ, назначенъ. Если 20-го февраля, по пророческимъ словамъ „Новаго Времени“, рѣшится вопросъ: „убережемъ ли мы свою конституцію, или подставимъ ее подъ смертельные удары“,—то 5-го февраля рѣшеніе этого вопроса въ значительной мѣрѣ опредѣлится. И въ первую Думу, вопреки ожиданіямъ, громадная масса избранниковъ народа пришла съ готовыми политическими требованіями и желаніями. Тѣмъ болѣе во вторую—она придетъ не для выработки основъ своего политическаго міросозерцанія, а для проведенія въ жизнь того, что уже сложилось въ болѣе или менѣе ясно обозначившіяся формулы.

Вышеприведенная фраза знаменательна и характерна не потому, конечно, что она появилась на столбцахъ полу-оффиціозной газеты. Она знаменательна потому, что составляетъ, какъ будто, отзвукъ взгляда на роль и задачи второй Думы правительства. И она характерна въ общественномъ отношеніи потому, что довольно точно выражаетъ предвыборный лозунгъ октябристовъ — партіи, подъ флагомъ которой съ каждымъ днемъ все плотнѣе объединяются элементы, склонные къ реакціи, но еще не рискующіе откровенно кричать: „долой подлую конституцію“. „Убережемъ ли мы свою конституцію или поставимъ ее подъ смертельные удары“?! Да отъ кого ее должно оберегать? Отъ кого она можетъ ждать „смертельныхъ ударовъ“? Какъ выраженіе взглядовъ правительства и какъ лозунгъ октябристовъ, приведенныя слова, очевидно, не имѣютъ въ виду ни опасности для конституціи съ крайняго лѣваго общественнаго полюса, ни опасности—съ крайняго праваго. Въ нихъ скорѣе слышится предупрежденіе, чѣмъ угроза,—предупрежденіе, что конституція будетъ „отнята“ отъ населенія верховной властью, а не одна угроза, что конституціонный строй будетъ революціей или пугачевщиной насильственно ниспровергнутъ. Но если такъ, то что же такое конституція? Зачѣмъ и почему измѣненъ государственный строй? Зачѣмъ и почему народъ былъ призванъ, въ лицѣ свободно избранныхъ имъ представителей, раздѣлить съ монархомъ бремя власти и бремя от-

вѣтственности? Зачѣмъ и почему были провозглашены „незыблемыя" основы гражданской свободы?.. Выходитъ, что какъ будто измѣненіе государственнаго строя послѣдовало вовсе не въ силу признанія государственной въ томъ необходимости, а что это дѣйствительно была—какъ утверждали революціонеры—вырванная уступка, или—что это было только нѣчто вродѣ ученическаго подарка народу за благонравіе. Народные представители должны руководствоваться въ своей дѣятельности заботой „уберечь" основные законы страны отъ „смертельныхъ" ударовъ со стороны правительства!! Можно ли идти дальше въ путаницѣ понятій?..

Въ самомъ невообразимомъ хаосѣ идей, фактовъ и отношеній, въ которомъ безнадежно, ища выхода, бьется уже столько времени русская жизнь, отправныя положенія куда-то затерялись и исчезли. Интересы минуты, понимаемые съ безконечнымъ разнообразіемъ, плотной коркой охватили все, что не касается данной минуты. Цѣль перепуталась со средствами, и средства стали самодовлѣющей цѣлью. Конечно, правительству будетъ удобно, если выборы дадутъ „послушную" Думу, т.-е. Думу, которая не будетъ имѣть своей иниціативы, которая не только одобритъ то, что въ области законодательства создано въ порядкѣ 87-ой статьи, а въ области управленія „наразъяснено" сенатомъ и министерскими инструкціями и циркулярами,—но и затѣмъ станетъ безъ критики и возраженій принимать законопроекты министровъ,—которая удовлетворится обѣщаніемъ снять тиски исключительныхъ законовъ въ то золотое время, когда обыватели обратятся въ безсловесныхъ животныхъ—вѣрнѣе, въ недумающіе и недвигающіеся камни... Но развѣ Дума-декорація нужна для блага государства? И безъ нея Россія позорно проиграла войну, потеряла флотъ, и дошла до того, что мужикъ такъ напродовольствовалъ армію своихъ опекуновъ-чиновниковъ, что самъ уже не можетъ существовать безъ продовольствованія со стороны. Неужели для декораціи стоило и стоитъ налаживать дорогую и сложную машину народнаго представительства?

Когда „истинно-русскіе люди" готовятъ смертельные удары мечтамъ—увы, въ теченіе цѣлаго уже года только мечтамъ!—реализировать формальное обновленіе государства въ цѣляхъ обновленія содержанія государственно-общественной жизни,—то они и не скрываютъ, что хотятъ государственнаго переворота. Переворотъ въ сторону неизжитаго новаго или въ сторону давно извѣданнаго стараго—не все ли равно? Но когда допускаетъ для себя возможность нанесенія смертельныхъ ударовъ „конституціи" правительство—на случай, если, несмотря на принятыя мѣры, выборы все-таки не дадутъ „послушной" Думы,—то такая готовность къ государственному перевороту знаме-

новала бы, что, пожалуй, обновленіе отодвинулось еще дальше назадъ, чѣмъ оно было даже въ эпоху словъ о „довѣріи"...

Если для правительства подобное отношеніе къ „конституціи" не находитъ оправданія, то оно все же находитъ объясненіе. Правительство со всей страстью борца отдалось подавленію—сперва революціи, потомъ оппозиціи. А страсть такъ легко затуманиваетъ мысль. Кто въ пылу борьбы рискнулъ на созданіе военно-полевой юстиціи и на упраздненіе крестьянской поземельной общины и кому въ словахъ закона: „отдѣльныхъ по мѣстностямъ уѣзда предварительныхъ съѣздовъ", читалось: „отдѣльныхъ по сословіямъ предварительныхъ съѣздовъ",—для того нетрудно принести конституціонную идею въ жертву успѣху борьбы. Но какъ дошли до предупрежденія октябристы — нельзя и объяснить. А. И. Гучковъ мудро себя устранилъ отъ борьбы. Онъ не вошелъ въ составъ кабинета, ни графа Витте—въ прошломъ ноябрѣ, ни П. А. Столыпина—въ іюлѣ. Забывъ свои слова, что ему органически противны не столько убивающіе, сколько аплодирующіе убивающимъ, онъ поднялъ голосъ въ защиту полевыхъ судовъ, но самъ отъ участія въ кабинетѣ, отвѣтственномъ за казни, уклонился. Ни онъ, ни Ю. Н. Милютинъ, ни Бобрищевъ-Пушкинъ активной борьбы съ революціей не ведутъ. Они—и всѣ октябристы—такіе же зрители борьбы, какъ члены другихъ конституціонныхъ партій. Почему же они забыли то, что написано въ манифестѣ, дата котораго составляетъ ихъ знамя, и идутъ на выборы съ правительствомъ, зная—и предупреждая о томъ избирателей,—что отъ правительства возможны „смертельные удары" конституціи? Конституціонализмъ октябристовъ не выдержалъ испытанія неуспѣха при первыхъ выборахъ, роспуска Думы, убійствъ слѣва и казней. Они уже не октябристы—они далеко ушли отъ своего знамени. Слова, на немъ начертанныя, обратились въ безсодержательное названіе. Недаромъ монархисты, съ Грингмутомъ во главѣ, уже готовы простить имъ былыя заблужденія и слиться съ ними въ предвыборный блокъ...

Главная численная сила оппозиціи—партія народной свободы, или въ просторѣчіи кадеты—тоже утратила ясное представленіе объ отправныхъ положеніяхъ освободительнаго движенія. Гордая прошлымъ успѣхомъ и сознающая себя единственно сильной, благодаря широко и умѣло созданной организаціи, партія ставитъ узко-партійные интересы выше всего. Она не хочетъ считаться съ тѣмъ, что въ интересахъ всей русской оппозиціи важно имѣть въ Думѣ не только наибольшее число баллотирующихъ голосовъ, но и наибольшее число голосовъ говорящихъ, сильныхъ знаніями, опытныхъ въ работѣ и способныхъ воздѣйствовать. Она не хочетъ признать, что съ ея стороны было большой ошибкой не поддержать при первыхъ выборахъ канди-

датуры—въ Петербургѣ—К. К. Арсеньева, въ Калугѣ—кн. С. Н. Трубецкого, въ Смоленскѣ—А. С. Посникова, изъ которыхъ первые двое вышли изъ партіи, а третій въ нее не вступалъ, но всѣ трое всегда были и остались не менѣе строгими конституціоналистами, чѣмъ самые правовѣрные изъ ея сочленовъ. Она закрываетъ глаза на то, что болѣе ста сильнѣйшихъ представителей партіи отъ выборовъ устранены, и дѣйствуетъ такъ, какъ будто все равно, кто будетъ избранъ членомъ Думы — только бы онъ былъ „кадетъ". Въ исключительно важный историческій моментъ партія народной свободы покрываетъ задачи всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества задачей своего партійнаго торжества.

Въ № 238, „Рѣчь" такъ прямо и писала, что цѣлью избирательной борьбы должно быть „составленіе въ Думѣ компактнаго, прочнаго большинства, способнаго поддерживать стремленія *партіи* съ той же настойчивостью и съ той же вліятельностью, какъ это было въ первой Думѣ". И далѣе: „защищать новую точку зрѣнія можетъ только тотъ, кто вообще не понимаетъ или не признаетъ значенія организованныхъ политическихъ партій. Мы полагаемъ, что эту ступень политическаго воспитанія мы уже оставили позади"... „Въ свое время—справедливо отвѣчалъ на это „Товарищъ",—въ „дни свободы", соціалъ-демократическая партія также строила всю свою тактику на такихъ основаніяхъ; ея органы столь же высокомѣрно, какъ теперь „Рѣчь", отвергали всѣ требованія соглашенія и блоковъ, они столь же категорически требовали диктатуры своей партіи и столь же ядовито смѣялись надъ своими „друзьями—противниками", „оставшимися-де позади той ступени политическаго воспитанія", которую достигли *они*, с.-д. Всѣ знаютъ, чѣмъ это кончилось!.. И тѣмъ не менѣе намъ рекомендуютъ продѣлать то же самое съ другого конца!"

Днемъ раньше „Страна" обращалась къ лидерамъ конституціонно-демократической партіи со слѣдующими словами: „Мы, пока еще не поздно, предупреждаемъ объ опасности и предостерегаемъ кадетовъ отъ излишней самоувѣренности. Перетянутая струна легко можетъ лопнуть, а неудача кадетовъ была бы въ то же время и пораженіемъ для всей оппозиціи. Во имя общаго блага обращаемся мы къ вождямъ кадетской партіи. Они должны понять, какая огромная отвѣтственность лежитъ на нихъ передъ всѣмъ дѣломъ русскаго освободительнаго движенія, и должны поэтому отрѣшиться отъ приходскаго патріотизма".

Полемику между „Рѣчью", съ одной стороны, и тремя другими петербургскими прогрессивными газетами—„Товарищъ", „Страна" и „Русь" — съ другой, вызвало ближайшимъ образомъ рѣшеніе петербургскаго городского комитета партіи народной свободы произвести,

по примѣру первыхъ выборовъ, партійный плебисцитъ и на результатахъ его укрѣпиться, какъ на мертвомъ якорѣ. Теоретической цѣлью плебисцита въ прошломъ году было фактическое обращеніе степенныхъ выборовъ въ прямые. Практической—фиксація мысли избирателей на томъ, что кандидаты намѣчены не комитетомъ, а широкимъ и свободнымъ голосованіемъ всѣхъ членовъ партіи. Но, повторяя тотъ же пріемъ, петербургскій комитетъ позабылъ, что прямые выборы безъ долгой предварительной агитаціи на митингахъ и собраніяхъ, какъ было въ прошломъ году — абсурдъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ прошломъ году, не имѣя опыта, комитетъ еще могъ заблуждаться относительно фиктивности плебисцита, то въ этомъ году ни для него, ни для членовъ партіи, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что партійный плебисцитъ — самообманъ. При разсылкѣ членамъ партіи списка двѣнадцати кандидатовъ, расположенныхъ въ порядкѣ большинства голосовъ, полученныхъ при баллотированіи въ комитетѣ, съ предложеніемъ зачеркнуть троихъ, или хотя всѣхъ, но съ тѣмъ, чтобы въ возвращаемомъ бюллетенѣ стояли девять фамилій, или изъ числа напечатанныхъ, или вписанныхъ самимъ членомъ партіи, — результатъ всегда можно предсказать съ математической точностью. Голоса абсолютно не могутъ сосредоточиться иначе, какъ на фамиліяхъ, стоящихъ въ спискѣ, а изъ нихъ—съ подавляющей вѣроятностью—на поставленныхъ въ голову списка. И это, конечно, при безусловной добросовѣстности въ подсчетѣ.

Когда мы пишемъ настоящую хронику, исходъ плебисцита еще не опубликованъ. Но въ одной изъ газетъ уже было напечатано, что незаконченный подсчетъ опредѣлилъ побѣду первыхъ шести кандидатовъ по комитетскому списку, т.-е. то, чего не могло не случиться. Но почему партія медлитъ съ дѣломъ? Нельзя ли въ этомъ видѣть признакъ отказа отъ принятаго рѣшенія?

Рискъ для всей оппозиціи, на который въ своемъ ослѣпленіи прошлымъ успѣхомъ идетъ партія народной свободы, удесятерился послѣ изданія новой инструкціи о порядкѣ производства выборовъ. Ни одна изъ оппозиціонныхъ партій, кромѣ партіи мирнаго обновленія, не легализирована. А отъ нелегализированныхъ партій, обществъ и союзовъ отнята возможность примѣненія самаго простого и въ то же время самаго дѣйствительнаго средства сосредоточенія при выборахъ голосовъ. Учрежденіямъ, заготовляющимъ бланки избирательныхъ бюллетеней, воспрещена выдача имъ этихъ бланковъ; бюллетени же съ печати земской или городской управы—не будутъ имѣть силы. Такимъ образомъ, для оппозиціонныхъ партій закрыта разсылка и выдача избирателямъ готовыхъ бюллетеней, и сторонникамъ ихъ придется писать бюллетени самимъ. При такихъ условіяхъ, со сто-

роны партіи народной свободы было бы прямо преступно не пожертвовать узко-партійными интересами. Повидимому, „Рѣчь" это сознала. Ея передовая статья въ № 242 начинается словами: „Изданіе новой инструкціи о выборахъ значительно мѣняетъ общее тактическое положеніе и дѣлаетъ необходимымъ новый пересмотръ вопроса о предвыборныхъ соглашеніяхъ".

Но сколько въ той же статьѣ партійнаго самомнѣнія! „Поскольку,— пишетъ газета, — рѣчь идетъ о соглашеніяхъ на общей программѣ, соглашеніяхъ принципіальныхъ, — всѣ попытки намѣтить эти соглашенія, до сихъ поръ сдѣланныя, приводили, въ болѣе или менѣе замаскированномъ видѣ, къ принятію другими группами той платформы, которая уже намѣчена нами. Мы, конечно, не думаемъ этимъ подчеркивать наши особыя права на данную платформу: общее согласіе только показываетъ, что мы правильно выставили на первую очередь такія задачи, насущность которыхъ признается всѣми. Разумѣется, мы всегда привѣтствовали бы соглашенія на этой общей почвѣ. Мы думаемъ, что они и вполнѣ возможны съ безпартійными элементами". Иными словами, соглашеніе, по мысли газеты, есть замаскированное присоединеніе всѣхъ къ партіи народной свободы...

* * *

Въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ столичныхъ губерніяхъ выборы будутъ происходить не только при дѣйствіи всѣхъ разъясненій, инструкцій и циркуляровъ, но также еще въ условіяхъ чрезвычайной охраны. Чрезвычайная охрана была введена въ Москвѣ годъ назадъ, во время вооруженнаго возстанія; въ Петербургѣ—въ іюлѣ, одновременно съ роспускомъ Думы. Тогда ожидалось, что населеніе, особенно Петербурга, бурно отвѣтитъ на роспускъ, что будутъ если не попытки строить баррикады, то грандіозныя и шумныя манифестаціи. Ожиданія не оправдались. Петербургъ пассивно принялъ извѣстіе о роспускѣ Думы. Изъ ближайшихъ городовъ волненія были только въ Кронштадтѣ—и то среди войскъ, а не населенія. Прошло пять мѣсяцевъ. Жизнь если не вошла въ нормальную колею, то, во всякомъ случаѣ, революціонныя проявленія, наблюдаемыя въ настоящій моментъ, ничуть не сильнѣе, чѣмъ они были до 8 іюля. Почему же чрезвычайная охрана не снимается?

Этотъ вопросъ поставили въ петербургскомъ земскомъ собраніи К. К. Арсеньевъ и Н. А. Меншуткинъ и предложили возбудить ходатайство чтобы чрезвычайная охрана, въ виду предстоящихъ выборовъ, была снята. Собраніе отвергло предложеніе. При настроеніи, господствующемъ сейчасъ въ земскихъ сферахъ, такое рѣшеніе понятно. Но еслибы предложеніе и было принято, то едва ли ходатайство увѣнчалось бы успѣхомъ

Администрація наша держится съ безконечной настойчивостью за исключительные законы. На что тишь и гладь царили во вторую половину восьмидесятыхъ годовъ и въ первыя три четверти девятидесятыхъ,— а много ли было случаевъ снятія, за ненадобностью, усиленной охраны? Секретъ простой: управлять, имѣя въ рукахъ исключительныя средства воздѣйствія на населеніе, гораздо проще и легче, нежели не располагая такими средствами. Кто и когда изъ администраторовъ признаетъ, что обладаетъ слишкомъ большими полномочіями и правами? Кому излишекъ правъ и полномочій мѣшаетъ? Для одного — смотря по темпераменту — исключительные законы нужны, чтобы во всю ширь ихъ примѣнять. Въ глазахъ другого они если не необходимы, то полезны, какъ угроза. Въ глазахъ третьяго — они безвредны. „Онъ" можетъ ихъ и не примѣнять—не прибѣгать къ преданію военному суду, не накладывать штрафовъ, никого безъ вины и судебнаго преслѣдованія не сажать въ тюрьмы и не высылать.

При разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ законопроекта Государственной Думы объ отмѣнѣ смертной казни, одинъ изъ членовъ Совѣта говорилъ, что онъ не сторонникъ сохраненія смертной казни, но что въ вопросѣ рѣшающее значеніе должны имѣть отзывы генералъ-губернаторовъ: считаютъ ли они возможнымъ управлять ввѣренными губерніями и областями и быть отвѣтственными за сохраненіе въ нихъ спокойствія и порядка, если отъ нихъ будетъ отнято право лишать жизни черезъ посредство военныхъ судовъ? Любопытная постановка вопроса! Ее выработалъ бюрократическій режимъ, и о нее всегда разбивались всѣ начинанія, направленныя къ установленію дѣйствительнаго, а не фиктивнаго правового порядка. Исключительныя положенія тамъ, гдѣ они разъ были введены, будутъ сняты лишь тогда, когда новая законодательная власть, безъ справокъ у генералъ-губернаторовъ, отмѣнитъ или измѣнитъ дающій имъ содержаніе законъ. Трудно разсчитывать, чтобы до этого момента совершился переходъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, отъ болѣе суроваго исключительнаго положенія къ менѣе суровому — отъ чрезвычайной охраны къ усиленной.

Въ частности, по отношенію къ выборамъ, чрезвычайная охрана создаетъ весьма большія стѣсненія, при весьма маломъ общемъ ихъ значеніи. Она можетъ повліять въ желательномъ для правительства направленіи въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и т. д., т.-е. въ большихъ городахъ, дающихъ, однако, болѣе чѣмъ скромное, въ общемъ, число представителей. Деревня же, какъ она ни окружена попечительнымъ начальствомъ, въ сущности всегда была и остается внѣ предѣловъ досягаемости для „усиленныхъ" и „чрезвычайныхъ" начальственныхъ воздѣйствій. Путемъ воздѣйствій можно не допустить

развитія въ крестьянской деревнѣ сторонней агитаціи и пропаганды. Но будто ужъ такъ велико было значеніе сторонней агитаціи при первыхъ выборахъ! Первые выборы показали, что деревня своимъ умомъ дошла до отрицанія того государственнаго строя, благодаря которому она все глубже и глубже тонетъ въ пучинѣ горя и безысходной нужды... Какъ деревня настроена теперь? Какъ она реагируетъ на оказанныя ей въ порядкѣ 87-ой статьи „благодѣянія"?

„Рѣчь" (№ 242) перепечатала изъ одной провинціальной газеты любопытную сценку, очевидно срисованную съ натуры: „Въ селѣ Ставровѣ былъ волостной сходъ, и старшина предложилъ ему послать благодарность правительству за его послѣдніе земельные законы. Сходъ попросилъ объяснить эти законы. Когда старшина объяснилъ послѣдній законъ о возможности выхода изъ общины, то крестьяне засмѣялись и заговорили, что благодарить они еще успѣютъ: „Мы благодарили уже и даже вотъ икона у насъ куплена въ память 3-го ноября 1905 года". И какъ старшина ни настаивалъ, ничего не вышло: отъ благодарности отказались. „Ну такъ этотъ вопросъ, значитъ, отложимъ?"—настаивалъ старшина. „Да",—отвѣтили всѣ".

Приведенная сценка характерна съ различныхъ точекъ зрѣнія. Какъ образчикъ крестьянской иронія, за которой слышится лукавство, какъ примѣръ, раскрывающій тайну происхожденія благодарственныхъ адресовъ, и какъ скрытое, но рѣшительное осужденіе крестьянами закона объ упраздненіи общины. Въ послѣднемъ отношеніи сообщаемое газетой вполнѣ совпадаетъ съ тѣми свѣдѣніями, которыя до насъ доходили непосредственно изъ близко извѣстной намъ мѣстности. Эта мѣстность—со сплошнымъ великорусскимъ населеніемъ и съ сильно развитымъ частнымъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, параллельно съ надѣльнымъ землепользованіемъ. Въ рѣдкой деревнѣ, если не половина крестьянъ, то хоть часть, не имѣетъ купленной земли—отъ дробной части десятины на домъ до трехъ или пяти, рѣдко когда больше. Всего въ уѣздѣ купленной земли у крестьянъ почти столько же, сколько надѣльной. При такихъ условіяхъ можно было думать, что симпатіи населенія не принадлежатъ общинѣ. Однако, еще лѣтомъ мы имѣли случай убѣдиться въ противномъ. Въ Государственной Думѣ, какъ извѣстно, при самомъ началѣ обсужденія аграрнаго вопроса, обнаружилось, что мысль объ образованіи государственнаго земельнаго запаса изъ казенныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель и изъ отчуждаемыхъ частновладѣльческихъ—далеко не встрѣчаетъ полнаго сочувствія. Представители Малороссіи и всѣхъ окраинъ, не исключая самыхъ радикальныхъ, рѣшительно высказывались за уступку земли трудовому крестьянству въ собственность, а отнюдь не на началахъ арендnаго права. Они прямо говорили, что пусть Дума опре

дѣляетъ какой ей угодно порядокъ землепользованія для великороссійскихъ губерній, но что во всѣхъ другихъ—въ основу реформы долженъ быть обязательно положенъ принципъ землевладѣнія, т.-е. владѣнія на правѣ собственности. Въ виду единодушія представителей окраинъ и такъ какъ одинаково съ ними высказывались по данному вопросу правые элементы Думы, представлялось весьма возможнымъ, что рѣшеніе вопроса выльется въ такой двойственной формѣ. Опасаясь, что это вызвало бы со стороны крестьянъ-великороссовъ упрекъ въ несправедливости, ибо для даннаго момента полученіе земли въ собственность имѣетъ несомнѣнныя преимущества, мы при бесѣдахъ съ своими крестьянами-сосѣдями ставили прямой вопросъ: какую аграрную систему они считали бы для себя наиболѣе предпочтительной? Отвѣтъ каждый разъ получался въ пользу земельнаго запаса и неотчужденія участковъ изъ него въ собственность. Крестьяне той мѣстности, о которой мы говоримъ, обрабатываютъ купленную землю болѣе тщательно, чѣмъ надѣльную, и вообще относятся къ ней болѣе, такъ сказать, рачительно. Но надѣльная, общинная земля, въ ихъ глазахъ, имѣетъ ту особенную цѣнность, что ее нельзя ни продать, ни заложить. Каждый человѣкъ въ деревнѣ, по ихъ взгляду, долженъ имѣть такое, хотя бы ничтожное, обезпеченіе, которое, независимо отъ его индивидуальныхъ свойствъ и качествъ, могло бы его прокормить и снимало бы тѣмъ съ другихъ заботу о его пропитаніи. Земля же купленная—вещь наживная и проживная. Она—тотъ плюсъ, который для каждаго желателенъ, насколько позволительно каждому желать вывести свое существованіе изъ состоянія полуголоданія.

Подобный взглядъ намъ кажется типичнымъ для великорусскихъ крестьянъ. И насъ не удивляетъ, что кое-гдѣ уже были случаи составленія приговоровъ о воспрещеніи односельчанамъ продавать и закладывать надѣлъ—до Думы. Вѣра въ Думу въ крестьянахъ не погасла. Но во всякой деревнѣ есть голытьба, есть и пауки. Для первыхъ законъ создалъ искушеніе—выдѣлиться, продать надѣлъ и хоть мѣсяцъ, если не годъ, не видѣть полуголодныхъ дѣтей. Для вторыхъ законъ создалъ не меньшее искушеніе—сдѣлаться въ своей же деревнѣ бариномъ, помѣщикомъ. Въ деревню внесена рознь, отъ которой недалеко до кольевъ...

Едва ли законъ объ упраздненіи общины увеличилъ шансы на правительственное большинство во второй Думѣ. Вотъ если бы состоялось „разъясненіе“ сената по рапорту министра внутреннихъ дѣлъ объ образованіи предварительныхъ съѣздовъ по сословіямъ, о чемъ мы писали въ прошломъ мѣсяцѣ, тогда дѣло было бы другое и, повидимому, такого „разъясненія“ не послѣдуетъ. Уже назначены они для предварительныхъ всесословныхъ съѣздовъ и въ нѣкоторыхъ

губерніяхъ уже разосланы мелкимъ собственникамъ повѣстки. Говорятъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ взялъ свой рапортъ обратно. Опровергая въ прошломъ мѣсяцѣ съ юридической точки зрѣнія предлагавшееся министерствомъ толкованіе избирательнаго закона, мы на произвольныхъ цифрахъ строили доказательства того, что оно искусственно и совершенно несправедливо создало бы на выборахъ перевѣсъ для десятковъ голосовъ дворянства, купечества и духовенства надъ тысячами голосовъ крестьянъ. Теперь въ нашемъ распоряженіи имѣются по одному изъ уѣздовъ точныя цифры. Избирательный списокъ лицъ, имѣющихъ полный цензъ и право непосредственнаго участія въ съѣздѣ землевладѣльцевъ этого уѣзда, заключаетъ въ себѣ 73 имени. Собственниковъ—71, управляющихъ имѣніями—2. Изъ собственниковъ: дворянъ—38, крестьянъ—11, священниковъ—1, прочихъ сословій—21. Общее количество земли, принадлежащей крупнымъ землевладѣльцамъ—около 50 тыс. десятинъ. Въ спискѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, участвующихъ въ съѣздѣ черезъ уполномоченныхъ, значится 13.760 лицъ. Изъ нихъ: дворянъ—35, священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ, лично обладающихъ землей—17, представителей церковныхъ имуществъ—101, крестьянъ-собственниковъ—13.568, прочихъ сословій—39. Всей земли, принадлежащей мелкимъ землевладѣльцамъ—около 160 тыс. десятинъ, составляющихъ свыше 700 полныхъ цензовъ, т.-е. дающихъ право избранія свыше 700 уполномоченныхъ. Какому землевладѣнію, крупному или мелкому, и какому сословію долженъ по праву принадлежать рѣшающій голосъ на выборахъ? Иначе: представителемъ какихъ интересовъ должны себя считать выборщики даннаго уѣзда на губернскомъ избирательномъ собраніи и затѣмъ въ Думѣ, если который-нибудь изъ нихъ пройдетъ и черезъ послѣднюю выборную ступень?

Въ № 11047 „Новаго Времени“, подъ заголовкомъ: „Совѣтъ 17 октября“, напечатана корреспонденція изъ Калуги. Въ корреспонденціи изложенъ отчетъ о собраніи октябристовъ, состоявшемся 6 декабря, при участіи представителей кадетской партіи. Какъ и подобаетъ партійному отчету, онъ сообщаетъ читателямъ газеты о полномъ пораженіи кадетовъ и о такомъ же полномъ торжествѣ октябристовъ. Вотъ заключительныя слова: „Рѣчи октябристовъ принимались публикою очень горячо; были сторонники и у кадетовъ, но и они не скрывали отъ себя ихъ пораженія, обусловленнаго тѣмъ, что, какъ всегда, кадеты отвѣчали пустыми фразами на уничтожающіе ихъ факты и документы“. Какіе это были документы—отчетъ не упоминаетъ. Подъ видомъ же „уничтожающихъ“ фактовъ, главный ораторъ

на собраніи, г. Бобрищевъ-Пушкинъ—по крайней мѣрѣ его имя наиболѣе подчеркнуто въ корреспонденціи — преподнесъ слушателямъ ничто другое, какъ скверную инсинуацію. Характеризуя прежнюю дѣятельность бывшаго члена Государственной Думы отъ калужской губерніи, князя С. Д. Урусова, г. Бобрищевъ-Пушкинъ разсказалъ слѣдующее: „Въ семидесятыхъ годахъ, въ Бессарабіи, умеръ грекъ Чуфли, оставившій милліонное состояніе на благотворительныя нужды, въ безотчетное распоряженіе душеприказчиковъ. Покойный земскій дѣятель Лазо обнаружилъ многочисленныя злоупотребленія душеприказчиковъ: дѣлались всевозможныя поблажки родственникамъ-арендаторамъ, пропало нѣсколько сотъ десятинъ лѣса; арендаторы, получая землю въ аренду по непомѣрно низкой цѣнѣ, не доходящей до двухъ рублей за десятину, передавали ее крестьянамъ по восьми и выше рублей и сосали изъ нихъ всѣ соки, пользуясь ихъ тѣснотою и разоряя драконовскими контрактами. Въ земскую коммиссію, такъ какъ партій тогда еще не было, вошли и нынѣшніе члены союза русскаго народа, и октябристы, и кадеты. Всѣхъ объединило желаніе помочь несчастнымъ крестьянамъ. Но губернаторъ, князь Урусовъ, и губернское присутствіе, въ которомъ засѣдалъ одинъ изъ душеприказчиковъ, всѣмъ бюрократическимъ гнетомъ стали на защиту душеприказчиковъ и арендаторовъ противъ земства. Губернское присутствіе и самъ князь Урусовъ въ своихъ постановленіяхъ обрушились на земскую коммиссію за то, что она сѣетъ „смуту“. Въ итогѣ дальнѣйшее разслѣдованіе уже доказанныхъ документально злоупотребленій было пресѣчено, на земцевъ обрушились бюрократическіе скорпіоны, и князь Урусовъ сдалъ дѣло подъ сукно, пославъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ докладъ, обѣляющій душеприказчиковъ“.

Эта часть рѣчи г. Бобрищева-Пушкина названа въ отчетѣ „кульминаціоннымъ“ ея пунктомъ. Если это въ смыслѣ беззастѣнчивости въ обращеніи съ истиной, то мы согласны съ составителемъ отчета. Много лѣтъ назадъ въ Кишиневѣ дѣйствительно умеръ грекъ Чуфли и оставилъ имѣнія на благотворительныя дѣла. Назначивъ при этомъ душеприказчиками близкихъ ему при жизни людей, Чуфли предоставилъ имъ право полнаго распоряженія своимъ имуществомъ и въ завѣщаніи оговорилъ, что воспрещаетъ кому-либо требовать отъ нихъ отчетовъ. Въ земскомъ собраніи возникла мысль о незаконности подобнаго завѣщательнаго распоряженія и о правѣ города и земства, пользующихся частью доходовъ на больницы, требовать, чтобы душеприказчики представляли отчеты по управленію имѣніями. Ни одно постановленіе такого рода не было, однако, за время бытности князя Урусова бессарабскимъ губернаторомъ, на разсмотрѣніи ни губернскаго, ни губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій.

Все участіе его въ дѣлѣ о наслѣдствѣ Чуфли заключалось въ томъ, что, въ отвѣтѣ на запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ выяснилъ юридическую сторону вопроса и объяснилъ, что губернаторъ не вправѣ вмѣшиваться въ дѣло, такъ какъ оно подлежитъ вѣдѣнію суда по иниціативѣ заинтересованныхъ сторонъ.

Такова истина и такова она въ изложеніи на предвыборномъ собраніи. „Послѣ этой рѣчи — говорится въ корреспонденціи—кадеты поспѣшили напомнить, что князь Урусовъ никогда не принадлежалъ къ ихъ партіи.—А! такъ вы теперь отъ него отрекаетесь? — иронически отвѣтилъ имъ г. Бобрищевъ-Пушкинъ. — А прежде вѣдь какъ превозносили!"... Если кадеты и „поспѣшили" напомнить о непринадлежности кн. Урусова къ партіи народной свободы, то они только констатировали фактъ, который врядъ ли не былъ извѣстенъ г. Бобрищеву-Пушкину. Князь С. Д. Урусовъ принадлежитъ къ партіи демократическихъ реформъ, и эта партія считаетъ за честь, что онъ числится въ ея рядахъ. Много ли найдется у насъ администраторовъ, которые, управляя послѣдовательно двумя губерніями, оставили бы по себѣ такую память, какъ князь Урусовъ въ Кишиневѣ и въ Тверя? Многіе ли губернаторы покинули свои посты, не желая подчиняться приказаніямъ изъ „полицейскаго участка"? Многіе ли изъ высшихъ администраторовъ удостоились избранія въ первую Государственную Думу?!...

Мы не принадлежимъ къ числу постоянныхъ читателей „Русскаго Знамени", „Московскихъ Вѣдомостей", „Зорьки", „Новаго Времени" и другихъ антисемитскихъ газетъ, выдающихъ себя за единственно проникнутыя „истиннымъ" русскимъ патріотизмомъ. Но всякій разъ, когда какая-нибудь изъ нихъ попадаетъ намъ въ руки, мы невольно себя спрашиваемъ: неужели ни сами газеты, ни ихъ обычная аудиторія, не замѣчаютъ и не видятъ, какъ глубоко они оскорбляютъ въ каждомъ нумерѣ русское національное чувство и на какую недосягаемую ни для одной народности высоту — притомъ совершенно несправедливо—поднимаютъ евреевъ? Положительно не было бы ничего страннаго, если бы оказалось, что евреи находятъ для себя высшее удовлетвореніе въ чтеніи этихъ газетъ.

Тамъ ихъ бранятъ, травятъ, тамъ разжигаютъ противъ нихъ низменные инстинкты некультурныхъ—все равно, въ сермягахъ или во фракахъ—массъ. Это такъ. Но тамъ же признаютъ за ними такую мощь національнаго генія, равной которой нѣтъ ни у одного народа. Стоитъ только подумать: въ Россіи шесть милліоновъ евреевъ и сто тридцать милліоновъ населенія, слагающагося изъ другихъ самыхъ разнообразныхъ народностей, — и если эти сто тридцать милліоновъ

еще неокончательно порабощены шестью, то только потому, что они ограждены чертой осѣдлости, процентной нормой пріема въ учебныя заведенія и цѣлой сѣтью другихъ ограниченій, смягчить которыя хотѣло, но подъ давленіемъ реакціонной прессы не рѣшилось министерство П. А. Столыпина. Изъ-за евреевъ Россія понесла военныя неудачи. Ими выдумано все освободительное движеніе. Если бы не они, русскимъ и въ голову бы никогда не пришло стремленіе къ свободѣ и къ праву, и русскіе никогда не додумались бы до требованія, во имя блага родины, полной реорганизаціи государственнаго строя и соціально-экономическихъ отношеній. Евреи посылаютъ русскихъ и поляковъ, армянъ и татаръ, на убійства, какъ послушныхъ барановъ. Дума, въ которой изъ пятисотъ представителей были десять или двѣнадцать евреевъ, была игрушкой въ ихъ рукахъ. Наибольшую опасность, что на предстоящихъ выборахъ снова не получатъ торжества интересы черносотенцевъ, представляютъ опять все тѣ же евреи... Если выпустить ихъ изъ черты осѣдлости и даже внутри этой черты выпустить изъ городовъ и мѣстечекъ, то и остаткамъ крестьянскаго благополучія придетъ конецъ. Если разрѣшить евреямъ строить синагоги и безъ стѣсненія отправлять богослуженіе — поколеблется христіанство вообще и православіе въ частности. Если предоставить имъ права государственной службы—все управленіе государствомъ уйдетъ въ ихъ руки: они сразу займутъ всѣ высшія должности и низведутъ русскихъ по происхожденію чиновниковъ на роль писцовъ и исполнителей въ тѣсномъ смыслѣ слова. Если евреямъ свободно открыть двери университетовъ, а при пріемѣ въ другія высшія учебныя заведенія поставить ихъ въ равноправныя для всѣхъ условія конкурса—университеты не вмѣстятъ христіанъ, а учебныя заведенія, принимающія молодыхъ людей по конкурсу, будутъ вынуждены принимать однихъ евреевъ... Можно ли перечислить все, что пишутъ и отъ чего предостерегаютъ антисемитскіе органы?! „Новое Время“ въ краскахъ даже какъ-то изобразило будущее русскаго войска, если съ евреевъ снять правоограниченія: всѣ генералы—евреи, и гдѣ-то сзади—сѣрая масса солдатъ изъ курносыхъ великороссовъ и изъ усатыхъ хохловъ...

Развѣ не великая честь принадлежать къ такому племени?... Но что значатъ, если повѣрить антисемитствующимъ монополистамъ въ патріотизмѣ, ихъ собственныя разсужденія о сильномъ, здоровомъ и могучемъ духѣ русскаго народа? Какая это духовная сила, когда ее нужно оберегать штыками отъ порабощенія жалкими—по выраженію тѣхъ же газетъ — трусами, руководимыми одной алчностью къ наживѣ?.. Мы признаемъ, что еврейство отличается значительной расовой стойкостью. Мы не отвергаемъ, что долгіе вѣка преслѣдованія —костры инквизиціи и систематическая травля—закалили характеръ

еврейскаго народа. Мы знаемъ, что отвѣтомъ на всѣ попытки выселить евреевъ и тѣмъ уменьшить ихъ численность въ Россіи является увеличеніе рождаемости и повышеніе процента естественнаго прироста населенія среди оставшихся. Но утверждать, что русской народности органически чужды стремленіе къ свободѣ и праву, или что она безъ инициативы со стороны евреевъ никогда не сумѣла бы эти стремленія формулировать и вылить въ требованія — это явная, недостойная клевета. Дѣйствительный, а не квасной, казовый патріотизмъ коренится въ вѣчномъ исканіи для своей родины высшей правды и средствъ достиженія наибольшаго блага. Патріотизмъ же, все начинающій и все кончающій выкрикомъ: „долой жида", есть что-то уродливое до безобразія. Не клевещите на русскихъ: евреи и еврейство не составляютъ центральнаго вопроса русской жизни, концентрирующаго въ себѣ всѣ остальные поднятые волной народнаго движенія вопросы! Не возносите выше всякой мѣры еврейства за счетъ униженія русскаго народа!...

Совершающіяся событія своеобразно отразились на дѣятельности большинства ученыхъ обществъ: она замерла. Въ отношеніи обществъ, имѣющихъ цѣлью изученіе отвлеченныхъ научныхъ и техническихъ вопросовъ, не связанныхъ съ политикой, это явленіе есть естественное слѣдствіе исключительнаго сосредоточенія общественнаго интереса на вопросахъ политическихъ. Но замерла также въ два послѣдніе года и дѣятельность петербургскаго юридическаго общества, которое всегда особенно чутко отзывалось на выдвигавшіяся очередныя политическія темы. Казалось, что съ конца 1904 г. оно должно было, напротивъ, свою дѣятельность развернуть. Въ дѣйствительности же оно почти ничѣмъ не проявило своего существованія въ то время, когда въ общественномъ сознаніи складывались сужденія о системахъ представительства, о конституціонализмѣ вообще, о парламентаризмѣ, о равноправіи, о существѣ и гарантіяхъ гражданской свободы, о смертной казни, объ исключительныхъ законахъ, и т. д., и т. д. Между тѣмъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что юридическое общество въ большой мѣрѣ могло способствовать облегченію процесса образованія конечныхъ сужденій по предметамъ, о которыхъ теперь уже не спорятъ или спорятъ очень мало, но вокругъ которыхъ еще недавно велись страстные дебаты. И весьма вѣроятно, что если бы, в противовѣсъ страстнымъ рѣчамъ на митингахъ, широкіе слои публи выслушивали въ стѣнахъ юридическаго общества научно обоснова ные рефераты и доклады, то не было бы ни сплошного торжест

крайнихъ политическихъ идеаловъ вначалѣ, ни наблюдающагося теперь разочарованія въ ихъ практической примѣнимости.

Передъ нами отчеты общества за 1904 и 1905 гг. Изъ нихъ узнаемъ, что его дѣятельность замерла „по независящимъ обстоятельствамъ". Въ 1904 году, административнымъ отдѣленіемъ общества была назначена на 12-е ноября бесѣда о необходимыхъ измѣненіяхъ дѣйствующаго закона о печати. Имѣя въ виду § 1 устава, согласно которому главнѣйшая цѣль общества заключается въ „распространеніи юридическихъ свѣдѣній", общество никогда не закрывало своихъ дверей и не стѣсняло желающихъ посѣщать его засѣданія. Но на этотъ разъ бесѣда привлекла такую массу публики, что въ обычномъ мѣстѣ засѣданій—въ зданіи столичнаго мирового съѣзда—оказались переполненными всѣ коридоры, проходы, лѣстницы и, несмотря на это, еще нѣсколько сотъ человѣкъ остались на улицѣ. Открыть засѣданіе было фактически невозможно, и пришлось бесѣду отложить и перенести въ большой залъ Тенишевскаго училища, вмѣщающій 750 человѣкъ. Сюда публика явилась 19-го ноября уже въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ. На улицѣ образовалась толпа, которая въ отвѣтъ на увѣщанія упорно требовала, чтобы всѣ пришедшіе были впущены. Произошелъ безпорядокъ; полиція стала примѣнять мѣры насильственнаго воздѣйствія на толпу; это сдѣлалось извѣстно внутри зданія—и вынудило бесѣду прекратить.

Такимъ образомъ, первое препятствіе юридическое общество встрѣтило въ чрезмѣрности интереса къ выдвинутымъ имъ на обсужденіе вопросамъ. Но съ этимъ препятствіемъ еще можно было бороться. Совѣтъ общества выработалъ правила, регулирующія допускъ публики на засѣданія, послѣ чего редакціонный комитетъ административнаго отдѣленія намѣтилъ рядъ докладовъ, посвященныхъ вопросамъ представительнаго образа правленія въ Россіи: „Основы избранія представителей", „О публичныхъ правахъ гражданъ", „Объ однопалатной и двухпалатной системѣ представительства", „Объ отвѣтственности должностныхъ лицъ и въ частности министровъ" и др. Въ засѣданіи 7-го марта, при громадномъ стеченіи публики, но въ полномъ порядкѣ, былъ прочитанъ докладъ по первому вопросу. Въ засѣданіи 11-го марта докладъ былъ повторенъ. Дальнѣйшихъ же докладовъ не читалось, ибо „возникла переписка" съ временнымъ генералъ-губернаторомъ. Надъ обществомъ повисла угроза закрытія. Министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ измѣненія устава и включенія въ него параграфа, опредѣляющаго, что „общество можетъ быть закрыто министерствомъ народнаго просвѣщенія, по разсмотрѣніи дошедшихъ до него свѣдѣній о безпорядкахъ въ обществѣ или о нарушеніи его

устава"... Такова печальная исторія попытокъ петербургскаго юридическаго общества выполнить лежавшій на немъ долгъ.

Въ новый 1907 годъ общество вступаетъ еще при худшихъ условіяхъ: оно лишилось своего журнала. Изданіе журнала было возможно только при безплатномъ печатаніи въ сенатской типографіи, на что ежегодно, съ 1879 г., испрашивалось Высочайшее разрѣшеніе. Письмомъ на имя предсѣдателя отъ 18-го ноября, министръ юстиціи извѣстилъ, что „въ виду вызываемыхъ затруднительнымъ положеніемъ государственнаго казначейства настоящій министра финансовъ и государственнаго контролера о возможномъ сокращеніи расходовъ казны и необходимости сокращенія кредитовъ на нужды сенатской типографіи", онъ, „къ сожалѣнію", будетъ поставленъ въ невозможность испросить Высочайшее повелѣніе на дальнѣйшее печатаніе „Вѣстника Права" безплатно въ означенной типографіи.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ „Попечительства Трудовой Помощи".

Попечительство о трудовой помощи, состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, не успѣло еще закончить всѣхъ предпринятыхъ имъ общественныхъ работъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1905 г., какъ новое бѣдствіе потребовало вновь самой напряженной дѣятельности всѣхъ учрежденій и благотворительныхъ обществъ, призванныхъ къ оказанію помощи при неурожаяхъ.

Нѣкоторые наши сотрудники по оказанію трудовой помощи (въ бузулукскомъ, вольскомъ, хвалынскомъ и камышинскомъ уѣздахъ), оставшись на мѣстахъ, немедленно же съ половины сентября, насколько позволяли средства, имѣвшіяся въ нашемъ распоряженіи, приступили къ организаціи работъ въ наиболѣе пострадавшихъ селеніяхъ. При этомъ, совершенно исключая даровую помощь, имѣется въ виду доставленіе населенію заработка производствомъ разнообразныхъ работъ по водоснабженію, улучшенію сельскихъ дорогъ, укрѣпленію овраговъ, облѣсенію песковъ и т. п.; такимъ образомъ оказывается помощь вдвойнѣ, такъ какъ независимо заработка весь трудъ крестьянъ обращается на благоустройство ихъ же родного селенія или на улучшеніе ихъ же угодій.

Широко организованныя послѣ неурожая 1905 г. подобныя работы, а также оказанная помощь различнымъ кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ орловской, рязанской, самарской, саратовской, тамбовской и тульской—встрѣтили повсемѣстно большое сочувствіе со стороны крестьянъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также постановленія и горячія ходатайства мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній о продолженіи работъ. Къ сожалѣнію средства, которыми располагаетъ нынѣ Попечительство, чрезвычайно ограничены. Запасный капиталъ, образованный для организаціи помощи при народныхъ бѣдствіяхъ, исчерпанъ и въ распоряженіи моемъ имѣется всего 700.000 р., предоставленныхъ Попечительству изъ суммъ, ассигнуемыхъ правительствомъ для борьбы съ послѣдствіями неурожая. Поступившія же непосредственно въ Попечительство ходатайства во много разъ превышаютъ эту сумму. Предстоитъ такимъ образомъ ограничить дѣятельность немногими лишь уѣздами, постоянно въ то же время отказывая нуждающимся въ просьбахъ дать заработокъ и возможность поддержать упадающее хозяйство. Понятно, до чего невыразимо трудно отказывать въ подобныхъ случаяхъ при видѣ дѣйствительной нужды...

Отправляясь въ объѣздъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерній, чтобы на мѣстахъ обсудить и выяснить возможность наиболѣе цѣлесообразно использовать тѣ небольшія средства, которыми

мы располагаемъ и изъ которыхъ уже часть израсходована на производство осеннихъ работъ, обращаемся ко всѣмъ, кто пожелаетъ внести свою лепту для облегченія крестьянской нужды и кому по сердцу *трудовая помощь*, съ просьбою теперь же поспѣшить съ посильными пожертвованіями, не стѣсняясь ихъ размѣрами, какъ бы скромны они ни были. Всѣ указанія относительно направленія пожертвованій въ тѣ или иныя мѣстности, или на тѣ или иныя работы, будутъ въ точности исполнены.

Пожертвованія можно направлять непосредственно къ Главноуполномоченному Общества (С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 27) и въ Канцелярію Комитета Попечительства о трудовой помощи (Надеждинская, 41).

О пожертвованіяхъ печатается въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" и въ журналѣ „Трудовая Помощь", а также въ тѣхъ изданіяхъ, въ коихъ будетъ открытъ пріемъ пожертвованій.

Главноуполномоченный Попечительства, статсъ-секретарь *Галкинъ-Враской*.

II. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертвованная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая.* Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность организаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ" (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ" (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями" (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ" (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи" (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ" (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ" (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ" (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ" (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей" (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей" (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ" (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей" (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ" (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли" (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей" (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ" (Англійскій пр., 45),

II.—Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. Университета св. Владиміра.

Общество вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежныхъ средствъ и связанной съ этимъ печальной

необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію, очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполнѣ матеріально обезпеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество, въ настоящее, экономически тяжелое время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая коммиссія вполнѣ увѣрена, что должники Общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то въ крайнемъ случаѣ сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи разсчитаться съ Обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если бы эта надежда не осуществилась, то долговая коммиссія считаетъ своей обязанностью предупредить, что тогда она вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно—*оглашенію въ печати соотвѣтствующихъ именъ съ полными, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія.*

Серьезность испытываемаго Обществомъ, вслѣдствіе неисправности его должниковъ, матеріальнаго затрудненія лучше всего доказывается слѣдующими цифрами:

По книгамъ Общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста-семидесяти тысячъ (170.000) рублей, при чемъ около пятидесяти-семи тысячъ (57.000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для Общества неизвѣстными, несмотря на всѣ его поиски.

Лицъ, интересующихся спискомъ неразысканныхъ пока должниковъ, просятъ письменно обращаться въ канцелярію Общества, для полученія соотвѣтственной книжки.

Деньги и письма на имя Общества вспомоществованія студентамъ университета св. Владиміра слѣдуетъ адресовать: *Кіевъ, Гимназическая, д. № 3.*

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Собраніе Пушкинскихъ изданій Имп. Академіи Наукъ, успѣвшей издать и съ примѣчаніями Б. В. Томашевскаго. Томъ первый: 1815—1826 гг. Спб. 907.

Говоря о новомъ съ тѣмъ отдѣлкою отъ дѣйствительно все изданіи сочиненій Пушкина можетъ имѣть тотъ первый „Перечень“ Пушкина его писемъ и писемъ къ нему. Пишемъ, опасаясь съ ранѣе, весь болѣе или менѣе неизвѣстные времена, заключаетъ въ себѣ особый интересъ, представляя всѣ возможности быть случайными, такъ сказать, бытовыя авторы съ окружающими его лицами, или отдѣленіе отъ нихъ дѣло; въ письмахъ авторъ весь нами бы интересъ передъ нами, и мы узнаемъ его самого, все его собственное: чувствуемъ такимъ образомъ заявленіе времени, которое далее предъ зеркаломъ его современниковъ. Можно, при этомъ, легко себѣ представить въ какой степени цѣнность наши интересъ, если какъ и въ послѣднихъ случаяхъ, прежде всего встрѣчаемъ не его другой, какъ нашъ великій поэтъ, а мы „Словарь“—благодаря превосходной школѣ Академіи Наукъ, начиная изданіе сочиненій Пушкина,—слушателями его бесѣдъ, въ большей части, съ такимъ другомъ, какъ Н. А. Васильевъ, Бар. Дельвигъ, В. А. Жуковскій, П. А. Плетневъ. Главнымъ помысломъ настоящаго изданія послужило бережное собраніе писемъ Пушкина, подготовленное Леонидомъ Майковымъ; самое изданіе вводно въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ и въ современномъ характерныхъ особенностей орографіи Пушкина. Для собственія непрерывности нашихъ наслѣдующихъ типовъ переписки, всѣ опущенія, литературныя, цензурныя и библіографическія примѣчанія будутъ заключены въ скобки въ самомъ текстѣ. Пишущій тоже собственноручно записокъ Бенкендорфъ къ Пушкину, привезенному, къ декабрю 1826 года, высочайшей императору „Комедіи о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ“; Бенкендорфъ сообщаетъ Пушкину желающую резолюцію Николая Павловича на самой рукописи: было бы лучше,—говорится въ резолюціи,—особенно Пушкинъ „перебилъ вмѣсто того въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Вальтеръ-Скотта“. Въ заключеніе, Бенкендорфъ проситъ Пушкина сообщить ему „на сей предметъ (т.-е. представленіе государю) всѣ новые труды благонамѣреннаго автора“.

Пушкинъ въ его позднѣйшемъ. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. IV. Спб. 906.

Конституціонная Пушкинская коллекція писемъ, собранныхъ Л. Майковымъ и приложенныхъ, въ 1904 году, къ Майковой въ дарь Академіи Наукъ. Въ настоящемъ выпускѣ занимаетъ первое мѣсто, представляя въ себѣ самое подробное описаніе текстовъ содержанія этой коллекціи, и содержитъ два новыя: первыя три его части: автографъ Пушкина, его переписку и „дни его произведеній, въ дальнѣйшемъ выпускѣ предполагается помѣстить изображенія Пушкина, портреты лицъ, съ которыми онъ имѣлъ сношенія, а также указаніе изданій сочиненій Пушкина и всего написанное о немъ. Изъ другихъ работъ, вошедшихъ въ составъ этого сборника, упомянемъ: изслѣдованіе В. В. Сиповскаго по поводу „Исторіи села Горюхина“ и литературной исторіи поэмы „Руслан и Людмила“ написанный Н. Л. Модзалевскаго, украшенную портретами и рисунками; она сопровождается въ себѣ и живописаніе В. П. Зубкова, одного изъ тѣхъ авторовъ, съ которымъ познакомился и говорилъ Аркадій Пушкинъ, во время своего пребыванія въ с. Михайловскомъ въ Москвѣ—осенью 1929 года.

С. Мельгуновъ.—Церковь и государство съ Россіи. Къ вопросу о свободѣ совѣсти. М. 907. II, 30 с.

Настоящее изданіе есть собственно сборникъ газетныхъ статей, напечатанныхъ авторомъ преимущественно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ за два послѣдніе года и привлеченныхъ теперь въ извѣстный порядокъ, при помощи распредѣленія ихъ по тремъ группамъ: старый порядокъ переѣленія отношенія церкви къ государству; вторая группа статей относится къ переходной эпохѣ, когда въ законы была введена свѣтотерпимость, но осуществленіе ея въ жизни было «измѣнено бюрократическими средствами, и потому авторъ и называетъ ее „сумасшедшею вѣротерпимостью“; наконецъ, третья группа—послѣднія соображенія относительно будущаго положенія нашей церкви въ государствѣ. Въ послѣднюю группу включены двѣ историческія статьи: „Наущѣрскія секты и вѣротерпимость“ и „Гоненіе на сектантовъ“, составляющія статьи, вѣроятно, вслѣдствіе своей пространности, можетъ подать поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ: авторъ въ ней (стр. 178), между прочимъ, утверждаетъ относительно секты, что она, „при своемъ возникновеніи, быть можетъ, больше, чѣмъ какая-либо другая секта, носила исключительно религіозный характеръ“; а затѣмъ авторъ идетъ еще далѣе и говоритъ: „нельзя отрицать, что въ основѣ ихъ (т.-е. скопчество) преслѣдовало нравственныя (!) цѣли,—есть былъ протестъ (!) противъ деморализаціи нравовъ“. Но почтенный авторъ не держится, конечно, извѣстнаго, весьма сильнаго ученія: „цѣль оправдываетъ средства“! Впрочемъ, онъ самъ оговаривается въ томъ, что не имѣлъ возможности переработки своихъ статей; онъ опасается, что его сборникъ можетъ опоздать, такъ какъ „вопросъ о регламентаціи взаимныхъ отношеній церкви и государства стоитъ на очереди“,—но онъ у насъ, безъ сомнѣнія, и постоянно еще не мало времени на ней, а между тѣмъ многія изъ статей сборника могли бы только выиграть отъ нѣкотораго ихъ пересмотра и переработки.

Гр. А. К. Толстой.—Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Изданіе сорокалѣтнее. Спб. 907.

Этотъ классическій трудъ, неоднократно нами въ *старомодной* рамѣ, всѣмъ извѣстенъ теперь чуть ли не наизусть, и можно только, по поводу новаго изданія, напомнить разъ характерное для автора выраженіе въ его предисловіи къ первому изданію 1863 года: когда авторъ писалъ эту повѣсть, „онъ бросалъ перо въ негодованіи не столько отъ мысли, что могъ существовать Іоаннъ IV, сколько отъ той, что могли существовать такіе обществ, которые могли смотрѣть на него безъ негодованія“.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

на 1907 г.

(Сорокъ-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ,
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полугодіе:		На четверть года:		
		Безъ дост.	Съ дост.	Безъ дост.	Съ дост.	Съ дост.
Безъ доставки въ Спб.	10 р. 50 к.	5 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 00 к.	3 р. 00 к.	3 р. 00 к.
Въ Петербургѣ съ доставкой	12 „ — „	6 „ — „	8 „ — „	3 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и другихъ городахъ съ перес.	12 „ — „	6 „ — „	8 „ — „	3 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, включая почт. сборъ	19 „ — „	10 „ — „	13 „ — „	5 „ — „	7 „ — „	7 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доплатою за пересылку — 1 р. 50

Примѣчаніе. — Плата разсрочки полной подписки за второе, подписка
годовъ, съ января и по августъ, и по четвертому году: съ января, изд
сентября, принимается — **сверхъ повышенной ветхой цѣны на**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года.

Въ Петербургѣ:

— въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Пескій пр., 20.

Въ Москвѣ:

— въ книжномъ магазинѣ И. Д. Сытина, Кузнецкій Мостъ, 36.

— въ книжномъ магазинѣ И. Д. Бисикова, на Моховой, и в
торѣ П. Печковскій, въ
скихъ линіяхъ.

Въ Кіевѣ:

— въ книжн. магазинѣ „Старина
Рашпильевская, 12.

Въ Варшавѣ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ И. Ц. Кар

Примѣчаніе. — 1) *Подписная сборка, добавка заключается въ томъ, что*
ея, съ тѣхъ, обязательныхъ суммъ, уже и обязательствъ, и въ полученіи
на нужу почтоваго управленія, съ 1870 допускается только журналовъ, отъ
журнала за самою мѣстностью книжечка. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть
выходъ журнала совершенно, съ указаніемъ прежняго адреса, при этомъ
высылкой 40 *коп.* — 3) *Жалобы* объ неполученіи, доплачивается 1 руб. — 3) *Жалобы* объ неполученіи
требованія исключительно въ Редакціи журнала, если подписка была сдѣлана
повѣщеніе адреса и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не
постоянной разсрочкой книги журнала. — 4) *Деньги* за полученіе журнала
выдаются только для иногородныхъ или заграничныхъ подписчиковъ, которые
полной суммой за весь полученный журналъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас.-Остр., Кадетская лин., 1.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — КНИГА 2.

ФЕВРАЛЬ, 1907.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1907.

I.—ДНЕВНИКЪ ГРАФА П. А. ВАЛУЕВА.—Тяжелый годъ.—Май—Сентябрь. . . . 177
II.—МАНЧЖУРСКІЕ ОЧЕРКИ. — Дальняя набережная и заимка. — VII-XIII.— Окончаніе.—**Алекс. Ротштейна.** 177
III.—МЕЖДУ СВѢТОМЪ И ТЬМОЙ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая.— I-XIV.—Окончаніе.—**Вилар. Свѣтлана.** 178
IV.—ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОНЧАРОВЪ и новыя матеріалы для его біографіи. — „Исповѣдь" — „Автобіографія". — Перепискa.—**М. Супранскаго.** 201
V.—ВОЛОТОК (ПО.—Повѣсть.—I-VIII.—**Юл. Безродной.** 221
VI.—ОБРАЩЕНІЕ Бл. АВГУСТИНА.—Очеркъ.—I-IV.—**В. Н. Герье.** 251
VII.—КРЕСТЬЯНЕ.—Georges Renard, Léon Jacquet.—VI-X.—Съ франц. **О. Ч.** 269
VIII.—ДВОСЛОВІЕ.—Поэма.—Изъ Альфреда де Мюссе.—**Зинаиды Н.** 311
IX.—ХЛѢБЪ ПАРЛАМЕНТА.—Романъ.—Cholmondeley Cecil Thurston. John Chilcote, M. P.—VIII-XV.—Съ англ. **З. В.** 326
X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. На закатѣ.—II. Петрокламъ.—**О. Чюминой.** 372
XI.—ХРОНИКА.—Разложеніе партій и новѣйшіе гимны въ Англіи.—(I-III.—**И. А. Твердого.** 373
XII.—ВНУТРЕННІЙ ОБОЗРѢНІЕ.—Можетъ ли Россія считаться конституціоннымъ государствомъ?—Бюджетное право Думы.—Отвѣтственность министровъ.— Конституціонализмъ и парламентаризмъ.—Государственный Совѣтъ.—Недостатки основныхъ законовъ. — Министерская декларація. — „Истинно-русскіе люди" и Дума.—Странные совѣты.—Начала выборовъ въ Государственную Думу. 794
XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки.—II. Айхенвальдъ, Ю., Силуэты русскихъ писателей, кн. 1.—III. Львовъ-Рогачевскій, В., Борьба за жизнь. Сборникъ статей.—IV. Гервексъ, А. И., Пробѣлы культуры, съ франц.—V. І. Джорджъ, Общественныя задачи, съ англ. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого.—VI. Мультатули, Повѣсти, сказки и легенды.—VII. Ельшинъ, Сборникъ статей по литературѣ и исторіи.—**Евг. Л.**—VIII. Петръ Вейнбергъ, Странницы изъ исторіи западныхъ литературъ.—**З. В.**—IX. П. Барбѣевъ, Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ.—**В. Ш-ія.**— X. Д. Мушкетовъ, Къ познанію Россіи.—XI. Статистическія сатиріи по земельному вопросу въ европейской Россіи.—XII. Хрисанфъ, В., Очерки экономическаго быта въ Царствѣ Польскомъ.—Бр. И. и П. Лопатины, Очерки исторіи крестьянскаго печатлѣнія въ Царствѣ Польскомъ.— XIII. Какъ устраиваются городскія общественныя работы. (Опытъ городскихъ городовъ). Переводъ съ нѣмецкаго и предисловіе В. А. Гатцука.— **В. В.**—Новыя книги и брошюры. 811
XIV.—ЗАМѢТКА.—По поводу „Записокъ" Чаплыгина.—**Л. З. Слонимскаго.** 863
XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Парламентскіе выборы въ Германіи.—Особенности нѣмецкой политической жизни.—Прусскіе порядки и выборы.— Избирательная эмиграція изъ Познани.—Упадокъ старыхъ избирательныхъ партій.—Шансы и ожиданія реакціи.—Общіе результаты выборовъ.—Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи.—Перемѣны кабинета въ Персіи. 867
XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. H. Hahr, Skizzenbücher, II. drei Akten.—II. Emile Zola, cm. Michael-Georg Conrad.—III. O. Harnack et M. Laurax, „Birbi", drame en trois actes.—**Э. В.** 880
XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Политическое настроеніе населенія и начинающіяся выборы.—Откуда можетъ ожидаться опасность для второй Государственной Думы.—Черносотенныя организаціи и администрація.—Изъ совѣщаній о. Григорія Петрова.—Д. И. Менделѣевъ и П. А. Столыпинъ. † 886
XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ „Попечительства Трудовой Помощи".—II. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія 890
XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Русскіе портреты XVIII и XIX ст. Изд. В. Кн. Николая Михайловича. Т. II, вып. 1.—А. Брянскій. Сагуръ Павла I.—М. Сержантовъ. Донъ-Кихотъ Ламанчскій; съ испанскаго М. В. Нагановъ, ч. I.—Залѣсскій, С., Совершеная христіанства.—Павловъ, К. На Далекомъ Востокѣ въ 1905 году. 894

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года на 1907 г.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

„ДНЕВНИКЪ“

ГРАФА П. А. ВАЛУЕВА

1880-ый годъ.

Май *).

1 мая. — Первое мая! Мнѣ не до мая. Выѣзжалъ. У меня былъ новый хозяинъ печати, Абаза. Нѣтъ быстроты пріема. Впрочемъ, увидимъ.

2 мая. — Коммиссія прошеній. Ко мнѣ заѣзжали министръ внутреннихъ дѣлъ и графъ Лорисъ-Меликовъ. Sempre lo stesso.

3 мая.—Утромъ парадъ на Марсовомъ полѣ. Кажется, все было удачно. Погода великолѣпная. Затѣмъ—дома. Дописалъ XXXIV главу „Лорина“.

4 мая.—Утромъ у обѣдни. Выѣзжалъ для нѣкоторыхъ визитовъ. Былъ у Нелидовой. Она говоритъ, что слышала отъ графа Лор.-Меликова, что графъ Тотлебенъ не поѣдетъ въ Варшаву. остей не знаетъ, потому что графъ Лор.-Меликовъ былъ гихъ гостяхъ. Маковъ заходилъ ко мнѣ, но меня не за-

лъ—дома. Нездоровится.

---

*) выше: январь, стр. 232.

5 мая.—Не поѣхалъ въ государственный совѣтъ. Ко мнѣ заходилъ Маковъ. Дѣйствительно, графъ Тотлебенъ въ Варшаву не поѣдетъ, а замѣнитъ Альбединскаго въ Вильнѣ, т.-е. безъ анормальныхъ полномочій; въ Варшаву же отправится Альбединскій. Послѣдняго ждутъ сюда сегодня. Государь самъ объявилъ о томъ Макову, безъ объясненій. Кажется, однако, что государь самъ смекнулъ невозможность первой комбинаціи и не безъ труда отдѣлался отъ маневровъ графа Тотлебена, которому все-таки хотѣлось въ Варшаву. Въ Одессу назначается генералъ Дрентельнъ. Завтра, говорятъ, государь переѣзжаетъ въ Царское-Село. Императрица останется здѣсь—до времени.

6 мая. — Комитетъ министровъ. Сабуровъ былъ въ первый разъ, и безъ всякой застѣнчивости или замѣшательства. Въ первый разъ я замѣтилъ со стороны графа Л.-Меликова прямой попшбъ вліянія на дѣла. Рѣчь шла объ отклоненіи ходатайства рязанскаго земства по училищной части. Попшбъ былъ популярнически-адвокатскій за земство. Но такъ какъ дѣло было отложено, то и результатъ попытки вліянія отсрочился.

О графѣ Л.-Меликовѣ слишкомъ много говорятъ и ему слишкомъ много приписываютъ. On est en voie d'en faire un Michel I, comme successeur de Pierre IV.-Cela prépare le dénoncement.

7 мая. — Выѣзжалъ. Былъ у графа Л.-Меликова, который былъ у меня, но меня не засталъ. Любопытный предметъ наблюденія и анализа. Самъ говоритъ, что у другого, на его мѣстѣ, давно вскружилась бы голова. Это признаніе—простодушный признакъ нѣкотораго круженія. Но степень его пока весьма незначительная. Много сдержанности и такта. Обстановка—адъютантская и проч.—въ стилѣ crescendo. Взглядъ на дѣла—конечно, весьма неполный, но безъ крупныхъ ошибокъ. Оцѣнка людей—безъ исключенія—поверхностная, но достаточно недовѣрія, чтобы и здѣсь предупредить крупные промахи.

Со вчерашняго дня идетъ въ судѣ дѣло Веймара. Къ сожалѣнію, допускается снова эффектная обстановка. Роздано триста билетовъ на этотъ спектакль. Газеты рисуютъ пиджаки, прическу и очки подсудимыхъ. Къ чему все это?

8 мая.—Выходилъ. У меня были Альбединскій и Дрентельнъ Первый разсказалъ свою бесѣду съ государемъ при первой аудіенціи. Повторилось все, что было говорено при насъ о вѣнскомъ

конгрессѣ и проч., не исключая и обычное „aegritudo animi"? Второй не безъ иронiи говоритъ, что до сихъ поръ не видитъ, что̀ сдѣлано верховною коммиссiею.

9 мая.—Получилъ отъ графа Л.-Меликова увѣдомленiе, что мнѣ повелѣно предсѣдательствовать въ особомъ совѣщанiи по дѣлу о редстокистахъ-пашковцахъ. Они неудобно разрослись и распространились.

Обѣдалъ у государя. Были: Цесаревичъ и Цесаревна, великiй князь Михаилъ Николаевичъ и великая княгиня Ольга Ѳедоровна, ихъ два сына, трое великихъ князей домашнихъ, герцогиня Эдинбургская, Альбединскiй, Маковъ и я. Итого—изъ четырнадцати—одно величество и десять императорскихъ высочествъ. Рѣдко гдѣлибо можетъ это такъ сбыться. Государь два раза говорилъ о пашковцахъ. Онъ, видимо, занятъ этимъ дѣломъ.

Утромъ великiй князь Михаилъ Николаевичъ былъ у меня. Онъ уѣзжаетъ сегодня вечеромъ въ Тифлисъ; но состоянiе императрицы таково, что онъ считаетъ не невозможнымъ, чтобы ему пришлось вернуться съ дороги.

Видѣлъ возвратившагося изъ отпуска барона Будберга. Онъ пріѣхалъ теперь черезъ Вѣну и говоритъ, que notre position politique à l'étranger est impossible.

11 мая.—Утромъ у обѣдни. Выѣзжалъ. Былъ у Абазы, который боленъ. Князь Ливенъ не пользуется большими симпатiями и, впрочемъ, мало что̀ дѣлаетъ, что̀ бы ихъ могло возбуждать.

Вчера—сообщенiе у графа Л.-Меликова по дѣлу о пашковцахъ. Онъ, Маковъ, князь Урусовъ, Побѣдоносцевъ, Кахановъ и я. Проявляется извѣстный апломбъ, но горизонтъ тѣсенъ. У Маркова—genre terre à terre, по обыкновенiю. Князь Урусовъ, также по обыкновенiю, genre anguille. Корректнѣе всѣхъ былъ Побѣдоносцевъ. Заключенiя постановить было не трудно, потому что выбора не предстояло; но два часа времени лишнихъ потрачено. Странно, что постоянно выношу одно и то же впечатлѣнiе. Какъ будто я конный, а они—пѣшiе. Я у цѣли, а они еще въ дорогѣ. Кромѣ того, они какъ будто никогда не видятъ, въ чемъ дѣло, о которомъ рѣчь, соприкасается съ другими дѣлами. Напримѣръ, вчера никто не замѣчалъ, что роль, которую признали бы за синодомъ, относительно пашковцевъ, pro casu, была бы, ipso facto, признана и относительно раскольниковъ вообще.

Утромъ сообщилъ Побѣдоносцеву мое письмо 1875 г. къ епископу Леониду. Посмотримъ, что̀ онъ скажетъ.

Что за положеніе! Что за синклитъ! Что за публика! Достойна она своей печати (т.-е. прессы). Иду, вынужденъ идти, одиноко, по одному и тому же пути. Иногда другіе сходятся со мною, но не надолго. Against adze, and against time! Но, благодаря Бога, продолжаю идти.

Вечеромъ — у Сольскихъ. Принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская и Вл. Мятлевъ. Читалъ имъ главы XXXI—XXXIV „Лорина". Впечатлѣніемъ не имѣю повода быть недовольнымъ.

12 мая.—Утромъ государственный совѣтъ. Потомъ комитетъ финансовъ, въ Мраморномъ дворцѣ. Обычное разглагольствованіе при заранѣе заготовленномъ къ подписи журналѣ, который и былъ подписанъ. Дѣло въ выпускѣ новой серіи желѣзнодорожныхъ облигацій, но черезъ государственный банкъ, а не черезъ иностранныхъ банкировъ.

Выходилъ послѣ обѣда. Государь, третьяго дня переѣхавшій въ Царское-Село, сегодня былъ въ городѣ.

13 мая.—Комитетъ министровъ. Затѣмъ дома. Множество частныхъ просьбъ, по которымъ приходится писать.

Сколько различныхъ характеристичныхъ признаковъ и пріемовъ у людей! Какъ, между прочимъ, степень и родъ интеллектуальной культуры видны, или, точнѣе, слышны въ голосѣ, въ интонаціи, въ діапазонѣ, въ обрывахъ рѣчи, и т. п.

14 мая.—Выѣзжалъ. Былъ въ учетномъ банкѣ. Новая финансовая операція, повидимому, не встрѣчена сочувственно на биржѣ. Успѣхъ сомнителенъ, если министръ финансовъ не рѣшится на нѣкоторыя дополнительныя льготы, или на широкое примѣненіе моей имъ такъ упорно отвергавшейся теоріи. Увидимъ.

Приговоръ надъ Веймаромъ, Михайловымъ и друг. произнесенъ сегодня въ три часа утра. Никакихъ подробностей не знаю. Ни Макова, ни гр. Лорисъ-Меликова не видалъ.

Отправилъ къ государю журналъ совѣщанія по дѣлу о пашковцахъ.

15 мая.—Выходилъ утромъ. Остановился тамъ, гдѣ три года тому назадъ мнѣ сказывалось: a riband for a horse! Нѣчто подобное чувствовалъ и сегодня, но съ другимъ оттѣнкомъ.

Съ утра настроенъ тяжело. Телеграфъ принесъ тревожное извѣщеніе отъ старшаго сына. Богъ милостивъ.

Написалъ Сольскому, что, какъ мнѣ сдается, министръ финансовъ долженъ будетъ оправдать взглядъ моихъ „Отголосковъ". Про его операцію говорятъ, что это—„гвардейскій заемъ". Несовсѣмъ такъ, если у него хватитъ духа на то, о чемъ я думаю. Mundus vult decipi.

17 мая.—Вчера коммиссія прошеній. Былъ на экзаменѣ въ Николаевскомъ институтѣ.

Обѣдалъ въ Царскомъ у государя и долженъ былъ остаться для его вечерней партіи. Вернулся на почтовыхъ, ночью. Болѣе сорока лѣтъ такъ не возвращался. Между обѣдомъ и вечеромъ выходилъ въ садъ. Печальныя впечатлѣнія. Садъ запертъ. Впускъ по билетамъ. Почти никого, кромѣ часовыхъ и полицейскихъ агентовъ. Таково теперь положеніе Самодержца-Освободителя,—обожаемаго монарха, и т. д. и т. д.! Только за часовыми или въ пустынѣ онъ себя можетъ считать въ безопасности!

Замѣтилъ у озера, передъ большимъ павильономъ, бронзовую копію съ римскаго капитолійскаго гладіатора. Слѣпокъ вѣрный. Кажется, прежде его не замѣчалъ, или забылъ. На память напрашивается стихъ:

And unaveng'd! Arise ye Goths...

За обѣдомъ были Грейгъ, Маковъ, гр. Н. Игнатьевъ, Шерваль, Бехтольгеймъ,—котораго я привезъ въ городъ на тройкѣ,—и флигель-адъютантъ, котораго имя изъ памяти улетучилось.

Сегодня выѣзжалъ утромъ. Былъ у Маковскаго, для скучнаго сеанса, и у разныхъ швейцаровъ.

Опредѣленныя по процессу Веймара кары смягчены. По этому поводу сегодня въ газетахъ приторныя статьи. Нота вѣрна, но неумѣлое размазываніе или растягиваніе производитъ фальшивые звуки.

Съ княземъ Горчаковымъ случился вчера припадокъ помѣшательства. Гр. Н. Игнатьевъ говорилъ, что онъ непомѣрно ѣстъ и вообще, такъ сказать, животнится. Сегодня, говорятъ, ему лучше. Какой конецъ для героя брилліантовыхъ перьевъ и нашихъ газетъ!

18 мая.—Утромъ у обѣдни. Днемъ выходилъ. Видѣлъ Макова. Вечеромъ у Сольскихъ, на полчаса, для сообщенія отрывковъ изъ моего дневника за 1867 годъ.

Заботы по особому, частному, не оффиціальному или служебному вопросу. Трудно при этомъ работать.

19 мая.—Выходилъ утромъ. Видѣлъ у себя гр. Лорисъ-Меликова, который говоритъ, что многое раскрывается его разспросами и доказываетъ неумѣлость прежнихъ слѣдствій. Обѣдалъ на Каменномъ островѣ у принца Ольденбургскаго.

— + — въ полномъ ходу. Повторяю: что за положеніе! Связанъ по рукамъ и ногамъ. Вижу, наклоняю голову и жду. Здоровье потрясено, силы начинаютъ измѣнять. Сегодня утромъ было особенно тяжело.

20 мая.—Кавказскій комитетъ. Потомъ комитетъ министровъ. Тяжелое и непріятное засѣданіе. По весьма легкомысленно составленному проекту сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ кн. Ливена длинные толки, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ недоброхотства со стороны нѣсколькихъ членовъ. Затѣмъ вопросъ объ отмѣнѣ процентнаго сбора въ Западномъ краѣ. Самая слабая и недостойная защита министромъ внутреннихъ дѣлъ своихъ собственныхъ предположеній. Со стороны Абазы—грубый пошибъ покойныхъ Н. Милютина, Чевкина и друг. Робкое сочувствіе кн. Урусова, слабая поддержка гр. Лорисъ-Меликовымъ. Лучше всѣхъ былъ Сольскій. Дѣло кончилось отсрочкой, на которую я согласился потому, что она, по крайней мѣрѣ, не портитъ дѣла, и потому, что для меня на этотъ разъ было достаточно напомнить, какъ я выразился, „въ присутствіи покорителя Карса", о поляхъ, павшихъ въ Болгаріи и за Кавказомъ, и сказать, что я считаю недостойнымъ брать кровь, когда она нужна, и деньги, когда не требуется крови. Мнѣ сдается, что Абазѣ не сойдетъ съ рукъ его сегодняшняя роль. Судьба должна смести его, какъ смела Н. Милютина.

21 мая.—Утромъ въ Мраморномъ дворцѣ. Видѣлъ королеву эллиновъ, но ею не былъ видѣнъ. По нездоровью великой княгини Александры Іосифовны, никакихъ формальныхъ представленій и константиновскихъ поздравленій не было. Вечеромъ у меня былъ министръ путей сообщенія по поводу своихъ затрудненій съ комиссіею гр. Баранова.

Доходящіе до меня отголоски изъ среды власть имѣющихъ подтверждаютъ мои о нихъ мнѣнія. Пребывать въ тѣни—самое удобное и правильное.

Министръ внутреннихъ дѣлъ уѣхалъ. Надобности уѣзжать не было. Предлогъ—приволжскій край. Мотивъ—взглянуть на свои уфимскія владѣнія.

22 мая. — Императрица Марія Александровна скончалась сегодня, въ седьмомъ часу утра, и, какъ до сихъ поръ кажется, одна и безъ сознанія. Утромъ ея уже не было въ живыхъ, когда пришелъ или когда призванъ былъ докторъ Алышевскій. Дали знать въ Царское-Село. Государь пріѣхалъ, съѣхались члены семьи, и вѣсть разнеслась по городу. Въ 6 ч. вечера вышло прибавленіе къ „Правительственному Вѣстнику", съ краткимъ о томъ извѣщеніемъ. Показались на улицахъ траурныя ливреи, и въ домахъ заговорили о предстоящихъ церемоніяхъ.

До сего дня едва ли какая-либо вѣнценосная жена умерла такъ безшумно, такъ одиноко. Всѣ предшествовавшія обстоятельства, вся современная обстановка,—даже до вчерашняго присутствія на Елагинской Стрѣлкѣ всей царской семьи, за исключеніемъ государя,—безпримѣрны...

Недостатка въ фразахъ не будетъ, но слезъ будетъ мало. Пустоты не ощутится, потому что уже при жизни почившей вокругъ нея стало пусто, и она сама ничего собою не наполняла. Какъ мать—съ благоговѣніемъ почтутъ ея память дѣти...

Ѣздилъ на Елагинъ, съ женою, смотрѣть дачу. Конечно, мы не проѣхали до Стрѣлки. На обратномъ пути я всматривался въ лица знакомыхъ и незнакомыхъ. Мысли о новопреставленной на нихъ не было замѣтно.

23 мая.—Утромъ коммиссія прошеній. Затѣмъ дома. Видѣлъ вернувшагося изъ Вѣны Мосолова. Кажется, что по римско-католическимъ дѣламъ онъ тѣмъ успѣшнѣе выполнилъ данное ему порученіе.

24 мая.—Утромъ во дворцѣ. Вынос тѣла покойной императрицы въ большую церковь. Вечеромъ тамъ же на панихидѣ. Замирающее впечатлѣніе. Черты усопшей приняли выраженіе, напоминающее былыя, лучшія времена. Говорилъ о ней съ ген. Вердеромъ. Быть можетъ, онъ правъ, утверждая, что привязанность и преданность государю составляли и все содержаніе, и объясненіе, и оправданіе ея жизни.

Обычная пышность церемоніала, къ которой я совершенно равнодушенъ. Обычныя впечатлѣнія относительно нашего духовенства. Въ такія минуты,—когда на рубежѣ земного и вѣчнаго, священнодѣйствуя передъ гробомъ усопшаго и передъ толпою живыхъ, оно возноситъ молитвы къ Богу и напоминаетъ о Немъ своей паствѣ,—придворное духовенство стоитъ какъ будто на уровнѣ придворныхъ служителей,—ниже низшаго уровня такъ называемыхъ чиновъ Двора.

25 мая.—Два раза во дворцѣ, у обѣдни и вечеромъ на панихидѣ. Начался пріѣздъ иностранныхъ принцевъ. Церемоніальная экспедиція—est aux abois. Еще предстоитъ три дня траурной суеты.

26 мая.—Перевезеніе тѣла почившей императрицы въ Петропавловскій соборъ. Совершено при сильнѣйшей, хотя уже начинавшей стихать бурѣ, при взволнованной бурею какъ море Невѣ и по поднятому почти до разрыва Троицкому мосту, но при проблескахъ солнца и, благодаря Бога, безъ всякихъ неблагополучій. Слышалъ (мы съ женою въ крѣпость не поѣхали, такъ какъ утромъ дежурили у гроба), „que le spectacle de la procession funèbre était magnifique". Понимаю, что это великолѣпіе можетъ быть не мнимымъ, и другимъ казаться великолѣпнымъ.

27 мая.—Утромъ, съ 6 до 8 ч., въ крѣпости, съ женою, на второмъ дежурствѣ. Въ полночь предстоитъ третье. Отсутствующихъ такъ много, что съ трудомъ набирается требуемое по церемоніалу число лицъ.

Комитетъ министровъ. Видѣлъ тамъ на минуту гр. Лорисъ-Меликова. Онъ начинаетъ болѣть пошибомъ земскихъ дѣятелей и связанною съ нимъ дешевою популярностью.

28 мая.—Съ полуночи до 2 ч. утра—въ Петропавловскомъ соборѣ на дежурствѣ, съ женою, какъ и оба первые раза. Потомъ—при отпѣваніи и погребеніи. Умалчиваю о разныхъ иностранныхъ элементахъ обстановки. Все это сохранится въ газетахъ, какъ и частности обычнаго церемоніала. Государь былъ видимо взволнованъ и тронутъ въ роковую минуту послѣдняго прощанія. Изъ дѣтей—наиболѣе чувства видѣлось въ великомъ князѣ Сергіѣ. Другіе оставались вѣрными своимъ привычнымъ оттѣнкамъ. Черная масса, которую я видѣлъ ночью, на поклоненіи, искренна и полусознательна. Золоченая масса, которую видѣлъ утромъ, полуискренна, и если сознательнѣе черной, то преимущественно подъ вліяніемъ личныхъ интересовъ и соображеній.

Припоминаю и мои впечатлѣнія, и разговоръ съ Вердеромъ. Опасаюсь быть несправедливымъ. Быть можетъ, и здѣсь формула — + — объяснительный ключъ. Стараюсь припомнить, въ сферѣ дѣлъ правительственныхъ, проявленія того великодушія, которое проявлялось въ сферѣ частной жизни.

Теперь здѣсь налицо всѣ перемѣщенные, назначенные и уволенные воеводы: гр. Коцебу, гр. Тотлебенъ, Альбединскій, Гурко и Дрентельнъ, который сегодня былъ у меня, чтобы проститься. Vediam.

29 мая.—Утромъ у обѣдни. Выходилъ. Вечеромъ—на панихидѣ по умершемъ, послѣ долгой хронической болѣзни, но почти внезапно, тайномъ совѣтникѣ Гурко. Видѣлъ тамъ одну мнѣ незнакомую даму (кажется, Тимирязеву),—того русскаго типа, съ которымъ можетъ идти въ ровень развѣ только высшій англійскій, и то не совсѣмъ. Ея портретъ годился бы для моей графини Искрицкой въ „Лоринѣ“. До сихъ поръ я не знаю ни одного подходящаго для этой героини лица, кромѣ видѣнной въ Римѣ (въ 1868 г.) статуи „Фабіола“ и не помню кѣмъ написанной картины „Вѣра“ изъ „Обрыва“.

30 мая.—Утромъ въ Петропавловскомъ соборѣ. Заупокойная литургія 9-го дня при обычномъ церемоніалѣ и многочисленной обстановкѣ. Выходилъ послѣ обѣда. Встрѣтилъ барона Жомини, который говоритъ, что баденскій врачъ князя Горчакова—„ne lui donne pas plus d'un an à vivre et dit avoir depuis longtemps remarqué les premiers symptômes d'une imbécillité sénile“.

31 мая. — Утромъ у пр. Ольденбургскаго. По случаю принятія имъ званія президента „Общества международнаго права“, служился молебенъ, съ крестнымъ ходомъ по дворцу. Потомъ завтракъ и спичъ d'occasion. Принцъ видитъ въ обществѣ этомъ средство къ охраненію всеобщаго мира. Онъ при этомъ такъ искренненъ, добродушенъ и добронамѣренъ, что сегодняшняя, довольно странная въ сущности церемонія, — потому что кромѣ принца-президента общество представлялось, кажется, однимъ бар. Жомини,—вовсе не казалась странною. Все семейство принимало участіе въ крестномъ ходѣ, сыновья и внукъ несли хоругви и кресты, на всемъ лежала такая явственная печать вѣры и поклоненія Богу, что настроеніе всѣхъ присутствовавшихъ какъ-то само собою подчинялось настроенію самого добраго принца. Отвѣтный тостъ, за его здравіе, послѣ его рѣчи, поручено было предложить мнѣ, что мною и было исполнено.

Іюнь.

1 іюня. — Утромъ у обѣдни въ Исаакіевскомъ соборѣ. Проповѣдь. Есть успѣхъ по этой части.

Ѣздилъ на Елагинъ съ женою. Погода прекрасная. Къ сожалѣнію, мнѣ не до погоды. Мнѣ нужно было записаться у датскаго принца. Всѣ прочія особы разъѣхались. Нельзя сказать, чтобы мы были умѣлы, внимательны, или даже хотя бы просто вѣжливы въ отношеніи къ иностранцамъ, пріѣзжающимъ къ намъ изъ вѣжливости.

Продолжается пребываніе въ области décousu. Работаю, но урывками. Ощущеніе непрочности всего, что меня окружаетъ, тяготитъ меня.

2 іюня. — Видѣлъ графа Шувалова. Онъ слышалъ отъ германскаго кронпринца, что ему говорили и Государь, и Цесаревичъ, и военный министръ о намѣреніи Германіи отвоевать у насъ остзейцевъ. Кронпринцъ удивленъ. Я тоже,—но тѣмъ, что ему объ этомъ говорили. Видѣлъ также Альбединскаго и гр. Лорисъ-Меликова. Послѣдній en train, d'assez belle humeur, и боекъ. Онъ положительно уменъ и умѣлъ, хотя не по общему лекалу.

3 іюня. — Утромъ въ Смольномъ. Сперва, въ малой церкви, заупокойная литургія; потомъ, въ актовой залѣ, раздача наградъ выпускнымъ воспитанницамъ разныхъ заведеній Цесаревною, которой онѣ теперь подчинены. Все императорское семейство, кромѣ великаго князя Николая Николаевича. Государь по прежнему раздавалъ свои фотографическіе портреты. Особаго церемоніала представленій Цесаревнѣ не было.

Потомъ комитетъ министровъ. Вернулся оттуда пѣшкомъ. Жена и Лиза ѣздили въ Красное-Село, къ Никсу.

4 іюня.—Утромъ выпускъ въ Николаевскомъ институтѣ. Кажется, это десятый при мнѣ.

Затѣмъ цѣлый день дома. Работа по роли публициста „Отголосковъ". Кажется, 98-я или 99-я статья съ 1-го января 1879 г. Вечеромъ получилъ приказаніе быть завтра у государя, въ Царскомъ, въ 11 ч. утра.

5 іюня.—Призывъ, какъ я догадывался, относился къ дѣламъ министерства путей сообщенія и коммиссіи гр. Баранова. Докладъ особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Абазы,—сперва утвержденный государемъ, по докладу Абазы, хотя вице-адмиралъ Посьетъ отказалъ въ своей подписи, потомъ въ тотъ же день пріостановленный въ исполненіи вслѣдствіе письма Посьета къ государю,—теперь долженъ быть предметомъ обсужденія въ комитетѣ министровъ, вмѣстѣ съ запискою гр. Баранова, на которой онъ былъ основанъ, и съ отвѣтною запискою министра путей сообщенія, вчера государю представленною. Посьетъ просилъ государя о направленіи дѣла въ комитетъ министровъ. Государь сегодня призвалъ гр. Баранова и меня, вдвоемъ, и отдалъ намъ соотвѣтствующее приказаніе. Государь, очевидно, не замѣчаетъ le dessous des cartes. Для меня дѣло поэтому имѣетъ щекотливыя стороны. Военный министръ и гр. Лорисъ-Меликовъ завербованы стороною, которою, подъ фирмою графа Баранова, двигаетъ генералъ Анненковъ. Другая сторона—самъ министръ путей сообщенія и его министерство—весьма плохи и въ дѣлахъ путейскихъ, и въ дѣлѣ защиты. Я за нихъ вступался нѣсколько разъ собственно потому, что я врагъ интригъ и маневровъ à la sourdine.

6 іюня.—Утромъ коммиссія прошеній. У меня былъ гр. Барановъ. Оборотъ дѣла его тѣмъ болѣе затрудняетъ, что онъ не сознаетъ всѣхъ аномалій своего къ нему отношенія и всѣхъ несообразностей подписываемыхъ имъ произведеній Анненкова.

7 іюня.—Переѣхали на Елагинъ островъ, на казенную дачу. Дай Богъ въ добрый часъ.

8 іюня.—Троицынъ день... das herrliche Fest. Былъ у обѣдни на Аптекарскомъ островѣ. Заходилъ въ Ботаническій садъ—поклониться альпійскимъ розамъ.

9 іюня.—У обѣдни въ елагинской дворцовой церкви. Получилъ невозможную реплику гр. Баранова на записку Посьета.

Трудно предусмотрѣть, что будетъ завтра происходить въ комитетѣ министровъ.

10 іюня.—Происходило невообразимое представленіе ограниченности министра путей сообщенія. Это, впрочемъ, облегчило исходъ дѣла безъ битья стеколъ. А клика подготовилась. Явились и гр. Милютинъ, и гр. Лорисъ-Меликовъ. Абаза былъ злобенъ; гр. Барановъ—близоруко вспыльчивъ. Но мнѣ удалось не допустить дѣла до неудобныхъ крайностей. Chien de métier, au reste!

13 іюня.—Былъ въ городѣ. Коммиссія прошеній. Событій, къ счастью, нѣтъ.

16 іюня.—Безсобытіе продолжается. Гр. Лорисъ-Меликовъ переселился въ Царское-Село. Съ разсчетомъ ли,—или безъ разсчета и скользя по извѣстной покатости,—не знаю. Его штабъ все разростается. Къ нему теперь присоединенъ ген. Фадѣевъ. Почему, для чего,—не вѣдаю.

Министръ путей сообщенія обзавелся новымъ товарищемъ въ лицѣ т. с. Гюббенета, и хорошо сдѣлалъ. Онъ ему можетъ быть полезнымъ.

О Пушкинскомъ празднествѣ въ Москвѣ я здѣсь умолчалъ. Пересолъ былъ слишкомъ силенъ и распространяться о немъ было не по сердцу. Въ особенности возмутительны были всѣ воспоминанія о дуэли, изливавшіяся на глазахъ у дочерей и сыновей не одного Пушкина, но вѣдь и Пушкиной.

17 іюня.—Утромъ въ городѣ. Комитетъ министровъ. Обѣдалъ съ женою, на Каменномъ островѣ, у великой княгини Екатерины Михаиловны. Уныніе видно въ этомъ слоѣ. Впрочемъ, оно естественно. Какое-то общее gliding down происходитъ по всѣмъ направленіямъ.

21 іюня.—Вчера въ городѣ. Коммиссія прошеній. По прежнему продолжается затишье. Но не во мнѣ. Ищу перевода слова: restless. Оно вѣрнѣе всего обозначаетъ мое настроеніе.

22 іюня.—Видѣлъ вернувшагося изъ губерній министра внутреннихъ дѣлъ. Видѣлъ также министра финансовъ, который, повидимому, только теперь усмотрѣлъ, что у него происходилъ въ теченіе полугода, въ особой коммиссіи о подушныхъ налогахъ, гдѣ онъ самъ предсѣдателемъ. Онъ говорилъ о приготов-

вленіяхъ къ московской выставкѣ будущаго года. Я дошелъ до того, про себя, что не увѣренъ въ томъ, чтобы она состоялась. — + —, etc., etc.

24 іюня. Комитетъ министровъ. Тяжелое засѣданіе. Гр. Лорисъ-Меликовъ, насвистанный, вѣроятно, гг. Фадѣевымъ и К°, настаивалъ на дачѣ обѣщанія земствамъ „не строить желѣзныхъ дорогъ, не спросясь ихъ мнѣнія“ о направленіи путей. Онъ увѣрялъ, что такимъ образомъ мы пріобрѣтемъ содѣйствіе „лучшихъ людей“ и т. п. въ стилѣ „Голоса“ и К°. Я, конечно, отстаивалъ, и отстоялъ, прерогативы и достоинство правительства. Нѣкоторые члены меня поддерживали, но слабо, нерѣшительно. Очевидно, полудиктаторъ имъ импонировалъ. Они даже не замѣтили, повидимому, безсознательной или наивной грубости, выказанной гр. Лорисъ-Меликовымъ, принимавшимъ за доказанный фактъ, что мы, т.-е. комитетъ министровъ, отклоняемъ разсудительныя ходатайства земствъ, ошибаемся въ выборѣ направленій дорогъ, и т. д. И это правительство!!

27 іюня.—Въ городѣ утромъ. Срочное засѣданіе коммиссіи прошеній. Передалъ Каханову записки ген. Фадѣева и другія произведенія въ этомъ родѣ.

Іюль.

4 іюля.—Третьяго дня былъ въ Царскомъ-Селѣ съ институтками. Обычная іюльская процедура. Сегодня обѣдалъ тамъ у государя, съ гр. Лорисъ-Меликовымъ, гр. Барановымъ, Грейгомъ, Маковымъ и Побѣдоносцевымъ. Передъ тѣмъ, какъ всегда по пятницамъ, коммиссія прошеній, а въ прошлый вторникъ былъ, по обыкновенію, комитетъ министровъ.

Настроеніе — bistre. Мнѣ, кромѣ того, нездоровится, что, однакоже, не помѣшало мнѣ вчера обѣдать, съ женою, у Дурновыхъ, на Охтѣ. Съ удовольствіемъ видѣлъ тамъ отцовскій домъ, содержимый сыномъ въ исправности, улучшаемый, но не коверкаемый по модѣ дня. Такихъ впечатлѣній мало.

Моя нервная система до того разстроена и раздражена, что сегодня, дома и въ городѣ, въ Царскомъ и на пути оттуда, мнѣ нѣсколько разъ чувствовалось, что я готовъ заплакать навзрыдъ. Тяжело и глубоко больно. Одно, что успокаиваетъ и ободряетъ—это обращеніе взора къ Небу. Въ вагонѣ я разъ десять замиралъ себя внутренно, глядя на облака. Разговоръ со спутниками не мѣшалъ. Я давно привыкъ будто бы говорить, но не думать о томъ, что говорится.

Гр. Лорисъ-Меликовъ, въ Царскомъ-Селѣ, subit largement les influences de l'atmosphère courtisanière.

9 іюля. — Вчера въ городѣ. Комитетъ министровъ. Непріятный эпизодъ по печати. Я выставленъ, конечно, не по имени, но подъ прозрачнымъ покрываломъ, въ роли лихоимца по дѣламъ горныхъ заводовъ. Въ иностранныхъ газетахъ (кажется, въ „Schlesische Zeitung") я даже прямо названъ. И здѣсь беззащитенъ. При данныхъ условіяхъ и общей обстановкѣ я принужденъ выжидать, тѣмъ болѣе, что не я одинъ на сценѣ. Чтобы ударъ былъ больнѣе, ко мнѣ примѣшанъ мой сынъ, хотя ему по легкомысленнымъ поручительствамъ пришлось поплатиться именно за того аферіста, отъ котораго онъ якобы получилъ де

нежное подношеніе. Печать мнѣ платитъ за „Отголоски“. А правительство? — + —!

21 іюля. — Молчалъ. Незачѣмъ прерывать молчаніе. Дни шли. Засѣданія въ комитетѣ министровъ и коммиссіи прошеній происходили по очереди.

Эпизодъ, о которомъ я упомянулъ 9-го числа, заглохъ. Маковъ призывалъ издателя „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Комарова, который самъ заговорилъ о случившемся, назвавъ это „позорною мерзостью“, будто бы проскочившею въ отсутствіе Комарова, при его помощникѣ Усовѣ. Авторъ статьи — Трубниковъ, двадцать разъ бывшій у меня съ просьбами и предложеніями услугъ, и будто бы уже выгнанный изъ редакціи. Но, повторяю, къ сердцу и Маковъ дѣла не принялъ, а мнѣ, коль скоро имя сына было примѣшано, слѣдовало избѣгать всякаго шума и гула. На нашей почвѣ никакой опоры нѣтъ.

Я, впрочемъ, принялъ другую мѣру. Маковъ зналъ, изъ перлюстрацій, о маневрахъ или толкахъ касательно либеральныхъ преобразованій по части печати, подъ эгидою графа Лорисъ-Меликова и двухъ Абазъ. Я ему подалъ мысль взять сразу инициативу и испросить у государя учрежденіе особаго совѣщанія, подъ *моимъ* предсѣдательствомъ. Маковъ, которому ingérence графа Лорисъ-Меликова и двуличіе Абазъ не нравились, назвалъ мою мысль „une idée lumineuse“ и привелъ ее въ исполненіе. Графу Лорисъ-Меликову сказано о томъ post factum. Ему это было явно непріятно; но дѣло закрѣплено оффиціально. Такимъ образомъ мое предсѣдательство есть косвенный отвѣтъ на клевету, съ одной, и потворство, съ другой стороны.

Слѣжу за ходомъ дѣлъ съ возрастающимъ отвращеніемъ отъ нихъ и неуваженіемъ къ главнымъ участникамъ. Они идутъ въ запуски и хитрятъ другъ съ другомъ. Выходитъ, что, несмотря на мои лѣта, на опытъ и на нѣкоторую осмотрительность, я все-таки слишкомъ часто бывалъ довѣрчивъ, податливъ, искрененъ, однимъ словомъ—*наивенъ*.

Примѣчаніе № 27.—Я имѣлъ особый поводъ желать быть оффиціально назначеннымъ предсѣдателемъ коммиссіи по дѣлу прессы. Макову было желательно не дать выхватить дѣла изъ его рукъ. Онъ имѣлъ несомнѣнныя доказательства подстольной игры начальника главнаго управленія печати, Н. Абазы, съ журналистами (особенно съ Суворинымъ), въ нижнемъ этажѣ, и съ самимъ графомъ Лорисъ-Меликовымъ,—въ верхнемъ. Впрочемъ, ни Маковъ, ни я не предусматривали послѣдствій. Я вообще не ви-

дѣлъ и не предполагалъ, до какой степени уже съузились проявленія самостоятельной воли покойнаго государя [С.-Петербургъ, 30 декабря 1881 г.].

22 іюля.—Маковъ сообщилъ разговоръ съ гр. Лорисъ-Меликовымъ. Изъ сообщенія видно, во-первыхъ, что его положеніе порядочно ударило ему въ голову, и, во-вторыхъ, что онъ теперь самъ не знаетъ въ точности, чего хочетъ, и только размышляетъ о способѣ укрѣпить за собою извѣстное личное положеніе, но покончить съ формами нынѣшней верховной комиссіи. Онъ сознаетъ (?), что новымъ преобразователемъ Россіи по всѣмъ направленіямъ однимъ разомъ быть нельзя, хотя и высказалъ, довольно характеристично, что у него есть такія „резолюціи" на его докладахъ и запискахъ, что еслибы онъ ими захотѣлъ пользоваться, то и государственный совѣтъ, и комитетъ министровъ „полетѣли бы къ чорту" (sic). Изъ другого разговора, переданнаго мнѣ Грейгомъ, видно, что теперь исходомъ представляется учрежденіе министерства „полиціи", съ популярнымъ управленіемъ III-го отдѣленія. Этотъ исходъ возможенъ.

Гр. Лорисъ-Меликовъ продолжаетъ быть подъ полубезсознательно воспринимаемымъ вліяніемъ фразера Фадѣева и нѣкоторыхъ приближенныхъ членовъ верховной комиссіи, въ особенности сенатора Ковалевскаго.

23 іюля.—Утромъ въ городѣ. Вечеромъ пріѣзжалъ Маковъ. Около гр. Лорисъ-Меликова все болѣе и болѣе сосредоточивается нѣчто вродѣ заговора противъ нормальнаго порядка законодательства и администраціи. Онъ пользуется престижемъ тѣлохранительства. — + — va crescendo.

24 іюля.—Послѣ конфиденцій Макова, сегодня—конфиденція Каханова. Начинается походъ противъ Макова. Michel I, т.-е. гр. Лорисъ-Меликовъ, хочетъ соединить III-е отдѣленіе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отбросивъ Макову почты и телеграфы, пожалуй и съ иностранными исповѣданіями. Кахановъ предназначается быть, вѣроятно, товарищемъ. Кто изъ нихъ, при полуправдѣ, лжетъ наиболѣе или наименѣе?

25 іюля.—Въ городѣ. Коммиссія прошеній. Утромъ телеграмма отъ гр. Лорисъ-Меликова съ выраженіемъ желанія меня видѣть. Былъ у него въ 12 ч. и сидѣлъ до 2-хъ ч. Elaborate statement его предположеній и мотивовъ. Коммиссіи долѣе существовать

незачѣмъ. Временщикомъ онъ быть не намѣренъ (?). Силы нужно соединить. Для сего III-е отдѣленіе передать въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Тогда,—сказалъ я,—это вопросъ личный, ибо министромъ долженъ стать онъ самъ. Phrases à part, это было тотчасъ признано. Макову—выдѣлить почты, телеграфы, иностранныя исповѣданія и еще кое-что. Насчетъ Каханова—ни слова. Соединить полицію, губернаторовъ, земство, печать—вотъ цѣль (?). Пророниенное слово о томъ, что государь сказалъ, что Маковъ хорошо знаетъ (!) часть иностранныхъ исповѣданій,—доказало мнѣ, что по существу его величество уже согласенъ и рѣшился. По предложенію гр. Лорисъ-Меликова я взялся предупредить Макова. Былъ у него. Нашелъ подготовленнымъ. Онъ тотчасъ сказалъ, что какъ только заговорятъ о перемѣнѣ, онъ тотчасъ же себя устранитъ и никакимъ затрудненіемъ, лично, не будетъ. Вечеромъ возвратилъ гр. Лорисъ-Меликову переданный имъ мнѣ проектъ всеподданнѣйшаго доклада и написалъ о результатѣ свиданія съ Маковымъ.

Итакъ,—новая перемѣна декораціи. Гр. Лорисъ-Меликовъ самъ не знаетъ, т.-е. не знаетъ отчетливо, что онъ предпринимаетъ; но, по крайней мѣрѣ, онъ теперь—сила. За Маковымъ силы не было. Думаю, что его неискренность, себялюбіе и грѣхи по уніатскимъ и т. п. дѣламъ теперь получили возмездіе. Очередь другого и другихъ—впереди.

Вечеромъ видѣлъ Грейга. Не былъ въ правѣ сообщить днемъ происходившее, но по крайней мѣрѣ подготовилъ, и при этомъ случаѣ, кажется, обезпечилъ судьбу „Отголосковъ“ на 1881 г. Иду своею дорогою и дѣлаю, что могу, одинъ. Ни на кого опереться нельзя.

Кажется, что инициатива Макова по вопросу о печати—a précipité la crise. Гр. Лорисъ-Меликовъ все говоритъ о толкахъ въ обществѣ, о томъ, чего „всѣ“ ожидаютъ, что „всѣхъ“ тревожитъ, что „всѣ“ думаютъ. Кто эти „всѣ“? Кто говоритъ ему о „всѣхъ“? Beatus ille, qui paterna rura exercet...; но мы съумѣли и родныя мѣста превратить въ aleatoria. Снова приходитъ на память: exoriare ultor!

Примѣчаніе № 28.—Гр. Лорисъ-Меликовъ вообще рѣдко былъ правдивъ, развѣ въ видѣ хитрости; но съ этого времени онъ совершенно пересталъ говорить правду, даже своей Эгеріи—Каханову. Однимъ исключеніемъ была Эгерія-Абаза, который его совершенно забралъ въ руки. Около этого времени установились между ними предположенія о передачѣ министерства финансовъ Абазѣ, а министерства внутреннихъ дѣлъ—нѣсколько позже—

Каханову, съ тѣмъ, чтобы самому гр. Лорисъ-Меликову занять мое мѣсто и притомъ удержать за собою верховную государственную полицію [С.-Петербургъ, 30-го декабря 1881 г.].

26 іюля. — Вечеромъ былъ Маковъ. Ему хочется быть министромъ государственныхъ имуществъ, сохраняя почты. Пожалуй, удастся. Кн. Ливенъ оказался до того не по ожиданіямъ, что я о немъ жалѣть не буду.

29 іюля. — Утромъ въ городѣ. Комитетъ министровъ. Гр. Лорисъ-Меликовъ прислалъ мнѣ оффиціально, по высочайшему повелѣнію, копію съ своего доклада, и предупредилъ, что въ будущую пятницу я буду позванъ въ Царское-Село, для обсужденія дѣла при государѣ, который „предварительное согласіе" уже выразилъ. Въ тонѣ Каханова было сегодня что-то болѣе d'obséquieux. Они, вѣроятно, находятъ, что государь мнѣ придаетъ нѣкоторое значеніе.

31 іюля. — Получилъ прямо отъ государя приказаніе быть въ Царскомъ завтра въ половинѣ двѣнадцатаго часа. Въ городѣ имѣлъ rendez-vous съ гр. Лорисъ-Меликовымъ. Потомъ видѣлъ Макова, который было заупрямился принимать почты, но, повидимому, сдался. Вечеромъ получилъ записку, въ которой онъ только заявляетъ желаніе получить рескриптъ. Это—въ порядкѣ вещей. Видѣлъ Перфильева, который пріѣзжалъ pour déverser son âme, и который довольно лихо честитъ диктаторскую комиссію, коей онъ состоитъ членомъ. Изъ словъ гр. Лорисъ-Меликова видно, что онъ—заодно съ Цесаревичемъ. Видѣлъ Каханова, для объясненій относительно частностей исполненія. En somme, je ne vois pas encore très clair dans toute cette bagarre et suis très heureux de ne pas y jouer premier violon. Много finesse, но и много finasseries со стороны гр. Лорисъ-Меликова и Каханова.

Августъ.

3 августа.—Былъ третьяго дня въ Царскомъ-Селѣ. Аудіенція у государя втроемъ: гр. Лорисъ-Меликовъ, Маковъ и я. Съ четверть часа. Его величество началъ съ того, что мы уже знаемъ, въ чемъ дѣло, и кончилъ порученіемъ дѣло оформить, озаботясь деталями. Обѣдалъ у государя, съ гр. Лорисъ-Меликовыхъ, ген. Вердеромъ, Маковымъ и Грейгомъ, который сегодня уѣзжаетъ мѣсяца на два.

Вчера Кахановъ привозилъ ко мнѣ проектъ главнаго указа о совершающейся перемѣнѣ. Я послалъ копію Макову. Сегодня Кахановъ повезъ проектъ въ Царское, къ гр. Лорисъ-Меликову.

Писалъ кн. Лобанову, — который аффектируетъ незнаніемъ англійскаго языка,—что я все-таки цитую ему стихи Шекспира:

Frailty—thy name is woman!

и подражаніе представляю по-латински:

Levitas—tibi nomen praetor!

5 августа.—Комитетъ министровъ. Въ первый разъ засѣдалъ Бунге. Передъ засѣданіемъ и послѣ онаго — частные толки о перемѣнахъ. Царьградъ на Невѣ!

8 августа.—Старшій сынъ уѣхалъ обратно на Кавказъ послѣ трехнедѣльнаго пребыванія съ нами. Дай Богъ въ добрый часъ и до добраго свиданія!

Коммиссія прошеній. Указы о новыхъ назначеніяхъ состоялись третьяго дня, въ Ропшѣ. (Зачѣмъ въ Ропшѣ?) Будутъ публикованы завтра. Переходъ министерства внутреннихъ дѣлъ изъ [illegible]ѣхъ рукъ въ другія до сихъ поръ никогда не совершался [illegible]ри такой массѣ недоговорокъ.

На дняхъ былъ у меня Н. Абаза. Pfifficus!

9 августа.—Кахановъ былъ у меня сегодня утромъ въ но[illegible]мъ званіи—товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

Во время маневровъ—неудобные эпизоды въ Ропшѣ. Графиня Клейнмихель разсказывала, сегодня, что князю Имеретинскому дано порученіе устроить мировую между великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ и государемъ. Я здѣсь запамятовалъ отмѣтить, что по поводу статей о войнѣ въ „Nouvelle Revue" была сильная сцена между государемъ и его братомъ.

Павловскій дворецъ, говорятъ, въ восторгѣ отъ событій дня. Въ публикѣ также радуются кончинѣ III-го отдѣленія. Газеты поютъ хвалебные гимны графу Лорисъ-Меликову. Mundus vult decipi! Crescunt — + —.

10 августа.—Все одно и то же ощущеніе. Вижу, какъ другіе легко поддаются, склонны вѣрить и ожидать. Не вѣрю и не ожидаю, но жду. На мой взглядъ есть что-то несомнѣнно фатидическое въ совершающихся событіяхъ. Сбудется не то, на что разсчитываютъ и наши дѣятели, и наша жалкая печать, и наше жалкое псевдо-общество. Моя роль почти совершенно пассивная. Не жалѣю.

12 августа.—Въ городѣ. Комитетъ министровъ. Графъ Лорисъ-Меликовъ—въ новомъ званіи; Маковъ—на новомъ мѣстѣ. Марковъ, новый товарищъ министра народнаго просвѣщенія—въ первый разъ въ засѣданіи комитета. Въ какой мѣрѣ новый министръ внутреннихъ дѣлъ vise à l'effet, видно между прочимъ изъ слѣдующаго. Онъ только *сегодня* принялъ министерство, но уже *вчера* доложилъ государю о назначеніи полудюжины сенаторскихъ ревизій! Онъ сообщилъ мнѣ объ этомъ съ видимымъ удовольствіемъ. Комментаріи не требуются. Между тѣмъ, иностранныя газеты говорятъ объ упраздненіи диктатуры (!?) самимъ диктаторомъ. Цинциннатъ не возвращается къ плугу, но надѣваетъ тогу. Повторяю: mundus vult decipi! А наша пресса говоритъ о великодушіи государя, будто бы упразднившаго „слово и дѣло". И это послѣ двадцатипятилѣтія! Еще разъ: le monde veut être trompé!

14 августа.—Обѣдалъ въ Царскомъ-Селѣ. Цесаревичъ, Цесаревна, великіе князья Алексѣй и Павелъ, датскій принцъ, графъ Лорисъ-Меликовъ и я. Простился съ государемъ. Сегодня подписанъ указъ о назначеніи Мансурова управляющимъ дѣлами комитета министровъ.

Государь показался мнѣ озабоченнымъ и несовсѣмъ à son aise. Поводы къ тому есть. Il a l'air de tant soit peu subir le

vizirat du moment. Что-то не истое во всемъ положеніи и всѣхъ отношеніяхъ. Мнѣ кажется, глядя на то, что происходитъ передъ моими глазами, что я вижу представленіе исторической драмы, т.-е. полу-истинныя, полу-сочиненныя, но не подлинныя событія. Того и смотри, будетъ перемѣна декорацій.

Великій князь Николай Николаевичъ сходитъ со сцены, въ послѣдствіе статей „Nouvelle Revue“ и проч. На его мѣсто, говорятъ, назначается Цесаревичъ.

17 августа.—Видѣлъ Макова. Баронъ Велio будетъ директоромъ полицейской части въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ, въ средѣ, окружающей графа Лорисъ-Меликова, уже виденъ разладъ. Сегодня государь уѣзжаетъ. Лишь по возвращеніи графа Лорисъ-Меликова, можно будетъ поближе всмотрѣться въ его пріемы. Vediam.

20 августа.—Государь уѣхалъ 17-го числа. Вчера былъ комитетъ министровъ. Каханов—на новомъ мѣстѣ. Мансуровъ интродуктованъ. Послѣ комитета министровъ—комитетъ по дѣламъ польскимъ.

22 августа.—Въ городѣ. Комиссія прошеній. По словамъ Мансурова, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ ничто еще не приняло правильнаго теченія. Между тѣмъ, и баронъ Велio вступилъ въ завѣдываніе линіющимъ въ департаментъ полиціи III-мъ отдѣленіемъ, но еще осматривается и знакомится.

Timeo mox imperii membra disjecta videre!

28 августа.—Дни идутъ. Imbroglio crescit! Изъ Ливадіи слышно только, что отъѣздъ оттуда графа Лорисъ-Меликова отлагается. Здѣсь правитъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, т.-е. за правленіе взялся Кахановъ. Но я начинаю опасаться, что онъ предрасположенъ къ опасной болѣзни круженія головы. Слышу, что онъ уже успѣлъ возбудить противъ себя большую часть своихъ новыхъ подчиненныхъ. Видѣлъ сегодня Макова. Онъ имѣлъ неосторожность участвовать въ обѣдѣ, данномъ прежними подчиненными Мансурову. Конечно, былъ тостъ и въ честь ему. Въ его положеніи слѣдуетъ избѣгать такихъ поводовъ къ демонстраціямъ.

30 августа.—Утромъ въ Александро-Невской лаврѣ. Honoratiores—въ весьма маломъ числѣ. Почти всѣ въ отъѣздѣ. Изъ

высочайшихъ особъ были: Цесаревичъ и Цесаревна съ ихъ старшимъ сыномъ, два Константиновича, Екатерина Михаиловна съ дѣтьми, Георгій Лейхтенбергскій и Александръ Ольденбургскій. Дипломатическій корпусъ въ составѣ трехъ пословъ (Швейница, Кальноки и Нигра) и разныхъ министровъ, — Китай и Японія у comprіs. При этомъ обычное игнорированіе ихъ присутствія. Странно! Послѣ богослуженія обычный завтракъ на расхватъ у митрополита. Изъ Ливадіи новости ограничиваются пока андреевскою лентою графу Лорисъ-Меликову, александровскою — барону Веліо и анненскою — генералу Черевину.

Одна изъ принцессъ — замѣчательное явленіе въ своемъ родѣ: unerzogen, verzogen, ungezogen und launisch, — и все это съ какимъ-то страннымъ оттѣнкомъ d'un nihilisme maussade. А мнѣ кажется qu'il y avait, et même qu'il y a encore de l'étoffe. Неблагопріятныя вліянія среды и учителей (напр., хорошо мнѣ знакомаго В. Л.) произвели смѣсь противорѣчивыхъ и искривленныхъ отраженій. Еслибы ее нужно было охарактеризовать однимъ словомъ, то я употребилъ бы слово: révolte!

Сентябрь.

1 сентября.—Вчера напечатана въ газетахъ телеграмма графа Лорисъ-Меликова, извѣщающая о высочайшемъ повелѣніи немедленно разсмотрѣть въ комитетѣ министровъ вопросъ о средствахъ для тюменской желѣзной дороги. Телеграмма основана на докладѣ, который былъ основанъ на другой телеграммѣ отъ графа Игнатьева, изъ Нижняго-Новгорода, къ графу Лорисъ-Меликову. Между тѣмъ, министръ финансовъ, нынѣ отсутствующій, шесть недѣль тому назадъ заявилъ, что средствъ теперь нѣтъ. Мотивъ перемѣны *заявленный*—нужды торговли и нужды въ заработкахъ жителей Приволжья. Мотивъ *дѣйствительный*—эффектъ—такъ явенъ и ясенъ, что распространяться о немъ не нужно. Приволжье, Тюмень, графъ Игнатьевъ, послѣдніе дни ярмарки, телеграфическій пріемъ,—все это не требуетъ комментарій. Оригинально, что даже забыли сказать или упомянуть о томъ, кому адресована телеграмма графа Лорисъ-Меликова. Какъ будто прямо въ газеты. Актъ „визирата" безцеремонный. Такимъ образомъ не слѣдовало бы компрометтировать *престижъ* той власти, у которой испрашиваются высочайшія повелѣнія. Тюмень—въ сентябрѣ!!

Забавно, что по этому тюменскому дѣлу газеты присоединяютъ къ имени графа Лорисъ-Меликова, — побѣдителя Карса tout de même,—имя х.... Богдановича, потому что этотъ генералъ цѣлый рядъ годовъ отстаивалъ эту желѣзную дорогу. Телеграммы — la grosse pièce; сочетаніе съ Богдановичемъ—la petite.

Цесаревичъ и Цесаревна пріѣзжали сегодня изъ Петергофа на освященіе новаго отдѣла больницы душевно-больныхъ, за Удѣльной фермой. Пароходъ „Александрія" подошелъ къ пристани противъ нашей дачи, и я видѣлъ Ихъ Высочествъ при прибытіи и при отбытіи.

Видѣлъ барона Будберга, вернувшагося на зиму. Его меньшой сынъ женится на графинѣ Тотлебенъ.

6 сентября.—Переѣхали въ городъ. Дай Богъ въ добрый часъ.

Видѣлъ графа Лорисъ-Меликова. Не искренекъ со мною. Я, съ своей стороны, играю флегматика. Языкъ газетъ невозможенъ; но Абаза и самъ ближній боярин ихъ не унимаютъ, хотя послѣдній сегодня мнѣ говорилъ о прочитанной имъ редакторамъ нотаціи. Ему возносятся самыя неприличныя похвалы на счетъ всѣхъ министровъ двадцатипятилѣтія. „Голосъ" напечаталъ сегодня, что онъ *первый* (курсивомъ) сказалъ государю, что не вся Россія крамольна. Третьяго дня тотъ же „Голосъ" заговорилъ объ упраздненіи комитета министровъ, яко бы учрежденія вродѣ III-го отдѣленія. Il est même de mauvais goût de se laisser flagorner ainsi. Скоро, пожалуй, о графѣ Лорисъ-Меликовѣ можно будетъ сказать, какъ венеціанскій посолъ о Кромвелѣ, что, благодаря газетамъ, онъ одинъ говоритъ и одинъ лжетъ. Vediam.

Видѣлъ вернувшагося, на Уралѣ бушевавшаго и въ Ливадіи 30-го августа министромъ не утвержденнаго, князя Ливена. Онъ пріѣзжалъ собственно увѣрять, что никогда ничего не говорилъ противъ меня и не критиковалъ моего управленія. Знаю, что онъ говорилъ и говоритъ. Видѣлъ также князя Урусова, который у меня встрѣтился съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ и кланялся въ три дуги по обыкновенію.

Морганатическій бракъ состоялся; но графъ Лорисъ-Меликовъ говоритъ, что не знаетъ въ точности, когда и при комъ,—только до отъѣзда въ Ливадію. Въ городѣ называютъ присутствовавшими при немъ графа Милютина и графа Адлерберга, какъ свидѣтелей, генераловъ Рылѣева и Черевина, — какъ шаферовъ.

8 сентября.—По доходящимъ до меня свѣдѣніямъ, нотація редакторамъ не произвела на нихъ ожидавшагося впечатлѣнія.

Видѣлъ сегодня графа Лорисъ-Меликова, у него. Впечатлѣніе окончательно тревожное и прискорбное. Считаю дѣло проигранным, если Богъ не спасетъ. На фактахъ—вродѣ сибирской дороги, разрѣшенія газеты Аксакову и ревизіи гг. Ковалевскаго и К°—Россіи не вывести. Вижу слишкомъ ясно, на чемъ ѣзда въ двухъ дворцахъ. Но кромѣ этой ѣзды нужно еще многое. Этого нѣтъ.

Какъ мало мозговъ выносятъ минутный чадъ во дворцахъ, и какъ силенъ угаръ отъ этого чада!

1-го мая 1879 г. я здѣсь отмѣтилъ: not two years purchase.

Срокъ истечетъ 1-го мая 1881 года. 12-го декабря 1879 г. я записалъ: inter arma silent leges. Съ тѣхъ поръ я въ осадномъ положеніи.

10 сентября.—Вчера комитетъ министровъ. Видѣлъ тамъ графа Лорисъ-Меликова. In high spirits,—словно именинникъ. Медовый мѣсяцъ министерствованія еще въ полнолуніи. Изумительно! И за что онъ не берется! Выписалъ-было извѣстнаго Каткова для политической заграничной агентуры, но дѣло, повидимому, не уладилось. Хочетъ ввѣрить барону Веліо дѣла по заграничной прессѣ, теперь отчасти состоящія въ моемъ вѣдѣніи. Но по существеннымъ предметамъ внутренней администраціи—ничего кромѣ frou-frou. Видно, что не только на нихъ не останавливается вниманіе, но даже и нѣтъ первыхъ признаковъ пониманія ихъ сущности и значенія. Повторяю: изумительно!

Сегодня заѣзжалъ къ Побѣдоносцеву, которому смертельно хочется попасть въ члены комитета министровъ, но который притворяется, будто онъ о томъ не помышляетъ. Поѣхалъ, чтобы прямо ему сказать, что я слышалъ о его желаніи отъ Мансурова, и рѣшительно въ пользу исполненія этого желанія, но предоставляю ему самому уладить дѣло съ иниціаторомъ нововведеній, графомъ Лорисъ-Меликовымъ, или выждать, чтобы я съ нимъ это наладилъ и уладилъ. Каждодневный опытъ ведетъ къ одному: къ все большей увѣренности въ неискренности людей, а эта увѣренность ведетъ къ все большему къ нимъ пренебреженію.

Обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ, гдѣ три года не былъ. Новое помѣщеніе. Прислуга прежняя. Она меня съ большимъ радушіемъ встрѣтила, и я ей очень за то признателенъ. Въ этомъ классѣ, у курьеровъ, швейцаровъ, сторожей, камерлакеевъ и т. д., ко мнѣ болѣе искренности, нежели во всѣхъ другихъ.

13 сентября.—Вчера коммиссія прошеній. Обѣдалъ у Половцева, съ директоромъ кенсингтонскаго музея—sir Philipp Cunliffe Owen, нѣкоторыми его спутниками, англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Plunkett, бар. Будбергомъ и бар. Жомини.

Гр. Лорисъ-Меликовъ приказалъ принять въ строительное училище, сверхъ комплекта, нѣсколько молодыхъ людей, выдержавшихъ экзаменъ, и при этомъ выражался по-царски: „Если нѣтъ средствъ, — я дамъ; если тѣсно въ чертежной, — я раздвину стѣны“... Что же могутъ сказать другіе министры, которымъ подвѣдомы учебныя заведенія? Понятно, что газеты внѣ себя отъ „гуманнаго образа дѣйствій“ великаго визиря.

15 сентября.—Сегодня утромъ въ Петергофѣ, для совѣщанія у Цесаревича по предмету инструкціи ревизующимъ сенаторамъ. Результатъ былъ заранѣе извѣстенъ, и вся процедура совершенно напрасно измышлена.

It is hard to play every day a losing game, and to play it for years!

Образчикъ подготовленности: гр. Лорисъ-Меликовъ говорилъ, à propos греко-уніатовъ царства Польскаго, временъ Тимашева, о Сѣмашкѣ тридцатыхъ годовъ! Вмѣсто г. Громеки!

Отмѣна соляного налога—родъ idée fixe. Она теперь представляется и рисуется въ видѣ финансовой мѣры, къ улучшенію финансовъ направленной. Подкладка все одна. Кричали объ упраздненіи III-го отдѣленія. Будутъ кричать объ отмѣнѣ соляного налога.

Погода была великолѣпная. Изъ cottage я прошелъ пѣшкомъ до вокзала желѣзной дороги. Солнце, почти свѣжая зелень деревъ, голубое море вдали, теплая тишь въ воздухѣ; но на сердцѣ у меня не было ни солнца, ни тепла, ни тиши. Что же далѣе? Ante portas ultor!

18 сентября.—Обвала не остановить, если его не остановитъ неземная сила. Правительство въ осадѣ, а воображаетъ, что оно само осаждаетъ, или что самобичеваніе есть способъ обороны.

20 сентября.—Изъ сегодняшнихъ газетъ видно, что гр. Лорисъ-Меликовъ, при объясненіи съ редакторами главныхъ газетъ, счелъ нужнымъ,—и счелъ себя уполномоченнымъ,—развить правительственную программу на время отъ пяти до семи лѣтъ. Здѣсь нуженъ словарь „Figaro“: — c'est raide!

21 сентября.—Выѣзжалъ утромъ. Между прочимъ, видѣлъ графа и графиню Лорисъ-Меликовыхъ. На лѣстницѣ встрѣтилъ Н. Абазу (печати), въ кабинетѣ засталъ Каханова. Ils avaient l'air préoccupés. Какъ будто вчерашній курьеръ изъ Ливадіи пріѣхалъ съ не розовымъ портфелемъ. А propos пяти — семилѣтней программы уже сказано кѣмъ-то, que cela rappelle le septennat de Mac-Mahon.

22 сентября.—Господи! благослови вѣнецъ новаго лѣта Твоего благости.

Выходилъ утромъ. Видѣлъ у себя корреспондента „Новаго Времени“ Молчанова. Онъ желалъ меня „interview“ по разнымъ вопросамъ. Воспользовался этимъ случаемъ, чтобы кое-что

сказать. Изъ его же словъ виденъ поворотъ редакцій по отношенію къ графу Лорисъ-Меликову. Что-то произошло помимо аудіенціи 6-го числа. Абаза предупредилъ, кажется, о наступленіи періода строгости послѣ періода вольницы. Вчерашнее предположеніе насчетъ вѣстей изъ Ливадіи подтверждается, насколько о томъ могу судить по сегодняшнему визиту Молчанова, по вчерашнимъ физіономіямъ новаторовъ и нѣсколькимъ словамъ гр. Лорисъ-Меликова, который былъ сегодня у моей жены. Мансуровъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, что популярность гр. Лорисъ-Меликова создана печатью. Лестно было бы ему услышать. Впрочемъ, he too is quite below the mark.

23 сентября. — Комитетъ министровъ. Тюменское дѣло прошло въ той формѣ, которую я вчера предложилъ управляющему министерствомъ финансовъ. Оказались tutti d'accordo. Мы разстались и разъѣхались въ 3 ч. дня. Въ 6-мъ часу я уже получилъ отъ гр. Лорисъ-Меликова оффиціальную бумагу, съ копіей телеграммы имъ о семъ событіи, отправленной въ Ливадію!

Менѣе согласны будутъ разсчитывавшіе на постройку спекулянты. Пока, дѣло начинается на казенный счетъ. У меня были, до засѣданія, и п . . . . . Богдановичъ, и понукаемый другими, но самъ менѣе усердный искатель, Губонинъ. У него было такое жалкое выраженіе лица.

28 сентября. — Все некогда, или не пишется. Положеніе нѣсколько обостряется. Чуютъ, что я вижу, понимаю и оцѣниваю. Полученныя изъ Ливадіи непріятныя указанія (по дѣламъ печати) приписываютъ будто бы написанному мною къ государю письму.

Въ городѣ распространяютъ слухъ, будто по дѣлу о сибирской желѣзной дорогѣ въ комитетѣ министровъ было столкновеніе между гр. Лорисъ-Меликовымъ и мною.

Между тѣмъ вышелъ третій нумеръ „Народной воли", весьма злой и призывающій народъ къ „краснымъ пѣтухамъ". „Умиротворенная", по выраженію „Голоса", Россія даетъ себя знать.

Характеристично, что Карновичъ просилъ меня не печатать въ „Отголоскахъ" моей послѣдней статьи. Онъ боится Краевскаго и прочихъ. Я, конечно, согласился. Начальникъ главнаго управленія печати ѣздитъ съ визитами по журналистамъ, самъ поправляетъ ихъ неприличныя статьи и т. п. Краевскому сдѣланъ выговоръ по высочайшему повелѣнію за статью о комитетѣ министровъ. Эти господа, le duc de Kars y compris, себя отстраняютъ, а государя выставляютъ.

Кахановъ также сорвался съ ватерпаса. Его, говорятъ, уже возненавидѣли въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ за грубость, заносчивость и привязчивость. Скоро же! Какъ я былъ въ отношеніяхъ къ нему и относительно его наивенъ!

30 сентября. — Вчера государственный совѣтъ. Пустое засѣданіе; но гг. Гротъ, Побѣдоносцевъ и Стояновскій умудрились убить $^3/_4$ часа на вопросѣ о больничномъ сборѣ въ Кронштадтѣ. Видѣлъ Абазу. Важенъ, сосредоточенъ,—однимъ словомъ, замѣтно, что человѣкъ — въ силѣ. Видна интимность съ Michel I et le caquet Нелидовой, которая также вернулась изъ-за границы и обнаруживаетъ то же самое. Она каждодневно видится съ графинею Лорисъ-Меликовою. Какъ непрочно все это!

Сегодня—комитетъ министровъ. Изъ заговариванія гр. Лорисъ-Меликова о печати, изъ того, что онъ говоритъ, и изъ того, что высказывалось послѣ засѣданія въ комитетскомъ lobby, видно, что онъ въ дѣлѣ печати ничего не знаетъ, что имъ руководитъ и орудуетъ Н. Абаза, и наконецъ, что А. Абаза, поддерживая Н. Абазу, этому орудованію пособляетъ.

МАНЧЖУРСКІЕ ОЧЕРКИ

Личныя наблюденія и замѣтки.

Окончаніе.

VII. *).

Сегодня я провелъ нѣсколько часовъ въ китайской академіи и унесъ съ собой впечатлѣніе чего-то тихаго, уединеннаго и хорошаго, какъ хороша жизнь людей, ушедшихъ изъ міра ради какого-нибудь высокаго духовнаго служенія. Почти такое же впечатлѣніе уносишь въ Италіи изъ старинныхъ католическихъ монастырей.

Академія расположена на окраинѣ города и огорожена кругомъ высокой стѣной изъ сѣраго кирпича; изъ-за глухой стѣны глядятъ на пыльную улицу только причудливые контуры черепичныхъ крышъ да вершины развѣсистыхъ деревьевъ. Широкія парадныя ворота съ огромными изображеніями древнихъ воиновъ Мынь-Шэнъ-И и Мынь-Дью-И, защитниковъ входовъ, постоянно заперты, и только маленькая калитка въ высокой стѣнѣ служитъ сообщеніемъ академіи съ остальнымъ міромъ.

Внутри—небольшіе, красивые дворики, гдѣ весело зеленѣетъ трава, цвѣтутъ цвѣты, простираютъ могучія вѣтви старинныя развѣсистыя деревья. Кругомъ двориковъ—высокія сѣрыя фанзы, соединенныя между собой короткими простѣнками, въ которыхъ,

*) См. выше: январь, стр. 171.

для сообщенія между двориками, продѣланы небольшія арки. И какъ красиво, когда неожиданно передъ глазами откроется анфилада: арка и кусочекъ дворика, и еще арка и часть слѣдующаго дворика, и еще, и еще; въ одномъ дворикѣ легла густая тѣнь отъ надвинувшейся фанзы; въ другомъ — яркій солнечный лучъ выхватилъ, подчеркнулъ какую-нибудь интересную живописную подробность; еще дальше густое дерево заслонило фасадъ строенія, такъ что видна только прихотливо изогнутая крыша съ переплетающимися драконами, да куски стѣны кое-гдѣ проглядываютъ между растрепанныхъ вѣтокъ, сливая въ спокойный, мягкій аккордъ сѣрое и зеленое.

Начальникъ академіи и одинъ изъ учителей ведутъ меня отъ фанзы къ фанзѣ, между кустами ирисовъ, по прямымъ дорожкамъ, выложеннымъ сѣрымъ кирпичомъ.

Вотъ библіотека. Мы входимъ въ маленькую проходную комнату; направо и налѣво — двери; у задней стѣны, на столѣ — высокая деревянная таблица въ красивой рѣзной рамѣ. На таблицѣ—рядъ золотыхъ „дзыровъ". Передъ таблицей—подсвѣчники для жертвенныхъ свѣчей и старинные мѣдные сосуды для возжиганія куреній.

Таблица посвящена Чю-фут-дзѣ, знаменитому комментатору Конфуція. И начальникъ академіи говоритъ мнѣ съ грустью, что онъ много хлопоталъ въ Пекинѣ о разрѣшеніи имѣть таблицу въ память самого Конфуція, но ему не разрѣшили, такъ какъ право на такую честь принадлежитъ только самымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ имперіи.

Изъ маленькой проходной комнаты направо и налѣво открываются обширныя помѣщенія. Стѣны уставлены высокими шкафами съ глухими деревянными дверцами. Въ шкафахъ — цѣлая сокровищница книгъ. Брошюры, испещренныя рядами мелкихъ замысловатыхъ знаковъ, сложены по шести, по восьми въ футляры, обтянутые синей матеріей. И начальникъ, указывая на рядъ шкафовъ, говоритъ съ гордостью: — „Это Исторія"; „это Оды"; „это комментаріи къ Менцію"...

Обогнувъ библіотеку и пройдя черезъ арку и черезъ узкій проходъ между двумя фанзами, мы выходимъ на большой дворъ. Передъ нами длинное зданіе, раздѣленное на нѣсколько частей. Въ каждой части дверь и два окна по сторонамъ. Надъ дверями висятъ большія доски съ огромными „дзырами": это — поученія мудрецовъ и восхваленія науки.

Мы входимъ. Маленькая проходная комната съ дверями направо и налѣво. Переступивъ одну изъ этихъ дверей, мы очу-

тались въ кельѣ двухъ учениковъ. Бо́льшое, заклеенное бумагою, окно во всю наружную стѣну; подъ окномъ—широкій „канъ", покрытый циновкой. Посреди „кана" — низенькій столъ и на немъ книги, тетради, кисточки, всѣ принадлежности для письма. Два молодыхъ китайца сидятъ „на канѣ", поджавъ подъ себя ноги, и пишутъ что-то.

При нашемъ появленіи они встаютъ и кланяются, присѣдая.

Здѣсь, въ этой тѣсной кельѣ съ голыми стѣнами, почти безъ мебели, безъ обстановки, проводятъ ученики нѣсколько лѣтъ своей жизни, въ тяжеломъ непрерывномъ трудѣ.

Огромное количество „дзыровъ" было зазубрено ими въ начальной школѣ; тамъ же было заучено объясненіе „дзыровъ"— переводъ съ классическаго на современный языкъ. Потомъ ученикъ пріучился писать, стараясь группировать „дзыры" такъ, какъ они группируются въ древнихъ книгахъ. Ученику вдалбливались параллельность и симметрія построенія фразы; и когда эти два основныхъ требованія литературнаго китайскаго языка сдѣлались какъ бы инстинктивными, ученику было предложено написать сочиненіе на заданную тему. Этимъ кончался курсъ начальной школы. Этимъ же, собственно говоря, кончается и все китайское образованіе. Между юношей, окончившимъ начальную школу, и великимъ ученымъ, членомъ императорской академіи Ханлинъ въ Пекинѣ — цѣлая бездна, но суть знаній обоихъ одинакова. Кончившій начальную школу и желающій продолжать ученье будетъ упорно работать еще десятки лѣтъ, но въ сущности онъ будетъ дѣлать то же самое, чѣмъ онъ завершилъ свое начальное образованіе—писать сочиненія на заданную тему.

И два китайца, стоящіе передо мной въ маленькой, неуютной кельѣ, живутъ въ академіи уже третій годъ и все время пишутъ, пишутъ. Раннее утро застаетъ ихъ склоненными надъ длинными рядами „дзыровъ", выводимыхъ старательной рукой. Вечеромъ жестяной свѣтильникъ, въ которомъ коптитъ бобовое масло, освѣщаетъ желтымъ мерцающимъ пламенемъ листы желтой шероховатой бумаги, по которымъ скользитъ тонкая красивая рука, умѣло преодолѣвая и живописныя трудности сложныхъ буквъ, и еще большія синтаксическія трудности головоломной китайской фразы.

И такъ идетъ день за днемъ.

Каждые три дня сочиненія сдаются учителю и потомъ съ его поправками, съ его оцѣнкой, скрѣпленной большой красной магичной печатью, возвращаются ученику. А ученикъ уже пишетъ новое сочиненіе на новую тему.

Кое-что изучается, кое-что прочитывается. Изъ библіотеки появляются на свѣтъ синіе футляры. Старыя, потрепанныя брошюры, въ которыхъ запечатлѣна мудрость вѣковъ, лежатъ раскрытыми на низенькомъ столикѣ въ студенческой кельѣ. Исторія, философія, этика. Но не жажда узнать фактъ, еще меньше стремленіе постичь общую идею, руководитъ тѣмъ, кто идетъ въ библіотеку за синимъ футляромъ. Студенту нужно разыскать гдѣнибудь на страницахъ многовѣковой книги еще неизвѣстное ему сочетаніе „дзыровъ", чтобы, перенесенное въ его работу, оно говорило о его эрудиціи; ему нужно вычитать какое-нибудь историческое имя, событіе далекаго прошлаго, чтобы, приведенное въ формѣ сравненія, ссылки, оно украсило его сочиненіе нарядной реторической фигурой.

Науки нѣтъ; знаніе не важно. Важна литература. Важно знакомство съ литературными формами древнѣйшихъ писателей, важно умѣнье изящно, литературно, въ духѣ лучшихъ традицій, излагать все равно какія мысли.

И ученики пишутъ, пишутъ, настойчиво стремясь къ совершенству.

Съ грустной улыбкой смотрѣлъ я на двухъ китайцевъ, стоявшихъ передо мной. Они смотрятъ на меня спокойно—равнодушно. И въ этомъ спокойствіи я читалъ такъ много сознательности, что пересталъ улыбаться. О, эти блѣдные молодые люди, съ равнодушными, немного утомленными лицами, они знаютъ, къ чему стремятся, они знаютъ, чему отдали жизнь. И видя, что прямая дорога ведетъ ихъ прямо къ цѣли, видя, что цѣль становится все ближе, эти упорные труженики не могутъ не испытывать глубокаго чувства удовлетворенія, радости, можетъ быть счастья,—тихаго, спокойнаго счастья.

И мнѣ начинало казаться, что въ тѣсной кельѣ послушниковъ литературнаго стиля вовсе не такъ неуютно и сѣро. Часть большой оконной рамы, затянутой бумагой, откинута вверхъ, и въ келью глядятъ густыя вѣтки яркаго, пышнаго куста. И въ келью смотритъ весь хорошенькій дворикъ, веселый, свѣтлый, залитый солнцемъ, смотритъ своими синими ирисами, густой травой своего газона, великолѣпными декоративными „дзырами" противоположной фанзы, повторяющими, можетъ быть, какое-нибудь особенно изысканное сочетаніе не только художественныхъ линій, но и красивыхъ словъ; смотритъ своимъ веселымъ аккордомъ сѣраго тона съ зеленымъ тономъ — густыхъ растрепанныхъ вѣтокъ и сквозящихъ между ними кирпичей.

И среди всей этой красоты, среди всей этой тихой, без-

шумной радости тоновъ, и линій, и свѣто-тѣни, мы идемъ дальше.

И опять узкіе проходы между фанзами, изящныя арки, веселые дворики съ прямыми дорожками, выложенными сѣрымъ кирпичомъ, окаймленными кустами синихъ, голубыхъ, блѣдно-лиловыхъ ирисовъ.

И опять въ глубинѣ большого двора длинное сѣрое строеніе. Оно какого-то страннаго вида. Конекъ крутой черепичной крыши по обыкновенію изогнутъ и на немъ переплетаются драконы. Но передняя стѣна какъ будто отнята; и много, много глухихъ поперечныхъ стѣнокъ, близко-близко одна отъ другой, упираясь въ глубинѣ въ глухую продольную стѣну, дѣлятъ зданіе на рядъ небольшихъ стоекъ, открытыхъ со стороны двора. Въ каждой стойкѣ — небольшой, сложенный изъ сѣраго кирпича, столъ и скамейка.

Это помѣщеніе для производства экзаменовъ.

Экзаменъ... Въ этомъ словѣ — все китайское просвѣщеніе. Правительство, являющееся традиціоннымъ тысячелѣтнимъ покровителемъ учености, совершенно не заботится о распространеніи образованія, о школахъ, учителяхъ, программахъ; все это предоставлено частнымъ лицамъ, обществамъ, учрежденіямъ, дѣйствующимъ вполнѣ самостоятельно, безъ поддержки и безъ контроля. Правительство беретъ на себя только производство экзаменовъ трехъ родовъ на три различныя ученыя степени. И такъ какъ въ Китаѣ учатся только для полученія ученой степени, то экзаменаціонныя требованія даютъ направленіе всему просвѣщенію имперіи.

Государственные экзамены, какъ средство отбора способнѣйшихъ для занятія государственныхъ должностей—одно изъ древнѣйшихъ учрежденій древняго Китая. Оно выросло изъ древняго изреченія: „Назначай способнаго и повышай достойнаго". Великій Шунъ, четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, дѣлалъ разъ въ три года испытаніе своимъ чиновникамъ и повышалъ или понижалъ ихъ соотвѣтственно выказаннымъ знаніямъ. Въ чемъ заключались эти испытанія въ тѣ давнія времена, когда письмена были только-что изобрѣтены, когда книгъ еще не было—мы не знаемъ. Но система экзаменовъ, производимыхъ разъ въ три года, развиваясь и видоизмѣняясь, дожила до нашихъ дней. Извѣстно, что черезъ тысячу лѣтъ, въ XII-мъ вѣкѣ до начала нашей эры, при династіи Чау, экзаменующіеся должны были показать свое искусство въ музыкѣ, письмѣ, ариѳметикѣ, стрѣльбѣ изъ лука, верховой ѣздѣ, а также испытывались въ знаніи обрядовъ и церемоній.

Еще черезъ тысячу лѣтъ, при династіи Ханъ, экзамены принимаютъ другую окраску. Утвердившееся „конфуціанство“ ставитъ главными требованіями для чиновника сыновнюю почтительность и добрые нравы; поэтому къ экзаменамъ по прежней программѣ „изъ шести искусствъ“ допускаются только тѣ кандидаты, нравственность которыхъ удостовѣрена самымъ прочнымъ образомъ, и ихъ испытываютъ въ знаніи конфуціанскихъ книгъ.

И еще проходитъ тысяча лѣтъ. Династія Таиговъ приноситъ съ собою золотой вѣкъ китайской литературы. Литература играетъ главную роль въ жизни; литература становится на первомъ мѣстѣ при оцѣнкѣ людей. Отъ экзаменующихся требуется прежде всего основательное знакомство съ литературою и умѣнье владѣть литературнымъ слогомъ.

На протяженіи остальной тысячи лѣтъ китайской исторіи вплоть до нашихъ дней литературныя требованія растутъ и растутъ, поглощая остальныя. „Шесть искусствъ“ заброшены. Экзаменующійся не играетъ передъ экзаменаторомъ музыки пьесы своего собственнаго сочиненія, не скачетъ верхомъ, не стрѣляетъ изъ лука. И никто не наводитъ справокъ о его добродѣтели. Вмѣсто ловкости въ воинскихъ упражненіяхъ, не важнѣе ли изученіе классическихъ одъ, съ описаніемъ борьбы древнихъ героевъ, этихъ совершеннѣйшихъ образцовъ человѣчества? И что значатъ сыновняя почтительность и семейныя добродѣтели рядомъ съ глубокимъ знаніемъ книгъ Конфуція и его безчисленныхъ комментаторовъ—этого неисчерпаемаго источника нравственнаго совершенства?

И вотъ экзаменующіеся сидятъ и пишутъ сочиненія на заданную тему, въ которыхъ должны проявить знакомство съ древними литературными образцами и умѣнье владѣть литературной формой. Только это и важно. Остальное не стоитъ вниманія.

Въ тѣсныя, неглубокія стойки длинной фанзы заглядываетъ предвечернее солнце. На полу, между старыми сѣрыми плитами, густо разрослась высокая трава. Кирпичи перегородокъ обвѣтрились и мѣстами разсыпаются. Кругомъ, на всемъ дворикѣ—дикая, своеобразная красота забытыхъ, запущенныхъ мѣстъ.

Здѣсь почти никто никогда не бываетъ. Кельи дремлютъ подъ горячими лучами солнца, запосятся снѣгомъ, заростаютъ травой. Но разъ въ три года онѣ оживаютъ. Важный чиновникъ, большой ученый пріѣзжаетъ изъ Пекина для производства экзаменовъ. И со всего уѣзда, со всего „фу“, стекаются на этотъ дворъ, къ этому длинному старинному зданію, всѣ жаждущіе получить первую ученую степень. Ихъ много: тысяча человѣкъ,

больше тысячи. Бѣдные и богатые; почти дѣти и дряхлые, сѣдые старики. И, объединяя все это разнообразіе, на всѣ лица, на движенія, на одежды легъ одинъ и тотъ же отпечатокъ серьезности и спокойствія. Даже у юношей — ни одного быстраго движенія, ни улыбки, ни громкаго слова, ни яркаго тона одежды. Все — добровольные старички; все — свѣтскіе монахи, отрекшіеся отъ живой жизни ради жизни минувшаго, отразившейся въ классической литературѣ.

Послѣ торжественнаго жертвоприношенія Конфуцію, послѣ ряда церемоній тысячелѣтней древности, кандидаты на ученость разсаживаются по отдѣльнымъ кельямъ. И экзаменъ начинается.

Раздаются листы бумаги желтой и шероховатой, украшенной красной печатью экзаменатора. Объявляются три темы — двѣ для сочиненій въ прозѣ, одна для стиховъ. И, умеревъ для всего окружающаго, уйдя напряженной памятью въ хаосъ заученныхъ „дзыровъ", сочетаній, литературныхъ формъ, — экзаменующіеся пишутъ почти безъ перерыва цѣлыя сутки. Выходъ изъ кельи запрещается, подъ страхомъ устраненія отъ экзамена. Вечеромъ и утромъ заключеннымъ приносятъ пищу — немного риса, чашку блѣднаго чая. Когда стемнѣетъ, зажигаютъ маленькіе фонари, обтянутые очень рѣдкой промасленной матеріей; это сравнительное новшество — ученики Конфуція писали при свѣтѣ свѣтляковъ.

А вокругъ зданія съ кельями день и ночь ходятъ помощники мандарина-экзаменатора, слѣдя за тѣмъ, чтобы строгія правила полнаго уединенія экзаменующихся не были нарушены.

Кажется, и тутъ, также какъ и вездѣ, неумолимая строгость требованій, неусыпная бдительность инспекціи не являются достаточными гарантіями. Кажется, и китайцамъ знакомо, если не слово, то понятіе „шпаргалки", такое близкое, такое дорогое многимъ русскимъ школьникамъ. Кажется, помощники экзаменатора не вполнѣ неподкупны; кажется, въ небольшой фарфоровой чашкѣ можетъ быть принесенъ въ келью не только рисъ, но и клочокъ бумаги съ какой-нибудь цѣнной справкой. Впрочемъ, если злоупотребленія и возможны, они очень трудны, очень рѣдки. И они не мрачатъ въ глазахъ китайцевъ ореола справедливости, озаряющаго спокон-вѣка государственные экзамены.

Черезъ сутки, листы желтой шероховатой бумаги, по которымъ правильно вытянулись ряды тщательно нарисованныхъ дзыровъ", собираются экзаменаторомъ. Жаждущіе ученой степени расходятся по домамъ. Черезъ двѣ, черезъ три недѣли. является списокъ избранныхъ, тѣхъ, чьи сочиненія оказались лучшими по литературному стилю и по изяществу начертанія

„дзыровъ". Короткій списокъ—двадцать, двадцать-пять человѣкъ, вмѣсто тысячи жаждавшихъ.

Всеобщее сознаніе трудности попасть въ число избранныхъ служитъ главной наградой выдержавшихъ экзаменъ. Они достигли первой ученой степени „Сью-Цай", что̀ значитъ „Цвѣтъ Таланта". И для нихъ, для ихъ семей день объявленія списковъ—величайшій день въ жизни.

Многіе изъ нихъ въ этотъ день даютъ себѣ обѣщаніе учиться дальше, держать экзаменъ второй степени въ главномъ городѣ провинціи, экзаменъ третьей высшей степени въ Пекинѣ, достичь предѣла человѣческой мудрости. И долгіе, долгіе годы проходятъ въ упорномъ трудѣ, уходятъ на усовершенствованіе въ томъ, что̀ уже изучено, такъ какъ слѣдующій экзаменъ будетъ только въ состязаніи съ другими „Цвѣтами Таланта", состязаніи, гдѣ, какъ и теперь, побѣдителями выйдутъ только двадцать человѣкъ изъ тысячи...

А неудачники первыхъ экзаменовъ — огромное большинство приходившихъ—грустно идутъ домой. Грустно, но не безнадежно. Упорствомъ и усидчивостью они возьмутъ свое. Будутъ приходить сюда три, четыре, пять разъ, посѣдѣютъ, состарятся надъ книгами, но все-таки выйдутъ изъ длинной странной фанзы побѣдителями, Сью-Цай, „Цвѣтомъ Таланта".

Отхлынула тысячная толпа жаждавшихъ. Уѣхалъ въ Пекинъ экзаменаторъ, важный мандаринъ, большой ученый. Въ жизни вѣсколькихъ людей произошло крупное событіе. И длинная странная фанза въ глубинѣ отдаленнаго двора снова стоитъ ненужная, заброшенная, забытая. Сѣрые кирпичи перегородокъ обвѣтриваются, крошатся, обсыпаются. Невысокіе каменные столы уходятъ въ землю. Огромные „дзыры" на стѣнахъ келій блекнутъ. И дикія могучія травы захватываютъ все, что̀ оставлено человѣкомъ. Цѣпляясь за черепицы крутой крыши, ползутъ вверхъ цѣлые сады; гибкіе стебли опрокинулись внизъ, висятъ длинной зеленой бахромой. На полу, на столахъ, на скамейкахъ, въ щеляхъ между сѣрыми кирпичами выросли и ширятся пышные сочные букеты; какія-то цѣпкія, ползучія растенія ухватились за шероховатости стѣны, одѣли ее яркой свѣжей одеждой. А передъ фанзой, на дворикѣ—необузданный дикій ростъ нетревожимыхъ травъ; яркая зелень всевозможныхъ оттѣнковъ; толстые, сочные, упрямые стебли; листья, могуче ширящіеся во всѣ стороны. Трава... трава... цѣлая стихія травы.

Едва передвигая ноги въ густыхъ зарослях, мы идемъ дальше. Опять тѣ же залитые солнцемъ дворики, гдѣ улыбается

уютная красота хорошей, спокойной жизни. И, пройдя нѣсколько стройныхъ арокъ, мы выходимъ на главный дворъ.

Большая, высокая фанза, нарядная, съ плотно притесанными сѣрыми камнями облицовки, съ ярко выкрашенной рѣзьбой деревянныхъ частей. У входа, на спинахъ двухъ маленькихъ каменныхъ львовъ стоитъ высокая, толстая плита. Справа и слѣва тянутся изогнутыя тѣла двухъ высѣченныхъ змѣй; сверху и снизу змѣи сплетаются въ запутанныя кольца. И въ змѣиной рамкѣ тянутся ряды „дзыровъ". Это—запечатлѣнный въ камнѣ текстъ хвалебной оды, присланной императоромъ основателю академіи много лѣтъ тому назадъ.

Широко открытая дверь ведетъ съ каменной террасы въ большую пустую комнату; только у задней стѣны, на возвышеніи стоитъ золоченое кресло, да цвѣтныя доски съ золотыми дзырами украшаютъ стѣны. Это—что-то вродѣ актоваго зала для торжественныхъ собраній.

И, любезно улыбаясь, начальникъ академіи открываетъ дверь направо. Въ небольшой комнатѣ дышитъ легкій полусумракъ, вѣетъ прохладой. Вдоль стѣны тянется неизбѣжный канъ, противъ двери—обычный столикъ съ вазами и кое-какими мелочами; огромныя узорно-рѣшетчатыя окна заклеены бумагой. И все кажется такимъ удобнымъ, уютнымъ, жилымъ.

Это—квартира начальника, одна небольшая комната, гдѣ онъ спитъ, ѣстъ и работаетъ. Почти такъ же, какъ его ученики, почти такъ же, какъ маленькіе мальчики начальной школы, онъ—ученый, выдержавшій и первый, и второй экзамены, почтенный человѣкъ съ сѣдиною въ длинныхъ, свисшихъ усахъ—онъ каждый день пишетъ сочиненія и зубритъ старинныя книги изъ огромной академической библіотеки. Два раза уже ѣздилъ онъ въ Пекинъ; два раза возвращался безъ успѣха, но съ возрастающимъ упорствомъ добиться высшей ученой степени. И терпѣливо, внимательно, настойчиво онъ идетъ къ цѣли — пишетъ, пишетъ.

Мягкой, безшумной поступью, чуть слышно шурша тонкимъ синимъ шолкомъ длинныхъ одеждъ, входятъ и выходятъ и плавно движутся вокругъ стола два стройныхъ, высокихъ юноши. Они ставятъ передъ нами старинныя фарфоровыя чашки съ блѣднымъ ароматнымъ чаемъ. Это—любимые ученики, которые живутъ тутъ же, рядомъ съ учителемъ, которые занимаются подъ его постояннымъ руководствомъ; а въ рѣдкія свободныя минуты они пользуются обществомъ учителя, воспринимая изъ его устъ поученія высшей мудрости. Это—слабый пережитокъ, блѣдный от-

свѣтъ древней китайской школы, той отдаленной эпохи, когда книги были въ рѣдкость и свѣтъ познанія воспринимался учениками непосредственно отъ учителей.

И, казалось, все вокругъ носило отпечатокъ того давно минувшаго времени. Люди, поставившіе себѣ цѣлью — уйти отъ сегодняшней жизни въ сѣдую древность, сумѣли ревниво уберечь свой древній священный жизненный укладъ отъ грубаго вторженія вещественныхъ новшествъ современности и иноземщины. Въ огромныя узорно-рѣшетчатыя окна не вставлено ни одного кусочка стекла; въ углу нельзя замѣтить грубаго и прозаическаго чернаго зонтика-дождевика; съ потолка не свѣшивается обиднымъ диссонансомъ, блестя своей желтой мѣдью, мѣщанскисамодовольная лампа „молнія“; къ чаю не было подано ни сахара, ни дешевой карамели въ пестрыхъ бумажкахъ; аляповатый американскій фаянсъ не стоялъ рядомъ съ тонкимъ, прозрачнымъ благороднымъ фарфоромъ императорскихъ заводовъ.

Все было, какъ вѣка тому назадъ, какъ въ ту счастливую эпоху, когда жили и работали авторы великихъ книгъ, безсмертныхъ, недосягаемыхъ образцовъ для грядущихъ поколѣній. Сѣдою стариной, но какой живучей, но какой прекрасной, вѣяло въ прохладномъ сумракѣ небольшой китайской комнаты, вокругъ этихъ людей, всецѣло ушедшихъ въ старину.

Большія парадныя ворота, раскрывающіяся въ торжественныхъ случаяхъ, были раскрыты передъ нами.

Начальникъ академіи, помощникъ и нѣсколько студентовъ провожали до порога.

Обернувшись, я бросилъ послѣдній взглядъ на тихую обитель служенія старинѣ.

Вечерѣло. Солнце ушло за высокую стѣну изъ сѣраго кирпича. Драконы крышъ, изогнутые въ прихотливыя кольца, еще свѣтились блѣдной позолотой надъ потемнѣвшей черепицей; пышно-круглыя вершины вѣковыхъ деревьевъ слегка подернулись желтизной и недвижно замерли въ предзакатныхъ лучахъ. А внизу, на дворикахъ, уже стоялъ прозрачный, голубоватый, задумчивый сумракъ. И было тихо, тихо.

Передо мною, въ длинныхъ голубыхъ и синихъ одеждахъ, простыхъ, облегающихъ худощавыя тѣла, падающихъ внизъ прямыми, скромными складками, стояла братія. На тонкія губы чуть коснувшись ихъ, легла вѣжливая улыбка привѣта; но строгія желтыя лица были холодны и равнодушны; равнодушные глаза чуть теплились, но что-то говорило, что они могутъ вспыхнуть и засверкать; нѣкоторыя изъ красивыхъ, нерабочихъ рукъ пере

брали длинными, тонкими пальцами чотки—красные и коричневые шарики изъ благовонной мастики, нанизанные на шолковый шнуръ.

Развѣ это не были монахи, отрекшіеся отъ міра, ушедшіе отъ жизни, посвятившіе себя высокому, святому служенію? Развѣ это не была обитель—тихая, мирная, благолѣпная обитель, гдѣ храмомъ была библіотека, гдѣ святыми были великіе учителя древности, — мастера въ сложномъ искусствѣ комбинаціи письменъ, гдѣ Богомъ была совершенная, невозвратная сѣдая Древность?..

Тяжелыя, огромныя ворота съ изображеніемъ страшныхъ генераловъ Мынь-Шэнъ-и и Мынь-Дью-и, защитниковъ входовъ, глухо скрипѣли; они не привыкли запираться и отпираться. Потомъ слышно было, какъ задвигали тяжелый засовъ, какъ поднимали и опускали какія-то тяжелыя доски. Монастырь баррикадировался отъ міра. Страшные генералы на створкахъ воротъ грозно смотрѣли на улицу, словно вызывая всякаго, кто отважится переступить порогъ.

А вокругъ шумѣла своими обычными шумами китайская улица.

VIII.

Мы шли въ судъ по одной изъ главныхъ улицъ города.

Было холодно; стоялъ сѣрый декабрьскій день безъ снѣга, безъ вѣтра; небо было низкое, тяжелое, угрюмое.

Мы вошли на довольно большой дворъ, гдѣ толпилось нѣсколько полицейскихъ въ грязныхъ, поношенныхъ красныхъ курмахъ съ нашитыми на нихъ черными письменами. Вышедшій навстрѣчу переводчикъ ввелъ насъ въ помѣщеніе суда.

Небольшая полутемная комната. Оконъ нѣтъ; но въ одной изъ стѣнъ—широкая дверь открыта на большое крыльцо. У противоположной стѣны—столъ, и за нимъ—три кресла. На столѣ, въ высокихъ мѣдныхъ стаканахъ — узкія деревянныя дощечки, покрытыя рядами письменъ... На стѣнахъ кое-гдѣ большія доски съ золотыми рельефными буквами.

Вошелъ судья. Высокій, представительный человѣкъ, уже немолодой; строгость и непреклонная суровость — въ длинныхъ, стрыхъ чертахъ сухого, бритаго лица; въ быстрыхъ черныхъ глазахъ—умный блескъ. На шапкѣ—павлинье перо и синій полушарій шарикъ.

Послѣ краткихъ привѣтствій—сѣли. Меня посадили на сред-

нее кресло; вправо сѣлъ судья; влѣво—мой спутникъ, офицеръ, выступавшій въ качествѣ обвинителя.

Шесть полицейскихъ привели обвиняемаго. Полицейскіе стали по три съ каждой стороны отъ судейскаго стола ко входной двери. Обвиняемый, звеня кандалами, упалъ на колѣни въ дверяхъ.

Свѣтъ падалъ сзади; трудно было разглядѣть его лицо. Но видно было, что это бѣдный, оборванный, грязный, отвратительный китаецъ; часто можно встрѣтить такихъ въ далекихъ улицахъ городскихъ предмѣстьевъ.

Китаецъ обвинялся въ воровствѣ. Онъ былъ пойманъ съ поличнымъ при кражѣ изъ инженернаго склада клубка проволоки и бунта веревокъ.

Начался допросъ. Громко, грубо, рѣзко ставилъ вопросы судья. Жалобнымъ, рыдающимъ голосомъ лепеталъ подсудимый. Онъ не признавалъ себя виновнымъ, говорилъ, что это—наговоръ. Судья еще больше возвысилъ голосъ, и крикомъ, по интонаціи похожимъ на брань, убѣждалъ подсудимаго въ виновности. Подсудимый не сознавался.

Тогда, по знаку судьи, одинъ изъ полицейскихъ принесъ изъ сосѣдней комнаты грязный холщевый мѣшокъ, вытащилъ изъ мѣшка вещественныя доказательства—проволоку и веревки—и великолѣпнымъ жестомъ бросилъ ихъ на полъ передъ подсудимымъ.

Подсудимый слабо вскрикнулъ, словно пораженный неожиданностью, упалъ ницъ, созналъ вину и молилъ о пощадѣ.

Этотъ конецъ судебнаго слѣдствія производилъ какое-то странное впечатлѣніе чего-то искусственнаго, почти театральнаго. И дѣйствительно, я узналъ впослѣдствіи, что все это—родъ комедіи, которую полагается разыгрывать въ такихъ случаяхъ. Китаецъ, захваченный съ поличнымъ, прекрасно зналъ, что ему будутъ предъявлены вещественныя доказательства, но сознаваться до ихъ предъявленія значило бы нарушать отъ вѣка установленный ходъ судебнаго слѣдствія, вносить безпорядокъ въ священную церемонію; а въ странѣ, гдѣ форма такъ тѣсно связана съ сущностью, не значитъ ли это оскорблять само правосудіе?

Черезъ переводчика судья спросилъ обвинителя, была ли проволока снята съ телеграфныхъ столбовъ или лежала свернутой въ клубокъ. И переводчикъ пояснилъ, что въ первомъ случаѣ подсудимому отрубятъ голову, а во второмъ—судья ограничится присужденіемъ бамбуковъ.

Обвинитель заявилъ, что проволока лежала въ складѣ свернутою въ клубокъ.

И судья, красной краской зачеркивая на бумагѣ какія-то письмена, холодно и безстрастно произнесъ приговоръ: шестьдесятъ бамбуковъ.

Полицейскіе окружили подсудимаго, подняли его, сняли съ него кандалы, заставили опустить стеганые ватные штаны—синіе, грязные, неуклюже топорщившіеся—и разложили несчастное, худое, отвратительное тѣло на камняхъ крыльца, у самой двери въ судилище.

Китаецъ дрожалъ и стоналъ жалобно и протяжно. Два полицейскихъ держали его за плечи; два другихъ сѣли на ступни его ногъ. Одинъ взялъ бамбуковую палку и, повернувшись лицомъ къ судьѣ, принялся наносить быстрые, короткіе удары по одной изъ ляжекъ преступника. И быстро, быстро, голосомъ, въ которомъ слышалось удовольствіе отъ чисто исполняемой работы, онъ считалъ удары. Послѣ десяти ударовъ кожа дала трещину, и мясо выступило красной, волнистой полоской. Казнимый стоналъ тяжело, съ перерывами.

Шестьдесятъ ударовъ были отсчитаны. Но казнь не кончилась. Оказалось, что при началѣ экзекуціи палачъ обнаружилъ на осужденномъ слѣды прежнихъ бамбуковъ. Такимъ образомъ былъ установленъ рецидивъ. И судья приказалъ дать китайцу еще сорокъ ударовъ.

И удары посыпались опять — быстрые, короткіе, сопровождаемые отрывистыми, спѣшащими звуками гортаннаго голоса.

Казнь кончилась. Осужденный, съ помощью полицейскихъ, поднялся, одѣлся. Тяжело, неловко, опустился онъ на колѣни и въ ноги поклонился судьѣ. Потомъ всталъ и осторожнымъ, неспѣшнымъ шагомъ пошелъ во-свояси. И долго еще была видна сквозь широкую, настежь открытую дверь его жалкая, неуклюжая, грязная фигура.

Мы встали. Судья, съ любезнымъ, улыбающимся лицомъ, говорилъ намъ на прощанье обычныя вѣжливости. Переводчикъ, тоже съ любезной улыбкой, передавалъ установленныя фразы. Оба они провожали насъ до воротъ.

А у воротъ, въ красныхъ, ободранныхъ курмахъ съ нашитыми на нихъ черными письменами, стояли шесть полицейскихъ, участвовавшихъ въ экзекуціи. Они смотрѣли на насъ спокойнымъ и равнодушнымъ взглядомъ. Но мнѣ показалось, что подъ этой непроницаемой маской равнодушія скрывается горячее чувство ненависти къ намъ, пришельцамъ, вторгающимся въ ихъ жизнь, любопытнымъ, желающимъ бросить нескромный взглядъ во всѣ

складки ихъ освященнаго вѣками быта. Впрочемъ, можетъ быть, это мнѣ только показалось.

Мы вышли на улицу.

— Не правда ли, какой восторгъ?—звучалъ около меня молодой, свѣжій голосъ моего спутника—одной изъ сторонъ недавняго процесса.—Судъ, можетъ быть, не особенно милостивый, но зато, конечно, правый; и уже, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно скорый. Преступленіе совершено на разсвѣтѣ, около шести часовъ утра. Теперь—двѣнадцать часовъ, и дѣло уже разобрано, и приговоръ произнесенъ, и преступникъ отбылъ наказаніе; онъ совершенно свободенъ и можетъ продолжать, какъ ни въ чемъ не бывало, прежній образъ жизни. Право, такой судъ нельзя не назвать и милостивымъ. А развѣ это не великолѣпно—эта справка о судимости на ляжкѣ преступника, неизгладимый, вѣчный слѣдъ, безпощадный обвинитель рецидивиста. И насколько это проще и вѣрнѣе, и практичнѣе справокъ при „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“ и всякихъ ухищреній антропометрическихъ бюро... Одинъ врачъ, на дняхъ, говорилъ мнѣ, что послѣ двадцати, тридцати ударовъ ткань совершенно разрушается; затѣмъ происходитъ омертвѣніе избитаго мѣста, и оно проваливается; образовавшаяся впадина заростаетъ понемногу свѣжей тканью, но слѣды остаются навсегда.

Довольно разсѣянно слушалъ я эту апологію китайскаго суда. Передъ моими глазами все еще стояли жалкія, худыя, отвратительныя ляжки грязно-коричневаго цвѣта, и по одной изъ нихъ извивалась волнистая ярко-красная полоска.

Мы шли глухой, пустынной улицей. Кругомъ сѣрые тона сливались въ безотрадный аккордъ.

Подъ низкимъ, сѣрымъ, тяжелымъ небомъ было неуютно и холодно. Дрожь пробѣгала по спинѣ.

IX.

Уже довольно давно живу я въ моемъ китайскомъ городѣ. Много хожу; много смотрю. Стараюсь понять окружающую жизнь, вникнуть въ китайщину.

Но жизнь кругомъ такъ своеобразна, такъ богата интересными подробностями, что почти каждый день набредешь на что-нибудь еще невиданное; почти каждая прогулка даетъ какой-нибудь новый штрихъ въ сложной картинѣ китайской жизни.

На дняхъ, проходя мимо площади, гдѣ стоитъ дворецъ Джи-Фу

я замѣтилъ что-то не совсѣмъ обычное. Передъ воротами толпились китайцы; но не было видно ни знаменъ, ни копій, не было слышно оглушительной музыки—обычной обстановки торжественнаго выѣзда сановника, собирающей къ воротамъ вѣчно любопытную толпу. Передъ дворцомъ, въ горячихъ лучахъ майскаго полудня, вмѣсто обычнаго шума и блеска была тишина и неподвижность.

Чуялось что-то тяжелое.

На площади, у самыхъ воротъ, изъ нѣсколькихъ кольевъ и циновокъ наскоро смастерили небольшую будку. Въ ней, за столомъ, покрытымъ красной матеріей, сидѣлъ чиновникъ. Передъ чиновникомъ стояли на колѣняхъ два китайца.

Шагахъ въ пятидесяти отъ будки, на простыхъ дощатыхъ носилкахъ лежалъ китаецъ. Онъ былъ совершенно голый. Смуглое сѣро-желтое тѣло закоченѣло въ какомъ-то неестественномъ натянутомъ положеніи. Голова была запрокинута. На лицѣ мой скользнувшій взглядъ замѣтилъ что-то странное, какую-то шершавость, изъѣденность. Былъ ли то слѣдъ удара по лицу? былъ ли то признакъ начавшагося разложенія? Не знаю; но въ недвижномъ зноѣ майскаго полудня я почувствовалъ тяжелый трупный запахъ.

И быстро я пошелъ прочь.

Шагахъ въ сорока отъ трупа, спиной къ нему сидѣла на землѣ женщина съ ребенкомъ на рукахъ. И когда я проходилъ, она начала кричать и причитать неистовымъ голосомъ — „голосить“.

И долго еще, пока я не свернулъ въ узкую людную улицу, слышалъ я за собою этотъ дѣланный, искусственный плачъ, этотъ пронзительный крикъ на высокихъ нотахъ.

Вечеромъ зашелъ ко мнѣ Иванъ Иванычъ — переводчикъ Джи-Фу. И короткими, неопредѣленными словами, неохотно, какъ онъ дѣлаетъ это всегда, когда я пытаюсь при его посредствѣ заглянуть поглубже въ китайскую жизнь, Иванъ Иванычъ разсказалъ мнѣ, въ чемъ было дѣло.

Ночью, два дня тому назадъ, въ деревнѣ, верстахъ въ тридцати отъ города, было совершено убійство. По закону, тѣло человѣка, погибшаго насильственной смертью, не можетъ быть предано землѣ, пока не будетъ произведено разслѣдованіе и найдена нить преступленія. Убитаго принесли въ городъ, чтобы самъ Джи-Фу могъ удостовѣрить смерть. Сюда же привели и двухъ китайцевъ, заподозрѣнныхъ въ убійствѣ. На площади, передъ тѣломъ убитаго происходилъ судъ. За носилками мужа

пришла вдова съ ребенкомъ и, сидя на площади около тѣла, она „голосила", согласно китайскому обычаю.

Вотъ и все, что я узналъ. Сухой, голый перечень внѣшнихъ фактовъ. Заглянуть поглубже, подглядѣть внутреннюю интимную сторону происшедшаго мнѣ не удалось. За кулисы Иванъ Иванычъ меня не пустилъ.

И какъ бы извиняясь за то, что онъ не вполнѣ удовлетворилъ мое любопытство, Иванъ Иванычъ вѣжливо улыбнулся и сталъ говорить самыя изысканныя любезности.

Въ ямынѣ—управленіи Джи-Фу—дворы, дворики, переходы сплетаются въ сложный лабиринтъ. Заблудиться не трудно. И разъ, проходя къ Ивану Ивановичу — переводчику Джи-Фу и личному секретарю его по сношеніямъ съ русскими—я дѣйствительно заблудился.

Стоялъ конецъ мая. Было ясное, яркое утро. Ночью прошелъ сильный дождь; и послѣ дождя все казалось такимъ свѣжимъ, чистымъ, обновленнымъ. Небо, становившееся было мутнымъ за послѣдніе жаркіе дни, теперь—словно обмытое—сіяло ровной прозрачной синевой. Сѣрыя кирпичныя стѣны, залитыя солнцемъ, подернулись золотистымъ налетомъ. А въ тѣни, въ узкихъ переходахъ между высокими стѣнами, было темно, сыро и прохладно. И свѣжо, и сочно зеленѣла весенняя листва, еще чуть влажная отъ дождя, уже обласканная утреннимъ солнцемъ.

Тѣневые переходы выводили на солнечные дворики. Кругомъ, строго соблюдая перпендикулярность линій плана, стояли фанзы. Огромныя рѣшетчатыя окна, затянутыя бумагой, шарились во всю стѣну. Выступая далеко впередъ, края крышъ бросали внизъ густыя тѣни. Между фанзами, въ короткихъ соединительныхъ стѣнкахъ были пробиты двери, однѣ—обычной формы, другія—совершенно круглыя. Черезъ нихъ я проходилъ опять въ тѣневые переходы, опять въ солнечные дворики...

Вдругъ я остановился.

Передо мной, на фонѣ сѣрой, тронутой солнцемъ стѣны, стоялъ человѣкъ. Онъ стоялъ на колѣняхъ, и руки у него были вытянуты въ стороны, и видъ у него былъ ужасный: и все это производило впечатлѣніе распятія.

Это былъ пытаемый преступникъ.

Его ноги, голыя отъ колѣнъ, были, около щиколотки, забиты въ грубую деревянную колодку. На землю положили толстую желѣзную цѣпь и поставили на нее преступника на колѣни. Ему развели руки; къ большимъ пальцамъ привязали тесемки и под-

тянули эти пальцы къ перекладинѣ невысокаго креста, укрѣпленнаго на особомъ станкѣ. Затѣмъ въ стойку креста, противъ спины пытаемаго, вбили длинный желѣзный гвоздь, заставивъ преступника изогнуть тѣло, подавая его впередъ, увеличивая напряженіе въ пальцахъ.

Одежды на китайцѣ почти не было; только грязныя синія шаравары, сползшія съ опавшаго живота, засученныя выше колѣнъ. И видно было почти все его тѣло—очень смуглое, грязное, тощее, безобразное и жалкое. Грудь, съ рѣзко обозначенными ребрами, неестественно выдвинулась впередъ; животъ ввалился; колѣна побагровѣли; тощія вытянутыя руки казались необычно длинными. Кое-гдѣ на грязной желтизнѣ кожи выступала грязная синева синяковъ и кровоподтековъ—вѣроятно, слѣды недавнихъ побоевъ. И постоянныя вздрагиванія — короткія и быстрыя — пробѣгали по распятому тѣлу, такому безмѣрно безобразному, такому безконечно жалкому.

Лицо было самымъ обычнымъ лицомъ простого, некультурнаго китайца. Но въ грубыхъ, тупыхъ, некрасивыхъ чертахъ было столько страданія, сколько никогда не приходилось видѣть на человѣческомъ лицѣ. И глаза были полны слезъ, которыя какъ будто не могли пролиться.

Кромѣ насъ никого не было на маленькомъ нарядномъ дворикѣ. На стѣнѣ одной изъ фанзъ ширилось огромное рѣшетчатое окно, и тонкія палочки рамы сбѣгались, разбѣгались, переплетались въ веселый, прихотливый узоръ. Въ короткой стѣнкѣ между двумя фанзами была пробита круглая дверь, и изъ круглой рамы глядѣли сѣрыя стѣны и изогнутыя крыши—красивая панорама съ нарядной башней кумирни на заднемъ планѣ. По одной изъ стѣнъ, почти у самаго станка пытокъ, подымалась густая свѣжая зелень, и кое-гдѣ между блестящими лапчатыми листьями распускались еще одинокіе цвѣты блѣдно-желтыхъ розъ. А на самомъ краю крутой черепичной крыши — почти ослѣпительные въ яркихъ лучахъ — плескались крыльями, и прижимались другъ къ другу, и ворковали холеные нарядно-бѣлые голуби.

И словно вторя радостному хлопанью крыльевъ, быстрыя и короткія вздрагиванья пробѣгали по распятому тѣлу — такому безмѣрно безобразному, такому безконечно жалкому.

Гулко раздаваясь между стѣнами, приближались шаги. Въ круглой рамѣ двери появился Иванъ Ивановичъ. Его широкое рябоватое лицо выразило недоумѣнье; но недоумѣнье сейчасъ же смѣнилось радостно-любезной улыбкой. И только въ глубинѣ темныхъ глазъ оставалось что-то жесткое, непріятное.

Въ рукахъ у Ивана Ивановича была фарфоровая чашка съ зернами чаумизы. Нарядно-бѣлые голуби, тяжело поднявшись съ крыши, заплескали въ воздухѣ ослѣпительными крыльями; и они опустились на кирпичный полъ у ногъ Ивана Ивановича.

Мы обмѣнялись привѣтствіями. Я сказалъ Ивану Ивановичу, что шелъ къ нему по дѣлу и, кажется, заблудился. Иванъ Ивановичъ сказалъ, что очень радъ меня видѣть, и что можно попасть къ нему и этимъ путемъ. Пропуская меня впередъ, онъ жестомъ приглашалъ пройти въ круглую дверь.

Но я медлилъ. И, указывая на распятаго, я спросилъ Ивана Ивановича, что тутъ происходило. Коротко, словно нехотя, отвѣтилъ мнѣ Иванъ Ивановичъ.

Это былъ преступникъ, совершившій убійство и грабежъ. Онъ подлежалъ смертной казни. Но по древнему закону никто не можетъ быть казненъ, если онъ не признаетъ своей вины. Улики, самыя неопровержимыя, не могутъ замѣнить сознанія. Если преступникъ не сознается, сознаніе выпытывается изъ него мученьемъ. „Иначе онъ бы не сознался“,—говорилъ Иванъ Ивановичъ, и что-то наивное слышалось въ его ровномъ голосѣ: — „а такъ навѣрно сознается“.

Спокойно-равнодушный, какъ всегда, медлительный и важный въ движеніяхъ, стоялъ Иванъ Ивановичъ среди залитаго солнцемъ дворика. Передъ нимъ короткими и быстрыми вздрагиваніями вздрагивалъ преступникъ, распятый по его распоряженію. У его ногъ нарядно-бѣлою толпой толпились голуби, которымъ онъ сыпалъ кормъ. Надъ его головой вспыхивали и погасали ослѣпительно-бѣлые взмахи крыльевъ.

Рядомъ, около обычнаго мѣста пытокъ, изъ земли, упитанной потомъ и кровью избиваемыхъ и распятыхъ, росли, цѣпляясь за стѣну, кусты блѣдно-желтыхъ розъ.

На одномъ изъ широко-лапчатыхъ яркихъ листьевъ Иванъ Ивановичъ замѣтилъ небольшого зеленаго червячка. И онъ протянулъ руку, почти касаясь головы распятаго, осторожно снялъ червячка и положилъ его въ фарфоровую чашку изъ-подъ корма голубямъ. Иванъ Ивановичъ оберегалъ свой любимый розовый кустъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ—буддистъ и вегетаріанецъ—не могъ допустить гибели червяка. Всѣхъ попадавшихъ ему на глаза червей, гусеницъ, жуковъ Иванъ Ивановичъ бережно уносилъ домой и помѣщалъ въ небольшую фарфоровую вазу. Что дѣлалось потомъ съ призрѣваемыми — этимъ Иванъ Ивановичъ не интересовался. Съ него было довольно сознанія, что онъ спасъ растеніе отъ червяка, червяка отъ птицы. И это созна-

ніе давало ему невозмутимую удовлетворенность человѣка, исполнившаго долгъ.

Спокойно-равнодушный стоялъ Иванъ Ивановичъ посреди залитаго солнцемъ дворика. Скромностью вѣяло отъ плотнаго, нѣжнаго потертаго шолка его простой темно-коричневой одежды. На широкомъ рябоватомъ лицѣ застыло выраженіе удовлетворенности происходящимъ. Все шло хорошо. Будетъ выполненъ законъ правосудія: тотъ, кто долженъ быть казненъ, будетъ казненъ, но передъ тѣмъ онъ сознается въ преступленіи. Будетъ выполненъ законъ милосердія: ничтожный и вредный червякъ не будетъ здѣсь, на глазахъ, заклеванъ нарядно-бѣлой птицей. Пусть червякъ издохнетъ завтра въ своей фарфоровой тюрьмѣ; пусть, даже живой, онъ будетъ выброшенъ прислугой на грязный дворъ, по другую сторону фанзы, туда, гдѣ валяются свиньи и бродятъ куры; пусть сознаніе въ преступленіи, можетъ быть и не совершенномъ, будетъ вырвано у распятаго цѣною нечеловѣческихъ мукъ — развѣ эти маленькія подробности чисто формальнаго характера могутъ замутить чувство удовлетворенности — неизбѣжное слѣдствіе сознанія выполненныхъ законовъ, тысячелѣтнихъ законовъ, написанныхъ мудрѣйшими людьми?

Да, все идетъ хорошо. Между широкихъ лапчатыхъ листьевъ раскрываются блѣдно-желтыя розы, спасенныя отъ грозившей опасности. Въ прозрачномъ воздухѣ трепещутъ ослѣпительно-бѣлыя крылья накормленныхъ чаумизою голубей. Въ фарфоровой чашкѣ, плотно прикрытой въ защиту отъ птицъ, извивается маленькій зеленый червякъ. На крестѣ короткими и быстрыми дрожаніями вздрагиваетъ распятый для того, чтобы не былъ нарушенъ древній гуманный законъ, чтобы не былъ казненъ тотъ, кто не призналъ за собою вины.

И безстрастный, спокойный въ сознаніи исполненнаго долга, стоитъ Иванъ Ивановичъ — праведникъ и постникъ — среди нарядnаго солнечнаго дворика. И словно ослѣпительный ореолъ, трепещутъ вокругъ его лица быстрые взмахи голубиныхъ крыльевъ.

X.

На пустырь за сѣверными воротами собиралась толпа.

Изъ города быстрымъ шагомъ двигалось шествіе. Двумя длинными шеренгами по обоимъ краямъ широкой дороги шли солдаты. На потертыхъ красныхъ курмахъ были нашиты черныя буквы; вокругъ головъ обернуты большія синія косынки; широ-

кіе концы ихъ падали на плечи. Огромныя красныя знамена были свернуты; длинныя трубы опущены. Въ послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца сверкали высоко надъ головами фантастическіе наконечники копій.

За солдатами, тоже по краямъ дороги, ѣхали всадники-офицеры и чиновники съ бѣлыми, золотыми и серебряными шариками на черныхъ шапочкахъ. А еще дальше, въ облакахъ пыли, поднятой маленькими монгольскими лошадьми, можно было различить головы муловъ и смутныя очертанія темныхъ человѣческихъ фигуръ на тяжелой арбѣ.

Въ полной тишинѣ, въ сосредоточенной серьезности шествіе двигалось впередъ быстрымъ дѣловымъ шагомъ.

Кругомъ также молча, также серьезно собирались люди. Провожали шествіе. Впереди на пустырѣ росла толпа.

Солдаты вдвинулись въ толпу. Оттѣснили ее. Сомкнулись въ кругъ. Офицеры и чиновники стали сбоку. Въ кругъ въѣхала арба. Пустырь былъ выше дороги. И громкимъ крикомъ, рѣзкимъ щелканьемъ бичей погонщики побуждали муловъ втащить на крутизну громоздкую арбу. На арбѣ была груда человѣческихъ тѣлъ, въ безпорядкѣ сваленныхъ одно на другое. Это были преступники. Руки ихъ связаны за спиной; ноги забиты въ деревянныя колодки. Тутъ же на арбѣ сидѣло нѣсколько китайцевъ. Это были тюремщики.

Въѣхавъ въ кругъ, арба остановилась. И быстро, грубыми, рѣзкими движеніями тюремщики стали стаскивать преступниковъ съ арбы.

Въ нѣсколько секундъ дѣло было сдѣлано. Въ разстояніи шаговъ трехъ одинъ отъ другого стояло на колѣняхъ шесть человѣкъ. Косы были обвернуты вокругъ головъ; ступни ногъ какъ-то странно торчали сквозь отверстія широкой деревянной доски; веревки, впивались въ синіе ватные рукава грязной одежды, крѣпко связывали руки за спиной. Головы были наклонены, чтобы принять ударъ; на лицахъ нельзя было прочесть ничего, кромѣ обычнаго спокойствія и равнодушія.

Отъ движенія солдатъ, отъ возни, около арбы поднялась густая пыль. Пыль стояла въ воздухѣ и казалась красной въ послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца. Солдаты, народъ смотрѣли спокойнымъ, равнодушнымъ взглядомъ.

Внезапно откуда-то появился палачъ. Высокій, статный, молодой китаецъ; одѣтый — какъ всѣ, спокойно-равнодушный — какъ всѣ. Большой, широкій, слегка изогнутый мечъ былъ у него въ рукѣ; и пальцами другой руки онъ слегка притрагивался къ

острію. Рядомъ мальчикъ лѣтъ десяти-двѣнадцати держалъ ножны изъ красной кожи.

И какъ только преступники были стянуты съ арбы, брошены на колѣни, палачъ не терялъ ни секунды.

Широкій взмахъ меча; быстрый, короткій ударъ по склоненной шеѣ; упавшая, покатившаяся голова; струей хлынувшая кровь; повалившееся впередъ тѣло—одно мгновенье.

И зрители, не выходя изъ состоянія равнодушнаго спокойствія, привѣтствовали мастерской ударъ коротким гортаннымъ: „хау!“ (хорошо, браво). Одна за другой отскакивали головы, катились и останавливались. Одно за другимъ валились впередъ тяжелыя, неуклюжія тѣла.

И въ нѣсколько мгновеній казнь была окончена. Палачъ передалъ мечъ мальчику, державшему ножны. Около одной изъ мертвыхъ головъ кто-то зажегъ цѣлую стопу желтой мягкой бумаги; голубой дымъ струей потянулся къ небу — молитва, жертва. Изъ-за линіи солдатъ вышелъ чиновникъ съ жирнымъ, блестящимъ лицомъ. Въ рукахъ его была длинная стрѣла, съ кускомъ бумаги на остріѣ. Чиновникъ осторожно обмакнулъ бумагу въ одну изъ лужъ крови. И онъ понесъ ее въ сторону, туда, гдѣ на дорогѣ, въ красномъ паланкинѣ сидѣлъ одѣтый въ красный плащъ помощникъ Джи-Фу. Отсюда онъ издали слѣдилъ за казнью. Стрѣла — полномочіе на казнь—и окровавленная бумага — свидѣтельство о казни—исчезли за красной занавѣской паланкина.

Солдаты повернулись, сошли на дорогу, вытянулись длинными шеренгами по обѣ ея стороны.

И обычнымъ порядкомъ шествіе направилось къ городу. Только огромныя знамена были распущены и лѣниво трепыхались въ недвижномъ вечернемъ воздухѣ; и багровое передъзакатное солнце краснымъ отсвѣтомъ играло на фантастическихъ наконечникахъ высокихъ копій, на мѣдныхъ изгибахъ длинныхъ трубъ.

На мѣстѣ казни толпа сомкнулась тѣснѣе.

Послѣ палача принялись за работу тюремщики. Маленькими топорами были разбиты деревянныя колодки. Потомъ занялись раздѣваніемъ труповъ.

Быстро, но внимательно были развязаны тесемочки, разстегнуты мѣдныя пуговки. Ничего не было порвано рѣзкимъ, спѣшащимъ движеніемъ. На пыльной землѣ лежали грязно-синія одежды. Онѣ были толстыя, на ватѣ, и потому лежали неуклюже коробясь, еще обрисовывая только-что жившее въ нихъ тѣло.

И тутъ же рядомъ, опрокинутыя навзничь, лежали обезглавленныя тѣла. Они были блѣднаго, холоднаго цвѣта, уже землистыя, желтовато-сѣрыя. И тамъ, гдѣ кончалась шея, висѣла какая-то бахрома багровыхъ клочьевъ; и съ концовъ бахромы медленно капала кровь.

Тутъ же — въ нѣсколькихъ шагахъ — лежали мертвыя головы. На шеѣ была та же красная бахрома и также капала кровь.

Багровыя лужи быстро подсыхали; на сухой, пыльной землѣ остались темныя расплывчатыя пятна.

Зажженная стопа бумаги обуглилась и медленно тлѣла; тонкой струйкой тянулся кверху голубоватый дымъ.

Вечерѣло. Зрѣлище окончилось и зрители расходились. Спокойно, равнодушно, съ серьезнымъ, дѣловымъ видомъ, не оглядываясь, въ молчаніи двигались къ городу китайцы.

А тюремщики продолжали работу. Одинъ изъ нихъ поднялъ двѣ головы — головы самыхъ важныхъ изъ казненныхъ—размоталъ косы и понесъ въ сторону, туда, гдѣ, шагахъ въ двадцати отъ мѣста казни, у самой дороги, стояло нѣсколько деревьевъ. И за косы онъ привязалъ головы къ вѣткамъ.

Потомъ тюремщики взяли казненныхъ за ноги и потащили ихъ по землѣ; и свалили въ кучу тутъ же на пустырѣ, въ едва замѣтной лощинѣ, совсѣмъ близко отъ дороги. И, скользя по землѣ, безголовыя тѣла какъ-то странно вздрагивали, и ноги были такъ неестественно подняты кверху, и кровь уже не капала, а текла съ концовъ бахромы, темнѣвшей вокругъ шеи.

Въ надвигающихся сумеркахъ тѣла, сваленныя другъ на друга, переплетающіяся членами, были фантастичны и страшны.

Тюремщики вернулись обратно туда, гдѣ брошенныя на землю грязно-синія ватныя одежды, неуклюже топорщась, обрисовывали еще очертанія тѣлъ. Тюремщики скрутили одежды въ плотные пакеты и закинули себѣ за плечи, и пошли прочь. Послѣдняя собственность казненныхъ перешла въ ихъ собственность. Завтра утромъ появится она на базарѣ.

Сумерки быстро сгущались. Съ холма у дороги было видно, какъ смутно бѣлѣла въ лощинѣ какая-то неопредѣленная расплывчатая груда. На блѣдномъ, чуть розовомъ небѣ, между безлистыми сучьями отчетливо рисовались темные силуэты головъ.

На мѣстѣ казни змѣилась въ небу блѣдная струйка дыма.

И осторожной ползущей походкой надвигались со стороны

фанзъ предмѣстья огромныя тяжелыя туши черныхъ китайскихъ свиней. Ихъ было много. За одиночными передовыми чудовищами рисовалась въ полутьмѣ черная кишащая масса.

Свиньи всего города шли завершать казнь.

XI.

Если, пройдя, маленькую кумирню, свернуть съ главной улицы налѣво, то сейчасъ же по правую руку будетъ большой магазинъ Ли-хунъ-дью, одного изъ самыхъ богатыхъ купцовъ.

У воротъ магазина, за небольшимъ столикомъ, подъ навѣсомъ, искусно устроеннымъ изъ нѣсколькихъ бамбуковыхъ палокъ и куска синей матеріи, сидитъ старый китаецъ въ большихъ черныхъ очкахъ. И я всегда застаю его на этомъ мѣстѣ—каждый день съ разсвѣта и до сумерекъ, во всякую погоду.

На столѣ—нѣсколько старыхъ толстыхъ книгъ въ потертыхъ футлярахъ, бумага, кисти для письма, какіе-то странные старинные сосуды, какія-то старыя узенькія дощечки, отполированныя долгими годами прикосновеній.

Передъ столомъ всегда нѣсколько китайцевъ—три, четыре, иногда десятокъ, иногда цѣлая маленькая толпа.

И обыкновенно, какъ ни проходишь, старикъ говоритъ что-то. Онъ говоритъ тихимъ, ровнымъ голосомъ, не спѣша. И когда прислушаешься, чувствуешь, что онъ говоритъ просто и легко, не путаясь въ мысляхъ, не выискивая словъ; говоритъ плавными, красиво законченными фразами. И люди, стоящіе вокругъ, внимательно слушаютъ его рѣчь.

Это—прорицатель. Онъ прочелъ много старинныхъ, непонятныхъ книгъ; онъ постигъ мудрость, недоступную простымъ смертнымъ; для его взгляда нѣтъ ничего сокрытаго, и одинаково ясно видитъ онъ и прошлое, и будущее. Такъ говоритъ или такъ хотѣлъ бы сказать мой переводчикъ Миша.

А мистеръ Джонсонъ, вкусившій плодовъ международнаго шанхайскаго базара, стыдливо опускаетъ глаза, краснѣя за своихъ соотечественниковъ, и говоритъ тихимъ голосомъ: „Оставьте, это совсѣмъ не интересно; это—грубый обманщикъ, которому вѣрятъ только самые простые люди“.

Но я думалъ, напротивъ, что это очень интересно, и часто, проходя мимо лавки Ли-хунъ-дью, я внимательно вглядывался въ прорицателя.

На дняхъ я остановился около маленькаго столика. Со мной

былъ переводчикъ Миша. Передъ столикомъ стояло три или четыре китайца. Они посторонились, уступая намъ мѣсто. Одинъ, высокій, красивый, съ мужественнымъ, открытымъ лицомъ, только-что бросилъ на столъ нѣсколько узкихъ деревянныхъ дощечекъ. И, выжидая, онъ внимательно смотрѣлъ на старика.

Старикъ скользнулъ взглядомъ по дощечкамъ; наклонившись надъ бумагой, онъ сталъ быстро чертить рядъ какихъ-то замысловатыхъ гіероглифовъ. Потомъ онъ поднялъ голову, пристально посмотрѣлъ въ лицо вопрошавшему судьбу. И онъ заговорилъ тихимъ, ровнымъ, слегка гортаннымъ голосомъ.

Онъ былъ очень старъ. Желтое, сухое, какъ бы пергаментное лицо, изрѣзанное морщинами, рѣдкая сѣдая борода, длинные рѣдкіе сѣдые усы, висящіе внизъ. Изъ-за очень большихъ круглыхъ черныхъ очковъ смотрятъ еще живые, ярко блестящіе черные глаза.

Что говорилъ прорицатель? Конечно, какъ всегда, почти все осталось для меня потерянным. Миша, съ трудомъ выдѣляя то, что ему казалось возможнымъ перевести, передалъ мнѣ въ немногихъ словахъ фактическую сторону, грубый остовъ рѣчи старика. Но вся лирика его рѣчи, вся несомнѣнная для меня красота мысли и образовъ, и словъ,—все это такъ и осталось далекимъ, чужимъ, непонятнымъ.

Молодой китаецъ спрашивалъ совѣта, ѣхать ему или не ѣхать куда-то далеко, гдѣ ждала его какая-то работа, какая-то дѣятельность.

И старикъ говорилъ, что ѣхать не надо, что грядущія событія слагаются неблагопріятно для далекаго путешествія, для жизни вдали отъ родной страны. И потомъ, постепенно оживляясь, онъ говорилъ о чемъ-то долго плавными, красиво звучавшими фразами. Миша перевелъ ихъ двумя словами: „Лучше жить тамъ, гдѣ жили отецъ и мамка". А остальное, то, что Миша не перевелъ, не сумѣлъ перевесть?.. Можетъ быть, это былъ гимнъ родинѣ, священной странѣ обожествленныхъ предковъ, гимнъ своему домашнему очагу, мирной жизни подъ покровительствомъ домашнихъ боговъ, мирной работѣ на родномъ полѣ? Я не знаю, но мнѣ кажется, что это было именно такъ—интонація голоса, взглядъ глазъ черезъ темные очки дали мнѣ убѣжденіе, что это былъ именно гимнъ.

Группа китайцевъ вокругъ столика увеличилась. Всѣ стояли молча, недвижно.

Старикъ умолкъ; собралъ со стола длинныя деревянныя дощечки; вложилъ ихъ въ высокую урну.

Молодой китаецъ, вопрошавшій судьбу, бросилъ въ мѣдную чашку нѣсколько чаховъ и пошелъ прочь спокойной, равнодушной походкой.

Послушается ли онъ предупрежденія судьбы, останется ли здѣсь, въ священной странѣ предковъ, у мирнаго домашняго очага, тамъ, гдѣ жили отецъ и мамка?

XII.

Вечерѣло... Въ небѣ не было облаковъ, и западъ не горѣлъ, а теплился ровнымъ, нѣжнымъ розовымъ свѣтомъ. Яркіе тона деревьевъ и травы становились мягче и гуще. И бѣлые маки, цѣлыя поля бѣлыхъ маковъ по склонамъ ближайшихъ холмовъ подернулись розовымъ отливомъ.

Тропинка, пролегавшая по дну лощины, повернула налѣво и круто побѣжала въ гору, по опушкѣ небольшой, рѣдкой рощи.

Кругомъ было тихо, тихо. Вдали краснѣла глиняная стѣна города, изгибались силуэты крышъ. Въ мягкомъ закатномъ свѣтѣ все казалось легкимъ, воздушнымъ, призрачнымъ.

Вдругъ что-то заставило меня обернуться. Совсѣмъ близко, въ пяти-шести шагахъ висѣла голова человѣка. Она висѣла на выдвинувшейся впередъ вѣтви дерева. Блѣдное, худощавое, совершенно юное лицо; тонкія, правильныя черты, полуоткрытые глаза, полуоткрытыя сѣрыя губы, и волосы—черные, густые, словно ставшіе дыбомъ, закинутые кверху, закрученные за зеленую, чуть изогнувшуюся вѣтку; а внизу, тамъ, гдѣ такъ странно-неожиданно кончалась шея—черные сгустки запекшейся крови... Неподвижная на блѣдно-зеленомъ фонѣ неба, красивая и гордая, слегка озаренная алыми отсвѣтами заката, мертвая голова казалась призрачной, фантастичной...

И я узналъ эту голову.

Осенью прошлаго года мнѣ нуженъ былъ разумный, смѣлый и ловкій человѣкъ для выполненія сложнаго и опаснаго порученія. Мнѣ указали на Яу-хо и обѣщали прислать его ко мнѣ.

Яу-хо пришелъ поздно ночью; или онъ уже тогда имѣлъ основаніе избѣгать встрѣчи съ китайскими властями, или онъ не хотѣлъ показать, что имѣетъ сношенія съ русскими. Высокій, стройный, съ великолѣпной гордой осанкой, Яу-хо стоялъ у двери моей комнаты. Его красивое лицо съ правильными, тонкими чертами было очень блѣдно и очень спокойно. Взоръ былъ усталъ и равнодушенъ, но чувствовалось, что онъ можетъ вдругъ

вспыхнуть и засверкать. И было что-то страшное и въ то же время манящее въ этомъ лицѣ, интересное и, можетъ быть, трагическое...

Яу-хо служилъ раньше переводчикомъ въ одномъ изъ стрѣлковыхъ полковъ и выучился довольно свободно говорить по-русски. Но потомъ онъ „ушелъ на волю", и гдѣ онъ былъ, что онъ дѣлалъ за послѣдніе полгода—никому не было извѣстно. Яу-хо былъ молчаливъ и неохотно отвѣчалъ на вопросы, не имѣвшіе отношенія къ дѣлу. По дѣлу же онъ отвѣчалъ обстоятельно и толково. И его глубокій грудной голосъ звучалъ мягко и сильно.

Мы говорили безъ переводчика, одни, въ небольшой комнатѣ. Яу-хо быстро понялъ, чего я отъ него хотѣлъ, и принялъ на себя порученіе. Когда я началъ говорить про опасность предпріятія, онъ вскинулъ вверхъ гордую голову и посмотрѣлъ на меня такимъ открытымъ, свѣтлымъ взглядомъ, что я понялъ, что ему опасность не страшна.

Оставалась еще одна сторона дѣла. Яу-хо, отчасти посвященный теперь въ мои планы, могъ продать меня, вѣроятно, за большую сумму, могъ поставить группу людей въ очень тяжелое, опасное положеніе.

И когда я началъ подходить къ этой сторонѣ вопроса, Яу-хо понялъ меня съ полу-слова; и онъ такъ сказалъ: „Яу-хо не обманетъ", и онъ такъ посмотрѣлъ на меня, что я ему вполнѣ повѣрилъ.

Дней черезъ десять, глухой ночью, Яу-хо вернулся. Порученіе было исполнено очень хорошо, несмотря на то, что препятствія оказались сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать. И когда Яу-хо разсказывалъ о преодолѣніи препятствій, его необыкновенно блѣдное лицо оживилось, глаза сверкали, и въ задрожавшемъ голосѣ слышались рѣзкія, жесткія ноты.

И мнѣ было немного жутко въ моей комнатѣ глухою ночью, съ глазу на глазъ съ этимъ сильнымъ и отчаяннымъ человѣкомъ; и въ то же время что-то влекло меня къ нему.

Я предложилъ Яу-хо продолжать службу на очень выгодныхъ условіяхъ, но онъ не согласился. Его неудержимо влекло къ полной свободѣ, къ жизни по своей собственной волѣ, къ яркой, подвижной жизни, полной прелести необычнаго, полной упоенія опасностей.

Мы разстались друзьями. Яу-хо ушелъ, погрузился въ темную ночь, откуда онъ вышелъ. Больше я его не видѣлъ. И только иногда, поздно вечеромъ, когда всѣ кругомъ спали и было такъ ненарушимо тихо, иногда мнѣ чудилась около двери моей ком-

наты его высокая, стройная фигура, красивое, тонко очерченное лицо, такое блѣдное, такое трагическое.

И что-то жуткое подкатывалось къ сердцу.

Въ тотъ день, утромъ, проходя по городу, я встрѣтилъ процессію. По обѣ стороны улицы, длинными лентами, ѣхали солдаты, трубили въ длинныя мѣдныя трубы, везли свернутыми огромныя пестрыя знамена. Посреди улицы, весь одѣтый въ красное, ѣхалъ полиціймейстеръ города; онъ держалъ въ рукѣ изображеніе стрѣлы, красное, съ позолотой на широкихъ лопастяхъ, изображавшихъ перья.

Дальше, на огромной, тяжелой арбѣ, запряженной цѣлымъ табуномъ разнообразныхъ животныхъ — муловъ,ословъ, лошадей, — копошилось нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ человѣческихъ фигуръ, одѣтыхъ въ обычныя синія одежды. Двое изъ нихъ были преступники, приговоренные къ казни; остальные были тюремщики.

Слѣдомъ ѣхала еще арба. И на ней во весь ростъ стоялъ кто-то, высокій и стройный, гордо закинувъ кверху красивую блѣдную голову. Въ этомъ человѣкѣ, котораго везли на казнь, я сразу узналъ Яу-хо. Его ноги были забиты въ колодку, руки оттянуты назадъ и крѣпко связаны за спиной. На груди, поверхъ черной одежды, былъ накрестъ повязанъ алый шолковый шарфъ — знакъ отличія того, кто открыто признаетъ себя хунхузомъ и смѣло идетъ на смерть. Сзади, поддерживая Яу-хо, стояли два тюремщика; одинъ тюремщикъ сидѣлъ сбоку, у его ногъ.

Блѣдно, какъ и прежде, было лицо Яу-хо, и страшно, и красиво какой-то особой, жуткой и манящей красотой. Надо лбомъ, на передней части головы, которую китайцы тщательно брѣютъ, у Яу-хо отросли длинные густо-черные волосы. И эти волосы, прядями нависшія на бѣлый лобъ, и тонкія, благородныя черты юнаго, безусаго, безбородаго лица дѣлали Яу-хо совершенно похожимъ на женщину.

Вмѣсто обычнаго спокойствія — на блѣдномъ лицѣ былъ экстазъ. Глаза ярко сверкали; вздрагивали раздувшіяся тонкія ноздри; колыхались пряди волосъ. Яу-хо съ увлеченіемъ говорилъ что-то, бросалъ кругомъ въ толпу короткія, отрывочныя фразы. И въ его глубокомъ грудномъ голосѣ звучали рѣзкія и жесткія ноты. Тѣло его безпрерывно вздрагивало; и руки, крѣпко связанныя на спинѣ, пытались высвободиться, сдѣлать широкій, великолѣпный, властный жестъ надъ головами обступившей повозку толпы...

Яу-хо обернулся въ мою сторону; глаза наши встрѣтились. Онъ сразу узналъ меня.

„Здравствуй, капитанъ!“ — крикнулъ онъ радостнымъ, экзальтированнымъ голосомъ. И, не дождавшись моего отвѣта, онъ продолжалъ: — „Кантами (казнь)... голова долой... Яу-хо-хунхузъ (онъ гордо кивнулъ подбородкомъ на знакъ отличія — алый шелковый шарфъ, крестомъ повязанный на груди). Яу-хо не хочетъ служить... Яу-хо хочетъ волю, жить самъ... Хунхузъ — хорошо... Хунхузъ — капитана нѣтъ... Хунхузъ — деньги — много, много... ханшъ — много, много... Бабушки — много, много... Хунхузъ — хочетъ дѣлаетъ... Капитанъ, капитанъ, Яу-хо восемь человѣкъ убилъ... Хорошо... А теперь — кантами — голова долой... Прощай, капитанъ!..“

Медленно тащилась тяжелая, громоздкая арба. Погонщикъ понукалъ животныхъ рѣзкими гортанными криками и щелкалъ надъ ними длиннымъ бичомъ.

По обѣ стороны улицы стояла толпа людей съ тупыми и равнодушными лицами. И, словно щелканье исполинскаго бича, летѣли надъ бритыми лбами острыя, рѣзкія, яркія слова приговореннаго къ смерти хунхуза.

Смѣлый, великолѣпный и гордый стоялъ Яу-хо, поддерживаемый тюремщиками. И, глядя на его высокую стройную фигуру въ длинной черной одеждѣ, перекрещенной на груди алымъ шарфомъ, на его блѣдное вдохновенное лицо, на тонкій, прямой носъ, на глубокіе сверкающіе глаза, на бѣлый высокій лобъ, отѣненный прядями изогнувшихся черныхъ волосъ, — можно было подумать, что это — женщина необыкновенная, манящая и страшная, что это — сама муза Трагедіи, стоящая надъ толпой, на помостѣ колесницы...

Медленно тащилась тяжелая, громоздкая арба. По сторонамъ ѣхали солдаты. Раздавались звуки длинныхъ мѣдныхъ трубъ... Глазѣли тупыя, равнодушныя лица...

На ближайшемъ перекресткѣ шумная свадебная процессія остановилась, чтобы дать дорогу...

Въ ясной неподвижности лѣтняго вечера, выдѣляясь на блѣдной зелени неба, висѣла передо мной голова Яу-хо.

Можетъ быть, это была неожиданность впечатлѣній, можетъ быть, это было то невѣрное, то фантастичное, что всегда несетъ съ собою вечерній часъ, — но, на зло несомнѣнности, какъ-то не вѣрилось этой смерти.

Закатъ чуть розовилъ блѣдное лицо, на которомъ снова лежало обычное выраженіе спокойствія. И казалось, что полуза-

крытыя вѣки вскинутся надъ сповойными и глубокими глазами, что изъ полуоткрытыхъ губъ зазвучитъ глубокій грудной голосъ—густой и мягкій...

Яу-хо, сильный и смѣлый человѣкъ! Тебѣ было тѣсно въ рамкахъ застывшей жизни твоего народа. Ты неудержимо захотѣлъ свободы, и полноты жизни, и радости жизни. Ты захотѣлъ опасностей и приключеній, и свиста пуля, и блеска ножа, и много денегъ, и много женщинъ и много шумнаго веселья.

Ты томился по трагическому въ жизни, и пошелъ за нимъ, и нашелъ его. Кажется, сама муза Трагедіи, страшная и манящая,—забытая богиня поблекшихъ эллиновъ,—коснулась своей роковой рукой молодого варвара далекой восточной страны.

Пусть теперь собаки и свиньи грызутъ гдѣ-нибудь тутъ неподалеку твое непогребенное тѣло—сильное и стройное; пусть твоя мертвая красивая голова, похожая на трагическую маску, виситъ у дороги, привязанная къ вѣтви дерева волосами, точно поднявшимися дыбомъ отъ ужаса,—ты прожилъ короткую, но яркую и полную жизнь, хунхузъ Яу-хо, сильный и смѣлый человѣкъ...

И совершенно неожиданно для самого себя, подчиняясь какому-то порыву, я выдернулъ изъ петлицы большую темно-красную розу—первую розу этого лѣта,—которую я несъ въ городъ съ точно опредѣленнымъ назначеніемъ. И, подойдя къ Яу-хо, я положилъ ему розу за ухо. Голова дрогнула и закачалась. Отъ прикосновенія къ холодной кожѣ холодъ подкатилъ къ сердцу. И мнѣ вдругъ стало страшно; и я быстрыми шагами пошелъ, почти побѣжалъ мимо рощи, по дорожкѣ туда, гдѣ на блѣдно-зеленомъ, почти бѣломъ небѣ отчетливо рисовались прихотливые силуэты городскихъ крышъ.

Этотъ вечеръ, который я долженъ былъ провести въ большомъ и веселомъ обществѣ, я провелъ одинъ дома.

Въ моемъ маленькомъ садикѣ, подъ тополями было такъ тихо, тихо. Пришла ночь—теплая, недвижная. И ярко горѣли звѣзды.

Я думалъ о сильныхъ людяхъ и о трагическомъ въ жизни. И порою мнѣ начинало казаться, что изъ густой листвы тополей на меня глядитъ красивое блѣдное лицо Яу-хо...

XIII.

Сумрачно и сѣро въ тѣсной, невысокой комнатѣ. Бумага рѣшетчатыхъ оконъ закоптѣла и скудно пропускаетъ сѣрый хо-

лодный свѣтъ. Закоптѣли стѣны. Покрылись не то пылью, не то гарью длинныя, узкія картины. И какой-то особый запахъ—сладкій и пряный—стоитъ въ недвижномъ, душномъ воздухѣ.

Канъ, покрытый грязной потертой циновкой, занимаетъ почти всю комнату, оставляя только узкій проходъ противъ двери.

На канѣ—три китайца. Двое уже накурились опіума и лежатъ, закрывши глаза, опустивъ головы на жесткія, туго набитыя подушки; и неуклюже топорщатся ихъ грязныя ватныя куртки. Третій—еще молодой человѣкъ—только приступаетъ къ куренію. У него длинное блѣдное лицо и большіе усталые глаза; и онъ смотритъ на меня немного грустно и немного застѣнчиво.

Неспѣшно, медленными, апатичными движеніями приготовляетъ онъ все, что нужно. Передъ нимъ на канѣ горитъ желтымъ пламенемъ маленькая мѣдная лампа. Тутъ же лежитъ трубочка; на конецъ бамбуковой палочки надѣта фарфоровая чашка, края которой сближаются вверху, оставляя только маленькое отверстіе на самой макушкѣ. На длинную стальную иглу надѣваетъ китаецъ небольшой кусочекъ коричневой смолы; онъ мягчитъ смолу надъ пламенемъ лампы и скатываетъ ее пальцами въ шарикъ. Потомъ онъ кладетъ шарикъ въ отверстіе фарфороваго чубука и прокалываетъ шарикъ нагрѣтой иглой.

Китаецъ ложится на канъ, пододвигая подъ голову жесткую грязную подушку. Онъ подставляетъ чубукъ къ самому огню маленькой лампы. Смола плавится и кипитъ, покрываясь мелкими пузырьками пѣны. Длиннымъ вдыханіемъ китаецъ тянетъ въ себя дымъ черезъ бамбуковую палочку. И отъ фарфороваго чубука подымается голубая струйка — такая тонкая, такая прямая—и тянется вверху; и вдругъ, словно ослабленная, она начинаетъ волною изгибаться изъ стороны въ сторону, и, не дотянувшись до потолка, расплывается въ сѣромъ слѣпомъ воздухѣ.

Китаецъ нагрѣваетъ иглу и снова протыкаетъ каналъ въ заплывшемъ шарикѣ. И снова, подставивъ чубукъ къ самому огню, онъ тянетъ въ себя сладкій, острый и одуряющій дымъ. И когда, послѣ нѣсколькихъ длинныхъ вдыханій, въ маленькомъ углубленіи на верхушкѣ чубука не останется ничего, кромѣ легкаго коричневаго налета, китаецъ кладетъ трубку.

Онъ лежитъ теперь на грязномъ широкомъ канѣ неподвижною неуклюжею фигурой, такъ же, какъ два его товарища; и такъ же некрасиво топорщится его толстая ватная куртка. Но глаза его открыты; и они смотрятъ куда-то неподвижнымъ взглядомъ, безъ выраженія, словно мертвымъ.

Сквозь большія рѣшетчатыя окна скупо льется сѣрый х

лодный свѣтъ. На канѣ три маленькія лампы, похожія на лампадки, горятъ блѣднымъ, словно мертвымъ, пламенемъ. Со стѣны, съ одной изъ закоптѣлыхъ картинъ, смотритъ старый, поблекшій богъ. На половинѣ высоты комнаты дымъ повисъ густою сѣрою тучею. И такъ тихо, такъ тихо кругомъ, словно вся жизнь замерла, словно весь міръ исчезъ куда-то, и осталась только эта тѣсная сѣрая комната, эти три человѣческія фигуры, неуклюже растянувшіяся на грязной циновкѣ широкаго кана.

Для нихъ, вкусившихъ чаръ опіума, —жизни, дѣйствительно, не было, міръ, дѣйствительно, исчезъ куда-то, и передъ ихъ неглядящими глазами стояли фантастическія картины, нарисованныя возбужденнымъ воображеніемъ.

Въ эту комнату, тѣсную и грязную, люди приходили для того, чтобы покупать одно изъ самыхъ цѣнныхъ благъ—освобожденіе отъ жизни. Люди знали, что освобожденіе это покупается дорогою цѣной—цѣной расшатыванія тѣла, цѣной сокращенія жизни. Но жизнь казалась имъ такою безъисходно-скучной, такою безпросвѣтно-сѣрой, что они безъ колебаній отдавали длинные тяжелые годы, покупая себѣ право жить какой-то другой жизнью, странной, яркой, непохожей на настоящую.

Какой другой, лучшей жизнью жили теперь эти три человѣка, купившіе забвеніе окружающаго? и какія красоты видѣли ихъ неглядящіе глаза, мертвые для повседневности?..

И мнѣ рисовалась другая картина. Другіе, болѣе близкіе люди, въ другой, болѣе близкой странѣ, покупали освобожденіе отъ жизни. Слышался шумъ и пьяный говоръ русскаго кабака, видѣлись неглядящіе глаза, то тупо застывшіе, то ярко разгорѣвшіеся отъ видѣнья того, чего нельзя было видѣть трезвымъ глазомъ.

И еще, одна за другой, длинной вереницей рисовались картины опьяненія. Опьянялись виномъ, опьянялись любовью, опьянялись искусствомъ,—опьянялись грубо и безобразно, опьянялись изящно и утонченно.

Подъ низкимъ потолкомъ полутемной фанзы, въ облакѣ сѣраго дыма мнѣ чудилось хорошо знакомое лицо. Тонкія черты были недвижны, вдумчивые острые глаза пристально смотрѣли впередъ, на бритыхъ губахъ бродила насмѣшливая улыбка. Это былъ Боделаръ. И, казалось, онъ повторялъ самую близкую, самую дорогую свою мысль, основу своего творчества: „Люди должны опьяняться. Чѣмъ?—не все ли равно! Искусствомъ, виномъ иль любовью—люди должны опьяняться“.

И тутъ же, застилая бритое лицо, похожее на лицо католи-

ческаго монаха, рисовались немного грубыя черты не то библейскаго патріарха, не то русскаго мужика. Строгій и суровый, осудившій въ себѣ творческій экстазъ, добившійся цѣною неимовѣрныхъ усилій трезваго взгляда на жизнь, великій писатель земли Русской клеймилъ всякій дурманъ, уча, что люди одурманиваются для заглушенія совѣсти, одурманиваются для зла, одурманиваются послѣ зла...

Въ тѣсной, грязной комнатѣ, гдѣ подъ низкимъ потолкомъ густымъ облакомъ повисъ дымъ, гдѣ стоялъ какой-то особенный одуряющій запахъ—сладкій и пряный—длинной вереницей, одна за другой проходили картины.

Вошелъ еще курильщикъ. На канѣ блѣднымъ желтоватымъ свѣтомъ зажглась еще одна маленькая лампа. Еще разъ медленно, вялыми движеніями была продѣлана процедура закуриванья.

И опять голубая струйка потянулась кверху—такая тонкая, такая прямая, такая смѣлая въ своемъ стремленіи, и вдругъ вздрогнула, качнулась—и уже съ меньшей увѣренностью попыталась снова идти кверху, и, обезсиленная, снова закачалась изъ стороны въ сторону все безпорядочнѣе, все растерянѣе. И, словно отчаявшись, отрекшись отъ высоты, она круто изогнулась, поползла въ сторону, безъ вѣры, безъ силы, униженная, покорно пресмыкающаяся, и расплылась, разсѣялась въ сѣромъ, слѣпомъ воздухѣ. И еще, и еще потянулись блѣдныя голубыя струйки; и всѣ были сначала такими сильными и прямыми, такими неудержимыми въ стремленіи; и всѣ кончали слабыми, жалкими, въ униженіи и отреченіи.

И казалось, что здѣсь была вся жизнь—смѣлость молодыхъ порывовъ, надрывающая грусть незавершенности. Развѣ эти струйки не были похожи на этихъ людей—прежде сильныхъ, здоровыхъ, теперь жалкихъ, слабыхъ, больныхъ? И развѣ это были люди—эти живыя привидѣнія безъ воли, безъ страсти, съ блѣдными, изможденными, желтовато зелеными лицами, съ тупымъ и грустнымъ выраженіемъ выцвѣтшихъ глазъ, съ вялыми и сонными движеніями?..

Въ тѣсной, неуютной комнатѣ сжигались не только маленькіе шарики золотисто-коричневой смолы; здѣсь сжигалась жизнь.

Изъ бамбуковыхъ трубокъ упорно тянулись кверху тонкія голубыя струйки...

И, можетъ быть, это не жизнь горѣла, а курился онміамъ, совершалась жертва всесожженія въ честь того страшнаго и соблазнительнаго бога, котораго эллины называли Діонисомъ, славу экстатическаго, оргійнаго начала жизни. Можетъ быт,

здѣсь раздвигались какія-то земныя рамки, порывались какія-то извѣчныя путы, и человѣкъ, освобожденный отъ жизни, ставшій выше жизни, заглядывалъ въ страшныя и манящія бездны потустороннаго?..

Темнѣло. На канѣ маленькія лампы, похожія на лампадки, горѣли мерцающимъ желтымъ свѣтомъ. Неподвижно лежали курильщики. Ихъ фигуры, слабо освѣщенныя, уходили во тьму, и, сливаясь съ тьмой, онѣ казались огромными, безпредѣльными и странными, фантастическими.

Китайцы лежали какъ мертвые. И, можетъ быть, они были, дѣйствительно, мертвыми людьми, сжегшими жизнь; можетъ быть, они были болѣе живыми, чѣмъ живые, живыми другой, настоящей, высшей жизнью...

Приходили новые курильщики,—съ такими же блѣдными, какъ будто виноватыми лицами, съ такими же неподвижными взглядами выцвѣтшихъ глазъ, съ такими же медленными, сонными движеніями.

Къ низкому потолку темной, душной комнаты опять подымались тонкія, прямыя струйки, и уклонялись въ сторону, и загибались дугой. Казалось, кто-то ставилъ огромные вопросительные знаки надъ неразрѣшимыми вопросами жизни.

Александръ Ротштейнъ.

МЕЖДУ СВѢТОМЪ И ТЬМОЙ

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Сергѣй Ивановичъ, проживъ до осени въ деревнѣ, вернулся въ Петербургъ и теперь возвращался съ кладбища домой. Вечеромъ, какъ сообщала ему въ запискѣ Сима, она должна быть у него. Вотъ только сейчасъ, выйдя за ворота кладбища, гдѣ онъ только-что склонялся у памятника своей угасшей любви, и сдѣлавъ порядочное пространство пѣшкомъ, онъ вспомнилъ объ этомъ, въ вихрѣ крутящихся вокругъ него снѣжинокъ, которыя преслѣдовали его и слѣпили ему глаза.

И когда онъ вспомнилъ о Симѣ, его сердце вдругъ радостно забилось, а кладбище, съ его часовней и лампадой, съ его тихой грустью, съ его призраками и фантомами, осталось гдѣ-то далеко и потомъ совершенно исчезло изъ его сознанія.

Сима не могла встрѣтить его, и это его огорчало. Потомъ онъ обрадовался этому. Онъ могъ зато спокойно отправиться къ Катюшѣ, весь отдавшись тому молитвенному мистическому настроенію, которое охватывало его всегда въ этой высокой, свѣтлой часовнѣ. Но теперь онъ съ трепетомъ ждалъ свиданія. Вѣдь, какъ долго онъ не видался съ Симой! Цѣлое лѣто и всю осень. Она ѣздила заграницу. Онъ тоже прежде уѣзжалъ заграницу и часть времени проводилъ съ нею. Но въ послѣднее лѣто обстоятель-

*) См. выше: январь, стр. 14.

ства измѣнились. Онъ долженъ былъ откликнуться на зовъ старухи матери, передъ которой до сихъ поръ трепеталъ, какъ малый ребенокъ, сохранивъ къ ней чувство какого-то холоднаго уваженія и почтительности,—чувство, всегда живущее почему-то въ дѣтяхъ, не пользовавшихся материнской любовью и баловствомъ. Мать устала, очевидно, кулачествовать въ деревнѣ, да и политическія обстоятельства такъ круто измѣнились, что кулачеству приходилъ конецъ. Мужики—эти безсловесные, покорные, „освобожденные рабы", изъ подъ власти помѣщиковъ перешедшіе подъ власть становыхъ, земскихъ и кулаковъ, вдругъ осмѣлѣли, озвѣрѣли, стали дерзки и страшны. И старуха испугалась. Всю свою жизнь она не признавала сына, игнорировала, не желала знать его интимной жизни; но теперь онъ ей былъ нуженъ, и она потребовала его къ себѣ. И онъ бросилъ мечты объ отдыхѣ, о поѣздкѣ заграницу и отправился по ея зову въ деревню, гдѣ хотѣлъ прожить недѣли двѣ-три, а прожилъ до конца глубокой, глухой осени. Такъ вотъ съ нимъ бывало всегда: только лѣнивый не пользовался его трудомъ, его временемъ, его услугами.

Но на этотъ разъ, однако, онъ призвалъ всю силу своей воли и уѣхалъ отъ матери, не согласившись на ея дѣловую комбинацію, по которой онъ долженъ былъ бросить службу, оставить Петербургъ и поселиться въ имѣньи, получивъ полную довѣренность на веденіе ея дѣлъ.

Онъ уѣхалъ изъ деревни, выдержавъ бурную, безобразную сцену. По обычаю старыхъ временъ, старуха бранила его какъ мальчика, угрожала ему лишеніемъ наслѣдства, потомъ плакала и выдвигала впередъ свою старость, свою слабость, свои болѣзни. Потомъ проклинала его. Все это, къ ея удивленію, его совершенно не тронуло. Онъ колебался, нервничалъ, не желалъ ссоры, просилъ извиненія, но все-таки уѣхалъ. Ужъ очень его тянуло туда, на старое пепелище. Его тянуло вновь посѣтить могилу Катюши, поплакать и пострадать у ея гроба, и его тянуло къ Симѣ, которую онъ такъ любилъ и такъ давно не видѣлъ.

И теперь, шагая по густому снѣгу, онъ старался разобраться въ этомъ двойственномъ чувствѣ къ двумъ женщинамъ — одной ушедшей изъ его жизни и другой вошедшей въ нее — и разобраться не могъ. Онъ только-что тяжко терзался на могилѣ Катюши, а вотъ теперь бодро шагаетъ впередъ, въ предвкушеніи радостнаго свиданія съ Симой.

II.

Все болѣе и болѣе волновался Сергѣй Ивановичъ; подходя къ дому, онъ заторопился, словно сдѣлался легче, и ему было легко идти. Скорѣе бы быть дома! Но извозчика брать не хотѣлось. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые стараются продлить періодъ предвкушенія; изъ тѣхъ людей, у которыхъ бываетъ мало счастливыхъ минутъ жизни, и потому именно они и стараются создать къ этой счастливой минутѣ возможно длинный прологъ и послѣ этой минуты таковой же эпилогъ, составленный изъ цѣпи сладкихъ воспоминаній, переживаній, картинъ и образовъ.

И душа его походила теперь на комнату передъ праздниками—все было въ какомъ-то хаотическомъ безпорядкѣ, все чистилось, прибиралось, украшалось въ ожиданіи прихода желаннаго, давно ожидаемаго гостя—счастья.

Дома онъ узналъ, что никто еще не приходилъ. Тогда онъ принялся нервно шагать по комнатамъ, зорко присматриваться къ вещамъ, переставлять на столахъ то одну, то другую вещицу, чтобы во всемъ былъ праздничный порядокъ, удобство для глаза, равновѣсіе.

Сима опаздывала. Она всегда опаздывала. Микробъ опаздыванія жилъ въ ея организмѣ. Сергѣй Ивановичъ къ этому долженъ былъ бы привыкнуть, но до сихъ поръ онъ не привыкъ къ этому. Онъ вездѣ зажегъ электричество и, утомившись ходить, сѣлъ въ глубокое кресло въ кабинетѣ и сталъ читать газету, попавшуюся ему подъ руку. На первомъ листѣ газеты ему бросилась въ глаза ея дата—октябрь,—и онъ вдругъ самъ себѣ удивился. Какъ удивительно долго онъ прожилъ въ деревнѣ!

Онъ бросилъ газету и подошелъ къ окну. Снѣгъ огромными мокрыми хлопьями валился съ неба, точно небо было крышей огромнаго петербургскаго дома, съ которой невѣдомые дворники сгребали лопатами снѣгъ.

Сергѣй Ивановичъ прижался лбомъ къ окну. Холодъ стекла нѣсколько освѣжилъ его. На улицахъ Петербурга было сумрачно, глухо, пустынно и темно, какъ на улицахъ какого-то захолустнаго города. Кое-гдѣ мелькали огни электрическихъ фонарей, но другія улицы были погружены въ тьму. Что-то тревожное, тяжелое, удушливое царило въ этихъ городскихъ артеріяхъ. Глухо стучали молотки, заколачивая наскоро смастеренные

ставнями окна магазиновъ. Городъ готовился къ чему-то необычайному, къ чему-то небывалому, въ чемъ было что-то общее съ смутнымъ ожиданіемъ грандіозной катастрофы, свѣтопреставленія. Разъѣзжали войска небольшими отрядами, медленными, размѣренными шагами ходили пѣшіе патрули. Кое-гдѣ горѣли костры на перекресткахъ и быстро гасли, шипя и распуская запахъ гари и дыма отъ мокраго снѣга, не дававшаго имъ разгораться.

Прохожихъ почти не было. Рѣдкіе пѣшеходы шли ускоренными шагами, точно спасались отъ настигавшей ихъ опасности, шли не оглядываясь, стараясь не обращать на себя вниманія, и, дойдя до своихъ обиталищъ, скрывались въ темныхъ подворотняхъ и подъѣздахъ.

Эта картина города, объятая томленіемъ передъ неизвѣстными еще ужасами грядущей революціи, запечатлѣлась въ воображеніи Сергѣя Ивановича за весь этотъ день, который онъ провелъ въ Петербургѣ.

Какъ хорошо, что онъ въ Петербургѣ! Вѣдь опоздай онъ на-день, на-два выѣздомъ изъ деревни, ему бы не попасть сюда, потому что вдругъ забастовали всѣ желѣзныя дороги. Уже нѣсколько дней какъ не выходили газеты. Та, которую онъ только-что читалъ, была старая. Постепенно, по раіонамъ, гасло электричество, прекращалось дѣйствіе водопровода, прекратился подвозъ жизненныхъ продуктовъ.

Что-то грозное, какъ историческая Немезида, поселилось въ этомъ безмолвномъ городѣ, еще такъ недавно такомъ благонравномъ и благочинномъ.

III.

А Сима все еще не ѣхала.

Ему было жутко и больно, что она должна была въ такой опасный день ѣхать къ нему по этимъ страшнымъ улицамъ. Но другого выхода не было. Онъ не могъ поѣхать къ ней, потому что тамъ, у нея, онъ чувствовалъ себя всегда стѣсненнымъ, въ особенности въ присутствіи мужа. Когда-то онъ былъ съ нимъ хорошъ, но теперь ему было трудно смотрѣть въ глаза этому человѣку, который велъ себя по отношенію къ Сергѣю Ивановичу до сихъ поръ въ высшей степени корректно, какъ будто между ними ничего не произошло, хотя ему должно же было быть извѣстно о романѣ Сергѣя Ивановича съ его женой. Да

и что бы они могли сказать другъ другу въ присутствіи этого человѣка?

Сергѣй Ивановичъ, не отрываясь, смотрѣлъ на улицу и прислушивался къ мягкому топоту лошадей, изрѣдка раздававшемуся подъ окномъ. Вотъ, вотъ—это должно быть Сима. Но топотъ исчезалъ вдали, промчавшись мимо окна. Иногда хлопала дверь подъѣзда, и тогда Сергѣй Ивановичъ тревожно выжидалъ шаговъ по лѣстницѣ, но и это было обманчиво.

Ему вспомнилась пьеса „Patrie", которую онъ видѣлъ въ чудной обстановкѣ въ Парижѣ. Тамъ революціонный Брюссель, бывшій во власти герцога Альбы, съ протянутыми по темнымъ улицамъ цѣпями, съ патрулями и часовыми, съ заколоченными домами, походилъ ужасно на теперешній Петербургъ.

Сергѣю Ивановичу надоѣло смотрѣть на улицу, и онъ отошелъ отъ окна къ своему излюбленному креслу и взялся за газету. Въ его квартирѣ еще горѣло электричество, но какъ-то тускло, красно, вздрагивая словно въ предсмертныхъ судорогахъ.

„Ахъ, только бы оно не погасло!—мелькало въ его головѣ.—Этого еще не хватало бы!"—Но онъ вспомнилъ, что горничная Маша—въ предвидѣньи „непредвидимаго", по ея выраженію,—запаслась керосиномъ, заправила старыя лампы и накупила много свѣчей. Онъ вспомнилъ даже, что она жаловалась на страшную дороговизну свѣчей и все старалась обратить его вниманіе на то, что вотъ какая она предупредительная, потому что нынѣче уже всѣ свѣчи распроданы и даже за „рубль не купишь одной свѣчки". Она же, вмѣстѣ съ лакеемъ и кухаркой, наполнила водой все, что имѣло емкость въ домѣ: графины, миски, кубы, кастрюли, ванну,—все это на случай „непредвидимости".

И вдругъ, въ глаза Сергѣю Ивановичу метнулся мелкій газетный шрифтъ — это былъ небольшой клочокъ провинціальной хроники. Сначала онъ ничего не понялъ. Чѣмъ-то близкимъ и знакомымъ повѣяло отъ этого шрифта. Ну, да... „Поросли"—вѣдь это же имѣнье матери, гдѣ онъ провелъ лѣто. „Крестьяне подожгли усадьбу... вырубили старый паркъ... пожаръ не обошелся безъ несчастій съ людьми... Владѣлица имѣнья получила тяжкіе ожоги, что, имѣя въ виду болѣе чѣмъ преклонный возрастъ, представляетъ серьезную опасность жизни... Домъ разграбленъ, драгоцѣнныя вещи изъ стариннаго фарфора, мебели и прочее, отчасти растащены, отчасти погибли при тушеніи пожара... Власти блистали своимъ отсутствіемъ. Войска были на усмиреніи аграрнаго движенія въ сосѣднемъ уѣздѣ"...

Строки мелькали передъ глазами Сергѣя Ивановича безъ значенія, безъ смысла, безъ связи... Потомъ постепенно начинала появляться связь, и весь тяжелый ужасъ выступилъ во всеоружіи реальности изъ-за этихъ ровныхъ, одинаковыхъ, равнодушныхъ строкъ. Въ былыя времена такая исторія заняла бы столбца два крупнаго шрифта въ газетѣ, съ отдѣльнымъ заглавіемъ, эффектными подзаголовками, надлежащими комментаріями. А теперь это—„хроника“, мелкій шрифтъ, обычное явленіе въ ряду цѣлаго сонма такихъ-же явленій.

Но Сергѣю Ивановичу некогда было раздумывать объ этомъ. По старой безсознательной привычкѣ анализировать малѣйшее движеніе души, непроизвольная мысль мелькнула въ его сознаніи: онъ остался удивительно, неестественно холоденъ къ этому извѣстію. Оно его поразило, это вѣрно; но ни ощущенія жгучей боли, ни ощущенія горя и тоски онъ не чувствовалъ. Одеревенѣлъ онъ, что-ли, за послѣднее время? Ну, пусть онъ не любилъ мать, подъ гипнозомъ тяжелаго угнетенія которой онъ такъ долго прожилъ, но, вѣдь, обыкновенное человѣческое чувство должно же было заговорить? Но оно молчало. Дѣйствовало только сознаніе обычнаго ритуала, полагавшагося въ подобныхъ случаяхъ. Нужно было что-то сдѣлать, какъ-нибудь проявить себя. Онъ подошелъ къ письменному столу и написалъ телеграмму Петру Петровичу. Горничная скоро вернулась: депешу не принимаютъ. Общая забастовка началась — поѣзда уже не ходили, станціи кишѣли войсками, телеграфы перестали дѣйствовать.

А Симы все еще не было.

У Сергѣя Ивановича кружилась голова и отъ только-что прочитаннаго извѣстія, и отъ всего этого замиранія общественной жизни, и отъ того, что Симы до сихъ поръ не было. Въ комнатѣ было свѣтло, за окнами царила тьма, но, вѣдь, и въ квартирѣ можетъ мгновенно погаснуть свѣтъ. И отъ сознанія этого ему дѣлалось жутко. Меньше всего его тревожила мысль о судьбѣ матери.

Торопливые шаги по корридору прервали его мысли. Это Иванъ шелъ отворять двери.

Наконецъ-то!

Сима вошла радостная, оживленная, мокрая отъ липкаго снѣга, несмотря на то, что была подъ вуалью. Но она пріѣхала въ открытомъ экипажѣ, и ее всю запорошило.

Иванъ ушелъ, а Сергѣй Ивановичъ быстро принесъ полотенце и слѣдилъ за тѣмъ, какъ Сима вытирала лицо. Она походила на умывающуюся кошечку. Движенія ея были граціозны.

Она была все та же Сима, какою онъ ее зналъ до его отъѣзда въ деревню. Нѣтъ, что-то новое было въ ней, что-то новое въ глазахъ, въ которыхъ свѣтилась какая-то серьезность, до сихъ поръ несвойственная ей, и около губъ появилось новое выраженіе, которое появляется у людей, задумывающихся надъ вопросами жизни. Только у очень, очень молодыхъ людей, въ особенности у молоденькихъ женщинъ, не бываетъ этой складки.

— Ну, здравствуй! — сказала она, входя въ гостиную и осматривая ее, точно ища въ ней что-нибудь новое.

Она протянула ему обѣ свои руки, и онъ поцѣловалъ ихъ, но не долго задержалъ въ своихъ рукахъ и выпустилъ.

Она мелькомъ скользнула по немъ взглядомъ. Какая-то тѣнь пробѣжала у нея по лбу. Она сѣла на диванъ, потомъ перешла на кресло. Онъ пододвинулъ ей скамеечку подъ ноги. Она взяла коробочку спичекъ и вертѣла ихъ въ рукахъ. Потомъ положила коробку на столъ и принялась вертѣть цѣпь, которая была на ней надѣта.

Оба чувствовали неловкость. Надо было что-то говорить, спрашивать, чѣмъ-то интересоваться. Непремѣнно надо было говорить. Но слова не шли на языкъ, а гдѣ-то застревали въ сознаніи, да и сознаніе плохо работало. И отъ того, что сознаніе плохо работало и что слова не шли съ языка, обоимъ дѣлалось неловко.

Они такъ давно не видались и имъ такъ о многомъ хотѣлось переговорить, что обиліе матеріала мѣшало имъ сдѣлать выборъ, и оттого они молчали.

Молчаніе было неестественнымъ, чудовищнымъ въ эту минуту.

Онъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, проговорилъ:

— Я тревожился, что ты такъ долго не ѣхала.

Ей вдругъ показалось страннымъ, что онъ ей говоритъ „ты". Она попробовала сказать ему мысленно „ты", но въ сознаніи ея это прозвучало дико. Отвыкла она отъ него что-ли?

И она отвѣтила, избѣгая мѣстоименія:

— Я ѣхала кружнымъ путемъ. На улицахъ войска—и боялась задержки. Да и дома меня задержали.

— Кто? Всеволодъ Григорьевичъ?

Она молча кивнула головой.

— Онъ не хотѣлъ пускать меня.

— Въ виду чего?

— Въ виду этого времени.

— Скажите, какая заботливость!—иронически улыбнувшись, отвѣтилъ онъ.

Она чуть-чуть повела бровью.

— Онъ очень сдѣлался заботливъ въ послѣднее время,—суховато сказала она.

Ему была непріятна эта защита мужа, да и вообще, какъ глупо это вышло, что они заговорили прежде всего о мужѣ. Все какъ-то не складывалось въ этотъ вечеръ.

Она встала и прошлась по комнатѣ, останавливаясь у картинъ и портретовъ, которые были ей давно знакомы.

— Ничего новаго не прибавилось?—спросила она.

— Гдѣ?

Она хотѣла отвѣтить: „у тебя“, но это какъ-то не вышло. А вышло просто:

— Здѣсь, въ гостиной?

— Какъ видишь, ничего.

Опять помолчали.

Заговорила она:

— Ну, какъ прошло лѣто?

— У меня? Да какъ же оно могло пройти? Скучно, нудно, вяло... Тоскливо прошло. Все рвался сюда, къ тебѣ...

— Да-а?—протяжно сказала Сима.—А что тамъ тоже политика?

— Конечно. Аграрные безпорядки, толки о думѣ, пожары, рубки лѣсовъ и прочее.

Ему хотѣлось сообщить о несчастьи, приключившемся съ матерью, но что-то помѣшало ему. Она, пожалуй, уйдетъ, изъ уваженія къ его горю. Но горя-то никакого не ощущалось, и онъ не хотѣлъ, чтобы она ушла.

— Еслибы я еще просидѣлъ тамъ нѣсколько дней,—сказалъ онъ,—я бы не попалъ сюда: какъ разъ наступила бы забастовка желѣзныхъ дорогъ.

Иванъ, въ сопровожденіи Маши, внесъ на столикѣ чай. На столикѣ кипѣлъ подъ огнемъ спиртовой лампочки серебряный чайникъ.

— А у васъ все еще Иванъ-да-Марья служатъ?—вдругъ вырвалось у нея.

Онъ улыбнулся.

— Да,—сказалъ онъ,—и, отвѣчая, соображалъ, что его непріятно поразило въ ея вопросѣ.

— У „васъ“?—переспросилъ онъ, наконецъ догадавшись.

— Ну... у тебя,—нехотя сказала она.

Онъ занялся чаемъ. Молчали.

Взявъ отъ него чашку, Сима поставила ее на столикъ и, по-

дойдя къ нему, быстрымъ движеніемъ положила ему на плечо руку.

— Что съ тобой?—спросила она искреннимъ, прежнимъ тономъ, и почувствовала, какъ ледъ, сковавшій ихъ рѣчи и отношенія, вдругъ раздался.

Онъ провелъ рукой по лбу, снялъ ея руку съ плеча и поцѣловалъ ее. Онъ хотѣлъ привлечь ее на колѣни, но она чуть уловимымъ движеніемъ стана уклонилась отъ этого.

Онъ выпустилъ ея руку.

— Со мной — ничего, — отвѣтилъ онъ. — А я хотѣлъ тебя спросить о томъ же.

Она сѣла въ кресло противъ него, взяла со столика чашку и, отпивъ глотокъ, вновь поставила ее.

— „Ахъ, если любитъ кто кого, зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко"?—продекламировала она. — Ты находишь во мнѣ перемѣну?—сказала она, и это *ты* ужъ не рѣзало ей уха.

Онъ оглядѣлъ всю ея тонкую фигурку, гибкую и изящную, въ которой былъ стиль молодого сложенія англійскихъ женщинъ. Ея красивое платье свѣтло-соломеннаго цвѣта, съ квадратнымъ вырѣзомъ на тонкой шейкѣ и съ свѣтло-оранжевой бархатной отдѣлкой, кое-гдѣ давало очень красивое пятно на зеленомъ фонѣ кресла.

— Огромную,—сказалъ онъ, оторвавшись отъ созерцанія.

— Да-а? Какую же?

— Я не знаю,—протяжно проговорилъ онъ.—Это трудно сразу опредѣлить. Чего-то не хватаетъ въ нашихъ отношеніяхъ или, напротивъ, что-то въ нихъ лишнее.

— А я знаю,—сказала она.

— И что же это?

— Ты одичалъ въ деревнѣ. Отвыкъ отъ женскаго общества.

Сима опять принялась за чай.

Онъ нехотя улыбнулся, но, встрѣтивъ ея ласковый взглядъ, весь расцвѣлъ.

— Можетъ быть и это,—согласился онъ.—Но ты? Ты жила заграницей, и ужъ, конечно, одичать не могла. А и въ тебѣ есть что-то, чего я не узнаю,—какъ будто подмѣнили мою Симу. Оригиналъ убрали, а дали копію, въ которой и рисунокъ не тотъ, и колоритъ поблѣднѣе...

— Развѣ я подурнѣла?—съ испугомъ спросила она.

— Ахъ, нѣтъ, не то! Я не про видимое говорю. Ты — красавица... Я знаю, ты будешь спорить: это дѣлаетъ честь твоей скромности, если она искренна. Ахъ, нѣтъ! Дай договорить

Ты—красавица,—упрямо говорилъ онъ,—для меня ты больше, чѣмъ красавица. Въ тебѣ есть то, чего нѣтъ въ остальныхъ: твоя душа красивая.

Она засмѣялась.

— Душа красивая?—переспросила она.—Въ чемъ ты видишь эту красоту? Въ томъ, что я измѣняю мужу и живу во лжи?

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее. Раньше ей не приходили въ голову такія мысли, или она ихъ тщательно скрывала, но она во всякомъ случаѣ не высказывала ихъ.

Ему сдѣлалось вдругъ жутко отъ этихъ ея словъ и отъ какого-то новаго выраженія, появившагося на ея лицѣ, и еще отъ того, что ихъ отношенія въ это первое свиданіе послѣ долгой разлуки никакъ не могли наладиться. Какъ будто что-то постороннее попало въ колесо, и оно періодически останавливается.

Онъ отвѣтилъ ей, и въ голосѣ его прозвучала грусть:

— Ты раньше не говорила такъ.

Сима усмѣхнулась.

— Что изъ этого слѣдуетъ?—спросила она.

— Очень многое, можетъ быть; а для меня одно: ты любила меня.

— А теперь?

— Нѣтъ.

Ей показалось, что, можетъ быть, онъ правъ. Но это не приходило ей въ голову до настоящаго момента. Неужели это такъ? И она принялась молча анализировать свои чувства.

Развѣ ей не пріятно сидѣть здѣсь съ нимъ, въ этой уютно-милой комнатѣ? Развѣ ей не пріятно смотрѣть на него, любоваться его утомленнымъ лицомъ и грустнымъ взоромъ, слушать его усталый голосъ? И на всѣ эти вопросы она отвѣтила утвердительно. Но тогда—въ чемъ же дѣло? Трещина въ отношеніяхъ есть, это несомнѣнно, какъ бываетъ такая трещина въ дорогой хрустальной вазѣ, незамѣтная для глазъ, но обнаруживающаяся при легкомъ ударѣ, неправильнымъ звономъ. Сима ѣхала сюда и очень волновалась отъ предстоящаго свиданія съ нимъ, попрежнему вдвоемъ, но теперь сидитъ уже спокойная, уравновѣшенная, такою, какою она бываетъ съ мужемъ. И это вдругъ поразило ее. „Привычка свыше намъ дана—замѣна счастію она“,—прозвучало у нея въ душѣ. Такъ неужели уже привычка? Но привычка у нея уже есть, это—привычка къ мужу. Зачѣмъ же еще одна? И не исключаетъ ли одна другую?

Она вдругъ прервала свои разсужденія.

— Такъ зачѣмъ же я здѣсь, по-твоему?—спросила она.

— Я не знаю. Можетъ быть—по привычкѣ.

Этотъ отвѣтъ поразилъ ее совпаденіемъ съ ея мыслями. Она даже вздрогнула.

Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ грустный, подавленный. Онъ началъ пить чай, но скоро оставилъ его. Онъ прошелся по мягкому ковру комнаты и потомъ сѣлъ. Онъ не зналъ, что съ собой дѣлать. Говорить не хотѣлось. Думать—тоже. Подойти къ ней и ласково обнять и поцѣловать ее? Это казалось невозможнымъ. Что-то мѣшало этому. Но что же, что? Отвѣта не находилось. Положеніе становилось глупымъ, невыносимымъ. Гдѣ-то далеко, въ самой глубинѣ души или сознанія, всплывали образы: Катюши, лежащей въ нѣдрахъ города мертвыхъ, гдѣ надъ ея могилой вихрь снѣжинокъ крутится въ холодной бѣлой пляскѣ; сына, который забралъ у него деньги и исчезъ невѣдомо куда и невѣдомо зачѣмъ; матери, которая, можетъ быть, уже лежитъ бездыханная въ своей далекой усадьбѣ, среди залы съ портретами предковъ, а можетъ быть—въ какой-нибудь ригѣ, накрытая рогожей, потому что домъ, вѣроятно, сожженъ и разграбленъ.

Вотъ ушедшіе изъ его жизни образы. Когда-то милые и дорогіе, игравшіе въ его существованіи громадную роль. Они исчезли. Онъ остался одинъ, на распутьи, какимъ-то выморочнымъ существомъ съ больными и горькими воспоминаніями о прошломъ, съ неопредѣленными надеждами на будущее. Что же, жаль ему этихъ исчезнувшихъ образовъ? Да, въ эту минуту—въ особенности. Какъ Лермонтовскій демонъ, онъ готовъ крикнуть трагическія въ жизни каждаго человѣка слова: „Опять одинъ!“

И то счастье, которое онъ такъ тщательно строилъ, такъ заботливо выводилъ, вдругъ заколебалось, пошатнулось, затемнилось въ одно мгновенье. Почему? Почему?

IV.

Онъ не находилъ отвѣта.

Удары судьбы сыпались на него одинъ за другимъ. Онъ ихъ принималъ пассивно, почти равнодушно, не чувствуя въ себѣ ни озлобленія, ни элемента борьбы и протеста. Но послѣдній ударъ вдругъ поднялъ въ душѣ его крикъ озлобленія. Вѣдь это было послѣднее, чѣмъ поманила его судьба, что посулила ему въ его жизни и что теперь собирается безжалостно отнимать.

— Ну, что жъ! —разведя руками, сказалъ онъ.—Если такъ

то такъ. Я ничего не могу сдѣлать. Если у тебя появились угрызенія совѣсти...

Ея тонъ тоже повысился.

— Ты ищешь ссоры?—спросила она.

Онъ пожалъ плечами.

— Зачѣмъ? Развѣ я не вижу безъ ссоры, что наши отношенія на исходѣ? Это такъ ясно! Я даже скажу—отчего. Мы взяли сразу слишкомъ высокую ноту и не выдержали. Развѣ я не правъ? Намъ казалось, что нашему роману не будетъ конца, что наше чувство будетъ расти безпредѣльно. Какой вздоръ! Оказывается, фантазія безграничнѣе чувства. У чувства—свой предѣлъ. Мы сразу поднялись на высоту, теперь приходится спускаться...

Онъ потеръ лобъ нервнымъ движеніемъ руки. Сима воспользовалась этой паузой. Она видѣла, что Сергѣй Ивановичъ сильно волнуется, даже захлебывается отъ нервныхъ сжатій горла.

— Говори за себя,—сказала она.

Лучъ надежды блеснулъ въ глазахъ Сергѣя Ивановича.

— За себя? Почему за одного себя? Именно за себя-то я и не долженъ говорить. Я люблю тебя попрежнему, какъ въ первый день нашей любви. Но ты? Развѣ ты—та? Развѣ такъ приходятъ къ человѣку, котораго любишь и съ которымъ полгода не видѣлась? Нѣтъ, нѣтъ... съ тобой что-то приключилось. Покорилъ ли тебя мужъ, или у тебя новое увлеченіе—не знаю. Постой! Но что ты не та—это я знаю.

Она передернула плечами.

— Какъ это скучно!—сказала она.—Вѣчные упреки, ссоры, сцены, даже въ первый день свиданья.

Съ тоской во взорѣ она оглядѣла комнату, и онъ подмѣтилъ этотъ взглядъ и пришелъ отъ него въ отчаяніе. Эта женщина начала скучать съ нимъ. Этотъ одинъ признакъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Онъ понялъ, что его пѣсенка спѣта, и съ безуміемъ отчаянія, какъ всѣ слабовольные люди, рѣшилъ, что не стоитъ бороться, что надо все сразу однимъ ударомъ порвать...

Съ нимъ произошла перемѣна, противостоять которой онъ не имѣлъ силъ. Голова его закружилась, и онъ точно покатился съ горы.

— Да, это скучно!—возвысивъ голосъ, сказалъ онъ.—Скучно! А мнѣ, ты думаешь, весело? Весело два года урывками искать свиданія съ тобой? Прятаться по норамъ, какъ кроту? Весело ждать тебя часами и потомъ, когда хочется говорить, хочется любить,—прерывать свиданія, потому что тебѣ надо ѣхать. Ве-

село вѣчно выпрашивать, вымаливать эти свиданія? Весело скрывать отъ всѣхъ свою любовь изъ-за того, что честь и достоинство г. Прудникова должны быть охранены, о чемъ ты такъ свято заботишься. Вотъ его ты любишь! Да, да! Потому что ты считаешься съ его спокойствіемъ, съ его репутаціей, со всѣмъ! Нѣтъ, ужъ позволь мнѣ договорить до конца. И это называется, что ты меня любишь? Но если ты меня любишь, какъ я это понимаю, и какъ это понимаютъ всѣ, кто дѣйствительно любитъ, такъ отчего ты не бросишь мужа и не скажешь открыто всему свѣту, что меня любишь?

— Этого никогда не будетъ, — сказала она рѣзко, — и это я тебѣ уже говорила. Напрасно ты возвращаешься къ этому вопросу.

— Вотъ видишь, вотъ видишь!—чуть не радостно заговорилъ Сергѣй Ивановичъ.—Тебѣ сдѣлалось скучно, и ты выбрала меня, чтобы поиграть со мной въ незаконную любовь. Я—твой капризъ. Всякій капризъ кратковременъ. Капризъ кончился, и я тебѣ болѣе не нуженъ. А я, какъ дуракъ, подчинялся этому капризу и сдѣлался игрушкой въ твоихъ рукахъ. Конечно, я самъ виноватъ. Я не виню тебя. Мнѣ надо было это видѣть и понять съ самаго начала.

— Ты эгоистъ,—сказала она спокойнымъ тономъ.

Онъ всплеснулъ руками.

— Вотъ оно! Великое слово! Ну, конечно, я люблю тебя, потому что это доставляетъ мнѣ наслажденіе, ну и прочее. Еслибы я любилъ не эгоистически, то радовался бы тому, что тебя любитъ, кромѣ меня, еще мужъ и, можетъ быть, еще кто-нибудь?...

— Сергѣй!...

Теперь онъ испугался. Какъ у всѣхъ слабовольныхъ людей, у него была боязнь результата того, къ чему онъ въ данную минуту стремился. Повидимому, онъ стремился въ этотъ вечеръ къ разрыву. Подъ вліяніемъ ли отвычки отъ Симы, или печальныхъ размышленій на могилѣ Катюши, или трагическаго извѣстія о судьбѣ матери — онъ самъ не зналъ доподлинно, отчего,—но весь этотъ романъ съ Симой и его увлеченіе, его и ея отношенія къ нему показались ему вдругъ ничтожными, мелкими, въ особенности на этомъ мрачномъ фонѣ замершаго въ политической забастовкѣ города. Обрывки мыслей мелькали въ его головѣ, мыслей, которыя и раньше приходили ему въ сознаніе, но которыя онъ усердно гналъ отъ себя: всѣ живутъ грандіозными событіями; всѣ тревожно прислушиваются къ чему-т

грозному и тяжелому, желѣзной поступью шествующему изъ тьмы временъ. Надвигается что-то огромное, великое, неизбѣжное, и прорвавшійся, наконецъ, изъ искусственно сооруженныхъ плотинъ грозный вешній потокъ уже мчится безудержно, неся съ собою обломки этихъ заграждений; онъ крутитъ и ломаетъ все, что попадается ему на пути, все то, что непрочно стоитъ, все то, что подгнило. Бывшіе строители стараются еще укрѣпить возведенныя ими преграды, но гибнутъ, обезсиленные въ борьбѣ съ могучей стихійной силой; новые разрушители стараются облегчить потоку его работу по сносу пришедшихъ въ негодность зданій. Но работа кипитъ съ обѣихъ сторонъ, работа тяжелая, трагическая, въ которой съ обѣихъ сторонъ гибнутъ люди, гибнутъ убѣжденія, гибнетъ весь старый укладъ. Тяжелыя тучи нависли надъ Россіей; грозная ночь спустилась на родину. Ночь, за которой скоро настанетъ утро, можетъ быть свѣтлое, розовое, блестящее утро, съ сіяющими новой зарей небесами; а можетъ быть утро будетъ хмурое, больное, рожденное этой бурной ночью. Долго, долго длится эта ночь, чреватая великими событіями. А онъ живетъ среди этой ночи, живетъ передъ восходомъ солнца и старается заградить себя отъ жизни толстыми стѣнами, укрыться за ними, чтобы не видѣть этихъ событій страшной ночи, чтобы не думать о грядущемъ восходѣ солнца. Для него все осталось попрежнему. Мать его погибла въ дыму пожара; сынъ его ушелъ отъ него въ невѣдомую даль съ невѣдомыми цѣлями. По каждому изъ нихъ прошелся ударъ жизни. Но потокъ не захватилъ его въ его уютномъ оазисѣ, въ которомъ онъ тщательно укрывался съ любимой женщиной. Но вотъ и любимая женщина, повидимому, уходитъ отъ него. Онъ остается одинъ. И жгучая тоска охватила его душу.

— Ты уходишь?—спросилъ онъ у Симы.

Она молча взглянула на него.

— А что же мнѣ дѣлать?—сказала она наконецъ и направилась къ передней.

— Сима!—вдругъ горестно воскликнулъ онъ, быстро подойдя къ ней и обнимая ее.

Слезы стояли въ его глазахъ.

— Сима,—говорилъ онъ, тяжело дыша,—за что ты покидаешь меня? — Я люблю тебя. Я люблю тебя, какъ любилъ раньше. За что ты хочешь сдѣлать меня несчастнымъ, глубоко несчастнымъ?

— Ты самъ себя такимъ хочешь сдѣлать. Я пріѣхала къ тебѣ послѣ долгой разлуки; какъ ты встрѣтилъ меня? Какъ бы мы могли хорошо провести вечеръ, а вмѣсто того...

На ея глазахъ тоже навернулись слезы.

Она сѣла на стулъ; онъ сталъ около нея на колѣни и цѣловалъ ея руки. Ему хотѣлось сказать ей что-нибудь нѣжное, глубокое, сильное, что̀ сразу вновь вернуло бы ее къ нему, покорило бы ее. Но ничего не выходило. Зловѣщая забастовочная ночь, безъ огней, безъ движенія, чреватая невѣдомыми угрозами, глядѣла въ окно. И ему сдѣлалось стыдно заниматься любовными вопросами въ такую ночь. Любовь мѣшала ему отдаться политическому теченію, а политическое теченіе мѣшало теперь отдаться всецѣло любви. И онъ очутился на распутьи, половинчатымъ человѣкомъ, у котораго чувство находилось въ скрытой борьбѣ съ совѣстью. Онъ шелъ по какому-то скорбному пути и чувствовалъ себя жителемъ большого города съ большой, но, увы, утомленной и обезсиленной душой. Изъ этой таинственной ночи слетались въ его сознаніи черныя мысли и усаживались вокругъ него, и тогда ему казалось, что онъ окруженъ невидимыми и злыми воронами.

V.

И онъ положилъ голову на колѣни Симочки и глухо, беззвучно заплакалъ. Что-то въ родѣ презрѣнія къ самому себѣ подымалось со дна его души. Отчего, отчего онъ не можетъ увлечься тѣмъ, чѣмъ увлекаются теперь всѣ,—даже дѣти? Всѣ чего-то непремѣнно ждутъ, чего-то величественнаго и грандіознаго, а онъ занятъ только вопросомъ узкимъ, личнымъ—почему къ нему измѣнилась Сима. И онъ сталъ жалокъ и противенъ самъ себѣ, какъ никогда.

Онъ поднялся, обнялъ Симу и поцѣловалъ ее. Она прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ и обнимала его, но оба чувствовали, что въ эту грозную ночь что-то порвалось въ ихъ чувствѣ, а началось что-то новое, то, что̀, губитъ всякую любовь:—анализъ. И чѣмъ горячѣе были поцѣлуи, тѣмъ настойчивѣе въ каждомъ изъ нихъ мелькала мысль—поскорѣе разойтись, чтобы отдаться своимъ мыслямъ, этому всеразрушающему анализу.

И они простились, торопливо, спѣшно.

Онъ хотѣлъ ее провожать, она наотрѣзъ отказалась. Зачѣмъ? У нея экипажъ и надежный кучеръ. Онъ быстро домчитъ ее, да и на улицахъ—мертвая тишина и безмолвіе.

Она взяла съ него слово, что онъ пріѣдетъ къ нимъ.

— Всеволодъ давно спрашивалъ о тебѣ и хочетъ тебя видѣть. Пріѣзжай на дняхъ.

Онъ обѣщалъ, они разстались.

Сергѣй Ивановичъ остался одинъ. Электричество вдругъ сдѣлалось темнымъ, покраснѣло и погасло.

Онъ усѣлся въ свое любимое кресло. Мыслей въ головѣ не было, или, напротивъ, ихъ было такъ много, что онъ не зналъ, за какую зацѣпиться его расшатанному сознанію.

Онъ взглянулъ въ окно, за которымъ темнѣла осенняя холодная ночь, и ему сдѣлалось жутко. У этого окна, ранней весной, два года тому назадъ, стояла его Катюша, уже безнадежно больная, приговоренная. Окно было открыто въ ту пасхальную ночь. Это была первая пасхальная ночь, въ которую Катюша, слабая и умирающая, но все еще держащаяся на ногахъ, не могла поѣхать къ заутрени. Небо было почти черное,. звѣзды слабо мерцали на немъ. По улицамъ шли люди со свѣчами въ рукахъ; несли и везли куличи и пасхи. Раздавался радостный перезвонъ колоколовъ. Сергѣй Ивановичъ тоже не поѣхалъ къ заутрени, чтобы не оставлять Катюшу одну. Ему было грустно, такъ грустно, что хотѣлось рыдать; но рыдать нельзя было, чтобы не подать Катюшѣ повода подумать о ея безнадежности. Онъ подошелъ къ ней и обнялъ ее—не очень нѣжно — опять-таки, чтобы она не подумала, что онъ опечаленъ ея болѣзнью; но вся душа его страдала тяжко и все въ ней стонало и ныло отъ душевной боли. А Катюша смотрѣла на это далекое небо, безмолвно, тревожно, съ нѣмымъ вопросомъ, какъ бы загадывая о томъ, что скрывается за этимъ пологомъ и за этими звѣздами. И широко раскрывая блѣдный ротикъ, она жадно вдыхала въ себя воздухъ, въ которомъ было что-то весеннее, и голова ея словно кружилась отъ радости.

— Ахъ, — сказала она,—я не могу надышаться! Мнѣ хочется вдохнуть въ себя эту весну. Зелени, цвѣтовъ хочется, какъ будто я ихъ никогда, никогда больше не увижу. Есть уже почки, трава, милый?

— Есть,—отвѣтилъ онъ, глотая слезы.

— Пошли завтра куда-нибудь за-городъ. Пусть привезутъ. Мнѣ хочется зелени, весны... А лѣтомъ повези меня заграницу, какъ только мнѣ станетъ лучше. Хорошо?

Онъ кивнулъ головой.

— Конечно...

И на другое утро онъ послалъ за цвѣтами въ магазинъ. Но Катюшѣ не хотѣлось цвѣтовъ изъ магазина, а „настоящихъ“ цвѣтовъ съ полей, почекъ съ деревьевъ. Тогда онъ послалъ въ Петергофъ. Горничная привезла нѣсколько вѣтокъ съ поч-

ками, какіе-то мелкіе бѣленькіе цвѣточки и нѣсколько вѣтвей ели.

Его не было дома, когда она привезла все это; но когда онъ увидѣлъ вѣтви ели на кровати Катюши среди цвѣтовъ, ему вдругъ сдѣлалось жутко и страшно.

„Какая дура эта Маша!“ — съ озлобленіемъ подумалъ онъ.

Въ глазахъ Катюши стояли слезы.

Она молча указала ему на вѣтви ели пальцемъ и грустно, грустно улыбнулась.

Онъ сдѣлалъ видъ, что не понялъ, но потомъ ему показалось, что онъ нашелся, и онъ сказалъ:

— Вѣчно зеленая, вѣчно юная хвоя—символъ юности и здоровья.

Она покачала головой.

— Есть и другой символъ.

Онъ постарался перемѣнить разговоръ и быстро убралъ вѣтви съ постели, вынесъ ихъ на кухню и вполголоса выбранилъ горничную.

Нѣсколько дней спустя, въ холодное, ясное весеннее утро Катюши не стало. Онъ остался одинъ, и ему показалось, что жизнь его кончена. Первое чувство, которое овладѣло имъ, была безконечная, огромная, безпросвѣтная печаль. Потомъ имъ овладѣло чувство негодованія противъ нелѣпой и безжалостно-тупой и жестокой судьбы, которой для чего-то нужно было взять отъ него эту чудную молодую жизнь, сломать ихъ союзъ и оставить его одинокимъ въ жизни. Но когда же явилась въ его существованіи Сима? Зачѣмъ она явилась? Онъ не умѣлъ отвѣтить на эти вопросы. Катюша была знакома съ Симой, но никогда онѣ особенно дружны не были. Катюша не любила ея мужа, этого Всеволода Григорьевича, котораго она считала сухимъ человѣкомъ—бюрократомъ, карьеристомъ и неискреннимъ человѣкомъ.

Да, какъ же явилась въ его жизни Сима?

Она явилась со связкой бѣлыхъ лилій на послѣднюю панихиду Катюши. Она положила эти лиліи въ гробъ Катюши, и это—Богъ знаетъ, почему—тронуло до глубины души Сергѣя Ивановича.

Онъ не могъ забыть этой картины, и съ этимъ образомъ красивой Симы съ огромной связкой бѣлоснѣжныхъ лилій въ рукахъ онъ уѣхалъ лѣтомъ заграницу. Тамъ онъ только изрѣдка вспоминалъ о Симѣ съ какимъ-то болѣзненно-благодарнымъ чувствомъ, но сердце его не билось отъ этого учащеннѣе.

Онъ много путешествовалъ съ Мишей, стараясь какъ-нибудь

залечить свое горе. Но это ему не удавалось. Миша плохо утѣшалъ его, потому что былъ всегда замкнутымъ и скрытнымъ, холодно-равнодушнымъ къ нему.

Вернулись они поздно осенью, и Миша поступилъ въ университетъ.

Въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ, нежданно-негаданно, явилась вдругъ къ нему Сима одна, безъ мужа, красивая, молодая, изящная.

Онъ былъ очень смущенъ этимъ визитомъ, но она спокойно усѣлась на диванѣ и начала болтать, какъ будто въ этомъ позднемъ и странномъ визитѣ не было ничего страннаго.

Ему было даже непріятно, что она сѣла въ уголокъ на диванѣ, на любимое мѣстечко Катюши, и даже въ ея позѣ. Что-то прошло по его душѣ тревожное, и онъ не могъ настроить себя на настоящій тонъ, и все спрашивалъ себя: зачѣмъ она пріѣхала?

А она спрашивала его:

— Что, милый, все еще тоскуете?

Онъ молча кивнулъ головой, и слезы заволокли его глаза.

„Какой странный вопросъ!—подумалъ онъ:—вѣдь прошло всего семь мѣсяцевъ со смерти Катюши".

И при этой жгучей мысли онъ не удержался и заплакалъ.

Семь мѣсяцевъ! Уже! Какъ могъ прожить онъ это время?

А Сима положила руку на его руку и сказала:

— Не надо, милый... Не надо. Вы себя погубите. Прошлаго не вернешь. Надо выѣзжать, бывать въ обществѣ. Развѣ Катюша будетъ довольна, если и вы заболѣете?

Ему вдругъ сдѣлалось радостно, что Сима говоритъ о Катюшѣ такимъ тономъ, какъ будто о живой, какъ будто гдѣ-то существующей, и съ такимъ убѣжденіемъ, какъ будто вѣритъ, что Катюша не будетъ довольна его грустью.

— Пріѣзжайте ко мнѣ. Въ четвергъ? Хорошо?

Онъ обѣщалъ.

Въ четвергъ онъ къ нимъ не поѣхалъ, и черезъ недѣлю Сима опять пріѣзжала къ нему и привезла ему цвѣтовъ.

Это его чрезвычайно тронуло.

Затѣмъ... Затѣмъ онъ уже не помнитъ, сколько разъ была она у него и онъ у нихъ, и потомъ вдвоемъ съ ней вмѣстѣ онъ ѣздилъ въ театръ, потому что Всеволодъ Григорьевичъ вѣчно былъ занятъ, а на ихъ дружбу смотрѣлъ одобрительно и даже поощрительно. По крайней мѣрѣ, Всеволодъ Григорьевичъ былъ съ нимъ свободнѣе, да и Сима не скучала. Окончательное сближеніе произошло заграницей слѣдующимъ лѣтомъ, гдѣ они нечаянно

или преднамѣренно—онъ до сихъ поръ разобраться въ этомъ не можетъ—встрѣтились.

Ихъ любовь составилась изъ случайныхъ и намѣренныхъ встрѣчъ, изъ обмѣна значительныхъ и незначительныхъ словъ, изъ мимолетнаго, случайно упрочившагося каприза съ одной стороны и изъ тягостей одинокаго существованія—съ другой; изъ красоты бѣлыхъ лилій на гробѣ покойной подруги, изъ участія къ горю ближняго, изъ благодарности къ добрымъ движеніямъ души, изъ прозы и скуки семейнаго существованія Симы, изъ вѣчнаго абсентэизма ея мужа, изъ мелочного вниманія къ Сонѣ Сергѣя Ивановича, изъ мелкихъ штриховъ и красочныхъ пятенъ всякаго нелегальнаго романа, словомъ, изъ того, что Шанфоръ такъ удачно опредѣлилъ словами: l'échange de deux fantaisies...

VI.

Мысль Сергѣя Ивановича утомилась на этомъ анализѣ его увлеченія и перелетѣла въ далекую усадьбу.

Вотъ его мать лежитъ теперь въ агоніи. Можетъ быть, ея уже нѣтъ среди живыхъ. Мать! Это слово въ настоящемъ его значеніи всегда было ему странно, чуждо. Никогда они не были близки другъ другу. Никогда! Мать, считавшаяся красавицей и имѣвшая въ молодости громадный успѣхъ у мужчинъ, рано и противъ своей воли вышла замужъ за нелюбимаго и стараго человѣка. Когда у нея родился Сергѣй, она тяжко заболѣла послѣ его родовъ и лишилась своей обаятельной красоты. Ребенокъ сдѣлался нелюбимымъ, порой ненавистнымъ. Потомъ умеръ его отецъ. Сергѣй росъ одинокимъ на рукахъ нянекъ и гувернантокъ, изрѣдка допускаемый на глаза матери, все болѣе и болѣе охлаждавшейся къ нему. Никакой близости между ними не было. Это было тяжелое, суровое время его дѣтства и юности. Онъ росъ какъ растеніе, лишенное свѣта материнской заботливости и тепла материнской любви. И когда онъ выросъ одинокимъ и оскорбленнымъ, онъ сталъ тянуться къ свѣту и теплу женской ласки. Человѣкъ, не знавшій дѣтской поры любви, человѣкъ безъ молодости, ребенокъ, не испытавшій материнскихъ ласкъ, становясь большимъ, всегда дѣлается крайне чувствительнымъ къ женской ласкѣ, которой онъ жаждетъ, какъ жаждетъ влаги путникъ въ пустынѣ. И во всякой женщинѣ, оказавшей ему такую ласку, онъ видитъ не только любовную, но и материнскую ласку.

Гдѣ теперь Миша? Что съ нимъ? Кто онъ? Вотъ еще загадка жизни, которую онъ не въ силахъ разрѣшить... Но мысли были прерваны звономъ телефона.

Сергѣй Ивановичъ вздрогнулъ—до того это было неожиданно, среди этой темной забастовочной ночи. И телефоны бастовали. Но, очевидно, дѣйствіе ихъ возстановилось.

Онъ кинулся къ аппарату.

— Алло!

— Это вы, Сергѣй Ивановичъ?

— Я.

— Поздравляю! Манифестъ вышелъ. Завтра будетъ объявлена конституція! Двухпалатная система. Отвѣтственность министровъ. Контроль и утвержденіе росписи. Поздравляю.

Это сообщалъ ему одинъ изъ пріятелей банка, въ которомъ онъ служилъ.

Сергѣй Ивановичъ сначала ничего не понялъ,—такъ онъ въ своихъ мечтахъ былъ далекъ отъ грозныхъ событій дня. Потомъ онъ сдѣлалъ передъ телефономъ радостное лицо, какъ будто его корреспондентъ могъ его видѣть, и отвѣтилъ:

— Ну, слава Богу! Это вѣрно?..

Отвѣта онъ не получилъ. Сообщеніе прервали. Сергѣй Ивановичъ очень обрадовался этому послѣднему обстоятельству. Въ душѣ онъ не ощущалъ никакой радости. Онъ понималъ разсудкомъ, что радоваться должно, но и только. Нѣтъ, положительно, онъ не находилъ въ себѣ элементовъ политическаго дѣятеля и даже просто гражданина.

Было уже поздно. Сергѣй Ивановичъ побродилъ еще безцѣльно по кабинету, прошелся по другимъ комнатамъ и отправился въ спальню. Спать не хотѣлось. Думы его не прекращались, а толпились въ мозгу, пронизывали сознаніе, сыпались на него, какъ осенніе листья въ вѣтреный пасмурный день. И отъ этихъ мыслей кружилась голова, спать не хотѣлось.

Какой странный день! Утромъ онъ бродилъ по оцѣпленному войсками городу, который ему казался не столицею русскаго государства, а вооруженнымъ Ляояномъ передъ сраженіемъ съ японцами. Это—на окраинахъ. На центральныхъ улицахъ, съ магазинами, заколоченными наглухо, наскоро состряпанными щитами и ставнями, столица походила на вымерочный городъ, по которому прошла чума. Потомъ Сергѣй Ивановичъ вспомнилъ, какъ онъ провелъ остатокъ этого дня на кладбищѣ, потомъ какія мысли его волновали, какъ онъ радостно шелъ домой на первое свиданіе послѣ долгой разлуки съ Симой, и что изъ этого

вышло. Для одного дня слишкомъ много! Извѣстіе о печальной судьбѣ матери, тяжелыя и сладкія воспоминанія прошлаго, почти разрывъ съ настоящимъ и наконецъ сообщеніе о свободѣ и конституціи. И вотъ теперь онъ лежитъ въ постели, безъ мыслей, оттого что ихъ слишкомъ много, спокойный оттого, что слишкомъ взволнованъ, и странно равнодушный ко всему, что произошло въ этотъ полный событій день.

И когда ночь на 17-е октября стала хмуро разсвѣтать, онъ заснулъ, наконецъ, тревожнымъ сномъ.

VII.

Нѣсколько дней спустя, къ Сергѣю Ивановичу зашелъ его товарищъ по службѣ, тотъ самый, который телефонировалъ ему о появленіи манифеста освобожденія.

Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ на излюбленномъ креслѣ, хмурый, недовольный, выбитый изъ колеи. Ему все это время было не по себѣ. Съ Симой онъ эти дни не видался, къ ней не явился. Какъ будто и по отношенію къ ней наступила въ его душѣ реакція, что-то въ родѣ равнодушія. Было ли оно дѣланнымъ, выработаннымъ или искреннимъ—онъ самъ еще не зналъ. Но его не тянуло къ Симѣ съ той интенсивностью, какъ прежде. Извѣстій изъ усадьбы онъ не получилъ до сихъ поръ. Желѣзнодорожное сообщеніе еще не возстановилось, телеграммы принимались съ оговорками и безъ ручательства за своевременную доставку. Вездѣ было неспокойно; манифестъ не вызвалъ успокоенія,—напротивъ, расшевелилъ страсти. Въ обѣщанія правительства никто уже болѣе не вѣрилъ, оно было дискредитировано. Темныя силы всюду подымались, поощряемыя, по общему убѣжденію, тѣмъ же правительствомъ, которое объявило „пять свободъ“ и тотчасъ же, испугавшись, принялось за организацію тайной реакціи. Тяжело было жить. Доносились вѣсти о готовящихся погромахъ, а потомъ и о самыхъ погромахъ.

Сергѣй Ивановичъ встрѣтилъ своего товарища съ кислой улыбкой: какъ онъ некстати! Зачѣмъ онъ пришелъ? Сергѣю Ивановичу не хотѣлось ни думать, ни говорить, а тутъ нужно было угощать его завтракомъ и произносить слова, и не безразличныя слова, общепринятыя и общеустановленныя, а слова съ значеніемъ, съ политической окраской, потому что иныхъ словъ уже не говорили.

„Ахъ, какъ это скучно!“—подумалъ Сергѣй Ивановичъ.

Но дѣлать было нечего.

Они прошли въ столовую.

— У насъ не работаютъ, — сказалъ гость. — Не до того... Вино собираются, посидятъ, поговорятъ, расходятся. Расходятся съ увлеченіемъ. Я подумалъ—зайти къ вамъ поболтать. Вы ничего не имѣете противъ?

— Наоборотъ, очень радъ, Михаилъ Дмитріевичъ.

Отъ этого Михаила Дмитріевича Сергѣй Ивановичъ нѣсколько зависѣлъ въ своихъ дѣлахъ и по службѣ. И какъ только онъ сказалъ, что очень радъ его приходу, такъ тотчасъ же его посѣтила преступная мысль:

„Если мать умерла, то вѣдь я дѣлаюсь наслѣдникомъ и мое матеріальное положеніе сильно измѣнится. Какъ хорошо было бы тогда бросить службу, ни отъ кого не зависѣть, уѣхать куда-нибудь и имѣть право и возможность не бесѣдовать вотъ съ этимъ Ладинымъ и не улыбаться ему такъ благовоспитанно“.

Но Сергѣй Ивановичъ сейчасъ же понялъ, сколько преступнаго и подлаго въ этой мысли купить свое спокойствіе смертью матери; ему сдѣлалось противно, и онъ показался себѣ безчестнымъ пошлякомъ.

А Ладинъ говорилъ, говорилъ безъ конца. Онъ говорилъ о современной анархіи Россіи, о зарожденіи и мобилизаціи партій, о политическихъ перспективахъ, о митингахъ, о неизбѣжности наступающей реакціи, о двухъ правительствахъ, образовавшихся въ Россіи, о правительствѣ правительственномъ и о правительствѣ революціонномъ. Словомъ, о томъ, что было много разъ говорено въ газетахъ, когда онѣ выходили. Теперь онѣ все еще не выходили. Ладинъ говорилъ съ упоеніемъ, съ увлеченіемъ, точно опьяненный, и закрывалъ иногда глаза, какъ бы прислушиваясь къ патетическимъ мѣстамъ своей рѣчи. И Сергѣй Ивановичъ долженъ былъ изъ приличія вставлять реплики или улыбаться, или дѣлать въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ жесты, и эти реплики, и эти улыбки, и эти жесты его особенно утомляли. Ладинъ добивался отъ него политическаго credo, и Сергѣй Ивановичъ натуживался, чтобы придумать такое credo, но хорошо, что Ладинъ, упоенный собственнымъ credo и рѣчами, не выслушивалъ его и на всѣхъ парахъ мчался дальше.

Охотнѣе всего Сергѣй Ивановичъ просто выставилъ бы этого непрошеннаго гостя изъ своей квартиры, но сдѣлать онъ этого не могъ уже изъ одного чувства элементарнаго приличія.

И онъ покорно слушалъ Ладина.

Отъ этой напряженности и отъ этихъ насильственныхъ улы-

бокъ ему сдѣлалось скучно, такъ скучно, что захотѣлось зѣвать и плакать.

А Ладинъ все говорилъ и говорилъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе прочитывать на службѣ нѣсколько газетъ подъ-рядъ отъ доски до доски и размѣчалъ статьи краснымъ и синимъ карандашомъ, уснащая ихъ восклицательными и вопросительными знаками, иногда по нѣсколько вперемежку. Въ это время всѣмъ, кто бы ни приходилъ къ нему за справкой, онъ только мычалъ что-то изъ-за газеты, а потомъ, если пришедшій очень надоѣдалъ ему, то махалъ свободной рукой, словно желалъ отогнать назойливую муху. Такимъ образомъ онъ выработалъ себѣ цѣлый арсеналъ словъ новаго правопорядка и высыпалъ ихъ на собесѣдника, жонглируя ими, какъ блестящими стеклянными шарами. Онъ былъ старше Сергѣя Ивановича и лѣтами, и по службѣ — въ банковомъ учрежденіи.

— Я вамъ удивляюсь, — сказалъ Ладинъ, изложивъ ему свое политическое credo: — какъ можно въ *такое время*, — онъ подчеркнулъ интонаціей эти слова, — сидѣть дома и не выйти съ своими убѣжденіями на улицу? Мы долго молчали. Теперь нужно говорить, говорить громко и властно... На площадяхъ кричать...

— О чемъ?

Ладинъ высоко поднялъ правую бровь, что служило признакомъ слегка презрительнаго удивленія.

— О чемъ?! О свободѣ. О народной свободѣ. Вы понимаете? Молчать преступно въ наше время. Кто держитъ себя индифферентно, тотъ совершаетъ преступленіе. Надо говорить.

— Хорошо, кому есть что говорить.

Правая бровь Ладина поднялась еще выше.

— А вамъ — нечего?

— Я не чувствую въ себѣ темперамента быть борцомъ. А говорить слова на вѣтеръ, такъ, чтобы только потрясать воздухъ — я не хочу и не умѣю.

Ладинъ пожевалъ губами, не найдясь сразу, что отвѣтить.

— Потрясать воздухъ?! Но бываютъ эпохи такого застоя, когда всякое потрясеніе полезно, — нашелся онъ. — И если тысячи будутъ потрясать воздухъ, то чѣмъ болѣе будетъ воздушныхъ колебаній, тѣмъ скорѣе всколыхнется застоявшійся воздухъ. А если будетъ такихъ потрясеній десятки тысячъ, то еще лучше. Э! да знаете что?

— Что именно?

— Пойдемте-ка мы съ вами на митингъ!

Сергѣй Ивановичъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности. Е у

идти на митингъ! Это показалось ему такимъ для себя далекимъ и дикимъ. Онъ, конечно, слыхалъ о многочисленныхъ и разнообразныхъ митингахъ, происходившихъ до и послѣ 17-го октября въ Петербургѣ, но ему какъ-то и въ голову не приходило посѣтить хотя бы одинъ изъ нихъ.

— На митингъ? Да зачѣмъ я пойду?

— Ахъ, не возражайте. Это такъ интересно, такъ захватываетъ. Даже васъ захватитъ. Ну, я васъ прошу. Сегодня вечеромъ митингъ въ медицинской академіи.

— Какой же митингъ? Чей? — стараясь показаться заинтересованнымъ, спросилъ Сергѣй Ивановичъ.

Но Ладинъ не могъ объяснить этого. Не все ли ему равно — чей, разъ онъ вообще ни на одномъ не присутствовалъ? Кажется, это соединенный митингъ нѣсколькихъ группъ.

Онъ такъ пристадъ къ Сергѣю Ивановичу, что тому ничего другого не оставалось, какъ согласиться.

Очень вяло и очень неохотно онъ далъ свое согласіе, и точно сдѣлалъ подарокъ дѣтски увлеченному политикой Ладину. Сергѣй Ивановичъ не вѣрилъ въ его серьезное увлеченіе политическими дѣлами, потому что давно зналъ Ладина. Ладинъ одно время увлекался оперой съ совершенно такими же пріемами, какъ теперь политикой. Онъ тогда накупилъ себѣ десятки книгъ и по нимъ изучалъ вопросы гармоніи, контрапункта, инструментовки. Онъ бѣгалъ слушать пять разъ „Дубровскаго“ и четыре раза „Валькирію“. Онъ бредилъ музыкой и могъ говорить только о ней. Потомъ вдругъ все это слетѣло съ него разомъ, и онъ увлекся живописью.

Сергѣй Ивановичъ заглянулъ въ окно. Петербургъ безмолвствовалъ. Стояла сѣрая густая мгла. Электричество не горѣло, конки не ходили. Было жутко и печально.

— Хорошо, пойдемте, — сказалъ онъ, досадливо пожавъ плечами и зная, что все равно отъ Ладина не отдѣлаешься.

Ладинъ радостно засмѣялся и даже взвизгнулъ отъ удовольствія.

— Вотъ и чудесно! Вы увидите, васъ захватитъ, васъ временно захватитъ! Да какъ еще! Живого человѣка не могутъ не захватывать политическія событія. Не могутъ! Или я долженъ буду васъ признать живымъ трупомъ.

VIII.

Академія была погружена во тьму, и только нѣсколько оконъ въ главномъ зданіи за рѣшеткой тускло свѣтились. Должно быть, керосиновыми лампами или свѣчами, за отсутствіемъ электричества, была освѣщена комната, назначенная для митинга.

— Да гдѣ же входъ?

Ладинъ старался казаться вполнѣ посвященнымъ въ дѣло и съ авторитетнымъ видомъ подошелъ къ рѣшеткѣ.

— Вамъ куда?—спросилъ его одинъ изъ студентовъ, толпившихся группой у входа. Здѣсь были курсистки, рабочіе, даже гимназисты старшихъ классовъ.—На митингъ?

— Да.

— Такъ это не здѣсь.

— Не здѣсь?

— Нѣтъ. Митингъ на Нижегородской улицѣ.

Было темно, сыро и грязно. Рѣзкій вѣтеръ проносился надъ городомъ, и въ вѣтрѣ этомъ чувствовались ледяныя струйки. Сергѣй Ивановичъ провѣрялъ себя. Не подымается ли въ его душѣ интересъ къ митингу? Не чувствуетъ ли онъ какого-либо политическаго подъема? Но нѣтъ. Все молчало въ немъ, если не считать какого-то смутнаго чувства, скорѣе стѣснительнаго и непріятнаго. Но Ладинъ мчался вихремъ на Нижегородскую улицу, словно камни тротуара горѣли подъ его ногами.

Въ огромныхъ воротахъ стояла толпа у растворенной калитки. Кто-то стоялъ у калитки и опрашивалъ подходившихъ. Все шли больше мастеровые и рабочіе. „Кто-то“ имѣлъ видъ импозантный и совершалъ пропуски въ калитку съ сознаніемъ важности политическаго момента.

— Здѣсь митингъ?

— Какой?—вопросилъ контролеръ.—Здѣсь митингъ ювелирныхъ мастеровъ и подмастерьевъ.

Сергѣю Ивановичу сдѣлалось смѣшно.

Ладинъ казался растереннымъ.

— А гдѣ же митингъ студентовъ и рабочихъ? Общій митингъ? Ахъ, Боже мой, вѣдь уже поздно! Мы и то къ началу не поспѣемъ.

Привратникъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія, и они повернули опять къ академіи.

Никто ничего не зналъ; кучки студентовъ, курсистокъ, ри-

бочихъ, мастеровыхъ, людей неопредѣленныхъ профессій въ котелкахъ и мѣховыхъ шапкахъ бродили вокругъ и около, переговариваясь, перекидываясь шуточками, отыскивая мѣсто митинга. Кое-гдѣ упорно увѣряли, что митингъ въ академіи.

Ладинъ ужасно волновался и отъ этой безтолковщины, и оттого, что они пропустятъ начало митинга, и оттого, наконецъ, что „вотъ русская интеллигенція никакъ не умѣетъ ничего организовать, ни въ чемъ установить порядка".

Наконецъ нашли входъ. За окнами освѣщенной аудиторіи или залы, выходившей на дворъ, видѣлись силуэты, наполнявшіе помѣщеніе; эти китайскія тѣни то останавливались, то двигались по помѣщенію; иногда надъ силуэтами головы подымался силуэтъ руки съ шапкой. Было холодно и сыро; въ сѣняхъ, въ которыя попадали черезъ небольшія двери, разгуливалъ вѣтеръ. Но, по требованію вахтера, Ладинъ и Сергѣй Ивановичъ должны были раздѣться, причемъ вахтеръ требовалъ, чтобы они свои шапки засунули въ рукава пальто. Калошъ они все-таки не сняли, несмотря на настоянія сторожа. Здѣсь висѣло по меньшей мѣрѣ больше тысячи всевозможныхъ одеждъ.

По узкой витой лѣстницѣ двигалась толпа въ чаяніи попасть на митингъ.

— Какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній!—захлебываясь отъ радости, проговорилъ Ладинъ, приведшій себя въ экстатическое состояніе.—И посмотрите—никто не толкается, никто никого не обгоняетъ, чинно, благородно. Вотъ что значитъ свобода! Ни полиціи, ни городовыхъ, и „честью" никого не просятъ. А? Что вы скажете?

Но Сергѣй Ивановичъ ничего не могъ сказать, потому что образовался заторъ, и толпа не могла двинуться ни впередъ, ни назадъ.

Кто-то жалъ его сзади и извинялся. Онъ нажималъ на передняго и тоже извинялся. Кромѣ того, жали и давили съ боковъ.

Безучастный къ цѣли предпринятаго паломничества, лѣнивый, усталый и раздражительный, онъ въ душѣ проклиналъ Ладина, потащившаго его сюда.

Въ аудиторіи мѣста шли амфитеатромъ. Входившихъ размѣщали кого куда попало. Но въ порядкѣ, безъ шума, суеты и грубыхъ словъ. Настроеніе царило благоговѣйное, восторженное, точно люди собрались для священнодѣйствія въ храмъ.

Сергѣю Ивановичу сдѣлалось легче.

На каѳедрѣ стоялъ, опершись на столъ, какой-то рабочій или мастеръ и говорилъ рѣчь.

Онъ говорилъ о политической забастовкѣ:—Политическая забастовка—новое орудіе революціи, и Россія первая открыла изумленной Европѣ это могущественное орудіе борьбы—съ эксплоатаціей народнаго труда, съ одной стороны, и съ деспотизмомъ стараго режима—съ другой.—Ораторъ говорилъ довольно складно, какимъ-то высокимъ, выкрикивающимъ голосомъ, порой, въ патетическихъ мѣстахъ, доходившимъ до крикливаго фальцета, но дѣлалъ неправильныя ударенія на словахъ.

— Забастовка,—говорилъ онъ,—это, братья-граждане, парàличъ страны, прекращеніе всѣхъ ея жизненныхъ отправленій (желѣзныя дороги, банки) и прекращеніе духовныхъ потребностей (нѣтъ газетъ, увеселеній и пр.). И вотъ, когда все забастовало, это значитъ—страна пришла къ мысли о самоубійствѣ. Еслибы можно было себѣ представить, что забастовка продлится только мѣсяцъ, то это есть гибель страны. Съ тѣмъ вмѣстѣ и гибнетъ, стало быть, правительство. Но правительство никогда не пожелаетъ погибнуть, товарищи! Оно дорого цѣнитъ свою жизнь. И оно пошло на уступки. Свобода вырвана нами у стараго рéжима. Теперь пойдемъ дальше. Прежде всего выйдемъ на улицу и, набравъ въ широкую грудь воздуху, крикнемъ: „свобода"! Для чего крикнемъ? Для того, чтобы освободить грудь. Долго, товарищи, крикъ этотъ стоялъ въ горлѣ, и нельзя было крикнуть. А теперь крикнемъ. Но не станемъ безчинствовать. Забастовка—не безчинство, не возстаніе, а прòтестъ...

Онъ говорилъ „парàличъ", „прòтестъ", но никто не замѣчалъ неправильности его говора и не особенной ясности рѣчи. Всѣ слушали жадно, потому что это было ново, и потому что являлось потребностью каждаго если не наговориться, то наслушаться такихъ рѣчей, за которыя раньше полагался прямой путь въ Якутскую область.

— Прòтестъ. Но не будемъ брать съ собой на улицу несогласныхъ, колеблющихся, робкихъ. Къ чему? Нашему дѣлу они не помогутъ. смущеніе и соблазнъ произведутъ. Обойдемся! Приневоливать никого не надо, потому—теперь свобода! И не будемъ, товарищи, зря тратить силы по мелочамъ, вступать въ неравный бой съ полиціей и войсками. У нихъ оружіе, а у насъ—голыя руки. Нельзя идти съ голыми руками на оружіе. Это гибель зря.

— А у насъ сила убѣжденія и вѣра въ святое дѣло освобожденія!—крикнулъ кто-то.

Ораторъ замигалъ глазами и вглядѣлся въ толпу, стараясь отличить говорившаго, словно это помогло бы ему. Онъ сразу

не нашелся, что отвѣтить. Видимо, рѣчь его была заготовлена раньше и текла свободно, пока его не прерывали. Но, подумавъ немного, онъ сказалъ:

— Вотъ именно. Оно такъ и есть. Первоначально объединимся. Пущай свобода станетъ лозунгомъ каждаго, его второй душой. Выждемъ. Объединимся. Часъ торжества настанетъ, товарищи. И когда свобода проникнетъ въ сознаніе массъ, тогда все само собою образуется и наши притѣснители положатъ оружіе сами.

Здѣсь раздалось шиканье, свистки, невообразимый гамъ и шумъ. Толпа волновалась. Предсѣдатель-рабочій звонилъ въ колокольчикъ. Голосъ его охрипъ. Онъ убѣждалъ присутствующихъ не волноваться.

— Дайте каждому высказаться! Почему не сказать, чего думаешь? Свобода слова, товарищи, для каждаго. И ради этой свободы...

Слово „свобода", видимо, было дорого здѣсь всѣмъ и каждому и повторялось на всѣ лады и возможно чаще. Въ немъ была особо сладкая мелодія. Такъ иногда хочется безъ конца повторять музыкальный мотивъ, который пришелся по душѣ и залегъ въ ухо.

Ладинъ былъ, видимо, опьяненъ всей этой картиной и всѣми этими рѣчами. Сергѣй Ивановичъ тоже слушалъ съ любопытствомъ. Его захватила эта новая атмосфера митинга. Въ рѣчахъ ораторовъ ничего не было для него ни новаго, ни оригинальнаго, потому что все это давно уже и на разные лады повторялось ежедневно въ газетахъ. Но обстановка дѣйствовала несомнѣнно. И какъ-то странно ему было чувствовать и сознавать, что всѣ дѣла личныя, которыя ему казались такими близкими, важными и огромными: охлажденіе къ нему Симы, исчезновеніе Миши, смерть матери и даже память о Катюшѣ, какъ-то сразу потускнѣли, поблѣднѣли и точно стерлись изъ его жизни.

Первый ораторъ сошелъ съ каѳедры, полуразсерженный, полусмущенный. Тишина, благодаря звонку предсѣдателя и его успокоительнымъ рѣчамъ, возстановилась.

На каѳедру взошелъ совсѣмъ молодой человѣкъ.

Сергѣй Ивановичъ протиснулся впередъ, чтобы разглядѣть его лицо, и вдругъ сильно вздрогнулъ.

— Что съ вами?—спросилъ его Ладинъ.

— Ни... чего,—еле могъ выговорить Сергѣй Ивановичъ.— Ничего.

— Интересно, что скажетъ этотъ, въ отвѣтъ на рѣчи этого

постепеновца? — захлебываясь отъ превкушаемаго наслажденія, продолжалъ Ладинъ.

— Шш!.. Шш!..—раздалось вокругъ нихъ.

Всѣ примолкли.

На каѳедрѣ стоялъ Миша.

IX.

Да, это былъ несомнѣнно онъ. Сергѣй Ивановичъ его, конечно, тотчасъ же узналъ изъ-за моря головъ и несмотря на тусклое освѣщеніе зала. Да, это былъ Миша. Но Миша преображенный, возмужалый, съ ненавистью во взорѣ, съ выросшими усиками на верхней губѣ, въ ореолѣ какого-то возбужденія, почти экстаза.

— Товарищи!—громко, безъ всякой робости началъ онъ.—Прошу вашего вниманія на нѣсколько минутъ. Я—бывшій студентъ, а нынѣ рабочій. Такой же, какъ всѣ мои товарищи. Я—наборщикъ. Въ такую эпоху, какую переживаетъ наше отечество, стыдно заниматься теоріями, хотя бы и научными; нужна не теорія,—активность. Вотъ я бросилъ лекціи и пошелъ въ наборную. Наборная, гдѣ печатается газета, та же каѳедра, но только не для ограниченнаго круга людей, а для широкихъ массъ. Но одной теоріи, одной каѳедры, говорю я,—мало. Нужно дѣйствіе. Вотъ тотъ, который говорилъ до меня, призывалъ васъ къ выжиданію, выдержкѣ, спокойствію. Смѣшно—въ такое время, когда льется братская кровь...

Раздались бурные аплодисменты.

Звоновъ предсѣдателя снова зазвонилъ.

— ...Когда льется братская, народная кровь,—говорить о спокойствіи! Онъ звалъ васъ на улицу—я не понялъ, собственно, для чего? Я тоже зову васъ на улицу. Но не для того, чтобы платонически передъ городовымъ крикнуть: „свобода“, а для того, чтобы ее завоевать активно. Будетъ литься кровь? Что-жъ! пусть льется. Безъ крови нигдѣ еще и никогда не завоевывалась свобода. Въ кровавой борьбѣ зарождалась она у всѣхъ народовъ и во всѣхъ странахъ. Вѣрьте, и у насъ безъ этого не обойдется. Гдѣ бой—тамъ кровь. Погибнутъ люди? Вѣрно! Но это будутъ не обыкновенные люди, а борцы за настоящую, а не призрачную свободу. Это будутъ герои. Невѣдомые, незамѣтные но несомнѣнно герои. И безъ помощи героевъ, этихъ лучшихъ людей народа, не родится истинной свободы.

— А вы пойдете?—крикнулъ кто-то.

Предсѣдатель схватился за звонокъ, но Миша спокойнымъ жестомъ остановилъ его. На его блѣдномъ лицѣ горѣли зловѣщимъ фанатическимъ пламенемъ большіе черные глаза.

— Я пойду!—твердо сказалъ онъ.—Я буду говорить и дѣйствовать здѣсь. Я буду говорить и дѣйствовать въ Москвѣ, вездѣ, гдѣ я буду нуженъ. Довольно словъ, довольно рабства. „Свобода объявлена"! Вздоръ! Мы ей не вѣримъ. Государственная Дума? Обманъ! Я ему не вѣрю. Намъ не нужно такой Думы. Намъ нуженъ настоящій парламентъ, а не бюрократическое представительство изъ богатыхъ и чиновныхъ людей. Кто пойдетъ на эту удочку, тотъ—врагъ своего отечества. Вы говорите: нужно объединиться. Вѣрно! Но объединиться нужно съ оружіемъ въ рукахъ, съ бомбами, со штыками. Вы говорите: нужно выйти на улицу. И еще разъ—вѣрно! Но для чего? Для того, чтобы строить баррикады и чтобы водрузить на нихъ красныя знамена революціи. Революція нужна, вооруженное возстаніе нужно, бой, кровавый бой нуженъ. И если весь народъ выйдетъ на баррикады, то не перестрѣлять всего народа! Тогда вѣдь некѣмъ управлять будетъ. Погибнутъ тысячи, десятки тысячъ. Пусть сотни тысячъ погибнутъ, но вѣдь останутся милліоны. Ради этихъ милліоновъ обездоленныхъ, засѣченныхъ, эксплоатируемыхъ, нищихъ, безправныхъ, голодныхъ, безземельныхъ, стоитъ пролить кровь,—кровь враговъ и угнетателей и кровь защитниковъ-героевъ. Итакъ, я зову васъ на активную борьбу. Встанемъ дружно за правое дѣло! Намъ не нужно подачекъ изъ милости. Мы не хотимъ свободы въ видѣ подарка изъ преступныхъ и грязныхъ рукъ чиновниковъ, сотни лѣтъ угнетавшихъ Россію. Мы вырвемъ эту свободу сами, съ оружіемъ въ рукахъ, на баррикадахъ, всю цѣликомъ. Такая свобода будетъ драгоцѣннѣе, потому что за нее будетъ заплачено драгоцѣнной народной кровью. Да, товарищи, пойдемъ на улицу. И какъ только мы рѣшимся крикнуть: свобода!—такъ тотчасъ же возьмемся за оружіе и будемъ отстаивать ее до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія. Я предлагаю открыть сборъ на боевую организацію революціонныхъ дружинъ...

Нельзя себѣ представить, что поднялось въ этомъ собраніи. Толпа съ дикими выкриками, наэлектризованная этой необузданной рѣчью, бросилась къ каѳедрѣ. Звонокъ полетѣлъ со стола. Предсѣдатель хрипло что-то выкрикивалъ; его не было слышно,—только можно было догадываться, по движенію его губъ, что онъ что-то говорилъ.

Одинъ Миша стоялъ еще у каѳедры, возвышаясь надъ толпой. Его взоръ сіялъ все тѣмъ же фанатическимъ блескомъ. Губы его были полураскрыты, лицо смертельно блѣдно. Къ нему протягивались сотни рукъ съ кошельками. Откуда-то появилось блюдо. На него сыпались мѣдь, серебро, золото, бумажки.

Сергѣй Ивановичъ стоялъ растерянный, слезы затуманили его глаза, онъ вѣрилъ и не вѣрилъ, что это его сынъ. Ему было жутко и радостно, горестно и весело. Для него было ясно, что смерть витала уже надъ головой этого мальчика, котораго они съ Катюшей такъ любили, холили и лелѣяли. Да, онъ выйдетъ на улицу и найдетъ на ней смерть. Онъ не изъ тѣхъ, которые играютъ словами. И ему было тяжело думать объ этомъ. Но ему было радостно сознавать, что вотъ здѣсь, на митингѣ, передъ тысячной толпой — его сынъ, его Миша, и что онъ говоритъ передъ этой толпой, и толпа его слушаетъ внимательно и напряженно, и апплодируетъ ему. Это было радостно, безотчетно радостно. Онъ даже не могъ бы сказать—почему.

— Это какой-то фанатикъ! — сказалъ Ладинъ. — И ему не сдобровать.

Они выходили, слѣдуя за толпой. Толпа ихъ выносила съ митинга. Въ группахъ этой разношерстной толпы раздавалось обсужденіе только-что слышанной рѣчи.

— Это фанатикъ,—повторилъ Ладинъ.

И Сергѣю Ивановичу хотѣлось крикнуть ему и всѣмъ этимъ людямъ:

— Это мой сынъ!

Но онъ воздержался.

Миша уже исчезъ. Тщетно всматривался Сергѣй Ивановичъ въ проходившихъ мимо него; онъ не могъ отыскать среди нихъ Мишу. Ему хотѣлось подойти къ нему, обнять его, сказать ему, какъ онъ его любитъ. Что изъ того, что онъ по дряблости своей натуры, по своему глубокому равнодушію къ этимъ вопросамъ, поднятымъ ходомъ событій въ Россіи, не можетъ идти вслѣдъ за своимъ сыномъ, не можетъ сочувствовать его пропагандѣ и зову на активный бой? Но онъ все-таки любитъ его и гордится, гордится имъ.

— Хорошо говорилъ этотъ юноша! — повторилъ Ладинъ, какъ бы вызывая его на обмѣнъ мыслей.

И опять Сергѣю Ивановичу захотѣлось крикнуть:

— Это мой сынъ. Поймите это.

Они шли уже по улицѣ домой.

— Вы не раскаиваетесь, что я васъ затащилъ на митингъ?— спросилъ Ладинъ.

— Нисколько, напротивъ. Я вамъ очень благодаренъ. Это очень интересно.

— Вотъ видите. Нужно организоваться въ партіи, въ союзы. Нельзя стоять въ сторонѣ отъ этого движенія. Кто не вступаетъ въ партію, тотъ совершаетъ преступленіе передъ родиной.

Сергѣй Ивановичъ промолчалъ.

— Вы не согласны съ этимъ?—настаивалъ Ладинъ.

— Конечно, согласенъ. Но я еще не чувствую въ этомъ потребности. Слишкомъ долго насъ заставляли *не* думать. Я отвыкъ думать самостоятельно, и теперь, когда насъ отпустили на свободу—я шатаюсь.

Ладинъ взглянулъ на него съ сожалѣніемъ, смѣшаннымъ съ презрѣніемъ.

— Бывайте на собраніяхъ, на митингахъ. Пріучайтесь. Слишкомъ бурно и быстро проносится потокъ, и вамъ не устоять противъ его теченія. Или онъ захватитъ васъ съ собой, или собьетъ съ ногъ и утопитъ.

X.

Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ въ отдѣленіи вагона перваго класса и смотрѣлъ унылымъ и безнадежнымъ взглядомъ въ окно. Уже съ недѣлю, какъ пришло письмо управляющаго имѣніемъ матери. Оно шло долго, какими-то кружными путями, чуть ли не черезъ Швецію и Финляндію, имѣло на себѣ множество почтовыхъ штемпелей и было ужасно грязно. Можетъ быть, его гдѣ-нибудь распечатывали и читали, потомъ подклеивали.

Управляющій сообщалъ, что во время послѣднихъ аграрныхъ безпорядковъ крестьяне разгромили усадьбу его матери, сожгли службы, немало причинили вреда и самому дому, который стоитъ теперь съ ободранной крышей, поломанными оконными переплетами, битыми стеклами и выломанными дверями. Паркъ порубленъ и отчасти выжженъ. Но все это—полбѣды. Бѣда въ томъ, писалъ управляющій, что „матушка ваша, почтеннѣйшая Елена Васильевна, сильно испугавшись и простудившись во время разгрома, а также задохнувшись въ дыму пожара, скончалась на другой день въ вечеру въ страшныхъ мученіяхъ. Ее похоронили на сельскомъ кладбищѣ. Петръ Петровичъ Камчатскій облегчалъ ея страданія, но спасти ее уже не было никакой возможности.

Предвидѣть нападеніе, конечно, было возможно; я и предвидѣлъ его, для чего писалъ въ уѣздъ и въ губернію, прося немедленной помощи; но помощь подоспѣла не во-время, на другой день около пяти часовъ вечера, такъ какъ власти и войска заняты были прекращеніемъ безпорядковъ въ экономіи сосѣдняго уѣзда извѣстнаго вамъ Ивана Ивановича Лысогорова, предводителя дворянства".

Управляющій писалъ еще много. Онъ вызывалъ Сергѣя Ивановича въ имѣнье, чтобы совмѣстно съ нимъ все привести въ ясность и порядокъ, а также чтобы хлопотать объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, такъ какъ Елена Васильевна скончалась „безо всякаго завѣщанія", насколько ему извѣстно, и Сергѣй Ивановичъ является, такимъ образомъ, единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ.

Онъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на поля, бѣжавшія мимо него. Стоялъ ноябрь мѣсяцъ; зима приходила и уходила; никакъ не могла она установиться. Теперь, въ день его отъѣзда, стояла глухая, слезливая какъ старость, безсильная мокрая осень. Поля были напоены холодной влагой распустившагося снѣга. Чернѣли деревушки — какія-то скользкія, сырыя, точно подгнившія поганки въ лѣсу. Небо было тяжелое, похожее на рядъ сѣрыхъ больничныхъ одѣялъ, наложенныхъ другъ на друга и съ оборванными краями; деревья осклизлыя, жалкія, мокрыя, гнулись подъ напоромъ рѣзкаго, холоднаго вѣтра. На горизонтѣ чернѣли хвойные лѣса, казавшіеся изгородью, а черныя галки и вороны, пролетая надъ полями и деревнями, исчезали въ этой сѣрой больничной густотѣ, странно сливаясь съ небомъ.

Все за окномъ наполнялось густой мглою. Вскорѣ и поля, и деревья, и лѣса, и деревни слились въ одну компактную массу. Надвигались зимнія сумерки, похожія на ночь.

Сергѣй Ивановичъ сталъ думать; не напряженно, не настраивая свои мысли, а предоставляя имъ свободно и капризно измѣняться по тѣмъ внутреннимъ законамъ мышленія, которые въ сущности никому не извѣстны. И въ сознаніи его мелькалъ рядъ образовъ и лицъ съ рѣчами и безъ рѣчей, съ яркой окраской, а иногда лишь съ однимъ контуромъ, какъ силуэты. Но въ концѣ концовъ мысль его въ сотый разъ наткнулась на образъ матери и на немъ остановилась.

Бѣдная старуха! Ей было семьдесятъ-три года. Она знала крѣпостныя времена. Эти времена и, конечно, то, что она родилась отъ поколѣнія крѣпостниковъ, сдѣлали ее жестокою. Она привыкла къ чужому труду, привыкла смотрѣть на людей какъ на безсловес-

ныя машины для этого труда, какъ на рабовъ, обреченныхъ служить господамъ; вѣдь волъ обреченъ тащить плугъ? онъ за это получаетъ кормъ. Но „этихъ скотовъ“ освободили. Она помнила эпоху „эмансипаціи“. Ея властной, надменной душѣ эта эпоха нанесла глубокую и точащую рану, которая уже больше не заживала. Она исповѣдывала „строгіе принципы семейной жизни“. Но и ихъ она понимала по-своему: сынъ для нея былъ тѣмъ же крѣпостнымъ, и къ нему она примѣняла тѣ же принципы — всю безграничную волю и эгоизмъ, доходившій до безсердечія. И когда сынъ, какъ и мужики, „эмансипировался“, она гордо замкнулась въ самой себѣ, не признала его брака, не признала своего внука, не признала права сына на самостоятельное рѣшеніе своей судьбы. И она доживала свой вѣкъ такимъ же обломкомъ, выброшеннымъ океаномъ ея жизни, и такъ же безцѣльно, какъ теперь онъ, „догнивала“ свой вѣкъ. И послѣ каждой бури жизни выбрасываются на поверхность вотъ такіе обломки, никому и ни для чего не нужные, которымъ суждено бороздить волны стихіи.

Но чѣмъ больше онъ думалъ о своей матери, тѣмъ больше проникался къ ней уваженіемъ. Она, по крайней, мѣрѣ была цѣльнымъ человѣкомъ и исповѣдывала одну идею. Такъ до конца жизни — до трагическаго конца жизни — она прожила съ своими убѣжденіями и ни разу не пошатнулась. Она не понимала новыхъ вѣяній, она ихъ отрицала. Она умерла съ крѣпостническими взглядами на жизнь, умерла непримиренной съ новымъ режимомъ. Иногда, когда ей становилось не въ моготу, она шла въ старинный залъ съ колоннами, гдѣ жили ея предки; въ этомъ залѣ между колоннами стоялъ портретъ Николая I. И она садилась у этого портрета въ широкое кресло съ полупившейся золоченой спинкой и долго созерцала благородныя черты „незабвеннаго“. Это созерцательное состояніе она называла „отдохновеніемъ подъ сѣнью незабвеннаго“, эпохой котораго она увлекалась. Да, цѣльная была женщина его мать.

А онъ? Вѣдь и онъ теперь явно не сочувствуетъ тому, что происходитъ. Разумомъ онъ понимаетъ, что Россія вышла изъ тѣхъ пеленокъ, въ которыхъ ее такъ долго, такъ властно и такъ жестоко держалъ проклятый полицейско-бюрократическій режимъ, не дававшій свободно развиваться ея спеленутому организму. Онъ отлично понималъ, что если народъ обнищалъ, что если мужикъ темень и дикъ, что если хроническія голодовки обезсиливаютъ Россію, то всему этому виной невозможный старый режимъ. Но вотъ идетъ на смѣну новый режимъ. Почему

же онъ какъ-то робко жмется къ сторонкѣ и не чувствуетъ въ своей душѣ ни священнаго негодованія къ угнетателямъ своей родины, ни радостнаго увлеченія къ ея новоявленнымъ освободителямъ? Онъ сочувствуетъ освободительному движенію, но больше „par acquit de conscience", изъ приличія, изъ вѣжливости.

Сергѣю Ивановичу сдѣлалось жутко. Печальная улыбка легла на его губы. Мысли его перешли къ представителю третьяго поколѣнія—къ Мишѣ. Что такое Миша? И самый этотъ вопросъ, ребромъ поставленный имъ себѣ, и удивилъ, и огорчилъ его. Какъ! Такъ, значитъ, и онъ не знаетъ своего сына? Но тогда зачѣмъ же онъ обвинялъ покойную мать, которая тоже не знала своего сына? И неужели же таковъ законъ, что люди одного поколѣнія никогда не понимаютъ людей другого поколѣнія? Онъ Мишу считалъ одно время человѣкомъ сухимъ, никого не любящимъ. Потомъ онъ сталъ думать, что Миша матеріалистъ, когда тотъ потребовалъ отъ него „сумму денегъ". И Сергѣй Ивановичъ думалъ, что изъ его индифферентизма, изъ его спокойнаго равнодушія выработались въ сынѣ, какъ эволюція этихъ душевныхъ свойствъ, эгоизмъ и сухость. И что же онъ увидѣлъ тогда, на митингѣ? Какого-то истерическаго юношу съ какими-то взвинченными идеями объ общемъ благѣ народа. Что тутъ общаго съ эгоизмомъ и сухостью? Человѣкъ, который убѣжденно говоритъ, что онъ пойдетъ на борьбу съ правительствомъ ради освобожденія родины. Онъ и деньги, и жизнь свою отдастъ для этой цѣли. Но вѣдь это именно то, что, кажется, называется героизмомъ? Или же это слова? Поза? Рисовка?

И Сергѣй Ивановичъ тщетно ломалъ себѣ голову. Такъ не знать своего сына! Да почему же наконецъ? Вѣдь онъ любилъ же его, воспиталъ его. Почему же онъ не всмотрѣлся ближе въ эту душу, почему онъ не попытался проникнуть въ самую глубь этой замкнутой души?

Но эти самые истеричные энтузіасты, какъ Миша, развѣ они, дѣйствительно, спасутъ Россію и выведутъ ее на новый путь? Нѣтъ, только въ будущемъ способно народиться новое поколѣніе людей, и то только если реформы будутъ широки и искренни. „А намъ всѣмъ приходится жить въ сумеркахъ передъ разсвѣтомъ. Мы — люди сумеречные, вотъ какъ эти осенніе вечера, слезливые, больные и нудные. Но за этими вечерами таится свѣтъ яркаго солнца, яркаго лѣтняго дня. Онъ будетъ свѣтить другимъ людямъ и освѣщать другія дѣла". И тутъ Сергѣю Ивановичу вспомнились слова провинціальнаго врача Петра Петровича: „Повѣрьте, — говорилъ онъ, — наша революо-

ція—это хроническій катарръ. Это не диссентерія, которая проходитъ кратко и бурно. Или унесетъ съ собой человѣка, или человѣкъ выздоровѣетъ. А это—скучный, вялый и длительный процессъ, съ которымъ много возни. Мелкота людей и безсиліе ихъ передъ крупными историческими событіями—вотъ трагизмъ нашей жизни. Мы — люди, управляемые жизнью. Тогда какъ жизнь должна управляться людьми въ организованныхъ обществахъ".

Съ этими мыслями Сергѣй Ивановичъ уснулъ. Онъ спалъ тяжелымъ, кошмарнымъ сномъ. Въ Москвѣ было пустынно, вымороченно, и она казалась городомъ наканунѣ какихъ-то великихъ событій. Трудно было опредѣлить, почему ему такъ казалось, но что-то предчувствовалось, что-то зрѣло въ этомъ спокойствіи, въ этомъ затишьи передъ бурей.

XI.

Въ „Пороспяхъ", куда Сергѣй Ивановичъ пріѣхалъ передъ вечеромъ, его ожидала картина, которая поразила его.

Какъ ни рисовался въ его воображеніи разгромъ, онъ никакъ не могъ себѣ представить такого дикаго разрушенія, такого вандальскаго нашествія.

Домъ стоялъ обугленный, какъ головешка, но все-таки уцѣлѣвшій въ своихъ главныхъ линіяхъ. Отъ службъ и конюшенъ остались одни стропила и обгорѣвшія бревна, словно покрытыя сине-стальной чешуей. Въ саду, за главнымъ домомъ, въ образцовомъ порядкѣ, подъ временно и наскоро выстроеннымъ навѣсомъ сложены были предметы и вещи внутренняго убранства и обихода: поломанные старинные стулья и диваны, столы, шкафы, канделябры, люстры, картины. Портретъ „незабвеннаго", сильно обожженный, накатанный на скалку, ютился въ углу, а старинная роскошная рама его по кусочкамъ была собрана и сложена въ кучку. Здѣсь же были и вещи материнскаго гардероба, и ея кровать, и тумбы краснаго дерева съ золотомъ, и ковры, и книги, и какіе-то искусственные цвѣты.

Управляющій водилъ Сергѣя Ивановича по этимъ обломкамъ прошлаго и жалостно приговаривалъ:

— Вотъ, извините, все, что осталось. Были ли деньги, бумаги, цѣнности—установить невозможно. Если и были, то, конечно, хранились въ банкѣ, въ губерніи. Не извѣстно ли вамъ, было ли завѣщаніе?

— Не знаю въ точности.

— Впрочемъ, это безразлично. Вы—единственный наслѣдникъ. Матушку вашу вынесли сюда. Она задыхалась отъ своей болѣзни, отъ испуга и отъ гари. Никто не хотѣлъ тушить пожаръ; ежели кто и не грабилъ, то боялся. А грабили, Сергѣй Ивановичъ, извините, прямо возмутительно. То-есть, не то что грабили,—это бы еще ничего,—а просто уничтожали—дико, безсмысленно. Паркъ-то, чудный нашъ паркъ—рубили и жгли. Огромныя деревья и сейчасъ лежатъ невывезенныя. Я вамъ приготовилъ комнату у себя. Неважно, но что же дѣлать! Быть можетъ, потомъ переѣдете въ губернскій, пока всѣ формальности не закончатся? Вѣдь это мѣсяца два-три пройдетъ, я думаю. А здѣсь, извините, что же дѣлать-то?

Сергѣй Ивановичъ ничего не отвѣтилъ.

Онъ былъ пораженъ картиной разрушенія. Изъ поколѣнія въ поколѣніе накапливались здѣсь богатства,—и вотъ теперь что отъ всего этого осталось? Жалкіе обломки!

Онъ простился съ управляющимъ до ужина и вышелъ въ паркъ. Надвигались зимнія сумерки. Было холодно и мозгло. Онъ пошелъ по главной аллеѣ. Толстыя, вѣковыя деревья тамъ и здѣсь преграждали ему путь, словно баррикады. Онъ взбирался на нихъ и перескакивалъ черезъ нихъ, двигаясь все дальше и дальше.

Отъ миѳологической богини остался одинъ пьедесталъ съ отколотымъ угломъ. Онъ вспоминалъ эту богиню, стоявшую здѣсь еще не такъ давно въ своей стыдливой наготѣ, въ ту дождливую осень, когда онъ жилъ еще въ плѣну у маменьки. Тогда ему казалось, что злые атеисты подвергли бичеванію мраморное тѣло богини, потому что тѣло это было покрыто зелеными полосами плѣсени и сырости. А теперь она лежитъ повержена въ прахъ, и рядомъ съ кускомъ ея шеи валяется обломокъ ея колѣна, а желѣзный обручъ, стягивавшій когда-то ея ногу, лежалъ здѣсь же, изогнутый, почти красный отъ насѣвшей на него ржавчины и похожій на змѣю.

Что-то вдругъ шарахнулось отъ него за кустомъ, и онъ увидѣлъ темный силуэтъ мужика съ топоромъ въ рукѣ. Ему не сдѣлалось отъ этого страшно. Напротивъ, мужикъ зашагалъ отъ него въ сторону гигантскими шагами, прямо черезъ чащу, не выбирая дороги.

Сергѣй Ивановичъ усмѣхнулся. Когда-то такого мужика затравливали псами, устраивали на него охоту, пороли на конюшнѣ и ссылали въ Сибирь или сдавали въ солдаты. Потомъ

его просто ловили на мѣстѣ преступленія съ понятыми и отдавали въ руки слѣдователя и судили „по закону". И при этомъ, все-таки, вѣроятно, келейно пороли. А теперь? За всѣ эти обиды этотъ самый мужикъ изболѣвшій, изголодавшійся, вооружился огнемъ и топоромъ и пошелъ противъ своихъ угнетателей и эксплоататоровъ своего труда. И на него высылаютъ теперь казаковъ, цѣлые отряды,—но это уже не помогаетъ.

Сергѣй Ивановичъ шагалъ, одолѣваемый этими мыслями, по направленію къ дому.

Становилось темно, становилось жутко.

И когда онъ увидѣлъ сквозь чащу деревьевъ красноватый огонекъ флигеля управляющаго, то ему сдѣлалось почти весело.

Управляющій ждалъ его съ ужиномъ. Разоренный флигель тотчасъ же послѣ разгрома былъ возобновленъ. Теперь въ этихъ небольшихъ комнатахъ было уютно, чисто, свѣтло. Шумѣлъ на столѣ самоваръ, и молодая дѣвушка Ѳеня, бывшая въ услуженіи у покойной Тихменевой, возилась съ посудой и закуской.

Управляющій иногда умильно взглядывалъ на Ѳеню, и Сергѣй Ивановичъ замѣтилъ это, но не показалъ виду.

Онъ совершенно не зналъ этого управляющаго, котораго покойная мать держала въ черномъ тѣлѣ и никогда не показывала гостямъ. Она принимала его доклады раннимъ утромъ на задней террасѣ, когда всѣ въ домѣ спали, а иногда поздно вечеромъ занималась въ своемъ будуарѣ его отчетами.

Сергѣй Ивановичъ, конечно, встрѣчался съ нимъ во время своего пребыванія въ усадьбѣ, но не приглядывался къ нему.

Теперь ему захотѣлось ближе ознакомиться съ нимъ. Управляющій былъ сынъ дьякона. Онъ не кончилъ курса семинаріи и предпочелъ совершенно оставить духовную карьеру, найдя по протекціи отца мѣсто управляющаго у Тихменевой. Это было лѣтъ двадцать тому назадъ. Сначала никакъ не могли у него наладиться отношенія съ помѣщицей, и нѣсколько разъ онъ былъ на волоскѣ, чтобы уйти отъ нея. Но потомъ отношенія какъ-то незамѣтно сгладились. Дѣятельность управляющаго пришлась ему по вкусу—дѣла было не особенно много, главнымъ образомъ потому, что всѣми дѣлами вѣдала самолично хозяйка имѣнья; жалованье было не особенно большое; но управляющій и не имѣлъ никакихъ особенныхъ потребностей; онъ былъ въ нихъ очень ограниченъ, былъ холостой и не тратилъ даже того, что получалъ. А когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, умеръ его вдовецъ-отецъ и оставилъ ему небольшое состояньице, скопленное за много лѣтъ службы въ уѣздномъ городѣ при церкви и

при прогимназіи, то онъ могъ бы и совершенно бросить мѣсто. Но къ этому времени онъ уже такъ свыкся съ своей должностью, что ему это даже ни разу не пришло и на умъ.

— Такъ вотъ, Сергѣй Ивановичъ, какія дѣла пошли!—проговорилъ онъ, обращаясь къ новому владѣльцу и угощая его ужиномъ.—Извините, это уточка съ брюквой,—Ѳеня приготовляла. Можетъ, не любите? Она вѣдь не особенная мастерица.

Сергѣй Ивановичъ конфузился.

— Это очень вкусно,—смущенно говорилъ онъ и ѣлъ, хотя ему вовсе не хотѣлось ѣсть.—Очень вкусно! Такъ это Ѳеня... Это та Ѳеня, что служила у матушки?

— Какъ же,—предупредительно отвѣтилъ управляющій,—это та самая Ѳеня, которая замѣстила провинившуюся Агашу.

Сергѣй Ивановичъ старался припомнить Агашу и ея вину. Онъ, наконецъ, вспомнилъ и, чтобы что-нибудь сказать, спросилъ:

— А что же Агаша?

Управляющій ухмыльнулся многозначительно.

— Агаша, извините, живетъ у Петра Петровича съ того времени. Не знаю достовѣрно, я врагъ сплетенъ, а такъ поговариваютъ, будто она у него, извините, экономкой и даже больше. Такъ что будто бы Петръ Петровичъ женится на ней.

Сергѣй Ивановичъ не зналъ, что сказать, и помолчалъ.

— А гдѣ же Петръ Петровичъ?—спросилъ онъ.

— Они теперь—въ губерніи. Тамъ, извините, теперь образуются партіи разныя политическія, клубы, что-ли. Такъ они большое участіе принимаютъ въ этомъ движеніи. Такъ что, полагать надо, они сдѣлаются членомъ Думы, депутатомъ, что-ли.

— А вы вѣрите, что Дума будетъ?

— Какъ-же-съ, ежели объявлено.

— А вы какъ относитесь къ Думѣ?

Вопросъ, видимо, засталъ управляющаго врасплохъ. Онъ помахалъ руками въ воздухѣ, склонилъ голову на бокъ и послѣ продолжительной паузы смущенно отвѣтилъ:

— Да какъ вамъ сказать, Сергѣй Ивановичъ? Я не политикъ. Происхожденія, извините, духовнаго; отецъ много работалъ и обезпечилъ свое и мое существованіе; я доволенъ своимъ положеніемъ. Образованіе я получилъ, извините, малое и въ вопросахъ сихъ не освѣдомленъ, такъ какъ вопросы сіи свѣтскаго порядка. Сказать хотя бы о свободѣ личности, то таковой дѣйствительно мало, какъ и неприкосновенности. Любой становой при всякомъ, извините, случаѣ такъ прикасается къ лицу, что даже до выворачиванья скулъ. Никакихъ гарантій.

Сергѣй Ивановичъ думалъ, что управляющій шутитъ или иронизируетъ, но онъ говорилъ совершенно серьезно.

— Теперь скажемъ касательно аграрнаго вопроса, земли. Земли, дѣйствительно, у мужика мало. И черезполосицы, и все. Это, извините, вѣрно. А только недоумѣваю объ одномъ. Хорошо, землю дайте, сколько угодно, скажемъ столько, сколько нужно, и даже сверхъ мѣры. Такъ вѣдь этого, извините, мало. Нужны еще орудія обработки. Какъ я буду обрабатывать землю, ежели у меня нѣтъ ни сохи, ни плуга, ни быковъ, ни лошади, ни иного скота. Ни даже, извините, сѣмени для обсѣмененія полей? Ни денегъ на покупку онаго. Скажемъ больше: знаній нѣтъ—какъ вести обширное хозяйство, культуры нѣтъ.

— Такъ что же нужно, по-вашему?

— Я такъ думаю, извините мое невѣжество, что свѣтъ нуженъ. Свѣтъ просвѣщенія. А земли сколько даже угодно. Земли больше, чѣмъ нужно.

— Да что вы!—вскрикнулъ Сергѣй Ивановичъ.

— Вы меня не поняли. То-есть, земли, которою можно надѣлить крестьянъ. Свободныхъ земель.

— Откуда же?

— А очень просто. Любой помѣщикъ, по нынѣшнимъ временамъ, за милую душу отдастъ свои земли. Кому, извините, охота сидѣть на землѣ, когда васъ, скажемъ, грабятъ, рубятъ и жгутъ. Да вотъ вамъ—Залѣсовы—на что исконные помѣщики, а только послѣ случая съ вашей матушкой—царствіе ей небесное!—и тѣ вошли въ банкъ крестьянскій съ ходатайствомъ о продажѣ. А Лысогоровъ, Иванъ Ивановичъ—„пущай, говоритъ, крестьяне землю берутъ; дайте мнѣ, говоритъ, деньги, хотя бы малыя, и я со всѣмъ своимъ удовольствіемъ переѣду въ Петербургъ, въ государственный совѣтъ служить“. Евгенія Петровна—онѣ въ тому времени вернулись—такъ даже въ ладоши захлопали и окончательно помирились съ супругомъ, послѣ случая съ Агашей. И такъ, извините, всѣ. Господа помѣщики бѣгутъ съ земли, а не то чтобы что! А только, вотъ, что будутъ дѣлать мужики со всей этой землей, безъ орудіевъ, скота и всякаго инвентаря? Да вотъ и вы, Сергѣй Ивановичъ, развѣ вы будете здѣсь сидѣть? Да вы, извините, навѣрное продадите землю мужикамъ. Кликните только кличъ. Пущай правительство скажетъ: кто хочетъ продать землю? Ни одного помѣщика на мѣстахъ не останется. Всѣ удалятся. И аграрнаго вопроса—какъ не бывало. Можетъ, я что глупое сказалъ, извините; я, вѣдь, человѣкъ съ малымъ образованіемъ.

Но слова малообразованнаго человѣка имѣли свое дѣйствіе. Сергѣй Ивановичъ, ѣдучи сюда, дѣйствительно, не зналъ, что ему дѣлать съ наслѣдствомъ, и послѣ словъ управляющаго его словно осѣнило. Конечно, продать, продать землю хоть за грошъ мужикамъ и уѣхать отсюда.

Онъ пробылъ въ усадьбѣ съ недѣлю, знакомясь съ своимъ наслѣдствомъ, съ описями, отчетами и остатками послѣ разгрома. Управляющій оказался человѣкомъ добросовѣстнымъ и знающимъ.

Покончивъ со всѣми дѣлами на мѣстѣ, Сергѣй Ивановичъ отправился въ губернскій городъ, гдѣ было отдѣленіе крестьянскаго банка, и принялся хлопотать о продажѣ. Онъ побывалъ у нотаріуса, въ судѣ, у адвоката, и хлопоталъ о вводѣ его во владѣніе, объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства. Все это брало много времени, но, благодаря его связямъ и тому, что всѣ знали его мать и его семейное положеніе, ему удалось все устроить скорѣе, чѣмъ онъ думалъ. Въ отдѣленіи государственнаго банка лежало болѣе, чѣмъ на семьдесятъ тысячъ бумагъ покойной Тихменевой, вслѣдствіе чего Сергѣй Ивановичъ рѣшилъ землю не продавать, а просто раздать въ даръ крестьянамъ. И это взяло много хлопотъ, чуть ли еще не больше, чѣмъ еслибы онъ затѣялъ продажу земли банку. Власти отнеслись не особенно сочувственно къ его желанію подарить землю мужикамъ.

— Это развратъ, — говорили ему. — Помилуйте, крестьяне васъ жгли и грабили, были, такъ сказать, причиной смерти вашей матушки, а вы, какъ бы въ награду за это, отдаете имъ землю. Это — дурной примѣръ. Это какъ бы даетъ имъ поводъ думать, что и съ сосѣдними экономіями можно поступить такъ же. Помѣщики испугаются и отдадутъ все, лишь бы спасти свою жизнь.

Но Сергѣй Ивановичъ на этотъ разъ твердо стоялъ на своемъ. Не высокая гражданская идея, не страхъ безпорядковъ руководили имъ, а просто чувство невыносимой скуки отъ всей этой возни съ землей, которая ему не была нужна. У него есть свое небольшое состояніе отъ отца, есть теперь капиталъ отъ матери. Онъ одинокъ — у него больше, чѣмъ ему нужно. Сынъ ушелъ отъ него; жениться онъ не думалъ. Въ любовь Симы онъ извѣрился. Вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ онъ въ этихъ краяхъ, а онъ получилъ всего два письма отъ Симы, коротенькихъ, равнодушныхъ и наполненныхъ свѣдѣніями о Всеволодѣ Григорьевичѣ. Удивительно интересно ему было читать о ея мужѣ! И читая эти строки, написанныя тонкимъ, неровнымъ почеркомъ, онъ ст.

каждой буквой убѣждался, что Сима никогда и никого въ сущности не любила, какъ только Всеволода Григорьевича. Романъ съ нимъ былъ, очевидно, мимолетнымъ капризомъ, съ которымъ она не знала теперь, какъ бы приличнѣе кончить. Но онъ зналъ. Онъ реализуетъ всѣ свои капиталы, развяжется съ землей, уѣдетъ въ Петербургъ, чтобы покончить служебныя дѣла съ банкомъ, дождется весны и уѣдетъ заграницу, рѣшительно все ликвидировавъ на родинѣ, гдѣ онъ себя чувствуетъ чужимъ, вымирающимъ, никому ненужнымъ, ни къ чему негоднымъ, ни для чего неприспособленнымъ. Участь незавидная, но что же дѣлать! Онъ человѣкъ восьмидесятыхъ годовъ, какъ его называлъ Петръ Петровичъ. То-есть, человѣкъ съ ущемленной волей, воспитанный въ деспотизмѣ и равнодушіи къ общественному благу. Тѣмъ лучше, если такіе люди уйдутъ изъ Россіи и очистятъ путь другимъ, болѣе нужнымъ и болѣе сильнымъ.

И при мысли о своей эмиграціи, онъ приходилъ въ радужное настроеніе. Ужъ одно то, что онъ отдѣлается отъ Ладина и всѣхъ своихъ сослуживцевъ! Ужъ одно то, что онъ не будетъ видѣть Симы въ обществѣ ея мужа, съ которымъ она, по странному капризу, требовала отъ него дружескихъ, пріятельскихъ отношеній! Ужъ одно то, что онъ не будетъ видѣть Симу у себя, Симу, сидящую какъ на иголкахъ и вѣчно торопящуюся домой, гдѣ ее ждетъ Всеволодъ Григорьевичъ. Злая судьба лишила его Катюши, лишила его сына теперь лишаетъ его Симы. Зато она наградила его благосостояніемъ матеріальнымъ. Ну, что-жъ! Бороться онъ никогда не умѣлъ, и не теперь, на склонѣ лѣтъ, начинать борьбу. Надо покориться. Чего ему будетъ жаль, это — Катюшиной могилы. Но въ концѣ концовъ — „мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій“... Въ послѣднее время онъ всячески старался сбрасывать съ себя все тяжелое, все суровое, все печальное, что наваливала на него жизнь. Вотъ только какъ онъ будетъ пользоваться жизнью? „Ну, тамъ видно будетъ!“ — утѣшалъ онъ себя неопредѣленнымъ утѣшеніемъ всѣхъ безвольныхъ людей.

XII.

Въ декабрѣ Сергѣй Ивановичъ возвращался изъ деревни. Московское вооруженное возстаніе только-что кончилось. Обо всѣхъ этихъ ужасахъ онъ читалъ въ газетахъ и наслушался достаточно разговоровъ отъ очевидцевъ, бѣжавшихъ въ глубь провинціи.

Въ Москвѣ ему пришлось остановиться для нѣкоторыхъ дѣлъ. Москва имѣла странный видъ отвоеваннаго отъ непріятеля города. На улицахъ было пусто. Городовые съ ружьями густо разставлены были по Москвѣ и производили странное впечатлѣніе. Конные разъѣзды попадались на каждомъ шагу. Вечеромъ нельзя было выходить на улицу; на вокзалахъ обыскивали пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ. Строгій надзоръ былъ установленъ въ отеляхъ. Всѣ имѣли какой-то подавленный, сконфуженный видъ; всѣ опасались другъ друга, и больше молчали, если приходилось сталкиваться съ глазу на глазъ. Но политическая жизнь кипѣла. Общество, еще недавно молчавшее, вдругъ заговорило. Заговорило съ тѣмъ обиліемъ словъ, которое всегда слѣдуетъ послѣ долгаго молчанія,—и съ тѣмъ отсутствіемъ чувства мѣры, съ той страстностью и гиперболичностью, которыя являются естественнымъ послѣдствіемъ долгаго и тяжелаго гнета. Образовывались политическія партіи, всевозможныя теченія, взаимно противоположныя, сталкивавшіяся между собою, не хотѣвшія уступать другъ другу даже въ мелочахъ. Нужно было много труда, чтобы во всемъ этомъ разобраться. Но среди этихъ политическихъ ручейковъ забился ключъ, который съ упорствомъ и силой пробивалъ себѣ путь, ширился, углублялся и росъ.

Въ сторонѣ всего этого взбаломученнаго движенія стоялъ Сергѣй Ивановичъ со своей унылой душой, походившей на испорченный музыкальный инструментъ, лишенный струнъ. Онъ думалъ только объ одномъ,—какъ бы скорѣе покончить дѣла и уѣхать.

Онъ сидѣлъ у окна гостинницы и смотрѣлъ на улицу. Лакей принесъ ему чай, свѣжій московскій калачъ и сырую газету. Сергѣй Ивановичъ разсѣянно пробѣжалъ столбцы и вдругъ, какъ тогда, въ Петербургѣ, въ день всеобщей забастовки, вниманіе его было остановлено мелькнувшимъ именемъ. Что-то дрогнуло въ его сердцѣ, какъ будто оборвалась какая-то струна. Тогда остановило его вниманіе материнской усадьбы, теперь—его собственное имя: Истоминъ.

Онъ вчитался внимательнѣе:—да, да, это Миша. Строчки забѣгали въ его глазахъ. Онъ въ волненіи отложилъ газету въ сторону, потомъ снова взялъ ее,—и теперь уже не оставалось никакого сомнѣнія: въ числѣ жертвъ московской революціи былъ Михаилъ Истоминъ, наборщикъ, бывшій студентъ. Въ длинномъ спискѣ онъ значился раненнымъ и находящимся на излеченіи въ тюремной больницѣ.

Сергѣй Ивановичъ сильно заволновался. Волненіе отразилось

на его ногахъ; онъ не могъ сразу встать. Сердце колотилось въ груди, и онъ ощущалъ, почти слышалъ ухомъ его глухіе удары. Онъ снова взялся за газету, въ десятый разъ прочиталъ знакомое и дорогое имя.

Миша! Его милый, нѣжный мальчикъ, ходившій когда-то въ кудряхъ! Миша, о которомъ такъ болѣло сердце его незабвенной Катюши. Тотъ Миша, который былъ ему такъ дорогъ при жизни жены, который отошелъ на второй планъ во время увлеченія его Симой и который лежитъ теперь, можетъ быть, умирающій въ тюремной больницѣ.

Сергѣй Ивановичъ прислушался къ своему внутреннему чувству. Что-то билось и клокотало въ груди. Въ ушахъ стоялъ шумъ, голова кружилась, глаза были горячи, словно налиты кипяткомъ, но слезъ не было. Тревожное, нервное, болѣзненное настроеніе овладѣло имъ.

Онъ быстро одѣлся и вышелъ.

Пріѣхавъ къ градоначальнику, онъ долго ждалъ, пока его приняли и выслушали его просьбу. Одни смотрѣли на него сочувственно, а дама въ черномъ, которая была тоже въ числѣ просительницъ, услыхавъ его просьбу, — расплакалась; нервы у всѣхъ были взвинчены; другіе смотрѣли на него съ недовѣріемъ и обидно оглядывали его; нѣкоторые — съ презрѣніемъ, очевидно какъ на отца, не сумѣвшаго воспитать сына; но большинство — съ торопливымъ безразличіемъ, потому что всѣ были очень заняты. Его послали въ канцелярію генералъ-губернатора. Здѣсь онъ потерялъ много времени, и отсюда отправили его къ слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ. Слѣдователь отсутствовалъ, и Сергѣю Ивановичу пришлось ни съ чѣмъ вернуться домой.

На другой день, послѣ ужасной, безсонной ночи, онъ принялся вновь за хлопоты; побывалъ вторично у слѣдователя, потомъ у прокурора и наконецъ уже къ вечеру получилъ разрѣшеніе на свиданіе съ сыномъ.

Но тюремная больница была уже заперта — и рѣшительно никого не допускали для свиданій. Ему пришлось издалека возвращаться назадъ. Извозчики не хотѣли везти, опасаясь „положенія“, по которому позже десяти часовъ вечера нельзя было появляться на улицѣ. Одинъ взялся доставить его за баснословную цѣну въ гостиницу. Они поѣхали, но постоянно натыкались на разъѣзды и патрули, которые ихъ останавливали и опрашивали. Сергѣй Ивановичъ вынималъ паспортъ, прокурорское разрѣшеніе, объяснялся, волновался. Одинъ городовой, вооруженный ружьемъ, чуть не отправилъ его для ночевки въ уча-

стокъ. Но, въ концѣ концовъ, все обошлось, и поздно вечеромъ Сергѣй Ивановичъ пріѣхалъ наконецъ въ гостиницу.

И эту ночь Сергѣй Ивановичъ не спалъ. Опять черныя мысли усаживались вокругъ него, и ему казалось, что онъ окруженъ злыми воронами. А что если Миша уже умеръ? Но онъ не хотѣлъ допускать даже этой мысли; онъ гналъ ее отъ себя, какъ гонятъ иногда привязавшійся назойливый мотивъ.

XIII.

Послѣ долгихъ, утомительныхъ и раздражающихъ формальностей, Сергѣя Ивановича наконецъ допустили до свиданія.

Начальникъ, отъ котораго зависѣлъ допускъ, оказался человѣкомъ мягкимъ. Онъ взглянулъ на исхудалое, осунувшееся, пожелтѣвшее какъ пергаментъ лицо Сергѣя Ивановича, на его ввалившіеся отъ горя и безсонной ночи глаза, на его безкровныя губы и дрожавшую челюсть, на его впавшіе виски съ сильно посѣдѣвшими волосами, — и его взяла жалость. Вотъ этотъ человѣкъ, стоящій передъ нимъ въ безсильной позѣ просителя, убитъ горемъ. Но горе еще впереди. Ужасное, злое горе. Михаилъ Истоминъ доживаетъ послѣдній день, можетъ быть—послѣднія минуты. Онъ приговоренъ. Приговоренъ не судомъ людскимъ, а Божьимъ. Не судьи приговорили его къ смерти, а врачи.

Начальникъ ничего не сказалъ объ этомъ Сергѣю Ивановичу, а просто, отобравъ отъ него бумагу прокурора, разрѣшилъ ему свиданіе даже безъ свидѣтелей.

Миша лежалъ на больничной койкѣ, въ грубомъ больничномъ бѣльѣ, и голова его покоилась на плоской, какъ блинъ, и грязноватой подушкѣ. Лицо его было блѣдно-желтое, словно покрытое тонкимъ слоемъ воска, и такъ же блестѣло, какъ воскъ. Хмурое утро зимняго дня глядѣло черезъ высокое окно, забранное толстой рѣшеткой, и бросало на его лобъ, на линію обострившагося носа и на сухія, запекшіяся губы голубовато-сѣрые, холодные блики. Волосы, точно слипшіеся, плотно прилегали къ головѣ и были всклокочены на вискахъ отъ безпрерывныхъ, безпокойныхъ движеній, которыя Миша дѣлалъ головой. Глаза его сдѣлались огромными, и черные круги, охватывавшіе ихъ и углублявшіе ихъ, увеличивали это впечатлѣніе огромности. Худыя, почти желтыя, костлявыя руки были высвобождены изъ подъ одѣяла и нервно искали что-то на груди, какъ-то непроизвольно задерживаясь за рубаху. Грудь была полуоткрыта.

Когда-то здоровая, богатырская грудь теперь впала, ввалилась, словно ее придавили, притиснули камнемъ. На шеѣ, на тонкой цѣпочкѣ, висѣлъ образокъ и красное эмалевое яичко, которое подарила ему въ послѣднюю Пасху Катюша. Очевидно, онъ не разставался съ этими дорогими ему реликвіями даже въ послѣднее время, когда сдѣлался атеистомъ и революціонеромъ.

Эта подробность, которую не могъ не замѣтить Сергѣй Ивановичъ, такъ потрясла его, что онъ чуть не разрыдался.

Увидѣвъ подошедшаго къ нему отца, Миша широко открылъ глаза, метнулся головой въ сторону, и судорожно-болѣзненная улыбка тронула его губы.

И въ горестномъ ужасѣ отецъ искалъ смысла въ этомъ горячечномъ взорѣ и въ этой блѣдной улыбкѣ. Мучительно хотѣлось узнать ему, какой смыслъ таился въ этомъ взорѣ и этой улыбкѣ. Прощеніе, примиреніе, озлобленіе или тоска по загубленной жизни? И вдругъ ему показалось, что ничего этого не было, а было въ нихъ выраженіе равнодушнаго спокойствія. И отъ этого равнодушнаго спокойствія, отъ этого нежеланія жить. Сергѣю Ивановичу сдѣлалось страшно.

— Миша!—прошепталъ онъ, стараясь овладѣть собою.

— Папа, здравствуй! — хриплымъ голосомъ проговорилъ больной.

Свѣтлый лучъ радости освѣтилъ душу Сергѣя Ивановича.

Давно-давно Миша пересталъ называть его „папой", и говорилъ ему при обращеніи „отецъ", а чаще всего ничего не говорилъ.

— Миша, мальчикъ мой, родимый! Что съ тобой... зачѣмъ?

Но онъ почувствовалъ сразу всю неумѣстность, всю безтактность этихъ вопросовъ. И тщетно онъ старался мыслью поймать что-то бродившее въ сознаніи, чтобы сказать сыну что-нибудь достойное его предсмертнаго состоянія, что-нибудь огромное, цѣнное, важное. Но всѣ мысли, всѣ слова звучали такъ болѣзненно-банально передъ величіемъ смерти, надвигавшейся къ койкѣ Миши, что Сергѣй Ивановичъ въ безсиліи опустился на табуретъ, закрылъ лицо руками и беззвучно зарыдалъ.

И тутъ онъ оказался слабымъ, и тутъ, въ эту страшную и торжественную минуту, онъ не сумѣлъ овладѣть собой.

— Оставь, папа!—услышалъ онъ надъ собой голосъ, который показался ему голосомъ тѣни, а не человѣка.—Все прошло. Нашелъ меня—спасибо. Ты не думай, я въ сознаніи. Въ полномъ сознаніи. Это не страшно. Я умру, скоро умру... но это не страшно.

— Миша, родной, мальчикъ мой! Не говори такъ... не говори много. Ахъ, ты, Боже мой! Развѣ ты такъ плохо себя чувствуешь?

— Безнадежно. Пусто вездѣ. Въ головѣ, въ груди. Это ничего; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Право, лучше, папа.

Сергѣй Ивановичъ жадно вглядывался теперь въ искаженныя страданіемъ черты лица Миши. Какъ будто ему навѣки хотѣлось запечатлѣть эти мученическія черты.

— Мнѣ говорить не трудно,—продолжалъ Миша.—Дай поговорить!—вдругъ жалобнымъ, чисто дѣтскимъ звукомъ вырвалось у него.—Дай попить. Сохнетъ въ горлѣ.

Дрожащими руками Сергѣй Ивановичъ взялъ со столика стаканъ и подалъ ему.

„Можно ли? Можетъ, вредно?“ — промелькнуло у него въ мысляхъ. Но онъ тотчасъ же почувствовалъ всю нелѣпость этихъ сомнѣній. Теперь ему все можно.

Миша жадно прильнулъ губами къ стакану, на донышкѣ котораго оставалось немного мутной отъ лимона воды. И голосъ его сталъ чище, прозрачнѣе.

— Одинъ крикнулъ: „а вы пойдете?“ —заговорилъ онъ, точно былъ увѣренъ, что отецъ знаетъ, о чемъ онъ говоритъ. — И я отвѣтилъ: „я пойду“. И я пошелъ. Меня взяли на баррикадѣ... тогда взяли баррикаду. Я истекалъ кровью. Сопро... сопротивляться я не могъ. Я раненъ въ животъ и въ грудь. Я доказалъ, что пойду...

Онъ остановился; съ большими, мучительно болѣзненными усиліями, онъ сдѣлалъ вздохъ и заговорилъ снова.

Сергѣй Ивановичъ не останавливалъ его. Не все ли равно теперь? Что Миша умираетъ, это же ясно. Если ему доставляетъ удовольствіе — пусть говоритъ.

— До тѣхъ поръ,—говорилъ Миша,—пока меня не спросили, пойду ли я, я и самъ не зналъ... Но когда спросили и я отвѣтилъ, я уже зналъ, что навѣрно пойду. Ну, вотъ... Не я одинъ, насъ много. И будетъ еще больше.

Онъ замолчалъ.

Молчаніе длилось долго, становилось зловѣщимъ. Съ трепетнымъ страхомъ вглядывался Сергѣй Ивановичъ въ лицо Миши. И одинъ вопросъ мучилъ его до такой степени, что онъ не могъ не спросить:

— Миша, зачѣмъ ты пошелъ, мой любимый?

— Зачѣмъ? Ахъ, папа, такъ без... безпросвѣтно было жить, такъ скучно!.. Кругомъ загорѣлась новая, свѣтлая жизнь. А я ка-

зался себѣ мертвецомъ, никому ненужнымъ. И такъ захотѣлось подвига! Вѣдь подвигъ, папа, это все въ жизни. Подвига хотѣлось. И вотъ, я лежу здѣсь. Это не дорогая цѣна за подвигъ. И мамѣ всю жизнь хотѣлось подвига. Только она была слабая, больная и очень мучилась этимъ. Я усталъ...

Онъ закрылъ глаза и впалъ въ забытье. Очевидно, что-то огромное, тяжкое, страшное стало передъ его больнымъ, вошмарнымъ воображеніемъ, потому что онъ дѣлалъ усиленныя движенія руками, чтобы отстранить отъ себя это что-то грозно на него надвигавшееся. Но руки его были слабы и еле подымались отъ груди.

Въ лихорадочномъ бреду онъ заговорилъ:

— Новая жизнь!.. Россія хочетъ новой жизни. Новой жизни... Новая жизнь покупается смертью. Цѣна недорогая... А мы... э... эфемериды. Онъ сказалъ: иди! Кому-нибудь надо. Я ухожу, ухожу... Уйди! Зачѣмъ же сейчасъ?..

Онъ пробормоталъ еще нѣсколько словъ и вдругъ открылъ глаза. Туманъ холоднаго, хмураго утра прошелъ. Тамъ, за оголенными деревьями, черныя вѣтви которыхъ рисовались на переплетѣ чугунной рѣшетки, желтый лучъ блѣднаго зимняго солнца робко побѣждалъ бѣлесоватую мглу, осилилъ ее, пробрался черезъ окно въ эту палату тюремной больницы и ласково легъ на грудь умиравшаго.

— Это солнце? — въ безпамятствѣ, слабымъ голосомъ, въ которомъ звучали нотки неземной радости, спросилъ Миша.

Сергѣй Ивановичъ вздрогнулъ.

Вѣдь именно такъ спрашивала его въ послѣднія минуты жизни Катюша, которой тоже блеснуло въ глаза солнце, тоже блѣдное и робкой солнце, но зарождавшейся весны.

Это странное совпаденіе произвело на него больное впечатлѣніе.

И онъ отвѣтилъ Мишѣ, какъ тогда отвѣтилъ Катюшѣ:

— Да, милый, это солнце.

Миша пробормоталъ еще нѣсколько словъ. Рубашка его раздвинулась, и Сергѣй Ивановичъ увидѣлъ, что грудь его забинтована широкимъ марлевымъ бинтомъ.

Миша сильно закашлялся.

Прибѣжала сидѣлка, подставила тазъ, который достала подъ кроватью, къ его губамъ. Миша кашлялъ и выплевывалъ въ тазъ сгустки запекшейся крови. Одной рукой сидѣлка поддерживала его лобъ, другой держала тазъ.

Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ безпомощно, безсильно опустивъ

руки. Все болѣло и стонало въ его надорванной душѣ. Онъ боялся поднять глаза, боялся прислушиваться къ этому хриплому свисту, вырывавшемуся изъ груди его сына.

И когда онъ, наконецъ, поднялъ эти глаза, подъ властнымъ вліяніемъ какого-то страннаго чувства, задѣвшаго его душу точно ледянымъ крыломъ, то онъ увидѣлъ, какъ сидѣлка двумя пальцами одной руки придерживала вѣки Миши.

Лицо Миши было теперь сѣрое, безжизненное.

— Что это? Что? — казалось Сергѣю Ивановичу, что онъ крикнулъ, но слова эти вышли изъ его горла шопотомъ.

И тѣмъ же торжественнымъ шопотомъ прозвучалъ отвѣтъ сидѣлки:

— Кончился.

Она подержала еще вѣки Миши, пока они не застыли, потомъ широко перекрестилась и поцѣловала его въ лобъ.

Машинально, подражательно сдѣлалъ тѣ же движенія и Сергѣй Ивановичъ въ полномъ безсознаніи совершившагося. Лобъ Миши показался ему холоднымъ какъ слоновая кость.

Откуда-то пришелъ врачъ, косо оглядѣлъ Сергѣя Ивановича, ничего не сказалъ, поднялъ вѣки Миши, вглядѣлся въ нихъ и сказалъ сидѣлкѣ:

— Предупредите служителей, чтобы вынесли въ покойницкую. Пусть скажутъ смотрителю. Есть родственники? Вы?—обратился онъ къ Сергѣю Ивановичу.

— Я... отецъ.

Врачъ вдругъ смягчился.

— Надо благодарить судьбу. Все равно повѣсили бы или безсрочная каторга. Жизнь юноши была загублена. Лучше такъ.

Онъ поклонился и вышелъ изъ палаты.

Скоро силуэтъ его исчезъ въ длинномъ корридорѣ.

XIV.

— Вы говорите объ автономіи окраинъ? Какой вздоръ!

— Почему вздоръ? — выдержаннымъ и слегка надменнымъ тономъ спросилъ Всеволодъ Григорьевичъ своего оппонента.—Почему вздоръ, Александръ Ивановичъ?

Прудниковъ оглядѣлъ Александра Ивановича корректнымъ взоромъ; но въ самой глубинѣ его врачковъ притаилось полупрезрительное выраженіе, никому не замѣтное, кромѣ Симы.

Ужъ Сима-то знала хорошо своего мужа, и въ ея красивы

глазахъ мелькнулъ злобный огонекъ. Raccommodage съ мужемъ уже кончился нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и теперь она была въ періодѣ увлеченія Александромъ Ивановичемъ.

Многочисленные поклонники Серафимы Николаевны диву давались, когда распространился слухъ объ этомъ увлеченіи. Ничего особеннаго не было въ Александрѣ Ивановичѣ, кромѣ полноты тѣла и веселости нрава. Но Серафима Николаевна была „un monde en formation", какъ ее удачно назвалъ Александръ Ивановичъ, и всѣ элементы, изъ которыхъ этотъ новый міръ долженъ былъ сложиться, находились еще въ расплавленномъ состояніи, бродили, кипѣли, кристаллизовались и испарялись, подчиняясь какому-то невѣдомому закону, и никто не зналъ, во что отольется, какія формы приметъ эта ярко-горящая звѣздочка.

Александръ Ивановичъ и Всеволодъ Григорьевичъ не любили другъ друга. Первый не могъ любить мужа Симочки уже по одному тому, что онъ былъ мужемъ; кромѣ того, онъ не любилъ его за то, что Прудниковъ былъ очень серьезнымъ, очень дѣловитымъ человѣкомъ, а это Александру Ивановичу казалось невѣроятно скучно. Менѣе всего въ жизни онъ переносилъ скуку и искренно удивлялся Симѣ, какъ она можетъ коротать дни („и ночи",—прибавлялъ онъ въ интимномъ разговорѣ) съ такимъ черствымъ сухаремъ, „который можно разгрызть только хорошенько помочивши въ чаѣ". Всеволодъ Григорьевичъ платилъ ему антипатіей за его вѣчное балагурство, благёрство и „неумныя выходки", а въ глубинѣ души и за то, что имъ увлекалась жена. Впрочемъ, къ послѣднему обстоятельству онъ уже сталъ понемногу привыкать за шесть лѣтъ супружеской жизни, и въ спокойныя минуты спокойно говорить съ ней о ея увлеченіяхъ. Это вообще было оригинальное супружество.

На настойчивый вопросъ Всеволода Григорьевича Александръ Ивановичъ отвѣтилъ:

— Потому вздоръ-съ, что окраинамъ автономія не нужна.

— Вотъ какъ!

— Именно-съ. Финляндія ее имѣетъ. И даже не автономію, а конституцію. Царство Польское не имѣетъ автономіи ни въ Австріи, ни въ Германіи. Почему оно должно имѣть у насъ? Если мы дадимъ Польшѣ автономію, то этимъ подымемъ австрійскую и нѣмецкую Польшу и вызовемъ европейскую войну. Горючаго матеріала много. Можетъ быть, устроить армянское царство?

Всеволодъ Григорьевичъ передернулъ плечами.

— Хотя бы и такъ, — вѣжливо сказалъ онъ. — По моему,

государство не должно вмѣшиваться во внутреннія дѣла своихъ народностей. Это равносильно вотъ чему: я служу въ министерствѣ, какъ вамъ извѣстно, Александръ Ивановичъ. Я хожу на службу и исполняю свои обязанности со свойственнымъ мнѣ усердіемъ и добросовѣстностью. Такъ вотъ министерство пусть и требуетъ отъ меня исполненія моихъ повинностей. Но странно бы было, еслибы мое начальство стало слѣдить, что у меня дѣлается дома, почему у меня служитъ лакей, а стулья разставлены такъ, а не иначе. Я бы сказалъ начальству: это не ваше дѣло. Вы вправѣ отъ меня требовать исполненія служебныхъ обязательствъ, но не больше. Остальное—дѣло внутренняго распорядка...

Всеволодъ Григорьевичъ говорилъ спокойно, методично, логично. Александру Ивановичу дѣлалось все скучнѣе и скучнѣе, и ему хотѣлось крикнуть: „Довольно, довольно, все давно понялъ“. Но онъ, конечно, не крикнулъ.

А Всеволодъ Григорьевичъ продолжалъ:

— Вотъ почему, разъ мы коснулись армянскаго вопроса, я не понимаю, почему армяне не могутъ соорганизоваться во что угодно и какъ угодно, если они будутъ исправно платить подати, исполнять воинскую повинность и вообще нести всѣ обязанности гражданина.

Въ глазахъ Александра Ивановича забѣгали веселые огоньки.

— Все это разговоры... (эта фраза шокировала Всеволода Григорьевича, который криво, но вѣжливо улыбнулся). Армяне терпѣть не могутъ другъ друга; каждый готовъ перегрызть горло другъ другу. Это мнѣ напоминаетъ анекдотъ.

Всеволодъ Григорьевичъ приподнялъ къ потолку свои взоры съ выраженіемъ: „Ахъ, опять анекдотъ!“—но тотчасъ же превратился въ слухъ и вниманіе къ гостю, со всей свойственной ему корректностью.

— Послушаемъ,—сказалъ онъ.

— Одинъ армянинъ, Карапетъ, очень угодилъ Богу, — началъ Александръ Ивановичъ.—Не могу вамъ сказать, Всеволодъ Григорьевичъ, какъ и чѣмъ, но это все равно. Вотъ Богъ и говоритъ ему: „Карапетъ! Ты мнѣ очень угодилъ, и проси у меня, чего хочешь. Но знай: все, что ты у меня попросишь, я тебѣ дамъ, но брату твоему дамъ вдвое“. Хорошо. Задумался Карапетъ и говоритъ: „Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ подумать до завтра“.—„Подумай, Карапетъ“,—говоритъ Богъ.—Вотъ Карапетъ приходитъ завтра и говоритъ:—„Я надумалъ, Господи, что просить у тебя“. — „Отлично, — говоритъ Богъ,—сказывай“.—„Господи!—взмолился Карапетъ:—выколи мнѣ глазъ“.

Всѣ сидѣвшіе въ гостиной засмѣялись, но прежде всѣхъ и громче всѣхъ самъ Александръ Ивановичъ. Даже Всеволодъ Григорьевичъ удостоилъ анекдотъ блѣдной улыбкой. Весело хохотала и Сима, благодарнымъ взоромъ смотря на Александра Ивановича. Дѣйствительно, въ скучный политическій разговоръ онъ внесъ живительную струю веселой шутки. Сима уже давно скрывала скуку и втайнѣ позѣвывала, но теперь ей стало весело.

Когда смѣхъ умолкъ, Всеволодъ Григорьевичъ сдѣлалъ резюме:

— Анекдоты, какъ бы они забавны ни были, ничего не доказываютъ,—сказалъ онъ.

— Да, да, конечно,—согласился Александръ Ивановичъ, которому политика была противна.—Но, господа, для удовлетворенія нашего почтеннаго хозяина, я весьма откровенно заявляю, что я плохой политикъ и мало что понимаю въ этихъ вопросахъ. Догадываюсь: вы хотите спросить,—обратился онъ къ Всеволоду Григорьевичу,—зачѣмъ я суюсь въ такомъ случаѣ?

— Помилуйте, я и не думалъ...

— Это все равно. Мое credo заключается въ слѣдующемъ: я хочу видѣть Россію вполнѣ оправившеюся послѣ злосчастной войны, съ возрожденной арміей и флотомъ, съ сытымъ и просвѣщеннымъ мужикомъ, съ обезпеченнымъ рабочимъ, съ сильной интеллигенціей, съ порядочнымъ правительствомъ, съ хорошими законами и настоящей культурой. Это—программа либеральная, не правда ли? Но вотъ какъ этого всего достигнуть—не знаю. Не политикъ я. Мы—наканунѣ открытія Думы. Прекрасно, если Дума все это намъ дастъ,—да благо ей будетъ и да многолѣтняя она будетъ на земли. Если для этого нужна автономія народностей—привѣтствую и это. Политикой я никогда не занимался и заниматься не способенъ. А посему умолкаю.

Въ гостиную вошелъ Сергѣй Ивановичъ. Кое-кто переглянулся. Сима страшно растерялась, но на одно мгновеніе—и переглянулась съ мужемъ. Всеволодъ Григорьевичъ всталъ и привѣтливо, съ обычной своей корректностью, пошелъ ему навстрѣчу.

Сергѣй Ивановичъ былъ знакомъ со всѣми. Онъ поцѣловалъ руку Симы, поздоровался со всѣми и, выбравъ уголокъ, усѣлся въ сторонкѣ.

У него былъ растерянный, взвинченный, взволнованный видъ. Онъ сильно постарѣлъ, окончательно посѣдѣлъ и похудѣлъ ужасно. Нездоровьемъ и угнетеньемъ вѣяло отъ всей его сутуловатой, сгорбленной фигуры.

Зачѣмъ онъ пришелъ сюда? Онъ и самъ не умѣлъ отвѣтить

на этотъ вопросъ. Два съ половиною мѣсяца послѣ своего возвращенія изъ Москвы, гдѣ онъ похоронилъ сына, онъ провелъ взаперти у себя, ликвидируя дѣла. Ему ни съ кѣмъ не хотѣлось видѣться, ни съ кѣмъ говорить, ни съ кѣмъ встрѣчаться. И вдругъ въ этотъ весенній вечеръ его неудержимо потянуло вонъ изъ дому.

Но куда идти? Онъ растерялъ всѣ свои знакомства, всѣ связи. Съ Симой романъ кончился съ того памятнаго осенняго вечера, когда они такъ странно свидѣлись послѣ долгой разлуки и такъ странно разстались. Романъ! Какъ странно, какъ дико звучало для него теперь это слово. Онъ — герой романа! Это былъ какой-то чадъ, какой-то угаръ, что-то совершенно неестественное и нелѣпое. Развѣ жизнь — романъ? Жизнь — крестъ, наложенный на плечи, который надо нести до неизвѣстнаго пункта Голгоѳы, неизвѣстное количество времени съ неизвѣстною цѣлью. И когда настанетъ часъ, надо сложить этотъ крестъ, чтобы отдать душу... Богу, дьяволу или ни тому, ни другому, а Небытію. Такъ несла свой крестъ Катюша, такъ несъ его Миша и такъ несетъ его онъ. До романовъ ли тутъ! Только бы время было передохнуть.

Но его вдругъ потянуло къ Симѣ, и онъ пошелъ.

— Давно, давно васъ не видѣли, — ласково говорилъ ему Всеволодъ Григорьевичъ, съ горькимъ недоумѣніемъ вглядываясь въ его жалкую фигуру.

Всеволодомъ Григорьевичемъ владѣло сложное чувство. Онъ когда-то дружилъ съ Истоминымъ, потомъ они разошлись безъ сценъ и рѣзкостей изъ-за его явнаго увлеченія Симой. Теперь Всеволоду Григорьевичу было жалко этого жалкаго человѣка и досадно за него, что онъ такъ поддался ударамъ судьбы, обнаруживъ слабость духа и воли. И неужели же Сима, съ ея больной фантазіей и развращеннымъ воображеніемъ, могла увлекаться вотъ этимъ желтымъ, какъ пергаментъ, человѣкомъ съ дикоблуждавшими взорами?

— Да, давно,—глухимъ голосомъ отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ.—Очень давно.

Отъ долгаго молчанія ему хотѣлось говорить. Нѣкоторые изъ присутствующихъ незамѣтно наблюдали за Симой, кое-что зная изъ ихъ отношеній. Но Сима давно уже оправилась. Ей было до боли жалко Сергѣя Ивановича, и она участливо и заботливо глядѣла на него и мягко говорила съ нимъ. Но сердце ея молчало и прежняго чувства и въ поминѣ не было. Оно улетучилось, какъ дымъ, за время его лѣтняго пребыванія въ имѣніи матери, а послѣднее свиданіе осенью порвало все и навсегда

Неожиданно для самого себя, онъ вдругъ заговорилъ.

И всѣ вдругъ притихли и прислушались. Въ выраженіи лица Сергѣя Ивановича, въ самомъ звукѣ его голоса, въ его нервной манерѣ было что-то до такой степени глубокое и серьезное, что нельзя было отнестись легкомысленно къ его желанію говорить. Всѣмъ чувствовалось, что онъ скажетъ нѣчто значительное.

— Пока взойдетъ солнце, роса глаза выѣстъ!.. Что дѣлать съ собой всѣмъ этимъ людямъ? Переходъ слишкомъ крутъ и требуетъ слишкомъ много жертвъ. Вотъ и изображайте это переходное время съ этими переходными людьми. Ихъ много. Не я же одинъ! Ихъ — поколѣніе. При прежнемъ режимѣ имъ было узко, тѣсно, не по себѣ; при новомъ—они оказались неприспособленными, лишними. И прежде писали о „лишнихъ людяхъ", но это было не то. Вотъ поколѣніе истинно лишнихъ людей. Ихъ много. Они привыкли брюзжать, критиковать. А критическій умъ не можетъ быть творческимъ. Онъ слишкомъ анализируетъ, а творчество требуетъ синтеза. Пусть всѣ эти люди уйдутъ. И когда они уйдутъ, очистится поле дѣйствія.

— Я хотѣлъ бы сказать...

— Вы скажете позже,—рѣзкимъ, повышеннымъ тономъ остановилъ собесѣдника Сергѣй Ивановичъ.

Онъ сознавалъ всю безтактность затѣяннаго разговора, сознавалъ, что ставитъ присутствующихъ въ неловкое положеніе, но что-то властнѣе его толкало его на эту выходку.

— Но... надо жить! Кто-то сказалъ эти два нелѣпыхъ слова, и вотъ мы живемъ. Зачѣмъ надо, кому надо? Кому нужна моя жизнь? Изъ моей жизни ушло все, все, что было мнѣ дорого...

Сима невольно отвернулась и опустила взоры на коверъ. Голосъ Сергѣя Ивановича дрогнулъ.

— Вокругъ меня—безплодная пустыня. Говорятъ: взойдетъ солнце. Оно будетъ не для меня. Потому что солнце свѣтитъ живымъ, а не мертвымъ. Солнце мертвыхъ — другое солнце и свѣтитъ иначе. Я былъ въ городѣ мертвыхъ. Тамъ тишина, покой, вѣчный покой. Говорю вамъ — насъ много. То-есть, лишнихъ людей. Намъ нужно уйти. И хотя насъ цѣлое поколѣніе, но эвакуація совершится скоро. Что такое поколѣніе передъ лицомъ времени? Мы...

Онъ запнулся, потомъ вдругъ надорваннымъ высокимъ голосомъ, въ которомъ чувствовались слезы, сказалъ:—Мы эфемериды... подёнки. Жизни нашей—день, и этотъ день прошелъ...

Онъ закрылъ глаза рукой, потомъ встряхнулъ головой и оглядѣлъ присутствующихъ.

Всѣ старались не глядѣть на него, потому что всѣ были смущены и всѣми овладѣло жуткое чувство.

— Простите... — уже спокойнымъ голосомъ, составлявшимъ рѣзкій контрастъ съ прежнимъ, сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—Я что-то наговорилъ здѣсь. Мнѣ не слѣдовало бы показываться въ обществѣ. Ради Бога, простите меня!

Онъ всталъ, сдѣлалъ общій поклонъ и пошелъ къ дверямъ. Всеволодъ Григорьевичъ кинулся за нимъ.

— Куда вы?—мягко остановилъ онъ его, взявъ за руку.— Посидите съ нами.

Сима тоже встала и догнала ихъ.

— Я провожу его,—шепнула она мужу,—оставь насъ.

Тотъ отошелъ.

Они вышли въ будуаръ. Здѣсь Сима остановила Сергѣя Ивановича и сказала ему своимъ милымъ, ласково зазвучавшимъ голосомъ:

— Сергѣй... что съ тобой?

Она не нашла ничего другого, что бы сказать ему.

— Ты боленъ? Ты въ скверномъ настроеніи?

Онъ желчно улыбнулся.

— Въ отличнѣйшемъ. Все такъ идетъ прекрасно: Кати нѣтъ, Миша умеръ, ты ушла, и такой просторъ вокругъ, что прямо не знаешь, куда себя дѣть. Нѣтъ, отчего мнѣ быть не въ духѣ? Тучи проходятъ, впереди солнце, какъ вы всѣ тамъ обсуждаете. Прости, что нарушилъ своимъ дикимъ появленіемъ ваши политическіе разговоры. Нѣтъ, нѣтъ, я чувствую себя прекрасно. Вы освободили меня отъ всѣхъ путъ, отъ всѣхъ долговъ: благодарности, преданности, любви. Я—одинъ—и на свободѣ. Теперь освобождаю себя отъ матеріальныхъ путъ: землю отдаю крестьянамъ, обстановку продаю и тогда сдѣлаюсь похожимъ на воздушный шаръ—безъ всякаго багажа и груза. Можетъ быть, залечу подъ облака высоко-высоко, къ самому солнцу... Ахъ, прости, я опять заговариваюсь.

— Ты боленъ, Сергѣй. Тебѣ надо поѣхать заграницу. Встряхнуться, полечиться. Ты поѣдешь—да? Возвращайся—вся жизнь у тебя впереди.

Она говорила участливо, нѣжно, какъ говоритъ любящая мать съ больнымъ ребенкомъ. Она даже погладила его по плечу.

Но онъ отстранился отъ нея.

— Оставь меня, Сима! — наружно спокойно проговорилъ онъ. — Если я сказалъ, что я освободился — такое ужъ освободительное время!—усмѣхнулся онъ,—то я освободился отъ всего.

Отъ всѣхъ *обмановъ*. — Онъ голосомъ подчеркнулъ послѣднія слова. — И отъ тебя въ томъ числѣ.

— Развѣ я тебя обманывала?

Онъ поморщился.

— Ахъ, ты меня не поняла! — сказалъ онъ. — Не ты меня обманывала, а ты была моимъ самымъ жестокимъ обманомъ жизни. И вся жизнь состоитъ изъ обмановъ. Ты была красивымъ обманомъ — и только. Иди въ свою говорильню. Теперь время словъ. Наше время было временемъ безмолвія. Печать молчанія была на устахъ нашихъ. Отъ долгаго молчанія захотѣлось говорить. Наступилъ часъ. Нынѣшніе люди будутъ людьми слова. Они будутъ говорить. Но ихъ вѣкъ будетъ вратокъ—они тоже лишь политическіе эфемериды. А потомъ будутъ люди дѣла. Тогда настанетъ счастливое для Россіи время. Ну, а теперь прощай.

Онъ нагнулся, поцѣловалъ ей руку и исчезъ.

Выйдя изъ подъѣзда, онъ не взялъ извозчика, а пошелъ пѣшкомъ. Стоялъ бѣлый весенній вечеръ, томительно блѣдный, безцвѣтный, въ которомъ очертанія таяли и сливались съ его бѣлесоватой мутью.

По улицѣ гремѣли колеса извозчичьей пролетки. Кто-то крикнулъ:

— Стой, стой!

Звукъ колесъ остановился.

Сергѣй Ивановичъ поднялъ голову.

Къ нему съ распростертыми объятіями бѣжалъ Петръ Петровичъ. Въ колясочкѣ оставалась сидѣть дама.

Сергѣй Ивановичъ машинально взглянулъ на нее. Что-то знакомое мелькнуло ему въ ея фигурѣ. На головѣ ея неловко сидѣла шляпка съ блѣдными розами.

— Здравствуйте, здравствуйте, Сергѣй Ивановичъ! — заговорилъ Петръ Петровичъ, тряся ему руку съ такой энергіей, словно хотѣлъ оторвать ее и унести съ собою. — Вотъ встрѣча! Кто это, думаю, шагаетъ такъ задумчиво въ весенній вечеръ по стогнамъ Петрограда? Эге, да это самъ Сергѣй Ивановичъ!

— Почему „самъ“?

— Ну, это такъ. Дайте-ка посмотрѣть. Тц! Э-э-э! Нехорошо-съ...

— Что нехорошо?—досадливо спросилъ Сергѣй Ивановичъ, которому эта встрѣча была почему-то очень непріятна.

— Видъ нехорошъ-съ. Помните, въ паркѣ у маменьки — царствіе ей небесное!—я говорилъ: taedium vitae? А теперь это

прогрессировало. Вамъ бы на вольный воздухъ, на кислыя воды или на теплыя моря. Что, больны? — озабоченно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, ничего.

— А что же? — Но Петръ Петровичъ вдругъ вспомнилъ о трагической судьбѣ Миши и смутился. — Да-а! — протянулъ онъ и постарался перемѣнить разговоръ. — Чреватое время, да-а... А я выбранъ въ Думу. Вотъ оно какъ! Не шутите-съ.

Веселый тонъ не выходилъ у него; его смущало мрачное, строгое и холодное выраженіе лица Сергѣя Ивановича, который стоялъ передъ нимъ съ такимъ видомъ, какъ будто желалъ вырваться изъ тисковъ. Онъ не зналъ, какой тонъ взять съ Петромъ Петровичемъ и что ему сказать. И не нашелъ ничего лучшаго, какъ указать на коляску.

— Но... васъ ждетъ дама, Петръ Петровичъ...

— Это не дама, — отвѣтилъ тотъ, засмѣявшись: — это... Агаша. Помните Агашу?..

— Какъ-же, какъ-же, — торопливо проговорилъ Сергѣй Ивановичъ и сталъ прощаться. — Простите, мнѣ некогда, я очень тороплюсь.

Веселый, жизнерадостный Петръ Петровичъ былъ нѣсколько озадаченъ. Онъ думалъ встрѣтить другой пріемъ. Но онъ пожалъ руку и на ходу, направляясь къ пролеткѣ, говорилъ:

— Я-то думалъ, что умъ у меня не государственный, — онъ ошибся. Избрали! Поклонись же, Агаша! Ну, ужъ вашъ Питеръ! Чудовищный городъ. Развѣ это весна? Развѣ это вечеръ? Поддѣлка! Поддѣлка подъ весну и подъ вечеръ. Прощайте! Увидимся?

Но колеса уже загремѣли снова, а высокій, хотя и согнувшійся въ спинѣ силуэтъ Сергѣя Ивановича слился съ свѣтотьмою весенняго вечера и скоро совсѣмъ исчезъ въ немъ, точно растаялъ въ этой бѣлесоватой полумглѣ.

Вал. Свѣтловъ.

ИВ. АЛ. ГОНЧАРОВЪ

И

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ

„Лѣтопись" — „Автобіографія" — Переписка.

I.

15-го сентября 1906 года исполнилось пятнадцать лѣтъ со дня смерти Ивана Александровича Гончарова. День этотъ нигдѣ не былъ отмѣченъ въ нашей печати; не появилось, — какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, — ни воспоминаній о личности покойнаго писателя, ни статей, посвященныхъ выясненію его историко-литературнаго значенія. Между тѣмъ, для изученія его творчества и для его біографіи сдѣлано гораздо менѣе, чѣмъ въ отношеніи кого-либо другого изъ выдающихся представителей „группы беллетристовъ сороковыхъ годовъ". Особенно это нужно сказать объ его біографіи, несмотря на то, что для пониманія сущности художественнаго творчества Гончарова болѣе, чѣмъ какого-либо другого писателя, необходимо знаніе его личной жизни и окружавшей его среды.

По опредѣленію самого Гончарова, процессъ художественнаго творчества заключается въ созданіи „правдоподобія природы и жизни", въ ихъ отраженіи [1]). Онъ относилъ себя къ категоріи художниковъ, у которыхъ преобладаетъ „безсознательное

[1]) Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова. Спб. 1899, т. I, стр. 48.

творчество", т.-е. которые больше всего увлекаются,—какъ это было замѣчено о немъ еще Бѣлинскимъ,—„своею способностью рисовать" (I, 36—37). Здѣсь сказывается „невидимое для самого художника, инстинктивное воплощеніе перомъ-кистью тѣхъ или другихъ эпохъ жизни, которыхъ судьба поставила его участникомъ или свидѣтелемъ" (I, 78), отраженіе ихъ въ „изображеніяхъ, сценахъ, мелкихъ явленіяхъ и т. д." (I, 39). При этомъ художникъ не даетъ въ своихъ произведеніяхъ „правды дѣйствительности", не переноситъ въ нихъ явленій „цѣликомъ изъ жизни", а создаетъ *подобія* этой правды, „т.-е. наблюдаемая имъ правда отражается въ его фантазіи". Наряду съ *фантазіей* Гончаровъ ставитъ здѣсь еще любовь къ изображаемому, которую художникъ можетъ имѣть лишь къ тому, что онъ хорошо знаетъ, что „непосредственно наблюдалъ вблизи" (I, стр. 48; XII, 162).

Эти теоретическія воззрѣнія явились у Гончарова, какъ результатъ его наблюденій надъ самимъ собою, надъ собственнымъ творчествомъ, и выражены въ статьѣ: „Лучше поздно, чѣмъ никогда", написанной имъ тогда, когда уже былъ законченъ циклъ его трехъ романовъ, т.-е. когда былъ исполненъ главный трудъ жизни его, какъ художника. „Pro domo sua" онъ говоритъ:—„Напрасно нѣкоторые предлагали мнѣ задачи для романа: „Опишите такое-то событіе, такую-то жизнь, возьмите тотъ или другой вопросъ, такого-то героя или героиню!"—Не могу, не умѣю! *То, что не выросло и не созрѣло во мнѣ самомъ*, чего я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ,—то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунтъ, какъ есть своя родина, свой родной воздухъ, друзья и недруги, свой міръ наблюденій, впечатлѣній и воспоминаній,—и я писалъ только то, *что переживалъ, что мыслилъ, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ* — словомъ, писалъ и *свою жизнь, и то, что къ ней прирастало*" [1]).

Собственная личность писателя, его психологія и жизнь, и—говоря словами Тэна—среда и историческій моментъ составляютъ главное содержаніе произведеній Гончарова. „*Я самъ*,—говоритъ онъ,—и *среда*, въ которой я родился, воспитывался, жилъ—все это, помимо моего сознанія, само собою отразилось силою рефлексіи у меня въ воображеніи" (I, 39).

Впечатлѣнія дѣтства и юности всегда сильны, глубоки, оставляютъ наиболѣе замѣтные слѣды въ духовной жизни человѣка, налагаютъ неизгладимую печать на его интеллектуально-

[1]) I, 90. Курсивъ автора.

моральный обликъ. И на творчествѣ Гончарова сильнѣе всего отразилась среда, которая окружала его на родинѣ, въ Симбирскѣ, гдѣ онъ родился, провелъ первыя десять лѣтъ жизни, служилъ нѣкоторое время по окончаніи университетскаго курса и куда онъ пріѣзжалъ, какъ въ годы своего ученья въ Москвѣ — на каникулы, такъ и впослѣдствіи изъ Петербурга. И затѣмъ, постоянно живя въ Петербургѣ, онъ не порывалъ своихъ отношеній къ Симбирску: переписка съ жившими здѣсь родственниками и пріѣздъ послѣднихъ въ столицу связывали его съ любимой „Обломовкой", давшей главный матеріалъ для его произведеній и „снабдившей его на всю жизнь запасомъ рѣзко опредѣленныхъ, художественныхъ цѣлостныхъ впечатлѣній" [1]). Даже во время своего путешествія на „Палладѣ", за тысячи верстъ отъ родины, въ *чужой* средѣ, онъ вспоминаетъ *свое*:— „Увижу новое, чужое, и сейчасъ въ умѣ прикину на свой аршинъ... Мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и какъ надолго я бы ни заѣхалъ, *я всюду унесу почву родной Обломовки*, и никакіе океаны не смоютъ ея" (V, 81).

Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,

—они не могли изгладить изъ его памяти близкаго его сердцу края. „Да Богъ съ ними — „этими воплями природы", этими „спящими силами, вдовито надѣвающимися надъ гордой волей человѣка"; однообразныя картины родного Поволжья милѣе и ближе. Онѣ ласковѣе относятся къ человѣку, не раздражаютъ, не грозятъ ему ежеминутно гибелью, въ нихъ есть что-то даже материнское".

На мѣстный, провинціальный характеръ своихъ персонажей указываетъ самъ Гончаровъ: — „Можетъ быть, оттого, между прочимъ, мои лица не кажутся другимъ такими, какими я разумѣлъ ихъ, что всѣ эти портреты, типы — *слишкомъ мѣстные*, вышедшіе изъ небольшого приволжскаго угла, и потому не всѣмъ, живущимъ на разбросанныхъ пространствахъ Россіи, близко извѣстны, и, наконецъ, развѣ и потому еще, что въ нихъ сквозитъ много *близкаго и родного автору*, и замѣтно пробивается кровная его *любовь* къ нимъ.—Да, можетъ быть, и такъ: дѣйствительно много личнаго, интимнаго, т.-е. своего, и себя самого, вложено авторомъ туда!" (I, 79).

---

[1]) *Е. А. Соловьевъ*. И. А. Гончаровъ. Біографическій очеркъ. Изд. Ф. Павленкова. С.-Петербургъ, 1896, стр. 11.

Особенно это относится къ главнымъ произведеніямъ Гончарова — „Обломову“ и „Обрыву“, „куда уложилась и вся (его) собственная, и много другихъ жизней“ (I, 89).

Отмѣчаемая критикой „яркая жанровая колоритность“ [1]) перваго изъ этихъ романовъ обусловлена наблюденіями автора надъ „обломовщиной“, т.-е. „беззаботнымъ житьемъ-бытьемъ, бездѣльемъ и лежаньемъ“, „картиной сна и застоя“, которую видѣлъ онъ вокругъ себя въ дѣтствѣ и которую нашелъ въ родномъ городѣ по окончаніи курса въ университетѣ“ (XII, 67).

Еще болѣе тѣсную связь съ Симбирскомъ имѣетъ его „Обрывъ“. Въ трехъ верстахъ отъ города находится *Кындяковка*, — имѣніе, принадлежавшее во времена Гончарова помѣщику Кындякову. Сохранилось извѣстіе, подтверждаемое и Г. Н. Потанинымъ [2]), что Гончаровъ, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ изъ Петербурга, провелъ лѣто на дачѣ, въ усадьбѣ Кындякова, не говоря уже о томъ, что бывалъ здѣсь и ранѣе, такъ какъ Кындяковская роща является лучшимъ мѣстомъ для загородныхъ прогулокъ симбирскихъ жителей. Эта усадьба, рядомъ съ деревней, на опушкѣ лѣса, съ садомъ по скату къ Волгѣ и страшнымъ обрывомъ [3]), и является мѣстомъ дѣйствія романа „Обрывъ“. Здѣсь именно — „съ одной стороны, Волга съ крутыми берегами и Заволжьемъ; съ другой — широкія поля, обработанныя и пустыя, овраги, и все это замыкается далью синѣвшихъ горъ. Съ третьей стороны, видны села, деревни и часть города (VIII, 72). „Обрывъ“ задуманъ авторомъ въ 1849 году, когда онъ, послѣ четырнадцатилѣтняго отсутствія, пріѣхалъ повидаться съ родственниками на Волгу. „Тутъ, — разсказываетъ онъ, — хлынули ко мнѣ старыя, знакомыя лица, я увидѣлъ еще не отжившій патріархальный бытъ, и вмѣстѣ новые побѣги, смѣсь молодого со старымъ. *Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздухъ* [4]), *воспоминанія дѣтства* — все это залегло мнѣ

---

[1]) *С. А. Венгеровъ*. Біографическій очеркъ: „И. А. Гончаровъ“, предпосланный I-му тому сочиненій Гончарова, стр. 24.

[2]) *Г. Н. Потанинъ*. Воспоминанія объ И. А. Гончаровѣ. „Историческій Вѣстникъ“, 1903 г., № 4, стр. 117.

[3]) Кромѣ страшныхъ разсказовъ объ *обрывѣ*, сохранилась легенда о трагической судьбѣ женщины, связанная съ большой, круглой каменной *бесѣдкой*, которая полуразвалившись, до сихъ поръ стоитъ въ Кындяковской рощѣ.

[4]) *Родной воздухъ* нужно понимать здѣсь въ буквальномъ смыслѣ „воздухъ нагорнаго берега Волги“, особенности котораго Гончаровъ постоянно помнилъ. „На Мадерѣ,—разсказываетъ онъ въ „*Фрегатѣ Палладѣ*“,— я чувствовалъ ту же *свѣжесть и прохладу* волжскаго воздуха, который пьешь, какъ чистѣйшую ключевую воду“... (V, 117). Въ „Обрывѣ“, Райскій, по пріѣздѣ на родину, нашелъ „возду-

въ голову и почти мѣшало кончать „Обломова“ (I, 38). На него, „какъ будто сонъ, слетѣлъ весь планъ романа“ (I, 53). На первомъ планѣ явилась во весь ростъ *Бабушка*, потомъ *Вѣра*, *Райскій*, послѣ *Марфинька*, *Козловъ* съ женой... дворня, садъ съ обрывомъ“ (I, 48). Лица первой части этого романа вышли, по объясненію автора, блѣдны потому, что, описывая ихъ, онъ „торопился и смотрѣлъ дальше въ глубину романа“. „Меня влекли,—продолжаетъ онъ,—уже близкія мнѣ лица и мѣста, гдѣ я родился и выросъ: и тѣ лица—*бабушки и внучекъ*, *всего провинціальнаго люда* и дворни—и вся обстановка, по отзывамъ всѣхъ, вышли у меня живѣе“ (I, 56).

При такомъ значеніи событій личной жизни Гончарова для его творчества, одною изъ задачъ исторіи литературы является безпристрастное изученіе „всей суммы данныхъ, въ которыхъ жилъ и развивался писатель“ [1]).

И только недостаточность объективныхъ данныхъ этого рода ставитъ изслѣдователей въ необходимость широко и даже почти исключительно пользоваться „автобіографическимъ наслѣдствомъ, даннымъ въ его сочиненіяхъ“ [2]). Но какую бы высокую цѣнность ни имѣлъ этотъ матеріалъ, пользованіе только имъ однимъ не можетъ дать точныхъ выводовъ объ отношеніи творчества Гончарова къ конкретной жизни,—объ отношеніи *былого* къ *думамъ*, Wahrheit къ Dichtung.

Въ его произведеніяхъ мы имѣемъ дѣло не съ конкретными фактами, а съ обобщеніями, не съ жизнью, въ ея непосредственномъ проявленіи, а съ ея художественнымъ синтезомъ. Правда, Гончаровъ далъ ключъ для пониманія его творчества въ статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ и въ „Воспоминаніяхъ“. Но первая статья представляетъ собою критическій разборъ авторомъ своихъ произведеній, — разборъ, съ которымъ во многомъ можно не соглашаться. „Воспоминанія“ имѣютъ несомнѣнное автобіографическое значеніе. Но если вообще автобіографія не замѣняетъ біографіи, то это особенно нужно сказать объ автобіографіи Гончарова, которая является результатомъ того же самаго художественнаго творчества, объясненію котораго могли бы служить біографическія данныя. Во вступленіи ко второй части „Воспоминаній“, озаглавленной „На родинѣ“, авторъ объяс-

свѣжій, *прохладный*, отъ котораго, какъ отъ лѣтняго купанья, пробѣгаетъ по тѣлу дрожь бодрости“ (VIII, 72).

[1]) *Евг. Ляцкій*. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Критическіе очерки. Спб. 1904, стр. 243.

[2]) Тамъ же, стр. 86.

няетъ: — „Это не мемуары какіе-нибудь, гдѣ обыкновенно описываются историческія лица, событія, и гдѣ требуется строгая фактическая правда... Это и не плодъ только моей фантазіи, потому что тутъ есть и правда, и, пожалуй, если хотите, все правда. Фонъ этихъ замѣтокъ, лица, сцены, большею частью, типически вѣрны съ натурой, а иныя взяты прямо съ натуры... По одной какой-нибудь выдающейся чертѣ въ характерѣ той или другой личности, или событія, фантазія старается угадывать или дорисовывать остальное... Все описываемое въ нихъ не столько *было*, сколько—*бывало*. Другими словами, я желалъ бы, чтобы въ нихъ искали не голой правды, а *правдоподобія*, и буду доволенъ, если таковое найдется“ (XII, 45—46).

Такимъ образомъ, авторъ „Воспоминаній“ имѣлъ цѣлью дать не фактическую правду, которая нужна его біографу, а лишь правду типическую, художественную,—а это „не одно и то же“ (I, 81). А потому съ „историческими событіями и лицами“ онъ обращается довольно свободно. Такъ, въ названномъ очеркѣ „На родинѣ“ фигурируетъ, между прочимъ, нѣкто Бравинъ, предводитель дворянства, другъ Якубова-Трегубова, „веселый собесѣдникъ и юмористъ“. Авторъ разсказываетъ, что послѣ 14 декабря 1825 года, Бравина, какъ предсѣдателя масонской ложи, отвезли въ Петербургъ, забравъ его переписку. „Бравинъ былъ въ перепискѣ съ заграничными масонами и, вѣроятно, былъ не чуждъ не однѣхъ только всѣмъ открытыхъ, благотворительныхъ, но и политическихъ цѣлей, какія входили въ секретный кругъ дѣятельности, какъ видно, иностранныхъ и русскихъ масонскихъ ложъ“... На вопросъ Гончарова о пребываніи его въ Петербургѣ, Трегубовъ сообщилъ ему, что Бравина „продержали тамъ около полугода, потомъ отпустили.—Воротился весь синій, даже почернѣлъ: его, слышно, подвергли тамъ секретно тѣлесному наказанію“. Далѣе, говоря о томъ, что послѣ 14 декабря „всѣ напуганные масоны и не-масоны, тогдашніе либералы, вслѣдствіе крутыхъ мѣръ правительства, приникли, притихли, быстро превратились въ ультра-консерваторовъ, даже шовинистовъ, и при всякомъ случаѣ заявляли о своей преданности престолу и отечеству“,—авторъ продолжаетъ:—„Напримѣръ, Бравинъ хвастался мнѣ, что брильянты отъ пожалованнаго ему, уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ 14 декабря, перстня онъ раздѣлилъ между нѣсколькими своими дочерями, чтобы у каждой осталось воспоминаніе о „милости“.“—Въ общемъ, въ изображеніи Гончарова, Бравинъ производитъ впечатлѣніе довольно ничтожной фигуры. Между тѣмъ, подъ этимъ псевдонимомъ описанъ имъ

князь М. М. Баратаевъ, замѣчательный человѣкъ своего времени. Дѣйствительно, веселый, общительный, онъ въ то же время былъ „любитель наукъ", избранный—за сочиненіе „Нумизматическіе факты грузинскаго царства"—членомъ Французской академіи и другихъ европейскихъ академій. Какъ общественный дѣятель, онъ сдѣлалъ у себя на родинѣ много полезнаго. Учредитель симбирской масонской ложи „Ключъ къ добродѣтели", онъ находился въ сношеніи съ нѣкоторыми членами общества „соединенныхъ славянъ", прикосновенными къ возстанію 14 декабря. „Знакомство это было причиною вызова его въ Петербургъ и ареста Баратаева, черезъ три недѣли выпущеннаго" [1]).

Описывая испугъ и приниженность провинціальнаго общества тридцатыхъ годовъ, нашъ авторъ освѣщаетъ личность Баратаева-Бравина односторонне, останавливаясь на нѣкоторыхъ чертахъ его характера, подчеркивая ихъ съ особенною рельефностью, при чемъ сознательно или безсознательно грѣшитъ противъ *исторической правды*. Для біографа же Гончарова имѣетъ огромную цѣнность правда *фактическая*, и въ данномъ случаѣ—правда о Баратаевѣ, съ которымъ, какъ съ однимъ изъ немногихъ близкихъ къ Трегубову людей, онъ часто встрѣчался въ Симбирскѣ, и общеніе съ которымъ, какъ съ человѣкомъ глубоко образованнымъ и проникнутымъ гуманно-прогрессивными идеями, не могло не оказать вліянія на впечатлительнаго юношу.

Можетъ быть, ближе къ фактической правдѣ разсказъ Гончарова о симбирскомъ губернаторѣ, при которомъ онъ служилъ и который описанъ имъ подъ именемъ Льва Михайловича *Угличкаго*. Это—Алексѣй Михайловичъ *Загряжскій*, бывшій губернаторомъ въ Симбирскѣ въ 1831—1835 годахъ. По словамъ мѣстнаго бытописателя, „Загряжскій былъ очень недуренъ собою, строенъ, всегда щеголь, воспитанія свѣтскаго, хорошій актеръ и неисправимый ловеласъ. Избалованный дешевыми побѣдами, онъ задумалъ устроить интригу съ дочерью одного изъ наиболѣе уважаемыхъ лицъ симбирскаго общества, и даже, какъ говорятъ, ходилъ къ ней на свиданіе, нарядившись старухой, причемъ такъ хорошо загримировался, что самъ отецъ, встрѣтивъ случайно эту старуху, не узналъ, кто она, и указалъ ей, какъ пройти къ дочери. Самъ же виновникъ началъ хвастаться своею интригою, дворянство узнало и дружно ополчилось противъ него; стали грозить ему общимъ скандаломъ и даже кулачною рас-

[1]) Статья *П. Петрова* о князѣ М. М. Баратаевѣ въ „Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ" С. А. Венгерова. Т. II, стр. 125.

правою. Положеніе Загряжскаго, не только какъ губернатора, но и какъ человѣка, оказалось невозможнымъ, и онъ долженъ былъ далеко не почетно удалиться изъ Симбирска" [1]).

II.

При скудости свѣдѣній о жизни Гончарова,—на что жалуются всѣ его біографы,—пріобрѣтаютъ существенное значеніе даже второстепенныя данныя, служащія къ характеристикѣ его личности и среды, въ которой онъ „родился, воспитывался и жилъ". Предлагаемая статья и имѣетъ цѣлью сообщить нѣкоторые матеріалы этого рода. Это—„Лѣтописецъ", который велся въ семьѣ Гончаровыхъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, автобіографія И. А. Гончарова и шесть его писемъ.

У племянника И. А. Гончарова, Александра Николаевича Гончарова, сохранилась рукописная книга, въ четверть листа, въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, съ мѣдной застежкой [2]). Большую часть ея занимаетъ списанная Иваномъ Ивановичемъ Гончаровымъ, дѣдомъ писателя, „Книга, глаголемая о вольной страсти и о распятіи на крестѣ и о тридневномъ воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа" и другіе списки произведеній религіозной литературы. Въ началѣ ея, на нѣсколькихъ листахъ, помѣщается „Лѣтописецъ", т.-е. запись по годамъ о фактахъ политической жизни, рѣдкихъ явленіяхъ природы и особенно о семейныхъ событіяхъ. „Лѣтописецъ" былъ начатъ тѣмъ же Иваномъ Ивановичемъ Гончаровымъ и затѣмъ продолжался другими лицами, которыя отмѣчали, впрочемъ, исключительно выдающіеся случаи изъ семейной жизни. Записи этихъ продолжателей „Лѣтописца" сдѣланы не такъ тщательно, какъ записи перваго автора, и при томъ съ нарушеніемъ хронологическаго порядка.

Начало его относится къ 1732 году, подъ которымъ записано „знаменіе на небѣ", повидимому—сѣверное сіяніе. Записи этой категоріи (напримѣръ, о сильной грозѣ), а равно и о политическихъ событіяхъ (о войнѣ съ Турціей, о бунтѣ „вора и разбойника Емельки Пугачева") очень кратки и не представляютъ интереса ни въ отношеніи самыхъ фактовъ, ни въ смыслѣ характеристики ихъ автора. Интереснѣе—записи о семейныхъ

[1]) *П. Мартыновъ.* Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. Симбирскъ, 1898, стр. 316—317.

[2]) Книга эта въ текущемъ (1906) году передана А. Н. Гончаровымъ въ музей симбирской архивной коммиссіи.

событіяхъ: онѣ даютъ свѣдѣнія о предкахъ И. А. Гончарова,— о которыхъ до настоящаго времени ничего не было извѣстно даже симбирскимъ старожиламъ,—о его родителяхъ, кое-что о немъ самомъ, и хотя отчасти характеризуютъ среду, въ которой протекло его дѣтство. Вотъ записи этого рода съ 1733 по 1851 гг.—in extenso:

„1733.—Генваря 13 дня, Иванъ Ивановъ сынъ Гончаровъ [1]) (женился) на второй женѣ Ѳедорѣ Ѳеодоровой дочери Москвитиновой вторымъ законнымъ бракомъ. Годовъ ей было 15 лѣтъ и одинъ мѣсяцъ.

1734.—Ноября 25 дня родился сынъ Николай.

1735.—Мая 16 дня оный сынъ Николай умре.

1737.—Февраля 3 дня родилась дочь Анна.

1738.—Октября 28 дня родилась дочь Прасковья.

— Того же года ноября (?) дочь Анна скончалась.

1739.—Генваря 13 дня дочь Прасковья скончалась.

1741.—Августа 13 дня, на память преподобнаго отца нашего Максима Исповѣдника, родилась дочь Наталія. Тезоименитство ея августа 26 числа.

— Того же года ноября 5 дня вышеписанная дочь Наталія скончалась.

1742.—Октября 17 числа родился сынъ Димитрій, а именинникъ того же мѣсяца 26 числа.

Пожалованъ я изъ полковыхъ писарей во аудиторы 1738 года іюня 28 дня, а изъ аудиторовъ въ поручики 1742 года марта 18 дня и поручицкій патентъ данъ отъ военной коллегіи іюля 16 числа 1743 года, за подписями господъ фельдмаршала князя Долгорукова, генераловъ-лейтенантовъ Степана Игнатьева, Петра Измайлова, генерала-майора Ивана Козлова и секретаря Стефана Тарасова, и за государственной печатью, подъ № въ военной коллегіи 476, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 866.

1745.—Апрѣля 6 дня изъ поручиковъ пожалованъ въ капитаны: изъ государственной военной коллегіи къ господину изъ совѣтниковъ кавалеру и оренбургскому губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву указъ полученъ въ Оренбургѣ, чрезъ новопожалованнаго въ поручика Ивана Тимашева, мая 4 числа подъ № военной коллегіи 2.922.

1746.—Генваря 12 дня капитанскому чину получилъ я въ Оренбургѣ, чрезъ господина подполковника Сулимовскаго, патентъ, данный отъ государственной военной коллегіи 1745 года августа 10 дня, за подписями господъ фельдмаршала князя Долгорукова, генерала-лейтенанта Степана Игнатьева, генерала-маіора Ивана Козлова, оберъ-секретаря Аврама Навроцкаго, секретаря Стефана Тарасова, за государственною печатью, подъ № военной коллегіи 236, коллегіи иностранныхъ дѣлъ 405.

1753.—Мая 7 дня преставилась теща Авдотья Андреевна и погребена въ Т. (названіе неразборчиво) крѣпости. Отъ роду ей было 63 года.

---

[1]) Дѣдъ писателя.

1754 года августа 22 дня родился Александръ Ивановъ Гончаровъ [1]).

1759 года декабря 4 числа жена моя Васса Стефанова преставилась съ сего свѣта, отыде въ вѣчное блаженство и погребена въ Симбирскѣ, у Троицы, въ Николаевъ день.

Родитель мой, Иванъ Лаврентьевъ сынъ Гончаровъ [2]), преставился 1767 года апрѣля 20 дня, т.-е. Ѳеодора Трихины.

1789 года апрѣля 26 дня скончался братъ Григорій Ивановичъ Гончаровъ, а погребенъ у сошествія Святаго Духа, подъ горою.

1790 года февраля 7 дня скончался родитель нашъ Иванъ Ивановичъ, а погребенъ того же февраля 9 числа у сошествія Св. Духа, подъ горою.

1800 года февраля 28 дня скончалась Ильи Иванова Гончарова жена Евдокія Иванова дочь, а погребена марта 1 числа у сошествія Св. Духа, подъ горою.

1803 года декабря 2 числа Александра Иванова Гончарова жена, Елизавета Александровна, скончалась; погребена въ оградѣ Всѣхъ Святыхъ, на кладбищѣ. Жизни ея было отъ роду 42 года и 3 мѣсяца. Замужемъ жила 27 лѣтъ и 3 мѣсяца.

1804 года сентября 23 дня Александръ Ивановъ Гончаровъ женился на второй женѣ, Авдотьѣ Матвѣевнѣ Шахторинной [3]); лѣтъ было Гончарову 50, а Авдотьѣ Матвѣевнѣ 19 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ.

1806 года мая 19 дня родилась дочь Елена. Житія ея было 15 недѣль.

1807 года апрѣля 2 числа матушка Варвара Ивановна скончалась по полунощи въ 7 часу, а погребена на кладбищѣ, 3 числа, у сошествія Святаго Духа. Родилась въ 1725 году. Жизни ея было 81 годъ и 4 мѣсяца.

1808 года декабря 1 дня родился сынъ Николай [4]); тезоименитство его декабря 6 дня.

1810 года марта 10 дня родилась дочь Марія; скончалась августа 6 дня того же года.

1812 года іюня 6 дня родился сынъ Иванъ, а именинникъ іюня 24 дня [5]).

1815 года мая 14 дня родилась дочь Александра [6]), а именинница 18 дня мая.

1818 года генваря 11 дня родилась дочь Анна, тезоименитство ея февраля 3 числа.

1819 года сентября 10 жизнь окончилъ Александръ Ивановичъ. Житія его было на свѣтѣ 65 лѣтъ.

1820 года генваря 26 числа отправленъ въ Москву Николай Александровичъ, а опредѣлился въ коммерческое училище для ученія февраля 14 дня.

---

[1]) Отецъ писателя.—І. Н. Потанинъ ошибочно называетъ его въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (op. cit., стр. 99 и 100) Александромъ *Ильичемъ*.

[2]) Прадѣдъ писателя.

[3]) Мать писателя.

[4]) Старшій братъ писателя, учитель симбирской гимназіи.

[5]) Нашъ Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

[6]) Сестра писателя, по мужу—Кирмалова.

1822 года іюля 8 числа отправленъ Ваничка въ Москву, а опредѣлился въ коммерческое училище августа 6 дня [1]).

1833 года марта 14-го скончался Илья Ивановичъ Гончаровъ.

Женился Николай Александровичъ Гончаровъ въ 1842 году апрѣля 26-го.

Родился первый сынъ у него Александръ 1843 года апрѣля 16-го, въ 12 часовъ, а именины его 30 августа. Второй сынъ, Владиміръ, родился 6 сентября 1844 года, по-полудни въ 6 часовъ, а именины 15 іюля.

1851 года 11 апрѣля на пасху, въ среду, скончалась Авдотья Матвѣевна Гончарова на 65 году отъ рожденія, урожденная Шахторина, отъ удара, а погребена 13 апрѣля на кладбищѣ Всѣхъ Святыхъ".

Отсюда видно, что уже дѣдъ И. А. Гончарова, по своему общественному положенію, принадлежалъ не столько къ купечеству, сколько къ кругу служилаго дворянства, такъ какъ, состоя на военной службѣ въ Оренбургскомъ краѣ, при Ив. Ив. Неплюевѣ, онъ изъ полковыхъ писарей дослужился до офицерскихъ чиновъ—поручика, а затѣмъ и капитана [2]). Это былъ человѣкъ хорошо грамотный, любознательный, интересовавшійся рѣдкими явленіями природы и общественною жизнью, любитель религіозной литературы. Религіозный элементъ вообще занималъ видное мѣсто въ жизни Гончаровыхъ. Отмѣчая дни рожденія новыхъ членовъ семьи, они обыкновенно указываютъ и дни ихъ „тезоименитства" (при чемъ любимое имя было у нихъ „Иванъ", полученное и писателемъ); при сообщеніи о смерти того или другого лица, сообщается и то, при какой церкви оно погребено. Даты записанныхъ событій сопровождаются иногда указаніемъ святыхъ, память которыхъ празднуется въ тѣ дни.

Прадѣдъ и дѣдъ Ивана Александровича отличались долголѣтіемъ; отецъ его умеръ 65-ти лѣтъ. Насколько можно заключать изъ вышеприведенныхъ данныхъ „Лѣтописца", дѣдъ его былъ

---

[1]) *Е. А. Соловьевъ* дѣлаетъ неосновательное предположеніе, что Гончарова въ Москвѣ „помѣстили въ одно (изъ среднихъ заведеній, *предназначенныхъ, разумѣется, исключительно для дворянъ*". (Op. cit., стр. 11—12). — Отмѣтимъ здѣсь кстати и другое ошибочное утвержденіе того же автора:—„Гончаровъ—*помѣщикъ*, владѣлецъ стольких-то и стольких-то душъ, и не думаетъ даже по окончаніи университета приняться за агрономію или вообще сельское хозяйство" (Тамъ же, стр. 17).—Въ дѣйствительности Гончаровъ помѣщикомъ никогда не былъ и *душами* не владѣлъ. Въ этомъ отношеніи онъ далеко не такая противоположность *разночинцу, купцу* Полевому, какъ это представляется автору. (Ср. тамъ-же, стр. 18).

[2]) Этимъ, вѣроятно, и объясняется тотъ фактъ, что „ничего спеціально купеческаго не было ни въ воспитаніи Гончарова, ни въ окружавшей его обстановкѣ". *Е. А. Соловьевъ*, op. cit., стр. 5.

женатъ три раза; при чемъ второй разъ онъ женился на очень молодой дѣвицѣ — 15 лѣтъ и 1 мѣсяца. Въ какомъ возрастѣ вступилъ онъ въ третій бракъ — съ Вассой Степановной — изъ записей не видно (указано только время ея смерти), но, очевидно, уже человѣкомъ пожилымъ. Не молодымъ женился второй разъ на матери писателя, Авдотьѣ Матвѣевнѣ Шахториной, и отецъ его, Александръ Ивановичъ: ему было 50, а невѣстѣ — 19½ лѣтъ.

Запись подъ 1812 годомъ съ несомнѣнностью устанавливаетъ не только годъ, но и день рожденія Ивана Александровича — 6 іюня, который до сихъ поръ не былъ точно извѣстенъ [1]). Впервые же достовѣрно устанавливается „Лѣтописцемъ" и время смерти его отца — 10 сентября 1819 года, т.-е. когда Ивану Александровичу было болѣе семи лѣтъ [2]).

Пользуясь нашими матеріалами, считаемъ не лишнимъ указать на одну неточность въ „Воспоминаніяхъ объ И. А. Гончаровѣ" у Г. Н. Потанина, въ которыхъ находимъ слѣдующій разсказъ: — „Только въ 1853 году я узналъ (вновь, послѣ перерыва) нѣчто о Гончаровѣ. Я посѣтилъ Трегубова и тутъ же замѣтилъ, что старикъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Какъ только завидѣлъ меня, живо поднялся съ кресель, побѣжалъ навстрѣчу и восторженно заговорилъ:

„— Плаваетъ! Иванъ мой плаваетъ въ восточныхъ моряхъ! Понимаете мою радость?

„— И его, и вашу понимаю, Николай Николаевичъ. Онъ еще въ дѣтствѣ о морскомъ путешествіи вздыхалъ.

„— А вы и это помните?—прибавилъ онъ съ умиленіемъ.— Ахъ, какой вы славный! Садитесь, смотрите: вотъ онъ. Изъ Японіи прислалъ мнѣ подарокъ.

„Я взглянулъ на портретъ Ивана Александровича и не узналъ, — онъ лѣтъ на десять помолодѣлъ! Морская жизнь и свобода сильно повліяли, какъ на физическое его здоровье, такъ

---

[1]) *С. А. Венгеровъ*, въ статьѣ о Гончаровѣ, въ „Энциклопедическомъ словарѣ" Брокгауза и Ефрона (т. IX, стр. 200), говоритъ:—„Въ біографическихъ статьяхъ о Гончаровѣ указывается, что онъ родился 6 іюня 1813 года. Это невѣрно. Душеприкащику и старинному другу Гончарова, М. М. Стасюлевичу, въ точности извѣстно, что метрическое свидѣтельство Гончарова сгорѣло во время пожара Москвы (?) въ 1812 году: слѣдовательно, онъ родился не позже сентября этого года".—*А. М. Скабичевскій* относитъ его рожденіе къ 6 *іюля* 1812 г. (Исторія новѣйшей русской литературы. Спб. 1891, стр. 143).

[2]) *А. М. Скабичевскій* замѣчаетъ: — „Отца Гончаровъ лишился рано, когда ему было три года" (Тамъ же).—Тоже у *С. А. Венгерова*, въ статьѣ при 1 томѣ Сочиненій Гончарова, стр. 3,—и въ „Воспоминаніяхъ" *Г. Н. Потанина*, стр. 100

ни на расположеніе духа. Передо мною сидѣлъ свѣжій и бодрый мужчина съ веселою думою на лицѣ. Онъ отростилъ усы, дипломатическія бакенбарды котлетами и устроилъ прямой проборъ волосъ посреди̇нѣ головы. Правая рука его поковлась на какомъ-то морскомъ инструментѣ.

„— Старуха наша [1]) уѣхала въ Ардатовъ,—говорилъ Трегубовъ,—къ дочери, погостить, а я тутъ отъ скуки день и ночь смотрю на него... А вы читали Ваню моего въ „Морскомъ Сборникѣ"?

„— И въ „Русскомъ Вѣстникѣ" читалъ. Кто теперь не читаетъ прекрасныхъ писемъ Гончарова?

„Лицо старика сіяло отъ такой похвалы" [2]).

Въ дѣйствительности такая сцена не могла имѣть мѣста, такъ какъ Авдотья Матвѣевна умерла 11 апрѣля 1851 года. По словамъ самого Г. Н. Потанина, она „годъ только жила послѣ своего Николая Николаевича (Трегубова), оба преставились на пасху" [3]). Фрегатъ же „Паллада" снялся съ якоря въ Кронштадтѣ 7 октября 1852 года, т.-е. когда ни матери Гончарова, ни его „крестнаго" не было въ живыхъ.

Встрѣчаются въ этомъ разсказѣ и другіе анахронизмы. Гончаровъ прибылъ въ Японію въ августѣ 1853 года. Едва-ли его „подарокъ" оттуда могъ быть полученъ въ Симбирскѣ въ томъ же году. Далѣе, въ 1853 году описаніе путешествія Гончарова не печаталось ни въ „Морскомъ Сборникѣ", ни въ „Русскомъ Вѣстникѣ".

Наконецъ, еслибы Трегубовъ былъ живъ во время путешествія своего любимаго „крестника", то послѣдній не написалъ бы о немъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ", такихъ строкъ: — „Ахъ, еслибы ты сдѣлалъ хоть четыре морскія кампаніи..., то-то бы порадовалъ меня!" — говаривалъ онъ часто въ заключеніе нашихъ бесѣдъ... Еслибы онъ предвидѣлъ, что современемъ я сдѣлаю пять кампаній—да еще кругомъ свѣта!" (XII, 62).

III.

Кружокъ симбирской интеллигенціи, группировавшійся вокругъ мѣстнаго статистическаго комитета, въ 1867 году, заду-

[1]) Т.-е. мать Ивана Александровича.

[2]) Op. cit., стр. 117—118.

[3]) Такъ же, стр. 123.

мавъ издать „Сборникъ историческихъ и статистическихъ матеріаловъ о Симбирской губерніи“ (который затѣмъ и вышелъ въ 1868 году), обратился къ старшему брату И. А. Гончарова, Николаю Александровичу, бывшему въ то время учителемъ симбирской гимназіи, съ просьбой получить біографическія свѣдѣнія о его знаменитомъ братѣ отъ него самого. Послѣдній, въ отвѣтъ на письмо брата, прислалъ собственноручно написанную *автобіографію*, въ которой онъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Въ концѣ этой рукописи находится такая, характерная для нашего автора, приписка:—„Исполняя сообщенное мнѣ тобою, любезный братъ Николай Александровичъ, требованіе симбирскаго губернскаго начальства моей біографіи, для помѣщенія, вмѣстѣ съ другими писателями—уроженцами Симбирска, въ „Памятной книжкѣ“, *я включилъ сюда все, что можетъ быть напечатано обо мнѣ; болѣе ничего не нужно*, и я повторяю тебѣ мою покорнѣйшую просьбу не прибавлять и не измѣнять ничего, а передать этотъ листокъ, какъ онъ есть. Надѣюсь, что просьба моя будетъ уважена. Убавить можно, если что̀ окажется лишнимъ. Сердечно тебѣ кланяюсь. И. Гончаровъ. 29 декабря 1867 года“.

Въ этой, неоднократно повторенной, „покорнѣйшей просьбѣ“ сказалась присущая Гончарову боязнь, какъ бы не сдѣлалась достояніемъ печати интимная сторона его жизни,—боязнь безцеремоннаго вторженія посторонннихъ въ его частную жизнь, нашедшая литературное выраженіе, спустя 22 года, въ послѣдней, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ (1889 г., мартъ), его статьѣ: „Нарушеніе воли“ [1]).

Желаніе автора было въ точности исполнено издателями, и въ названномъ „Сборникѣ“ была помѣщена его автобіографія, безъ какихъ бы то ни было дополненій или измѣненій, безъ подписи автора и безъ вышеприведенной приписки. „Сборникъ“ этотъ представляетъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость, и автобіографія Гончарова остается неизвѣстной его біографамъ и не упоминается даже въ подробномъ указателѣ литературы А. В. Мезіеръ [2]). Между тѣмъ, помимо

[1]) Нельзя согласиться съ мнѣніемъ Е. А. Соловьева, который замкнутость Гончарова въ послѣдніе годы его жизни объясняетъ тѣмъ, что онъ „былъ глубоко оскорбленъ пріемомъ, сдѣланнымъ его роману („Обрывъ“). Нелегко переносить неудачу 60 лѣтъ... Естественно поэтому, что онъ ушелъ въ себя“. Op. cit., стр. 75.—Стремленіе „уйти въ себя“, замкнутость, очевидно, составляли природное свойство Гончарова. Еще до напечатанія „Обрыва“, накануѣ 1868 года, онъ боится, какъ бы его земляки не напечатали о немъ чего-нибудь лишняго.

[2]) „Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно“. Спб. 1902 г., ч. II, стр. 63.

заключающихся въ ней фактическихъ данныхъ, она представляетъ интересъ, какъ документъ, который содержитъ въ себѣ *все*, что, по мнѣнію Гончарова, могло быть о немъ напечатано въ то время. Мы воспроизводимъ ее здѣсь по рукописи автора, которая въ настоящее время принадлежитъ г. М—ву:

„И. А. Гончаровъ родился въ Симбирскѣ въ 1812 г.; первоначальное образованіе получилъ въ дѣтствѣ въ небольшихъ частныхъ пансіонахъ и, между прочимъ, у одного священника за Волгой, въ помѣщичьемъ селѣ. Здѣсь, у жены священника, нѣмки [1]), принявшей православіе, онъ положилъ основаніе изученію французскаго и нѣмецкаго языковъ, а найденныя въ библіотекѣ священника сочиненія Ломоносова, Державина и другихъ, также описанія нѣкоторыхъ путешествій заронили въ немъ первыя — охоту къ чтенію, а послѣднія — желаніе, конечно, тогда еще неясное и безсознательное, видѣть описанныя въ путешествіяхъ дальнія страны. До поступленія въ московскій университетъ, не руководимый почти никѣмъ въ выборѣ чтенія, онъ читалъ все, что попадалось подъ руку, между прочимъ произведенія французскихъ беллетристовъ господствовавшей тогда школы, и переводилъ на русскій языкъ романъ „Атаргюль“, отрывокъ изъ котораго былъ помѣщенъ въ журналѣ „Телескопъ“ за 1832 г. Но скоро, однако, онъ отрезвился отъ вліянія современной французской литературы, какъ чтеніемъ образцовъ англійской и нѣмецкой литературъ, такъ и знакомствомъ съ древними историками и поэтами въ университетѣ, въ словесномъ отдѣленіи, слушая съ жадностью увлекательныя лекціи исторіи иностранныхъ литературъ, исторіи изящныхъ искусствъ и археологіи — профессоровъ Шевырева и Надеждина, римскихъ и греческихъ древностей — Снегирева и Ивашковскаго; исторіи всеобщей и русской — Каченовскаго и Погодина, русской словесности — профессора Давыдова. Продолжая изучать новѣйшіе языки, между прочимъ англійскій, а также древній латинскій и отчасти греческій, и руководствуясь лекціями ученыхъ и даровитыхъ профессоровъ, Гончаровъ, систематически, съ помощью критическаго анализа, изучилъ образцовыя произведенія иностранныхъ и отечественныхъ писателей. Между тѣмъ, съ другой стороны, живое непосредственное вліяніе на общество Карамзина и Пуш-

[1]) Біографы Гончарова ошибочно называютъ ее *француженкой*: А. М. Скабичевскій, op. cit., стр. 145; *Е. А. Соловьевъ*, op. cit., стр. 11; *С. А. Венгеровъ*, Соч. Гончарова, т. I, стр. 3.

кина, бывшаго тогда въ зенитѣ своей славы, не могло не подѣйствовать благотворно и на кругъ молодыхъ студентовъ московскаго университета, въ томъ числѣ и на него.

„Кончивъ курсъ, Гончаровъ въ 1835 году перешелъ на службу въ Петербургъ, въ министерство финансовъ, гдѣ вскорѣ занялъ должность переводчика иностранной переписки, и продолжалъ заниматься литературою, т.-е. читать, переводить, дѣлать извлеченія, преимущественно изъ нѣмецкихъ и англійскихъ писателей, для себя, въ видѣ упражненій, пока безъ намѣренія печатать. Онъ сблизился съ нѣкоторыми домами, любившими литературу, и пробовалъ силы въ домашнихъ сборникахъ, составляемыхъ изъ сочиненій небольшого круга друзей. Около двухъ тогдашнихъ журналовъ, „Библіотеки для чтенія“ и „Отечественныхъ Записокъ“, группировалось все, что было даровитаго въ литературѣ. Гончаровъ познакомился съ нѣкоторыми изъ литераторовъ, сначала просто въ качествѣ любителя, а потомъ отдалъ на судъ Бѣлинскаго первый свой романъ „Обыкновенная исторія“, который былъ помѣщенъ въ возобновленномъ, послѣ смерти Пушкина, подъ редакціею Панаева и Некрасова, журналѣ „Современникъ“ въ 1847 г. Въ слѣдующемъ году онъ помѣстилъ въ томъ же журналѣ легкій юмористическій очеркъ „Иванъ Саввичъ Поджабринъ“. Въ 1849 году, въ изданномъ подъ редакціею „Современника“ литературномъ сборникѣ, напечатанъ былъ отрывокъ изъ романа „Обломовъ“, подъ заглавіемъ „Сонъ Обломова“.

„Въ 1852 году бывшимъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія неожиданно предложено было Гончарову мѣсто секретаря при начальникѣ экспедиціи, снаряженной правительствомъ для обозрѣнія россійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ и для заключенія торговаго трактата съ Японіей. Онъ съ радостью принялъ предложеніе, которое вдругъ пробудило его завѣтную, почти покинутую мечту о дальнемъ путешествіи. По возвращеніи, послѣ двухъ съ половиной лѣтъ плаванія по моремъ и путешествія отъ Охотскаго моря черезъ Сибирь, Гончаровъ въ 1855 и 1856 годахъ напечаталъ описаніе этого путешествія по частямъ въ „Морскомъ Сборникѣ“, „Современникѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Русскомъ Вѣстникѣ“, а въ 1857 году издалъ отдѣльною книгою въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Фрегатъ Паллада“, которое въ 1862 году вышло вторымъ изданіемъ, всего въ числѣ шести тысячъ экземпляровъ. Между тѣмъ, онъ перешелъ на службу министерства народнаго просвѣ-

щенія на должность цензора въ 1856 году [1]), которая почти не оставляла ему свободнаго времени для прочихъ занятій. Усидчивая работа вмѣстѣ съ петербургскимъ климатомъ вредно подѣйствовали на его здоровье и принудили прибѣгнуть къ пособію минеральныхъ водъ.

„Во время четырехмѣсячныхъ каникулъ заграницею онъ успѣлъ довончить давно начатый романъ „Обломовъ", который появился въ печати въ „Отечественныхъ Запискахъ" въ 1859 г. и въ томъ же году отдѣльной книгой, а потомъ, въ 1862 году, вторымъ изданіемъ. Въ 1862 году, Гончаровъ назначенъ былъ главнымъ редакторомъ газеты министерства внутреннихъ дѣлъ „Сѣверная Почта", а въ слѣдующемъ—перешелъ на должность члена совѣта того же министерства по дѣламъ печати. Послѣ романа „Обломовъ" онъ напечаталъ три отрывка изъ неоконченнаго и неизданнаго романа „Райскій" въ „Отечественныхъ Запискахъ" и „Современникѣ", подъ заглавіемъ „Софья Николаевна Бѣловодова", „Портретъ" и „Бабушка".

На этомъ заканчивается автобіографія.

IV.

„Гончарова уже нѣтъ; и если вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ и его переписка, то что же отъ него останется? Вѣдь „Обломовъ"—это уже не Гончаровъ, а исторія".
„Недѣля", 1891 г., № 38.

Изъ шести, хранящихся въ музеѣ симбирской архивной коммиссіи, писемъ И. А. Гончарова, писанныхъ имъ изъ Петербурга въ 1849—1866 гг., одно адресовано къ его знакомому, Василью Матвѣевичу Лазаревскому, а остальныя пять—къ родственникамъ, къ сестрѣ, Александрѣ Александровнѣ Кирмаловой, и членамъ ея семьи, интересы которыхъ онъ принималъ близко къ сердцу. Въ послѣднихъ онъ говоритъ о своихъ личныхъ дѣлахъ, даетъ сестрѣ практическіе совѣты относительно образованія и дальнѣйшей судьбы ея дѣтей; высылаетъ при нихъ программы учебныхъ заведеній, книги и журналы, покупки и т. п., вообще проявляетъ много вниманія, любви и заботъ къ сестрѣ и ея дѣтямъ. Изрѣдка касается онъ и своей служебной и литературной

[1]) Ср. далѣе письмо Гончарова къ сестрѣ, отъ 20-го апрѣля 1856 года.—Въ біографическихъ очеркахъ переходъ его въ цензурное вѣдомство неправильно относится къ 1858 году: *С. А. Венгеровъ*, въ „Энциклопедическомъ словарѣ", т. IX, стр. 201; *А. М. Скабичевскій*, op. cit., стр. 155, и *Е. А. Соловьевъ*, op. cit., стр. 67.

дѣятельности и упоминаетъ о другихъ писателяхъ. Письма эти написаны вполнѣ *по-гончаровски*, неторопливо, спокойно, ровно, обстоятельно и съ значительной долей юмора. Къ нимъ вполнѣ приложима сдѣланная имъ самимъ характеристика писемъ писателей:—„Писатель по натурѣ своей словоохотливъ, излителенъ; его тянетъ къ перу тамъ, гдѣ онъ (я говорю о письмахъ) не связанъ ни содержаніемъ, ни планомъ, ни техникой. Онъ не стѣсняется. Мысль и воображеніе играютъ что хотятъ, какъ въ разговорѣ наединѣ, онъ пишетъ вольно, съ плеча, сверкая нечаянно то умомъ, то фантазіей, то юморомъ" (II, 233).

Письма эти пожертвованы ихъ владѣльцами и наслѣдниками автора общественному учрежденію и потому перестали уже быть частной собственностью. Они докладывались въ засѣданіяхъ архивной коммиссіи, и часть одного изъ нихъ даже напечатана въ журналахъ этой коммиссіи. На опубликованіе другихъ писемъ къ Кирмаловымъ письменно выражено согласіе ихъ послѣдней собственницей, Екатериной Михайловной Кирмаловой. Все это, казалось бы, даетъ намъ право напечатать ихъ полностью. Но мы воздерживаемся отъ этого изъ извѣстнаго піэтета къ желанію Гончарова, выраженному въ упомянутой статьѣ „Нарушеніе воли" (II, 213—240).

Высказывая въ этой статьѣ пожеланіе, чтобы его письма не печатались послѣ его смерти, авторъ, между прочимъ, дѣлаетъ такую оговорку:—„Прошу имѣть въ виду, что я отнюдь не ратую за умолчаніе писемъ quand même; я только противъ выворачиванія автора наизнанку, что не можетъ не портить цѣльности его образа и характера, не разочаровывать его почитателей и притомъ несправедливо. Потомъ—я противъ обремененія прессы ненужнымъ, лишнимъ балластомъ, только утомляющимъ читателя, и особенно, конечно, противъ всякихъ злоупотребленій, нескромностей и беззастѣнчивыхъ противъ автора писемъ поступковъ" (II, 234); равно какъ и противъ опубликованія такихъ писемъ, которыми *задѣваются за живое другія личности* (II, 234).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гончаровъ указываетъ и средство „не становиться въ щекотливое положеніе нарушителей воли" покойнаго писателя. Это—„не объявлять писемъ и бумагъ преждевременно, по крайней мѣрѣ, пока еще живы современники автора и корреспонденты, и потомъ не всегда цѣликомъ, а печатать въ *извлеченіяхъ*, выпискахъ тѣ письма, которыя, кромѣ общеинтереснаго, изобилуютъ интимными и семейными подробностями" (II, 238). Онъ ничего не имѣетъ противъ „*ссылокъ* на письма

извѣстныхъ дѣятелей, *извлеченій*, *выписокъ* для всѣхъ интересныхъ" (II, 223) [1]). Такими ссылками и извлеченіями изъ писемъ Гончарова мы и ограничимся.

Въ *первомъ* (хронологически) изъ этихъ писемъ, отъ 17-го декабря 1849 года, писанномъ къ сестрѣ и ея мужу, говорится о двухъ гипсовыхъ статуэткахъ—самого Гончарова [2]) и Булгарина, которыя были куплены Иваномъ Александровичемъ въ Петербургѣ и высланы Кириалову. „Смотри-ка, смотри: эхъ, какъ тебя дернуло, Михайло Максимовичъ: цѣлый листъ написалъ! да какъ силъ стало? Зачѣмъ ты денегъ-то прислалъ? Вѣдь я же тебѣ подарилъ объ статуэтки. Особенно *себя* я не продаю: я только покупаю *его*, т.-е. *себя*... фу-ты, какъ неловко сказать!—Деньги-то я свистнулъ, а тебѣ... Въ самомъ дѣлѣ, я пришлю тебѣ на нихъ еще статуэтку, выберу, чья позанимательнѣе: хороши статуэтки Кукольника и Соллогуба тоже, а Брюлловская незанимательна и при томъ ихъ двѣ: прежняя и новая. Не знаю, которая похожа. Я съ Брюлловымъ только однажды обѣдалъ въ одномъ домѣ, но это давно, и не знаю, на которую онъ похожъ. Только пришлю не вдругъ, не вскорѣ, потому что пересылка ужасно хлопотлива: ящикъ, клеенка, надо умѣть завернуть—да чортъ знаетъ что [3]). Ни я, ни Филиппъ, дѣлать этого не умѣемъ, все надо просить контору Языковъ и К°, а я въ послѣднее время ужъ очень часто просилъ ее, и потому подожду. Булгарина вышла тоже другая статуэтка: старая свинья разворчалась за свое безобразіе, какъ будто художникъ виноватъ, и начала блевать на него хулу изъ своего подлаго болота—„Сѣверной Пчелы",—что-де и всѣ труды художника никуда не годятся, да и дорого-то онъ продаетъ и т. п. Художникъ передѣлалъ его, и онъ тотчасъ же началъ толковать, что художникъ очень хорошій и статуэтки продаются какъ нельзя дешевле. Фу, ты мерзавецъ какой! А ты его въ поэты произвелъ! Экъ махнулъ! Булгаринъ поэтъ! Сказалъ бы ты здѣсь это хоть на улицѣ, то-то бы хохоту было. Новая статуэтка его похожа на человѣка и довольно благовидна, отъ того на Булгарина и не схожа. Прежняя,

---

[1]) Въ этомъ видитъ „существо мысли Гончарова" и такой близкій къ нему человѣкъ, какъ М. С., редакторъ журнала и авторъ его некролога въ „Вѣстникѣ Европы" (1891 г., № 10, стр. 864). Ср. „Спорный вопросъ"—*Евг. Ляцкаго* (приложеніе къ его выше цитированной книгѣ, стр. 247—264).

[2]) Статуэтка Гончарова также находится въ музеѣ симбирской архивной коммиссіи.

[3]) Хотя Гончаровъ—далеко не Обломовъ, но здѣсь нельзя не видѣть чисто Обломовской черты—болѣзни хлопотъ.

которая у тебя, какъ карикатура (вѣдь это все карикатуры), выражаетъ его, какъ нельзя болѣе. Булгаринъ имѣетъ рѣдкое свойство—походить наружно и на человѣка, и вмѣстѣ на свинью. Художникъ схватилъ это, какъ нельзя лучше—и, кромѣ свиньи и человѣка, изобразилъ и Булгарина. Это одно изъ лучшихъ его произведеній; ты береги эту статуэтку, хотя прежняя еще продается, но, можетъ быть, Булгаринъ потребуетъ, чтобъ я форму сломали, тогда негдѣ будетъ взять".

Въ концѣ письма Гончаровъ сообщаетъ, что съ новаго года Кирмаловы будутъ получать опять „Современникъ".

Второе письмо — къ сестрѣ—помѣчено 5 мая, безъ указанія года; оно относится къ 1851 году, такъ какъ написано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ извѣстія о смерти матери. Извѣстно, какая важная роль въ творчествѣ Гончарова принадлежитъ образу женщины, „давнымъ давно заронившей въ душу писателя много тепла и свѣта на всю послѣдующую жизнь" [1]). „Мать любила насъ,—говоритъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ",—не тою сентиментальною, животною любовью, которая изливается въ горячихъ ласкахъ, въ слабомъ потворчествѣ и угодливости дѣтскимъ капризамъ и которая портитъ дѣтей. Она умно любила, слѣдя неослабно за каждымъ нашимъ шагомъ, и съ строгою справедливостью распредѣляла поровну свою симпатію между всѣми нами четырьмя дѣтьми. Она была взыскательна и не пропускала безъ наказанія или замѣчанія ни одной шалости, особенно, если въ шалости крылось зерно будущаго порока" (XII, 57—58).

Ту же *справедливость* матери вспоминаетъ онъ прежде всего, какъ только узнаетъ объ ея смерти:

„Да,—пишетъ онъ сестрѣ,—кончина нашей матери должна тебѣ отозваться тяжелѣе, нежели всѣмъ намъ. Ты вообще дружнѣе всѣхъ насъ была съ нею, а любовь ея къ твоимъ дѣтямъ и попеченія о нихъ сблизили васъ еще тѣснѣе. Старушка никогда не показывала предпочтенія никому изъ насъ, но, кажется, тебя она любила больше всѣхъ, и за дѣло: ты ей не дѣлала даже мелкихъ непріятностей своимъ характеромъ, какъ мы, напримѣръ, съ Анютой часто дѣлали невольно... Больно и мучительно, какъ подумаешь, что ея нѣтъ больше, но у меня недостаетъ духа жалѣть, что кончилась эта жизнь, въ которой оставались только одни страданія и болѣзненная, томительная старость. Живи она еще десять лѣтъ, она бы все мучилась

[1]) *Евг. Анцкій*, op. cit., стр. 189.

вдвойнѣ: за всякое наше горе и за то еще, что она не можетъ пособить ему.—При томъ жизнь ея, за исключеніемъ неизбѣжныхъ человѣческихъ слабостей, такъ была прекрасна, дѣло ея такъ было строго выполнено, какъ она умѣла и могла, что я, послѣ первыхъ невольныхъ слезъ, смотрю покойно, съ нѣкоторой отрадой на тихій конецъ ея жизни, *и горжусь, благодарю Бога за то, что имѣлъ подобную мать. Ни о чемъ и ни о комъ у меня мысль такъ не свѣтла, воспоминаніе такъ не свято, какъ о ней*".

Въ концѣ письма онъ вновь возвращается къ воспоминанію о матери, совѣтуя сестрѣ слѣдовать ея примѣру, при воспитаніи дѣтей:—„она тебя любила больше всѣхъ. Я это третьяго года замѣтилъ; а кто изъ насъ можетъ пожаловаться, что отличали тебя, а насъ обижали?"

Свойственная Гончарову дѣловитая практичность сказалась въ этомъ письмѣ въ совѣтахъ, которые онъ даетъ сестрѣ относительно выбора учебнаго заведенія для ея сыновей:

„Меня ужасно огорчаетъ,—пишетъ онъ,—твое затруднительное положеніе насчетъ дѣтей. Я ужъ писалъ тебѣ, что лучшіе корпуса здѣсь: 1) горныхъ инженеровъ, 2) полевыхъ инженеровъ и 3) инженеровъ путей сообщенія. Всѣ прочіе корпуса приготовляютъ молодыхъ людей только въ военную службу; выпускаютъ изъ нихъ лѣтъ 17 и 18 мальчиковъ въ армейскіе полки; ты этого не захочешь, да и въ эти корпуса трудно попасть. Изъ горнаго корпуса посылаютъ на 6 лѣтъ на службу въ Сибирь, въ мѣдные, желѣзные и прочіе заводы; въ этотъ корпусъ легче попасть, нежели въ другіе; платятъ тамъ по 300 цѣлковыхъ въ годъ. Изъ корпуса полевыхъ инженеровъ выпускаютъ по крѣпостямъ для построекъ; учатъ военной строительной части, т.-е. строить крѣпости, мосты, подводить мины и проч. Въ корпусѣ путей сообщенія учатъ проводить и поддерживать шоссе, желѣзныя дороги, строить разныя публичныя зданія. Въ эти два корпуса труднѣе попасть. Есть еще артиллерійское училище, но изъ него и изъ другихъ выпускаютъ въ военные, въ офицеры, которые будутъ потомъ требовать поддержки, а тебѣ надо готовить дѣтей такъ, чтобы они сами могли справляться потомъ безъ домашней поддержки. Для этого я все-таки думаю, что лучше въ гимназію отдать, а потомъ въ университетъ, потому что, оттуда вышедши, онъ можетъ годиться на все: если не чиновникомъ, такъ учителемъ, пожалуй, хоть и въ военную, если есть охота. А если есть дарованія, такъ можетъ идти выше. Даже еслибъ онъ и не попалъ изъ гимназіи въ уни-

верситетъ, такъ одного гимназическаго воспитанія будетъ достаточно, чтобъ достать кусокъ хлѣба, потому что окончившій курсъ въ гимназіи все-таки вдесятеро будетъ больше знать, нежели выпущенный изъ корпуса. Вотъ мои мысли объ этомъ".

Этотъ взглядъ о преимуществахъ университетскаго образованія былъ впослѣдствіи выраженъ Гончаровымъ въ печати, а именно въ первой части его „Воспоминаній" (XII, 5—7).

Того же вопроса касается онъ и въ *третьемъ* письмѣ—отъ 20 апрѣля 1856 года—къ сестрѣ же, которая послѣдовала его совѣту и отдала сыновей въ гимназію, откуда старшій изъ нихъ поступилъ уже въ университетъ. Желая, чтобы и младшіе его племянники шли тою же дорогой, Гончаровъ пишетъ:—„Университетское образованіе все-таки лучшее. Теперь особенно, опять всѣмъ позволили вступать въ университетъ, и, конечно, многіе будутъ этимъ пользоваться, и образованіе въ обществѣ распространится замѣтно. Впереди всегда будутъ университетскіе, какъ были до сихъ поръ, и въ военной [1]), и въ статской службѣ. Людямъ мало образованнымъ будетъ невыгодно. Пусть же всѣ трое твои идутъ по этому пути".

Затѣмъ онъ говоритъ о своей службѣ по цензурному вѣдомству и упоминаетъ объ описаніи путешествія на фрегатѣ „Паллада".

„Если ты читаешь газеты, то, вѣроятно, уже прочла, что я давно (вісъ) опредѣленъ въ новую должность, которая состоитъ въ томъ, что я сижу дома и читаю и утро, и ночь, и хорошее, и вздоръ.—Съ Анненковымъ (Павломъ Васильевичемъ) я послалъ сестрѣ, Аннѣ Александровнѣ, еще по двѣ брошюры своихъ путевыхъ записокъ, напечатанныхъ въ февралѣ и въ мартѣ въ журналахъ. И ты получишь отъ нея обѣ статьи. Когда-нибудь, лежа въ постели съ этими книгами, услышишь, какъ невстово завоетъ буря на дворѣ, хотя такая, въ какую я пріѣхалъ къ тебѣ, и представишь себѣ, какъ братъ твой испытывалъ все это на моряхъ—право испугаешься".

Служба же и литературныя дѣла занимаютъ видное мѣсто и въ *четвертомъ* письмѣ, писанномъ 1 декабря 1858 года къ тому же лицу:

„Виноватъ, что такъ долго не отвѣчалъ на твое письмо... Но я очень занятъ, и вотъ едва удосужился сказать тебѣ нѣсколько словъ. Я только и дѣлаю, что читаю: журналовъ при-

[1]) Ср. XII, 5:—„Даже, говорятъ, въ военное время, напримѣръ въ крымскую кампанію, главнокомандующій войсками, князь Горчаковъ, свидѣтельствовалъ, что прошедшіе курсъ университетскаго образованія были и отличными, изъ ряда вонъ выходящими офицерами".

бавилось множество, а съ ними и много дѣла цензорамъ... Теперь я занятъ печатаньемъ своего романа въ „Отечественныхъ Запискахъ". Первая часть выйдетъ въ январѣ, а послѣдняя — въ апрѣлѣ. Взялъ я за него десять тысячъ рублей серебромъ, уступивъ за эту же сумму право печатать и отдѣльно 3.500 экземпляровъ. Когда выйдетъ отдѣльно, пришлю и тебѣ экземпляръ, но это случится въ концѣ будущаго года [1]).

Изъ этого же письма видно, что въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ своихъ молодыхъ родственниковъ Гончаровъ въ своей жизни игралъ роль „практическаго дяди" (I, 40), которую въ романѣ приписалъ Петру Ивановичу Адуеву. Объ одномъ изъ нихъ онъ пишетъ сестрѣ:

„Ему дали штатное мѣсто помощника секретаря, и онъ получаетъ теперь 350 руб. сер. жалованья. Конечно, это еще немного, и онъ безъ твоей помощи не обойдется, но все же станетъ на квартиру, столъ, чай и сахаръ. А черезъ годъ, вѣроятно, будетъ получать рублей 500. Его любятъ на службѣ; начальникъ его, встрѣчаясь со мной, всякій разъ хвалитъ его усердіе и говоритъ, что всѣ его любятъ въ сенатѣ, и что онъ можетъ научиться дѣлу и будетъ полезенъ и себѣ, и службѣ. Но пріучить его къ обществу порядочныхъ людей мнѣ не удалось. Съ знакомыми онъ дѣйствуетъ по-бараньи, склонивъ голову внизъ, какъ будто хочетъ бодаться. Если ему и удается иногда побѣдить деревенскую застѣнчивость, то онъ придетъ въ чужой домъ, не скажетъ почти ни слова, вернетъ хвостомъ и уйдетъ. И добро бы я знакомилъ его съ чопорными, модными домами, а то люди простые, умные и ласковые. Зовутъ обѣдать, въ ложу приглашаютъ, приглашаютъ по вечерамъ, есть отличные молодые люди, а онъ на все по-бараньи отвѣчаетъ. Конечно, все это дѣлали пока для меня, а потомъ, познакомясь съ нимъ покороче, стали бы дѣлать и для него, но онъ предпочитаетъ сидѣть въ своемъ гнѣздѣ, у какой-то чухонки или нѣмки-хозяйки, съ какими-то студентами. И самъ похожъ на недозрѣлаго студента. Я толковалъ ему, что карьера дѣлается не въ одной службѣ, но и въ обществѣ. Онъ не слушаетъ, и я оставилъ его: пусть дѣлаетъ, какъ самъ знаетъ, онъ не маленькій, лишь бы не пенялъ на меня. Я сдѣлалъ, что могъ".

Пятое письмо отъ 15-го мая — неизвѣстно какого года — писано къ племянникамъ Кирмаловымъ. Узнавъ, что одна изъ его сестеръ и другіе родственники находятся въ Москвѣ и пробу-

[1]) Рѣчь идетъ о романѣ „Обломовъ".

дутъ тамъ продолжительное время, Гончаровъ „ощутилъ радость, даже отдумалъ ѣхать въ Карлсбадъ, тѣмъ болѣе, что на границѣ не покойно, а за границею къ русскимъ не ласковы, и придумалъ пріѣхать въ Москву, пожить тамъ съ мѣсяцъ“ съ ними, а потомъ „сплыть до Симбирска, пробыть тамъ недѣлю, послѣ на недѣлю заѣхать въ Хухорево [1]), посмотрѣть на всѣхъ (нихъ)... и воротиться къ августу домой“, въ Петербургъ. Но затѣмъ оказалось, что сестра пробудетъ въ Москвѣ только до 23-го мая. „Еслибъ, — продолжаетъ Гончаровъ, — я былъ свободенъ, я бы ухватилъ мѣшокъ и завтра же очутился въ Москвѣ, а то надо сказать министру, да взять бумагу, да распорядиться насчетъ оставляемаго дома, и дня три пройдетъ, пока соберешься. А мнѣ именно и хотѣлось въ Москвѣ погулять съ вами, отдохнуть, потомъ пріятно не одному ѣхать дорогу до Нижняго и отъ Нижняго до Симбирска!.. Я даже и министру сказалъ, что я едва-ли поѣду за-границу, а скорѣе на Волгу, въ отвѣтъ на что его превосходительство одобрительно кашлянулъ“.

Наконецъ, въ послѣднемъ, *шестомъ*, письмѣ, подписанномъ 1866 годомъ, безъ означенія числа и мѣсяца, Гончаровъ увѣдомляетъ В. М. Лазаревскаго, что днемъ своего отъѣзда за-границу онъ назначилъ 29-е мая. При этомъ онъ выражаетъ надежду на удовольствіе сообщества Лазаревскаго „до Берлина, а можетъ быть и далѣе“. — „Я избралъ воскресенье, — пишетъ онъ, — между прочимъ потому, что въ этотъ же день отправляется и мой домохозяинъ съ семействомъ, г. Устиновъ. Я бы окончательно былъ доволенъ, еслибы и ваши дѣла позволили выѣхать въ этотъ день и вамъ“.

На этомъ мы и оканчиваемъ выписки изъ писемъ Гончарова, ограничившись извлеченіемъ изъ нихъ данныхъ, дополняющихъ его біографію и характеризующихъ его личность, не касаясь при этомъ заключающихся въ нихъ „интимныхъ и семейныхъ подробностей“, изъ уваженія къ его pudeur (II, 240), хотя — должны замѣтить — въ нихъ нѣтъ ничего такого, что *бросало бы тѣнь на характеръ автора* (II, 221).

М. Сухранскій.

[1]) *Хухорево* — имѣніе Кирмаловыхъ въ аратовскомъ уѣздѣ симбирской губерніи.

ЗОЛОТОЕ ДНО

ПОВѢСТЬ.

I.

Валя, — а въ гимназіи Валеріанъ Локустовъ, — долбилъ латинскую грамматику, сидя у себя въ комнатѣ на подоконникѣ. Завтра — переэкзаменовка, и если „чехъ“ не провалитъ, да еще батюшка черезъ недѣлю не влѣпитъ единицы — Валя перейдетъ въ пятый классъ. Впрочемъ, „чехъ“ страшнѣе... батюшку всегда можно умилостивить, а къ „чеху“ „ни на какой свиньѣ не подъѣдешь“. И мальчикъ долбитъ, затыкая уши, зажмуривая глаза, предъ которыми мелькало столько искушеній.

Но глаза невольно раскрывались, упиваясь теплотой майскаго вечера, который уже задернулъ полъ-неба оранжевымъ пологомъ съ багряными тучками на закатѣ. Возлѣ окна, покачиваясь на тоненькой кленовой вѣткѣ, назойливо свиститъ трясогузка; она выпятила черный жилетъ на сѣрой груди и дразнила Валю круглымъ, мигающимъ глазомъ. Разодѣтыя въ бѣлое, подстриженныя яблони, приличными рядами, точно институтки, спускаются къ рѣкѣ; но вдругъ вѣтеръ вноситъ въ эти ряды безпорядокъ: рядъ за рядомъ вздрагиваетъ, качается, и вихремъ летятъ съ яблонь блѣдно-розовые лепестки... Свернувшись, подобно легкому покрывалу, крутясь, несутся они съ горки, чтобы сгрудиться внизу, у поперечной дорожки. Бѣлыя колонны „перистиля“ синѣютъ въ тѣни и отсвѣчиваютъ розовымъ со стороны заката. На рѣкѣ яркій полукруглый слѣдъ отъ парома горитъ золотомъ и мягкими исчезающими тонами приближается къ береговой тѣни. Стекла въ избушкѣ стараго Дорофеонтыча занялись полымемъ; но самъ онъ стоитъ возлѣ, точно длинная мрачная тѣнь въ своемъ не-

измѣнномъ черномъ армякѣ, и властно кричитъ уткамъ, которыя уплыли за паромомъ по огненному полукругу:

— Куда, непосѣды! Ворочай, непорядливыя! Непокорныя!

Плавнымъ зигзагомъ поворачиваютъ утки на знакомый призывъ и несутъ къ берегу розовое сіянье на своихъ бѣлыхъ крыльяхъ.

Валя забылъ „чеха", забылъ „батьку", придавилъ грудью истрепанную грамматику и, высунувшись изъ окна, смѣется: онъ такъ любитъ эти прилагательныя своего лучшаго друга, прилагательныя, которыя непремѣнно начинаются съ отрицательной частицы.

А солнце уже успѣло спрятаться за холмъ, вѣтеръ улетѣлъ дальше, трясогузка собиралась на ночлегъ, вечерній туманъ поднимается надъ рѣкою и надъ его дрожащей пеленой еще сверкаютъ на томъ берегу кресты городскихъ церквей.

Оглушительно крякая, утки идутъ на ночлегъ; двигаются онѣ медленно, съ перевалочкой, и притворяются, будто вовсе не замѣчаютъ въ державной десницѣ Дормидонтыча длиннѣйшей хворостины.

А тѣни изъ розовыхъ стали лиловыми, въ потемнѣвшемъ воздухѣ рѣзче выдѣлились группы яблонь въ своемъ нарядѣ, строчки въ грамматикѣ сдѣлались неразборчивы. Изъ города прилетѣлъ мягкій призывъ angelus'a... Струя нагрѣтаго воздуха вдругъ быстро пронеслась мимо и по дорогѣ дунула въ лицо Вали. Онъ вздохнулъ, закрылъ глаза и весь потянулся къ этому ласковому дыханію весны.

Въ ту же минуту изъ „конторы", крошечной комнаты, находившейся подъ лѣстницей, донесся до него голосъ жены экономки Василисы. Тонъ голоса у Васи былъ обиженный, преисполненный претензіи,—значитъ, она говорила или съ крестьяниномъ, или съ рабочимъ. Этимъ она проявляла свое превосходство или считала такую рѣчь за признакъ хорошаго тона.

— Чего же ты еще?—говорила Вася своимъ пѣвучимъ низкимъ голосомъ южанки:—вѣдь по семь гривенъ въ день, такъ? А ты въ девять утра сталъ...

— Да, вить, не четвертакъ же... Слѣдоваетъ больше,—возражалъ кто-то робко, малоубѣдительно.

— И ничего больше не слѣдоваетъ,—повторила Вася,—ступай, ступай... Только мнѣ и дѣла, что съ вами разговаривать

— Да, вить, не четвертакъ же...

Хлопнула дверь конторы; голосъ, не переставшій протестовать, замиралъ въ отдаленіи; съ бокового крыльца или, какъ

говорилось, „съ задняго парада", мелькнула плотная фигура Василисы, сопровождаемая какой-то тѣнью,—и все смолкло.

Валя, вертѣвшій въ рукахъ карандашъ, тутъ же, на зеленой краскѣ подоконника, принялся за математическое вычисленіе и скоро пришелъ къ выводу, что тѣнь съ малоубѣдительнымъ голосомъ была права, что Васька ее обсчитала.

Тогда мальчикъ спрыгнулъ съ окна и пошелъ разыскивать экономку, радуясь подъ благовиднымъ предлогомъ хоть на время покинуть общество великихъ классиковъ.

На заднемъ дворѣ жизнь кипѣла ключомъ. Солидной поступью возвращались громадныя альпійскія коровы съ бархатными глазами; между ихъ ногъ „стрѣляли" исхудалыя за зиму свиньи съ полинялой щетиной; блеяли овцы, вздрагивавшія только-что остриженнымъ тѣломъ; телята осенняго выводка, впервые видавшіе весну, не могли еще къ ней привыкнуть и глупо радовались ея приволью. Изъ коровника прошелъ Никита, держа ножками внизъ только-что родившагося теленка; тотъ терся мокрой головкой о сермягу, точно желая найти на груди у человѣка потерянное тепло матери.

Но главное движеніе сосредоточивалось возлѣ молочной, куда скотницы сносили бѣлыя ведра съ молокомъ. Часть изъ нихъ, подъ наблюденіемъ Василисы, опоражнивалась въ бедоны, предназначенные для отправки въ городъ; часть шла въ сепараторы.

Дормидонтычъ вываживалъ передъ конюшней стараго „Котика", на которомъ сейчасъ вернулся механикъ со станціи. Пожелтѣвшая, влажная шерсть „Котика" особенно оттѣняла бѣлыя пятна первобытнаго цвѣта на мѣстѣ хомута и черезсѣдельника.

Поодаль, въ почтительной, даже, если говорить правду, рабской позѣ, сидѣлъ Барбосъ и, поднявъ правое ухо (лѣвое было давно оторвано), вѣрноподданно подстерегалъ всякое движеніе Дормидонтыча.

Вася металась своей подпрыгивающей, сорочьей походкой и по сѣнямъ, и по крыльцу; успѣвала одновременно наблюдать и за бедонами, и за сепараторомъ, и въ то же время, не умолкая, болтала съ Дормидонтычемъ.

— У меня такой характеръ, что я люблю, чтобы у меня все было,—стрекотала она, наслаждаясь приливомъ самолюбиваго хвастовства;—если у меня чего нѣтъ, я всегда куплю, всегда куплю... А зато ужъ если есть—то надолго! Не люблю я вещи портить, не люблю! Зонтикъ, напримѣръ... У другихъ—годъ, много—два, а у меня—восемь! Восемь лѣтъ—и новёхонекъ!

Торжествующе смотрѣла Вася на Дормидонтыча и чувство-

вала себя особой умной, значительной, которой отведено почетное мѣсто въ мірозданіи.

Дормидонтычъ поправлялъ спутанную гриву „Котика“ и вынималъ изъ сбруи кусочекъ березовой коры, прикрѣпленный къ ремешку и замѣнявшій наглазникъ: на старости лѣтъ лошадь становилась пугливой.

— Это такъ, — отвѣчалъ онъ, — чего зря добро травить... Это глядя, у кого какая природа... У моей природы, напримѣръ...

Но такъ и осталось неизвѣстнымъ, какая природа у Дормидонтыча: онъ увидалъ Валю, и улыбка поплыла съ его лица навстрѣчу молодому другу.

— А утки-то, дѣдушка, тебя перестали слушаться, — по обыкновенію началъ дразнить его мальчикъ.

Старикъ не на шутку нахмурился.

— Ужо, погоди, послѣ Петрова дня станутъ послушны, — мрачно возразилъ онъ, точно пернатая аудиторія могла обнять весь ужасъ этой угрозы, — какъ ихъ къ господскому столу на жарковье...

Пришелъ Никита съ ручной телѣжкой, поставилъ на нее бедоны и покатилъ внизъ, къ парому.

— Смотри, ничего не забудь по списку! — вдогонку крикнула ему Василиса и, усмѣхнувшись, прибавила: — Хлопотъ! Гостей, гостей-то сколько у насъ будетъ! Къ первому наварить да напечь... Зато розовое платье надѣну... Вотъ, и ему уже четвертое лѣто, а никто не подумаетъ... Надо только на рукава матерію оставлять.

И снова она весело засмѣялась. Скромныя радости, которыми она умѣла украшать повседневность обыденной жизни, создавали въ Локустовскомъ домѣ атмосферу мѣщанскаго довольства, уюта, которымъ безсознательно проникались всѣ его обитатели.

— А у меня еще переэкзаменовки, — вздохнувъ, пожаловался Валя.

— Не лѣнитесь, — тенденціозно отвѣчала Вася и стала запирать молочную.

— А вѣдь рабочему и вправду слѣдуетъ больше, — недружелюбно сказалъ мальчикъ.

— Какому рабочему? — спросила Василиса, и какъ всегда, когда разговоръ касался меньшей братіи, лицо ея стало вдругъ сухое, почти враждебное.

— А вотъ тому... Вы сейчасъ его разсчитывали... Если онъ сталъ съ девяти утра...

— Фу ты, какой ариѳметикъ! — смѣясь, прервала его Василиса.

— Во-первыхъ, не ариѳметикъ, а математикъ,—важно поправилъ ее тотъ.

— А я не хочу ни во-первыхъ, ни во-вторыхъ...

Она подошла къ колоколу, висѣвшему посреди двора, и стала звонить „на ужинъ".

— Вы не смѣете не хотѣть разговаривать! — вспылилъ Валя.—Вотъ я дѣдушкѣ скажу!

— А вы не въ свое дѣло не мѣшайтесь... Я не лѣзу къ вамъ, когда вы по цѣлому часу передъ зеркаломъ вихоръ примазываете,—и вы ко мнѣ не лѣзьте.

Валя вспыхнулъ и отвернулся, чтобы скрыть это отъ глазъ экономки. Оскорбленіе было невыносимо, тѣмъ болѣе, что самъ потерпѣвшій не могъ не признать всей законности ядовитой насмѣшки: дѣйствительно, у Вали правая половина волосъ на головѣ какъ-то нелѣпо кудрявилась, и онъ не мало времени употреблялъ на то, чтобы привести ее въ приличный видъ... Но какъ могла проникнуть въ эту тайну Вася?

Однако, Валя не допустилъ себя промолчать и секунды: это значило бы признать свое пораженіе.

— Всѣ люди причесываются,—возразилъ онъ какъ бы небрежно,—а вотъ эксплоатировать народъ—это... это...

— Ахъ, проповѣдникъ какой, вы на амвонъ ступайте!—сказала Вася.

Сказала—и съ независимымъ видомъ направилась къ дому, подпрыгивая на ходу своей сорочьей походкой.

— Ну, хорошо же! — бросилъ ей вдогонку мальчикъ, побагровѣвъ отъ гнѣва.

Онъ рѣшилъ немедленно все разсказать дѣду. Но его не было дома.

Пріѣхавъ съ поля, Степанъ Михайловичъ отправился на болото, гдѣ сегодня производились опыты съ конными граблями, которыя онъ пытался приспособить особымъ усовершенствованьемъ спеціально для кочковатой мѣстности.

Эти грабли давно уже занимали собой вниманіе сосѣдей и служили предметомъ гордости семейства Локустовыхъ. На дняхъ привезли ихъ изъ города на паромѣ, а сегодня пріѣхалъ механикъ, чтобы все окончательно наладить.

Валя зналъ, что въ такое время дѣдъ не любилъ, чтобы ему мѣшали дѣти; но онъ былъ не въ силахъ ждать: оскорбленіе требовало отмщенія.

Быстро сбѣжалъ онъ по сѣновосу въ узенькой полоскѣ лѣса, точно стороживша́го болото. Стволы елей высились кверху обнаженные, покрытые лишаями блѣдно-сѣраго мха; мшистыя бородавки, точно подушки, лежали на лужайкахъ, покрытыхъ черной прогнившей листвою; иногда узенькій просвѣтъ воды отражалъ въ себѣ зеркальную лазурь неба. Валя, знавшій здѣсь каждый кустикъ, прыгалъ осторожно съ бородавки на бородавку, и мокрая земля таинственно хлюпала подъ его ногами. Иногда каблукъ его упирался въ малахитово-зеленый пень, празднично разукрашенный вѣнками брусники, и пень разлѣзался въ мочалу, разсыпался мокрымъ прахомъ. Гдѣ-то начиналъ ухать филинъ, за нимъ послышался жалобный стонъ козодоя; сумерки сгущались, мохнатыя вѣтви елей начинали казаться непреодолимой преградой.

Но, къ счастью, уже свѣтлѣла опушка, оттуда уже доносились крики дѣда.

На опушкѣ было еще свѣтло, и хотя въ глубинѣ синяго неба зажигались первыя звѣзды,—западъ горѣлъ еще янтарными переливами заката. На этомъ яркомъ фонѣ рѣзко чернѣли поднятыя вверхъ грабли, похожія на ребра допотопнаго ископаемаго; силуэтъ Никиты, подобно вылитому изваянію, неподвижно высился на узкихъ козлахъ. Возлѣ копошился механикъ съ тонконосой масленкой въ рукахъ. Тутъ же стоялъ дѣдъ въ обычной позѣ—съ откинутой назадъ головой, съ заложенными за спину руками, въ дворянской фуражкѣ, изъ-подъ которой выбивались еще густыя кудри. Антонъ, старшій братъ Вали, любимецъ дѣда, валялся на копнѣ свѣже-скошеннаго сѣна.

Съ огорода поднимались къ дому поденщицы; проходя мимо дѣда, онѣ отвѣшивали ему низкіе поклоны; но старику некогда было отвѣчать на нихъ: онъ былъ взволнованъ, и отборныя ругательства его властнаго голоса такъ и растекались по воздуху.

— Нѣтъ, какъ онъ, каналья, повернулъ, а!—кричалъ Степанъ Михайловичъ, какъ бы призывая всѣхъ во свидѣтели:— еще немножко—и винтъ пополамъ!

Никита сидѣлъ все время неподвижно, точно это не къ нему относилось. Рабочіе привыкли къ брани помѣщика, тѣмъ болѣе, что она скорѣе входила въ систему хозяйничанья, чѣмъ была выраженіемъ гнѣва. Лицо дѣда при этомъ не было сердитымъ. Его глаза подъ высокимъ и узкимъ лбомъ сохраняли холодный блескъ стали, и только одутловатыя щеки, точно падавшія на шею, слегка тряслись, да подпрыгивалъ широкій подбородокъ.

Но вдругъ взглядъ его упалъ на подходившаго внука. Онъ

пріостановилъ потокъ педагогическаго сквернословія и нетерпѣливо спросилъ его:

— Что такое? Тебѣ нужно что-нибудь?

— Дѣдушка...—началъ быстро Валя и вдругъ замолчалъ: то, что сейчасъ казалось такъ просто, теперь невозможно было выговорить,—слова застревали въ горлѣ, не шли съ языка... Образъ Васи пріобрѣталъ голубиную непорочность, а собственная душа казалась черпѣе сажи.

Дѣдъ встрепенулся...

— Что-нибудь случилось?

Онъ повернулъ къ дому; Антонъ вскочилъ съ сѣна и пошелъ за нимъ слѣдомъ.

„Но вѣдь, все-таки, она обсчитала...“—подумалъ Валя, и началъ поспѣшно, путаясь, излагать свои недоумѣнія.

— Что такое? Какой работникъ? Какой разсчетъ?—спрашивалъ дѣдъ, у котораго безпокойство уступало постепенно мѣсто гнѣву.

Наконецъ, онъ и вопросы пересталъ задавать. Багровое облако появилось у него на толстой шеѣ, выступавшей изъ плотно застегнутаго воротника коломенковой тужурки, затѣмъ оно окрасило лобъ и отвислыя щеки. Валя, для храбрости шедшій все время сзади, не видалъ этихъ грозныхъ признаковъ; но неожиданное молчаніе не предвѣщало ничего хорошаго.

Но вотъ дѣдъ остановился, подпустилъ къ себѣ поближе оратора и, смѣривъ его худую, нескладную фигуру, медленно отчеканилъ:

— Ступай домой...

— Но, дѣдушка,—пытался протестовать Валя.

— Ступай домой, говорю я... И если ты еще когда-нибудь... когда-нибудь...

Валя пересталъ протестовать,—дѣдъ подавлялъ его своей властностью. Откинутая голова въ дворянской фуражкѣ, сѣдыя кудри, широкая грудь, холодный взглядъ сѣрыхъ глазъ, отъ сдержаннаго гнѣва налитыхъ кровью, были такъ повелительны при всемъ своемъ кажущемся спокойствіи, что мальчикъ, опустивъ глаза, прошелъ мимо старика и скрылся на тропинкѣ.

Изъ чувства товарищества, Антонъ не захотѣлъ покинуть опальнаго брата и еле поспѣвалъ своей коренастой, неуклюжей фигурой за его длинными ногами.

— Вотъ и вышелъ оселъ!—сказалъ онъ, наконецъ, догнавъ брата.—Чего лѣзешь? Онъ и такъ сердитъ, а ты... Фу, оселокъ...

Валя ничего не отвѣтилъ. Помимо мальчишескаго страха,

который всегда овладѣвалъ имъ, когда дѣдъ сердился, въ его душѣ начиналась какая-то раздвоенность, чувство неудовлетворенія, безсознательная тревога.

— И право, оселокъ! — продолжалъ Антонъ, принявшій къ сердцу пораженіе Вали.—Тебѣ-то какая печаль? Чего ради доносить...

— Доносить...—Валя презрительно улыбнулся.—Это не доносъ, когда человѣкъ хочетъ исправить гадость... Васька обсчитываетъ—на нее и кричать надо... Вѣдь онъ хозяинъ, значитъ, это его дѣло.

— Ну, да, онъ хозяинъ,—убѣжденно повторилъ Антонъ,—вотъ онъ и не любитъ, чтобы мѣшались; да еще... ты!

— А развѣ можно было молчать, когда эта Василиса...

Братья поднялись на гору.

На освѣщенномъ балконѣ уже былъ накрытъ ужинъ, мелькали тѣни домашнихъ, прислуги.

— Куда-же ты, а ужинать?—удивился Антонъ, когда Валя пошелъ мимо дома, наверхъ, въ гору. — Вонъ уже Марѳа и баба Ева.

— Я не буду ужинать,—пробормоталъ Валя.

— У тебя завтра чехъ?—продолжалъ выражать свое участіе Антонъ.

— А чортъ съ нимъ!—отвѣчалъ неблагодарный, повертывая на тропинку, ведущую къ мѣсту, которое называлось у нихъ „гротомъ".

Въ дѣйствительности, это была яма, вырытая въ крутомъ откосѣ горы, откуда нѣсколько лѣтъ назадъ добывали песокъ для построекъ. Теперь земля тамъ была покрыта сѣномъ, нависшій сводъ подпертъ бревномъ и доскою. Посрединѣ росла старая береза, пощаженная рабочими, блѣдный стволъ которой, освобождаясь постепенно отъ почвы, отмѣчалъ на себѣ время своего освобожденія. И теперь еще можно было наблюдать, какъ твердѣла нѣжная кора, появляясь на свѣтъ божій изъ-подъ земли, какъ она переходила изъ сѣрой въ бѣлую, а наверху шелушилась тоненькими атласистыми чешуйками. У ея ствола стоялъ большой ящикъ, изображавшій столъ со шкапомъ; а около помѣщался маленькій,—съ успѣхомъ замѣнявшій стулъ.

Отсюда открывалась чудная перспектива на паркъ, на домъ съ его бѣлымъ „перистилемъ", на садъ, спускавшійся правильными рядами къ рѣкѣ, по которой двигался паромъ, оставляющій на водѣ непрерывные правильные полукруги. Городъ, стоявшій у воды, мерцалъ въ сумеречномъ туманѣ золотыми точками рѣдкихъ огней.

Надъ ямой, точно пытаясь заглянуть туда, трепетала обнявшаяся съ березой ольха, которая едва держалась полуобнаженными корнями, грозя ежеминутно сорваться. Другіе кустарники, раньше окружавшіе яму, уже лежали внизу, оторванные отъ родной земли.

„Гротъ" находился въ полной собственности Вали. Онъ открылъ его, омеблировалъ, поставилъ подпорки и приходилъ сюда читать, любоваться закатомъ, рѣкою.

Сегодня мальчикъ принесъ въ „гротъ" новое чувство, всей важности котораго онъ не умѣлъ понять, и которое затронуло въ душѣ его струны, дотолѣ еще не звучавшія.

Валя долго смотрѣлъ вдаль съ неопредѣленной тупой болью въ душѣ, и одиночество не умиротворяло его, какъ бывало. Ему хотѣлось пойти „наверхъ", къ сосѣдямъ Панцыревымъ, и разсказать свои недоумѣнія; но пришлось бы говорить о дѣдѣ... а онъ выросъ въ тискахъ семейнаго патріотизма, который исключалъ всякую возможность критики. Власть Степана Михайловича считалась неоспоримой, авторитетъ несомнѣннымъ; обиходъ жизни— самый цѣлесообразный. И знакомые, безсознательно, признавались постольку, поскольку являлись славословящимъ хоромъ въ этомъ обиходѣ; но стоило только кому-нибудь изъ нихъ (какъ это было съ Панцыревыми, къ которымъ Валя бѣгалъ безъ разрѣшенія) стать въ противорѣчіе съ традиціями семьи,—хозяинъ чувствовалъ охлажденіе, и мало-по-малу, естественнымъ ходомъ событій, близость исчезала.

И эти семейныя традиціи были такъ сильны у Вали, что онъ не рѣшался разсказать свои недоумѣнія Панцыревымъ, съ которыми, къ тому же, дѣдъ, уже давно поддерживалъ только оффиціальныя отношенія.

А мальчику такъ хотѣлось говорить!

И вдругъ онъ увидалъ Марѳу, свою двадцатилѣтнюю сестру, которая, незамѣченная имъ, уже подходила къ „гроту".

— Ты чего, Валикъ, не ужиналъ?—спросила Марѳа.

— Дѣдъ на меня разсвирѣпѣлъ, Мара, — отвѣчалъ тотъ, со вздохомъ.

Марѳа на жалобу не обратила вниманія: дѣдъ не любилъ Валеріана, и въ семьѣ привыкли къ легкимъ несправедливостямъ, которыми ознаменовывалось его неровное отношеніе къ внукамъ.

— Но разсуди,—взволнованно продолжалъ Валя:— онъ разсердился, что я вмѣшиваюсь; но когда Васька обсчитываетъ...

Марѳа, которая уже беззаботно повалилась подъ березу, вдругъ привстала на локтѣ.

— Что такое? — спросила она, поворачивая къ брату свое некрасивое, широкоскулое лицо съ прекрасными сѣрыми глазами: — откуда ты узналъ про Василису?

Валя, снова путаясь и снова захлебываясь, передалъ маленькую сценку съ рабочимъ и свой разговоръ съ дѣдомъ. Со снисходительнымъ презрѣніемъ вспомнилъ онъ и обидную насмѣшку Василисы; но теперь она больше уже не играла роли: мысли его перешли въ область высшаго порядка.

— За что тутъ сердиться, Мара?—кончилъ Валя, бросаясь рядомъ съ сестрой на сѣно: — онъ долженъ быть доволенъ... Неужели онъ станетъ терпѣть, чтобы у насъ обсчитывали?

Глубокая тѣнь омрачила лицо Мары. Она помолчала нѣкоторое время и потомъ отвѣтила, стараясь казаться какъ можно равнодушнѣе:

— Конечно, ты мѣшаешься не въ свои дѣла. А вѣдь латынь-то еще не сдана?

Валя съёжился и посмотрѣлъ на сестру съ укоромъ; онъ ожидалъ отъ нея иного отвѣта; онъ хотѣлъ бы говорить много-много, хотѣлъ бы понять все, сразу и—успокоиться отъ грызущаго чувства... Но Мара точно не замѣтила произведеннаго впечатлѣнія и поспѣшно встала съ сѣна.

— Совѣтовала бы я тебѣ идти спать,—сказала она еще,— вѣдь чехъ не пощадитъ.

И поспѣшно скользнула внизъ, точно опасаясь продолжать бесѣду.

Проходя въ свою комнату черезъ балконъ, гдѣ еще сидѣлъ дѣдъ со своей сестрой, Евой Михайловной, Мара надѣла на лицо маску обыденнаго равнодушія, какъ то привыкла дѣлать при старшихъ; а между тѣмъ, она была глубоко взволнована.

Она сама, приблизительно въ возрастѣ Вали, также подняла знамя бунта, не желая покориться деспотической власти дѣда; но только у нея пробужденіе самосознанія началось съ болѣе личныхъ, эгоистическихъ мотивовъ. Еще она не кончила курса гимназіи, когда дѣдъ, у котораго входило въ систему, чтобы никакая хозяйственная сила не пропадала даромъ, рѣшилъ, что внучка должна освободить Василису отъ молочнаго хозяйства; но тутъ натолкнулся на рѣшительное сопротивленіе.

— Никогда, никогда я не стану у васъ хозяйничать,—заявила Мара съ твердостью, которая была удивительна для такого подростка.

— Что же, ты намѣрена у меня сидѣть на шеѣ?—скрывая свое изумленіе, сказалъ дѣдъ.

— Нѣтъ... я уѣду,—отвѣтила дѣвочка.

— Ты думаешь, я стану содержать тебя?—сурово проговорилъ Степанъ Михайловичъ:—такъ знай заранѣе: отъ меня не получишь ни копѣйки.

— Я знаю,—отвѣчала Марѳа.

И немедленно послѣ этого разговора она начала копить деньги, для осуществленія своей мечты. Это была не ребяческая игра, а настоящее дѣло серьезнаго человѣка. Деньги, которыя выдавали ей на извозчика, на лакомства, какъ подарокъ на именины, она прятала въ копилку; и если результаты экономіи выходили не особенно блестящи, то во всякомъ случаѣ это было не отъ ея расточительности. Благодаря помощи Евы Михайловны, Марѳа поступила на фельдшерскіе курсы. Черезъ два года она поѣхала на мѣсто съ больной заграницу и теперь могла продолжать учиться на свои средства.

За эти два года между нею и дѣдомъ шла глухая, никому невидимая борьба. Старикъ не могъ простить такого явнаго пренебреженія его желаніями; но въ то же время втайнѣ начиналъ уважать энергичную дѣвушку; а Марѳа все болѣе отчуждалась отъ него и еще отъ Антона, его любимца. Она сторонилась брата именно потому, что онъ былъ любимецъ, здоровый, краснощекій и, какъ ей казалось, безъ Бога въ душѣ. Валя, напротивъ, съ дѣтства былъ предметомъ ея нѣжной заботливости. Она предчувствовала и въ немъ тотъ духъ протеста, который сдѣлалъ ея жизнь трудной. Она вѣрила, что Валя, подобно ей, сумѣетъ сбросить съ себя цѣпи семейнаго деспотизма и вступить въ жизнь свободнымъ человѣкомъ. Она желала этого и боялась въ одно и то же время, зная, что тогда жить ему станетъ труднѣе.

И вотъ, этотъ моментъ наступилъ, наступилъ раньше, чѣмъ она ожидала. Марѳа испугалась за брата. Ей вдругъ захотѣлось отсрочить тягостное время, оградить нѣжную душу своего любимца отъ опасныхъ вопросовъ и той пытки безысходности, которая слѣдуетъ за невозможностью ихъ разрѣшенія.

И взволнованная дѣвушка стояла передъ окномъ, вглядываясь во мракъ ночи, и мучительно шептала:

— Но развѣ это возможно? Развѣ возможно?

II.

За недѣлю до перваго іюня, всѣ въ Ловцустовкѣ были заняты приготовленіями къ пріему гостей.

Степанъ Михайловичъ любилъ ослѣплять сосѣдей не только широтой культурныхъ задачъ, блескомъ практическихъ приспособленій, но и гостепріимнымъ хлѣбосольствомъ. Онъ упивался лестью гостей, всеобщимъ признаніемъ его превосходства.

Раньше Локустовка, или „золотое дно", какъ называютъ теперь имѣніе, была просто дачей съ громаднымъ помѣщичьимъ домомъ. Съ незапамятныхъ временъ этотъ клочокъ, въ числѣ прочаго несмѣтнаго количества десятинъ, принадлежалъ дворянамъ Панцыревымъ, которые стали сильно бѣднѣть послѣ освобожденія крестьянъ. Панцыревы, вообще, не любили хозяйничать, а пошли больше по ученой части. Одинъ изъ нихъ, товарищъ Грановскаго, жилъ всегда въ Москвѣ, крестьянъ держалъ на оброкѣ. Сынъ его, учитель гимназіи, освободилъ крестьянъ съ землею безъ выкупа, и случилось такъ, что его наслѣдники получили уже только громадный домъ съ флигелями, да нѣсколько сотъ десятинъ, въ которыя входилъ и лѣсокъ, и болота, и клочки вспаханной земли, сплошь перерѣзанной дорогами. Два брата раздѣлились и смотрѣли на свое имѣніе какъ на дачу. Только когда младшій женился на Евѣ Михайловнѣ Локустовой, Степанъ Михайловичъ началъ журить его за то, что онъ оставляетъ такой чудесный уголокъ безъ вниманія. Тогда зять отдалъ ему имѣніе въ аренду; а молодые ѣздили туда только на лѣто. Но недолго пришлось пожить вмѣстѣ этой парѣ: Панцыревъ внезапно скончался, оставивъ женѣ въ наслѣдство землю и огромный домъ, а Ева Михайловна, которой минуло тогда 28 лѣтъ, отдала все брату.

— Я все равно ничего здѣсь не сумѣю сдѣлать, — говорила она, — а ты станешь веселѣе работать, когда это будетъ твое.

— Глупое дитя! — покровительственно, какъ всегда, возразилъ Степанъ Михайловичъ: — вѣдь ты еще замужъ выйти захочешь...

— Я? Замужъ? — повторила Ева Михайловна и улыбнулась.

Больше она не прибавила ничего: но братъ понялъ, что она никогда не забудетъ своего кратковременнаго счастья.

Съ тѣхъ поръ про хуторъ, переименованный изъ Панцыревки въ Локустовку, и пошла слава. Его узнали въ губерніи, а въ городѣ всякій мальчишка могъ указать на холмѣ за рѣчкой красивый домъ со сверкающими ясными окнами и закругленной бѣлой колоннадой подъѣзда, который называли „перистилемъ".

Домъ Панцыревыхъ, старинное барское гнѣздо, съ лежанками, боковушами, сѣнниками, былъ заново передѣланъ; всѣ чуланчики, закоулки уничтожены. Изъ двадцати-четырехъ колоннъ, поддерживавшихъ въ залѣ хоры, устроили изящную колоннаду подъѣзда, спускающуюся къ рѣкѣ двумя красивыми полукругами, и сѣрое заброшенное зданіе, на которое въ городѣ раньше никто не обращалъ вниманія, теперь эффектно выдѣлялось на фонѣ густой зелени столѣтняго парка.

И вокругъ тоже закипѣла жизнь. Внизу, около рѣки, гдѣ было всегда болото, вытянулись длинныя и узкія грядки огородовъ съ особой системой дренажа, спеціально придуманной Степаномъ Михайловичемъ. На горѣ раскинулся молодой садъ, поливаемый гидравлическимъ насосомъ; „горбы", гдѣ раньше невозбранно паслась крестьянская скотина, распахивались подъ просо и пшеницу; ржавые отъ гнилости „залоги" прорывались канавами, и вскорѣ на нихъ появилась зеленая щетка гибкой лозы.

Теперь все удавалось Степану Михайловичу, тогда какъ до этого судьба не баловала его своими улыбками.

Родители его, довольно богатые помѣщики, не сумѣли оправиться послѣ освобожденія крестьянъ, и молодой Локустовъ вошелъ на арену жизни невооруженный капиталомъ. Онъ храбро ринулся въ аттаку за счастьемъ; но всегда случалось такъ, что въ концѣ концовъ эта аттака бывала отбита.

Кончивъ курсъ университета, Степанъ Михайловичъ пошелъ въ мировые посредники, стремясь осуществить самую широкую программу; но ихъ скоро упразднили. Недолго побылъ онъ и на службѣ въ интендантствѣ, гдѣ собирался примѣнять принципы кооперація,—его начальника засудили за воровство, и самъ онъ долженъ былъ давать показанія... Женился по любви на дочери фабриканта спичекъ, — тесть разорился, а молодая жена скоро умерла, оставивъ ему единственнаго сына. Послѣ этого Локустовъ много лѣтъ служилъ управляющимъ у богача Харитонова, примѣняя на практикѣ свою собственную систему утилизаціи негодныхъ земель; но и тутъ, какъ разъ, ливень проливался на болото, которое было уже почти осушено, или засуха испепеляла степь, почти оплодотворенную снѣговой водой...

Это „почти", точно насмѣшка, сопровождало всякое начинаніе Степана Михайловича. Онъ усталъ превозмогать невзгоды, неудовлетворенное честолюбіе изгрызло его душу; а потому, приступая къ осуществленію своей программы на поляхъ Локустовки, онъ рѣшилъ изгнать это проклятое „почти" силой разсчета, ма-

тематической предусмотрительности. Тѣмъ болѣе, что у него тогда былъ помощникъ въ лицѣ женатаго сына, имѣвшаго уже маленькую дочь Марѳу.

И Степанъ Михайловичъ старался развернуть свои таланты, удовлетворить честолюбіе. Онъ скрывалъ довольную улыбку, когда сосѣди въ глаза называли его „культуртрегеромъ"; но въ глубинѣ души находилъ, что это слово не охватываетъ всей его дѣятельности... Ему хотѣлось словечка посильнѣе...

Вѣдь онъ научилъ туземцевъ строить финляндскіе колодцы съ крышей; онъ ввелъ впервые посѣвъ бѣлотурки; онъ поставилъ на границѣ своего парка деревянный сарай съ надписью: „пожарное депо". И внутри сарая, дѣйствительно, хранились пожарныя приспособленія, а снаружи стоялъ столбъ съ колоколомъ, предметомъ вожделѣній всѣхъ деревенскихъ мальчишекъ. Наконецъ, отъ хутора къ городу ходилъ паромъ („настоящее благодѣяніе для крестьянъ", какъ говорили домашніе), на которомъ ежедневно доставлялись въ городъ бедоны съ молокомъ, овощи, битая птица...

И Локустовка богатѣла, украшалась; земля тучнѣла отъ удобреній, давая обильные урожаи; болота высыхали, выращивая чудесные овощи; а затѣмъ,—что съ особенной завистью замѣчали бѣднѣвшіе сосѣди,—имѣніе начинало мало-по-малу округляться.

Крестьяне деревни Панцыревки, старинной вотчины Панцыревыхъ, единственный представитель которыхъ жилъ еще на верху во флигелѣ, сначала отнеслись равнодушно къ перемѣнѣ владѣльца; но вскорѣ это отношеніе начало радикально измѣняться. Оказалось, что ихъ поля съ полями Локустова представляли истинный хаосъ черезполосицы. Раньше никто не замѣчалъ этого; но когда землемѣры отдѣлили землю крестьянъ, безалаберно отмѣренную учителемъ Панцыревымъ, отъ земли, принадлежащей Степану Михайловичу,—деревенскіе обыватели поняли, что это дѣло вовсе не такъ маловажно, какъ оно представлялось имъ вначалѣ. Дороги, не внесенныя на планъ, были всѣ распаханы, отчего ближайшій выходъ къ рѣкѣ отрѣзанъ, выгонъ загороженъ, прямая дорога къ парому занята огородомъ.

Нѣсколько разъ міръ подстерегалъ Еву Михайловну, когда она проходила деревней къ своему деверю, Георгію Павловичу Панцыреву, и пытался объяснить ей свою обиду. Она изумлялась, терялась, не знала, что отвѣтить.

— Я скажу брату, онъ разберетъ,—бормотала она.—Конечно, это ужасно... Неужели къ водѣ нѣтъ выхода?.. Я поговорю... Вы приходите къ намъ...

И она, дѣйствительно, говорила; но только не брату, котораго побаивалась, а племяннику Алексѣю.

— Нелѣпыя претензіи, — отвѣчалъ Алексѣй: — сколько имъ отецъ сдѣлалъ, а они... Пускай приходятъ, у насъ все по закону...

Крестьяне пришли. Степанъ Михайловичъ вышелъ къ нимъ съ землемѣромъ, показалъ имъ старые планы, свое размежеванье—все выходило ясно, какъ на ладони.

— Вотъ моя земля, вотъ ваша, видите, — говорилъ онъ,— я вашего не хочу; но и своего мнѣ отдавать не изъ чего.

— Съ испоконъ вѣку у насъ къ выгону дорога велась,— твердили свое крестьяне,—а теперь, ни къ выгону, ни къ рѣчкѣ...

— Велась,—а теперь поведется иначе,—спокойно отвѣчалъ Локустовъ.—Вы отъ меня много добра видѣли... Что могу—то дѣлаю; а ужь больше не требуйте...

Крестьяне недоумѣвали отъ такой постановки вопроса; но, наконецъ, поняли, что новый сосѣдъ ничего не уступитъ. Они перестали подстерегать Еву Михайловну на деревенской улицѣ; только въ праздники вслѣдъ ей неслась тихая брань; да однажды какой-то пьяный ей крикнулъ:

— Утопила ты насъ, барыня сахарная!

Ева плохо понимала, въ чемъ дѣло, но упрекъ приняла близко къ сердцу: ея нѣжная душа такъ всегда стремилась къ тому, чтобы всѣмъ было хорошо! Побуждаемая этимъ добрымъ чувствомъ, она отдала имѣнье брату, и вдругъ — кто-то страдаетъ отъ этого! Нерѣшительная, робкая по природѣ, Ева боялась всего на свѣтѣ: кошекъ, собакъ, всякой заразы. Мышь заставляла ее испускать истерическіе крики... Боялась она кого-нибудь обезпокоить, обидѣть, причинить непріятность; а тутъ вдругъ —вся деревня на нее негодуетъ.

Чистенькая, худенькая, всегда въ корсетѣ, въ бѣломъ воротничкѣ и манжетахъ, съ блѣдными руками и прозрачнымъ лицомъ, обрамленнымъ волосами такими свѣтлыми, что ранняя сѣдина была въ нихъ почти незамѣтна, Ева, дѣйствительно, походила на „сахарную“, какъ мѣтко назвалъ ее пьяный мужикъ.

Читая ли старинныхъ французскихъ классиковъ, передавая ли средневѣковый пылъ Страделлы на своемъ дѣвическомъ піанино съ пожелтѣвшими клавишами, она много думала о несправедливости крестьянъ. Она жаловалась на нихъ своему деверю Георгію Павловичу; но тотъ отмалчивался такъ тенденціозно, что она, наконецъ, рѣшила поговорить съ братомъ.

Она выбрала моментъ, когда Степанъ Михайловичъ былъ въ духѣ, и робко сказала:

— Степушка, что это все крестьяне ропщутъ? Чѣмъ это я ихъ погубила? Ужасно мнѣ непріятно... Такъ хочется какъ-нибудь помочь... Поправить...

Локустовъ посмотрѣлъ на нее сверху внизъ, какъ смотрятъ снисходительные родители на заболтавшихся дѣтей.

— Ева, моя „первая женщина"!—отвѣчалъ онъ шутливо,—ты хочешь говорить о дѣлѣ, то-есть о томъ, чего не понимаешь...

— Но, голубчикъ, они все толкуютъ, что мы ихъ въ конецъ обездолили...

Степанъ Михайловичъ начиналъ терять терпѣніе. Его лицо съ узкимъ лбомъ и отвислыми щеками порозовѣло, стальные глаза пріобрѣли блескъ неестественнаго спокойствія.

Ева, видѣвшая это, поняла, что онъ начинаетъ сердиться.

— Пока я здѣсь хозяинъ, я никому не стану отдавать отчета,—сказалъ онъ медленно,—но я всегда помню, что имѣнье—твое.

— Что ты! Что ты!—воскликала Ева.

— И если ты находишь, что надо его вести иначе,—бери и управляй.

— Степушка, какой ты... уже обидѣлся!—исполненная раскаянія, повторяла Ева, и Степанъ Михайловичъ снисходительно принялъ ея извиненія.

Что она можетъ понять? И стоитъ ли объяснять ей, что уступать нельзя, ни шагу, ни пяди,—иначе пострадаетъ вся его планомѣрно задуманная работа.

Съ тѣхъ поръ Ева никогда не начинала разговора о крестьянахъ; а къ Панцыревымъ стала ходить не черезъ деревню, но въ обходъ, полями...

Такимъ образомъ, Локустовка продолжала безпрепятственно округляться. Всякіе клинушки, откосы, балочки, о которыхъ раньше не думали окрестные помѣщики, скупались за безцѣнокъ; на рѣкѣ выросла мельница; у глинянаго оврага пріютился кирпичный заводъ, гдѣ на каждомъ кирпичѣ полностью повторялась фамилія хозяина; питомникъ славился за предѣлами губерніи; а до локустовскихъ парниковъ далеко было даже архіерейскимъ.

Но вдругъ, какъ громовый ударъ среди яснаго неба, внезапно разразилась трагедія надъ Локустовскимъ домомъ, и снова чуть не разрушилось зданіе, которое съ такимъ успѣхомъ воздвигалъ Степанъ Михайловичъ: внезапно умеръ молодой хозяинъ Алексѣй Степановичъ; а вслѣдъ за нимъ послѣдовала обезумѣв

шая жена его, черезъ часъ послѣ преждевременнаго рожденія Валеріана... Несчастіе усложнилось массой потрясающихъ подробностей, которыя могли рѣшительно повліять на судьбу семьи; но дѣдъ собралъ всѣ свои силы для борьбы и устоялъ. Роковые дни пронеслись грознымъ вихремъ, не пошатнувъ налаженныхъ устоевъ.

Ева Михайловна осталась въ домѣ хозяйкой; но не надолго, пока не прошелъ первый ужасъ отъ катастрофы. По тому, какъ она забывала связку съ ключами, то въ передней, то на кухнѣ; по тому, какъ она обращалась съ прислугой, опасаясь причинить ей какую-нибудь непріятность,—Степанъ Михайловичъ увидалъ, что изъ этой „первой женщины" толку не будетъ... При чужихъ онъ отзывался о сестрѣ какъ о рѣдкомъ чудномъ созданіи; но въ тайникахъ души своей презиралъ ее, какъ никчёмнаго человѣка, не умѣющаго приложить къ жизни данныя Богомъ силы. И то, что она отдала ему имѣнье, служило для него главнымъ доказательствомъ.

Зато экономка, приглашенная замѣнить Еву Михайловну, оказалась настоящимъ сокровищемъ.

Быстротой, мелкостью движеній, спѣшнымъ говоркомъ, Василиса очень напоминала сороку. И ходила она вприпрыжку, точно перескакивала съ вѣтки на вѣтку; и смотрѣла искоса круглымъ сверкающимъ взглядомъ, обведеннымъ рѣсницами, какъ пеленою. Въ ея легкомысленной страсти къ пустякамъ, къ яркимъ тряпочкамъ, къ сверкающимъ побрякушкамъ было тоже что-то сорочье. И въ то же время, она умѣла „обращаться съ людьми", и „выдать", и „требовать", и „разсчитываться".

Въ дни семейныхъ торжествъ Василиса была на высотѣ неоспоримой. Она умѣла внести въ хозяйничанье маленькія радости, пустяшные сюрпризы, которые скрадывали пошлость обыденности, придавая теплоту и уютъ домашнему обиходу. И всѣ безсознательно цѣнили Василису больше всего за эту черту. Она же гордилась популярностью Степана Михайловича, и также любила при гостяхъ поговорить о культурной дѣятельности Локустова, о паромѣ, о пожарномъ депо или финляндскихъ колодцахъ.

Теперь она искренно была увлечена усовершенствованіемъ въ конныхъ граблях, для демонстрированія которыхъ былъ приглашенъ почти весь городской чиновный людъ.

III.

Къ двумъ часамъ дня Локустовскіе гости начали собираться, и весь домъ загудѣлъ какъ улей.

Кромѣ званыхъ, пріѣзжали и незваные—были всѣмъ рады. Илья Ильичъ Прохоровъ привезъ съ собой еще собственныхъ гостей изъ Киселевки.

— Пріѣхали... не топить же мнѣ ихъ,—пояснялъ онъ, трясясь отъ смѣха всѣмъ своимъ тощимъ тѣломъ, — вотъ и получите!

— Вы ужъ извините, что я въ тужуркѣ, — говорилъ одинъ изъ гостей:—пріѣхалъ покупать плужки—одолѣли крестьяне!—да вотъ этотъ аспидъ, вмѣсто станціи, сюда меня и завезъ... Я и не думалъ попасть на этакое торжество прогресса...

— Милости просимъ!—привѣтливо говорилъ хозяинъ, и отходилъ, чтобы привѣтствовать другихъ.

А балконъ постепенно наполнялся народомъ, все больше плотнымъ, осанистымъ, съ красными шеями, съ кадыками, съ громкимъ голосомъ и увѣренной походкой.

Огромный столъ уже былъ раздвинутъ; тамъ стучали тарелками, звенѣли серебромъ; Василиса, въ розовомъ платьѣ съ модными рукавами, которые ярко выдѣлялись на вылинявшемъ лифѣ, перебрасывалась, какъ мячикъ, изъ парниковъ на кухню, изъ кухни въ оранжерею или въ кладовую; но въ то же время она успѣвала привѣтствовать гостей и уже издали кричала каждому, сгорая безкорыстнымъ тщеславіемъ:

— А у насъ сегодня „вышни"! Вышни у насъ будутъ! И сколько много, кабы кто зналъ...

Гостямъ становилось весело, и отъ вишень, и отъ сорочьей походки Василисы, и отъ ея модныхъ рукавовъ.

Въ перистилѣ, среди бѣлыхъ колоннъ съ трельяжемъ наверху, обвитымъ дикимъ виноградомъ, ставились круглые столики для молодежи, и франтоватые старики, — предводитель съ прокуроромъ,—отвоевывали тамъ себѣ мѣста, вызывая этимъ на протестъ молодыхъ людей. Дѣвицы смѣнялись въ унисонъ; но такъ-называемая молодежь, въ лицѣ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ не особенно защищала позицію, занимая среднее положеніе на ступенькахъ балкона: оттуда было удобно наблюдать, какъ тарантатая Василиса таскаетъ къ закусочному столу коробки консервовъ всевозможныхъ формъ и размѣровъ. Увѣнчаться все это

должно было хрустальнымъ боченкомъ съ зернистой икрой; но осторожная Вася держала ее пока на ледникѣ, потому что у стола уже прогуливался благообразный старичокъ казначей—съ иконописнымъ лицомъ и бородой патріарха: гроза всѣхъ хозяекъ, почтенный „Палъ Палычъ“ умѣлъ такъ быстро подчищать закуски, что малѣйшая разсѣянность домашнихъ оставляла другихъ гостей уже передъ остатками. Наученная горькимъ опытомъ, Василиса не торопилась даже раскупоривать коробки съ консервами; а молодежь, которой была понятна причина этой осторожности, весело посмѣивалась.

Не смѣялся только развѣ судебный слѣдователь Похвистневъ, у него была своя забота—отсутствіе аппетита, которое при данныхъ обстоятельствахъ было такъ обидно! Онъ прогуливался передъ балкономъ для моціону, глаза его стали какіе-то тусклые, стеклянные... Онъ какъ бы смотрѣлъ ими внутрь себя, чуть ли не въ желудокъ, подстерегая тамъ таинственное движеніе соковъ...

Въ самомъ разгарѣ хозяйственнаго вдохновенія Василисы, въ то время, какъ она несла въ рукахъ чуть ли не дюжину бутылокъ вѣеромъ, кто-то ударилъ въ ладоши у самаго ея уха.

Она вздрогнула, оглянулась и радостно воскликнула:

— Ахъ... Амурчикъ!—и вся зардѣлась.

— Только крылышекъ не хватаетъ! — далъ свой обычный отвѣтъ тотъ, кого называли Амурчикомъ, и, галантно принявъ изъ рукъ Васи часть бутылокъ, поставилъ ихъ на столъ.

— А я боялась, вы опоздаете,—сказала она.

Амурчикъ, или Василій Петровичъ Дулѣбовъ, приходился кузеномъ Локустову. Онъ былъ уже солиднаго возраста, но такой кругленькій, уютный, съ такой розовой лысиной и смѣющимися заплывшими глазками, что къ нему очень подходило его прозвище, на которое онъ всегда откликался съ видимымъ удовольствіемъ.

— Я-то никогда не опаздываю,—отвѣчалъ онъ,—а ужъ кулебяка ваша подгоритъ: Флегонтъ Тимоѳеевичъ еще только поспѣваетъ.

Флегмонтъ Тимоѳеевичъ Полуэхтовъ—вершитель судебъ и первый сановникъ города Богородска, такъ что роптать не приходилось. Вася только вздохнула.

— Весь городъ у васъ сегодня...—сказалъ Дулѣбовъ, оглядывая съ высоты балкона массу гостей, гулявшихъ въ саду:—что же не видно молодой хозяйки?

— Марѳа у Панцыревыхъ,—отвѣчала Вася.

— Значитъ, и мамзель Шовенъ будетъ? И съ женихомъ?.. А, вонъ и мадамъ прокурорша...

Онъ сдѣлалъ томное лицо и проговорилъ, передразнивая эту даму:

— „Я не злая... Я даже не сердитая; но я только до безумія люблю правду...“ Похоже?

Василиса благодарно хохотала.

— Ну! Кулебяка спасена! — воскликнулъ вдругъ Дулѣбовъ, приставивъ къ глазамъ руку козырькомъ:—идетъ паромъ, идетъ!

Онъ сошелъ со ступенекъ, улыбаясь всѣмъ, кого видѣлъ. По пути встрѣтилъ Валю, задержалъ его руку въ своей и, смѣясь, спросилъ:

— А, говорятъ, твоя Дамка сдохла?

— Да, умерла, — хмуро отвѣтилъ Валя, который очень жалѣлъ свою собаку:—что же тутъ смѣшного?

— Ну, ну,—примирительно возразилъ Дулѣбовъ,—ты вѣдь такъ любилъ ее...

— А еслибы я не любилъ, вы бы не смѣялись?—спросилъ, отходя, мальчикъ.

Дулѣбовъ еще разъ засмѣялся и, оживленный, доброжелательный, пошелъ въ пристани.

Оттуда уже поднимался къ нему навстрѣчу Флегонтъ Тимоѳеевичъ съ сыномъ Тимоѳеемъ Флегонтовичемъ. Старикъ шелъ медленно; его слабыя ноги едва могли поддерживать тяжесть тучнаго тѣла съ тонкими костями, на которыхъ висѣли дряблые, залитые жиромъ, мускулы.

Зато Тимоѳей Флегонтычъ былъ, по выраженію Василисы, „точно игрушечка“. Подвижный, хотя тоже полный, онъ парадировалъ передъ дамами въ брюкахъ съ туго обтянутыми бедрами и въ такомъ коротенькомъ модномъ вестончикѣ, что прокурорша, дама не злая, но любящая правду, замѣтила своей сосѣдкѣ:

— Но вѣдь онъ неприличенъ, милая, — и больше уже не смотрѣла въ ту сторону.

Сосѣдка, молоденькая супруга второго судьи, смолчала, нисколько не согласная съ этимъ, и скоро присоединилась къ кружку, который развлекался остротами именно этого „милаго Тимоши“.

Старикъ Полуэктовъ взошелъ на балконъ, и тамъ сразу стало будто тѣснѣе. Всѣ задвигались, каждый уступалъ ему лучшее мѣсто. Флегонтъ Тимоѳеевичъ, привычный къ почету, здоровался неторопливо, точно священнодѣйствуя, подавалъ палецъ... Но, встрѣтивъ насмѣшливый взоръ секретаря Воздвиженскаго, мяно

котораго хотѣлъ-было пройти къ болѣе чиновному лицу, онъ остановился, протянулъ тому свою жирную узкую длань и снисходительно проговорилъ:

— Простите, батенька, показалось, будто мы въ городѣ видались...

Покончивъ съ обрядомъ здравствованья, старикъ занялъ мѣсто во главѣ стола возлѣ хозяина.

Больше некого было ждать; гости разсаживались, изъ кухни выносили кулебяку, покрытую узорнымъ полотенцемъ; Василиса поставила на столъ икру, въ затуманившемся отъ тепла хрустальномъ боченкѣ. Слѣдователь шелъ за ней съ расцвѣтшимъ лицомъ и прояснившимся взоромъ: давно желанный аппетитъ, наконецъ, появился...

Однако, мѣсто у икры уже было занято: старичокъ казначей разставилъ несокрушимыя локти угломъ и уже работалъ надъ хрустальнымъ боченкомъ, игнорируя обжигающіе взгляды Василисы.

— Батюшка, Никаноръ Иванычъ, перцовочки, а?—говорилъ Степанъ Михайловичъ, глядя на него зелеными глазами; но благообразный старичокъ въ обманъ не давался.

— Спасибо... я уже...—бормоталъ онъ, запуская ложку все глубже.

Приходилось покориться.

За обѣдомъ разговоръ шелъ нейтральный, не касаясь ни общей, ни мѣстной политики, такъ какъ Степанъ Михайловичъ, въ качествѣ либерала-патріота, принималъ у себя представителей разныхъ партій.

Дулѣбовъ, какъ всегда, былъ душой общества за столомъ, также какъ „милый Тимоша“ у молодежи въ перистилѣ.

Амурчикъ, веселый, благожелательный, съ розовой лысиной, со слегка-заостренными ушами, напоминавшими изображенія сатировъ, занималъ въ эту минуту общество насмѣшками надъ сосѣдкой Анной Панцыревой: дѣвица окончила въ Парижѣ курсъ юридическихъ наукъ и не могла добиться въ Россіи права практики.

— Жертва соціальныхъ условій некультурной родины, съ отчаянія собирается промѣнять идею равноправности на законный бракъ,—говорилъ онъ.

Валя смотрѣлъ на Марѳу, и ему казалось, что оба они измѣняютъ Аннѣ, его безконечно дорогой Нанни, слушая безъ протеста эти насмѣшки; но Марѳа сидѣла совершенно равнодушно; зато лицо Евы Михайловны выражало страданіе—она тоже любила Панцыревыхъ.

— А жевихъ кто?—поинтересовалась прокурорша.

— Такъ... Изъ тѣхъ, кто міръ перевернуть хочетъ... Во всякомъ случаѣ, богатства имъ не прибавитъ.

— А правду разсказываютъ,—съ другого стола заговорилъ Тимоѳей Флегонтовичъ, — что старикъ Панцыревъ, когда время полоть, обращается къ своей ноженицѣ такъ: „будьте любезны, мамзель Акула, пройдитесь съ заступомъ по огороду"... А мамзель Акула отвѣчаетъ: „не хочу!"?

Партія „милаго Тимоши" разразилась хохотомъ; за столомъ солидно улыбались. Ева Михайловна съ безпокойствомъ оглядывалась; она съ минуты на минуту ждала появленія тѣхъ, надъ которыми насмѣхались.

— Панцыревскіе крестьяне хлопочутъ объ обществѣ трезвости,—продолжалъ младшій Полуэхтовъ,—это тоже, вѣроятно, дѣло тѣхъ?..

Онъ сдѣлалъ волнообразное движеніе вверхъ и вправо.

Глаза Амурчика внезапно загорѣлись зеленоватымъ блескомъ: онъ состоялъ акціонеромъ мѣстнаго пивоваренаго завода.

— О, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, стараясь потушить этотъ блескъ, —это ужъ самостоятельное проявленіе самосознанія... Тамъ, на горѣ, не занимаются такими пустяками... тамъ презираютъ путь малыхъ дѣлъ... тамъ...

Глаза Евы Михайловны умоляюще поднялись на гостя.

— Тамъ,—оборвала она его, краснѣя такъ, что кожа подъ ея свѣтлыми волосами точно засвѣтилась, — тамъ живутъ очень хорошіе люди, Василій Петровичъ.

Валя готовъ былъ броситься на шею своей милой, бѣленькой бабѣ Евѣ! Амурчикъ выслушалъ замѣчаніе, потупивъ голову, какъ настоящій послушный мальчикъ, и чтобы лучше подчеркнуть сходство, произнесъ затѣмъ, слегка присюсюкивая:

— Pardon, больше никогда не буду.

Потомъ засмѣялся и поманилъ къ себѣ пальцемъ босоногую дѣвчонку, принесшую груду дессертныхъ тарелокъ.

— А ну-ка, Христя, скажи, почему Адама и Еву выгнали изъ рая?

Христя фыркнула, застыдилась, укрыла лицо расшитымъ рукавомъ и оттуда, выглядывая лукавымъ глазкомъ, отвѣчала:

— Потому что они не платили за квартиру.

Всѣ смѣялись, кромѣ Флегонта Тимоѳеевича: онъ находилъ легкомысленнымъ пріучать народъ къ насмѣшкамъ.

Въ это время изъ-за угла балкона появились Панцыревы. Впереди шелъ высокій старикъ Георгій Павловичъ подъ-руку

со своей невѣсткой Вѣрой; а сзади нихъ два сына—старшій, уже женатый, Владиміръ, и младшій—Борисъ, товарищъ Антона.

— Простите, вы еще не кончили,—сказалъ старикъ, когда обѣдающіе шумно поднялись ему навстрѣчу.

— О, ничего... ничего... вѣдь это только мороженое,—какъ можно любезнѣе возражалъ Степанъ Михайловичъ.

И всѣ старались дѣлать то же.

Панцыревъ теперь рѣдко видалъ общество сосѣдняго Богородска; но раньше, когда онъ былъ предсѣдателемъ уѣздной управы, ему приходилось постоянно встрѣчаться со всѣми. Затѣмъ онъ покинулъ это мѣсто изъ-за принципіальныхъ недоразумѣній съ властями, и Тимоѳей Флегонтычъ, господинъ въ узкихъ брюкахъ и коротенькомъ смокингѣ, былъ назначенъ на его мѣсто.

Локустовка была отдѣлена отъ флигеля, гдѣ жили Панцыревы, только недлинной улицей деревни; но между домами этими никогда не существовало близости,—напротивъ, съ каждымъ годомъ отчужденіе становилось все больше, и только тактичность обоихъ стариковъ, державшихся всегда на линіи строгой вѣжливости, давала возможность поддерживать внѣшнее знакомство.

Панцыревъ еще сейчасъ не потерялъ красоты, которой славился въ молодости. Его высокій лобъ, голубые глаза, тонкій овалъ, нѣжная кожа, ласковая улыбка прекрасныхъ устъ, слабая походка наклоненной впередъ изящной фигуры — все это привлекало къ нему великодушныя женскія сердца. Невѣстка Сафинка, Вѣра, обожала его, заботилась о немъ больше, чѣмъ о своемъ мужѣ.

Гости привѣтствовали его съ сострадательнымъ сочувствіемъ. Жена ветеринара, полька, прошептала съ восхищеніемъ:

— Какой хорошенькій старушекъ!

Двѣ дѣвицы, слышавшія это восклицаніе, чуть не задохлись отъ сдержаннаго смѣха и убѣжали въ залу. Оттуда доносились отрывки ихъ разговора:

— Давайте пѣть.... Вотъ это: „Грустно мнѣ, родитель дорогой“... Помнишь?

— Помню... Только дальше не знаю...

— Ну, давайте изъ „Рогнѣды“... „Застонало сине море...“ А дальше какъ?

— Кто его знаетъ...

— Что же Анна не пришла? — освѣдомилась у Панцырева Ева Михайловна.

— Нанни въ гамакѣ валяется,—отвѣчалъ тотъ:—говоритъ, ей лѣнь сдвинуться...

Съ приходомъ Панцыревыхъ, на балконѣ стало томительно скучно. Разговоръ изъ веселаго сталъ тяжелый, тягучій... Начали говорить о предметахъ отвлеченныхъ, даже поучительныхъ, какъ то почему-то всегда бывало у Локустовыхъ при Георгіи Павловичѣ, и культурное вліяніе Степана Михайловича на округу составляло одну изъ главныхъ темъ.

Развалившись въ садовомъ креслѣ, старый Полуэхтовъ разсуждалъ о пользѣ пожарнаго депо для крестьянъ и говорилъ такъ, точно полемизировалъ съ невидимымъ оппонентомъ.—А паромъ? Какъ онъ способствуетъ обмѣну продуктовъ между городомъ и деревней... Благодѣяніе для края!

Молодые Панцыревы, предвидя скуку подобныхъ разговоровъ, ушли съ Марѳой къ рѣкѣ; а Георгій Павловичъ вѣжливо слушалъ, и, по своей привычкѣ, вертѣлъ въ рукахъ четки, то нанизывая ихъ на пальцы, то сбрасывая внизъ съ легкимъ трескомъ. Дома онъ ходилъ съ козырькомъ надъ глазами, и теперь они слезились, щурились, непривычные къ яркому свѣту.

Полуэхтовъ, поговоривъ о паромѣ, перешелъ на бѣлотурку, которая въ прошломъ году дала такой блестящій урожай.

— Никто не догадался ее здѣсь посѣять,—продолжалъ онъ полемизировать съ невидимымъ противникомъ, — а вотъ результаты... У вашего дѣда,—обратился онъ неожиданно къ Георгію Павловичу, — чуть ли не весь уѣздъ былъ подъ пахотью, а до бѣлотурки никто не додумался...

Ему точно нравилось, вспоминая величіе предковъ Панцыревыхъ, доказывать настоящее бездѣйствіе и бѣдность ихъ потомковъ. На этотъ разъ Флегонтъ Тимоѳеевичъ дѣлалъ это съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что въ воздухѣ носилось нѣчто, предсказывавшее возможность ихъ возрожденія. Въ городѣ поговаривали, что теперь неудобно уже имѣть назначеннаго предсѣдателя, что съ Панцыревымъ поступили не корректно, что пришло время его реабилитировать. И многочисленное семейство Полуэхтовыхъ, взявшее въ полонъ весь уѣздъ, начинало ненавидѣть Георгія Павловича, котораго раньше забывали.

Наконецъ наступило время отъѣзда на болото. Солидные люди размѣстились въ экипажахъ, остальные приготовились идти пѣшкомъ.

— Ты съ нами, Тото? — спросилъ Полуэхтовъ сына, усаживаясь на дрожки, подъ которыми сейчасъ же согнулись рессоры.

— Иду, иду, — отвѣчалъ Тимоѳей Флегонтычъ, окруженный дамами.

— Тото, голубчикъ мой, лошадка! — проговорилъ акцизный, глядя ему вслѣдъ.

Это было нелѣпо, но такъ неожиданно нелѣпо, и въ своей нелѣпости, все-таки, такъ шло въ данную минуту къ младшему Полуэхтову, что всѣ вокругъ неудержимо расхохотались.

— Да, смѣйтесь, смѣйтесь, — ядовито замѣтилъ старичокъ казначей, — однако, лошадка эта ѣздитъ на васъ, а не вы на лошадкѣ.

Старичокъ, сытый, удовлетворенный, теперь имѣлъ на лицѣ ироническую улыбку и былъ склоненъ критиковать человѣчество.

— Что и говорить, козыри! — со вздохомъ согласился судья. — Вы знаете уже объ ихъ послѣдней штукѣ? — обратился онъ къ Панцыреву. — Разскажите, батюшка Андрей Васильевичъ!

Андрей Васильевичъ, богатый землевладѣлецъ, одѣтый попростецки въ чуйку со сборками и въ картузъ, пожалъ плечами.

— Надоѣло, — отвѣчалъ онъ, — въ городѣ ужъ всѣмъ разсказалъ... Надоѣло! Однимъ словомъ, на выставкѣ моя корова должна была получить первую медаль, а „Тото“ телеграфировалъ, что она поражена туберкулезомъ. Конечно, такому лицу вѣру дали, пошли запросы въ комиссію, переписка и все прочее... А пока что — выставкѣ конецъ, и медаль присудили папашѣ Полуэхтову.

— Ловко! сказано, козырь!

— Конечно, ловко... Смѣло ужъ очень, — вяло соглашался Андрей Васильевичъ, — но самое главное впереди... Представьте, потомъ подходитъ ко мнѣ, за руки беретъ, извиняется... „Простите, молъ, въ заблужденіе меня ввели злонамѣренные люди“... Я, знаете, не нашелся...

— Вотъ вы бы изъ этого корреспонденційку тиснули, — сказалъ казначей Владиміру Панцыреву.

Тотъ только поморщился.

— Я, знаете ли, только затылокъ почесалъ, — прибавилъ Андрей Васильевичъ.

— Напрасно, я бы...

— И ни вы бы, и никто бы! Охота себѣ на шею всѣхъ Флегонтовъ навязывать! Сынъ проститъ — племянничекъ взыщетъ.

— Не смѣйте ругать „милаго Тимошу“... Онъ такой душка! — поддѣлываясь подъ женскій голосъ, запищалъ акцизный.

— Да ужъ, дамы отъ него безъ ума! Какъ одѣвается-то... Визитка вродѣ фигаро...

— На засѣданіяхъ, — перебилъ акцизный, — онъ ходитъ обыкновенно съ засунутыми въ карманъ руками и, стоя, имѣетъ

привычку облокачиваться объ столъ... Причемъ еще спиною къ публикѣ. Картина! Этимъ онъ протестуетъ противъ гласности.

— Силы много взяли эти Полуэхтовы: — куда ни плюнь — все ими занято.

— Ну, теперь, господа, позвольте и мнѣ даръ слова, — сказалъ доселѣ молчавшій слѣдователь. — Позвольте васъ спросить: вѣдь вы же ихъ и выбираете?

— Да, не выбери... Сила-то у нихъ! Это вотъ Георгій Павловичъ виноватъ! Онъ стоялъ у власти, онъ видѣлъ, что ее у него хотятъ вырвать... Онъ не боролся, а сейчасъ же отошелъ...

— А вы развѣ поддерживали? — вмѣшался за отца вспыльчивый Владиміръ: — вы же потомъ всѣхъ Полуэхтовыхъ и повыбирали.

— А вы зачѣмъ ушли?

— Нельзя было не уйти.

— Ну, вотъ, а намъ нельзя было не выбирать. Время было такое, всѣ боялись показаться неблагонамѣренными.

— Развѣ можно было тогда бороться? Мнѣ вопросъ о покупкѣ плужковъ провалили. И кто же старался? Дулѣбовъ! „За что, говорю, вы были противъ?" — „Эхъ! — отвѣчаетъ — надоѣло мнѣ все, осточертѣло! И въ соборъ хожу, и свѣчи ставлю, а все либераломъ считаютъ". — „Да я-то причемъ?" — „Васъ опровергать все же благонадежнѣе". И хохочетъ, и по плечу дружелюбно хлопаетъ...

— Да, было ихъ времячко, только уже проходитъ. Тотошу подожгли уже два раза; да и перестали — все застраховано. Теперь красавчикъ нашъ за умъ взялся, началъ послѣднее время торговлю. И шкуры, и медъ, и воскъ... На биржѣ чай съ маклерами пьетъ, на пальцѣ широкое кольцо съ меркуріемъ носитъ...

— И скажите вы мнѣ, братцы, — снова заговорилъ акцизный, какой нонъче дворянинъ пошелъ? Раньше дворянинъ расточалъ, чтобы пріобрѣсть уваженіе, а теперь? Вотъ нашъ: должаетъ въ магазинахъ, неблаговидно торгуетъ, въ карты ничего не проигрываетъ, денегъ взаймы не даетъ, обѣдами не кормитъ...

— Кормятъ! — мрачно подхватилъ казначей. — Голодомъ гостей морятъ... Нашъ скандалистъ, Горѣлко, булку къ нимъ съ собой принесъ и при всѣхъ грызъ... Ничего, точно не замѣтили.

— А вотъ же, уважаютъ? Чудеса!.. Всюду они выбраны, вездѣ грѣютъ руки... Этакіе канальи, а весь уѣздъ покорили.

— Только нынче это все къ дѣламъ прошедшимъ начинаетъ относиться... Не поддержали мы васъ тогда, Георгій Павловичъ, виноваты, струсили... Зато теперь...

— Ну, нѣтъ, увольте!—рѣзко за отца отвѣтилъ Владиміръ.

Онъ также служилъ раньше въ земствѣ въ качествѣ третьяго элемента, и также принужденъ былъ уйти. Теперь онъ занимался переводами, мелкой литературной работой, корреспондировалъ въ столичныя газеты и сохранялъ къ обывателямъ Богородска неугасимую ненависть.

— Нѣтъ, нѣтъ,—съ чувствомъ подхватилъ Василій Петровичъ:—снова просить васъ будемъ, Георгій Павловичъ.

Старикъ слабо улыбнулся.

— Моя-то пѣсенка спѣта,—отвѣтилъ онъ,—слабъ я сталъ, зрѣніе испортилось; а вамъ дай Богъ... дай Богъ.

Пройдя лѣсъ, компанія уже выходила къ болоту, на которомъ, точно подушки, были брошены мягкія плоскія кочки; а между ними блестѣла вода, отражая въ своемъ неподвижномъ зеркалѣ зарю заката.

Группа гостей суетилась съ хозяиномъ возлѣ граблей, на которыхъ возсѣдалъ Никита въ ярко-желтой рубахѣ.

— Однако, кажется, начинается,—замѣтилъ Василій Петровичъ, прибавивъ шагу.

Акцизный сказалъ, нагибаясь къ Георгію Павловичу:

— Говорятъ, граблямъ присуждена уже первая награда. А вы удивляетесь, что Полуэхтовы вездѣ выбраны.

И онъ съ улыбкой направился къ центральной группѣ.

IV.

Валя не пошелъ вмѣстѣ съ гостями смотрѣть грабли, потому что онъ ждалъ Анну Панцыреву, и теперь ему скучно было идти туда безъ своей милой Нанни.

Валя не помнилъ времени, когда бы онъ не преклонялся передъ Анной, какъ передъ высшимъ существомъ, когда бы не боготворилъ ее, не благоговѣлъ передъ нею.

Первая встрѣча съ Анной осталась единственнымъ воспоминаніемъ его младенческихъ лѣтъ. Было это лѣтомъ, въ разгаръ священнодѣйственнаго транса Василисы—во время варки варенья. Валя канючилъ пѣнки, вертясь около тарелки, и куксился. Наконецъ, рѣшивъ добыть силой то, въ чемъ ему отказывали, онъ сунулъ въ тарелку свое лицо; но тутъ же отпрянулъ съ обожженными губами и заревѣлъ во все горло. Предпріимчивый Антонъ подбѣжалъ къ брату и, со всей дѣловитостью, свойственной его характеру, принялся слизывать съ его лица сладкія пѣнки, смѣ-

шанныя съ горькими слезами. И вдругъ чей-то гармоническій смѣхъ присоединился къ громкому хохоту Марѳы... Валя открылъ глаза, и сквозь радугу, которой солнце украсило его мокрыя рѣсницы, онъ впервые увидалъ тонкую фигуру Анны, капризный изломъ бровей на ея лицѣ съ сверкающими, брильянтовыми глазами. Онъ передохнуть не успѣлъ отъ изумленія, какъ вдругъ неизъяснимая радость озарила его пятилѣтнее сердце. Радость эта растворила въ себѣ и гнѣвъ, и стыдъ... Онъ закричалъ, закрылъ мокрое, облизанное лицо руками и бросился въ кусты.

Съ тѣхъ поръ эта дѣвушка вошла въ жизнь маленькаго Вали; увидѣть ее—стало предметомъ его мечтаній.

Дѣдъ, послѣ недоразумѣній съ крестьянами, еще больше разошелся съ семействомъ Панцыревыхъ, и не любилъ, чтобы домашніе часто посѣщали ихъ; оттого Антонъ почти никогда не бывалъ тамъ; но Марѳа не слушалась дѣда, и Валя слѣдовалъ ея примѣру. Часто прибѣгалъ онъ туда съ салфеткой, въ которой находились всякіе крендельки и прянички, которые такъ искусно умѣла печь Василиса. Запыхавшись, краснѣя, трепеща отъ восторга, причины котораго не подозрѣвали старшіе, онъ хотѣлъ бы весь міръ повергнуть на столъ, вмѣстѣ съ этимъ скромнымъ приношеніемъ. И семейство, не избалованное кулинарными произведеніями единственной кухарки-нянечки, со смѣхомъ набрасывалось на приношеніе малыша. Только одна Анна, къ великому огорченію Вали, разсѣянно ломала прянички своими тонкими пальцами, и рѣдкій кусочекъ попадалъ ей въ ротъ...

Валя не забылъ ее, когда она, окончивъ гимназію, поѣхала въ Парижъ учиться, жадно ловилъ всякое извѣстіе о ней, трепеталъ отъ радости, когда она пріѣзжала на каникулы. Всякая героиня во вновь прочитанной повѣсти казалась ему постольку достойной вниманія, поскольку она могла походить на его Нанни. Недавно онъ прочелъ „Короля Лира“, и теперь въ мечтахъ его Анна слилась неразрывно съ образомъ Корделіи, и онъ украшалъ живую фигуру своей Ани, Нанни, Наннины, всѣми добродѣтелями поэтическаго образа.

Когда гости уѣхали на болота и Василиса начала водворять порядокъ въ домѣ, приготовляя все къ вечернему чаю, Валя рѣшилъ провѣдать Анну.

Но сначала онъ пробрался къ клумбѣ, на которой красовалась первая швейцарская роза, благоухающая, огромная, величиной съ чайную чашку. Мальчикъ подрѣзалъ ее у самаго корня и побѣжалъ на хуторъ.

Миновавши свой паркъ, деревенскую улицу, на которой онъ

зналъ каждый камешекъ и каждую собаку, Валя скоро проникъ черезъ полуразрушенный заборъ, замысловатой каменной кладки, въ аллею желтой акаціи, куда выходила галерейка стараго флигеля. Островерхія окна галерейки съ готическими розами, застекленными разноцвѣтнымъ стекломъ, сохраняли еще на себѣ печать древней помѣщичьей замысловатости; но само зданіе было ветхо, съ обвалившейся штукатуркой, искривленнымъ крыльцомъ.

Здѣсь, въ тѣни развѣсистой липы, сидѣла Агаѳья Степановна, или по просту „нянечка", и о чемъ-то дружелюбно бесѣдовала съ двумя крестьянами.

Нянечка считалась самымъ значительнымъ лицомъ въ домѣ Панцыревыхъ. Она была тѣмъ шкворнемъ, который поддерживалъ хозяйственный экипажъ ихъ отъ окончательной поломки.

Маленькая, живая, съ круглой головкой въ повойникѣ, повязанномъ темнымъ канаусовымъ платочкомъ, кончики котораго торчали надъ ея макушкой, въ пестрой шали трехугольникомъ, заколотой на груди огромной булавкой, — она и стряпала, и смотрѣла за огородомъ, и покупала кое-что у крестьянъ, и — увы!—иногда вымогала у нихъ „помочь"... То приходило время огородъ полоть, то деревья окопать или воды привезти въ засуху... И всѣ должны были соглашаться весело, сразу,—иначе нянечка сердилась, журила, упрекала...

— Вѣдь это все, все наше!—говорила она тогда, протягивая руки и подпрыгивая, чтобы охватить побольше пространства:— вѣдь на десятки верстъ все здѣсь было наше, и все мы вамъ чуть не даромъ отдали.

Крестьяне, добродушно улыбаясь, рѣдко отказывали въ помощи, снисходя исключительно къ просьбамъ нянечки и забывая о господахъ, которые даже не подозрѣвали ея столь преступныхъ ухищреній.

Благодаря ей, черезъ Локустовскій перевозъ иногда доставлялись въ городъ и Панцыревскіе овощи; благодаря ей, и садъ приносилъ съ каждымъ годомъ больше дохода, и все беззаботное семейство кое-какъ кормилось этими доходами.

Сейчасъ нянечкѣ, очевидно, удалось уломать въ чемъ-то несогласныхъ гостей, и она съ довольнымъ лицомъ прощалась съ ними.

— И что такое телѣга навозу?—говорила она радостнымъ голосомъ:—а вѣдь какъ безъ него плохо...

Тутъ старушка замѣтила Валю, посмотрѣла на розу въ его рукахъ, осталась довольна ею и, не дожидаясь вопроса, благосклонно сказала:

— Иди ужъ, иди... Оба сидятъ въ Эоловой арфѣ.

Мальчикъ прошелъ черезъ дворъ въ садъ, поднялся на гору къ бесѣдкѣ, построенной также въ старинномъ барскомъ стилѣ; каменные столбы сохранили еще на облупившейся штукатуркѣ слѣды какихъ-то амуровъ; полукруглый потолокъ еще изображалъ собою небо съ золотыми звѣздами; а сломанная эолова арфа на крышѣ пѣла легенды о быломъ въ осеннія ночи... Нянечка давно требовала, чтобы эту бесѣдку разобрали на ремонтъ флигеля, потому что кирпичъ нынче дорогъ, а ужъ такого кирпича, какъ на колоннахъ, нигдѣ не достанешь... Но смирный старикъ осмѣлился тутъ же предерзко противорѣчить всесильному министру: онъ дорожилъ этой бесѣдкой, такъ какъ здѣсь, по преданію, часто работалъ другъ ихъ семьи, знаменитый профессоръ Грановскій.

Къ двумъ каменнымъ столбамъ бесѣдки была привязана сѣтка гамака, и тамъ лежала Анна, свернувшись въ клубочекъ, прижимаясь блѣдной щекой къ маленькой шолковой подушечкѣ. Шлейфъ ея платья изъ мягкой сѣрой матеріи падалъ граціозными складками на пыльныя плиты. Она держала локти на колѣнихъ и читала какую-то бумагу, сильно приблизивъ ее къ близорукимъ глазамъ. На ступенькѣ, рядомъ съ нею, сидѣлъ ея женихъ, Скобельцынъ.

Валя, подходившій неслышно по травѣ, остановился, увидѣвъ Анну. Ему казалось, что нѣтъ на свѣтѣ лица прекраснѣе, чѣмъ лицо его Нанни. Онъ не могъ наглядѣться на ея высокій лобъ подъ волною пепельныхъ волосъ, на полуоткрытый ротъ, придававшій что-то дѣтское ея строгимъ чертамъ и смягчавшій стальной блескъ ея глазъ. Брови ея поднимались вверхъ смѣло; но на серединѣ вдругъ обламывались и падали внизъ безпомощно; за ними точно также поднималось вверхъ перламутровое вѣко съ темными рѣсницами, рѣзко выдѣляя огненный зрачокъ голубого глаза, въ которомъ иногда сверкала стальная энергія... Все лицо ея, вся фигура, узкая и высокая, представлялась олицетвореніемъ порыва, страсти, умѣряемой какой-то пренебрежительной, меланхолической лѣностью.

Анна страдала какой-то сердечной болѣзнью, и эти полураскрытыя губы, такъ мило смягчавшія рѣзкость прелестнаго лица, составляли предметъ вѣчнаго безпокойства ея близкихъ, такъ какъ служили признакомъ неправильнаго дыханія.

Валя смотрѣлъ на Анну и не могъ насмотрѣться... Онъ удивлялся, почему никто не ходитъ сюда наслаждаться тайнымъ очарованьемъ, почему разговоры окружающихъ не наполнены дифирамбами этой прелести!

Наконецъ, вѣтка хрустнула подъ каблукомъ мальчика. Анна вздрогнула, повернула голову и улыбнулась ему, не мѣняя позы.

— Что же вы не пришли къ намъ, Ванни?—сказалъ Валя, чувствуя, по обыкновенію, какъ волна счастья, поклоненія и сострадания заливаетъ ему душу.

— А тебя развѣ за мной послали?—спросила она.

— Конечно...—солгалъ мальчикъ и прибавилъ, обращаясь къ Скобельцыну:—и васъ ожидали... Хоть бы теперь...

— Скучно ужъ очень, Валикъ...

Она зѣвнула, закинувъ руку съ бумагой за голову.

— И „милый Тимоша“ у васъ? И старый Полуэхтовъ?

— Да...—съ сердечнымъ сокрушеніемъ долженъ былъ согласиться Валя.

Анна засмѣялась, взглянувъ на жениха сіяющими глазами.

— Еслибы „милый Тимоша“ зналъ, что этотъ документъ у меня... Вотъ бы вознегодовалъ... Будетъ имъ хлопотъ...—И Анна еще разъ засмѣялась, радостно, слегка насмѣшливо: ей нравилось вспоминать, что она—докторъ правъ; что, несмотря на свою физическую слабость, на болѣзнь сердца, на недостатокъ средствъ, она все-таки кончила курсъ, и всѣ сомнѣнія, всѣ предостерегающія покачиванія родственниковъ и знакомыхъ не помѣшали ей довести до конца свое дѣло. Она чувствовала себя сильной, ученой, вооруженной на борьбу съ неправдой, она гордилась этимъ и слегка насмѣхалась надъ этой гордостью.

Встрѣтивъ просительный взглядъ мальчика, Анна безсознательно глубоко вздохнула, стараясь захватить какъ можно больше воздуха.

— Амурчикъ тоже у васъ?—проговорила она жалобно.—И длинный прокуроръ съ супругой, любящей правду?.. И они уже называли меня „мамзель Шовенъ“? И уже насмѣхались надъ моими юридическими познаніями?...

Валя все ниже опускалъ свою голову.

— Пощади, малышъ... Зачѣмъ я пойду?..

— Но баба Ева будетъ такъ рада... И потомъ... Вѣдь у насъ сегодня—свѣжія вишни!

— А, вишни!—повторила необычайно серьезно Анна и вдругъ опять начала смѣяться.

Важная бумага скользнула на землю, а дѣвушка, легкая, граціозная, быстро выскочила изъ гамака.

— Вишни, а ты такъ долго молчалъ, злодѣй!..

— Анна, документъ...—съ неудовольствіемъ замѣтилъ Скобельцынъ и поднялъ бумагу.

— Ай-ай! — виновато извинялась она. — Возьми, Валикъ, отнеси его ко мнѣ въ будочку... да, смотри, осторожно: вѣдь это „дѣло", глупый мальчикъ...

— А знаете, Нанни, уже на васъ были доносы... за совѣты крестьянамъ.

Анна поморщилась и взяла у него розу.

— Знаю, дитя мое, знаю... И на этотъ счетъ уже развлекались сегодня ваши гости? Ну, ступай, ступай, отнеси...

Она повернула Валю къ дому, и пока онъ исполнялъ порученіе, успѣла исправить легкій безпорядокъ своего туалета: закрутила потуже узелъ волосъ на затылкѣ, встряхнула мягкія складки сѣраго платья, перетянула кушакомъ тонкую талію; а розу, это почтительное приношеніе, приколола къ корсажу.

— И все безъ зеркала!—смѣясь, воскликнулъ Скобельцынъ.

Она улыбнулась, взяла его шаловливо за обѣ руки, заглянула ему въ глаза и сказала:

— Ну, вотъ... Зачѣмъ же мнѣ зеркало?

И припала къ его плечу.

Они стояли высоко, на ступенькахъ бесѣдки, передъ столѣтнимъ кленомъ. За тонкими кружевами его зубчатыхъ листьевъ мягко трепетали длинныя, опущенныя вѣтви плакучей березы; а внизу, нетронутымъ еще ковромъ, спускалась къ деревнѣ густая зелень луга. И все сейчасъ было пронизано оранжево-янтарнымъ зноемъ заката, въ которомъ золотистыми искорками суетились пчелы... И вдругъ прозрачная сѣтка дождя, неуловимая, какъ пыль, обрызгала ихъ неожиданно изъ дымчатой тучки... Солнце прорѣзало тучку радугой, вѣтеръ развѣялъ ее черезъ мгновеніе; но два смѣющихся лица оказались мокрыми; а на пепельныхъ и черныхъ волосахъ блестѣли капельки, замѣтныя потому, что отражали въ себѣ солнце.

Отъ всего этого получилось впечатлѣніе такой чарующей, такой захватывающей поэзіи, такой гармоніи молодыхъ сердецъ съ природой, что дыханіе Анны участилось, въ груди ея заколотило, и ощущеніе безграничнаго счастья этой минуты слилось таинственно съ идеей смерти... далекой ли, близкой ли, все равно! Неминуемой смерти всѣхъ живущихъ созданій, молодыхъ и старыхъ, счастливыхъ и несчастныхъ...

И какъ всегда, это острое чувство осталось глубоко на дн души Анны, хотя на мгновеніе оно охватило собою все суще ство ея. Но она не позволила ему подняться, испортить очаро ваніе минуты, и сказала такъ же весело, какъ будто черна тѣнь предчувствія не обожгла сейчасъ ея душу:

— Хорошо какъ сегодня, Кирилка!

Онъ наклонилъ голову къ своему плечу и поцѣловалъ лежащую на немъ руку. Въ это время Валя появился на порогѣ флигелька.

— Ну, теперь давай бѣжать... Кто кого?—крикнула ему Анна, сбѣгая со ступенекъ.

— Вамъ нельзя! Вамъ нельзя!—въ испугѣ закричалъ мальчикъ и, кубаремъ скатившись съ крыльца, преградилъ ей дорогу.

— Ахъ, ты, непочтительный юноша!—сказала Анна, нѣжно положивъ ему на плечо узкую руку.

Такъ шли они нѣкоторое время.

Валя едва шевелилъ плечами; ему казалось, что онъ несетъ на себѣ необычайную драгоцѣнность, хрупкую и невъяснимо прекрасную, которой онъ можетъ лишиться при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи.

Анна задумчиво спускалась внизъ, не подозрѣвая, какое она доставляетъ счастье своему юному кавалеру. Она не любила бывать у Локустовыхъ, и уже давно, съ первымъ проблескомъ сознанія, сократила свои посѣщенія; но отецъ, обладавшій какой-то особенной деликатной изящностью души, просилъ не прерывать совсѣмъ отношеній, и она шла теперь, готовая покорно перенести эту маленькую непріятность. Внизу ея мягкаго сѣраго платья путались какія-то оборочки, зубчики, фестончики, которые оттягивали матерію книзу и пышно облегали ноги. Все это волочилось по землѣ, цѣплялось за траву, задѣвало торчащіе корни, пока, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія Скобельцынъ не воскликнулъ, смѣясь:

— Боже мой, неужели нельзя взять въ руки всѣ эти юбки!

Анна, смѣясь, граціозно приподняла платье и такъ прошла всю пыльную деревенскую улицу; но, пройдя паркъ и замѣтивъ вдали возвращающуюся компанію, пріуныла, сжалась, пошла тише, капризно опираясь на пятки, и, наконецъ, почти упала на скамейку.

— Устала,—сказала она, глубоко вздохнувъ.

— Уже?—удивился Скобельцынъ:—такъ скоро?

— Устала ждать свуки... А впрочемъ, идемъ! Но торжество прогресса, кажется, уже кончилось?

Обѣ партіи встрѣтились у балкона.

Дѣдъ, сердитый до-нѣльзя и соотвѣтственно этому крайне сдержанный, прежде всего увидалъ свою первую розу у корсажа mademoiselle Панцыревой. Онъ взглянулъ на опустошенный кустъ, потомъ на внука; но Валя гордо выдержалъ гнѣвный

взглядъ: какъ вѣрный рыцарь, онъ еще и не то готовъ былъ претерпѣть за свою прекрасную даму.

А дама здоровалась съ гостями со свойственной ей небрежной граціей, въ прическѣ, которая, дѣйствительно, была сдѣлана на скорую руку, въ домашнемъ платьѣ, поражавшемъ дамъ новомодностью парижскаго покроя, въ широкомъ кожаномъ поясѣ, который—увы!—не скрылъ отъ недружелюбно-проницательныхъ взоровъ бѣленькую тесемочку, откуда-то незаконно выбившуюся на свѣтъ божій...

Около дѣда кружился Антонъ, озабоченный, сочувствующій, исполненный негодованія. Увидавъ Марѳу, которая вышла изъ своей комнаты навстрѣчу Аннѣ, онъ подбѣжалъ къ ней.

— Нѣтъ, ты себѣ представить не можешь, какой свинья этотъ Никита! Сколько разъ приказывали ему поворачивать не такъ круто...

— Да что же тамъ случилось?—нетерпѣливо спросила Марѳа. Она была такъ рада поболтать съ Анной, но рано вернувшіеся гости помѣшали этому.

— Ну, конечно, онъ поломалъ,—говорилъ Антонъ, безсознательно повторяя жесты и манеру дѣда:—три зуба сломалъ, свинья! Дѣдушка золъ... какъ...—Антонъ понизилъ голосъ:—И понятно: вѣдь ему медаль должны были дать...

Акцизный подслушалъ эту фразу и, тихонько фыркнувъ, переглянулся со слѣдователемъ.

— И дадутъ, вотъ увидите,—шепнулъ онъ ему, смѣясь:—вѣдь старый Полуэхтовъ предсѣдатель...

Шепнулъ—и тотчасъ же присоединился къ хору утѣшителей, который составился на балконѣ вокругъ Степана Михайловича. Всѣ хвалили идею усовершенствованія, говорили о „роликахъ", о „велосипедномъ колесѣ", ругали неловкаго Никиту... и скрывали въ глазахъ огонекъ загорѣвшейся насмѣшки.

Хозяинъ принималъ утѣшенія со спокойствіемъ философа, хотя жилы на лбу его торчали какъ веревки, вѣки тяжело нависли надъ покраснѣвшими бѣлками, а огромный подбородокъ и взбухшая шея, точно взошедшее тѣсто, лѣзли изъ-подъ воротника рубахи; но силой желѣзной воли онъ сдерживалъ свой гнѣвъ и равнодушно возражалъ:

— Ничего не подѣлаешь... грубая сила... отсутствіе культурныхъ работниковъ...

— Ну, я бы, по крайней мѣрѣ, вычелъ эти три зуба изъ его собственныхъ,—сказалъ Дулѣбовъ и первый захохоталъ; но, взглянувъ въ сторону, гдѣ стояла Анна съ Марѳой, онъ притворился сконфуженнымъ и, низко кланяясь, сказалъ:

— Добрый вечеръ, мамзель Шовенъ! Простите, что я позволилъ себѣ при васъ такъ негуманно выражаться... Не вчините мнѣ иска за это.

— О, не безпокойтесь!—отвѣтила Анна:—я начинаю только тѣ дѣла, которыя надѣюсь выиграть.

— А это...

— А здѣсь,—она красивымъ жестомъ обвела рукою,—здѣсь у васъ все защитники и ни одного прокурора...

— Но Марѳа Алексѣевна всегда можетъ сойти за него...

— Спасибо,—отвѣчала Марѳа:—я взялась бы за что-нибудь покрупнѣе.

— Знаю, знаю,—съ равнодушной усмѣшкой замѣтилъ Дулѣбовъ:—вы съ дѣтства стремились къ великому... Но чтобы Анна Георгіевна... Маленькая Нанни... Такая хрупкая... такая...

И Амурчикъ восхищеннымъ взоромъ оглядѣлъ Анну. Онъ долженъ былъ сознаться, что она вноситъ съ собой очарованіе! И было такъ грустно думать, что эта обаятельная, безсильно гнущаяся дѣвушка, съ такимъ оригинальнымъ изломомъ бровей и брильянтовыми глазами, окончила юридическій факультетъ и борется сейчасъ за право практики.

И Дулѣбовъ воскликнулъ съ искреннимъ порывомъ доброжелательства:

— Бросьте вы дѣло путятинцевъ, mademoiselle Нанни! Не смотрите, что новыя вѣянія... А вотъ „милый Тимоша" возьметъ, да ихъ выпоретъ за это...

Тонкіе пальцы Анны, перебиравшіе вишни, поставленныя передъ нею преданной рукою Вали, вдругъ дрогнули и лицо ея, какъ то случалось часто, внезапно покрылось смертельной блѣдностью; но она подавила свое волненіе и спокойно отвѣтила:

— Вы слишкомъ вѣруете во всемогущество господъ Полуэхтовыхъ.

Дулѣбовъ схватилъ за полу проходившаго мимо прокурора.

— Ну, вотъ... скажите этой прелестной упрямицѣ... Вы уже получили доносы?

Прокуроръ, которому больше нравились женщины полныя и здоровыя, не захотѣлъ вступать въ продолжительныя пренія.

— Вѣдь Анна Георгіевна сама должна знать законы,— отвѣчалъ онъ сухо, — а также статью 406[9], по которой женщинамъ запрещается судебная практика.

— Однако, въ Сибири...—начала-было Марѳа; но Дулѣбовъ перебилъ ее, галантно улыбаясь:

— Протестую! Мамзель Нанни, послушайтесь совѣта ста-

рика, не простирайте такъ далеко своихъ домогательствъ? Они, дѣйствительно, пахнутъ Сибирью...

— У васъ ужъ слишкомъ изощренное обоняніе, — громко сказалъ Скобельцынъ.

Скобельцынъ былъ высокъ, строенъ, одѣвался изысканно, говорилъ спокойно и, не мигая глубоко сидящими черными глазами, смотрѣлъ въ лицо собесѣднику. Слова его пришлись какъ разъ во время случайной общей паузы; всѣ на него оглянулись; но онъ вынесъ эти взгляды почти незнакомыхъ людей совершенно свободно.

Валя, который перенесъ часть благоговѣнія и на избранника своей Нанни, съ злорадствомъ замѣчалъ, какое впечатлѣніе производило на гостей его свободное спокойствіе. Оно было замѣчено, несомнѣнно; но отъ этого увеличилось только недружелюбіе.

— Грѣшенъ, батюшка, грѣшенъ, — отвѣчалъ Амурчикъ, изображая простеца, тогда какъ зеленые огоньки замелькали въ его глазахъ,—чую всякую дичинку, издалека чую...

— Что-же, иногда и подстрѣливаете? — спросилъ Скобельцынъ.

Дулѣбовъ только расхохотался, какъ бы приглашая всѣхъ оцѣнить остроту.

А Флегонтъ Тимоѳеевичъ вскинулъ глаза на говорившаго и поманилъ къ себѣ толстымъ, несгибающимся пальцемъ хозяина. Когда ухо Степана Михайловича получилось въ уровень съ его губами, онъ спросилъ:

— Кто таковъ?

Степанъ Михайловичъ отнялъ ухо отъ губъ Полуэктова и, приставивъ теперь свои губы къ его уху, отвѣтилъ:

— Женихъ Панцыревой.

Полуэктовъ поднялся, желая заговорить съ заинтересовавшимъ его человѣкомъ; но холодный взглядъ темныхъ глазъ Скобельцына возмутилъ душу Флегонта Тимофеевича. Онъ круто повернулся и сказалъ хозяину:

— Что-жъ, пожалуй, и по домамъ пора... Жаль, что грабельки-то сломались... Повидимому, штука остроумная...

Степанъ Михайловичъ только рукой махнулъ. Онъ зналъ, что завтра весь городъ начнетъ смѣяться надъ его граблями. Это была все та же „почти удача“, которая увѣнчивала всѣ его начинанія.

Но по виду онъ оставался совершенно спокойнымъ и, улыбаясь, прощался съ гостями.

Анна, переглянувшись со своими, также встала. Тогда су-

круга прокурора, вниманіе которой уже давно было поглощено тесемочкой, бѣлѣвшей на ея платьѣ, наконецъ не выдержала.

— Милочка, не сердитесь только на меня,—подъ шумокъ шепнула она ей:—у васъ все время тесемочка сзади...

И бѣдная Нанни, храбро выдерживавшая нападенія мужчинъ, покраснѣла до слезъ отъ этого неожиданнаго укола.

Дѣдъ проводилъ Панцыревыхъ до ограды парка, а потомъ направился въ конюшнямъ...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся на балконъ замѣтно успокоенный. Нѣсколько человѣкъ, самыхъ близкихъ, еще сидѣли у стола, допивая остатки винъ и ликеровъ.

— Теперь и онъ меня будетъ помнить, каналья,—сказалъ Степанъ Михайловичъ, отдуваясь и глядя на гостей съ выраженіемъ удовлетворенія:—и отъ меня получилъ...

— Подкупилъ его кто, не иначе, — замѣтилъ Дулѣбовъ:—сразу три зуба, а?

— На кочку наткнулся... Но вѣдь въ этомъ все дѣло, что ролики должны подниматься... Ладно! Судиться мнѣ съ нимъ, что-ли? Сейчасъ я просто отколотилъ его. Завелъ подальше отъ свидѣтелей въ сушильню и отколотилъ... Пусть жалуется теперь...

Говоря такъ, старикъ случайно встрѣтился глазами съ горящимъ взоромъ Вали.

Оба внука сидѣли рядомъ. Въ то время, какъ сонный видъ Антона говорилъ только объ утомленіи, острый взглядъ Валеріана скрестился неожиданно съ возбужденными глазами дѣда, и во взорѣ младшаго внука онъ впервые замѣтилъ то же выраженіе тоскливаго недоумѣнія, съ которымъ раньше глядѣла на него Марея.

Торжествующій отблескъ мести еще озарялъ лицо Степана Михайловича; но въ душѣ его уже просыпалось неопредѣленное безпокойство: онъ почувствовалъ у себя въ домѣ, въ этой неприступной крѣпости семейнаго авторитета, еще одного протестанта.

Валя твердо выдержалъ взглядъ дѣда, только вѣки его слегка дрогнули; дрогнули, но не опустились... Это было важное мгновеніе въ его жизни: онъ покинулъ торную дорогу дѣтства, чтобы выступить на тяжелый путь самосознанія.

И мгновеніе это пролетѣло для всѣхъ незамѣченнымъ. Сильно опьянѣвшіе гости хохотали, одобряли поведеніе хозяина, разсказывая аналогичные случаи... Дѣдъ тоже пилъ много; но голова его, по обыкновенію, оставалась совершенно свѣжей.

Наконецъ, все было выпито; шатающіеся, красные, гости начали разыскивать свои шапки.

— Прочь съ дороги!—раздался вдругъ изъ комнаты голосъ судебнаго слѣдователя.

— Съ кѣмъ это онъ?—удивился Степанъ Михайловичъ и, въ сопровожденіи Дулѣбова, пошелъ на голосъ.

Крики продолжались.

Торопясь и слегка припадая на ногу, Локустовъ вошелъ въ переднюю и какъ разъ во-время: слѣдователь стоялъ передъ зеркаломъ, ругательски ругая собственное изображеніе, которое, какъ онъ утверждалъ, загораживаетъ ему дорогу.

— Пошелъ вонъ, наконецъ! — кричалъ онъ пронзительно-жалобно, въ то время какъ изъ глубины зеркала непріязненно наступала на него сутуловатая, растрепанная фигура, съ болтающимся моноклемъ на широкой тесьмѣ и невидящими глазами.

Степанъ Михайловичъ сдѣлалъ шагъ впередъ; но Дулѣбовъ схватилъ его за руку.

— Ой, погодите! Такая комедія...

И онъ присѣлъ, заглушая свой хохотъ.

— Ну, такъ я тебѣ морду намну!—мрачно рѣшилъ слѣдователь и уже поднялъ вверхъ карающую десницу.

— Ну, бить зеркалъ у меня не полагается,—сказалъ Степанъ Михайловичъ, спокойно зажимая тонкую кисть гостя въ свой могучій кулакъ, въ то время какъ Дулѣбовъ, наконецъ, разразился громкимъ, неудержимымъ смѣхомъ.

Долго глядѣлъ на нихъ слѣдователь остеклѣвшими глазами, пока самъ не началъ тихонько смѣяться.

— Фу ты... а я думалъ, это дверь...—пробормоталъ онъ и пошатнулся.

V.

Въ эту ночь Валѣ приснился такой сонъ. Блуждалъ онъ въ чудномъ замкѣ съ высокими залами, посреди множества празднично одѣтыхъ людей. Но когда онъ входилъ въ какую-нибудь роскошную залу—тамъ темнѣли яркія люстры; закрывая свои чашечки, цвѣты задерживали благоуханіе; а люди отворачивались отъ него, сохраняя для другихъ ласковыя улыбки... А между тѣмъ—Валя зналъ это!—здѣсь находилось что-то, что должно принадлежать ему по праву. И это—именно та высокая, могучая фигура, закутанная въ покрывало, которая также отворачивалась отъ него при встрѣчахъ.

И всякій разъ при этомъ Валя чувствовалъ, какъ болитъ его сердце...

Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, Валѣ удалось подойти къ таинственной фигурѣ, откинуть покрывало съ ея лица и близко встрѣтиться съ ея строгими, пронизывающими глазами. Онъ молилъ ее признать его, онъ умолялъ ее не отталкивать его... И послѣ долгой, мучительной паузы, когда глаза одного пронзительно устремлялись въ глаза другого,—Валя съ радостнымъ стономъ упалъ въ объятія незнакомца. Онъ побѣдилъ! И онъ узналъ...

Да, это былъ дѣдъ! Но только не тотъ дѣдушка дѣтскихъ дней, грузный и сердитый, съ сюртукомъ, пропахнувшимъ запахомъ сигары, и съ неправильнымъ ногтемъ на указательномъ пальцѣ.. Это былъ символъ, это была лучшая часть души дѣда, это была любовь его,—и объятія этой любви казались такъ теплы!

— Но вдругъ это только сонъ? — ужаснулся Валя, полупросыпаясь...

Увы! уже ночь и день, на рубежѣ разсвѣта, протягивали другъ другу руки, во дворѣ пѣли пѣтухи, скрипѣли ворота. Но Валя, даже полуоткрывъ глаза, еще видѣлъ ясно эту чудную фигуру стоящей посреди его комнаты, въ лиловомъ сумракѣ разсвѣта... Она медлила здѣсь, точно и ей не хотѣлось разставаться.

Онъ поспѣшилъ закрыть глаза, чтобы удержать видѣніе; но было поздно! Фигура исчезла, и мальчикъ, вздыхая, сѣлъ на постель.

Этотъ сонъ подчеркнулъ ему фактъ реальной жизни: дѣдъ ему чужой, дѣдъ его не любитъ, и нужно что-то сказочное, героическое, чтобы завоевать лучшую часть его сердца, тотъ очищенный символъ, который явился ему во снѣ, какъ откровеніе..

Дѣйствительно, Степанъ Михайловичъ не любилъ своего младшаго внука. Онъ стоялъ передъ нимъ, какъ вѣчное, неизгладимое воспоминаніе о великой семейной бѣдѣ, о непоправимомъ несчастіи. Внукъ этотъ достался ему дорогой цѣной: жизнь матери была отдана взамѣнъ; и еще: родился онъ въ день смерти отца и сразу сталъ дважды сиротою.

Развѣ можно забыть такой день!

Старикъ видѣлъ и теперь передъ собою лицо беременной невѣстки, въ то время какъ въ столовую объѣздчики вносили изуродованное тѣло его сына. А этотъ крикъ несчастной женщины, когда одинъ изъ нихъ сказалъ ей:

— Бѣдная ты головушка. Сирота ты горемычная...

А другой:

— Не трожь, пускай поголоситъ...

Потомъ неохотно, глядя въ сторону, прибавилъ:

— Медвѣдь помялъ...

Потомъ прибѣжалъ истерзанный Дормидонтычъ, кинулся въ ноги и кричалъ:

— Родный! Прости, не углядѣлъ я, окаянный... Далъ дитю твоему погибнуть...

Слава Богу, хоть этого не слышала та, которая мучилась родами въ сосѣдней комнатѣ.

Можно было сказать, что Валеріанъ потерялъ до рожденія не только отца, но даже и мать, потому что нельзя было назвать живымъ то несчастное созданіе, которое безъ памяти металось по кровати и, умирая, давало жизнь другому.

— Сынъ... сынъ,—безъ всякой радости, даже будто съ удивленіемъ сказала, наконецъ, акушерка,—и живой...

— Сынъ,—повторилъ Степанъ Михайловичъ,—живой... дитя смерти...

Напрасно акушерка подносила ему крошечное существо, которое скромно пищало, точно извиняясь за неумѣстное появленіе на свѣтъ божій; Степанъ Михайловичъ даже не взглянулъ на внука... Къ нему подошла восьмилѣтняя Маруся, смотрѣвшая съ недѣтскимъ участіемъ въ глаза дѣда. Она даже схватила его руку и прижалась къ ней горячими губами; но онъ машинально отдернулъ ее, не замѣтивъ горестнаго упрека на грустномъ личикѣ дѣвочки.

Тогда Ева Михайловна приняла младенца въ свои теплыя объятія.

Лежа въ колыбели, мальчикъ привыкъ видѣть склоненное надъ нимъ кроткое лицо съ свѣтлыми волосами. Къ кормилицѣ онъ шелъ только тогда, когда бывалъ голоденъ, а въ остальное время не сходилъ съ рукъ своей милой бабы Евы. „Баба“— было первое слово, которое онъ научился лепетать; словамъ „отецъ“ и „мать“ его не учили, — напротивъ, даже избѣгали произносить ихъ при немъ.

Подростая, Валеріанъ не сумѣлъ ничѣмъ завоевать любви дѣда. Онъ росъ хилымъ, задумчивымъ... Волоса его кудрявились съ одной стороны, съ другой лежали плоскими прядями; правый глазъ отливалъ голубымъ, лѣвый—имѣлъ коричневатый оттѣнокъ; черты лица его были тонки, овалъ нащенъ; но, глядя на его слабую фигуру, дѣдъ предчувствовалъ, что это ему не помощникъ.

Зато Степанъ Михайловичъ нахвалиться не могъ своимъ старшимъ внукомъ!

Жизнерадостный крѣпышъ, съ ловкой практической сметкой, Антонъ съ раннихъ лѣтъ помогалъ дѣдушкѣ по хозяйству,

серьезно, безъ дѣтской шаловливости, съ полнымъ сознаніемъ долга.

Антонъ весь состоялъ изъ конкретнаго, Валеріанъ былъ весь отвлеченіе. Оба были пылко привязаны къ дому, ко всему окружающему, но по совершенно различнымъ мотивамъ.

Антонъ любилъ деревья, потому что подъ ними лѣтомъ тѣнь, а зимой ими можно истопить печи; лошадь — потому что на ней можно кататься, возить снопы, покорять ее своей волѣ. А Валя, глядя на дерево, думалъ, весело ли ему, когда его качаетъ вѣтеръ? А когда на немъ шелестѣли листья, онъ догадывался, что дерево разговариваетъ... Онъ жалѣлъ лошадь, когда ее впрягали въ телѣгу, и ржаніе ея принималъ какъ жалобу.

Онъ ревѣлъ изъ-за всякаго пустяка, тогда какъ Антонъ — съ восторгомъ хвалился дѣдъ — никогда не плакалъ.

Однажды Степанъ Михайловичъ увидалъ изъ кабинета, какъ во дворѣ старая Леди понесла Антона. Сначала старикъ бросился на помощь, но остановился, залюбовавшись девятилѣтнимъ внукомъ: Антонъ, съ защѣпленной въ стремени ногой, волочился по землѣ; но не кричалъ, а только упирался свободной ногой въ землю и старался, натягивая возжи, повернуть лошадь въ аллею, подальше отъ дома. И старая, добрая Леди скоро уступила.

Дѣдъ не спрашивалъ потомъ, откуда на лицѣ Антона столько царапинъ; онъ съ гордостью поглядывалъ на нихъ и думалъ: „Этотъ будетъ человѣкомъ!“

Съ малыхъ лѣтъ, Антонъ исполнялъ задачи, казалось, непосильныя для такого ребенка. Онъ провожалъ на хуторъ воза съ хлѣбомъ; онъ очищалъ топчакъ отъ шелухи, онъ отсчитывалъ сотни огурцовъ, которые переправлялъ въ городъ на продажу.

Валя не помнилъ времени, когда бы ему не ставили въ примѣръ старшаго брата; онъ привыкъ съ почтительнымъ изумленіемъ относиться къ его дѣловитости. Былъ періодъ, когда и онъ, увлеченный тщеславіемъ, рѣшилъ подражать Антону; но потомъ съ насмѣшливой горечью вспоминалъ эти неудачныя попытки, презираемыя старшими.

У Вали все выходило неудачно: возъ никогда благополучно не добирался до хутора, огурцы пропадали у него между пальцами, и рабочіе говорили, сострадательно гладя его по головкѣ:

— Куда тебѣ, братикъ... далеко куцому до зайца.

Наконецъ, Валя рѣшилъ, что не сравняться ему въ доблести съ Антономъ, и навсегда покончилъ хозяйственныя попытки; но отъ этого не чувствовалъ себя хуже.

Марѳа учила его грамотѣ; баба Ева играла ему грустныя мелодіи, которыя онъ внимательно слушалъ, притаившись въ складкахъ ея темнаго капота и глядя снизу вверхъ на ея глаза, отуманенные воспоминаніями. А затѣмъ у него былъ чудный другъ, старый Дормидонтычъ, это свѣтлое воспоминаніе дѣтства!

Молочный братъ Степана Михайловича, Дормидонтычъ не имѣлъ на хуторѣ опредѣленной профессіи, но просто „состоялъ при хозяйствѣ", съ аккуратной преданностью выполняя разнообразныя приказанія. Только уходъ за птицей находился въ его полномъ вѣдѣніи и составлялъ предметъ его неусыпныхъ попеченій.

Въ продолженіе цѣлаго дня примѣнялъ Дормидонтычъ къ пернатымъ питомцамъ массу педагогическихъ ухищреній. Онъ вѣчно укорялъ ихъ въ лѣности, въ буйствѣ, въ непокорности. Валя съ младыхъ ногтей дополнялъ собою эту пеструю компанію индюковъ, утокъ, цесарокъ, цыплятъ, собакъ и поросятъ, безсознательно впитывая въ себя любовь ворчливаго старика ко всякой живой твари.

— Конопляночка ты моя, сирая,—ласкалъ старикъ Валю и, желая пригладить его волосы, только еще больше ерошилъ ихъ своей мозолистой рукой,—воробышекъ ты мой упадшій...

Когда мальчикъ прижимался къ нему, загрустивъ отъ такой печальной ласки, дѣдъ начиналъ критиковать свое пернатое царство.

По его мнѣнію, послѣ воли птица разбаловалась... Ужъ на что индюшка дура, да и та нынѣче все норовитъ по-своему... а ужъ о гусяхъ и говорить нечего! Разнаглились! Утки-то, утки! Лѣнтяйки, другого имъ и слова нѣтъ... Но вотъ курица — про курицу грѣхъ сказать дурное...

— Курочка — кладъ! Курочка сама безпокоится о дѣткахъ, сама корму ищетъ; спать не ляжетъ, пока всѣхъ не пересчитаетъ цыплятокъ... А утка, гляди: все-то ей лѣнь, все-то ей жарко... Думаешь, она бѣгать не умѣетъ? Притворяется!.. За то собаки у насъ хорошія, что и говорить, услужливыя... рачительныя!

И онъ ломалъ краюху хлѣба на кусочки.

— Ты! пошелъ!—кричалъ онъ Барбосу, который, вытянувъ хвостъ и морду, зигзагами подходялъ къ его рукамъ. — Вишь, Валинька, хитрый какой: притворяется, что голодный! Врешь, братъ, поваръ тебя любитъ, бока-то, бока у тебя расперло... А вотъ, Жучка! На, Жученька...

Хлѣбъ летѣлъ по направленію къ грязной сѣрой Жучкѣ. Она

сначала сторонилась отъ удара, затѣмъ жадно хватала кусокъ оскаленными зубами и отходила въ забору.

— Жри!—благосклонно поощрялъ ее старикъ:—ты скромная, честная... Ты дѣтокъ носишь, щеночковъ...

Жучка, низкопоклонно присѣдая, торопливо проталкивала въ горло неразжеванныя корки; тогда какъ обманщикъ Барбосъ, съ однимъ поднятымъ ухомъ, умильно смотрѣлъ на нее и, сидя въ почтительномъ отдаленіи, слегка шевелилъ пыль обрубкомъ своего хвоста.

Сначала Валю ужасало, когда Дормидонтычъ, съ тѣми же методическими приговариваньями, ловилъ птицу, предназначенную въ жертву мамонѣ, и, придерживая клювъ, чиркалъ ей ножомъ по горлу. Мальчикъ плакалъ, отказывался отъ жаркого; но и тутъ авторитетъ старика восторжествовалъ.

— Глупенькій, чего ты?—уговаривалъ его Дормидонтычъ:—птица любитъ, чтобы ее рѣзали... тогда зачѣмъ ей и на свѣтѣ жить? Вѣдь ей положенъ предѣлъ,—чего ей надо? Нагулялась, нагрѣлась на солнышкѣ, дѣтокъ повыводила — ступай на другую работу—въ печку! Пусть Валинька полакомится...

И Валинька лакомился, забывая недавнія сомнѣнія.

Такъ проходили годы.

Съ радостной дѣтской безсознательностью воспринималъ мальчикъ отовсюду впечатлѣнія, иногда поражая домашнихъ внезапными причудливостями характера, которыя сглаживались мягкой рукой бабы Евы. Иногда Валя инстинктивно чувствовалъ отчужденіе дѣда; но мысль его не останавливалась надъ этимъ. Какъ всякій ребенокъ, онъ считалъ, что все на свѣтѣ чудесно, что лучше его близкихъ никого нѣтъ въ мірѣ, что самое прекрасное мѣсто на земномъ шарѣ—его родная Локустовка съ ея бѣлымъ „перистилемъ“, съ ея полями, съ ея рѣчкой, за которой виднѣется тусклая панорама города.

Раньше все казалось такъ цѣльно, такъ просто... и вотъ, цѣльность эта нарушена, а простота обратилась въ трудную сложность.

VI.

На слѣдующее утро послѣ неудавшагося „торжества прогресса“ Валя проснулся съ какой-то новой тяжестью въ душѣ.

Дѣдъ, который ему сегодня снился, такъ противорѣчилъ дѣйствительному, вчерашнему дѣду. Валя чувствовалъ нѣчто вродѣ отвращенія къ опоэтизированному образу, и ему даже было стыдно передъ нимъ за то, что вчера случилось...

Онъ хотѣлъ разсказать Марѳѣ свой сонъ, однако умолчалъ о немъ, точно боясь потревожить величественное видѣніе. Но зато не могъ удержаться, чтобы не спросить, какого она мнѣнія о вчерашнемъ?

— Ты еще глупый парнишка,—отвѣтила ему сестра съ дѣланной беззаботностью,—точно ты не зналъ, что дѣдушка дерется.

— Я видѣлъ... Иногда онъ толкалъ, когда сердился... Но чтобы завести въ сарай, подальше отъ свидѣтелей, и побить... и только потому, что онъ сильнѣе...

— Пока помѣщики будутъ имѣть возможность драться безнаказанно, они и будутъ драться,—сказала Марѳа, уходя отъ непріятнаго разговора.

— Помѣщики... Но вѣдь это дѣдъ, нашъ дѣдъ,—протестовалъ Валя; но Марѳа ушла, ничего не отвѣтивъ.

Долго Валя бродилъ одиноко, стараясь ни съ кѣмъ не встрѣчаться, потому что мятежныя мысли его казались ему святотатствомъ. Онъ представлялъ себѣ, какъ бы огорчилась баба Ева, заглянувъ сейчасъ въ его душу, и ему было жаль до слезъ милую старушку.

Наконецъ мальчику стало не подъ силу выдерживать одиноко эту первую борьбу, и онъ пошелъ черезъ деревню къ Пашкыревымъ.

Онъ засталъ семью за обѣдомъ.

Георгій Павловичъ, какъ вегетаріанецъ, ѣлъ кашу и зеленые бобы, приготовленные Вѣрой; остальные довольствовались неприхотливой нянечкиной стряпней, которую уничтожалъ съ должнымъ аппетитомъ только одинъ румяный Борисъ, товарищъ Антона по гимназіи. Анна, по обыкновенію, съ полураспущеннымъ жгутомъ пепельныхъ волосъ, изъ которыхъ торчали черепаховыя шпильки, только размазывала пищу по тарелкѣ.

— А, Валикъ!—сказалъ Владиміръ:—долго ли длилось у васъ еще торжество прогресса?

Валя, густо покраснѣвъ, поздоровался со всѣми. Хотя онъ именно пришелъ говорить объ этомъ, но теперь смутился. Было какъ-то очень свѣтло въ столовой, всѣ оффиціально сидѣли за столомъ, а Скобельцынъ пристально взглянулъ на него своими узкими серьезными глазами.

— Торжество прогресса кончилось очень поздно,—отвѣчалъ онъ какъ можно развязнѣе и все чувствуя присутствіе Скобельцына не такъ, какъ всѣхъ остальныхъ.

— И кончилось, кажется, пораженіемъ?—продолжалъ Владиміръ, выпивая большую рюмку водки.

— Кого?—смѣясь, подхватилъ Борисъ.

— Болѣе слабаго, конечно,—отвѣтилъ Владиміръ, не умѣвшій подавить въ себѣ антипатіи, которую онъ чувствовалъ къ Локустову.

— Дѣти, дѣти!—тихонько остановилъ ихъ Георгій Павловичъ, и четки нервно запрыгали въ его рукѣ.

Всѣ замолчали. Валя поглядѣлъ на старика.

— Значитъ, вы уже знаете?—спросилъ онъ.

— Намъ сегодня крестьяне разсказали, какъ имъ Никита жаловался,—отвѣтилъ Владиміръ и снова выпилъ большую рюмку водки.

Вѣра взглянула на него укоризненно; лицо Владиміра передернулось; но онъ сердито выдержалъ ея взглядъ и налилъ себѣ еще дрожащей рукою. Вѣра отвела отъ него свой взоръ и съ безпокойствомъ обратила его на свекра: она такъ боялась, чтобы старикъ, котораго она обожала, не замѣтилъ возрастающей неумѣренности мужа; но Георгій Павловичъ, занятый своими мыслями, ничего не видѣлъ.

— Значитъ, и вы осуждаете?—потупясь, съ багровымъ румянцемъ на щекахъ, заговорилъ Валя.—Но вы чужіе... а съ моей стороны осуждать стыдно... Но что же дѣлать, я понимаю, это не только стыдно, это...

Онъ хотѣлъ сказать „преступно", но постыдился.

Зато онъ съ увлеченіемъ разсказалъ о поступкѣ Василисы съ рабочимъ, о полтинникѣ, о томъ, что она назвала его „ариѳметикъ"... Вѣдь это прямо какая-то глупая наивность, не правда ли?..

Затѣмъ опять говорить стало тяжело... Какъ объяснить, что дѣдъ сердился на него, а не на Василису? Съ Василисой онъ попрежнему въ хорошихъ отношеніяхъ, хотя мошенничество ея раскрыто... Или дѣдъ не повѣрилъ ему?

Валя бросалъ полуслова, не договаривая, путаясь... Онъ старался высказать все, облегчить свою душу и въ то же время не оскорбить свѣтлое видѣніе, которое посѣтило его ночью. Онъ еще надѣялся, что туча пронесется мимо, унося его сомнѣнія, и тайная мечта, которая манила его во снѣ, наяву осуществится.

Старшіе слушали юношу съ глубокимъ сочувственнымъ вниманіемъ и разгадали въ этихъ отрывистыхъ полусловахъ его душевную муку.

Когда онъ умолкъ, разстроенный, подавленный тяжестью такой серьезной ноши, неожиданно упавшей ему на плечи, глаза всей семьи невольно обратились къ жениху Нанни.

Въ каждомъ кружкѣ есть такой человѣкъ, на котораго обращаютъ взоры въ нужную минуту, и Скобельцынъ привыкъ быть такимъ человѣкомъ. Когда онъ былъ студентомъ, на сходкахъ всегда смотрѣли въ ту сторону, гдѣ онъ находился; а когда онъ начиналъ говорить, въ толпѣ происходило движеніе, и часть слушателей, освобождаясь отъ заботы рѣшать за себя, заранѣе отдавала рѣшеніе вопроса въ его руки. Когда онъ вступилъ на широкое поле жизни—вокругъ него тотчасъ же составилась группа, въ которой доминировала его воля.

И теперь, неожиданная постановка жизненности въ душѣ юноши побудила всѣхъ обратить свои взоры на Скобельцына.

— Мнѣ не съ кѣмъ поговорить,—прибавилъ еще Валя, какъ бы извиняясь передъ нимъ и съ острымъ удовольствіемъ сознавая, что этотъ значительный человѣкъ—есть избранникъ его Нанни.

— Какъ, а Марѳа?—спросила она.

— Марѳа почему-то не хочетъ со мной разговаривать... Она говоритъ, что разъ есть люди, которые позволяютъ себя бить, то всегда найдутся такіе, которые будутъ это дѣлать... И что разъ есть помѣщики...

— Что-жъ, она права,—перебилъ его Владиміръ.

— Права!—возмутился Валя.—Но вѣдь не всѣ же... вотъ и вы помѣщики...

Громкій хохотъ покрылъ его слова.

— Да онъ просто какой-то льстецъ придворный!..

— Онъ имѣетъ виды на нашу протекцію!—послышались возгласы посреди хохота; не смѣялась одна нянечка, державшая въ рукахъ блюдо съ киселемъ. Покачивая своей круглой головкой такъ, что кончики шолковаго платка задрожали, будто собираясь улетѣть, она строго сказала:

— Глупые, чего смѣетесь? Развѣ это смѣшно, что изъ такихъ богатыхъ въ бѣдняковъ обратились? Какіе они помѣщики, Валинька! Только что были когда-то.

И взявъ обѣими руками блюдо изъ-подъ жаркого, она демонстративно удалилась. Но хохотъ только усилился.

— Были когда-то, были,—повторяла молодежь и смѣялась.

— Да, были; но не сумѣли удержаться на столь высокой позиціи,—сказалъ Владиміръ,—и это только подтверждаетъ проповѣдь Марѳы.

— Но тогда... развѣ нельзя иначе?—пробормоталъ Валя, съ недоумѣніемъ глядя на раскраснѣвшіяся лица семьи.

— Надо самому наблюдать жизнь и учиться, родной мой,—

отвѣчалъ Скобельцынъ:—нигдѣ нѣтъ готоваго отвѣта, потому что только выстраданное вами можетъ удовлетворить васъ.

Онъ замолчалъ; но глаза Вали продолжали требовать у него немедленнаго разрѣшенія своихъ сомнѣній.

— И, ради Бога, не считайте себя несчастнымъ!—прибавилъ онъ.—Напротивъ... то, что вы сейчасъ переживаете, есть счастье... Я радъ за васъ...

— А я жалѣю малыша!—скептически улыбаясь, возразилъ Владиміръ.

— Почему? Неужели лучше жить однимъ зоологическимъ инстинктомъ?

— И вы спрашиваете? — воскликнулъ Владиміръ дрогнувшимъ голосомъ. — Все это красиво только въ теоріи... „Per aspera ad astra“... А во что это превратится на практикѣ? „Astra“ такъ и останется торчать въ небѣ; а пока-что, здѣсь, на землѣ, намъ останутся обглоданныя кости да ободранныя стѣны... Да еще, пожалуй, зудъ неразрѣшимаго противорѣчія между запросами „ненасытнаго духа“ и тѣми скудными способами его удовлетворенія, которые доступны человѣку. Поэтому, вотъ, надо искоренять въ такихъ желторотыхъ первыя попытки къ рефлексіи и протесту.

— То-есть, убивать живого бога борьбы,—подхватилъ Скобельцынъ,—мѣшать воплощенію добра въ человѣкѣ.

— Это ужь мистицизмъ... Все равно, слопаетъ окружающая зоологія... Лучше учить борьбѣ реальной, за себя.

— Это и будетъ борьба за себя, если онъ рано пріучится смотрѣть на жизнь, какъ на участіе въ историческомъ созиданіи.

— Тогда его заѣстъ или рефлексія, или стремленіе къ совершенству... и онъ спрячется въ одну изъ этихъ ловушекъ, чтобы избѣжать борьбы. Надо научить его мириться съ относительнымъ, иначе онъ станетъ негоденъ для жизни.

Горечь звучала въ словахъ Владиміра; онъ вспомнилъ свои молодые годы, свое непримиримое отношеніе къ обществу и тотъ грубый отвѣтъ, который дала жизнь на его идеальные запросы.

— Вы говорите о слабыхъ, а я говорю о сильныхъ, — отвѣтилъ Скобельцынъ:—что ломитъ слабаго, то укрѣпляетъ сильнаго.

Пока шелъ споръ, Анна поглядывала на Валю, лицо котораго становилось все грустнѣе. Наконецъ, она улыбнулась, и капризный изломъ ея бровей дрогнулъ отъ этой улыбки.

— Начинай, Валикъ, начинай! — сказала она, лаская его своимъ блестящимъ взглядомъ. — Вотъ, они говорятъ, что весь

прогрессъ состоитъ изъ борьбы между идеей справедливости и зоологическимъ инстинктомъ... Значитъ, борись съ ними и побѣждай!

Появилась нянечка и со сварливымъ видомъ начала убирать со стола. Она еще больше разсердилась, увидавъ, что почти у всѣхъ тарелки остались чистыми.

— И не ѣдятъ ничего, прости, Господи, меня, грѣшную!— бормотала она.

Однако, количество киселя значительно уменьшилось, и одинъ Борисъ еще прилежно работалъ ложкой.

— Вотъ, одинъ только и есть умникъ изъ васъ,—сказала нянечка, благосклонно потрепавъ его по плечу:—этотъ не пропадетъ.

Всѣ засмѣялись; румяное лицо Бориса расплылось въ широкую улыбку.

А Валя сидѣлъ совсѣмъ разочарованный. Спѣша сюда, онъ такъ вѣрилъ, что здѣсь найдетъ отвѣтъ на мучившіе его вопросы и утолитъ свою новорожденную скорбь. И вотъ, онъ пришелъ, спросилъ и въ отвѣтъ получилъ много противорѣчивыхъ, отвлеченныхъ разсужденій, въ которыхъ не могъ разобраться. По привычкѣ, онъ вѣрилъ больше Скобельцыну, чѣмъ Владиміру; но не могъ вывести изъ его словъ никакого практическаго заключенія.

Жизнь мальчика, ставшаго юношей, продолжала усложняться.

VII.

У бабы Евы въ комнатѣ былъ балконъ, со всѣхъ сторонъ увитый виноградомъ, въ которомъ она ежегодно прорѣзала окошечки, чтобы оттуда, тихонько выглядывая, любоваться на прекрасный божій міръ. Окошечки прорѣзывались такъ хитро, что ничей нескромный взоръ не могъ проникнуть на балконъ и подсмотрѣть тамъ хозяйку. И комната ея находилась въ сторонѣ; никакая торная перекрестная дорожка не вела мимо ея балкона ни на кухню, ни къ погребу или къ оранжереѣ.

Здѣсь баба Ева могла спокойно сидѣть, предаваясь размышленіямъ и милымъ, далекимъ воспоминаніямъ. Изъ окошечка она видѣла паркъ, полукруглый изломъ рѣки съ постепенно суживавшимися берегами, часть городской слободы съ маячащими крестами церквей и щетку тростниковъ на болотѣ. Здѣсь же она слушала шелестъ листвы, прибой воды и щебетанье птицъ

ранней зарею. Это былъ ея уголъ, спокойный, невозмутимый; это было то, что она цѣнила больше всего въ жизни.

Послѣ смерти любимаго мужа, Ева Михайловна мечтала укрыться отъ жизни, уйти отъ ея волненій, предаться всецѣло прошлому, его незабвеннымъ воспоминаніямъ.

Но жизнь не хотѣла ее забыть и продолжала сыпать на нее свои удары. Пришлось перенести ей весь ужасъ безвременной смерти племянника, принять младенца отъ его умирающей жены и проводить около него безсонныя ночи.

И рѣдко удавалось ей наслаждаться уединеннымъ созерцаніемъ въ тиши укрытаго балкончика!

Сколько безпокойства доставлялъ ей болѣзненный Валя! День и ночь больной ребенокъ видѣлъ надъ собой ея прозрачное лицо, обрамленное свѣтлыми волосами; ея руки, обыкновенно небрежно брошенныя на колѣни, тогда неутомимо мыли, переворачивали, растирали слабое тѣльце.

Она не позволяла даже Марѳѣ помогать себѣ.

— Это лучшія минуты моей жизни, — извинялась она; — мнѣ, душечка, хочется для него все самой дѣлать, все самой...

— Но вѣдь вы такъ любите быть спокойной, — говорила Марѳа.

— Я? Спокойной?—удивлялась Ева Михайловна; но потомъ прибавляла съ улыбкой:—Ахъ, но вѣдь это тогда, когда вы всѣ здоровы.

Къ счастью, Валя поздоровѣлъ, благодаря тщательному уходу, и баба Ева нѣкоторое время могла вдоволь насладиться уединеніемъ; но тутъ подоспѣла борьба дѣда съ Марѳой.

— И въ кого ты такая?—огорченно говорила Ева Михайловна Марѳѣ: — только въ дѣда... Мы всѣ мягкіе, а вы оба, какъ два кремня, царапаете другъ друга.

Наконецъ, время примирило брата съ внучкой, и опять въ домѣ воцарилось мирное спокойствіе. Но теперь Валя начинаетъ нарушать его... Что сталось съ ея деликатнымъ, добрымъ, услужливымъ мальчикомъ? Точно какой-то злой волшебникъ подмѣнилъ его!

Валя сталъ нервенъ, ядовитъ, иногда прямо грубъ. Онъ подхватывалъ чью-нибудь фразу, начиналъ издѣваться надъ ней, выворачивать на всѣ лады. Недавно онъ услышалъ, какъ Василиса сказала пріѣзжему купцу, торговавшему у нихъ полдюжины бычковъ:

— Дешево отдавать намъ невыгодно: вѣдь у насъ и рабочимъ полагается мясо.

Съ тѣхъ поръ ей отъ Вали не стало проходу.

— А что сегодня подается рабочимъ на обѣдъ?—любознательно допытывался онъ при встрѣчѣ:—коровій глазъ подъ зеленымъ соусомъ?

— Вотъ, я дѣдушкѣ скажу,—отвѣчала Василиса.

— Или нѣтъ... Сегодня — чудесныя маринованныя телячьи ноздри съ естественной начинкой,—продолжалъ онъ.

Василиса кричала, жаловалась.

Антонъ иногда хохоталъ, принимая это просто за мальчишескія выходки; дѣдъ пересталъ не только говорить, но даже смотрѣть въ сторону младшаго внука; Марѳа страдала, опасаясь своимъ вмѣшательствомъ поселить въ душѣ его еще бо́льшую смуту. Одна Ева Михайловна, въ простотѣ душевной, пыталась повліять на него нравоученіями; но всякія нѣжныя слова теперь отскакивали отъ его окаменѣвшаго сердца.

— А зачѣмъ она вретъ?—холодно возражалъ онъ:—рабочимъ даютъ мясо! Ха! ха! Соленый ободранный черепъ...

Онъ становился невыносимъ, чувствовалъ это, но ничего не могъ съ собой подѣлать: непривычная раздвоенность сознанія угнетала его, нарушая душевное равновѣсіе. И никто не могъ сказать ему такого слова, которое помогло бы на чемъ-нибудь успокоиться. То, мимо чего онъ раньше проходилъ равнодушно, теперь вызывало въ его душѣ боль, переходившую въ злостную насмѣшку. Для того, чтобы справиться съ собой, ему нужно было сорвать злобу на чемъ-нибудь, грубо, по-мальчишески.

Фальшь ихъ помѣщичьей жизни кидалась ему въ глаза на каждомъ шагу. Напримѣръ, землянки, въ которыхъ жили рабочіе, были темны и сыры; когда оттуда выходили ребятишки, они щурились отъ непривычнаго свѣта. А рядомъ съ землянками уже много лѣтъ стоялъ срубъ избы, и когда пріѣзжали гости, дѣдъ, обходя съ ними свое образцовое хозяйство, непремѣнно указывалъ на срубъ.

— А вотъ,—говорилъ онъ,—это для рабочихъ. Только еще не успѣли кончить.

И такъ какъ постоянно случались другія, болѣе необходимыя постройки, то сруба никакъ не могли отдѣлать.

А эти безмолвныя, босыя фигуры, которыя простаивали терпѣливо у „задняго парада“ съ разсвѣта до полудня, чтобы потомъ услышать обиженный голосъ Василисы:

— Ступайте, сегодня работы нѣтъ.

А ругательства дѣда, которыя точно смазывали весь хозяйственный механизмъ, ругательства безъ гнѣва, чисто педагоги-

ческаго свойства. Онъ умѣлъ кричать и казаться при этомъ столь недосягаемо могучимъ, что самые дерзкіе рабочіе, искушенные глубочайшимъ презрѣніемъ къ хозяину вообще, сдавались, парализованные силой его громового сквернословія.

Въ домѣ никто не оспаривалъ законности такого педагогическаго воздѣйствія; одна Марѳа пыталась подчеркнуть его, обращаясь къ рабочимъ и къ прислугѣ съ преувеличенной вѣжливостью. Валя же теперь избѣгалъ дѣда; онъ чувствовалъ себя при немъ крайне неловко... Ну, вотъ, точно въ церкви съ новыми сапогами на ногахъ: и ничего не болитъ, а стоять невыносимо... Отношеніе къ дѣду еще не опредѣлилось, и Валя думалъ о немъ съ какой-то виноватой неловкостью.

И чего бы ни коснулось теперь пробудившееся сознаніе юноши—вездѣ его постигало разочарованіе. Даже милый старый Дормидонтычъ, этотъ вѣрный другъ его дѣтства! И тутъ Валя, къ своему великому огорченію, открылъ, что Дормидонтычъ имѣетъ наблюденіе надъ рабочими и что черезъ него дѣдъ знаетъ всѣ ихъ помыслы. Никто не считалъ старика доносчикомъ, потому что никакія дѣянія, совершаемыя въ нѣдрахъ Локустовки, не практиковались; Дормидонтычъ, конечно, не „доносилъ", а „докладывалъ". Когда же Валя, однажды, попытался рѣзко упрекнуть его за это, то старикъ не только не отрекся, но даже отвѣтилъ съ гордостью:

— А какъ же дѣдинькѣ не знать, что̀ у его дѣется? На то онъ и хозяинъ.

Мракъ сгущался все сильнѣе въ отравленной душѣ Вали; и изъ-за этой мятущейся души баба Ева теряла свое дорогое спокойствіе. Она не могла уже блаженно наслаждаться красотами природы, глядя черезъ балконное окошечко на міръ божій; она теперь все придумывала, какъ бы помочь своему любимцу, какъ облегчить тяжелый ростъ его молодой души.

Она втайнѣ сердилась на Марѳу, такъ какъ начала подозрѣвать, что это ея непокорность дѣйствуетъ на Валю такъ заразительно.

Однажды Ева Михайловна осторожно намекнула на это внучкѣ, но послѣдняя только улыбнулась въ отвѣтъ.

— Милая моя бабочка,—возразила она,—вѣдь вы очень удивитесь, если я скажу вамъ, что главная виновница всего—вы, а не я...

Баба Ева не только удивилась, но даже испугалась.

— Конечно,—продолжала Марѳа:—ваша участь всегда была у меня передъ глазами... Я жалѣла васъ съ тѣхъ поръ, какъ

начала себя понимать; дѣдъ согнулъ васъ, обезличилъ, и я боялась, что со мной будетъ то же... Оттого я такъ рано начала сопротивляться... и совершенно сознательно!

— Но? все-таки, при чемъ здѣсь я?..

— О, я объясню вамъ...

— И почему ты думаешь, что онъ меня обезличилъ?

— Какъ же, онъ все у васъ взялъ, вы отъ него теперь зависите... Вы, такая хорошая, не знаете, что̀ такое свобода, счастье...

— Я не знаю!—воскликнула Ева Михайловна, и лицо ея озарилось внутреннимъ сіяніемъ. — Ахъ, дитя, да я счастливѣе васъ всѣхъ! Вѣдь я знала такую любовь... такую любовь... Да...

Она вздохнула, взглянула черезъ балконное окошечко на прекрасную панораму и, проводивъ благосклоннымъ взглядомъ желтокрылую капустницу, пролетавшую мимо, тихо докончила:

— Богъ научилъ меня счастью... Я знаю, самое тяжелое у меня назади, оно уже обратилось въ сладкое воспоминаніе...— Старушка посмотрѣла на большой портретъ мужа.—Нѣтъ, моя дѣвочка, я не несчастна! Развѣ не огромное счастье видѣть васъ всѣхъ здоровыми? Развѣ не счастье сознавать, что я дала твоему дѣду возможность развернуть свою энергію...

— Вотъ, вотъ,—рѣзко сказала Марѳа:—это и есть ваша вина...

— Это? Вина?—повторила Ева Михайловна, и лицо ея выразило столько изумленной печали, что Марѳа пожалѣла о своей рѣзкости.

— Нѣтъ, объясни мнѣ, я не понимаю,—сказала баба Ева послѣ продолжительнаго молчанія.

— Хорошо, я скажу... — отвѣчала Марѳа съ нѣкоторымъ усиліемъ. — Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ больше сожалѣю, зачѣмъ вы подарили ему эту землю...

Первый разъ въ жизни Евѣ Михайловнѣ приходилось выслушивать такой упрекъ. Первый разъ въ жизни она встрѣтила человѣка, который не только не восхищался ея поступкомъ, но даже осудилъ его. Знакомые называли ее въ глаза „святой", „ангеломъ", за глаза—„юродивой", „нелѣпой"; но эти противорѣчивыя оцѣнки свидѣтельствовали, все-таки, объ ихъ преклоненіи передъ ея необычайнымъ безкорыстіемъ. И вотъ, черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ факта, которымъ она если и не гордилась, то во всякомъ случаѣ привыкла сознавать всю его значительность, — ея внучка, ея Марочка, ставитъ вопросъ на какую-то новую точку зрѣнія, переворачиваетъ вверхъ дномъ ея міросозерцаніе.

— Почему же, Марѳа, почему?—спрашивала она упавшимъ голосомъ.

Марѳа обняла ее и поцѣловала.

— Моя маленькая бѣленькая бабочка,—сказала она нѣжно,—вотъ я и огорчила васъ, а вѣдь вы ничѣмъ, ничѣмъ не виноваты. Вся ваша вина въ томъ, что вы слишкомъ хотѣли добра своему семейству.

— Конечно, хотѣла... И въ чемъ же здѣсь бѣда?

— Въ чемъ?—Марѳа помолчала и, тщательно подбирая слова, проговорила: — въ томъ, что вы дали возможность почти вдвое увеличить подарокъ.

— Но дѣдушка трудится и для васъ...

— А если мы не хотимъ!—пылко воскликнула Марѳа:—то-есть, я... а теперь, повидимому, и Вали... Если мы поняли, что эти лишнія сотни десятинъ вѣдь не съ луны же падаютъ? Откуда онѣ? О, я помню, какъ приходили крестьяне и упрекали васъ... Я была крошкой, а помню... Вы-то развѣ забыли?

Нѣтъ, баба Ева не забыла; но она помнитъ это лишь какъ всякая добрая женщина, которой жаль огорченныхъ людей. Она ничего не обобщала.

А Марѳа нагнулась надъ ней и, блестя своими глубоко сидящими глазами, прошептала:

— Я знаю, за что̀ умеръ нашъ отецъ... и все-таки дѣдъ продолжалъ послѣ этого прибавлять десятину къ десятинѣ...

Ева Михайловна вздрогнула, красныя пятна запестрѣли на ея блѣдномъ лицѣ.

— Не смѣй такъ говорить! — крикнула она: — ты должна уважать дѣда...

— За что̀?—спокойно спросила Марѳа.

— Какъ за что̀?—старушка растерялась:—за все... Онъ—твой дѣдъ, старшій въ родѣ, онъ заботится о васъ... наживаетъ...

— Плохіе аргументы, моя бабочка! Мнѣ жаль огорчать васъ; но разъ уже мы начали, договоримъ до конца... Конечно, онъ—мой дѣдъ; но мало ли дѣдушекъ на свѣтѣ... А насчетъ заботъ... О, я старалась освободить его отъ нихъ по мѣрѣ силъ... А что онъ наживаетъ—ну, пусть ему это проститъ милосердый Богъ; я же, грѣшница, прощать не смѣю.

— Боже мой, что̀ ты говоришь!

Бѣленькая, тоненькая Ева Михайловна затрепетала, глядя на свою темнокожую, ширококостую внучку съ суровымъ взглядомъ. Это уже было не „упрямство“, не „непослушаніе“, а нѣчто го-

раздо серьезнѣе: она ниспровергала весь ихъ жизненный строй, отрѣзывала себя на вѣки отъ семейства.

— И тебѣ не страшно такъ говорить?—сказала баба Ева, глядя съ состраданіемъ на бунтовщицу.

— Нисколько,—равнодушно отвѣтила та:—для меня семейные фетиши всегда мало значили... но мы никогда не говорили съ тобой, какъ равныя... Я не могу понять, почему надо любить человѣка, чуждаго по духу, только потому, что онъ случайно оказался дѣдомъ?

— Случайно! — повторила окончательно возмущенная Ева Михайловна:—но вѣдь эти чувства коренятся глубоко въ душѣ человѣческой... Твой отецъ имѣлъ ихъ къ своему отцу и передалъ ихъ тебѣ... Все это не подлежитъ критикѣ; это свято! и сама деликатность...

— Я тоже признаю деликатность, но только по отношенію ко всѣмъ безъ различія... Однако, почему при мнѣ насмѣхаются надъ Панцыревымъ, который также „старшій въ родѣ“? Почему меня не учатъ цѣнить добро вездѣ, гдѣ оно встрѣчается; а учатъ только уважать поступки родныхъ, не вдаваясь въ ихъ оцѣнку? Вѣдь это, по семейному, считается первой добродѣтелью?

— Тяжело тебѣ будетъ жить! — вмѣсто отвѣта, вздохнула Ева Михайловна:—нѣтъ у тебя въ характерѣ ни мягкости, ни всепрощенія.

— Ни всепрощенія, ни прощенія, ни снисходительности, ни примиренія... ни чуточки! Ни капельки! Я имѣю несчастіе смотрѣть и на своихъ открытыми глазами.

— Развѣ мало добра дѣлаетъ твой дѣдъ?

— Какое добро? Я его не вижу... Паромъ, за который берутъ по копѣйкѣ? Пожарное депо, куда лошадей должны поставлять крестьяне? Или знаменитыя грабли, которыя чуть не получили субсидію? Да... всѣ эти „культурныя задачи“ приносятъ не только денежную выгоду... они еще дѣлаютъ славу благотворителя, благодѣтеля уѣзда.

Ева Михайловна уже плакала.

Вотъ она, эта мирная, дорогая семья, которой была отдана ея любовь!.. И откуда могло случиться, что Марочка...

— Это все вліяніе Панцыревыхъ, — прошептала баба Ева сквозь слезы:—Антонъ не ходилъ къ нимъ...

— Да, да, Антонъ не ходилъ, и остался примѣрнымъ внукомъ! Конечно, онъ никогда не нарушитъ семейнаго равновѣсія... Но, моя бабочка, что же это за равновѣсіе, которое такъ опасается провѣрки?

— Богъ тебѣ судья, Мара; но если ты все это говоришь и Валѣ...

— Нѣтъ!—горячо перебила ее Марѳа: — я не повинна въ томъ, что глаза его начинаютъ раскрываться, и сама все время старалась оградить его: не сладко ходить съ открытыми глазами! Но ничего не подѣлаешь: люди, которые будутъ видѣть, уже родятся зрячими, и нѣтъ силы, которая могла бы имъ закрыть глаза. А я давно угадала, что нашъ Валька рожденъ зрячимъ. Я боялась этого и любила его за это.

— Бѣдный мальчикъ... Онъ столько теряетъ... вся радость юности отошла отъ него,—попыталась разжалобить Марѳу Ева Михайловна, но упрямая дѣвушка, презрительно улыбнувшись, возразила:

— Онъ выиграетъ больше потомъ отъ сознанія своего человѣческаго достоинства.

На этомъ разговоръ оборвался.

Марѳа скоро уѣхала на медицинскіе курсы; Ева Михайловна даже была довольна этимъ: она радовалась, что Валя останется безъ ея вліянія. Но, несмотря на отсутствіе сестры, дѣла юноши не поправлялись, а наоборотъ, шли все хуже да хуже.

Мѣсяцы черной, глухой и безпросвѣтной тоски наступили для Вали послѣ свадьбы Анны, когда она уѣхала съ мужемъ заграницу. Онъ точно осиротѣлъ, точно потерялъ самое лучшее, самое дорогое, что у него еще оставалось въ жизни. Это былъ періодъ наивысшаго отчаянія, періодъ смятенія и одиночества, во время котораго мужавшая душа его отбросила все старое и, обѣднѣвъ, не могла найти ничего взамѣнъ.

Окружающая жизнь представлялась Валѣ непріятельскимъ станомъ, гдѣ онъ, въ качествѣ слабосильнаго противника, могъ метать лишь взрѣдка отравленныя стрѣлы насмѣшекъ. Домашніе, слыша его смѣхъ, грубый и дерзкій, не подозрѣвали, какое безпросвѣтное отчаяніе мертвитъ его душу.

Докторъ, къ которому въ концѣ концовъ обратилась встревоженная Ева Михайловна, успокоилъ ее: онъ объяснилъ всѣ его мальчишескія выходки ненормальностями, которыя иногда сопровождаютъ быструю возмужалость юношей.

VIII.

Наконецъ Анна вернулась погостить къ роднымъ.

Но даже это радостное событіе не нашло достойнаго отклика

въ измученной душѣ Вали. Онъ пришелъ къ ней неловкій, исхудалый, вытянувшійся, съ обострившимся носомъ и впавшими разноокрашенными глазами. Принужденность его манеръ, какой-то скорбно-вызывающій взглядъ, направленный въ лицо собесѣдника, порывистыя движенія, срывающійся голосъ — все это печально изумило Анну, которая его искренно любила.

Вспомнила она своего деликатнаго, ласковаго Валика прежнихъ дней и не удержалась отъ безплоднаго вопроса:

— Что съ тобой, милый?

Онъ какъ-то дернулъ плечомъ, криво улыбнулся, но ничего не отвѣтилъ... Его заледенѣвшая душа не могла сразу оттаять.

Случайно взоръ его упалъ на большой портретъ надъ письменнымъ столомъ, который Анна привезла съ собою.

— Кто это у васъ? — спросилъ Валя, чтобы не подчеркивать своего молчанія.

— Это?

Анна пристально взглянула на юношу и потомъ особеннымъ, тенденціознымъ тономъ проговорила:

— Это большой писатель, передъ которымъ я преклоняюсь.

Въ голосѣ Анны звучала такая задушевность, такое довѣріе, что горячая волна прежняго радостнаго обожанія вдругъ прихлынула къ сердцу юноши.

А съ полотна смотрѣлъ на него высокій красивый человѣкъ съ нервнымъ лицомъ и острыми глазами. Тонкая, маленькая, почти женская рука держала брошюру, на которой виднѣлось слово „Prawda“.

Отъ смущенія, Валя такъ долго и такъ благоговѣйно вглядывался въ это сильное лицо, что оно вдругъ точно ожило для него, и онъ почувствовалъ себя неловко подъ его острымъ взглядомъ. Казалось юношѣ, что кто-то избранный, безпристрастный, наблюдаетъ за нимъ, раскрывая властнымъ взоромъ тайники его души, исполненной злобы.

— Тебѣ онъ нравится?—спросила Анна.

— Конечно... еще бы! — съ прежней непринужденностью воскликнулъ Валя.

— Почему же такъ категорически?—Она улыбнулась полураскрытымъ ртомъ.—Развѣ ты, малышъ, такъ мнѣ вѣришь?

Конечно, вѣритъ, попрежнему, безъ всякихъ сомнѣній... Такъ хотѣлъ сказать Валя, но только потупился.

Анна посмотрѣла долгимъ взглядомъ на портретъ.

— Это большой человѣкъ,—сказала она, — сильный, цѣльный... Онъ учитъ свободѣ своихъ скованныхъ братьевъ; но рѣчи его еще во многомъ—слова будущаго... Вотъ почему толпа не научилась произносить его имя.

Голосъ Анны оборвался, потому что она хотѣла скрыть его дрожь.

— У него умеръ сынъ, — продолжала она, глядя на портретъ лучистыми глазами: — онъ устроилъ ему гражданскіе похороны... и въ этого отца, шедшаго за гробомъ сына, изувѣры начали бросать каменья! Можешь себѣ представить, что дѣлалось у него на душѣ? Скорбь его должна была удвоиться, и неизвѣстно, о комъ онъ долженъ былъ скорбѣть больше—о сынѣ, или о несчастныхъ, которые бросали въ него каменья.

Глаза Анны то зажигались, то потухали, брови дрожали въ своемъ капризномъ изломѣ.

— Еслибы я была поэтомъ, я бы его взяла въ герои, — прибавила она.

Валя смотрѣлъ то на нее, то на портретъ, и въ тайникахъ его сознанія мракъ понемногу уступалъ чувству гордости, удовлетворенія: Нанни раскрывала ему завѣтныя мечты, говорила съ нимъ какъ со взрослымъ другомъ. Онъ жадно ловилъ ея слова, и впечатлѣніе простора, возрожденія, необъятной полноты жизни вдругъ осіяло его опустошенную душу.

— И вѣдь это не разсказъ изъ древней исторіи,—продолжала она, заражаясь его настроеніемъ, — это настоящее! Онъ живъ. Онъ, вѣроятно, часто вспоминаетъ... Понимаешь, Валикъ, онъ вспоминаетъ! Эти злобныя лица, эти жесты... А толпа безмолвныхъ наблюдателей, этихъ ни холодныхъ, ни горячихъ, которые только смотрѣли... Они не побивали, они не защищали... среда теплыхъ, служащая для разведенія микробовъ, кисель, протоплазма... Ихъ я ненавижу! Тѣ, которые камни бросали, принимали хоть грѣхъ на душу; а эти — насытили любопытство и ушли...

Она помолчала.

— Что должна была чувствовать его душа? Конечно, онъ все понимаетъ, и оттого ему чуждъ обыкновенный гнѣвъ... но, все-таки, мнѣ кажется, что всякій разъ, при воспоминаніи, онъ долженъ страдать.

Валя смотрѣлъ на ея вздрагивавшія покатыя плечи, на узкій затылокъ, изящно поддерживавшій узелъ пепельныхъ волосъ, на дрожавшій изломъ бровей,—и ему жалко было эту милую безпомощность, которая такъ ясно выступала при волненіи. Онъ боялся въ такіе минуты сердечнаго припадка.

— И онъ остался неотомщеннымъ!—прибавила Анна.—Ты понимаешь, какая месть достойна такого страданія? Еслибы я могла, я бы воспѣла все это такъ ярко и такъ могуче, что люди пришли бы и поклонились ему.

Анна тихонько прошлась по комнатѣ, потомъ глубоко вздохнула, улыбнулась.

— Валь, мой, Валь!—сказала она затѣмъ уже другимъ голосомъ:—надо достойно тратить свои силы! А ты? чѣмъ ты занимался это время? Я слышала, ты дразнишь свою Ваську „соленой коровьей ноздрей“? Да? Развѣ это не шутовство?

— Когда я такой безсильный!..—пробормоталъ юноша, густо краснѣя.

— А это мальчишество дѣлаетъ тебя сильнѣе? Или отъ этого соленая ноздря измѣнитъ свой вкусъ?

Наступила пауза, мучительная для Вали.

— Ахъ, мой дружокъ, міръ такъ широкъ,—всякая крупица, всякое зернышко ему нужно! Не трать характера на глупости, а сберегай силу, чтобы потомъ серьезно бороться.

Тутъ она сдѣлала премилую гримасу и подняла верхнюю губу такъ, что даже обнажилась ея блѣдная, безкровная десна.

— Да, малышъ, это я проповѣдую борьбу! Я, которую вѣтеръ съ ногъ валитъ.

Она засмѣялась, выпрямилась и подняла руки съ длинными рукавами, упавшими книзу, точно собиралась летѣть.

— Что жъ, я слабая, — прибавила она, иронически вздыхая, — но и я боролась... Сколько я хлопотала теперь, чтобы мнѣ разрѣшили практиковать; но ничего не добилась... Все-таки, я не уступлю! Я буду вести дѣла, вотъ и все!—Анна радостно вздохнула.—И ты такъ дѣлай! Приготовляй себя для борьбы и не истрачивайся по мелочамъ.

Потомъ она взяла голову Вали въ обѣ руки и поцѣловала его въ лобъ.

Валя ушелъ отъ Анны, очарованный новыми горизонтами и той спокойной гармоніей, которую она пробудила въ его душѣ. Чего не достигла баба Ева путемъ кроткихъ нравоученій, то сдѣлала Нанни разсказомъ объ одномъ изъ избранниковъ жизни. Этотъ разсказъ точно откинулъ передъ Валей завѣсу, которой скрывалась отъ него благородная сторона дѣйствительности; онъ вдругъ увидѣлъ яркую полосу свѣта и бодро устремился туда, предчувствуя широкую, неизвѣданную радость.

Весь просіявшій, возрожденный, перепрыгивалъ Валя съ борозды на борозду, пока, наконецъ, не укрылся въ гротикъ и

сталъ оттуда глядѣть на паркъ, на садъ, какъ выздоровѣвшій, возвращенный къ жизни послѣ тяжкой болѣзни. Какъ долго смотрѣлъ онъ на все это холодными, незрячими глазами, не замѣчая той красоты, которая раньше согрѣвала его сердце.

Наступила глубокая осень, а онъ даже забылъ посмотрѣть на пышное увяданье любимаго парка.

Ярко горѣли въ кровавомъ блескѣ заката лапчатые листья кленовъ; за ними скромно трепетали оранжевыя березки; мрачный букъ пестрѣлъ коричневато-желтыми тонами, а его посѣдѣлый стволъ обвивала красная лоза дикаго винограда. И все это увяданье, эта легкомысленно раскрашенная смерть,—еще рѣзче подчеркивались темно-зеленымъ боромъ, стоявшимъ въ незамѣнно величавой задумчивости за стѣною парка. Около бора, покинувъ подругъ, пріютилась высокая, стройная березка. Она сотрясалась отъ вѣтра и роняла свои оранжевые листья на темную ель у опушки, и они сверкали на ея мрачномъ бархатѣ, какъ золотыя украшенія.

Валя смотрѣлъ и не могъ наглядѣться. Онъ терялъ столько счастливыхъ минутъ за эти мѣсяцы опустошающей злобы! И теперь преисполнялся радости, благоговѣнія, благодарности, клянясь, что будетъ достоинъ довѣрія Нанни. Душа его закипала жаждой реальной борьбы; ему хотѣлось отдать свою скромную жизнь въ жертву великому; онъ мечталъ отомстить! отомстить невѣжеству за скорбнаго отца, въ котораго толпа бросала каменья... Какъ отомстить, въ какіе доспѣхи одѣться для этого,—его юная семнадцатилѣтняя душа еще не знала; но она чувствовала себя на пути къ выздоровленію...

Анна также долго сидѣла у себя одна, думая о томъ хвастливомъ обѣщаніи, которое у нея сорвалось при Валѣ.

Она обѣщала бороться?

Нанни могла только улыбнуться теперь, припоминая эту фразу. Уже почти два года, какъ она старается освободить крестьянъ изъ тисковъ „милаго Тимоши", который умѣетъ все дѣлать съ чрезвычайной юридической осторожностью; но Полуэхтовы—вездѣ, и въ земствѣ, и въ администраціи, и въ судѣ... Это—непроницаемая стѣна общихъ интересовъ хищной семьи, о которую разбиваются всѣ ея усилія. Уѣхавъ, она не оставляла борьбы и храбро переносила улыбочки и скрытыя насмѣшки чиновниковъ. Ей казалось даже, вдали, что дѣло будто налаживается; но когда она вернулась, то увидала, что все осталось попрежнему. Только два раза за это время о ней справлялся урядникъ... Непроницаемая стѣна Полуэхтовыхъ не давала бреши; Анна боя-

лась сознаться даже самой себѣ, что эта борьба ей не по силамъ.

Она просидѣла за бумагами, „какъ настоящій юристъ“, до поздней ночи, пока, наконецъ, нянечка не пришла ей дѣлать постель.

Въ домѣ всѣ сами исполняли эту обязанность, только Анна, обожаемая старушкой, не смѣла безъ нея ложиться.

И особа, окончившая курсъ юридическихъ наукъ въ Парижѣ, особа, отстаивавшая свои адвокатскія права передъ министромъ, ждала всегда нянечку, чтобы та перекрестила ее и закутала въ мягкое шолковое одѣяло.

Но и этимъ не кончался день.

Нянечка становилась на колѣни у кровати и, крестясь на образокъ въ углу, начинала шептать молитвы, перечисляя поименно Господу Богу всѣхъ своихъ присныхъ.

Анна наслаждалась, съ одѣяломъ, закрывавшимъ ей ухо, и молитва нянечки наполняла безмятежнымъ спокойствіемъ ея душу.

Сегодня она перебила старушку.

Улыбнувшись и сверкнувъ яркимъ зрачкомъ подъ изогнутой бровью, она сказала:

— Теперь, нянечка, вспоминай каждый разъ Валю... Я его люблю.

Нянечка послушно исполняла просьбу. Это былъ первый „чужой“, котораго она поминала въ своихъ молитвахъ.

Юл. Безродная.

ОБРАЩЕНІЕ
БЛ. АВГУСТИНА

ОЧЕРКЪ.

Исторія обращенія Бл. Августина выходитъ далеко за предѣлы біографическаго и церковно-историческаго интереса. Это—одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ въ исторіи человѣческой души, въ особенности эллинской „psyche", такъ давно искавшей разгадку земной жизни въ ея загробномъ продолженіи. Обращеніе Августина завершаетъ собою этотъ долгій религіозно-философскій процессъ и образуетъ раздѣлъ между античной культурой и христіанской, соединяя въ себѣ обѣ и принося старую въ жертву новой.

I.

Въ той части римской Африки, въ которой до Рима господствовали пунійская раса и культура, родился—на склонѣ римскаго величія, въ 354 г., Аврелій Августинъ, величайшій изъ уроженцевъ Африки. Его можно также назвать величайшимъ сыномъ своего вѣка по тому значенію, которое имѣетъ для потомства его личность и оставленное имъ наслѣдіе.

Съ дѣтствомъ Августина совпало, послѣ реакціи Юліана, окончательное торжество христіанства,—но язычество еще не было побѣждено; оно еще до конца вѣка господствовало въ школахъ. Въ самой семьѣ Августина проявился этотъ антагонизмъ между язычествомъ и христіанствомъ. Его отецъ, по имени Патрицій, небогатый землевладѣлецъ въ городкѣ Тагастэ въ Нумидіи—

нынѣ Сукъ-Арасъ—былъ язычникъ; его мать, Моника (Monnica), была благочестивая христіанка, но лишь подъ-конецъ жизни мужа ей удалось убѣдить его принять крещеніе.

Почти всѣмъ, что намъ извѣстно о жизни Августина, мы обязаны ему самому. Въ вѣкъ оскудѣнія исторіографіи Августинъ изобразилъ въ формѣ *исповѣди* (Confessiones) исторію своей жизни до принятія имъ крещенія въ Миланѣ, въ 387. Это оригинальное, неподражаемое твореніе не можетъ устарѣть. Это—памятникъ высокаго религіознаго лиризма, непрерывная молитва—на подобіе псалмовъ. Среди этихъ молитвъ, въ неразрывной связи съ ними, разсѣяны автобіографическія данныя. Историку Августина нельзя отрывать біографическій матеріалъ отъ его религіозной основы безъ ущерба для пониманія самого жизнеописанія и личности Августина, ибо тотъ фактъ, что авторъ облекъ разсказъ о своей жизни въ форму исповѣди, господствуетъ надъ всѣми другими ея фактами. Августинъ не имѣлъ въ виду дать читателямъ историческое повѣствованіе. Онъ совершалъ въ своей „Исповѣди“ великій религіозный актъ, ради котораго и рѣшился подвергнуть обзору и оцѣнкѣ свою прошлую жизнь. Самый подборъ фактовъ,—ибо далеко не о всѣхъ событіяхъ своей прошлой жизни повѣствуетъ намъ Августинъ,—обусловливался цѣлью, которую онъ имѣлъ въ виду. Его разсказъ обращенъ къ Богу, котораго онъ такъ долго искалъ и наконецъ нашелъ. Но зачѣмъ же было излагать всевѣдущему Богу исторію своей жизни? И Августинъ нерѣдко, разсказавши о какомъ-нибудь фактѣ, оговаривается словами: „вѣдь тебѣ, Господь, это извѣстно“. Онъ и излагаетъ не событія своей жизни, а свои прегрѣшенія и заблужденія, вызвавшія эти событія или проявившіяся въ нихъ; онъ излагаетъ ихъ не для того, чтобъ *оправдаться* [1]), а чтобы покаяться въ нихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ „Исповѣдь“, преслѣдуетъ еще другую цѣль—прославленіе Бога и возблагодареніе Его. Августинъ благодаритъ Бога за величіе Его твореній, за снисхожденіе и благодѣянія, ему оказанныя, за то, что Господь, несмотря на всѣ его заблужденія, былъ для него благимъ Провидѣніемъ, осѣнилъ благо-

[1]) Въ этомъ заключается коренное различіе между „Исповѣдью“ Августина и исповѣдью Руссо, которую такъ часто и *всуе* съ нею сопоставляютъ, не понимая различій. Руссо не только оправдывается въ своихъ „порокахъ“, но *рисуется* ими, съ любовью и сентиментальностью изображая ихъ. Августина читатель могъ бы обвинять въ противномъ, т.-е. въ преувеличеніи грѣховнаго характера нѣкоторыхъ его дѣйствій или помысловъ; надо помнить, что это—исповѣдь учителя церкви, который болѣе чѣмъ кто-либо содѣйствовалъ пробужденію въ христіанахъ сознанія грѣха.

датью и привелъ къ познанію истины. Такъ вся жизнь Августина, насколько она разсказана въ „Исповѣди", является повѣстью о его отпаденіи отъ Бога, блужданіи въ грѣхѣ и спасеніи. Поэтому повѣсть о жизни Августина и оканчивается на его крещеніи, которое должно было смыть всѣ совершенные до того грѣхи.

Разсказъ Августина о его жизни есть такимъ образомъ религіозный актъ—покаяніе предъ Богомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—покаяніе на народѣ. Прерывая свое повѣствованіе (II, 5), Августинъ восклицаетъ: „Но кому же я это разсказываю? не Тебѣ, Господь мой, но предъ ликомъ Твоимъ я разсказываю это моему роду—человѣческому роду, какъ бы ни было незначительно число тѣхъ, кому попадется въ руки это писаніе! И зачѣмъ? для того, чтобы я и каждый изъ читателей памятовали слова: „Изъ глубины бездны Господь, взываю я къ Тебѣ"!

Этотъ подвигъ Августина представится намъ въ надлежащемъ свѣтѣ, если мы его сопоставимъ съ древне-христіанскимъ обычаемъ публичнаго и гласнаго покаянія. Нравственный уровень древнихъ христіанскихъ общинъ былъ очень высокъ: онѣ не терпѣли въ своей средѣ людей, явно нарушавшихъ божественный законъ, и лишали ихъ общенія съ собою и причастія (communio). Снова войти въ общину можно было только послѣ публичнаго покаянія, которое, въ случаѣ одного изъ трехъ тяжкихъ преступленій—прелюбодѣянія, убійства и идолопоклонства—продолжалось всю жизнь; лишь на смертномъ одрѣ эти грѣшники удостоивались причастія.

Приносившіе покаяніе были у всѣхъ на виду; имъ отводилось особое мѣсто внѣ церкви или внутри ея; а въ послѣднемъ случаѣ имъ вмѣнялось въ обязанность покидать церковь въ извѣстный моментъ богослуженія. Съ теченіемъ времени на востокѣ стали различать четыре разряда кающихся, и лишь послѣднему было дозволено присутствовать при причащеніи прихожанъ, не принимая въ немъ участія. Епископамъ предоставлялось опредѣлять число лѣтъ, которое каждый изъ кающихся долженъ былъ провести въ томъ или другомъ разрядѣ.

Публичное покаяніе было въ то время не только карою для лицъ, ее заслужившихъ, но проявленіемъ общаго благочестія. Древне-христіанскія общины, окруженныя язычниками, представляли собой тѣсно сплоченную семью, которая принимала сердечное участіе въ своихъ падшихъ членахъ. Стоявшіе передъ входомъ въ церковь кающіеся умоляли входящихъ въ нее молиться за нихъ, и собравшіеся прихожане общей молитвой под-

держивали усердіе кающихся. Такимъ образомъ, публичное покаяніе становилось для обѣихъ сторонъ источникомъ религіознаго подъема. Поэтому нерѣдко и такія лица, которыя по каноническимъ правиламъ не обязаны были подвергнуться публичному покаянію, добровольно ему подвергались. Такое добровольное покаяніе поощрялось авторитетными въ церкви лицами. Такъ карѳагенскій епископъ Кипріанъ хвалилъ и ставилъ въ примѣръ другимъ тѣхъ, кто принималъ на себя публичное покаяніе изъ-за грѣховъ, совершенныхъ только въ помыслахъ. Нѣкоторые случаи добровольнаго покаянія, произведшіе особенно глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ, сохранились въ памяти послѣдующихъ поколѣній. Такъ епископъ Нектарій, увлекавшійся ученіемъ одной изъ христіанскихъ сектъ, бросился въ одеждѣ кающагося грѣшника къ ногамъ римскаго епископа Зефирина и своимъ раскаяніемъ растрогалъ до слезъ стоявшій кругомъ народъ.

Другой случай относится ко времени Августина. Римская аристократка Фабіола, потомокъ древнѣйшаго рода Фабіевъ, развелась съ мужемъ изъ-за прелюбодѣянія съ его стороны и еще при жизни его вышла замужъ за другого. Такой бракъ не считался грѣхомъ въ восточной части имперіи, отчасти и въ западной. Самъ Августинъ недоумѣвалъ, признавать ли его запрещеннымъ по св. Писанію. Но Фабіола пришла къ убѣжденію, что она совершила грѣхъ, и однажды Римъ съ изумленіемъ увидалъ ее въ пасху передъ Латеранскимъ соборомъ въ числѣ кающихся. По описанію хорошо знакомаго съ ней Іеронима, самъ епископъ и весь народъ плакали отъ умиленія при видѣ блѣднаго лица, окоченѣвшихъ рукъ грѣшницы, глубоко наклонившей покрытую прахомъ и пепломъ шею. Іеронимъ прибавляетъ, что Фабіола изумила римлянъ не столько добровольнымъ покаяніемъ, какъ самымъ способомъ его.

Было, однако, два разряда лицъ, для которыхъ обрядъ публичнаго и гласнаго покаянія могъ имѣть болѣе тяжкія послѣдствія, чѣмъ для другихъ — духовенство и замужнія женщины. Такъ какъ духовныя лица за такіе проступки, которые влекли за собою публичное покаяніе, лишались сана, то публичное покаяніе представлялось для нихъ двойною карою и какъ бы противорѣчило принципу non bis in idem (не два раза за одно и то же). Кромѣ того, частое примѣненіе этой кары могло подрывать уваженіе къ духовенству; поэтому римская церковь, всегда особенно внимательная къ интересамъ іерархіи, перестала подвергать духовныхъ публичному покаянію, ссылаясь на апостольскую традицію. Впрочемъ, другія апостольскія церкви держались

въ этомъ отношеніи иной традиціи. Во всякомъ случаѣ, можно считать неоспоримымъ, что епископы, пресвитеры и діаконы, по крайней мѣрѣ съ IV или V вѣка, въ нѣкоторыхъ церквахъ уже не понуждались къ публичному покаянію [1]).

Что касается до избавленія замужнихъ женщинъ отъ публичнаго покаянія въ случаѣ нарушенія ими брака, то дошедшее до насъ объ этомъ извѣстіе прямо указываетъ и мотивы такого избавленія.

„Наши отцы, правда, воспретили выводить на народъ запятнавшихъ себя прелюбодѣяніемъ женъ, — которыя или сами покаялись въ этомъ изъ благочестія, или инымъ способомъ были въ этомъ уличены, — для того, чтобы не подвергать ихъ смертной опасности; но они повелѣли лишать ихъ причастія, пока не пройдетъ срокъ ихъ покаянія".

Здѣсь покаяніе сохраняетъ публичный характеръ, но оно лишается главнаго своего признака — оглашенія грѣха, вызвавшаго покаяніе.

Указанныя исключенія являются признакомъ измѣнившихся нравовъ; а это было слѣдствіемъ измѣненія самого состава христіанскаго общества, въ которое вошло послѣ торжества церкви множество полуязычниковъ и равнодушныхъ. То, что раньше способствовало подъему нравовъ, теперь становилось поводомъ къ соблазну. При такихъ условіяхъ оглашеніе своего грѣха на публичномъ покаяніи женою одного изъ діаконовъ константинопольской церкви послужило поводомъ для патріарха Нектарія, современника Августина, отмѣнить совсѣмъ въ своей метрополіи публичное покаяніе.

Другія церкви не послѣдовали его примѣру. Августинъ вездѣ говоритъ о публичномъ покаяніи, какъ о существующемъ обычаѣ. Онъ и самъ къ нему призываетъ: „Если грѣхъ заключалъ въ себѣ не только тяжкое преступленіе, но и послужилъ соблазномъ для другихъ, то пусть согрѣшившій не отказывается — если по мнѣнію епископа это будетъ на пользу церкви — принести покаяніе предъ лицомъ многихъ, или даже всей общины, и изъ чувства стыда не прибавляетъ къ смертоносной ранѣ еще и высокомѣріе".

Что же побудило Августина, не совершившаго тяжкаго грѣха, подвергнуть себя такому покаянію предъ всѣмъ родомъ человѣческимъ? Почему человѣкъ не кается въ своихъ грѣхахъ? — спрашивалъ еще Сенека, и отвѣтилъ: потому, что онъ еще погруженъ въ немъ. О своемъ снѣ можетъ разсказывать только тотъ,

[1]) Frank, Die Bussdisciplin, p. 472.

кто проснулся; покаяніе есть первый признакъ выздоровленія. Исповѣдь Августина была также какъ бы слѣдствіемъ пробужденія отъ долгаго тяжелаго сна и признакомъ полнаго выздоровленія, т.-е. всецѣлаго обращенія къ христіанскому Богу. И чѣмъ глубже былъ совершившійся въ немъ внутренній переломъ, чѣмъ полнѣе его отреченіе отъ прежнихъ убѣжденій, стремленій, надеждъ и образа жизни, чѣмъ дальше разстояніе между прежними заблужденіями и новою вѣрой, тѣмъ пламеннѣе было его желаніе дать отчетъ себѣ и другимъ о томъ, что онъ пережилъ.

Но не одна потребность въ покаяніи—„эта великая тайна", по глубокому замѣчанію Оригена,—побудила Августина написать свою „Исповѣдь". Публичное покаяніе въ грѣхахъ называлось у древнихъ христіанъ греческимъ словомъ—exomologesis; римляне, по неимѣнію латинскаго слова, пользовались тѣмъ же выраженіемъ. Слово exomologesis встрѣчается у 70-ти толковниковъ въ смыслѣ благодаренія и восхваленія Бога; по замѣчанію Іеронима, оно соотвѣтствуетъ еврейскому слову. Въ Новомъ Завѣтѣ оно имѣетъ два значенія—исповѣдь и восхваленіе Бога, съ преобладаніемъ перваго значенія. Тертулліанъ примѣняетъ его для обозначенія публичнаго покаянія; у Августина это выраженіе встрѣчается только одинъ разъ. Но смыслъ его вошелъ въ понятіе *исповѣди*. Исповѣдь (confessio), говоритъ Августинъ [1], бываетъ двойная—исповѣдь грѣховъ и восхваленіе. Когда намъ плохо въ тревогахъ нашихъ, мы исповѣдуемъ грѣхи наши; когда намъ хорошо, мы, восхищаясь благочестіемъ, исповѣдуемъ хвалу Божію.

Но случайно мы находимъ это опредѣленіе исповѣди у Августина въ его толкованіяхъ на псалмы. Самая „Исповѣдь" его представляетъ подобіе псалма и усыпана вставками изъ псалмовъ. Какъ въ псалмахъ, черезъ нее проходитъ постоянно антитеза между величіемъ Божіимъ и сознаніемъ человѣческаго ничтожества; какъ въ псалмахъ, въ „Исповѣди" чередуется восторженное восхваленіе Господа съ плачемъ сокрушеннаго сердца, призывающаго Его на помощь. Исповѣдь Августина есть торжественный „Te Deum laudamus", и необыкновенно величественно звучитъ латинская рѣчь автора въ этихъ частяхъ „Исповѣди", не поддавалась переводу,—нѣчто среднее между поэзіей и прозою.

Словами псалмопѣвца начинаетъ Августинъ свою „Исповѣдь": „Magnus es, Domine, et valde laudibilis; magna virtus tua et sapientiae tuae non est numerus.—Великъ Ты, Господь, и весьма

[1] Confessio gemina est: aut peccati aut laudis. Enar. in. Ps. 29.

достохваленъ, велика Твоя мощь и мудрость Твоя необъятна", продолжая затѣмъ: „и желаетъ восхвалять Тебя человѣкъ, малая частица Твоего творенія, человѣкъ, носящій въ тѣлѣ мертвость свою и печать грѣха своего, и доказательство того, что *Ты гордымъ противишься*—и все-таки же человѣкъ, малая частица Твоего творенія, желаетъ восхвалять Тебя; Ты самъ внушаешь ему наслажденіе въ Твоей хвалѣ, ибо Ты сотворилъ насъ для того, чтобы мы шли къ Тебѣ, и наше сердце пребываетъ въ тревогѣ, пока не найдетъ покоя въ Тебѣ". Но безъ помощи Божіей человѣкъ не можетъ найти этого покоя. „Кто мнѣ дастъ — восклицаетъ Августинъ—успокоиться въ Тебѣ? Кто сдѣлаетъ, чтобы Ты сошелъ въ сердце мое и наполнилъ его упоеніемъ, чтобы я позабылъ мое зло и объялъ Тебя, мое единственное благо? Что Ты для меня? Сжалься надо мною и дай мнѣ возможность выразить это словами! Что я для Тебя, чтобы Ты повелѣлъ мнѣ любить Тебя, и гнѣваешься на меня, и грозишь мнѣ ужасными бѣдствіями, если я не буду любить Тебя? А развѣ не любить Тебя уже не малое есть бѣдствіе? Скажи же мнѣ по милости Твоей, Господь Богъ мой, что Ты для меня? *Скажи душѣ моей: Я спасеніе твое.* Скажи такъ, чтобы я слышалъ. Вотъ я стою предъ Тобою, Господь мой, и прислушиваюсь къ Тебѣ. Отверзни уши мои и скажи душѣ моей: Я спасеніе твое".

Какъ въ понятіи „эксомологезы" сливаются восхваленіе Бога и покаяніе передъ Нимъ, такъ въ „Исповѣди" Августина одно переходитъ въ другое. Почти каждая изъ книгъ, на которыя распадается эта „Исповѣдь", начинается снова такой „эксомологезой":—„Я хочу вспомнить мое прежнее нечестіе и плотскую порчу души моей не потому, чтобы оно было мнѣ дорого, но для того, чтобы я полюбилъ Тебя, Господь мой. Изъ любви къ Твоей любви я это дѣлаю, перебирая нечестивые мои пути въ горечи воспоминаній моихъ, чтобы Ты сталъ мнѣ сладокъ, Ты услажденіе необманчивое, услажденіе блаженное и прочное; собирая воедино разсѣянныя и растерзанныя части души моей, когда я, отвернувшись отъ Тебя, погибалъ въ пестротѣ мірской".

А начиная пятую книгу, Августинъ молитъ словами псалмопѣвца: „Прими жертву моей исповѣди изъ устъ моихъ, которыя Ты сотворилъ и заставилъ говорить для прославленія имени Твоего; исцѣли кости мои для того, чтобы и онѣ молвили: Господь, кто подобенъ Тебѣ? Тотъ, кто исповѣдуется предъ Тобою, не поучаетъ Тебя тому, что въ немъ происходило, ибо и скрытное сердце не можетъ укрыться отъ взора Твоего и жестокость че-

ловѣка не въ силахъ оттолкнуть руку Твою; но Ты, если хочешь, смягчаешь ее, сжалившись надъ нею или въ гнѣвѣ Твоемъ...

„*Пусть восхваляетъ Тебя душа моя, чтобы любить Тебя, и пусть исповѣдуетъ Тебѣ милости Твои, чтобы восхвалять Тебя*".

Въ эту „Исповѣдь" вложенъ Августиномъ разсказъ о его жизни... Форма исповѣди вполнѣ гарантируетъ вѣрность изложенныхъ въ ней фактовъ и искренность повѣствователя. Но разсказъ его, однако, не простой дневникъ, въ который событія вносятся по мѣрѣ того, какъ они переживаются, и въ томъ освѣщеніи, которое они имѣли въ свое время. События вложены Августиномъ послѣ его *пробужденія* и въ томъ освѣщеніи, въ которомъ они ему представлялись вслѣдствіе происшедшаго въ немъ перелома. Поэтому и въ автобіографіи Августина нужно отмѣтить неизмѣнную черту всякихъ повѣствованій объ *обращеніи* грѣшниковъ — тенденцію усилить контрастъ между прошлымъ, проведеннымъ въ мірской суетѣ, и *новой жизнью*. Но если въ житіяхъ святыхъ это обыкновенно вытекало изъ желанія агіографа окружить святого болѣе яркимъ сіяніемъ — у Августина это вытекало изъ самаго существа *исповѣди* (эксомологезы), имѣвшей цѣлью прославить Господа, милующаго грѣшника, и выразить глубину раскаянія. Поэтому и самообвиненіе Августина нужно сводить на надлежащую мѣру, какъ это просвѣчиваетъ изъ самаго разсказа.

Но еще бо́льшее значеніе имѣетъ для критической оцѣнки „Исповѣди" другое обстоятельство. Переломъ въ убѣжденіяхъ Августина, приведшій его къ крещенію, произошелъ въ 386 году, — „Исповѣдь" же была написана имъ въ 400 году, когда онъ уже былъ епископомъ. Эти четырнадцать лѣтъ прошли не безслѣдно для убѣжденій Августина. О совершившейся въ немъ эволюціи мы можемъ судить по его сочиненіямъ и письмамъ, написаннымъ въ этотъ промежутокъ. Они-то указываютъ, что въ „Исповѣдь" проникли воззрѣнія, которыя Августинъ себѣ усвоилъ уже *послѣ* своего крещенія.

Рѣшающее значеніе въ духовной жизни Августина, а затѣмъ въ его богословіи пріобрѣли сложившіяся въ немъ воззрѣнія на происхожденіе грѣха изъ злой воли человѣка и въ соотвѣтствіи съ этимъ на благодать, какъ источникъ спасенія. Но эти воззрѣнія назрѣвали у него постепенно. Самъ онъ относитъ въ своемъ сочиненіи о *предназначеніи* рѣшительный моментъ къ началу своего епископата (395), и вѣрность этого заявленія подтверждается тѣмъ, что въ его первомъ сочиненіи послѣ принятія епископскаго сана, обращенномъ къ его миланскому другу

Симпліціану въ 396 или 397 г., уже проявилось его новое ученіе [1]). Этотъ преобладающій въ жизни Августина фактъ и можно считать главнымъ побужденіемъ для обнародованія его „Исповѣди". Подъ вліяніемъ его новыхъ убѣжденій ему стала ясна его собственная жизнь, стало понятно его обращеніе и явилась неудержимая потребность, для вящаго прославленія Господа, обнаружить всю глубину своего грѣха и на собственномъ опытѣ доказать предъ всѣмъ человѣчествомъ истину постигнутой имъ догмы.

Новая фаза въ развитіи Августина всего сильнѣе отразилась на роли, которую онъ отвелъ въ своемъ обращеніи—философіи. Благодѣтельное ея вліяніе въ его жизни померкло для него при яркомъ свѣтѣ божественной благодати, засіявшей для него многіе годы спустя послѣ его крещенія.

Въ самой „Исповѣди" и въ сочиненіяхъ, написанныхъ послѣ крещенія, сохранились, однако, слѣды того сильнаго вліянія, которое философія на самомъ дѣлѣ имѣла на него.

Это вліяніе мы замѣчаемъ уже съ первыхъ словъ „Исповѣди". Основнымъ положеніемъ Платоновской философіи было признаніе безсмертія души и отсюда выводъ, что душа человѣка существовала уже до его рожденія на землѣ. Этимъ объяснялъ Платонъ способность души человѣка постигать божественныя истины—душа *вспоминала* о нихъ. Въ періодъ своего увлеченія платонизмомъ Августинъ вполнѣ раздѣлялъ это ученіе [2]), и въ началѣ „Исповѣди" мы находимъ слѣды его.

Какое болѣе торжественное начало можно было дать этой „Исповѣди": „Ты, Господь, вѣченъ и нѣтъ ничего въ Тебѣ смертнаго; Ты *былъ* до начала вѣковъ и до всего, о чемъ можно сказать, что оно *когда-то* было; Ты господинъ всего, что Ты создалъ; въ Тебѣ неизмѣнныя причины всѣхъ вещей, подлежащихъ измѣненію; въ Тебѣ вѣчный разумъ (Платоновскія идеи) всего, что неразумно и преходяще! Скажи же мнѣ, молящему Тебя, Господь, полный милости, скажи мнѣ (misericors misero), предшествовало ли моему минувшему младенчеству иное бытіе, или мое существованіе началось въ утробѣ моей матери? *былъ* ли я

[1]) См. объ этомъ замѣчательную статью Лооса въ III изд. „Богословской Энциклопедіи" Герцога, заключающую въ себѣ выясненіе этого важнаго вопроса. Сочиненіе de div. quaest. — относятъ къ 396-7. Его время опредѣляется тѣмъ, что въ предпроводительномъ письмѣ къ Симпліціану Августинъ еще не упоминаетъ о смерти ихъ общаго друга, архіепископа Амвросія, умершаго въ 397 году.

[2]) См. Soliloq, II, 20, 35, и 20, 34. De Quant. An., Въ своихъ *отреченіяхъ* Августинъ осуждаетъ эти мѣста.

гдѣ-нибудь раньше и *былъ* ли кѣмъ-нибудь? ибо у меня нѣтъ никого, кто могъ бы мнѣ это сказать".

Каясь словами псалмопѣвца въ своей грѣховности, Августинъ продолжаетъ: „И все же позволь мнѣ обратиться къ Твоему милосердію, дозволь мнѣ говорить, ибо не съ человѣкомъ я говорю, который будетъ смѣяться надо мною; вѣдь я только то хочу сказать, Господь, откуда я сюда пришелъ, въ эту жизнь полную смерти, или лучше *сказать*—въ эту живую смерть?"

Эти слова свидѣтельствуютъ о прошломъ вліяніи философіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ, что это вліяніе миновало и уступило мѣсто христіанскимъ воззрѣніямъ. Бывшій неоплатоникъ, вѣрившій въ существованіе души до рожденія, въ „Исповѣди" рѣшается только на робкій вопросъ: „былъ ли я гдѣ-нибудь раньше и былъ ли я кѣмъ-нибудь?"

Но онъ знаетъ, что съ минуты вступленія въ жизнь онъ былъ всегда предметомъ благодѣяній своего Творца. Первой утѣхой его было молоко матери. „Но ни мать моя, ни кормилица моя не сами наполняли груди свои,—Ты черезъ нихъ давалъ мнѣ дѣтскую пищу".

Такъ начинается первый христіанскій эпосъ, повѣствованіе о земномъ странствованіи и заблужденіяхъ грѣшной души и о ея спасеніи.

Описывая свое младенчество по разсказамъ взрослыхъ и по своимъ наблюденіямъ надъ другими, Августинъ слѣдитъ за постепеннымъ проявленіемъ жизни въ грудномъ ребенкѣ. Появляется въ младенцѣ улыбка, сначала во снѣ, потомъ наяву, появляется еще немощное стремленіе дать выраженіе своимъ желаніямъ, посредствомъ плача, крика и нетерпѣливыхъ движеній, чтобы взрослые исполняли эти желанія. Августинъ разсказываетъ, какъ онъ самъ наблюдалъ зависть въ грудномъ ребенкѣ, который, не умѣя еще говорить, смотрѣлъ, блѣдный и со злобою во взорѣ, на другого ребенка, бравшаго грудь его матери. Это зрѣлище приводитъ его къ восклицанію: „Кто напомнитъ мнѣ грѣхи моего младенчества, ибо никто не свободенъ отъ грѣха предъ Тобою, даже ребенокъ, проживший хоть одинъ день на землѣ: только дѣтскіе члены по слабости безгрѣшны, но не сердце дѣтей.

„Горе грѣхамъ человѣка. Ты слышишь это Господь и жалѣешь о немъ, ибо Ты создалъ человѣка, но грѣха въ немъ не сотворилъ!"

Въ этихъ словахъ—все ядро ученія Августина о грѣхѣ и благодати: это категорическое сужденіе о грѣховности новоро-

женнаго ребенка въ „Исповѣди“ уже предвѣщаетъ неизбѣжную долголѣтнюю борьбу Августина противъ пелагіанства.

Но вскорѣ наступилъ и для Августина возрастъ, когда онъ могъ уже въ самомъ себѣ наблюдать проявленіе порока. Онъ кается, что очень часто обманывалъ дядьку, учителей и родителей изъ любви къ забавамъ: тайкомъ бралъ, что̀ ему нравилось, со стола родителей или изъ кладовой—изъ жадности или чтобы на это купить у другихъ дѣтей ихъ игрушки, которыя ѣдь и имъ доставляли удовольствіе. А играя съ ними, какъ часто онъ обманомъ присвоивалъ себѣ побѣду, самъ побѣждаемый тщеславной жаждой отличиться! Самъ же онъ терпѣть не могъ и жестоко осуждалъ, если уличалъ кого-нибудь изъ товарищей въ томъ, что̀ онъ продѣлывалъ съ другими; если же его самого въ этомъ уличали и осуждали, онъ бывалъ болѣе склоненъ впадать въ ярость, чѣмъ уступать.

Это ли, спрашиваетъ Августинъ, дѣтская невинность?—и затѣмъ указываетъ, что тѣ самыя продѣлки, на которыя пускаются дѣти изъ-за орѣховъ и игрушекъ, съ обманомъ родителей и учителей, впослѣдствіи производятся изъ-за золота, помѣстій и рабовъ, съ обманомъ властей и правительства.

Скоро наступилъ и школьный возрастъ. Августинъ признается, что онъ неохотно учился. Онъ *не понималъ* пользы ученія и, несмотря на это, подвергался частымъ наказаніямъ. „Такъ уже это было заведено предками, проложившими стезю бѣдствій, по которой насъ, бѣдныхъ сыновъ Адама, понуждали идти съ великимъ трудомъ и горемъ“. Особенно казалось обиднымъ маленькому Августину то, что взрослые, и даже сами его родители, желавшіе ему добра, смѣялись надъ нимъ, когда его въ школѣ наказывали.

Съ горечью замѣчаетъ Августинъ, что его такъ строго наказывали за предпочтеніе ученію игры въ мячъ.—Но развѣ не такія же игры то, что̀ взрослые называютъ своими „дѣлами“? и развѣ въ ихъ состязаніяхъ у проигравшихъ желчь не разливается сильнѣе, чѣмъ она проявлялась у него во время его игры въ мячъ?

Осуждая неразумную жестокость въ воспитаніи, Августинъ видитъ, однако, новый грѣхъ съ своей стороны въ непослушаніи родителямъ и учителямъ, и признаетъ, что безъ принужденія онъ не сталъ бы учиться. Но онъ не одобряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ побужденій, изъ которыхъ исходило это принужденіе, ибо своимъ ихъ на желаніе обезпечить дѣтямъ въ будущемъ довольство, которое на самомъ дѣлѣ есть оскудѣніе, и—славу, которая на

самомъ дѣлѣ есть позоръ. Благодѣтелемъ своимъ Августинъ считаетъ лишь Господа, который направилъ на пользу заблужденіе тѣхъ, кто понуждалъ его къ ученію, а его заблужденіями, отвращавшими его отъ ученія, воспользовался для того, чтобы покарать его за ранніе грѣхи.

Но охота къ ученію сама пришла Августину, когда онъ научился грамотѣ и его стали заставлять читать и учить наизусть главную учебную книгу того времени—Энеиду Виргилія—и когда онъ могъ оплакивать Дидону, „покончившую жизнь кровавымъ булатомъ". Но и пробудившаяся въ мальчикѣ охота къ ученію въ глазахъ Августина является новымъ грѣхомъ, ибо для него особенно жалокъ тотъ, кто оплакиваетъ смерть Дидоны, умершей изъ-за любви къ Энею, и не горюетъ о самомъ себѣ. Осуждая тогдашній способъ преподаванія, Августинъ предусматриваетъ, что противъ него поднимутъ крики тѣ, кто этимъ торгуетъ, и обезоруживаетъ ихъ вопросомъ: правда ли, что Эней на самомъ дѣлѣ былъ въ Карѳагенѣ? на что менѣе ученые отвѣтятъ, что это имъ неизвѣстно, болѣе же ученые—сознаются, что это—небылица.

„Грѣшилъ я—добавляетъ Августинъ—тѣмъ, что предпочиталъ эти пустяки болѣе полезнымъ познаніямъ, или, лучше сказать, тѣ любилъ, а эти ненавидѣлъ: ибо одинъ и одинъ—два, два и два — четыре—было для меня ненавистнымъ припѣвомъ; зато деревянный конь, полный вооруженныхъ мужей, пожаръ Трои и сама тѣнь Креузы пріятно ласкали мое суетное воображеніе".

Августинъ самъ удивляется, почему ему было также ненавистно преподаваніе греческаго языка, хотя оно касалось тѣхъ же предметовъ. „И Гомеръ вѣдь искусно сочиняетъ такія басни и доставляетъ суетное удовольствіе, но онъ для меня въ дѣтствѣ былъ горекъ". Августинъ объясняетъ это тѣмъ, что трудность изученія этого языка портила всю прелесть греческихъ поэтическихъ сказаній, и опять-таки потому, что его принуждали угрозами и наказаніями твердить неизвѣстныя ему слова. Плохіе школьные успѣхи въ греческомъ языкѣ имѣли немалое вліяніе на его образованіе. Они задержали его знакомство съ греческой патристикой и философіей, съ которой онъ познакомился позднѣе окольнымъ путемъ чрезъ переводы. Но еще болѣе, чѣмъ нецѣлесообразные пріемы тогдашняго преподаванія, возмущало Августина его вредное вліяніе на нравственность возрастающаго поколѣнія. „О, горе тебѣ, потокъ людского обычая! кто устоитъ противъ тебя? когда же ты изсякнешь? долго ли еще ты будешь ввергать

сыновъ Евы въ великую и страшную пучину?"—восклицаетъ Августинъ по поводу того, что его заставляли читать о „Юпитерѣ громовержцѣ и прелюбодѣѣ". Конечно, онъ ни къ тому, ни къ другому не способенъ, но все это сочинено для того, чтобъ ссылаться на его авторитетъ при подражаніи ему. Но кто изъ учителей въ ихъ ученомъ нарядѣ прислушивается къ трезвому голосу такого же, какъ они, рожденнаго отъ плоти человѣка, сказавшаго: „сочинилъ это Гомеръ и людское перенесъ на бога; я бы предпочелъ, чтобы онъ божественное перенесъ на человѣка". Августинъ добавляетъ къ этимъ знаменательнымъ словамъ Цицерона: „вѣрнѣе было бы сказать, что Гомеръ это сочинилъ, приписывая преступнымъ людямъ божественныя свойства, для того, чтобы преступленія не считались преступленіемъ, и чтобы всякій, ихъ совершившій, могъ думать, что онъ подражаетъ не негодяямъ, а небеснымъ богамъ".

Въ подтвержденіе своей мысли Августинъ приводитъ извѣстную сцену изъ комедіи Теренція, въ которой юноша, подъ впечатлѣніемъ картины, изображавшей Данаю подъ золотымъ дождемъ, заявляетъ о своей готовности подражать Юпитеру. Августинъ прибавляетъ, что онъ осуждаетъ не слова поэта—эти „драгоцѣнные сосуды, но вино заблужденія, которое намъ подносилось въ нихъ опьянѣвшими учителями, и если мы не желали пить его, то подвергались побоямъ, не имѣя возможности взывать къ болѣе трезвому судьѣ".

Школьныя невзгоды содѣйствовали развитію въ Августинѣ религіознаго чувства. „Я встрѣчалъ людей, — говоритъ онъ въ своей „Исповѣди",—знавшихъ Тебя, Господь, и научился у нихъ, по мѣрѣ моего пониманія, что Ты великое существо, которое можетъ незримо для насъ слышать насъ и оказывать намъ помощь. Мальчикомъ я началъ молиться Тебѣ, помощь и прибѣжище мое (пс. 17, 3), и взывалъ къ Тебѣ лепечущимъ языкомъ, прося Тебя съ немалымъ трепетомъ, чтобы мнѣ, мальчику, не досталось побоевъ въ школѣ". Имя Христа, по выраженію Августина, онъ всосалъ съ молокомъ матери; онъ слышалъ и о вѣчной жизни, и однажды, ребенкомъ, сильно страдая отъ болей въ желудкѣ и близкій къ смерти, онъ умолялъ мать, чтобъ она его окрестила. Но припадокъ скоро прошелъ, и крещеніе было отложено. Августинъ сожалѣетъ объ этомъ въ своей „Исповѣди", и полагаетъ, что душа его была тогда бы лучше обезпечена отъ грѣха: онъ не одобряетъ людей, говорящихъ, какъ ему и теперь часто приходится слышать: „Оставьте его, пусть дѣлаетъ, что хочетъ, вѣдь онъ еще не крещенъ"—„Вѣдь не говоритъ же,—

прибавляетъ онъ: — оставьте его, пусть наноситъ себѣ новую рану, вѣдь онъ еще не выздоровѣлъ". Но его мать—объясняетъ онъ—предвидѣла, какія волны искушенія нахлынутъ на него въ юношескомъ возрастѣ, и она желала приберечь это средство для болѣе зрѣлаго возраста.

Опасенія матери скоро оправдались. Школа въ Тагастѣ была начальной школой; слѣдующую ступень обученія представляла школа риторики. Ради нея пришлось отправить маленькаго Августина въ сосѣдній городъ Мадауру. Можетъ быть, подъ вліяніемъ этой школы язычество долго держалось въ Мадаурѣ, и много лѣтъ спустя жители этого города обратились къ бывшему ученику ихъ школы, въ то время уже вліятельному епископу, за содѣйствіемъ въ какомъ-то дѣлѣ,—чѣмъ воспользовался Августинъ для призыва горожанъ въ христіанство, въ то же время величая ихъ своими „родителями". Риторика, это главное искусство увядавшей античной цивилизаціи, преподавалась, конечно, въ Мадаурѣ по старымъ пріемамъ и образцамъ. Между прочимъ, на конкурсѣ была дана задача, „немало встревожившая" Августина, преисполнивъ его честолюбія и вмѣстѣ съ тѣмъ страха потерпѣть позоръ и побои. Надо было произнести рѣчь, выражавшую гнѣвъ и сѣтованія Юноны по поводу того, что другіе боги допустили Энея высадиться въ Италію. Рѣчь должна была передать въ прозѣ слова, которыя Виргилій вложилъ въ уста Юнонѣ, но которыхъ, какъ прибавляетъ Августинъ, она никогда не произносила. Та рѣчь должна была быть признана лучшей, въ которой сильнѣе всего было бы выражено чувство гнѣва и горя, и въ соотвѣтствующихъ словахъ. Краснорѣчивѣйшій изъ отцовъ церкви, конечно, отличился въ этомъ состязаніи. Но этотъ успѣхъ его теперь не радовалъ. Онъ кается въ своей „Исповѣди", что всуе потратилъ на такіе пустяки посланныя ему Богомъ способности. Почему именно ему было суждено — обращается онъ къ Господу — вызвать больше похвалъ, чѣмъ многіе изъ его сверстниковъ и товарищей. „Что мнѣ было до этого? Развѣ все это не дымъ и туманъ? Развѣ не было ничего другого для упражненія моего ума и рѣчи?"

Скоро, на шестнадцатомъ году, вернулся Августинъ изъ Мадауры. Отецъ, цѣня его способности, желалъ, чтобы онъ продолжалъ занятія, и хотѣлъ его послать въ Карѳагенъ, хотя содержаніе тамъ сына превосходило его скудныя средства. Всѣ хвалили за это его отца, говоря, что многіе гораздо болѣе богатые люди не приносили такихъ жертвъ для своихъ дѣтей. Но родной сынъ Патриція иначе судилъ объ этомъ, упрекая отца

въ честолюбіи и въ равнодушіи къ его религіозному развитію, лишь бы онъ сталъ краснорѣчивъ и ученъ. Но сборы сына при скудныхъ средствахъ затянулись, и Августинъ около года провелъ дома безъ всякаго дѣла. Тутъ къ нему и подступили искушенія. Пылкій темпераментъ, вліяніе товарищей и обычное въ этихъ случаяхъ хвастовство толкнули его на путь увлеченій. Отецъ не удерживалъ его; онъ, напротивъ, радовался признакамъ ранней возмужалости сына и мечталъ о его женитьбѣ и о внукахъ. Совсѣмъ иначе отнеслась къ этому мать; она много и откровенно говорила съ сыномъ; особенно просила она его никогда не нарушать святости брака. „Это самъ Господь говорилъ со мною черезъ ея уста; но я не зналъ этого, и все это считалъ бабьими толками. Онъ выражаетъ сожалѣніе, что его тогда не женили, направивъ его страсти на законный путь. Но это помѣшало бы отправленію его въ высшую школу, и потому въ этомъ отношеніи родители были вполнѣ согласны,—отецъ потому, что „вовсе не думалъ о Богѣ“, мать же, наоборотъ, надѣялась, что ученость не только не послужитъ къ ущербу благочестія, но посодѣйствуетъ его приближенію къ Богу.

Къ этому времени бездѣлья относится случай, разсказанный Августиномъ, важный не самъ по себѣ, но по тѣмъ разсужденіямъ, на которыя онъ его вызвалъ. Невдалекѣ отъ отцовскаго виноградника стояло грушевое дерево, покрытое обильными плодами, но не заманчивыми ни видомъ, ни вкусомъ. И тѣмъ не менѣе, однажды компанія молодежи, въ которой участвовалъ Августинъ, поздно засидѣвшись за своими забавами, отправилась въ ненастную ночь къ этому дереву; они сбили съ него и унесли съ собою громадное количество грушъ, которыя они не стали ѣсть, а кинули свиньямъ.

Принося въ этомъ покаяніе, Августинъ восклицаетъ: „Предъ Тобою, Боже, сердце мое,—пусть оно скажетъ, чего оно тамъ искало; пусть оно Тебѣ скажетъ, что я всуе поступилъ дурно и что причины моего злодѣянія не было иной, какъ любовь ко злу (malitia). Гадка была она, но я любилъ ее; мнѣ нравилась гибель моя, мнѣ нравилась грѣховность моя, и не то, чего ради я грѣшилъ, а самый грѣхъ мой мнѣ былъ любъ“.

Этотъ случай наводитъ Августина на глубокій вопросъ о происхожденіи зла и грѣха въ человѣкѣ.

Перебравъ всевозможные предметы, которые могутъ привлекать человѣка, онъ замѣчаетъ, что когда доискиваешься причины какого-нибудь преступленія, то считаешь вѣроятнымъ только такое объясненіе, которое предполагаетъ желаніе пріобрѣсти какой-либо

изъ такихъ предметовъ, или страхъ лишиться его. Даже про того человѣка, котораго называли выше всякой мѣры злымъ и жестокимъ, сказано, что онъ проявлялъ эти качества ради того, чтобы „рука не отвыкала и духъ не ослабѣвалъ". Значитъ, даже самъ Катилина былъ злодѣемъ изъ любви не къ злодѣйствамъ, а къ тому, ради чего онъ ихъ совершалъ.

„Такъ что же—спрашиваетъ Августинъ—было для меня привлекательнаго въ этомъ воровствѣ? Ибо если я и отвѣдалъ отъ этихъ грушъ, то вкусными ихъ сдѣлало для меня лишь самое воровство".

Очевидно, этотъ случай потому такъ занималъ Августина, что онъ для него представлялъ аналогію съ исконнымъ фактомъ грѣховной исторіи человѣчества и могъ служить ему объясненіемъ грѣхопаденія. Анализируя описанный имъ фактъ, Августинъ сводитъ его на высокомѣріе, на стремленіе равняться съ Господомъ („*уподобиться Богу*", какъ говорилъ змій Евѣ). „Такъ что же для меня было привлекательнаго въ этомъ воровствѣ?—еще разъ восклицаетъ Августинъ.—Въ чемъ я пожелалъ поровняться съ своимъ Господомъ, хотя бы и грѣховно и превратно? О, великій порокъ, извращеніе жизни и глубина смерти! Захотѣлось того, что было запрещено, захотѣлось лишь изъ-за того, что оно было воспрещено!"

Но Августинъ указываетъ помимо этическаго еще на другой мотивъ—психологическій. Онъ признается, что одинъ никогда бы этого не сдѣлалъ, его увлекало товарищество. Если бы его привлекалъ вкусъ плодовъ, онъ бы и одинъ пошелъ за ними. Очевидно, удовольствіе заключалось въ „товариществѣ сообща грѣшившихъ" (consortium simul peccantium). Это, такъ сказать, первый проблескъ изученія коллективной психологіи, психологіи толпы. Углубляясь въ психическое вліяніе сообщества, Августинъ указываетъ на то, что человѣкъ въ одиночествѣ рѣдко смѣется и въ заключеніе восклицаетъ: „О, враждебная въ своемъ вліяніи дружба, непрослѣдимое искушеніе духа, возникающая изъ забавы и шутки страсть нанести вредъ, жажда чужого ущерба безъ всякой для себя выгоды и безъ всякой вражды, лишь потому, что сказано: *пойдемте, сдѣлаемте!* стыдишься не быть бевстыднымъ!"

„Кто разрѣшитъ мнѣ—заключаетъ Августинъ—эту сложную загадку? Она не красива, и я не хочу вникать въ нее. Я удалился отъ Тебя, мой Боже, въ моей юности и слишкомъ долго блуждалъ вдали отъ Тебя".

II.

Наконецъ, Августинъ попалъ въ Карѳагенъ. Со свойственнымъ ему пыломъ кинулся онъ въ новую для него жизнь большого города. Августинъ начинаетъ исторію своего пребыванія въ Карѳагенѣ, нравы котораго съ такимъ ужасомъ описалъ современный ему марсельскій пресвитеръ Сальвіанъ—словами: „Я прибылъ въ Карѳагенъ, и со всѣхъ сторонъ меня обступилъ омутъ преступной любви; я еще не любилъ, но любилъ любовь; я искалъ, что полюбить, люби любовь; любить и быть любимымъ было для меня слаще при обладаніи предметомъ любви, и тогда покрытая гноемъ душа моя бросилась въ міръ плоти, жаждущая соприкосновенія съ чувственной матеріей; но если бы въ явленіяхъ плоти не было души, они не могли бы быть предметомъ любви".

Мы видимъ, какъ строго Августинъ относился къ шалостямъ своего дѣтства; онъ имѣлъ цѣлью выставить на видъ прирожденную человѣку склонность къ грѣху. Понятно, что онъ въ своей „Исповѣди" еще безпощаднѣе каралъ себя за увлеченія своей юности, тѣмъ болѣе, что ему труднѣе всего было побороть въ себѣ чувственность, и въ ней онъ видѣлъ главное зло въ человѣкѣ. Поэтому не удивительно, что страстныя самообличенія Августина подали многимъ поводъ преувеличивать мѣру его юношескихъ страстей. Даже Момсенъ, характеризуя Августина, говоритъ, что во всей древности нѣтъ ничего подобнаго „познаваемому нами изъ „Исповѣди" образу человѣка, упоеннаго сначала дикой оргіей жизни (wildem Lebensaumel), а затѣмъ воспылавшимъ въ немъ религіознымъ энтузіазмомъ". Но „Исповѣдь", думается намъ, не столько отражаетъ въ себѣ африканскую оргію жизни, сколько поражаетъ совершенно невѣдомымъ классической древности аскетическимъ идеализмомъ. Во всякомъ случаѣ, блужданія Августина были очень непродолжительны.

Его любовь скоро остановилась на женщинѣ, которой онъ сохранялъ преданность до перелома въ его жизни, и такъ какъ у него уже лѣтомъ 372 года родился сынъ, то это показываетъ, какъ кратковременно была у него пора страстей, которыя онъ такъ ярко описываетъ. Конечно, съ точки зрѣнія, которую Августинъ усвоилъ себѣ послѣ своего обращенія, и эта связь была грѣховна; но римское законодательство признавало за моногаміей, въ которую вступилъ Августинъ, юридическій характеръ, обезпечивая до нѣкоторой степени наслѣдственныя права дѣтей отъ

такой связи, не предоставляя, впрочемъ, женѣ званія и гражданскихъ правъ мужа и допуская легкое и произвольное расторженіе связи [1]).

Другимъ искушеніемъ въ Карѳагенѣ были для Августина театральныя зрѣлища. Ничто такъ не было противно въ языческую эпоху христіанамъ, какъ театры и цирки, полные языческихъ образовъ и воспоминаній о мученикахъ. Ничто потомъ не вызывало такого негодованія со стороны христіанскихъ моралистовъ, какъ эти очаги земныхъ страстей и школы разврата. Можно себѣ, однако, представить, какое сильное впечатлѣніе производили античныя драмы, разыгранныя хорошими актерами, на юношу Августина, такъ недавно еще проливавшаго слезы надъ судьбою Дидоны.

Но въ своей „Исповѣди“ онъ съ неодобреніемъ анализируетъ чувства, влекущія людей смотрѣть драмы, которыя никто бы изъ нихъ не хотѣлъ самъ пережить. Ему кажется страннымъ, что люди извлекаютъ изъ театральныхъ зрѣлищъ скорбь, и что самая скорбь доставляетъ имъ удовольствіе! Развѣ это не жалкое безуміе? Если имъ самимъ приходится испытывать страданія, они называютъ это бѣдствіемъ (miseria); если же сострадаютъ другимъ, то это называютъ состраданіемъ (misericordia); но какое же можетъ быть состраданіе въ вымышленныхъ случаяхъ? вѣдь зритель приглашается не для того, чтобъ оказать кому-либо помощь, но чтобъ вынести страданіе, и онъ тѣмъ благосклоннѣе къ актеру, чѣмъ сильнѣе тотъ заставилъ его страдать! Если же эти былыя или вымышленныя бѣдствія такъ представлены на сценѣ, что зритель не испытываетъ страданія, онъ скучаетъ и уходитъ съ укоромъ; если же страдаетъ, то внимательно слушаетъ и доволенъ!

Итакъ, слезы и страданіе доставляютъ удовольствіе. Но, можетъ быть, удовольствіе доставляетъ въ этомъ случаѣ не страданіе, а состраданіе? Августинъ оговаривается, что онъ осуждаетъ не состраданіе, а вредные для души мотивы его. Онъ самъ и теперь не лишенъ состраданія; но тогда ему въ театрѣ доставляло удовольствіе, когда любящіе достигали своей цѣли съ помощью преступленій, и онъ огорчался, если они лишались другъ друга; въ обоихъ же случаяхъ онъ испытывалъ удовольствіе. Теперь же онъ жалѣетъ того, кто можетъ находить удовольствіе въ зрѣлищѣ преступленія, хотя бы и вымышленнаго, и онъ считаетъ истиннымъ лишь такое состраданіе, которое предпочитаетъ, чтобы не было и поводовъ къ страданію.

---

[1]) Loos—Августинъ въ Herzog: Theol. Encycl.

Искушеніемъ признавалъ Августинъ въ своей „Исповѣди“ и самыя занятія свои въ области риторики, въ виду злоупотребленія ею въ процессахъ форума — у него навсегда осталось въ виду этого недовѣріе къ адвокатскому краснорѣчію. Но онъ самъ скоро занялъ видное мѣсто „въ школѣ риторовъ“ и „кичился высокомѣрно“.

Среди всѣхъ этихъ искушеній скоро проснулся прирожденный Августину идеализмъ. Поводомъ къ этому послужила недошедшая до насъ книга Цицерона.—„Гортензій“, которой онъ приписываетъ происшедшую въ немъ перемѣну. Онъ отмѣчаетъ, что онъ эту книгу купилъ на деньги, присланныя ему матерью. Ему было тогда 19 лѣтъ, отецъ его уже два года предъ тѣмъ умеръ, но онъ получилъ возможность остаться въ Карѳагенѣ, благодаря поддержкѣ Романіана, богатаго гражданина Тагастэ.

Книга Цицерона, „языкомъ котораго почти всѣ восхищаются болѣе, чѣмъ его образомъ мысли“,—должна была послужить Августину стилистическимъ образцомъ, но „не языкъ“, а содержаніе книги имъ овладѣло.

„Гортензій“ заключалъ въ себѣ, по словамъ Августина, наставленіе къ философіи; почти всѣ философскія системы были въ этой книгѣ указаны и разобраны; Августинъ, однако, находилъ наслажденіе не въ изложеніи той или другой философской школы, „а только въ томъ, что это наставленіе возбуждало въ немъ и зажигало любовь къ самой мудрости и желаніе любить ее, ея искать и достигнуть, ее крѣпко обнять и удержать“.

Описывая впечатлѣніе, которое на него произвелъ „Гортензій“ Цицерона, Августинъ говоритъ: „Эта книга преобразила мое сердце и обратила къ Тебѣ самому, Господи, молитвы мои, и измѣнила мои помыслы и желанія; опостыла для меня вдругъ всякая суетная надежда, и я жаждалъ съ невѣроятною страстью безсмертной мудрости, и сталъ я подниматься, чтобы вернуться къ Тебѣ“.

„Какъ я пылалъ, Богъ мой, какъ я пылалъ желаніемъ подняться надъ всѣмъ земнымъ къ Тебѣ!“—говоритъ онъ далѣе и восклицаетъ словами Іова:—„ибо у Тебя мудрость“; философія же значитъ лишь любовь къ мудрости. Эти слова вѣрно выражаютъ позднѣйшій взглядъ Августина, но до этого сознанія ему было еще далеко. Между нимъ и тѣмъ Богомъ, къ которому обращались въ „Исповѣди“ молитвы, стало—и долго стояло — манихейство.

Что же такое манихейство и чѣмъ оно привлекло къ себѣ Августина?—Не входя здѣсь подробно въ разсмотрѣніе перваго вопроса, мы должны, однако, на немъ остановиться для выясненія второго вопроса. Самъ Августинъ относится въ своей „Испо-

вѣди" уже вполнѣ отрицательно къ манихейству и выставляетъ на видъ лишь слабыя и нелѣпыя стороны этого ученія, а это можетъ вызвать недоумѣніе, чѣмъ же такое ученіе могло прельстить Августина?

Манихейство, какъ своей космологіей, такъ и своей этикой, коренилось въ религіи Зороастра. И оно также объясняло происхожденіе міра изъ борьбы двухъ началъ, свѣта и тьмы, и призывало человѣка къ служенію первому изъ нихъ. Но оно пошло далѣе и изъ своего этическаго дуализма вывело аскетизмъ, дошедшій, какъ въ буддизмѣ, до отрицанія самой жизни. Находясь въ сферѣ дѣйствія христіанства, манихейство заимствовало изъ него представленія о Богѣ, о Христѣ и о св. Духѣ, но отвело Христу какое-то фантастическое, служебное мѣсто въ міровой борьбѣ добра со зломъ, и отождествило Параклета съ основателемъ секты—Манесомъ.

Сохранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ древнія представленія парсизма о благотворномъ значеніи небесныхъ свѣтилъ, манихейство представляло странную смѣсь матеріалистическихъ и этическихъ убѣжденій. Происхожденіе жизни во всѣхъ органическихъ существахъ—отъ растенія до человѣка—объяснялось тѣмъ, что частица свѣта была захвачена царствомъ тьмы. Жизнь, такимъ образомъ, представлялась плѣненіемъ свѣтлаго начала, а смерть—его освобожденіемъ. Отсюда—цѣлый рядъ этическихъ требованій, въ особенности воздержанія, для того, чтобы не быть виновникомъ новаго плѣненія свѣтлой частицы въ оковахъ міра. Въ то же время манихеяне сохранили отъ временъ Зендавесты суевѣрное уваженіе къ жизни, доходившее до того, что они считали грѣхомъ не только убивать животныхъ для пищи, но даже воспрещали „совершеннымъ" снимать плоды или рвать овощи для пищи.

Когда Августинъ сошелся въ Карѳагенѣ съ манихеянами, онъ былъ очень молодъ. Его литературно-риторическое образованіе лишало его возможности критически относиться къ нхъ космологическимъ бреднямъ. Его подкупала самоувѣренность, съ которой они постоянно толковали объ „истинѣ", причемъ ихъ организація давала имъ возможность обнадеживать непосвященнаго, что онъ постепенно познаетъ истину; манихеяне различали въ своей средѣ „послушниковъ" (auditores) и „избранныхъ", или вполнѣ посвященныхъ, признавая обязанностью первыхъ служить вторымъ. Кромѣ того, у него оказались точки соприкосновенія съ манихеянами. Послѣдніе отвергали Ветхій Завѣтъ, находя заключавшіяся въ немъ повѣствованія о жизни патріарховъ, въ

особенности о ихъ многоженствѣ, недостойными божественнаго памятника; Августина же отталкивало отъ него его классическое образованіе и его увлеченіе риторикой. Чрезвычайно затрудняло тогда Августина понятіе о Богѣ; онъ никакъ не могъ подняться къ представленію о Немъ, какъ о существѣ, стоящемъ внѣ матеріальнаго міра и сотворившемъ его; при такихъ условіяхъ онъ относился снисходительно къ пантеистическимъ представленіямъ манихеянъ. Но всего сильнѣе привлекалъ къ манихеямъ Августина начавшій въ немъ развиваться этическій идеализмъ. При всей страстности своей натуры онъ сталъ чувствовать раздвоеніе въ себѣ, желаніе подняться надъ чувственнымъ міромъ: ученіе манихеянъ, что цѣль индивидуальной жизни есть усовершенствованіе, стремленіе къ истинѣ, которое достигается путемъ освобожденія души отъ оковъ плоти, вдохновляло его на подвигъ; а ихъ ученія о двойственности въ натурѣ человѣка, о борьбѣ въ немъ двухъ противоположныхъ началъ зла и добра утѣшало Августина. Онъ находилъ успокоеніе въ мысли, что не онъ самъ, не *его* воля, есть источникъ зла, а чуждая ему, враждебная сила его плоти.

Девять лѣтъ находился Августинъ—по его признанію—подъ вліяніемъ манихеянъ—съ 19-го по 28-ой годъ; насколько онъ проникся ихъ убѣжденіями, мы не знаемъ, но что сближеніе съ ними было очень тѣсное, объ этомъ мы можемъ судить по нѣсколькимъ даннымъ. У Августина былъ товарищъ дѣтства и школы, съ которымъ онъ послѣ близко подружился; ихъ тѣсно соединяла общность стремленій. Этого друга—Августинъ его не называетъ—онъ совратилъ въ манихейство. Другъ этотъ сильно заболѣлъ горячкой. Когда онъ лежалъ въ забытьи, близкій къ смерти, надъ нимъ совершили обрядъ крещенія. Августинъ не придалъ этому значенія, полагая, что убѣжденія, которыя онъ въ него вселилъ, превозмогутъ въ его душѣ вліяніе обряда, которому онъ подвергся въ безсознательномъ состояніи. Больной, однако, пришелъ въ себя и, казалось, выздоровѣлъ; при первой возможности Августинъ, не отходившій отъ его постели, сталъ подшучивать надъ его крещеніемъ, въ надеждѣ, что и тотъ присоединится къ шуткамъ. Но тотъ пришелъ отъ него въ ужасъ, какъ отъ врага, и сталъ съ неожиданною рѣшительностью требовать отъ Августина, чтобъ онъ прекратилъ этотъ разговоръ, если хочетъ быть его другомъ. Августинъ смутился и замолчалъ, отложивъ свою попытку повліять на него до полнаго возстановленія силъ. Но больной скончался отъ новаго приступа горячки во время отсутствія Августина.

И помимо этого Августинъ въ своемъ кружкѣ не разъ отстаивалъ манихейство: однажды, во время споровъ объ этомъ предметѣ, его другъ Небридій выставилъ доводъ противъ манихейскаго дуализма, тогда уже произведшій сильное впечатлѣніе на Августина и другихъ слушателей:—Зачѣмъ было началу свѣта вступать въ борьбу съ началомъ тьмы? Если начало тьмы въ состояніи въ этой борьбѣ нанести ущербъ началу свѣта, то послѣднее не можетъ считаться божественнымъ; если же оно божественно, то ни оно само, ни его эманаціи не могли быть побѣждены, плѣнены, осквернены силами тьмы, чтобъ нуждаться въ освобожденіи и спасеніи. Лишь впослѣдствіи Августинъ призналъ эту аргументацію достаточною для освобожденія души отъ гнета манихейства.

Насколько Августинъ поддался манихейству и удалился отъ христіанства, можно судить по его разрыву изъ-за этого съ матерью. Когда онъ возвратился въ Тагасте, она не позволила ему жить у нея и раздѣлять съ нею трапезу изъ-за „богохульственныхъ заблужденій“ его. Но ее утѣшило и примирило съ сыномъ сновидѣніе, которое она имѣла. Печальная и убитая горемъ, она стояла у деревяннаго столба и увидѣла подходившаго къ ней юношу въ сіяніи, весело улыбавшагося ей. Онъ спросилъ ее о причинѣ ея скорби и ежедневныхъ слезъ, и узнавъ, что она оплакиваетъ потерю сына, велѣлъ ей успокоиться и внимательно осмотрѣться — и тогда она увидитъ, что сынъ ея стоитъ тамъ, гдѣ и она, что на самомъ дѣлѣ она и увидѣла. Когда мать разсказала Августину про это сновидѣніе, онъ пытался истолковать сонъ въ томъ смыслѣ, что и она будетъ раздѣлять его убѣжденіе; но мать не замедлила возразить: „Нѣтъ, мнѣ не было сказано, гдѣ онъ—тамъ и ты,—а гдѣ ты, тамъ и онъ“.

Не вполнѣ успокоившись, мать обращалась съ просьбой ко всѣмъ, кого она считала способнымъ переубѣдить сына. Такъ она обратилась и къ одному епископу, начитанному въ св. Писаніи, съ просьбою вступить въ пренія съ сыномъ и опровергнуть его заблужденія. Епископъ отказывался, находя, что ея сынъ слишкомъ увлеченъ новизной ереси и въ своей самоувѣренности неподатливъ на совѣты, смущая съ своей стороны, по ея же словамъ, многихъ неопытныхъ коварными вопросами. „Оставь его,—прибавилъ онъ,—только моли о немъ Господа; посредствомъ чтенія онъ самъ убѣдится въ ихъ заблужденіяхъ и ихъ нечестіи“. И въ утѣшеніе онъ разсказалъ ей, что его самого мать въ дѣтствѣ отдала манихеянамъ, и онъ не только перечиталъ всѣ ихъ книги, но и переписывалъ ихъ для нихъ, и однако безъ всякаго

вліянія со стороны убѣдился, какъ надо остерегаться этой секты и удалился отъ нея. Когда же мать Августина не переставала упрашивать и обильными слезами старалась убѣдить его, чтобы онъ повидался съ ея сыномъ и вступилъ съ нимъ въ пренія, епископъ почти съ сердцемъ сказалъ ей: „Ступай себѣ; по истинѣ, сынъ, внушающій такія слезы, не можетъ погибнуть". И мать потомъ часто вспоминала объ этихъ словахъ, которыя она приняла, какъ голосъ съ неба. Окончивъ—по современному выраженію—курсъ риторики въ карѳагенской высшей школѣ, Августинъ вернулся въ свой родной городъ и сдѣлался тамъ учителемъ риторики, предмета, который, какъ мы видѣли, въ Тагастѣ не преподавался. Онъ жилъ въ это время въ домѣ Романіана и сблизился тамъ съ родственникомъ Романіана, молодымъ Алипіемъ, съ которымъ его потомъ всю жизнь связывала тѣсная дружба. Но „дороже всего дорогого въ жизни" былъ для него тогда тотъ молодой человѣкъ, котораго онъ совратилъ въ манихейство. Съ его смертью жизнь въ Тагастѣ стала для Августина невыносима. Прекрасный памятникъ поставилъ Августинъ своему безыменному другу, описывая свое горе и размышляя о понесенной утратѣ: „Какимъ горемъ омрачилось сердце мое! вездѣ кругомъ себя я видѣлъ только смерть; родина стала для меня мученіемъ, а отцовскій домъ невыносимымъ; все, въ чемъ онъ принималъ участіе вмѣстѣ со мною, стало для меня источникомъ невыразимаго горя. Вездѣ искали его глаза мои, а онъ не являлся и я возненавидѣлъ все кругомъ меня, такъ какъ его тамъ не было и мнѣ никто не могъ сказать — вотъ онъ идетъ, — какъ прежде во время его отсутствія. Я сталъ для самого себя загадкой, и когда я спрашивалъ душу свою, почему она такъ печальна и такъ смущаетъ меня, я не получалъ отвѣта. И когда я ей говорилъ: надѣйся на Господа, она не слушала меня, и была права, ибо истиннѣе и лучше былъ дорогой ей человѣкъ, котораго она утратила, чѣмъ тотъ призракъ, на котораго ей совѣтовали уповать. Однѣ слезы были мнѣ сладки, и только онѣ остались мнѣ послѣ друга, утѣхи души моей".

Мучителенъ былъ для Августина, кромѣ самаго горя, и тотъ разладъ, который оно вызвало въ немъ. Ему опротивѣла жизнь, даже дневной свѣтъ сталъ для него невыносимъ, — и въ то же время онъ чувствовалъ, что эта ненавистная жизнь ему дороже, чѣмъ другъ, котораго онъ потерялъ; онъ не зналъ, согласился ли бы онъ отдать за друга свою жизнь, какъ по преданію — если оно вѣрно — Орестъ и Пиладъ хотѣли умереть другъ за друга; но въ немъ пробудилось какое-то чувство, которое этому

воспротивлялось, и такъ же тяжко, какъ отвращеніе въ жизни, его угнеталъ страхъ смерти. Ему казалось, что тѣмъ сильнѣе онъ любилъ друга, тѣмъ болѣе онъ ненавидѣлъ смерть, унесшую его, какъ самаго жестокаго врага. Онъ удивлялся, что другіе люди живутъ, когда тотъ, котораго онъ любилъ вѣчною любовью, умеръ, и онъ еще болѣе удивлялся тому, что онъ самъ живетъ послѣ смерти того, кто былъ его другимъ „я". „Мнѣ была ужасна жизнь,— говоритъ Августинъ,—потому что я не хотѣлъ на половину жить, и я потому, можетъ быть, боялся умереть, чтобы не умеръ со мною всецѣло тотъ, кого я такъ сильно любилъ". Мучило Августина и то, что онъ не находилъ успокоенія въ религіи. Онъ зналъ, что найдетъ тамъ облегченіе и исцѣленіе, но онъ не хотѣлъ искать его тамъ и не могъ (non volebam et non valebam), тѣмъ болѣе, что—такъ обращается онъ въ своей „Исповѣди" къ Богу—„Ты не былъ для меня нѣчто опредѣленное и прочное. Не Ты это былъ, когда я размышлялъ о Тебѣ, а суетный призракъ, и мое заблужденіе было моимъ Божествомъ". И когда онъ пытался вознести свою душу къ Божеству, чтобы найти въ Немъ успокоеніе, она витала въ пустомъ пространствѣ и снова подавляла его своимъ горемъ. Августинъ оставался самъ съ собою въ своемъ несчастіи не въ силахъ такъ жить и не въ силахъ найти выхода. „Ибо куда бы сердце мое ушло отъ сердца моего? куда бы я могъ самъ отъ себя бѣжать? вѣдь повсюду я бы послѣдовалъ за собою! И все-таки я бѣжалъ съ родины. Глаза мои не такъ бы стали искать его тамъ, гдѣ не привыкли его видѣть, и изъ Тагасте я удалился въ Карѳагенъ".

Прошли годы. Манихеянинъ сталъ христіаниномъ, и въ своей „Исповѣди" Августинъ разрѣшаетъ мучившую его такъ долго загадку: почему эта скорбь такъ легко овладѣла имъ и проникла въ самую глубь его души?—„Потому—говоритъ онъ, что я излилъ душу мою на песокъ пустыни и полюбилъ смертнаго, какъ будто онъ безсмертенъ"... „Я бѣдствовалъ и бѣдствуетъ всякій, кто связанъ любовью съ преходящими явленіями, и разрывается его сердце, утрачивая ихъ, и онъ чувствуетъ свою бѣдственность, которою онъ страдалъ еще до утраты ихъ".

Теперь Августинъ обрѣлъ ту твердую опору, въ которой душа его находила успокоеніе: „Блаженъ—говоритъ онъ — тотъ, кто любитъ Тебя и друга *въ Тебѣ*, а недруга ради Тебя; ибо только тотъ не теряетъ никого изъ дорогихъ, для кого они всѣ дороги въ Томъ, Кого нельзя утратить".

И начавъ съ проявленія глубокаго человѣческаго горя, Августинъ въ своей эксомологезѣ поднимается до прославленія *Того*,

у Кого человѣкъ находитъ успокоеніе и исцѣленіе: „Куда бы ни обратилась душа человѣка, вездѣ она обрѣтаетъ горе, кромѣ Тебя, хотя бы она нашла прекрасное *внѣ* Тебя". И потому, душа моя, истомленная призраками, *тамъ* уготовь себѣ обитель—и ты ничего не утратишь; *тамъ* снова процвѣтетъ родина твоя и исцѣлятся всѣ недуги твои". Въ заключеніе, Августинъ пытается вознести духъ человѣка на такую высоту, съ которой горе и несовершенство ему должны представиться не только неизбѣжнымъ зломъ, но необходимымъ условіемъ міровой гармоніи. Чѣмъ быстрѣе возникаютъ въ жизни явленія міра, тѣмъ сильнѣе они спѣшатъ къ небытію — таковъ ихъ удѣлъ. Они—части міра, которыя не могутъ существовать одновременно, но, чередуясь и слѣдуя другъ за другомъ, какъ слова въ рѣчи,—они образуютъ жизнь вселенной. И еслибы человѣкъ въ своей плоти былъ способенъ обнять цѣлое и не былъ бы, по справедливой карѣ, обреченъ въ мірѣ на ограниченную роль, онъ захотѣлъ бы, чтобы все настоящее скорѣе миновало для того, чтобы лучше любоваться красотою цѣлаго. И потому Августинъ заканчиваетъ поученіемъ: „Если тебѣ нравятся явленія плоти, то восхваляй за нихъ Господа и любовь свою обрати на Создателя для того, чтобы не навлечь на себя гнѣва тѣмъ, что тебѣ нравится; если ты полюбилъ души, то люби ихъ въ Богѣ, ибо онѣ измѣнчивы и только въ Немъ могутъ найти опору. Все благое, что вы любите,—отъ Него; но насколько оно съ Нимъ—оно сладко, а безъ Него и то, что отъ Него, по справедливости станетъ горькимъ. Нѣтъ покоя, гдѣ вы его ищете; блаженную жизнь вы ищете въ области смерти; нѣтъ ея тамъ, ибо какъ могла бы быть блаженная жизнь тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ жизни?"

Вспоминая о горѣ, испытанномъ при вѣчной разлукѣ съ другомъ, Августинъ приписываетъ свой переѣздъ въ Карѳагенъ нежеланію оставаться тамъ, гдѣ его постигла эта утрата. Въ сочиненіи, написанномъ въ 386 г., Августинъ приводитъ другой мотивъ для своего перемѣщенія въ Карѳагенъ — желаніе болѣе виднаго поприща (illustrioris) для своей дѣятельности.

III.

Вернувшись въ Карѳагенъ, Августинъ втянулся въ свою обычную обстановку и обычныя занятія. Подготовившись въ Тагастѣ, онъ выступилъ теперь въ Карѳагенѣ, этомъ центрѣ африканскаго краснорѣчія, учителемъ „искусства краснорѣчія". „Я

торговалъ—выражается онъ въ своей „Исповѣди“—побѣдоносной болтовней, самъ побѣжденный страстями“. — Онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ: ибо онъ и въ этомъ періодѣ свѣтскаго краснорѣчія ставилъ истину выше успѣха и презиралъ или цѣнилъ искусство риторики лишь какъ средство обезпечить за правдой торжество надъ неправдой. „Я желалъ имѣть добрыхъ учениковъ и безъ обмана научалъ ихъ вводить въ обманъ другихъ не для того, чтобы они губили невинныхъ, но при случаѣ спасали отъ гибели виновныхъ“.

Тѣмъ не менѣе, онъ взиралъ потомъ на свою жизнь въ Карѳагенѣ, какъ на двойное заблужденіе: „Я поддавался соблазну и самъ вводилъ въ соблазнъ, былъ обманываемъ и самъ обманывалъ—открыто въ наукахъ, которыя называютъ благородными (liberales), тайно—подъ покровомъ ложной религіи; высокомѣрный въ наукѣ, суевѣрный въ религіи, тщеславный во всемъ; вездѣ добиваясь суетной популярности; жаждущій рукоплесканій въ поэтическихъ состязаніяхъ и вѣнковъ въ театрѣ, увлекаясь вздорными зрѣлищами цирка и разнузданностью страстей; надѣясь очиститься отъ страстей посредствомъ услугъ такъ называемымъ „избраннымъ“ и „святымъ“, принося имъ пищу для того, чтобы они, вкусивъ отъ нея, давали свободу заключеннымъ въ нихъ ангеламъ и богамъ—для моего спасенія. Вотъ что я продѣлывалъ съ моими друзьями, мною и вмѣстѣ со мною обманутыми. Пусть смѣются надо мною высокомѣрные люди, которые еще не поражены и не сокрушены Тобою, Господи, разрѣши мнѣ лишь исповѣдывать предъ Тобою позоръ мой *во славу Твою* (Пс. 105, 47) и дозволь мнѣ, умоляю Тебя, прослѣдить теперь въ памяти моей все прошлое плутаніе заблужденій моихъ и принести Тебѣ жертву“. Слова Августина о „состязаніяхъ въ поэзіи“ нужно понимать буквально. Оскудѣніе поэтической литературы въ IV вѣкѣ отразилось лишь на качествѣ, а не на количествѣ произведеній; поэзія входила въ составъ „благородныхъ искусствъ“, обязательныхъ для образованнаго человѣка, и отличалась отъ краснорѣчія лишь знаніемъ метрики и умѣньемъ пользоваться отцвѣтшей миѳологіей. Немудрено, что и Августинъ выступилъ участникомъ въ состязаніи на премію за лучшее стихотвореніе, предназначенное для публичнаго произнесенія въ театрѣ. Съ этимъ связанъ эпизодъ, интересный для культурной исторіи того времени и указывающій на силу язычества въ Карѳагенѣ еще въ семидесятыхъ годахъ IV вѣка. Одинъ изъ „гаруспексовъ“, т.-е. гадателей по внутренностямъ животныхъ, прислалъ спросить его, сколько онъ ему заплатитъ за побѣду въ состязаніи? Авгу-

стинъ, относившійся съ отвращеніемъ къ жертвоприношеніямъ животныхъ, отвѣтилъ, что „еслибы даже вѣнокъ побѣдителя былъ изъ вѣчнаго золота, то онъ не дозволилъ бы убить хотя бы *муху* изъ-за своей побѣды". Въ этомъ безусловномъ уваженіи ко всякой жизни нельзя не видѣть вліянія манихейскаго ученія; это уваженіе къ жизни укоренилось въ Августинѣ такъ глубоко, что онъ потомъ всегда ратовалъ противъ смертной казни не только еретиковъ, виновныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, но и простыхъ преступниковъ.

Приводя свой отвѣтъ гаруспексу, Августинъ мотивируетъ его тѣмъ, что тотъ собирался своими жертвоприношеніями обезпечить ему содѣйствіе *демоновъ*, но въ то же время обвиняетъ себя въ томъ, что принесъ демонамъ въ жертву самого себя. Это самообвиненіе было вызвано тѣмъ, что онъ въ это время вѣрилъ въ астрологію и сильно занимался ею. Не честолюбіе и не праздное любопытство, какъ другихъ, привлекали Августина къ астрологіи, которую онъ потомъ презиралъ, какъ суевѣріе и богохульство, но то самое, что̀ увлекло его въ манихейство,—потребность найти оправданіе во внѣшней независимой отъ него силѣ, въ судьбѣ,—противъ укоровъ совѣсти, которые вызывались начавшимся въ немъ разладомъ между его наклонностями и страстями—и пробудившимся въ немъ идеальнымъ стремленіемъ подняться надо всѣмъ этимъ въ область вѣчной мудрости и истины! Августинъ одержалъ побѣду и безъ содѣйствія гаруспекса, и былъ увѣнчанъ самимъ проконсуломъ. Это былъ тогда опытный и уважаемый врачъ. Августинъ сблизился съ нимъ и со вниманіемъ слушалъ его рѣчи, интересныя и серьезныя, безъ фразъ, и полныя живыхъ мыслей. Этотъ старецъ предостерегъ его отъ астрологіи. Узнавъ, что Августинъ посвящаетъ много времени изученію астрологическихъ книгъ, проконсулъ далъ ему совѣтъ бросить ихъ и посвящать время и трудъ болѣе полезнымъ занятіямъ. Онъ разсказалъ ему, что и онъ въ юности изучалъ астрологію и хотѣлъ сдѣлать изъ нея постоянную свою профессію, но потомъ предался медицинѣ, убѣдившись въ суетности астрологіи и не желая, какъ честный человѣкъ, извлекать средства къ жизни изъ обмана другихъ. „Ты же—говорилъ онъ Августину—избралъ риторику средствомъ къ жизни, астрологіей же занимаешься лишь по охотѣ; тѣмъ болѣе ты долженъ мнѣ повѣрить, что это обманъ". Когда же Августинъ его спросилъ, почему такъ часто сбываются предсказанія астрологовъ, проконсулъ сталъ объяснять это чутьемъ судьбы, широко распространеннымъ въ мірѣ. „Какъ часто бываетъ,—говорилъ онъ въ по-

ясненіе,—что вопрошающій, открывъ наугадъ страницу поэта, находитъ въ ней стихъ, замѣчательно соотвѣтствующій обстоятельствамъ дѣла; такъ неудивительно, если душа человѣка, не сознавая, что въ ней происходитъ, высказываетъ не по разсчету, а подъ вліяніемъ какого-то высшаго чутья, то, что вполнѣ подходитъ къ обстоятельствамъ и дѣйствіямъ вопрошающаго".

Интересъ къ астрологіи привелъ Августина къ занятіямъ математикой и астрономіей, входившими въ число „благородныхъ искусствъ",—а отсюда онъ перешелъ къ эстетикѣ. Къ этой области относится первое обнародованное имъ сочиненіе—„О красотѣ и гармоніи", написанное имъ 26-ти или 27-ми лѣтъ въ двухъ или трехъ книгахъ. „Тебѣ это извѣстно, Господь,—восклицаетъ наивно Августинъ въ своей „Исповѣди";—я это забылъ, ибо его у меня нѣтъ и оно, неизвѣстно какъ, пропало".

Сочиненіе это было вызвано вопросами, которые ставилъ Августинъ въ своемъ дружескомъ кружкѣ: что влечетъ насъ къ явленіямъ міра, какъ не красота? что же такое красота? Августинъ сводилъ красоту къ цѣльности, а гармонію—къ соотвѣтствію частей или части къ цѣлому. Такую же математическую подкладку, какъ эстетикѣ, давалъ онъ и этикѣ, сводя добродѣтель на единство, а порокъ на двойственность, т.-е. разладъ. Впослѣдствіи эти опредѣленія его не удовлетворяли. Онъ упрекалъ себя за то, что его духъ былъ направленъ лишь къ тѣлесному: что для него имѣли значеніе лишь *линіи, краски* и *величины*, и что это ему мѣшало постигнуть свойство духа.

Августинъ посвятилъ свое сочиненіе Гіерію, жившему въ Римѣ ритору, прославленному за то, что онъ, будучи сирійцемъ по происхожденію, а по образованію грекъ, въ совершенствѣ овладѣлъ латинскимъ краснорѣчіемъ и былъ очень свѣдущъ во всемъ, что касалось философіи. Августину были извѣстны только нѣкоторыя „слова" его, которыя ему очень нравились. Почему же онъ посвятилъ ему свое сочиненіе? Поставивъ этотъ вопросъ, Августинъ отвѣчаетъ, что онъ ему нравился потому, что другіе люди его чрезвычайно хвалили, и слѣдовательно онъ его полюбилъ больше за расположеніе къ нему тѣхъ, кто его расхваливалъ, чѣмъ за то, что вызывало эту похвалу. Ибо еслибы эти самые люди вмѣсто хвалы порицали его, онъ не воспылалъ бы такимъ расположеніемъ къ нему, хотя бы лицо осталось то же самое и заслуги его были бы тѣ же. „Такъ—восклицаетъ Августинъ—любилъ я тогда людей, руководясь людскимъ мнѣніемъ"

„Гіерія—продолжаетъ Августинъ—я такъ любилъ, что очень

желалъ походить на него, и такъ хвалилъ, какъ желалъ бы, чтобы меня хвалили. Того же самаго, однако, — прибавляетъ онъ — нельзя было бы сказать о какомъ-нибудь актерѣ, хотя бы я къ нему относился съ такой же похвалой и расположеніемъ. Ибо я предпочелъ бы остаться совершенно неизвѣстнымъ, чѣмъ пріобрѣсти такую славу, и сдѣлаться ненавистнымъ, чѣмъ заслужить такое расположеніе, какъ актеръ. Какъ объяснить такую неравномѣрность оцѣнки въ одной и той же душѣ? Отчего происходитъ, что я въ другомъ цѣню то, что̀ мнѣ самому противно и ненавистно? Глубокая тайна—человѣкъ!"

Съ полнѣйшимъ разочарованіемъ относится въ „Исповѣди" Августинъ къ попыткѣ снискать одобреніе и поддержку со стороны своего знаменитаго современника: „Я считаю чѣмъ-то важнымъ, если мое *разсужденіе* и мои занятія станутъ извѣстны этому мужу. Еслибы онъ ихъ одобрилъ, они бы еще пуще процвѣли; если же бы онъ ихъ не одобрилъ, моему суетному сердцу, не имѣвшему опоры въ Тебѣ, была бы нанесена глубокая рана. И все-таки я часто и охотно размышлялъ о красотѣ и гармоніи, о чемъ ему писалъ съ удовольствіемъ. Такъ я блуждалъ въ своемъ высокомѣріи и еще не понималъ, что вся суть—въ Твоемъ искусствѣ, Всемогущій, ибо Ты одинъ творишь чудесное".

Съ такимъ же разочарованіемъ взиралъ Августинъ потомъ на всѣ свои успѣхи въ этомъ періодѣ; и мы узнаемъ о нихъ только благодаря разочарованію, съ которымъ онъ о нихъ упоминаетъ. Такъ, мы узнаемъ, что онъ на двадцатомъ году жизни принялся одинъ читать и понялъ сочиненіе Аристотеля „о десяти категоріяхъ", объ изученіи котораго его учитель, карѳагенскій риторъ, и „другіе, считавшіеся учеными, говорили съ надменною важностью"... Товарищи Августина, читавшіе эту книгу съ лучшими профессорами при помощи не только устныхъ комментаріевъ, но и рисунковъ, съ трудомъ ее понимали и не могли ничего ему сообщить, до чего онъ самъ не дошелъ.

„Но къ чему мнѣ это послужило?"—восклицаетъ Августинъ въ „Исповѣди"; онъ признаетъ это даже препятствіемъ для своего богопознанія, ибо, полагая, что все сущее подходитъ подъ общія категоріи, онъ подводилъ подъ нихъ и понятіе о Богѣ, хотя Онъ *Единъ* и *Неизмѣненъ*.

„Къ чему послужило мнѣ—спрашиваетъ далѣе Августинъ,—что я прочелъ и усвоилъ себѣ всю доступную мнѣ литературу благородныхъ искусствъ, будучи негоднымъ рабомъ дурныхъ страстей? Какіе я сдѣлалъ успѣхи въ краснорѣчіи и діалектикѣ, въ геометріи, музыкѣ (теоретической) и ариѳметикѣ, извѣстно Тебѣ,

Господь мой, ибо и быстрота соображенія, и острота разума— Твои дары!"

Основнымъ его заблужденіемъ, изъ котораго онъ выводитъ тщетность всѣхъ своихъ усилій и успѣховъ, все еще было манихейское представленіе о Богѣ, котораго Августинъ принималъ за свѣтлое и безпредѣльное тѣло—такъ сказать, разлитый въ безпредѣльномъ мірѣ свѣтлый эоиръ, а себя—за частицу его.

Но приближался уже для Августина моментъ освобожденія. У него давно уже появились сомнѣнія относительно манихейскихъ доктринъ. Особенно наводили его на сомнѣнія ихъ фантастическія представленія о роли небесныхъ свѣтилъ въ спасеніи человѣка. Августинъ былъ хорошо знакомъ съ вычисленіями астрономовъ, высчитывавшихъ впередъ „сроки и размѣры" солнечныхъ и лунныхъ затменій. Въ области астрономіи господствовали законъ и мѣра; равноденствіе и повороты солнца на зиму и на лѣто совершались съ неизмѣнной точностью, и въ этой области не было мѣста для манихейскихъ мнѳовъ.. Манихеяне же сообщали ему о своихъ мнѳахъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о законахъ, открытыхъ астрономами. Когда Августинъ обращался съ своими недоумѣніями къ манихейскимъ старцамъ, они отвѣчали уклончиво и обнадеживали его, что всѣ его недоумѣнія разрѣшитъ имѣющій прибыть въ Карѳагенъ ихъ ученый епископъ Фаустъ. Долго ожидалъ Августинъ пріѣзда Фауста; наконецъ, какъ онъ самъ отмѣтилъ, на 29-мъ году его жизни пріѣхалъ въ Карѳагенъ тотъ, кто столь многихъ уловилъ въ сѣти своего краснорѣчія.

И Августину онъ понравился, но его интересовалъ не столько драгоцѣнный сосудъ, который ему подносили, сколько его содержаніе. А Августину пришлось услышать лишь давно знакомыя ему вещи, которыми онъ былъ пресыщенъ; онѣ стали для него не лучше оттого, что были лучше сказаны, не истиннѣе оттого, что были краснорѣчиво изложены, и самъ ораторъ не сталъ мудрѣе оттого, что имѣлъ внушительный видъ и благородно выражался. Августинъ убѣдился, что лица, указывавшія ему на Фауста, плохо понимали дѣло и считали его мудрымъ только потому, что наслаждались его рѣчью. Августинъ желалъ, но долго не имѣлъ случая вступить съ Фаустомъ въ бесѣду и высказать ему свои недоумѣнія, но скоро убѣдился, что Фаустъ былъ несвѣдущъ въ наукахъ, за исключеніемъ грамматики, да и ту зналъ не лучше другихъ. Начитанность его ограничивалась нѣсколькими рѣчами Цицерона, очень немногими произведеніями Сенеки и поэтовъ, и нѣкоторыми изъ манихейскихъ сочиненій, получше и по-латыни написанныхъ.

Самъ же Фаустъ оказался честнымъ и искреннимъ человѣкомъ, который не старался вводить Августина въ заблужденіе и открыто признался, что не въ состояніи удовлетворить его любознательности. Кончилось тѣмъ, что Августинъ сталъ самъ его посвящать въ кругъ тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ преподавалъ на каѳедрѣ риторики, и читать съ нимъ тѣ сочиненія, о которыхъ тотъ наслышался, или которыя самъ Августинъ считалъ для него подходящими.

Такъ Августинъ потерялъ всякую надежду добиться истины въ манихействѣ, но не хотѣлъ порвать съ нимъ, пока не найдетъ чего-либо лучшаго.

Съ этимъ переломомъ въ настроеніи Августина совпала и большая перемѣна въ его жизни. Друзья совѣтовали ему переселиться въ столицу имперіи, увѣряя, что его талантъ доставитъ ему тамъ больше выгодъ и почета. Августинъ признавался, что онъ былъ неравнодушенъ къ этимъ соображеніямъ, но что главнымъ и „почти единственнымъ побужденіемъ для него было безмѣрное и позорное своеволіе“ карѳагенскихъ учениковъ; „насильно врываются они въ аудиторію тѣхъ преподавателей, на курсы которыхъ не были записаны, и какъ бѣшеные нарушаютъ установленный въ интересахъ слушателей порядокъ. Съ поразительной дикостью совершаютъ они разныя беззаконія, которыя подлежали бы наказанію, еслибы не терпѣлись обычаемъ“.

Въ Римѣ же, какъ увѣряли Августина знатоки дѣла, школьная дисциплина несравненно лучше поддерживалась, учащіеся были скромнѣе и вовсе не допускались въ аудиторіи безъ разрѣшенія читающаго тамъ профессора. „Чего я самъ не дѣлалъ, будучи ученикомъ,—прибавляетъ Августинъ,—я не хотѣлъ терпѣть отъ другихъ“.

Переѣздъ въ Римъ встрѣтилъ, однако, неожиданное препятствіе—нежеланіе матери Августина отпустить сына. До послѣдней минуты она его удерживала, и даже, когда онъ отправился въ гавань, она сопровождала его съ намѣреніемъ или вернуть его, или отправиться съ нимъ. Августинъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ обману. Онъ съ большимъ трудомъ упросилъ мать провести ночь въ часовнѣ блаженнаго Киприана, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ корабль, и тайкомъ уѣхалъ, оставивъ мать въ слезахъ и молитвахъ о томъ, чтобы Господь не допустилъ его отъѣзда. Упреки, которые себѣ дѣлалъ въ „Исповѣди“ по этому поводу Августинъ, умѣрялись тѣмъ, что во всѣхъ обстоятельствахъ этого дѣла онъ видѣлъ благое дѣйствіе Провидѣнія. Оно направило во благу дикую ярость тѣхъ, кто нарушалъ его по-

кой, суетные помыслы друзей и его собственное стремленіе къ мнимому счастью; оно не услышало слезныхъ молитвъ его матери для того, чтобы исполнить ея самое задушевное желаніе—привести его къ христіанству.

Августинъ нашелъ пріютъ въ домѣ одного изъ манихеянъ, которыхъ въ Римѣ было „множество". Но прежде всего ему пришлось принести дань нездоровому климату этого города. Онъ захворалъ тяжелой болѣзнью и долго находился на краю могилы; тѣмъ не менѣе, онъ не подумалъ въ эти тяжелыя минуты, какъ въ дѣтствѣ, о крещеніи. Онъ былъ дальше отъ христіанства, чѣмъ тогда. Мы узнаемъ по этому поводу, что онъ не вѣрилъ въ спасеніе на крестѣ, такъ какъ, по-манихейски, считалъ Христа эманаціей свѣтлаго начала и не допускалъ воплощенія.

Выздоровѣвши, Августинъ сталъ собирать учениковъ въ домѣ, гдѣ онъ жилъ, и черезъ нихъ началъ пріобрѣтать извѣстность. Но въ Римѣ оказалось другое неудобство со стороны учениковъ для вольнопрактикующаго учителя. Случается, говорили Августину, что молодые люди, чтобы не заплатить гонорара профессору, вдругъ, сговорившись, переходятъ къ другому, не сдержавъ уговора и, изъ жадности къ деньгамъ, пренебрегая справедливостью.

Въ виду этого, Августинъ, узнавъ, что изъ Милана обратились къ римскому префекту Симмаку съ просьбою пріискать для города преподавателя риторики и отправить его туда на казенный счетъ, сталъ добиваться черезъ своихъ знакомыхъ манихеянъ этого мѣста. По прочтеніи пробной лекціи, Августинъ былъ одобренъ Симмакомъ и переселился въ Миланъ.

IV.

Пребываніе въ Миланѣ имѣло рѣшающее вліяніе на дальнѣйшее развитіе Августина. Въ Карѳагенѣ онъ въ теченіе девяти лѣтъ держался манихейства, и его міровоззрѣніе не измѣнялось—здѣсь, въ Миланѣ, онъ пережилъ въ теченіе трехъ лѣтъ, послѣ глубокой душевной тревоги, полнѣйшій кризисъ. Этому содѣйствовали—помимо того, что перемѣна жительства порвала его личныя сношенія съ манихеянами—вліяніе философіи и встрѣча съ однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей христіанства—миланскимъ архіепископомъ Амвросіемъ.

Разочаровавшись въ манихействѣ, Августинъ поддался вліянію философской секты академиковъ, т.-е. скептиковъ. Онъ объ

ясняетъ это тѣмъ, что когда онъ отчаялся найти дальнѣйшее удовлетвореніе въ манихейскомъ ученіи, то сталъ относиться равнодушно даже къ тѣмъ сторонамъ его, которыми онъ думалъ довольствоваться, если не найдетъ ничего лучшаго. И тутъ ему пришла мысль, что самыми умными изъ философовъ были академики, которые утверждали, что надо во всемъ сомнѣваться, такъ какъ человѣку не дано постигнуть истину. Въ другомъ сочиненіи, написанномъ много раньше „Исповѣди", онъ говоритъ: „Когда я освободился отъ манихеянъ, особенно послѣ переѣзда черезъ море, долго управлялъ моей ладьей, боровшейся среди моря со всѣми вѣтрами, академики".

Но еще сильнѣе, чѣмъ общій скептицизмъ, подорвалъ связь между манихействомъ и Августиномъ христіанскій архіепископъ. Къ этому Амвросію явился Августинъ, „не сознавая—говоритъ онъ въ своей „Исповѣди",—что я былъ приведенъ къ нему Тобою, Господи, для того, чтобъ онъ меня сознательно привелъ къ Тебѣ". Интересный моментъ въ исторіи представляетъ собою эта встрѣча двухъ главныхъ учителей ранней католической церкви—могущественнаго архіепископа и полуязыческаго ритора, которые такъ мало понимали другъ друга. Какъ мѣтко изображаетъ Августинъ, съ своей мірской точки зрѣнія, впечатлѣніе, произведенное на него Амвросіемъ! Самъ стремясь къ счастію, онъ считалъ Амвросія „счастливымъ человѣкомъ за почетъ, оказываемый ему высшими властями"; „лишь безбрачіе его казалось мнѣ слишкомъ тяжелымъ удѣломъ".

Съ своей стороны, и Амвросій не оцѣнилъ молодого ритора, но принялъ его „съ отеческою благосклонностью". За это расположеніе „полюбилъ" его Августинъ, но не „какъ учителя истины". Августинъ усердно посѣщалъ проповѣди Амвросія, но, какъ риторъ, желая испытать молву о его краснорѣчіи. Какъ знатокъ дѣла, онъ сопоставлялъ христіанскаго епископа съ манихейскимъ епископомъ Фаустомъ, котораго онъ призналъ пустоцвѣтомъ, и пришелъ къ выводу, что въ краснорѣчіи Амвросія было больше „учености" (eruditior), но краснорѣчіе Фауста было привлекательнѣе и занятнѣе. Содержаніемъ же проповѣдей Амвросія Августинъ вначалѣ не интересовался и относился къ нимъ равнодушно. Но *постепенно* его стало занимать и содержаніе проповѣдей. Его радостно поразилъ принципъ, усердно проводимый Амвросіемъ въ его проповѣдяхъ: что буква *убиваетъ*, *а духъ* животворитъ. Примѣненіе этого принципа къ текстамъ св. Писанія освѣтило послѣднее новымъ свѣтомъ для Августина. Это тотъ самый методъ *аллегорическаго* толкованія, которымъ нѣкогда

стоики пытались внести философскій и этическій смыслъ въ языческую миѳологію. Методъ этотъ былъ уже Филономъ примѣненъ къ Ветхому Завѣту, а затѣмъ—на христіанской почвѣ—Оригеномъ. Съ помощью этого метода, многіе разсказы, дававшіе манихеямъ желанный поводъ подрывать авторитетъ Ветхаго Завѣта,—напр., многоженство патріарховъ, разсказъ о томъ, какъ патріарху Іакову удалось обманомъ присвоить себѣ право первородства и т. п.,—получали символическій или пророческій смыслъ. Въ особенности важно было для Августина, что этимъ методомъ устранялось главное препятствіе, которое находилъ Августинъ на пути богопознанія въ разсказѣ о сотвореніи человѣка. Какъ часто смущали его манихеяне, и потомъ смущалъ онъ самъ христіанъ утвержденіемъ, что если человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божьему, то надо представлять себѣ и Бога въ человѣческомъ образѣ.

Августинъ, признававшій католическую вѣру совершенно беззащитною противъ возраженій манихеянъ, убѣдился, что ее можно смѣло защищать; но то, что она въ состояніи выставить ученыхъ защитниковъ, ему тогда казалось еще недостаточнымъ для того, чтобы послѣдовать за ней. Католическая церковь представлялась ему хотя и не побѣжденной, но далеко еще не побѣдительницей.

Сколько разъ Августинъ, послѣ того какъ передъ нимъ раскрылась эта новая перспектива, желалъ имѣть случай побесѣдовать съ Амвросіемъ, посвятить его въ свои недоумѣнія и получить отвѣтъ на свои вопросы. Но самая общедоступность архіепископа препятствовала этому. Онъ былъ почти цѣлый день окруженъ толпой посѣтителей, обращавшихся къ нему со своими дѣлами. Въ этихъ случаяхъ можно было разсчитывать лишь на краткій отвѣтъ съ его стороны. Немногіе часы отдыха Амвросій проводилъ за чтеніемъ св. Писанія. И тутъ всякій могъ къ нему войти безъ доклада. Сколько разъ Августинъ надѣялся застать его ничѣмъ незанятымъ, но такой случай не представлялся. Когда же Амвросій сидѣлъ, наклонившись надъ св. Писаніемъ, то молча, то читая тихимъ голосомъ, который у него легко уставалъ, Августинъ, хотя и долго у него просиживалъ, не рѣшался нарушить его чтенія или размышленій. Пріѣздъ матери, прибывшей въ Миланъ со вторымъ своимъ сыномъ, Навигіемъ, могъ бы, казалось, содѣйствовать сближенію между Амвросіемъ и Августиномъ. Какъ усердная христіанка, она посѣщала всѣ проповѣди архіепископа, и какъ озабоченная мать обратилась къ нему, какъ нѣкогда къ африканскому епископу, съ мольбой спасти

сына. Августинъ ей сообщилъ, что онъ пересталъ быть манихеянином, но и не сталъ каѳолическимъ христіанином, и очень удивился, что она не обнаружила большой радости. Отъ Амвросія она узнала, что ея сынъ находится въ состояніи того внутренняго броженія, „которое врачи называютъ кризисомъ“, и такъ какъ она уповала, что кризисъ окончится выздоровленіемъ, то она „полюбила архіепископа, какъ ангела Божьяго“.

Тѣмъ болѣе удивительно, что мы ничего не узнаемъ о попыткахъ Амвросія содѣйствовать благополучному разрѣшенію наступившаго кризиса.

Августинъ „почиталъ“ впослѣдствіи „Амвросія какъ отца, потому что черезъ его уста главнымъ образомъ Господь избавилъ его отъ заблужденій“. Несмотря на это, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о сближеніи между ними. Даже крещеніе Августина, воспріемникомъ котораго былъ Амвросій, не содѣйствовало этому. Нѣтъ ни одного сочиненія Августина, посвященнаго Амвросію, ни одного письма къ нему, хотя отъ начала ихъ знакомства до смерти Амвросія прошло тринадцать лѣтъ.

Еще въ Римѣ Августинъ жилъ у манихеянъ, „посѣщалъ ихъ „святыхъ“ и пользовался ихъ протекціей; въ Миланѣ же сталъ удаляться отъ нихъ.

Отдѣлившись окончательно отъ манихеянъ, Августинъ начинаетъ относиться къ нимъ очень сурово. Онъ называетъ ихъ не иначе, какъ „обманутыми обманщиками“, „обманутыми и обманчивыми святошами“. Онъ видитъ въ нихъ людей безумно высокомѣрныхъ, слишкомъ одержимыхъ матеріальными представленіями и краснобаевъ. Имена Христа и Параклета не сходили у нихъ съ языка, но были только на языкѣ. Они все твердили: „истина, истина“, но вмѣсто божественной истины подносили ему лишь солнце и луну, и не могли утолить его жажды истины. Яства, которыя видишь во снѣ, похожи на тѣ, которыя бываютъ наяву, но не питаютъ спящихъ. Подобны этому были призрачныя представленія манихеянъ, не имѣвшія въ себѣ никакой реальности. „Полетъ Медеи“ и подобныя басни, восклицаетъ Августинъ, еще предпочительнѣе „пяти стихіямъ соотвѣтствующимъ пяти пещерамъ мрака“ и другимъ небылицамъ манихеянъ.

Вопросы, которыми манихеяне смущали вѣрующихъ, ему кажутся теперь ребяческими. На направленный противъ авторитета Ветхаго Завѣта вопросъ, можно ли считать праведными людей, которые жили въ многоженствѣ, убивали людей и приносили въ жертву животныхъ,— Августинъ отвѣчаетъ замѣчательнымъ разужденіемъ, заключавшимъ въ себѣ цѣлую философію исторіи.

Онъ указываетъ своимъ бывшимъ единомышленникамъ на истинную справедливость, которая судитъ не по человѣческому обычаю, а руководясь вѣчнымъ закономъ всемогущаго Бога, согласно которому, людскіе нравы слагаются сообразно странамъ и временамъ; лишь невѣжественные люди судятъ и мѣрятъ на свою мѣрку нравы всего человѣческаго рода. „Если въ одномъ мѣстѣ дозволяютъ и даже приказываютъ дѣлать то, что въ другомъ воспрещаютъ и караютъ,—то развѣ отсюда слѣдуетъ, что справедливость различна и измѣнчива? Не она измѣнчива, а времена, которыми она управляетъ, не однообразно протекаютъ, ибо они—*времена*"!..

Въ связи съ нападками манихеянъ на Ветхій Завѣтъ находились возраженія ихъ и противъ Новаго. Они утверждали, что книги Новаго Завѣта искажены людьми, желавшими удержать еврейскій законъ въ христіанской вѣрѣ. Манихеяне высказывали эти обвиненія лишь между собою, не рѣшаясь выступать съ ними публично, но, какъ упрекалъ ихъ Августинъ, никому даже изъ посвященныхъ не предъявляли подлиннаго, т.-е. безъ вставокъ, экземпляра Новаго Завѣта.

Съ особеннымъ негодованіемъ обрушивается Августинъ на извращеніе манихеянами этики. Исходя изъ представленія о двухъ субстанціяхъ, свѣта и мрака, они признавали въ человѣкѣ двѣ воли, добрую и злую, состоявшія въ борьбѣ между собою. Августинъ приводитъ это утвержденіе къ абсурду въ слѣдующемъ разсужденіи. Когда человѣкъ колеблется, идти ли ему въ манихейское собраніе или въ театръ, они восклицаютъ: вотъ проявленіе двухъ субстанцій, одна влечетъ сюда, другая туда; ибо, какъ иначе объяснить колебаніе, вызванное противорѣчіемъ двухъ воль? „Я—замѣчаетъ на это Августинъ—назвалъ бы и ту и другую волю злою", и спрашиваетъ, что бы сказали манихеяне, еслибы кто-либо колебался, идти ли ему въ христіанскую церковь, или въ театръ. Имъ пришлось бы или признаться, что рѣшеніе пойти въ христіанскую церковь—проявленіе доброй воли, или же допустить, что въ одномъ и томъ же человѣкѣ могутъ бороться между собою *двѣ злыя* воли.

Подобнымъ образомъ Августинъ безпощадно обличаетъ противорѣчія и „неясности", въ которыя впадали манихеяне въ примѣненіи принципа состраданія ко всему живому. Онъ прежде вѣрилъ имъ, что когда срываешь фигу съ дерева, то и фига, и самое дерево испускаютъ въ видѣ молочнаго сока *слёзы*, подобныя слезамъ матери и дочери при насильственной разлукѣ Если такую фигу принести манихейскому святому, то это бу-

детъ богоугодное дѣло, такъ какъ, съѣдая ее, этотъ святой въ своихъ молитвахъ испуститъ частицы божественной субстанціи, заключавшейся въ плодѣ; если же дать фигу голодающему человѣку не изъ манихеянъ, то это будетъ достойное казни преступленіе. „И я, несчастный, также полагалъ, что слѣдуетъ относиться съ большимъ состраданіемъ къ плодамъ, чѣмъ къ людямъ, ради которыхъ они произрастаютъ“.

Когда послѣ своего обращенія Августинъ вспоминалъ о манихеянахъ, онъ „проникался жгучей болью и негодованіемъ противъ нихъ, а въ то же время и состраданіемъ“, выражая желаніе, чтобы они могли, незамѣтно для него, слышать слова псалмовъ, произносимыхъ имъ въ молитвѣ.

В. Герье.

КРЕСТЬЯНЕ

РОМАНЪ.

— *Georges Beaume*, Les Jacques. Paris, 1906.

VI. — Жандармы [1]).

Ѣхавшіе изъ города жандармы казались издали совсѣмъ маленькими на своихъ крупныхъ лошадяхъ. Они ѣхали попарно по бѣлой дорогѣ, и ихъ шашки и перевязи сверкали на солнцѣ. Выѣхавъ на проселочную, ведшую къ Незиньяну дорогу, они прибавили рыси. Жандармы неслись прямо на толпу женщинъ и дѣтей, которая все увеличивалась, собираясь между домомъ мэра и лѣскомъ.

Подъ ними дрожала земля, и трепетъ ужаса смутилъ на мигъ толпу любопытныхъ. Крѣпкія, возбужденныя воздухомъ и просторомъ, лошади звонко ударяли о землю копытами, и топотъ ихъ отдавался въ сумрачныхъ домахъ.

Мэръ, для котораго опасность какого бы то ни было риска миновала, вышелъ изъ дому.

Женщины стали его разспрашивать. Откуда явились жандармы? Кто вызвалъ ихъ? Хорошо распорядились, нечего сказать!

— Боже мой, чего же вы хотите? Меня не слушали! Пусть послушаютъ жандармовъ.

— Насъ хотятъ уморить съ голоду.

— Префектъ опасается насильственныхъ дѣйствій. Я исполняю его приказанія. Если я откажусь, меня уволятъ и назначатъ вмѣсто меня военнаго, съ которымъ шутки плохи.

[1]) См. выше: январь, стр. 194.

Скрежеща зубами отъ гнѣва, женщины присоединились къ своимъ сотоваркамъ, все время стоявшимъ въ боевой позиціи на дорогѣ. Онѣ образовали живую стѣну, преграждавшую путь жандармамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ взывали къ небесамъ, другія осыпали ругательствами жандармовъ, поднимавшихся въ гору шагомъ. Потные, запыленные, съ ремешкомъ у подбородка — всѣ жандармы походили другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Сердясь, что ихъ потревожили ради стачки „грязноногихъ", которую они считали вздорною, солдаты злобно кравили ротъ подъ щетинистыми усами и недовѣрчиво сверкали глазами по сторонамъ. Женщины и дѣти не трогались съ мѣстъ и дрожали отъ злобы.

Одна изъ нихъ—Большая-Бобылка, громадная, широкая какъ телѣга, съ таліей подъ мышками, громко выкрикивала, заглушая остальныхъ, слова, звучавшія гордымъ вызовомъ. Ея мужественно-круглое лицо, и безъ того всегда блѣдное, совершенно побѣлѣло подъ бѣлымъ чепцомъ, завязки котораго развѣвались за ея спиною.

— Убирайтесь, жандармы! Это васъ не касается. Мы здѣсь— у себя.

Остальныя женщины вторили ея словамъ, ругая жандармовъ, ихъ женъ и дѣтей, которыхъ онѣ разорвутъ на части въ городѣ, если солдаты нападутъ на народъ, защищающій свои права.

Изъ благоразумія жандармы принуждены были остановиться. Ихъ лошади, возбужденныя близостью незнакомой толпы, фыркали и вздымались на дыбы. Бригадиръ безуспѣшно заговорилъ о снисхожденіи.

Снисхожденіе? Милость? Никто не хотѣлъ и слышать о нихъ! Народъ—не бродяги, не тунеядцы.

Бригадиръ разсердился при мысли, что женщины могутъ остановить его въ исполненіи его долга,—это сдѣлаетъ его смѣшнымъ. Выпрямившись въ сѣдлѣ, онъ закричалъ:

— Въ послѣдній разъ приказываю вамъ пропустить насъ!

Лошади стали прокладывать себѣ дорогу среди разгоряченной, дрогнувшей толпы. Опечаленный мэръ, стоя съ заложенными въ карманы руками, ожидалъ дальнѣйшихъ событій.

— Вотъ и мы!—привѣтствовалъ его бригадиръ.—Ждемъ вашихъ приказаній.

— Что тутъ подѣлаешь? Мужчины ушли съ тѣмъ, чтобы не торгнуться въ чужія владѣнія. Надо выгнать ихъ оттуда. Таково приказаніе г. помощника префекта.

— Слушаю!

— Но, пожалуйста, постарайтесь дѣйствовать возможно мягче.

Отрядъ повернулъ и мѣрною рысью спустился подъ гору,

гдѣ онъ раздѣлился на двѣ группы. Одна направилась къ рѣкѣ, другая—къ Турбу. Опѣшившія было женщины снова принялись клясть богачей, прятавшихся по своимъ погребамъ, и мэра, допустившаго въ ихъ округѣ такое нарушеніе свободы. Онъ попытался успокоить ихъ, уговаривая разойтись по домамъ, но онѣ еще сильнѣе напустились на него, обзывая его измѣнникомъ республикѣ, подлымъ буржуа, плохо скрывавшимъ свою трусливость. Большая-Бобылка повела ихъ въ Турбъ, куда влекла ихъ воля безстрашнаго человѣка—Красной-Головы. Дорогою онѣ видѣли, какъ жандармы ловко пробирались по тропинкамъ, извивавшимся среди полей.

На берегу рѣки крестьяне, не отрываясь, работали въ виноградникахъ. При видѣ жандармовъ они разбѣжались. Жандармы подвигались отъ виноградника къ винограднику, оттѣсняя работавшихъ, которые спѣшили присоединиться къ Красной-Головѣ. Вскорѣ это отступленіе превратилось въ сплошное бѣгство. Всѣ бѣжали въ богатое имѣніе, привлекавшее бѣдняковъ своимъ изобиліемъ; они перекликались на бѣгу и лукаво посмѣивались, гордясь тѣмъ, что произвели революцію въ своемъ Лангедокѣ.

Когда равнина была очищена, жандармы соединились и галопомъ направились къ Турбу, гдѣ добровольцы-рабочіе ожидали ихъ въ молчаніи, не выпуская изъ рукъ своихъ орудій.

Испуганныя смѣлостью мужей, женщины въ суровомъ безмолвіи остановились по-одаль. Жандармы приближались, въ рукахъ бригадира сверкала его шашка.

— Хвастуны! Ослы! Вѣдь сами они изъ крестьянъ!—ворчала Большая-Бобылка.—Они нагоняютъ страху только потому, что у нихъ есть оружіе.

Женщины подхватили ея слова, сопровождая ихъ криками и оскорбительными тѣлодвиженіями.

Вдругъ онѣ изумленно обернулись: прямо отъ деревни отважно бѣжала Жермена. Не отвѣчая на ихъ вопросы, она быстро пронеслась мимо. Избѣгая встрѣчи съ жандармами, она бѣжала черезъ виноградникъ, и онѣ вразбродъ послѣдовали за ней, умышленно топча корни.

Крестьяне, работавшіе на покосѣ, слѣдили за Красной-Головою. Что онъ предприметъ? Онъ ждалъ вопросовъ бригадира, опираясь на заступъ, съ покраснѣвшимъ, полнымъ энергіи лицомъ.

— Г. Вивьяль,—обратился къ нему бригадиръ, назвавъ его по случаю такого выходящаго изъ ряду вонъ событія по фамиліи:—призываю васъ къ повиновенію закону. Вы здѣсь—не на своей землѣ. Прошу васъ удалиться. Вы ведете за собою другихъ.

— Пусть же они слушаютъ меня. Я не уйду. Земля принадлежитъ тѣмъ, кто ее обрабатываетъ.

— Старый разбойникъ!—пробормоталъ вскипѣвшій гнѣвомъ бригадиръ, который не могъ допустить оспариванія своей власти со стороны крестьянина.

Онъ въѣхалъ на поле. Женщины подбирая юбки, мужчины собравъ инструментъ, въ безпорядкѣ отступили, готовясь удирать. Красная-Голова, оставаясь безстрашнымъ, не пошевельнулся. Онъ подпустилъ къ себѣ огромнаго коня, коснувшагося мордою плеча его.

— Уходите, г. Виньяль!—повторилъ бригадиръ.

Крестьяне поколебались, тѣснимые конями, которые, не взирая на старанія всадниковъ ихъ сдержать,—кусались, лягались, обезпокоенные незнакомою толпою оборванцевъ. Съ другой стороны, женщины, укрывшіяся по совѣту Бобылки во вспаханномъ виноградникѣ, выкрикивали ругательства по адресу жандармовъ; онѣ чувствовали себя въ безопасности, зная, что тѣ не рѣшатся пустить лошадей въ виноградникъ среди узловатыхъ корней.

— Исполните вы мое приказаніе, да или нѣтъ?—закричалъ бригадиръ, охваченный дрожью гнѣва, передававшейся и остальнымъ солдатамъ.

Красная-Голова, съ заступомъ на плечѣ, отступилъ послѣднимъ. Онъ оглянулся на товарищей и радостно улыбнулся, увидѣвъ Жермену.

Жандармы спѣшились; двое вели лошадей въ поводу, и отрядъ вступилъ въ виноградникъ; тяжелые сапоги затрудняли шаги солдатъ. Обозленные въ свою очередь, они гнали толпу, крича и грозя ей шашками въ вожжахъ. Возстаніе переходило въ панику, всѣ бѣжали къ усадьбѣ.

Когда они достигли террасы, на ней показался Корнюберъ—спокойный, съ тростью въ рукѣ. Наступила минута колебанія и тревоги.

Хозяинъ отважно шелъ къ нимъ одинъ. Онъ протянулъ руку для того, чтобы водворить спокойствіе. Его выслушали въ благоговѣйномъ молчаніи.

— Бригадиръ, прошу васъ, не прибѣгайте къ насильственнымъ мѣрамъ. Народъ мирно разойдется, я въ этомъ убѣжденъ.

— Нѣтъ, — возразилъ Красная-Голова, — желаете ли вы, г. Корнюберъ, дать намъ работу?

— Кѣмъ вы уполномочены, Красная-Голова?

— Я говорю отъ имени всѣхъ этихъ людей.

— Ну, вотъ я и обращаюсь къ нимъ, къ ихъ здравому смыслу

и совѣсти. Мое достоинство не позволяетъ мнѣ вступать въ переговоры въ виду такихъ безумныхъ манифестацій.

Толпа заревѣла, осыпая хозяина проклятіями. Женщины, обезображенныя злобою, собирались на него кинуться. Бригадиръ изъ осторожности воздерживался отъ вмѣшательства.

Корнюберъ поднялъ трость, готовясь къ защитѣ. Вожди стачки, Желѣзнякъ и Стряпчій, уже напирали на него грудью; Расшибало, крадучись какъ звѣрь, обходилъ его, потрясая тяжелымъ заступомъ, когда Жермена, опираясь одною рукою на плечо Овцы, а другою — на Бобылку, выдвинулась впередъ, и удивленный хозяинъ, узнавъ ее, впервые отступилъ.

— Г. Корнюберъ, простите этимъ людямъ, не желающимъ вамъ зла! — проговорила она, сложивъ руки. Они страдаютъ. Дайте имъ хлѣба. Можетъ произойти несчастье...

— Какъ? Это вы?

Слова Корнюбера затерялись въ шумѣ бури. Толпа рычала отъ злобы противъ него, отъ негодованія противъ Жермены, которую Расшибало оттащилъ ревнивою рукой.

— Нѣтъ,—ревѣлъ онъ, не позволяя Корнюберу прикоснуться къ ней,—не надо намъ прощенія. Мы жить хотимъ!

Жермена отбивалась, готовая кусаться, но ярость бѣдняка удесятерила силы Расшибалы, и онъ увлекъ ее, вмѣстѣ съ другими женщинами, на дорогу, ведшую въ Вальровъ.

Опьяненные схваткою, жандармы перешли въ преслѣдованіе; они били крестьянъ кулаками, шашками плашмя и очистили отъ нихъ виноградникъ.

— Къ домамъ богачей!—крикнулъ Красная-Голова. Озлобленныя уста подхватили этотъ крикъ, и толпа понеслась въ Незиньянъ—за местью и грабежомъ.

Стоя посреди дороги, Корнюберъ съ отвращеніемъ слѣдилъ за шествіемъ „варваровъ“ по этой веселой, залитой солнечнымъ блескомъ дорогѣ. Жилетъ его былъ разорванъ, рубашка разстегнута на груди, на рукахъ онъ чувствовалъ кровь. Онъ весь еще дрожалъ въ огнѣ стыда и гнѣва. Со своимъ нахмуреннымъ лбомъ и полными, судорожно подергивавшимися отъ мстительныхъ мыслей щеками, выдѣляясь на фонѣ плодоносной долины, онъ походилъ на одного изъ своихъ предковъ-крестьянъ, блуждавшихъ въ рубищѣ по большимъ дорогамъ въ поискахъ земли, которою можно было бы завладѣть, одушевленныхъ властолюбіемъ и жадностью.

Онъ видѣлъ, какъ толпа повернула къ Незиньяну. Корнюберъ сумрачно смотрѣлъ вслѣдъ сынамъ той же расы, своимъ

братьямъ, и между тѣмъ какъ смутный страхъ закрадывался въ его гордую душу, онъ невольно искалъ глазами Жермену, которая, освободясь изъ лапъ Расшибалы и слѣдуя позади толпы, имѣла мужество послать ему рукою привѣтъ — въ знакъ надежды и ласки.

VII. — Бобылка.

Копыта коней застучали о землю, какъ барабанная дробь. Ловкіе жандармы, крадучись, выѣхали вновь на большую дорогу и рысью пустились въ Незиньянъ.

Забастовщики уже были на площади, угрожая домамъ богачей. Красная-Голова указалъ прежде всего на домъ Корнюбера, гдѣ съ двумя перепуганными слугами находилась въ это время его мать, но въ сердцахъ людей уже угасла жалость. Толпа выла отъ злобы; за время голодовки у нихъ назрѣла ярость противъ обитателей роскошныхъ жилищъ. Топотъ лошадей смутилъ ихъ, женщины въ безпорядкѣ отступили.

— Эти жандармы все еще здѣсь? — крикнулъ Красная-Голова. — Пусть убираются! Это не ихъ дѣло.

Размахивая шляпой и руками, онъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу, рискуя быть растоптаннымъ, когда его прервалъ раздавшійся сверху голосъ.

Мэръ Жозефъ Рабіоль, болѣе удрученный, чѣмъ когда-либо, снова проповѣдывалъ изъ окна мэріи о кротости, о спокойствіи. Рядомъ съ нимъ виднѣлось длинное желтое лицо и синіе очки мирового судьи, г. Пракса. Его мало знали въ мѣстечкѣ, но уважали въ виду занимаемой имъ должности, стариннаго буржуазнаго рода и безупречной репутаціи любителя-ученаго. Толпа оробѣла при его видѣ, и жандармы выстроились въ боевомъ порядкѣ: спиною къ кварталу бѣдняковъ, лицомъ — къ мэріи.

— Заклинаю васъ, граждане! — вопіялъ мэръ: — водворите порядокъ! Конечно, вы имѣете право протестовать противъ безцеремонности хозяевъ...

— Долой хозяевъ!

— Повремените одинъ денекъ. Мы придемъ къ соглашенію, увѣряю васъ. Если вы будете благоразумны...

— Нѣтъ, нѣтъ! Долой владѣльцевъ!

Тѣмъ не менѣе, чувство растерянности, утомленія — сказывалось въ толпѣ, особенно — среди женщинъ. Слезныя убѣжденія мэра были по душѣ народу, жаждавшему отдыха. Но судья замѣтилъ, что вожди стачки переходятъ отъ одного къ другому,

стараясь разжечь мужество въ сердцахъ, и онъ вздумалъ поддержать мэра, заговоривъ съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ:

— Въ свою очередь прошу васъ, граждане, не слушать зачинщиковъ смуты. Изберите делегатовъ, мы созовемъ владѣльцевъ. Мы присутствуемъ здѣсь для охраненія законовъ правосудія...

— Человѣколюбія!—отпарировалъ Красная-Голова.

Судья смутился. Женщины—изъ молодыхъ—стали подшучивать надъ старымъ холостякомъ, осуждавшимъ ихъ жизнь, не зная ея.

— Мы хотимъ, чтобы хозяева насъ выслушали, — продолжалъ Красная-Голова: — пусть они откроютъ намъ двери, или мы сами откроемъ ихъ!

— Извините, — возразилъ судья, — вы уже ворвались въ Турбъ. Это слишкомъ!

— Васъ это не касается,—зарычалъ Расшибало,—мы ничего еще не разнесли.

— Убирайтесь!—крикнулъ подзадоренный Желѣзнякъ жандармамъ. — Мы — не воры! Если другіе прячутся, значитъ—мы здѣсь хозяева.

Красная-Голова одобрилъ товарища; женщины стали грозить, что онѣ побросаютъ своихъ дѣтей подъ ноги лошадямъ.

Мэръ и судья стали умолять солдатъ—ограничиться охраною домовъ. Большая-Бобылка съ злою насмѣшкою захлопнула дверь мэріи и заперла ее на ключъ для того, чтобы помѣшать начальству выйти и оказать давленіе на народъ. Среди рукоплесканій толпы, она съ возрастающей смѣлостью кинулась къ жандармамъ, намѣреваясь ударить перваго изъ нихъ.

Тогда, по приказанію бригадира, солдаты развернулись въ линію, оцѣпили площадь и погнали передъ собою народъ по направленію къ его жилищамъ. Раздались крики ужаса и отчаянія; многіе убѣгали, укрываясь въ сараяхъ, въ закоулкахъ. Въ узкихъ улицахъ лошади кое-гдѣ поломали ставни, опрокинули и смяли стоявшія на подоконникахъ кострюльки. При видѣ этихъ убытковъ женщины освирѣпѣли, и одна изъ нихъ, схвативъ кухонный ножъ, принялась наносить лошади удары по крупу. Лошадь взвилась отъ боли на дыбы и едва не сбросила сѣдока. Это причинило въ узкой и вонючей улицѣ нѣкоторое разстройство среди жандармовъ. Дѣти голосили, мужчины бросали въ солдатъ камнями. Бригадиръ съ трудомъ водворилъ порядокъ: тѣмъ временемъ крестьяне съ удивительнымъ мужествомъ вернулись назадъ, предпочитая смерть униженію и рабству; они стали

стѣною предъ домомъ Красной Головы. Бобылка — отчасти изъ тщеславія — предводительствовала женщинами.

— Если вы не разойдетесь спокойно по домамъ, мы станемъ стрѣлять! — заявилъ бригадиръ.

Неистовый крикъ негодованія перекинулся съ площади въ узкія улицы, гдѣ вопили дѣти и старики. Людская волна, устоявъ противъ напора жандармовъ, хлынула на нихъ; женщины смѣшались съ мужчинами, силясь ихъ защитить. Бригадиръ поднялъ шашку. Лошади медленно и тяжело подвигались впередъ. Пришлось отступить. Одна Бобылка не сдвинулась съ мѣста, какъ скала, подставляя наступающимъ свою колоссальную грудь. Она не пошевельнулась: лошадь бригадира, которую она схватила за узду, поднялась на дыбы и затѣмъ, опрокинувшись на нее всею своею тяжестью, раздавила огромную женщину, какъ собачонку.

Жандармы попрежнему подвигались въ полномъ порядкѣ, очищая улицы. Нѣсколько человѣкъ бросились на помощь къ Бобылкѣ; она лежала бездыханная, сложивъ руки крестомъ, въ лужѣ крови. Въ суровомъ молчаніи люди перенесли ее въ домъ, смежный съ домомъ Красной Головы.

Тревога, вызванная этою катастрофою, нашла откликъ даже въ забаррикадированныхъ домахъ. Вездѣ царило устрашающее безмолвіе; теперь каждый человѣкъ могъ опасаться за свою жизнь, всѣ чувствовали, что кровь жертвы пала и на нихъ.

Жандармы, пристыженные своею побѣдою, пустились въ обратный путь. Ихъ никто не преслѣдовалъ. Крестьяне, не исключая самыхъ старыхъ и немощныхъ, спѣшили въ домъ Бобылки. Она лежала на своей широкой кровати въ низенькой комнатѣ, слабо освѣщенной рѣшетчатымъ окномъ. Женщины умыли ей лицо, заложили рану въ черепѣ корпіей. Блѣдная, съ энергичнымъ лицомъ и полуоткрытымъ ртомъ, съ сѣдѣющими волосами, осѣнявшими испещренный правильными морщинками лобъ, она въ шестьдесятъ лѣтъ сохраняла остатки красоты.

Жермена была тамъ — пораженная ужасомъ. Горе женщинъ смягчало ея сердце; сознаніе, что она принадлежитъ къ одной съ ними расѣ, надъ которою нищета тяготѣетъ какъ проклятіе, — возрождалось въ ней здѣсь, въ бѣдномъ жилищѣ работницы. При свѣтѣ этой смерти, случившейся по винѣ мѣстныхъ богачей, она впервые увидѣла ихъ чудовищный эгоизмъ и низость. Она старалась забыть Корнюбера, изъ опасенія, что ей придется проклинать его, какъ проклинали ея товарки другихъ владѣльцевъ.

Женщины, готовившіяся бодрствовать у смертнаго одра, приготовляли свѣчи, святую воду. Жермена, въ качествѣ сосѣдки, и

желая, быть можетъ, загладить свое враждебное отношеніе къ стачкѣ, помогала вмѣстѣ съ матерью—спокойною и кроткою, какъ всегда,—прибирать комнату и покойницу, которую одѣли въ ея лучшее платье.

Вслѣдъ за бурею наступило затишье. Въ теченіе двухъ дней до похоронъ Бобылки во всемъ краю царило зловѣщее молчаніе. Богачи исподтишка выходили изъ домовъ въ часы обѣда бѣдняковъ; судья больше не показывался въ Незиньянѣ, а Жозефъ Рабіоль съ напускною безпечностью исполнялъ свои служебныя обязанности. Порою изъ квартала бѣдняковъ доносился гулъ, похожій на жужжанье разсерженнаго улья. Корнюберъ не изъ трусости, но единственно изъ нежеланія раздражать своимъ присутствіемъ крестьянъ, заперся у себя въ усадьбѣ и запретилъ выходить своимъ рабочимъ.

Наоборотъ, маркизъ, мечтавшій о примиреніи, не разъ заходилъ въ деревню и въ церковь — помолиться за покойницу, за Красную-Голову, за народъ. Наканунѣ похоронъ онъ зашелъ поклониться праху Бобылки. Чувства уваженія и признательности къ бывшему „господину“—взволновали сердце бѣдняковъ. Желѣзнякъ, Расшибало, Разумникъ, шептавшіеся съ жителями окрестныхъ деревень, предложили провести его къ покойницѣ.

Маркизъ смиренно преклонилъ колѣна у гроба, женщины послѣдовали его примѣру. Помолившись, онъ вышелъ въ кухню, гдѣ, встрѣтивъ Красную-Голову, проговорилъ:

— Какое несчастье!

— Тѣмъ хуже. Это не наша вина. Тутъ была, какъ и всегда, провокація.

— Еслибы только люди пожелали быть благоразумными! Еслибы послушали меня! Но я поговорю съ моими друзьями,—обѣщаю вамъ.

— Они глухи! Мы добьемся своихъ правъ лишь съ помощью борьбы.

— Успокойтесь и успокойте вашихъ.

Маркизъ медленно удалился; онъ страдалъ какъ дворянинъ и какъ сынъ народа. Улицы опустѣли. Люди чистили свои лучшія платья, приготовляли вѣнки изъ тростника и полевыхъ цвѣтовъ, трауръ распространился на всѣ дома. Даже бродяги заходили поклониться праху умершей.

Наконецъ наступилъ день похоронъ, дозволившій пролетаріату развернуть всѣ свои силы.

Сильный, вызывавшій лихорадку вѣтеръ—дулъ съ моря. Тучи, громоздившіяся какъ города,—сталкивались и безпорядочно не-

слись надъ равниною. Площадь и улицы кишѣли одѣтымъ по праздничному народомъ, толпившимся среди грязи и пыли. Люди стекались отовсюду; новыя толпы шли изъ окрестныхъ деревень. Лангедокскіе бѣдняки несли дань уваженія и сочувствія своимъ незиньянскимъ братьямъ.

Когда показался священникъ, многіе, за исключеніемъ людей набожныхъ, отвернулись: они видѣли въ немъ хранителя могущества богачей.

Среди молодыхъ дѣвушекъ Жермена выдѣлялась своею красотой. Неужели трагическая смерть Бобылки породнила ее съ народомъ? Расшибало ощутилъ бодрящую радость. Смягченный, онъ постарался приблизиться къ ней, соблюдая свое достоинство; она пристально, но ласково взглянула на него. Мэръ и полевой сторожъ были тутъ же, не столько ради наблюденія за порядкомъ, сколько для того, чтобы польстить своимъ избирателямъ.

Наконецъ показался—покрытый чернымъ сукномъ длинный и широкій гробъ, который не безъ труда несли шесть женщинъ; мужчины обнажили головы, женщины и дѣти перекрестились. Священникъ сталъ читать заупокойную молитву, а вожди народа, въ виду того, что у Бобылки не было родныхъ, заняли мѣста за гробомъ.

Гудящая толпа двинулась впередъ, и въ то время, какъ пономарь поднялъ серебряный крестъ, подъ сумрачнымъ небомъ раздалась глухая дробь барабана, а Желѣзнякъ, къ изумленію большинства присутствующихъ, развернулъ огромное черное знамя.

Видъ этой толпы, сыновъ народа, объединенныхъ въ ихъ скорби и нищетѣ одною мыслью и надеждою, былъ ужасенъ и прекрасенъ въ одно и то же время. Они шли молча, и тяжелый топотъ ихъ ногъ отдавался подъ землею въ самой сердцевинѣ камня, потрясая устои богатыхъ домовъ.

Въ церковь вошли по преимуществу женщины; двери ея остались открытыми, и въ глубинѣ темнаго, освѣщеннаго шестью паникадилами храма, виднѣлись колѣнопреклоненныя женщины и мужчины, окружившіе гробъ, на который были возложены вѣнки. Мужчины, несшіе когда-то въ эту церковь свои молитвы и надежды, ощутили невольное благоговѣніе, хотя въ гордости своей они рѣшили не просить отнынѣ помощи у неба и надѣяться исключительно на себя, любить только свою землю и свой трудъ. Имъ опротивѣла религія богачей, выгодная для нихъ однихъ и поддерживавшая ихъ власть. Ни одинъ изъ богачей не пожелалъ принять участіе въ погребальномъ обрядѣ, на которомъ присутствовала вся деревня. Они все еще прячутся! И народъ съ от-

вращеніемъ думалъ объ этихъ молчаливыхъ, зловѣщихъ домахъ, въ которые войдетъ когда-нибудь, какъ и въ жилища бѣдняковъ—смерть, которая одна даетъ равенство людямъ.

Жермена съ матерью держались поблизости отъ главарей стачки. Расшибало стоялъ передъ Жерменою; она слышала его мужицкій запахъ и видѣла вблизи его красный мясистый затылокъ и жесткіе волосы, внушавшіе ей прежде такое отвращеніе. Покорность Жермены укрѣпляла мужество Красной-Головы, сердце котораго разгоралось дикой радостью и жаждой новой битвы.

Желѣзнякъ отважно поднялъ свое знамя, снова глухо загрохоталъ барабанъ, и шествіе тронулось.

Кладбище было далеко—у подножія лѣсистаго холма между Турбомъ и Майреналемъ. По дорогѣ къ процессіи присоединился маркизъ-и, несмотря на безпокойство Красной-Головы, двинулся съ обнаженною головою за гробомъ, шепча молитвы. Крестьяне почувствовали, что этотъ бѣднякъ-аристократъ—душою съ ними. Среди дуновенія нѣжности, обвѣявшаго ихъ сердца, сильный порывъ вѣтра разорвалъ тучи, и небесная лазурь ярко блеснула надъ холмами, надъ усадьбой Корнюбера. Бѣлый, улыбающійся домъ стоялъ закрытымъ, какъ грозная крѣпость, охранявшая власть богатства.

Священникъ вступилъ въ ворота кладбища; толпа ревниво хлынула за нимъ; онъ поспѣшилъ совершеніемъ обряда, опасаясь какого-нибудь кощунства, и, произнеся послѣднюю молитву, удалился.

Люди молча столпились на краю могилы, удивленные тѣмъ, что не могутъ выразить своихъ мыслей. Барабанъ умолкъ; слышался лишь ропотъ вѣтра въ кипарисахъ, похожій на плескъ волнъ. Когда гробъ былъ опущенъ, крестьяне продолжали топтаться на мѣстѣ. Они чувствовали потребность размять руки, излить долго сдерживаемую потребность борьбы. И обернувшись къ Турбу, отъ котораго виднѣлась одна лишь красная крыша, они потрясли съ угрозою кулаками.

— Всему виною этотъ Корнюберъ!—воскликнулъ Красная-Голова.—Будь онъ проклятъ!

Желѣзнякъ прибавилъ:

— Пусть каждый изъ насъ готовится умереть какъ Большая-Бобылка. Она умерла славной смертью. Память о ней сохранится въ краю. Идемте!

— Неужели же и вы не возстанете на вашихъ богачей?—крикнулъ Разумникъ представителямъ сосѣднихъ деревень.

— Да! Да! Конечно! — отвѣтили они. — Но наши богачи боятся. Они даютъ намъ работу.

Затерявшаяся въ толпѣ женщинъ Жермена не замѣтила Расшибалы, подбиравшагося къ ней.

Оскорбительныя слова отца, угрозы бѣдняковъ—снова пробудили ея гордость. Она представляла себѣ Турбъ, въ случаѣ если онъ попадетъ въ ихъ руки, изрѣзаннымъ на мелкіе участки, жалкіе, безобразные, соперничающіе другъ съ другомъ. Прости—ея мечты о богатствѣ, если Корнюберъ не будетъ побѣдителемъ въ этой борьбѣ!

Корнюберъ!—Она видѣла мысленными очами статную фигуру человѣка, предлагавшаго ей счастье, достойное ея красоты. Прикосновеніе Расшибалы, взявшаго ее за руку, заставило ее содрогнуться отъ отвращенія, но она покорилась — изъ осторожности. Ея подруги прижимались къ своимъ возлюбленнымъ, говорившимъ имъ что-то потихоньку. Она кокетливо шла рядомъ съ Расшибалою, подбирая свои юбки, какъ городская барышня.

Люди разошлись по домамъ, спѣша снять свое праздничное платье; Красная-Голова отправился къ мэру, сообщить ему о совѣщаніи съ делегатами сосѣднихъ деревень. Сумерки и холодный вѣтеръ разогнали людей, бродившихъ вокругъ заколоченнаго дома Бобылки. Вернувшись позднимъ вечеромъ отъ мэра, Красная-Голова, уже радовавшійся покорности Жермены, былъ пораженъ, увидѣвъ ее сидящею въ глубокой тоскѣ у огня.

— Что съ тобою?—спросилъ онъ.

Она подняла на него опечаленные глаза, щеки ея были влажны отъ слезъ.

— Ничего!

Онъ вопросительно перевелъ взоръ на жену, казавшуюся противъ обыкновенія сердитою.

— Что съ нашей дочерью?

— Она... Мы съ нею поссорились.

— Почему?

— Потому что... потому что я считала ее преданною намъ, какъ я предана тебѣ. Она насъ обманывала.

— Какъ, развѣ она не за народъ?

— Я—за народъ!—храбро отвѣтила Жермена:—я предана ему душою. Но сегодняшняя фарандола, эти театральныя похороны возмущаютъ меня... И я разсудила...

— А ты способна разсуждать?

— Полагаю,—разъ я въ такомъ возрастѣ, что могу выйти замужъ.

— Ты приводишь меня въ отчаяніе, Жермена.

Красная-Голова, сжимая кулаки, зашагалъ по просторной кухнѣ.

Мать, сердито покосясь на Жермену, пробормотала:

— Знаю я, за кого она собирается замужъ.

— За кого? Не за Корнюбера ли?

— За него самого.

— Громъ и молнія! Такъ это—правда?

Онъ потрясъ Жермену за плечи. Она испустила крикъ боли и гордаго негодованія. Глаза ея сверкнули, и она рѣзко вырвалась.

— Ну, да! Вы угадали. Тотъ, кого я люблю—Корнюберъ.

При этомъ смѣломъ признаніи въ неслыханномъ, по его мнѣнію, преступленіи у Красной-Головы проступила пѣна на губахъ, и въ то время какъ жена его онѣмѣла со страху, онъ продолжалъ трясти Жермену, какъ дерево, крича ей:

— Такъ это правда? Ты не говоришь мнѣ это для того, чтобы взбѣсить меня?

— Это правда. Я люблю Корнюбера, считаю его добрымъ и благоразумнымъ. Пора сознаться въ моей любви.

— Позорная любовь! Преступленіе! Онъ заразилъ тебя.

— Онъ не прикоснулся ко мнѣ.

— Но ты говорила съ нимъ обо мнѣ, о насъ? Вы обмѣнялись признаньями?

— Два раза. Онъ любитъ меня.

— Онъ тебя любитъ? Ему нужно обезчестить тебя, погубить тебя и меня въ глазахъ народа.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Жермена, если ты сейчасъ не поклянешься мнѣ, что порвешь съ этимъ подлымъ буржуа, я выселю тебя изъ дому.

— Тѣмъ хуже. Я не могу лгать. Онъ меня любитъ, я не могу отказаться отъ него.

— Тогда—иди, куда знаешь... Ты больше не дочь мнѣ. Я не хочу быть опозореннымъ.

Жермена тяжело боролась съ собой, искушаемая любовью къ Корнюберу и страхомъ потерять родной домъ.

Въ этотъ рѣшительный мигъ мать ея въ тревогѣ поднялась съ мѣста. Но у нея не хватило духу ни уговаривать Жермену быть благоразумной, ни умолять мужа о снисхожденіи, когда тотъ, взбѣшенный сопротивленіемъ Жермены, потащилъ ее за руку къ двери.

— Ступай, ступай... Ты—чужая намъ.

— Нѣтъ, но я люблю того, кто назначенъ мнѣ судьбою.

— Уходи! Меня еще обвинятъ въ сношеніяхъ съ этимъ буржуа.

Однимъ толчкомъ онъ выбросилъ ее за порогъ въ глухую ночь. И заперевъ за нею дверь, онъ проговорилъ:

— Ты больше не измѣнишь мнѣ.

VIII.—Замокъ Майреналь.

Наступила суровая зима. Замерзшая земля не поддавалась заступу, затвердѣвъ какъ скала. Люди питались картофелемъ, каштанами, горохомъ. Нѣкоторымъ пришлось продать своихъ муловъ и ословъ, годами жившихъ у нихъ домашнихъ животныхъ. Бѣдняки приходили къ богачамъ просить работы; они рубили лѣсъ, чистили погреба и мусорныя ямы.

И все же, несмотря на рѣзкій холодъ, отъ котораго трескалась кора молодыхъ деревьевъ и красныя лица винодѣловъ, — Лангедокъ улыбался голубому небу. По вечерамъ крестьяне собирались въ менѣе холодныхъ домахъ и въ видѣ утѣшенія говорили объ освобожденіи. Увидятъ ли они сами воочію тотъ день, возвѣщенный апостолами соціализма, въ который земля станетъ достояніемъ всѣхъ? Любимая, сіяющая красотою земля, рождающая цвѣты и плоды, будетъ принадлежать всѣмъ! Люди упьются солнцемъ—какъ счастьемъ. Не станетъ болѣе бѣдныхъ. Вскорѣ исчезнутъ и злые люди, когда хлѣба и мяса хватитъ на всѣхъ.

Но для преобразованія земли въ садъ изобилія и мира, въ которомъ люди станутъ свободными какъ птицы, необходимо дозволеніе высшей власти, законъ. Получится ли такой законъ изъ Парижа,—Парижа, болѣе далекаго отъ Лангедока, чѣмъ тучи въ небесахъ? Бѣдняки слишкомъ долго вѣрили въ чудеса для того, чтобы не вѣрить теперь, не взирая на всѣ свои разочарованія, въ справедливость всемогущихъ вождей своей республики.

Во время долгихъ зимнихъ вечеровъ крестьяне толковали также объ исчезновеніи Жермены, непостижимомъ исчезновеніи, принимавшемъ размѣры романической драмы. Красная-Голова писалъ своимъ многочисленнымъ родственникамъ, обыскалъ окрестности. Никто не видалъ Жермены. Всѣ знали, однако, что она не настолько глупа и слабовольна, чтобы покончить съ собою. Расшибало предполагалъ, что Корнюберъ прячетъ ее у себя, но Красная-Голова долго не допускалъ возможности такого оскорбленія его чести. Когда Корнюберъ отправлялся по вечерамъ въ

клубъ или на почту, мальчишки швыряли въ него камнями, крестьяне угрожали ему во тьмѣ, и онъ никакъ не могъ распознать въ лицо своихъ оскорбителей.

Окруженный подозрѣніями и ненавистью, онъ выходилъ изъ себя, сознавая свое безсиліе и свою все возрастающую уязвимость. Поэтому за послѣднее время онъ сблизился не съ равными себѣ богатыми землевладѣльцами, которыхъ онъ презиралъ за трусость, а съ маркизомъ де-Майреналь, отвлекавшимъ его отъ злобныхъ мыслей своими рѣчами о терпѣніи и милосердіи.

Однажды, въ туманный день, когда холмы исчезали за дымкою и потому долина казалась обширнѣе, маркизъ пригласилъ его къ себѣ въ замокъ. Среди этихъ величавыхъ стѣнъ маркизъ былъ у себя и не безъ торжества показывалъ богатому буржуа громадный каменный остовъ, подавлявшій современнаго человѣка. Онъ провелъ его по холоднымъ корридорамъ, свѣтлымъ и темнымъ закоулкамъ, по высокимъ покоямъ, смотрѣвшимъ въ небо громадными окнами и ожидавшимъ лишь оттуда своего возрожденія.

Голосъ маркиза побѣдоносно звучалъ подъ сводами, когда онъ вызывалъ въ памяти толпы слугъ и воиновъ, защищавшихъ, подъ предводительствомъ храбрыхъ вождей, свой плодоносный край, сдѣлавшійся послѣ революціи добычею нѣсколькихъ алчныхъ спекуляторовъ.

Въ томъ крылѣ замка, гдѣ жилъ онъ самъ, и гдѣ были собраны благоговѣйною рукою старинное оружіе, утварь, произведенія искусства, вышивки и драгоцѣнности, которыхъ нельзя пріобрѣсти за деньги, маркизъ весь трепеталъ отъ горделиваго чувства, и Корнюберъ, созерцая эти реликвіи славнаго прошлаго, смиренно молчалъ: умъ и сердце его были взволнованы.

Графина Сюзанна прислушивалась изъ своей комнаты къ ихъ шагамъ. Съ нѣкотораго времени она охотно посѣщала Турбъ. Корнюберъ уже не уклонялся отъ бесѣдъ съ нею, такъ какъ образъ Жермены не преслѣдовалъ его болѣе. Присутствіе дѣвушки на похоронахъ Бобылки поразило хозяина Турба; затѣмъ, не предупредивъ его ни однимъ словомъ, она исчезла невѣдомо куда, быть можетъ измѣнивъ этимъ дальнѣйшую судьбу ихъ рода. Близъ нея онъ и въ этомъ домѣ былъ бы окруженъ атмосферою недовольства бѣдняковъ, завистью, возмущеніемъ.

Здѣсь, въ замкѣ, онъ, наоборотъ, чувствовалъ себя въ безопасности отъ угрозъ; онъ исполнялся духомъ вѣры и надежды, очищавшимъ его отъ матеріальныхъ заботъ. Вблизи аристократовъ онъ также чувствовалъ себя аристократичнѣе.

— Пойдемте къ моей дочери.

Графиня, сидя за рѣзнымъ столикомъ, читала книгу, бросая по временамъ взгляды въ окно.

Въ своемъ сѣромъ, съ небольшимъ трэномъ платьѣ, графиня граціозно поднялась навстрѣчу Корнюберу, проговоривъ:

— Милости просимъ!

— Благодарю васъ, графиня. Теперь я хорошо знакомъ съ вашимъ замкомъ.

— Ахъ, да! Вѣдь вы, дѣйствительно, впервые осматриваете его весь? Какъ этому громадному зданію недостаетъ жизни! Но, можетъ быть, она еще вернется въ него.

Корнюберъ покраснѣлъ отъ смущенія при этомъ намекѣ, приглашавшемъ его соединить силу недавняго богатства съ величіемъ и славою прошлаго. Онъ чувствовалъ также въ этихъ смѣлыхъ словахъ нетерпѣніе любви, но его крестьянская скромность, его безсознательное смиреніе не позволяли ему обольщаться черезчуръ блестящими мечтами. Онъ молча сѣлъ возлѣ нея, и она продолжала:

— Во всякомъ случаѣ мы съ отцомъ оба стараемся сохранить то, что составляетъ душу этого замка.

— Увы!—прошепталъ онъ:—народъ утратилъ свою.

— Потому что всѣ льстятъ его грубымъ инстинктамъ, и никто не указываетъ ему его долга. Всѣ его боятся.

— Только не я.

— Это правда, г. Корнюберъ, и позвольте вамъ сказать, что я восхищаюсь вашимъ мужествомъ и присущимъ вамъ сознаніемъ вашей власти. Притомъ, въ настоящее время, крестьяне, понявъ, что вы не уступите, успокоились.

— Успокоились по наружности. Когда придетъ рабочая пора, они проявятъ всю свою дерзость. Ахъ, этотъ Красная-Голова!

— Да, въ немъ все дѣло,—вздохнула графиня.

У обоихъ мелькнула мрачная, еще болѣе омраченная сумерками мысль не о зачинщикѣ стачки, но объ его дочери—этомъ молодомъ и прекрасномъ дикомъ существѣ, съ ея неподдающейся анализу, но гибкою натурой, въ которой смѣшивались крестьянская кровь и болѣе развитой умъ, управляемые непокорною волей.

Покуда они въ замѣшательствѣ молчали, маркизъ благодушно замѣтилъ, что, Богъ дастъ, все устроится: хорошій урожай поправитъ дѣло, крестьяне снова заживутъ богато.

Оптимизмъ маркиза сердилъ его дочь. Она ласкала вла-

дѣльца Турба взорами, съ тайнымъ желаніемъ быть предпочтенной, несмотря на свои года, этой крестьянкѣ, таившей подъ внѣшней привлекательностью завистливый, тревожный духъ злобы, свойственной бѣднякамъ. Корнюберъ пріятно улыбался, польщенный вниманіемъ аристократовъ. Онъ выразилъ надежду заслужить ихъ уваженіе и оправдать довѣріе.

— Не сомнѣваюсь въ этомъ, милый другъ, — сказалъ маркизъ: — въ настоящее время въ Лангедокѣ нѣтъ ничего такого, чего бы вы не могли добиться.

— Вы здѣсь — хозяинъ, — добавила Сюзанна, протягивая ему руку.

Корнюберъ поспѣшно простился для того, чтобы не выказать слишкомъ ясно своего удовольствія по поводу этого пріема, хотя обыкновенно онъ совсѣмъ не дорожилъ мнѣніемъ людей о себѣ.

Дождь прекратился. Корнюберъ ускорилъ шаги, торопясь разсказать матери о любезномъ вниманіи къ нему маркиза де-Майреналя и его дочери. Небо низко нависло надъ долиною, съ деревьевъ и камней падали крупныя капли.

Но въ его зажиточномъ буржуазномъ домѣ въ Корнюберѣ снова пробудился крестьянскій духъ, — и чувство гордости отъ союза съ замкомъ сразу отпало, какъ недозрѣлый плодъ. Среди тишины рабочаго кабинета, гдѣ столько было продумано и сдѣлано, ему представъ во всемъ очарованіи родныхъ небесъ и долины образъ Жермены, поцѣлуй которой былъ такъ же нѣженъ, какъ свѣтъ и тепло ихъ родины. Борясь противъ охватившаго его влеченія, онъ прошелъ въ будуаръ матери, чтобы передать ей о сдѣланномъ ему пріемѣ. Оба были польщены въ своей наивной гордости, но на слѣдующій же день Корнюберъ позабылъ о своихъ мечтахъ и вернулся сердцемъ къ Жерменѣ, уроженкѣ крестьянскаго Лангедока.

На деревнѣ скорѣе инстинктомъ, нежели умомъ, люди чувствовали необходимость ихъ брака — въ виду интересовъ бѣдняковъ и богачей. Они убѣдили себя, что Корнюберъ прочетъ Жермену къ своей усадьбѣ. Расшибало много разъ грозилъ, что явится туда за нею, — но по какому праву? Она не подавала ему ни малѣйшей надежды.

Подстрекаемый женою, Красная-Голова рѣшился наконецъ пойти вечеромъ къ владѣльцу Турба, съ которымъ онъ былъ не прочь поговорить съ глазу на глазъ.

Корнюберъ принялъ Красную-Голову вѣжливо, ощущая къ нему нѣкоторое состраданіе. Въ рабочемъ кабинетѣ царила уми-

ротворяющая тишина; бронзовая лампа освѣщала на краю стола сильныя руки Корнюбера. Красная-Голова, сидя напротивъ него въ креслѣ, приступилъ къ объясненію.

— Вамъ извѣстны адѣшніе толки и пересуды. Дочь моя исчезла. Никто не вѣритъ въ ея смерть. Мэръ, судья, мы сами всюду напрасно искали ее. Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы ее похитили.

— Я? Возможно ли, чтобы вы, умный и опытный человѣкъ, могли раздѣлять подобныя подозрѣнія? Васъ ослѣпляетъ ненависть.

— Позвольте...

— Разсудите спокойно. Для того, чтобы совершить такое дѣло, надо быть большимъ глупцомъ. Я поставилъ бы себя въ ложное положеніе передъ закономъ, какъ разъ въ такое время, когда мнѣ отовсюду угрожаютъ. Полноте! Надъ вами смѣются, васъ возбуждаютъ противъ меня.

Отвѣты Корнюбера, исполненные достоинства и правдивости, еще болѣе подстрекнули гнѣвъ Красной-Головы. Онъ кусалъ губы и вдругъ проговорилъ:

— Вы не станете, однако, отрицать, что любите Жермену?

Корнюберъ, пораженный, пристально посмотрѣлъ на него, колеблясь между желаніемъ сказать правду, сознаться въ своей любви, и нежеланіемъ и боязнью выдать Жермену передъ ея отцомъ, которому ихъ любовь должна казаться преступленіемъ.

— Я люблю ее?

— Вы.

— Я самъ себѣ господинъ и никому не отдаю отчета.

— Но вы не отрицаете того, что она васъ любитъ?

— Ну, что же изъ того? Я не отвѣтственъ за это.

— Неотвѣтственны? Это—одни слова. Еслибы вы не хотѣли, она не искала бы съ вами встрѣчъ.

— Вы пришли сюда для того, чтобы вызвать меня на ссору?

— Нѣтъ, я настолько воспитанъ, чтобы знать, какъ надо держать себя въ чужомъ домѣ. Но я требую объясненія.

— Вы съ ума сошли!

— Я желаю, чтобы дочь моя не приросла къ вамъ душою, какъ кора — къ дереву. Еслибы это случилось, я убилъ бы ее. Но покуда я замѣтилъ, что ваше богатство вскружило ей голову, что она питаетъ какое-то благоговѣніе къ вашей землѣ, частью которой я прежде владѣлъ.

— Я купилъ ее у васъ.

— Конечно. Только того недоставало, чтобы вы силою за-

владѣли ею! Я пришелъ васъ просить, ради насъ обоихъ, чтобы вы не пускали ее сюда.

— Я никогда не заманивалъ ее къ себѣ.

— Тѣмъ лучше. Видъ вашего богатства смущаетъ ее. Велика власть богатства надъ бѣдными людьми! Когда же у насъ не будетъ богачей, а слѣдовательно и бѣдныхъ?!..

Красная-Голова, забывая преступную страсть Жермены, принялся развивать со всею искренностью, шедшею прямо изъ сердца, свои коммунистическія теоріи и рисовать картину будущаго общества, въ которомъ люди, одинаково облагороженные трудомъ, поровну подѣлятъ между собою дары солнца и земли. Корнюберъ, скрестивъ руки, терпѣливо слушалъ его, но Красная-Голова такъ кричалъ и стучалъ кулаками по столу, что на шумъ явилась старая г-жа Корнюберъ.

Передъ этою почтенною, съ кроткимъ лицомъ и сѣдыми волосами дамою, Красная-Голова утихъ и приготовился почтительно выслушать ея упреки.

— Не понимаю, г. Красная-Голова, почему вы такъ ненавидите насъ. Развѣ богатые люди виноваты въ плохомъ положеніи дѣлъ?

— Сударыня, вопросъ теперь не въ этомъ. Я пришелъ изъ-за моей дочери, враждебность которой по отношенію къ моимъ взглядамъ приводитъ меня въ отчаяніе.

— Что же тутъ сдѣлать, если она благоразумнѣе большинства крестьянъ и не ненавидитъ тѣхъ, кому Господь поручилъ—часто не на радость имъ—быть хранителями земныхъ благъ?

— Я не хочу сближенія между нею и вашимъ сыномъ. Вотъ и все.

— Разумѣется, онъ не можетъ жениться на Жерменѣ.

— Не опозоритъ ли онъ себя бракомъ этимъ? Онъ страшно богатъ, и все же я самъ не хочу его въ зятья.

— Не безпокойтесь. Не онъ станетъ добиваться ея руки. Притомъ вы слишкомъ щепетильны. Другіе менѣе щепетильны, да еще такіе, которые имѣютъ за собою славное прошлое...

— Знаю, сударыня. Эти другіе были бы не прочь позолотить свой гербъ.

— Слѣдовательно, мой сынъ не имѣетъ никакихъ притязаній на вашу дочь.

Богатая буржуазка такъ рѣзко отчеканивала свои реплики, что Красная-Голова опѣшилъ. Корнюберъ, раздраженный этими пререканіями, поднялся съ кресла.

— Мама, прошу тебя! Не будемъ говорить объ отсутствующихъ и посвящать постороннихъ въ наши семейныя дѣла.

— Это правда, сынъ мой.

Она сѣла, удивляясь своему раздраженію. Красная-Голова направился къ двери; на порогѣ онъ обернулся, выпрямился, глаза его гордо блестѣли, лицо подергивалось.

— Я честно васъ предупредилъ. Не видайтесь съ моей дочерью. Иначе вамъ обоимъ нагоритъ!

Корнюберъ отвѣтилъ пренебрежительнымъ поклономъ.

Красная-Голова непочтительно нахлобучилъ себѣ шляпу на голову. По дорогѣ онъ разсказывалъ всѣмъ, что буржуа изъ Турба намѣренъ жениться на красавицѣ изъ замка.

Вечеромъ въ домахъ только и было разговору, что о свиданіи двоихъ вождей. Всѣ восхищались мужествомъ и рѣшимостью Красной-Головы среди его испытаній, и похвалы снова опьянили его.

На слѣдующій день, сѣрымъ утромъ, онъ везъ домой хворостъ со своей земли, когда ему встрѣтился Азэма съ такимъ же возомъ.

Дорога была узкая, огороженная высокими заборами. Не сворачивая въ сторону, двѣ телѣги не могли разъѣхаться, и обыкновенно возницы предупреждали другъ друга щелканьемъ бича, но теперь ни одинъ не желалъ, изъ озорства, уступить дорогу другому. Даже сами лошади налѣзали другъ на друга.

Азэма, задыхаясь отъ толщины, заговорилъ первый.

— Твоя лошадь поворотливѣе. Почему ты не сворачиваешь?

— Передъ тобою? Низачто!

— Ты хочешь меня оскорбить?

— Отъѣзжай, или я тебя расшибу!

Красная-Голова хлестнулъ его кнутомъ, но Азэма увернулся, откинувшись назадъ, и въ свою очередь ударилъ Красную-Голову бичомъ. Ударъ пришелся по плечу и возбудилъ въ немъ воинскій пылъ. Соперники принялись хлестать другъ друга почемъ попало, ругаясь, утирая по временамъ кровь съ лица и подстрекая лошадей, вцѣпившихся другъ въ друга зубами. Крикъ, щелканье бичей и ржаніе—стояли въ морозномъ воздухѣ. Лошадь Красной-Головы, большая, худая, одержала верхъ; турбская лошадка, болѣе чувствительная къ боли, подалась назадъ. Телѣга свернула въ канаву.

— Не стоило связываться съ тобою, съ дикаремъ! —проворчалъ сконфуженный пораженіемъ Азэма.

— Дикари управятся съ тобой и со всей твоею шайкою!—съ торжествомъ проговорилъ Красная-Голова, скрывая жгучую боль отъ ударовъ подъ напускною ироніей. На этомъ они разъѣхались.

IX.—Возвращеніе Жермены.

Жермена нашла убѣжище въ домѣ своей кормилицы Виржини въ Севеннѣ. Въ сущности, отецъ съ матерью лишь потому не особенно тревожились ея исчезновеніемъ, что они подозрѣвали правду. Она находилась въ безопасности въ мирной деревнѣ, чуждой всякихъ земныхъ заботъ. Среди неурядицы склоннаго къ подозрительности Незиньяна, они радовались тому, что имъ не приходится слѣдить за ея словами и поступками.

Она провела два мѣсяца среди скалъ и сосенъ, у бѣдняковъ, даже не сознававшихъ въ простотѣ души своей бѣдности. Картофель и каштаны, приправленные хорошимъ настроеніемъ духа, казались ей вкусными. Черный цвѣтъ ея глазъ и яркій цвѣтъ губъ еще болѣе выдѣлялись на ея посвѣжѣвшей смуглой кожѣ.

Но тоска по дому и влеченіе къ Турбу, владѣлецъ котораго обмѣнялся съ нею въ оливковой рощѣ словами и поцѣлуемъ, похожимъ на поцѣлуй жениха,—все это мало-по-малу захватило ее, и она рѣшила, во что бы то ни стало, спуститься въ долину. Согласится ли отецъ принять ее? Виржини возлагала большія надежды на свои просьбы. Жермена разсказала кормилицѣ, что принуждена была покинуть домъ вслѣдствіе размолвки, вызванной ея отказомъ присоединиться къ забастовщикамъ. Виржини, заподозрившая любовную исторію, какой-нибудь грѣшокъ, быть можетъ,—стала тревожиться тѣмъ, что такъ долго укрываетъ дѣвушку въ своей бѣдной хижинѣ. Поэтому она не безъ удовольствія отправилась съ нею въ плодоносную долину, гдѣ когда-то она знавала однѣ радости. Женщины совершили часть пути на крѣпкой рабочей лошади; частью онѣ шли пѣшкомъ по извилистой, весело спускающейся къ рѣкѣ дорогѣ.

День былъ тихій, горизонтъ золотился отъ солнца, какъ стеклянный куполъ. Деревья и кусты уже опушались нѣжной зеленью. Равнины, дороги, отгороженныя изгородями, осѣненныя платанами, кишѣли стадами, телѣгами и телѣжками, земледѣльцами съ заступомъ на плечѣ.

Стояла весна, пора усиленной работы, очистки садовъ и огородовъ. Сердце Жермены было также, какъ и земля, полно счастья. Она снова видѣла свой родной край, край своихъ мечтаній—такимъ же улыбающимся въ его немного суровой чистотѣ.

Виржини—чтобы не упасть съ сѣдла—придерживалась руками

за плечи Жермены. Она тоже глядѣла съ нѣжностью на тщательно воздѣланную долину, гдѣ могло бы прокормиться все населеніе горъ. Мѣрный шагъ лошади убаюкивалъ ихъ, но и та, почуявъ запахъ конюшни, насторожила уши.

Любопытныя женщины выбѣгали за порогъ; Расшибало, шедшій съ толпою мужчинъ, кинулся-было къ Жерменѣ, съ крикомъ удивленія и радости, но та, не глядя на него, повернула къ площади. Никто не узналъ Виржини, хотя она мало измѣнилась,—развѣ только потолстѣла и подурнѣла,—но въ своей бѣдной юбкѣ, въ запыленномъ платьѣ—она, дѣйствительно, мало напоминала прежнюю толстощекую, веселую, съ лукавыми глазами кормилицу.

Крестьяне сбѣгались со всѣхъ концовъ деревни, чтобы поглядѣть, приметъ ли Красная-Голова свою дочь? Не разыграется ли какая-нибудь драма, которая все перевернетъ въ домѣ вождя стачки и помѣшаетъ народу въ его борьбѣ за право?

Жермена сошла съ лошади у самаго дома и съ наружнымъ спокойствіемъ помогла сойти кормилицѣ. Привязавъ лошадь къ кольцу, вбитому въ стѣну, она направилась въ комнату къ отцу, словно только-что вернулась съ прогулки, когда тотъ, разъяренный, наскочилъ на нее.

— Пожаловала, наконецъ! Ты куда, разбойница?

— Я возвращаюсь домой. Гдѣ мать?

— Здѣсь, дочка! — простонала хозяйка, выглядывая изъ-за плеча мужа.

— Убирайся! Убирайся вонъ! Ты недостойна моего дома.

— Куда же я пойду?

— Туда, откуда пришла.

— Ты хочешь, чтобы я вернулась въ горы? Кормилица не откажется взять меня къ себѣ.

— Конечно, не откажусь. Но все нужно дѣлать честь-честью, а потому я и привезла ее къ вамъ, Красная-Голова.

— Очень радъ видѣть тебя, Виржини. А Жермену—нѣтъ. Она опять меня обманетъ.

Между тѣмъ женщины и зѣваки, осмѣлѣвъ, подходили ближе, движимые чувствомъ состраданія къ дѣвушкѣ, уставшей съ дороги и трогательно молившей у порога дома о томъ, чтобы ее впустили.

— Я не знаю, отецъ, имѣешь ли ты право меня выгонять? Я не сдѣлала ничего дурного. За что ты ненавидишь меня?

— Ненавижу? Я долженъ былъ бы тебя ненавидѣть. Богачи будутъ довольны вызваннымъ тобою скандаломъ. Входи, что-ли!

Онъ слегка посторонился; первою — не безъ труда — вошла кормилица, второю проскользнула Жермена, бросившаяся на шею матери. Красная-Голова заперъ дверь передъ носомъ любопытныхъ.

Нѣсколько дней Жермена, изъ чувства неловкости или осторожности, не выходила изъ дому. Виржини побывала, наоборотъ, всюду, радуясь встрѣчѣ съ постарѣвшими и впавшими въ бѣдность пріятельницами, и возможности поговорить съ ними о прежнемъ хорошемъ житьѣ-бытьѣ въ урожайные годы. Она осталась у Красной-Головы на нѣсколько недѣль, чтобы наверстать все потраченное ею на содержаніе Жермены. Притомъ стачка винодѣловъ заинтересовала ее. Будучи уроженкою горъ, она не безъ затаенной радости видѣла нищету, въ которую впала эта богатая страна, и отсутствіе вѣры въ наиболѣе уважаемыхъ семьяхъ. Жители Незиньяна перестали бывать въ церкви и оскорбляли мѣстныхъ святыхъ: св. Блэза, св. Рока, св. Афродиза, не сумѣвшихъ поддержать въ нихъ вѣру въ Провидѣніе.

Трагизмъ предстоящей стачки захватывалъ и Виржини. Она чувствовала, какъ въ жилахъ этихъ рожденныхъ въ солнечномъ краю людей зрѣла плодотворная ненависть, подобно тому, какъ растенія наливаются сокомъ, и хотя идея будущаго обновленнаго міра лишь смутно обрисовывалась для нея въ запутанныхъ рѣчахъ крестьянъ, она вся трепетала отъ сочувствія къ бѣднѣйшимъ въ ихъ жалобахъ на жадность богачей. Лихорадка ненависти разросталась вокругъ Незиньяна, охватывая понемногу весь чуткій Лангедокъ.

Въ кофейняхъ, въ виноградникахъ происходили совѣщанія представителей общинъ. Въ мартѣ предстояло начать дѣйствія; въ эту пору землѣ нужны рабочія руки. Она уже пробуждалась во всей своей мощи, готовая къ творчеству; обильные дожди и удобренія размягчили ее, а солнце ласкало теплыми лучами сердцевину растеній, отъ чего древесный сокъ приливалъ къ молодой корѣ деревьевъ.

Хозяева, предчувствуя, что имъ будутъ предъявлены высокія требованія, уже послали за старшими изъ рабочихъ, но старшіе, до полученія инструкцій отъ своихъ, всѣ отказались отъ обсужденія работъ.

Въ первое мартовское воскресенье главари стачки, подъ предсѣдательствомъ мэра, собрались въ лавкѣ Разигада. Рабіоль, стремясь сохранить свою популярность, искренно обѣщалъ имъ, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, содѣйствіе. Помѣщавшійся съ

нимъ рядомъ Красная-Голова имѣлъ видъ почти диктатора. Онъ предложилъ на обсужденіе ту же программу: пріемъ всѣхъ безработныхъ и половины женщинъ, восьмичасовой рабочій день, два литра вина—мужчинамъ, одинъ литръ—женщинамъ, три франка въ день — мужчинамъ, два — женщинамъ, и увольненіе Авэма.

Стрѣлочій и Странникъ принялись критиковать эти условія, какъ черезчуръ умѣренныя.

— Долой жандармовъ!—сказалъ Стрѣлочій:—отъ нихъ—всѣ безпорядки.

— Не я вызвалъ ихъ изъ казармъ. Это префектъ.

— Плевать мнѣ на твоего префекта! Скажи ему, что мы сами разберемся въ своихъ дѣлахъ. Но ты не смѣешь пикнуть.

Встревоженный мэръ энергически защищался.

— Я самъ крестьянинъ. Вы знаете, что въ высшихъ сферахъ не очень-то обращаютъ вниманіе на крестьянъ.

Желѣзнякъ проворчалъ, подпирая подбородокъ кулаками:

— Вамъ стоитъ только, г. мэръ, посылать префекту успокоительныя телеграммы, и мы будемъ хозяевами положенія.

— Браво! Браво!—оралъ Расшибало, колотя по сваѣ.

Они пьянѣли отъ рѣчей; толпа за стѣнами лавки росла. При выходѣ, главари стачки объявили о принятыхъ на завтра рѣшеніяхъ.

— Завтра! Завтра! — повторила жадная до волненій толпа.

Расшибало своимъ громовымъ голосомъ, заглушавшимъ гулъ криковъ и смѣха, затянулъ „карманьолу“, и пѣсня нищеты разнеслась далеко по дорогамъ. Возвращавшіеся съ закупками купцы удивленно прислушивались къ ней; почтмейстеръ испугался и затушилъ свой фонарь. Даже Красная-Голова, предписывавшій спокойствіе, горланилъ вмѣстѣ съ прочими.

Расшибало упорно шагалъ рядомъ съ нимъ, надѣясь такимъ образомъ добраться до Жермены, которой онъ еще не видалъ. Онъ выпячивалъ грудь, поглаживалъ свои усищи; все его громадное лицо, съ котораго онъ не думалъ стереть потъ, сіяло торжествомъ.

Жермена, сидя у огня, съ ужасомъ прислушивалась къ шуму; никогда не испытывала она подобнаго страха. Ей казалось, что оскорбленія, сыпавшіяся на голову Корнюбера, относятся къ ней самой. Толпа въ безпорядкѣ бродила по улицамъ и закоулкамъ; дѣти лаяли по-собачьи, мяукали по-кошачьи; женщины приплясывали, безстыдно поднимая юбки; мужчины, чтобы сорвать злобу, опрокидывали тележки, выворачивали жернова старыхъ, забро-

шенныхъ мельницъ. Никогда народъ не проявлялъ подобной жажды разрушенія.

Жермена, съёжившись на стулѣ, смотрѣла потемнѣвшими отъ ненависти глазами на дверь, которую горланы, быть можетъ, выломаютъ для того, чтобы объясниться ей въ любви.

Красная-Голова загородилъ собою дверь, крича:—До завтра!

Мужчины съ восторгомъ подхватили его крикъ. Расшибало попытался пролѣзть за его спиною, но Красная-Голова его остановилъ.

— Не сейчасъ. Потерпи. Дочь моя сдастся, когда мы побѣдимъ.

— Вы неправы. Заставьте ее васъ слушаться.

— Ты, первый, меня послушай. Она боится, вѣдь она—мнѣ дочь, я люблю ее.

— Не такъ, какъ я.

Расшибало сжалъ кулаки и ушелъ.

Вскорѣ все въ деревнѣ затихло. Лишь кое-гдѣ слышался дѣтскій плачъ или отголосокъ супружеской ссоры. Огни уже погасли въ окнахъ, когда Жермена осторожно выскользнула на улицу. Отецъ ея—утомленный событіями дня, мать—безучастная, какъ всегда, оба спали. Она скользила вдоль стѣнъ, проворная какъ кошка, ищущая добычи. Въ головѣ у нея еще шумѣло отъ криковъ, и теперь ее пугало мертвое молчаніе. Но желаніе жить какъ хочется, повинуясь влеченіямъ молодости, жить вдали отъ бѣдности—уносило ее, какъ на крыльяхъ, въ сумракѣ ночи.

Корнюберъ! Корнюберъ!—Это проклинаемое толпою имя стало ей еще дороже. Она хотѣла видѣть своего повелителя, выразить ему свой ужасъ по поводу этихъ воплей и оскорбленій, убѣдиться въ томъ, что онъ, какъ и она, вѣритъ въ свою землю, въ свое могущество. Она чувствовала, что окруженный народною ненавистью образъ его растетъ въ ея сердцѣ.

А онъ, быть можетъ, смѣшиваетъ ее съ этими варварами, проклинаетъ ее? На ряду съ тревогою Жермену все сильнѣе охватывала жажда самопожертвованія. Несмотря ни на что, она вѣрила ему потому, что любила его. Ей казалось, что она навѣки побѣдила его своею красотою, своей невинностью, своею гордостью бывшей буржуазки. Она надѣялась на него, на слабость мужчины, котораго любимая женщина волнуетъ очарованіемъ своего голоса, выразительнымъ блескомъ глазъ, благоуханіемъ своего присутствія.

Жермена бѣжала вдоль стѣнъ — невидимая во мракѣ. На площади она замедлила шаги. Домъ его казался необитаемымъ.

Она приложила ухо къ мѣдной замочной скважинѣ, заглянула въ щели ставень.

Ничего. Никого. Ни малѣйшаго свѣта. Онъ, вѣроятно, былъ въ клубѣ.

Посреди этого безграничнаго безмолвія она была единственной живою душой—такою ничтожною! Не сводя глазъ съ оконъ, она сложила руки для молитвы. Все ея сильное, жизнерадостное существо трепетало въ огнѣ любви и тревоги. Чувствуя свое безсиліе, она тихо заплакала.

На улицѣ показались группы людей, шедшихъ изъ предосторожности молча. Это были богачи и скупцы, товарищи Корнюбера, возвращавшіеся изъ клуба. Самъ онъ спалъ у себя въ домѣ, безъ заботный, какъ король.

Снова среди глубокой ночи воцарилось молчаніе. Утомленная мыслями и волненіями, Жермена встала. Боясь, чтобы отецъ не заглянулъ въ ея комнату,—что онъ дѣлалъ иногда,—она вернулась домой.

X.—Соперницы.

Въ теченіе двухъ дней хозяева обсуждали предложенія рабочихъ. Сегодня истекалъ послѣдній срокъ. Если они не согласятся, начнется стачка. Крестьяне сидѣли по домамъ въ ожиданіи. Окрестныя сёла тревожно слѣдили за этой небывалою борьбою бѣдныхъ противъ богатыхъ. Послѣ первой побѣды поднялся бы весь Лангедокъ, гордо требуя для всѣхъ равныхъ подъ солнцемъ людей справедливости и жизни.

Солнце попрежнему сіяло во всей своей красѣ. Земля любовно ждала работы сыновъ своихъ. Они точили заступы, лопаты, плуги, чинили рабочее платье.

Вокругъ клуба царила особая тишина. Собственники, собравшись на подобіе совѣта министровъ вокругъ большого стола, толковали битыхъ два часа все о томъ же. Съ перваго же слова Корнюберъ проявилъ свое превосходство: при каждомъ недоразумѣніи всѣ обращались къ нему.

Тамъ были: богачъ Лантиссу—въ старой соломенной шляпѣ, милліонеръ Гаспиль-Жиго, скупецъ, таившій подъ своею толщиной очень малую дозу великодушія, Латрюффъ—жестокій человѣкъ съ цвѣтущею наружностью весельчака и кутилы, Балатье, Лагренель — аристократы отъ бакалеи. Характеры ихъ сразу обрисовались въ минуту опасности: гуманисты, скупцы, трусы.

Всѣ они склонялись къ нѣкоторымъ уступкамъ, которыя могли бы

обмануть бѣдняковъ на время рабочей поры. Почти всѣ они, въ своей инстинктивной ненависти къ аристократамъ изъ замка Майреналь, рѣшили, что Корнюберъ долженъ жениться на дочери Красной-Головы, который, не взирая на свои протесты, будетъ гордиться тѣмъ, что войдетъ черезъ свою дочь въ усадьбу Турбъ.

— Пусть Корнюберъ рѣшаетъ: хочетъ онъ насъ спасти или нѣтъ?—объявилъ Латрюффъ послѣ шестого стакана.

— Какимъ это образомъ?

— Не сердитесь. Всѣ говорятъ, что красивѣйшая дѣвушка въ краю, притомъ изъ буржуазной семьи, нѣжно поглядываетъ на васъ, и что, будучи дѣвушкою честной, она ждетъ, что вы на ней женитесь. Если вы дѣйствительно подавали ей надежды, почему бы вамъ не осуществить ихъ? M-lle Жермена — не надо этого забывать—дочь предводителя стачки.

Корнюберъ вздрогнулъ отъ гордой радости при мысли, что равные его поощряютъ его любовь. Но онъ, ничего не боявшійся, смутился въ присутствіи маркиза и отвѣтилъ, опуская глаза:

— Вы, безъ сомнѣнія, шутите?

— Ничуть. Это кажется мнѣ вполнѣ естественнымъ.

— Разумѣется, — добродушно поддержалъ его Лантиссу:— m-lle Жермена не была бы чужою среди насъ. Наши дамы находятъ ее прелестной.

— Притомъ видно, что она не якшается съ народомъ,— прибавилъ одинъ изъ говорившихъ.

Корнюберъ оглядѣлъ ихъ съ полу-недовѣрчивой, полу-довольною улыбкой.

— Въ настоящее время не въ этомъ дѣло, — проговорилъ онъ тихо.

— Наоборотъ,—настаивалъ Латрюффъ:—если вы женитесь на этой дѣвушкѣ, васъ перестанутъ ненавидѣть. А ненавидятъ именно васъ, и эта ненависть переносится на всѣхъ насъ.

— Пустяки! Не васъ самихъ—ненавидятъ деньги и власть, которыя вы олицетворяете! — воскликнулъ маркизъ, то нервно теребя свою бородку, то поглаживая рукою мраморъ стола.

Въ своемъ униженіи бѣдняка онъ молча выслушивалъ низкія заигрыванія этихъ буржуа съ Корнюберомъ. Его терзало чувство презрѣнія къ этимъ сыновьямъ лакеевъ и страхъ, чтобы Корнюберъ не уступилъ, поступившись своею совѣстью. Надменный какъ всегда, съ этими людьми, преклонявшимися передъ властью и богатствомъ, маркизъ воскликнулъ:

— Да! Всѣ вы ошибаетесь. Что такое для народа возвы

шеніе дѣвушки, которую онъ не любитъ, и униженіе перваго человѣка среди насъ? Если глава стачечниковъ переступитъ порогъ одного изъ богачей,—мы погибли.

— Ба! Глупости!

Буржуа прервали гнѣвную рѣчь маркиза. Будучи эгоистами, они понимали его эгоистическія побужденія: онъ заботился объ интересахъ своей дочери.

Корнюберъ остановилъ ихъ.

— Простите. Это—частное дѣло, касающееся меня одного. Вы знаете, въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ нужно принять рѣшеніе, я не нуждаюсь ни въ чьихъ совѣтахъ.

Они продолжали безсовѣстно льстить ему, восхищаясь его могуществомъ, удивительной красотою дѣвушки, предназначавшейся ему въ жены. Маркизъ досадливо пожималъ тощими плечами и барабанилъ по столу. Вспыльчивый, съ горячимъ темпераментомъ, Корнюберъ краснѣлъ отъ гнѣва и боли. Онъ пригрозилъ союзникамъ порвать съ ними и внезапно согласился на всѣ предложенныя ими уступки—въ смыслѣ прибавки заработной платы и гарантій, даваемыхъ рабочимъ.

Лантису, Латрюффъ—самые скупые, и тѣ должны были преклониться предъ волею болѣе молодого, чѣмъ они, владѣльца Турба, котораго они еще считали неотесаннымъ мужланомъ. Маркизъ вздохнулъ свободно, и къ нему вернулось его обычное доброе расположеніе духа.

При выходѣ изъ клуба, онъ взялъ Корнюбера подъ-руку и проговорилъ отеческимъ тономъ:

— Народъ будетъ доволенъ вами. Надо подавать ему примѣръ доброты.

— Гм! Онъ потребуетъ большаго.

— Нѣтъ, не думайте этого. Онъ понимаетъ вашу мудрость, вашу гуманность. Если вы станете дѣйствовать въ этомъ духѣ, я ручаюсь, что у насъ скоро будетъ миръ.

Буржуа разошлись по домамъ; одинъ лишь Корнюберъ, жаждавшій воздуха и простора, отправился провожать маркиза.

Вечеръ уже окутывалъ долину и холмы, затушевывалъ зелень лѣсовъ. Бѣдняки потихоньку вышли изъ домовъ, спѣша узнать о рѣшеніи хозяевъ; они собрались въ большомъ количествѣ на площади. Жермена, подъ покровомъ тьмы, также проскользнула въ толпу мужчинъ, которою руководилъ ея отецъ, взобравшійся на камень.

Черезъ четверть часа, неизвѣстно какими путями, люди узнали объ уступкахъ, сдѣланныхъ хозяевами. Сначала они были пора-

жены, затѣмъ ощутили гнѣвъ и стыдъ. Имъ давали ничтожную милостыню.

Жермена узнала, что среди споровъ богачи упомянули о ней, о ея мечтѣ выйти замужъ за Корнюбера, и что Корнюберъ пошелъ провожать маркиза. Сердце ея сжалось отъ ревности, въ глазахъ потемнѣло. Неужели онъ измѣнилъ ей? Неужели онъ изъ тщеславія готовъ жениться на этой „наслѣдницѣ" Майреналей, не имѣющей ни красоты, ни состоянія, ничего кромѣ истрепаннаго въ теченіе вѣковъ древняго имени?

Она грустно проходила мимо запертыхъ наглухо господскихъ домовъ, когда тяжелая рука опустилась ей на плечо.

Расшибало, нѣжный и серьезный, заговорилъ съ нею тономъ мольбы:

— Наконецъ-то я вижу тебя, Жермена! Неужели ты ничего не хочешь мнѣ сказать? Богачи хотятъ отдать тебя Корнюберу, какъ продажную вещь, какъ скотину. Развѣ ты согласна на это?

— А ты любишь меня?

— Сама знаешь.

— Для меня или для себя?

— Для тебя.

Онъ отважно обнялъ ее, прижалъ къ себѣ; надежда до того опьянила его, что слезы выступили у него на глазахъ. Она рѣзко отстранилась, но въ свою очередь схватила его за обѣ руки.

— Кого изъ нихъ ты сильнѣе всего ненавидишь, Расшибало?

— Корнюбера, конечно.

— Нѣтъ, не его надо ненавидѣть, а тѣхъ—благородныхъ.

— Почему? Корнюберъ всѣхъ сильнѣе, и онъ хочетъ завладѣть тобою. Скажешь,—неправда?

— Не знаю. Если онъ гонится за мною, то онъ понапрасну тратитъ время. А ненавидѣть надо аристократовъ.

Расшибало, въ припадкѣ непонятной слабости, прислонился къ стѣнѣ. Въ сумеркахъ онъ могъ замѣтить волненіе и тревогу Жермены; его охватилъ страхъ, и онъ спросилъ:

— Ты ревнуешь его къ графинѣ? Она зарится на Турбъ и его хозяина.

Жермена тоже вздрогнула отъ страха и, приблизивъ лицо свое къ лицу Расшибалы, отвѣтила:

— Никто изъ господъ не женится на мнѣ, а я слишкомъ горда для того, чтобы позволить ему натѣшиться надъ собою. Нѣтъ! Но я ненавижу аристократовъ, а графиню—больше всѣхъ.

— Почему?

— Потому что она сѣетъ въ богатыхъ семьяхъ ненависть къ народу. Она—виною того, что зло царитъ въ нашемъ краю, что въ домахъ у насъ—неурядица. Изъ-за нея отецъ мой утратилъ свою доброту, свою разсудительность, и я сама страдаю.

— Я знаю, что она считаетъ насъ негодяями, и думаетъ, что намъ подѣломъ. Но надо истребить прежде всего богачей, владѣльцевъ усадьбъ.

— Ну, что съ тобою спорить! Я думаю, что надо начать съ замка Майреналь.

— Скажи отцу.

— Онъ меня не послушаетъ. Я говорю тебѣ, потому что ты кричишь громче другихъ и сумѣешь повести ихъ на замокъ.

— Я не отказываюсь, но кто мнѣ поручится, что у тебя нѣтъ задней мысли? Ты не хочешь пойти за меня?

— Покуда ни за кого не хочу.

— Но ты меня не отталкиваешь?

— Нѣтъ, если ты послушаешь меня.

— А можно тебя поцѣловать?

Онъ отвелъ ее въ тѣнь. Она послѣдовала за нимъ, пылая гнѣвомъ, опустивъ голову.

Она подставила ему щеки, и онъ, трепеща отъ торжествующей радости, приложился дрожащими губами къ ея щекамъ—плотнымъ и болѣе свѣжимъ, чѣмъ озаренныя солнцемъ растенія.

— Какъ я люблю тебя!—шепнулъ онъ.

— Не забудь же поднять товарищей противъ замка.

— Все сдѣлаю, все, что хочешь. Идемъ!

— Нѣтъ, пусти меня!

— До скораго свиданія.

Онъ присоединился къ толпѣ, которая, утомясь напраснымъ ожиданіемъ, медленно расходилась. Жермена продолжала стоять на мѣстѣ, наблюдая за домомъ Корнюбера, въ окнахъ котораго блестѣлъ огонекъ, но безмолвіе и мракъ, словно таящіе въ себѣ подозрѣніе, въ концѣ концовъ напугали ее,—она пошла къ дорогѣ.

Вдругъ она увидѣла ѣхавшее къ ней навстрѣчу легкое тильбюри изъ Турба. Въ немъ сидѣлъ одинъ Азема. Дрожа отъ холода и волненія, Жермена спряталась за фонтанъ. Экипажъ остановился у двери Корнюбера, которая, въ отвѣтъ на ударъ мѣднымъ молоткомъ, быстро отворилась. Азема обмѣнялся съ Корнюберомъ нѣсколькими словами, изъ которыхъ Жермена поняла, что хозяинъ ночуетъ сегодня въ Турбѣ.

Тогда, сгорая гнѣвомъ, Жермена задумала отчаянный посту-

покъ, рѣшивъ пожертвовать своею молодостью и красотою для того, чтобы завладѣть своимъ властелиномъ въ этотъ часъ величайшей опасности. Покуда онъ садился въ экипажъ, она побѣжала по дорогѣ, шедшей на Вальрозъ, затѣмъ тропинкою черезъ виноградникъ—прямо къ усадьбѣ.

Въ безуміи своемъ она гнала мысль о томъ, что ея отсутствіе можетъ быть замѣчено дома. Въ случаѣ открытія она можетъ сказать, что слѣдила за замкомъ Майреналь, и завлеченный ею Расшибало подтвердитъ ея слова.

Она радостно бѣжала по знакомой землѣ; въ полѣ, гдѣ отецъ ея выдержалъ натискъ жандармовъ, она прислонилась къ изгороди; грудь ея трепетала, какъ волна подъ дождемъ.

Вдругъ по дорогѣ раздался стукъ колесъ. Лошадь потряхивала время отъ времени бубенчиками, и красные фонари казались глазами чудовища, глядѣвшими на Жермену, какъ на добычу.

Подъемъ былъ крутой. Жалѣя лошадь, Корнюберъ пустилъ ее шагомъ и, чувствуя себя хозяиномъ, весело пощелкивалъ бичомъ.

Жермена выскочила ему навстрѣчу. Испуганная лошадь попятилась.

— Это я! Я!

Онъ стегнулъ лошадь, заржавшую отъ боли, но Жермена схватила ее за узду.

— Остановитесь! Выслушайте меня...

— Нѣтъ!

— Если вы не пустите меня сѣсть въ экипажъ, я дамъ себя раздавить. Я не пропущу васъ.

Она цѣплялась за фонарь, стараясь вскочить на подножку.

— Остановитесь, умоляю васъ!

— Хорошо. Садитесь.

Она быстро сѣла, прижимаясь къ нему, и между тѣмъ какъ лошадь рысью понесла ихъ къ дому, она обвила его руками съ тою страстью, противъ которой чувствовала себя безсильною.

— Я васъ люблю,—говорила она,—и мнѣ страшно.

— Вамъ?

— Да. Въ первый разъ въ жизни я боюсь. Народъ возбужденъ противъ васъ и уже не только на словахъ.

— Ба! Онъ не съѣстъ меня, какъ не съѣстъ и мою землю.

— Если онъ не можетъ забрать землю, то легко можетъ уничтожить ненавистнаго человѣка. Но я васъ люблю. Я не хочу, чтобы случилось несчастье.

— Жермена!

Лошадь медленно подвигалась по песчаной дорогѣ при свѣтѣ мѣсяца, игра котораго, должно быть, забавляла ее; она сворачивала въ борозды, гдѣ спали ласточки. Надъ дикими изгородями изъ кустарника вверху тамъ и сямъ поблескивали звѣзды.

Поднялся вѣтеръ; онъ гналъ съ горъ злыя тучи, и по долинѣ, которая сильнѣе благоухала въ этотъ часъ, пробѣгала лихорадочная дрожь. Холмы становились похожими на смутныя движущіяся тѣни. Мѣстечко также приняло видъ громадной скалы, съ которою собиралась сразиться туча.

По мѣрѣ приближенія къ усадьбѣ, въ виду надвигающейся печальной и грозной тѣни, Корнюберъ заговорилъ болѣе серьезнымъ тономъ:

— Сойдите, Жермена. Будьте благоразумной.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу. И я очень благоразумна.

— Смотрите! Вы знаете, что покуда вы были въ горахъ, меня обвиняли въ томъ, что я прячу васъ у себя, какъ сокровище.

— Я знаю. Мнѣ все равно. Я хочу быть вашимъ сокровищемъ, которое вы дѣйствительно спрятали бы у себя отъ всѣхъ и... навсегда.

— Прятать васъ у себя? Это было бы обманомъ и безумствомъ. Я этого не сдѣлаю.

— Тѣмъ хуже. Я остаюсь у васъ.

— За вами придутъ сюда.

— Вы не выдадите меня никому—вотъ и все.

— Послушайте, это невозможно. Если вы не боитесь себя скомпрометировать, неужели вы хотите возбудить противъ себя общую ненависть?

— Тѣмъ хуже, если я васъ скомпрометирую. Я не могу, не должна болѣе васъ оставлять. Нѣчто сильнѣйшее меня велитъ мнѣ охранять васъ, наблюдать, въ моихъ собственныхъ интересахъ, за вашими словами и поступками...

— Чего же вы боитесь?

— Всего! Всего! Пусть я лучше умру, чѣмъ потеряю васъ.

— Ну, если вы отказываетесь сойти, я поверну лошадь и отвезу васъ въ деревню.

Корнюберъ потянулъ за поводья, но она остановила его—растерянная, умоляющая.

— Нѣтъ, нѣтъ, не въ деревню... Я должна что-то сказать вамъ.

Утомленный борьбою съ дѣвушкою, которая, не взирая на

свое безуміе, нравилась ему, онъ уступилъ. Притомъ онъ опасался, чтобы, въ случаѣ сопротивленія, она не надѣлала какихъ-нибудь глупостей, которыя еще сильнѣе возбудили бы людей противъ него. Эти любовныя и денежныя битвы, которыми судьба удручала его потому, что онъ былъ богатымъ человѣкомъ, порою вызывали въ немъ отвращеніе.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—вы войдете съ тѣмъ, чтобы довѣрить мнѣ ваши тайны, но будьте благоразумны.

— Не бойтесь. Я знаю, чего хочу.

Они остановились у террасы. Корнюберъ, плѣняя Жермену своею любезностью, сошелъ первый для того, чтобы подать ей руку.

— Подождите меня одну минуту, Жермена.

— Пожалуйста. Я не боюсь остаться здѣсь одна. У васъ я никогда не стану бояться.

— Дитя!

Держа лошадь за уздечку, онъ отвелъ ее съ экипажемъ на ферму и, вернувшись назадъ, однимъ прыжкомъ очутился на террасѣ. Жермена съ прежнею рѣшимостью схватила его за руку.

— Мы будемъ одни?

— Да. Но Азема скоро вернется изъ деревни.

Тучи неслись съ горъ—густыя, разбросанныя, подобныя кустамъ; онѣ отбрасывали черныя тѣни на долину, на деревни, лѣпившіяся по склонамъ холмовъ. Шумѣли оливковыя, еще сѣроватыя деревца, наклоняемыя порывами вѣтра.

Усадьба, расположенная на горѣ, въ центрѣ обширныхъ владѣній, блистала мертвенною бѣлизной. Луна струила лучи свѣта на дорожки, извивавшіяся подобно ручейкамъ.

Корнюберъ отворилъ массивную дверь. Жермена, держась позади него, вошла съ чувствомъ почтенія и благоговѣнія въ этотъ домъ, котораго она не видѣла съ дней своего дѣтства и который облагородило богатство.

Они молчали. При свѣтѣ фонаря, она шла покорно и застѣнчиво. Глаза ея были опущены, и сердце въ ея сильной груди трепетало, какъ птица.

Наконецъ, они вошли въ рабочій кабинетъ, теплый, убранный зеленѣющими растеніями и картинами, съ мебелью, обитою бархатомъ и пурпуровою тканью, въ кабинетъ, устланный коврами,—настоящій домашній рай, о существованіи котораго она не имѣла до сихъ поръ понятія.

Корнюберъ, не взирая на свое мужество, дрожалъ отъ страха.

Чего хотѣла отъ него взбалмошная дочь Красной-Головы? Удастся ли ему отдѣлаться безъ скандала отъ ея приставаній? Онъ не безъ труда зажегъ лампу, хрупкую и красивую какъ роза.

Усѣвшись въ кресло, онъ принялъ улыбающійся, беззаботный видъ.

— Ну, въ чемъ дѣло, Жермена? Говорите прямо.

Она взглянула на него своими прекрасными удивленными глазами, не рѣшаясь высказать то, что было у нея на душѣ. Въ этихъ массивныхъ стѣнахъ она чувствовала себя маленькою и безсильною, какъ залетѣвшая стрекоза, и покраснѣла отъ смущенія.

— Ну, что же вы молчите, Жермена,—въ чемъ дѣло?

— Вотъ въ чемъ,—воскликнула она рѣзко,—не угадываете, что-ли? Вы должны мнѣ сказать: да или нѣтъ. Любите вы меня или не любите?

— Какъ? Ради того, чтобы привести меня къ исповѣди, вы такъ стремились видѣть меня поздней ночью?

— Не смѣйтесь, прошу васъ, не насмѣхайтесь надо мною! Говорятъ, что на собраніи хозяевъ вы отвергли меня, когда одинъ изъ вашихъ упомянулъ обо мнѣ. Говорятъ, что вы пошли съ маркизомъ въ замокъ для того, чтобы ухаживать за его дурою-дочерью.

— Кто это говоритъ?

— Всѣ. А вы всего себя обѣщали мнѣ. Я ревнива. Вы должны оставить меня здѣсь.

— Бѣдная моя Жермена, не волнуйтесь!..

— Любите ли вы меня?

— Да. Вы это знаете. Но въ такое тревожное время нужно быть осторожнымъ. Если я вожу компанію съ аристократами изъ замка, чего же вамъ тревожиться? Это отвлекаетъ подозрѣнія. Народъ возненавидѣлъ бы меня еще сильнѣе, еслибы онъ зналъ, что я хочу овладѣть вами. Зная, что въ этомъ мое счастье, онъ всякою цѣною постарался бы помѣшать этому счастью.

Корнюберъ говорилъ нѣжно и ласково, приближая свое лицо, которое онъ подпиралъ руками, къ Жерменѣ, и глубокій, искренній тонъ его обѣщаній взволновалъ ее до глубины души.

Онъ отважно лгалъ, увѣренный, что дѣлаетъ это ради доброй цѣли. Жермена, очевидно, страдала, чувствуя себя, въ качествѣ дочери бывшаго буржуа, униженной въ своемъ теперешнемъ положеніи, среди обнищавшаго, раздраженнаго народа. Тоска по богатству доводитъ ее до отчаянія. Ощущая къ ней истинную жалость, Корнюберъ готовъ былъ на всевозможныя клятвы, на

всякія обѣщанія, какихъ бы ей ни вздумалось потребовать отъ него.

По мѣрѣ того какъ она успокаивалась, онъ все ласковѣе улыбался, и она тоже улыбалась. Она была счастлива, что видитъ и слышитъ его въ этотъ поздній часъ, въ этой царственной усадьбѣ, куда съ каждою новою зарей неслись ея надежды.

— Такъ это правда? Вы любите меня одну? Значитъ, вы можете оставить меня у себя.

— Это было бы безуміемъ. Что я стану дѣлать съ вами? За вами придутъ. Вашъ ужасный отецъ подастъ на меня въ судъ, и вы будете навѣки потеряны для меня.

— Боже мой!—простонала она:—какое несчастье быть бѣдняками!

И, закрывъ лицо руками, она заплакала.

— Полноте, полноте... Вы—дитя, Жермена.

Онъ не зналъ, что сказать, тронутый ея горемъ — такимъ искреннимъ и наивнымъ. Наступило долгое молчаніе.

Вѣтеръ все быстрѣе кружилъ вокругъ усадьбы. Говоръ рѣки, разлившейся весною, звучалъ все тревожнѣе и взволнованнѣе. Это земля молила горы о грозѣ, которая освѣжила бы поля, виноградники, запыленныя изгороди.

Корнюберъ, подойдя къ Жерменѣ, отвелъ ея руки отъ ея лица и проговорилъ съ добротою:

— Вы неблагоразумны. Ради вашего блага и моего—уходите скорѣе!

Она взглянула на него, сіяя нѣжностью, и повторила:

— Вы любите меня?

— Да, Жермена.

— Значитъ, я могу уйти?

— Да, Жермена. Вѣрьте мнѣ, такъ будетъ лучше,—особенно для васъ. Ступайте!

Она устало поднялась, взволнованная его утѣшеніями, и постаралась сквозь слезы улыбнуться ему.

— Я ухожу. Когда же я вернусь сюда?

Онъ держалъ ея руку и, боясь ее огорчить, не проронилъ ни слова.

На порогѣ террасы они вздрогнули отъ ночного холода и рѣзкаго горнаго вѣтра.

— Гроза!

— Ничего не значитъ. Я добѣгу домой до дождя.

Она слегка нагнулась къ нему. Онъ робко поцѣловалъ ее въ щеки.

— Прощайте!—проговорила Жермена съ рыданіемъ.

Она бѣгомъ побѣжала по дорогѣ.

А Корнюберъ, неподвижно стоя на террасѣ, словно удерживаемый смутною тревогою и угрызеніемъ совѣсти, долго слѣдилъ за ней глазами въ темнотѣ.

Въ деревнѣ всѣ спали, не слыша учащавшихся порывовъ вѣтра, несшихся съ горъ.

Съ франц. О. Ч.

ЛЮСИ

ПОЭМА.

Изъ Альфреда де Мюссэ.

Когда я умру, на могилѣ моей
Вы иву, друзья, посадите...
Пусть блещетъ печальной красою своей...
Лелѣйте ее и ростите...
Люблю ея блѣдный жемчужный нарядъ,
Онъ тихо ласкаетъ и радуетъ взглядъ...
Онъ дѣвственно-юнъ и прекрасенъ...
Пусть такъ же мой сонъ будетъ ясенъ...

* * *

Былъ вечеръ... Мы тихо сидѣли вдвоемъ...
Она наклонилась къ роялю
И нѣжно, чуть слышно играла на немъ
Мотивы любви и печали...
И были тѣ звуки истомой полны,
Какъ лѣсъ передъ близкой грозою,
Несмѣлы, неясны и еле слышны,
Какъ вѣтеръ весенней порою...
А лѣтняя ночь свой душистый покровъ
На насъ надвигала пугливо...
И былъ онъ пропитанъ дыханьемъ цвѣтовъ,
Пестрѣвшихъ въ саду молчаливо...

Зеленые кедры въ старинномъ саду,
И дубъ, и каштанъ, и чинара
Неслышно качались, какъ будто въ чаду,
Какъ будто въ похмельи угара...
Мы замерли... Въ нишу большого окна
Врывалось дыханіе ночи...
А ночь? Та была и темна, и ясна,
Какъ южной красавицы очи...
Задорная юность въ насъ била ключомъ...
Люси, весела и игрива,
Была моимъ свѣтлымъ, желаннымъ лучомъ,
Какъ утро нѣжна и красива...
Волна золотистыхъ прекрасныхъ кудрей
Спадала на станъ ея стройный...
И ясенъ былъ блескъ ея синихъ очей,
Какъ небо невинно-спокойный...
Ея красота опьяняла меня...
Такъ моря лазурныя волны
Пьянятъ и ласкаютъ, зовя и маня,
Задумчивой прелести полны...
Мы долго молчали... Горячей рукой
Касаясь руки ея нѣжной,
Я жадно ловилъ ея взоръ голубой
И обликъ лица бѣлоснѣжный...
И поняли мы въ тотъ божественный мигъ,
Что сердце въ порывахъ не властно...
Не властны и люди въ восторгахъ своихъ,
А юность сильна и прекрасна...
Съ далекихъ небесъ золотая луна
На насъ равнодушно глядѣла...
И нѣгой, и тихою грезой полна,
Люси, словно ангелъ, запѣла...

. . . . . .

. . . . . .

О ты, гармонія, дитя печали!
Языкъ любви, тебя создалъ Зевесъ!
Изъ странъ прекрасныхъ къ намъ тебя прислали,
А въ эти страны ты сошла съ небесъ!..
Языкъ любви, загадочный и сладкій,
Ты полонъ тайнъ, но ясенъ и безъ словъ!
Ты—дѣвушка, которая украдкой
Стыдливо прячетъ первую любовь...

Ея слеза, упавшая случайно
Изъ голубыхъ полузакрытыхъ глазъ,
Такая же божественная тайна,
Какой весь міръ является для насъ...
Романсъ Люси въ душѣ моей влюбленной,
Какъ эха звукъ, въ пространствѣ угасалъ...
И полонъ былъ торжественности сонной
Уже дремавшій и пустынный залъ...
Люси во мнѣ чело свое склонила,
Невинное, усталое чело...
Оно уже печать тоски носило,
Когда, какъ роза майская, цвѣло...
Ты плакала, а я въ порывѣ нѣжномъ
Къ устамъ твоимъ взволнованно припалъ
И грустный взоръ, и вздохъ твой безнадежный
Душой своей тревожной постигалъ...
И понялъ я, что ты, какъ Дездемона,
Была тогда во власти новыхъ чувствъ...
Я понялъ смыслъ сорвавшагося стона
Съ твоихъ печальныхъ и прелестныхъ устъ...
Прошло, какъ сонъ, сіяющее лѣто...
Ушла и ты въ надзвѣздные края...
Тяжелъ былъ мигъ послѣдняго привѣта,
Когда на вѣкъ съ тобой прощался я...
Я цѣловалъ чело твое нѣмое
И блѣдное, какъ въ тотъ вечерній часъ..
Ты—лилія, не вынесшая зноя
И навсегда покинувшая насъ...
Печаль моя была неутолима:
Съ тобой ушла души моей весна...
Какъ нѣжная улыбка серафима,
Была и смерть, и жизнь твоя ясна...

* * *

О, милая юность! Надежды, мечты!..
Наивнаго сердца признанья!..
Таятся въ васъ перлы святой чистоты
И дивный огонь обаянья!..
Вамъ чужды притворство, измѣна и ложь!..
Вы гордо надъ міромъ царите!

Самъ Фаустъ испытывалъ трепетъ и дрожь,
Когда онъ входилъ къ Маргаритѣ...
А ты, дорогая, прости навсегда...
Миръ праху уснувшей навѣки!..
Ничто не пробудитъ уже никогда
Твои неподвижныя вѣки...
Ничто... никогда! Какъ мучительно жаль,
Что пальчики рукъ этихъ тонкихъ
Уже не заставятъ заплакать рояль
Напѣвомъ задумчиво-звонкимъ!..

. . . . . .

Когда я умру, на могилѣ моей
Вы иву, друзья, посадите...
Пусть блещетъ печальной красою своей!..
Лелѣйте ее и ростите...
Люблю ея блѣдный жемчужный нарядъ,
Онъ тихо ласкаетъ и радуетъ взглядъ...
Онъ дѣвственно-юнъ и прекрасенъ...
Пусть такъ же мой сонъ будетъ ясенъ...

Зинаида Ц.

ЧЛЕНЪ ПАРЛАМЕНТА

РОМАНЪ.

Catherine Cecil Thurston. John Chilcote. M. P.—London. 1906.

VIII *).

Въ жизни каждаго человѣка бываютъ моменты тяжкихъ предчувствій, полнаго отчаянія, а также моменты побѣднаго чувства. Лодеру были знакомы всѣ эти настроенія. Но ничто не могло сравниться съ хаосомъ чувствъ въ ту минуту, когда онъ, одѣтый въ платье другого человѣка, впервые открылъ карманнымъ ключомъ дверь въ домъ другого человѣка.

Онъ продѣлалъ это съ величайшимъ спокойствіемъ. Ключъ безшумно вошелъ въ замокъ; Лодеръ увѣреннымъ движеніемъ повернулъ его, хотя сердце его сильнѣе забилось на минуту. Передняя съ ея тяжеловѣсной, строгой мебелью произвела на него нѣсколько жуткое впечатлѣніе, несмотря на яркій электрическій свѣтъ. Вся отдѣлка была выдержана въ черныхъ и коричневыхъ тонахъ. Стѣны были украшены бронзовыми павлинами съ распущенными хвостами. Перила лѣстницы были чугунныя, также какъ огромный чугунный каминъ.

Лодеръ быстро оглянулся вокругъ себя и пошелъ впередъ. Онъ опять сталъ волноваться, поднимаясь по лѣстницѣ и касаясь рукой холодныхъ перилъ; но съ каждымъ шагомъ его увѣренность возрастала. Наверху лѣстницы сердце у него забилось опять сильнѣе, точно уличая его рѣшимость во лжи. Издали, въ концѣ ярко освѣщеннаго корридора онъ замѣтилъ горничную,

*) См. выше: январь, стр. 281.

которая направлялась какъ разъ ему навстрѣчу. У него закружилась голова. Онъ пересталъ соображать, увѣренный, что теперь сейчасъ все раскроется. Онъ такъ твердо сознавалъ, что онъ именно Джонъ Лодеръ, а не кто другой—несмотря на свою одежду и несмотря на свою смѣлость,—что всѣ другія соображенія теряли силу. Достаточно было одного слова, одной подробности, которая бы его выдала,—и все зыбкое зданіе сразу разрушится. Но ожиданіе катастрофы было такъ мучительно, что онъ почти желалъ скорѣйшей развязки.

Дѣвушка, однако, молча подходила къ нему; молчаніе ея казалось ему такимъ невѣроятнымъ, что онъ невольно тоже пошелъ впередъ. Онъ уже былъ на разстояніи не болѣе аршина отъ нея, а она все еще ничего не говорила. Когда же онъ прошелъ мимо нея, она почтительно отошла къ стѣнѣ. Все это произошло въ нѣсколько секундъ, но это время показалось ему нескончаемо длиннымъ. Страхъ передъ раскрытіемъ тайны перешелъ у него вдругъ въ вызывающее отношеніе къ судьбѣ. Онъ остановился, обернулся и позвалъ дѣвушку. Тамъ, гдѣ онъ стоялъ, было очень свѣтло; лампа висѣла какъ разъ надъ его головой. Когда дѣвушка подошла, онъ рѣшительно поднялъ лицо и подождалъ съ секунду. Она смотрѣла на него безъ удивленія и безъ любопытства.—Что прикажете, сэръ?—спросила она.

— Миссисъ дома?—спросилъ онъ. Другой вопросъ ему не пришелъ въ голову, но и этотъ годился для перваго опыта.

Дѣвушка все еще не выказывала ни малѣйшаго удивленія.—Нѣтъ,—отвѣтила она.—Но она вернется черезъ полчаса.

— Черезъ полчаса? Хорошо.

Онъ твердо пошелъ назадъ, по направленію къ лѣстницѣ, потомъ повернулъ направо и открылъ дверь въ комнаты Чилькота. Дверь открывалась въ короткій широкій корридоръ. Съ одной стороны былъ рабочій кабинетъ, съ другой—ванная и уборная. Все это устройство онъ хорошо зналъ по частымъ и подробнымъ описаніямъ Чилькота, но все-таки чувствовалъ полную неосвоенность; съ этимъ смѣшаннымъ чувствомъ онъ подошелъ къ двери кабинета и открылъ ее.

Въ кабинетѣ былъ зажженъ свѣтъ и топился каминъ. Чувствовалась мирная рабочая атмосфера. Это впечатлѣніе было первымъ, и Лодеръ на секунду подумалъ о томъ, дѣйствительно ли Чилькотъ совершенно добровольно отказался отъ всего этого. Потомъ его вниманіе отвлечено было другими, болѣе важными дѣлами. Въ ту минуту, какъ онъ входилъ, новый секретарь какъ разъ ставилъ какую-то книгу на полку. Увидавъ Лодера, онъ обернулся къ нему.

— Я собираю кое-какія свѣдѣнія о политическомъ положеніи Хорасана,—сказалъ секретарь, взглянувъ на Лодера нѣсколько тревожнымъ взглядомъ.

Это былъ маленькій, робкій человѣкъ безъ всякаго положенія въ обществѣ, но необыкновенно ученый—полная противоположность ловкаго Блесингтона, мѣсто котораго онъ занялъ. Лодеръ выдержалъ его испытующій взоръ, не моргнувъ. Ему стало ясно, что каждая встрѣча съ взглядомъ новаго человѣка будетъ для него источникомъ напряженнаго интереса и даже волненія. Съ этой мыслью онъ подошелъ къ письменному столу.

— Благодарю васъ, Гриннингъ,—сказалъ онъ.—Ваша работа очень пригодится намъ.

Секретарь взглянулъ на него нѣсколько удивленно. За двѣ недѣли службы терпѣніе его часто подвергалось тяжелымъ испытаніямъ.

— Я очень радъ, что вы такого мнѣнія,—сказалъ онъ рѣшительно.—А вѣдь сегодня утромъ, если вы помните, вамъ это казалось пустымъ дѣломъ.

Лодеръ снималъ пальто, но остановился на минуту.—Сегодня утромъ?— спросилъ онъ.—Вы говорите, что сегодня утромъ мнѣ это казалось пустымъ дѣломъ?—Онъ хотѣлъ воспользоваться этими словами для своихъ цѣлей. Онъ обернулся къ секретарю.

— Вы еще не знаете меня, Гриннингъ,—сказалъ онъ,—и вамъ слѣдуетъ освоиться съ моимъ характеромъ и моими привычками. Дѣло въ томъ, что у меня часто мѣняются настроенія. До сихъ поръ вы меня знали безвольнымъ и непостояннымъ; но я могу, если нужно, быть совсѣмъ другимъ.—Онъ засмѣялся, и Гриннингъ присоединился къ его смѣху несовсѣмъ увѣренно. Очевидно, до сихъ поръ Чилькотъ не допускалъ никакой фамильярности въ обращеніи съ секретаремъ. Лодеръ взглянулъ на Гриннинга, и сразу понялъ, что этотъ испуганный, подобострастный человѣкъ очень одинокъ и совершенно не знаетъ жизни и людей.

— Вы устали,—сказалъ онъ ласковымъ тономъ.—Идите спать. Мнѣ еще хочется подумать кое о чемъ. Спокойной ночи!—Онъ протянулъ ему руку.

Гриннингъ пожалъ ее, все еще не зная, какъ отнестись къ этому новому проявленію столь сложнаго характера.

— Спокойной ночи, мистеръ Чилькотъ,—сказалъ онъ.—Если желаете, я завтра соберу еще дальнѣйшія свѣдѣнія. Надѣюсь, что сегодняшнюю ночь вы проспите спокойно.

Лодеръ съ удивленіемъ взглянулъ на него, но тотчасъ же вспомнилъ, къ кому эти слова относятся.

— Благодарю васъ, Гриннингъ,—сказалъ онъ.—Ваше пожеланіе, кажется, исполнится.

Онъ поглядѣлъ вслѣдъ маленькому секретарю, который тихо, точно извиняясь въ своемъ существованіи, направился къ двери. Потомъ онъ подошелъ къ камину, оперся на него обоими локтями и опустилъ голову на руки. Такъ онъ простоялъ недвижимо нѣсколько минутъ; потомъ руки его опустились и онъ медленно обернулся. За это короткое время онъ все обдумалъ и рѣшилъ, какъ ему дѣйствовать. Легкая нервность, которая сказывалась въ его обрывистой рѣчи и чрезмѣрной ласковости, исчезла, и онъ твердо глядѣлъ въ лицо дѣйствительности.

Успокоившись, онъ сталъ внимательно оглядывать комнату. Все ему здѣсь нравилось: великолѣпная библіотека, яркій свѣтъ лампъ, столъ и стулья, приспособленные какъ нельзя лучше для чтенія, писанія и размышленія. Все это было когда-то и у него, и объ этомъ онъ съ тѣхъ поръ только мечталъ, а тутъ опять его окружилъ прежній комфортъ—только при еще большей роскоши. А роскошь доставляетъ особенно большое наслажденіе, когда человѣку долго недоставало ея. Лодеръ жилъ очень просто и воздержно, и еще три недѣли тому назадъ считалъ себя застрахованнымъ отъ всякаго искушенія,—но вдругъ раздался голосъ жизни, и что-то откликнулось на этотъ голосъ въ его душѣ убѣдительно и громко, заглушая скептицизмъ и тѣмъ самымъ завоевывая себѣ право на существованіе. Это былъ голосъ затаеннаго честолюбія. Но теперь, когда Лодеръ очутился въ новой сферѣ, еще другой, новый голосъ зазвучалъ въ его душѣ. Проснулась любовь къ предметамъ и заглушила послѣдній остатокъ мудрости. Онъ увидѣлъ въ новомъ свѣтѣ все окружавшее его въ кабинетѣ Чилькота; мягкіе ковры, нѣжный свѣтъ, безчисленные предметы роскоши, безполезные, но составляющіе радость жизни своей красотой. Онъ увидѣлъ теперь во всемъ этомъ воплощеніе силы. Прекрасные переплеты книгъ, тихая гармонія обстановки, льстивость и услужливость подчиненныхъ—все это были въ его глазахъ внѣшніе знаки силы. А онъ-то думалъ, что давно забылъ обо всемъ этомъ.

Лодеръ медленно прошелъ по комнатѣ, потомъ взялъ лежавшія на столѣ бумаги и сталъ ихъ разсматривать. Въ нихъ было что-то внушительное; онѣ заключали въ себѣ нѣчто цѣнное и реальное; Лодеру казалось, что въ нихъ—ключъ ко многимъ мучительнымъ вопросамъ. Рядомъ съ бумагами лежала кучка писемъ, аккуратно сложенныхъ одно на другое и еще не открытыхъ. Онъ сталъ ихъ разглядывать. Всѣ они были толстыя и ка-

зались интересными. Онъ внутренно разсмѣялся, вспомнивъ свою собственную скудную корреспонденцію — очень тонкіе конверты или толстые пакеты: возвращенныя рукописи, или же чеки. Разсортировавъ письма, онъ на минуту остановился. Нужно было приняться за чтеніе ихъ, а онъ еще никогда въ жизни не открывалъ письма, адресованнаго другому человѣку.

Онъ все еще колебался и держалъ письма въ рукѣ. Вдругъ на лицѣ его отразилось удивленіе и выжиданіе; онъ поднялъ голову: кто-то стоялъ передъ дверью, которую Гриннингъ не плотно прикрылъ. Черезъ секунду Лодеръ услышалъ шелестъ женскихъ юбокъ, нетвердый стукъ въ дверь—и въ комнату вошла молодая женщина.

Она постояла нѣсколько секундъ на порогѣ, потомъ, когда Лодеръ всталъ, не говоря ни слова,—вошла въ комнату. Она видимо пріѣхала съ вечера; перчатки она уже сняла, но на ней было еще длинное манто, отдѣланное кружевами и мѣхомъ.

Въ ту же секунду, какъ она вошла въ комнату, Лодеръ понялъ, что это—жена Чилькота, и неожиданно для себя очень растерялся. Онъ молча продолжалъ стоять у письменнаго стола, потомъ наконецъ повернулся и взглянулъ ей прямо въ лицо.

Она сняла манто и стояла у огня. Ей приходилось проходить черезъ жизнь одной, безъ поддержки, и это отражалось въ самоувѣренности и твердости ея движеній. Но когда она стояла въ своемъ свѣтло-синемъ платьѣ на темномъ фонѣ кабинетной обстановки, то прежде всего поражала своей моложавостью, противорѣчившей первому впечатлѣнію. Лодеръ съ удивленіемъ вспоминалъ слова Чилькота о женѣ, о томъ, что она—холодная и не симпатичная. Напротивъ того, ея появленіе не испугало его, какъ видъ служанки. И все же въ ея чертахъ было нѣчто, еще болѣе тревожившее его, чѣмъ боязнь быть узнаннымъ и уличеннымъ; онъ видѣлъ въ ея глазахъ ласковость, за которой навѣрное скрывалось другое чувство. Но онъ никакъ не могъ сказать, что это за чувство: недовѣріе, сомнѣніе или дѣйствительное отвращеніе.

Лодеръ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ подошелъ снова къ письменному столу и продолжалъ сортировать письма Чилькота. Онъ ждалъ, чтобы жена Чилькота заговорила первая.

Она обернулась къ нему, какъ бы угадывая его мысли.

— Я, можетъ быть, мѣшаю,—сказала она. — Если ты занятъ...

Въ Лодерѣ заговорила вѣжливость. Онъ былъ всегда учтивъ съ женщинами, и теперь опять вспомнилъ старину.

— Ничуть,—отвѣтилъ онъ. — Я только просматриваю мои письма. А ты важнѣе писемъ.

Онъ чувствовалъ, что говоритъ торопливо отъ волненія, но Ева, въ противоположность секретарю, не придала этому значенія. Она достаточно знала Чилькота за шесть лѣтъ замужества.

— Я обѣдала у Фрэдовъ,— сказала она. — И Фрэдъ поручилъ мнѣ поговорить съ тобой.

Лодеръ невольно улыбнулся. Ему казалось невообразимо комичнымъ, что Фрэдъ, знаменитый государственный дѣятель Фрэдъ, состоитъ въ сношеніяхъ съ нимъ. Чтобы скрыть свою улыбку, онъ сталъ пододвигать большое кресло къ камину.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ.—Не присядешь ли ты?

Онъ теперь подошелъ къ ней совсѣмъ близко, и могъ ясно разглядѣть ея черты. Изумленіе его было огромное. Чилькотъ говорилъ объ ея успѣхахъ въ обществѣ, объ ея умѣ, но никогда не упоминалъ объ ея красотѣ; а между тѣмъ красота эта была чрезвычайно оригинальная. Волосы у нея были черные—не блестящаго, а матово-чернаго цвѣта; глаза были большіе и поразительно чистаго синяго цвѣта, рѣсницы очень черныя и густыя. Лодеръ самъ себя поймалъ на изученіи всѣхъ этихъ подробностей.

— Не хочешь ли сѣсть? — повторилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, отрываясь отъ своихъ мыслей.

— Благодарю...—Она съ серьезнымъ видомъ направилась къ креслу, но, проходя мимо Лодера, безсознательно придержала платье рукой, чтобы не коснуться его. Это движеніе ему почему-то было непріятно.

— Что-же Фрэдъ поручилъ мнѣ сказать?—холодно спросилъ онъ.

Вѣрный своей привычкѣ, онъ подошелъ къ камину, оперся на него и пытливо глядѣлъ на нее. Онъ уже не старался закрывать лицо. Ея равнодушіе и безучастіе дѣйствовали на него вызывающимъ образомъ. Онъ помнилъ, что относился самъ съ полнымъ презрѣніемъ къ Чилькоту, но въ первый разъ въ немъ проснулось желаніе проявить свою собственную индивидуальность. Нѣсколько взволнованный этими противорѣчивыми чувствами, онъ сталъ искать портсигаръ въ карманахъ Чилькота.

— Вотъ вѣдь твои папиросы, — сказала Ева, замѣтивъ его движеніе, и протянула ему лежавшій подлѣ нея на столикѣ маленькій кожаный портсигаръ.

— Благодарю. — Онъ протянулъ руку за портсигаромъ, и замѣтилъ, что она взглянула на его кольца. Губы ея полуоткрылись, точно она хотѣла громко удивиться или спросить его, но

она не произнесла ни слова. Этотъ инцидентъ показалъ Лодеру лучше всякихъ словъ, какая пропасть раздѣляетъ мужа и жену.

— Ну, такъ что же съ Фрэдомъ?—спросилъ онъ.

Она выпрямилась и взглянула ему прямо въ лицо, какъ бы собираясь съ силами для труднаго дѣла:

— Мистеръ Фрэдъ, какъ всегда, принимаетъ близкое участіе въ тебѣ,—начала она.

— Или, вѣрнѣе, въ тебѣ?—Лодеръ сказалъ это совершенно тономъ Чилькота, и сразу пожалѣлъ объ этихъ словахъ. Ева сильно покраснѣла. На секунду опять промелькнуло въ ея глазахъ неописуемо-странное выраженіе, удивившее Лодера съ самаго начала, потомъ она снова опустилась въ кресло.

— Почему ты всегда насмѣхаешься надъ моими друзьями?—спокойно спросила она.—Я не обращаю на это вниманія, когда у тебя нервы не въ порядкѣ.—Она слегка запнулась на этихъ словахъ.—Но сегодня ты, кажется, не въ нервномъ состояніи.

Лодеръ почувствовалъ, что краснѣетъ. За исключеніемъ рѣдкихъ вспышекъ м-ссъ Робинъ, смотрѣвшей за его хозяйствомъ, онъ никогда еще не навлекалъ на себя неудовольствія женщинъ.

— Прости, это я не нарочно,—сказалъ онъ.—Я не хотѣлъ обидѣть тебя моими словами.

Ева впервые оживилась. Она взглянула на него съ удивленіемъ.—Если ты искренно извиняешься,—сказала она съ легкимъ недовѣріемъ,—то я съ удовольствіемъ принимаю твое извиненіе. Но...—она остановилась.

Лодеръ не зналъ, какъ ему отнестись къ ея словамъ, и подошелъ опять къ столу, держа въ рукѣ незажженную папиросу. Наступила минутная пауза; наконецъ, чувствуя неловкость молчанія, Ева поднялась. Она взглянула на Лодера, опершись рукой на спинку стула.

— Мистеру Фрэду очень жалко,—она остановилась, подыскивая слова,—что ты становишься безучастнымъ ко всему, что дѣлаешь. Онъ много думалъ о тебѣ за послѣднія три недѣли, съ того дня, какъ тебѣ сдѣлалось дурно въ парламентѣ; и ему кажется,—она опять прервала себя, глядя на Лодера, который отвернулъ голову,—ему кажется, что если ты теперь сдѣлаешь усиліе надъ собой, то и здоровье твое поправится. Онъ увѣренъ, что теперешній политическій кризисъ можетъ сильно выдвинуть тебя. Тотъ фактъ, что твои торговые интересы связаны съ Персіей, придаетъ двойное значеніе каждому твоему слову.—Она все болѣе оживлялась, и голосъ ея становился теплымъ.—Мистеръ Фрэдъ говоритъ, что ты подавалъ большія

надежды въ началѣ твоей карьеры. Онъ сказалъ, что еслибы ты опять сталъ такимъ же, какимъ былъ тогда, то въ успѣхѣ нельзя сомнѣваться.—Она говорила торопливо, точно боясь, что Лодеръ прервetъ ее насмѣшкой.—Онъ просилъ меня употребить мое вліяніе. Я знаю, что никакого вліянія у меня нѣтъ, но я обѣщала ему поговорить съ тобой, и должна сдержать обѣщаніе.

Слова и голосъ Евы произвели сильное впечатлѣніе на Лодера. Онъ чувствовалъ, какое огромное усиліе она дѣлаетъ надъ собой, и его презрѣніе къ Чильвоту еще усилилось.

— Я рѣшилъ... — началъ было онъ, обращаясь къ ней. Но ему показалось нелѣпымъ давать какія-либо неопредѣленныя обѣщанія.—Я подумаю о твоихъ словахъ,—сказалъ онъ помолчавъ.—Только это я и могу обѣщать.

Ихъ глаза встрѣтились, и она слабо улыбнулась.

— Я и этого не ожидала,—сказала она.—Теперь я пойду. Ты такъ терпѣливо выслушалъ меня,—я очень поражена.—Она опять улыбнулась и протянула руку.

Движеніе ея было привѣтливое, но Лодеру показалось, что въ немъ сказывалось облегченіе, а не привязанность, и онъ замѣтилъ, что ея пальцы только слегка коснулись его руки. Онъ взялъ ея манто, понесъ его къ дверямъ, открылъ дверь Евѣ и передалъ ей манто.

— Я подумаю о твоихъ словахъ,—повторилъ онъ.

Опять она взглянула на него, какъ бы опасаясь насмѣшки; затѣмъ, слегка успокоенная, остановилась у дверей.

— Ты будешь всегда упускать благопріятные случаи въ жизни,—сказала она,—а я буду всегда завидовать тебѣ въ томъ, что судьба тебѣ ихъ даетъ. Обычная разница между мужчинами и женщинами. Спокойной ночи!—Она улыбнулась ему и вышла въ корридоръ.

Лодеръ обождалъ, пока закрылась наружная дверь, затѣмъ прошелъ задумчиво черезъ комнату и опустился въ кресло, на которомъ она сидѣла. Онъ глядѣлъ долго на свою руку, которой касались ея пальцы; затѣмъ онъ поднялъ голову рѣзкимъ движеніемъ.

— Чортъ возьми,—сказалъ онъ, — какъ искренно она его ненавидитъ!

IX.

Лодеръ отлично проспалъ ночь въ постели Чилькота подъ высокимъ балдахиномъ. Строгая пышность обстановки не произ-

водила на него удручающаго впечатлѣнія, какъ на хозяина комнаты. Тяжелая мебель, высокій потолокъ, пышныя драпировки — все такое же, какъ при дѣдѣ Чилькота,—свидѣтельствовали о давно накопленномъ богатствѣ. Это поднимало духъ Лодера. Правда, владѣніе всѣмъ этимъ было для него миражемъ, но онъ радъ былъ и миражу, который могъ заполнить жизнь хоть на одинъ день.

Въ такомъ настроеніи онъ проснулся на слѣдующее утро и лежалъ нѣкоторое время, наслаждаясь удобствомъ постели и радуясь свѣту, струившемуся сквозь оконныя занавѣски. Здоровому человѣку все кажется возможнымъ въ ясный солнечный день. Онъ съ наслажденіемъ вытянулъ руки, съ удовольствіемъ ощущая прикосновеніе мягкаго и тонкаго постельнаго бѣлья. Что говорилъ Чилькотъ?—что лучше жить одинъ день, чѣмъ прозябать всю жизнь. Это вѣрно. Для Лодера жизнь началась только теперь. Онъ улыбнулся безъ всякой иронiи. Въ тридцать-шесть лѣтъ человѣкъ еще въ полнотѣ своихъ силъ; онъ свободенъ отъ крайнихъ увлеченій юности, знаетъ, что слѣдуетъ брать отъ жизни и что оставлять безъ вниманія, знаетъ, что кубокъ нужно пить не до дна, чтобы не чувствовать горечь осадка. Онъ закрылъ глаза и опять вытянулся всѣмъ тѣломъ. Нравственное довольство сопровождалось у него чувствомъ физической пріятности. Сѣвъ на постели, онъ надавилъ кнопку электрическаго звонка, и на зовъ его явился новый слуга.

— Отдерните занавѣси, Ренвикъ,—сказалъ онъ.—Который часъ?

Слуга медленно и аккуратно отдернулъ занавѣси и взглянулъ на маленькіе часы, стоявшіе на туалетѣ.

— Восемь часовъ, сэръ. Я не ожидалъ, что вы такъ рано позвоните.

Лодеръ почувствовалъ упрекъ въ этихъ словахъ; наступила короткая пауза.

— Прикажете подать чашку чаю, сэръ?

— Нѣтъ, я раньше возьму ванну.

На лицѣ Ренвика отразилась нерѣшимость.

— Теплую, сэръ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, холодную.

Онъ ушелъ явно озадаченный. Лодеръ улыбнулся про себя. Онъ не боялся изобличенія со стороны слуги. Чилькотъ, очевидно, ужъ слишкомъ опустился въ своихъ жизненныхъ привычкахъ, и нѣтъ надобности подражать ему. Лодеръ позавтракалъ одинъ, по привычкѣ Чилькота, и затѣмъ прошелъ въ кабинетъ.

Гриннигъ поднялся ему навстрѣчу съ такой же поспѣшностью, какъ и наканунѣ.

— Такъ рано за работой?—привѣтливо спросилъ Лодеръ, здороваясь съ нимъ.

Маленькій человѣчекъ просіялъ отъ удовольствія.

— Съ добрымъ утромъ, сэръ,—сказалъ онъ;—вы тоже сегодня рано поднялись. А я было опасался, что у васъ опять разыгрались нервы послѣ моего ухода. Письма ваши я засталъ сегодня утромъ неоткрытыми. Но теперь у васъ уже совершенно свѣжій видъ.

Лодеръ быстро повернулся спиной къ свѣту.

— Письма я дѣйствительно забылъ прочесть вчера,—сказалъ онъ.—Дѣло въ томъ,—онъ слегка замялся,—что ко мнѣ зашла жена, и мы заболтались.

Онъ улыбнулся, подошелъ къ столу и взялъ въ руки пачку писемъ. Гриннигъ смотрѣлъ на него, и всякое колебаніе было бы неосторожнымъ въ этотъ моментъ; поэтому онъ сталъ спокойно открывать письма одно за другимъ. Ничего значительнаго въ нихъ не было, и онъ передавалъ ихъ секретарю, чувствуя при этомъ легкое наслажденіе властью. Опять онъ думалъ о томъ, что власть ощущается именно въ мелочахъ.

— Дайте мнѣ записную книжку, Гриннигъ,—сказалъ онъ, когда они покончили съ письмами.

При видѣ кожаной книжки съ золотой монограммой „Д. Ч.“ Лодеръ снова почувствовалъ комизмъ своего положенія. Ему вдругъ захотѣлось отказаться отъ своей роли; но онъ опомнился, сдѣлалъ усиліе надъ собой, открылъ книжку и сталъ дѣловито перелистывать ее. Страница, посвященная текущему дню, была вся исписана. Почти на каждой строчкѣ были помѣтки неправильнымъ почеркомъ Чилькота. У двухъ записей сдѣланы были кресты синимъ карандашомъ. Лодеръ обратилъ на нихъ особое вниманіе. Было условлено, что онъ будетъ выполнять во время отсутствія Чилькота только его общественныя обязательства—и, во избѣжаніе недоразумѣній, Чилькотъ и обозначилъ ихъ синимъ карандашомъ. Все остальное—большей частью свѣтскія обязанности—Лодеръ могъ исполнять или не исполнять по своему усмотрѣнію. Всѣ привыкли къ разсѣянности Чилькота, и не удивлялись бы его забывчивости въ мелочахъ.

Но Лодеръ чувствовалъ приливъ энергіи. Онъ быстро прочелъ подчеркнутыя записи. Въ первой значилось свиданіе съ Крэшемомъ, однимъ изъ вліятельныхъ избирателей Чилькота въ Варкѣ, а во второй отмѣчено было условіе завтракать съ Фрэ-

домъ. Свиданіе съ Крэшемомъ возбуждало въ Лодерѣ интересъ, но мысль о завтракѣ съ Фрэдомъ его пугала. Онъ бы меньше боялся предстать передъ королемъ, чѣмъ передъ этимъ знаменитымъ государственнымъ дѣятелемъ. На минуту его самоувѣренность покинула его. Потомъ, по ассоціаціи мыслей, онъ вспомнилъ разговоръ съ Евой наканунѣ, и въ немъ заговорило совершенно новое чувство.

Изъ-за Чилькота его презирала теперь жена Чилькота. Онъ не могъ не сознаться, что это обстоятельство накладывало тѣнь на все остальное. Лодеръ не могъ забыть объ этомъ, и ясно вспоминалъ непріязненное прикосновеніе ея пальцевъ, едва скрываемую враждебность ея взгляда. Это были пустяки, — но гордость его страдала. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ объяснялъ это себѣ. Онъ не придавалъ, конечно, большой цѣны мнѣнію этой женщины, и всякой женщины вообще; но тутъ задѣта была его гордость. Онъ опять подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на улицу, продолжая держать въ рукахъ записную книжку. Что, если онъ заставитъ ее относиться къ нему съ уваженіемъ? Что, если онъ — подъ маской Чилькота — заставитъ ее признать свою силу? Конечно, это вопросъ гордости — и даже не гордости, а чувства собственнаго достоинства. Этимъ объясненіемъ онъ удовлетворился и снова отошелъ отъ окна.

— Отправьте корреспонденцію, Гриннгъ,—сказалъ онъ,— а потомъ продолжайте наводить справки о Хорасанѣ. Намъ, кажется, скоро понадобятся всѣ свѣдѣнія, какія мы только сможемъ раздобыть. До свиданія, я еще зайду сюда потомъ.—Онъ кивнулъ головой секретарю и вышелъ изъ комнаты.

Онъ позавтракалъ съ Фрэдомъ въ его клубѣ, и потомъ они вмѣстѣ направились въ Вестминстеръ. Завтракъ и прогулка были очень знаменательны. За этотъ часъ Лодеръ извѣдалъ многое, о чемъ до того не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Онъ вкусилъ первые моменты истиннаго упоенія,—но испилъ также первую каплю истинной горечи. Онъ видѣлъ въ первый разъ, какъ крупный человѣкъ можетъ проявлять снисходительность къ ничтожному человѣку, въ совершенствѣ сочетая тактъ и доброту. Его это восхищало, и въ то же время онъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ. Двойственное чувство жгло его душу. Онъ всю сознавалъ, что онъ—Джонъ Лодеръ, человѣкъ, не имѣющій ни гроша денегъ, безъ друзей, безъ настоящаго и будущаго,—и вотъ онъ идетъ по Уайтголю, среди яркаго дня, съ однимъ изъ величайшихъ государственныхъ людей въ Англіи.

Когда онъ и Фрэдъ вошли въ парламентъ, дверь на террасу

была открыта. Туда повели нѣсколькихъ иностранцевъ, чтобы показать имъ видъ на Тэмзу. Старикъ Фрэдъ остановился при видѣ открытой двери.

— Хотите, выйдемте подышать свѣжимъ воздухомъ, прежде чѣмъ сѣсть на мѣста,—предложилъ онъ Лодеру, и, взявъ его подъ-руку, увлекъ за собой. По дорогѣ онъ крѣпко пожалъ его руку.

— Сегодняшній день я запомню, какъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ, Чилькотъ, — сказалъ онъ серьезнымъ тономъ. — Не знаю, какъ вамъ это объяснить, но у меня такое чувство, точно я сегодня впервые увидѣлъ въ настоящемъ свѣтѣ мужа Евы. Это для меня большая радость. — Онъ поднялъ на него глаза, которые сохранили свой юношескій блескъ, несмотря на столько лѣтъ отвѣтственнаго труда.

Но Лодеръ вдругъ побѣднѣлъ, и взоръ его обратился на Тэмзу — широкую, таинственную, молчаливую. Фрэдъ, самъ того не зная, разбилъ его иллюзію. Здѣсь, по парламентской террасѣ, ходилъ не Джонъ Лодеръ, а Чилькотъ, Чилькотъ съ его общественнымъ положеніемъ, его избирателями, его женой. Онъ попытался высвободить руку, но Фрэдъ не отпускалъ его.

— Нѣтъ, —сказалъ онъ.—Не спасайтесь отъ меня бѣгствомъ, какъ всегда. Не часто мнѣ случается говорить вамъ пріятную правду. И я не хочу лишиться этого удовольствія.

Онъ улыбнулся.

— Развѣ правда можетъ быть пріятна?—возразилъ Лодеръ, невольно подражая манерѣ Чилькота.

Фрэдъ поднялъ глаза. Онъ былъ на полъ-головы ниже Лодера, но его внушительный видъ скрывалъ это.

— Чилькотъ,—сказалъ онъ серьезно.—Оставьте циничный тонъ. Это—орудіе неудачниковъ, и мнѣ непріятна эта черта въ близкихъ людяхъ.

Лодеръ ничего не отвѣтилъ; его тронула звучавшая въ тонѣ старика доброта. Въ эту минуту онъ ясно видѣлъ передъ собой рельсы, по которымъ онъ пустилъ маленькій возокъ своего существованія, и отъ этого вида у него кружилась голова. Дорога была болѣе крутая, путь гораздо болѣе узкій, чѣмъ онъ предполагалъ; были повороты и крутизны, на которые онъ не разсчитывалъ. Онъ повернулъ голову и встрѣтилъ взглядъ Фрэда.

— Не слѣдуетъ очень ужъ полагаться на меня,—медленно сказалъ онъ.—Вы, пожалуй, опять обманетесь.—Голосъ его оборвался на этихъ словахъ; съ террасы донесся до нихъ звукъ голосовъ и смѣха; въ открытую дверь вошла группа изъ двухъ женщинъ и трехъ мужчинъ. Лодеръ взглянулъ въ ихъ сторону,

и сейчасъ же увидѣлъ, что болѣе тонкая изъ двухъ женщинъ была Ева. Увидавъ Фрэда и Лодера, она быстро отдѣлилась отъ своихъ провожатыхъ и направилась къ нимъ. Лодеръ замѣтилъ, какъ она вся вспыхнула и какъ глаза ея засверкали отъ удовольствія при видѣ Фрэда; но онъ замѣтилъ также, что на него она едва только взглянула и уже избѣгала обращаться въ его сторону.

При ея приближеніи Фрэдъ освободилъ руку и протянулъ ее навстрѣчу Евѣ.

— Вотъ и моя крестница,—сказалъ онъ, и когда она подошла, онъ отвѣтилъ теплымъ взглядомъ на ея улыбку.—Что это? — сказалъ онъ. — Нашу террасу вы превращаете въ сады Эдема въ январѣ мѣсяцѣ? Мы это положительно должны запретить!

Ева засмѣялась.

— Это вина лэди Сары, — сказала она. — Мы встрѣтились за завтракомъ, и она увезла меня;—я уже, конечно, и не спрашивала, куда.

Они оба разсмѣялись, и Лодеръ съ нѣкоторымъ колебаніемъ присоединился къ нимъ. Онъ еще не зналъ, что дружба Фрэда и его жены была обычнымъ предметомъ шутокъ въ ихъ кругу. Услышавъ его запоздавшій смѣхъ, Ева обернулась къ нему.

— Надѣюсь,—сказала она,—что я вчера не причинила тебѣ безсонницы. Я поймала его въ его берлогѣ,—объяснила она Фрэду,—и храбро ворвалась къ нему. Мы, кажется, проболтали до двухъ часовъ.

— Я отлично спалъ,—сказалъ Лодеръ.—Развѣ у меня невыспавшійся видъ?

Ева повернула къ нему голову съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

— Нѣтъ, видъ у тебя очень хорошій,—сказала она, и въ тонѣ ея прозвучало удивленіе. Лодеру казалось, что это первое искреннее чувство, которое она проявила относительно него.— У тебя давно не было такого свѣжаго вида. — Тонъ, которымъ она это сказала, показался Лодеру очаровательнымъ. Онъ обратилъ также вниманіе на то, что цвѣтъ ея волосъ и ея глазъ выигрывалъ при дневномъ освѣщеніи—казался еще болѣе блестящимъ на фонѣ темной рѣки и темныхъ зданій.

Фрэдъ дружески улыбнулся ей, а потомъ взглянулъ на Лодера.

— Нервы у него видимо поправились, Ева,—спокойно сказалъ онъ.—Кажется, у меня теперь нашелся новый помощникъ. Но простите,—жена зоветъ меня. Я долженъ сказать ей нѣсколько словъ, прежде чѣмъ она уѣдетъ.

Онъ поклонился и отошелъ къ женѣ. Ева поглядѣла ему вслѣдъ.

— Еслибы съ Фрэдами случилось что-нибудь недоброе, я бы, кажется, этого не пережила, — сказала она тихо, но потомъ громко разсмѣялась, какъ бы раскаиваясь въ невольномъ порывѣ чувства.—Я слышала, что онъ сказалъ,—прибавила она другимъ тономъ.—Такъ это правда? Могу я поздравить тебя?

Перемѣна тона непріятно подѣйствовала на Лодера.

— Неужели ты никогда не перестанешь не довѣрять мнѣ?— сказалъ онъ.

Ничего не отвѣчая, она медленно прошла по опустѣвшей терасѣ и, остановившись у перилъ, положила руку на каменную балюстраду. Продолжая молчать, она стала глядѣть на рѣку,— легкій вѣтеръ развѣвалъ ея волосы. Лодеръ послѣдовалъ за ней. Ея молчаніе казалось ему вызовомъ.

— Неужели ты никогда не перестанешь не довѣрять мнѣ?— повторилъ онъ.

Она, наконецъ, медленно и нѣсколько удивленно взглянула ему въ лицо.

— А ты давалъ мнѣ какое-нибудь основаніе вѣрить тебѣ?— спокойно сказала она.

На это онъ ничего не могъ отвѣтить, хотя ея сдерживаемое недовѣріе все болѣе раздражало его. Онъ сдѣлалъ новую попытку примирить ее съ собой.

— Нужно терпѣніе относительно всѣхъ людей,—сказалъ онъ.—Подожди... тогда увидишь.

Она не опустила взора при его словахъ, и ясность ея синихъ глазъ опять смутила его. Какъ бы боясь того, что она скажетъ еще что нибудь тяжелое, онъ подошелъ къ ней и положилъ руку рядомъ съ ея рукой.

— Нужно терпѣливо относиться къ людямъ,—сказалъ онъ.— Иногда человѣкъ—точно обломокъ корабля, разбитаго бурей; онъ носится безцѣльно,—пока на его пути не попадется сила, которая его остановитъ.—Онъ опять взглянулъ ей въ лицо, самъ едва сознавая, что говоритъ. Онъ только чувствовалъ, что очутился въ ложномъ положеніи, и пытался какъ-нибудь выпутаться изъ него.—Ты развѣ не вѣришь, что погибающій можетъ иногда приплыть къ берегу?—спросилъ онъ.

Надъ ними раздался бой большихъ башенныхъ часовъ Вестминстера. Ева подняла голову. Лодеру казалось, что на губахъ ея дрожатъ отвѣтныя слова. Но въ эту минуту за ними раздался веселый голосъ лэди Сары Фрэдъ.

— Ева!—позвала она.—Ева! Намъ пора ѣхать. Уже три часа—кто бы это подумалъ!

X.

Въ слѣдующіе дни послѣ яснаго сближенія съ нимъ Фрэда Лодеръ велъ себя удивительно тактично и сдержанно. Это дѣлало честь его уму. Многіе другіе, очутившись въ такомъ отвѣтственномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ странно неотвѣтственномъ положеніи, дали бы волю всякаго рода инстинктивнымъ желаніямъ. Но Лодеръ не поддавался соблазнамъ.

Какъ во всѣхъ рискованныхъ предпріятіяхъ, и въ его новой жизни явилось много неожиданныхъ обстоятельствъ. Ожидаемыя трудности исчезали, но появлялись другія, самыя непредвидѣнныя. То, что̀ казалось наиболѣе рискованнымъ—вопросъ о физическомъ сходствѣ—разрѣшалось безъ малѣйшей трудности. Лодеръ былъ пораженъ легкостью, съ которой всѣ вѣрили въ его тождественность съ Чилькотомъ. Люди, знавшіе Чилькота съ дѣтства, слуги, жившіе годами въ домѣ Чилькота, безъ малѣйшаго колебанія принимали за него Лодера. Иногда онъ терялся, пораженный легкостью обмана. Ему даже казалось, что еслѝба правда случайно открылась, въ нее бы не повѣрили:—люди довѣряютъ своимъ глазамъ болѣе, чѣмъ всякому свидѣтельству другихъ людей. Въ виду такого неожиданно блестящаго успѣха, онъ рѣшилъ неуклонно слѣдовать по намѣченному пути. Въ первую минуту упоенія дружбой Фрэда и зародившимся довѣріемъ Евы, онъ готовъ былъ ринуться въ водоворотъ дѣйствія—въ какомъ бы то ни было направленіи. Но, къ счастью для него самого, для Чилькота и для ихъ общаго дѣла, онъ привыкъ разсуждать о своихъ поступкахъ. Сидя въ парламентѣ послѣ разговора съ Евой на террасѣ, онъ сталъ медленно и трезво обдумывать всѣ обстоятельства. Воспринимая очень чутко атмосферу залы,—несмотря на вялость обыкновеннаго дѣлового засѣданія, на ничтожность рѣчи, раздавшейся съ трибуны, онъ въ то же время устанавливалъ самый благоразумный образъ дѣйствія для себя. И къ вечеру перваго же дня онъ установилъ свою программу: онъ не будетъ торопиться, не допуститъ въ дальнѣйшемъ никакихъ опрометчивыхъ увлеченій,—такъ онъ рѣшилъ. Все должно развиваться естественно и гладко. Онъ теперь впервые вступалъ въ новый для него міръ; а не будетъ ли первый разъ также и послѣднимъ—это ужъ зависѣло отъ судьбы.

Онъ откинулся на своемъ сидѣньи, устремивъ взоръ на сидѣвшихъ съ другой стороны залы министровъ, скрестилъ руки,

какъ это всегда дѣлалъ Чилькотъ, и стиснулъ губы; лицо его сдѣлалось жестокимъ и холоднымъ. Некрасиво, когда человѣкъ хочетъ извлечь выгоду изъ слабости другого, и когда такая мысль возникаетъ въ человѣкѣ, это отражается на его лицѣ. Лодеръ безпокойно задвигался на своемъ мѣстѣ, потомъ опять закусилъ губы. Онъ былъ очень упорнымъ человѣкомъ и не поддавался слабости. Въ первую минуту ему показалось отвратительнымъ воспользоваться паденіями Чилькота для себя, но мало-по-малу онъ освоивался съ этой мыслью.

Черезъ недѣлю—или, можетъ быть, черезъ двѣ недѣли—Чилькотъ снова вернется на свое мѣсто, и тогда опять начнется старое. Послѣ отдыха и свободы общественныя обязанности покажутся Чилькоту вдвое болѣе тягостными; онъ нѣсколько времени будетъ бороться съ собой, а тогда...

На губахъ Лодера скользнула мимолетная улыбка. — Тогда, конечно, Чилькотъ вторично позоветъ его, Лодера, на свое мѣсто, и онъ сможетъ серьезно проявить себя. Онъ никогда не предавался пустымъ мечтаніямъ, но въ эту минуту передъ его взоромъ промелькнуло нѣчто вродѣ видѣнія. Онъ увидѣлъ себя стоящимъ тутъ, въ зданіи парламента, увидѣлъ лица—сначала скучающія при взглядѣ на него, потомъ постепенно преображающіяся подъ властью его личности, подъ обаяніемъ его краснорѣчія: онъ зналъ, что обладаетъ ораторскимъ талантомъ. Яркость этого видѣнія причиняла ему почти физическую боль. Люди, привыкшіе долго сдерживать себя, поддаются иногда опасному наплыву чувствъ. Довѣряя себѣ, они смѣло идутъ впередъ и часто попадаютъ въ пропасти.

Таковъ былъ нѣсколько несвязный ходъ мыслей Лодера въ первый день его новой жизни. На девятый день, около четырехъ часовъ дня, онъ спокойно и увѣренно расхаживалъ по кабинету Чилькота. Онъ курилъ сигару и спокойно обдумывалъ занимавшую его мысль; но вдругъ онъ остановился и нахмурилъ брови: въ комнату вошелъ слуга и помѣшалъ ему. Слуга прошелъ на другой конецъ комнаты, придвинулъ маленькій столикъ къ камину и сталъ накрывать его тонкой изящной скатертью. Лодеръ смотрѣлъ на него молча, убѣдившись, что въ его положеніи лучше всего молчать, когда онъ чего-нибудь не понимаетъ. Но онъ все-таки былъ очень удивленъ. Чаю онъ не заказывалъ, и во всякомъ случаѣ ему бы подали только одинъ стаканъ на подносѣ. Онъ съ возрастающимъ удивленіемъ слѣдилъ за движеніями слуги, который вышелъ и снова вернулся, внося съ торжественнымъ видомъ на большомъ подносѣ чайникъ, двѣ чашки

и разныя печенья. Онъ поставилъ все это на столъ, затѣмъ обратился къ Лодеру и сказалъ:

— М-ссъ Чилькотъ пожалуетъ сюда черезъ пять минутъ, сэръ.

Лодеръ опять промолчалъ, не зная, что ему собственно сказать. Слуга вышелъ. Лодеръ еще разъ оглянулъ парадно сервированный столикъ. Потомъ онъ вдругъ обернулся и вышелъ на средину комнаты.

Послѣ разговора на террасѣ онъ не видалъ Еву наединѣ. Въ его комнату она не входила, и онъ теперь спрашивалъ себя, что означаетъ эта новая попытка сближенія. За послѣдніе дни онъ меньше думалъ о ней, отчасти потому, что наложилъ на себя обѣтъ сдержанности, но главнымъ образомъ потому, что постепенно захваченъ былъ водоворотомъ новыхъ дѣлъ и интересовъ. Случилось такъ, что столь знаменательный для него лично моментъ жизни былъ въ то же время крайне важнымъ въ политическомъ отношеніи для всей страны; по странному совпаденію, положеніе Чилькота было таково, что оно заставляло его принять живое участіе въ политическихъ осложненіяхъ. Лодеру становилось все яснѣе, что торговые интересы Чилькота, въ случаѣ, если разгорится пожаръ въ Персіи, — заставятъ его примкнуть къ оппозиціи противъ правительства.

Видъ изящно накрытаго столика какъ-то наглядно показывалъ ему, что онъ попалъ въ цѣлый міръ новыхъ общественныхъ и свѣтскихъ отношеній и интересовъ. Онъ сознавалъ, что эти интересы все болѣе и болѣе его поглощаютъ, укрѣпляя его умъ и способности. Онъ чувствовалъ, что несомнѣнно нашелъ теперь единственно подходящую для себя сферу дѣйствія, что не можетъ быть больше и рѣчи о незаконномъ захватѣ власти съ его стороны, и что теперь мало-по-малу работа его пріобрѣтаетъ отпечатокъ его собственной индивидуальности. Очевидно и Ева замѣтила то, что бросалось всѣмъ въ глаза, — т.-е., что Чилькотъ никогда не проявлялъ такой активности, какъ теперь; вотъ почему она, вѣроятно, вздумала придти къ нему въ кабинетъ. Сможетъ ли онъ благополучно провести до конца маленькую комедію, которая должна будетъ разыграться?—спрашивалъ онъ себя.

Раздался легкій шелестъ женской одежды, и въ комнату вошла Ева. Она спокойно протянула ему руку, и онъ отвѣтилъ ей столь же спокойнымъ рукопожатіемъ.—Чѣмъ я обязанъ такой чести?—спросилъ онъ.

Она смущенно улыбнулась и взглянула въ окно. — Обычная мужская манера!—сказала она.—Прежде всего вы освѣдомляетесь о причинахъ. По-моему, давай лучше выпьемъ сначала чай, а

потомъ поговоримъ.—Она направилась къ столику, и онъ послѣдовалъ за ней. При этомъ онъ замѣтилъ, что туалетъ ея удивительно подходилъ къ комнатѣ и къ погодѣ, хотя никакихъ подробностей онъ и не замѣчалъ. Она сѣла и стала разливать чай. Онъ подумалъ, что давно уже ему не наливала чай женщина въ семейной обстановкѣ. Онъ сталъ съ любопытствомъ наблюдать за ловкостью ея движеній, и не замѣтилъ, что она протягивала ему чашку.

— Ты что же, не будешь пить чай? — спросила она съ улыбкой.

Онъ вздрогнулъ, въ досадѣ на свою неучтивость.—Я ужасно разсѣянъ,—сказалъ онъ:—*я*...

— Переутомился отъ работы за послѣднюю недѣлю,—добавила она за него.

Онъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, но потомъ опять наступило тягостное молчаніе. Онъ пилъ чай и съѣлъ кусокъ пирожнаго, ловя себя на желаніи обладать хоть нѣкоторымъ свѣтскимъ лоскомъ, хоть нѣкоторымъ умѣньемъ легко болтать о пустякахъ. Онъ чувствовалъ, что становится комичнымъ. Взглянувъ исподлобья на Еву, отвернувшую лицо, онъ поставилъ пустую чашку на столъ. Въ эту минуту она обернулась, и глаза ихъ встрѣтились.

— Джонъ,—сказала она,—знаешь, почему я зашла къ тебѣ выпить чашку чая? У меня былъ сегодня разговоръ съ Фрэдомъ, очень длинный разговоръ. Фрэдъ говоритъ о тебѣ такъ много хорошаго, что еслибы не онъ это сказалъ, я бы не повѣрила.—Она задвигалась на стулѣ, потомъ быстро взглянула на Лодера и опять стала глядѣть въ огонь.

Онъ приблизился къ ней на шагъ. — Что же онъ говоритъ? — спросилъ онъ, внутренно стыдясь, что слова эти ему пріятны.

— Собственно говоря, мнѣ не слѣдовало тебѣ объ этомъ говорить, — сказала она, улыбаясь. — Ты его удивилъ, вотъ что онъ говоритъ...—Она на минуту замолчала, выпила чай и потомъ снова поглядѣла на него. — Джонъ, — сказала она серьезно, — вопросъ только въ одномъ: будетъ ли длиться эта перемѣна?

Голосъ ея звучалъ необычайно искренно, и Лодеръ чувствовалъ все сильнѣе, что за ея большимъ внѣшнимъ очарованіемъ скрывается къ тому же необычайно привлекательный характеръ. Объ этомъ онъ даже никогда прежде не думалъ, и поэтому вторично пытливо взглянулъ на нее. Въ этомъ новомъ свѣтѣ красота ея казалась ему иной и по иному его привлекала. Прежде

онъ думалъ, что женщина можетъ быть кумиромъ или забавой — или тяжкимъ бременемъ. А теперь вдругъ ему пришла мысль, что женщина можетъ стать подругой, вѣрной спутницей жизни.

— Очень ты недовѣрчива,—сказалъ онъ, глядя ей прямо въ лицо. Она не отвѣтила на его взглядъ.

— Кажется, меня пріучили къ недовѣрію, — отвѣтила она, разглядывая очень усердно узоръ на столѣ.

При этихъ словахъ Лодеръ вдругъ вспомнилъ о Чилькотѣ, о его раздражительности, порочности и непостоянствѣ. Его охватила безграничная жалость къ женщинѣ, связанной съ нимъ неразрывной цѣпью. Ева не могла, конечно, и подозрѣвать о томъ, что происходило въ душѣ Лодера, и продолжала говорить:

— Выходя за тебя замужъ,—говорила она,—я ко всему относилась съ большимъ интересомъ и вѣрила въ жизнь. Политика мнѣ была близка, я выросла среди нея и знала, что мой мужъ — будущее свѣтило въ политическомъ мірѣ. Такъ о тебѣ говорили. Мнѣ даже не приходило въ голову желать еще большаго. Страстной любви ты вѣдь никогда не обнаруживалъ,—прибавила она, улыбаясь. — Да я бы забыла о любви и радостяхъ семейной жизни. Я хотѣла бы быть только — тѣмъ, что лэди Сара—женой великаго человѣка.—Она остановилась.—Сначала все шло благополучно. Потомъ постепенно началось худое. Ты началъ... страдать нервами... Я не хочу сказать тебѣ ничего непріятнаго,—быстро сказала она, замѣтивъ неспокойныя движенія Лодера.—Ничуть; я только объясняю тебѣ, почему я мало-помалу упала духомъ.

— Я знаю, знаю,—перебилъ ее Лодеръ.—Становилось все хуже и хуже. Твое вмѣшательство было бы безполезно, и въ концѣ концовъ ты совсѣмъ утратила мужа.

— Но недѣлю тому назадъ...—Она быстро взглянула на него, но, поглощенная своими мыслями, не замѣтила ничего страннаго въ его словахъ. Лодеръ сильно покраснѣлъ при ея послѣднихъ словахъ.

— Въ сущности произошло нѣчто невѣроятное, — сказала она.—Этому нельзя повѣрить, но все же я не могу отрицать: наперекоръ разуму, наперекоръ опыту и даже собственной волѣ, я вдругъ за послѣднюю недѣлю начинаю чувствовать то, что чувствовала когда-то, вначалѣ.—Она остановилась со смущенной улыбкой.—У меня такое чувство, точно моя жизнь какимъ-то чудомъ снова начинается съ того мѣста, на которомъ оборвалась шесть лѣтъ тому назадъ.—Она опять остановилась и улыбнулась.

Лодеръ чувствовалъ себя очень неловко, но совершенно не могъ придумать, что сказать.

— Это началось въ день обѣда у Фрэдовъ,—продолжала она.—Фрэдъ тогда говорилъ такъ ласково и такъ умно. Онъ вспоминалъ, какія надежды всѣ возлагали на тебя, упрекалъ меня и говорилъ, что, сдѣлавъ послѣднюю попытку, нужно послѣ того сдѣлать еще самую послѣднюю. Онъ обѣщалъ взять все остальное на себя, если мнѣ только удастся возбудить въ тебѣ снова интересъ къ работѣ. Я слушала его съ отчаяніемъ, зная, какъ безполезны его слова. На прощанье я обѣщала ему сдѣлать все, что могу. Но я знала про себя, что и самая послѣдняя попытка будетъ безполезной: въ такомъ настроеніи я вошла къ тебѣ.—Она остановилась и украдкой взглянула на Лодера.

— Я вошла къ тебѣ... И тогда... тогда мнѣ показалось, что я завоевала право на награду побѣдой надъ собой. Мнѣ, дѣйствительно, кажется, что ты сталъ другимъ человѣкомъ. Я знаю, что мои слова смѣшны,—сказала она полу-шутливо, какъ бы извиняя себя.—Дѣло даже не въ томъ, что лицо твое измѣнилось... впрочемъ, я сразу увидѣла, что ты... не страдаешь нервами.—Она каждый разъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ произносила слово „нервы".—Перемѣна была въ тебѣ самомъ—въ содержаніи твоихъ словъ, а не въ томъ, какъ ты ихъ говорилъ.

Лодеръ чувствовалъ все бо́льшую неловкость.

— Тогда, вначалѣ, впечатлѣніе было еще мимолетное.—Она заговорила медленнѣе.—Я сама себѣ не сознавалась. И на слѣдующій день, во время бесѣды на террасѣ, я еще тоже боялась сознаться самой себѣ,—хотя это и становилось еще болѣе яснымъ. Но съ того дня я зорко слѣдила за тобой, и теперь увѣрена въ томъ, что произошла перемѣна. Фрэдъ говоритъ то же самое, — а онъ никогда не ошибается. Конечно, пока прошло только девять—десять дней. Но за послѣдніе три года ты и десяти часовъ не бывалъ въ одинаковомъ состояніи.

Она остановилась, какъ бы ожидая подтвержденія своихъ догадокъ, но Лодеръ молчалъ, не зная, что отвѣтить. Она подождала съ минуту, потомъ нагнулась впередъ, сидя въ креслѣ, и пристально посмотрѣла на него.

— Джонъ,—спросила она,—будетъ ли это длиться? Вотъ о чемъ я пришла спросить тебя... Я боюсь вѣрить. Новое разочарованіе было бы слишкомъ большимъ ударомъ.

Лодеръ чувствовалъ на себѣ ея глубокій взглядъ, хотя и не рѣшался поднять на нее глаза.

— Недѣлю тому назадъ, я бы не могла предложить тебѣ

этотъ вопросъ,—а теперь могу. Я сама не знаю, какъ это случилось, но такое у меня теперь чувство. Понимаешь ты меня? Можешь ты отвѣтить мнѣ?

Лодеръ все еще молчалъ, не зная, что онъ можетъ сказать, что имѣетъ право сказать. Еву смутило его молчаніе, и она подалась.

— Если это только мимолетно, то не скрывай отъ меня,— сказала она.—Но если это можетъ длиться,—если есть малѣйшая возможность, чтобъ это длилось, тогда...—Она остановилась и пытливо взглянула на него. Онъ не могъ не поддаться обаянію ея близости. Соблазнъ минуты былъ слишкомъ великъ. Онъ самъ, его собственное „я", его энергія, его намѣренія и планы— все это было такъ осязательно и близко, — а Чилькотъ съ его притязаніями исчезалъ вдали, внѣ реальной дѣйствительности. Въ концѣ концовъ, его жизнь, его честолюбіе и его рѣшенія были его собственностью. Онъ поднялъ глаза и медленнымъ, испытующимъ взглядомъ взглянулъ на Еву.

— А ты была бы рада, еслибы я могъ обѣщать тебѣ, что это будетъ длиться?—спросилъ онъ.

Она вся просіяла и подошла еще на шагъ ближе.—Да,— отвѣтила она.—Я желаю этого сильнѣе всего на свѣтѣ.

Послѣдовала минута напряженнаго ожиданія. Обѣщаніе, которое бы осчастливило ее, срывалось съ устъ Лодера, но онъ все еще не рѣшался произнести его. Это промедленіе было роковымъ. Въ то время, какъ онъ стоялъ молча, открылась дверь и вошелъ слуга, подававшій чай. Онъ подошелъ къ Лодеру и передалъ ему телеграмму.

— Будетъ отвѣтъ, сэръ?—спросилъ онъ.

Ева отошла къ креслу, на которомъ сидѣла. Щеки ея горѣли и глаза сіяли радостнымъ блескомъ. Лодеръ открылъ телеграмму, прочелъ ее и бросилъ въ огонь.—Отвѣта не будетъ,— коротко сказалъ онъ.

Суровый тонъ его голоса испугалъ Еву.—Непріятныя вѣсти?— спросила она, когда слуга вышелъ. Лодеръ не поднялъ глазъ. Онъ глядѣлъ на телеграмму, которая истлѣвала въ каминѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ наконецъ принужденнымъ тономъ.— Нѣтъ. Это только напоминаніе о чемъ-то, что я забылъ.

XI.

Послѣ словъ Лодера наступило тяжелое молчаніе. Поданная телеграмма, вопросъ Евы и его отвѣтъ казались чѣмъ-то совершенно обыденнымъ, а между тѣмъ оба они знали, что во время наступившей минуты молчанія что-то порвалось между ними. Почему—это зналъ только Лодеръ, но не могла понять Ева. У Лодера было такое чувство, точно явился призракъ, сталъ между ними, началъ расти, сдѣлался прозрачнымъ и потомъ разсѣялся. Когда видѣніе исчезло, онъ обернулся къ Евѣ.—Я чуть-чуть не пообѣщалъ слишкомъ много,—сказалъ онъ. Голосъ его звучалъ непріятно именно потому, что онъ хотѣлъ скрыть свои чувства. Онъ даже не посмотрѣлъ на Еву. Его осилило тупое чувство катастрофы, безконечная горечь, заглушавшая все остальное. Самое прекрасное въ его жизни, быть можетъ, самое высокое благо жизни, исчезало у него промежъ пальцевъ въ тотъ моментъ, когда онъ могъ бы проявить себя. Почва ускользала изъ-подъ его ногъ. Вопреки своему обычному чувству логичности и справедливости, онъ далъ волю инстинктивному бѣшенству противъ Чилькота. Ева замѣтила, какъ омрачились его черты, и спокойно поднялась съ мѣста.

— Я обѣдаю сегодня у лэди Сары и потомъ у нея спектакль. Обѣдъ будетъ ранній, и мнѣ пора заняться туалетомъ. Пожалуйста, не думай, что я хотѣла вынудить у тебя обѣщаніе. Если тебѣ это кажется, то, значитъ, я не хорошо выразилась.—Она улыбнулась, чтобы скрыть легкую неловкость, которую выдавали ея слова, и медленно направилась къ двери.

Лодеръ еще былъ оглушенъ ударомъ, разрушившимъ всѣ его планы. Внезапность призыва Чилькота его взволновала,—но еще больше его тревожило то, что онъ не ждалъ этого призыва. Онъ поэтому не обратилъ вниманія ни на слова Евы, ни на ея движенія. Потомъ вдругъ все это дошло до его сознанія, пробивъ его эгоизмъ, и онъ почувствовалъ рѣзкую боль, какъ отъ удара ножомъ. Онъ обернулся, взглянулъ въ полутьму комнаты, но Ева уже въ эту минуту затворила дверь за собой. Онъ почувствовалъ острое чувство тяжкой утраты.

— Подожди!—крикнулъ онъ, устремляясь ей вслѣдъ, но тотчасъ же остановился: пустота комнаты ужаснула его.

Ударъ обрушился. Неминуемое наступило, и ему оставалось только съ достоинствомъ отнестись къ факту. Телеграмма Чиль-

кота вызывала его къ семи часамъ въ Клифордсъ-Иннъ, а теперь было уже около шести. Онъ вынулъ часы—часы Чилькота, отмѣчая про себя этотъ фактъ съ злобнымъ смѣхомъ. Потомъ его напускная веселость уступила мѣсто другимъ чувствамъ. Онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и повернулъ кнопку отъ электричества; комната сразу вся озарилась. Изящно сервированный чайный столикъ казался неумѣстнымъ рядомъ съ книжными шкапами и столомъ, загроможденнымъ бумагами, — такимъ же неумѣстнымъ, какъ онъ, Лодеръ, среди всѣхъ этихъ предметовъ. Эта мысль была ему непріятна, и онъ отвернулся отъ столика. При этомъ движеніи онъ увидѣлъ портсигаръ Чилькота съ его золотой монограммой, и у него явилось странное чувство, что предметы чувствуютъ въ немъ самозванца, въ то время, какъ человѣческій глазъ считаетъ его законнымъ собственникомъ всей этой обстановки. Онъ невольно улыбнулся при этой мысли, потомъ вторично прошелъ черезъ всю комнату и вошелъ въ спальню Чилькота.

Тяжелое убранство и нѣсколько мрачная атмосфера спальни болѣе подходили къ его настроенію, чѣмъ видъ кабинета, будившій въ немъ жажду активнаго дѣла. Онъ подошелъ къ кровати, сѣлъ на нее и нѣсколько минутъ глядѣлъ въ пространство, ничего не видя; потомъ апатія оставила его, и его гнѣвъ противъ Чилькота улегся. Онъ медленно поднялся, выпрямился, снова прошелъ черезъ обѣ комнаты, затѣмъ черезъ корридоръ въ переднюю, и черезъ пять минутъ былъ уже на улицѣ. Онъ застегнулъ пальто до верху и, наклонивъ голову, пошелъ своей дорогой. Онъ шелъ быстро, не оставляя себѣ времени для раздумья. Только на Трафальгаръ-Скверѣ, выжидая, пока можно будетъ перейти дорогу, онъ вспоминалъ свою встрѣчу съ Чилькотомъ въ туманѣ.

Потомъ онъ опять ускорилъ шаги, пока не дошелъ до площади Клифордсъ-Инна, и остановился на минуту. Тишина площади успокаивала ее. Неизмѣнность предметовъ представляла такой глубокій контрастъ съ человѣческой душой, мѣняющейся подъ вліяніемъ всякаго новаго впечатлѣнія, и это дѣйствовало умиротворяющимъ образомъ. Постоявъ съ минуту на мѣстѣ, Лодеръ твердо прошелъ черезъ площадь и поднялся по знакомой лѣстницѣ въ свою квартиру. Остановившись у двери, онъ услышалъ шумъ въ комнатѣ. Не ожидая отвѣта на свой стукъ, онъ прямо вошелъ, и сравнительно съ темнотой корридора комната показалась ему ярко освѣщенной; кромѣ лампы подъ зеленымъ абажуромъ, въ каминѣ трещалъ еще весело огонь.

При его появленіи Чилькотъ поднялся и пошелъ ему на-

встрѣчу. Черты его лица вырисовывались очень рѣзко при двойномъ освѣщеніи. На немъ былъ надѣтъ потертый костюмъ. Лицо было блѣдное и серьезное. Кромѣ усилившагося безпокойства въ глазахъ, не замѣтно было, однако, никакой перемѣны. Подойдя къ Лодеру, онъ протянулъ ему руку.

— Ну, что?—спросилъ онъ.—Все шло благополучно?

— Вполнѣ, — сухо отвѣтилъ Лодеръ. Избѣгая встрѣчи съ тревожно-любопытнымъ взглядомъ Чилькота, онъ вышелъ на середину комнаты и сталъ снимать пальто. Потомъ онъ подумалъ о неучтивости своего поведенія, и обернулся снова къ Чильготу.—Все сошло, какъ нельзя лучше,—сказалъ онъ.—Даже до смѣшного. Бываютъ прямо-таки непостижимыя вещи на свѣтѣ, Чилькотъ, и это—одна изъ таковыхъ.

Чилькотъ облегченно вздохнулъ.

— Ну, слава Богу,—сказалъ онъ. — Какъ я радъ! Разскажите же мнѣ все подробно.

Но Лодеръ былъ очень сдержанъ. Ему казалось, что теперь не подходящій моментъ для излiянiй. Онъ былъ въ положеніи голоднаго человѣка, который увидѣлъ во снѣ роскошный пиръ и проснулся съ прежнимъ голодомъ. Онъ поэтому предпочиталъ не говорить о своемъ голодѣ, о своихъ безумныхъ мечтахъ.

— Мнѣ нечего разсказывать,—сказалъ онъ.—Все, что вамъ нужно знать, записано вотъ здѣсь. Это полный дѣловой отчетъ—вы навряд-ли найдете малѣйшее упущеніе.—Онъ вынулъ толстую записную книжку изъ кармана и положилъ ее открытой на столъ. Въ ней сдѣланъ былъ точный подсчетъ всему, что онъ выполнилъ отъ имени Чилькота.

— Всѣ дѣла налажены, всѣ текущія обязательства выполнены,—сказалъ онъ, перелистывая страницы.—Я все время думалъ о васъ и о вашемъ положеніи.—Онъ остановился и поднялъ глаза.—Вы занимаете положеніе, которое требуетъ очень сосредоточенной и обдуманной работы.

При этихъ словахъ Чилькотъ взглянулъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Пожалуйста, безъ морали, — сказалъ онъ съ нервнымъ смѣхомъ.—Я хотѣлъ знать, тянули ли вы мою лямку, и вы меня теперь успокоили. Сегодня на меня напалъ смертельный страхъ. Мнѣ захотѣлось непремѣнно узнать, какъ обстоятъ дѣла,—это былъ какой-то припадокъ безсмысленнаго страха. Но теперь, когда я вижу васъ здѣсь передъ собой...—Онъ прервалъ себя и снова засмѣялся.—Теперь—при видѣ васъ—мнѣ чертовски хочется, чтобы... чтобы вы продлили ангажементъ.

Лодеръ взглянулъ на него, и сейчасъ же отвернулся. Онъ устыдился жадной радости, которая охватила его при этихъ словахъ, и онъ почувствовалъ глубокое презрѣніе къ себѣ самому за свою быструю готовность извлечь личную пользу изъ слабости другого человѣка. Такъ же быстро, какъ онъ отвернулся, онъ снова взглянулъ на него.

— Да вы съ ума сошли!—крикнулъ онъ прежнимъ своимъ развязнымъ тономъ.—Ишь, чего захотѣли! У васъ были каникулы, а теперь пожалуйте снова въ школу. Не забудьте, что вы сегодня обѣдаете у Чарингтоновъ. Тамъ празднуютъ совершеннолѣтіе молодого Чарингтона—будетъ очень парадный обѣдъ. Пойдемте скорѣе переодѣться.—Онъ засмѣялся, подошелъ къ Чилькоту и хлопнулъ его по плечу.

Чилькотъ вздрогнулъ.

— Да, да, вы правы! — воскликнулъ онъ. — Нужно иногда стоять на собственныхъ ногахъ.—Онъ началъ снимать галстукъ.

Лодеръ остановилъ его движеніемъ руки.

— Ваша чековая книжка лежитъ на обычномъ мѣстѣ въ ящикѣ стола,—сказалъ онъ.—Я взялъ сто фунтовъ—жалованье за первую недѣлю. Остальное пусть уже, когда...—Онъ не кончилъ фразы.

Чилькотъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Не говорите объ этомъ,—быстро сказалъ онъ.—Въ будущемъ я это буду своевременно устраивать. Я вѣдь могу завтра же выставить чекъ—на имя Джона Лодера.

— Нѣтъ. Я могу подождать. Лучше, чтобы въ чековой книжкѣ не было имени Лодера. Нужна крайняя осторожность.—Онъ говорилъ очень взволнованно. Въ немъ уже закипала ни на чемъ не основанная зависть. Мысль, что Чилькотъ будетъ сейчасъ рыться своими нервными руками въ ящикахъ, разсматривать и сортировать бумаги, которыя въ теченіе двухъ волшебныхъ недѣль были несомнѣнной собственностью его, Лодера, невыносимо мучила его. Онъ отвернулся и оборвалъ разговоръ.—Идемте въ спальню,—сказалъ онъ.—Уже около половины восьмого, а у Чарингтоновъ нужно быть въ девять.—Не ожидая отвѣта, онъ подошелъ къ двери спальни и открылъ ее. Пока оба они переодѣвались, Лодеръ продолжалъ неустанно говорить, то отрывистыми фразами, то очень пространно, съ приливомъ ѣдкаго юмора. Онъ говорилъ такъ много и такъ краснорѣчиво, что Чилькотъ совершенно поддался его вліянію; воображеніе его стало усиленно работать. Когда онъ, наконецъ, надѣлъ свое платье и вышелъ въ кабинетъ, Лодеръ послѣдовалъ за нимъ, подошелъ къ

письменному столу и взялъ еще лежавшую на немъ записную книжку.

— Я не собираюсь читать вамъ проповѣди,—началъ онъ,—и потому нечего останавливать меня. Я только долженъ сказать вамъ одно: подумайте о своей отвѣтственности и возьмите себя въ руки.

Онъ сказалъ это очень энергично, глядя Чилькоту прямо въ глаза. Самъ того не сознавая, онъ отстаивалъ свои собственные интересы. Чилькотъ нѣсколько поблѣднѣлъ, пугаясь, какъ всегда, надвигающейся на него дѣйствительности; потомъ онъ протянулъ руку Лодеру.

— Милый мой,—сказалъ онъ съ оттѣнкомъ надменности,—въ общемъ, вѣдь можно человѣку повѣрить, что онъ будетъ соблюдать свои интересы.

Лодеръ быстро пожалъ протянутую ему руку. Чилькотъ направился къ двери, вышелъ, не сказавъ ни слова на прощанье, на лѣстницу, и Лодеръ остался одинъ въ своей комнатѣ.

XII.

Въ тотъ вечеръ, когда Чилькотъ снова вернулся въ свою обычную среду, Лодеръ впервые испыталъ всю горечь осадка жизни. До того, какъ онъ заключилъ странную сдѣлку съ Чилькотомъ, онъ хотя и не былъ счастливъ, но во всякомъ случаѣ былъ спокоенъ. Теперь, когда у него явилась призрачная возможность проявить себя, его покою наступилъ конецъ. Онъ съ мучительной ясностью понялъ, что прежнее состояніе духа исчезло навсегда. Входя впервые въ домъ Чилькота, онъ не чувствовалъ себя тамъ чужимъ. Напротивъ того, ему казалось, что онъ точно возвращается домой послѣ долгаго изгнанія. Здѣсь же, въ атмосферѣ, въ которой онъ жилъ столько лѣтъ, ему было теперь не по себѣ. Оставшись одинъ послѣ ухода Чилькота, онъ почувствовалъ прежде всего физическую отчужденность отъ своей прежней обстановки. Старое, удобное платье было ему скорѣе непріятно. Перспектива полнаго отдыха не привлекала его, и платье, располагавшее къ лѣни, было ему ненавистно. Духъ его бодрила только одежда, которая была какъ бы символомъ дѣятельности и отвѣтственности. И такое же чувство возбуждала въ немъ обстановка его комнатъ. Въ домѣ Чилькота онъ попалъ точно къ себѣ—до того все соотвѣтствовало его настроеніямъ и внутреннему міру, а вернувшись домой, онъ почувствовалъ какъ-

разъ обратное. Эти впечатлѣнія взволновали его, и онъ сталъ размышлять, закуривъ трубку для возстановленія внутренняго равновѣсія. Такъ онъ провелъ первую ночь послѣ того какъ вернулся къ нормальной дѣйствительности. На слѣдующій день онъ уже успокоился, и ему не пришлось прибѣгать къ внѣшнимъ успокоительнымъ средствамъ. Но все-таки дѣйствительность утратила для него прежнюю свою опредѣленность. Ему уже не нужно было искать заработка для пропитанія. Денегъ, полученныхъ отъ Чилькота, ему было достаточно на долгое время, такъ какъ ему не на что было тратить ихъ. Онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, когда у него въ карманѣ очутилось сто фунтовъ, что онъ разучился расходовать деньги. Расточительность, какъ и другія искусственно привитыя страсти, требуетъ навыка.

Это становилось съ каждымъ днемъ все болѣе яснымъ Лодеру, и, кромѣ того, онъ страдалъ отъ полнаго отсутствія близкихъ людей, отъ невозможности раздѣлить съ кѣмъ-нибудь свой случайный достатокъ. Онъ впалъ въ уныніе, усугубляемое бездѣйствіемъ. Такъ прошло три недѣли, въ теченіе которыхъ онъ не имѣлъ никакихъ вѣстей отъ Чилькота. Душевное состояніе его было очень странное. Настоящее не представляло для него никакого интереса, а съ другой стороны онъ не рѣшался строить надежды на будущее. Онъ разбилъ цѣпи, дѣлавшія его жизнь невыносимой, но теперь, когда онѣ были разбиты, онъ не находилъ никакой замѣны для нихъ.

Въ такомъ настроеніи онъ былъ въ послѣдній вечеръ этихъ трехъ недѣль, съ такими и подобными мыслями онъ переходилъ, одѣтый въ плотное пальто, по Флитъ-Стриту, направляясь изъ Клифордсъ-Инна въ Миддль-Тэмпль-Лэнъ. Было около семи часовъ, и уже спускались сумерки; ѣзда стихла, и свѣтъ уличныхъ фонарей отражался на сухой, гладкой мостовой, отполированной какъ зеркало колесами и копытами. По троттуарамъ еще сновали торопливо люди, уходя изъ Сити, но уже наступала ночная тишина. Лодеръ остановился на минуту, перейдя черезъ улицу, и сталъ разсѣянно смотрѣть на проходящую толпу, на высокія зданія, казавшіяся тяжелыми вереницами облаковъ на темномъ небѣ. Въ это время пробило семь часовъ на башенныхъ часахъ, и бой повторился цѣлымъ хоромъ другихъ часовъ. Лодеръ обыкновенно не обращалъ вниманія на перезвонъ колоколовъ, но въ этотъ вечеръ звуки, выходившіе изъ темноты, казались ему человѣческими голосами и возбудили въ немъ какое-то странное возмущеніе противъ жизни, противъ самого себя. Онъ медленно пошелъ дальше, по направленію къ берегу Тэмзы, и

какъ-то безсознательно пошелъ по набережной до Вестминстеръ-Бриджа. На мосту онъ остановился, оперся руками на перила и устремилъ глаза на зданіе парламента.

Въ темнотѣ, среди полной тишины, зданіе парламента производило величественное впечатлѣніе. Терраса, лежавшая въ глубокой тѣни, спокойное теченіе рѣки, освѣщенные ряды оконъ — все это получало какое-то особое значеніе. Онъ медленно переводилъ взоръ отъ одного окна къ другому. Лодеръ не былъ мечтателемъ, но его инстинктивно влекло ко всему, что было связано съ отнятымъ у него любимымъ дѣломъ. Его пытливый взоръ былъ почти безстрастенъ. Онъ долго и задумчиво смотрѣлъ, потомъ тихо повернулъ назадъ.

Погруженный въ мысли, онъ медленно прошелъ обратно по Флитъ-Стриту и направился домой. У самыхъ дверей дома онъ невольно остановился: кто-то стоялъ у стѣны. Въ первую минуту онъ подумалъ, что это — галлюцинація, но сейчасъ же убѣдился, что передъ нимъ живой человѣкъ, и отступилъ въ ужасѣ.

— Это вы, Чилькотъ?—спросилъ онъ тихо. Его голосъ звучалъ спокойно, но у него кружилась голова.

Чилькотъ обернулся къ нему.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ быстро.—А я думалъ, что вы—духъ кого-нибудь изъ здѣшнихъ жильцовъ. Я, кажется, явился нѣсколько неожиданно?

Лодеръ взялъ протянутую руку и безсознательно пожалъ ее. Появленіе Чилькота произвело на него такое впечатлѣніе, точно среди песчаной степи онъ вдругъ попалъ въ оазисъ.

— Да, вы пришли... нѣсколько неожиданно,—сказалъ онъ.

Чилькотъ посмотрѣлъ на него и затѣмъ устремилъ глаза въ пространство.

— Кончено!—сказалъ онъ.—Пружина лопнула.

Онъ разсмѣялся при этихъ словахъ. При слабомъ освѣщеніи въ сѣняхъ, лицо его показалось Лодеру болѣзненнымъ и вялымъ, хотя онъ и былъ слегка возбужденъ ихъ свиданіемъ. Лодеръ взялъ его подъ-руку и повлекъ за собой къ лѣстницѣ.

— Да неужели же лопнула?—спросилъ онъ, подражая тону Чилькота.

Подъ внѣшнимъ спокойствіемъ его нервы были страшно возбуждены. Его охватило сознаніе власти надъ жизнью; онъ точно стоялъ на пьедесталѣ, съ высоты котораго глядѣлъ на міръ. Ему казалось, что судьба намѣренно подала ему знакъ въ минуту мрачнаго унынія.

Они стали молча подниматься по лѣстницѣ, причемъ Чиль-

котъ торопливо шелъ впереди, а Лодеръ медленно слѣдовалъ за нимъ. Онъ ясно чувствовалъ теперь, что для его спутника та комната, куда они направлялись—единственное вѣрное убѣжище въ жизни. Остановившись на первомъ поворотѣ, Чилькотъ сталъ разсказывать о своихъ переживаніяхъ:

— Вначалѣ все шло хорошо — очень хорошо; я около недѣли слѣдовалъ вашему примѣру. Я былъ до нѣкоторой степени на высотѣ положенія и очень энергично держался. Но въ послѣдніе десять дней—силы измѣнили мнѣ.

— Почему?—Лодеръ избѣгалъ глядѣть ему въ лицо.

— Почему?—повторилъ Чилькотъ.—Вы знаете вѣдь старую пѣсню: потому что слабость сильнѣе силы... Простите, что я опять такъ внезапно обрушиваюсь на васъ. Но, знаете ли,—свѣтскія обязанности сваливаютъ меня съ ногъ. Я не могу справиться съ ними.

— Свѣтскія? А я думалъ...

— Не думайте. Я тоже никогда не думаю. Мысли опрокидываютъ всякіе принципы и теоріи. Нашъ договоръ относился, собственно говоря, только къ свѣтской сторонѣ моей жизни,—но очень трудно установить точныя границы. Свѣтскія обязательства влекутъ за собой въ большинствѣ случаевъ и дѣловыя. Для того, чтобы ѣздить въ театры и на обѣды, вы мнѣ не нужны. Совсѣмъ другое дѣло—большіе пріемы или политическіе вечера. На нихъ необходимо показываться. Нѣтъ надобности говорить, съ чѣмъ-либо выступать, но совершенно не появляться на нихъ немыслимо.

Лодеръ посмотрѣлъ на него.—Объяснитесь точнѣе,—сказалъ онъ сухо. Чилькотъ вздрогнулъ отъ его рѣзкаго тона.

— Я, дѣйствительно, кажется, напрасно останавливаюсь на ненужныхъ подробностяхъ,—быстро отвѣтилъ онъ.—Такъ вотъ въ чемъ дѣло: у Брамфелей сегодня большой пріемъ. Вы вѣдь знаете Бланшъ Брамфель,—виконтессу Брамфель,—сестру Лиліанъ Аструпъ?

Эти имена ничего не говорили Лодеру, но это ему было все равно. Онъ вообще не любилъ никакихъ объясненій и старался какъ можно скорѣе узнать только самую суть.

— Вы должны присутствовать на этомъ вечерѣ—изъ партійныхъ интересовъ?

Чилькотъ облегченно вздохнулъ.—Ну да, ну да. Старикъ Фрэдъ настаиваетъ на этомъ, и Ева тоже.

Послѣднія слова онъ сказалъ совершенно равнодушно, но потомъ выраженіе лица его измѣнилось, точно его же собствен-

ныя слова ему что-то напомнили. Саркастическая улыбка показалась на его губахъ, и онъ засмѣялся.

— Представьте, Лодеръ, — сказалъ онъ: — девять-десять дней послѣ моего возвращенія, жена моя была очень мила со мной. Я, конечно, увѣренъ, что вы вполнѣ безлично играли мою роль, — я не ревнивъ, — сказалъ онъ со смѣхомъ, — совершенно не ревнивъ, но — кто разъ обжегся...

При этихъ словахъ и его смѣхѣ у Лодера вскипѣла кровь. Онъ инстинктивно ухватился за перила, и когда онъ взглянулъ въ лицо Чилькота, то ему показалось, что онъ видитъ свое собственное лицо — только съ нѣсколько насмѣшливымъ выраженіемъ. Странное чувство овладѣло имъ. Онъ медленно снялъ руку съ перилъ, потомъ, перегнавъ Чилькота, поспѣшилъ вверхъ по лѣстницѣ. Чилькотъ нагналъ его уже у самой двери.

— Лодеръ, — сказалъ онъ, — вѣдь это я въ шутку... Прошу васъ, — продолжалъ онъ съ ужасомъ, когда Лодеръ ему ничего не отвѣтилъ, — не покидайте меня! Я не могу вернуться сегодня, я не могу. Ради Бога, не оставляйте меня! — Онъ судорожно схватилъ его за руку. Съ чувствомъ внезапнаго отвращенія Лодеръ оттолкнулъ его. Потомъ онъ къ нему обернулся.

— Оба мы глупы, — сказалъ онъ. — Разница только въ степени глупости. Пойдемъ переодѣться.

XIII.

Самые прекрасные моменты въ жизни — тѣ, когда человѣкъ чувствуетъ, что весь міръ открытъ его силамъ. Удовлетворенное честолюбіе подобно лѣту, ожиданіе же — весна. Это чувствовалъ Лодеръ, отправляясь въ этотъ вечеръ съ Флитъ-Стрита на Гровноръ-Скверъ. Ему было ясно, что онъ опять вступилъ на твердую почву, что онъ опять очутился тамъ, откуда одинъ шагъ можетъ поднять его изъ глубины на высоту.

Теперь онъ не думалъ ни о прошломъ, ни о будущемъ. Ему достаточно было настоящаго. Можетъ быть, его ждетъ много труднаго, но трудное на то и существуетъ, чтобы закалять силы человѣка. Впервые давъ волю личнымъ чувствамъ, онъ испытывалъ почти радость отъ слабости Чилькота. Чѣмъ больше этотъ человѣкъ спутывалъ нить его жизни, тѣмъ сильнѣе должны были быть пальцы, которые размотаютъ клубокъ. Его охватило нетерпѣніе. Жажда дѣйствія кипѣла въ его крови.

Онъ вышелъ изъ коляски, съ увѣренностью подошелъ къ

двери и всунулъ въ нее ключъ. Даже это пустяшное дѣйствіе доставило ему внутреннее удовлетвореніе. Онъ спокойно открылъ дверь и прошелъ черезъ переднюю. При его входѣ слуга поправлялъ огонь въ огромномъ каминѣ.

— Миссисъ дома?— спросилъ Лодеръ, сознательно повторяя тотъ же вопросъ, съ которымъ онъ вступилъ въ первый разъ въ этотъ домъ.

Лакей поднялъ глаза.—Миссисъ только-что кончила обѣдъ у себя въ комнатѣ. Къ обѣду никого постороннихъ не было.

Онъ посмотрѣлъ на Лодера быстрымъ, неувѣреннымъ взглядомъ, какимъ вся прислуга въ этомъ домѣ смотрѣла на хозяина. Лодеръ это подмѣтилъ и былъ пораженъ настойчивымъ любопытствомъ, которое отражалось въ глазахъ лакея. Слабость Чилькота не была, очевидно, тайной для домашнихъ. Въ немъ поднялось опять бѣшенство противъ Чилькота, но онъ съ неудовольствіемъ подавилъ его въ себѣ и, не говоря ни слова, поднялся по лѣстницѣ. Наверху онъ не отправился, какъ обыкновенно, въ комнаты Чилькота, а прошелъ по корридору на половину Евы. Онъ медленно подошелъ къ двери, затѣмъ остановился и поднялъ руку. Онъ подождалъ съ минуту, ухватившись за ручку, потомъ наступила какая-то странная минута колебанія; онъ опустилъ руку и ушелъ. Вернувшись въ спальню Чилькота, онъ позвонилъ—и тотчасъ же явился Ренвикъ. При его видѣ, Лодеръ опять почувствовалъ удовольствіе, какъ и въ первый разъ, когда входилъ въ строго убранную спальню Чилькота.

Ренвикъ не подошелъ къ нему, какъ Лодеръ этого ожидалъ, а остановился у двери съ странной нерѣшительностью. Лодеръ подумалъ, что навѣрное глупость этого слуги выводила изъ-себя Чилькота, и что тотъ, по всей вѣроятности, не постарался бы сдержать своего гнѣва. Онъ невольно улыбнулся при этой мысли.

— Подойдите поближе, Ренвикъ,—сказалъ онъ.—Почему вы остановились у дверей? Я желаю знать, не передавала ли мнѣ миссисъ чего-нибудь относительно сегодняшняго вечера.

Ренвикъ украдкой взглянулъ на него, подходя ближе. — Да, сэръ,—сказалъ онъ: — камеристка м-ссъ Чилькотъ сказала, что карета заказана къ четверти одиннадцатаго. М-ссъ Чилькотъ надѣется, что это время удобно для васъ, сэръ.

Онъ говорилъ нерѣшительно, точно опасаясь, что его будутъ бранить. Когда онъ кончилъ, Лодеръ, который отвернулся, когда онъ началъ говорить, повернулъ къ нему лицо и посмотрѣлъ на него своими проницательными глазами.

— Послушайте, — сказалъ онъ, — мнѣ непріятно, когда вы

говорите со мной такимъ испуганнымъ тономъ. Возможно, что я бываю иногда слишкомъ строгъ съ вами,—это случается, когда у меня нервы не въ порядкѣ. Но когда я здоровъ, то обращаюсь съ вами... во всякомъ случаѣ вѣжливо. Вы должны отличать, въ какомъ я когда состояніи. Вотъ, взгляните на меня теперь.— Лодеръ подошелъ къ слугѣ съ чувствомъ задора.—Поглядите— такой ли я теперь, какъ вчера и сегодня утромъ?—Ну, скажите!— настаивалъ онъ.

— Да какъ сказать?—отвѣтилъ Ренвикъ съ нѣкоторой сдержанностью.—Вы совсѣмъ такой же и какъ будто не такой. Точно свѣжѣе лицомъ, сэръ, и глаза ясиѣе.—Онъ становился довѣрчивѣе подъ веселымъ и въ то же время проницательнымъ взглядомъ Лодера.—А впрочемъ, какъ погляжу поближе...

Лодеръ засмѣялся.—Вотъ въ томъ-то и дѣло. Нужно умѣть глядѣть. Наблюдательность—отличное качество для слуги. Вотъ какъ будете теперь входить въ комнату, такъ прежде всего посмотрите и съ этимъ и сообразуйтесь. Служить господину, у котораго нервы не въ порядкѣ, значитъ собственно служить двумъ господамъ. Ну, вотъ теперь можете идти и скажите камеристкѣ, что я буду готовъ къ четверти одиннадцатаго.

— Слушаюсь, сэръ. Что еще прикажете?

— Ничего. Вы мнѣ сегодня больше не нужны.

Онъ повернулся и подошелъ къ огромному пылающему камину. Комнаты Чилькота были всегда жарко натоплены. Слуга уже выходилъ, но Лодеръ еще разъ окликнулъ его.

— Послушайте, Ренвикъ,—остановилъ онъ его.—Принесите мнѣ еще нѣсколько сэндвичей и стаканчикъ виски.

Онъ вспомнилъ, что ничего не ѣлъ съ утра.

Сейчасъ послѣ десяти часовъ Лодеръ вышелъ изъ комнатъ Чилькота, рѣшительными шагами спустился съ лѣстницы и сталъ ждать Еву внизу. Рѣшительность, быть можетъ, слишкомъ сильное слово для такого незначительнаго дѣйствія, но все-таки во всемъ его существѣ, въ томъ, какъ онъ держалъ голову и плечи, чувствовалась именно рѣшимость. Черезъ нѣсколько минутъ къ дому подъѣхала карета, и въ ту же минуту наверху лѣстницы показалась Ева. Она остановилась и посмотрѣла внизъ. Камеристка несла за ней ея манто. Видъ Евы въ эту минуту былъ новымъ откровеніемъ для Лодера. При первой встрѣчѣ съ нею его поразила странная смѣсь моложавости и самосознанія въ ней,—она казалась дѣвушкой съ установившимися понятіями женщины, знающей жизнь. Потомъ онъ смотрѣлъ на нее по иному. А теперь онъ впервые увидѣлъ въ ней воплощеніе власти, жен-

свой власти, передъ которой долженъ преклониться всякій. На разстояніи, въ которомъ она стояла отъ него, она казалась больше, чѣмъ была въ дѣйствительности, и ея гордая осанка усиливала еще это впечатлѣніе. Черное платье мягко обхватывало ея фигуру, надъ головой блистала брильянтовая діадема, и ожерелье изъ тѣхъ же камней обхватывало ея шею. Лодеръ подумалъ, что только очень красивыя женщины могутъ носить такія драгоцѣнныя украшенія безъ ущерба для своей красоты. Нѣсколько подавленный ея величіемъ, онъ медленно пошелъ ей навстрѣчу, когда она спускалась внизъ.

— Дай, я подержу тебѣ манто,—сказалъ онъ, изумляясь самъ робости, которая слышалась въ его голосѣ.

Ева на минуту остановила на немъ взглядъ. Выраженіе лица оставалось совершенно равнодушнымъ, но когда она опустила вѣки, въ глазахъ ея блеснуло странное выраженіе. Но она отвѣтила вѣжливо:

— Благодарю. Мнѣ Мери поможетъ одѣться.

Лодеръ быстро взглянулъ на нее и потомъ отвелъ глаза. Ея сдержанность не произвела на него непріятнаго впечатлѣнія;— напротивъ того, она возбуждала скорѣе пріятныя мысли. Онъ восхищался ея гордостью, которая отвергала услужливость *Чилькота*, и самообладаніе, съ которымъ она вѣжливо отклонила его услуги, тоже понравилось ему.

— Коляска подана,—доложилъ Крапгэмъ.

Ева обратилась къ своей камеристкѣ:

— Благодарю,—сказала она, когда та укутала ее.—Я вернусь къ часу. Приготовьте мнѣ чашку шоколада.—Она направилась къ двери, потомъ остановилась и обернулась къ Лодеру.—Кажется, пора ѣхать?—спокойно спросила она.

Лодеръ былъ погруженъ въ созерцаніе ея лица, и опомнился только при ея словахъ.

— Ѣдемъ, ѣдемъ,—сказалъ онъ съ необычайной предупредительностью.

Онъ послѣдовалъ за ней, но ужъ не дѣлалъ дальнѣйшихъ попытокъ помочь ей сѣсть въ карету, а подождалъ, пока она сядетъ, и спокойно сѣлъ рядомъ съ ней. Когда лошади тронулись, онъ еще разъ посмотрѣлъ на широко открытую дверь, на Крапгэма въ его торжественной темной ливреѣ и камеристку въ черномъ платьѣ; эти двѣ фигуры рѣзко выдѣлялись на фонѣ ярко освѣщенной передней. Когда коляска мягко покатилась, онъ откинулся въ каретѣ и закрылъ глаза. Первыя минуты прошли въ глубокомъ молчаніи. У Лодера было своеобразное

ощущеніе близости и въ то же время безконечной отдаленности отъ Евы. Онъ сидѣлъ такъ близко къ ней, что ясно чувствовалъ запахъ ея духовъ. Это его смущало и вмѣстѣ съ тѣмъ было пріятно. Послѣ очень долгихъ лѣтъ онъ впервые былъ въ такой близости отъ женщины своего круга. Онъ невольно обернулся и поглядѣлъ на Еву.

Она сидѣла совершенно прямо; ея тонкій профиль ясно вырисовывался на фонѣ каретнаго окна. Брильянты ея сверкали, когда они проѣзжали мимо уличныхъ фонарей. Опять его охватило ощущеніе нереальности всего происходящаго. Потомъ въ немъ проснулось другое, болѣе властное чувство и вытѣснило первое. Онъ почти невольно спросилъ:

— Ты позволишь сказать тебѣ кое-что?

Ева не двинулась и даже не повернула головы,—какъ сдѣлали бы на ея мѣстѣ большинство женщинъ.

— Говори все, что хочешь,—серьезно отвѣтила она.

— Все, что хочу?—Онъ наклонился къ ней; имъ овладѣло безумное желаніе проявить свою власть.

— Конечно.

Въ голосѣ ея звучала нотка скуки. Онъ взглянулъ въ окно на мелькающіе огни, потомъ взглядъ его медленно обратился снова къ ней.

— Ты очень красива сегодня, — сказалъ онъ. Голосъ его звучалъ тихо и почти холодно. И все-таки эти слова вызвали то дѣйствіе, котораго онъ хотѣлъ. Она повернулась къ нему и взглянула на него удивленно и съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Эта побѣда — хотя и незначительная — доставила ему наслажденіе. Онъ вспомнилъ сцену съ лакеемъ Чилькота. Онъ опять загорѣлся желаніемъ дѣйствовать смѣло на свой страхъ. Онъ наклонился и слегка коснулся ея руки.

— Ева,—сказалъ онъ быстро,—Ева, ты помнишь...—Онъ замялся и отдернулъ руку. Лошади пошли шагомъ и остановились въ ряду экипажей, подъѣзжавшихъ къ дому лорда Брамфеля.

XIV.

Когда Лодеръ входилъ въ домъ лорда Брамфеля, ему казалось, что онъ актеръ, исполняющій роль на сценѣ, а не обыкновенный человѣкъ, попавшій въ необычное положеніе. Въ первый разъ ему пришлось изображать Чилькота въ свѣтскомъ обществѣ. Слѣдуя за Евой по коридору, который велъ къ пріемныя ком-

наты, онъ все время спрашивалъ себя, происходитъ ли это наяву или во снѣ. Въ тотъ моментъ, когда онъ былъ почти увѣренъ, что все это сонъ, его окликнулъ чей-то веселый голосъ. Обернувшись, онъ увидѣлъ угловатыя плечи, свѣтлые глаза и острую бородку Лэкли, собственника „St. George's Gazette". При его видѣ всѣ сомнѣнія улетучились. Дѣйствительность вступала въ свои права, какъ за три недѣли до того, въ тотъ краткій, но утомительный промежутокъ времени, когда его спавшія способности проснулись отъ толчка, и когда онъ понялъ самого себя.

Онъ невольно поднялъ голову. Легкій налетъ недовѣрія, поколебавшій его вѣру въ себя, разсѣялся, и онъ весело улыбнулся въ отвѣтъ Лэкли; это измѣнило все выраженіе его лица.

Какъ разъ въ эту минуту Ева обернулась къ нему. Выраженіе его лица невольно влекло ее къ нему. Никогда, даже до свадьбы, когда Чилькотъ ухаживалъ за ней, она не видала его такимъ. Ее охватило теплое чувство къ нему, и когда оно ослабѣло—такъ же быстро, какъ явилось,—ей сдѣлалось грустно. Но вниманіе ея было отвлечено въ эту минуту другой встрѣчей. Къ ней пробирался черезъ толпу, наполнявшую корридоръ, стройный юноша съ свѣтлыми волосами.

— М-ссъ Чилькотъ! — воскликнулъ онъ.—Вѣрить ли мнѣ такому счастью? Вы одна?

Ева засмѣялась съ видимымъ облегченіемъ.

— Какой вы смѣшной, Бобби!—сказала она ласково.—Но все-таки не вѣрьте своему счастью. Со мной пріѣхалъ мой мужъ; я его поджидаю.

Блесингтонъ раскрылъ ротъ отъ удивленія.

— Да неужели?—сказалъ онъ и замолчалъ. Онъ былъ добрякъ, но всѣ знали, что онъ былъ сильно огорченъ, когда Чилькотъ взялъ другого секретаря. Ева это тоже знала, и ей хотѣлось пролить бальзамъ на его раны.

— Разскажите что-нибудь о себѣ,—сказала она.—Что вы подѣлывали все это время?

Блесингтонъ оправился, взглянулъ на нее и улыбнулся.

— Что я дѣлалъ? — переспросилъ онъ. — Ходилъ каждый день на Гровноръ-Сквэръ съ визитомъ—и ни разу не заставалъ дома одну знакомую даму.

Ева засмѣялась. Милый, добросердечный юноша часто развлекалъ ее въ тяжелые часы ея жизни, и она очень жалѣла о немъ, когда его мѣсто занялъ Гриннингъ.

— Я васъ серьезно спрашиваю, Бобби. Удалось вамъ хорошо пристроиться?

Лицо Блесингтона приняло лукавое выраженіе.

— Кое-что, кажется, налаживается,—отвѣтилъ онъ:—сегодня я тутъ по дѣламъ службы. Старикъ Брамфель и мой родитель что-то устраиваютъ. Если лэди Брамфель или лэди Аструпъ уронятъ сегодня вѣеръ или платокъ, то я долженъ быть тутъ какъ тутъ, чтобы поднять его. Поняли?

— Такъ же, какъ вы поднимали мой вѣеръ и мой платокъ — въ прошломъ и позапрошломъ году?—улыбаясь, спросила Ева.

Блесингтонъ измѣнился въ лицѣ.

— Какъ вы могли это сказать!—воскликнулъ онъ.

Потомъ онъ вдругъ замолчалъ. Изъ общаго шума голосовъ выдѣлился совершенно явственно чей-то смѣхъ. Смѣхъ былъ не громкій, но такой, какой рѣдко можно услышать въ лондонскихъ салонахъ. Въ немъ звучала и бодрость и веселость, а также сила и твердость воли. Ева и Блесингтонъ невольно обернулись.

— Однако!—сказалъ Блесингтонъ. Ева ничего не сказала.

Лэкли въ эту минуту какъ разъ отошелъ отъ Лодера, смѣхъ котораго и привлекъ вниманіе Евы и Блесингтона. На лицѣ Лодера ясно было видно, что только-что законченная бесѣда очень его интересовала, и онъ шелъ по направленію къ нимъ, оживленный и улыбающійся.

— Однако! — сказалъ еще разъ Блесингтонъ. — Я какъ-то не замѣчалъ прежде, что Чилькотъ такой высокій.

Ева все еще не произнесла ни слова, но внутренно она совершенно соглашалась съ нимъ. Лодеръ, повидимому, не видѣлъ ее, пока не подошелъ совсѣмъ близко. Онъ остановился.

— Я только-что говорилъ съ Лэкли, — сказалъ онъ. — Я обѣщалъ ему пріѣхать обѣдать на Кадоганъ-Сквэръ.

Ева продолжала молчать; она ждала, чтобы онъ заговорилъ съ Блесингтономъ, и быстро поглядѣла на него; но онъ, повидимому, не понялъ ея взгляда. Наступила томительная минута ожиданія. Ева знала, что онъ бываетъ непростительно разсѣянъ, но это случалось, когда у него „разстроены“ нервы, какъ онъ выражался. А въ этотъ вечеръ онъ несомнѣнно былъ вполнѣ здоровъ.

Она слегка покраснѣла и искоса взглянула на Блесингтона, чтобы посмотрѣть, смущенъ ли онъ невниманіемъ ея мужа. Но онъ разсматривалъ съ необычайнымъ вниманіемъ коллекцію китайскаго оружія, развѣшанную въ нишѣ около нихъ.

— Пока ты разговаривалъ съ Лэкли, меня занималъ Бобби,— сказала она, чтобы обратить его вниманіе на Блесингтона.

Послѣ этихъ словъ Лодеръ взглянулъ на Блесингтона.

— Какъ вы поживаете?—спросилъ онъ вѣжливо, но холодно. Имя „Бобби“ ему ничего не говорило. Къ величайшему его удивленію, у Евы сдѣлалось недовольное лицо, а Блесингтонъ видимо удивился. Лодеръ смутился; онъ понялъ, что поступилъ не такъ, какъ слѣдовало. Наступило неловкое молчаніе. Блесингтонъ увидѣлъ, или вѣрнѣе почувствовалъ, что Ева посмотрѣла съ укоромъ на Лодера, и поспѣшилъ спасти положеніе своимъ тактомъ.

— А какъ вы поживаете, м-ръ Чилькотъ? — спросилъ онъ съ улыбкой.—У васъ удивительно свѣжій видъ. Я говорилъ какъ разъ м-ссъ Чилькотъ, что сегодня состою на службѣ у лэди Аструпъ, и мнѣ поручено разузнать кое-что.

Онъ говорилъ быстро, не задумываясь о смыслѣ своихъ словъ, но его непринужденный тонъ разсѣялъ неловкость. Ева улыбнулась ему въ знакъ благодарности.

— Мы не станемъ удерживать васъ отъ исполненія вашихъ обязанностей, — сказала она. — Къ тому же мы тоже должны нести свою службу.

Она опять улыбнулась, коснулась руки Лодера и указала на пріемную комнату.

Когда они вошли въ бо́льшую изъ двухъ гостиныхъ, они застали тамъ лэди Брамфель, которая принимала входившихъ гостей. Она была высокаго роста, очень худощава и только по голосу напоминала свою сестру Лиліанъ. Когда Лодеръ и Ева подошли къ ней, она говорила съ нѣсколькими гостями, и первые звуки ея мягкаго, пѣвучаго голоса произвели странное впечатлѣніе на Лодера, — смутно напоминая ему о чемъ-то давно знакомомъ. Но это впечатлѣніе сейчасъ же разсѣялось. Лэди Брамфель очень сердечно и тепло поздоровалась съ Евой, потомъ обернулась къ нему.

— Благодарю васъ, что вы пріѣхали. Но я ужасно боюсь, какъ бы вы у насъ не соскучились.

Онъ обратилъ вниманіе на то, что лэди Брамфель была гораздо холоднѣе съ нимъ, чѣмъ съ Евой, и рѣшилъ быть на сторожѣ.

— Ваше предположеніе очень нелестно для меня,—отвѣтилъ онъ.—Скучаютъ въ сущности только пустые люди.

Лэди Брамфель громко расхохоталась.

— Это что́ значитъ? — воскликнула она.—Вы, кажется, начинаете заботиться о мнѣніи общества?

Лодеръ счелъ нужнымъ тоже засмѣяться.

— Чѣмъ хуже моя репутація, тѣмъ болѣе она нуждается въ защитѣ,—сказалъ онъ.

Тѣмъ временемъ подошли новые гости. Ева улыбнулась хозяйкѣ, и они прошли дальше. На минуту онъ остался наединѣ съ Евой. Она, повидимому, хотѣла что-то сказать ему, но не рѣшалась: она открывала и закрывала свой вѣеръ, и наконецъ рѣшительно повернулась къ нему и посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Почему ты былъ такъ непривѣтливъ съ Бобби Блесингтономъ?—спросила она, говоря это тономъ выговора провинившемуся ребенку. Лодеру стало очень непріятно, что онъ сдѣлалъ ей непріятность, — но какъ бы онъ могъ знать, что это былъ Блесингтонъ?! Они прошли дальше, и въ слѣдующей комнатѣ попали въ густую толпу гостей, что было крайне непріятно Лодеру. Къ Евѣ всѣ подходили и улыбались ей; одна дама наклонилась къ ней, и стала говорить что-то на ухо. Онъ все яснѣе чувствовалъ, что она играетъ видную роль въ обществѣ, а самъ онъ казался здѣсь совершенно лишнимъ. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ заговорить съ нею, изъ группы гостей отдѣлился маленькаго роста господинъ съ круглымъ, блѣднымъ лицомъ, и Лодеръ узналъ въ немъ съ досадой хозяина дома. Въ то время какъ лордъ Брамфель подходилъ къ нимъ, Лодеръ еще яснѣе почувствовалъ, что Ева—общая любимица. Ожидая, что она черезъ минуту исчезнетъ для него въ потокѣ чужихъ людей, онъ захотѣлъ удержать ее.

— Ева!—тихо окликнулъ онъ ее.

Она обернулась къ нему.

— Что?—спросила она, и въ звукѣ ея голоса ему послышалась теплая нота.

— Я хотѣлъ сказать тебѣ относительно Блесингтона...

Но въ эту минуту маленькій лордъ Брамфель подошелъ къ нимъ, протягивая руки и радостно улыбаясь.

— Можно разлучить мужа и жену? За это по закону не полагается наказанія,—какъ вы думаете, м-ссъ Чилькотъ? А вы какъ поживаете, Чилькотъ?—Онъ быстро и негромко обращался по своему обыкновенію то къ ней, то къ нему. Лодеръ отошелъ, чтобы скрыть свою досаду, а Ева съ улыбкой поздоровалась съ Брамфелемъ.—Сегодня вы можете дѣлать все безнаказанно,—сказала она и отошла къ другимъ знакомымъ.

Въ то время какъ она уходила, Брамфель взглянулъ на Лодера.—Ну, что же, Чилькотъ? Вы уже вопрошали судьбу о своемъ будущемъ?—со смѣхомъ спросилъ онъ.

Лодеръ тоже засмѣялся, но ничего не отвѣтилъ. Не понимая смысла вопроса, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ своему испы-

танному средству — молчанію. Но Брамфель поднялъ брови съ удивленіемъ.

— Не представляйтесь, пожалуйста,—сказалъ онъ,—что вы еще не попались въ жертвы моей belle-soeur. — Онъ обратился затѣмъ къ Евѣ.—Вы, навѣрное, знаете о нашемъ новомъ пріобрѣтеніи, м-ссъ Чилькотъ?—спросилъ онъ.

— Вы говорите о Лиліанъ и ея хрустальномъ шарѣ? Конечно. Она, навѣрное, прелестна въ роли прорицательницы. Это страшно интересно.

Брамфель принялъ таинственный видъ.

— У нея устроенъ очаровательный шатеръ въ концѣ оранжереи. Пять человѣкъ работали пять дней, чтобы установить этотъ шатеръ. Стукъ былъ такой, что не слышно было собственныхъ словъ. Моя жена говорила, что она стала чувствовать себя въ роли дамы-патронессы—до того это напомнило ей благотворительные базары.

Всѣ сочли долгомъ разсмѣяться. Въ эту минуту къ собравшимся въ кучку гостямъ торопливо подошелъ Блесингтонъ.

— Не знаете ли, гдѣ Вичестонъ? Теперь его очередь узнавать судьбу по хрустальному шару.

Всѣ опять расхохотались. Брамфель взялъ Блесингтона за рукавъ и сталъ подшучивать надъ нимъ, говоря торжественнымъ тономъ:

— Вичестонъ—человѣкъ благоразумный,—сказалъ онъ,— и потому играетъ въ бриджъ. Оставьте его въ покоѣ за карточнымъ столомъ, Бобби.

Блесингтонъ изобразилъ на лицѣ комическое отчаяніе.

— Не шутите,—сказалъ онъ.—Я все это продѣлываю дѣловымъ образомъ. Я составляю списокъ съ точнымъ обозначеніемъ именъ и времени, и лэди Аструпъ остается въ блаженномъ невѣдѣніи относительно того, кто ея жертвы. Ея прорицанія прямо-таки волшебны,—и мои статистическія записи...

— Перестаньте, Бобби, умоляю васъ!—Круглые глаза Брамфеля заморгали отъ удовольствія.

— Нѣтъ, не говорите. Моя система...

— Какъ, даже система? Ну, что вы, Бобби!—сказала Ева.— Оставьте лорда Вичестона въ покоѣ. Замѣните его кѣмъ-нибудь другимъ. Не все ли равно—разъ Лиліанъ не знаетъ.

Блесингтонъ колебался. Онъ обвелъ глазами присутствующихъ, и взглядъ его остановился на Брамфелѣ.

— Только не меня, Бобби, молю васъ!—запротестовалъ хозяинъ дома.—Подумайте, вѣдь за послѣднія недѣли я ни о чемъ

другомъ не слышу разговоровъ, какъ о хрустальныхъ шарахъ. Довольно съ меня хрустальныхъ шаровъ. А вы лучше поведите туда Чилькота.—Онъ опять заморгалъ глазами.

Всѣ обратили взгляды на Чилькота,—а нѣкоторые поглядывали украдкой и на Еву. Чтобы не вышло замѣшательства, она первая засмѣялась.

— Чудесная мысль, — сказала она. — Политикамъ важнѣе всего знать будущее. Проявите свою власть, Бобби, и поведите его туда. А когда вы его запрете въ шатеръ, то приходите ко мнѣ. Мы давно не говорили по душѣ съ вами..—Она дружески кивнула ему и сейчасъ же обратилась къ лорду Брамфелю съ какимъ-то безразличнымъ замѣчаніемъ.

Лодеръ колебался съ минуту, потомъ покорно взялъ Блесингтона за руку.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ. — Если судьба моя окажется злополучной, то вы свидѣтель, что меня толкнула въ ея объятія моя жена.—Онъ сдѣлалъ легкое удареніе на словѣ „жена“; ему было пріятно говорить при другихъ о своей „женѣ“. Первое непріятное впечатлѣніе отъ невниманія къ нему общества сгладилось. Онъ теперь твердо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду. Дружески взявъ подъ руку Блесингтона, онъ прошелъ съ нимъ черезъ пріемныя комнаты, по длинному корридору и широкой лѣстницѣ, которая вела въ оранжерею. Это была одна изъ достопримѣчательностей дома Брамфелей. Сплетеніе зеленыхъ вѣтвей, легкій, проникающій всю атмосферу ароматъ показались Лодеру чѣмъ-то волшебнымъ, никогда невиданнымъ. Вокругъ него была ароматная мгла, среди которой раздавались кое-гдѣ тихіе голоса. Ему казалось, что онъ здѣсь въ полномъ одиночествѣ, представлявшемъ отрадный контрастъ съ шумомъ и свѣтомъ залы. Непріятна была ему только при этомъ мысль о прорицательницѣ. Ему казалось непростительной глупостью нарушать торжественный покой такимъ дурачествомъ. Онъ обратился къ Блесингтону:

— Что я долженъ дѣлать?—спросилъ онъ.

Блесингтонъ удивленно посмотрѣлъ на него.

— Какъ! я думалъ...—Онъ не докончилъ фразы и сейчасъ же перемѣнилъ тонъ. — Вы только вдумайтесь немного въ то, что вамъ предстоитъ. Лэди Аструпъ не требуетъ вовсе непоколебимой вѣры, но проситъ относиться серьезно къ ея искусству.—При этихъ словахъ онъ разсмѣялся такъ заразительно, что Лодеръ засмѣялся вслѣдъ за нимъ.

— Что же я собственно долженъ дѣлать?—повторилъ онъ свой вопросъ.

— Ровно ничего, м-ръ Чилькотъ. Такъ какъ она жрица, то ей, конечно, нужны аколиты. Шатеръ поставленъ такъ, что она ничего не можетъ видѣть, кромѣ вашихъ рукъ: этимъ исключается всякое предположеніе о какомъ-нибудь обманѣ.—Онъ засмѣялся. Послѣ того онъ замедлилъ шаги и вдругъ произнесъ тихо, съ напускнымъ благоговѣніемъ:—Мы пришли.

Они стояли въ концѣ узкой аллеи. Слабый свѣтъ усиливалъ впечатлѣніе безграничной дали. Слѣва раздавался плескъ воды, справа можно было смутно различить шатеръ.

Шатеръ былъ красиво устроенъ изъ мягкихъ шолковыхъ тканей и освѣщался отблескомъ восточнаго фонаря, повѣшеннаго надъ входомъ. Когда Лодеръ и Блесингтонъ подходили туда, изъ шатра какъ разъ выходилъ кто-то. Онъ остановился съ минуту въ нерѣшительности, и потомъ только подошелъ къ нимъ.

— Ну и темно же тамъ, чортъ возьми!—сказалъ онъ.—Я даже васъ не разглядѣлъ. Знаете, Блесингтонъ,—въ сущности это возмутительно, что прорицательница, закутанная въ дымъ и облака, скрыта отъ нашихъ глазъ. Она-то смотритъ въ хрустальный шаръ,—а нужно бы, чтобы и намъ было, на что смотрѣть.

Блесингтонъ засмѣялся.—Вы многаго сразу хотите, Гольтри,—сказалъ онъ.—Лэди Аструпъ знаетъ, какъ цѣнно недосягаемое. Намъ пора войти,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Лодеру и энергично уводя его за собой.

Слѣдуя за нимъ, Лодеръ сталъ интересоваться всей этой таинственной процедурой. Ему захотѣлось узнать, кто эта женщина, о которой такъ много говорятъ. И въ эту минуту онъ вспомнилъ, какъ увѣрялъ Чилькота, что въ одномъ пунктѣ онъ совершенно неуязвимъ. Тогда онъ говорилъ на основаніи опыта минувшихъ дней; но теперь прошлое казалось ему столь далекимъ, что онъ сталъ сомнѣваться, представляетъ ли оно такую полную гарантію на будущее время, какъ онъ думалъ. Способность человѣка совершенно забывать о минувшемъ безгранична. То, что когда-то произошло въ горахъ Италіи, абсолютно изгладилось изъ памяти Лодера, стерлось, какъ рисунокъ мѣломъ на грифельной доскѣ.

Блесингтонъ подошелъ къ шатру и поднялъ занавѣсь, скрывавшую входъ.

— Пожалуйте!—сказалъ онъ Лодеру, увлекая его за собой.

Лодеръ взглянулъ на его веселое лицо, освѣщенное сверху фонаремъ, и улыбнулся. Потомъ онъ пожалъ плечами и вошелъ въ шатеръ. Портьера опустилась.

XV.

Первое, что почувствовалъ Лодеръ, было непріятное ощущеніе полнаго мрака. Когда глазъ его привыкъ въ темнотѣ, это ощущеніе разсѣялось, и онъ почувствовалъ всю нелѣпость положенія, въ которомъ онъ очутился.

Шатеръ былъ маленькій, весь задрапированный шолковыми тканями, и воздухъ пропитанъ былъ мускусомъ. Внутри онъ былъ раздѣленъ неподвижной занавѣсью, которая спускалась съ потолка и не доходила на нѣсколько дюймовъ отъ пола. На той сторонѣ, гдѣ былъ Лодеръ, стоялъ только низенькій стулъ, и все пространство было освѣщено слабымъ отблескомъ свѣта, проникавшаго изъ невидимой части шатра изъ-подъ неподвижной занавѣси. Нѣсколько времени Лодеръ стоялъ въ выжидательной позѣ. Вдругъ раздался глубокій, мягкій голосъ.

— Будьте любезны сѣсть,—пригласилъ его кто-то.

Онъ продолжалъ стоять въ нерѣшимости. Голосъ звучалъ откуда-то по близости и производилъ странное впечатлѣніе среди тишины и мрака,—онъ казался Лодеру почти знакомымъ. Наконецъ онъ понялъ, въ чемъ дѣло. Его, очевидно, поразило сходство этого голоса съ мягкимъ голосомъ лэди Брамфель. Съ нѣкоторымъ чувствомъ успокоенія онъ пододвинулъ стулъ и сѣлъ на него.

Тогда только онъ замѣтилъ, что по другую сторону занавѣси—маленькій столикъ изъ лакированнаго дерева; на немъ лежали раскрытая книга, хрустальный шаръ и золотая мисочка, наполненная чернилами. Все это стояло по той сторонѣ столика, которая была ближе къ нему; другая же половина оставалась невидимой для него. Все это начинало интересовать его, и онъ сѣлъ удобнѣе на стулѣ. Кто бы ни была эта женщина, во всякомъ случаѣ она умѣла эффектно обставлять свои затѣи. Онъ сталъ ждать съ любопытствомъ дальнѣйшихъ указаній изъ-за занавѣси.

— Искусство читать судьбу въ хрустальномъ шарѣ—раздался голосъ послѣ короткой паузы—очень старинное.

Лодеръ нагнулся впередъ. Мысль о лэди Брамфель смѣшивалась съ воспоминаніемъ о чемъ-то очень далекомъ и совершенно неопредѣленномъ.

— Для того, чтобы достигнуть наилучшихъ результатовъ, вопрошающій долженъ положить руки на гладкую поверхность.

Невидимая жрица, очевидно, читала изъ открытой передъ нею книги. При словѣ „поверхность“ наступила маленькая пауза, во время которой она, очевидно, перемѣнила положеніе на стулѣ. Затѣмъ снова раздался ея голосъ, но уже нѣсколько измѣнившійся:

— Пожалуйста, положите руки на столъ, ладонями внизъ.

Лодеръ улыбнулся. Онъ представлялъ себѣ на своемъ мѣстѣ Чилькота. Какъ бы вся эта таинственность раздражала его! Затѣмъ онъ наклонился и выполнилъ приказаніе прорицательницы. Онъ положилъ руки на столъ въ кругъ свѣта отъ невидимой лампы. Прорицательница хранила глубокое молчаніе втеченіе нѣсколькихъ минутъ. Затѣмъ она какъ будто подняла голову.

— Нужно снять кольца,—сказала она мягко.—Всякій металлъ мѣшаетъ дѣйствію симпатическаго тока.

При другихъ обстоятельствахъ Лодеръ бы, вѣроятно, разсмѣялся. Но требованіе снять кольца, хотя и случайное и предложенное въ любезной формѣ, было очень неудобнымъ для Лодера. Онъ сейчасъ же подумалъ о Чилькотѣ и объ единственномъ изъянѣ ихъ непогрѣшимаго во всѣхъ другихъ пунктахъ плана. Онъ инстинктивно отдернулъ руку.

— Между кѣмъ долженъ установиться симпатическій токъ?— спокойно спросилъ онъ.

Говоря это, онъ думалъ про себя, что не лучше ли обратиться въ бѣгство.

— Между вами и мною, конечно,—отвѣтилъ мягкій голосъ. Онъ звучалъ спокойно, но властно.

Но мысль о бѣгствѣ показалась Лодеру слишкомъ театральной. Въ этомъ мірѣ говорящихъ шопотомъ голосовъ и смягченнаго свѣта всякія рѣзвія рѣшенія были непонятны. Не было никакой видимой причины для рѣзкаго отступленія. Онъ медленно откинулся на стулѣ, обдумывая свое положеніе. Если эта женщина случайно знаетъ, что Чилькотъ сталъ носить кольца въ послѣднее время и знаетъ форму его колецъ, то видъ шрама на пальцѣ Лодера можетъ вызвать вопросы и предположенія. Но если, съ другой стороны, онъ вдругъ уйдетъ изъ шатра безъ объясненій, или рѣшительно откажется снять кольца, то это возбудитъ общее любопытство,—что очень опасно. Все это онъ быстро сообразилъ, понимая, что необходимо тотчасъ же рѣшиться на что-нибудь. Онъ оглянулся въ шатрѣ и невольно выпрямился. Конечно, положеніе его было очень затруднительное, но все-таки не было основанія приходить въ отчаяніе. Въ это время раздались опять звуки мягкаго, вкрадчиваго голоса.

— Я буду водить свою руку надъ вашей и смотрѣть при этомъ въ хрустальный шаръ. Это и установитъ симпатическій токъ. — Лодеръ увидалъ въ полусвѣтѣ нѣжную руку, которая взяла шаръ.—Тогда я смогу читать ваши мысли. Будьте же любезны снять кольца.

Простота, съ которой къ нему обращено было это требованіе, окончательно обезоружила его. Положеніе было въ высшей степени опасное. Но—онъ самъ это не разъ говорилъ себѣ—опасность—соль жизни.

— Простите, что я такъ утруждаю васъ,—сказала невидимая жрица вкрадчиво и нѣжно.

Лодеръ быстро подумалъ о томъ, хорошо ли знаетъ лэди Аструпъ Чилькота. Но онъ не имѣлъ никакихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса, и потому пересталъ думать объ этомъ. Чилькотъ никогда не говорилъ ему о ней, и на этотъ разъ тоже назвалъ ее только вскользь, какъ сестру лэди Брамфель. Неужели же онъ сталъ такимъ трусомъ, что не рѣшается бросить вызовъ судьбѣ? Переставъ колебаться, Лодеръ снялъ кольца, опустилъ ихъ въ карманъ и положилъ руки на столъ.

Въ эту минуту случилось нѣчто неожиданное. За занавѣской раздался шелестъ платья, потомъ легкій стукъ стула, который подвинули впередъ или назадъ. Потомъ наступила тишина.

Лодеръ почувствовалъ, что произошла какая-то перемѣна; онъ былъ въ этомъ увѣренъ, также какъ въ томъ, что вокругъ него была темнота, и что изъ-подъ занавѣси проникала на полъ полоса свѣта. Онъ вытянулъ руки на столѣ и чувствовалъ съ какимъ-то мучительнымъ ощущеніемъ, что ихъ разсматриваютъ чьи-то невидимые пытливые глаза. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что возникло какое-то новое осложненіе. Но если причиной этого осложненія было то, что онъ показалъ свои руки, то всякое вмѣшательство съ его стороны можетъ только внести еще бо́льшую запутанность. Поэтому онъ продолжалъ сидѣть молча и неподвижно.

Оказала ли его пассивность какое-нибудь вліяніе, онъ не могъ судить; во всякомъ случаѣ, за занавѣсью стало тихо. Что́ бы ни вызвало шелестъ юбокъ и внезапное передвиженіе стула, теперь все это очевидно вытѣснено было другими чувствами.

Черезъ нѣсколько времени за занавѣсью положили на столъ хрустальный шаръ. Рѣзкій, отрывистый звукъ, съ которымъ шаръ коснулся стола, указывалъ на то, что прорицательница приняла какое-то твердое рѣшеніе. Въ ту же самую минуту снова раздался ея голосъ. Онъ звучалъ еще болѣе тихо, но въ немъ не

было прежней непринужденности, а сказывалось что-то новое—волненіе ли, изумленіе или любопытство,—этого Лодеръ не могъ рѣшить.

— Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ...—начала она.—Вамъ...—Она остановилась. Наступила опять пауза. Она точно ждала какой-нибудь помощи. Но Лодеръ продолжалъ молчать. Въ затруднительныхъ случаяхъ молчаніе и хладнокровіе—лучшія орудія борьбы.

Его молчаніе, видимо, смущало ее. Лодеръ слышалъ, какъ она задвигалась на стулѣ.

— Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ...—начала она опять, видимо оправившись. — Простите, — сказала она вдругъ совершенно измѣнившимся голосомъ. — Прорицаніе при помощи хрустальнаго шара иногда не удается. Уже въ тотъ моментъ, когда вы положили руки на столъ, я почувствовала, что ничего не выйдетъ. Но мнѣ не хотѣлось сдаться сразу.—Она тихо разсмѣялась.

При этомъ смѣхѣ, Лодеръ впервые самъ безпокойно задвигался на стулѣ. Что-то смущало и волновало его. Ему хотѣлось выбѣжать скорѣе изъ шатра, но онъ все-таки не двигался съ мѣста. Что женщина за занавѣской сказала неправду по какой-то невѣдомой причинѣ—это онъ ясно почувствовалъ по всему тону ея словъ, по перемѣнѣ голоса. Въ первую минуту ему хотѣлось заговорить съ незнакомкой, но онъ счелъ это неосторожностью и пропустилъ удобный для начала разговора моментъ. Какая-то загадка чувствовалась во всемъ окружающемъ, а онъ ненавидѣлъ загадки.

Лэди Аструпъ была, видимо, всецѣло занята собой. Она опять пересѣла по иному. Лодеру казалось, что она все ближе нагибается къ его рукамъ и разсматриваетъ ихъ. Ощущеніе это было такое ясное, что онъ невольно отдернулъ руки. Опять зашелестѣли юбки, хрустальный шаръ скатился со стола, и прорицательница весело разсмѣялась. Лодеръ вскочилъ съ мѣста. Онъ не могъ сразу рѣшить, какъ ему поступить. Онъ только зналъ, что не можетъ дольше оставаться въ шатрѣ изъ шолковыхъ тканей, пропитанномъ мускусомъ, и что вся эта таинственность ему нестерпима. Онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Онъ вытянулся, расправилъ члены, повернулся и вышелъ изъ шатра, отодвинувъ портьеру у входа.

Послѣ мрака, изъ котораго онъ вышелъ, ему показалось, что въ оранжереѣ сравнительно свѣтло. Не дожидаясь, чтобы глаза его пріучились къ свѣту, онъ поспѣшно пошелъ по направленію

къ дому. Длинныя аллеи изъ растеній уже не привлекали его своей сочной зеленью и своей свѣжестью. Поднимаясь по лѣстницѣ въ залу, онъ вынулъ кольца изъ кармана, надѣлъ ихъ, и тогда только вошелъ въ свѣтлыя залы, переполненныя толпой гостей.

Когда онъ проходилъ, расчищая себѣ дорогу въ толпѣ, кто-то заговорилъ съ нимъ; но онъ принялъ разсѣянный, какъ у Чильмота, видъ и поспѣшилъ впередъ. На порогѣ въ столовую стояли Блесингтонъ и Ева. Выраженіе лица у Лодера измѣнилось, и онъ прямо подошелъ къ нимъ.

— Прости, Ева, — сказалъ онъ. — Мнѣ нужно сказать пару словъ Блесингтону.

Она удивленно взглянула на него, потомъ улыбнулась съ спокойнымъ видомъ.

— Поговори съ нимъ, — отвѣтила она. — Мнѣ тоже давно хочется поговорить съ Милицентой Гоуэръ, но Бобби мнѣ все мѣшалъ. — Она улыбнулась Блесингтону и затѣмъ подошла къ стройной блѣдной молодой дѣвушкѣ въ зеленомъ платьѣ. Она стояла совершенно одна.

Едва она отвернулась, какъ Лодеръ взялъ Блесингтона подъ-руку.

— Я знаю, что вы страшно заняты, — началъ онъ, въ совершенствѣ подражая торопливой манерѣ говорить Чилькота. — Я знаю, до чего вы заняты. Но я очутился въ очень затруднительномъ положеніи. — Быстрый взглядъ на здоровое, наивное лицо Блесингтона убѣдилъ его, что самое цѣлесообразное въ данномъ случаѣ просто сказать всю правду.

— Неужели? — Блесингтонъ превратился весь въ слухъ и зрѣніе.

— Да, и я — нуждаюсь въ вашей помощи.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ. То, что Чилькотъ обратился къ нему, возбудило его гордость и въ то же время смутило его.

Лодеръ понялъ свое превосходство и воспользовался имъ.

— Это въ связи съ хрустальнымъ шаромъ, — сказалъ онъ. — Я, кажется, не совсѣмъ хорошо исполнилъ свою роль, — вѣроятно, даже велъ себя очень глупо. Не могу я какъ-то принимать все это въ серьезъ, а лэди Аструпъ... — онъ остановился и зорко посмотрѣлъ на Блесингтона. — Ну, да вѣдь вы знаете, милый другъ, что за народъ эти женщины.

Блесингтону было всего двадцать-три года. Онъ снова покраснѣлъ, и лицо его стало необыкновенно серьезнымъ. — Да, да, я знаю, — отвѣтилъ онъ очень важно.

Лодеръ чувствовалъ весь комизмъ положенія, но сохранялъ

серьезное выраженіе лица.—Я зналъ, что вы поймете меня съ первыхъ же словъ,—сказалъ онъ. Когда лэди Аструпъ спроситъ васъ, кто былъ десять минутъ тому назадъ въ шатрѣ, то я хотѣлъ бы...—Онъ остановился, чтобы вглядѣться въ лицо молодого человѣка.

— Что вы хотѣли бы?

— Я бы желалъ, чтобы вы ради меня... даже сказали маленькую ложь.

Блесингтонъ съ удивленіемъ взглянулъ на него и принужденно разсмѣялся.

— Какъ же такъ, м-ръ Чилькотъ,—она...

— ...Узнала меня, вы хотите сказать?—Глаза Лодера сдѣлались острыми, какъ сталь.

— Да.

— Вы ошибаетесь. Она не узнала меня.

Блесингтонъ поднялъ брови. Лодеръ оглянулся въ комнатѣ. Ева отошла отъ дѣвушки въ зеленомъ платьѣ и подошла къ нимъ. По дорогѣ она кланялась и улыбалась знакомымъ, подходившимъ къ ней со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ идетъ моя жена,—сказалъ Лодеръ.—Сдѣлайте это для меня, Блесингтонъ. Это... все упроститъ.—Онъ говорилъ быстро и при этомъ внимательно смотрѣлъ на Еву. Блесингтонъ, какъ онъ и предполагалъ, посмотрѣлъ въ томъ же направленіи.—Это все упроститъ,—повторилъ онъ.—Это упроститъ все.., въ виду... какъ бы это сказать?.. семейныхъ отношеній.

Блесингтонъ „все понялъ“ и оглянулся.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Я такъ и устрою. И прежде чѣмъ Лодеръ смогъ сказать хоть слово, онъ уже исчезъ въ толпѣ.

Съ англ. З. В.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

На закатѣ.

Еще не палъ покровъ туманный
На заалѣвшіе снѣга...
О, свѣтъ вечерній, необманный,
Залившій жизни берега!

Ночная мгла еще покуда
Не охватила небеса,
И я туда гляжу, откуда
Сіяетъ вѣчная краса!

Плывутъ видѣнья: башни, замки—
Въ пурпурномъ блескѣ облака,
И даль, раздвинувшая рамки,
Такъ безконечно широка!

Все потонуло въ блескѣ аломъ,
И говорятъ душѣ они
О незакатномъ, небываломъ—
Заката яркіе огни!

II.

Путникамъ.

Съ тяжкой въ сердцѣ ношею
Трудно вамъ идти,
Замело порошею
Въ полѣ всѣ пути.

Зыбкими туманами
Все заволокло,
И на васъ обманами
Ополчилось зло.

Вамъ грозитъ засадою
Каждый смѣлый шагъ:
Не знакомъ съ пощадою
Бодрствующій врагъ.

Но во мглѣ идущаго
Ждетъ заря побѣдъ:
Онъ борцамъ грядущаго
Пролагаетъ слѣдъ.

О. Чюмина.

РАЗЛОЖЕНІЕ ПАРТІЙ

И

НОЯБРЬСКІЕ ВЫБОРЫ ВЪ АМЕРИКѢ.

Американская политическая жизнь была всегда полна разными неожиданностями; импульсивность и впечатлительность народнаго характера часто внезапно выносили наверхъ новые вопросы и новыхъ людей, быстро вытѣснявшихъ и прежнихъ дѣятелей, и прежнія несогласія. Въ Америкѣ „злоба дня" всегда играла громадную роль, несмотря на ея дѣйствительное значеніе, нерѣдко оказывавшееся чисто воображаемымъ. Примѣръ Брайана и „серебрянаго вопроса", радикальнѣйшимъ образомъ перетасовавшихъ и составъ политическихъ партій, и традиціонныя политическія аффиліаціи народныхъ массъ, и выдвинувшихъ цѣлый рядъ новыхъ политическихъ вожаковъ,—достаточно свидѣтельствуетъ о калейдоскопичности американской политики вообще. Такой же характерной неожиданностью явился и лихорадочный интересъ, который всколыхнулъ эту политику до основанія, благодаря именно прошедшимъ ноябрьскимъ выборамъ. Такой страстной политической кампаніи Союзъ не переживалъ съ 1896 года, и эта страстность была особенно освѣжающей послѣ полной апатіи кампаній 1902 и, въ особенности, 1904 годовъ. Въ свое время я отмѣтилъ и принципіальную безсодержательность этихъ конфликтовъ, и полное отсутствіе какого-либо къ нимъ интереса со стороны народныхъ массъ [1]). Повидимому, общее положеніе измѣнилось съ тѣхъ поръ только очень мало,—а тѣмъ не менѣе кампанія 1906 г. перешла въ исторію политики Союза, какъ одна изъ самыхъ страстныхъ и интересныхъ. Этотъ-то странный на первый взглядъ фактъ, въ связи съ современнымъ положеніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ въ Союзѣ я и попытаюсь выяснить въ настоящей статьѣ.

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы"—ноябрь 1903 и іюль 1905 г.

I.

Благодаря отчасти „имперіализму", отчасти англофильству современной американской внѣшней политики, за послѣднее время въ ней было немало разныхъ осложненій. Китайскій бойкотъ, о которомъ мнѣ пришлось уже подробно писать прежде [1]), все еще продолжается; онъ урѣзалъ экспортъ Союза въ Китай за прошлый отчетный годъ на цѣлые 20 милліоновъ долларовъ; а „открытыя двери" японскаго фасона въ Манчжуріи и Кореѣ уменьшили экспортъ въ эти страны и въ Японію еще на 19 милл. Послѣ войны, японцы совсѣмъ заполонили наше тихоокеанское побережье, эмигрируя сюда десятками тысячъ, и весьма быстро возстановили противъ себя все населеніе—дѣловые классы своими надменностью и дѣловой недобросовѣстностью, а рабочіе—систематическимъ спускомъ заработной платы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ насильно поголовно выгоняли, въ другихъ—бойкотировали; въ годичномъ собраніи американской федераціи труда представители всего побережья единогласно приняли резолюцію—требовать отъ конгресса примѣненія и къ японцамъ закона Гири о невпускѣ въ союзъ китайцевъ, а въ городѣ Санъ-Франциско, которымъ управляютъ безраздѣльно ремесленные союзы, совѣтъ народнаго образованія отказалъ японцамъ въ правѣ посѣщать народныя школы для бѣлыхъ, и сконцентрировалъ ихъ въ спеціально для нихъ открытыхъ школахъ. Это раздѣленіе страшно обозлило Японію и немедленно же послѣдовали самыя энергичныя представленія японскаго правительства вашингтонскому. Рузевельтъ былъ вынужденъ прислать въ Санъ-Франциско министра торговли Меткафа, калифорнійца, съ большимъ личнымъ вліяніемъ въ этомъ городѣ, для разслѣдованія обстоятельствъ дѣла, но и онъ, повидимому, не могъ ничего подѣлать съ городскими властями, и дѣло, вѣроятно, перейдетъ въ судъ, для рѣшенія вопроса—обязателенъ ли для города трактатъ федеральнаго правительства съ иностраннымъ государствомъ, дарующій его жителямъ права „favoured nation", если народъ штата или города найдетъ нужнымъ установить нѣкоторыя ограниченія, въ родѣ настоящаго? Вопросъ интересный, сложный и спорный, какъ въ виду особенностей американскаго федеральнаго устройства, такъ и благодаря абсолютной практической независимости нашихъ отдѣльныхъ самоуправляющихся единицъ. Японія, повидимому, ополчилась не на шутку противъ города Санъ-Франциско, и грозитъ всей Америкѣ всяческими напастями; американскій генераль-

[1]) См. мою статью: „Американская злоба дня"—„Вѣстникъ Европы", апрѣль 1906

ный консулъ въ Японіи весьма поспѣшно нарочно прибылъ въ городъ, чтобы лично удостовѣрить серьезность японскаго возбужденія и повліять на тамошнія власти. Чѣмъ бы ни кончился этотъ эпизодъ, онъ уже несомнѣнно и существенно натянулъ американско-японскія отношенія, и едва-ли можетъ остаться безъ серьезныхъ послѣдствій. Надо думать, что даже всесильный „коммерціализмъ“ не сможетъ вѣроятно преодолѣть калифорнскихъ предубѣжденій противъ желтой расы вообще.

Кубанскій вопросъ, былъ, повидимому, не совсѣмъ вѣрно понятъ русской прессой, введенной, вѣроятно, умышленно въ заблужденіе односторонне окрашенными телеграммами. Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ. Первымъ президентомъ республики Кубы былъ выбранъ нѣкто Пальма, хотя и ея уроженецъ, но совершенно американизированный, такъ какъ онъ прожилъ безвыѣздно въ Штатахъ, какъ изгнанникъ, свыше тридцати лѣтъ, предшествовавшихъ освобожденію острова. Онъ, повидимому, человѣкъ честный и искренно желавшій добра своей родинѣ,—но не особенно даровитый, и, главное, оказавшійся слишкомъ оторваннымъ отъ современныхъ кубанскихъ жизненныхъ условій и мѣстныхъ дѣятелей; онъ примкнулъ къ партіи умѣренныхъ и окружилъ себя и непопулярными, и неспособными, и очень неразборчивыми на средства помощниками. Первый срокъ его службы прошелъ болѣе или менѣе благополучно,—но въ теченіе этого срока образовалась значительная оппозиція, раздѣленная на нѣсколько фракцій — либераловъ, цвѣтныхъ, старую испанскую и т. д. На выборахъ прошлаго лѣта Пальма былъ выбранъ вторично и оставилъ у власти весь прежній персоналъ, но оппозиція утверждала, что выборы были подтасованы его приверженцами, и что „умѣренные“ остались въ силѣ наперекоръ значительному недовольному народному большинству. Надо думать, что это была правда. Было немедленно организовано въ разныхъ мѣстностяхъ вооруженное возстаніе, всюду завелись революціонныя скопища, и очень скоро всякая работа и всякая торговая и промышленная дѣятельность совершенно прекратились. Сначала Пальма пытался организовать военную силу и бороться съ революціей оружіемъ,—но дѣйствовалъ вообще крайне нерѣшительно, неумѣло и вяло. Въ сущности весь островъ, кромѣ столицы, города Гаванны, оказался, повидимому, на сторонѣ революціи, немногіе вожди которой дѣйствовали и быстро, и энергично, — да и въ столицѣ лойяльность половины населенія была больше чѣмъ сомнительна. Хотя у революціи не было ни центральной организаціи, ни общаго вождя, уже послѣ первыхъ же весьма незначительныхъ стычекъ въ самыхъ окрестностяхъ Гаванны, Пальма совершенно растерялся и потребовалъ американскаго вмѣшательства въ силу доба-

вленія Платта къ основному трактату Союза съ Кубой, и когда въ Гавану прибыли американскіе флотъ, и войска и уполномоченный президента Рузевельта, военный министръ Тафтъ, Пальма отказался отъ президентства и покинулъ островъ. Всѣ эти событія слѣдовали одно за другимъ съ поразительной быстротой: отъ начала революціи до полнаго занятія острова американскими войсками не прошло и двухъ мѣсяцевъ. Многочисленные главари возстанія, крупные и мелкіе, немедленно осадили Тафта требованіями мѣстъ и окладовъ; въ виду полнаго успѣха, они ожидали смѣны всѣхъ „умѣренныхъ" и замѣщенія ихъ именно ими. Хотя по поводу тайныхъ пружинъ всей этой картонной революціи и ходитъ у насъ въ прессѣ цѣлая масса басенъ, сплетенъ и догадокъ разнаго рода, тѣмъ не менѣе едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что единственной ея причиной былъ тотъ фактъ, что мѣстъ и окладовъ въ распоряженіи правительства Пальмы далеко не хватило для удовлетворенія всѣхъ считавшихъ ихъ своею собственностью „патріотовъ", и что проистекавшія отсюда жадность и зависть массы разныхъ проходимцевъ не могли оставить Кубу въ покоѣ. Словомъ, повторилась въ точности исторія всѣхъ остальныхъ освободившихся въ разное время отъ испанскаго ига странъ Центральной и Южной Америки. У такъ называемыхъ разныхъ кубанскихъ политическихъ партій и фракцій нѣтъ какихъ-либо принципіальныхъ несогласій — все основано на притязаніяхъ разныхъ лицъ на власть и на числѣ приверженцевъ у того или другого „генерала". Теперь уже выяснилось, что всѣ солидные землевладѣльческіе, торговые и промышленные интересы видятъ возможность умиротворенія только въ продолжительномъ и осязательномъ американскомъ занятіи острова— въ твердой власти, поддерживаемой значительною военною силой. Иначе революціямъ не будетъ счета и конца, пока не появится суровый, рѣшительный солдатъ-диктаторъ, въ родѣ мексиканскаго Діаца или венецуэльскаго Кастро. Я лично твердо убѣжденъ, что американскій имперіализмъ во всемъ кубанскомъ дѣлѣ совершенно ни причемъ, что многіе могучіе общественные и промышленные элементы Союза, въ особенности сахарные и табачные трѣсты, воспротивились бы самымъ рѣшительнымъ образомъ идеѣ присоединенія Кубы, и что администрація Рузевельта приложитъ всевозможныя усилія, чтобы какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ этого несвоевременнаго и непріятнаго инцидента. Тѣмъ не менѣе, кубанская революція и занятіе острова немало способствовали оппозиціи республиканской партіи въ прошлой выборной кампаніи и снабдили эту оппозицію многими сенсаціонными доводами, едва-ли имѣвшими какое-либо реальное значеніе.

Зато весьма существеннымъ козыремъ въ рукахъ этой партіи ока-

зался несомнѣнный успѣхъ путешествія министра иностранныхъ дѣлъ Рута по всей прибрежной къ обоимъ океанамъ Южной Америкѣ.

Рутъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ собиравшагося, въ прошломъ іюлѣ, въ городѣ Ріо-ди-Жанейро, третьяго панъ-американскаго конгресса, и, по всѣмъ видимостямъ, успѣлъ въ значительной степени разсѣять традиціонныя предубѣжденія громаднаго большинства южноамериканцевъ противъ Союза. Рутъ—человѣкъ чрезвычайно даровитый и широко-образованный, а въ то же время энергичный, первоклассный дипломатъ и ораторъ. Его серьезнѣйшій недостатокъ—излишнее партизанство. Онъ посѣтилъ Бразилію, Уругвай, Аргентину, Чили, Перу, Боливію, Колумбію и Панаму, и всюду завоевалъ народныя симпатіи и вызвалъ шумныя, блестящія овація въ честь Союза и себя. Эта поѣздка, которая, конечно, отзовется въ ближайшемъ будущемъ существенными политическими и коммерческими перемѣнами въ отношеніяхъ Сѣверной и Южной Америки, была мастерскимъ, превосходно задуманнымъ и выполненнымъ coup d'état, чреватымъ всевозможными послѣдствіями.

II.

Въ общественной внутренней жизни Союза за послѣдніе два года главными элементами были, съ одной стороны, постоянныя разоблаченія всевозможныхъ беззаконій и взяточничества какъ въ разныхъ федеральныхъ, штатныхъ и муниципальныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ управленіяхъ частныхъ акціонерныхъ компаній, въ родѣ страховыхъ, банковыхъ, промышленныхъ, а съ другой—преслѣдованія федеральными и штатными правительствами трёстовъ и вообще комбинацій капитала въ разныхъ формахъ. Хотя и тѣ и другія усилія достигли покуда только очень незначительныхъ конкретныхъ результатовъ, хотя многочисленные и несомнѣнные преступники обоихъ сортовъ все еще обыкновенно успѣваютъ ускользать отъ тюрьмы, тѣмъ не менѣе, агитація противъ нихъ постоянно ростетъ, захватывая собою все болѣе и болѣе широкіе круги, и обѣщаетъ настолько сконцентрироваться въ ближайшемъ будущемъ, что выработаетъ-таки болѣе или менѣе эффективныя новыя орудія для болѣе успѣшной борьбы съ этими новыми формами преступности противъ общественнаго благосостоянія, вызванными новыми жизненными условіями послѣдняго времени. Бѣшеная политико-экономическая эволюція успѣла оставить политическую власть страны далеко за флагомъ, и финансовые, торговые и промышленные вожаки управляютъ страной, вмѣсто ея обезсиленнаго ихъ несоразмѣрнымъ возвышеніемъ правительства. Государство посте-

пенно утрачиваетъ контроль надъ нѣкоторыми составляющими его ингредіентами, въ ущербъ остальнымъ изъ нихъ. Агитація послѣднихъ двухъ лѣтъ чрезвычайно способствовала выясненію этого въ сознаніи народныхъ массъ, и я отнюдь не сомнѣваюсь, что, разъ это сознаніе сдѣлается достояніемъ большинства, созидательныя способности этихъ массъ найдутъ практическій выходъ изъ все обостряющагося положенія. Вопросъ въ томъ, возможенъ ли такой выходъ съ измѣненіемъ только методовъ, или же необходимы коренныя реформы въ организаціи правительственной власти, какъ законодательной, такъ и исполнительной, и, въ особенности, судебной. Вожаки республиканской партіи, господствующей безраздѣльно въ федеральномъ управленіи Союза съ 1896 г., цѣлое десятилѣтіе, успѣли за это время создать чрезвычайно компактную и могучую организацію, цѣлое государство въ государствѣ, съ успѣхомъ подавляющую до сихъ поръ всякія попытки къ оппозиціи предначертываемымъ ими основамъ въ средѣ самой партіи, — другими словами, ввели систему управленія партіей—комбинаціей вожаковъ, а не ея массами, мало-по-малу лишенными всякихъ способовъ и къ проявленію самодѣятельности, и къ здоровой, эффективной критикѣ дѣятельности партіи. Система эта извѣстна въ политической исторіи Союза подъ именемъ „боссизма“ — отъ слова boss—хозяинъ, мастеръ—и не разъ достигала той же силы, что и теперь, находясь всегда въ своемъ апогеѣ, когда прибѣгавшая къ ней партія въ принципіальномъ смыслѣ теряла свой raison d'être, и въ ея средѣ начиналъ происходить процессъ внутренняго разложенія. Преобладаніе боссизма означаетъ, что партія держится не комбинаціей идей, не умственной и нравственной связью, а чисто личными интересами ея предводителей, успѣвшихъ временно подчинить своимъ вліяніямъ необходимое большинство помимо его дѣйствительныхъ симпатій. Начало настоящему царству боссизма въ республиканской партіи было положено еще національной конвенціей этой партіи въ президентскую кампанію 1900 года [1]), но онъ былъ непомѣрно развитъ съ тѣхъ поръ, благодаря всей политикѣ и въ особенности личному характеру президента Рузевельта. Неукротимый enfant terrible именно для своей партійной организаціи, какъ губернаторъ штата Нью-Іорка въ 1898—1900 годахъ, онъ съ теченіемъ времени сдѣлался сильнѣйшимъ организаторомъ своей партіи въ національныхъ дѣлахъ, и только потому, что постоянно нуждается во всемъ престижѣ ея лояльной поддержки въ своихъ безчисленныхъ экскурсіяхъ въ самыя разнообразныя сферы народной жизни. Со свойственными ему энергіей, страстностью

[1]) См. мою статью: „Президентская кампанія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ“ въ „Вѣстникѣ Европы“, іюнь 1901 г.

и искренностью онъ то агитируетъ за увеличеніе числа дѣтей въ семьяхъ, то реформируетъ игру въ футъ-боллъ въ университетахъ, то предпринимаетъ измѣненіе орѳографіи англійскаго языка, то радикально мѣняетъ форму войскъ Союза, то вмѣшивается въ штатныя политическія кампаніи, то улаживаетъ промышленную стачку или умиротворяетъ Россію съ Японіей, то устраиваетъ центрально-американскую революцію и ѣздитъ торопить постройку Панамскаго канала, то подсиживаетъ не особенно чистыми путями какой-нибудь особенно подлый трёстъ,—именно подсиживаетъ, что̀ трёстъ этотъ и успѣваетъ обыкновенно доказать публикѣ и чѣмъ удается ему избѣжать послѣдствій благожелательнаго, но по своимъ результатамъ чисто донъ-кихотскаго нападенія. Совершенно неизвѣстно, на чемъ остановится вниманіе Рузевельта завтра или послѣ-завтра и на что обрушится его энергія черезъ недѣлю или черезъ мѣсяцъ, но во всѣхъ этихъ лихорадочныхъ экспромтахъ ему нужна поддержка партійныхъ боссовъ, національныхъ и мѣстныхъ—ему некогда возиться съ массами и доказывать имъ свою точку зрѣнія—и за эту поддержку онъ и отдалъ имъ всю партію въ крѣпостную зависимость. Въ широкомъ принципіальномъ смыслѣ совершенно неважно, что ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ удалось смѣнить немногихъ особенно скверныхъ мѣстныхъ боссовъ болѣе чистыми людьми,—сама система такъ вредна и деморализующа, что немногія личныя перемѣны не имѣютъ въ дѣйствительности никакого значенія, тѣмъ болѣе, что нерѣдки случаи, когда онъ, не будучи въ силахъ одолѣть такихъ боссовъ, вступалъ въ соглашеніе и съ завѣдомыми негодяями.

Вотъ эти-то вожаки-боссы, совершенно овладѣвшіе формальной организаціей республиканской партіи, еще въ кампанію 1902 г. ввели въ ея платформу принципъ „stand pat", т.-е. довольство настоящимъ и требованіе народной поддержки на выборахъ въ свою пользу на основаніи того, что партія уже совершила, на основаніи осязательной и рѣзкой перемѣны отъ общаго разоренія 1893 — 1896 годовъ къ современному блестящему благосостоянію, начавшемуся именно со времени захвата ею власти, перемѣны, которую она приписала всецѣло своей политикѣ. Принципъ „stand pat" всего лучше передается на русскій языкъ пословицей — отъ добра добра не ищутъ. Хотя національная платформа партіи въ слѣдовавшую за выборами 1902 г. президентскую кампанію 1904 г. и была весьма многословна, тѣмъ не менѣе сущность ея заключалась въ томъ же stand pat, а въ ноябрьскіе выборы 1906 г. республиканская партія не сочла нужнымъ даже и разговаривать, а оперлась всецѣло и исключительно на тотъ же принципъ. Ея вожаки совсѣмъ застыли въ своемъ самопоклоненіи и безусловно отказались замѣтить и какъ-либо отозваться на тѣ много-

численные симптомы, которые доказывали усиливающіяся броженія и недовольство культомъ партійнаго самообожанія. Они полагали, что страна безусловно благоденствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ, а что для ея развлеченія должно быть совершенно достаточно тѣхъ постоянныхъ сенсацій, на которыя такъ щедръ президентъ Рузевельтъ, и что это развлеченіе можетъ служить достаточнымъ предохранительнымъ клапаномъ отъ какихъ-либо нежелательныхъ взрывовъ. Но на этотъ разъ въ массахъ партіи уже успѣла кристаллизоваться во многихъ мѣстностяхъ серьезная оппозиція такому себялюбивому оптимизму, и эта-то оппозиція въ средѣ самой господствующей партіи, организованная въ многочисленныя независимыя фракціи подъ разными названіями, въ связи съ оппозиціей регулярныхъ ея противниковъ, на этотъ разъ гораздо болѣе живой, чѣмъ въ обѣ предшествовавшія кампаніи, и сдѣлала ноябрьскіе выборы и особенно страстными, и очень поучительными.

Нельзя не признать, что, съ точки зрѣнія исключительно долларовъ и центовъ, оптимизмъ stand pat'еровъ имѣетъ за собою солидное реальное основаніе. Благосостояніе Союза, насколько оно измѣряется финансовой и торгово-промышленной статистикой и всѣми другими современными критеріями для его опредѣленія, никогда еще не стояло такъ высоко, и его громадные естественные рессурсы никогда еще не исчерпывались такъ быстро и съ такими очевидными барышами. Урожаи всѣхъ главныхъ земледѣльческихъ продуктовъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, стояли очень хорошіе, спросъ на нихъ былъ большой и постоянный, и всемірный рынокъ потреблялъ ихъ быстро и по высокимъ цѣнамъ. Экспортъ мануфактуръ все увеличивается, и торговые балансы въ нашу пользу опять исчисляются сотнями милліоновъ долларовъ. Единственнымъ предѣломъ дальнѣйшему лихорадочному расширенію всѣхъ производительныхъ силъ страны являются крайній недостатокъ рабочихъ рукъ и быстрый ростъ заработной платы. За послѣдніе года не было серьезныхъ стачекъ; напротивъ, всѣ желѣзныя дороги и многія крупныя промышленныя дѣла, какъ, напр., Standard Oil Company, стальной трестъ, рудокопное дѣло, экспрессныя компаніи, сами поднимали заработную плату своихъ рабочихъ—благодаря хорошимъ временамъ. Никогда не было въ странѣ такой крупной и лихорадочной постройки новыхъ желѣзно-дорожныхъ линій: высчитываютъ, что въ настоящій моментъ въ Союзѣ и Канадѣ строится до 25.000 миль. Финансовые обороты за десять лѣтъ увеличились въ десять разъ; число банкротствъ упало до небывалаго минимума. И количество золота въ странѣ, и сумма денежныхъ знаковъ per capita быстро росли съ каждымъ годомъ. Бумажныя цѣнности разныхъ родовъ, въ среднемъ, поднялись въ нѣсколько разъ; долгіе успѣхи довели спекуляцію до прямого бѣшенства, до превращенія и финансо-

ваго, и промышленнаго, и, главное, даже поземельнаго рынка въ достояніе азартной игры. Стоимость поземельной собственности съ 1900 г. поднялась на 33%, довольно равномѣрно по всему Союзу. Рекорды разныхъ производствъ — каменноугольнаго, стальнаго, лѣсного, хлопчатобумажнаго, и т. д., постоянно побиваются, и производства эти завалены заказами на полгода и даже на годъ впередъ. Отовсюду слышится одинъ и тотъ же крикъ: дайте намъ больше рабочихъ рукъ, мы не можемъ справиться съ предлагаемой намъ работой! Въ однихъ трехъ штатахъ тихоокеанскаго побережья не хватаетъ въ настоящій моментъ свыше 30.000 рабочихъ; одному городу Чикаго нужно столько же; на Югѣ пропала часть хлопковаго урожая, на Сѣверѣ—пшеницы, въ штатѣ Орегонѣ — хмеля, въ Калифорніи—фруктовъ и винограда, за недостаткомъ рабочихъ рукъ во-время. По вычисленіямъ постояннаго бюро народныхъ переписей—„U. S. Census Bureau"—народное богатство за послѣднее время росло гигантскими шагами; за четыре года, 1900—1904, оно поднялось на $ 18.353.067.211^{00}, т.-е. слишкомъ на 2 милліарда больше, чѣмъ вся та сумма, въ которую оно исчислялось во всей странѣ въ 1860 г.—$ 16.159.616.068^{00}. Въ 1900 г. оно было исчислено въ $ 88.528.348.798^{00}; въ 1904 г. въ $ 106.881.415.000^{00}. Если настоящее отношеніе увеличенія удержится въ теченіе всего десятилѣтія,—богатство это увеличится за этотъ срокъ больше чѣмъ на 50%.

Нельзя не признать, что первоначальный толчокъ этому дѣйствительно феноменальному расширенію, начавшемуся десять лѣтъ тому назадъ, дала перемѣна политическаго режима и бо̀льшее довѣріе народныхъ массъ къ созидательнымъ способностямъ республиканской партіи. Но ея современные боссы, какъ уже было выяснено выше, утверждаютъ, что и замѣчательная жизненность, и сила этого расширенія есть только прямой и исключительный результатъ ихъ же политической мудрости, и недостаточно интеллигентное и односторонне освѣдомленное народное большинство до сихъ поръ вѣрило имъ, и, вѣроятно, будетъ поддерживать ихъ и въ будущемъ, пока не придетъ неизбѣжный періодическій крахъ и не принесетъ съ собою новый торгово-промышленный кризисъ. Дальновидные же люди думаютъ, что торговое и промышленное процвѣтаніе поддерживается такъ долго и крахъ этотъ задержанъ другими причинами, въ особенности же огромнымъ современнымъ перепроизводствомъ золота и его постепеннымъ обезцѣненіемъ [1]). Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ золота добывается ежегодно свыше 300 м. долларовъ, и количество это медленно,

[1]) См. мою статью „О золотѣ"—„Вѣстникъ Европы", май 1906 г. Настоящій моментъ былъ ею вполнѣ предусмотрѣнъ.

но вѣрно поднимается съ каждымъ годомъ. Союзъ поглощаетъ львиную долю этого ежегоднаго прироста, вынужденный пускать его въ ходъ желѣзной необходимостью процентнаго закона, и этотъ-то обильный денежный притокъ и питаетъ теперь всю эту анормальную гигантскую торговую и промышленную дѣятельность. Я лично нисколько не сомнѣваюсь, что Союзъ уже испытываетъ вліяніе этого новаго могучаго фактора — перепроизводства золота, — и что хотя его воздѣйствіе временно и благопріятно, онъ тѣмъ не менѣе грозитъ и ему, и всему цивилизованному міру новыми, чрезвычайно сложными и важными экономическими явленіями, дѣйствительное значеніе и конечные результаты которыхъ въ настоящій моментъ еще не достаточно выяснились, дабы дѣлать какіе-либо опредѣленные выводы. Всей денежной и монетной системѣ міра грозитъ близкій и неизбѣжный радикальный пересмотръ.

Оппозиція вышеочерченному „stand pat'изму" республиканской партіи была очень разнообразна, а потому и крайне разъединена; на выборахъ произошло неизбѣжное при такихъ условіяхъ „своя своихъ не познаша", и потому ихъ результаты далеко не достигли желательной въ такихъ случаяхъ опредѣленности. Сущность всей этой оппозиціи состояла въ томъ, что, не отрицая наружнаго благосостоянія страны, она утверждала, что распредѣленіе народнаго богатства становится все болѣе и болѣе неравномѣрнымъ, и что настоящая политическая система чрезвычайно благопріятствуетъ усиленію этой неравномѣрности. Для излеченія этого наростающаго зла предлагались ею разные методы, обусловившіе ея дробленіе. Такъ, оппозиція въ средѣ самихъ республиканцевъ выразилась главнымъ образомъ въ требованіяхъ пересмотра и пониженія состоящаго въ силѣ тарифа Диннлэя. Въ нѣкоторыхъ штатахъ она расколола республиканскія организаціи, но только въ штатѣ Эйоуэ удалось ей одержать верхъ и провести свою платформу и кандидатовъ. Фермеры, всегда составлявшіе главную силу республиканской партіи, никогда не относились съ энтузіазмомъ къ ея крайнимъ протекціоннымъ идеямъ, и теперь, повидимому, начался между ними сознательный и все разростающійся протестъ противъ нихъ,—протестъ, въ прежнія кампаніи выражавшійся только спорадически. Успѣвъ наконецъ захватить цѣлый и такой значительный штатъ, какъ Эйоуэ, онъ можетъ развиться въ будущемъ весьма быстро и послужить тѣмъ видимымъ оружіемъ, которое разложитъ эту партію окончательно.

III.

Въ принципіальномъ смыслѣ всего интереснѣе былъ походъ, организованный президентомъ „Американской Федераціи Труда" Гомперсомъ противъ спикера федеральной палаты представителей, республиканца Кэннона, и нѣкоторыхъ другихъ выдающихся ея членовъ, принадлежащихъ къ той же партіи, въ особенности Литльфильда отъ штата Мэна. „Союзный трудъ", органъ профессіональныхъ союзовъ, уже много лѣтъ поддерживаетъ въ Вашингтонѣ энергичную lobby, т.-е. спеціальную делегацію, агитирующую въ конгрессѣ всѣческими средствами въ пользу разныхъ проектированныхъ „Союзнымъ трудомъ" законодательныхъ мѣръ. Самыми важными изъ этихъ мѣръ считаются законопроекты — объ ограниченіи судебной юрисдикціи при стачкахъ, извѣстный подъ именемъ anti-injunction bill, и — о введеніи обязательнаго восьми-часового рабочаго дня. Оставляя совершенно въ сторонѣ ихъ цѣлесообразность и внутренніе достоинства и недостатки, нужно сказать, что нѣкоторыя ихъ основы безусловно противоконституціонны, представляя собою или несомнѣнное классовое законодательство, или ограниченіе свободы соглашенія. Не только возможно, но и вѣроятно, что эта противоконституціонность не соотвѣтствуетъ ни духу времени, ни дѣйствительнымъ современнымъ народнымъ интересамъ, то-есть, что конституція устарѣла;—тѣмъ не менѣе, она представляетъ собою дѣйствующій уставъ страны, и, при правовомъ, закономѣрномъ теченіи дѣлъ въ ней, всякая попытка завѣдомо обойти ее, хотя бы и при посредствѣ легальныхъ способовъ, была бы, конечно, революціоннымъ актомъ. Кромѣ того, она не могла бы имѣть никакого практическаго значенія, такъ какъ еслибы конгрессъ и принялъ эти законопроекты, при первомъ же ихъ приложеніи въ жизни всякій судья призналъ бы ихъ противоконституціонными, и потому недѣйствительными. Въ виду этого, упорное стремленіе рабочихъ союзовъ провести ихъ и періодически, съ каждымъ новымъ конгрессомъ, привлекать къ нимъ вниманіе страны—можно объяснить только какъ агитаціонный пріемъ въ пользу извѣстныхъ принциповъ, а не какъ дѣйствительное желаніе достичь извѣстной опредѣленной цѣли. Конгрессъ, конечно, оцѣнилъ въ свое время сущность всей этой процедуры, и неизмѣнно отклонялъ эти и имъ подобные законопроекты, но такъ какъ господствующая въ немъ за послѣднее десятилѣтіе республиканская партія не желала возстановлять противъ себя „Союзный трудъ",—дѣлалъ это безъ спеціальной мотивировки, а пользуясь безчисленными уловками современнаго парламентаризма—сдавать безо-

бидно въ архивъ нежелательныя для большинства мѣры. Тѣмъ не менѣе, уловки эти требуютъ всякій разъ времени, дѣлающагося все болѣе и болѣе драгоцѣннымъ въ американскомъ конгрессѣ, заваленномъ обязательной работой всякаго рода,—и въ прошлую сессію спикеръ Каннонъ и нѣкоторые другіе члены, особенно Литльфильдъ, активно и открыто возмутились противъ такой тактики. Президентъ „Федераціи труда", Гомперсъ, признаваемый однимъ изъ самыхъ изворотливыхъ и искусныхъ современныхъ американскихъ политиковъ на всѣхъ поприщахъ, полагаясь на свое вліяніе и популярность между союзными рабочими массами [1]), объявилъ ихъ врагами „Союзнаго труда" и обратился къ нему съ требованіемъ забаллотировать ихъ при ихъ переизбраніи въ члены палаты на ноябрьскихъ выборахъ. Онъ организовалъ очень агрессивную имъ оппозицію въ ихъ округахъ, произнесъ лично многія рѣчи, вообще работалъ противъ нихъ съ большой энергіей. До сихъ поръ рабочіе союзы почти безъ всякихъ исключеній уклонялись отъ политики, особенно открытой и активной—и понесли тяжелое пораженіе и въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ всѣ объявленные ими своими противниками кандидаты были избраны,—Каннонъ даже увеличеннымъ противъ прежняго большинствомъ. Хорошо освѣдомленные люди полагаютъ, что эта агрессивная, но плохо обоснованная, торопливая и очевидно толкавшая „Союзный трудъ" на революціонный путь экскурсія Гомперса въ политику была навѣяна, главнымъ образомъ, событіями послѣднихъ трехъ лѣтъ въ Германіи, гдѣ соціалистическія вліянія пытались сдѣлать то же самое съ тамошними рабочими союзами, и что здѣшнія союзно-рабочія массы рѣшительно отказались слѣдовать за Гомперсомъ. И наши соціалисты упорно добиваются признанія ихъ американскимъ „Союзнымъ трудомъ"—и ихъ работа въ этомъ направленіи всецѣло отражаетъ собою дѣятельность нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ и ихъ отношеніе къ нѣмецкимъ профессіональнымъ рабочимъ союзамъ. Дабы читатель могъ вполнѣ уяснить себѣ вышеизложенную попытку Гомперса и ея общее значеніе, я долженъ напомнить ему нѣкоторыя фазы отношеній соціалистовъ къ рабочимъ союзамъ въ Германіи за послѣднее время.

Послѣдній конгрессъ соціалистовъ въ Мангеймѣ, повидимому, если не совсѣмъ уничтожилъ, то существенно уменьшилъ духъ революціоннаго романтизма, который за послѣдніе года преобладалъ въ совѣтахъ этой партіи. Три года тому назадъ, ветеранъ Бебель разбудилъ этотъ безпокойный духъ страстной пропагандой ортодоксальнаго марксизма противъ силъ политическаго оппортунизма. Изъ выборной борьбы того времени партія вышла изумительно сильной по числу голосовъ,

[1]) Въ текущемъ году онъ былъ выбранъ въ 25-ый разъ подъ-рядъ на свое мѣсто.

но съ расшатанными и неопредѣленными принципами. Къ такому заключенію, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ придти Бебель, когда, знакомясь съ составомъ вновь избранныхъ депутатовъ соціалъ-демократовъ, онъ открылъ, что старая гвардія неизмѣнныхъ „непримиримыхъ" подавлялась бойкой группой интеллигентовъ, писателей и адвокатовъ, привычки и образъ жизни которыхъ не имѣли ничего общаго съ рабочими классами, и взгляды которыхъ сильно склонялись къ компромиссу и коопераціи съ радикальной буржуазіей. Эти интеллигенты, соціалисты-парламентаристы, или совсѣмъ пренебрегали тактическими совѣтами вождя, слово котораго было дотолѣ закономъ для массъ партіи, или оспаривали ихъ; и они настаивали на пересмотрѣ марксистскихъ догматовъ въ приложеніи къ практической политикѣ. Бебель объявилъ имъ непримиримую войну. Съ трибуны конгресса въ Дрезденѣ онъ предалъ анаѳемѣ ихъ „разлагающія" попытки лишить движеніе революціонной жизненности. Конгрессъ, какъ онъ всегда поступалъ и прежде, отозвался на чарующую силу ораторскаго искусства Бебеля, и попытался устранить идею пересмотра резолюціей, смиренно преклоняющейся передъ катаклизмической теоріей Маркса и призывающей всѣхъ товарищей направить свои силы не къ реформѣ, а къ уничтоженію существующаго капиталистическаго строя и къ замѣнѣ его соціалистической республикой. Интеллигенты, почувствовавъ себя внезапно вожаками безъ послѣдователей, доказали свой оппортунизмъ, голосуя за резолюцію, имѣвшую въ виду ихъ собственное уничтоженіе. Бебель торжествовалъ; эти пренія возстановили его, какъ диктатора массъ, и онъ предрекъ, что это послужитъ „неизсякаемымъ источникомъ юности" для будущаго прогресса движенія. Легкость этой побѣды надъ „пересмотрщиками" возбудила въ немъ желаніе подчинить своему политическому диктаторству и рабочіе союзы, — и онъ занялся этимъ на конгрессахъ въ Бременѣ и Іенѣ. Между тѣмъ, въ средѣ нѣмецкихъ соціалистовъ организовалось анархистско-соціалистическое крыло, которое пропагандировало всеобщую стачку, какъ наиболѣе эффективное орудіе въ рукахъ пролетаріата для достиженія соціалистическаго милленіума. На конгрессѣ въ Іенѣ это крыло стремилось вызвать нѣмецкое изданіе русской борьбы, и Бебель поддержалъ его, произнеся зажигательную рѣчь, которую онъ закончилъ предложеніемъ резолюціи, что массовая стачка признается конгрессомъ наиболѣе дѣйствительнымъ орудіемъ противъ политическихъ преступленій, направленныхъ противъ народа, или когда этотъ народъ борется за одно изъ своихъ основныхъ правъ. Резолюція была принята, съ добавленіемъ, что всеобщее право голоса признается однимъ изъ такихъ правъ. Возбудивъ опасенія въ германскомъ правительствѣ, она въ то же время

сильно встревожила и рабочіе союзы. Теоретически, германскіе рабочіе союзы, какъ и американскіе, нейтральны относительно политики, и, въ дѣйствительности, огромное большинство ихъ членовъ и вожаковъ прежде всего подчиняются своимъ организаціямъ. Къ этимъ вожакамъ, также какъ и къ интеллигентамъ въ своей собственной средѣ, главари соціалъ-демократизма отнеслись съ серьезными подозрѣніями, особенно Бебель, который не одобряетъ ни ихъ консервативный и осторожный духъ, ни ихъ очевидное нежеланіе рисковать съ большимъ трудомъ и терпѣніемъ собранными союзными фондами на службѣ соціалистическимъ идеаламъ. Рабочіе союзы признали идею всеобщей стачки абсурдомъ, и на своемъ конгрессѣ въ Кельнѣ, собиравшемся незадолго до соціалистскаго въ Іенѣ, издали общее предостереженіе своимъ членамъ воздерживаться отъ участія въ пропагандѣ, ведомой „анархистами и людьми, не имѣющими никакого практическаго опыта въ борьбѣ капитала съ трудомъ" въ пользу организаціи всеобщей стачки. Всѣ дѣйствія Бебеля на конгрессѣ въ Іенѣ были преднамѣренной попыткой подорвать авторитетъ вожаковъ „Союзнаго труда" относительно его массъ и подчинить ихъ исполнительной власти соціалъ-демократической партіи. Но въ этомъ случаѣ онъ оказался плохимъ судьей человѣческой натуры, потому что хотя его идеалы и были одобрены соціалистскимъ конгрессомъ, они встрѣтили упорную оппозицію со стороны вождей рабочихъ союзовъ, которые, будучи людьми совершенно иного калибра, чѣмъ вышеупомянутые „интеллигенты", отказались влѣзть въ соціалистскій хомутъ и предоставить ввѣренные имъ съ спеціальными цѣлями фонды на чисто политическую пропаганду. Результатомъ было смятеніе, грозившее формальнымъ разрывомъ въ рядахъ пролетаріата. За кѣмъ должны слѣдовать массы рабочихъ союзовъ — за политическими агитаторами или за собственными своими выборными чинами? Немедленно же появились очевидныя послѣдствія этой распри. Успѣхи соціалъ-демократовъ на выборахъ сразу пошли на убыль. На дополнительныхъ выборахъ ихъ большинства были или урѣзаны, или обратились въ меньшинства. Эти несомнѣнно опасные признаки испугали исполнительную власть партіи. Бебель и его помощники пошли на компромиссъ. Они сдѣлали центральной коммиссіи рабочихъ союзовъ успокоительныя заявленія, и явились на конгрессъ въ Мангеймъ уже открытыми противниками анархистско-соціалистическаго крыла. По обыкновенію, рѣчи Бебеля составили суть и этого конгресса, но на этотъ разъ онѣ существенно отличались отъ его фанфаронадъ въ Іенѣ; онъ, правда, пытался объяснить и оправдать свою непослѣдовательность, но долженъ былъ признать, что, вмѣсто того, чтобы находиться наканунѣ революціи, какъ онъ это провозгласилъ еще только годъ тому назадъ, Германія все еще со-

стоитъ въ рукахъ нисколько не потрясеннаго капиталистическаго строя. Онъ утверждалъ, что идея „провокаціи революціи" чужда духу соціалъ-демократической партіи; что безполезно ожидать, чтобъ южногерманскій пролетаріатъ поставилъ на карту самое свое существованіе, чтобы добыть всеобщее право голоса своимъ сѣверо-германскимъ сотоварищамъ; что всеобщая стачка потерпѣла пораженіе въ Россіи, и при настоящихъ условіяхъ оказалась бы еще горшей неудачей въ Германіи. „Германія—воскликнулъ онъ съ замѣчательной откровенностью—не имѣетъ себѣ параллели въ остальномъ цивилизованномъ мірѣ. Какъ ни выросла въ ней сила пролетаріата, сила установленныхъ властей также выросла чрезвычайно,—и мы должны постоянно имѣть это въ виду и дѣйствовать соотвѣтственно". Другими словами, человѣкъ, который, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, рѣшился публично предсказать, что великій переворотъ — катаклизмъ марксизма — произойдетъ въ Германіи въ 1896 г., сознается въ 1906, что силы соціалъ-демократовъ будутъ безнадежно побиты въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ государствомъ, и что было бы преступленіемъ для ихъ вожаковъ одобрить такой экспериментъ. Это признаніе Бебеля послужило прелюдіей къ провозглашенію мира съ рабочими союзами, рѣшившими про себя, что всеобщая стачка была бы орудіемъ, которое вызвало бы уличныя сраженія и революціонную борьбу. Бебель сознался, что политическая партія, число формально зарегистрованныхъ членовъ которой не превышаетъ четырехъ-сотъ тысячъ, не можетъ надѣяться организовать пассивную всеобщую стачку, безъ содѣйствія рабочихъ союзовъ, число членовъ которыхъ достигаетъ полутора милліона. Послѣдствіемъ этого сознанія была формальная резолюція, утверждающая, съ хладнокровнѣйшимъ игнорированіемъ дѣйствительности, что между конгрессомъ союзнаго труда въ Кёльнѣ и конгрессомъ соціалистовъ въ Іенѣ не было разногласій, и что исполнительная власть соціалистской партіи должна снестись съ „Союзнымъ трудомъ", если она признаетъ всеобщую стачку необходимой. Рабочимъ союзамъ было оказано всяческое уваженіе. Бебель, а за нимъ и конгрессъ, отреклись отъ оффиціальнаго теоретика партіи и верховнаго жреца марксизма, Каутскаго, который требовалъ принятія резолюціи, опредѣлявшей соціалъ-демократію какъ „наивысшую и наиболѣе совершенную форму для классовой борьбы пролетаріата" и провозглашавшей, что „никакое движеніе пролетаріата—подразумѣвая профессіонально-союзное—не можетъ цѣлесообразно исполнить свои функціи, не будучи проникнуто духомъ соціалъ-демократіи". Эта резолюція, равно какъ и предложеніе, что рабочіе союзы должны подчинить всѣ основные вопросы авторитету соціалистическихъ конгрессовъ, были отвергнуты даже безъ голосованій, а вмѣсто нихъ была при-

нята дипломатическая декларація, что „рабочіе союзы необходимы для улучшенія благосостоянія рабочаго въ средѣ капиталистическаго общества", и что они въ дѣйствительности „не менѣе необходимы, чѣмъ соціалъ-демократическая партія, задача которой—бороться за возвышеніе рабочаго и добываніе ему равныхъ правъ съ остальными классами общества въ политической сферѣ". Принятіемъ этихъ резолюцій съ сопровождающими ихъ объясненіями конгрессъ, повидимому, окончательно раздѣлался съ крайними элементами, которые, съ помощью Бебеля, успѣли было заразить совѣты партіи стремленіемъ къ болѣе агрессивной борьбѣ, чѣмъ та, которую представляютъ собою выборы и парламентарная арена. Выборъ 80 соціалистовъ депутатовъ въ рейхстагъ 1903 года и 3 милліона поданныхъ за нихъ голосовъ, въ связи съ послѣдовавшими въ Россіи событіями, вдохнули мысль, что партія не пользуется соотвѣтствующей ея силѣ политической властью, и что дальнѣйшая пропаганда, дабы достичь существенныхъ результатовъ, нуждается въ революціонной угрозѣ существующему порядку вещей. Бебель, однако, вскорѣ понялъ, что такой оптимизмъ не имѣлъ за собой никакихъ серьезныхъ основаній, и только грозилъ партіи большими опасностями. Несмотря на очевидную непослѣдовательность и рискуя всѣмъ своимъ престижемъ, онъ энергично перевернулъ всю политику своей партіи: между постановленіями конгрессовъ въ Іенѣ и Мангеймѣ нѣтъ ничего общаго. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что, какъ агрессивная революціонная партія, соціалъ-демократы въ Германіи не могутъ разсчитывать даже на поддержку всего рабочаго класса, не говоря уже о тѣхъ буржуазныхъ избирателяхъ, которые, голосуя за соціалистическихъ кандидатовъ на выборахъ, дѣлаютъ это не потому, что вѣрятъ въ экономическую теорію Маркса, а потому, что желаютъ постращать правительство и направить его на болѣе либеральный путь.

Въ Америкѣ Гомперсъ провозгласилъ свой походъ противъ Кэннона, Литльфильда и К° еще задолго до мангеймскаго конгресса, когда неизвѣстно было, кто одолѣетъ въ Германіи—соціалъ-демократы іенскаго или вожаки рабочихъ союзовъ кёльнскаго конгресса,—и, поторопившись, потерпѣлъ такое же пораженіе, какъ и Бебель. Формы, конечно, различны, но сущность одна и та же. Оба главаря сдѣлали ошибку въ опредѣленіи настроенія массъ своихъ организацій. За послѣдніе года въ американской „Федераціи труда" открылась разнообразная оппозиція Гомперсу: возможно, что онъ желалъ отвлечь вниманіе массъ отъ этой оппозиціи новымъ радикальнымъ пріемомъ привлеченія союзовъ къ политической борьбѣ. Какъ бы то ни было, его разсчеты и надежды совсѣмъ не оправдались, и союзныя массы

въ Америкѣ, какъ и въ Германіи, не рискнули уже добытыми ими долгой тяжелой борьбой съ капиталомъ правами и преимуществами изъ-за платоническаго сочувствія къ политическимъ успѣхамъ. Въ этихъ столкновеніяхъ теоретики потерпѣли въ обоихъ случаяхъ рѣшительныя пораженія,—трезвые рабочіе союзы предпочли преслѣдовать свои собственныя спеціальныя цѣли и отказались отъ революціонныхъ методовъ, очевидно предполагая, что постепенное преобразованіе существующаго строя предпочтительнѣе его уничтоженія.

П. А. Тверской.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1907.

Можетъ ли Россія считаться конституціоннымъ государствомъ?—Бюджетное право Думы.—Отвѣтственность министровъ.—Конституціонализмъ и парламентаризмъ.—Государственный Совѣтъ.—Недостатки основныхъ законовъ.—Министерская декларація.—„Истинно-русскіе люди“ и Дума.—Странные совѣты.—Начало выборовъ въ Государственную Думу.

Приближается время открытія второй Государственной Думы. Въ какомъ положеніи она застанетъ страну — это слишкомъ хорошо извѣстно. Почти нигдѣ не дѣйствуетъ нормальный порядокъ, общій законъ; господствуютъ различные виды „охраны“, въ неравной, но всегда значительной мѣрѣ парализующіе или урѣзывающіе существеннѣйшія права гражданъ. Столь дорогою цѣною не покупается даже наружное спокойствіе. Настроеніе общества и народа становится все болѣе и болѣе возбужденнымъ. Невыясненными остаются основные вопросы нашего новаго государственнаго права. Задача народнаго представительства является теперь, такимъ образомъ, еще болѣе трудной, еще болѣе сложной, чѣмъ годъ тому назадъ.

Къ какой категоріи государствъ принадлежитъ, въ настоящую минуту, Россія? Слѣдуетъ ли считать ее монархіей ограниченной или неограниченной? Существуетъ ли у насъ конституція, въ смыслѣ обязательнаго *для всѣхъ* акта? Странными, съ перваго взгляда, могутъ показаться эти вопросы, въ виду манифестовъ 17-го октября и 20-го февраля, въ виду новой редакціи основныхъ законовъ; но не случайна ихъ постановка, не случайно различное ихъ разрѣшеніе. Слишкомъ велика противоположность между идеей и дѣйствительностью между представленіемъ о конституціонномъ строѣ и событіями послѣдняго времени. „Незыблемымъ правиломъ“ манифестъ 17-го октября провозгласилъ необходимость одобренія Государственной Думой всякаго

новаго закона—но какъ до созыва первой Думы, такъ и послѣ роспуска ея, издается, въ старомъ порядкѣ или въ порядкѣ еще менѣе совершенномъ, длинный рядъ постановленій законодательнаго свойства. Обѣщанныя тѣмъ же манифестомъ „незыблемыя основы гражданской свободы" уступаютъ мѣсто худшему, чѣмъ прежде, произволу. Вмѣсто „дальнѣйшаго развитія начала общаго избирательнаго права" принимаются мѣры къ существенному его ограниченію. Болѣе семи мѣсяцевъ страна остается безъ Государственной Думы, вслѣдствіе чего новый финансовый годъ начинается безъ нормально утвержденной смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ. Отсюда возможность утверждать, что никакой конституціи у насъ нѣтъ: но въ различныхъ устахъ это утвержденіе имѣетъ совершенно различный смыслъ. Для однихъ оно равносильно радостному признанію, что самодержавіе не претерпѣло никакихъ ограниченій; для другихъ оно служитъ основаніемъ и оправданіемъ призыва къ открытой борьбѣ противъ дѣйствующаго порядка. Далеко не согласны между собою и тѣ, кто признаетъ существованіе русской конституціи. Одни изъ нихъ находятъ, что уже теперь есть на лицо всѣ данныя для правильнаго теченія конституціонной жизни; другіе отвѣчаютъ на это напоминаніемъ о преградахъ, которыми загроможденъ путь впередъ, къ всестороннему обновленію Россіи.

Наше мнѣніе не измѣнилось: мы продолжаемъ думать, что Россія безповоротно вступила, de jure, въ число конституціонныхъ государствъ, но оставалась и остается до сихъ поръ лишенной, de facto, всѣхъ благъ, обусловливаемыхъ конституціей. Причинъ этому много, но одна изъ нихъ несомнѣнно заключается въ неполнотѣ и несовершенствѣ законовъ, знаменующихъ собою переходъ къ новымъ политическимъ формамъ. Манифестъ 17-го октября только намѣтилъ, въ общихъ чертахъ, сущность этихъ формъ; манифестъ 20-го февраля, не считаясь съ одною изъ нихъ, измѣнилъ составъ и значеніе Государственнаго Совѣта и ограничилъ законодательную инціативу Государственной Думы; торопливо составленная, новая редакція основныхъ законовъ вошла въ силу лишь за четыре дня до открытія первой Думы. Получилось, такимъ образомъ, нѣчто нестройное, половинчатое, настоятельно требующее пересмотра. Недостатки закона могутъ быть смягчены его примѣненіемъ; въ настоящемъ случаѣ они были имъ до крайности обострены. Нужна большая доля оптимизма, чтобы утверждать, что въ нашемъ конституціонномъ строѣ все обстоитъ благополучно. Меньше всего пригоденъ для насъ, въ настоящее время, девизъ, когда-то рекомендованный англійскому обществу: „rest and be thankful" (будьте спокойны и благодарны).

Къ такому оптимистическому девизу приближается брошюра про-

фессора В. И. Герье: „О конституціи и парламентаризмѣ въ Россіи". Признавая, что „симптомами и основами конституціонной монархіи служатъ два права народнаго представительства: право на участіе въ законодательствѣ и право на участіе въ установленіи бюджета", почтенный авторъ находитъ, что оба эти права обезпечены за представителями русскаго народа основными законами имперіи. Да, по ст. 86-ой осн. зак. никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственной Думы; но во что̀ обращается эта гарантія при томъ толкованіи, которое получила на практикѣ слѣдующая статья, 87-ая? Многія ли изъ мѣръ, оправдываемыхъ ссылкою на ст. 87-ую, были приняты въ виду дѣйствительно „чрезвычайныхъ обстоятельствъ", устранявшихъ возможность промедленія? Не бо̀льшая ли ихъ часть вызвана исключительно желаніемъ законодательствовать безъ Думы—и даже безъ Государственнаго Совѣта,—съ цѣлью оказать предвыборное воздѣйствіе на тѣ или другія группы населенія? Совмѣстимо ли такое „законодательствованіе внѣ законодательныхъ нормъ" съ основными требованіями конституціоннаго строя?.. Для В. И. Герье какъ бы не существуетъ ни статья 87-ая, ни способъ пользованія ею, усвоенный министерствомъ. Онъ не спрашиваетъ себя, какимъ образомъ экстраординарный порядокъ сталъ обыденнымъ; какимъ образомъ могло случиться, что на *одинъ* настоящій законъ, прошедшій черезъ Государственную Думу, приходится теперь нѣсколько десятковъ quasi-законовъ, изданныхъ безъ ея участія? А между тѣмъ, однимъ этимъ фактомъ опровергается успокоительное заключеніе о полнотѣ правъ, принадлежащихъ русскому народному представительству.

Столь же неполнымъ оказывается, на почвѣ современной русской дѣйствительности, и другое право законодательнаго собранія: право участія въ установленіи бюджета. По словамъ В. И. Герье, „даже на родинѣ парламентаризма, въ Англіи, вовсе не существуетъ полнаго утвержденія бюджета: государственные доходы и расходы, основанные на законѣ, не нуждаются тамъ въ согласіи парламента. Это согласіе требуется лишь для повышенія существующихъ и для возобновленія назначенныхъ на срокъ налоговъ, а также для уполномоченія правительства производить расходы". Какъ велики, однако, срочные налоги, ежегодно требующіе возобновленія? Они составляютъ *почти половину* всей доходной смѣты (въ 1903 г.—73 милліона изъ 152 милл. ф. ст.). Постоянныхъ расходовъ, не нуждающихся въ спеціальномъ утвержденіи, всего до 30 милл., т.-е. менѣе одной пятой [1]). Еще важнѣе

[1]) См. въ № 297 „Русскихъ Вѣдомостей" за 1906 г. статью проф. С. Фортунатова: „Бюджетное право англійскаго парламента", основанную на новѣйшей книгѣ по этому предмету (Redlich, „Recht und Technik des englischen Parlamentarismus").

указываемая самимъ В. И. Герье необходимость парламентскаго полномочія на производство расходовъ (и на взиманіе доходовъ) — полномочія, при отказѣ въ которомъ должно было бы остановиться все государственное хозяйство. Сравненіе съ Англіей приводитъ, такимъ образомъ, къ результату весьма далекому отъ того, котораго хотѣлъ достигнуть В. И. Герье: оно обнаруживаетъ всю недостаточность бюджетнаго права, предоставленнаго нашей Государственной Думѣ. Главнымъ ограниченіемъ этого права служитъ ст. 116 основн. зак., на основаніи которой, въ случаѣ неутвержденія государственной росписи къ началу смѣтнаго періода, остается въ силѣ предъидущая, установленнымъ порядкомъ утвержденная роспись. При существованіи этой статьи безбюджетное управленіе можетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ неотложная, вопіющая нужда въ повышеніи налоговъ; возможны, также, продолжительные промежутки между законодательными сессіями. Учрежденіемъ Думы не опредѣлено, въ какой срокъ, послѣ ея распущенія, должны быть произведены выборы и созвана новая Дума. Этотъ пробѣлъ былъ бы не особенно опасенъ, еслибы безъ участія Думы не могла получить силу новая государственная роспись: тогда, въ случаѣ распущенія Думы до разсмотрѣнія росписи, новую Думу пришлось бы созвать настолько заблаговременно, чтобы роспись могла быть утверждена до наступленія слѣдующаго бюджетнаго періода или, по крайней мѣрѣ, въ самомъ его началѣ. Теперь открытіе Думы было назначено черезъ семь слишкомъ мѣсяцевъ послѣ ея распущенія, черезъ два почти мѣсяца послѣ начала новаго бюджетнаго года. Въ сосѣднемъ съ нами государствѣ рейхстагъ былъ распущенъ въ декабрѣ—а уже въ январѣ закончены новые выборы, закончены въ то время, когда у насъ, оставшихся безъ Думы въ іюлѣ, только-что открывалась избирательная процедура.

Въ безгранично-широкомъ пользованіи ст. 87-ою осн. зак. — или, лучше сказать, въ многократномъ и рѣзкомъ ея нарушеніи,—какъ и въ крайнемъ замедленіи созыва Государственной Думы, отражается съ поразительною ясностью одна характерная черта нашего политическаго строя: безотвѣтственность министровъ. Только благодаря ей стало возможнымъ все то, что̀ мы видѣли въ послѣднее время и продолжаемъ видѣть до сихъ поръ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ могъ бы быть такъ радикально извращенъ, на практикѣ, смыслъ ст. 87-ой, еслибы въ ней были хотя бы повторены слова, встрѣчающіяся въ соотвѣтственныхъ статьяхъ конституцій австрійской (ст. 14-ая) и прусской (ст. 63-я): „подъ коллективной отвѣтственностью всего министерства“ или „подъ отвѣтственностью всего государственнаго министерства“? Развѣ въ Австріи или Пруссіи издавались когда-либо, подъ предлогомъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, постановленія, направленныя противъ

одной изъ самыхъ распространенныхъ формъ землевладѣнія или противъ одного изъ существеннѣйшихъ ограниченій свободы распоряженія землею?.. У насъ для принятія мѣры, подходящей подъ дѣйствіе ст. 87-ой, не требуется даже единогласія въ средѣ совѣта министровъ и вовсе не предусмотрѣны послѣдствія злоупотребленія экстраординарнымъ правомъ. Значеніе этого пробѣла мы отмѣтили еще годъ тому назадъ, говоря о манифестѣ 20-го февраля, изъ котораго заимствовано содержаніе ст. 87-ой: мы указали, что хотя настоящей отвѣтственности министровъ нѣтъ ни въ Австріи, ни въ Пруссіи, но нѣкоторую реальность она тамъ все же имѣетъ, благодаря навыкамъ и взглядамъ, выработаннымъ свободною политическою жизнью. Не то мы видимъ у насъ, гдѣ все, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, укрѣпляло мысль о безотвѣтственности и всесиліи представителей власти. Чего нѣтъ въ нравахъ, то могло бы быть, хотя отчасти, создано закономъ, еслибы онъ устранилъ возможность произвольнаго принятія чрезвычайныхъ мѣръ или обставилъ его точными, опредѣленными условіями, напр. требованіемъ единогласнаго рѣшенія совѣта министровъ и провозглашеніемъ солидарной ихъ отвѣтственности за мѣру, явно идущую въ разрѣзъ съ закономъ. При такой отвѣтственности нелегко было бы рѣшиться и на такое распущеніе Думы, которое устраняло бы возможность своевременнаго установленія государственной росписи.

Оставляя безъ вниманія способъ толкованія и примѣненія ст. 87-ой, оправдывая, неубѣдительною ссылкою на примѣръ Англіи, недостаточность бюджетнаго права, предоставленнаго Государственной Думѣ, В. И. Герье расчистилъ себѣ путь къ отрицательному разрѣшенію вопроса объ отвѣтственности министровъ — т.-е. объ отвѣтственности ихъ передъ народнымъ представительствомъ. Такая отвѣтственность, съ точки зрѣнія В. И. Герье, возможна и естественна только при парламентаризмѣ, существенно отличномъ отъ конституціонализма. Въ конституціонныхъ монархіяхъ верховная власть и правительство находятся въ рукахъ государя, въ парламентарныхъ—въ рукахъ парламента. Парламентарныя монархіи ведутъ свое начало отъ революцій, конституціонныя монархіи—отъ законной традиціонной власти [1]). Въ конституціонной монархіи правительство стоитъ надъ партіями; въ парламентарной монархіи владычествуютъ партіи. Въ конституціонной монархіи министры могутъ и должны быть отвѣтственны только передъ монархомъ; это тѣмъ болѣе неизбѣжно, что, при конституціонализмѣ партій, обыкновенно бываетъ не двѣ, а нѣсколько, и состоящее изъ

[1]) Съ этимъ положеніемъ нельзя согласиться безусловно. Истинно-парламентарной монархіей Англія стала не тотчасъ послѣ паденія Стюартовъ — а въ конституціонной Пруссіи установленіе новаго строя было послѣдствіемъ мартовской революціи 1848-го года.

нихъ представительство не въ силахъ управлять государствомъ. Настоящаго парламентаризма въ континентальныхъ европейскихъ монархіяхъ нѣтъ вовсе; не можетъ его быть и въ Россіи. Государственная Дума должна довольствоваться принадлежащимъ ей правомъ запроса по поводу незакономѣрныхъ дѣйствій, обезпечивающимъ за нею контроль надъ администраціей.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, разсужденія В. И. Герье. Они страдаютъ, прежде всего, нѣкоторою отвлеченностью. Въ теоріи можно, конечно, противопоставлять парламентаризмъ конституціонализму, проводить между ними рѣзкую демаркаціонную черту; но на самомъ дѣлѣ и въ томъ, и въ другомъ немало оттѣнковъ, промежуточныхъ ступеней, сглаживающихъ, ступенчатыхъ различіе между обоими понятіями. Въ парламентарной монархіи возможны случаи отвѣтственности министра передъ монархомъ (отставка лорда Пальмерстона, слишкомъ поспѣшившаго, въ декабрѣ 1851-го года, признать совершившійся во Франціи государственный переворотъ), возможно даже прямое вмѣшательство монарха въ ходъ управленія (смѣна министерства Мельбурна въ 1834-мъ году, удержаніе его во власти въ 1839-мъ году, вслѣдствіе такъ называемаго вопроса о спальной комнатѣ королевы). Въ конституціонныхъ монархіяхъ еще болѣе обыкновенны перемѣны въ составѣ министерства, вызываемыя рѣшеніями палаты. Не говоримъ уже объ Италіи и Испаніи, стоящихъ на рубежѣ между парламентарными и конституціонными монархіями; возьмемъ Пруссію, на которую особенно любятъ ссылаться поклонники чистаго конституціонализма. Развѣ не сложилъ съ себя должность министра народнаго просвѣщенія графъ Цедлицъ (въ 1892 г.), когда внесенный имъ школьный законъ возбудилъ сильнѣйшее противодѣйствіе среди либераловъ въ палатѣ и внѣ палаты? Развѣ графъ Каприви не оставилъ тогда же постъ прусскаго министра-президента? Если подобные случаи рѣдки, то это объясняется, въ значительной степени, составомъ прусской палаты депутатовъ: оппозиція въ ней давно уже не сильна, и большинство живетъ обыкновенно въ мирѣ съ министерствомъ. То же самое можно сказать и о германскомъ рейхстагѣ, гдѣ ни одна оппозиціонная партія не располагала и не располагаетъ большинствомъ, образующимся, смотря по очереднымъ вопросамъ, то изъ однихъ группосочетаній, то изъ другихъ. Усилія правительства всегда направлены къ тому, чтобы имѣть на своей сторонѣ такое сборное большинство—и если это не удается, то выходомъ изъ затруднительнаго положенія служитъ распущеніе рейхстага.

Съ тѣхъ поръ, какъ вышли изъ употребленія уголовныя преслѣдованія министровъ за политическія преступленія, отвѣтственность ихъ—какъ въ парламентарныхъ, такъ и въ конституціонныхъ монархіяхъ—

сводится, въ сущности, къ удаленію—добровольному или вынужденному, постоянному или временному,—съ политическаго поприща. Чѣмъ серьезнѣе и глубже разногласіе между министерствомъ и народнымъ представительствомъ, тѣмъ неизбѣжнѣе отставка министерства—если только нельзя прибѣгнуть къ досрочному распущенію палаты. Въ самомъ дѣлѣ, нормальная конституціонная жизнь возможна только при отсутствіи непримиримой вражды между палатой и министерствомъ. Непрерывность столкновеній влечетъ за собою прекращеніе или крайнее замедленіе законодательной работы, отражающееся на всѣхъ областяхъ народнаго быта. До крайности затруднительнымъ становится и положеніе администраціи, не встрѣчающей сочувствія и поддержки въ населеніи и слишкомъ часто вынужденной искать точку опоры исключительно въ грубой силѣ. Нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ лучшемъ случаѣ—немногихъ лѣтъ достаточно для того, чтобы привести страну въ полнѣйшее разстройство или даже на край гибели. Спокойствіе государства, благосостояніе народа важнѣе, чѣмъ авторитетъ нѣсколькихъ министровъ. Перемѣну министерства, когда нѣтъ надежды на соглашеніе, даже его приверженцы должны признать зломъ меньшимъ, чѣмъ продолженіе безплодной борьбы. Обращеніе къ народу не можетъ быть повторяемо безконечное число разъ: если второй отвѣтъ избирателей совпадаетъ съ первымъ, уступить должна, очевидно, не страна. Такимъ образомъ понимаемая, отвѣтственность министровъ устанавливается сама собою, и доводы, приводимые противъ нея В. И. Герье, теряютъ всякое значеніе.

Находя, что для отвѣтственности министровъ передъ палатой нѣтъ мѣста въ конституціонной монархіи, В. И. Герье считаетъ возможнымъ и желательнымъ постоянный и бдительный контроль Государственной Думы надъ всей администраціей. Статья 108-ая осн. зак., въ силу которой Дума въ правѣ обращаться къ министрамъ съ запросами по поводу незакономѣрныхъ дѣйствій, совершенныхъ ими самими или подвѣдомственными имъ лицами и установленіями, можетъ, по словамъ почтеннаго профессора, произвести переворотъ въ странѣ, устранить не только произволъ въ администраціи, но внушить и обывателю чувство законности". Не преувеличенна ли эта надежда? Не говоримъ уже о томъ, что запросъ, сдѣланный министру, можетъ остаться безъ отвѣта (учр. Госуд. Думы ст. 59): значительно стѣснена самая сфера запросовъ, предметомъ которыхъ могутъ служить только дѣйствія *незакономѣрныя*, т.-е. *формально* неправильныя. Въ какой бы мѣрѣ распоряженіе министра ни расходилось съ интересами населенія, какъ бы ни была очевидна его безцѣльность или нецѣлесообразность, какимъ бы вредомъ, какою бы опасностью оно ни грозило,—оно не подлежитъ критикѣ народнаго представительства, если только не идетъ прямо и непосредственно

въ разрѣзъ съ закономъ. Представимъ себѣ, напримѣръ, что при дѣйствіи усиленной или чрезвычайной охраны администрація предпринимаетъ рядъ высылокъ или арестовъ, не выходя при этомъ за предѣлы своей власти. Запросу, относящемуся къ такимъ мѣрамъ, можетъ быть противопоставлена буква ст. 108-ой—и контроль Думы будетъ остановленъ на порогѣ той области, гдѣ онъ особенно необходимъ. Допустимъ, однако, что такихъ формальныхъ „отводовъ" министерство предъявлять не станетъ, или же запросы будутъ направляемы преимущественно противъ дѣйствій, несогласныхъ съ закономъ: къ чему же приведутъ, въ концѣ концовъ, всѣ усилія Думы, если за объясненіями министровъ будетъ стоять прямо выраженная или подразумѣваемая ссылка на ихъ безотвѣтственность? Во что̀ обратится тогда контроль народнаго представительства? Что̀ получится въ результатѣ преній о запросахъ, кромѣ взаимнаго ожесточенія и недовѣрія?

Стараясь внушить своимъ читателямъ успокоеніе, испытываемое имъ самимъ, В. И. Герье оправдываетъ возведеніе Государственнаго Совѣта на степень второй законодательной инстанціи—оправдываетъ его, главнымъ образомъ, общими разсужденіями о пользѣ двухъ палатъ. Спеціально Государственному Совѣту посвящены слѣдующія немногія строки: „составъ Совѣта вполнѣ соотвѣтствуетъ историческому ходу вещей и характеру русской конституціи. Онъ является вполнѣ посредникомъ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ, связующимъ звеномъ обоихъ. Его ядро составляетъ прежній Государственный Совѣтъ, въ теченіе ста лѣтъ игравшій роль законодательнаго органа имперіи—и въ него вошли въ такомъ же количествѣ избранные члены, представляющіе собой не числовыя группы избирателей, а области или группы со спеціальными интересами". Мы думаемъ, наоборотъ, что новое призваніе Государственнаго Совѣта прямо противорѣчитъ его исторіи. Въ теченіе ста лѣтъ онъ служилъ органомъ не законодательнымъ, а законосовѣщательнымъ, т.-е. не постановлялъ никакихъ рѣшеній, не несъ никакой отвѣтственности, состоялъ въ чисто служебномъ отношеніи къ чужой волѣ. Представляя собою высшую ступень бюрократической лѣстницы, онъ пополнялся преимущественно людьми пожилыми, утомленными, слишкомъ долго дышавшими воздухомъ канцелярій, мало знакомыми съ разнообразіемъ народной жизни. Эпоха великихъ реформъ завѣщала Государственному Совѣту нѣсколькихъ выдающихся государственныхъ людей, остававшихся вѣрными преданіямъ своей молодости или зрѣлаго возраста; но бо̀льшая ихъ часть теперь уже сошла со сцены, а въ послѣдніе годы мѣста въ Государственномъ Совѣтѣ доставались, сплошь и рядомъ, на долю лицъ, освободительнымъ движеніемъ удаленныхъ съ активной политической

сцены. И теперь, конечно, въ спискахъ назначенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта есть имена, которыя могли бы служить украшеніемъ всякаго собранія; но мы говоримъ не объ исключеніяхъ, а объ общемъ правилѣ. „Характеру русской конституціи"—именно потому, что она является на смѣну абсолютизму,—соотвѣтствовала бы лишь такая верхняя палата, надъ которой не тяготѣла бы память о недавнемъ подчиненіи, корни которой проникали бы далеко въ глубь народа. Нигдѣ, если мы не ошибаемся, въ основаніе верхней палаты не было положено раньше существовавшее бюрократическое установленіе; нигдѣ привычная задача не была внезапно замѣнена другою, во многомъ противоположною. Путемъ назначенія формируются, вполнѣ или отчасти, многія западно-европейскія верхнія палаты; но ни въ одну изъ нихъ не была вдвинута цѣликомъ, при самомъ ея образованіи, коллегія, служившая однимъ изъ органовъ стараго режима... Что касается до выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, то главныя изъ числа группъ, ими представляемыхъ — дворянство и земство—опережены жизнью: дворянство—уже давно, земство—съ тѣхъ поръ какъ лучшая страница его исторіи пробудила, par contre-coup, дремавшіе въ его средѣ элементы инерціи и регресса... Въ необходимости двухъ палатъ мы убѣждены такъ же твердо, какъ и В. И. Герье: но для успѣха совмѣстной ихъ работы нужна ихъ близость къ одному источнику—къ народу.

Мы остановились такъ долго на брошюрѣ В. И. Герье, потому что въ ней сведены, въ сжатой и корректной формѣ, всѣ главные доводы въ пользу „конституціоннаго квіетизма". Позволимъ себѣ назвать этимъ именемъ настроеніе, готовое удовольствоваться тѣмъ, что есть, и отказаться отъ всякой мысли о дальнѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ. Необходимость пользоваться, для творческой государственной работы, наличными данными признаемъ и мы, но думаемъ, что ни на минуту не слѣдуетъ упускать изъ виду крайнюю ихъ недостаточность, крайнее ихъ несовершенство. Преградой на пути впередъ представляются, прежде всего, ст. 8-я и 107 основн. зак., по которымъ основные законы могутъ подлежать пересмотру единственно по почину Государя. На самомъ дѣлѣ, однако, эти статьи не лишаютъ Государственную Думу права указать — напримѣръ въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь—тѣ поправки, которыя желательно было бы внести въ текстъ основныхъ законовъ; нельзя только облечь ихъ въ форму законопроекта, установленную для случаевъ законодательнаго почина Государственной Думы (учр. Гос. Думы ст. 34, 55, 56, 57). Другія перемѣны, и весьма существенныя, могутъ быть произведены путемъ пересмотра учрежденій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, изъ которыхъ

далеко не все вошло въ составъ основныхъ законовъ. Многое, наконецъ, можетъ получить новый смыслъ и новую силу безъ всякихъ измѣненій въ текстѣ законовъ, путемъ практики, вездѣ и всегда игравшей важную роль въ конституціонной жизни. Не перечисляя всѣхъ слабыхъ сторонъ государственныхъ актовъ, лежащихъ въ основаніи новаго политическаго строя, подчеркнемъ еще разъ тѣ изъ нихъ, которые уже освѣщены сказаннымъ у насъ выше.

Несомнѣнно требуетъ переработки статья 87-ая основн. зак. Правда, многія изъ чрезвычайныхъ мѣръ, обоснованныхъ ссылкою на эту статью, составляютъ, въ сущности, явное ея нарушеніе—а противъ нарушеній закона не служитъ гарантіей даже самая точная и ясная его редакція. Кое-что, однако, можетъ быть достигнуто болѣе подробнымъ формулированіемъ условій, при которыхъ допустимо изданіе временныхъ, съ силою закона, правилъ. Весьма важно, напримѣръ, было бы выразить опредѣленно, что такія правила могутъ быть издаваемы только тогда, когда чрезвычайныя, *непредвидѣнныя* обстоятельства вызовутъ *неотложную* въ томъ необходимость. Подъ понятіе о неотложности слишкомъ трудно было бы подвести, напр., указъ, направленный противъ общиннаго землевладѣнія, подъ понятіе о непредвидѣнности—указъ о военно-полевыхъ судахъ. Болѣе осторожнымъ, далѣе, сдѣлалось бы пользованіе чрезвычайнымъ правомъ, еслибы отвѣтственность за него была возложена солидарно на весь совѣтъ министровъ. Нѣтъ, наконецъ, никакой надобности установлять двухмѣсячный срокъ для внесенія законопроекта, соотвѣтствующаго чрезвычайной мѣрѣ. Чѣмъ дольше будетъ дѣйствовать временное правило, идущее въ разрѣзъ со взглядами Думы, тѣмъ больше будетъ расти раздраженіе ея противъ министерства—а послѣднему ничто не мѣшаетъ представить Думѣ принятую имъ мѣру хотя бы въ самый день открытія сессіи.

Опытъ прошлаго года обнаружилъ всю важность пробѣла, оставленнаго въ ст. 3 учр. Госуд. Думы и перешедшаго оттуда въ ст. 105 зак. основн. На основаніи этихъ статей, въ указѣ о досрочномъ роспускѣ Думы должны быть назначены новые выборы въ Думу и время ея созыва. Какой можетъ быть максимальный промежутокъ времени между роспускомъ прежней Думы и открытіемъ новой—объ этомъ въ законѣ не сказано ни слова. Отсюда возможность отдалять созывъ Думы на неопредѣленно-долгое время, къ явному вреду для государственной и народной жизни. Семь мѣсяцевъ съ половиной—это, при лихорадочно-возбужденномъ общественномъ настроеніи, цѣлая вѣчность. Многое изъ того тяжелаго и печальнаго, что̀ пережито Россіей послѣ 9-го іюля 1906-го года, было бы немыслимо, еслибы новые выборы состоялись мѣсяца черезъ два, много—три, и новая Дума собралась бы не позже октября... Редакція вышеприведенныхъ статей тре-

буетъ еще одной поправки. Слова: „назначаются новые выборы въ Думу" слѣдовало бы замѣнить словами: „назначается *время* новыхъ выборовъ въ Думу". Недостаточная опредѣленность нынѣшняго текста привела къ тому, что почти полгода оставался неизвѣстнымъ срокъ производства выборовъ... Въ связи съ сокращеніемъ междудумья могла бы быть измѣнена статья основныхъ законовъ (116-ая), предусматривающая случаи неутвержденія государственной росписи къ началу смѣтнаго періода. Такіе случаи должны быть совершенно исключительными: между тѣмъ, въ прошломъ году государственная роспись не могла быть своевременно разсмотрѣна Думой единственно потому, что слишкомъ великъ былъ перерывъ въ думской работѣ.

Никакихъ трудностей не представило бы освобожденіе Государственной Думы (и Государственнаго Совѣта) отъ стѣснительныхъ условій, которыми обставлены право запроса и право законодательнаго почина. Въ послѣднемъ случаѣ заявленіе, подписанное по крайней мѣрѣ тридцатью членами, можетъ быть заслушано Думой не раньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ; затѣмъ Дума должна ожидать (сколько времени— неизвѣстно) выработки соотвѣтствующаго законопроекта подлежащимъ министромъ, и только въ случаѣ его отказа (для котораго опять-таки не назначено никакого срока) можетъ образовать для этой цѣли коммиссію изъ своей среды. Къ чему всѣ эти формальности, усложняемыя еще тѣмъ, что къ первоначальному заявленію долженъ быть приложенъ проектъ основныхъ положеній, съ объяснительною къ нему запиской? Практика первой Думы нѣсколько упростила явно нецѣлесообразный порядокъ, но радикальное его улучшеніе требуетъ передѣлки самаго закона. Что касается до права запроса, то оно должно быть пріурочено не къ однимъ только незаконномѣрнымъ дѣйствіямъ администраціи, срокъ отвѣта долженъ быть сокращенъ (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда приходится ожидать полученія свѣдѣній изъ отдаленныхъ мѣстностей) и право отказывать въ отвѣтѣ должно быть обусловлено единственно необходимостью охраны дипломатической или военной тайны.

Основными законами мало стѣсненъ пересмотръ учрежденія Государственнаго Совѣта. За силою ст. 100-й, Государственный Совѣтъ образуется изъ членовъ по Высочайшему назначенію и членовъ по выборамъ, при чемъ число первыхъ не должно превышать число послѣднихъ. Ничто не мѣшаетъ, слѣдовательно, *уменьшить* число назначенныхъ членовъ, присутствующихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, установить условія, которымъ должны удовлетворять вновь назначаемые члены, создать новыя категоріи выборныхъ членовъ, упразднить нѣкоторыя другія и измѣнить взаимное отношеніе между ними. Пока въ Государственномъ Совѣтѣ присутствуютъ столько же членовъ по

назначенію, сколько членовъ по выборамъ, пока значительно большая часть первыхъ принадлежитъ къ числу активныхъ дѣятелей стараго режима, пока между выборными членами преобладаютъ избранники дворянства и нынѣшняго земства, до тѣхъ поръ слишкомъ трудно ожидать прочнаго согласія между Совѣтомъ и Думой... Въ концѣ концовъ, по всей вѣроятности, мѣсто верхней палаты займетъ учрежденіе, всецѣло, по источнику своихъ полномочій, близкое къ народу, а Государственный Совѣтъ обратится въ правительственную коллегію, раздѣляющую съ министерствомъ трудъ подготовки законопроектовъ и указовъ; но, въ ожиданіи этого момента, существенно важнымъ шагомъ впередъ была бы и частичная перестройка нынѣшняго Государственнаго Совѣта, одновременно съ кореннымъ преобразованіемъ земскаго и городского самоуправленія.

Иллюстраціей къ сказанному нами о Государственномъ Совѣтѣ могутъ служить слѣдующія цифры. Между 97-ью назначенными членами Совѣта, призванными къ присутствованію въ немъ въ теченіе 1907-го года, мы насчитали 47 министровъ и товарищей министра (бывшихъ и настоящихъ; сюда же мы относимъ занимавшихъ или занимающихъ должности равныя по значенію — напр. государственнаго секретаря, управляющаго дѣлами комитета министровъ и т. п.), одного бывшаго посла, 4 высшихъ придворныхъ чиновъ, 20 бывшихъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, 13 лицъ, занимавшихъ разныя высокія административныя должности, одного бывшаго губернскаго предводителя дворянства, 9 сенаторовъ и 2 бывшихъ профессоровъ. Именъ, пользующихся широкою извѣстностью, весьма немного, и эта извѣстность пріобрѣтена, большею частью, не на служебномъ поприщѣ, а въ области науки, литературы или ораторскаго искусства.

Въ самомъ началѣ выборнаго періода, предсѣдатель совѣта министровъ обратился къ генералъ-губернаторамъ съ телеграммой, заключающей въ себѣ нѣчто въ родѣ предвыборной программы министерства. Особенно интересенъ въ ней взглядъ на Государственную Думу, „призванную служить основою законодательнаго строя имперіи, важнѣйшимъ факторомъ возсозданія крѣпкихъ государственныхъ устоевъ и порядка". Государственная Дума—читаемъ мы дальше—„встрѣтитъ въ правительствѣ живѣйшее и искреннѣйшее стремленіе къ согласованной плодотворной творческой работѣ. При настоящемъ бурномъ теченіи общественной жизни, правительство сознаетъ громадную трудность безошибочной постановки и рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ измѣненіемъ правовыхъ и соціальныхъ нормъ. Въ критикѣ своихъ предположеній, такъ же какъ въ детальномъ и практическомъ обсужденіи

предположеній Думы, оно видитъ залогъ успѣха въ дѣлѣ преобразованія государства. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ правамъ Государственной Думы въ области законодательства, бюджета и запросовъ, правительство будетъ неуклонно держаться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ существующихъ законовъ, такъ какъ лишь строгимъ исполненіемъ и подчиненіемъ законамъ, какъ правительство, такъ и Дума могутъ сохранить Монаршее довѣріе, наличность котораго одна обезпечиваетъ возможность ихъ совмѣстной работы". Итакъ, министерство сознаетъ важность роли, принадлежащей Государственной Думѣ въ нашемъ новомъ политическомъ строѣ, сознаетъ необходимость согласія между правительствомъ и представителями народа. Какъ же, однако, достигнуть этого согласія, если результатъ выборовъ окажется равносильнымъ полному осужденію всего сдѣланнаго послѣ роспуска Думы? Для общей дѣятельности нужна общая почва, нужны общія исходныя точки и общія цѣли. Ни о чемъ подобномъ не можетъ быть и рѣчи, если новая Дума усвоитъ себѣ хотя бы отчасти принципы и стремленія своей предшественницы. Опять начнется изнурительная борьба, напрасная трата силъ—и начнется, на этотъ разъ, при условіяхъ еще болѣе неблагопріятныхъ, чѣмъ въ прошломъ году, потому что еще больше переполнилась чаша народныхъ страданій. Выходъ возможенъ только двоякій: или роспускъ Думы, или отставка кабинета. Рѣшиться на первое, значило бы опять начать съ начала все пережитое послѣ 9-го іюля, безъ всякой увѣренности въ успѣхѣ. Гораздо легче и проще—перемѣна министерства, въ смыслѣ сближенія его съ большинствомъ Думы. Всего лучше было бы, конечно, еслибы она произошла еще до открытія Думы: иначе слѣдуетъ опасаться столкновеній, могущихъ отразиться на всей послѣдующей дѣятельности Думы. Если Дума составляетъ „основу законодательнаго строя", то нельзя не считаться съ ея желаніями и взглядами; если она является „важнѣйшимъ факторомъ государственнаго порядка", то нельзя возводить устои этого порядка по неодобренному или прямо отвергнутому ею плану. Практическій выводъ изъ предпосылокъ министерской деклараціи—отвѣтственность министровъ, понимаемая какъ невозможность сохранять за собою власть вопреки ясно выраженной волѣ народнаго представительства.

„Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ правамъ Государственной Думы въ области законодательства, бюджета и запросовъ, правительство"—говорится въ телеграммѣ П. А. Столыпина—„будетъ неуклонно держаться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ существующихъ законовъ... Оно будетъ стоять на стражѣ спокойствія страны, примѣняя до полнаго ея успокоенія всѣ находящіяся въ его распоряженіи законныя средства". Въ категорію „существующихъ законовъ" министерство вклю

чаетъ, какъ видно изъ лѣтописи текущихъ событій, положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ; въ категорію „законныхъ средствъ"— пріостановку, безъ суда, органовъ печати, административные аресты, высылки и штрафы, преданія военному и военно-полевому суду. Всѣ эти мѣры пускаются въ ходъ на основаніи актовъ, формально приравниваемыхъ къ законамъ, но въ сущности имѣющихъ съ ними весьма мало общаго. Съ словомъ *законъ* связывается понятіе о чемъ-то постоянномъ, нормальномъ, приспособленномъ къ обычнымъ условіямъ жизни. Законными средствами дѣйствія признаются тѣ, которыми не нарушаются произвольно права личности, не ограничивается свыше мѣры ея свобода. Декларація министерства страдаетъ, такимъ образомъ, внутреннимъ противорѣчіемъ: провозглашая законность, она въ то же самое время ее отрицаетъ. Меньше чѣмъ гдѣ-либо такая сомнительная законность достаточна въ правовомъ государствѣ, какимъ, послѣ 17-го октября 1905-го года, должна быть Россія. Значительная часть испытанныхъ и испытываемыхъ ею бѣдствій зависитъ именно отъ амальгамы конституціонныхъ началъ съ остатками абсолютизма. Нормальная жизнь сдѣлается у насъ возможной только тогда, когда элементарными благами свободы будутъ пользоваться не одни лишь народные представители, а, наравнѣ съ ними, весь народъ.

Иначе, чѣмъ министерство, относятся къ Думѣ тѣ его недисциплинированные союзники, которые, пользуясь его благосклонностью и даже его поддержкой, изо всей силы тянутъ его назадъ, въ потерянное Эльдорадо. Министерство считаетъ возможнымъ одновременно возстановлять спокойствіе и возобновлять правильную законодательную работу; „истинно-русскіе люди" желали бы отложить избраніе Думы до полнаго успокоенія страны, а еще лучше—на неопредѣленное время. Сравнивая Россію съ больнымъ, мятущимся въ злокачественной лихорадкѣ, они совѣтуютъ подождать ея выздоровленія и тогда только созвать Думу, *если въ ней представится надобность* [1])— и во всякомъ случаѣ на основаніи существенно измѣненнаго избирательнаго закона. На сторонниковъ этого взгляда министерство П. А. Столыпина разсчитывать, очевидно, не можетъ; ихъ побѣда знаменовала бы собою его паденіе, еще болѣе быстрое, нежели при торжествѣ оппозиціи. Болѣе крѣпка, повидимому, связь между министерствомъ и союзомъ 17-го октября—но послѣдній больше нуждается въ опорѣ, чѣмъ самъ можетъ служить ею... Меньше всего вліянія на избирателей окажетъ программа министерства, не дающая отвѣта на самые жгучіе вопросы или заставляющая ожидать рѣшеній, мало благопріятныхъ для народной массы.

---

[1]) См. передовую статью въ № 5 „Московскихъ Вѣдомостей".

Среди всего печальнаго и трагическаго, придающаго столь мрачный колоритъ современной русской жизни, попадаются иногда черты комическаго, почти водевильнаго свойства. Сюда относятся, напримѣръ, совѣты, преподаваемые избирателямъ и самой Думѣ, „съ серьезнымъ видомъ знатока", однимъ изъ наименѣе серьезныхъ либерально-консервативныхъ или консервативно-либеральныхъ публицистовъ. Избирателямъ рекомендуется не выбирать молодыхъ людей, не слишкомъ гнаться за образованностью и вовсе не подавать голосъ за инородцевъ. Предѣломъ молодости предлагается признать 35 или даже 40 лѣтъ, основываясь на томъ, что „даръ ораторскаго слова доходитъ до высшей силы къ 45 годамъ", а „житейскій опытъ и инстинктъ мѣры" слагаются, вѣроятно, еще позднѣе, послѣ достиженія пятидесятилѣтняго возраста. Чтобы оцѣнить по достоинству эту практическую мудрость, стоитъ только обратиться къ исторіи англійскаго парламента. Большинство знаменитыхъ его ораторовъ вступали въ его среду молодыми, даже весьма молодыми, и сразу или очень быстро выдвигались въ первые ряды. Питтъ старшій, напримѣръ, былъ выбранъ въ палату общинъ 27 лѣтъ отъ роду, его сынъ—22 лѣтъ (два года спустя онъ былъ уже первымъ министромъ), Робертъ Пиль и лордъ Дж. Россель—21 года, Пальмерстонъ, Гладстонъ, Солисбери—23 лѣтъ, Бальфуръ—26 лѣтъ. Сравнительно поздно начали свою политическую карьеру Маколей, Дизраэли, Брайтъ—но и они при вступленіи въ палату общинъ не достигли еще тридцатипятилѣтняго возраста. Во Франціи молодыми были почти всѣ выдающіеся ораторы революціоннаго времени; молодыми пріобрѣли громкую извѣстность Тьеръ, Гарнье-Пажесъ, Ледрю-Ролленъ, Гамбетта. Въ Германіи политическая дѣятельность начинается, вообще говоря, нѣсколько позднѣе; и здѣсь, однако, Евг. Рихтеръ, Бебель, Фольмаръ выбраны въ рейхстагъ до достиженія или вслѣдъ за достиженіемъ тридцати лѣтъ. Въ оцѣнкѣ кандидатуръ возрастъ, очевидно, не можетъ и не долженъ играть рѣшающей роли.

Не слишкомъ гнаться за образованностью! Трудно повѣрить, что этотъ совѣтъ дается у насъ въ Россіи, гдѣ избирательный законъ предоставляетъ значительное число мѣстъ крестьянамъ и уже тѣмъ самымъ обезпечиваетъ большую долю вліянія за простымъ здравымъ смысломъ и житейскимъ опытомъ. Чтобы быть плодотворнымъ, это вліяніе должно идти рука объ руку съ другимъ, источникомъ котораго служитъ знаніе—знаніе прошедшаго, своего и чужого, знаніе настоящаго, во всемъ его безконечномъ разнообразіи. Такое знаніе дается образованіемъ, которое именно у насъ болѣе чѣмъ странно считать чѣмъ-то въ родѣ quantité négligeable. Непрошеннаго совѣтчика пугаетъ тотъ фактъ, что изъ 448 членовъ первой Думы 189 по-

лучили высшее образованіе, 62—среднее, т.-е. больше половины депутатовъ были такъ-называемые интеллигентные люди. Лучше было бы, значитъ, еслибы большинство Думы состояло изъ людей, нигдѣ не учившихся или недоучившихся? А чѣмъ такое большинство было бы ограждено отъ давленія меньшинства, на сторонѣ котораго оказалось бы громадное преимущество умственнаго развитія?.. При извѣстныхъ условіяхъ избиратели могутъ, конечно, предпочесть менѣе образованнаго кандидата болѣе образованному; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы меньшая степень образованія сама по себѣ увеличивала, большая степень—уменьшала право на избраніе.

Предостереженіе противъ людей молодыхъ и образованныхъ—только смѣшно; но что сказать о совѣтѣ не избирать инородцевъ? Обращенный къ инородцамъ, онъ не имѣетъ, очевидно, никакого смысла; предоставленные самимъ себѣ, инородцы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, безъ сомнѣнія остановятъ свой выборъ на комъ-либо изъ собственной своей среды. Адресатомъ совѣта является, такимъ образомъ, правительство. „Парламентъ"—говорятъ намъ—„есть власть; власть должна быть національной; парламентъ долженъ быть русскій". Одно изъ двухъ, слѣдовательно: или мѣстности, населенныя инородцами, вовсе не должны посылать депутатовъ въ Государственную Думу—или условіемъ избранія должна быть признана повсемѣстно принадлежность избираемаго къ господствующему племени (и къ господствующей религіи?)... Одинаково хороши обѣ половины дилеммы!

Въ область комизма возвращаетъ насъ другая серія совѣтовъ, предлагаемыхъ тѣмъ же неутомимымъ писателемъ. Рѣчь идетъ теперь уже не о выборахъ въ Думу, а о самой Думѣ. Оплакивая подражательность, выразившуюся въ думскихъ порядкахъ, сотрудникъ „Новаго Времени" также рекомендуетъ нѣкоторыя заимствованія, но непремѣнно изъ англійскаго источника: чтеніе молитвы передъ началомъ засѣданія, неназываніе депутатовъ по фамиліямъ, произнесеніе рѣчей не съ каѳедры, а съ мѣста. Что понятно какъ обычай, установившійся самъ собою и освященный временемъ, то могло бы оказаться совершенно неумѣстнымъ при другой обстановкѣ и по предписанію свыше. Дѣловое настроеніе нелегко совмѣстить съ молитвеннымъ, и послѣднее едва-ли появляется ежедневно въ средѣ англійскихъ коммонеровъ; но они привыкли соблюдать внѣшній декорумъ, и этого достаточно для сохраненія порядка, унаслѣдованнаго отъ предковъ. Ничего подобнаго не было у насъ, и всего меньше обязательное чтеніе молитвы удовлетворило бы именно тѣхъ членовъ Думы, которые отнеслись бы къ нему наиболѣе серьезно... Неназываніе депутатовъ по фамиліямъ лишено всякаго значенія, потому что всѣмъ извѣстенъ избирательный округъ, отъ котораго засѣдаетъ въ палатѣ данное лицо—и указаніе

округа вполнѣ замѣняетъ собою указаніе имени. Что касается, наконецъ, вопроса о томъ, откуда произносить рѣчь, то для однихъ удобнѣе говорить съ каѳедры, для другихъ—съ мѣста: это должно быть предоставленно усмотрѣнію каждаго отдѣльнаго депутата. *Требовать* восхожденія на каѳедру, хотя бы предстояло сказать лишь нѣсколько словъ, нѣтъ никакого основанія; но точно также нѣтъ причины стѣснять желающихъ воспользоваться каѳедрой—хотя бы для того, чтобы ихъ лучше было слышно,—или вовсе уничтожать каѳедру, какъ это было сдѣлано Наполеономъ III-мъ при образованіи Законодательнаго Корпуса. Ошибочно было бы думать, что каѳедра располагаетъ къ театральности или къ многорѣчію: стремленіе къ эффектамъ зависитъ отъ національныхъ или личныхъ особенностей оратора, многословіе вполнѣ возможно и при отсутствіи каѳедры. Длинныя, иногда безъ надобности длинныя рѣчи—далеко не рѣдкость и въ англійской палатѣ общинъ.

Перестаютъ быть комичными наставленія, преподаваемыя Думѣ, когда къ нимъ присоединяется совѣтъ воспользоваться временемъ, остающимся до открытія Думы, и „еще разъ провѣрить складъ нашей парламентской процедуры, обсудить церемоніи и распорядки". Все касающееся парламентской процедуры входитъ въ область наказа Думы, составленіе котораго предоставлено исключительно ей самой (Учр. Госуд. Думы ст. 62).

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, нельзя еще даже догадываться о результатѣ выборовъ. Телеграфныя извѣстія, насколько они касаются партійной окраски выборныхъ лицъ (уполномоченныхъ отъ волостей, отъ рабочихъ и отъ мелкихъ землевладѣльцевъ), сбивчивы и мало надежны: слишкомъ уже много оказывается „правыхъ", слишкомъ неопредѣленно понятіе о еще болѣе многочисленныхъ „умѣренныхъ". Весьма возможно, впрочемъ, что сенатскія разъясненія не остались безъ вліянія на составъ избирателей, а слѣдовательно и на ходъ выборовъ. Не вездѣ, притомъ, были приняты достаточно энергичныя мѣры къ оповѣщенію избирателей о мѣстѣ и времени выборовъ; не вездѣ съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ были назначены съ такимъ разсчетомъ, чтобы облегчить какъ можно больше ихъ посѣщеніе. Намъ извѣстенъ, напримѣръ, одинъ большой уѣздъ, простирающійся съ сѣвера на югъ верстъ на 130, съ запада на востокъ—верстъ на 75: въ прошломъ году тамъ было назначено пять съѣздовъ, въ нынѣшнемъ году—только три, и притомъ два—въ уѣздномъ городѣ, находящемся далеко не въ центрѣ уѣзда. Понятно, что это не можетъ способствовать исправной явкѣ избирателей. Едва ли остались безъ

вліянія и такія мѣры, какъ требованіе отъ полиціи *подробныхъ сведѣній* о лицахъ, избранныхъ въ уполномоченные. У насъ, по старой памяти, не очень-то любятъ обращать на себя усиленное вниманіе администраціи—и одно опасеніе попасть подъ надзоръ могло удержать многихъ отъ поѣздки на выборы... Присоединясь къ прошлогоднему, нынѣшній избирательный опытъ дастъ много цѣнныхъ матеріаловъ для пересмотра положенія о выборахъ—пересмотра, которымъ неизбѣжно должна будетъ заняться Государственная Дума, если ей будетъ дано необходимое для того время.

Не вполнѣ выяснена, покамѣстъ, судьба попытокъ, направленныхъ къ заключенію предвыборныхъ союзовъ. Удается, повидимому, соглашеніе между партіями, мало чѣмъ отличающимися другъ отъ друга—напр. между различными группами крайнихъ лѣвыхъ и крайнихъ правыхъ; большія затрудненія встрѣчаетъ, наоборотъ, образованіе болѣе обширныхъ „блоковъ", напр. такой коалиціи, которая обнимала бы собою всѣхъ или почти всѣхъ рѣшительныхъ противниковъ стараго порядка. Нелегко, въ самомъ дѣлѣ, слить въ одно русло, хотя бы на короткое время, теченія эволюціонныя и революціонныя: слишкомъ велика разница не только послѣднихъ, но и ближайшихъ цѣлей—и вмѣстѣ съ тѣмъ разница настроеній. Мы продолжаемъ думать, что для конституціоннаго центра, идущаго отъ партіи мирнаго обновленія до партіи народной свободы, осуществимымъ и цѣлесообразнымъ былъ бы только предвыборный союзъ съ сравнительно умѣренными изъ числа лѣвыхъ (меньшевики, народные соціалисты). Немалымъ препятствіемъ къ составленію подобныхъ союзовъ служитъ одна особенность нашей избирательной системы. Гдѣ первоначальные выборы считаются состоявшимися лишь при абсолютномъ большинствѣ голосовъ, тамъ незачѣмъ спѣшить съ соглашеніемъ: оно можетъ быть заключено въ промежутокъ между первой и второй подачей голосовъ, когда уже обрисовалась сравнительная сила партій и сдѣлалось яснымъ, которой изъ нихъ и въ какую сторону слѣдуетъ уступить. У насъ, наоборотъ, выборщики могутъ быть избраны сразу относительнымъ большинствомъ, послѣ чего вступать въ соглашеніе уже поздно—а до тѣхъ поръ совершенно гадательными представляются шансы различныхъ группъ, и каждая изъ нихъ, преувеличивая свои шансы на успѣхъ, можетъ уклоняться отъ невыгодныхъ, по ея предположенію, соглашеній. Къ переоцѣнкѣ своихъ силъ склонна всякая партія, вѣрящая въ правоту своихъ стремленій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1907.

I.

— Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки. Съ музыкальными приложеніями и иллюстраціями. — Труды Музыкально-Этнографической Коммиссіи. Т. I. М. 1906.—530 + 77 стр. in 4°. Ц. 5 р.

Новый обширный томъ матеріаловъ и изслѣдованій изъ области, которая съ давнихъ поръ привлекала къ себѣ вниманіе ученаго міра, свидѣтельствуетъ о той неослабѣвающей энергіи, которая отличаетъ послѣднюю четверть вѣка въ дѣятельности этнографическаго отдѣла московскаго „Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи". Обладая крайне ограниченными средствами, благодаря исключительной любви къ дѣлу его руководителей, особенно проф. В. Ѳ. Миллера, отдѣлъ развилъ обширную и многостороннюю дѣятельность, направленную на изученіе племенъ и народовъ, преимущественно обитающихъ въ Россіи, и на собираніе матеріала для построенія русской этнографіи, какъ самостоятельной науки. Отдѣлъ снаряжалъ экспедиціи, самостоятельно изыскивая на нихъ нерѣдко средства, привлекалъ молодыя силы, поощрялъ изданіемъ ихъ трудовъ, издавалъ и продолжаетъ издавать свой періодическій органъ — „Этнографическое Обозрѣніе", научное значеніе котораго не разъ отмѣчалось въ нашемъ журналѣ. Между прочимъ, одною изъ задачъ этнографическаго отдѣла явилось собираніе свѣдѣній о положеніи народной пѣсни и музыки въ ихъ исторіи и современномъ быту; при отдѣлѣ образовалась особая музыкальная коммиссія, которая занялась спеціально вопросами народнаго пѣснотворчества и объединеніемъ трудовъ и усилій, направляемыхъ въ эту область. Въ виду особо важнаго значенія трудовъ этой коммиссіи, нельзя не остановиться на

„вступительной запискѣ" одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ этнографическо-музыкальнаго кружка, Н. А. Янчука, въ которой г. Янчукъ, съ одной стороны, выясняетъ культурную важность изученія музыкальнаго творчества—русскаго и инородческаго населенія Россіи. Указавъ на право науки требовать отъ господствующей націи самаго заботливаго вниманія къ подчиненнымъ ея власти народамъ—хотя бы въ цѣляхъ научнаго изученія, г. Янчукъ аргументируетъ свою мысль указаніемъ на западные народы. При всей своей жестокости, съ какою они утверждаютъ свое политическое и экономическое господство среди дикарей, напримѣръ Новаго Свѣта, народы эти, тѣмъ не менѣе, какъ бы понимаютъ свою отвѣтственность передъ будущими вѣками и не останавливаются ни передъ какими затратами на изученіе вымирающихъ племенъ. Даже приводя завоеванныя племена къ ассимиляціи или полному уничтоженію, завоеватели дѣлаютъ все, что могутъ, чтобы сохранить ихъ культуру и жизнь въ общей сокровищницѣ человѣческаго знанія. Разсчетливые американцы, англичане, не говоря уже о французахъ и нѣмцахъ, затрачиваютъ огромныя суммы на этнографическія и антропологическія изслѣдованія дикарей, устраиваютъ музеи, вызываютъ капитальныя работы, вносящія нерѣдко переворотъ въ сферу соціальныхъ и политическихъ наукъ. Изученіе первобытнаго искусства, въ томъ числѣ и музыкальнаго творчества, ведетъ все болѣе и болѣе къ выясненію вопроса о происхожденіи искусства вообще и музыки въ частности, и попутно возникаютъ любопытнѣйшія проблемы о вѣковыхъ междуплеменныхъ вліяніяхъ, формахъ и пріемахъ музыкальнаго творчества.

Дѣятельность московской музыкальной коммиссіи характеризуется г. Янчукомъ слѣдующимъ образомъ: „Не довольствуясь этими случайными поступленіями, московская коммиссія задалась было цѣлью болѣе систематическаго изслѣдованія народной музыки путемъ командировки своихъ членовъ въ опредѣленные районы съ заранѣе намѣченной цѣлью. Но подобныя поѣздки всегда сопряжены съ немалыми затратами, и въ данномъ случаѣ коммиссія оказалась связанною по рукамъ недостаткомъ матеріальныхъ средствъ. Озабоченная пріисканіемъ средствъ на научныя командировки и имѣя въ виду свои популяризаторскія задачи, коммиссія рѣшила продолжить опытъ устройства этнографическихъ концертовъ для широкой публики съ небольшою входною платою. Всего было устроено при содѣйствіи отдѣла шесть концертовъ, въ которыхъ демонстрировались наиболѣе характерные образцы вокальной и отчасти инструментальной народной музыки. Такимъ образомъ коммиссіи удалось ознакомить публику съ пѣснями и инструментальными мелодіями великоруссовъ, бѣлоруссовъ, малоруссовъ, поляковъ, болгаръ, сербовъ, чеховъ, литовцевъ, латышей, евреевъ, молдаванъ, грековъ,

финляндцевъ, вотяковъ, мордвы, черемисъ, чувашей, башкиръ, киргизовъ, сартовъ, таранчей, татаръ, калмыковъ, армянъ, осетинъ, грузинъ, лезгинъ, кумыковъ, черкесовъ и другихъ кавказскихъ народностей. Мелодіи перечисленныхъ народовъ исполнялись большею частью въ неприкосновенномъ видѣ, безъ всякаго сопровожденія, съ подлиннымъ текстомъ, иногда даже на подлинныхъ народныхъ инструментахъ; иныя же предлагались публикѣ въ гармонизаціи гг. членовъ коммиссіи съ сопровожденіемъ фортепіано или въ хоровомъ переложеніи. Для хорового исполненія коммиссіи пришлось озаботиться организаціей любительскаго хора подъ руководствомъ и при участіи нѣкоторыхъ членовъ коммиссіи. Концертному исполненію иногда предшествовало чтеніе о народной музыкѣ. Устройство этихъ концертовъ и лекцій, можно сказать, оправдало свою идейную цѣль — возбудить въ обществѣ интересъ къ народной пѣснѣ и музыкѣ, при чемъ инородцы едва-ли не впервые предстали предъ московской публикой въ серьезно-научной обстановкѣ съ концертной эстрады. Печать и публика встрѣчали это предпріятіе съ большимъ сочувствіемъ. Правда, сторона практическая отошла при этомъ на второй планъ, и сборы съ этихъ публичныхъ собраній, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по ихъ устройству, при дешевыхъ цѣнахъ, дали самый незначительный результатъ. Коммиссія, однако, нисколько не сожалѣла объ этомъ, довольствуясь достигнутымъ научнымъ и художественнымъ успѣхомъ, и если бы устройство подобныхъ публичныхъ собраній не было сопряжено съ такими большими затрудненіями, то желательно было бы продолжать это дѣло съ большею систематичностью и на болѣе широкихъ началахъ. Какъ бы то ни было, вопросъ о научныхъ командировкахъ и объ изданіи собранныхъ матеріаловъ оставался неразрѣшеннымъ".

Вопросъ дальнѣйшей дѣятельности коммиссіи — вопросъ средствъ... Но было бы чрезвычайно жаль, еслибъ дѣятельность эта прекратилась вслѣдъ за изданіемъ перваго (даже второго) тома ея трудовъ, и мы надѣемся, что научныя учрежденія, если не министерство народнаго просвѣщенія, и частныя лица, сочувствующія изученію народной музыки въ Россіи, не дадутъ заглохнуть полезному и важному научному дѣлу. Настоящій томъ напечатанъ на средства казны, добытыя, при поддержкѣ Имп. Академіи Наукъ. Въ заключительныхъ строкахъ своей замѣтки г. Янчукъ указываетъ на серьезность спеціальнаго изученія народной пѣсни съ ея музыкой именно въ Россіи. „Наше отечество, вслѣдствіе его обширности и разнообразія состава его населенія, представляетъ неисчерпаемое богатство народно-музыкальнаго творчества, серьезное изслѣдованіе котораго только-что начинается и требуетъ большого количества соединен

выхъ силъ, направленныхъ къ одной цѣли. Въ то время какъ русская народная музыка уже обратила на себя вниманіе спеціалистовъ, музыка нашихъ инородцевъ остается еще почти совершенно незатронутой изслѣдователями. Энергичное изученіе той и другой является крайне неотложнымъ, такъ какъ старинная русская пѣсня исчезаетъ и обезличивается подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, а инородцы русѣютъ и вымираютъ".

Содержаніе настоящаго тома составляютъ главнымъ образомъ результаты музыкально-этнографическихъ экскурсій въ различныя мѣстности Россіи. Таковы матеріалы, собранные въ архангельской губерніи лѣтомъ 1901 г. А. В. Марковымъ, А. Л. Масловымъ и Б. А. Богословскимъ, съ приложеніемъ 47-ми напѣвовъ; „Народная казачья пѣсня на Дону" (экспедиція 1902—1903 г.), съ приложеніемъ 14-ти пѣсенъ — А. М. Листопадова; „Опытъ записи фонографомъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ (поѣздка въ полтавскую губернію 1903 г.), съ приложеніемъ 18-ти пѣсенъ,— Е. Э. Линевой; „Поѣздка въ пермскую губернію съ музыкально-этнографическою цѣлью въ 1901 г., съ приложеніемъ 14-ти напѣвовъ, — И. С. Тезавровскаго; „Пѣснь съ Поволжья" съ напѣвами, — А. Л. Маслова; „Русскія народныя пѣсни и свадебный обрядъ въ дер. Жуково, Никольскаго уѣзда, Вологодской губ." съ напѣвами — Ан. Попова; „Выкрики разносчиковъ" въ запискахъ различныхъ лицъ. Обстоятельныя работы Д. И. Аракчіева посвящены очерку развитія грузинской (караталино-кахетинской) народной пѣсни, съ нотными примѣрами и пѣснями въ народной гармонизаціи, затѣмъ очерку грузинской духовной народной музыки. За выдержками изъ посмертныхъ бумагъ Ю. Н. Мельгунова „о ритмѣ и гармоніи русскихъ пѣсенъ" и его же „запиской о русской церковной музыкѣ" слѣдуетъ очеркъ Н. А. Янчука — „князь В. Ѳ. Одоевскій и его значеніе въ исторіи русской церковной и народной музыкѣ"; затѣмъ идутъ замѣтки В. В. Пасхалова, Юрія Арнольда (посмертныя) и др. Во второмъ отдѣлѣ книги помѣщенъ рядъ отзывовъ о новыхъ музыкально-этнографическихъ изданіяхъ и работы библіографическаго характера гг. Аракчіева, Пасхалова и Маслова. Въ приложеніяхъ къ 3-му отдѣлу (протоколы засѣданія) помѣщены, между прочимъ: „записка о введеніи преподаванія народной музыки въ консерваторіяхъ и музыкальныхъ училищахъ" и „программа для собиранія народныхъ пѣсенъ и вообще музыкально-этнографическихъ матеріаловъ". Уже изъ этого краткаго обзора можно видѣть, какимъ живымъ и разнообразнымъ интересомъ отличается первый томъ трудовъ музыкально-этнографической коммиссіи. Въ статьяхъ и вступительныхъ замѣткахъ авторовъ заключенъ обширный и чрезвычайно любопытный матеріалъ, характеризующій положеніе народной пѣсни

тѣмъ, что творилось вокругъ него въ молодой жизни, противъ чего онъ вооружался и протестовалъ. Фамусовъ—враждующее начало, онъ—воюющая и, въ свое время, сильнѣйшая сторона въ непримиримой борьбѣ съ свободной и просвѣщенной мыслью. Онъ самоувѣренъ, но далеко уже не „эпически"; жизнь кругомъ подтачиваетъ то міросозерцаніе, въ которое онъ такъ слѣпо вѣритъ, и ему приходится постоянно ополчаться за него. Среда Фамусовская представляется г. Айхенвальду слишкомъ ужъ спокойнымъ стоячимъ болотомъ. „Какъ гражданинъ, онъ (Фамусовъ) видитъ предъ собою наивно-цѣльное міровоззрѣніе, какое-то эпическое спокойствіе оцѣнокъ и понятій. Здѣсь не сомнѣваются. Здѣсь неподвижно, въ этой лѣнивой, огромной, тяжелой массѣ, которая повинуется только закону инерціи. Въ средѣ Фамусова всѣ взгляды на жизнь давно уже выработаны, и эта жизнь мирно и мѣрно катится по ровной дорогѣ традиціи". Стоячее болото дрогнуло, Грибоѣдовъ подмѣтилъ тревожную зыбь его первыхъ вздрагиваній—и въ этомъ глубокій историческій смыслъ его комедіи. А г. Айхенвальдъ на первый планъ выдвигаетъ въ извѣстномъ психологическомъ моментѣ его статику, и стремленіе къ „эпическому" далеко не является у него случайнымъ. Вѣчное, абсолютно-прекрасное болѣе всего привлекаетъ его даже у пѣвцовъ и художниковъ гражданской скорби. А вѣчное всегда сродни спокойному, ясному, но и холодному. Если Лермонтовъ, безъ своего демонизма, безъ огня, все же выходитъ чарующимъ въ очеркѣ г. Айхенвальда, то вдумчивый, философическій Баратынскій находитъ у автора мастерское, можно сказать художественное истолкованіе... авторъ такъ привлекательно изобразилъ, какъ „отъ жизни пестрой и блещущей, отъ ея безпокойнаго и рѣзкаго полудня хочется иногда уйти къ этому печальнику и мудрецу, въ прохладу и сумракъ его поэтическаго лѣса, чтобы, въ тишинѣ навѣваемой думы, слушать тамъ величавое эхо—прекрасную риѳму его (Баратынскаго) стиховъ"... Но зато и безъ того не горячій Плещеевъ выходитъ у автора, особенно въ сопоставленіи съ Помяловскимъ, чуть-чуть тепленькимъ, почти холоднымъ, при всей „кроткой тишинѣ и сердечности" его поэзіи, при всей отмѣчаемой авторомъ благонастроенности его элегическаго и яснаго міровоззрѣнія. Какъ ни трудно оторвать Глѣба Успенскаго отъ русской жизни извѣстнаго періода, г. Айхенвальду удалось сдѣлать это, и въ сочиненіяхъ Успенскаго критика занимаютъ главнымъ образомъ общечеловѣческіе мотивы его сочиненій. „Въ центрѣ его (Успенскаго) произведеній лежитъ, какъ онъ самъ выражается, „большое горе людей, живущихъ въ маленькихъ избушкахъ"... „Его занимаетъ разореніе не только экономическое, но и нравственное"... „Глубокій идеализмъ"... „Луврская богиня лучами своей неумирающей красоты достигаетъ Растеряевой улицы"... Тоска по цѣль-

ности... Власть земли... Эти отдѣльные штрихи, искусно брошенные въ общую характеристику Успенскаго, напоминаютъ вамъ его, если вы любите и только забыли его, но далеко не вызываютъ представленія ни о его духовной мощи, ни, если можно говорить о стихійныхъ началахъ русской жизни, о его полномъ инстинктивномъ сліяніи съ русской жизнью во всѣхъ благо- и безобразіяхъ ея проявленій. Но, съ другой стороны, какъ любовно-внимательно отнесся г. Айхенвальдъ къ Гончарову, подмѣтивъ много любопытныхъ и не сразу замѣтныхъ чертъ и уловивъ надъ сонной атмосферой его изображеній „благородный строй души и помысловъ Гончарова", возвышенную, задумчивую печаль, его любовь къ жизни, во всѣхъ ея мелочахъ и подробностяхъ, и его грусть надъ нею, проистекавшую изъ конечной неудовлетворенности прозаическимъ ходомъ существованія... Ближе чѣмъ Гончарова, какъ оно и естественно, г. Айхенвальдъ знаетъ и чувствуетъ Чехова. „Затаенная, застѣнчивая радость жизни переливается въ его произведеніяхъ, и никто тоньше его не понималъ и не чувствовалъ всего, что̀ есть на землѣ поэтичнаго и отраднаго. Въ лунномъ свѣтѣ меланхоліи, въ ея задумчивомъ колоритѣ изобразилъ онъ міръ, но міръ пріобрѣлъ отъ этого только новую красоту"... Красоты, простоты и добраго, хорошаго чувства—прежде всего требуетъ г. Айхенвальдъ отъ художественныхъ изображеній, и Чеховъ особенно дорогъ автору, какъ „писатель идеала", тосковавшій въ порывахъ своихъ „по красотѣ и вѣчности, по свѣтлой радости духа".

Въ итогѣ, съ появленіемъ „Силуэтовъ" г. Айхенвальда—въ нашей критической литературѣ одной хорошей книгой стало больше.

III.

— Львовъ-Рогачевскій, В.—Борьба за жизнь. Сборникъ статей. Издательство О. Н. Поповой. Спб. 1907.—245 стр. in 8°. Ц. 1 р.

Прогрессивныя теченія общественной жизни послѣднихъ лѣтъ и ихъ отраженія въ творчествѣ — таково основное содержаніе книги г. Львова-Рогачевскаго. Литература служитъ обществу въ его исканіяхъ свободы, свѣта и правды—такова та исходная точка зрѣнія, съ которой онъ характеризуетъ людей извѣстной эпохи, ихъ чувства и настроенія, ихъ стремленія и идеалы. Въ первой изъ своихъ статей—о Чеховѣ—авторъ даетъ сжатый очеркъ различныхъ формъ освободительнаго движенія и испытанныхъ имъ разочарованій и неудачъ, создавшихъ ту удушливую атмосферу восьмидесятыхъ годовъ, которая вобрала въ себя „весь мракъ, весь ужасъ, всю ложь предшествовавшихъ десятилѣтій". Творчество А. П. Чехова, по словамъ автора,

одѣло въ плоть и кровь „это послѣднее слово“ (отупляющей и омертвляющей атмосферы), выставило на всенародныя очи этотъ страшный итогъ и вырвало изъ сердца всѣхъ, кто имѣетъ уши, чтобы слышать, мучительный крикъ: „такъ жить нельзя!“ Авторъ искусно проводитъ параллель между личными переживаніями художника и его изображеніями, болѣе всего типичными для восьмидесятыхъ годовъ, этой эпохи бездорожья, въ которомъ оказались борцы за народное благо. Творчество Чехова явилось краснорѣчивымъ выраженіемъ этого бездорожья. А заслуга его опредѣлилась тѣмъ, что онъ явился „великимъ отрицателемъ отрицательныхъ сторонъ русской дѣйствительности“. Чеховъ далъ картину духовнаго рабства, духовнаго изнуренія нашей родины. Въ одной изъ главъ г. Львовъ-Рогачевскій анализируетъ творчество Чехова съ этой стороны и уясняетъ его общественный смыслъ. Съ другой стороны, на рядѣ удачно сопоставленныхъ цитатъ многое уясняется и въ творчествѣ Чехова. Указавъ на связь Чехова именно съ 80-ми годами, авторъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о положеніи Чехова въ слѣдующее десятилѣтіе. Упомянувъ о чередованіи общественныхъ настроеній, когда умы то пробуждаются, видя впереди отчетливые идеалы, то мятутся, не зная, куда идти и что дѣлать, когда и мыслители знаютъ только, чего *не надо* дѣлать, и живутъ предчувствіями, ощупью, напомнивъ стихъ поэта—„горе проснувшимся въ ночь безысходную—имъ не сомкнуть своихъ глазъ“,—авторъ говоритъ: „А. П. Чеховъ попалъ какъ разъ въ такую полосу и до конца дней своихъ не могъ изъ нея выйти. Девяностые годы остались внѣ поля его зрѣнія, онъ оказался тѣмъ русскимъ человѣкомъ, который, по его же словамъ, „любитъ вспоминать, но не любитъ жить“... Вокругъ него „жизнь новая творилась“, зрѣлъ и ширился протестъ не только отдѣльныхъ лицъ, а громадныхъ общественныхъ слоевъ, назрѣвали и развивались новыя силы, новыя слова, а Чеховъ не замѣчалъ протеста и не отмѣчалъ въ своемъ творчествѣ новыхъ силъ.

„Онъ жилъ воспоминаніями. Онъ отвергалъ старыхъ боговъ, старыя доктрины, и критика его была безпощадна, онъ кончалъ со старымъ міровоззрѣніемъ и не имѣлъ силъ или не хотѣлъ перейти къ новому слову. Толстовцы, абрамовцы, народники проходятъ передъ нами, какъ отряды, потерпѣвшіе рѣшительное пораженіе. Тѣ великія слова „народъ“, долгъ народу и т. д... въ творчествѣ А. П. Чехова подвергаются той же переоцѣнкѣ. Подвергается изученію и та самая интеллигенція, которая еще въ семидесятыхъ годахъ такъ вѣрила въ свою историческую миссію.

„Что же получилось въ результатѣ этой переоцѣнки?

„На этотъ вопросъ пусть отвѣтятъ намъ образы А. П. Чехова, разрушившіе старый храмъ, но не построившіе новаго“.

Слѣдующій этюдъ автора—„Мертвое царство"—посвященъ характеристикѣ творчества Леонида Андреева. Но еще раньше, въ статьѣ о Чеховѣ, г. Львовъ проводитъ параллель, наглядно обрисовывающую его взглядъ на обоихъ писателей. Оба они любятъ посѣщать кладбище русской жизни, оба подошли къ стѣнѣ, оба видятъ, что „міръ гибнетъ", оба изображаютъ безуміе и ужасъ окружающей дѣйствительности, оба тысячу разъ повторяютъ: „такъ жить нельзя". И все же между обоими писателями громадная разница. „Одинъ говоритъ это простыми, безыскусственными, душу потрясающими словами, другой—стеня и воя, потрясая кулаками и въ какомъ-то бреду. Но Леонидъ Андреевъ отъ формулы „такъ жить нельзя" переходитъ къ другой—„остается умереть", отъ погибающаго міра переходитъ въ міръ призраковъ, отъ стѣны—къ безднѣ, а А. П. Чеховъ отъ безумія и ужаса жизни переходитъ къ пророчеству, которое такъ прекрасно выразилъ въ нѣсколькихъ словахъ поэтъ-восьмидесятникъ:

„Вѣрь, настанетъ пора —
И погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь".

Съ другой стороны, взглядъ автора на Леонида Андреева виденъ изъ сопоставленія этого писателя съ Гаршинымъ. Леонидъ Андреевъ—художникъ мертваго царства, художникъ безумія и ужаса, „краснаго смѣха" и „призраковъ", господствующихъ надъ дѣйствительностью (въ обзоръ автора не вошли послѣднія произведенія Андреева, статья его помѣчена 1904 г.). „И странное дѣло: Леонидъ Андреевъ пишетъ свой разсказъ о человѣчествѣ, у котораго мутится разумъ, а читатель холоденъ и чуждъ этому абстрактному человѣчеству, но вотъ другой художникъ нарисовалъ одного человѣка, который пролежалъ четыре дня подлѣ убитаго имъ непріятеля на полѣ сраженія, этотъ одинъ человѣкъ заговорилъ о томъ, что онъ пережилъ и перечувствовалъ; онъ ни слова не сказалъ о человѣчествѣ, и что же? Каждое его простое, изъ свѣта и пламени сотканное слово потрясаетъ сердце, каждое его слово гремитъ великимъ „я обвиняю" надъ неправдой и насиліемъ озвѣрѣвшихъ людей; за рядовымъ Ивановымъ встаетъ все изстрадавшееся человѣчество, за отвратительнымъ распухшимъ, разложившимся трупомъ убитаго турка съ оскаленными зубами встаетъ во всемъ своемъ ужасѣ отвратительный призракъ войны.

„Леонидъ Андреевъ повторяетъ несчетное число разъ слова ужаса и безумія, онъ говоритъ то о холодномъ ужасѣ, то о тихомъ, то о голомъ, отупѣломъ, кровавомъ ужасѣ, но слово Леонида Андреева остается словомъ, остается кимваломъ бряцающимъ и мѣдью звенящей, и наше сердце молчитъ.

„В. Гаршинъ ни слова не говоритъ объ ужасѣ и безуміи, но они глядятъ на насъ во всѣ глаза изъ каждой строки произведенія Гаршина и заставляютъ во имя правды, во имя человѣчности ненавидѣть всякую войну, хотя бы въ этой войнѣ люди думали, что они „подставляютъ свою грудь“ за братьевъ-славянъ“.

Проводя далѣе параллель между „наблюдателемъ“ Гаршинымъ и „символистомъ-мыслителемъ“ Андреевымъ, авторъ представляетъ послѣдняго пишущимъ свои разсказы у окна съ разноцвѣтными стеклами. Когда онъ пишетъ „Призраки“, онъ смотритъ въ желтое стекло; когда пишетъ „красный смѣхъ“—смотритъ въ красное стекло, и образы, проносящіеся передъ читателемъ, полны намековъ на что-то непонятное. „Наша мысль расплывается въ какомъ-то туманѣ, а жизнь съ ея печалью и радостью, съ ея борьбой и страданіями, уходитъ куда-то въ сторону“... Въ концѣ авторъ находитъ лучъ свѣта и въ мертвомъ царствѣ Андреева—голосъ изъ чуднаго міра, гдѣ радостно и свѣтло. Этотъ лучъ дорогъ автору: онъ уже видитъ тріумфальное шествіе возрожденнаго жизнерадостнаго человѣчества. Пусть этой жизнерадостности нѣтъ у современнаго одинокаго человѣка, она явится, она должна стать основной чертой будущаго.

Точка зрѣнія на Л. Андреева, при всей своей односторонности, любопытна. Въ ней видна попытка самостоятельно отнестись къ писателю, въ которомъ, вообще говоря, не легко разобраться.

Съ интересомъ читаются и остальныя статьи автора, посвященныя творчеству новѣйшихъ писателей (Арцыбашевъ, Купринъ, авторы „Знанія“).

IV.

— Герценъ, А. И. Проблемы культуры. Движенія общественной мысли въ Россіи. Съ приложеніемъ портрета А. И. Герцена и статьи „О сельской общинѣ въ Россіи“. Переводъ съ французскаго. М. 1907.—181 стр. in 8°. Ц. 50 к.

„Наше время ужасно; все вокругъ насъ рушится, все мечется какъ въ лихорадкѣ. Самыя черныя предчувствія сбываются съ головокружительной быстротой...“ Это писалъ Герценъ „съ того берега“. Этими же словами онъ начинаетъ рядъ своихъ статей, изъ которыхъ составилась настоящая книжечка. Она распадается на нѣсколько краткихъ этюдовъ, разсчитанныхъ на иностраннаго читателя. Герценъ изображаетъ вкратцѣ ходъ русской исторіи до Петра и послѣ Петра, представлявшаго собою „типъ деспота изъ комитета общественнаго спасенія, деспота по природѣ и во имя великой идеи, что̀ твердо ставило его высоко надъ головами окружающихъ“. Петръ первый, по мнѣнію Герцена, создалъ между крестьянами и дворянствомъ тотъ анта-

гонизмъ, который рано или поздно долженъ завершиться соціальной революціей. Дальнѣйшее теченіе русской исторіи Герценъ разсматриваетъ именно съ точки зрѣнія развитія тѣхъ элементовъ, столкновеніе которыхъ должно указать выходъ назрѣвшему перевороту. Такъ, четырнадцатое декабря открыло новую фазу нашего политическаго развитія. Гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ всѣ пропаганды и теоріи, имѣлъ самый фактъ возстанія, героическое поведеніе заговорщиковъ, сначала на площади, затѣмъ во время суда и позже въ рудникахъ Сибири. Такъ казалось Герцену, и онъ настаивалъ на томъ, что русскимъ не хватало не либеральнаго направленія, не сознанія злоупотребленій, но иниціаторовъ, смѣльчаковъ. Декабристы и были таковыми. Проведя чрезвычайно любопытную параллель между литературой и жизнью, Герценъ крупными штрихами характеризуетъ ту атмосферу, въ которой воспитывалась русская общественная мысль. „Цивилизація и рабство!—восклицаетъ онъ.—И ничего между этими двумя насильно соединенными крайностями, что̀ помѣшало бы истолочь насъ! Намъ даютъ широкое воспитаніе, прививаютъ желанія и стремленія, насъ знакомятъ съ печалями современнаго общества, а затѣмъ кричатъ: „оставайтесь нѣмыми, пассивными рабами, или вы погибли“. Въ награду насъ надѣляютъ правомъ обирать крестьянина и расточать въ кабакахъ, за зеленымъ столомъ, слезами и кровью орошенный оброкъ, который мы съ него собираемъ“.

Читая страницы, посвященныя московскому панславизму и русскому западничеству, необходимо помнить, что статьи Герцена были написаны въ періодъ между 1848 годомъ и крымской войной. Съ одной стороны ему кажется, что со дня на день можетъ обрушиться дряхлое зданіе Европы, а съ другой стороны его преслѣдуетъ призракъ военной мощи Россіи, и онъ ужасается при одной мысли, что̀ будетъ, если царское правительство станетъ насаждать свои порядки и въ Европѣ. Предвидя будущій союзъ между революціонной Россіей и революціонной Европой, Герценъ считаетъ, что, стараясь слить Польшу съ Россіей, правительство перекинуло громадный мостъ для торжественнаго пѐрехода революціонныхъ идей изъ Европы въ Россію.

Разсматриваемое изданіе представляетъ собой переводъ французскихъ статей Герцена, объединенныхъ въ 1851 году въ книгѣ, подъ заглавіемъ „Du développement des idées révolutionnaires en Russie“, съ посвященіемъ „à notre ami Michel Bakounine“, дважды повторенной, съ небольшими измѣненіями, въ 1853 и 1858 гг. Русскій переводъ въ изданіи г. Сытина исполненъ въ общемъ грамотно, но безцвѣтно. Нѣтъ никакого предисловія, указывающаго значеніе этой книги Герцена въ ряду его остальныхъ сочиненій, нѣтъ и тѣхъ вступительныхъ строкъ Герцена, которыми онъ сопроводилъ лондонское изданіе

1853 г., а между тѣмъ эти строки прекрасно опредѣляютъ цѣль, которую онъ, между прочимъ, преслѣдовалъ въ своей книгѣ. Говоря о желаніи своихъ друзей поляковъ—повторенія изданія его книги, Герценъ прибавляетъ: „Я придаю совершенно особое значеніе этому факту. Это (второе) изданіе послужитъ новымъ свидѣтельствомъ братскаго союза революціонной Польши съ русскими революціонерами.

Нѣтъ и эпиграфа къ Герценовскому предисловію ко второму изданію:

Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit,
Unnützes erinnern
Und vergeblicher Streit.

Статья „О сельской общинѣ въ Россіи“ была помѣщена, въ качествѣ приложенія, уже въ упомянутыхъ французскихъ книгахъ и не является какимъ-либо дополненіемъ со стороны русскихъ издателей, какъ о томъ можно было бы предположить по заглавной страницѣ. Заглавіе вообще слѣдуетъ признать неудачнымъ, слишкомъ разсчитаннымъ на рекламную цѣль.

Гораздо внимательнѣе выполнено изданіе того же сочиненія Герцена, сдѣланное В. М. Саблинымъ („Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи“, М. 1906) со второго, лондонскаго, изданія 1853 г.

V.

— Генри Джорджъ. Общественныя задачи. Переводъ съ англійскаго С. Д. Николаева. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Изд. книгоиздательства „Посредникъ“. М. 1907.—278 стр. in p. 8°. Ц. 50 к.

Въ своемъ предисловіи Л. Н. Толстой указываетъ на громадное значеніе книги Генри Джорджа, которое все еще не понято и не оцѣнено людьми. Толстому кажется, что этому причиной является то, что мысль американскаго писателя или извращается, или замалчивается. Эту мысль разсматриваютъ иные какъ одну изъ системъ измѣненія закона земельной собственности, измѣненія, понимаемаго часто въ видѣ націонализаціи земли въ смыслѣ соціалистовъ. У другихъ же, людей обезпеченныхъ и землевладѣльцевъ, съ именемъ Генри Джорджа связывается представленіе о теоретикѣ, который распространяетъ идеи объ отобраніи земли у теперешнихъ собственниковъ, и они относятся враждебно къ нему изъ чувства естественнаго самоохраненія. А истинная, основная мысль, проповѣдуемая Джорджемъ, несмотря на то, что со времени ея всесторонняго и основательнаго изложенія прошло тридцать лѣтъ, остается совершенно невоспринятой огромнымъ большинствомъ людей.

Но живую, плодотворную мысль нельзя заглушить и уничтожить. Рано или поздно она „прожжетъ скрывающіе ее покровы и засвѣтитъ всему міру".

И Толстому думается, что именно теперь и именно въ Россіи наступаетъ время для ея торжества. „Именно теперь,—говоритъ Толстой,—потому что теперь совершается въ Россіи революція, серьезная основа которой одна: отрицаніе всѣмъ народомъ, настоящимъ народомъ, земельной собственности. Именно въ Россіи потому, что въ огромномъ большинствѣ русскаго народа всегда жила и живетъ до сихъ поръ основная идея Генри Джорджа, состоящая въ томъ, что земля есть общее достояніе всѣхъ людей и что обкладываться налогами можетъ только земля, а не трудъ людей.

„Генри Джорджъ говоритъ въ этой же книгѣ, что переведеніе всѣхъ налоговъ на ренту есть ничто иное, какъ сообразованіе самыхъ важныхъ общественныхъ мѣропріятій съ естественными законами (a conforming of the most important adjustments to natural laws). Онъ говоритъ, что мысль о томъ, что цѣнность земли (рента) должна быть употребляема на пользу всего общества, такъ же естественна для общества, какъ естественно для людей ходить на ногахъ, а не на рукахъ.

„И эту-то мысль не только всегда раздѣлялъ весь русскій земледѣльческій народъ, но и всегда приводилъ въ исполненіе, пока не мѣшало ему правительственное насиліе".

Толстой считаетъ книгу Джорджа прекраснѣйшимъ изъ всего написаннаго имъ по строгой логичности, неотразимости научныхъ доводовъ, по красотѣ языка и по искреннему, глубокому чувству любви къ истинѣ, добру и людямъ, которыми проникнуто все изложеніе. Исходя изъ идей о правѣ естественномъ каждаго человѣка на свободный трудъ и счастье и руководствуясь въ своихъ построеніяхъ вѣрой въ духовное совершенствованіе человѣчества на началахъ, указанныхъ Христомъ, Генри Джорджъ доказываетъ свою основную мысль отъ противнаго, обнаруживая тѣ уродливости, съ его точки зрѣнія, которыя существуютъ во всемъ мірѣ, благодаря неправильному распредѣленію богатствъ. Критическая сторона—вообще сильнѣйшая въ его книгѣ; слабѣйшая—способы осуществленія поставленнаго имъ идеала. Его задача—философская и моральная; его дѣло—*убѣдить* людей, и прежде всего своихъ соотечественниковъ, что источникъ главныхъ соціальныхъ бѣдъ—въ неестественномъ неравенствѣ распредѣленія богатства и прежде всего въ признаніи права на земельную собственность. „Все, что намъ нужно сдѣлать для достиженія справедливости въ распредѣленіи богатства, сводится къ тому, что всѣ теоріи согласно признаютъ основной функціей правительства—обезпечить за каждымъ

свободу пользованія своими силами, ограниченную лишь равной свободой другихъ людей; обезпечить за каждымъ пользованіе всѣми произведеніями своего труда, ограниченное лишь такими изъятіями, которыя можно по справедливости изъ него дѣлать для цѣлей общаго блага".

Сообразно съ этимъ складываются и общественныя задачи. Современная жизнь стала чрезвычайно сложной и для раціональнаго управленія общественными дѣлами требуетъ все бо̀льшаго и бо̀льшаго пониманія со стороны не меньшинства, а большинства. „Мы не можемъ безъ опасенія предоставить политику политиканамъ или политическую экономію университетскимъ профессорамъ. Народъ самъ долженъ думать, ибо только одинъ народъ можетъ дѣйствовать". Однако, пониманіе, которое требуется для участія въ общественныхъ дѣлахъ, не является просто дѣломъ разсудка. Подчеркивая съ одной стороны, что долгъ гражданина вовсе не простъ и легокъ, Джорджъ настаиваетъ на томъ, что это гражданское пониманіе должно быть согрѣто религіознымъ чувствомъ и горячей любовью къ страждущему человѣчеству: это сообщитъ ему силу неуклоннаго и самоотверженнаго исканія справедливости,—„ибо въ корнѣ каждаго общественнаго вопроса мы всегда найдемъ какую-нибудь общественную неправду".

Книга Джорджа заключаетъ въ себѣ 22 главы, изъ нихъ нѣкоторыя отвѣчаютъ на слѣдующія темы: „политическія опасности", „неправда въ существующихъ общественныхъ условіяхъ", „есть ли нашъ міръ наилучшій изъ всѣхъ міровъ?", „государственные займы и косвенные налоги", „обязанности правительства", „что̀ намъ дѣлать?" и др. Примѣры, которыми иллюстрируетъ Джорджъ свои положенія, беру̀тся имъ преимущественно изъ американской и англійской жизни, но они даются въ такомъ обобщеніи, что аналогіи и противоположенія рождаются сами собой. Въ его ученіи, между прочимъ, много общаго съ ученіемъ Толстого по аналогичнымъ вопросамъ, особенно характерна вѣра въ силу моральнаго убѣжденія и голосъ человѣческой совѣсти, просвѣтленной разумомъ. Но сочиненіе Джорджа болѣе основывается на фактахъ, чѣмъ на ихъ раціонализаціи, и вообще отличается болѣе конкретнымъ характеромъ. Переводъ г. Николаева читается легко, и издана книга, особенно принимая во вниманіе цѣну въ 40 коп. (278 стр.), вполнѣ добросовѣстно.

VI.

— Мультатули. Повѣсти, сказки, легенды. Переводъ Александры Чеботаревской. Книгоиздательство „Дѣло". Спб. 1907.—208 стр. in 8°. Ц. 1 р.

Мультатули—„многострадальный"—голландскій писатель Эдуардъ Деккеръ. Это—одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей недавняго про-

шлаго, съ біографіей и отрывками сочиненій котораго, въ русскомъ переводѣ, знакомитъ настоящая книжка. Основная черта его облика — порывъ къ свободѣ во имя любви и протестъ противъ гнета, въ какой бы формѣ онъ ни выражался. Жизнь Деккера была полна кипучей дѣятельности и борьбы. Прослуживъ въ колоніяхъ (на Суматрѣ, потомъ—Явѣ) семнадцать лѣтъ на всѣхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, до ассистента-резидента включительно, Деккеръ отдавалъ себя всего интересамъ и благу подчиненныхъ ему темнокожихъ, проявилъ чудеса храбрости, краснорѣчія, самоотверженія—и достигъ громаднаго вліянія на туземцевъ. Довѣрчивый и прямой, онъ принималъ сторону слабыхъ и угнетенныхъ, нажилъ много враговъ и—обыкновенная исторія—былъ удаленъ со службы, не совладавъ съ эксплуатаціей туземцевъ, отлившейся въ цѣлую бюрократическую систему. Однако онъ продолжаетъ добиваться справедливости, ѣдетъ въ Батавію искать правосудія у генералъ-губернатора. Но здѣсь онъ встрѣчается съ явленіемъ, характернымъ не для однѣхъ голландскихъ колоній. Ему не даютъ аудіенціи. „Его превосходительство боленъ. Хавелааръ (= Деккеръ) дожидается его выздоровленія. Его превосходительство черезчуръ занятъ. Онъ ждетъ еще. На новую просьбу ему отвѣчаютъ, что его превосходительство сдаетъ дѣла передъ отъѣздомъ въ Голландію"...

И для Деккера наступаютъ годы бореній и нужды. „Теперь я, Мультатули, берусь за перо", — пишетъ онъ въ своемъ знаменитомъ романѣ („Максъ Хавелааръ, или торговля кофе Голландскаго Торговаго Общества"), гдѣ разсказана исторія его борьбы. Онъ вывелъ въ своей книгѣ, въ лицѣ Дрогстоппеля, олицетвореніе грубаго мѣщанства, филистерства и ханжества, типичнаго поработителя-капиталиста. Деккеръ протестуетъ противъ „геройскихъ" подвиговъ безсердечія и корысти надъ несчастными, измученными людьми, доходящими въ отчаяніи до кровавыхъ возстаній. „Я хочу, чтобы меня читали,—говоритъ Деккеръ,—чтобы меня читали государственные дѣятели... литераторы... торговцы кофе, заинтересованные въ его сбытѣ... служанки, одолжающія мнѣ свои трудовые гроши... генералъ-губернаторы на покоѣ... министры на дѣйствительной службѣ... лакеи ихъ превосходительствъ... благочестивые пасторы, которые говорятъ, что я посягаю на Всевышняго, когда я возстаю противъ божка, созданнаго ими по своему подобію... тысячи и десятки тысячъ Дрогстоппелей, которые, сохраняя свое прежнее отношеніе къ окружающему, будутъ всѣхъ громче кричать о красотѣ моего произведенія... члены народнаго представительства, которые обязаны знать, что происходитъ за океаномъ, въ огромномъ государствѣ, принадлежащемъ Голландіи...

„Да, меня будутъ читать!"

Критика? Деккеръ не боится ея. „Книга пестра... въ ней нѣтъ соразмѣрности частей... погони за эффектомъ... слогъ неровенъ... мало таланта... нѣтъ системы.

„Хорошо, хорошо, все хорошо! *Но яванцевъ истязаютъ!*

„А поэтому опроверженіе главной идеи моего произведенія невозможно".

Русское изданіе предлагаетъ цѣлый рядъ отрывковъ изъ названной книги и другихъ сочиненій Мултатули. Это небольшіе разсказы, продиктованные вдохновеніемъ желчи, сила которыхъ направлена на все, чѣмъ держится буржуазная идеологія правящихъ классовъ. Въ цѣломъ рядѣ афористическихъ притчъ раскрываетъ Деккеръ жалкія и смѣшныя заблужденія, на которыхъ покоится современная общественная мораль. Общественная мораль — что̀ это такое, напримѣръ?

„Говорятъ, вы произвели на свѣтъ незаконнаго ребенка.

„Незаконный ребенокъ? Что̀ это значитъ? Развѣ такой ребенокъ не можетъ говорить, думать, любить, быть добрымъ... единственное назначеніе истиннаго человѣка? Развѣ онъ—чудовище?

...Вамъ будутъ говорить о нравственности, христіанствѣ. О скромности, о цѣломудріи. О предкахъ, которые никогда не грѣшили, о прабабушкахъ въ накрахмаленныхъ воротничкахъ и съ такими же взглядами на жизнь. Въ тюрьмѣ вашей вамъ будутъ говорить о благости Божіей!.. Въ вашемъ угнетеніи вамъ будутъ говорить о его всемогуществѣ! Объ обязанностяхъ къ обществу, и объ обязанностяхъ, налагаемыхъ религіей. О высокихъ и низкихъ, о крупныхъ и мелкихъ обязанностяхъ, словомъ... о всевозможныхъ обязанностяхъ. Будутъ вамъ говорить пошлыя вещи, облекая ихъ въ звонкія фразы. Будутъ вамъ говорить о вѣрѣ, о святости, о Божьемъ гнѣвѣ, о сокрушеніи, о грѣхѣ, о проклятіи, о приличіи...

„А я, сударыня, буду говорить вамъ о любви..."

Нравы—это модели, съ которыхъ сняты узоры добродѣтелей дня, это — мѣдныя клише сердца. Кто идетъ противъ нравовъ, тотъ слыветъ развращеннымъ и „рожденнымъ навыворотъ". А вѣра, предписывающая всевозможныя добродѣтели, — это добровольная одиночная тюрьма для разума.

Цѣлый радъ притчъ написанъ Деккеромъ на темы: — о доброй волѣ, о мудрости, о юриспруденціи, о томъ, что *знать* еще не значитъ дѣлать, о силѣ и хитрости, о безнравственности, объ ограниченности. „Нѣтъ человѣка, — говоритъ Деккеръ въ притчѣ объ изученіи источниковъ,—душевная исторія котораго не была бы значительнѣе, чѣмъ самый длинный и занимательно написанный романъ". Этотъ афоризмъ особенно примѣнимъ къ Деккеру, вся литературная дѣя-

тельность котораго пріобрѣтаетъ значеніе только въ связи съ эпизодами его тревожной и самоотверженной жизни.

Въ русской книгѣ его сочиненіямъ предпослано введеніе переводчицы г-жи А. Чеботаревской. „Ему (Деккеру),—говоритъ г-жа Чеботаревская въ концѣ своей статьи, — выпали на долю всѣ униженія мелочной нищеты, вплоть до просьбы о кускѣ хлѣба. Но этою бѣдностью онъ обогатилъ свой народъ. У ногъ этого нищаго былъ весь міръ, и изгнанникъ и скиталецъ—онъ съ большею увѣренностью велъ за собою толпы народа и указывалъ имъ путь, чѣмъ властитель Голландіи"...

VII.

— Eranos. Сборникъ статей по литературѣ и исторіи. Кіевъ. 1906.—435 стр. in 8°. Ц. 2 р.

Рядомъ со статьями узко-спеціальнаго характера, въ Сборникѣ находимъ нѣсколько работъ, представляющихъ болѣе или менѣе общій историко-литературный интересъ. Такова прежде всего замѣтка Н. Ѳ. Сумцова о „Джиннахъ" В. Гюго и переводѣ ихъ, сдѣланномъ г. Тхоржевскимъ. Начавъ съ указанія, что названное стихотвореніе Гюго (въ „Les Orientales") перевести трудно, почти невозможно, г. Сумцовъ детально останавливается на переводѣ-подражаніи г. Тхоржевскаго и анализируетъ его достоинства и недостатки. О французскомъ подлинникѣ г. Сумцовъ говоритъ: „немного найдется стихотвореній, въ которыхъ на небольшомъ пространствѣ было разсѣяно такъ много художественныхъ образовъ и чрезвычайно смѣлой и мастерской игры синонимами и созвучіями.

Mer grise,
Où brise
La brise...

...Déjà s'éteint ma lampe
Et l'ombre de la rampe,
Qui le long du mur rampe...

Необыкновенная гибкость языка обнаруживается въ этихъ созвучныхъ окончаніяхъ глаголовъ и именъ существительныхъ. Поэтъ даетъ возможность чувствовать звукъ въ самомъ сочетаніи словъ. Нужны были столѣтія словесной работы, чтобы выковать изъ языка такое мѣткое и послушное орудіе для чувства и мысли, какое даетъ В. Гюго въ „Джиннахъ".

Г. Клингеръ далъ интересный этюдъ на тему „Амброзія и живая вода". Разсмотрѣвъ роль нектара и амброзіи въ миѳологіи грековъ и

позднѣйшія объяснительныя теоріи, критика которыхъ дала автору право заключить, что нектаръ и амброзія не имѣютъ ничего общаго ни съ водой Леты или Стикса, ни съ медомъ, какъ это доказывали нѣкоторые ученые. Задавая вопросъ, чѣмъ же въ сущности является этотъ загадочный образъ, авторъ устанавливаетъ его непосредственную связь съ „живой водой“ (fons vivus, aqua viva) нашихъ сказокъ. Какъ въ нашихъ сказкахъ, живая вода древнихъ имѣетъ способность лечить раны, уничтожать физическую боль, обновлять все дряхлое, старое, оживлять мертвое, давать безсмертіе. Какъ въ нашихъ сказкахъ, она обыкновенно связана съ чудеснымъ деревомъ, чаще всего яблоней („молодильныя яблоки“). Дальнѣйшую судьбу мнѣа г. Клингеръ представляетъ слѣдующимъ образомъ. Нектаръ и амброзія представляютъ собой образы, стоящіе въ связи съ идеализаціей земного существованія. И нектару и амброзіи, каждому порознь и взятымъ вмѣстѣ, приписывались чудесныя свойства, превращавшія человѣка въ бога, и богамъ дававшія безсмертіе. Каждое изъ этихъ двухъ представленій — нектаръ и амброзія,—нѣкогда составлявшихъ одно цѣлое, имѣло свою особую, полную превратностей исторію. Одно изъ нихъ явилось пищей боговъ и въ области „низшей миѳологіи“ породило нѣкоторыя суевѣрія народной медицины, давъ начало сказкѣ объ оживляющемъ зельѣ, сказкѣ, сохранившейся въ народномъ творчествѣ и до сихъ поръ. Также и священныя сказанія о чудесномъ источникѣ перешли въ народное творчество въ сказкахъ о „живой водѣ“, перенеся область дѣйствія съ неба на землю. „Затѣмъ, когда съ измѣненіемъ представленій грековъ о загробной жизни „страна блаженства“ перенесена была въ подземный міръ, чудесный источникъ очутился тамъ же, и въ противоположность Летѣ, одной изъ традиціонныхъ рѣкъ страны тѣней,—водѣ забвенія,—получилъ краснорѣчивое названіе Мнемозины, т. е. воспоминанія, а въ связи съ представленіемъ о жаждѣ покинувшихъ тѣло душъ—названіе „холодной“ воды, отчего самое мѣсто загробнаго блаженства было названо „мѣстомъ прохлады“ (locus refrigerii). Въ послѣдней формѣ наше представленіе также оказалось весьма живучимъ. Оно удержалось до самаго конца древности и, наконецъ, оставило замѣтные слѣды въ христіанской „эпиграфикѣ и даже въ литургическихъ текстахъ“.

Г. Якубанисъ остановился на вопросѣ объ отзвукахъ платонизма въ лирикѣ Шиллера. Въ этомъ очеркѣ, нѣсколько расплывчатомъ, авторъ подмѣчаетъ нѣкоторыя черты сходства между Шиллеромъ и Платономъ, какъ въ отвлеченныхъ понятіяхъ и идеяхъ, такъ и въ характерѣ самыхъ выраженій, въ конкретныхъ образахъ мышленія. Этимъ сходствомъ далеко, однако, не исчерпывается ихъ духовное сродство. Это сродство обнаруживается не только въ созданіяхъ поэ-

тической и философской мысли обоихъ геніевъ, но и въ ихъ внѣшней дѣятельности, въ ихъ личной жизни. Въ числѣ прочихъ авторъ отмѣчаетъ такія черты духовнаго сродства: „Оба они были идеалистами въ теоріи и на практикѣ; оба начали свою литературную дѣятельность съ протеста противъ современнаго имъ общества; оба задавались возвышенными цѣлями — перевоспитать человѣчество ради его собственнаго блага; оба, несмотря на неудачи и временныя разочарованія, до конца оставались вѣрны идеаламъ, которымъ служили".

Г. Лукьяненко разсмотрѣлъ изображенія эпохи смутнаго времени на Руси у Шиллера, Пушкина и Островскаго. Характеристикѣ и сопоставленію „Demetrius"'а, незаконченнаго произведенія Шиллера (въ періодъ созданія котораго онъ умеръ), Пушкинскаго „Бориса Годунова" и драматическихъ хроникъ Островскаго посвящена работа автора. Можно пожалѣть только, что авторъ не ввелъ въ кругъ своего изслѣдованія и Алексѣя Толстого. М. Н. Сперанскій далъ статью на тему „Н. В. Гоголь — переводчикъ". Разсмотрѣвъ отношеніе Гоголя къ иностраннымъ писателямъ, авторъ приходитъ къ выводу, что Гоголь не только зналъ, но и сумѣлъ глубоко оцѣнить иностранную литературу въ лицѣ ея крупнѣйшихъ представителей. „Этимъ устраняется подозрѣніе,— говоритъ авторъ,—въ довольно поверхностномъ знакомствѣ съ нею у писателя: онъ не только зналъ эту литературу, не только умѣлъ цѣнить, но умѣлъ и выбирать изъ нея для русской литературы, дѣйствительно, лучшее, соотвѣтствовавшее ея потребностямъ. И внѣшній поводъ къ скептицизму въ этомъ отношеніи—якобы плохое знаніе иноземныхъ языковъ—падаетъ: если можно относиться, въ виду общаго характера дѣтскихъ и школьныхъ писемъ Гоголя, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ къ его заявленію о чтеніи имъ Шиллера, то сомнѣваться въ знаніи, и основательномъ, Гоголемъ языка французскаго невозможно... Наконецъ, знаніе итальянскаго языка, и опять-таки основательное, не только подтверждается свѣдѣніями объ изученіи этого языка Гоголемъ, но и письмами Гоголя на итальянскомъ языкѣ..."

Изъ другихъ произведеній Сборника отмѣтимъ статьи гг. Флоринскаго „Славянофильство Т. Г. Шевченко" и А. И. Соини—„Горе и доля въ народной сказкѣ". Въ небольшой замѣткѣ—„Новѣйшія сужденія о Шопенгауэрѣ"—г. Бокодоровъ подводитъ итоги тому, что внесъ Шопенгауэръ въ философское самосознаніе эпохи съ критико-исторической точки зрѣнія. „Слѣдуя за Нитче, критика ясно установила на Шопенгауэра тотъ взглядъ, по которому этотъ философъ при всѣхъ своихъ діалектическихъ и личныхъ недостаткахъ внесъ въ метафизику царство правды. Послѣ Шопенгауэра даже самая стройная, самая великолѣпная система мыслителя разсматривается какъ

индивидуальная его мечта, какъ игра характера и воли мыслителя, роковымъ образомъ подчиняющей себѣ его разумъ. При этомъ Шопенгауэръ совершенно справедливо въ тайныхъ и явныхъ мотивахъ воли мыслителя указалъ истинныя пружины всѣхъ субъективныхъ особенностей философскихъ системъ. Метафизика упала съ небесъ на землю и стала разсматриваться, какъ благородная прихоть или художественный капризъ философскихъ системъ. Шопенгауэръ предлагаетъ людямъ повнимательнѣе относиться къ себѣ, вмѣсто объективной истины онъ рекомендовалъ человѣку тщательный контроль за самимъ собою, при которомъ человѣкъ скорѣе пойметъ смыслъ своей жизни. Царство правды и искренности—девизъ философіи Шопенгауэра".

Сборникъ изданъ въ честь извѣстнаго изслѣдователя русской и всеобщей литературы Н. П. Дашкевича и открывается спискомъ его ученыхъ трудовъ.—Евг. Л.

VIII.

— Петръ Вейнбергъ. Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ. Спб. 1907 г. Стр. 368.—Ц. 1 р. 50 к.

Обиліе фактическаго матеріала, живое и интересное изложеніе—основныя свойства книги г. Вейнберга. Знакомя съ цѣлыми литературными теченіями Запада, книги г. Вейнберга привлекательны, кромѣ того, его живымъ отношеніемъ къ общественнымъ вопросамъ. Литература тѣсно связана у автора съ жизнью; его вниманіе сосредоточено по преимуществу на такихъ моментахъ литературной жизни, когда она является непосредственной выразительницей освободительныхъ идей, опредѣляющихъ всѣ сферы общественной дѣятельности.

Книга г. Вейнберга составилась изъ его статей, помѣщавшихся въ разныхъ журналахъ, а также изъ нѣсколькихъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ разное время. Самые интересные очерки въ ней относятся къ той эпохѣ, которая составляетъ главный предметъ изученія автора къ нѣмецкой литературѣ, періода „бури и натиска", а также къ нѣмецкой литературѣ начала XIX вѣка, къ такъ назыв. движенію „Молодой Германіи".

Особый интересъ представляетъ для настоящаго момента первый очеркъ въ книгѣ, посвященный политическому поэту Фрейлиграту. Все, что̀ г. Вейнбергъ разсказываетъ о знаменитомъ пѣвцѣ революціи 1848 года, кажется чрезвычайно близкимъ къ переживаемому у насъ теперь моменту. Любопытно, напримѣръ, описаніе внутренней эволюціи въ „пѣвцѣ свободы". Еще въ 1842 году онъ полемизировалъ съ Гервегомъ, осуждалъ его чрезмѣрную партійность, написалъ знамени-

тые стихи о томъ, что „поэтъ долженъ стоять на болѣе высокой башнѣ, чѣмъ на крѣпостныхъ стѣнахъ партіи“ (Der Dichter steht auf einer höhern Warte, als auf den Zinnen der Partei),—а уже въ 1844 году его охватываетъ духъ протеста, онъ перестаетъ пользоваться пенсіей и становится знаменитымъ поэтомъ революціонной Германіи, подвергается гоненіямъ, испытываетъ изгнаніе и т. д. Любопытный и поучительный примѣръ для нашего времени, когда удивляются мятежнымъ настроеніямъ поэтовъ, залившихъ себя прежде эстетами и философами. Много любопытнаго — тоже по примѣненію къ нашему моменту — читатель найдетъ въ очеркѣ о „Молодой Германіи“, гдѣ подробно излагается исторія преслѣдованій, которымъ подвергались писатели того времени. Впрочемъ, этихъ писателей авторъ очерка вовсе не изображаетъ героями, и ему приходится отмѣчать много фактовъ, не говорящихъ въ пользу гражданскаго мужества иныхъ оппозиціонныхъ поэтовъ; но повѣсть о преслѣдованіи свободной мысли не становится отъ этого менѣе трагической и читается теперь съ волненіемъ, какъ доказательство вѣчной борьбы между духомъ и силой въ человѣческомъ обществѣ.

Кромѣ этихъ очерковъ, въ книгѣ г. Вейнберга есть нѣсколько другихъ, не менѣе содержательныхъ этюдовъ о Бёрнсѣ, о Шелли, о Ленау—и во всѣхъ нихъ живо сказывается интересъ къ тѣмъ сторонамъ ихъ творчества, въ которыхъ они близки къ общественнымъ запросамъ, къ борьбѣ за свободу — въ самомъ широкомъ пониманіи этого слова.—З. В.

IX.

— Н. Карѣевъ. Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. Очеркъ развитія соціальнаго строя и политическихъ учрежденій въ Западной Европѣ. Спб., 1906. Стр. 376 + LXVI.

Н. И. Карѣевъ задался интересной задачей охватить всю исторію культурныхъ государствъ съ древнѣйшихъ временъ, выдѣлить главные и наиболѣе характерные типы государственныхъ формъ и политическихъ учрежденій, ихъ основныя черты и исторію ихъ развитія и распаденія и подвести подъ эти типы все многообразіе ихъ видовыхъ измѣненій въ конкретной исторіи различныхъ государствъ и эпохъ. Авторъ видитъ во всемірной исторіи слѣдующіе основные типы государственнаго устройства: государство-городъ, т.-е. городскую республику, гдѣ верховная власть принадлежала самому гражданству (греческія государства въ античной исторіи; многочисленные города въ средніе вѣка); затѣмъ абсолютную монархію—деспотію древняго міра (съ разными измѣненіями существующую и въ средніе вѣка, и въ

новое время, преимущественно въ XVI—XVIII вв.; римская имперія представляетъ соединеніе первой и второй формы); „варварское" государство на зарѣ исторіи народовъ, когда государство только начинаетъ еще складываться (напр. германскія государства въ раннее средневѣковье, еврейскій народъ во время судей, ранніе періоды славянскихъ княжествъ); помѣстье-государство, т.-е. государство въ эпоху феодализма; сословно-представительную монархію (во вторую половину среднихъ вѣковъ и отчасти въ новое время), составляющую промежуточную ступень между помѣстьемъ-государствомъ и абсолютной монархіей новаго времени; и наконецъ—современное правовое государство, въ понятіи котораго обобщается и конституціонная монархія, и представительныя республики нашего времени. Настоящая книга является третьей въ общемъ трудѣ: уже прежде вышли „Государство-городъ античнаго міра" и „Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра". Въ „Помѣстьѣ-государствѣ" авторъ желаетъ прослѣдить эволюцію двухъ политическихъ формъ, наполняющихъ собою исторію средневѣковаго Запада. Первая форма – это тѣ безформенные, на первый взглядъ не подходящіе ни подъ какія государственныя рамки, безчисленные политическіе организмы, на которые распались государства Западной Европы въ эпоху феодализма. Авторъ подробно разсматриваетъ конструкцію государственной власти и соціальный строй за тотъ періодъ X—XI и слѣд. вѣковъ во Франціи, Германіи, Италіи, Испаніи и отчасти Англіи, когда центральная государственная власть существовала почти только по имени, а на дѣлѣ распалась и перешла къ владѣльцамъ отдѣльныхъ маленькихъ территорій, когда каждый помѣщикъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и государемъ, когда „государственная власть была лишь аттрибутомъ землевладѣнія". Эту государственную форму, называемую въ наукѣ феодальной сеньёріей, авторъ по аналогіи съ „государствомъ-городомъ" античнаго міра удачно опредѣляетъ терминомъ „помѣстье-государство". При этомъ авторъ подробно разбираетъ строй „помѣстья-государства", знакомится съ внутреннимъ строемъ феодальнаго помѣстья, съ составомъ и положеніемъ его населенія, съ судьбою городовъ въ эпоху развитія феодализма, съ выдѣленіемъ города изъ помѣстья-государства; при этомъ онъ особенно останавливается на положеніи безправной крестьянской массы въ условіяхъ крѣпостного права.

Такимъ образомъ, еслибы ничто и нигдѣ не задерживало процесса „раскрѣпощенія" государствъ, то европейскія страны покрылись бы массою совершенно обособленныхъ одна отъ другой соціальныхъ группъ съ замкнутымъ хозяйствомъ, и Европа вернулась бы почти къ догосударственному быту варварскихъ народовъ. Но до этого дѣло не дошло. Проф. Карѣевъ разсматриваетъ подробно ту „надстройку надъ

помѣстьями-государствами", которая называется феодальной монархіей: онъ изслѣдуетъ всѣ оставшіяся старыя связи между отдѣльными территоріями, подробно изображаетъ нарожденіе новыхъ; онъ воспроизводитъ постепенный процессъ подчиненія всѣхъ земельныхъ собственниковъ подъ власть болѣе сильныхъ и крупныхъ владѣльцевъ и созданіе „лѣстницы" феодальныхъ сеньёровъ, стоящихъ въ вассальной зависимости одинъ отъ другого (князей, графовъ, епископовъ, бароновъ, рыцарей и др. свободныхъ землевладѣльцевъ) съ королемъ, какъ гласнымъ земельнымъ собственникомъ и „всеобщимъ сеньёромъ", во главѣ. Этотъ процессъ созданія феодальной монархіи начинается съ XII в. въ трехъ главныхъ странахъ, на которыя въ свое время распалась монархія Карла Великаго — во Франціи, Германіи и отчасти Италіи. Въ Англіи политическій феодализмъ (распаденіе государства) никогда не достигалъ такихъ размѣровъ; но въ соціальной и экономической области она тоже имѣла свой феодальный періодъ.

Далѣе авторъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ два высшихъ привилегированныхъ сословія (дворянство и духовенство), вмѣстѣ съ постепенно присоединяющимися къ нимъ горожанами, въ силу своей соціальной и экономической мощи не позволяютъ еще королю сдѣлаться абсолютнымъ монархомъ, и государи должны въ той или иной мѣрѣ дѣлиться властью съ представительными собраніями, состоящими изъ членовъ двухъ, а затѣмъ и трехъ высшихъ сословій. Такимъ образомъ, въ исторіи Запада мы между эпохой феодальной монархіи и эпохой королевскаго абсолютизма должны помѣстить цѣлую эпоху *сословной* или сословно-представительной *монархіи*. Изученію этой новой государственной формы посвящена вторая половина книги. Н. И. Карѣевъ подробно останавливается на исторіи этой государственной формы, разсматриваетъ сословно-представительныя собранія всѣхъ европейскихъ государствъ, ихъ различный составъ и компетенцію, тяжелый кризисъ, который пришлось имъ перенести повсемѣстно, основныя причины постепеннаго упадка многихъ изъ нихъ, причины ихъ безсилія противъ растущаго королевскаго абсолютизма. Съ особеннымъ вниманіемъ авторъ изображаетъ исторію двухъ средневѣковыхъ представительствъ—французскихъ генеральныхъ штатовъ и англійскаго парламента, такъ какъ „въ исторіи сословной монархіи они представляются какъ бы двумя полярными явленіями, образчиками двухъ разныхъ типовъ эволюціи сословной монархіи—къ абсолютизму, съ одной стороны, и къ конституціонализму—съ другой" (стр. 225). И дѣйствительно, результаты этихъ историческихъ процессовъ въ обѣихъ странахъ были противоположны: въ Англіи изъ борьбы съ абсолютизмомъ (высшая точка борьбы—эпоха обѣихъ англійскихъ революцій въ XVII ст.) побѣдителемъ вышелъ парламентъ, „и это случилось

какъ разъ въ то самое время, когда во Франціи, наоборотъ, царствовалъ самый типичный представитель абсолютизма"—Людовикъ XIV (стр. 281).

Сословная монархія почти вездѣ уступила мѣсто монархіи абсолютной (во Франціи, Испаніи, германскихъ и итальянскихъ княжествахъ и т. д.). Феодализмъ, какъ *политическое* явленіе, понемногу былъ замѣненъ абсолютной формой власти. Но феодализмъ соціальный, юридическій и экономическій (привилегіи двухъ высшихъ сословій, безправіе крестьянской массы, связь королевской власти съ интересами аристократіи) еще долго не исчезалъ съ арены исторіи, и въ этомъ отношеніи элементы сословной монархіи средвихъ вѣковъ вошли и въ абсолютную монархію и дошли даже до нашихъ дней, правда, почти окончательно потерпѣвъ крушеніе во Франціи въ эпоху революціи 1789 г. и въ остальной Европѣ въ революцію 1848 г. Постепенному уничтоженію этихъ феодальныхъ пережитковъ въ нашъ вѣкъ посвящены послѣднія страницы разсматриваемаго нами труда.

Въ приложеніяхъ, помимо указавія литературы по основнымъ вопросамъ, затронутымъ въ книгѣ, даны еще два сводныхъ очерка по интереснымъ для русскаго читателя темамъ: 1) вопросъ о феодализмѣ въ древней Руси и 2) вопросъ о сходствѣ русскихъ земскихъ соборовъ съ сословными сеймами Запада. Авторъ сопоставляетъ существующую, правда—скудную, литературу по этимъ вопросамъ, и изъ различныхъ мнѣній (П. Н. Милюкова, проф. В. О. Ключевскаго, г.г. Рожкова, Тарановскаго, В. И. Сергѣевича, Латкина, Павлова-Сильванскаго) можно придти къ слѣдующимъ выводамъ. Несомнѣнно, въ удѣльный періодъ (и отчасти позднѣе) наблюдается въ условіяхъ политическаго, соціальнаго и экономическаго быта много элементовъ сходства съ западно-европейскимъ феодализмомъ (главное—фактъ соединенія правительственной власти съ крупнымъ землевладѣніемъ и смѣшеніе политическаго и частнаго господства сильнаго надъ слабымъ); но рядъ видовыхъ отличій, различные результаты процесса и особенный характеръ русскаго вассалитета—боярской службы—не позволяютъ безъ оговорокъ примѣнять въ русской исторіи термина „феодализмъ". Лишь въ одной мѣстности Россіи—въ литовско-русскомъ государствѣ мы видимъ типичный феодальный строй. Что касается вопроса о земскихъ соборахъ, то важно отмѣтить извѣстное мнѣніе проф. Ключевскаго, что наши соборы XVI в. были собраніями не выборныхъ представителей, а лишь правительственныхъ агентовъ; но „составъ собора съ каждымъ созывомъ становился сложнѣе, все шире захватывалъ общество", „уяснялась самая идея народнаго представительства", и въ XVII в. соборъ развился въ „настоящее представительное собраніе". Эта эволюція позволяетъ Н. И. Карѣеву срав-

нить наши соборы съ французскими генеральными штатами, которые тоже были первоначально собраніями властей и лишь постепенно превратились въ собранія выборныхъ представителей общества.

Интересны въ книгѣ и главы-экскурсы, посвященныя нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ, важнымъ для общей темы: опредѣленіе слова „феодализмъ", глава о средневѣковомъ городѣ и др. Читателю можетъ показаться запутаннымъ изображеніе экономическихъ и соціальныхъ условій феодальнаго строя; но это какъ разъ вѣрно показываетъ то, дѣйствительно, обширное разнообразіе элементовъ, условій, законовъ, обычаевъ, быта, которое едва позволяетъ выдѣлить въ феодализмѣ разныхъ эпохъ, мѣстностей и странъ его основныя общія черты.—П. Ш-ій.

X.

— Д. Менделѣевъ. Къ познанію Россіи. Спб. 1906, стр. 157. Ц. 1 р.

Нашъ всемірно-знаменитый химикъ и вмѣстѣ весьма извѣстный писатель по экономическимъ вопросамъ Россіи, Дм. Ив. Менделѣевъ, выпустилъ недавно новое литературное произведеніе, которое не должно пройти неотмѣченнымъ въ литературной хроникѣ. Мы говоримъ о книжкѣ, названной въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Книжка эта представляетъ интересъ не въ основной, такъ сказать, своей части, посвященной нѣкоторымъ сторонамъ жизни Россіи, очереднымъ ея задачамъ и средствамъ ихъ осуществленія. Личныя мнѣнія автора о послѣднихъ вопросахъ, обильно разсѣянныя въ книжкѣ, вопреки обѣщанію ограничиваться тѣмъ, „что представляетъ признаки объективности и такой точности, какая доступна нашему времени", — достаточно извѣстны изъ прежнихъ его произведеній. Но пробѣлы экономическихъ и статистическихъ познаній автора все-таки даютъ достаточно о себѣ знать для того, чтобы объективная характеристика хозяйственнаго положенія Россіи—насколько она выходитъ изъ границъ всѣмъ извѣстнаго — могла представлять особый научный интересъ. Такъ, Д. И. Менделѣевъ отзывается съ похвалою о достоинствахъ изданія, заключающаго сводъ данныхъ первой всероссійской переписи населенія, между тѣмъ какъ по всему, что извѣстно на этотъ счетъ изъ компетентныхъ источниковъ, слѣдуетъ полагать, что пріемами разработки данныхъ этой переписи послѣдняя была въ значительной степени испорчена. Будучи приверженцемъ покровительственной политики, авторъ одобряетъ покойнаго министра финансовъ, Вышнеградскаго, за политику „разумнаго", будто бы, протекціонизма, несмотря на то, что этотъ министръ повышалъ таможенныя пошлины,

сообразуясь не съ интересами внутренней промышленности (и часто даже нарушая эти интересы), а съ поставленной имъ себѣ задачей удержанія золота въ странѣ, ради осуществленія задуманной имъ реформы денежнаго обращенія. „Покровительственная" политика Вышнеградскаго настолько мало сообразовалась съ интересами русской промышленности, что когда его преемникъ вступилъ на путь дѣйствительнаго поощренія новыхъ промышленныхъ предпріятій—онъ началъ съ пониженія пошлинъ на иностранные продукты, безъ которыхъ нельзя было цѣлесообразно оборудовать многіе наши заводы и фабрики.

Если указанными фактами рисуется недостатокъ освѣдомленности автора въ области экономическихъ явленій вообще, то нижеслѣдующій фактъ неполнаго знакомства его съ нашей статистической литературой отразился непосредственно на краскахъ нарисованной имъ общей картины національнаго хозяйства Россіи. Авторъ не обратилъ вниманія на общеизвѣстный и указанный въ самомъ изданіи „Переписи" дефектъ этого источника статистическихъ матеріаловъ, заключающійся въ томъ, что въ графахъ о „самостоятельномъ" (прилагающемъ силу къ производству, службѣ и т. д.) населеніи показаны не всѣ дѣйствующіе въ области сельскаго хозяйства работники, а лишь домохозяева или распорядители земельныхъ надѣловъ. Если же вы пожелаете опредѣлить, на основаніи различныхъ соображеній, все число взрослыхъ лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, то вамъ придется чуть не удвоить цифру переписи. Упустивъ изъ виду это обстоятельство и подведя на основаніи переписи итогъ рабочимъ силамъ, затрачиваемымъ у насъ на производство, Д. И. Менделѣевъ получилъ, конечно, число, далеко отстающее отъ дѣйствительности. Это неточное число онъ затѣмъ сопоставлялъ съ аналогичными данными переписей иностранныхъ государствъ и пришелъ къ не совсѣмъ правильному заключенію, что, сравнительно съ другими странами, „у насъ трудятся, въ среднемъ, очень немного", и что именно здѣсь „надо искать корень всѣхъ нашихъ бѣдъ и всей нашей бѣдности" (стр. 122).

Повторимъ еще разъ: книжка „Къ познанію Россіи" весьма интересна, но не обобщеніями и взглядами автора въ вопросахъ экономическаго развитія Россіи, и не тѣми ея отдѣлами, гдѣ онъ выступаетъ въ роли соціолога. Она обращаетъ на себя особенное вниманіе тѣми двумя главами, гдѣ автору приходилось оперировать надъ данными скорѣе естественно-историческаго, чѣмъ соціальнаго характера. Мы говоримъ здѣсь о попыткахъ нашего знаменитаго естествовѣда и химика составить болѣе отвѣчающую своему назначенію географическую карту Россійской имперіи и опредѣлить центры населенности всей Россіи и отдѣльныхъ ея областей. То и другое пред-

пріятіе потребовали массы труда, и Д. И. Менделѣевъ оказался въ состояніи выполнить ихъ какъ нельзя лучше.

Опредѣленіе центра населенности страны производится послѣ каждой переписи населенія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, повторяющейся, какъ извѣстно, черезъ каждыя 10 лѣтъ. Первая перепись была здѣсь произведена въ 1790 г., а послѣдняя—въ 1900 году. Въ 1790 г. центръ населенности Соединенныхъ Штатовъ находился около 39° сѣверной широты близъ береговъ Атлантическаго океана; къ 1900 г. онъ перемѣстился по этой параллели почти на 11° или на 786 верстъ къ западу. Д. И. Менделѣевъ задался цѣлью опредѣлить такой центръ и для Россіи. Пріемы для подобнаго опредѣленія онъ заимствовалъ изъ ученія о центрѣ тяжести и центрѣ поверхности. Центръ тяжести тѣла, составленнаго изъ неравномѣрно плотныхъ частей, можно опредѣлить вычисленіемъ, если извѣстны центры тяжести всѣхъ этихъ частей. Тѣ же пріемы можно примѣнить и къ опредѣленію центра населенности страны съ неодинаковою во всѣхъ ея частяхъ плотностью населенія. Для этого нужно предварительно раздѣлить страну (карту ея) на районы съ равномѣрнымъ въ каждомъ изъ нихъ разселеніемъ жителей и опредѣлить общеизвѣстными способами центръ поверхности (или тяжести) каждаго района, который будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и центромъ его населенности. Такими элементарными районами при опредѣленіи центра населенности Россіи Д. И. Менделѣевъ принималъ уѣзды (выдѣляя города въ самостоятельные районы) и предполагалъ, что плотность населенія во всѣхъ частяхъ послѣдняго одинакова. Если преслѣдовать цѣль возможно точнаго опредѣленія центра населенности, то нѣкоторые большіе уѣзды пришлось бы разбить на части. Но такая работа подъ силу уже не отдѣльному лицу, а цѣлому учрежденію. Описанными пріемами авторъ совершенно точно могъ опредѣлить центръ поверхности и населенности каждой губерніи и всей Россійской имперіи. Вслѣдствіе неравномѣрной плотности населенія, оба эти центра для всей Россіи находятся на очень далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Центръ поверхности нашей страны лежитъ южнѣе г. Туруханска, енисейской губ., вблизи отъ сѣвернаго полярнаго круга; а центръ населенности въ 1897 г. приходился на тамбовскую губ., между г.г. Козловомъ и Моршанскомъ. Центръ населенности въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки перемѣщается, какъ мы видѣли, на западъ; врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ Россіи онъ будетъ подвигаться въ направленіи рѣдко населеннаго въ данный моментъ востока.

Другое высоко интересное предпріятіе, выполненное Д. И. Менделѣевымъ, это—составленіе географической карты Россіи. Мысль о новой картѣ Россіи явилась у почтеннаго ученаго потому, что на обычной

картѣ Россійской имперіи въ центрѣ, прямо передъ глазами читателя, находятся полупустынныя азіатскія степи, а Европейская Россія оказывается гдѣ-то на отлетѣ, отчего „получается впечатлѣніе о Россіи, какъ странѣ по преимуществу азіатской". Такъ какъ географическая карта употребляется не для того лишь, чтобы судить о пространствѣ и другихъ естественныхъ фактахъ, а должна облегчать наглядное представленіе о странѣ, какъ о нѣкоей культурно-государственной единицѣ, то удовлетворяющая своему назначенію карта Россійской имперіи должна выдвинуть на первый планъ наиболѣе населенную, промышленную и культурную ея часть—европейскую Россію. Составленіемъ такой карты и задался Д. И. Менделѣевъ; и это казалось ему тѣмъ болѣе желательнымъ, что удовлетворительная географическая карта составлена (покойнымъ Чебышевымъ) лишь для европейской Россіи. Дѣло спеціалистовъ высказаться относительно того, насколько удовлетворительно выполнено это предпріятіе нашего ученаго; мы же не можемъ не выразить удивленія той энергіи, какую на склонѣ лѣтъ проявляетъ нашъ маститый естествовѣдъ. Эта энергія, правда, не всегда направляется по линіи наибольшей полезности; но какъ бы мы ни относились къ чисто экономическимъ трудамъ г. Менделѣева, нельзя забывать, что въ своихъ работахъ онъ руководится горячимъ желаніемъ добра своему отечеству, и что за нимъ числятся громадныя заслуги по изслѣдованію и своевременной, хотя бы иногда и нѣсколько преувеличенной оцѣнкѣ экономическаго значенія нашихъ подземныхъ богатствъ, вродѣ кавказскихъ нефтяныхъ источниковъ, донецкихъ минеральныхъ залежей и т. п.

XI.

— Статистическія свѣдѣнія по земельному вопросу въ европейской Россіи. Спб. 1906.

Оживленіе книжнаго рынка въ послѣдніе два года выразилось, между прочимъ, обиліемъ книгъ и брошюръ, наполненныхъ болѣе или менѣе обработанными цифровыми данными относительно аграрныхъ отношеній въ Россіи. Въ числѣ этихъ книгъ и брошюръ имѣются и изданія, представляющія болѣе или менѣе удобно сведенный основной цифровой матеріалъ, для разныхъ соображеній по аграрному вопросу. Такое вниманіе къ сухому языку цифръ очень характерно для переживаемаго момента. Всѣ сознаютъ, что наступило время окончательнаго рѣшенія жгучаго аграрнаго вопроса; что это рѣшеніе будетъ дѣломъ не однѣхъ чиновничьихъ канцелярій, а всего общества; и всѣ заинтересовались тѣми матеріалами, помощью коихъ можно освѣтить современное состояніе этого вопроса. При такихъ обстоятельствахъ обща-

литература не можетъ уклоняться отъ отзывовъ о сборникахъ самихъ сухихъ статистическихъ матеріаловъ. Новѣйшимъ изданіемъ этого рода является книга, названная въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Этотъ сводъ статистическихъ свѣдѣній составленъ отдѣломъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Книга заключаетъ рядъ таблицъ, касающихся населенія и землевладѣнія 50-ти губерній европейской Россіи. Свѣдѣнія по этимъ предметамъ (почерпнутыя главнымъ образомъ изъ всероссійской переписи населенія въ 1897 г. и изъ поземельной статистики центральнаго статистическаго комитета) сгруппированы въ таблицахъ двоякаго рода. Таблицы, названныя основными, имѣютъ видъ обыкновенныхъ таблицъ этого рода, въ коихъ наименованія губерній слѣдуютъ одно за другимъ въ вертикальномъ порядкѣ; соотвѣтствующія имъ данныя помѣщаются по горизонтальной линіи въ прочихъ вертикальныхъ графахъ. Основное дѣленіе этихъ таблицъ есть, слѣдовательно, дѣленіе по предметамъ (населеніе, надѣльное землевладѣніе, частное и т. д.), и данныя, касающіяся одной какой-либо губерніи, размѣщены въ разныхъ мѣстахъ, въ разныхъ отдѣлахъ или таблицахъ. Но кромѣ этого, въ изданіи имѣются еще таблицы погубернскія, въ коихъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся одной губерніи, помѣщены вмѣстѣ на четырехъ большихъ страницахъ мелкой печати и гдѣ кромѣ свѣдѣній, перенесенныхъ изъ основныхъ таблицъ, находятся и нѣкоторыя новыя (сборъ хлѣбовъ, численность скота, свѣдѣнія о почвахъ и т. п.). Назначеніе этого отдѣла—облегчить пользованіе цифровымъ матеріаломъ въ случаяхъ работы надъ данными, касающимися отдѣльныхъ губерній. Нельзя не оцѣнить такой заботливости объ удобствѣ пользованія изданіемъ. Но если принять во вниманіе, что изъ 250 страницъ книги только 50 страницъ отведены основнымъ таблицамъ, а 200 — погубернскимъ; что изъ послѣднихъ двухсотъ страницъ 50 заключаютъ новыя свѣдѣнія, а 150 наполнены цифрами, уже помѣщенными въ основныхъ таблицахъ, т.-е., что большая половина (3/5) книги, не заключая новыхъ данныхъ, назначена исключительно для облегченія нѣкоторыхъ читателей разсматриваемаго изданія; если принять во вниманіе такую расточительность издателей ради второстепенныхъ, такъ сказать, потребностей читателя, то мы совершенно въ правѣ надѣяться, что не будетъ соблюдаться ничтожная экономія мѣста, если нужно удовлетворить важнѣйшія его требованія. Въ данномъ же случаѣ мы не видимъ соблюденія этого условія, и въ новомъ изданіи отдѣла сельской экономіи повторенъ тотъ же недостатокъ, на который было указано при выпускѣ имъ нѣсколько лѣтъ назадъ, „Свода стат. свѣд. по сельск. хоз. Россіи къ концу XIX вѣка“.

Разсматриваемое нами изданіе имѣетъ цѣлью устранить по воз-

можности для читателя необходимость обращаться за разнаго рода справками ко множеству мало доступныхъ сборниковъ и облегчить ему разработку сырого цифрового матеріала, путемъ удобнаго сопоставленія въ таблицахъ разныхъ цифръ и дополненія абсолютныхъ данныхъ средними величинами и процентными отношеніями. Но такъ какъ издатели не могутъ претендовать на то, чтобы совсѣмъ освободить читателя отъ необходимости производить самому различныя комбинаціи чиселъ, то они прежде всего должны позаботиться о томъ, чтобы составляемыя ими таблицы допускали производство такихъ комбинацій по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые они сочли нужнымъ включить въ свое изданіе. А для этого необходимо помѣстить въ таблицы абсолютныя данныя по этимъ предметамъ. Это требованіе въ разсматриваемомъ изданіи—очевидно изъ экономіи мѣста—не получило полнаго удовлетворенія; и въ то время какъ затратилось 150 страницъ ради облегченія пользованія данными, уже находящимися въ таблицахъ, пожалѣли десятка страницъ для пополненія послѣднихъ новыми цифрами. Вслѣдствіе этого обстоятельства мы находимъ въ книгѣ лишь среднія или процентныя, но не абсолютныя данныя по такимъ важнымъ предметамъ, какъ распредѣленіе крестьянскаго населенія по разрядамъ (бывшіе государственные и т. д.); надѣльной земли—по тѣмъ же разрядамъ крестьянъ,—по формѣ пользованія (общинно и подворно) и по размѣрамъ душевыхъ надѣловъ; частновладѣльческой земли—по размѣрамъ отдѣльныхъ владѣній; крестьянскихъ дворовъ—по числу имѣющихся у нихъ лошадей и т. п. Для полученія всѣхъ этихъ свѣдѣній читателю придется обращаться къ различнымъ, не вездѣ легкодоступнымъ изданіямъ.

Другое критическое замѣчаніе, само собой напрашивающееся при знакомствѣ съ изданіемъ отдѣла сельской экономіи, вызывается недостаточной, повидимому, освѣдомленностью составителей объ источникахъ статистическихъ данныхъ по аграрному вопросу. Такъ, площадь купчаго крестьянскаго землевладѣнія къ 1904 г. опредѣляется ими путемъ прибавленія къ площади его, въ 1887 г., покупокъ черезъ крестьянскій банкъ, между тѣмъ какъ издаваемые министерствомъ финансовъ „Матеріалы по движенію землевладѣнія Россіи“ для періода 1888—1897 гг. допускаютъ учетъ всѣхъ крестьянскихъ земельныхъ покупокъ. Въ отдѣлѣ II основныхъ таблицъ дается выраженіе обезпеченности крестьянскаго населенія надѣльной землей, путемъ дѣленія площади надѣла на число домохозяевъ. Но за дѣлимое взята при этомъ не вся надѣльная земля, площадь которой извѣстна точно, а площадь пахотнаго угодья по изслѣдованію 1893 г., несмотря на разъясненіе этого изслѣдованія, что во многихъ случаяхъ доставленныя волостными правленіями свѣдѣнія относились не къ пахотной, а ко всей

надѣльной землѣ. Площадь пахотнаго или какого-либо другого угодья мало пригодна для такихъ разсчетовъ по той причинѣ, что точнаго учета распредѣленія крестьянской земли по угодьямъ никѣмъ не производится. Въ отдѣлѣ I даются свѣдѣнія о числѣ такъ называемыхъ самостоятельныхъ областей сельскаго хозяйства, т.-е. о числѣ лицъ, дѣйствительно работающихъ въ этой сферѣ; между тѣмъ какъ въ „Общемъ сводѣ" данныхъ переписи 1897 г., откуда заимствованы эти свѣдѣнія, разъясняется, что перепись регистрировала лишь хозяевъ земельныхъ участковъ, а не всѣхъ лицъ, принимающихъ участіе въ сельскихъ работахъ. Упустивъ изъ виду это обстоятельство, составители таблицъ неправильно оцѣнили и данныя переписи о побочныхъ занятіяхъ земледѣльцевъ и представили эти занятія въ уменьшенномъ, сравнительно съ дѣйствительностью, размѣрѣ.

Можно было бы указать еще нѣсколько болѣе мелкихъ промаховъ разсматриваемаго изданія, но въ краткой журнальной замѣткѣ мы считаемъ достаточнымъ ограничиться и высказаннымъ выше.

XII.

— В. І. Храневичъ. Очерки экономическаго быта крестьянства въ Царствѣ Польскомъ. Спб. 1906. Ц. 80 к.

— Бр. И. и П. Лопатины. Очерки исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ. Варшава. 1906. Ц. 15 к.

Возбужденіе въ нашемъ обществѣ вопроса о коренныхъ преобразованіяхъ въ области общественно-экономическаго быта вызвало въ немъ интересъ къ такимъ предметамъ, которые ранѣе почти не останавливали на себѣ его вниманія. Къ числу этихъ предметовъ относятся крестьянскій и аграрный вопросы нашихъ окраинъ, а указанныя въ заголовкѣ этой замѣтки изданія идутъ какъ бы навстрѣчу выраженному общественному интересу. Книжка г. Храневича даетъ, впрочемъ, гораздо меньше, чѣмъ обѣщаетъ своимъ заглавіемъ. Кромѣ поверхностнаго очерка исторіи крестьянской реформы, она заключаетъ еще статью о заграничныхъ заработкахъ польскихъ крестьянъ (составленную главнымъ образомъ по даннымъ мѣстнаго статистическаго комитета) и три статьи о гминныхъ кассахъ, перепечатанныя изъ „Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли". Во избѣжаніе повтореній, эти три статьи, какъ трактующія объ одномъ предметѣ, для отдѣльнаго изданія не дурно бы соединить въ одну. Кромѣ указанныхъ статей, въ книжкѣ г. Храневича помѣщены замѣтки завѣдывающаго переписнымъ участкомъ въ одной польской губерніи, рисующія тѣ затрудненія и недоразумѣнія, какія возникали при производ-

ствѣ всероссійской переписи 1897 г., и источникомъ коихъ служили неприспособленная къ мѣстнымъ условіямъ инструкція о переписи и противорѣчивыя, иногда вызываемыя совсѣмъ неотносящимися къ дѣлу мотивами, разъясненія и распоряженія власти. Такъ, почти наканунѣ переписи дано было распоряженіе не дѣлать отмѣтки „безземельный" противъ имени крестьянъ, не владѣющихъ землею. Это требованіе—поясняетъ авторъ—„очевидно, было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы предупредить толки о надѣленіи землею безземельныхъ крестьянъ".

Брошюра гг. Лопатиныхъ какъ бы дополняетъ книжку г. Храневича, обнимая свѣдѣнія о современномъ состояніи мелкаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ. Изъ 11.297 тыс. дес. земельной собственности въ краѣ крупнымъ владѣльцамъ принадлежитъ менѣе 4 милл. дес., или 35% общей площади, мелкой шляхтѣ—652 тыс. дес., или 6%, а крестьянамъ—болѣе 5,5 милл. дес., или почти около половины земельной собственности Царства Польскаго; 4,590 тыс. дес. крестьяне унаслѣдовали отъ крѣпостныхъ временъ, а 918 тыс. дес. пріобрѣтено послѣ крестьянской реформы. Польскій крестьянинъ вообще очень энергично стремится къ землѣ и, будучи очень экономенъ, успѣваетъ пріобрѣсти нѣкоторую сумму, которую и затрачиваетъ на землю. „Круглый годъ онъ питается картофелемъ,—пишетъ г. Храневичъ,—позволяя себѣ роскошь въ пищѣ только во время лѣтнихъ работъ, но даже и тогда пища его состоитъ изъ того же картофеля, сдобреннаго лишь молочными продуктами или свинымъ жиромъ. Исключеніе дѣлается для большихъ праздниковъ и семейныхъ торжествъ, когда на столѣ крестьянина появляется мясо. Въ остальное время даже ржаной хлѣбъ считается лакомствомъ". Оттого-то видную роль въ крестьянскихъ покупкахъ земли играетъ безземельная часть населенія, и 917 тыс. десятинъ, пріобрѣтенныхъ польскими крестьянами, распредѣляются почти поровну между надѣльными и безземельными крестьянами.

Крестьянскіе дворы и прочіе мелкіе владѣльцы распредѣлены въ книжкѣ гг. Лопатиныхъ на 18 группъ, владѣющихъ участками отъ части десятины до 25 десятинъ и болѣе. Тѣ же группы приняты и при распредѣленіи купленной крестьянами земли. Если соединить нѣсколько группъ въ одну, то окажется, что изъ 4.160 тыс. дес., находящихся въ единственномъ владѣніи домохозяевъ, 10% относятся на долю владѣній до 3 дес., 30%—на долю участковъ отъ 3 до 6 дес., 40%—участкамъ въ 6—15 дес. и 18%—болѣе крупнымъ владѣніямъ; при этомъ владѣнія выше 25 дес. обнимаютъ менѣе 6% площади крестьянской земли. Въ землевладѣніи мелкой шляхты площадь такихъ участковъ составляетъ около 40%. Приведенныя свѣдѣнія относятся къ 778 тыс. крестьянскихъ надѣльныхъ и 53 тыс. мелко-шл-

хетскихъ владѣній. Но крестьяне, въ числѣ 179 тыс. лицъ, пріобрѣли еще покупкой 917 тыс. дес. Пріобрѣтенная крестьянами земля распредѣляется между крупными группами единичныхъ участковъ почти въ томъ же отношеніи, что и надѣльная. Авторы ничего не говорятъ о количествѣ безземельнаго сельскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ; согласно же изслѣдованію мѣстнаго статистическаго комитета, число ихъ превышаетъ 200 тыс. семей, обнимающихъ около 900 тыс. человѣкъ. Нѣкоторыя мѣста брошюры гг. Лопатиныхъ вызываютъ недоумѣнія. Такъ, на стр. 19 значится, что реформа 1864 г. не коснулась безземельныхъ крестьянъ; между тѣмъ какъ, по утвержденію извѣстнаго изслѣдователя польскаго края, покойнаго проф. Симоненко, болѣе 200 тыс. безземельныхъ получили мелкіе надѣлы изъ монастырскихъ и казенныхъ земель. На стр. 14 поземельный налогъ, возложенный на польскихъ крестьянъ взамѣнъ упраздненныхъ въ пользу помѣщика повинностей, опредѣленъ въ „0,75% прежняго чинша". Это, очевидно, ошибка.

XIII.

— Какъ устраиваются городскія общественныя работы. (Опытъ германскихъ городовъ). Переводъ съ нѣмецкаго и предисловіе В. А. Гагена. Спб. 1906. Ц. 70 к.

Вопросъ о помощи безработнымъ составляетъ тяжелую злобу нынѣшняго дня въ Петербургѣ, Москвѣ и во многихъ другихъ городахъ нашего обширнаго отечества. Въ числѣ мѣръ такой помощи фигурируетъ организація за счетъ города разныхъ общественныхъ работъ. Мѣра эта врядъ-ли, однако, отразится существенно на положеніи безработныхъ, какъ потому, что по своему составу наши городскія управленія не склонны относиться особенно сочувственно къ нуждамъ рабочаго населенія, такъ и по причинѣ того обстоятельства, что нельзя въ краткій срокъ организовать въ городѣ такія общественныя работы, которыя дали бы занятіе десяткамъ тысячъ рабочихъ, выброшенныхъ на улицу вслѣдствіе исключительныхъ условій переживаемаго нами бурнаго времени. Но производимые нынѣ опыты организаціи общественныхъ работъ, помимо ихъ непосредственной цѣли, будутъ, вѣроятно, имѣть и другое значеніе. Позволительно надѣяться, что, остановившись на общественныхъ работахъ, какъ средствѣ помощи нуждающемуся населенію въ исключительныхъ условіяхъ настоящаго времени, наши городскія управленія не забудутъ этого средства и по минованіи послѣднихъ, и станутъ примѣнять его при обычныхъ условіяхъ жизни, потому что зимой въ городахъ предъявляется, говоря вообще, меньшій спросъ на трудъ, нежели лѣтомъ, и довольно зна-

чительная часть городского населенія часто остается безъ работы. Это явленіе наблюдается въ Западной Европѣ, и во многихъ городахъ организація общественныхъ работъ для помощи нуждающемуся населенію обратилась какъ бы въ постоянное учрежденіе. Въ виду сказаннаго, появленіе въ переводѣ г. Гагена указаннаго въ заголовкѣ настоящей замѣтки оффиціальнаго изслѣдованія относительно общественныхъ работъ въ нѣмецкихъ городахъ представляетъ живой практическій общественный интересъ. Изъ 57 городовъ, къ которымъ обратилось съ запросомъ имперское статистическое бюро, 46 дали положительный отвѣтъ относительно существованія общественныхъ работъ, какъ мѣры помощи безработнымъ. Эту помощь города не считаютъ, однако, для себя юридически обязательной и высказываютъ опасеніе, что организація ея можетъ служить лишнимъ стимуломъ для привлеченія въ города неимущаго населенія, въ ущербъ плательщикамъ городскихъ налоговъ, на которыхъ лежитъ покрытіе дефицита по организаціи общественныхъ работъ. Большая часть городовъ не принимаетъ мѣръ для ослабленія той нормальной безработицы, которая является результатомъ сезоннаго характера многихъ профессій, и организуетъ общественныя работы лишь при чрезмѣрномъ развитіи такой безработицы. Не устанавливаются общественныя работы и при стачкахъ или массовыхъ увольненіяхъ рабочихъ. Опасеніе лишнихъ расходовъ и укрѣпленія, такъ сказать, въ сознаніи рабочаго идеи права на трудъ побуждаютъ городскія управленія принимать рядъ особыхъ мѣръ при допущеніи на общественныя работы. Отъ кандидата требуется, чтобы онъ лишился работы не по собственной винѣ, а въ нѣкоторыхъ городахъ, кромѣ того, и регулярной работы въ теченіе предшествовавшаго года; чтобы онъ былъ постояннымъ жителемъ даннаго города; чтобы онъ находился въ данное время въ нуждѣ и—въ большомъ числѣ городовъ—чтобы на его иждивеніи находились лица, нуждающіяся въ пропитаніи.

Общественныя работы для помощи нуждающемуся населенію устраиваются зимою, въ періодъ самаго сильнаго затишья въ дѣлахъ; продолжительность ихъ колеблется между 8-ю и 26-ю недѣлями, а характеръ работъ опредѣляется стремленіемъ по возможности щадить средства плательщиковъ налоговъ; соображеніемъ о томъ, что общественныя работы не должны увеличивать предложеніе на рынкѣ товаровъ, такъ какъ это вело бы къ усиленію безработицы; и, наконецъ, потребностью самого города въ тѣхъ или другихъ работахъ. Въ силу сказаннаго, почти всѣ общественныя работы нѣмецкихъ муниципалитетовъ сводятся къ выполненію операціи по устройству, ремонту и очисткѣ улицъ, канализаціи, и т. п., и къ разбивкѣ камня. Предвидя зимнюю безработицу, многіе города нарочно откладываютъ до этого времени

выполненіе работъ, намѣчаемыхъ согласно общему ходу муниципальныхъ дѣлъ.

Вознагражденіе участниковъ въ общественныхъ работахъ обыкновенно назначается съ такимъ разсчетомъ, чтобы имъ покрывались расходы, необходимые лишь для поддержанія жизни семьи рабочаго, и чтобы эти работы не отвлекали, поэтому, трудящихся отъ занятій въ частныхъ предпріятіяхъ. Масштабомъ для того обыкновенно берется обычная плата заурядnаго поденщика. Во многихъ случаяхъ семейнымъ рабочимъ назначается болѣе высокая плата, чѣмъ одиночкамъ. Средній заработокъ на общественныхъ работахъ опредѣляется приблизительно около 2 марокъ въ день; исчисляется онъ для земляныхъ работъ обыкновенно по времени, при разбивкѣ камня—сдѣльно. Продолжительность рабочаго дня,—отчасти въ зависимости отъ дневного свѣта, т.-е. отъ мѣсяца, когда производятся работы,—колеблется отъ 8 до 12 часовъ, а дѣйствительное рабочее время—отъ 7 до 10 часовъ. Расходъ разныхъ городовъ на общественныя работы колеблется въ данномъ году между нѣсколькими тысячами и 80-ю тыс. марокъ. Для громаднаго большинства нѣмецкихъ городовъ устройство общественныхъ работъ вело къ перерасходу сравнительно съ нормальной, такъ сказать, стоимостью выполненія соотвѣтствующихъ операцій. Въ среднемъ, этотъ перерасходъ опредѣляется приблизительно въ 35% общей суммы расхода. Причины указаннаго явленія заключаются, главнымъ образомъ, въ двухъ обстоятельствахъ: въ томъ, что работы производятся въ менѣе благопріятное для нихъ время (строительныя работы зимою, а не лѣтомъ), и что значительная часть работающихъ занимается непривычнымъ, а быть можетъ и превышающимъ ихъ силы трудомъ. — В. В.

Въ январѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Аловъ, А. А.—О травматическихъ поврежденіяхъ рабочихъ при работахъ на сельскохозяйственныхъ машинахъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Арнольдъ, Эдвинъ.—Свѣтъ Азіи. (Изложеніе въ поэтической формѣ буддизма). Переводъ А. М. Ѳедорова. Съ предисл. и примѣч. академика С. Ѳ. Ольденбурга, 2-ое иллюстрир. изданіе. Съ иллюстраціями. (Библіотека „Свѣточа", подъ ред. С. А. Венгерова). Стр. XXVI+188. Спб. 1906.

Афанасьева-Уральская, М.—Сказка о Свободной. Спб. 907. Ц. 40 к.

Бакунинъ, М.—Богъ и Государство. Спб. 906. Ц. 12 к.

——— Федерализмъ, соціализмъ и антитеологизмъ. Съ франц. Съ портр. и біогр. автора. Спб. 906. Ц. 40 к.

Битовтъ, Юр.—Книга о книгахъ. Толковый указатель книгъ для самообразованія по всѣмъ отраслямъ знанія. М. 907. Ц. 80 к.

Богдановичъ, К. И.—Система Дибрара въ юго-восточномъ Кавказѣ. Труды Геологическаго Комитета, вып. 26. Спб. 906. Ц. 5 р.

Борисякъ, А.—Целециподы юрскихъ отложеній европейской Россіи. Труды Геологическаго Комитета, вып. 29. Спб. 906. Ц. 1 р.

Брянчаниновъ, А.—Роспускъ Государственной Думы. Причины и послѣдствія. Псковъ, 906. Ц. 60 к.

Бѣляевъ, А.—Самодержавіе и народовластіе. Сергіевъ Посадъ. 906. Ц. 20 к.

В., В.—Отъ семидесятыхъ годовъ къ восьмидесятымъ. Сборникъ статей. Спб. 907. Ц. 1 р. 30 к.

Вейтлингъ, В.—Евангеліе бѣднаго грѣшника. Съ портр. и біографіей автора. Съ нѣм. Спб. 907. Ц. 30 к.

Гаммеджъ, Р.—Исторія чартизма. Съ англ. А. В. Погожева. Спб. 907. Ц. 2 р.

Гончаренко, Юр.—Вечерніе огни. Стихи. Кн. 1. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. VII: Начала русскаго государственнаго права. Ч. I: О государственномъ устройствѣ. 2-е изд. Спб. 907. Ц. 2 р.

Градовскій, Г. К.—Двѣ драмы: I. Старый либералъ; II. Во имя любви. Кіевъ, 907. Ц. 1 р.

Деверъ, Д.—Выборная кампанія. I: Блокъ.—1. Блокъ лѣвыхъ. 2. Блокъ правыхъ. Спб. 907. Ц. 20 к.

Деворъ, А.—Слѣпое поклоненіе—безуміе. Трагикомедія въ 3-хъ д. Спб. 907. Ц. 20 к.

Достоевская, А.—Библіографическій указатель сочиненій и произведеній искусства, относящихся къ жизни и дѣятельности Ѳ. М. Достоевскаго, собранныхъ въ Музеѣ памяти Ѳ. М. Д." въ Московск. Историч. Музеѣ имени Имп. Александра III. 1846—1903. Спб. 906. Ц. 3 р.

Зиссуличъ, В. И.—Сборникъ статей. Т. I. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Звягинцевъ, Е.—Какъ нужно преобразовать наши городскія думы и управы. М. 907. Ц. 10 к.

Зомбартъ, В.—Пролетаріатъ. Очерки и этюды. Съ нѣм. В. Н. К. Спб. 907. Ц. 40 к.

Зѣлинскій, Ѳ., проф.—Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Т. III: Соперники христіанства, статьи по исторіи античныхъ религій. Спб. 907. Ц. 1 р. 80 к.

Ивановъ, Е. И.—Военно-походныя впечатлѣнія отъ Владивостока до Вафангоу и отъ Вафангоу до Ляояна, командира роты 4-го Военно-Сибирск. стрѣлк. Е. В. полка.

——— Вафангоу—Койдзу—Дагету—Тамичао—Ляоянъ. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 коп.

Кальверъ, Р.—Соціализмъ и массовая забастовка. Перев. съ рукописи. Спб. 907.

Корниловъ, А. А.—Изъ исторіи вопроса объ избирательномъ правѣ въ земствѣ. Спб. 907. Ц. 20 к.

Крюковъ, Ѳ.—Казацкіе мотивы. Очерки и разсказы. Спб. 907. Ц. 1 р.

Кудрявцевъ, П.—По вопросамъ церковно-общественной жизни. Вып. 1. Кіевъ. 906. Ц. 75 к.

Купринъ, А.—Томъ 3. Спб. 907. Ц. 1 р.

Левицкая-Нащенко (Левѣшко), Юл.—Букетъ белладонны. Кіевъ, 903. Ц. 55 к.

Лозинскій, Евг.—Что же такое, наконецъ, интеллигенція? Спб. 907. Ц. 1 р.

Любарская-Письменная, М.—Клевета. Мой процессъ съ бар. Н. Ѳ. Тизенгаузеномъ. М. 906.

Львовъ-Рогачевскій, В.—Борьба за жизнь. Сборникъ статей. Спб. 907. Ц. 1 р.

Мацубара-Иваго́ро.—На днѣ Токіо. Перев. С. Сыромятникова. Спб. 907. Ц. 50 к.

Мезіеръ, А.—Турція. Спб. 907. Ц. 20 к.

Мейеръ, Ант.—Народная политика. Съ нѣм. М. Кадишъ. Съ предисл. В. Устинова. М. 907. Ц. 35 к.

Мижуевъ, П.—Документальная исторія одной стачки. Спб. 907. Ц. 80 к.

Мультатули (Эд. Деккеръ).—Повѣсти, сказки и легенды. Перев. А. Чеботаревской. Спб. 907. Ц. 1 р.

М-чк-скій, П.—Тревожныя страницы. Отрывки изъ современнаго дневника. Харьк., 906. Ц. 10 к.

Никитинъ, А.—Разсказы изъ жизни маленькихъ людей. М. 907. Ц. 60 к.

Павловъ, Е., лейбъ-хирургъ.—На Дальнемъ Востокѣ въ 1905 году. Изъ наблюденій во время войны съ Японіею. Съ автотипіями въ текстѣ. Спб. 907.

Паршинъ, А.—Научный фундаментъ соціологіи. Ч. I. М. 907. Ц. 2 р.

Пауль Віола.—Прелюдіи творчества. Стихотворенія. Кіевъ, 907. Ц. 1 р. 05 к.

Пиленко, Ал., ред.—Государственная Дума.—Указатель къ стенограф. отчетамъ: повременный и предметный. 1906-й годъ. Сессія первая. Спб. 907. Ц. 40 к.

Пирлингъ, П.—Новые матеріалы о жизни и дѣятельности Як. Рейтенфельса. Тексты документовъ, перев. А. Станкевичъ. М. 906. Ц. 30 к.

Поярковъ, Ник.—Поэты нашихъ дней. Критическіе этюды. М. 907. Ц. 1 р.

Пушкинъ.—Полное собраніе сочиненій. Вып. 1. (Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова). Съ иллюстраціями. Изданіе Брокгауза-Ефрона. Стр. VII+160. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 коп.

Рашковъ, С. А.—Чтеніе по средневѣковой исторіи. Четыре представителя духовной жизни XII-го вѣка: Норбертъ Премонстратенскій—Петръ Клюнійскій—Арнольдъ Брешіанскій—Папа Адріанъ IV. М. 907. Ц. 75 к.

Розенбергъ, А.—Исторія искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Перев. О. Павловской. Съ краткимъ очеркомъ исторіи русскаго искусства проф. А. Павловскаго: Выпускъ I. Спб. 906.

Сахаровъ, Ив.—Ненормальное состояніе современной церковно-народной школы и попытка учащихъ раскрѣпоститься. М. 906. Ц. 30 к.

Сендерлендъ, І.—Библія, или священныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта. Ихъ происхожденіе, развитіе и характеръ. Съ англ. Въ приложеніи: Библейская легенда о всемірномъ потопѣ. Спб. 907. Ц. 60 к.

Синклеръ, Аптонъ.—Дебри. (The Jungle). Съ англ., съ предисл. Э. Риттера. Кіевъ, 907. Ц. 1 р. 25 к.

Смарскій, А. Т.—Автономія или федерація? Спб. 907. Ц. 25 к.

Сомовъ, С. И.—Профессіональные союзы и соціалъ-демократическая партія. Спб. 907. Ц. 20 к.

Таккель, П.—Курсъ французскаго языка. 3-й годъ. Спб. 907. Ц. 80 к.

Тезяковъ, И.—Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. Съ рис. Спб. 907.

Тыковъ, Пл.—О госпитальныхъ клиникахъ Имп. Томскаго университета. Томскъ, 906.

Торнашевъ, П.—Авантюры на Дальнемъ Востокѣ. М. 907. Ц. 10 к.

Успенскій, М. И.—Юный гражданинъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Спб. 907. Ц. 25 к.

Устиновъ, С. М.—Ладинъ. Герой послѣдняго времени. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 907. Ц. 2 р.

Федоренко.—Годъ у нѣмцевъ. Замѣтки офицеровъ. Вильна. 907. Ц. 50 к

Хлапонинъ, А.—Геологическая карта Амурско-Приморскаго золотоноснаго района. Спб. 907.

Чарнолусскій, В.—Соціализмъ и народное образованіе. Спб. 907. Ц. 20 к.

Шулятиковъ, В.—Изъ теоріи и практики классовой борьбы. М. 907. Ц. 30 к.

Шуриъ, К.—Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера. Съ нѣм. А. Анненская. Спб. 907. Ц. 30 к.

Якубовичъ (Мельшинъ).—С. И. Надсонъ. М. 907. Ц. 12 к.

Ѳедоровъ, А.—Камни, ром. Спб. Ц. 1 р.

Dragañoff.—La Macédoine et les Réformes. Par. 906.

— Акушерка п. р. П. Амброжевича, въ 12 кн. въ годъ. Кн. 1: январь 1907 г. Од. Ц. 3 р. въ годъ.

— Возникновеніе партійной организаціи германской соціалъ-демократіи. Рѣчи Бебеля, Либкнехта, Зингера, Ауэра, Фольмара и друг. на партійномъ съѣздѣ, въ Галле, въ 1870 г. Съ нѣм. Н. Дьяконовъ. М. 907. Ц. 25 к.

— Земельное дѣло безъ Думы. Сборникъ статей: Н. Каблукова, А. Манулова, А. Посникова, В. Розенберга, В. Якушкина и др. М. 906. Ц. 5 к.

— Изданія Товарищества „Знаніе“: 1) Евгеній Чириковъ, Разсказы, т. VI, ц. 1 р.—2) Начало нѣмецкой соціалъ-демократіи. Юбилейный сборникъ лейпцигскихъ рабочихъ къ 23 мая 1903 г. Съ нѣм. В. Величкина, ц. 20 к.—3) Сборникъ, книга XIV, ц. 1 р.—4) К. Каутскій, Нейтрализація профессіональныхъ союзовъ, съ нѣм., ц. 10 к.—5) Клейнбартъ, Подоходный налогъ, ц. 10 к.—6) Атлантикусъ, Государство будущаго. Вступительная лекція К. Каутскаго, ц. 35 к.—7) Геннеръ, Ад., Икарійцы въ Сѣв. Америкѣ, съ нѣм., ц. 10 к.—8) Т. Шевченко, Кобзарь, въ перев. русскихъ писателей, ц. 1 р.—9) К. Каутскій. Карлъ Марксъ, съ нѣм., ц. 5 к.—10) Серафимовичъ, Разсказы, т. II, ц. 1 р.—11) Юшкевичъ, Сем., Очерки дѣтства, т. IV, ц. 1 р.—12) Бебель, Авг., Шарль Фурье, его жизнь и ученіе, съ нѣм., ц. 50 к.—13) Вандервельде, Э., Промышленное развитіе и коллективизмъ, съ франц., ц. 30 к. Спб. 906.

— Изданіе фирмы „Мысль и Жизнь“: 1) А. Пѣшехоновъ, Программные вопросы. Вып. 1: Основныя положенія. Спб. 907. Ц. 10 к.—2) Приложеніе. Вып. 2: Историческія предпосылки. Спб. 907. Ц. 10 к.

— Календарь для всѣхъ. Сост. А. Зоновъ, п. р. И. Горбунова-Посадова. 1907-й годъ. Ц. 30 к.

— Книгоиздательство „Посредникъ“: 1) Л. Н. Толстой: Единственное возможное рѣшеніе земельнаго вопроса.—О Шекспирѣ и о драмѣ.—Земля и Трудъ—Голодъ. 2) Гартманъ, Ткачи, драма, перев. Э. Маттерна. 3) Г. Джорджъ, Что такое единый налогъ и почему мы его добиваемся.—Программа лиги единаго налога. Съ англ. С. Николаевъ. М. 907.

— Книгоиздательство „Скорпіонъ“: 1) Вал. Брюсовъ, Земная ось. Разсказы и драматическія сцены. Ц. 1 р. 50 к. 2) А. Блокъ, Нечаянная радость, второй сборникъ стиховъ, ц. 1 р. 50 к. 3) Кнутъ Гамсунъ, драма жизни. Съ норвеж. Ц. 50 к. 4) Стан. Пшибышевскій, Вѣчная сказка, драматич. поэма, съ польск. Ц. 1 р. М. 906.

— Матеріалы для подворной переписи Полтавской губерніи въ 1900 году. Полтавскій уѣздъ. Полт. 906.

— Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи, по сообщеніямъ корреспондентовъ за 1905 г. Годъ XX. Полт. 906.

Кобелякскій уѣздъ. Полт. 906.

—— Константиноградскій уѣздъ. Полт. 906.

— Сеймовый уставъ Великаго Княжества Финляндскаго 7 (20) іюля 1906 г. Спб. 907. Ц. 50 к.

— Статистическія свѣдѣнія по земельному вопросу въ европейской Россіи. Спб. 906.

— Темы жизни: № 18. Л. Кульчицкій, Анархизмъ въ Россіи. Съ польск. С. Штернъ, съ предисл. Н. Іорданскаго. Спб. 907. Ц. 20 к.—№ 19. З. Бѣлосельскій, Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ. Спб. 907. Ц. 10 к.

— Уставъ дисциплинарный. Кн. XXIII Свода Военныхъ Постановленій 1869 г. Спб. 907.

— Учебныя заведенія вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Краткій очеркъ. Спб. 906.

ЗАМѢТКА

По поводу „книги“ Чамберлэна.

Недавно появилась, въ „переводѣ съ нѣмецкаго“, книга Гаустона Стюарта Чамберлэна, подъ заглавіемъ: „Евреи, ихъ происхожденіе и причины ихъ вліянія въ Европѣ“ (изданіе А. С. Суворина). Ни издатель, ни переводчикъ не считали своимъ долгомъ указать, гдѣ и подъ какимъ названіемъ напечатано подлинное сочиненіе автора. Это указаніе было бы тѣмъ болѣе необходимо, что въ дѣйствительности ни на нѣмецкомъ, ни на англійскомъ языкѣ не существуетъ книги Чамберлэна съ подобнымъ заглавіемъ. Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ какой-то сознательной мистификаціей.

Кому и зачѣмъ понадобилась эта мистификація? Почему отъ русскихъ читателей скрытъ источникъ „книги“ Чамберлэна? Не всякій догадается, что эта мнимая книга составляетъ лишь одну изъ главъ большого сочиненія, которое, по словамъ самого автора, имѣетъ чисто дилетантскій характеръ. Гаустонъ Стюартъ Чамберлэнъ живетъ постоянно въ Вѣнѣ и пишетъ большею частью по-нѣмецки; онъ выступаетъ горячимъ сторонникомъ идей „пангерманской партіи“, для которой превосходство германской расы выражается почему-то въ неискоренимой враждѣ къ семитамъ. Онъ пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность обширнымъ біографическимъ трудомъ о Рихардѣ Вагнерѣ; въ 1899 году вышло въ свѣтъ его двухтомное сочиненіе объ „основахъ девятнадцатаго столѣтія“ („Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts“), изданное затѣмъ вторично въ дополненномъ видѣ въ октябрѣ прошлаго 1906 года. Эта книга написана по заказу мюнхенской фирмы Брукманна и должна была заключать въ себѣ обзоръ главныхъ научно-культурныхъ завоеваній, пріобрѣтеній и задачъ XIX-го вѣка; но авторъ занялся предварительно обзоромъ предшествовавшихъ восемнадцати столѣтій, начиная съ Греціи и Рима, и довелъ свою работу только до 1800 года, отложивъ исторію и оцѣнку девятнадцатаго вѣка на будущее время. По мнѣнію Чамберлэна, всѣ вопросы и задачи современной эпохи уясняются изслѣдованіемъ отдаленнаго прошлаго; поэтому въ первой части своей книги онъ изучаетъ „наслѣдіе древняго міра“, говоритъ подробно объ эллинскомъ искусствѣ и философіи, о римской юриспруденціи, о явленіи Христа, о наслѣдникахъ и продолжателяхъ древности, о средневѣковомъ хаосѣ народовъ, о „вступленіи евреевъ въ западно-европейскую исторію“, о по-

явленіи германцевъ на всемірно-исторической сценѣ и о борьбѣ изъ-за религіи и государства; затѣмъ вторая часть посвящена „зарожденію новаго міра“ съ 1200 года: здѣсь рѣчь идетъ о „германцахъ, какъ творцахъ новой культуры“, о географическихъ и научныхъ открытіяхъ, о промышленныхъ и экономическихъ успѣхахъ, о политикѣ и о церковныхъ распряхъ, о міросозерцаніи и религіи, и наконецъ объ искусствѣ и литературѣ. Пятая глава—о „вступленіи евреевъ въ западно-европейскую исторію“,—вырванная изъ остального изложенія безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, составила именно ту „книгу“, которая издана г. А. Суворинымъ въ видѣ самостоятельнаго цѣлаго. Наивные люди приняли этотъ отрывочный популярный этюдъ за научное изслѣдованіе и отнеслись съ довѣріемъ къ его выводамъ, хотя послѣдніе совершенно не совпадали съ заключеніями, вытекающими изъ другихъ частей подлинной нѣмецкой книги.

„Характеръ этого сочиненія—говоритъ Чамберлэнъ въ предисловіи къ первому изданію своихъ „Grundlagen“—опредѣляется тѣмъ, что авторъ—не ученый человѣкъ“. Онъ дѣлаетъ много литературныхъ ссылокъ и цитатъ для подкрѣпленія своихъ взглядовъ, а также для пользы такихъ же неученыхъ читателей, какъ онъ, но вовсе не для того, чтобы хвастать своей ученостью; такое хвастовство, по его словамъ, „было бы нелѣпо со стороны человѣка, знаніе котораго не доходитъ до источниковъ и который всегда стремился читать не какъ можно больше, а какъ можно меньше и только самое лучшее“. Во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ и выводахъ онъ руководился тою оригинальною мыслью, что „жизнь важнѣе и выше всякаго знанія“. „Что здѣсь написано, — замѣчаетъ онъ, — то пережито. Иное фактическое указаніе можетъ быть ошибочно, нѣкоторыя сужденія могутъ оказаться предразсудками, иныя заключенія окажутся построенными на погрѣшностяхъ мышленія, но вполнѣ неправильными признать ихъ нельзя, либо разумъ самъ по себѣ часто лжетъ, а настоящая жизнь—никогда: то, что создается только мыслью, можетъ быть пустымъ продуктомъ фантазіи, увлеченіемъ одинокой личности, тогда какъ глубоко прочувствованное коренится въ сверхъ-индивидуальномъ и внѣ-личномъ, какъ каковы бы ни были толкованія, вызываемыя предразсудкомъ и невѣжествомъ, въ нихъ *должно* заключаться ядро живой правды“. Девизъ автора — „надежда и вѣрность“: „пока еще существуютъ на свѣтѣ истинные германцы, до тѣхъ поръ мы можемъ и желаемъ надѣяться и вѣрить“.

Такова основная точка зрѣнія, которой придерживается Чамберлэнъ. Онъ откровенно заявляетъ, что слѣдуетъ въ своемъ трактатѣ внушеніямъ чувства, а не научнаго знанія, — причемъ высказываетъ идеи, поражающія своею странностью. Жизнь, пережитое и прочув-

ствованное, противопоставляется имъ положительному знанію, какъ нѣчто высшее и болѣе авторитетное; но что̀ такое знаніе, какъ не результатъ изученія жизни, и какимъ образомъ жизнь сама по себѣ, не освѣщаемая наукою, можетъ служить источникомъ истины? Авторъ разсуждаетъ въ своей книгѣ о самыхъ сложныхъ отвлеченныхъ вопросахъ и спеціально занимается крайне спорными проблемами, касающимися происхожденія, исторической роли и качествъ различныхъ человѣческихъ расъ;—что̀ можетъ въ этой области дать жизнь сама по себѣ, безъ знанія и анализа фактовъ, или простое чувство, не провѣренное наукою? Между тѣмъ Чамберлэнъ дѣйствительно рѣшаетъ всѣ вопросы не умомъ, а чувствомъ; свои личныя впечатлѣнія и желанія онъ выдаетъ за несомнѣнные плоды человѣческой жизни, пережитые и прочувствованные имъ, и потому заслуживающіе будто бы предпочтенія предъ результатами объективныхъ изслѣдованій. Онъ чувствуетъ, что человѣчество выработало одну только великую царственную расу — германскую, и онъ рѣшаетъ, что всѣ европейскіе народы, въ томъ числѣ и славянскіе, принадлежатъ къ той же германской расѣ; онъ видитъ, что расовые и племенные вопросы представляются безнадежно темными и не даютъ фактическаго матеріала для какихъ бы то ни было обобщеній, и тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно дѣлаетъ свои обобщенія на основаніи чисто-личнаго чувства или инстинкта. При помощи такого своеобразнаго метода онъ разрѣшаетъ по-своему цѣлый рядъ труднѣйшихъ историческихъ и философскихъ вопросовъ, не останавливаясь ни предъ логикою фактовъ, ни предъ авторитетомъ существующей положительной науки. Правда, онъ настойчиво предупреждаетъ читателей, что нисколько не претендуетъ на научную основательность своихъ идей: „никто не долженъ,— говоритъ онъ,—разсматривать мои замѣчанія о греческомъ искусствѣ и философіи, о римской исторіи и римскомъ правѣ, объ ученіи Христа, или о германцахъ и іудеяхъ и т. п., какъ самостоятельныя академическія разсужденія, и прилагать къ нимъ соотвѣтственную мѣрку, ибо не какъ ученый приступилъ я къ этимъ предметамъ, а какъ дитя современности, желающее научиться понять эту живую современность, съ точки зрѣнія германца“ и т. д. (стр. 17—18); но это „дитя современности“ третируетъ свысока настоящихъ ученыхъ, смѣется надъ знаменитымъ Ранке и надъ „бѣднымъ Вирховомъ“ и судитъ о событіяхъ исторіи съ ребяческою самоувѣренностью: такъ, онъ серьезно утверждаетъ, что разрушеніе Карѳагена римлянами было благодѣяніемъ для человѣчества и что Европа никогда не дожила бы до успѣховъ XIX вѣка, еслибы финикійскій народъ не былъ истребленъ и еслибы столица его не была уничтожена (стр. 140 и 162); такимъ же благодѣяніемъ было и разрушеніе Іерусалима, ибо безъ этого рим-

скаго подвига міръ находился бы теперь подъ властью еврейства (стр. 145 и 167). Авторъ приписываетъ „семитической крови" какія-то исключительныя волшебныя качества, опредѣляющія мораль и философію семитовъ: въ силу этихъ качествъ евреи будто бы неспособны вырабатывать идеи и положенія права, что доказывается двумя примѣрами: во-первыхъ, величайшій еврейскій мыслитель Спиноза находитъ, что „всякій имѣетъ столько права, сколько имѣетъ власти", и что основой права служитъ сознаніе личной пользы,—въ чемъ, какъ извѣстно, взгляды его раздѣляются очень многими выразителями истинно-германскаго правосознанія; и во-вторыхъ, авторъ имѣлъ разговоръ съ однимъ образованнымъ евреемъ, владѣльцемъ нефтяныхъ источниковъ и членомъ извѣстнаго керосиноваго трёста; „этотъ честный человѣкъ, неспособный убить муху, никакъ не могъ убѣдиться въ безнравственности подобнаго трёста и на всѣ приводимые аргументы повторялъ одно: „я это могу, слѣдовательно имѣю право",—точь въ точь, какъ Спиноза",—т.-е. въ сущности онъ обнаруживалъ упорную солидарность съ истинно-германскими дѣльцами Англіи и Сѣверной Америки и стоялъ на точкѣ зрѣнія стараго истинно-германскаго кулачнаго права. Изъ этихъ двухъ примѣровъ дѣлается выводъ, что въ германскихъ странахъ не слѣдуетъ допускать лицъ еврейскаго племени къ исполненію судейскихъ функцій (стр. 171 и 199, 172 и 200, примѣч.), такъ какъ „только на основѣ изобрѣтеннаго индо-европейцами и тщательно разработаннаго ими права могли евреи проявить свои изумительныя юридическія способности" и притомъ „едва ли въ состояніи были вполнѣ усвоить, понять и прочувствовать правосознаніе, столь глубоко противорѣчащее ихъ прирожденнымъ качествамъ". По этому способу разсужденій можно было бы доказывать, что ни одинъ народъ не обладаетъ истиннымъ правосознаніемъ и не годится для исполненія судейскихъ функцій, ибо вездѣ признавалось и господствовало право силы, а участники промышленныхъ предпріятій и трёстовъ повсюду проникнуты корыстными цѣлями и даже открыто исповѣдуютъ безнравственный принципъ: „не обманешь—не продашь". Чамберлэнъ упоминаетъ въ одномъ мѣстѣ о древнемъ обычаѣ германцевъ убивать своихъ старыхъ и слабыхъ родителей (стр. 178 и 207, примѣч.), и однако не выводитъ изъ этого факта никакого общаго заключенія о природныхъ свойствахъ и наклонностяхъ германской расы: германцы остаются для него воплощеніями высшей морали.

Въ главѣ о явленіи Христа, также переведенной на русскій языкъ и изданной г. Суворинымъ въ видѣ отдѣльной книжки, авторъ заранѣе оговаривается, что берется за тему, для которой не имѣетъ, къ сожалѣнію, спеціальныхъ знаній (стр. 210 и 246); онъ пытается доказать, что хотя Христосъ по религіи и воспитанію былъ несомнѣнно

іудеемъ, но по расѣ, въ болѣе тѣсномъ и собственномъ смыслѣ слова „іудей", не былъ имъ „*по всей вѣроятности*", такъ какъ родина его, Галилея, имѣла очень смѣшанное населеніе (стр. 211 и 247); черезъ нѣсколько страницъ говорится уже, что „нѣтъ ни малѣйшаго основанія предположить, что родители Іисуса Христа были по расѣ евреи"; немного далѣе признается уже „почти достовѣрнымъ", что Христосъ „не имѣлъ въ своихъ жилахъ ни одной капли чисто-еврейской крови", а ученые спеціалисты, придерживающіеся противоположнаго взгляда, какъ Альберъ Ревилль и Эрнестъ Ренанъ, обвиняются въ легкомысліи и чуть ли не въ продажности; относительно Ренана прямо ставится вопросъ, не повліяли ли на него усердныя близкія сношенія съ „Alliance Israélite" за послѣдніе годы его жизни (стр. 256, примѣч.),—хотя трудно понять, для чего понадобилось бы правовѣрнымъ евреямъ категорическое утвержденіе, что отвергнутый ими Мессія былъ непремѣнно чистокровнымъ іудеемъ. Настойчиво повторяя въ разныхъ сочетаніяхъ одни и тѣ же пустые софизмы, для которыхъ, по его собственнымъ словамъ, нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ, Чамберлэнъ наконецъ убѣждаетъ себя, что вполнѣ доказалъ свою мысль и достигъ опредѣленнаго, хотя и отрицательнаго результата; затѣмъ онъ распространяется уже о „непосредственномъ отношеніи Христа къ еврейству" и о „великомъ существенномъ вліяніи іудейства на происхожденіе и исторію христіанства" (стр. 258).

Въ отдѣльныхъ мѣстахъ своей книги Чамберлэнъ сознается, что наука не даетъ и не можетъ дать точнаго отвѣта на вопросы о происхожденіи и существованіи тѣхъ или другихъ расъ: семиты—далеко не то же самое, что евреи, и послѣдніе безспорно составляютъ продуктъ скрещиванія разныхъ древнихъ племенъ; что касается арійцевъ, то предполагаемое расовое единство ихъ и подлинный племенной составъ служатъ лишь предметомъ болѣе или менѣе произвольныхъ гипотезъ; но—неожиданно заключаетъ авторъ,—„еслибы даже было доказано, что въ прошломъ никогда не существовало арійской расы, мы хотимъ все-таки, чтобы она существовала въ будущемъ, а для людей дѣла это именно и есть рѣшающая точка зрѣнія" (стр. 317, примѣч.). Въ то же время все положительное содержаніе книги построено на незыблемыхъ расовыхъ перегородкахъ и различіяхъ, едва ли существующихъ въ природѣ, и въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой возможности относиться серьезно къ тѣмъ смѣлымъ парадоксамъ, противорѣчіямъ и несообразностямъ, которыми переполнено сочиненіе объ „основахъ девятнадцатаго столѣтія". Объ отрывкахъ же, изданныхъ въ русскомъ и притомъ довольно плохомъ переводѣ, не стоитъ и говорить.

Л. Слонимскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1907 г.

Парламентскіе выборы въ Германіи.—Особенности нѣмецкой политической жизни.—Прусскіе порядки и либералы.—Избирательныя заявленія князя Бюлова.—Упадокъ старыхъ либеральныхъ партій.—Вопросъ о личномъ режимѣ.—Общіе результаты выборовъ.—Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи.—Перемѣна царствованія въ Персіи.

Парламентскіе выборы 25 (12) января въ Германіи прошли вполнѣ нормально и дали такіе результаты, какіе возможны только при существованіи честнаго и добросовѣстнаго правительства, пользующагося довѣріемъ и уваженіемъ даже со стороны оппозиціи.

Политическая жизнь нѣмецкаго народа представлялась бы намъ совершенно непонятною, еслибы мы не имѣли въ виду особыхъ качествъ прусско-германской администраціи и особыхъ отношеній ея къ населенію. Государственный строй германской имперіи и ея отдѣльныхъ составныхъ частей сохраняетъ еще многія средневѣковыя черты: старинныя владѣльческія династіи и феодальныя аристократическія фамиліи дѣлятъ между собою власть надъ различными областями страны; мѣстные законодательные сеймы носятъ строго-сословный характеръ; дворянство и военный классъ находятся въ привилегированномъ положеніи, позволяющемъ имъ свысока смотрѣть на массу обывателей-бюргеровъ. Въ Пруссіи народное представительство организовано такимъ образомъ, что крупные землевладѣльцы и промышленники даютъ тонъ всему законодательству и налагаютъ тяжелую дань на все остальное населеніе, поддерживая искусственную дороговизну на необходимые предметы потребленія, и въ частности на хлѣбъ и мясо, при помощи высокихъ таможенныхъ пошлинъ. Прусскіе министры, опираясь на значительное консервативное большинство палаты депутатовъ, дѣйствуютъ въ старомъ бюрократическомъ духѣ и мало обращаютъ вниманія на общественное мнѣніе; очень часто, какъ, напр., въ школьномъ вопросѣ, они идутъ въ разрѣзъ съ требованіями общества и навлекаютъ на себя обвиненіе въ религіозномъ ханжествѣ и въ реакціонныхъ замыслахъ. И однако, просвѣщенные и свободолюбивые нѣмцы, повидимому, мирятся съ этими устарѣлыми порядками! Они не протестуютъ противъ несправедливыхъ сословныхъ привилегій, не требуютъ коренного преобразованія

государственнаго быта, не возстаютъ противъ бюрократіи, а довольствуются маленькими уступками въ текущей политикѣ, внѣшними признаками благорасположенія власти, обѣщаніями болѣе либеральнаго примѣненія существующей правительственной системы. Эта необыкновенная скромность и долготерпѣніе нѣмецкаго либерализма объясняются именно тѣмъ, что органы государственнаго управленія отлично исполняютъ свои законныя функціи, не допускаютъ въ своей средѣ никакихъ злоупотребленій, крайне разсчетливо обращаются съ казенными средствами и въ высшей степени внимательно относятся къ законнымъ правамъ и интересамъ обывателей; точно такъ же высшія сословія проникнуты чувствомъ долга и отвѣтственности предъ государствомъ, остаются вѣрными традиціямъ національнаго служенія и отличаются культурностью своихъ нравовъ, интересовъ и способовъ дѣйствія. Привилегіи не приводятъ къ произволу и насилію, не сопровождаются безправіемъ низшихъ классовъ, не вызываютъ ихъ раздраженія и негодованія; знатныя нѣмецкія фамиліи дѣйствительно имѣютъ свою самостоятельную исторію, а не обязаны своимъ возвышеніемъ случайному фаворитизму и казнокрадству; оттого и бюргеры привыкли уважать аристократію, хотя иногда и недовольны ея представителями. Какъ бы то ни было, плохой или устарѣлый политическій строй не мѣшаетъ безспорному процвѣтанію и прогрессивному культурному росту Пруссіи и Германіи; экономическое состояніе страны и положеніе государственныхъ финансовъ не оставляютъ желать ничего лучшаго; внѣшняя политика ведется умѣлой и твердой рукой, и нѣмецкіе патріоты не имѣютъ повода жаловаться на свое правительство. Никто не можетъ отрицать, что германскій государственный механизмъ, при всѣхъ его недостаткахъ, превосходно дѣйствуетъ на практикѣ, и поэтому-то населеніе не чувствуетъ потребности въ ломкѣ установленнаго режима. Вопросъ о коренной политической реформѣ не выдвигается жизнью на первый планъ и неспособенъ волновать умы при данныхъ условіяхъ, а передовые либералы и прогрессисты не обнаруживаютъ смѣлаго творчества, необходимаго для постановки подобныхъ крупныхъ задачъ. Въ отношеніяхъ между властью и народомъ нѣтъ вообще антагонизма, такъ какъ власть не выходитъ изъ своей обязательной роли служебнаго органа и не приписываетъ себѣ правъ и интересовъ, противорѣчащихъ государственной пользѣ. Политическія партіи борются между собою и несомнѣнно облегчаютъ положеніе правительства своими взаимными счетами, и если, напр., во внутренней политикѣ Пруссіи замѣчается застой, то это зависитъ прежде всего отъ настроенія и характера господствующихъ парламентскихъ группъ. Изъ 433 мѣстъ въ прусской палатѣ депутатовъ 206 принадлежатъ консерваторамъ разныхъ оттѣнковъ;

затѣмъ партія центра и національ-либералы во многомъ слѣдуютъ консервативному теченію, а ничтожныя фракціи прогрессистовъ обречены на безсиліе. Какъ же не быть консервативнымъ и прусскому правительству?

При открытіи засѣданій прусскаго сейма 8 января (нов. ст.) газеты отмѣчали отсутствіе какихъ бы то ни было признаковъ оживленія въ предстоящей парламентской дѣятельности; „это спокойствіе—поясняетъ „Berliner Tageblatt"—есть спокойствіе застоя, налагающаго свою печать на всю политическую жизнь въ Пруссіи: въ массахъ—полное, глухое безучастіе къ политическимъ дѣламъ; въ парламентахъ—нѣсколько умныхъ спеціалистовъ и скромныхъ ораторовъ; на министерскихъ скамьяхъ—нѣсколько порядочныхъ и прилежныхъ, но не слишкомъ геніальныхъ людей". Во главѣ правительства — князь Бюловъ, любезнѣйшій дипломатъ, лишенный всякой оригинальности въ идеяхъ и рѣшеніяхъ; министръ финансовъ, баронъ фонъ-Рейнбабенъ,—„прототипъ дѣловитаго, всегда корректнаго столоначальника"; министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Бетманъ-Гольвегъ, — „философъ, готовый оправдывать все существующее ссылками на Канта и его категорическіе императивы"; наконецъ, министръ народнаго просвѣщенія, фонъ-Штудтъ,—воплощеніе узко-канцелярскаго формализма. Но гдѣ та либеральная оппозиція, которая громила бы этотъ слабый кабинетъ и авторитетно требовала бы его обновленія свѣжими силами? Такой оппозиціи не существуетъ, и о ней вовсе не упоминаетъ „Berliner Tageblatt" въ своей характеристикѣ прусскаго политическаго застоя; газета возлагаетъ свои надежды только на добровольную перемѣну въ политикѣ и намѣреніяхъ правительства.

Этотъ же странный взглядъ на будущее высказывался въ нѣмецкой либеральной печати и по поводу выборовъ въ имперскій сеймъ. Либералы надѣялись почему-то на признательность правительства за поддержку противъ партіи центра; князь Бюловъ долженъ будто бы сдѣлать нѣкоторый поворотъ въ сторону либерализма, чтобы доставить справедливое удовлетвореніе своимъ случайнымъ либеральнымъ союзникамъ, выступившимъ на защиту его колоніальной политики. Въ разсужденіяхъ многихъ газетъ повторялись эти намеки на желательный поворотъ въ чувствахъ канцлера относительно либераловъ, и газетные публицисты не замѣчали всей унизительности этой точки зрѣнія для либеральной партіи. Что это за либеральная партія, которая даже не осмѣливается быть независимою и робко мечтаетъ о благосклонности завѣдомо-консервативнаго правительства! „Вотъ мы дѣйствуемъ въ пользу правительства, противъ непокорной партіи центра,—какъ будто говорили либералы,—и мы разсчитываемъ, что наше поведеніе будетъ замѣчено и оцѣнено по заслугамъ". Не естественнѣе

ли было бы думать о завоеваніи широкихъ народныхъ симпатій и о привлеченіи избирателей въ пользу своихъ программъ? Но для самостоятельной политической пропаганды не хватало идей, и либеральные призывы къ избирателямъ поражали скудостью и безцвѣтностью своего содержанія. Политическое положеніе опредѣлялось тѣмъ обстоятельствомъ, что могущественнѣйшая изъ парламентскихъ партій—католическая партія центра — разошлась съ правительствомъ по вопросу о колоніальномъ бюджетѣ и отклонила проектъ увеличенія численности войскъ въ колоніяхъ до предположенной цифры; лозунгомъ правительства при послѣдовавшемъ затѣмъ роспускѣ имперскаго сейма была защита германскихъ колоній: вопросъ былъ поставленъ на почву общепонятнаго и обязательнаго для всѣхъ патріотизма, и на этой почвѣ канцлеръ имѣлъ за себя не только средняго нѣмецкаго обывателя, но и парламентскихъ либераловъ и прогрессистовъ, которые были рады случаю дѣйствовать противъ ненавистной имъ партіи центра заодно съ правительствомъ. Названная партія, состоящая главнымъ образомъ изъ католиковъ и находящаяся подъ сильнымъ вліяніемъ римской церкви, всегда служила оплотомъ реакціи, и потому нѣмецкіе либералы выступали на выборахъ съ девизомъ: „противъ реакціи, — за національную свободу и культуру!“. Центръ съ своей стороны рѣшительно и рѣзко поднялъ борьбу во имя парламентскихъ правъ противъ колоніальныхъ увлеченій и злоупотребленій, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на опасность, угрожающую будто бы католической религіи; соціалъ-демократы по обыкновенію нападали одинаково на всѣ буржуазныя партіи, отвергали въ принципѣ колоніальныя завоеванія и не стѣснялись дѣйствовать солидарно съ реакціонной партіей центра. Слабѣе всего была позиція либераловъ, очутившихся въ роли временныхъ союзниковъ правительства, которое вообще относилось къ нимъ съ полнымъ и отчасти заслуженнымъ пренебреженіемъ. Либеральная печать постоянно критиковала и высмѣивала князя Бюлова, какъ и его сотрудниковъ, и мысль о томъ, что канцлеръ внезапно проникнется сочувствіемъ къ либераламъ, могла бы осуществиться только въ одномъ случаѣ,—еслибы они имѣли основаніе разсчитывать на побѣду при выборахъ; но они сами не предвидѣли для себя никакихъ шансовъ успѣха и откровенно признавались въ этомъ заранѣе.

Имперскій канцлеръ принялъ на этотъ разъ дѣятельное участіе въ избирательной агитаціи, но участіе его выражалось не въ попыткахъ стѣсненія враждебныхъ или оппозиціонныхъ партій и не въ усиліяхъ оказать какое бы то ни было давленіе на избирателей, а въ самостоятельныхъ публичныхъ заявленіяхъ, имѣющихъ программный характеръ; въ то же время помощникъ его, директоръ департамента

колоній, Бернгардъ Дернбургъ, читалъ подробные доклады и говорилъ рѣчи о колоніальной политикѣ, для подтвержденія и выясненія правительственныхъ взглядовъ по этому важному вопросу. Въ открытомъ письмѣ къ комитету „имперскаго союза противъ соціалъ-демократіи", въ концѣ декабря, канцлеръ весьма обстоятельно изложилъ свою избирательную „платформу"; газеты нашли въ ней благодарный матеріалъ для различныхъ комментаріевъ, разсужденій и выводовъ, но не могли противопоставить ей ничего болѣе опредѣленнаго и положительнаго. Князь Бюловъ даетъ вполнѣ вѣрную характеристику разыгравшагося парламентскаго кризиса. Еще при своемъ вступленіи въ должность онъ засталъ въ имперскомъ сеймѣ почти такую же группировку партій, какая существовала въ послѣднее время. „Буржуазная лѣвая, раздѣленная на три-четыре группы; правая — болѣе сплоченная, но по численности столь же слабая, какъ всѣ либеральныя группы вмѣстѣ; въ серединѣ — сильнѣйшая партія, центръ, которая уже тогда была въ состояніи, соединившись или съ соціалъ-демократами вмѣстѣ съ поляками, ганноверцами и прочими, или же съ консерваторами и правымъ крыломъ либераловъ, образовать большинство. Другого выбора, какъ работать съ центромъ, не было для правительства, особенно со времени выборовъ 1903 года". Канцлеру пришлось поневолѣ имѣть въ виду сотрудничество этой партіи; онъ пытался пріобрѣсть ея согласіе на важнѣйшія правительственныя предложенія, и дѣйствительно только съ помощью центра могъ провести такіе проекты, какъ усиленіе флота, торговые договоры, финансовая реформа. „Эта зависимость парламентскихъ результатовъ отъ доброй воли одной партіи, среди многообразныхъ нѣмецкихъ партійныхъ организацій, казалась довольно рискованною; но не было повода мѣнять положеніе, пока центръ обнаруживалъ готовность отдаться положительной работѣ совмѣстно съ союзными правительствами, не соблазняясь возможностью злоупотреблять своимъ преобладаніемъ въ парламентѣ. Однако весной прошлаго года нѣкоторые серьезные проекты правительства были отвергнуты соединенною оппозиціею центра и соціалъ-демократіи: канцлеръ, бывшій тогда больнымъ, не принялъ съ своей стороны никакихъ мѣръ, но рѣшилъ энергически противодѣйствовать такимъ комбинаціямъ, при первой новой попыткѣ центра провалить какое-нибудь важное правительственное предложеніе. Въ то же время онъ начиналъ питать надежду на перемѣну парламентской обстановки при помощи самого народа, въ виду замѣчавшагося поворота въ доктринерскихъ воззрѣніяхъ представителей либеральной буржуазіи и обостряющейся борьбы ея противъ соціалъ-демократіи. Въ Германіи нѣтъ единой либеральной партіи, которая проявляла бы ясное желаніе и способность вести положительную политику. Внутренняя рознь, отрицательное доктри-

нерство, преувеличеніе общихъ принциповъ и невниманіе къ практически-достижимому не позволило либерализму пріобрѣсть вліяніе на дѣла управленія; только въ послѣднее десятилѣтіе измѣнилось кое-что въ этомъ отношеніи: на это указывали систематическія нападки покойнаго Евгенія Рихтера на соціалъ-демократію, постепенное отреченіе отъ манчестерской доктрины, все большее пониманіе и чутье въ области великихъ національныхъ задачъ. Многое остается еще усвоить либераламъ: умѣнье соблюдать мѣру, трезвый взглядъ на вещи, рѣшимость предпочесть ближайшее и возможное отдаленному и неосуществимому. Нельзя и думать, чтобы изъ настоящихъ выборовъ выросла единая либеральная партія, способная занять мѣсто центра. Но партіи правой, національ-либеральная партія и стоящія лѣвѣе свободомыслящія группы могли бы при сознательныхъ цѣлесообразныхъ усиліяхъ въ избирательной борьбѣ настолько увеличить свою численность, чтобы составить большинство для отдѣльныхъ случаевъ. Рѣзкая противоположность, раздѣлявшая до сихъ поръ правыя партіи отъ буржуазныхъ лѣвыхъ въ хозяйственныхъ вопросахъ, отчасти потеряла значеніе, такъ какъ необходимая таможенная охрана интересовъ земледѣлія обезпечена на десять лѣтъ впередъ. Съ другой стороны, консервативныя партіи и національ-либералы твердо стояли заодно, когда дѣло шло объ общемъ благѣ націи, объ ея единствѣ и могуществѣ. Нація была для нихъ выше партіи; въ этомъ ихъ слава и заслуга. Чѣмъ болѣе будетъ усиливаться въ группахъ лѣвой готовность къ удовлетворенію великихъ національныхъ потребностей въ области колоніальныхъ владѣній, въ дѣлахъ арміи и флота, тѣмъ шире и прочнѣе окажется мостъ, соединяющій ихъ съ консервативными и умѣренно-либеральными партіями. Въ средѣ самого центра національно-настроенные элементы могутъ легче соединяться съ другими умѣренными партіями, когда устранится опасность черно-краснаго большинства, какъ оружія противъ правительства". Канцлеръ видитъ угрозу для будущаго въ этой возможности образованія подавляющей парламентской оппозиціи при участіи соціалъ-демократіи;—послѣдняя пріобрѣтаетъ такимъ образомъ разрушительное вліяніе на общій ходъ государственныхъ дѣлъ, и противъ этого должны единодушно бороться нѣмецкіе патріоты безъ различія направленій. Опасность реакціи, по мнѣнію князя Бюлова, „грозитъ имперіи не справа, какъ полагаютъ нѣкоторые либералы, а напротивъ, только со стороны соціалъ-демократовъ съ ихъ проповѣдью насилія и принужденія, с ихъ отрицаніемъ понятій начальства, собственности, религіи отечества. За одичавшимъ гражданиномъ и опьяненнымъ фразам уравнителемъ Робеспьеромъ слѣдовалъ мечъ Бонапарта: онъ долженъ былъ появиться, чтобы избавить французскій народъ отъ террора як

бинцевъ и коммунистовъ". „Я работаю съ каждою партіей—говоритъ далѣе канцлеръ,—которая уважаетъ великія національныя точки зрѣнія. Гдѣ эти взгляды не признаются, тамъ прекращается дружба. Никто въ Германіи не желаетъ личнаго управленія. Но значительное большинство нѣмецкаго народа тѣмъ болѣе не желаетъ партійнаго управленія". Сильнѣйшая партія имперскаго сейма состоитъ исключительно изъ католиковъ. Въ программѣ центра значится: „за истину, свободу и право"; въ воззваніи прирейнской группы сказано, что въ основѣ подготовляется новая „культурная борьба" противъ католичества. Канцлеръ рѣшительно протестуетъ противъ такого утвержденія. „Въ равноправной Германіи католическая церковь находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ иныхъ католическихъ странахъ, и ни одинъ изъ представителей союзныхъ правительствъ не думаетъ о томъ, чтобы отмѣнить равноправіе, нарушить свободу совѣсти и стѣснить католическую церковь. Въ приведенныхъ подозрѣніяхъ религія служитъ средствомъ для охраны партійныхъ политическихъ интересовъ". Въ заключеніе канцлеръ обращается противъ соціалъ-демократіи и совѣтуетъ всѣмъ добрымъ нѣмцамъ сплотиться для „борьбы за честь и благо націи противъ соціалъ-демократовъ, поляковъ, вельфовъ (сторонниковъ ганноверской династіи) и центра".

Изъ этихъ заявленій князя Бюлова можно видѣть, что разрывъ его съ партіей центра не имѣетъ принципіальнаго характера и что возстановленіе прежняго „сотрудничества" зависитъ только отъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ парламентской тактикѣ этой партіи; за то относительно либераловъ дѣло доходитъ до явной насмѣшки: имъ предлагается проникнуться общими національными идеями консерваторовъ и дѣйствовать заодно съ послѣдними, „отъ случая до случая", во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики. Другими словами, либеральныя группы должны отказаться отъ самостоятельнаго политическаго существованія и отречься отъ своихъ руководящихъ принциповъ, изъ-за которыхъ они въ теченіе многихъ лѣтъ вели упорную и нерѣдко успѣшную борьбу съ самимъ Бисмаркомъ; и за это политическое самоубійство канцлеръ даже ничего не обѣщаетъ взамѣнъ — ни смягченія таможеннаго покровительства, ни измѣненія реакціоннаго духа въ сферѣ народнаго образованія, ни какихъ бы то ни было уступокъ въ общемъ бюрократическомъ режимѣ. Канцлеръ просто отрицаетъ всякое реальное значеніе нѣмецкаго либерализма и не признаетъ никакого принципіальнаго различія между передовыми прогрессистами и умѣренными консерваторами; это отрицаніе обидѣло даже смиренныхъ либеральныхъ патріотовъ и заставило ихъ съ горечью отказаться отъ суетныхъ надеждъ на правительство. „Прежній курсъ остается неизмѣннымъ", заключаетъ весьма резонно

„Berliner Tageblatt"; но почему онъ долженъ былъ измѣниться? Развѣ нѣмецкіе либералы перестали быть разрозненными и слабыми, и развѣ они проявили въ чемъ-нибудь способность и рѣшимость образовать сильную, крѣпко сплоченную партію? Либеральные публицисты заранѣе предупреждали публику, что нечего и думать о какомъ-либо успѣхѣ либераловъ на выборахъ. „Избирательная борьба — говорилось въ томъ же „Berliner Tageblatt" въ самый день выборовъ — не представляетъ особенно значительныхъ шансовъ для либерализма. Было бы безразсудно обманывать себя въ этомъ отношеніи. Было бы вдвойнѣ ошибочно ожидать, что эта избирательная борьба дастъ побѣду либераламъ и доставитъ намъ либеральное большинство. Безъ сомнѣнія, либерализмъ будетъ имѣть въ народномъ представительствѣ только меньшинство депутатовъ. Это ожиданіе, несомнѣнно раздѣляемое съ нами сегодня тысячами либеральныхъ людей, не должно, однако, никого удерживать отъ исполненія своего долга". Съ какимъ чувствомъ могли либералы идти къ избирательнымъ урнамъ при подобныхъ условіяхъ? Люди, заранѣе ожидающіе пораженія, не станутъ бодро стремиться въ бой; они сами готовятъ себѣ неудачу своимъ малодушіемъ, отсутствіемъ вѣры въ свое дѣло и въ возможность его успѣха. Политическая партія, дошедшая до такого нравственнаго состоянія, дѣйствительно теряетъ право на самостоятельное существованіе и должна поневолѣ уступить мѣсто болѣе жизненнымъ и энергическимъ организаціямъ. Сознательные и настойчивые прогрессисты имѣютъ предъ собою очень много работы въ Германіи, и было бы слишкомъ легкомысленно предполагать, что упадокъ старыхъ либеральныхъ партій зависитъ отъ слабости прогрессивныхъ идей и стремленій въ нѣмецкомъ обществѣ. Нѣтъ только талантливыхъ и авторитетныхъ вождей, способныхъ сплотить воедино разрозненные прогрессивные элементы; многіе передовые дѣятели ушли въ соціалъ-демократію, и великія соціальныя задачи оттѣснили на задній планъ вопросы о политическихъ реформахъ.

Въ застольной рѣчи, произнесенной 19-го января (нов. ст.) на банкетѣ колоніальнаго комитета, князь Бюловъ дополнилъ и развилъ нѣкоторыя мысли своего перваго избирательнаго „манифеста", и между прочимъ остановился на щекотливомъ вопросѣ о правительственной роли императора. „Говорятъ, что нужно бороться противъ личнаго режима и предотвратить опасность абсолютизма. Такой опасности на дѣлѣ не существуетъ, — категорически заявляетъ канцлеръ, — и она не можетъ существовать при союзной имперской конституціи. Нашъ императоръ не думаетъ присвоивать себѣ права, не принадлежащія ему по имперскимъ конституціоннымъ законамъ. И при роспускѣ имперскаго сейма онъ ничего другого не сдѣлалъ, какъ только одобрилъ

совѣтъ имперскаго канцлера и предложеніе союзнаго совѣта примѣнить въ данномъ случаѣ установленное конституціею право. Мы не живемъ уже во времена великаго курфюрста и великаго короля, которые изъ своего кабинета распоряжались дѣлами монархіи. Князь Бисмаркъ назвалъ однажды актомъ самой подлой трусости (niedrigster Feigheit), если министръ старается свою отвѣтственность прикрыть отвѣтственностью короля. Съ перваго дня моего вступленія въ должность эти слова постоянно находились у меня въ умѣ. Интересы короны, такъ же какъ и интересы страны, требуютъ поддержанія полной отвѣтственности и вмѣстѣ съ тѣмъ авторитета имперскаго канцлера, а въ Пруссіи—министровъ, которые, правда, служатъ органами короны, но тѣмъ не менѣе одинаково уполномочены, какъ и обязаны руководствоваться своею собственною иниціативою". Полезно имѣть въ виду эти замѣчанія князя Бюлова тѣмъ изъ нашихъ публицистовъ, которые возстаютъ противъ отвѣтственности министровъ, какъ неразрывно связанной будто бы съ одностороннимъ господствомъ парламентаризма, и ссылаются, въ подтвержденіе своего взгляда, на Пруссію. Въ словахъ германскаго канцлера поучительна и другая черта—совершенное отсутствіе какого бы то ни было оттѣнка льстивой угодливости при упоминаніи о правахъ и обязанностяхъ монарха. Князь Бюловъ разсуждаетъ въ этомъ случаѣ не какъ „слуга" и царедворецъ, а какъ государственный человѣкъ,—въ отличіе отъ обычнаго унизительнаго холопскаго тона, считаемаго почему-то обязательнымъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ.

Общіе результаты выборовъ 25-го января далеко не оправдали предположеній германскаго канцлера и оказались совершенно неожиданными для отдѣльныхъ партій: центръ сохранилъ почти всѣ свои позиціи и имѣлъ шансы еще увеличить свою прежнюю численность во время предстоявшихъ перебаллотировокъ; „свободомыслящіе" либералы, предвидѣвшіе полную неудачу, были озадачены неожиданнымъ успѣхомъ, причемъ сразу пріобрѣли пять новыхъ депутатскихъ мѣстъ; консерваторы выиграли также пять мѣстъ, поляки—два, вельфы или ганноверцы, имѣвшіе еще трехъ представителей въ послѣднемъ имперскомъ сеймѣ, совсѣмъ исчезли изъ парламента, а главный ударъ нанесенъ былъ соціалъ-демократамъ, потерявшимъ сразу девятнадцать мѣстъ. Правительству не удалось достигнуть ослабленія партіи центра; напротивъ, партія выйдетъ изъ выборовъ окрѣпшею, съ обновленными, свѣжими силами, и князю Бюлову придется по прежнему серьезно считаться съ нею и даже искать въ ней опору въ извѣстныхъ случаяхъ; зато пораженіе соціалъ-демократіи составляетъ крупное торжество для канцлера, а приростъ числа прогрессивныхъ депутатовъ уменьшаетъ исключительную зависимость отъ католиче-

скаго центра, позволяя разсчитывать на двойное большинство, смотря по обстоятельствамъ,—консервативно-либеральное противъ центра и соціалъ-демократіи, и консервативно-клерикальное противъ либераловъ и соціалистовъ. Въ высшей степени пріятно для правительства исчезновеніе вельфовъ, но полки останутся, вѣроятно, въ прежнемъ числѣ.

Особенно поразилъ нѣмецкую публику видимый разгромъ соціалъ-демократіи, такъ какъ всѣ привыкли считать послѣдовательное увеличеніе ея состава чѣмъ-то стихійнымъ, неминуемымъ при каждыхъ выборахъ. Въ послѣднемъ нашемъ обозрѣніи мы также высказали увѣренность, что соціалисты не потерпятъ ущерба въ избирательной борьбѣ; мы ошиблись вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ самихъ нѣмцевъ, и эта ошибка объясняется прежде всего невозможностью предвидѣть грубые тактическіе пріемы и странныя увлеченія соціалъ-демократіи во время предвыборной агитаціи. Партія обнаружила политическую безпринципность уже въ томъ, что дѣйствовала заодно съ реакціоннымъ клерикальнымъ центромъ противъ либераловъ и прогрессистовъ; она допускала отдѣльныя мѣстныя соглашенія съ врагами либерализма, подъ предлогомъ борьбы съ буржуазіею, и этимъ смущала и отталкивала людей, примкнувшихъ къ соціализму безъ слѣпой сектантской вѣры, но съ искреннимъ убѣжденіемъ въ его благотворной реформаторской миссіи. Такихъ послѣдователей соціалъ-демократіи, свободныхъ отъ узкаго догматизма, появилось очень много послѣ публичнаго раскола между марксистами, подъ вліяніемъ свободной критики Бернштейна и его единомышленниковъ; успѣхи этого ревизіонистскаго теченія отчасти и выразились въ увеличеніи числа избирателей-соціалистовъ на выборахъ 1903 года. Позднѣе, однако, возстановлено было въ партійной организаціи одностороннее господство правовѣрнаго марксизма, за которымъ не могли слѣдовать массы вновь присоединившихся приверженцевъ „бернштейніанства"; отпаденію многихъ категорій рабочихъ способствовалъ и недавній разладъ между партіею и профессіональными рабочими союзами. Необыкновенная самоувѣренность, крайняя нетерпимость, раздражающій полемическій тонъ и прямолинейное сектантское доктринерство руководителей соціалъ-демократіи, очевидно, перестали привлекать къ ней народныя симпатіи, а безплодная многолѣтняя словесная борьба противъ буржуазіи и капитализма вызывала сомнѣнія не только въ цѣлесообразности партійной тактики, но и въ основательности соціалъ-демократическихъ принциповъ. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ соціалъ-демократы, сдѣлавшись уже сильною парламентскою партіею, не предпринимали ни одного серьезнаго шага для пользы трудящагося населенія, не выработали никакой системы положительныхъ соціальныхъ

реформъ для рабочаго класса, а продолжали упорно толковать о будущемъ золотомъ вѣкѣ пролетарскаго владычества, который яко-бы наступитъ самъ собою въ силу непреложныхъ законовъ историческаго развитія. Для такого неопредѣленнаго ожиданія будущаго господства казалась излишнею творческая законодательная работа въ настоящемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ терялъ практическій смыслъ существованіе многочисленной парламентской партіи, стоящей въ сторонѣ отъ текущихъ задачъ и вопросовъ. Въ рабочемъ классѣ могло постепенно возникнуть охлажденіе къ проповѣдникамъ подобнаго пассивнаго выжидающаго соціализма, а безцеремонные способы дѣйствій вождей подрывали самыя основы популярности партіи въ народѣ. Искренніе соціалъ-демократы изъ рабочихъ никакъ не поймутъ, почему ихъ парламентскіе представители являются солидарными съ худшими дѣятелями реакціи, и никогда не повѣрятъ, что это нужно для успѣха борьбы съ либеральною буржуазіею или для подрыва авторитета правительства. Рабочіе не могутъ не сознавать, что буржуазія и капитализмъ процвѣтаютъ и что это процвѣтаніе ростетъ и усиливается съ каждымъ годомъ, вопреки всѣмъ неустаннымъ нападкамъ соціалъ-демократической печати, и каждый невольно ставитъ себѣ вопросъ: какую реальную пользу приноситъ рабочимъ могущественная партійная организація соціалъ-демократіи при настоящемъ характерѣ ея программы и дѣятельности? Эти и подобныя имъ сомнѣнія и разочарованія, вѣроятно, побудили многихъ рабочихъ отдать свои голоса болѣе активнымъ передовымъ прогрессистамъ, которые главнымъ образомъ и выиграли отъ неудачи соціалъ-демократовъ. Впрочемъ, о дѣйствительномъ размѣрѣ этихъ неудачъ судить пока еще трудно: въ Берлинѣ партія сохранила еще прежнее преобладающее положеніе; въ пяти столичныхъ избирательныхъ округахъ избраны соціалисты, точно такъ же какъ и въ Шарлоттенбургѣ; только въ одномъ округѣ предстоитъ перебаллотировка между прогрессистомъ Кемпфомъ и соціалистомъ Аронсомъ. Окончательный результатъ выяснится лишь послѣ всѣхъ перебаллотировокъ, которыхъ осталось еще около 160.

Въ Австріи доведена до благополучнаго конца весьма важная конституціонная реформа: 21-го января (нов. ст.) австрійская палата господъ приняла въ третьемъ чтеніи, безъ всякихъ перемѣнъ, новый избирательный законъ для выборовъ въ парламентъ. Такимъ образомъ, послѣ долгихъ усилій и пререканій, принципъ всеобщаго избирательнаго права дѣлается основой политической жизни въ странѣ, гдѣ до сихъ поръ господствовали крайне сложныя и запутанныя отношенія между различными разрядами привилегированныхъ и непри-

вилегированныхъ избирателей. Палата господъ въ свою очередь обезпечила себя отъ произвольнаго увеличенія ея состава со стороны короны, которая отнынѣ лишается права назначать новыхъ членовъ сверхъ установленнаго комплекта; только послѣ этой уступки, возвышающей авторитетъ и самостоятельность верхней палаты, послѣдняя выразила свое формальное согласіе на предложенное преобразованіе системы выборовъ въ нижнюю палату. Компромиссъ, достигнутый министерствомъ барона Бека, приведетъ, безъ сомнѣнія, къ обновленію австрійскаго политическаго быта и положитъ конецъ тѣмъ хроническимъ неурядицамъ и кризисамъ, которые исключали возможность правильнаго дѣйствія парламентаризма въ Австріи.

Устарѣлыя особенности политическаго строя австрійской монархіи, въ связи съ традиціонною первенствующею ролью вѣнскаго двора, получили очень яркое и своеобразное освѣщеніе въ недавнемъ инцидентѣ съ венгерскимъ министромъ юстиціи Полоньи. Оказывается, что правительственный кризисъ, тяготѣвшій надъ Венгріею до образованія нынѣшняго министерства Векерле-Кошута, былъ улаженъ при закулисномъ содѣйствіи нѣкоей вѣнской баронессы съ сомнительнымъ прошлымъ, поддерживающей близкія связи съ высокими особами вѣнскаго двора; эта баронесса легко достигла того, что представлялось недоступнымъ для политическихъ дѣятелей Венгріи, и благодаря участію одного изъ дружественныхъ съ нею эрцгерцоговъ могъ состояться пріемъ Франца Кошута императоромъ Францемъ-Іосифомъ. Дѣло обнаружилось теперь только потому, что баронесса обратилась къ венгерскому правительству съ требованіемъ вознагражденія въ пятьдесятъ тысячъ кронъ, которое будто бы было обѣщано ей нынѣшнимъ министромъ юстиціи, Полоньи. Министръ сознался, что дѣйствительно пользовался услугами баронессы для скорѣйшаго достиженія нужнаго результата и что объ этомъ зналъ также его коллега, графъ Аппоньи. По поводу этого непріятнаго разоблаченія произошелъ даже частичный министерскій кризисъ, вслѣдствіе выхода въ отставку министра Полоньи. Такимъ образомъ исключительныя прерогативы монарха, которымъ придаютъ такое важное принципіальное значеніе приверженцы самодержавія, могутъ служить орудіемъ или игрушкою въ рукахъ не только придворныхъ сановниковъ, но и случайныхъ сомнительныхъ личностей, — даже въ такомъ высоко-культурномъ государствѣ, какъ Австрія.

Персидскій шахъ Музаффереддинъ скончался 8-го января (нов. ст.) въ Тегеранѣ, оставивъ въ наслѣдство своему сыну и преемнику не только персидскій тронъ, но и персидскую конституцію.

Говорятъ, что мысль о крупныхъ политическихъ реформахъ возникла у него впервые послѣ катастрофы, постигшей его отца, шаха Насреддина, въ 1896 году. Но это предположеніе не соотвѣтствуетъ дальнѣйшимъ его дѣйствіямъ, возбуждавшимъ сильное неудовольствіе даже среди покорныхъ обывателей Персіи. Довѣренные его фавориты, по обыкновенію, разоряли народъ и по-своему распоряжались государствомъ отъ имени всемогущаго „царя царей"; наконецъ, лѣтомъ прошлаго года безпорядки и волненія дошли до того, что шахъ рѣшилъ смѣнить визиря и созвать почетныхъ жителей для совѣщанія о нуждахъ страны. Обнародована была конституція, и въ сентябрѣ произведены были выборы въ первый персидскій парламентъ, который открылъ свои засѣданія 12-го октября, въ присутствіи самого шаха, при восторженныхъ привѣтствіяхъ населенія. Новый шахъ, Мохамедъ Али-Мирза, подтвердилъ новые конституціонные законы, и насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, наиболѣе вліятельная часть персидскаго народа очень дорожитъ пріобрѣтенными правами и относится къ нимъ вполнѣ сознательно.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Hermann Bahr. Ringelspiel, in drei Akten. Berlin, 1907. (S. Fischer, Verlag).

Германъ Баръ имѣетъ особенное свойство, которому онъ главнымъ образомъ обязанъ успѣхомъ у публики. При отсутствіи оригинальнаго и глубокаго мышленія, онъ умѣетъ однако популяризировать идеи, которыя въ данный моментъ интересуютъ утонченно-культурныхъ людей. Благодаря этому, онъ внѣшнимъ образомъ примыкаетъ къ передовой литературѣ, къ искателямъ философскаго смысла жизни,— между тѣмъ какъ по существу онъ только ищетъ эффектныхъ сюжетовъ и старается использовать для этого разнаго рода „новыя идеи". Его драмы и комедіи очень разнообразны по замыслу; онѣ или превозносятъ законъ личной свободы превыше старыхъ принциповъ нравственности, или же пессимистически развѣнчиваютъ пустоту легкомысленныхъ женщинъ, играющихъ чувствомъ любви. Это разнообразіе дѣлаетъ Бара не идеологомъ новой нравственности, — какимъ онъ, очевидно, хотѣлъ бы быть,—а только виртуозомъ, разыгрывающимъ, иногда очень искусно, варіаціи на темы о новой и старой нравственности.

Наиболѣе виртуозна его драма о свободѣ духа, уничтожающей даже такое исконное чувство, какъ ревность, и дѣлающей человѣка необыкновенно сильнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безконечно одинокимъ. Эта его драма—„Мастеръ" („Der Meister"), имѣвшая очень большой успѣхъ въ Германіи, а также и на русскихъ сценахъ. По-русски она шла въ нѣсколькихъ переводахъ на столичныхъ и провинціальныхъ сценахъ: при существующемъ у насъ интересѣ къ вопросамъ совѣсти, къ индивидуальному внутреннему разрѣшенію душевныхъ драмъ, этотъ успѣхъ вполнѣ понятенъ. Такой же апологіей свободной совѣсти была другая драма Бара на общественную тему—его „Министръ", въ которой онъ противополагаетъ и въ общественной дѣятельности чуткую совѣсть партійнымъ интересамъ.

Съ тѣхъ поръ Баръ обратился къ другимъ темамъ, болѣе пессимистическимъ. Вмѣсто смѣлыхъ и свободныхъ созидателей новой нравственности, онъ сталъ выводить на сцену разочарованныхъ резонеровъ, которые видятъ въ жизни только игру, въ которой равны всѣ побужденія и всѣ желанія, добрыя и злыя. Нравственный судъ от-

вергается въ этихъ пьесахъ даже по отношенію къ явно уродливымъ явленіямъ жизни, но творческую свободу замѣняетъ почти циничное равнодушіе. Такая метаморфоза міросозерцанія въ данномъ случаѣ объясняется тѣмъ, что Баръ только виртуозъ, и всѣ современныя темы для него одинаковы.

Пессимистически задумана одна изъ его послѣднихъ пьесъ, „Занна", въ которой рисуется нравственное разложеніе большого общественнаго круга. Въ томъ же духѣ и его новая пьеса „Хороводъ" (Ringelspiel). Она принадлежитъ къ разряду идейныхъ пьесъ, такъ какъ въ ней проповѣдуется опредѣленная философія жизни. Глубокаго захвата въ этой пьесѣ нѣтъ; основная идея состоитъ въ пессимистическомъ равнодушіи ко всѣмъ устоямъ нравственности,—а это достаточно использованный въ литературѣ мотивъ. Но, какъ варіація на старую тему, пьеса представляетъ интересъ—въ ней есть своеобразные оттѣнки пессимизма, красиво воплощенные въ нѣсколькихъ любопытныхъ фигурахъ, и самое дѣйствіе изобилуетъ сценическими эффектами.

Идейный герой пьесы „Ringelspiel"—старикъ Кингъ, шестидесятилѣтній милліонеръ, нажившій свое состояніе изобрѣтеніемъ газовой горѣлки. Это—прежде всего человѣкъ съ огромной энергіей и жадностью къ жизни. Жить значило для него преодолѣвать трудности, ощущать свою силу. Когда онъ заболѣлъ, и ему пришлось долго лежать въ постели, онъ за это время изучилъ русскій языкъ — только потому, что онъ — самый трудный. И вотъ, когда онъ нажилъ милліоны только своей личной иниціативой, и передъ нимъ открылась возможность владѣть всѣми благами жизни, онъ опасно заболѣлъ. Ему сдѣлали трудную операцію, „всего распороли", какъ онъ саркастически выражается, говоря объ этомъ; доктора были увѣрены, что онъ долженъ умереть,—и все-таки онъ выздоровѣлъ. Но послѣ этого кризиса его отношеніе къ жизни перемѣнилось, и онъ выработалъ себѣ философію, отъ которой уже не отступаетъ. Онъ понялъ—для себя, что единственно важное—смерть. „Мы принадлежимъ смерти, исходимъ изъ смерти, возвращаемся въ смерть. Тамъ мы дома", говоритъ онъ. Жизнь кажется ему только „антрактомъ", только „временнымъ отпускомъ" въ чуждую страну жизни. Когда люди пожили, набрались силъ, ихъ опять призываютъ обратно, „къ истинному дѣлу, къ смерти". Укрѣпившись на этой позиціи, старикъ Кингъ смотритъ на жизнь какъ на хороводъ, въ которомъ люди кружатся „пока". Правъ тотъ, кто въ жизни только играетъ, кто этимъ самымъ вѣренъ назначенію жизни. Смѣшны тѣ, которые ищутъ правды и смысла въ самой жизни. „Смысла жизни нѣтъ",—возражаетъ Кингъ глупому и мнящему себя глубокомысленнымъ человѣку, котораго онъ вышучи-

ваетъ за его серьезное отношеніе къ жизни, къ любви, вѣрности и т. д.—„Смысла жизни нѣтъ, почтеннѣйшій. Кое-что вы контрабандой перетаскиваете черезъ границу, приносите съ собой изъ смерти. Но это все—глупости. Здѣсь все это не имѣетъ цѣны. Истина... и все такое... все это для васъ лишнее. Тамъ все узнаете. Зачѣмъ спѣшить?"

Конечно, эта теорія „жизни сквозь призму смерти" ничего оригинальнаго не представляетъ; это только варіантъ прежнихъ пессимистическихъ ученій, а также отголосокъ нео-буддизма, очень моднаго теперь въ западной Европѣ. Но Баръ умѣетъ очень нарядно и убѣдительно воплощать модныя теоріи: его Кингъ во всякомъ случаѣ изображенъ любопытно и искусно поднятъ на высоту: при свѣтѣ его циничнаго равнодушія къ жизни, его презрѣнія къ добродѣтельнымъ и порочнымъ, къ легкомысленнымъ и серьезно живущимъ людямъ, всѣ другіе съ ихъ мнимыми душевными драмами кажутся мелкими и слѣпыми существами. Въ жизненной философіи Кинга есть еще одинъ существенный мотивъ. Онъ не судитъ людей, потому что не вѣритъ въ цѣлостность человѣческой индивидуальности. Человѣкъ въ жизни постоянно мѣняется, а нѣкоторые люди постоянно „въ стиркѣ", какъ онъ выражается на своемъ намѣренно-циничномъ языкѣ. Они представляютъ собой вѣчно двигающуюся процессію множества людей, т.-е. всѣхъ своихъ предковъ, изъ которыхъ нужно хоть быстро раздѣлаться съ каждымъ въ отдѣльности, прежде чѣмъ, наконецъ, придешь къ самому себѣ. Человѣкъ не отвѣтственъ въ каждую данную минуту за свои прежніе поступки и мысли. Въ немъ говоритъ его дѣдъ, или еще прадѣдъ". Кингъ поэтому не споритъ съ людьми: можетъ быть, человѣкъ, который съ нимъ споритъ, еще не „завершилъ маршъ", не пришелъ къ себѣ; зачѣмъ же спорить съ его предками?

Эти взгляды опредѣляютъ всѣ отношенія Кинга въ жизни. Когда люди, любящіе жизнь, стараются опровергнуть его, чтобы спасти для себя радость ея, онъ цинично объясняетъ имъ превосходство своихъ убѣжденій, пріобрѣтенныхъ близкимъ соприкосновеніемъ со смертью. „Я ничего не боюсь", говоритъ онъ когда его предостерегаютъ отъ искренности молодой женщины, которая можетъ наговорить ему непріятностей. „Мертвые ничего не боятся. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, три профессора медицинскаго факультета, присяжные эксперты по вопросу о смерти, объявили, что мнѣ осталось жить не болѣе семи мѣсяцевъ. Уже одиннадцать лѣтъ я по законамъ науки умеръ. Только по какой-то ошибкѣ, по халатности природы, меня еще не прибрали... я знаю, что науку должно чтить: я позволяю себѣ поэтому жить на свѣтѣ только инкогнито, неоффиціально".

Передъ этимъ старикомъ, познавшимъ жизнь изъ близости смерти, развертывается „хороводъ жизни" — не безъ его участія. Онъ одо-

бряетъ только вѣтренныхъ, веселыхъ людей и смѣется надъ глубокомысленными. И тѣ, и другіе участвуютъ въ событіяхъ, которыя разыгрываются на глазахъ Книга. Дѣйствующія лица этихъ событій—сорокалѣтній Юліусъ Эгтерсъ, его жена, хорошенькая вѣнка Франціь, и его подруга Руна. Юліусъ давно разошелся съ женой, предоставляетъ ей вести легкомысленный образъ жизни, вѣчно увлекаться, влюбляться; но онъ связанъ съ нею какимъ-то сложнымъ чувствомъ дружбы, и въ то же время не можетъ не считать себя до нѣкоторой степени хозяиномъ ея жизни: каждый серьезный претендентъ на сердце и руку Франціь встрѣчаетъ въ немъ непобѣдимаго врага. Юліусъ даже возмущается притязаніями посторонннихъ по отношенію къ женщинѣ, которой онъ, однако, предоставилъ полную свободу,—взявъ эту свободу для себя. Онъ горячо любитъ Руну, они всегда вмѣстѣ, объ ихъ связи Франціь знаетъ и относится вполнѣ доброжелательно къ подругѣ своего мужа. При этомъ она требуетъ, чтобы Юліусъ ей ежедневно писалъ письма,—что онъ свято исполняетъ. Въ ихъ отношеніяхъ перепутываются самые противорѣчивые мотивы, и добровольно предоставленная ими другъ другу свобода сочетается все-таки съ совершенно противоположными чувствами. Этого не понимаетъ Руна. Она любитъ Юліуса нераздѣльной страстью, не понимаетъ его отношеній къ женѣ, иногда слѣпо страдаетъ отъ нихъ, но покоряется объясненіямъ своего друга, увѣренная въ его любви къ себѣ. Пока Франціь вдали, эти сложныя отношенія улаживаются безъ всякихъ треній. Но вдругъ взбалмошная Франціь пріѣзжаетъ къ мужу и Рунѣ, и все запутываетъ въ капризную игру своихъ чувствъ и настроеній. Она пріѣзжаетъ для важнаго дѣла. Одинъ изъ ея поклонниковъ, глубокомысленно-глупый авторъ вздорной философской книги, принялъ въ серьезъ ея легкомысленный флиртъ, „повѣрилъ въ ея любовь“ и серьезно хочетъ на ней жениться. Съ этой цѣлью онъ, „какъ честный человѣкъ“, является къ Юліусу и, объявляя ему о своихъ намѣреніяхъ, говоритъ о разводѣ. Юліусъ прежде всего возмущенъ, взбѣшенъ — къ изумленію Руны, которая ничего не понимаетъ, и очень страдаетъ, принимая его возмущеніе за ревность. Вслѣдъ за Гаральдомъ является и Франціь — неожиданно, раньше, чѣмъ ее ждутъ по ея же телеграммѣ, и тутъ начинается полный бредъ. Она вполнѣ признаетъ права Руны, прежде всего обращаетъ свою неистовую—всегда искреннюю и всегда капризную—любовь на нее, восхищается ея красотой, благодаритъ мужа за хорошій выборъ подруги, за то, что онъ не оскорбилъ жену дурнымъ вкусомъ въ выборѣ ея преемницы,—благодаритъ Руну за то, что она, повидимому, даетъ счастье ея мужу, и все-таки относится къ Юліусу, какъ къ своей неотъемлемой собственности. Она спѣшитъ успокоить

его, объясняетъ, что и не думала выходить замужъ за Гаральда. При этомъ она восторгается Гаральдомъ, говоритъ, что сильно влюблена въ него,—хотя и не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться. Чувствуется, что всѣ ея противорѣчивыя чувства искренни и всѣ ничего не стоятъ. Для Руны это все мучительная драма; Юліусъ тоже страдаетъ отъ противорѣчій и въ себѣ, и въ женѣ; — все ясно только для одного Кинга. Въ жизни нѣтъ смысла, есть только „хороводъ", нужно провести время, „пока". Изъ всѣхъ окружающихъ онъ одобряетъ только Франціль, которая вѣрна этому назначенію людей. Развязка психологическаго узла, запутаннаго Франціль,—такая же капризная и неожиданная, какъ все, что она дѣлаетъ. Среди препирательствъ о томъ, какъ поступить съ Гаральдомъ, Франціль вдругъ видитъ красавца Джиріо, гондольера (дѣйствіе происходитъ въ Венеціи), увлекающаго дамъ своимъ пѣніемъ, забываетъ и про Гаральда, и про мужа, и объявляетъ, что это увлеченіе наконецъ настоящее. Она оставляетъ всѣхъ и ѣдетъ кататься съ нимъ въ гондолѣ. Юліусъ и Руна остаются со своей любовью, со всей сложностью своихъ чувствъ (Юліусъ все-таки радъ, что Франціль не досталась Гаральду, а увлеченія гондольеромъ онъ не боится), т.-е., по философіи Кинга, кружатся въ безсмысленномъ хороводѣ жизни. Самъ Кингъ старается сдѣлать для себя этотъ хороводъ жизни какъ можно болѣе пріятнымъ, чего и достигаетъ, освободившись въ своей жизни отъ всякихъ серьезныхъ чувствъ. У него тоже есть подруга, молоденькая красавица Доменика. Онъ ее балуетъ, исполняетъ всѣ ея капризы, даетъ ей всѣ наряды, которые ее прельщаютъ,—но запрещаетъ ей даже говорить, что она его любитъ. Любовь—это въ серьезъ, этого онъ не хочетъ, этому онъ не вѣритъ. А Доменика его любитъ, и долго страдаетъ, пока наконецъ не проникается его мрачной теоріей радости жизни. Кингъ сидитъ на берегу моря, окружая себя дѣтьми, и наблюдая въ нихъ всѣ человѣческія слабости въ зародышѣ; — потомъ онъ остается смотрѣть на балъ, устроенный на берегу, и любуется красивыми дѣвушками, которыя ведутъ хороводъ. Самой красивой, сестрѣ красавца Джиріо, онъ шлетъ воздушный поцѣлуй. Доменика, внѣ себя отъ ревности, бросается на Сильвію съ кинжаломъ, но Кингъ удерживаетъ ее, и только спокойно-поучительнымъ тономъ говоритъ ей, что „такъ не принято". Несчастная Сильвія покоряется, наконецъ, его „философіи", простоявъ нѣсколько времени неподвижно; она оживаетъ при звукахъ музыки, когда хороводъ танцующихъ дѣвушекъ снова приближается къ ней, и со смѣхомъ вступаетъ въ него.

Такъ заканчивается пьеса, выводящая радость изъ познанія закона смерти.

II.

Emile Zola, von Michael-Georg Conrad. 1906.

Монографія о жизни и произведеніяхъ Золя написана однимъ изъ наиболѣе близко знавшихъ его въ Германіи, какъ писателя, и знавшихъ лично, а именно—Михаиломъ-Георгомъ Конрадомъ, который въ свое время былъ пылкимъ и воинственнымъ апостоломъ натурализма въ Германіи. Натурализмъ теперь уже отошелъ въ прошлое,—въ исторію литературы, исполнивъ свою миссію, и въ настоящее время трудно найти такого горячаго апологета натурализма и его главы, Золя, какимъ выступаетъ Конрадъ въ своемъ очеркѣ. Его книга читается съ большимъ интересомъ,—какъ все, написанное съ искреннимъ увлеченіемъ. Пора отбросить устарѣлое представленіе о критикѣ, какъ о строгомъ судѣ. „Критиковать" въ жизненномъ значеніи этого слова—значитъ находить ошибки, осуждать, но въ литературѣ наиболѣе цѣнно разъясненіе, проникновеніе критика въ литературныя явленія, освѣщеніе ихъ. А если критикъ и нападаетъ, то въ сущности только для того, чтобы опять-таки освѣтить, показать значеніе, красоту или глубину какой-нибудь высшей идеи, противъ которой погрѣшилъ разбираемый имъ писатель. Чистое отрицаніе не можетъ быть плодотворнымъ,—и настоящее литературное значеніе имѣютъ тѣ критическія произведенія, въ которыхъ разъяснено крупное художественное явленіе.

Въ силу этого принципа маленькая книжка Конрада о Золя имѣетъ, можетъ быть больше значенія, чѣмъ добросовѣстное изслѣдованіе всѣхъ—столь очевидныхъ уже теперь слабостей и недостатковъ автора „Ругонъ Макаровъ". Въ настоящее время натурализмъ—пройденная ступень, исчерпанный принципъ искусства. Онъ вошелъ во всѣ дальнѣйшія начинанія въ художественномъ творчествѣ, и возвращаться къ нему нечего. Но если изучать его, какъ цѣнное прошлое, какъ источникъ дальнѣйшаго, то нужно воспринимать его въ его атмосферѣ,—и это дѣлаетъ Конрадъ. Поэтому его очеркъ необыкновенно живой и ярко передаетъ индивидуальность Золя.

Книжка Конрада въ значительной степени составлена изъ личныхъ воспоминаній о бесѣдахъ съ Золя и только дополнена краткой передачей позднѣйшихъ фактовъ его литературной жизни. Въ краткомъ предисловіи Конрадъ именно указываетъ на историческую роль натурализма: „Всякій здоровый идеализмъ исходитъ изъ натурализма",—говоритъ онъ, указывая на необходимость связи всего духовнаго съ

живой природой, съ дѣйствительностью. Не пройдя черезъ школу натурализма, современный идеализмъ впалъ бы въ отвлеченность средневѣковья, утверждаетъ Конрадъ,—и съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться. Въ Золà онъ прославляетъ его мощную индивидуальность, его разрушительную силу въ борьбѣ съ толпой, т.-е. со всѣми традиціонными устоями. Сильная индивидуальность, дѣйствительно, составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ Золà, но едва-ли это качество можно поставить въ активъ натурализму. Напротивъ того, натурализмъ скорѣе требуетъ отъ писателя объективности, исчезновенія своего „я“ въ творчествѣ, и въ этомъ смыслѣ уже Мопассанъ—болѣе послѣдовательный натуралистъ, чѣмъ Золà. Но Конрадъ менѣе всего занятъ въ своей книгѣ теоретическими разсужденіями. Онъ хочетъ возсоздать личность писателя со всѣмъ тѣмъ обаяніемъ, какое эта личность имѣла на него. И онъ отмѣчаетъ прежде всего въ Золà то, что̀ его дѣлало романтикомъ, а не натуралистомъ, его сильную индивидуальность.

Конрадъ разсказываетъ о своихъ бесѣдахъ съ Золà. Первая встрѣча съ нимъ относится къ 1878 году. Конрадъ жилъ въ Парижѣ до 1882 и часто бесѣдовалъ съ Золà на литературныя темы. Любопытно, что первый разговоръ, который приводитъ Конрадъ, относится къ тому, что̀ составляетъ основную черту творчества Золя, его пафосъ. Золà сейчасъ же заговорилъ со своимъ гостемъ о ненависти, и сталъ читать ему отдѣльныя страницы изъ своей любимой книги. Въ приведенныхъ имъ отрывкахъ говорилось, что ненавидѣть значитъ любить, значитъ отвергать все низкое и уродливое, уединяться, избѣгая прикосновеній со всѣмъ, что̀ оскорбляетъ справедливость и истину. „Если я чего-нибудь стою,—читалъ онъ,—то только потому, что я одинокъ, и потому, что во мнѣ горитъ ненависть... Я ненавижу людей, замыкающихся въ мелкихъ личныхъ интересахъ, боящихся свѣта, воздвигающихъ кумиры на алтарѣ, на которомъ приносится въ жертву истина... Я ненавижу филистеровъ, педантовъ и глупцовъ, которые отвергаютъ радость жизни, которые живутъ въ настоящемъ съ законами прошлаго, и хотятъ выдать правду вчерашняго дня за правду сегодняшнюю“.

Конрадъ разсказываетъ, что онъ остановилъ дальнѣйшее чтеніе отрывковъ, назвавъ книгу, изъ которой Золà все это вычитывалъ, т.-е. „Mes haines“. Онъ тутъ же сказалъ Золà, что знаетъ каждую написанную имъ строчку и высоко цѣнитъ художественное и идейное значеніе его произведеній. Этотъ разговоръ очень характеренъ. Золà заговорилъ сейчасъ о томъ, что̀ его больше всего волновало—о своемъ гнѣвѣ. Тогда гнѣвъ этотъ имѣлъ помимо всего личный характеръ—Золà былъ обозленъ критикой, и по словамъ, которыя приводитъ

Конрадъ, его даже не утѣшалъ успѣхъ на книжномъ рынкѣ. Онъ былъ поглощенъ своей полемикой противъ защитниковъ традицій, и въ вопросахъ искусства, и въ пониманіи нравственности. Тогда его возмущала политика; онъ горѣлъ чистыми интересами искусства. Но эта нота, такъ сильно прозвучавшая въ бесѣдѣ съ нѣмецкимъ его поклонникомъ, все усиливалась и въ его творчествѣ, и въ его позднѣйшей общественной дѣятельности. Всѣ его романы были воодушевлены гнѣвомъ, ненавистью противъ разлагающагося буржуазнаго общества, — и какимъ органическимъ завершеніемъ этой воинственной писательской дѣятельности явилось его пламенное „J'accuse", брошенное въ лицо оффиціальной Франціи! Именно писатели его поколѣнія, и его предшественникъ Флоберъ, и Гонкуры, и Мопассанъ брезгливо чуждались общественныхъ интересовъ, замыкались въ своемъ творческомъ уединеніи. Но Золя съ его темпераментомъ бойца вышелъ изъ рамокъ литературной школы, и—наперекоръ столь прославляемому имъ научному натурализму—отдалъ „темпераменту", живому отношенію къ жизни, бо́льшую дань, чѣмъ полагалось по его теоріямъ.

Конрадъ излагаетъ въ своей книгѣ до нѣкоторой степени исторію литературной славы Золя, указываетъ на разные этапы его ростущей популярности. Онъ являлся къ Золя съ разсказами о нападкахъ на него въ Германіи, говорилъ ему и о борьбѣ за натурализмъ молодой школы, къ которой принадлежалъ онъ самъ, и обрадовалъ его однажды, принеся отчетъ о лекціи профессора Франческо де Санктись въ Неаполѣ. Лекція заключалась въ подробномъ разборѣ „Assommoir", поставленномъ на сценѣ въ то время въ Неаполѣ. Профессоръ разъяснялъ значеніе реалистическаго изображенія порока и грязи, объясняя, что такое изображеніе преслѣдуетъ вѣрнѣе нравственныя цѣли, чѣмъ лживая идеализація. Онъ очень искусно доказывалъ правоту Золя, указывая на условія жизни народныхъ массъ въ Неаполѣ. Золя внимательно прослушалъ точное изложеніе лекціи—въ переводѣ Конрада на французскій,—и она, видимо, произвела на него бодрящее впечатлѣніе. Когда чтеніе кончилось, Золя сидѣлъ еще нѣсколько минутъ въ креслѣ, погруженный въ раздумье, потомъ поднялся и сказалъ: „Allons travailler". Конрадъ приводитъ затѣмъ выписки изъ „Дневника" Гонкуровъ, въ которыхъ говорится о трудоспособности Золя и его бодромъ отношеніи къ жизни, и затѣмъ, по личнымъ воспоминаніямъ и общеизвѣстнымъ фактамъ, дополняетъ біографію Золя. Говоря о его творчествѣ, ему приходится—какъ и всѣмъ изучающимъ Золя—указать на непослѣдовательность его въ примѣненіи его собственныхъ теорій научнаго натурализма. Другими словами, и онъ, хорошо знавшій Золя, находитъ, что творческая личность Золя была гораздо глубже и шире, чѣмъ его надуманная теорія, и что онъ оста-

нется въ литературѣ какъ яркая индивидуальность съ пламеннымъ темпераментомъ и сильной волей, которою онъ умѣлъ вліять на другихъ.

Въ настоящее время взглядъ на личность Золя, какъ на романтика по своему писательскому темпераменту, все болѣе устанавливается въ литературѣ. Интересна въ этомъ отношеніи недавно появившаяся статья Жоржа Пелисье въ „La Revue" (15 января 1907). Статья озаглавлена: „Emile Zola, romantique". Авторъ доказываетъ, что Золя, создавшій натурализмъ, былъ послѣднимъ изъ романтиковъ. Пелисье говоритъ, что Золя былъ рѣзко выраженнымъ индивидуалистомъ—и что иначе быть не могло: „Натурализмъ, который не придаетъ значенія „я", смѣшиваетъ литературу съ наукой". Золя считаетъ, что романистъ долженъ обладать двумя свойствами: понимать дѣйствительность и индивидуально ее воспроизводить. Но второе качество не мирится съ первымъ—и въ своемъ творчествѣ Золя только теоретически говоритъ о сліяніи того и другого, а въ дѣйствительности самымъ широкимъ образомъ отдается своей артистической индивидуальности. Художественный талантъ заключается не въ точности, а въ силѣ, съ которой писатель перевоплощаетъ дѣйствительность. Пелисье напоминаетъ слова Флобера, обращенныя къ Золя: „Вы истинный романтикъ,—писалъ Золя, прочтя его „Documents littéraires",—и вотъ почему вы мнѣ такъ нравитесь". „Но все-таки,—говоритъ Пелисье,—я не считаю, что, какъ художникъ, Золя опровергаетъ себя какъ теоретика". Если Золя былъ романтикомъ, то не только въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, но и въ своей теоріи экспериментальнаго романа.

III.

Georges Darien et Marcel Lauras, „Biribi". Drame en trois actes. Paris, 1906.

Во Франціи существуетъ довольно обширная литература, направленная на борьбу съ темными сторонами милитаризма. Наиболѣе извѣстна книга Люсьена Декава, „Les sous off's", очень мѣтко обличающая нравы, созданные злоупотребленіемъ властей, непосредственно соприкасающихся съ солдатомъ. Послѣ Декава, и въ особенности со времени дрейфусіады, обличительная литература этого рода получила широкое развитіе, причемъ, однако, хорошія намѣренія авторовъ не всегда совпадаютъ съ ихъ художественнымъ выраженіемъ. Удачными можно назвать разсказы изъ солдатской жизни Жоржа Куртелина, одного изъ самыхъ талантливыхъ французскихъ юмористовъ. Онъ оста-

навливается на жестокихъ сторонахъ солдатской жизни, но описанія его не тенденціозны, и солдатская жизнь представлена въ нихъ довольно полно, съ ея тяжелыми и свѣтлыми моментами.

Новѣйшимъ произведеніемъ антимилитаристской литературы является драма, шедшая въ концѣ минувшаго года въ бывшемъ театрѣ Антуана, подъ заглавіемъ „Biribi", Жоржа Дарьена и Марселя Лорà. Драма эта вышла теперь отдѣльнымъ изданіемъ. Художественнаго интереса она не представляетъ почти никакого. Тенденціозность убиваетъ въ ней всякую объективность изображенія, фабула до крайности наивна, ужасы нагромождены чисто внѣшнимъ образомъ. Но драма представляетъ все-таки общественный интересъ, какъ изображенія по истинѣ страшнаго явленія французской военной жизни. Названіе драмы, „Бириби", заимствовано изъ солдатскаго жаргона. Оно обозначаетъ исправительные батальоны въ Африкѣ,—и задача авторовъ изобразить нечеловѣческія мытарства отправляемыхъ туда солдатъ, дикій произволъ начальства надъ своими жертвами, а также возмутительную жестокость военныхъ судовъ, посылающихъ въ „Бириби" за малѣйшую дисциплинарную провинность—безъ точнаго и безпристрастнаго слѣдствія.

Дѣйствительно, серьезность изображенныхъ въ ней фактовъ настолько велика, что документальная сторона заставляетъ забыть о несостоятельности пьесы, какъ художественнаго произведенія. Въ пьесѣ есть и благородная жертва, и настоящій мелодраматическій злодѣй, причемъ дьявольская сила, управляющая его дѣйствіями, не злоба и ненависть, а чрезмѣрная преданность духу военной дисциплины. Этотъ „злодѣй"—полковникъ французской арміи, для котораго существуетъ одинъ законъ—повиновеніе: „всѣ должны повиноваться; въ этомъ истинное равенство", говоритъ онъ. Высшій идеалъ для него твердое исполненіе военнаго долга; величайшій грѣхъ—нарушеніе военной дисциплины. Полковникъ этотъ скроенъ по шаблону, и скорѣе представляетъ собой отвлеченное воплощеніе узко понимаемаго долга, чѣмъ живого человѣка. Но для авторовъ главное—представить принципъ зла, пагубную сторону военной дисциплины, и они приносятъ въ жертву этой цѣли индивидуальную психологію. У полковника есть сынъ Жанъ, и онъ заставляетъ его вопреки его склонностямъ, только въ силу семейныхъ традицій, вступить въ военную службу. Отношенія между отцомъ и сыномъ—очень тяжелыя. Жанъ не уживается со своимъ начальствомъ, не можетъ перенести грубаго издѣвательства надъ собой, и постоянно подвергается карамъ за нарушеніе дисциплины. Несчастіе его начинается съ того дня, какъ онъ вырывается тайкомъ изъ казармы, вопреки наложенному ему въ наказаніе запрету, и ѣдетъ домой,—куда его привлекаетъ не отецъ, а кузина, воспитанница отца.

Но отецъ, „вѣрный только военному долгу, выдаетъ его начальству. Его проступокъ вмѣняется ему въ тяжкую вину, какъ серьезное нарушеніе дисциплины;—всѣ противъ него за его строптивость и рады случаю упечь его подъ военный судъ. Въ виду накопившихся прежнихъ взысканій онъ подлежитъ военному суду,—и его отправляютъ въ дисциплинарный батальонъ — въ страшное „Бириби". Въ первомъ дѣйствіи—одинъ изъ лучшихъ представителей арміи, лейтенантъ Ленуаръ. Онъ служитъ въ Африкѣ и находится въ отпуску. Зная положеніе дѣлъ въ африканскихъ батальонахъ, онъ разъясняетъ ихъ обществу, собравшемуся у полковника. Послѣдній сочувствуетъ всѣмъ строгостямъ дисциплины и убѣжденъ, что всѣ сосланные въ Африку — изверги, заслуженно несущіе наказаніе. Ленуаръ изумляется невѣдѣнію, господствующему во Франціи относительно того, что происходитъ въ Африкѣ. Разсказывая о дѣйствительномъ положеніи, онъ всѣми силами вступается за тѣхъ, которые ссылаются въ дисциплинарные батальоны, въ „Бириби". Это такъ называемые „camisards",—и то, что онъ говоритъ о нихъ, производитъ крайне тяжелое впечатлѣніе. А такъ какъ „Бириби" составляетъ постоянный предметъ возмущеній въ лучшей части французской печати, то можно довѣрять и обстоятельнымъ даннымъ, изложеннымъ въ пьесѣ Дарiена.—„За какую вину ссылаютъ въ Бириби?"—спрашиваетъ Ленуара одна изъ присутствующихъ дамъ,— и онъ твердо отвѣчаетъ:—„Туда ссылаютъ совершенно безъ вины, только за проступки противъ дисциплины, и часто за совершенно пустяшные". Оказывается, что для ссылки въ „Бириби" не требуется даже приговора военнаго суда. „Камизаровъ" судитъ и осуждаетъ „корпусный совѣтъ", т.-е. нѣсколько офицеровъ полка, въ которомъ служатъ виновные, — часто тѣ же самые офицеры, которые подвергли ихъ наказаніямъ, доведшимъ ихъ до суда. Другими словами, корпусные совѣты наказываютъ солдата за то, что онъ уже подвергался наказаніямъ до того. Человѣка могутъ сослать въ „Бириби" за то, что онъ былъ приговоренъ—въ разные сроки—къ ста двадцати днямъ ареста, А каждый приговоръ могъ быть вызванъ самой незначительной причиной, жестомъ, выражающимъ возмущеніе, потерей щетки въ четыре су, тѣмъ, что солдатъ сказался больнымъ, а полковой врачъ не удостовѣрилъ его болѣзни и т. д.

Всѣ злоключенія и несчастья приговоренныхъ къ дисциплинарному батальону изображены въ пьесѣ на примѣрѣ сына полковника Жана. Онъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ офицеромъ, которому, вспыливъ, сказалъ, что онъ образованнѣе его и быстрѣе поднимется въ рангѣ, чѣмъ тотъ. За это офицеръ его преслѣдуетъ, постоянно наказываетъ его за пустяки, накопляя число дней ареста; онъ поклялся, что подведетъ его подъ военный судъ. Дѣйствительно, такъ какъ Жану не удается

сбѣжать изъ полка, отецъ арестуетъ его, какъ дезертира. Угроза отца, такимъ образомъ, осуществляется, и слѣдующіе два акта происходятъ въ Африкѣ, въ дисциплинарномъ батальонѣ, куда сосланъ Жанъ по приговору военнаго суда.

Картины „Бириби" въ драмѣ напоминаютъ худшее изъ всего, что когда-либо писали объ обращеніи рабовладѣльцевъ съ неграми, — и если, дѣйствительно, фактическая сторона этихъ картинъ вѣрна, то трудно себѣ представить, что во Франціи терпятъ до сихъ поръ подобное варварство. „Камизары", въ томъ числѣ интеллигентные люди, какъ Жанъ, отданы всецѣло на произволъ грубыхъ сержантовъ, потѣшающихся надъ ними. Ихъ заставляютъ работать подъ жгучими лучами солнца, таскать непосильныя тяжести, совершенно не обращая вниманія на болѣзнь и слабость. А малѣйшее ослушаніе, рѣзкій отвѣтъ сержанту, вызываетъ жесточайшія наказанія: провинившагося кладутъ въ нарочно-устроенныя „могилы", т.-е. палатки, въ которыхъ они лежатъ неподвижно подъ солнцемъ, закованные въ кандалы. Имъ не даютъ воды сверхъ положеннаго литра въ день. Сержанты вымещаютъ на нихъ свое раздраженіе, мстятъ за малѣйшій протестъ. Когда сержантамъ скучно торчать въ дисциплинарной колоніи, развлекаясь только жестокими измывательствами надъ своими жертвами, – они устраиваютъ себѣ командировки въ Тунисъ. Для этого стоитъ только вывести изъ терпѣнія кого-нибудь изъ „камизаровъ", заставить его ослушаться при свидѣтелѣ — эту услугу сержанты охотно оказываютъ другъ другу,— и онъ подвергается военному суду. Нужно отвести его въ Тунисъ и пробыть съ нимъ тамъ, пока состоится судъ. Это и составляетъ цѣль соскучившагося въ колоніи сержанта. Ему при этомъ совершенно не жаль солдата, который послѣ суда переводится въ разрядъ „телячьихъ головъ". Образчикъ такой процедуры изображенъ въ пьесѣ, причемъ жертвой избирается несчастный Жанъ, котораго сержанты ненавидятъ за его явное превосходство и строптивость. Сержантъ придирается къ нему, и только счастливый случай освобождаетъ Жана отъ суда.

Въ пьесѣ, которая первоначально должна была закончиться благополучнымъ бѣгствомъ Жана, есть придѣланный конецъ. Жанъ — въ Лондонѣ; къ нему пріѣхала кузина, которую онъ любитъ, потомъ отецъ, котораго онъ прощаетъ. Но конецъ этотъ не имѣетъ никакого интереса,—интересны только картины „Бириби". Возможность такихъ сценъ, хотя бы въ далекихъ колоніяхъ культурной страны, заставляетъ скептически относиться къ завоеваніямъ культуры. Въ пьесѣ Дарьена постоянно раздается возмущенный крикъ несчастныхъ жертвъ: „A bas Biribi!". Но „Бириби" еще существуетъ... не нарушая покоя французскаго общества.

Въ прошлой книжкѣ „Вѣстника Европы“ мы разбирали новѣйшее произведеніе Гуго фонъ-Гофмансталя. Можемъ отмѣтить существующій стихотворный русскій переводъ лучшихъ драмъ Гофмансталя, составляющихъ его сборникъ „Theater in Versen“ (въ перев. Сергѣя Орловскаго, 1906 г.). Въ сборникъ этотъ входятъ: „Смерть Тиціана“, „Безумецъ и смерть“, „Женщина въ окнѣ“, „Свадьба Зобеиды“, „Авантюристъ и пѣвица“. Русскіе читатели могутъ прочесть въ этой книгѣ философскія драмы Гофмансталя. По переводамъ г. Сергѣя Орловскаго русскіе читатели, однако, ознакомятся болѣе съ содержаніемъ, нежели съ поэтичной формой стиховъ Гофмансталя. Переводы драмъ сдѣланы безъ замѣтныхъ погрѣшностей, но очень сухимъ, негибкимъ языкомъ, безъ воодушевленія. Стихотворные переводы должны прежде всего быть тѣмъ, что нѣмцы называютъ „Nachdichtungen“—передачей лиризма оригинала. Этого нѣтъ въ переводахъ г. С. Орловскаго. Гофмансталь находитъ теперь у насъ много цѣнителей, его ставятъ на сцену, и, можно думать, попытки переводить его не ограничатся указанной книгой г. Орловскаго.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1907.

Политическое настроеніе момента и начавшіеся выборы. — Откуда можетъ явиться опасность для второй Государственной Думы.—Черносотенныя организаціи и администрація. — Дѣло священника о. Григорія Петрова. — Д. И. Менделѣевъ и Н. А. Меншуткинъ †.

Въ какомъ политическомъ настроеніи наше общество приступило ко вторымъ выборамъ въ Государственную Думу? Вся совокупность впечатлѣній и наблюденій подсказываетъ, что это настроеніе—рѣзко оппозиціонное по отношенію къ правительству. Какіе показатели такого настроенія и гдѣ лежатъ его причины?

На первый взглядъ можетъ, пожалуй, казаться страннымъ, но, въ сущности, главными показателями общественнаго настроенія въ каждый данный переживаемый моментъ служатъ не столько объективные факты, сколько субъективныя ощущенія. Соціальныя явленія вообще безконечно сложны и не поддаются исчерпывающему разложенію на составные элементы. А настроеніе общества есть даже не явленіе. Оно — обобщенное отраженіе на психикѣ массъ множества самыхъ разнообразныхъ явленій. Поэтому оно болѣе чувствуется, чѣмъ познается разсудкомъ. И раскрываютъ тайну общественнаго настроенія нерѣдко самые мелочные факты, изъ которыхъ холоднымъ анализомъ иной разъ ничего нельзя вывести, но которые создаютъ совершенно опредѣленное ощущеніе.

На предвыборныхъ собраніяхъ шумный успѣхъ имѣютъ рѣшительно повсюду ораторы, наиболѣе рѣзко осуждающіе правительство. Еще недавніе монополисты по устройству собраній и по пропагандѣ своихъ политическихъ идеаловъ — октябристы — куда-то вдругъ исчезли. И если кое-гдѣ они еще пытаются говорить, то уже совсѣмъ другимъ тономъ. Они гораздо менѣе нападаютъ, нежели оправдываются—и, что особенно характерно, оправдываются категорическимъ отказомъ отъ солидарности съ правительствомъ. Давно ли А. И. Гучковъ писалъ, что задача общества слиться съ правительствомъ и изолировать революцію. А теперь даже г. Бобрищевъ-Пушкинъ и Ю. Н. Милютинъ въ каждой публичной рѣчи подчеркиваютъ отсутствіе связи своей партіи съ министерствомъ П. А. Столыпина. Въ половинѣ декабря партіей мирнаго обновленія было устроено въ Петербургѣ публичное собраніе. Докладчикомъ выступалъ кн. Е. Н. Трубецкой,

пользующійся широкой извѣстностью и популярностью. Его слушали внимательно и послѣ доклада ему апплодировали, но сдержанно. Справа ему оппонировалъ октябристъ, въ отвѣтъ на энергичное заявленіе котораго: „мы побѣдимъ!"—въ залѣ раздался не свистъ, не протестъ, а хуже того—уничтожающій смѣхъ. Представитель партіи народной свободы, хотя его рѣчь была крайне неудачна по формѣ и уклончива по содержанію, имѣлъ успѣхъ не меньшій, чѣмъ кн. Трубецкой. Слова же представителя народно-соціалистической партіи, чрезвычайно рѣзко осуждавшаго, какъ дѣйствія правительства, такъ равно тактику мирнообновленцевъ и кадетовъ, были неоднократно покрываемы громомъ единодушныхъ апплодисментовъ. Между тѣмъ, надо помнить, что все это происходило не на общедоступномъ митингѣ, а на собраніи, куда имѣли право входа только лица, получившія билеты отъ комитета партіи мирнаго обновленія. Слѣдовательно, если и былъ искусственный подборъ публики, то, во всякомъ случаѣ, не въ пользу крайнихъ лѣвыхъ элементовъ. Въ январѣ, то же самое многократно повторялось на кадетскихъ собраніяхъ. Побѣдителями съ нихъ зачастую уходили соціалъ-демократы, трудовики и соціалисты-революціонеры.

Общій тонъ прогрессивной печати увѣренный, а реакціонной—шумно-тревожный. Реакціонная печать, пока что, не сдается. „Новое Время" еще твердитъ о повсемѣстномъ успѣхѣ на выборахъ октябристовъ, но въ каждой статьѣ и замѣткѣ о пораженіи оппозиціи чувствуется, что газета старается убѣдить своихъ читателей въ томъ, въ чемъ сама не убѣждена. Прогрессивная печать видимо нашла вѣрную ноту, встрѣчающую живой откликъ въ обществѣ—ноту протеста,—и твердо на ней держится. Реакціонная же—какъ будто все нащупываетъ почву: то обрушивается на г. Гурко, то доказываетъ, что по обстоятельствамъ, при которыхъ производилась сдача поставки г. Лидвалю, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ не могъ поступить иначе, чѣмъ онъ поступилъ,—то защищаетъ законъ о собраніяхъ и пріемы его примѣненія на практикѣ,—то вдругъ критикуетъ ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ,—то намекаетъ, что вторую Думу „разгонятъ",—то утверждаетъ, что надъ режимомъ бюрократическаго произвола и самовластія поставленъ крестъ безповоротно.

Приведенные показатели, не споримъ, очень и очень условны. Также точно мы не считаемъ безусловнымъ показателемъ общественнаго настроенія извѣстія о результатахъ избранія выборщиковъ, хотя практическое значеніе оцѣнки настроенія въ настоящій моментъ въ томъ и заключается, чтобы предопредѣлить составъ народныхъ представителей. Но если сопоставить извѣстія о выборахъ, доходящія неоффиціальнымъ путемъ, съ явно тенденціозными, чтобы не сказать

болѣе, сообщеніями петербургскаго телеграфнаго агентства, то становится очевиднымъ, что ходъ выборовъ обнаружилъ нѣчто, не ожидавшееся министерствомъ, для противодѣйствія чему понадобились оффиціозныя измышленія. Это „нѣчто"—протестъ противъ правительства.

По оффиціальнымъ толкованіямъ протестъ вызванъ искусственно, козняии оппозиціонныхъ партій. „Съ наступленіемъ начала выборовъ—значится въ телеграммѣ предсѣдателя совѣта министровъ, распубликованной 18 января,—нѣкоторыя политическія партіи, съ цѣлью склонить на свою сторону избирателей, не ограничиваются распространеніемъ среди населенія своихъ взглядовъ и убѣжденій путемъ печати и собраній, но силятся представить въ искаженномъ свѣтѣ дѣйствія и намѣренія правительства, для проведенія на выборахъ лицъ, враждебно къ нему настроенныхъ". Такъ ли это въ дѣйствительности? Нужно ли представлять въ искаженномъ свѣтѣ дѣйствія и намѣренія правительства, дабы обезпечить успѣхъ оппозиціонныхъ кандидатовъ? Зачѣмъ искажать законъ о военно-полевыхъ судахъ, когда жизнь уже безспорно доказала всю безцѣльность тысячи казней? Зачѣмъ искажать сенатскія разъясненія, когда они вполнѣ достаточно краснорѣчивы въ буквальномъ воспроизведеніи ихъ текста? Развѣ нужно что-либо прибавлять къ циркуляру о чиновникахъ или о воспрещеніи кадетамъ разсылать избирательные бюллетени? Развѣ слѣдствія упраздненія общины не понятны крестьянамъ безъ комментаріевъ? Развѣ мало голаго факта сдачи поставки хлѣба для голодающихъ г. Лидвалю только потому, что онъ показался товарищу министра „человѣкомъ американской складки"?...

Нѣтъ, шесть мѣсяцевъ, протекшихъ со времени роспуска первой Думы, такъ систематично питали оппозиціонное настроеніе, что теперь относить его естественныя проявленія на счетъ козней „нѣкоторыхъ политическихъ партій"—болѣе, чѣмъ странно. Но что ждетъ, въ такомъ случаѣ, вторую Думу?

Передъ созывомъ первой Думы тоже нелегко было на душѣ. Надеждѣ на мирное и безотлагательное разрѣшеніе кризиса, черезъ посредство конституціоннаго строя и органической законодательной работы представителей народа, тогда тоже угрожала опасность съ двухъ сторонъ. Опасность „разгона"—со стороны правительства, а съ другой стороны, опасность, что Дума сама откажется отъ органической работы и ограничится требованіями учредительнаго характера. Эта вторая опасность тогда казалась болѣе близкой. Въ „разгонъ" Думы тогда не вѣрилось. Теоретическія же требованія всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права, къ тому же безъ различія пола, ставили во главу партійной программы даже кадеты, не говоря уже о бойкотировавшихъ выборы изъ-за несовершенства избирательной

системы соціалъ-демократахъ. Первые шаги Думы показали противное. Дума оказалась на высотѣ пониманія своего значенія и сразу приступила къ аграрному и другимъ жгучимъ очереднымъ вопросамъ практической важности. Теперь теоретическіе программные тезисы ни одной партіей не выдвигаются съ прежней страстностью и никто выборовъ не бойкотируетъ. Но—что для спокойной въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени работы и второй Думы можетъ возникнуть опасность внутри ея самой—этого нельзя отвергать.

Недостатки системы выборовъ создаютъ лишь проблематическія предположенія объ искусственномъ устраненіи отъ возможности быть членами Думы тѣхъ или иныхъ лицъ. Привлеченіе же по 129 ст. уголовнаго уложенія ста-восьмидесяти членовъ первой Думы, подписавшихъ выборгское воззваніе, создало не предположеніе, а реальный фактъ устраненія такихъ лицъ, которыя имѣли всѣ шансы быть снова выбранными. Какъ ни какъ, но должно же дѣло о нихъ когда-нибудь дойти до конца — или до прекращенія, за отсутствіемъ въ дѣяніи состава преступленія, или до судебнаго приговора. Допустимъ второе. Допустимъ даже осужденіе не по 132 ст. (за составленіе возбуждающаго сочиненія), а по ст. 129 (за участіе въ распространеніи такого сочиненія). И все-таки осужденные выйдутъ изъ залы суда политически-полноправными гражданами, ибо нельзя ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что не найдется судей, которые бы всѣмъ ста-восьмидесяти привлеченнымъ къ отвѣтственности членамъ первой Думы назначили высшее изъ предоставленныхъ усмотрѣнію суда наказаній. Примирится ли вторая Дума съ устраненіемъ отъ активной политической дѣятельности на цѣлыхъ пять лѣтъ ста-восьмидесяти первыхъ избранниковъ народа, которые были лишены правъ только на время выборовъ? Нельзя сейчасъ утверждать съ положительностью, что большинство второй Думы будетъ состоять изъ лицъ, единомышленныхъ съ подписавшими выборгское воззваніе. Но что такихъ лицъ будетъ въ Думѣ значительное число — это уже выяснилось. Передъ ними неизбѣжно, роковымъ образомъ, самъ собою выдвинется поставленный вопросъ въ тотъ же день, когда судъ вынесетъ приговоръ по дѣлу о выборгскомъ воззваніи.

Какъ бы въ предупрежденіе этого вопроса, петербургской губерніей. по дѣламъ о выборахъ, коммиссіей уже пущено въ ходъ такое толкованіе ст. 7 положенія о выборахъ, по которому лицо, разъ оно привлекалось къ суду по обвиненію въ дѣяніи, за каковое можетъ быть назначено наказаніе, влекущее лишеніе правъ, — оказывается пожизненно лишеннымъ избирательныхъ правъ, независимо отъ назначеннаго наказанія, если только оно не было вовсе судомъ оправдано. Толкованіе состоялось по дѣлу редактора прекращенной газеты

„Наша Жизнь", г. Водовозова. Г. Водовозовъ былъ осужденъ по 129 ст., но приговоренъ не къ ссылкѣ на поселеніе, а къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ, т.-е. къ наказанію, не влекущему никакихъ правоограниченій. Коммиссія, несмотря на это, исключила его изъ списковъ избирателей, основываясь на словахъ закона: „подвергшіеся суду... когда они судебными приговорами не оправданы". И намъ приходилось уже слышать разсужденіе, оправдывающее это толкованіе въ приложеніи къ избирательному закону, въ то время, какъ аналогичное выраженіе, въ приложеніи къ учрежденію судебныхъ установленій, толкуется сенатомъ въ противоположномъ смыслѣ. А потому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что жалоба, принесенная г. Водовозовымъ, будетъ оставлена безъ послѣдствій, и что состоится разъясненіе, по которому, для подписавшихъ выборгское воззваніе, двери Государственной Думы окажутся закрытыми навсегда. Но примирится ли съ такимъ „разъясненіемъ" Дума? Не усилитъ ли оно въ ней, напротивъ, стремленія, хотя бы цѣною остраго конфликта, ниспровергнуть правоограниченія, созданныя административными распоряженіями и сенатскими разъясненіями?.. Мы не хотимъ ничего предсказывать и отмѣчаемъ только, на какой почвѣ возможно возникновеніе серьезной опасности для работы второй Думы...

Что касается повторенія „разгона", то въ этомъ отношеніи опасности какъ будто нѣтъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшее время. Въ цитированной телеграммѣ предсѣдателя совѣта министровъ есть слѣдующая фраза: „Установивъ всю злонамѣренность толковъ о желаніи правительства созвать Думу лишь съ цѣлью ея непремѣннаго роспуска и возвращенія къ прежнимъ, осужденнымъ Государемъ, порядкамъ, надлежитъ имѣть" и т. д. Отъ всей души мы хотѣли бы привѣтствовать эти слова, но не можемъ не повторить оговорки: опасности „разгона" второй Думы *какъ будто* нѣтъ. Шесть мѣсяцевъ междудумья возродили старую привычку крайне осторожнаго и придирчиваго отношенія къ оффиціальнымъ заявленіямъ. Какихъ, въ сущности, толковъ телеграмма предлагаетъ мѣстнымъ властямъ устанавливать злонамѣренность?—„Толковъ о желаніи правительства созвать Думу *лишь* съ цѣлью ея *непремѣннаго* роспуска". Развѣ это ужъ такъ успокоительно знать, что правительство не имѣетъ желанія созвать Думу исключительно для непремѣннаго ея роспуска и для возврата къ прежнимъ порядкамъ? Вѣдь это только отмежевываетъ совѣтъ министровъ отъ гг. Дубровина и Грингмута—не больше — и отнюдь не опредѣляетъ положенія, которое правительство предполагаетъ занять по отношенію къ Думѣ. Объ этомъ трактуетъ предшествующая фраза, опять, однако, съ большими условностями. „Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ правамъ Государственной Думы въ области законодатель-

ства, бюджета и запросовъ, правительство будетъ неуклонно держаться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ существующихъ законовъ, такъ какъ лишь строгимъ выполненіемъ и подчиненіемъ законамъ, какъ правительство, такъ и Дума могутъ сохранить Монаршее довѣріе, наличность котораго одна обезпечиваетъ возможность ихъ совмѣстной работы".

Слова—формально безукоризненныя. „Правительство будетъ неуклонно держаться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ существующихъ законовъ". Можетъ ли быть что̀ другое въ правовомъ государствѣ? Но какъ быть, когда протесты вызываютъ въ населеніи и неизбѣжно вызовутъ въ Думѣ именно законы, къ тому же обросшіе цѣлымъ лѣсомъ „разъясненій",—когда объектъ протеста не только произволъ преступный, но и произволъ узаконенный? Найдетъ ли въ себѣ достаточно силъ Государственная Дума для молчаливаго и спокойнаго подчиненія „существующему" закону, если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, установленныхъ ст. 87 законовъ основныхъ, параллельно съ нею будутъ продолжать свою ужасную работу полевые суды? Неужели вторая Дума, подобно первой, не будетъ самымъ энергичнымъ образомъ реагировать на сверхзаконную дѣятельность генералъ-губернаторовъ, въ отношеніи которой правительство усвоило толкованіе, что она находится внѣ предѣловъ досягаемости для Думы? Будетъ ли Дума въ состояніи спокойно смотрѣть въ теченіе двухъ мѣсяцевъ на распродажу казенныхъ и удѣльныхъ земель и на дѣятельность крестьянскаго банка по скупкѣ за непомѣрно вздутую рыночную цѣну частновладѣльческихъ земель?... Все это будетъ, однако, „неподчиненіемъ" законамъ и, слѣдовательно, можетъ повлечь роспускъ Думы...

Положитъ ли конецъ телеграмма предсѣдателя совѣта министровъ тѣмъ глубоко оскорбительнымъ для патріотическаго чувства разговорамъ о роспускѣ второй Думы, которые стали обычными и повседневными? Распустятъ Думу или не распустятъ—первый вопросъ, уже давно предлагаемый при встрѣчѣ каждому общественному дѣятелю. Если онъ скажетъ: нѣтъ—ему сейчасъ возражаютъ, что, однако, въ іюлѣ Думу распустили, и никакого взрыва негодованія народа это не повлекло. Если онъ скажетъ: да—ему отвѣтятъ вопросомъ: а какъ же съ займомъ? И этотъ аргументъ о займѣ, о необходимости его заключенія и о томъ, что заграницей твердо рѣшили дать Россіи деньги только подъ условіемъ созыва Думы, во всѣхъ спорахъ является главнымъ и неопровержимымъ. Значитъ, что̀ же?—въ Россіи осуществятся обѣщанія манифеста 17-го октября, установится правовой строй, прекратятся казни, граждане станутъ свободными—не потому, что это нужно для нея самой, для ея блага, и не потому, что этого хотятъ верховная власть и народъ, а потому, что этого требуютъ

иностранные банкиры, считая, что иначе ихъ денежные интересы будутъ недостаточно обезпечены...

— — —

Только въ будущемъ, когда падутъ всѣ завѣсы съ переживаемаго настоящаго, прольется полный свѣтъ на роль, въ періодъ междудумья, такъ называемыхъ монархическихъ или — по другой терминологіи — черносотенныхъ организацій, изъ которыхъ наиболѣе яркая — союзъ русскаго народа. Только тогда общество узнаетъ всю правду о взаимныхъ отношеніяхъ между этими организаціями и правительствомъ. Можетъ быть, это будущее наступитъ очень скоро. Но пока оно еще не наступило, и противорѣчія между заявленіями и фактами, одинаково авторитетными, остаются во всей ихъ абсолютной непримиримости.

Выше было отмѣчено, что телеграмма предсѣдателя совѣта министровъ, опубликованная 18-го января, отмежевываетъ министерство отъ главныхъ лидеровъ черносотенной реакціи. Дѣйствительно, если толки о созывѣ Думы „лишь съ цѣлью ея непремѣннаго роспуска" объявляются злонамѣренными", и если правительство категорически опровергаетъ приписываемое ему желаніе вернуться „къ прежнимъ, осужденнымъ Государемъ, порядкамъ", то оно тѣмъ самымъ проводитъ непереходимую черту между собою и всѣми разновидностями „истинно-русскихъ людей". Но развѣ подобныя заявленія сдѣланы впервые? Еще въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ „Times"'а, точность воспроизведенія которой въ русскихъ газетахъ не была опровергнута, П. А. Столыпинъ сказалъ: „Говорить о справедливости инсинуацій по адресу правительства, будто бы союзъ русскаго народа пользуется нашей поддержкой, прямо смѣшно. Я смотрю на союзъ русскаго народа какъ на порожденіе террора. Его манифестаціи уродливы, но онѣ слишкомъ слабы, чтобы быть вредными". И далѣе, когда англійскій журналистъ привелъ нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, что союзъ зачастую пользовался покровительствомъ лицъ, занимающихъ высокое административное положеніе, напримѣръ губернаторовъ, — П. А. Столыпинъ отвѣтилъ: „Нѣкоторыя провинціальныя власти, быть можетъ, по своему невѣжеству, и въ то время, когда настроеніе умовъ было такъ разрозненно, что онѣ не знали, на кого положиться, дѣйствительно, оказывали поддержку союзу, но еслибы такія взаимоотношенія продолжались и теперь, то я первый бы рѣшительно этому воспротивился".

И однако, „порожденіе террора" продолжаетъ посылать властнымъ языкомъ написанныя телеграммы губернаторамъ, сносится телеграммами же съ предсѣдателемъ совѣта министровъ, дѣлаетъ постоянно не-

посредственныя представленія Государю Императору, грозитъ направо и налѣво и вообще поступаетъ и держитъ себя такъ, какъ ни одна изъ политическихъ партій, не исключая октябристовъ. Поддержку союзу русскаго народа со стороны мѣстныхъ властей П. А. Столыпинъ относилъ къ минувшему времени. А между тѣмъ уже послѣ того, какъ была напечатана его бесѣда, всѣ газеты обошла слѣдующая телеграмма изъ Ельца, отъ 4-го января: „Въ воскресенье пріѣзжаютъ въ Елецъ орловскій губернаторъ, архіерей Серафимъ и викарный Митрофанъ для торжественнаго открытія союза русскаго народа. Готовится грандіозная манифестація". Этотъ пріѣздъ, правда, какъ потомъ сообщалось, не состоялся. Но въ Ялтѣ на какомъ-то торжествѣ союза присутствовали всѣ власти съ временнымъ генералъ-губернаторомъ во главѣ, который, если вѣрить газетамъ, даже говорилъ рѣчь. Всѣ эти факты—къ нимъ можно бы было присоединить множество другихъ—невольно наводятъ, по меньшей мѣрѣ, на размышленія и сомнѣнія...

Что̀ разумѣетъ телеграмма предсѣдателя совѣта министровъ подъ „прежними, осужденными Государемъ, порядками"? Недоговоренность никогда не бываетъ полезна, а въ данномъ случаѣ было бы особенно необходимо договорить мысль до конца. Со времени манифеста 17 октября прошло болѣе года, готовится во второй уже разъ созывъ Государственной Думы, а вопросъ о существующей въ Россіи формѣ правленія все еще представляется вопросомъ. Текстъ манифеста 17-го октября не оставлялъ сомнѣнія въ томъ, что Монархъ даровалъ народу конституцію, если не въ смыслѣ законченнаго конституціоннаго акта, то въ смыслѣ главныхъ принциповъ конституціоннаго строя. Въ титулѣ же манифеста было сохранено невяжущееся съ конституціей слово: „самодержецъ". А потому, когда за днями свободы наступили мѣсяцы реакціи, то появились попытки низвергнуть содержаніе манифеста 17 октября ссылкой на то, что Императоръ, какъ былъ прежде, такъ и остался самодержцемъ. Основные законы 23 апрѣля замѣнили ст. 1 тома I св. зак. изд. 1892 г., гласившую: „Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти, не токмо за страхъ, но и за совѣсть, Самъ Богъ повелѣваетъ"—новымъ опредѣленіемъ (ст. 4): „Императору Всероссійскому принадлежитъ Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страхъ, но и за совѣсть, Самъ Богъ повелѣваетъ". Это измѣненіе, сущность котораго состоитъ въ исключеніи эпитета „неограниченный", подтвердило то толкованіе, что титулъ „самодержецъ" сохраненъ, какъ историческое наслѣдіе, а не по содержанію заключающагося въ немъ понятія. Но затѣмъ, послѣ включенія основныхъ законовъ въ сводъ, оказалось, что эпитетъ „неограниченный" не вовсе исчезъ изъ законо-

дательства. Во второмъ раздѣлѣ первой части тома перваго, въ „учрежденіи о Императорской фамиліи", оказалась ст. 222: „Царствующій Императоръ, *яко неограниченный Самодержецъ*, во всякомъ протиномъ случаѣ имѣетъ власть отрѣшать неповинующагося отъ назначенныхъ въ семъ законѣ правъ и поступать съ нимъ, яко преслушнымъ волѣ Монаршей". Хотя основные законы были изданы въ составѣ перваго тома свода законовъ еще въ маѣ, но юристы реакціоннаго лагеря обнаружили ст. 222 лишь недавно и, на основаніи ея текста, теперь утверждаютъ, что прежніе порядки, въ отличіе отъ новыхъ,—все, что̀ угодно, но отнюдь не неограниченность царской власти. Чтобы показать всю формальную, даже, несостоятельность подобнаго утвержденія, достаточно напомнить, что весь раздѣлъ, посвященный „учрежденію о Императорской фамиліи", отсутствовалъ въ основныхъ законахъ 23 апрѣля, и что въ томъ первый изданія 1906 г. онъ перенесенъ изъ одноименнаго тома изданія 1892 г. кодификаціоннымъ порядкомъ. А потому, при очевидномъ противорѣчіи между ст. 4 и 222, послѣдняя ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить основаніемъ для пониманія смысла первой. Слова ст. 222: „яко неограниченный самодержецъ"—составляютъ плодъ простого кодификаціоннаго недосмотра. Но что они создаютъ большой соблазнъ для тѣхъ, чей лозунгъ: „долой подлую конституцію", равно для тѣхъ, кто твердо стоитъ на афоризмѣ: „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое"—этого отвергать, къ сожалѣнію, невозможно.

Архаическія духовныя консисторіи нѣтъ-нѣтъ и напомнятъ о своемъ забытомъ существованіи и о той власти карательныхъ воздѣйствій, которая имъ принадлежитъ. Передъ нами любопытнѣйшій документъ: указъ петербургской духовной консисторіи, отъ 9 января 1907 г., по дѣлу о „заштатномъ священникѣ с.-петербургской епархіи Григоріѣ Петровѣ, обвиняемомъ во вредной публицистической и литературной дѣятельности и самовольномъ, безъ законнаго разрѣшенія, проживаніи въ Москвѣ". Нѣсколько лѣтъ назадъ священникъ Григорій Петровъ пользовался широкой извѣстностью, какъ лекторъ богословія и какъ проповѣдникъ. Его публичныя бесѣды въ аудиторіяхъ Михайловской артиллерійской академіи, настоятелемъ церкви которой онъ состоялъ, привлекали громадныя массы слушателей изъ самыхъ разнообразныхъ классовъ общества. Затѣмъ, въ 1903 г., когда „столичное епархіальное начальство получило свѣдѣнія о неправославномъ характерѣ его учебныхъ и публичныхъ лекцій", онъ вынужденъ былъ оставить этого рода дѣятельность и отдался публицистикѣ. Какъ публицистъ, священникъ Петровъ тоже пріобрѣлъ въ короткое время не менѣе ши-

рокую извѣстность. Онъ работалъ преимущественно въ „Русскомъ Словѣ", а съ января прошлаго года сталъ издавать въ Москвѣ народную газету „Правда Божія". Газета, умѣло и искренно поставленная, быстро стала пользоваться заслуженнымъ успѣхомъ. Въ результатѣ на ея издателя-редактора посыпался рядъ политическихъ доносовъ. А такъ какъ онъ, хотя и „безмѣстный", но священникъ, то разсмотрѣніемъ ихъ занялось не главное управленіе по дѣламъ печати, а духовная консисторія.

Въ указѣ приведенъ подробный перечень этихъ доносовъ, съ изложеніемъ сущности каждаго изъ нихъ. Пастырское собраніе въ Москвѣ первое возбудило ходатайство: „а) просить, гдѣ слѣдуетъ, если не о совершенномъ прекращеніи изданія „Правды Божіей", то о немедленномъ измѣненіи сего кощунственнаго названія; б) просить о воспрещеніи священнику Петрову дальнѣйшаго пребыванія въ Москвѣ и ея окрестностяхъ; в) просить св. синодъ войти въ разсмотрѣніе того, не благовременно ли привлечь священника Петрова къ отвѣтственности передъ церковью за искаженіе православнаго ученія и распространеніе ложныхъ противообщественныхъ и противохристіанскихъ ученій". Въ мотивахъ пастырское собраніе, между прочимъ, указывало, „что священникъ Петровъ посредствомъ своей газеты вноситъ великій соблазнъ въ душу простого народа, возбуждаетъ въ массахъ недовольство существующими порядками и политическое броженіе, медленно отравляя ихъ ядомъ соціализма и презрѣнія къ святой православной церкви". Два слѣдующихъ доноса представилъ „всенародный русскій союзъ" въ лицѣ князя А. Щербатова, Грингмута, Шмакова, Шарапова и друг. Союзъ „почтительнѣйше просилъ" „обратить вниманіе на дѣятельность іерея петербургской епархіи Григорія Петрова, дѣйствующаго въ Москвѣ безъ разрѣшенія мѣстной епархіальной власти, иначе верховный градъ Москва обратится въ разсадникъ церковной смуты и духовнаго разврата всего православнаго русскаго народа". Въ другомъ доносѣ союзъ писалъ, что газета „Правда Божія" направлена „не только противъ коренныхъ основъ русскаго государства и, главнымъ образомъ, противъ частной собственности и властей предержащихъ, но даже противъ церкви". Далѣе доносилъ предсѣдатель всесословнаго народнаго союза въ Екатеринбургѣ. Наконецъ, консисторія приняла во вниманіе письмо на имя московскаго митрополита отъ лица, „подпись котораго не разобрана". Въ этомъ письмѣ—значится въ указѣ — „указывается на то, что въ № 5 газеты „Правда Божія", которую, по словамъ автора письма, скорѣе можно назвать „клевета на правительство и государевыхъ слугъ", священникъ Петровъ исказилъ третье прошеніе молитвы Господней, причемъ цѣль всей статьи та, чтобы натравить народъ на законныя власти, усми-

рившія мятежъ и ограждающія свободу мирныхъ жителей, и прославить тупыхъ убійцъ изъ-за угла, сѣющихъ всякое зло въ народѣ".

Мы позволили себѣ привести столь подробныя выписки изъ указа консисторіи потому, что онѣ весьма, по нашему мнѣнію, характерны во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онѣ ясно показываютъ, что преслѣдованіе священника Петрова возникло на почвѣ политики. „Искаженіе третьяго прошенія молитвы Господней" или „презрѣніе къ святой православной церкви" и т. п.—не больше какъ поводы для обращенія къ духовной власти. Главное—„колебаніе основъ государства", подрывъ неприкосновенности „частной собственности" и „прославленіе тупыхъ убійцъ изъ-за угла". Во-вторыхъ, съ общественной точки зрѣнія онѣ характерны, какъ показатели пріемовъ борьбы съ политическими противниками всякаго наименованія „истинно-русскихъ людей". Въ-третьихъ, сопоставленіе ихъ съ рѣшеніемъ консисторіи краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ органахъ церковнаго управленія, какъ о чемъ-то среднемъ между свѣтскимъ судомъ и охраннымъ отдѣленіемъ.

Консисторія опредѣлила: „1) послать священника Григорія Петрова въ Череменецкій монастырь, съ запрещеніемъ священнослуженія, въ клиросное послушаніе на три мѣсяца; 2) воспретить священнику Петрову его вредную публицистическую дѣятельность съ обязательствомъ не предпринимать впредь никакихъ литературныхъ занятій безъ особливаго разрѣшенія епархіальнаго начальства и съ отобраніемъ отъ него соотвѣтственной на сей предметъ подписки.

Это рѣшеніе вызвало осужденіе даже на страницахъ „Церковнаго Вѣстника". „Религіозная или нравственная недоброкачественность словъ и статей оо. Михаила и Григорія — читаемъ въ этой газетѣ— не доказаны, да и не могутъ быть доказаны, судя по обвинительному приговору надъ о. Петровымъ, но вниманіе къ нимъ, и именно къ нимъ, громадной, чуткой къ христіанскимъ идеямъ аудиторіи показываетъ, что они затронули тѣ струны сердца, которыя были беззвучны для нашихъ обычныхъ проповѣдниковъ. Ихъ осужденіе — симптомъ крайней маложизненности церковнаго организма, который неизмѣримо далеко отстоитъ отъ идеала... Не уподобляемся ли мы тѣмъ, которые, желая исторгнуть плевелы, вырываютъ и пшеницу?"... Осуждаетъ консисторію и г. Меньшиковъ въ „Новомъ Времени", но, какъ „ошибку, чтобы не сказать: скандалъ, что было бы точнѣе", — пишетъ онъ, и продолжаетъ: „Конечно, духовное начальство не подумало о послѣдствіяхъ своего осужденія. Оно проявило строгость, оно поступило согласно установившейся вѣками практикѣ... Но посмотрите, какъ затрубили, засвистали, забили въ барабаны по этому пустому (!) поводу еврейскія газеты! Съ какой трогательной поспѣшностью они

взяли русскаго священника и монаха подъ свою защиту! Передъ выборами въ Думу развернулась серія политическихъ скандаловъ, и въ числѣ ихъ такой интересный—въ самыхъ чувствительныхъ нѣдрахъ"...

Въ теченіе какихъ-нибудь трехъ дней истекшаго мѣсяца смерть похитила двухъ выдающихся, первоклассныхъ дѣятелей въ одной и той же научной области: 20-го января скончался Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ, а вслѣдъ за нимъ, 23-го, — Николай Александровичъ Меншуткинъ. Первый родился въ Тобольскѣ въ 1834 году и умеръ, такимъ образомъ, достигнувъ 73-хъ лѣтъ, а второй – въ Петербургѣ въ 1842 году, едва 65-ти лѣтъ отъ роду.

Д. И. Менделѣевъ, лишившись въ дѣтствѣ отца, бывшаго директоромъ тобольской гимназіи, переселился, по окончаніи гимназическаго курса, сначала въ Москву, а затѣмъ—въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ педагогическій институтъ, который тогда помѣщался въ одномъ зданіи съ университетомъ и состоялъ потому съ нимъ въ близкой связи, имѣя притомъ однихъ и тѣхъ же лучшихъ профессоровъ того времени, какъ Воскресенскій—по химіи, Степанъ Куторга—по физикѣ, Савичъ—по астрономіи. Окончивъ курсъ въ 1852 году, онъ, по слабости здоровья, получилъ мѣсто учителя гимназіи на югѣ, сначала въ Симферополѣ, а потомъ—въ Одессѣ; начавъ службу, онъ готовился вмѣстѣ съ тѣмъ къ экзамену на степень магистра по химіи и физикѣ, и въ 1856 г. возвратился въ Петербургъ. По полученіи ученой степени, онъ поступилъ приватъ-доцентомъ и началъ читать лекціи по органической химіи; но для пріобрѣтенія каѳедры профессора необходима была степень доктора, для приготовленія къ которой Менделѣевъ и былъ командированъ въ 1859 году за-границу на три года. По возвращеніи изъ-за-границы, въ 1861 году, онъ, въ званіи доцента, открылъ чтеніе курса химіи, а въ 1866 году, защитивъ диссертацію на степень доктора, получилъ каѳедру профессора химіи, которую и сохранялъ за собою до 1890 года. Съ 1866 года началась обширная и многосторонняя дѣятельность Менделѣева, доставившая ему скоро громкую и далекую извѣстность первокласнаго химика, а его замѣчательные труды тотчасъ же пріобрѣтали извѣстность во всемъ ученомъ мірѣ; одно перечисленіе этихъ трудовъ составило бы обширный каталогъ. Не ограничиваясь областью чистой науки, Менделѣевъ выступалъ и въ области примѣненія выводовъ ея на практикѣ. Оставивъ каѳедру въ университетѣ въ 1890 году, онъ вскорѣ затѣмъ сталъ во главѣ только-что открытой тогда палаты мѣръ и вѣсовъ, гдѣ и оставался до самой смерти. Экономическія богатства Россіи много обязаны ему указаніемъ ихъ источниковъ и лучшихъ мѣръ

для ихъ эксплуатаціи. Въ послѣднее время онъ предпринялъ особое изданіе цѣлаго ряда книжекъ подъ общимъ заглавіемъ: „Къ познанію Россіи", гдѣ онъ думалъ въ популярной формѣ познакомить общество съ неисчерпаемыми богатствами Россіи и тѣмъ самымъ возбудить энергію къ использованію ихъ. Еще до полученія вѣсти о смерти Д. И. Менделѣева, у насъ былъ уже напечатанъ выше, въ „Литературномъ Обозрѣніи", рефератъ объ этомъ послѣднемъ, оказавшемся предсмертнымъ трудомъ покойнаго, гдѣ его изслѣдованія должны были уже зависѣть отъ мало удовлетворительнаго положенія отечественной статистики, что, конечно, должно было отразиться невыгодно и на результатѣ предпринятой имъ работы.

Въ 1861 году, какъ мы видѣли, Д. И. Менделѣевъ возвратился изъ-за-границы и открылъ чтеніе курса въ петербургскомъ университетѣ, а въ 1862 году Н. А. Меншуткинъ еще только окончилъ курсъ кандидатомъ на физико-математическомъ факультетѣ, по отдѣленію естественныхъ наукъ, и вслѣдъ затѣмъ, въ 1863 г., отправился на три года за-границу, для работъ въ лучшихъ лабораторіяхъ и приготовленія диссертаціи на магистра. По возвращеніи изъ-за-границы и по защитѣ магистерской диссертаціи въ 1866 году, Н. А. Меншуткинъ получилъ первую ученую степень и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ допущенъ къ чтенію лекцій по химіи, въ званіи привать-доцента, когда въ этомъ же году Д. И. Менделѣевъ, какъ мы видѣли, получилъ каѳедру профессора химіи. Оба они оставили университетъ другъ за другомъ: Д. И. Менделѣевъ — въ 1890 г., а Н. А. Меншуткинъ, будучи утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора въ 1891 г., состоялъ съ 1893 г. заштатнымъ профессоромъ. Но онъ не прерывалъ профессорской дѣятельности до конца жизни и умеръ профессоромъ въ новомъ, не такъ еще давно открытомъ политехническомъ институтѣ въ мѣстности Лѣсного. Изъ своей спеціальной и строго научной дѣятельности Н. А. Меншуткинъ также выходилъ, но совсѣмъ въ другую область практики: въ качествѣ землевладѣльца въ лужскомъ уѣздѣ, онъ состоялъ гласнымъ сначала лужскаго уѣзднаго, а затѣмъ и губернскаго земскаго собранія, что открыло ему дѣятельность члена губернскаго училищнаго совѣта и возбудило въ немъ большой интересъ къ вопросамъ народнаго образованія: въ совѣтѣ онъ былъ всегда сторонникомъ и ревностнымъ защитникомъ училищнаго дѣла отъ притязаній администраціи министерства народнаго просвѣщенія того времени.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ „Попечительства Трудовой Помощи".

Попечительство о трудовой помощи, состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, не успѣло еще закончить всѣхъ предпринятыхъ имъ общественныхъ работъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1905 г., какъ новое бѣдствіе потребовало вновь самой напряженной дѣятельности всѣхъ учрежденій и благотворительныхъ обществъ, призванныхъ къ оказанію помощи при неурожаяхъ.

Нѣкоторые наши сотрудники по оказанію трудовой помощи (въ бузулукскомъ, вольскомъ, хвалынскомъ и камышинскомъ уѣздахъ), оставшись на мѣстахъ, немедленно же съ половины сентября, насколько позволяли средства, имѣвшіяся въ нашемъ распоряженіи, приступили къ организаціи работъ въ наиболѣе пострадавшихъ селеніяхъ. При этомъ, совершенно исключая даровую помощь, имѣется въ виду доставленіе населенію заработка производствомъ разнообразныхъ работъ по водоснабженію, улучшенію сельскихъ дорогъ, укрѣпленію овраговъ, облѣсенію песковъ и т. п.; такимъ образомъ оказывается помощь вдвойнѣ, такъ какъ независимо заработка весь трудъ крестьянъ обращается на благоустройство ихъ же родного селенія или на улучшеніе ихъ же угодій.

Широко организованныя послѣ неурожая 1905 г. подобныя работы, а также оказанная помощь различнымъ кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ орловской, рязанской, самарской, саратовской, тамбовской и тульской—встрѣтили повсемѣстно большое сочувствіе со стороны крестьянъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также постановленія и горячія ходатайства мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній о продолженіи работъ. Къ сожалѣнію средства, которыми располагаетъ нынѣ Попечительство, чрезвычайно ограничены. Запасный капиталъ, образованный для организаціи помощи при народныхъ бѣдствіяхъ, исчерпанъ и въ распоряженіи моемъ имѣется всего 700.000 р., предоставленныхъ Попечительству изъ суммъ, ассигнуемыхъ правительствомъ для борьбы съ послѣдствіями неурожая. Поступившія же непосредственно въ Попечительство ходатайства во много разъ превышаютъ эту сумму. Предстоитъ такимъ образомъ ограничить дѣятельность немногими лишь уѣздами, постоянно въ то же время отказывая нуждающимся въ просьбахъ дать заработокъ и возможность поддержать упадающее хозяйство. Понятно, до чего невыразимо трудно отказывать въ подобныхъ случаяхъ при видѣ дѣйствительной нужды.

Отправляясь въ объѣздъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерній, чтобы на мѣстахъ обсудить и выяснить возможность наиболѣе цѣлесообразно использовать тѣ небольшія средства, которыми

мы располагаемъ и изъ которыхъ уже часть израсходована на производство осеннихъ работъ, обращаемся ко всѣмъ, кто пожелаетъ внести свою ленту для облегченія крестьянской нужды и кому по сердцу *трудовая помощь*, съ просьбою теперь же поспѣшить съ посильными пожертвованіями, не стѣсняясь ихъ размѣрами, какъ бы скромны они ни были. Всѣ указанія относительно направленія пожертвованій въ тѣ или иныя мѣстности, или на тѣ или иныя работы, будутъ въ точности исполнены.

Пожертвованія можно направлять непосредственно къ Главноуполномоченному Общества (С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 27) и въ Канцелярію Комитета Попечительства о трудовой помощи (Надеждинская, 41).

О пожертвованіяхъ печатается въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" и въ журналѣ „Трудовая Помощь", а также въ тѣхъ изданіяхъ, въ коихъ будетъ открытъ пріемъ пожертвованій.

Главноуполномоченный Попечительства, статсъ-секретарь *Галкинъ-Враской.*

II. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо. въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертвованная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая.* Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность организаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ. секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо. казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ“ (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ“ (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями“ (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ“ (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи“ (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ“ (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ“ (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ“ (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ“ (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей“ (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей“ (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ“ (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей“ (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ“ (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли“ (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей“ (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ“ (Англійскій пр., 45).

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

Январь—Февраль, 1907.

Книга первая.—Январь. стр.

Константинъ Карловичъ Гротъ.—А. Ѳ. КОНИ. 5

Между свѣтомъ и тьмой.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая.—ВАЛЕР. СВѢТЛОВА 14

Эстетика Вл. Соловьева.—Э. РАДЛОВА 84

Два стихотворенія.—I. Въ туманѣ.—II. Бурной ночью.—О. ЧЮМИНОЙ. 118

Зимній Голубъ.—Разсказъ.—С. КАРАСКЕВИЧЪ-ЮЩЕНКО 120

Довольно!..—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА. 169

Майчжурскіе „очерки.—Личныя наблюденія и замѣтки.—I-VI.—АЛЕКС. РОТШТЕЙНА 171

Крестьянк.—Романъ.—Georges Beaume, Les Jacques.—I-V.—Съ франц. О. Ч. 194

„Дневникъ“ графа П. А. Валуева.—1880-ый годъ.—Январь—апрѣль 232

Членъ парламента. - Романъ.—Catherine Cecil Thurston, John Chilcote, M. P.—I-VII.—Съ англ. З. В. 281

Хроника.—Наканунѣ новой Думы.—Очеркъ.—Л. З. СЛОНИМСКАГО. . 334

Внутренній Овозрѣніе. — Положеніе дѣлъ на рубежѣ новаго года. —Историческія параллели. — Вопросъ о чрезвычайной охранѣ. — „Легализація“ партій и ея результаты. — Допустимо ли оставленіе „внѣ закона“ хотя бы самыхъ крайнихъ лѣвыхъ партій?—Новая инструкція о выборахъ.—Новое сенатское „разъясненіе“.—Выборы и духовенство . . . 346

Литературное Овозрѣніе. — I. „Очерки и разсказы“, М. П. Чехова.—II. „Повѣсти и разсказы“, Б. Лазаревскаго.—А. К.—III. Агафоновъ, В. К., Наука и жизнь. — IV. Котляревскій, Н., Декабристы. — V. Лемке, Мих., Политическіе процессы.—ЕВГ. Л.—VI. И. И. Янжулъ, Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва.—VII. А. Скворцовъ, Аграрный вопросъ и Государственная Дума. — В. В.—Новыя книги и брошюры. 361

Иностранное Овозрѣніе.—Международное положеніе въ Европѣ за истекшій годъ.—Марокканская конференція и ея результаты.—Колоніальные вопросы въ германскомъ парламентѣ. — Роспускъ имперскаго сейма и внутренняя политика.—Политическія дѣла во Франціи, въ Англіи и Австро-Венгріи.—Русско-японскіе переговоры. 399

Новости Иностранной Литературы. — I. Hugo von Hofmannsthal. Kleine Dramen.—II. Jules Sageret. Les grands convertis.—З. В. 415

Изъ Общественной Хроники.—За мѣсяцъ до выборовъ.—„Октябристы“ и „кадеты“.—Чрезвычайная охрана.—Отношеніе „деревни“ къ оказаннымъ ей благодѣяніямъ.—Еврейскій вопросъ и „патріотизмъ“ реакціонной печати.—Петербургское юридическое общество 429

Извѣщенія.—I. Отъ „Попечительства Трудовой Помощи“.—II. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.—III. Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. университета св. Владиміра 445

Библіографическій Листокъ. — Переписка Пушкина, изд. Академіи Наукъ. подъ редакціей В. Саитова, т. I. — Пушкинъ и его современники. вып. IV.—Церковь и государство въ Россіи, С. Мельгунова.—Князь Серебряный, пов. гр. А. К. Толстого, 40-ое изданіе.

Книга вторая.—Февраль. стр.

„Дневникъ" графа П. А. Валуева.—1880-ый годъ.—Май—Сентябрь. . . . 449
Манчжурскіе очерки.—Личныя наблюденія и замѣтки.—VII-XIII.—Окончаніе.—
АЛЕКС. РОТШТЕЙНА 477
Между свѣтомъ и тьмой.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая.—I-XIV.—
Окончаніе.—ВАЛЕР. СВѢТЛОВА. 510
Иванъ Александровичъ Гончаровъ и новые матеріалы для его біографіи.—
„Лѣтописецъ" — „Автобіографія" — Переписка.—М. СУПЕРАНСКАГО. 567
Золотое дно.—Повѣсть.—I-VIII.—Юл. БЕЗРОДНОЙ. 591
Обращеніе вл. Августина.—Очеркъ.—I-IV.—В. И. ГЕРЬЕ. 651
Крестьянинъ.—Georges Beaume, Les Jacques.—VI-X.—Съ франц. О. Ч. . . 688
Люси.—Поэма.—Изъ Альфреда де Мюссэ.—ЗИНАИДЫ Ц. 724
Членъ парламента. — Романъ. — Catherine Cecil, John Chilcote, M. P.—
VIII-XV.—Съ англ. З. В. 728
Стихотворенія.—I. На закатѣ.—II. Путникамъ.—О. ЧЮМИНОЙ. . . . 776
Хроника. — Разложеніе партій и ноябрьскіе выборы въ Америкѣ.—
I-III.—II. А. ТВЕРСКОГО. 777
Внутренній Обозрѣніе.—Можетъ ли Россія считаться конституціонныхъ государствомъ?—Бюджетное право Думы.—Отвѣтственность министровъ.—Конституціонализмъ и парламентаризмъ.—Государственный Совѣтъ.—Недостатки основныхъ законовъ.—Министерская декларація.—„Истинно-русскіе люди" и Дума.—Странные совѣты.—Начало выборовъ въ Государственную Думу. 794
Литературное Обозрѣніе.—I. Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки.—II. Айхенвальдъ, Ю., Силуэты русскихъ писателей, вып. I. — III. Львовъ-Рогачевскій, В., Борьба за жизнь. Сборникъ статей.—IV. Герценъ, А. И., Проблемы культуры, съ франц.—V. Г. Джорджъ, Общественныя задачи. Переводъ съ англ. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого.—VI. Мультатули, Повѣсти, сказки и легенды.—VII. Егаров, Сборникъ статей по литературѣ и исторіи.—ЕВГ. Л.—VIII. Петръ Вейнбергъ, Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ.—З. В.—IX. Н. Карѣевъ, „Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ.—П. Ш-ій.—X. Д. Менделѣевъ, Къ познанію Россіи.—XI. Статистическія свѣдѣнія по земельному вопросу въ европейской Россіи.—XII. Храневичъ, В., Очерки экономическаго быта въ Царствѣ Польскомъ.—Бр. И. и П. Лопатины, Очерки исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ.—XIII. Какъ устраиваются городскія общественныя работы. (Опытъ германскихъ городовъ). Переводъ съ нѣмецкаго и предисловіе В. А. Гагена.—В. В.—Новыя книги и брошюры. 812
Замѣтка.—По поводу „книги" Чамберлена.—Л. З. СЛОНИМСКАГО. . 852
Иностранное Обозрѣніе.—Парламентскіе выборы въ Германіи.—Особенности нѣмецкой политической жизни.—Прусскіе порядки и либерализмъ.—Избирательныя заявленія князя Бюлова.—Упадокъ старыхъ либеральныхъ партій.—Вопросъ о личномъ режимѣ.—Общіе результаты выборовъ.—Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи.—Перемѣна царствованія въ Персіи 857
Новости Иностранной Литературы.—1. H. Bahr, Ringelspiel, in drei Akten.—II Emile Zola, von Michael-Georg Conrad.—III. G. Darien et M. Laurgas, „Biribi", drame en trois actes.—З. В. 870
Изъ Общественной Хроники.—Политическое настроеніе момента и начавшіеся выборы.—Откуда можетъ явиться опасность для второй Государственной Думы.—Черносотенная организація и администрація Дѣло священника о. Григорія Петрова.—Д. И. Менделѣевъ и Н. А. Мшутинъ †. . . . .
Извѣщенія.—I. Отъ „Попечительства Трудовой Помощи".—II. Отъ Русск Общества охраненія народнаго здравія . . . . .
Библіографическій Листокъ.—Русскіе портреты XVIII и XIX стт. Изд. В. Николая Михаиловича. Т. II, вып. 4.—А. Брикнеръ, Смерть Павла I М. Сервантесъ, Донъ-Кихотъ Ламанчскій; съ испанскаго М. В. Б сонъ, ч. I.—Зѣлинскій, Ѳ., Соперники христіанства.—Павловъ, Е., Дальнемъ Востокѣ въ 1905 году.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

— Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича. Т. II, вып. 4. Спб. 906 г. Цѣна за томъ въ 4-хъ вып. 50 руб.

Мы не разъ уже упоминали объ этомъ изданіи, идетъ оно выпускается по той же программѣ, въ такомъ же изящномъ и такомъ же роскошномъ. Въ каждомъ томѣ помѣщается до 200 портретныхъ листовъ отъ эпохи Екатерины II, Павла I и Александра I, отъ 1762 до 1845 года, съ краткими біографіями на русскомъ и французскомъ языкахъ. Матеріалъ для этого изданія имѣется весьма обширный—до 2.000 оригиналовъ. Въ послѣднемъ выпускѣ, которымъ нами заключался второй томъ, помѣщено свыше 50 лицъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются, какъ наиболѣе интересные: Алексѣй Перовскій, Михаилъ Воронцовъ, А. Бенкендорфъ, А. Шишковъ, П. Кикинъ, врачи. Фотій, глазъ-хирургъ Пилье, Екатерина Дашкова и др.

Брикнеръ, А. Г.—Смерть Павла I, со статьею В. И. Семевскаго. Переводъ М. Чемижскій. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Имя извѣстнаго профессора А. Брикнера должно быть хорошо извѣстно нашимъ читателямъ по многочисленнымъ его этюдамъ изъ русской исторіи XVIII-го вѣка, появлявшимся въ нашемъ журналѣ, начиная съ 1880 года и до 1897 года, когда, незадолго до его смерти, былъ у насъ напечатанъ (апрѣль и май) его послѣдній этюдъ: „Павелъ I и Густавъ IV“. Въ этомъ же самомъ году, какъ сообщается въ предисловіи къ русскому переводу труда А. Брикнера, въ Берлинѣ былъ напечатанъ нѣмецкій его оригиналъ, по предмету, близкому къ содержанію послѣдней, вышеупомянутой его статьи въ журналѣ. И послѣ того и въ Россіи оказалось возможнымъ напечатаніе многочисленныхъ трудовъ, касавшихся событія, которыми сопровождалась внезапная смерть Павла I, и между многими другими появились и классическіе труды И. К. Шильдера, въ его первомъ томѣ: „Императоръ Александръ I“ и „Императоръ Павелъ Первый“, 1901 года; вся эта литература подробно перечислена въ предисловіи къ переводу В. И. Семевскаго, изъ чего, конечно, слѣдуетъ, что изслѣдованіе Брикнера, по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, является теперь для читателя значительно менѣе новымъ, чѣмъ оно было, по крайней мѣрѣ, въ свое время, когда оно было написано преимущественно по первоначальнымъ источникамъ.

Мигель де-Сервантесъ Сааведра.—Остроумно-изобрѣтательный идальго Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Полный переводъ съ испанскаго М. В. Ватсонъ. Ч. I. Спб. 1907. Цѣна за двѣ части 7 р.

Г-жа Ватсонъ предприняла первое на русскомъ языкѣ полное изданіе знаменитаго испанскаго романа, извѣстнаго русскимъ читателямъ по многочисленнымъ, но далеко не научнымъ переводамъ. Въ основу своей работы переводчица положила испанскій текстъ, изданный въ 1898 г. извѣстнымъ изслѣдователемъ Фицморисомъ Келли и признаваемый наиболѣе критическимъ и достовѣрнымъ, какъ очищенный отъ произвольныхъ позднѣйшихъ вставокъ и исправленій. Въ своемъ предисловіи г-жа Ватсонъ, извѣстная изслѣдовательница испанской литературы, сообщаетъ, что въ своемъ переводѣ она слѣдовала указанію самого Сервантеса—переводить „ничего не опуская и ничего не добавляя“, придерживаясь какъ можно ближе и точнѣе текста, передавая его дословно, насколько это позволяли особенности русскаго языка, стараясь при этомъ вездѣ сохранять и мѣстный колоритъ, и всѣ оттѣнки испанизмовъ. Для облегченія пониманія текста даны попутно примѣчанія преимущественно объяснительнаго свойства, на основаніи трудовъ лучшихъ комментаторовъ Сервантеса. Переводу предшествуетъ обстоятельный біографическій очеркъ, съ указаніемъ главнѣйшихъ источниковъ. Книга иллюстрирована многочисленными рисунками въ текстѣ и хромолитографіями.

Зѣленскій, проф., О.—Современное христіанство. Изъ жизни идей. Т. III. Спб. 907. Ц. 1 р. 80 к.

Авторъ подъ „современнымъ христіанствомъ“ разумѣетъ различныя формы религіозной мысли древнихъ, удовлетворявшія тѣ же потребности человѣческой души, что и христіанство, а потому соперничали съ нимъ и вступали въ борьбу. Въ настоящемъ томѣ изслѣдованы только тѣ изъ современныхъ христіанству, которыя были греческаго происхожденія, не подпали подъ вліяніе Рима или Востока; поэтому и авторъ раздѣлилъ ихъ на двѣ особыхъ группы: въ первой помѣщены статьи „Римъ и его религіи“; „Древнее христіанство и римская философія“; „Античная гуманность“; во вторую группу вошли: „Гермесъ Трижды-Величайшій“; „Елена Прекрасная“; „Умершая наука“. Отдѣльное мѣсто отъ этихъ двухъ группъ занимаетъ статья: „Трагедія вѣры“, первоначально написанная на нѣмецкомъ языкѣ. При всей серьезности темы и строго-научной обстановкѣ, трудъ автора, по своему изложенію, представляетъ большой интересъ и для широкой публики.

Павловъ, К., глазъ-хирургъ. — На Дальнемъ Востокѣ въ 1905 году. Изъ наблюденій во время войны съ Японіею. Съ иллюстраціями въ текстѣ. Спб. 907.

Авторъ былъ отлично приготовленъ для того дѣла, для котораго его командировали на Дальній Востокъ: онъ участвовалъ войну французовъ съ пруссаками въ 1870 году, былъ въ Черногоріи въ 1877 г., когда она боролась съ Турціею, и затѣмъ былъ и на нашей войнѣ съ Турціею за освобожденіе славянъ отъ ея ига. На японской войнѣ онъ провелъ четыре мѣсяца, послѣ сдачи Мукдена. Въ виду тѣсной связи его спеціальнаго дѣла, въ области военно-полевой хирургіи, съ общею обстановкою, въ которой приходилось дѣйствовать нашимъ боевымъ силамъ, авторъ не ограничился предметомъ своей спеціальности и занесъ въ свой трудъ наблюденія надъ всѣмъ видѣннымъ и испытаннымъ имъ на театрѣ русско-японской войны, „имѣющимъ для Россіи неподготовленной и какъ бы неожиданной, безъ всякихъ вліятельныхъ стремленій съ нашей стороны“. Въ заключеніе авторъ приходитъ къ убѣжденію, что „на войну, во всякомъ случаѣ, должно смотрѣть какъ на явленіе въ высшей степени прискорбное, напоминающее въ своемъ родѣ вандализмъ“.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1907 Г.

(Сорокъ-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫХОДИТЪ ВЪ ПЕРВЫХЪ ЧИСЛАХЪ КАЖДАГО МѢСЯЦА, 12 КНИГЪ ВЪ ГОДЪ, ОТЪ 28 ДО 30 ЛИСТОВЪ ОБЫКНОВЕННАГО ЖУРНАЛЬНАГО ФОРМАТА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь — Іюнь		Январь — Апрѣль	Іюль — Октябрь		
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и другихъ городахъ, съ перес. . 17 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ государ. почтов. союза . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	6 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка на полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Циммермана, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ П. В. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ П. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ П. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ указаніемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, съ (NB) *допускается* высылка журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородніе, доплачиваютъ 1 руб. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки журнала доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеозначенныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію этихъ Почтовыхъ Учрежденій, не ранѣе трехъ недѣль со времени слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала выдаются безпосредственно тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые пришлютъ въ редакцію сумму 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас.-Остр., Академич. пер., 7

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE JUL 12 1916

MAY 4 - '61 H

MAR 21 '63 H

405188

Canceled

FEB 22 '72 H